

КОНН
ИГГУЛЬДЕН

ВОСХИТИТЕЛЬНО-
УВЛЕКАТЕЛЬНЫЕ
ИСТОРИЧЕСКИЕ
РОМАНЫ.

BOOKLIST

ПОЛЕ
МЕЧЕЙ
БОГИ
ВОЙНЫ

Annotation

Восстание Спартака потерпело крах. Юлий Цезарь и Марк Брут возвращаются из римских колоний в Испании, чтобы бросить вызов могущественным сенаторам и стать консулами Рима. Но имперские воззрения Цезаря, безудержное стремление к лидерству и грандиозные амбиции неумолимо отдаляют его от друга. Перед ними – Рубикон, перейти который означает бросить вызов самому Риму. А еще им предстоит решить, пойдут ли они дальше вместе, или пришло время каждому выбрать собственный путь?..

53 год до н. э. Одержав победу в Галлии, Юлий Цезарь ведет свои закаленные в боях легионы через реку Рубикон. Великий стратег Помпей застигнут врасплох и вынужден покинуть город. Армиям Рима предстоит столкнуться друг с другом в гражданской войне под предводительством двух величайших полководцев из всех, когда-либо ходивших по семи холмам. Жребий брошен, Цезарь неумолимо стремится к уготованной ему бессмертной славе, не ведая, что совсем скоро его будущее окажется в руках его друга Брута и египетской царицы Клеопатры – матери единственного сына Цезаря...

-
- [Конн Иггульден](#)
 -
 - [Поле мечей](#)
 - [Часть первая. Заговор](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)

- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)
- [Глава 21](#)
- [Часть вторая. Галлия](#)
 - [Глава 22](#)
 - [Глава 23](#)
 - [Глава 24](#)
 - [Глава 25](#)
 - [Глава 26](#)
 - [Глава 27](#)
 - [Глава 28](#)
 - [Глава 29](#)
 - [Глава 30](#)
 - [Глава 31](#)
 - [Глава 32](#)
 - [Глава 33](#)
 - [Глава 34](#)
 - [Глава 35](#)
 - [Глава 36](#)
 - [Глава 37](#)
 - [Глава 38](#)
 - [Глава 39](#)
 - [Глава 40](#)
 - [Глава 41](#)
 - [Глава 42](#)
 - [Глава 43](#)
 - [Глава 44](#)
 - [Глава 45](#)
 - [Глава 46](#)
 - [Историческая справка](#)

- [Благодарности](#)
- [Боги войны](#)
 - [Часть первая](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)
 - [Глава 15](#)
 - [Глава 16](#)
 - [Глава 17](#)
 - [Глава 18](#)
 - [Глава 19](#)
 - [Глава 20](#)
 - [Глава 21](#)
 - [Глава 22](#)
 - [Глава 23](#)
 - [Часть вторая](#)
 - [Глава 24](#)
 - [Глава 25](#)
 - [Глава 26](#)
 - [Глава 27](#)
 - [Глава 28](#)
 - [Глава 29](#)
 - [Глава 30](#)
 - [Глава 31](#)
 - [Часть третья](#)
 - [Глава 32](#)

- [Глава 33](#)
 - [Глава 34](#)
 - [Глава 35](#)
 - [Историческая справка](#)
 - [Благодарности](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
-

Конн Иггульден
Поле мечей. Боги войны
Третий и четвертый романы цикла
«Император»

Conn Iggulden
The Field of Swords
The Gods of War

© А. С. Коноплев, перевод, 2006

© Е. А. Савосина, перевод, 2008

© С. В. Шикин, иллюстрация на обложке, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская
Группа „Азбука-Аттикус“», 2023

Издательство Азбука®

* * *

Поле мечей

Посвящаю книгу дочери Майе и жене Элле

Часть первая. Заговор

Глава 1

Юлий стоял у открытого окна и смотрел на холмы Испании. Заходящее солнце отсвечивало золотом на далекой гряде гор, которая, казалось, висит в воздухе, ни на что не опираясь. За спиной то усиливался, то стихал гул голосов, не мешавших мыслям Цезаря. В воздухе витал аромат жимолости; он щекотал ноздри, и Юлий чувствовал сладость во рту. Подул ветерок, и восхитительный запах исчез.

День получился длинным. Проведя по глазам ладонью, Цезарь почувствовал, как его накрывает волна усталости, похожая на плотную черную воду. Голоса в комнате перемешивались с поскрипыванием стульев и шелестом карт. Сколько сотен вечеров он провел с этими людьми в зале на верхнем этаже крепости? У них вошло в привычку собираться в конце каждого дня, и, даже если нечего было обсудить, они сходились вместе, чтобы выпить и поговорить. Так римляне старались не забыть о родине, хотя видели свои дома в последний раз более четырех лет назад.

Поначалу Юлий с головой ушел в проблемы легиона и вспоминал о Риме не чаще раза в месяц. Дни текли, он вставал и ложился с солнцем, а Десятый легион строил города среди диких пустошей. В Валенсии, на побережье, они с помощью извести, дерева и красок создали почти новый город вместо старого. Легионеры прокладывали дороги и строили мосты, позволяющие поселенцам обживать дикие холмы.

В эти первые годы Цезарь трудился самозабвенно, с неистощимой энергией, радуясь усталости, которая не давала разгуляться воспоминаниям. А потом он ложился спать и видел во сне Корнелию. В такие ночи Юлий вскакивал с мокрой от пота постели и ехал проверять посты, неожиданно появляясь перед часовыми из темноты. Однако добился он только того, что солдаты стали такими же нервными и усталыми, как и он сам.

Словно для того, чтобы развеять его равнодушие, римские изыскатели нашли в двух новых шурфах золото – богатейшее месторождение, равного которому еще не встречали. Желтый металл имел свою притягательность; однако, когда на стол Юлия высыпали первый улов, он посмотрел на него, ощутив ненависть ко всему, что олицетворяет собой золото. Он пришел в Испанию с пустыми руками, но страна понемногу раскрывала свои секреты, и сокровища вызвали из памяти воспоминания о Риме и жизни, которая почти забылась.

Цезарь вздохнул. Испания оказалась настоящей кладовой несметных богатств, которую не хотелось покидать, но какая-то его часть понимала, что он больше не должен терять здесь время. Жизнь слишком ценна и коротка, чтобы бездарно ее тратить.

В комнате было тепло от жара тел собравшихся людей. На невысоких столах разложили карты новых рудников. Юлий слышал спор Рения и Брута, гулкое похихатывание Домиция. Молчал только великан Цирон. Все просто коротали время, ожидая, когда к ним присоединится Цезарь. Хорошие люди... Каждый сражался с ним против врагов, был рядом в печали, и временами Юлий думал о том, что с ними можно пройти весь мир. Они заслуживали лучшей доли, чем ссылка в Испанию, и Цезарь с болью видел, с каким искренним сочувствием они смотрят ему в глаза. Он считал, что сам достоин только презрения за то, что привел их сюда и загрузил черной работой.

Будь жива Корнелия, он взял бы ее с собой в Испанию. Можно было начать все заново, вдали от интриг Рима...

Юлий повесил голову; его лица коснулся вечерний ветерок. Бывали дни, когда он вообще не вспоминал о старой боли. Потом чувство вины всплывало, и сны становились кошмарными, словно в наказание за допущенную ошибку.

– Цезарь! У дверей стоит стражник, он спрашивает тебя, – произнес Брут, коснувшись его плеча.

Юлий кивнул и повернулся к людям, собравшимся у столов, отыскивая глазами стражника.

Легионер нервничал, поглядывая на присутствующих. Очевидно, он их побаивался.

– Что случилось? – спросил Юлий.

Встретив взгляд командира, солдат сглотнул. Холодные глаза на жестком худом лице Цезаря смотрели недобро, и легионер заговорил,

слегка заикаясь:

– У ворот молодой испанец, легат. Говорит, что вы его ищете.

Разговоры в комнате стихли, и стражник почувствовал, что ему хочется оказаться подальше от этих пристальных взглядов.

– Ты проверил, при нем нет оружия? – спросил Юлий.

– Проверил, легат.

– Тогда пропусти его ко мне. Я хочу поговорить с человеком, который причинил нам столько неприятностей.

Стоя у дверей, Юлий ждал, пока не появился испанец. Одежда была явно мала для его угловатого костлявого тела, а по лицу Цезарь видел, что молодой человек только переступает черту, отделяющую юношу от мужчины. Вместе с тем он отметил волевой подбородок и открытый взгляд.

Их глаза встретились.

– Как твое имя, парень? – спросил Юлий.

– Адан, – произнес испанец.

– Это ты убил моего офицера? – недоверчиво спросил Цезарь.

Юноша замер, потом кивнул. На его лице отразилась борьба страха с решимостью. Он чувствовал, что на него устремлены взоры всех присутствующих, и решимость дрогнула. Испанец еще мог выйти из комнаты, но тут стражник подтолкнул его через порог.

– Подожди внизу, – велел Юлий легионеру, внезапно раздражаясь.

Адан не захотел опустить головы под враждебными взорами римлян, хотя никогда в жизни не боялся так, как сейчас. Пока Цезарь закрывал дверь за его спиной, испанец молча ругал себя за малодушие. Он смотрел, как военачальник усаживается перед ним, и чувствовал растущий ужас. Как стоять? Опустив руки по швам?.. Неожиданно они стали неловкими, мешали ему, и он сцепил пальцы за спиной.

Тишина стала невыносимой. Адан с трудом сглотнул. Он очень не хотел показать, что боится.

– Ты правильно сделал, что назвал свое имя. Ты меня понимаешь? – задал вопрос Юлий.

Адан провел шершавым языком по пересохшим губам.

– Понимаю, – ответил он.

По крайней мере голос не дрожит, как у мальчишки.

Испанец слегка расправил плечи и взглянул на остальных римлян, едва не вздрогнув от их откровенно враждебных взглядов. Особенно

зло смотрел однорукий здоровяк, больше похожий на медведя. Он только что не рычал от ярости.

– Ты сказал страже, что мы тебя ищем, что именно ты убил легионера, – произнес Цезарь.

Адан перевел взгляд на него.

– Да, я сказал. Я его убил, – отрывисто ответил испанец.

– Ты его мучил, – добавил Юлий.

Адан снова сглотнул. Когда он шел по полям к крепости, то представлял себе эту сцену, но сейчас не мог вести себя с гордой непокорностью, как намеревался. Ему казалось, что он исповедуется отцу, и изо всех сил старался не выдать стыда.

– Негодяй пытался изнасиловать мою мать. Я увел его в лес. Она хотела остановить меня, но я не послушал, – деревянным голосом произнес испанец, стараясь вспомнить заготовленные слова.

Кто-то из римлян выругался. Адан не мог оторвать глаз от военачальника. Он почувствовал смутное облегчение оттого, что все рассказал ему. Теперь его убьют, а родителей освободят.

Не надо было думать о матери... На глазах закипели слезы, Адан сердито сморгнул их. Она не одобрила бы слабости, проявленной перед чужаками.

Юлий наблюдал за юношей. Молодой испанец заметно напуган, и не без основания. Стоит только приказать, и Адана выволокут во двор и казнят перед строем солдат. На том все и закончится.

Цезарь уже собирался поднять руку, однако что-то помешало ему.

– Почему ты сдался, Адан?

– Мою семью забрали для допроса. Они ни в чем не виноваты. Вам нужен только я.

– Думаешь, твоя смерть их спасет?

– Они не сделали ничего дурного.

Юлий поднес ладонь к лицу, потер бровь и, задумавшись, опустил руку на подлокотник.

– Когда я был еще моложе тебя, Адан, меня поставили перед римлянином, которого звали Корнелий Сулла. Он убил моего дядю и разрушил все, что я любил в этом мире. Он сказал, что отпустит меня, если я откажусь от жены и опозорю ее с отцом. Он обожал такие мерзкие делишки.

Какое-то время Цезарь всматривался в невообразимо далекое прошлое, и Адан почувствовал, как на лбу выступил пот. Почему ему говорят об этом? Он уже сознался, чего от него хотят? Несмотря на страх, в Адане шевельнулся интерес. Оказывается, не все римляне на одно лицо. Для него стало откровением известие, что среди них существует соперничество и вражда.

– Я возненавидел того человека, Адан, – продолжал Юлий. – Будь у меня оружие, я не задумываясь пустил бы его в ход, хотя речь шла о моей жизни. Полагаю, тебе знакомо чувство подобной ненависти.

– Ты не отказался от своей жены? – спросил испанец.

Услышав неожиданный вопрос, Юлий заморгал, потом горько улыбнулся:

– Нет, не отказался, и он позволил мне жить. Пол у ног диктатора был залит кровью людей, которых убивали и мучили по его приказу, и все же он сохранил мне жизнь. Я часто задавал себе вопрос – почему?

– Он решил, что ты не опасен, – произнес Адан, удивляясь собственной смелости в разговоре с римским военачальником.

Юлий задумчиво покачал головой:

– Сомневаюсь. Я предупредил его, что посвящу свою жизнь борьбе с ним, если меня отпустят.

Он чуть не начал рассказывать, как его друг отравил диктатора, но об этом не следовало знать никому, даже собравшимся в комнате.

Цезарь пожал плечами:

– В конце концов он умер от чьей-то руки. Жаль, что это сделал не я. И жаль, что не увидел, как свет жизни померк в его глазах.

Адан заметил, как во взоре римлянина сверкнул огонь, и отвел взгляд в сторону. Он поверил, и мысль о том, что этот человек сейчас пошлет его на смерть, заставила юношу содрогнуться.

Юлий надолго замолк, и Адан почувствовал слабость от напряжения.

Когда римлянин заговорил снова, голова испанца дернулась.

– В здешней тюрьме и в Валенсии содержатся убийцы. Одного из них повесят и за его преступление, и за твое. А тебя я прощаю. Я поставлю свою подпись под помилованием, и ты вернешься домой вместе с семьей, но больше не привлекай моего внимания.

Рений недоуменно фыркнул.

– Я хотел бы сказать тебе пару слов с глазу на глаз, легат, – прорычал он, злобно взглянув на Адана.

Молодой испанец стоял, открыв рот от изумления.

– Не надо, Рений. Я принял решение и не изменю его, – ответил Цезарь, не глядя на старого воина.

Он перевел взгляд на юношу, чувствуя, что с души свалился камень. Юлий был уверен, что поступает правильно. Он увидел свое отражение в глазах испанца, и снова нахлынули воспоминания.

Как пугающе выглядел тогда Сулла... Адану суровый римлянин в металле доспехов должен показаться таким же безжалостным. Он чуть не послал молодого испанца на смерть, и того зарезали бы, или сожгли, или приколотили гвоздями к воротам, как поступал со своими врагами Сулла. По иронии судьбы давний каприз диктатора спас Адану жизнь: Юлий вовремя спохватился, не огласил смертный приговор и задумался над тем, что происходит. Он не хочет, чтобы люди, живущие в этой стране, ненавидели его. Если использовать только силу, не хватит столетий, чтобы завоевать их доверие.

– Надеюсь, ты не упустишь своего шанса, Адан. Второго я тебе не предоставлю.

Испанец едва не разрыдался. Он приготовился к смерти, а получил сразу и жизнь, и свободу – это было слишком.

Адан бессознательно шагнул к Юлию и опустился на одно колено так быстро, что никто не успел помешать ему.

Цезарь наклонил голову, пристально вглядываясь в лицо молодого испанца.

– Мы не враги, Адан. Запомни это. Я должен подготовить документ о помиловании. Подожди меня внизу, – сказал он.

Юноша встал, в последний раз посмотрел в холодные глаза римлянина и вышел из комнаты.

Закрыв дверь, он привалился к стене и вытер пот с лица. Адан был ошеломлен, но чувствовал огромное облегчение и с жадностью вдыхал холодный чистый воздух. И все-таки не мог понять, почему его пощадили.

Стражник у подножия лестницы поднял голову и всмотрелся в неподвижную фигурку, прилипшую к темной стене.

– Ну что, пришел точить ножи, парень? – бросил он испанцу.

– Не сегодня, – ответил Адан и с удовольствием увидел недоумение в лице солдата.

Аккуратно наполнив чашу из амфоры, Брут вложил ее в руку Юлия.

– Ты объяснишь нам, почему отпустил его? – спросил он.

Залпом выпив вино, Цезарь вернул чашу Бруту.

– Потому что юноша вел себя мужественно, – произнес он просто. Рений поскреб щетину на подбородке.

– Ты понимаешь, что теперь он прославится по всей округе? Парень превратится в героя, который стоял перед нами и выжил. Возможно, его сделают мэром, когда умрет старый Дель Субио. Вокруг него сплотится молодежь, и однажды...

– Хватит, – оборвал Цезарь. От хмельного напитка у него разгорелось лицо. – Как бы ты ни хотел, меч не может ответить на все вопросы. Мы должны жить с ними, не посылая наших людей парами, не ожидая удара из-за угла или засады в темном переулке. – Подыскивая нужные слова, Юлий жестикулировал, стараясь точнее выразить мысль. – Они должны стать такими же римлянами, как и мы, готовыми умереть за наши цели в борьбе против наших врагов. Помпей указал нам путь, когда набрал здесь легионы. Я говорил искренне: мы не враги. Можете вы это понять?

– Я понимаю, – неожиданно густым басом произнес Цирон, опередив ответ Рения.

Лицо Юлия засветилось от вдохновения.

– Вот оно! Цирон не был рожден в Риме, но добровольно присоединился к нам и стал римлянином. – Он лихорадочно искал слова: мозг работал быстрее, чем язык. – Рим... это скорее идея, чем кровь. Мы должны сделать так, чтобы для Адана разрыв с нами стал подобен утрате сердца. Весь вечер он будет думать, почему его не убили. Испанец считал, что после убийства римского солдата не может быть и речи о правосудии. Он расскажет о том, что произошло, и те, кто колеблется, задумаются. Вполне достаточная причина для пощады.

– Если только он не убил ради развлечения, – заметил Рений, – и не станет говорить приятелям, что мы слабы и недалеки умом.

Воин шагнул к Бруту, взял у него амфору и наполнил свой кубок, зажав тот в локте культи. От раздражения рука дрогнула, вино

пролилось на пол.

Юлий посмотрел на него, сузив глаза. Потом глубоко вздохнул, стараясь подавить закипавший гнев:

– Я не стану Суллой или Катонем. По крайней мере это ты можешь понять, Рений? Я не хочу править с помощью страха и ненависти и проверять каждое блюдо на наличие яда. Это ты понимаешь?

Голос Цезаря звучал все громче, и старый воин повернул к нему лицо, начиная сознавать, что зашел слишком далеко.

Юлий, излучая волны гнева, поднял сжатый кулак:

– Если прикажу, Цирон вырежет для меня твое сердце, Рений. Он был рожден на берегах другой страны, но он римлянин. Он солдат Десятого. И мой солдат. Я управляю им не страхом, а любовью. Ты это понимаешь?..

Рений остолбенел:

– Я знаю, конечно, ты...

Юлий остановил его движением руки, почувствовав укол боли в переносице. Гнев моментально исчез, уступив место страху перед припадком, который может произойти у всех на глазах, и он ощутил себя усталым и опустошенным.

– Оставьте меня все. Пусть придет Кабера. Прости мой гнев, Рений. Мне нужно было поспорить с тобой, чтобы разобраться в собственных мыслях...

Рений кивнул, принимая извинение, и вышел вместе с остальными, оставив Цезаря в одиночестве.

Вечерние сумерки сгустились в ночную тьму, и Юлий зажег светильники. Потом встал у открытого окна, прижавшись лицом к холодному камню стены. В голове пульсировала боль, и он негромко застонал, растирая виски круговыми движениями, как учил его Кабера.

Как много надо сделать, и все время где-то внутри звучит насмешливый голос. Неужели он прячется в этих холмах? Когда-то он мечтал стоять в здании сената, но сейчас ему туда не хочется. Корнелия умерла, Тубрук тоже. Дочь растет чужой, живет в доме, в котором за шесть лет он провел одну ночь. Были времена, когда он мечтал стать сильным и мудрым, чтобы бороться с такими, как Сулла и Помпей, а теперь его тошнит от одной мысли о возвращении к играм,

связанным с властью. Нет, наверняка лучше построить дом в Испании, найти здесь женщину и никогда больше не видеть своего поместья.

– Я не могу вернуться, – произнес Цезарь вслух надтреснутым голосом.

Рений нашел Каберу в конюшне. Лекарь вскрывал опухоль, которую обнаружил возле копыта боевого коня. Казалось, лошади понимали, что он старается помочь им, и даже самые своенравные животные вели себя спокойно, стоило Кабере пробормотать несколько ласковых слов и похлопать их по шее.

Они были одни, и Рений ждал, пока Кабера иглой вскрыет опухоль и выдавит гной, пальцами массируя ткани у копыта животного. Лошадь вздрагивала, словно ей докучали мухи, но кони никогда не лягали Каберу, и нога животного в руках лекаря оставалась расслабленной.

– Он зовет тебя, – сообщил Рений.

Кабера посмотрел на однорукого:

– Пожалуйста, передай мне вон тот горшочек.

Рений передал ему горшок с густым дегтем, чтобы лекарь мог запечатать рану, и молча наблюдал, как тот работает.

Замазав копыто, Кабера повернулся к гладиатору и серьезно посмотрел на него:

– Ты беспокоишься о Юлии...

Рений пожал плечами:

– Здесь он себя убивает. Конечно, я переживаю. Цезарь совсем не спит, работает над своими картами. Я... кажется, я уже не могу поговорить с ним, чтобы разговор не вылился в спор.

Протянув руку, Кабера сжал железный бицепс Рения.

– Он знает, что ты будешь рядом, когда потребуешься, – сказал старик. – Сегодня я дам ему снотворное. Возможно, и тебе оно не помешает. Ты выглядишь усталым.

Рений покачал головой:

– Просто сделай для него что можешь. Он заслуживает лучшей доли, чем эта.

Кабера посмотрел в спину однорукому воину, который уходил во тьму.

– Хороший ты человек, Рений, – произнес он тихо, чтобы друг не услышал.

Глава 2

Сервилия стояла у поручней небольшого торгового корабля и смотрела, как постепенно увеличиваются крошечные фигурки суетящихся в доках людей. Порт Валенсии был переполнен лодками, и капитану пришлось несколько раз отгонять от судна рыбацкие барки, так и норовившие подойти вплотную. Однако это не помогало, и Сервилия лишь улыбнулась, наблюдая, как еще один молодой испанец протягивает только что пойманную большую рыбу и выкрикивает цену. От ее глаз не ускользнуло, как ловко юноша балансирует, удерживая равновесие на волнах; вся его одежда состояла из обвязанного вокруг пояса куска ткани да прикрепленного к ремню кинжала. Что и говорить, рыбак был необычайно хорош собой.

Капитан снова сердито замахал руками, однако тщетно, так как юноша протягивал добычу мило улыбавшейся ему женщине.

– Я куплю у него рыбу, капитан, – коротко заметила Сервилия.

Римский купец насупился, сердито сдвинув густые брови.

– Деньги, конечно, ваши, но в порту будет куда дешевле, – возразил он.

Красавица похлопала хозяина по плечу, и недовольство его тут же растворилось в смущении.

– Как бы то ни было, сейчас очень жарко, и после стольких дней на борту я предпочла бы что-нибудь свежее.

Капитан сдался и сбросил рыбаку канат. Тот крепко привязал его к сети и ловко вскарабкался на палубу, с легкостью переметнувшись через перила. Молодой испанец казался почти черным от загара и закаленным постоянными трудами. На смуглой коже искрами блестела морская соль. Низко поклонившись в знак благодарности за внимание, он начал втягивать на борт свою сеть. Сервилия внимательно, со знанием дела наблюдала, как играют на плечах и спине крепкие мускулы.

– А лодочка твоя не уплывет? – поинтересовалась она.

Испанец открыл было рот, чтобы что-то ответить, но в этот момент капитан презрительно фыркнул:

– Боюсь, вам не удастся побеседовать. Он наверняка понимает только по-своему. У них здесь и школ-то толком нет, придется нам строить.

От глаз Сервилии не ускользнул гневный взгляд юноши, внимательно слушавшего все, что говорит капитан. От сети к лодке тянулась тонкая веревка, и одним ловким движением рыбак закрепил ее на поручне, а потом, словно отвечая на вопрос Сервилии, постучал по узлу пальцем.

В сети извивалась и кишела плотная масса какой-то темно-синей рыбы, и Сервилия невольно вздрогнула и отступила на несколько шагов назад, будто стремясь отойти как можно дальше от неприятного зрелища. Рыбак улыбнулся такой брезгливости и вытащил за хвост крупную рыбину. Она оказалась длиной почти с его руку и еще живой – отчаянно дергаясь, отвратительное создание к тому же бешено вращало глазами. Синяя чешуя была блестящей и безупречно гладкой, а вдоль спины, от хвоста к голове, тянулась еще более темная полоса. Сервилия кивнула и подняла руку, показывая пять пальцев.

– Капитан, пять штук вашей команде хватит? – уточнила она.

Римлянин проворчал что-то одобрителное и свистом подозвал двух подчиненных, чтобы те забрали покупку.

– Несколько медных монеток вполне достаточно, госпожа, – посоветовал он.

Сервилия расстегнула стягивающий талию широкий пояс и достала деньги. Выбрала серебряный динарий и протянула его рыбаку. Тот поднял брови и достал из сети еще одну, самую большую рыбу, а потом затянул веревку. С выражением триумфатора взглянул на капитана и развязал узел на поручне, а потом перелез через него и нырнул в прозрачную голубую воду бухты. Сервилия, наклонившись, ждала, пока юноша покажется на поверхности. Вот наконец она его увидела и радостно рассмеялась, наблюдая, как ловко, сверкая на солнце, почти как рыба, красавец снова залез в свою лодчонку. Он втянул сеть на борт и помахал рукой.

– Какое прекрасное начало, – негромко произнесла Сервилия.

Капитан в ответ пробормотал что-то невнятное.

Державшие рыбу моряки достали из стоявшего на палубе сундука тяжелые деревянные дубинки и, прежде чем Сервилия поняла, что они делают, начали с силой бить по блестящим рыбьим головам. От этих

ударов вращающиеся глаза моментально исчезли, вся палуба оказалась забрызгана кровью. Одна капля даже попала на руку госпоже, и красавица поморщилась. Зато моряки явно наслаждались процедурой: так оживленно они не вели себя за все время плавания из Остии в Валенсию. Убийство будто вселяло в них жизненные силы – занимаясь своим грязным делом, они смеялись и шутили.

Наконец избиение закончилось. Вся палуба была покрыта кровью и серебряной рыбьей чешуей. Матросы спустили за борт полотняное ведро и старательно вымыли деревянный настил.

– В порту очень много кораблей, госпожа, – произнес капитан, щурясь от солнца. – Я, конечно, постараюсь встать на якорь как можно ближе, однако все равно придется ждать несколько часов, пока в доках освободится место.

Сервилия с тоской взглянула на Валенсию – неожиданно отчаянно захотелось ощутить под ногами землю.

– Вам виднее, капитан, – промолвила она в ответ.

Нависающие над портом горы заполнили горизонт; на фоне темно-синего неба они переливались всеми цветами радуги, от зеленого до красного. Где-то там, за горами, ее сын Брут. Как приятно будет наконец-то встретиться с ним!.. Стоило Сервилии подумать о молодом человеке, его друге, как сердце сжалось почти до боли. Интересно, каким он стал? Как изменили его годы? Римлянка бессознательно провела рукой по волосам, приглаживая выбившиеся от влажного морского ветра непослушные локоны.

К тому времени как римскому торговому судну удалось пробиться сквозь плотные ряды стоящих на якоре кораблей и войти в доки, вечер уже приглушил жаркое дневное солнце, окутав все вокруг серой дымкой. Сервилия взяла с собой в путешествие трех самых красивых из своих девушек, и сейчас они стояли на палубе рядом с госпожой и смотрели, как матросы кидают канаты портовым рабочим, а потом осторожно на веслах подходят к массивным деревянным бимсам. Дело казалось сложным, но капитан проявил недюжинный опыт и сноровку, отдавая короткие, четкие приказы и дублируя их красноречивыми жестами.

В воздухе витало радостное нетерпение; девушки весело смеялись и шутили. Сервилия не мешала молодежи развлекаться. Всех трех девушек работа еще не лишила веры в любовь. Больше того, самая

молодая из них – Ангелина – постоянно влюблялась в клиентов, и почти каждый месяц кто-нибудь предлагал выкупить ее, намереваясь жениться. Но названная цена почему-то всегда поражала, и Ангелина несколько дней дулась – до тех пор, пока кто-нибудь еще не завоевывал ее сердце.

Девушки были одеты скромно, словно дочери состоятельного, благовоспитанного семейства. Сервилия чрезвычайно пеклась об их безопасности, прекрасно понимая, что даже короткое морское путешествие вселяет в мужчин чувство свободы на грани безответственности, а это может привести к неприятностям. Платья были сшиты так, чтобы скрыть соблазнительные линии юных тел, однако в сундуках хранились и более откровенные наряды. Если все, о чем писал Брут, окажется правдой, то работы здесь будет хоть отбавляй, и три красавицы окажутся первыми в том доме, который она, Сервилия, собирается купить. Те моряки, которые сейчас ворчат, перетаскивая из трюмов на палубу тяжелый багаж, и представить себе не могут, сколько золота ожидает его хозяек.

От приятных мыслей Сервилию отвлек внезапный вскрик Ангелины. Хозяйка успела заметить поспешно удаляющегося матроса и довольное выражение на лице проказницы – да, хорошо, что плавание уже позади.

Капитан крикнул докерам, чтобы те закрепили канаты, и матросы радостно оживились, предвкушая удовольствия, которые сулил берег. Сервилия встретила взглядом с капитаном. Тот шел к ней, и выражение его лица было куда более любезным, чем обычно.

– Разгрузиться мы сможем только утром, – произнес капитан. – Если хотите сойти на берег и ночевать там, могу порекомендовать несколько подходящих мест. А насчет багажа – у меня здесь живет родственник, по сходной цене он даст столько повозок, сколько нужно.

– Спасибо, капитан. Плавание прошло просто прекрасно.

Сервилия улыбнулась и с удовольствием отметила, как покраснел собеседник. Приятно, что не только у Ангелины на корабле появились поклонники, подумала она.

Капитан откашлялся, явно собираясь сказать что-то еще. Он заметно нервничал:

– Я сегодня обедаю один. Может быть, вы согласитесь составить мне компанию? С берега пришлют свежие продукты, много фруктов,

так что стол окажется гораздо лучше, чем обычно.

Сервилия положила руку на плечо мужчины и сквозь ткань одежды ощутила жар его тела.

– Боюсь, придется отложить удовольствие до другого случая. Я хочу до рассвета отправиться дальше. Не могли бы вы выгрузить мой багаж в первую очередь? Я договорюсь с легионерами об охране – до тех пор, пока не загрузим все в повозки.

Капитан кивнул, пытаясь скрыть разочарование. Первый помощник сказал, что пассажирка – шлюха, однако он почему-то чувствовал, что предложить ей деньги нельзя: это приведет к страшному унижению. На какое-то мгновение капитан вдруг показался таким одиноким, что Сервилия даже подумала, не поручить ли Ангелине поднять ему настроение. Маленькая блондиночка явно отдавала предпочтение мужчинам в возрасте: ведь им так легко угодить и они всегда так благодарны. Однако он может и отвергнуть предложение. Люди его лет, как правило, любят получать удовольствие в обществе зрелых женщин, и простоватая откровенность этой девочки, пожалуй, вызовет лишь неловкость.

– Ваши сундуки окажутся на пристани в первую очередь, госпожа. Мне было приятно провести время плавания с вами.

Капитан задумчиво наблюдал, как пассажирка поднимается на причал. Матросы собрались на палубе, готовые предложить помощь молоденьким красавицам, и хозяин смерил их суровым взглядом. Однако, на секунду задумавшись, отправился вслед за Сервилией, понимая, что помощь действительно понадобится.

Юлий настолько погрузился в работу, что едва обратил внимание на стук в дверь. Пришел охранник.

– В чем дело?

Легионер поднял руку в обычном приветствии, однако не смог скрыть волнения:

– Наверное, господин, тебе лучше спуститься к воротам и увидеть все собственными глазами.

Удивленно подняв брови, Юлий пошел вниз по лестнице вслед за солдатом в залитый ярким полуденным солнцем двор. Легионеры столпились возле ворот, явно возбужденные. На лицах некоторых застыло характерное выражение людей, изо всех сил пытающихся

сдержат улыбку. Это веселье и жара в придачу лишь подлили масла в огонь дурного расположения – полководец с утра был не в духе.

За распахнутыми воротами стояла целая вереница тяжело нагруженных и покрытых дорожной пылью повозок. Вокруг собралось человек двадцать легионеров. Слегка прищурившись, Юлий узнал среди них воина, еще вчера командированного по делам в порт, и настроение стало еще хуже. Легионеров покрывала точно такая же пыль, какая лежала на повозках, а это означало, что они прошли пешком всю дорогу.

Юлий бросил на них огненный взгляд.

– Что-то не припомню, чтобы я отдавал приказ сопровождать портовые грузы! – резко бросил он. – Надеюсь, у вас имеется очень веский повод послушаться и покинуть пост. Самому мне не приходит на ум ничего серьезного.

Старший из легионеров побледнел – это было заметно даже под слоем пыли.

– Эта особа, господин... – начал он.

– Что? Какая особа? – прервал Юлий, теряя терпение при виде нерешительности воина. И тут услышал голос, заставивший вздрогнуть: он сразу узнал его.

– Я сказала людям, что ты наверняка не будешь возражать, если они помогут твоей давней подруге.

Сервилия спустилась из крытой повозки и шла к нему.

На какой-то момент Юлий потерял дар речи. Темные волосы женщины разметались на ветру – зрелище настолько прекрасное, что невозможно оторвать взгляд. В окружении мужчин она держалась спокойно, уверенно и с достоинством, хорошо сознавая произведенное впечатление. Она гордо выступала в дорогом коричневом платье, оставлявшем открытыми и шею, и руки. Драгоценностей на Сервилии не было, если не считать простой золотой цепочки с кулоном, скромно прятавшимся в пышных складках на груди.

– Сервилия, думаю, тебе не стоило злоупотреблять дружбой, – сухо выдавил из себя полководец.

Женщина пожалала плечами и улыбнулась, словно пустяку:

– Надеюсь, ты не накажешь подчиненных. Сам знаешь, без охраны в доках опасно, а кого еще я могла попросить?

Юлий долго смотрел на непрошеную гостью, потом перевел взгляд на старшего из легионеров. Тот, несомненно, слышал разговор и теперь стоял с напряженным видом человека, не ожидающего ничего хорошего.

– Я понятно отдал приказ?

– Да, господин.

– Значит, и тебе, и твоим людям предстоят два внеочередных караула. Твое звание должно вселять чувство ответственности, разве не так?

– Так точно, – подтвердил несчастный легионер.

Юлий кивнул:

– Когда освободишься, доложишь центуриону, что я приказал тебя выпороть. Двадцать плетей с занесением имени в черный список. А теперь бегом обратно! Быстро!

Легионер четко отсалютовал и развернулся.

– Кругом! – скомандовал он отряду. – Бегом в порт!

В присутствии Юлия никто не осмелился издать ни звука, хотя все настолько устали, что обратный путь по жаре, да еще бегом, мог оказаться серьезным испытанием.

Юлий провожал отряд взглядом до тех пор, пока тот не скрылся за поворотом, и лишь потом повернулся к Сервилии. Женщина стояла неподвижно, тщетно пытаясь скрыть удивление и чувство вины: разве она могла подумать, что невинная просьба приведет к таким суровым последствиям?

– Ты приехала навестить сына? – хмуро поинтересовался полководец. – Он сейчас на учениях и к вечеру освободится.

Взгляд в сторону запряженных ревущими волами повозок выдал нерешительность: чему уступить – раздражению или требованиям законов гостеприимства? После долгого молчания Юлий наконец сдался:

– Входи, подожди Брута. Я распоряжусь, чтобы напоили животных и принесли тебе еды.

– Благодарю за любезность.

Сервилия попыталась скрыть неловкость улыбкой. Трудно было не заметить произошедшую в молодом военачальнике перемену. Конечно, весь Рим прекрасно знал, что Юлий потерял жену, однако этот человек совсем не походил на того, которого она знала раньше.

Темные круги вокруг глаз говорили не только об усталости. Во время последней встречи он готов был сразиться со Спартаксом, да и вообще тот огонь, который горел в его душе, казался неугасимым. Сейчас все исчезло – как жаль!

В это мгновение из последней повозки выпрыгнула Ангелина и, что-то крича, замахала рукой. При звуке звонкого девичьего голоса и Сервилия, и Юлий замерли.

– Кто это? – Юлий прищурился против солнца.

– Всего лишь компаньонка. В дороге меня сопровождают три молодые особы.

Что-то в тоне, которым были произнесены эти слова, заставило Юлию взглянуть с подозрением:

– Они...

– Я же сказала – компаньонки, – беспечно повторила Сервилия. – И очень хорошие девушки. – А про себя добавила, что за щедрую плату малышки могут быть просто превосходны.

– Я поставлю к их двери караульного. Мужчины не привыкли... – Юлий помолчал, словно подыскивая подходящие слова. – Да, охрана действительно может понадобиться.

К огромному удовольствию Сервилии, Юлий густо покраснел. Хороший знак. Где-то глубоко в его душе еще теплится жизнь. От предвкушения охоты ноздри куртизанки едва заметно затрепетали. Она внимательно, закусив от удовольствия пухлую нижнюю губу, наблюдала, как Юлий повернулся и пошел обратно, чуть помедлив в воротах. Не так уж она и стара, в конце концов, заметила про себя Сервилия, проведя рукой по спутавшимся волосам.

Брут расправил плечи: до форта оставалось всего несколько миль. Его отборная центурия неотступно следовала за ним, и, оглядываясь, Брут с нескрываемой гордостью и справа, и слева видел своих молодцов на сильных, отлично выученных лошадях. По правую руку, вровень с центурионом, скакал верный Домиций, а Октавиан следовал чуть сзади, во главе отряда. Всадники ехали по долине, окруженные клубами пыли. Пыль покрывала одежду и доспехи, оставляя во рту пресный земляной привкус. Вечер стоял теплый и мирный, и все пребывали в легком, безмятежном настроении. Воины устали, однако

впереди ждали сытный вкусный ужин и крепкий сон, а потому усталость казалась даже приятной.

Когда появились башни форта, Брут, повысив голос, чтобы перекричать топот конских копыт, обратился к Домицию:

– Давай устроим им представление. Отделись со своими людьми, а по моему сигналу снова сольемся.

Он прекрасно знал, что часовые у ворот внимательно наблюдают за приближением отряда. Хотя отборная центурия существовала всего лишь второй год, Юлий дал другу все, что тот хотел, – лучших людей и отборных лошадей, цвет Десятого легиона. Брут знал, что с такими всадниками он смело может выступить против любой армии мира. Они всегда найдут выход из самой невероятной ситуации. Каждый прошел самый строгий отбор и показал искусное владение мечом и отточенные навыки верховой езды. Брут не скрывал гордости. В Десятом легионе его центурию считали скорее театральной труппой, а не боевым отрядом. Но разве он виноват, что здесь, в Испании, еще просто не случилось военных действий? Нет сомнений, что при необходимости его отборные всадники оправдают все расходы. Да уж, стоили они дорого: одни доспехи можно оценить в целое состояние. Тонкие, словно кружевные, медные латы и железные полосы позволяли двигаться быстрее и легче, чем тяжелые доспехи остальных легионеров. Всадники не ленились начищать медь до блеска, так что сейчас, в лучах заходящего солнца, она просто слепила.

Брут поднял руку и резко взмахнул вправо и влево. Пришпорив коня, поскакал галопом, а отряд разделился на две половины, словно по земле пролегла какая-то невидимая линия. В лицо приятно дул ветер, не хотелось даже оборачиваться – и так было ясно, что построение безупречно. Из рта коня вылетала пена, и всадник наклонился в седле, пытаясь слиться с ним в единое целое и еще больше усилить ощущение полета.

Форт приближался с поразительной скоростью. Увлечшись движением, Брут едва не пропустил момент, когда надо было подать команду к перестроению. Два крыла слились воедино всего за несколько мгновений до остановки у ворот, но все прошло точно и красиво. Как один, всадники синхронно соскочили с седел и потрепали по разгоряченным шеям жеребцов и мерингов, которых Юлий привез из самого Рима. Против вражеской кавалерии можно было выступать

только на кастрированных конях, так как жеребец, почуяв кобылу, способен полностью выйти из-под контроля. Кони отборной центурии представляли попытку отобрать лучшее из возможного и в то же время сохранить чистоту породы. При виде прекрасных животных даже испанцы, забыв о своем обычном подозрительно-недоверчивом отношении к римлянам, восхищенно присвистывали.

Смеясь, Брут слушал рассказ Домиция и в этот самый миг увидел мать. На какую-то долю секунды глаза его изумленно расширились, но тут же, быстро пройдя под аркой ворот, он поспешил к ней.

– В письмах ты ни словом не обмолвилась о своих планах! – Крепко обняв мать, Брут слегка приподнял ее над землей и крепко расцеловал в обе щеки.

– Боялась, что ты чересчур возбудишься от ожидания, – ответила Сервилия.

Они рассмеялись, и сын выпустил мать из объятий.

Сервилия немного отклонилась, чтобы получше разглядеть его. Улыбнулась, довольная. Да, мальчик полон жизненных сил. Годы, проведенные в Испании, явно пошли ему на пользу. Уверенность, которую он излучал, заставляла других вставать при его появлении и вытягиваться по струнке.

– Хорош, как всегда, – с нескрываемой гордостью заключила мать. – Наверное, местные красавицы проходу не дают.

– Не решаюсь выходить без охранников. Только они и спасают от нападений, – улыбнувшись, ответил Брут.

Неожиданно появившийся Домиций без лишних церемоний вклинился между матерью и сыном, чтобы его непременно представили.

– Ах да, вот и Домиций. А с Октавианом ты знакома? Он родственник Юлия.

Лукаво усмехнувшись ошарашенному виду Домиция, Брут жестом подозвал Октавиана.

Октавиан смутился и попытался изобразить приветствие, которое закончилось еще большей неловкостью. Брут рассмеялся. Он прекрасно знал, какое впечатление производит на мужчин мать, а потому вовсе не удивлялся поведению товарищей. Однако вокруг быстро собирались зрители – всем хотелось поближе рассмотреть гостью.

Сервилия помахала рукой, после скучного месяца на корабле явно наслаждаясь повышенным вниманием такого количества мужчин. Все эти молодые люди выглядели такими энергичными, живыми... Их еще не коснулись ни страх перед старостью, ни ужас смерти. Они стояли вокруг, словно толпа невинных богов, ободряя своей уверенностью в будущем и саму Сервилию.

– Ты уже видела Юлия, мама? Он... – Во дворе внезапно повисла тишина, и Брут осекся.

В воротах показались три молодые женщины, и толпа расступилась, давая им дорогу. Каждая из трех была по-своему прекрасной. Самая молодая, изящная блондинка, густо покраснев, подошла к Сервилии. Следом за ней шли две другие, от красоты которых у мужчин едва слезы не навернулись на глаза.

Кто-то присвистнул, и чары рассеялись. Толпа снова ожила и пришла в движение.

Сервилия, вздернув бровь, взглянула на подошедшую Ангелину. Малышка точно знает, что делает. Таких, как она, мужчины стараются защитить, и за это право готовы перегрызть друг другу глотки. Стоило девушке появиться в питейном заведении, как там тотчас возникала потасовка. В одном из таких заведений Сервилия и обнаружила ее: блондиночка разносила вино и даром расточала то, за что мужчины готовы хорошо платить. Уговаривать долго не пришлось, названной цены было вполне достаточно. Две пятых заработка девушки Сервилия оставляла себе, и все-таки красавица очень скоро разбогатела. Если так пойдет, через пару лет она захочет открыть собственное заведение и тогда непременно явится к хозяйке за ссудой.

– Мы волновались за тебя, госпожа, – жизнерадостно солгала малышка.

Брут взглянул на нее с нескрываемым интересом, и девушка, ничуть не смутившись, ответила столь же дерзким взглядом. Под этим взглядом трудно было подтвердить или опровергнуть возникшее подозрение. Сам он пытался убедить себя, что давно смирился с профессией матери, однако мысль о том, что правда откроется товарищам, тревожила, а это означало, что он вовсе не так уверен в себе, как хотелось бы.

– Ты нас разве не познакомишь, мама? – поинтересовался он.

Ангелина удивленно вытаращила глаза:

– Так это и есть твой сын? Да, он точно такой, каким ты его описывала. Как чудесно!

На самом деле Сервилия ни разу не говорила с малышкой о Бруте. Но сейчас проявились оба основных качества Анжелины: с одной стороны, наивность до простоты, а с другой – проницательность и находчивость, сулящие в будущем большие деньги. Толпа вокруг становилась все гуще. Мужчины вовсе не были избалованы вниманием молодых хорошеньких женщин. Сервилия подумала, что лишь на обслуживании легиона Валенсия вполне могла бы разбогатеть.

– Познакомься, это Анжелина, – представила она девушку.

Брут изысканно поклонился, и от подобной любезности глаза блондинки вспыхнули.

– Сегодня вечером вы непременно должны составить нам компанию за столом, – произнес Брут. – Я совершу налет на погреб, и мы смоём с вас дорожную пыль.

Говоря это, центурион ни на мгновение не отпуская взора прекрасной собеседницы, стремясь сделать свое предложение как можно прозрачнее.

Кашлянув, Сервилия прервала сцену.

– Проводи-ка нас внутрь, Брут, – попросила она.

Легионеры снова расступились и пропустили дам. Ожидавший их в казармах горячий ужин теперь не казался таким привлекательным, как во время марша, – ему явно недоставало изысканной остроты дамского общества. Бойцы как потерянные стояли во дворе, провожая безнадежными взглядами удаляющуюся небольшую процессию – до тех самых пор, пока красавицы не скрылись в стенах форта. Лишь после этого наваждение прошло, и мужчины отправились заниматься делами: чистить, поить и кормить лошадей. Двигались они с привычной энергией, словно только что не стояли как замороженные.

Несмотря на бурный протест Анжелины, Сервилия решила оставить девушек в отведенной им комнате. Ведь кто-то должен заняться сундуками. А кроме того, ей надо побыть с сыном наедине. В конце концов, она тащила девушек сюда, в Валенсию, вовсе не для того, чтобы одна из них тут же выскочила замуж за Брута.

Юлий не присоединился к остальным, а когда Брут отправил за ним посыльного, передал лишь краткое извинение. Сервилия видела,

что отказ нисколько не удивил мужчин, и снова отметила про себя перемены, которые произошли с Юлием в Испании.

В честь Сервилии ужин состоял из целого набора блюд местной кухни, поданных в небольших чашах. Специи и приправы подействовали на Октавиана так, что товарищам пришлось долго колотить его по спине, чтобы вернуть способность нормально дышать. С самой первой встречи во дворе он пребывал в состоянии потрясенного восхищения красотой Сервилии, и Бруту доставляло удовольствие постоянно подшучивать над другом. Сервилия же предпочитала не замечать растерянности бедного мальчика.

Комнату освещал мягкий свет мерцающих ламп, а вино оказалось действительно хорошим, как и обещал Брут. Ужин был очень приятным, и Сервилия обнаружила, что постоянные пикировки между мужчинами доставляют ей невинное наслаждение. Домиций с удовольствием поведал одну из своих бесконечных историй, хотя конец ее слегка подпортил Кабера – радостно застучав по столу, он воскликнул:

– Эта история считалась старой уже тогда, когда я сам был еще мальчиком.

Старик засмеялся и потянулся к стоявшей возле Октавиана чаше с рыбой. Молодой человек как раз собирался ухватить лакомый кусок, и Кабера бесцеремонно шлепнул его по пальцам, показывая, кто за столом старший. Октавиан лишь оскалился, явно сдержав достойный ответ в присутствии дамы.

– Как вы оказались в Десятом легионе, Домиций? – поинтересовалась Сервилия.

– Все это организовал Брут, когда мы еще были на юге и сражались со Спартаксом. Хотя я из жалости и поддался ему пару раз на тренировках, все-таки он понял, что от моей выучки можно получить немалую выгоду.

– Ложь! – со смехом воскликнул Брут. – На самом деле я, между прочим, спросил его, не хочет ли он перейти в другой легион, и он от восторга едва не откусил мне руку. Юлию пришлось заплатить легату немалую компенсацию. До сих пор пытаемся понять, стоило ли это делать.

Домиций терпеливо ждал, пока Брут пил из его бокала.

– Видите ли, среди своего поколения я самый лучший, – пояснил он Сервилии, с интересом наблюдая, как друг изо всех сил пытается не поперхнуться и по мере опустошения кубка становится все краснее.

Внезапно слышались шаги, и разговоры стихли; мужчины встали, приветствуя своего полководца. Он занял место во главе стола и жестом позволил сесть. Слуги принесли блюдо, а Брут наполнил вином кубок, гордо улыбнувшись, когда Юлий, пригубив, поднял бровь, оценив качество.

Скоро разговор возобновился; Сервилия, поймав взгляд Юлия, слегка склонила голову. Он, словно зеркало, повторил ее движение, тем самым приветствуя присутствие гостя за общим столом. Сервилия же, сама того не замечая, с облегчением вздохнула.

В этом молодом человеке появились уверенность, серьезность и властность, которых раньше не было заметно. Он не смеялся вместе со всеми, а лишь улыбался особенно удачным шуткам. Вино пил, словно воду, причем без малейшего видимого эффекта; правда, шея постепенно наливалась краской, но это вполне можно было отнести на счет вечерней духоты.

Очень скоро веселье за столом пошло по накатанной колее. Дружеское веселье мужчин было чрезвычайно заразительным, и Сервилия оказалась вовлеченной в бесконечные разговоры и шутки. Кабера вовсю флиртовал с ней, подмигивая в самые неподходящие моменты, чем немало веселил всех окружающих и саму гостью. Но однажды, беззаботно смеясь, Сервилия снова перехватила взгляд Юлия, и ей показалось, что время остановилось, открывая за фасадом веселья куда более глубокую и серьезную реальность.

Юлий внимательно наблюдал за происходящим, не переставая удивляться тому эффекту, который оказывало на обычно серьезное, а порою и мрачноватое собрание присутствие этой женщины. Она смеялась естественно, без малейшей аффектации, и в такие минуты молодой человек недоумевал, как раньше он мог не замечать ее красоты. Действительно, кожа Сервилии была смуглой и покрытой веснушками, а нос и подбородок можно было бы счесть чуть грубоватыми, и все-таки в ее внешности присутствовало что-то особенное. Трудно было не заметить, что слушает Сервилия, отдавая говорящему все свое внимание. Эта женщина любила мужчин, и мужчины чувствовали это. Юлий едва заметно покачал головой.

Собственная реакция ему не понравилась, однако эта особа настолько отличалась от Корнелии, что не могло возникнуть даже малейшей попытки сравнения.

Он долгое время не общался с женщинами и сдавался, лишь когда Бруту удавалось напоить его сверх всякой меры. И вот красота и обаяние Сервилиии внезапно напомнили о существовании совершенно иного мира, совсем непохожего на непритязательные солдатские сборища. Рядом с Сервилиией он чувствовал себя неуверенно, почти неопытным новичком. Мелькнула мысль о том, что безопаснее держаться от нее подальше. Женщина со столь богатой практикой запросто сможет проглотить его живьем.

Раздраженный собственной слабостью, Юлий покачал головой, словно пытаясь прогнать дурные мысли. В кои-то веки за столом появилась женщина, и он реагирует на ее присутствие точно так же, как Октавиан. Остается лишь надеяться, что мысли его не столь прозрачны. Случись иначе, Брут уже засмеял бы его. Вздрогнув, Юлий представил колкости и насмешки и тут же решительно отставил кубок в сторону. Как бы то ни было, вряд ли эта дама проявит какой-нибудь интерес к другу сына. Об этом смешно даже думать.

Октавиан перегнулся через стол, чтобы предложить Сервилиии очередное блюдо, и прервал нервные размышления полководца. Под пристальной опекой Брута и Домиция молодой римлянин набрался и силы, и умений. Юлий спросил себя, продолжает ли парень бояться местных сверстников. Вряд ли. В суровом обществе легионеров юноша заметно окреп. Даже в походе он старался подражать Бруту, чем немало того веселил. Октавиан выглядел таким молодым – почти мальчиком. Даже странно, что сам он, Юлий, женился, будучи старше всего лишь на год.

– Сегодня утром, господин, я выучил новый прием, – похвастался юноша гордо.

Юлий улыбнулся.

– Обязательно покажи, – ответил он, дружески ероша парню волосы.

Октавиан просиял: даже такая малая ласка осчастливила его.

– Вы завтра будете тренироваться вместе с нами? – уточнил он, заранее готовясь к разочарованию.

Юлий покачал головой:

– Нет, завтра никак не смогу. На несколько дней уезжаю вместе с Рением на золотые прииски. Но как только вернусь – непременно.

Октавиан постарался изобразить удовольствие, однако все видели, что он воспринял слова как прямой отказ. Юлий едва не изменил решение, однако мрачное настроение снова взяло свое. Никто из них не мог понять, чем именно он занимается. Все они сохранили мальчишескую беспечность, а он сам больше уже не мог позволить себе этой роскоши. Забыв, что решил больше не пить, Юлий залпом осушил кубок.

От глаз Брута не укрылось охватившее друга беспокойство, и он попытался отвлечь его:

– Завтра испанский кузнец начнет работать с нашими легионерами. Не хочешь задержаться на день и посмотреть, за что именно платил?

Юлий в ответ смерил товарища таким взглядом, что всем вокруг стало неуютно.

– Нет, никак не могу. Все уже готово к отъезду, – коротко заметил он, снова наполняя кубок и тихо выругавшись, так как несколько капель попало на стол.

Юлий украдкой взглянул на руки: неужели дрожат? Разговор за столом продолжался, и полководец оглядел сидящих: заметили ли они его слабость? Нет, никто даже не обратил внимания; лишь мудрый Кабера встретился с ним взглядом, но этот взгляд казался полным сочувствия. Юлий неожиданно рассердился и вновь залпом осушил кубок.

Сервилия сполоснула пальцы в специально предназначенной для этого чаше, потом аккуратно вытерла губы. Жест привлек внимание Юлия.

– Мне очень приятно в вашей компании, – любезно улыбнувшись, произнесла гостя, – но путешествие сюда все-таки слишком утомительно. Лучше я пораньше встану и приду посмотреть на твои военные упражнения, Октавиан. Ты не возражаешь?

– Конечно, приходи обязательно, – любезно пригласил Брут. – А я приготовлю для тебя экипаж – он будет ждать в конюшне. По сравнению с другими наш форт просто роскошен. Думаю, тебе здесь понравится.

– Если у тебя найдется хорошая лошадь, то экипаж мне не понадобится, – ответила Сервилия.

От нее не ускользнула промелькнувшая в глазах Юлия искра: ответ явно пришелся ему по душе. Мужчины – странные создания. Однако ей еще не приходилось встречать ни одного, кого не радовала бы мысль о красивой женщине верхом на лошади.

– Надеюсь, мои девочки не нарушат привычный вам ритм жизни. А завтра я найду нам всем жилище в городе. Спокойной ночи, господа. Благодарю за гостеприимство.

Мужчины поднялись одновременно с Сервилией, и опять от ее внимания не ускользнуло игравшее во взгляде полководца возбуждение.

Вскоре после ухода гостя Юлий, слегка покачиваясь, вышел из-за стола:

– Я уже отдал все необходимые распоряжения на время своего отсутствия, Брут. Проследи, чтобы дверь в комнату девушек охраняли. Пока они здесь, мы в ответе за их безопасность. Спокойной ночи.

Не добавив ни слова, полководец ушел. Походка его отличалась той нарочитой твердостью, которой выпившие лишнего люди стараются скрыть последствия возлияний. На мгновение в комнате повисло напряженное молчание.

– Приятно увидеть здесь новое лицо, – заметил Брут, старательно обходя молчанием более серьезные и болезненные темы. – Во всяком случае Сервилия хоть немного оживит нашу жизнь, а то в последнее время здесь стало слишком тихо.

Кабера негромко, словно про себя, присвистнул:

– Такая женщина... рядом с ней все мужчины выглядят совершенными глупцами.

Говорил он спокойно, но в тоне его слышалось нечто, заставившее Брута взглянуть озадаченно. Однако лицо старика ничего не выражало, он лишь покачал головой и подлил себе вина.

– Она очень... изысканна, – согласился Домиций, с некоторым трудом подыскав подходящую характеристику.

Брут насмешливо фыркнул:

– А ты, глядя на меня, ожидал другого? Видишь ли, я появился на свет вовсе не в повозке.

– Раньше я действительно не замечал в тебе женских черт, – согласился Домиций, задумчиво потирая лоб. – А теперь вижу. Впрочем, в облике твоей матери они смотрятся куда более органично.

– Нет, Домиций, я привлекателен по-мужски. По-мужски! И с удовольствием завтра же докажу тебе это. – Брут улыбнулся и, как всегда, насмешливо взглянул на товарища.

– А во мне есть мужская привлекательность, Домиций? – поинтересовался Октавиан.

Домиций медленно, спокойно кивнул:

– Разумеется, мальчик. Это только Брут у нас дерется, как женщина.

Брут расхохотался и швырнул в Домиция тарелкой. Тот проворно увернулся, тарелка упала на пол и со звоном разлетелась на мелкие осколки. На какое-то мгновение все замерли.

– Зачем твоей матери понадобился дом в городе? – спросил Октавиан.

Брут смерил мальчика острым взглядом, сожалея о том, что придется оскорбить его невинность:

– Для дела, парень. Думаю, очень скоро ее малышки будут развлекать весь легион.

Октавиан на мгновение смутился. Все присутствующие внимательно наблюдали за его реакцией.

– А как ты считаешь, с мужчины моего возраста они будут брать полную плату? – пошутил юноша.

Брут и в него швырнул тарелку – правда, на сей раз попал в Каберу.

Лежа наверху у себя в комнате, на узкой походной кровати, Юлий услышал веселый хохот и в полной темноте крепко зажмурился.

Глава 3

Сервилия уже успела полюбить этот небольшой городок, Валенсию. Улицы здесь чистые и людные. Во всем ощущается изобилие, от которого буквально чешутся руки. И в то же время, несмотря на богатство, Валенсия производит впечатление свежести, которую ее собственный древний город утратил уже несколько веков назад. Здесь куда больше невинности. Даже найти подходящее здание

оказалось куда проще, чем она ожидала. Не надо было давать деньги чиновникам, чтобы подписать необходимые документы. Найти подходящий дом, заплатить его нынешнему владельцу золотом – сделка завершена, дом твой. После утомительной путаницы римской бюрократии все было просто, тем более что посланные Брутом солдаты сразу показали ей три возможных варианта. Два первых дома стояли слишком близко к морю, а потому среди клиентов могло оказаться больше портовых рабочих, чем хотелось Сервилии. Однако третий подошел как нельзя лучше.

Просторный дом с аккуратно побеленным импозантным фасадом стоял на тихой улице недалеко от рыночной площади и на почтительном расстоянии от моря. Сервилия хорошо понимала, насколько важен в ее деле внешний вид здания. Разумеется, в городе и без того хватало убогих лачуг, где вдовы и шлюхи зарабатывали на жизнь, лежа на спине, однако ее заведение должно быть совершенно иным: привлекать знатных господ и офицеров легиона, разумеется, за куда более высокую плату.

Десятый легион уже построил в городе немало домов, а потому на хозяина удалось надавить, и окончательная цена получилась вполне разумной, даже с учетом предстоящего убранства. Какие-то шторы и покрывала можно привезти из Рима, однако и местные швеи вовсе не плохи, так что за скромную плату сойдут и их услуги.

Получив дом в свое полное распоряжение, Сервилия заплатила отправляющемуся в Рим купцу, и тот согласился прихватить с собой список всего, что требовалось привезти в первую очередь. Прежде всего, потребуются еще по крайней мере четыре девушки, и Сервилия постаралась изложить свои требования как можно подробнее. Очень важно завоевать репутацию высоким качеством предлагаемых услуг.

Через три дня почти все уже было готово, оставалось лишь дать дому название. Впрочем, именно это оказалось совсем нелегко сделать. Закон не предусматривал никаких ограничений, однако Сервилия инстинктивно понимала, что вывеска должна выглядеть одновременно и скромной, и многозначительной. Назвать заведение «домом удовольствий», разумеется, нельзя.

В конце концов лучший вариант предложила Ангелина. Вывеска «Золотая рука» оказалась самой подходящей: достаточно эротичной, но без малейшего намека на грубость. Сервилия спросила себя, не

имела ли Ангелина в виду цвет собственных золотистых волос. Услышав, что хозяйку ее вариант вполне устроил, девушка радостно подпрыгнула и расцеловала ее в обе щеки. Да, малышка может быть просто очаровательной, особенно когда обстоятельства складываются в ее пользу.

На третье утро в Валенсии Сервилия наблюдала, как аккуратно написанную вывеску прикрепляют к железным крюкам, и улыбалась, видя, как радуются зрелищу солдаты Десятого легиона. Они, конечно, разнесут новость об открытии заведения по всей округе, так что скучать девушкам не придется. Ну а дальше все уже пойдет само собой, и через несколько месяцев дело можно будет передать в чьи-нибудь надежные руки. Заманчиво думать об открытии подобных заведений в каждом испанском городе. Лучшие девушки и дух самого Рима. Поле деятельности просто огромно, и деньги потекут широким потоком.

Сервилия мило улыбнулась охранникам сына.

– Надеюсь, вам удастся сегодня вечером освободиться от службы? – беспечно поинтересовалась она.

Те переглянулись, начиная понимать, что направление в порт оказалось весьма выгодным.

– Может быть, ваш сын согласится замолвить за нас словечко, госпожа, – предположил тот, что побойчее.

Сервилия нахмурилась. Хотя открыто вопрос и не обсуждался, она не могла не подозревать, что Бруту ее дело совсем не нравится. Оставалось лишь гадать, сообщили ли о новом заведении Юлию и как он воспринял известие. Возможно, пропадая на своих приисках, где-то на юге страны, он еще и не слышал о ее планах. Да и, впрочем, зачем ему возражать против них?

Думая о Юлии, Сервилия медленно провела рукой по шее. Он должен вернуться именно сегодня. Может быть, уже вернулся и сейчас отдыхает у себя в форте. Если выехать не мешкая, вполне можно успеть до вечера.

– Для охраны моего дома обязательно потребуются постоянные караульные, – произнесла она вслух. – Если хотите, я попрошу начальство назначить вас на этот пост. В конце концов, я ведь римлянка.

Воины снова переглянулись, на сей раз в полном замешательстве. Идея казалась прекрасной и чрезвычайно заманчивой, однако лишь предположение о том, что Цезарь услышит их имена в непосредственной связи с охраной дома терпимости, моментально охладило весь пыл. Воины отрицательно покачали головой.

– Скорее всего, он предпочтет, чтобы заведение охранял кто-нибудь из местных, – нашел отговорку старший.

Сервилия взяла из рук одного из солдат поводья лошади и легко вскочила в седло. На ней сейчас были шаровары – юбка или стола вряд ли оказались бы к месту.

– По коням, мальчики. Поедем в форт, и я сама попрошу отпустить вас. Посмотрим, что из этого выйдет.

Повернув лошадь, она пустила ее рысью. Копыта громко стучали по мостовой, и прохожие с удивлением провожали взглядами странную римскую даму, которая сидела верхом не хуже бывалого солдата.

В тот момент, когда Сервилия подъехала к воротам форта, Юлий как раз приветствовал какого-то пожилого испанца. До наступления сумерек ворота оставались открытыми, и охранники легким кивком пропустили гостью во двор. Сопровождающие сразу занялись своими лошадьми, оставив ее в одиночестве. Оказалось, что быть матерью Брута очень удобно.

– Мне хотелось бы кое-что обсудить с тобой, Цезарь, если ты, конечно, не возражаешь, – начала Сервилия, подходя и не выпуская из рук поводья.

Юлий нахмурился, даже не пытаясь скрыть гнев.

– Это градоначальник Севильи господин Дель Субио, Сервилия. Боюсь, сегодня у меня не найдется времени на обсуждение твоих дел. Может быть, завтра.

Полководец повернулся и повел уважаемого гостя в здание форта. Сервилия же торопливо заговорила, любезно улыбнувшись градоначальнику:

– Мне хотелось бы совершить прогулку по испанским городам, легат. Может быть, вы порекомендуете подходящий маршрут?

Юлий взглянул на градоначальника.

– Простите, я покину вас на мгновение, – извинился он.

Дель Субио бросил на Сервилию быстрый взгляд из-под густых нахмуренных бровей и слегка поклонился. Будь он римским легатом, он ни за что не оставил бы такую красотку в одиночестве. Несмотря на преклонный возраст, Дель Субио оставался преданным почитателем женской красоты, и раздражение Цезаря немало его удивило.

Юлий подошел к Сервилии:

– В этих горах невозможно чувствовать себя в полной безопасности. Вокруг полно и разбойников, и просто путников, которые нападут на тебя, ни на минуту не задумавшись. В лучшем случае отнимут лошадь и отпустят – правда, пешком.

Предупредив, Юлий вновь повернулся к гостю.

– Так может быть, тебе будет угодно проводить меня – и защитить? – негромко произнесла Сервилия.

Замерев, Юлий взглянул ей прямо в глаза. Сердце тяжело стучало в груди, и унять его было просто невозможно. Да, этой особе не так-то легко отказать, но ведь день его расписан по минутам и до краев наполнен работой. Обведя глазами двор, Юлий заметил выходящего из конюшни Октавиана. Свистнув, он привлек внимание юноши:

– Октавиан, седлай лошадь. Отправишься в сопровождение.

С готовностью отсалютовав, Октавиан исчез в сумраке конюшни.

Юлий же бесстрастно взглянул на Сервилию, показывая, что дело улажено и говорить больше не о чем.

– Спасибо, – поблагодарила гостя, однако Цезарь словно и не услышал ее слов, он снова целиком занялся Дель Субио.

Появился Октавиан – уже верхом. Чтобы выехать из конюшни, ему пришлось низко наклониться в седле. Широкая улыбка парня померкла при одном лишь взгляде на Сервилию: та как раз садилась в седло. Юноша еще ни разу не видел эту красавицу в гневе: пылающий в глазах огонь лишь добавлял ей привлекательности. Не сказав сопровождающему ни единого слова, всадница галопом промчалась сквозь ворота. Караульным не оставалось ничего другого, как только отскочить в сторону. Удивленный, в полном недоумении, Октавиан понесся следом.

Проскакав галопом с милю, Сервилия наконец немного успокоилась и перешла на размеренную рысь. Октавиан следовал рядом, плечом к плечу, точно имитируя движение спутницы, а для этого требовалось немалое искусство. Наметанным взглядом всадника

юноша заметил, как уверенно и ловко она управляется с лошадью, едва заметными движениями поводьев обходит препятствия, а однажды, легко привстав в стремях, заставила лошадь перепрыгнуть через поваленное дерево, ловко осадив ее при приземлении и даже не дрогнув.

Зрелище произвело на юношу настолько глубокое впечатление, что он решил молчать до тех пор, пока не придумает что-нибудь зрелое и по-настоящему интересное. Вдохновение не спешило, однако, к счастью, – судя по всему, спутницу молчание вполне устраивало. Раздражение невниманием и заносчивостью Юлия она выплескивала в стремительной скачке. Наконец, слегка задыхаясь, Сервилия остановилась. Подождала, пока приблизится Октавиан, и улыбнулась:

– Брут сказал, что ты родственник Цезаря. Расскажи о нем.

Октавиан ответил широкой улыбкой, не в силах противостоять обаянию спутницы и даже не пытаясь понять мотивы ее вопроса.

Юлий проводил последнего из посетителей уже час тому назад и теперь стоял у окна и смотрел на горы. Только что он подписал приказ об отправке еще тысячи человек на золотые прииски, а также о выплате денежной компенсации тем трем землевладельцам, на чьих участках началось строительство новых зданий. Сколько человек он успел принять? Десять? Рука болела от напряжения – ведь пришлось написать массу писем. Юлий потер запястье. Уже месяц, как уволился последний из писарей, и полководец остро ощущал потерю. Латы висели на разветвленной, словно дерево, вешалке; потемневшую от пота тунику обвевал прохладный ветерок. Цезарь зевнул и с силой потер лицо. Уже смеркалось, но Октавиан и Сервилия до сих пор не возвращались. Интересно, эта особа специально задерживает мальчика, чтобы заставить его, Юлия, поволноваться, или что-то случилось? Может быть, захромала одна из лошадей и им приходится вести ее шагом?

Юлий поморщился. Если дело и правда в этом, урок окажется вовсе не лишним. В стороне от дорог земля неровная и сплошь покрыта кочками. Ничего удивительного, если лошадь сломает ногу, тем более в сумерках, когда и кочки, и ямы видны плохо.

С какой стати он волнуется? Уже дважды, досадуя на себя, Юлий отходил от окна, однако очень скоро оказывалось, что, сам того не

замечая, раздумывая о делах грядущего дня, снова стоит там и с нетерпением вглядывается в даль холмов, надеясь увидеть силуэты двух приближающихся всадников. Впрочем, пытаясь обмануть себя самого, он сетовал на духоту в комнате: только возле окна и можно дышать.

Наконец, когда солнце превратилось всего лишь в узкую красную полоску над горами, Юлий услышал на мощеном дворе стук копыт и резко отпрянул от окна, не желая, чтобы его увидели. Что же это за женщина? Почему она доставляет столько волнений? Юлий представил, как долго еще эти двое будут чистить и поить лошадей, прежде чем войти в форт. Сядут ли они ужинать вместе со всеми, как вчера вечером? Цезарь был голоден, но развлекать гостью ему совсем не хотелось. Лучше распорядиться, чтобы ужин принесли сюда, наверх, и...

Негромкий, но совершенно неожиданный стук в дверь заставил полководца вздрогнуть. Почему-то он не сомневался, что увидит именно ее, даже в тот момент, когда, откашлявшись, произнес:

– Войдите.

Сервилия открыла дверь и шагнула через порог. Волосы растрепались на ветру, а на щеке красовалась грязная полоса, – очевидно, она неосторожно провела по лицу рукой. От нее пахло лошадью и соломой. От этого живого запаха все чувства Юлия словно обострились. Было ясно, что всадница все еще злится, и Цезарь решил собрать всю свою волю и непременно отказать в том, чего она пришла требовать. Как она посмела явиться даже без объявления? Куда смотрит охрана там, внизу? Может быть, все заснули? Юлий решил, что, как только непрошенная гостья уйдет, он непременно все выяснит и наведет порядок.

Не произнося ни слова, Сервилия пересекла комнату и подошла к Цезарю. Совершенно неожиданно, прежде чем он успел отреагировать и пошевелиться, прижала ладонь к его груди, ощущая тревожное биение сердца.

– Теплый. А я уже начала сомневаться, – тихо проговорила она.

В тоне гостью сквозила обезоруживающая интимность, не позволяющая даже как следует рассердиться. Юлий ощущал прикосновение руки даже после того, как Сервилия отступила на шаг, – словно она оставила на груди невидимый знак. Сейчас гостья

просто смотрела ему в лицо, и темнота комнаты внезапно стала густой и почти осязаемой.

– Брут будет тебя искать, – тихо произнес Юлий.

– Да, он очень обо мне заботится, постоянно стремится защитить, – ответила Сервилия.

Повернувшись, она направилась к двери, и полководец едва удержался, чтобы не броситься следом. Смутившись, он наблюдал, как красавица, неожиданно появившаяся в его комнате, так же неожиданно ее покидает.

– Не думаю, что ты нуждаешься в особой защите, – пробормотал Юлий.

Он заметил это про себя, вовсе не рассчитывая, что гостя услышит, однако уже возле самой двери она повернулась и понимающе улыбнулась. Дверь закрылась, и он снова остался в одиночестве; от неясных, спутанных мыслей голова шла кругом. Осталось ощущение, что в его личное пространство только что вторглись, однако вторжение нельзя было назвать неприятным. Усталость и вялость неожиданно прошли, на смену им явилось желание присоединиться к общему столу.

Дверь снова открылась, и Юлий вновь увидел Сервилию.

– Ты не согласишься поехать со мной завтра? – поинтересовалась она. – Октавиан говорит, что местность известна тебе не хуже, чем всем остальным.

Цезарь медленно кивнул, не в силах вспомнить, какие именно встречи запланированы у него на завтра, да, впрочем, эти встречи и не особенно его интересовали. В конце концов, можно ведь когда-нибудь и отвлечься от работы.

– Хорошо, Сервилия. Завтра утром.

Она молча улыбнулась и бесшумно закрыла за собой дверь. Юлий услышал на лестнице легкие шаги. Странно, но ожидание утра оказалось очень приятным.

Уже полностью стемнело, и огонь в печи превратил кузницу в мрачную пещеру, освещенную резкими сполохами. Источником света служил горн; неподалеку от него собрались римские кузнецы, нетерпеливо ожидавшие, когда им раскроют секрет плавления твердого железа. Юлий заплатил испанскому мастеру чистым золотом

– целое состояние! – однако урок должен был продолжаться не час и даже не день. Вызывая недовольство и раздражение нетерпеливых учеников, Кавальо методично вел их по извилистой дороге созидания – не спеша, шаг за шагом. Поначалу римлянам не нравилось, что с ними обращаются как с учениками, но скоро самые опытные заметили, насколько испанец точен в каждой мелочи своего дела, и начали с интересом и большим вниманием прислушиваться к его объяснениям. Первые четыре дня по его приказу они рубили на дрова кипарисы и ольху, складывали их в огромную, размером с дом, яму и засыпали сверху глиной. Пока древесина тлела, превращаясь в уголь, мастер объяснял ученикам, как именно работает плавильная печь, и рассказывал, что камни надо предварительно тщательно отмывать, а потом поджигать на них уголь – лишь в этом случае процесс пройдет чисто.

Все римские мастера искренне любили свое дело, и к концу пятого дня они с радостным нетерпением смотрели, как Кавальо закладывает в свою печь железную заготовку, а потом заливает расплавленное железо в глиняные формы. В результате учитель с нескрываемой гордостью выложил на верстак тяжелые железные слитки, и ученики обступили их плотным кольцом.

– Ольха горит не так жарко, как другие породы дерева, и тем самым несколько замедляет процесс. В результате железо получается тверже. Но это лишь одна сторона дела, – пояснял испанец, помещая готовый брусок в ярко-желтый жар горна.

Горн был маленьким, и два бруска в него едва помещались. Поэтому второй ученики решили обработать самостоятельно, впрочем точно повторяя каждое движение мастера и следуя всем его советам. Небольшая мастерская не могла вместить одновременно всех желающих, а потому мастера работали посменно, небольшими группами заходя в огненный жар кузницы, а потом возвращаясь в прохладу и свежесть позднего вечера. Самым стойким оказался Рений – он не вышел на улицу ни разу, так и простоял возле горна, обливаясь потом и наблюдая процесс с начала и до конца.

Он был потрясен. Всю сознательную жизнь имея дело с оружием – с мечами, – он никогда не видел, как именно они рождаются. И вот сейчас прямо на его глазах суровые сильные люди превращают землю в сверкающие клинки.

Тяжелым молотом Кавальо бил по бруску, постепенно придавая ему форму меча. Несколько раз он снова нагревал заготовку – до тех пор, пока она не превратилась в плоский черный клинок, кое-где испещренный примесями. Важной составляющей кузнечного искусства было умение определить температуруковки по цвету – в тот самый момент, когда изделие появляется из горна. Каждый раз, когда меч оказывался нагретым до нужной температуры, мастер высоко поднимал его, показывая всем желтый оттенок металла, еще не успевшего побледнеть. Постоянно переворачивая, он бил по мягкому металлу, щедро поливая его собственным потом: капли падали на раскаленный клинок и, едва коснувшись его, исчезали.

Брусок, который обрабатывали римляне, прошел такой же путь, что и брусок испанского мастера, и кузнец удовлетворенно показал на луну: наступила ночь, и поработали они неплохо. Сыновья Кавальо подожгли угли в длинном, в рост человека, поддоне, и до тех пор, пока с него не сняли металлическую крышку, он пылал ярко – так же, как горн. Пока его меч нагревался, Кавальо показал на целый ряд висящих на стене кожаных фартуков. Истертые от времени, тяжелые и жесткие, они выглядели очень неудобными. Но, надев такой фартук, кузнец был защищен от шеи и до пят: открытыми оставались лишь голова и руки. Увидев, как послушно ученики надевают необходимую рабочую форму, мастер довольно улыбнулся: до сих пор все подчиняются ему беспрекословно.

– Они надежно вас защитят, – коротко пояснил он, глядя, как римляне неловко передвигаются в тяжелых и длинных фартуках.

По сигналу мастера сыновья щипцами сняли с горячего поддона крышку, а сам Кавальо гордо вытащил из печи желтый клинок. Римские кузнецы подошли как можно ближе, понимая, что действие достигло еще неизвестной им стадии. Рению пришлось отступить на шаг – жар казался почти нестерпимым. Однако, вытянув шею, он продолжал внимательно наблюдать за происходящим.

В раскаленных добела углях Кавальо снова начал бить молотом по клинку, вздымая в воздух фейерверк искр и крутящихся языков пламени. Внезапно огонь долетел до волос мастера, но тот спокойно, привычным жестом погасил его. Снова и снова он переворачивал меч и бил по нему молотом, однако уже без той сокрушительной силы,

которая наполняла первые удары. Звук казался теперь почти нежным, но ученики видели приставшие к металлу черные кусочки угля.

– Сейчас надо действовать быстро. Нельзя дать железу остыть перед закалкой. Следите за цветом... пора!

Голос Кавальо звучал почти нежно: его наполняла любовь к металлу. Стоило лишь раскаленному докрасна мечу потемнеть, как мастер быстро поднял его щипцами и опустил в ведро с холодной водой. Маленькая кузница моментально наполнилась паром и шипением раскаленного металла.

– И снова в жар. Это самая важная стадия. Если ошибиться в оценке цвета, меч получится мягким и бесполезным. Смотрите внимательно! Запоминайте оттенок, иначе все, чему я вас учил, окажется напрасным. Мне этот цвет напоминает засохшую за один – именно один – день кровь, но каждый из вас должен найти собственное сравнение.

К этому моменту подоспел второй клинок, и кузнец повторил процедуру ковки на поддоне с раскаленными углями, снова взметая в воздух веер огненных искр. Теперь уже ни у кого из присутствующих не возникало вопроса, зачем потребовалось надевать тяжелые и неуклюжие кожаные фартуки. Несмотря на все предосторожности, один из римлян громко вскрикнул – на незащищенную руку попал раскаленный кусочек.

Мечи калили докрасна и погружали в угли еще четыре раза, и лишь после этого испанец удовлетворенно кивнул. Все, кто работал в кузнице, вспотели и почти ослепли от густого горячего пара. В тумане блестели лишь два клинка, со свистом рассекающие плотный воздух.

Горы уже окрасились первыми лучами восходящего солнца, но никто не заметил наступления утра. Кузнецы так долго смотрели в огонь, что все вокруг казалось им черным.

Сыновья Кавальо снова прикрыли поддон крышкой и оттащили его к стене. Пока римляне устало стирали с горячих лбов пот, Кавальо закрыл горн и убрал мехи, аккуратно повесив их на специально предназначенные для этого крюки, – теперь им предстоит дожидаться следующей плавки. В кузнице все еще стояла жара, однако действие уже закончилось: мастер Кавальо повернулся к ученикам, крепко сжимая в каждой руке по готовому мечу, еще не получившему ни собственных ножен, ни рукоятки.

Клинки казались слегка неровными. Хотя мастер ковал их на глаз, они в точности совпадали и по длине, и по форме. Когда же они остыли настолько, что уже можно было взять их в руки, римские кузнецы оценили и сходство их веса. Одобрительными кивками они оценили мастерство испанца; конечно, уже больше никто не жалел о времени, проведенном вдали от собственного горна. Все прекрасно понимали, что обрели ценное знание, и с нежностью поглаживали клинки.

Рений тоже взял меч, хотя без рукоятки ему было трудно представить его будущий вес. Клинки родились из испанской земли, и, аккуратно проводя пальцем по чуть шершавому металлу, он подумал, что непременно надо объяснить Юлию величие момента.

– Ковка на углях придает железу твердую оболочку поверх мягкой сердцевины. Меч ни за что не сломается в битве, если, конечно, вы не допустите примесей и не ошибетесь с температурой при закалке, неправильно определив цвет. Сейчас покажу, – срывающимся от гордости голосом добавил мастер.

Он взял мечи из рук римских кузнецов и жестом попросил их отойти в сторону. Затем с силой ударил каждым из клинков по краю наковальни. Мечи ответили глубоким, почти колокольным звоном. Казалось, они взяли на себя смелость возвестить зарю, даже не треснув от сильного удара. Испанец удовлетворенно и гордо вдохнул.

– Они будут нещадно убивать, – негромко проговорил он, – но сумеют превратить смерть в искусство. – Голос звучал почтительно, и окружающие поняли чувства мастера. – Начинается новый день, господа. Ваши угли будут готовы уже к полудню, и вы сможете вернуться в собственные кузницы и выковать новые мечи. Я хотел бы увидеть их, скажем, дня через три. Оставьте свои произведения без рукояток: мы сделаем их вместе чуть позже. А сейчас, пожалуй, я отправлюсь отдохнуть.

Утомленные, но исполненные почтения римские кузнецы негромко поблагодарили учителя и медленно, словно не в силах расстаться с только что родившимися клинками, вышли из мастерской.

Глава 4

Помпей и Красс поднялись со своих удобных, расположенных в тени мест, чтобы поприветствовать толпу. Собравшиеся на трибунах Главного цирка зрители встретили консулов гулом голосов и возбуждением, волной прокатившимся вдоль плотно забитых трибун. Помпей торжественно поднял руку, а Красс слегка улыбнулся, явно испытывая удовольствие от всеобщего внимания. Он считал, что после таких значительных трат уважение вполне заслуженно. На каждом из глиняных жетонов, дающих право присутствовать на состязаниях, были отпечатаны имена обоих консулов, и, хотя раздавались жетоны бесплатно, Красс слышал, что на протяжении нескольких недель до события они служили валютой. Многие из тех, кто сейчас сидел на трибунах, с нетерпением ожидая первого заезда, дорого заплатили за эту привилегию. Красс не переставал ценить в своем народе практичность: люди умудрялись превратить в источник прибыли даже подарки.

Погода стояла прекрасная, и проплывающие по голубому небу редкие кудрявые облачка выглядели изысканной декоративной деталью. На трибунах активно заключались пари. В воздухе царило волнение, и Красс не мог не заметить, что семейных групп мало. Печально было наблюдать, как гонки неизбежно заканчивались потасовками среди зрителей, занимающих дешевые места, — проигравшие пари обязательно затевали драку. Всего лишь месяц назад, чтобы восстановить порядок, пришлось вызывать отряд легионеров. В самом последнем забеге фаворит подвел своих поклонников и проиграл; в результате на трибунах завязалась драка и пять человек погибли.

Вспомнив об этом случае, Красс нахмурился. Не хотелось бы повторения пройденного. Повернувшись, он увидел, что люди Помпея стоят и у входа, и между рядами. Охранников вполне достаточно, чтобы сбить спесь даже с самых заносчивых. Консул явно не хочет, чтобы год его правления ассоциировался с массовыми беспорядками. При нынешнем положении вещей его поддержка кандидатов на предстоящих выборах будет очень важной. Впереди оставалось еще больше половины срока, однако сенатские фракции уже изменяли свой состав: те, кто надеялся на самые высокие посты, постепенно завоевывали известность. Красс прекрасно понимал, что

приобретенная популярность окажется залогом успеха в будущем году, а может быть, и еще дольше.

Красс внимательно взглянул на соконсула, пытаясь определить, планирует ли Помпей будущее так же, как и он сам. Каждый раз, когда закон не давал действовать, ограничивая полномочия, Красс утешался тем, что Помпей тоже не свободен в выборе средств. Рим больше не позволит бесконечно продлевать консульство, как семь раз подряд продлевал Марий. То дикое время уже миновало – вместе с Суллой и гражданской войной. И все же ничто не могло помешать Помпею растить преданных последователей.

Каждый раз, оказываясь рядом с Помпеем, Красс стремился стряхнуть угнетающее ощущение неравенства. Все начиналось с внешности: в отличие от Красса с его острыми, резкими чертами, Помпей выглядел именно так, как и должен выглядеть настоящий консул, – солидный, с широким и сильным лицом, начинающий слегка седеть. Правда, Красс подозревал, что благородная седина – отчасти результат использования пудры. Но определить наверняка было трудно, даже сидя рядом.

Словно боги и без того не достаточно его наградили, Помпей пользовался их благословением и в военных начинаниях. Он пообещал народу очистить моря от пиратов, и всего лишь через несколько месяцев римский флот успешно изгнал разбойников из чистых вод Средиземного моря. Помпей пообещал обеспечить бурное развитие торговли и очень скоро выполнил свое обещание. Никто в городе и не подумал поблагодарить Красса за то, что именно он финансировал предприятие, равно как и за то, что взвалил на собственные плечи всю тяжесть потери нескольких кораблей. Он был вынужден снова и снова швырять людям деньги, чтобы они хоть иногда вспоминали о его существовании, в то время как Помпей спокойно нежился в лучах обожания.

Красс задумчиво барабанил пальцами по колену. Граждане Рима способны уважать лишь то, что находится перед их глазами. Собери он собственный легион и отправь его патрулировать улицы города, они будут благословлять его каждый раз, как кто-нибудь из воинов поймает вора или разнимет дерущихся. Без этого Помпей и не подумает обращаться с ним как с равным. Идея не нова, однако с воплощением ее спешить не стоит. Красс втайне опасался, что Помпей прав в своей

оценке его достоинств. Какие победы он, Красс, может принести Риму? Ведь суть дела не в том, что он способен одеть воинов в сияющие доспехи. Легиону необходимо достойное командование. Помпею все давалось легко, и эта легкость могла принести Крассу еще одно унижение, вынести которое он уже просто не в силах.

Консул вспомнил неудачную кампанию против Спартака. И возведенная им на юге Италии стена тоже наверняка вызывает насмешки. В сенате никто не говорил об этом вслух, однако между собой судачили все кому не лень: и сенаторы, и солдаты, и простые горожане. Правда, Помпей уверял, что разговоры ничего не значат, но ему снисходительность давалась легко и ничего не стоила. Кого бы ни избрали в конце года в сенат, Помпей в любом случае сохранит там свое влияние. Если бы Красс мог быть так же уверен в собственном положении!

Со своего почетного места сенаторы наблюдали, как на центральную дорожку трека вынесли семь деревянных яиц. В начале каждого круга одно из них предстояло убирать, так что последнее должно было означать накал борьбы в конце состязания.

Ритуал открытия уже подходил к концу, и Красс махнул рукой. Тут же появился нарядно одетый раб, готовый передать ставки своего господина. Помпей счел недостойным воспользоваться возможностью, зато Красс с пользой провел целый час в построенных под трибунами темных конюшнях вместе с возницами и лошадьми. Он считал себя знатоком и пришел к выводу, что упряжка белых испанских лошадей, которой правил Павел, просто великолепна. Красс на минуту задумался, раб же терпеливо ждал, чтобы передать ставки господина своим хозяевам. Как правило, долина у подножия холмов оказывалась очень удобной для тех лошадей, которые предпочитали мягкий грунт, однако дождя не было уже почти целую неделю, и под консульской ложей пыль на дороге спиралью поднималась в воздух. Красс никак не мог определиться со ставками, от волнения у него пересохло во рту.

– Ставлю три сестерция на упряжку Павла, – наконец произнес он, собравшись с духом.

Раб кивнул, однако стоило ему сделать шаг, как консул схватил его за руку костлявыми пальцами:

– Нет, только два. Дорога совсем сухая.

Человек ушел, а Красс кожей ощутил усмешку Помпея.

– Никак не возьму в толк, что заставляет тебя играть и делать ставки. Ведь ты один из самых богатых людей в Риме, а ставишь меньше, чем половина присутствующих здесь зрителей. Что для тебя эти два сестерция? Бокал вина?

Красс лишь повел плечами. Подобные разговоры он слышал и раньше. Помпею нравилось дразнить его, однако, как только ему потребуется снаряжать свои драгоценные легионы, он не постесняется прийти и начать клянчить деньги. Старшему из двоих это доставляло тайное наслаждение, хотя иногда он спрашивал себя, задумывается ли об этой стороне дела Помпей. Окажись Красс на его месте, ситуация стала бы для него медленным ядом, однако Помпею жизнерадостность не изменяла никогда. Этот человек совсем не понимал приносимого богатством достоинства.

– Лошадь может подвернуть ногу, а ездок совсем не застрахован от падения. Думаешь, я готов швырять деньги на ветер?

Вернулся раб и протянул Крассу жетон. Тот крепко сжал символ благополучия в руке, стараясь не замечать презрительного взгляда соконсула.

– А кто, кроме Павла, соревнуется в первом забеге? – поинтересовался Помпей.

– Еще три упряжки, господин. Одна новая, из Фракии, Даций из Мутины и вторая упряжка из Испании. Говорят, испанские лошади попали на море в шторм, а потому могут оказаться очень нервными. Большая часть зрителей сейчас ставит на Дация.

Красс смерил раба гневным взглядом.

– Ты раньше ничего этого не говорил, – резко заметил он. – Павел тоже привез лошадей из Испании. Они плыли на том же корабле и тоже пострадали в шторме?

– Не знаю, господин, – ответил раб, склоняя голову.

Красс даже покраснел, пытаясь решить, стоит ли забирать ставку, пока еще не начались скачки. Нет, только не перед Помпеем. Впрочем, если бы удалось хоть на минуту отойти...

Помпей улыбнулся. Сомнения коллеги от него не укрылись.

– Я полностью доверяю народу, – заявил он. – Сотня золотых на Дация.

Раб проявил завидную выдержку: даже не моргнул, хотя цена была выше той, за которую на торгах продали его самого.

– Конечно, господин, как пожелаете. Сейчас я принесу вам жетон.

Он бросил на Красса вопросительный взгляд, но тот лишь гневно смотрел на него.

– Быстрее, сейчас начнутся скачки, – поторопил Помпей, и раб бросился бежать.

К стоящему на краю трека горнисту с длинным бронзовым горном в руках приблизились два знаменосца. Раздался призывный звук. Толпа радостно зашумела, и ворота конюшен распахнулись.

Первым появился римлянин Даций на легкой колеснице, запряженной темными меринами. Красс даже слегка поежился: гордый, уверенный в себе возница плавно проехал перед зрителями и остановился точно перед линией старта. Он был невысокий и плотный, но толпе явно нравился: бурным приветствиям не было конца. Атлет салютовал в сторону консульской ложи, и Помпей тотчас поднялся, приветствуя всеобщего любимца. Красс последовал было примеру товарища, однако Даций уже отправился готовиться к заезду.

– Он явно рвется в бой, – жизнерадостно заметил Помпей. – Смотри, как его лошади кусают удила.

Красс промолчал, внимательно наблюдая за выездом следующей упряжки. Судя по преобладанию зеленого цвета, это фракиец. Бородатый ездок был неизвестен и неопытен, а потому мало кто из зрителей поставил на него. И все же они добросовестно приветствовали атлета, хотя многие в то же самое время вытягивали шеи, чтобы не пропустить выезд из темноты конюшен еще двух команд.

Павел подстегнул длинными поводьями своих испанских лошадей, и те стремительно вылетели на залитый солнцем трек. При виде этого великолепного зрелища Красс нетерпеливо стукнул кулаком по перилам:

– Да, Дацию придется хорошо потрудиться, чтобы победить этих красавцев. Посмотри, Помпей, как они великолепны.

Павел приветствовал консулов уверенно и торжественно. Даже на почтительном расстоянии Красс заметил, как сверкают на смуглом лице ослепительно-белые зубы, и на душе у него стало немного спокойнее. Колесница встала в один ряд с другими, а вскоре к ним присоединился и последний из соревнующихся – тоже испанец.

В конюшне Красс не заметил в лошадях никакого изъяна, но сейчас он вглядывался как можно внимательнее, пытаясь обнаружить признаки слабости. Несмотря на собственные хвалебные восклицания, Красс теперь уже не сомневался в том, что по сравнению с другими жеребцы Павла выглядели не так спокойно и уверенно. В эту минуту снова зазвучал горн, и все пари прекратились. Красс неохотно сел на место. Раб принес Помпею жетон, и консул рассеянно теребил его в руках, ожидая сигнала к началу соревнований.

Над трибунами повисла напряженная тишина. Лошади Дация внезапно чего-то испугались и шарахнулись прямо на колесницу фракийца; обоим атлетам пришлось наводить в своих упряжках порядок. Хороший возница вполне способен в галопе щелкнуть кнутом всего в нескольких дюймах от головы любой из своих лошадей, так что вскоре все уже снова стояли на местах. От взгляда Красса не ускользнула уверенность фракийца, и он невольно подумал, не упустил ли верный шанс. Среди более опытных соперников бородач даже и не думал волноваться.

Тишина продолжалась еще несколько мгновений: было слышно, как храпят и бьют копытами лошади. Потом раздался третий сигнал горна, и все вокруг моментально пришло в движение: колесницы рванулись вперед, а трибуны взорвались криком и свистом. Скачки начались.

– Ты правильно поступил, Красс, – вдруг заметил Помпей, глядя поверх голов многочисленных зрителей. – Вряд ли в Риме найдется хоть один человек, у которого твоя щедрость вызывает сомнение.

Красс быстро взглянул на соперника, думая, что тот насмехается. Но Помпей казался абсолютно бесстрастным и, судя по всему, даже не заметил взгляда.

Внизу, на треке, колесницы уже доехали до первого поворота. Легкие экипажи описывали на песке широкую дугу, лошади бежали размашистым аллюром. Возницы отклонились в сторону, пытаясь уравновесить крен: от падения их могли спасти только собственное мастерство и сила. Зрелище стало особенно впечатляющим, когда Даций с удивительной точностью промчался сквозь узкий просвет между двумя экипажами и возглавил гонку. Красс невольно нахмурился: такое развитие событий его не очень устраивало.

– Ты уже решил, кого будешь поддерживать в конце года на пост консула? – поинтересовался он, стараясь говорить как можно спокойнее.

Помпей улыбнулся:

– Рановато об этом думать, друг мой. Пока что меня вполне устраивает собственное консульство.

Столь откровенная фальшь не могла не покоробить. Красс слишком хорошо знал коллегу, чтобы поверить подобным заверениям. Не выдержав пристального взгляда, Помпей пожал плечами.

– Думаю, можно убедить сенатора Пранда внести свое имя в список, – произнес он.

Наблюдая за соревнованием, Красс вспоминал все, что знал об этом человеке.

– Да, ты прав, не самый плохой выбор. А он знает о твоей... поддержке?

Все спокойствие Помпея уже улетучилось. Глаза его сияли: Даций продолжал лидировать. Правда, Крассу показалось, что уважаемый консул всего лишь разыгрывает интерес, чтобы вызвать раздражение у соперника.

– Помпей! – напомнил Красс о своем существовании.

– Он не доставит неприятностей, – коротко ответил Помпей.

Ответ Крассу понравился. Ни сам Пранд, ни его сын Светоний не обладали в сенате серьезным влиянием. Но в этом и состояло преимущество: слабые консулы не помешают ни Помпею, ни ему самому продолжать управлять Римом по собственному усмотрению. Изменится лишь то, что из публичных людей они превратятся в частных. Конечно, пересесть из первого ряда в последний не слишком приятно – в этом они солидарны. Красс спросил себя, знает ли Помпей о том, что семья Пранда у него в долгу, что в случае победы этого человека на выборах он получит возможность контролировать ситуацию.

– Если ты уверен в Пранде, я мог бы тоже поддержать его, – громко, чтобы перекрыть рев толпы, ответил Красс.

Помпея такой поворот явно удивил.

– Великолепно. А не знаешь, Цинна будет участвовать в выборах?

Красс покачал головой:

– После смерти дочери он совсем отошел от политики. Ты что-нибудь об этом слышал?

Красс, волнуясь, взял Помпея за руку, и тот невольно поморщился. Красс ощутил укол ненависти к этому заносчивому, чванливому выскочке. Какое право имеет он так откровенно демонстрировать презрение, особенно если учесть, что именно Красс оплачивает содержание роскошных особняков Помпея?

– Нет, Красс, ничего не знаю. Но если Цинна не вступит в игру, нам придется искать другую кандидатуру на роль второго консула.

Шел уже четвертый круг заезда. Даций уверенно лидировал, за ним шел фракиец. Павел шел третьим, а завершали цепочку пострадавшие от морской болезни испанские лошади. Толпа одобрительно шумела; все смотрели туда, где колесницам предстояло завернуть за угол и начать пятый круг. Убрали очередное деревянное яйцо, а голоса зрителей уже охрипли от крика.

– А что ты думаешь о Юлии? Ведь его пребывание в Испании заканчивается, – задумчиво произнес Красс.

Помпей взглянул настороженно. Он все еще подозревал коллегу в симпатиях к Цезарю, которых сам вовсе не разделял. Разве не этот человек уладил дело с долгами Десятого легиона, когда Юлий возглавил его?.. Помпей покачал головой:

– Только не он, Красс. Этот пес умеет кусаться. Уверен, тебе неприятности нужны не больше, чем мне самому.

Даций увеличил разрыв, и Красс продолжал возбужденно говорить, довольный, что сумел нарушить невозмутимое спокойствие соперника.

– Говорят, что Цезарь очень успешно повел дела в Испании. Привлек под наше влияние новые земли и города. Я даже слышал разговоры о том, что ему собираются устроить триумфальную встречу.

Помпей смерил Красса острым взглядом и нахмурился:

– Ничего не слышал ни о каких триумфальных встречах. И по моему, я высказался достаточно ясно. Когда служба в Испании подойдет к концу, я постараюсь сразу отослать его еще куда-нибудь. Может быть, в Грецию. Так что забудь все свои планы, Красс. Я видел, как мои собственные люди стояли под дождем, приветствуя этого человека. Мои люди отдадут почести какому-то чужаку!.. Надеюсь, ты

хорошо помнишь Мария. Городу не нужен еще один такой же выскочка, особенно в качестве консула.

Красс не спешил отвечать на эту тираду, и Помпей предпочел принять молчание за согласие.

Внизу события развивались бурно. Дация догнала испанская колесница. Но в тот самый миг, когда оба экипажа поравнялись, испанский возница дрогнул и на долю секунды потерял управление лошадьми. Даже столь малой оплошности оказалось достаточно: со страшным грохотом, заглушившим дружный вопль ужаса на трибунах, колесницы столкнулись, и вот уже лошади, опрокинувшись, с громким ржанием беспомощно бьются на земле.

Фракиец изо всех сил натянул вожжи, чтобы замедлить ход своей колесницы и обойти неожиданное препятствие. Хлестнув тех лошадей, которые шли ближе к месту события, он заставил их ускорить бег. Резкое изменение аллюра едва не опрокинуло его самого. Толпа в ужасе наблюдала, как маленький человек мучительно борется, пытаясь сохранить равновесие. Затем опасное место было успешно пройдено, и люди на трибунах дружно поднялись с мест, аплодируя искусству атлета.

Помпей не смог сдержать проклятия – Даций неподвижно лежал на песке, неестественно вывернув ногу. Может, ему и удастся выжить, но вот управлять колесницей уже не придется никогда.

– Подай знак охранникам, которых я тебе выделил, Красс. Как только люди очнутся от шока, начнется драка.

Красс решительно сжал губы и, поймав взгляд центуриона, поднял сжатую в кулак руку. Legionеры пошли меж рядов, и, как оказалось, вовремя. Пережив волнение за судьбу лошадей и возниц, люди осознали, что потеряли свои ставки, и теперь отчаянными криками выражали разочарование. Последние круги заезда прошли без происшествий и почти не привлекли внимания зрителей. Фракиец победил, первым преодолев финишную прямую, однако публика реагировала вяло. Уже завязались потасовки; legionеры действовали быстро и решительно, не стесняясь бить дерущихся мечами, пусть и плашмя.

Помпей дал знать собственной охране, что собирается уходить, и legionеры принялись расчищать ему дорогу. Взглянув на Красса, он заметил его недовольство, поскольку соперник вовсе не собирался

скрывать отношения к происходящему. На улице Помпей глубоко задумался, не обращая никакого внимания на волнение за спиной.

Юлий спешил на краю деревни, и лошадь принялась спокойно щипать траву между камнями древней дороги. До этого они с Сервилией долго ехали по холмистой местности, не встречая никаких признаков человеческого жилья. Места были удивительно красивы – леса чередовались с нависающими над зелеными долинами меловыми скалами. Пока они добирались сюда, солнце успело преодолеть полуденную черту. Судя по всему, в этом краю царствовали дикие животные: всадники не раз замечали, как от них шарахаются в стороны то благородный олень, то кабан.

Юлий специально выбирал самые безлюдные тропы, иногда намеренно удлиняя путь. Казалось, путешествие вдвоем вполне его устраивает, и Сервилия чувствовала себя польщенной. Порой создавалось впечатление, что они одни на всем белом свете. Тенистые леса хранили молчание, и всадники пробирались, чувствуя себя почти призрачными существами. Неожиданно лес сменялся залитой ярким солнечным светом цветущей и благоухающей долиной; тогда всадники радостно подстегивали лошадей и веселым галопом уносились прочь от тьмы, не останавливаясь до тех пор, пока у лошадей, да и у них самих, не сбивалось дыхание. Сервилия не могла припомнить столь приятно проведенного дня.

Деревня, в которую привел ее Юлий, оказалась странным местом у самого подножия гор. Неподалеку текла река, но, как и в лесу, полная тишина не нарушалась звуками голосов. Покосившиеся от времени дома стояли полуразрушенными, из окон буйно выбивались дикие папоротники и плющ. Все вокруг говорило о запустении и полной разрухе. Укрепленные на прочных кожаных петлях двери зияли открытыми проемами, а на ведущей к центру деревни улице во все стороны разбегались испуганные лошадьми дикие звери. Пустота и тишина вокруг не позволяли даже разговаривать – любое слово казалось вторжением в чужой мир, нарушением границ дозволенного. Сервилия невольно вспомнила отвечающие эхом своды храма и вновь с недоумением спросила себя, зачем Юлию понадобилось сюда ехать.

– Почему деревня опустела? – негромко поинтересовалась она.

Юлий пожал плечами:

– Причины могут быть самые разные – вражеское вторжение, болезнь. Или жители просто решили поискать себе новое место. Когда я впервые сюда попал, то провел в деревне несколько дней. Причину запустения мне так и не удалось понять – все произошло слишком давно. Место очень странное, однако я его люблю. Настолько, что, если мы когда-нибудь доберемся сюда, проложим новые дороги и обустроим улицы, мне будет жаль, что эта дикая красота пропала.

Под ногой Юлия хрустнул запыленный черепок, и он поднял его. Подув, повертел в руках, пытаюсь понять, что именно это было прежде, при людях. Керамика оказалась такой хрупкой, что развалилась прямо в пальцах.

– Наверное, когда-то это место напоминало Валенсию. Рынок, полно всякой всячины, дети бегают вместе с курами... Сейчас даже трудно себе представить.

Сервилия оглянулась, пытаюсь вообразить полную людей и жизни улицу. Совсем рядом по стене пробежала ящерица, внимательно взглянула блестящими круглыми глазками и юркнула в щель, под покосившийся наличник.

В прогулке по этому странному месту было что-то мистическое. Казалось, с минуты на минуту дома наполнятся голосами, а улица оживет, как будто движение не останавливалось ни на минуту.

– Зачем мы сюда приехали? – шепотом спросила Сервилия.

Ее спутник взглянул искоса, со странной улыбкой:

– Скоро покажу.

С этими словами он свернул за угол, на еще более заросшую улицу.

Дома казались почти кучами мусора, но за ними можно было разглядеть небольшую площадь. Солнце нагрело воздух и землю, и Юлий нетерпеливо ускорил шаг: ему явно хотелось поскорее выйти на открытое пространство. Древние камни, которыми была вымощена площадь, давно заросли травой и дикими цветами, однако Юлий шагал, не обращая на них никакого внимания, глаза его были прикованы к покосившемуся пьедесталу и лежащей рядом с ним разбитой статуе. Разглядеть лицо изображенного человека было невозможно, так как белый камень раскрошился на кусочки, однако Цезарь приблизился к поверженному изваянию с искренним благоговением. Он привязал лошадей к выросшему посреди площади,

между камнями, деревцу и склонился над мраморными останками, осторожно проведя по ним рукой. Даже в столь жалком состоянии было заметно, что статуя когда-то изображала могучего человека. Сервилия рассмотрела следы высеченных букв и провела по ним пальцем.

– Кто это? – почему-то шепотом спросила она.

– Один испанский ученый сказал мне, что здесь написано «Царь Александр».

От наплыва чувств голос Юлия дрогнул, и спутнице внезапно захотелось еще раз дотронуться до него и ощутить тепло живого тела. Она с удивлением заметила на лице Цезаря слезы. Да, этот непреклонный человек смотрел на разбитую статую и плакал!

– Что случилось? Я не понимаю... – Сервилия импульсивно погладила его руку. Рука оказалась горячей, и Юлий не отстранился.

– Больно смотреть... – тихо объяснил он, вытирая глаза. Потом на мгновение крепко сжал руку спутницы, но тут же выпустил. Еще раз взглянул на поверженное каменное изваяние и пожал плечами, уже обретая обычное самообладание. – К тому времени, как ему исполнилось столько лет, сколько мне сейчас, он уже покорил мир. Говорили, что он был богом. По сравнению с ним я прожил жизнь даром.

Оба осторожно присели на край постамента. Прикосновение тел оказалось совсем легким, но Сервилия ощутила его, как ожог. А Юлий заговорил снова, размеренным голосом воспоминаний:

– Мальчиком я любил слушать истории о его жизни, битвах и победах. Он был... поразительный. Еще подростком держал в своих руках мир. Я пытался представить... один раз даже увидел его путь...

И снова Сервилия погладила его, теперь уже по лицу. Он вдруг, словно впервые, ощутил прикосновение и поднял голову, взглянув на нее.

– Эта статуя здесь специально для тебя, – почти шепотом произнесла красавица, сама не зная, предлагает ли нечто большее, чем просто надежду на славу, или что-то личное.

Казалось, Юлий услышал в ее словах оба значения и снова сжал руку спутницы. На сей раз его глаза с молчаливым вопросом сомкнулись с ее мягким взглядом.

– Я хочу всего, – едва слышно проговорил Цезарь.

Непонятно, кто из них первым потянулся вперед. Это просто случилось – поцелуи и объятия у ног Александра.

Глава 5

Обстоятельства сложились так, что в те дни, когда Сервилии не удавалось найти повод отправиться куда-нибудь верхом, время тянулось страшно медленно. Дела в «Золотой руке» шли прекрасно, тем более что из Рима приехали двое дюжих молодцов, которым ничего не стоило успокоить даже самого отчаянного гуляку. Однако, вместо того чтобы радоваться успеху, хозяйка постоянно ловила себя на том, что не может не думать о странном молодом человеке, способном одновременно и напугать, и вызвать жалость. Лишь силой воли ей удавалось удержаться, чтобы не пригласить его на верховую прогулку и дожидаться приглашения самой. Когда же наконец приглашение следовало, она радовалась, словно девочка, и не могла удержаться от смеха, в то же время удивляясь собственному поведению.

Они шли по волнующемуся от свежего ветра полю, и Сервилия остановилась, чтобы вплести в свой венок очередной цветок. Юлий тоже остановился, он выглядел куда спокойнее и увереннее, чем раньше. Казалось, угнетавшая его тоска отступила, рядом с Сервилией он выглядел почти счастливым. Трудно было поверить, что их первая совместная поездка – такая знаменательная – случилась всего лишь несколько недель назад. Сервилии казалось, что она начала понимать самые сокровенные стороны его жизни. Юлий же чувствовал себя так, будто знает свою спутницу всю жизнь.

В ее присутствии отступали страшные мысли, которые раньше приходилось безжалостно топить в вине. Кошмары отказывались уходить совсем, но прятались в самые темные углы, и одно это приносило облегчение. Цезарю казалось, что красавица принесла его душе благословение Александра Великого, а благословение героя спасало от доводящих до отчаяния мрачных наваждений. Хотя бы на время можно было скинуть с плеч тяжкий груз ответственности и забыть об обязанностях. И все это за час или два, которые они проводили наедине, в теплых лучах солнца, согревающих душу и сердце.

Сервилия наклонилась, чтобы сорвать цветок, потом выпрямилась. Юлий внимательно наблюдал за ней, удивляясь силе собственных переживаний. Спутница казалась непредсказуемой. Порою она обнаруживала такое понимание тонкостей римской жизни, такие глубокие познания в делах сената, что у Цезаря едва не захватывало дух. А через минуту вся серьезность куда-то бесследно улетучивалась, и Сервилия беспечно смеялась, радуясь красивому цветку или яркой бабочке.

После первой поездки в заброшенную деревню, к разбитой статуе, Брут поощрял новую дружбу. Он видел, что общение с Сервилией успокаивает мятежный дух друга. Казалось даже, что так давно мучившие его раны начинают постепенно затягиваться.

– Помпей совершил страшную ошибку, приказав распять мятежных рабов, – негромко заметил Юлий, вспоминая бесконечный ряд крестов вдоль дороги и мучеников, отчаянно, как избавление, призывающих смерть. Прошло четыре года со времени восстания, которое возглавил Спартак, однако страшные события все еще были свежи в памяти. Вороны наелись тогда до такой степени, что не могли подняться в воздух, и лишь недовольно каркали, когда посланные Юлием люди пытались их отогнать. – Мы с самого начала не сулили рабам ничего, кроме смерти. Они знали, что убежать не удастся. Их вожди оказались слабы, и Помпей, одержав победу, связал восставших и распял на крестах вдоль южной дороги.

– Ты бы не сделал этого? – не удержалась Сервилия от провокационного вопроса.

– И сам Спартак, и его гладиаторы должны были умереть, но среди них нашлись смельчаки, которые не побоялись выступить против легионов и сумели одержать победу. Нет, я поступил бы иначе: создал бы из них новый легион, а во главе его поставил самых отчаянных и неумолимых центурионов. Помпей же просто так, ради удовлетворения собственного тщеславия, погубил шесть тысяч лучших воинов. Была возможность распорядиться ими по-хозяйски, с толком... Беда в том, что Помпей не способен заглянуть дальше собственных мелких амбиций. Он придерживается давно устаревших правил, в то время как мир идет все дальше и дальше.

– Однако римляне бурно приветствовали именно Помпея. Он занял место первого консула, и его радостно встретили граждане.

Красс – второй, он так и остается в тени.

– Лучше бы эти люди сами решили судьбу рабов, – негромко возразил Юлий. – Тогда они смогли бы стоять, гордо подняв голову, а не сгибаться до земли, чтобы целовать Помпею ноги. Всегда лучше вырастить собственный хлеб, а не просить кусок у правителя. Знаешь, в этом и заключается наша слабость: мы умеем выбирать недостойных властителей.

Юлий с трудом находил слова, способные точно выразить теснившиеся в голове мысли, и Сервилия остановилась, внимательно глядя спутнику в глаза. День выдался жаркий, и одета она была в тонкую полотняную тунику, а волосы собрала в пучок и перевязала серебристой лентой, открыв плечи и шею. Каждая проведенная вместе минута приносила чувствам Юлия новый оттенок. Сейчас ему непреодолимо захотелось поцеловать нежную спутницу.

– Но ведь он избавил народ от морских разбойников. За одно это ты должен быть благодарен ему больше всех.

– Разумеется, я признателен Помпею за обретенное спокойствие в путешествиях, хотя мне и хотелось решить задачу самому. К сожалению, Помпей совсем не способен мечтать. В мире немало мест, богатых золотом и драгоценными камнями, однако он бездействует, ограничиваясь жалкими увеселениями. Люди голодают, а он строит храмы, призывая их молиться о богатстве.

– Ты смог бы сделать больше? – мягко поинтересовалась Сервилия, взяв спутника за руку.

Прикосновение оказалось теплым, и мысли странным образом рассеялись, уступив место удивившему его самого порыву страсти. Ответ прозвучал неуверенно, будто слова с трудом находили себе дорогу:

– Да, я непременно сделал бы больше. Мы можем получить столько золота, что самые бедные из граждан заживут в достатке. Дело за малым – взять те богатства, которые нас ждут. Во всем мире нет ничего, подобного Риму. Говорят, что Египет богаче, но мы еще слишком малы, чтобы взять его богатства в свои руки. Если Помпей считает, что те легионы, которые у нас есть, смогут обеспечить безопасность границ, значит он просто спит и видит сны. Первое, что необходимо сделать, – это вырастить новых воинов, а за службу платить им золотом и землями.

Сервилия опустила руку. В этом молодом мужчине кроется такая сила! Ее собеседник, которого она так остро сейчас желает, вовсе не похож на холодного замкнутого военачальника, встретившего ее у ворот форта. Интересно, к чему приведет пробуждение?

Стремление обладать Цезарем удивило и почти испугало Сервилию. Она не привыкла к подобным переживаниям. Мужчины, которые в нее влюблялись, никогда не получали больше той внешней оболочки, которой так жаждали. Они могли дойти до полного изнеможения, не получив в ответ ни единого искреннего вдоха. И лишь этот странный молодой человек одним взглядом прозрачных голубых глаз приводил ее в замешательство. Странные глаза с широкими черными зрачками, – наверное, из-за этих зрачков он так жмурился, едва оказавшись в лучах солнца. Зато эти глаза обладали даром видеть ее насквозь, заглядывая под оболочку внешнего лоска в самую глубину души.

Сервилия вздохнула и пошла дальше. Она ведет себя просто глупо. Не очень-то пристало особе ее возраста потерять голову при встрече с ровесником собственного сына. Подумав об этом, красавица провела рукой по густым, волнистым темным волосам. Нет, возраст пока еще не слишком заявляет о себе. Она хорошо и продуманно питается, старательно ухаживает за лицом и телом. Сервилии не раз говорили, что на свои почти сорок она вовсе не выглядит – невозможно дать ей больше тридцати. Однако порою приходилось ощущать собственный возраст, особенно в городе, рядом с Крассом. Иногда вдруг, откуда ни возмись, подступала меланхолия, и тогда Сервилия плакала без всякой видимой причины, пока слезы не прекращались сами собой, не оставляя следа.

Сомневаться не приходилось: этот молодой человек может получить любую из самых красивых девушек города. Так зачем же ему та, которой приходится тщательно скрывать следы, оставленные прожитыми годами?

Сервилия так крепко сжала руки, что едва не сломала только что сплетенный роскошный венок. Конечно, при желании ей удастся разбудить в этом мужчине страсть. По сравнению с ней самой он юн и невинен. Дело вовсе не сложное, и какой-то частью своего существа она стремилась к победе, мечтая растаять в пылких объятиях на

мягкой густой траве. Сервилия тут же остановила себя. Глупая девчонка. Нельзя было целоваться, вот и все.

Опасаясь, что спутник заметит рассеянность или невольный румянец, она быстро заговорила:

– Ты просто давно не видел Рима, Юлий. Сейчас в городе так много бедняков. Армия рабов вовлекла почти всех. На полях уже некому работать, зато нищие облепляют, словно мухи. Помпей хотя бы дает людям возможность ощутить вкус торжества, пусть и при пустом желудке. Сенаторы не осмеливаются противоречить ему даже в малом, опасаясь, как бы толпа не поднялась и не смела их всех. Когда я уезжала, мир в городе казался очень хрупким, и вряд ли он окреп с тех пор. Ты просто не представляешь, как близка та черта, за которой начинается хаос. Сенат живет в постоянном страхе перед бунтом, который по силе не уступит восстанию Спартака. Все, кто располагает хоть какими-то средствами, нанимают телохранителей, а бедняки безнаказанно убивают друг друга прямо на улицах. Рим переживает тяжелые времена, Юлий.

– Так может быть, мне пора вернуться? Что ни говори, а собственную дочь я не видел уже четыре года, да и Помпей у меня в долгу. Не настала ли пора вернуть причитающееся и снова заняться делом?

На какой-то миг лицо Цезаря озарилось страстью, и внутренний огонь сразу заставил вспомнить того человека, которым Сервилия восхищалась несколько лет назад, во время суда. Тогда Юлий привел сенат в восторг, сумев одержать справедливую победу над врагами. Но свет померк, и спутник лишь раздраженно вдохнул:

– Раньше у меня была жена, которая разделяла со мной все сложности и неприятности; был Тубрук – не только друг, он почти заменил мне отца; был дом. Будущее казалось сплошной чередой радостей и наслаждений. Теперь не осталось ничего, кроме новых мечей и золотых приисков. Все это не имеет никакого смысла. Я многое отдал бы всего за час общения с Тубруком или за возможность снова увидеть Корнелию и попросить у нее прощения за все неисполненные обещания.

Цезарь провел рукой по глазам и снова зашагал. Сервилии очень хотелось взять его за руку; она знала, что это принесет немалое облегчение, но усилием воли сдержалась. Прикосновение неизбежно

повлечет за собой продолжение, и, хотя красавица мечтала об объятиях молодого и сильного мужчины, у нее хватило выдержки, чтобы не броситься в ту опасную игру, которую она так хорошо знала – знала всю свою жизнь. Женщина помоложе непременно воспользовалась бы минутами слабости, но Сервилия не хотела даже пытаться. Возможность еще обязательно представится.

И в этот самый момент Юлий повернулся к спутнице и сжал ее в объятиях так сильно, что едва не причинил боль. Губы его жадно искали поцелуя. Сервилия уступила, не в силах противостоять страсти.

Оказавшись во дворе форта, Брут легко соскользнул с коня. Десятый легион проводил в горах сложные учения, и Октавиан зарекомендовал себя очень хорошо: он толково распорядился подразделением, которым командовал, и искусно обошел Домиция. Не теряя времени, Брут стремительно вошел в здание. Мрачное настроение, еще недавно господствовавшее в укреплении римлян, к счастью, миновало. А это означало, что Юлий искренне порадуется успехам своего молодого родственника. Как говорил когда-то Марий, у Октавиана надежные руки и широкие плечи.

Часовой, которому надлежало находиться у самого основания лестницы, оставил свой пост и отошел в сторону. Взбегая на второй этаж, Брут услышал его окрик, но лишь усмехнулся.

Юлий возлежал рядом с Сервилией. Внезапное шумное и бесцеремонное вторжение Брута всполошило обоих. Юлий, нагой, в ярости вскочил с ложа и бросился к другу.

– Убирайся вон! – прорычал он.

От неожиданности зрелища Брут замер на месте. Но через несколько секунд, придя в себя, с искаженным лицом, повернулся и выскочил вон, резко захлопнув за собой дверь.

Юлий взглянул на Сервилию, уже сожалея о том, что поддался необузданному гневу. Небрежно накинув одежду, сел на широкое ложе. Запах духов наполнял воздух; он знал, что и сам пахнет этими духами. Юлий резко поднялся, стремясь оказаться в стороне и от ложа, и от женщины и решая, как теперь вести себя и что делать.

– Я сама выйду к нему, – негромко произнесла Сервилия, поднимаясь.

Растерянный и расстроенный, Юлий едва замечал ее наготу. Как они могли заснуть? Однако запоздалые сожаления бесплодны. Юлий отрицательно покачал головой и завязал сандалии:

– Извиняться должен я, а не ты. Поэтому я и пойду к нему.

– Но ты же не будешь извиняться... за меня? – обманчиво спокойным голосом уточнила Сервилия.

Юлий повернулся и посмотрел ей в глаза.

– Ни за единый проведенный с тобой миг, – нежно ответил он.

Сервилия подошла, и он обнял ее, удивившись, как, оказывается, приятно обнимать обнаженную женщину, оставаясь полностью одетым. Несмотря на тревогу за Брута, Юлий улыбнулся.

– Сейчас он немного успокоится, и можно будет попробовать обсудить ситуацию, – попытался успокоить возлюбленную Цезарь, хотя и сам не слишком верил собственным словам.

Уверенным движением он пристегнул к поясу ножны. Сервилия неожиданно испугалась.

– Я не хочу, чтобы между вами произошло что-то серьезное, – жалобно взмолилась она. – Юлий, прошу тебя!

Цезарь принужденно рассмеялся:

– Он еще ни разу не причинил мне боли.

Выйдя из комнаты, он плотно закрыл за собой дверь.

Выражение его лица ментально изменилось, и вниз он спустился с видом угрюмым и непреклонным.

В общем зале сидели Домиций, Кабера и Цирон. Полководцу показалось, что все они смотрят на него осуждающе.

– Где он? – коротко и резко спросил Юлий.

– На плацу. На твоём месте я оставил бы его в покое. Кровь его бурлит вовсю, так что не время выяснять отношения.

Цезарь на секунду задумался, однако обычная дерзость, как всегда, одержала верх. Он сам заварил всю эту кашу, ему ее и расхлебывать.

– Брут – мой давний, самый старый друг, и все должно остаться между нами.

Брут в одиночестве стоял посреди пустого плаца, в руке его ярко блестел меч работы Кавальо. Увидев Юлия, коротко кивнул, и тот едва не остановился: темная угроза исходила от всего облика друга. Если

дело дойдет до схватки, он не сможет одержать над Брутом верх. Даже украв победу, не найдет в себе достаточно сил, чтобы забрать эту жизнь.

Брут поднял клинок в первую позицию, и Юлий моментально изгнал все лишние мысли – так, как учил Рений: это враг и его надо убить.

Юлий обнажил меч.

– Интересно, ты ей заплатил? – негромко спросил Брут, моментально лишив противника собранности.

Юлий подавил резкий укол гнева. Они учились боевому мастерству у одного человека, а потому нельзя поддаваться на провокации.

Противники начали кружить по площадке.

– Мне казалось, что я все знаю и понимаю, но верить не хотелось, – не унимался Брут. – Надеюсь, что ты не опозоришь меня, а потому старался не волноваться.

– В этом нет никакого позора.

– Есть. Еще как есть! – упрямо повторил Брут и сделал выпад.

Юлий знал боевой стиль Брута лучше всех, однако ему с трудом удалось отразить направленный в самое сердце удар. Прием смертельный, и прощать его нельзя. Гнев начинал захлестывать, движения становились все стремительнее, шаг тверже, а чувства острее. Что же, чему быть, того не миновать.

Юлий метнулся вперед, низко нагнувшись, и резкий неожиданный выпад заставил противника отпрянуть. С трудом увернувшись, Брут в свою очередь начал наносить удар за ударом.

Наконец, тяжело дыша, воины разошлись. Юлий крепко сжал левую руку, пытаясь зажать глубокую рану на ладони. Но кровь все равно сочилась – медленно, крупными каплями – и тут же впитывалась в песок.

– Я люблю ее, – произнес Цезарь. – И люблю тебя. А потому достаточно. Хватит.

С выражением откровенного отвращения на лице он отбросил меч в сторону и, безоружный, остановился перед другом.

Брут приставил острие меча к его горлу:

– Они все знают? Кабера, Домиций, Октавиан?

Юлий смотрел в упор, изо всех сил стараясь не мигать:

– Возможно. Брут, мы ничего не планировали. И уж разумеется, я вовсе не думал, что ты вот так влетишь в комнату.

Острие меча осталось единственной неподвижной точкой во вращающемся мире. Юлий крепко сжал губы, пытаясь успокоиться. Сознательно расслабил все до единой мышцы и стоял, просто ожидая. Умирать очень не хотелось, но уж если суждено встретить смерть, то лучше встретить ее с холодным презрением.

– Это не игра и не шутка. Ни для меня, ни для нее.

Меч внезапно опустился, и огонь безумия в глазах Брута моментально погас.

– Несмотря на все, что есть между нами, я не задумываясь убью тебя, если ты принесешь ей хоть малейшую боль.

– Отправляйся к ней. Она волнуется за тебя, – словно и не заметив угрозы, приказал Цезарь.

Брут смерил друга долгим, пристальным взглядом и зашагал прочь, оставив его в одиночестве посреди плаца. Юлий посмотрел вслед уходящему, а потом, сморщившись от боли, раскрыл ладонь. На мгновение гнев запылал снова. Он повесил бы любого, кто осмелился бы поднять против него меч. Никаких извинений здесь быть просто не может.

Но они с Брутом вместе выросли, а это что-нибудь да значит. Возможно, стоит простить даже предательский удар прямо в сердце. Юлий задумался, продолжая смотреть туда, где скрылся Брут. Можно ли доверять этому человеку?

Следующие полтора месяца оказались непереносимо тяжелыми: напряжение не спадало. Несмотря на то что Брут нашел в себе силы поговорить с матерью и даже, сжав зубы, благословил союз, ему никак не удавалось стряхнуть с себя гнев и чувство одиночества.

Без единого слова объяснения Юлий снова начал сам тренировать Десятый легион. Он устраивал многодневные походы, на протяжении которых сохранял молчание, если не считать резко отдаваемых приказов. Легионеры сносили лишения и усталость ради короткого одобрительного кивка своего командира, а одно это значило куда больше, чем все лестные речи, которые только можно сочинить.

Оказываясь в форте, Цезарь засиживался далеко за полночь, работая над письмами и расчетами. Он не жалел созданного здесь,

в Испании, золотого резерва. Посылал гонцов в Рим, чтобы заказать в Александрии новые доспехи и оружие, а из всех испанских городов через горы тянулись караваны с припасами и продовольствием. Чтобы добыть достаточно железной руды и изготовить новые мечи по методу Кавальо, требовалось разрабатывать бесчисленные рудники. Чтобы получить древесный уголь, надо было валить деревья. Каждый из пяти тысяч солдат Десятого легиона получал на день по два, а то и три задания.

Офицеры одновременно и страдали от перегрузки, и радовались тому, что их полководец наконец-то обрел прежнюю энергию. Задолго до того, как Юлий отозвал своих подчиненных с важных постов, которые они занимали по всей стране, люди уже знали, что Десятый легион в скором будущем покинет Испанию. Эта страна просто слишком мала, чтобы с честью выдержать размах деятельности их военачальника.

Юлий выбрал самого достойного из испанских грандов и назначил его временным правителем – до тех пор, пока Рим не пришлет кого-то из своих сыновей. Он передал дела и печать в надежные руки, а сам вновь с головой окунулся в работу, на несколько дней лишая себя и сна, и еды, – пока от изнеможения не падал с ног. Короткий отдых – и он снова в строю, и все шло по-прежнему. Все вокруг взирали на Цезаря с опаской, не зная, каких результатов ожидать от подобной безудержной энергии.

Брут пришел рано утром, когда весь лагерь еще крепко спал. Постучав в дверь, он услышал в ответ неясное бормотание и вошел.

Цезарь сидел за столом, на котором громоздились географические карты и глиняные таблички. Все, что не поместилось, лежало вокруг, просто на полу. Увидев Брута, он поднялся, но некоторое время бывшие друзья молчали: холодность и враждебность лишила слов. Теплые товарищеские чувства оказались бессильны перед ледяной стеной.

Брут с трудом проглотил застрявший в горле комок.

– Прости, – наконец тихо проговорил он.

Юлий молчал, неподвижно наблюдая и словно ожидая продолжения. Лицо его оставалось холодным, ничто в нем не говорило ни о расположении, ни о былой дружбе, которой так не хватало Бруту.

Он попытался начать еще раз:

– Я вел себя как глупец, но ты ведь знаешь меня достаточно, чтобы простить. Я остаюсь тебе другом. Твой меч, помнишь?

Цезарь кивнул, словно принимая объяснения.

– Я люблю Сервилию, – тихо ответил он. – Я собирался все рассказать тебе, но случилось то, что случилось, – слишком быстро и внезапно. Все это не игра и, кроме того, глубоко личное. Я не собираюсь отчитываться за чувства даже перед тобой.

– Стоило мне увидеть вас вместе... – начал Брут.

Юлий предостерегающе поднял руку:

– Достаточно. Все уже в прошлом.

– Неужели ты ни за что не хочешь снять с моих плеч этот тяжкий груз? – почти с отчаянием спросил Брут, качая головой.

– Он не может быть легким, – ответил Юлий. – Ты был для меня самым близким человеком на свете и все же хотел вонзить меч в самое сердце. Такое трудно простить.

– Что?! Я не...

– Я знаю, что говорю, – твердо стоял на своем Цезарь.

Брут словно обмяк. Не произнеся больше ни слова, он подвинул скамью и сел. Юлий опустился в кресло, в котором сидел до прихода товарища.

– Так ты ждешь, чтобы я продолжил извинения? Я был вне себя от ярости. Решил, что ты использовал ее, как... Это было ошибкой, заблуждением. Прости. Что еще я должен сказать? Чего ты от меня хочешь?

– Хочу знать, что могу тебе полностью доверять. И хочу забыть все, что между нами произошло.

Брут поднялся:

– Ты можешь мне доверять. И сам это знаешь. Ведь ради тебя я покинул Перворожденный.

Двое посмотрели друг другу в глаза, и на лице Цезаря проскользнула улыбка.

– А ты заметил, как я парировал твой выпад? Жаль, что Рений не видел нашего поединка!

– Конечно, ты был необычайно хорош, – с сарказмом ответил Брут. – Такой ответ тебя устраивает?

– Думаю, продолжи мы схватку, я вполне мог бы выйти из нее победителем. – Голос Юлия звучал уже почти жизнерадостно.

Брут не выдержал:

– Ну, это заходит уж слишком далеко!

Напряжение спало, оставив лишь слабый след.

– Я собираюсь вести легион обратно в Рим, – торопливо, словно радуясь, что вновь обрел человека, способного разделить его планы, заговорил Юлий.

Интересно, страдал ли Брут от разрыва так же, как он сам?

– Мы все всё знаем, – прямо ответил Брут. – Дело в том, что мужчины сплетничают ничуть не меньше женщин. Ты затеял это для того, чтобы бросить вызов Помпею?

Брут задал вопрос как бы между прочим, слово от ответа на него не зависела жизнь пяти тысяч человек.

– Вовсе нет. С помощью Красса он правит совсем не плохо. Я собираюсь выставить свою кандидатуру на выборах новых консулов.

Не отводя взгляда от лица Брута, Цезарь ожидал реакции.

– Ты надеешься победить? – задумчиво уточнил тот. – У тебя в запасе будет всего лишь несколько месяцев, а память у людей очень коротка.

– Я единственный оставшийся в живых потомок Мария. И я им об этом напомню, – решительно ответил Юлий, и Брут ощутил укол былого возбуждения.

Он задумался о произошедшем в последние несколько месяцев полном возрождении друга. Теперь уже разящий гнев окончательно испарился, ведь не приходилось сомневаться в той роли, которая принадлежала в этом возрождении его матери. Даже его дорогая маленькая Ангелина глубоко почитала Сервилию, и он начинал понимать, за что именно.

– Уже почти утро. Тебе не мешало бы поспать, – заключил Брут.

– Нет, не сейчас. До того как мы снова увидим Рим, предстоит еще масса важных дел.

– Ну, тогда, если не возражаешь, я останусь с тобой, – решительно, хотя и с трудом подавляя зевоту, заявил друг.

Цезарь улыбнулся:

– Не возражаю. Мне как раз нужен помощник, который смог бы писать под диктовку.

Глава 6

Рений стоял на дне пересохшей реки и, запрокинув голову, смотрел на мост. На нем, словно муравьи, толпились строители – и римляне, и испанцы. Люди осторожно передвигались по бревенчатым лесам, скрывавшим произведение их рук. Сухое русло пролегло футов на двести ниже вымощенной камнями дороги. Как только строительство моста закончится, насыпанную выше по течению дамбу сломают и вода хлынет в привычное ложе, моментально скрыв каменные опоры. Строители уйдут, суета закончится, а река спокойно потечет дальше, омывая новый, украшенный изящной резьбой мост. Старый гладиатор наблюдал за работой и думал, что вряд ли кто-нибудь еще увидит новый мост так, как он, со дна реки.

Рений с гордостью вслушивался в команды и распоряжения: строители начали поднимать очередной каменный блок – новое звено моста. Голоса эхом отдавались внизу, и Рению слышалась в них такая же гордость, какую испытывал он сам. Все вокруг не сомневались в вечности дела своих рук.

Новый мост откроет путь к плодородной долине, раскинувшейся вдоль реки. Скоро здесь вырастут новые селения, а дороги протянутся дальше, туда, где будут жить люди. Поселенцев привлекут богатая земля, надежная торговля, а главное, чистая вкусная вода, текущая по подземным акведукам, обустройство которых продолжалось три года.

Рений с интересом наблюдал, как толпа сильных мужчин дружно тянет конец толстого каната: еще одно усилие, и каменный блок точно опустится на приготовленное для него место. За стуком и скрипом команды едва слышались, зато было хорошо видно, как Цирон, перегнувшись через перила лесов, машет руками, направляя движение. Строители щедро обмазали все поверхности обточенного камня строительным раствором. Цирон крепко обхватил блок могучими руками и, придерживая его, начал вместе со всеми скандировать, направляя движения рабочих, тянущих трос. Рений затаил дыхание: хотя никто не мог состязаться с гигантом в силе и выносливости, тем не менее сейчас ему угрожала страшная опасность. Ведь камень мог сорваться и просто-напросто раздавить его. Больше того, если вдруг рабочие не рассчитают и камень с первой же попытки не войдет в

отведенное ему гнездо, то своим весом он разрушит строительные леса и потянет за собой вниз всех, кто на них работает.

Даже здесь, внизу, было хорошо слышно, как кряхтит Цирон, ворочая блок. Раствор сползал и кусками падал вниз, в сухое русло. Прикрыв глаза рукой, Рений с гордой улыбкой наблюдал за работой, готовый в любую минуту увернуться, если раствор полетит в его сторону.

Цирон вызывал симпатию. Гигант не умел красиво говорить, да и вообще не отличался многословностью. Но едва дело доходило до тяжелой работы, он оказывался поистине незаменимым, не боялся никаких усилий. Одно лишь это его качество вызывало чувство благодарности. Поначалу Рения удивляло, что ему самому доставляет удовольствие обучать Цирона таким приемам, которые более опытным легионерам казались элементарными. Легион не мог останавливаться ни перед долиной, ни перед горами. А потому каждый воин прекрасно понимал, что нет и не может быть такой реки, через которую нельзя построить мост, так же как нет такой местности, по которой нельзя проложить дорогу. Везде, куда бы ни попал Десятый легион, он возводил свой маленький Рим.

От приятных мыслей Рения отвлек неожиданно показавшийся неподалеку одинокий всадник в легких доспехах. Он спускался с берега, направляясь как раз к тому месту, где стоял старый гладиатор. Было видно, что ему очень жарко, а кроме того, проезжая под мостом, он инстинктивно пригибал голову, словно в случае опасности это движение могло его защитить. Действительно, одного лишь упавшего сверху молота вполне хватило бы, чтобы убить коня, не говоря уже о всаднике. И все же Рению подобная осторожность показалась забавной.

– Ты везешь мне весть? – поинтересовался Рений.

– Да, господин. Легат просит твоей помощи в форте. А еще он просил тебя привезти с собой человека по имени Цирон.

– Работы осталось совсем немного, парень. Почти закончен последний пролет.

– Легат приказал явиться немедленно.

Рений нахмурился, потом, прищурившись, внимательно посмотрел вверх. Только глупец способен кричать что-то человеку, который тащит камень едва ли не тяжелее самого себя. Но Цирон уже

закончил работу и теперь стоял, вытирая тряпкой пот со лба. Рений набрал в легкие побольше воздуха:

– Спускайся, Цирон! Нас с тобой ждут в форте!

Яркое солнце припекало вовсю, но Октавиан не ощущал жары: спасал свежий ветер. Его отряд в пятьдесят всадников галопом несся вниз с самого крутого холма из всех, которые приходилось видеть юноше. Если бы он сам сегодня рано утром не осмотрел склон, то ни за что не решился бы на подобный головокружительный спуск. Но земля была плотной и достаточно ровной, так что никто из опытных всадников не пострадает. И правда, сейчас все они уверенно справлялись с задачей, управляя лошадьми твердой рукой, и крепко держались в седле. Нечего и говорить, на таком крутом склоне и при такой скорости сделать это совсем не легко. Октавиан поморщился – седельная лука больно ударила в пах.

Брут выбирал холм вместе с юношей, желая испытать реальную силу и искусство всадников. Сейчас он ожидал их со своей центурией внизу, у подножия холма. Даже на скаку Октавиан заметил, как волнуются воины, инстинктивно стремясь уйти в сторону от копыт бешено несущихся вниз лошадей.

Пытаясь перекричать грохот, Октавиан приказал воинам выстроиться в линию. Всадники рассыпались по холму, а потому пришлось напрягаться изо всех сил, чтобы привлечь внимание поглощенных спуском людей. Отчаянно удерживаясь коленями, Октавиан привстал в седле и вытащил из ножен меч. От такого положения ноги в стремях отчаянно сводило, но юноша терпел и мчался вперед.

У подножия холма склон оказался неожиданно пологим, и Октавиан с трудом удержал равновесие. Отряд на полном ходу ворвался в построенную ровными рядами центурию. Ожидающие всадники крепко держали лошадей, сохраняя достаточную дистанцию. Несущиеся на головокружительной скорости воины всего лишь за несколько секунд пролетели сквозь стройные ряды центурии и показались на равнине, в противоположном ее конце. Промчавшись мимо офицера, Октавиан успел заметить, как тот побледнел.

Юноша возбужденно приказал своим людям развернуться и перестроиться. Кое-кто из воинов не мог сдержать улыбки; на лицах

читалось облегчение – все прошло успешно. Они спокойно подъехали к отряду Брута. Его всадникам сегодня тоже потребовалось немало храбрости, выдержки и хладнокровия.

Брут заговорил, слегка повысив голос, чтобы все могли услышать его слова:

– Да, если нужно, мы действительно можем быть устрашающей силой. Когда вы приближались, даже я едва не умер со страху, хотя твердо знал: вы должны лишь проскочить сквозь наши ряды.

Воины Октавиана радостными криками приветствовали откровенное признание, хотя и не слишком ему поверили. Кто-то похлопал юношу по плечу, а сам Брут повернулся к нему с широкой улыбкой:

– Ну вот, теперь вы и сами знаете, на что способны. Осталось проверить вашу выдержку. Стройтесь широкими рядами, а я поведу своих всадников вверх. Поменяемся ролями. Октавиан, держи отряд крепко, особенно когда мы окажемся совсем рядом. Уверен, ты многому научишься.

Октавиан, еще не успев остыть от возбуждения атаки, усилием воли подавил неизвестно откуда взявшуюся нервозность и улыбнулся. Брут спешил, чтобы вести коня вверх по крутому склону, но в эту минуту заметил приближающегося всадника.

– Что бы это значило? – словно про себя пробормотал он.

Всадник спешил и поднял руку в приветственном салюте:

– Легат Цезарь просит тебя и Октавиана явиться в форт.

Брут понимающе кивнул и с улыбкой повернулся к своей отборной сотне:

– Представьте, что ваши офицеры погибли в первой атаке. Неужели вы запаникуете и позволите хаосу завладеть рядами? Продолжайте без нас. Надеюсь, что, когда вы вернетесь в форт, я услышу подробный доклад об успешном завершении учений.

Октавиан и Брут последовали примеру посыльного и повернули коней. А уже через пару секунд они галопом скакали в сторону форта.

Кабера с детским восторгом провел пальцем по голубому шелку. Его удивлению и восхищению не было предела – словно малое дитя, он радовался изысканным украшениям, которые Сервилия заказала в Риме для своего заведения, «Золотой руки», и хозяйка уже начала

сердиться. Однако Кабера никак не мог остановиться: вот он бросился в другую сторону и, взяв в руки изящную статуэтку, начал внимательно ее рассматривать.

– Итак, теперь ты видишь, – снова начала Сервилия, – что я пытаюсь создать благородное, чистое заведение, а некоторые солдаты пользуются толченым мелом, чтобы запудрить сыпь...

– И все это ради удовольствия! – продолжал восторгаться Кабера, едва слушая ее слова. – О чем тут говорить, я готов умереть в таком доме!

Сервилия нахмурилась, а он отошел к краю устроенного в полу углубления, устеленного шелковыми подушками. Вопросительно взглянул на хозяйку, но та лишь решительно покачала головой:

– Юлий сказал, что ты хорошо разбираешься в кожных болезнях. Я готова хорошо платить, если ты согласишься обслуживать мое заведение.

Ей пришлось сделать паузу, так как веселый старик все-таки прыгнул на кучу подушек и, радостно хихикая, начал кататься по ним.

– Работа нетрудная, – упрямо гнула свою линию Сервилия. – Мои девочки и сами распознают проблему, если увидят симптомы, однако на случай возможных разногласий мне необходим человек, способный профессионально заняться... ну, скажем, проблемным мужчиной. Я прошу поработать временно, до тех пор пока не найдется постоянный доктор из города.

Кабера продолжал хулиганить, а Сервилия изумленно наблюдала за его проделками.

– Зарплата – пять сестерциев в месяц, – выложила она главный козырь.

– Пятнадцать, – неожиданно став серьезным, потребовал Кабера.

Пока хозяйка изумленно обдумывала услышанное, он быстро поднялся и аккуратно расправил старую рубашку.

– Не больше десяти, милый. За пятнадцать я запросто могу нанять местного врача и поселить его здесь, чтобы он был всегда под рукой.

Кабера презрительно фыркнул:

– Во-первых, местные ничего не знают, а во-вторых, вы просто потеряете комнату, и все. Согласен на двенадцать, но предупреждаю, что беременностями заниматься не буду. Для этих дел нанимайте кого-нибудь еще.

– У меня здесь не какой-нибудь захудалый притон, – вспыхнула Сервилия. – А мои девочки, как все женщины, прекрасно умеют следить за луной. Больше того, каждая из них знает, что стоит ей попасть впросак, как она тут же получит расчет. Впрочем, обычно они снова возвращаются – уже после того, как отлучат ребенка от груди. Десять – моя окончательная цена.

– Осмотр интимных мест наших солдат стоит еще пары сестерциев, уважаемая, – жизнерадостно стоял на своем Кабера. – А кроме того, я не прочь захватить с собой несколько подушечек.

Сервилия потеряла терпение:

– Эти подушечки стоят дороже твоих услуг, старик. Пусть будет двенадцать, но никаких подушек.

Кабера удовлетворенно потер руки:

– Полагаю, плата за первый месяц работы – вперед. Да и чарка вина не помешала бы, в честь успешной сделки.

Сервилия открыла было рот, чтобы произнести очередную колкость, но тут за ее спиной раздалось деликатное покашливание. Зашла Нади, одна из новых девушек, лишь недавно поступивших на работу. Глаза ее были тщательно подведены и казались настолько же жесткими, насколько мягким и нежным было тело.

– Госпожа, у входа ждет посланник из легиона.

– Веди его сюда, Нади, – изобразив улыбку, распорядилась Сервилия. Как только девушка удалилась, хозяйка, словно оса, накинулась на врача: – Вылезай оттуда, быстро. Не заставляй краснеть за твое поведение.

Кабера выбрался из шелковой ямы, не забыв засунуть под рубашку маленькую подушечку: благо Сервилия в этот момент отвернулась, приветствуя гонца.

На щеках молодого человека пылал румянец, и по лукавой улыбке стоящей рядом Нади Сервилия догадалась, что девушка уже успела с ним поговорить.

– Госпожа, Цезарь просит тебя явиться в форт. – Молодой человек взглянул на Каберу. – И тебя тоже, целитель, – добавил он. – Мне поручено сопровождать вас обоих. Лошади ждут у крыльца.

Сервилия задумчиво потерла лоб, не обращая ни малейшего внимания на то выражение, с которым смотрел на нее гонец.

– А мой сын там будет? – уточнила она.

Гонец коротко кивнул:

– Созывают всех, госпожа. Осталось разыскать только центуриона Домиция.

– О, это совсем не трудно сделать, – с едва заметной иронией заметила Сервилия. – Он наверху.

Сказав это, красавица с интересом наблюдала, как огненный румянец молодого человека опустился со щек на шею и пополз дальше – под тунику. Она почти слышала, как бешено колотится в его груди сердце.

– На твоём месте я не спешила бы подниматься к нему.

Все расселись в просторной комнате с окнами во двор. Встречаясь взглядами, они не могли не заметить всеобщего возбуждения. Юлий стоял у окна, ожидая появления последнего из приглашенных. С гор в комнату залетал прохладный ветерок, слегка освежая разгоряченные движением и волнением лица, однако напряжение все равно оставалось почти болезненным, едва выносимым. Кабера неожиданно вытащил из-под рубашки шелковую подушечку, и Октавиан нервно засмеялся. Рений держал кубок с вином так крепко, словно хотел его раздавить.

Как только охранник плотно закрыл дверь, Брут осушил свою чашу и усмехнулся:

– Ну, Юлий, ты собираешься поведать, зачем так спешно собрал нас всех?

Взгляды сосредоточились на человеке у окна. Обычная усталость неожиданно пропала, и он держался прямо, словно до блеска начищенные доспехи придавали сил.

– Друзья. Сервилия. Я хочу заявить, что наши дела в этой стране завершены. Пора возвращаться домой.

Последовало минутное молчание, а потом, словно очнувшись, все принялись бурно выражать свою радость, а Сервилия, словно девочка, запрыгала от восторга.

– Пью за приятную новость! – провозгласил Рений и залпом осушил кубок.

Юлий расстелил на столе карту, не забыв прижать ее по углам, и все столпились вокруг. Сервилия почувствовала себя вдали от общего

дела, но Цезарь с улыбкой взглянул на нее, и ощущение одиночества моментально исчезло. Все должно быть хорошо.

Мужчины принялись обсуждать, как лучше переправить пятитысячный легион из Испании в Рим. Сервилия же занялась собственными расчетами. Дело в «Золотой руке» лишь недавно наладилось. Кто же займется заведением после ее отъезда? У Ангелины полностью отсутствует деловая хватка. Если оставить дело в ее руках, через год услуги окажутся бесплатными. Может быть, Нади? Железное сердце и достаточно опыта. Но умно ли ей доверять? Не присвоит ли она половину дохода? Внезапно Сервилия услышала собственное имя и вернулась к реальности.

– ...нет, не сушей, во всяком случае сейчас. Сервилия подала хорошую идею при встрече с капитаном, который возит ей товары из Рима. Я прикажу мобилизовать все суда, которые в настоящее время ходят между Испанией и Римом. Выносить план за пределы этой комнаты не следует. Как только капитаны узнают, что их ждет, тут же сбегут в море, чтобы там переждать события.

– Почему ты решил уйти отсюда? – негромко поинтересовался Кабера.

Разговоры вокруг стола стихли, а Юлий, не убирая палец с карты, поднял голову.

– С Испанией покончено, – веско ответил он. – Сейчас мое место не здесь. Ты же сам мне это говорил. Если я дослужу здесь до окончания срока, Помпей отправит меня в очередную ссылку, подальше от родного города. А в случае отказа это назначение и вообще окажется последним. Консул не дает второго шанса. – Юлий едва заметно постучал пальцем по кружку на карте – за этим кружком стоял его любимый Рим. – В конце года состоятся выборы двух консулов. Я возвращаюсь на родину, чтобы попытаться занять одну из почетных должностей.

Кабера пожал плечами:

– Ну попробуешь, а потом? Неужели будешь сражаться за город, подобно Сулле?

Юлий застыл, устремив неподвижный взгляд на Каберу.

– Нет, старина, – наконец негромко произнес он. – Помпей уже ничем не сможет мне навредить. Заняв место консула, я обрету неприкосновенность. И снова окажусь в гуще событий.

Кабера хотел было прекратить препирательства, однако упрямство взяло верх над рассудком.

– Хорошо. А после? Брут будет муштровать Десятый легион, а ты – сидеть и сочинять законы, которые никто не сможет понять? Или, как и здесь, займешься картами и мостами? – Рений схватил Каберу за плечо, пытаясь заставить его замолчать, но старик не желал подчиняться. – Если сумеешь открыть пошире глаза, то сразу увидишь, что на самом деле существует множество куда более важных проблем.

Рений сжал худую руку, и Кабера поморщился от боли.

– Если мне удастся стать консулом, – медленно и веско произнес Цезарь, – то я заберу все, что люблю, самые дикие места, которые смогу разыскать на земле. Ты это хочешь от меня услышать? Что Испания для меня слишком спокойна и мала? Я знаю. И сумею найти собственный путь, Кабера. Боги любят Рим и внимательно слушают тех, кто разговаривает с ними из этого города. А отсюда до них труднее докричаться.

Юлий улыбнулся, пытаясь за улыбкой скрыть разгоревшийся гнев, и, обернувшись, заметил, что Сервилия внимательно наблюдает за ним из-за плеча Октавиана. Рений отпустил плечо лекаря, и старик пронзил его злым взглядом.

Чтобы как-то сгладить конфликт, Брут решил обсудить детали похода:

– Если начать собирать корабли уже сегодня вечером, то когда их окажется достаточно, чтобы погрузить весь Десятый легион?

Юлий едва заметно склонил голову в знак благодарности:

– Самое большее через месяц. Я дал знать в городе, что нам потребуются капитаны для перевозки крупного груза. Думаю, тридцати кораблей будет вполне достаточно. Сенат ни за что не позволит мне подойти к Риму целым легионом, в полном его составе, а потому мне потребуется лагерь на побережье. Я возьму с собой золото. Для осуществления моих планов его у нас вполне достаточно.

Сервилия внимательно слушала бесконечные споры. Солнце уже садилось, но, кроме нее, этого никто не заметил. Почти не обратили внимания и на охранника, который вошел неслышным шагом и зажег лампы. Через некоторое время единственная присутствовавшая на совете женщина тихо вышла, чтобы заняться собственными

приготовлениями к отъезду. Прохладный ночной воздух приятно освежал – в комнате было душно.

Сквозь открытые окна голоса спорящих разносились по всему двору. Часовые у ворот увидели Сервилию и нетерпеливо шагнули навстречу.

– Правда, что мы возвращаемся в Рим, госпожа? – не выдержал один из них.

Не приходилось удивляться подобной осведомленности. Она сама нередко получала самую ценную информацию от людей низших сословий.

– Правда, – коротко ответила Сервилия.

Часовой улыбнулся:

– Пора домой.

Когда Десятый легион действовал, он действовал быстро. Уже за день до совета десять самых крупных судов, стоящих в порту Валенсии, арестовали. К ярости капитанов, драгоценный груз без всяких церемоний выбросили на берег и отправили на склады до лучших времен. Все это делалось для того, чтобы освободить места для воинов, снаряжения и сопутствующего груза.

Все хранившееся в форте золото тщательно упаковали и отправили на корабли, не забыв выставить надежную охрану вдоль всей дороги в порт, буквально на каждом метре пути. Горны и наковальни кузнецов разобрали и привязали к массивным деревянным волокушам. Волы тянули их до самой пристани, а потом и дальше – в темные трюмы кораблей. Мощные военные баллисты оказались расчлененными на отдельные части и тоже отправились на суда, так что устойчивые торговые корабли погружались все глубже и глубже по мере того, как с берега приносили бесконечную поклажу. Чтобы выйти из гавани, флоту потребуется самый высокий прилив, и Цезарь рассчитал день заранее – отплытие было назначено ровно через месяц после формального объявления о возвращении на родину. Если все пойдет так, как предусмотрено, без непредвиденных обстоятельств, то в Рим Десятый легион прибудет за сто дней до выборов новых консулов.

Назначенный Юлием наместник оказался человеком весьма честолюбивым, так что не приходилось сомневаться в том, что он

будет работать как раб ради сохранения новой должности. После ухода легионеров не начнется никаких беспорядков – дисциплина сохранится на такой же высоте, как и при римлянах. По приказу Цезаря наместник перевел на восток страны две когорты, состоящие из местных жителей, которые уже несколько лет служили римлянам. Этим сил казалось вполне достаточно для поддержания мира и порядка, и Юлий с удовольствием думал о том, что все проблемы теперь будет решать кто-то другой.

Однако, прежде чем корабли смогли бы выйти в море, предстояла еще огромная работа. Цезарь продолжал изнурять себя заботами, отказываясь от еды и сна. Он устраивал встречи с важными людьми из самых дальних уголков страны, старательно объясняя им, что же именно происходит. Богатые прощальные дары обеспечивали римлянам всеобщую поддержку и благословение всех испанских провинций.

Наместник тоже получил приятный сюрприз. Во-первых, он с радостью услышал о том, насколько прибыльными стали рудники за время правления Цезаря. Во-вторых, ему предоставили возможность взять в казне легиона значительный заем, выплатить который предстояло в течение последующих пяти лет. Не важно, кто будет занимать пост к концу этого срока, – главное, что долг останется долгом. Разработка рудников и приисков должна продолжиться, и часть нового богатства, несомненно, будет декларирована. Однако не раньше, чем должность превратится в постоянную, не без хитрости отметил про себя Юлий. Не стоит возбуждать жадность людей, подобных Крассу.

Выйдя во двор, Цезарь невольно зажмурился – солнце палило нещадно. Ворота стояли распахнутыми настежь, и в форте царило некое запустение, напомнившее о заброшенной деревне с валяющейся на земле статуей Александра Великого. Сравнение не слишком приятное. Утешало, однако, то, что уже наутро должны были прибыть испанские когорты, а с их появлением форт ожидала новая жизнь.

Солнечный свет помешал заметить стоящего возле ворот молодого человека. Он явно ожидал легата. Юлий свернул к конюшням, но в этот момент человек заговорил и вывел его из глубокой задумчивости. Рука бывалого воина сама собой легла на рукоятку меча.

– Легат! У тебя не найдется для меня свободной минутки? – спросил юноша.

Юлий всмотрелся и узнал говорящего. Его имя, кажется, Адан. Когда-то его помиловали.

– В чем дело? – нетерпеливо поинтересовался Юлий.

Адан подошел ближе, и Юлий крепче сжал меч. Он не сомневался, что в случае необходимости без труда справится с молодым испанцем. Но ведь за ним могут оказаться и другие. Опыт подсказывал, что нельзя терять бдительности. Глаза скользнули к воротам, пытаясь определить, не появился ли возле них кто-нибудь еще.

– Мэр нашего города, уважаемый Дель Субио, сказал, что тебе нужен писарь. Так вот, я хорошо умею и читать, и писать по-латыни.

Цезарь взглянул на него с нескрываемым подозрением.

– А Дель Субио не сказал тебе, что я собираюсь возвращаться в Рим? – поинтересовался он.

Юноша кивнул:

– Это знают все. Мне очень хочется увидеть Рим, но для этого нужна работа.

Юлий смерил парня внимательным, оценивающим взглядом. Он верил в свою безошибочную интуицию. Нет, у юноши открытое, честное лицо. Вполне возможно, что испанец не кривит душой, хотя мотивы его и вызывают подозрение, особенно в нынешних обстоятельствах.

– Бесплатно добраться до Рима, а потом раствориться на рыночной площади? Так, Адан? – уточнил он.

Юноша лишь пожал плечами:

– Даю честное слово. Больше мне нечего прибавить. Я умею хорошо работать и очень хочу посмотреть мир. Вот и все.

– А почему ты решил работать именно на меня? Ведь на твоих руках лишь недавно высохла римская кровь.

Адан густо покраснел, но гордо поднял голову, словно решив не сдаваться так просто:

– Ты человек чести, легат. В то время, когда я всеми силами души мечтал об освобождении родины от римлян, ты поступил совершенно неожиданно. Клянусь, я сделаю все, чтобы ты не пожалел о том, что взял меня.

Цезарь нахмурился. Судя по всему, парень не осознает опасности собственных слов. Помнит ли он о том, как стоял в длинной комнате перед воинами, из последних сил пытаясь обуздать страх?

– Мне еще предстоит научиться доверять тебе, Адан, а это придет только со временем. Все, что я буду тебе говорить, может быть продано за огромные деньги. Сможешь ли ты хранить тайну?

– Как ты сам только что сказал, это прояснится со временем. Мое слово надежно.

В этот момент Юлий наконец принял решение, и взгляд его посветлел.

– Ну что ж, хорошо, Адан. Поднимись в мою комнату и принеси бумаги, которые лежат на столе. Я продиктую письмо и посмотрю, на что ты годишься. Затем ступай прощаться с родственниками. Мы отплываем в Рим через три дня.

Глава 7

Бруту было плохо. Его рвало. Стоя на палубе и перегнувшись через поручни, он едва не выворачивался наизнанку.

– Я совсем забыл, каково это... – жалобно простонал он.

Цирон в ответ лишь махнул рукой. Ему самому было ничуть не лучше. Только что в море отправились последние капли выпитого в Валенсии вина. Порыв ветра донес до обоих брызги омерзительной жидкости. Брут с отвращением вздрогнул.

– Отодвинься от меня, осел, – прохрипел он.

Желудок уже давно опустел, но спазмы начались снова, и Брут беспомощно сморщился от ощущения страшной горечи во рту.

С востока надвигались темные тучи, а испанский берег остался за кормой. В ожидании шторма корабли отошли подальше друг от друга. Те, что шли на веслах, сохраняли некоторую видимость управления, хотя из-за качки палубы по очереди оказывались слишком высоко над водой, чтобы весла могли достать до нее. Капитаны, предпочитавшие паруса, надеялись на якоря, огромные тюки ткани и бревна, которые могли замедлить ход судна, оказывая ветру некоторое сопротивление. Впрочем, все уловки были почти бесполезны. Шторм принес с собой тьму, и корабли потеряли друг друга из виду, сражаясь с бушующими волнами в полном одиночестве.

Очередной вал накрыл палубу. Брут, вздрогнув, из последних сил уцепился за поручень, но деревянный настил все равно уходил из-под ног. Весла беспомощно барахтались в мощных ударах волн, и оставалось лишь гадать, будет угодно небесам пощадить суденышко или же скоро придет конец.

Вокруг царила кромешная тьма – такая густая, что невозможно было разглядеть стоящего неподалеку Цирона. Зато стоны великана были слышны даже сквозь рокот волн. Брут закрыл глаза. Ведь когда-нибудь это мучение должно закончиться? Все шло хорошо до тех пор, пока они не вышли в открытое море и не началась дикая, жестокая качка. Именно тогда и подступила тошнота – она затмила весь мир и заставляла стоять на палубе, крепко держась за поручни и склонившись над водой. Ему хоть повезло: он стоял на корме. Тем же, кто остался в трюме, еще хуже. То, что там творилось, могло сравниться лишь с ночным кошмаром.

Та часть его сознания, которая еще не потеряла способность думать о чем-то, кроме морской болезни, подсказывала, что, прежде чем зайти в порт Остии, кораблям придется на день-другой задержаться, став на якорь. Ведь необходимо привести суда в надлежащий вид, да и воинам Десятого легиона не помешает вернуть былой лоск. Войди они в порт в таком виде, как сейчас, рабочие непременно решат, что войско потерпело сокрушительное поражение в какой-нибудь страшной битве.

За спиной раздались шаги. Брут обернулся, пытаясь разглядеть человека, однако темнота поглотила фигуру.

– Кто здесь? – хрипло спросил Брут.

– Юлий, – бодро ответил подошедший. Судя по всему, на него шторм не действовал. – Я принес тебе воду. По крайней мере будет с чем выворачиваться наизнанку.

Страдалец слабо улыбнулся и, взяв флягу, крепко прижал к губам бронзовое горлышко. Однако качка не сразу позволила сделать хотя бы несколько глотков. Цирон протянул руку и с шумом влил в себя чуть ли не половину содержимого.

Брут понимал, что надо спросить о состоянии лежащих в трюме людей, о курсе, которого они должны придерживаться, чтобы беспрепятственно пройти между островами Сардиния и Корсика... Но ему было настолько плохо, что просто не хватало сил чем-то

интересоваться. Голова раскальвалась от тошноты и слабости; удалось лишь слабо махнуть рукой, словно прося прощения.

Судно отчаянно накренилось, и все трое потеряли равновесие. В трюме что-то загрохотало. Юлий поскользнулся на вставшей на дыбы палубе и непременно упал бы, не поддержи его мощной рукой Цирон. Цезарь благодарно похлопал спасителя по плечу.

– В такой тьме трудно вести корабль, – пожаловался он. – Не видно ни земли, ни других судов. Завтра тебе предстоит ночная вахта – вместе со мной. Как только шторм закончится, не сможешь оторвать глаз от звездного неба – такая красота. Не волнуйся, морская болезнь никогда не продолжается больше пары дней.

– Надеюсь, – с сомнением согласился Цирон.

Ему не нравилось, что Юлий ведет себя так легкомысленно и до неприличия жизнерадостно, когда все вокруг ожидают неминуемой смерти. Что касается его самого, то он готов пожертвовать месячным жалованьем, лишь бы хоть на час избавиться от мучений.

Держась за поручни, Юлий пошел по палубе дальше, собираясь поговорить с капитаном. Казалось, торговец уже полностью смирился со своей участью и даже снизошел до разговоров с заполнившими его корабль воинами. Опытный моряк предупредил незваных пассажиров, чтобы те вели себя в шторм как можно осторожнее.

– Если кого смоеет волной, считайте, вам конец. Даже если бы мне и удалось повернуть назад – а это невозможно, – все равно в такой сумятице в море человека не разглядеть. Так что проще не бороться за жизнь, а глотнуть побольше воды и отправиться на дно. Во всяком случае будет быстрее, да и мук поменьше.

– Мы на курсе, капитан? – поинтересовался Юлий, подойдя вплотную к согнувшемуся под ветром человеку в тяжелом плаще.

– Узнаем, когда сядем на мель возле Сардинии. Правда, я проходил здесь много раз, – спокойно ответил капитан. – Ветер дует с юго-востока, а мы идем против него.

В полной темноте рассмотреть лицо капитана было невозможно, но голос звучал совершенно спокойно. Едва на корабль обрушились первые порывы мощного ветра, опытный морской волк приказал крепче привязать рулевые весла под углом и занял свой пост, время от времени отдавая распоряжения незаметно шнырявшим в темноте матросам.

Держась за перила, Юлий раскачивался вместе с судном. Ему было весело. Плавание на «Ястребе», которым командовал капитан Гадитик, казалось далеким до нереальности. Однако стоило лишь дать волю воображению, и оно тут же переносило в другое время и в другое море. Интересно, помнит ли те давние дни Цирон? Тогда им обоим не раз пришлось рисковать жизнью в погоне за пиратом, потопившим небольшое суденышко.

Цезарь закрыл глаза, вспоминая тех, кто погиб во время этого преследования. Особенно жаль Пелиту – он был очень хорошим человеком. В те времена жизнь казалась совсем простой, а жизненный путь – ясно предначертанным. Сейчас же вдруг открылось слишком много возможностей – столько, что вполне хватило бы сразу на нескольких человек. Если удастся получить место консула, можно будет или остаться в Риме, или повести свой легион в новые земли – в любую точку земли. Александр уже делал это до него. Юный царь повел свое войско на восток – туда, где встает солнце, в земли такие далекие, что многие даже не верили в их существование. Душа Юлия стремилась к той дикой свободе, которую полководец познал в Африке и Греции. Там ему не приходилось никого убеждать, не требовалось держать ответ. Задача состояла лишь в том, чтобы прокладывать новые пути.

Мысль заставила улыбнуться. Испания осталась далеко позади, и шторм снял с плеч все волнения, обязательства, сложившиеся и разрушенные отношения.

В темноте раздались торопливые шаги – кто-то еще спешил расстаться с содержимым собственного желудка. Юлий услышал отчаянный голос Адана; молодой человек в полной темноте столкнулся с Цираном и крепко выругался.

– Ты что, слон? – воскликнул испанец. – Посторонись, махина!

Цирон лишь слабо, задавленно хихикнул, радуясь, что в полку страдальцев прибыло.

В эту минуту стеной полил дождь, и где-то впереди тьму неожиданно прорезал слепящий зигзаг молнии. Все невольно пригнулись.

Невидимый в кромешной тьме, Цезарь воздел руки в благодарственной молитве. Он приветствовал шторм. Рим маячил

впереди, и молодой военачальник чувствовал себя сильным, как никогда раньше.

Дождь безжалостно заливал город. Александрия пыталась успокоиться, убеждая себя, что рядом с ней двое телохранителей, однако внезапно нависшая тьма внушала ужас. Едва померкло солнце, как улицы опустели. Горожане поспешили по домам, покрепче заперли двери и зажгли лампы. Мощеная мостовая на глазах превращалась в поток густой липкой грязи, в которой вязли ноги. Споткнувшись о невидимый камень, Александрия чуть не упала и невольно поморщилась – испачкаться совсем не хотелось.

Света на улицах не было, и каждая встречная фигура пугала. Как раз в такое время и выходят на охоту насильники и грабители, так что надеяться можно лишь на отвагу и силу Тедия и его сына.

– Не отставайте, госпожа, – раздался впереди голос Тедия. – Уже совсем близко.

В темноте с трудом можно было различить фигуру говорившего, однако уверенный голос внушал спокойствие и помогал преодолеть страх.

Неожиданно ветер принес тошнотворный запах экскрементов, и Александрия невольно зажала рукой рот и нос – как отвратительно! Здесь трудно не испугаться. Тедий уже далеко не молод, а старая рана делает его походку не просто неровной, но даже комичной. Сын же угрюм настолько, что неизвестно, до какой степени ему вообще можно доверять.

Проходя по улице, Александрия то и дело слышала стук задвигаемых засовов – горожане спешили закрыться от незваных гостей. В Риме никто не защищал честных людей от разбойников, так что выходить на улицу в темноте отваживались лишь те, кто мог позволить себе охрану.

Впереди, на углу, неожиданно показалась группа людей – темные тени внимательно наблюдали за шагающими по улице тремя прохожими. Александрия невольно вздрогнула и тут же услышала, что Тедий вытаскивает охотничий нож. Если не переходить на другую сторону, неизбежно придется миновать опасную компанию. Девушка с трудом подавила желание броситься бегом. Она прекрасно понимала, что, оставшись без охранников, будет совершенно беззащитна перед

бандитами, и лишь это удерживало ее на месте. Сын Тедия пошел рядом, так близко, что едва не касался рукавом ее руки, однако даже это не принесло ощущения безопасности.

– Ну вот, мы почти и дома, – громко произнес Тедий, скорее не госпоже, а стоящим на углу людям, ведь Александрия знала дорогу не хуже его самого.

Голос охранника звучал совершенно спокойно. Проходя мимо незнакомцев, он прижал нож к ноге. Разглядеть в темноте лица было невозможно, но девушка ощутила определенный запах мокрой шерсти и чеснока. Один из стоящих задел ее плечом, и она едва не упала. Сын Тедия поднял меч, словно отгораживая им госпожу. Люди даже не шевельнулись, и девушка ощутила сосредоточенные на себе враждебные взгляды. Напряжение достигло предела: одно неловкое движение, и разбойники нападут.

Наконец опасное место осталось за спиной. Тедий крепко сжал руку госпожи, а его сын занял позицию с другой стороны.

– Ни в коем случае не оборачивайтесь, – шепотом приказал телохранитель.

Девушка кивнула, хотя и понимала, что движения головы в темноте никто не заметит. Интересно, идут ли разбойники следом, словно стая бродячих собак? Так хочется посмотреть! Но Тедий неумолимо тянул за руку, стремясь уйти от опасности как можно дальше. От напряжения и волнения хромота его усилилась, а дыхание стало сбивчивым и тяжелым. Он никогда не жаловался, но правая нога его находилась в самом плачевном состоянии и порою отказывалась служить.

А дождь продолжал равнодушно стучать по крышам домов, в которых уютно устроились люди, достаточно разумные, чтобы не высовывать нос во тьму, да еще в такую погоду.

Александрия отважилась оглянуться, но ничего не увидела и лишь рассердилась. Сенаторам не приходится бояться так, как ей! Они никогда не выходят на улицу без вооруженной охраны, и бандиты даже близко к ним не суются, зная, что с этой силой им тягаться не дано. Бедные люди не могли похвастать такой защитой. Кражи и потасовки случались даже среди бела дня. Нередко кто-то так и оставался лежать на дороге, а виновные спокойно уходили, прекрасно зная, что разыскивать их не будут.

– Почти пришли, госпожа, – повторил Тедий и на сей раз не солгал.

В голосе охранника чувствовалось облегчение, и девушка попыталась представить, что могло бы произойти, если бы бандиты вытащили ножи. Дрался бы он за нее до последнего или просто бросил на милость победителей?.. Нанять еще одного телохранителя? Но ведь и в его преданности не будет никакой уверенности.

Еще пара поворотов, и все трое вышли на ее улицу. Дома здесь выглядели приличнее, чем в тех лабиринтах, по которым они только что пробирались, но и грязь почему-то была гуще и глубже. Неудачный шаг – и мокрый комок залетел под накидку, попав на колено. Пропала еще одна пара сандалий. Кожа уже не будет выглядеть свежей, как ее ни отмывай.

Негромко кряхтя от боли в ноге, Тедий первым подошел к двери и постучал. Воцарилось молчание, мужчины настороженно озирались, опасаясь, что на улице кто-нибудь появится. Совсем недавно на соседней улице на женщину напали прямо возле ее собственного дома, и никто не отважился прийти на помощь.

За дверью послышались тяжелые шаги.

– Кто там? – раздался голос Атии, и Александрия наконец-то вздохнула с облегчением.

Ну вот, теперь она действительно дома. Этот голос она знает с детства. Атия – кухарка, живет в доме, и ближе нее у Александрии никого нет.

– Это я, Ати, – отозвалась девушка.

Дверь открылась, выпустив на крыльцо узкую полоску света, и Александрия быстро прошмыгнула внутрь. Тедий и его сын плечом к плечу стояли сзади, словно живая стена. Они вошли в дом за ней, сын накрепко задвинул засов, и лишь тогда Тедий спрятал нож в карман и с облегчением вздохнул.

– Спасибо вам обоим. – Благодарность госпожи прозвучала вполне искренне.

Молодой человек промолчал, а Тедий, постучав по крепкой двери, словно для уверенности, проворчал:

– Мы за работу деньги получаем.

Александрия заметила, что телохранитель стоит, не опираясь на больную ногу, и сердце ее исполнилось сочувствия. Поистине,

существуют разные формы мужества.

– Я принесу чего-нибудь горячего, а ты пока займись ногой, – предложила она.

Удивительно, но Тедий слегка покраснел:

– В этом нет необходимости, госпожа. Мы с мальчиком сами позаботимся о себе. Может быть, попозже.

Александрия молча кивнула, не зная, стоит ли настаивать. Похоже, любое проявление симпатии смущало Тедия. Судя по всему, за труд он не ждал от хозяйки ничего, кроме регулярной платы. Что ж, пусть будет так. И все-таки сегодня она чувствовала себя не в своей тарелке, а потому никак не хотела оставаться в одиночестве.

– Вы оба наверняка проголодались, а на кухне есть холодная говядина. Мне было бы приятно, если бы вы, после того как освободитесь, разделили с нами ужин.

Атия нетерпеливо переступала с ноги на ногу, а Тедий что-то внимательно разглядывал на полу. Наконец, словно собравшись с духом, он поднял голову:

– Если настаиваете, госпожа.

Охранники отправились по своим комнатам, а Александрия смотрела им вслед, словно не желая расставаться. Потом перевела взгляд на Атию и невольно улыбнулась: лицо поварихи было сурово.

– Ты слишком добра. Толку от них мало, что от отца, что от сына. Дай им волю, так они стесняться не станут. Слуги не должны забывать свое место. Им платят деньги, и этого вполне достаточно.

Александрия засмеялась. Напряжение сегодняшнего трудного вечера наконец-то начало спадать. Вообще-то, Атия и сама была служанкой, хотя этого никто и никогда не упоминал. Александрия познакомилась с ней, когда разыскивала в городе чистую и респектабельную квартиру. А когда ювелирное дело окрепло и начало приносить стабильный доход, Атия переехала вместе с новой хозяйкой в просторный дом, чтобы поддерживать в нем порядок и готовить еду. Взяв на себя роль домоправительницы, она тиранила других слуг, зато благодаря ее стараниям дом действительно походил на дом.

– Я рада, что они сопровождали меня, Атия. Если бы не они, я вполне могла бы попасть в лапы разбойников. Пара стаканов горячего вина – не слишком щедрая плата за добросовестную службу и мою безопасность. Пойдем же, я проголодалась.

Атия в ответ лишь фыркнула, однако послушно направилась в кухню.

Зал сената ярко освещали несколько дюжин укрепленных на стенах ламп. В его гулком пространстве было тепло и сухо, хотя на улице продолжался дождь, так что присутствующие не слишком спешили по домам, не желая промокнуть. День прошел в обсуждении городского бюджета и в нескольких этапах голосования: решалось, стоит ли выделять крупные суммы тем легионам, которые, находясь в дальних странах, поддерживают там власть Рима. Деньги казались поистине громадными, но, к счастью, казна не пустовала, так что запасов вполне могло хватить еще на год. Несколько самых пожилых сенаторов позволили себе вздремнуть в тепле и уюте, и лишь ужасная погода мешала им спокойно отправиться домой – к вкусному ужину и мягкой постели.

На трибуне стоял сенатор Пранд. Обводя взглядом полукруглый амфитеатр зала, он искал поддержки. Раздражало поведение Помпея – пока Пранд объявлял свою кандидатуру на следующий консульский срок, он преспокойно беседовал с соседом. Помпей сам просил Пранда назвать свое имя, мог хотя бы изобразить уважение к выступающему.

– Если меня выберут на почетную должность, я непременно соберу всех, кто занимается чеканкой денег, под одной крышей и установлю единую денежную единицу, на которую жители города смогут положиться. Сейчас у нас в ходу слишком много различных монет, и все они считаются золотыми и серебряными. Каждый торговец вынужден их взвешивать, чтобы понять, что же ему дают на самом деле. Единый монетный двор, подчиняющийся сенату, наведет порядок в расчетах.

Помпей заметил, как Красс нахмурился, и спросил себя, уж не он ли виновен в появлении некоторых из тех фальшивых монет, которые приносят столько неприятностей. Вполне возможно, что именно так оно и есть.

– Если граждане даруют мне право на консульское кресло, я непременно буду действовать в интересах Рима и постараюсь восстановить веру в справедливость сената. – Помпей поднял голову, и Пранд замолчал, поняв, что позволил себе лишнее. Кто-то из присутствующих хмыкнул, и оратор совсем смутился. – Постараюсь

добиться большей веры в сенат, – исправился он. – Необходимо уважение к власти и силе закона. Необходима справедливость, которую нельзя ни купить, ни продать. – Здесь Пранд снова замолчал, растерявшись и не зная, что говорить дальше. – Для меня было бы огромной честью служить своему народу. Благодарю.

Оратор закончил речь и с явным облегчением спустился с трибуны, заняв место в первом ряду. Сидящие рядом похлопали его по плечу, и он немного успокоился. Возможно, выступление прозвучало и не слишком плохо. Пранд взглянул на собственного сына, Светония, чтобы понять его реакцию, однако молодой человек с непроницаемым видом смотрел перед собой.

Помпей прошел между рядами и, поравнявшись с Прандом, улыбнулся. Те, кто позволил себе шепотом обмениваться впечатлениями, замолчали. Консул поднялся на трибуну. Пранд с раздражением отметил про себя его спокойствие и уверенность.

– Благодарю всех кандидатов за выступления, – начал Помпей, позволив себе сделать паузу и посмотреть на всех претендентов по очереди. – Хочу надеяться, что наш великий город найдет тех правителей, которые смогут посвятить жизнь борьбе за его благо, а не корыстной погоне за собственной наживой.

После этих слов в зале возникло оживление, и оратор, облокотившись на край трибуны, спокойно ждал, пока слушатели успокоятся.

– Выборы дадут возможность строителям обновить и увеличить это здание, а пока работа будет продолжаться, я готов предоставить для работы сената собственный новый театр. Надеюсь, он подойдет. – Помпей улыбнулся слушателям, и все в зале тоже улыбнулись: ведь театр консула был в два раза больше того здания, в котором они сейчас заседали, а кроме того, гораздо богаче и удобнее. Разумеется, возражений не последовало. – Помимо тех кандидатов, которых мы выслушали сегодня, могут появиться и новые – ведь выдвижение продолжится еще десять дней. Прошу лишь заранее поставить меня в известность. А теперь, прежде чем мы отважимся выйти под дождь, позвольте объявить об общем собрании граждан. Оно состоится на форуме ровно через неделю. Суд над Госпием отложим на неделю. Мы с Крассом хотим обратиться к народу. Если кто-то еще решит выступить, предупредите меня сегодня, до того как я уйду домой.

На какое-то мгновение Помпей встретился взглядом с Прандом. Все было оговорено заранее, и кандидат знал, что может рассчитывать на содействие более опытных коллег. Конечно, надо было отрепетировать выступление. Несмотря на обещания Помпея, слушатели в Риме совсем не просты.

– На сегодня работа закончена, сенаторы. Пора по домам. – Помпей произнес эти слова как можно громче, чтобы перекричать барабанный по крыше дождь.

Шторм на море продолжался три дня. Он расшвырял корабли, отбросив их с намеченного курса. Когда наконец стихия успокоилась, суда, перевозившие Десятый легион, постепенно снова собрались в единый флот. На каждом из них кипела работа: ремонтировали весла и паруса, нагревали деготь, чтобы заделать щели и пробоины, в которые затекала вода. Как и предполагал Брут, Цезарь скомандовал встать на якорь вблизи Остии. Между кораблями без устали сновали юркие лодочки, подвозя припасы, оказывая различного рода услуги и высаживая на борт плотников, работы для которых было больше чем достаточно. Солнце быстро высушило палубы, и воины Десятого легиона старательно драили трюмы, не желая оставлять в них следов недавней унижительной и повальной морской болезни.

Наконец якоря подняли и очистили от ила. Корабли направились в порт. Юлий Цезарь собственной персоной гордо возвышался на носу первого из них. Он высоко поднял кубок с вином, демонстративно празднуя возвращение на родину. Слегка повернув голову, через плечо он заметил вереницу весельных кораблей, за которыми возвышались мачты парусников. В эту счастливую и волнующую минуту он ни за что не смог бы выразить нахлынувшие чувства словами. Впрочем, он не пытался даже определить их. Под свежим морским ветром головная боль давно прошла, и в знак благодарности за счастливое избавление от шторма полководец воскурил богам фимиам.

Цезарь считал, что Десятый легион должен разбить лагерь на берегу, недалеко от порта, а ему самому предстояла дорога в Рим. Конечно, и офицеры, и простые воины мечтали как можно скорее воссоединиться с семьями, но радостные встречи предстояли позже, после обустройства лагеря. Пять тысяч человек – огромный груз, который тяжело давил на плечи. Накормить их непростая задача, а

здесь, в порту, цены гораздо ниже. При малейшей оплошности командира легион, словно саранча, мог проесть все привезенное из Испании золото. Хорошо хоть, что в гостиницах и домах терпимости солдаты расплачиваются из собственного жалованья.

Мысль о доме, о собственном поместье одновременно и взволновала, и расстроила Юлия. Да, он увидит подросшую дочку, сможет погулять с ней по берегу реки, которую отец запрудил так, что теперь она течет по их земле. Вспомнив отца, Цезарь перестал улыбаться. Семейный склеп ждал его как раз по дороге в город, так что первым делом ему предстояло встретиться с могилами ушедших близких.

Глава 8

Вдохнув горячий воздух бассейна, Красс сел на верхнюю ступеньку. По контрасту с разгоряченным телом мрамор казался почти ледяным, и перепад температур создавал ощущение волшебной легкости. Однако где-то в районе шеи все-таки чувствовался узел напряжения, и поэтому, не прекращая беседы, консул махнул рукой, подзывая раба, чтобы тот хорошенько помассировал его.

Все те, кто составлял ему компанию в приятном времяпрепровождении, были его приближенными и проявляли почтительность и верность. Еще бы! Ведь каждый из них ежемесячно получал солидное денежное вознаграждение! Красс прикрыл глаза: раб принялся растирать плечи и шею сильными руками. Наконец, вздохнув от удовольствия, он заговорил снова.

– Мое служение в качестве консула не оставило заметного следа в городе, друзья, – произнес он. Компаньоны застыли в недоумении и нерешительности. Прежде чем они успели прийти в себя и произнести что-то, приличествующее случаю, Красс продолжил, подчеркивая каждое слово: – Я надеялся, что удастся сделать гораздо больше. Слишком мало свершений, указав на которые можно с гордостью заявить, что это дело моих рук. Судя по всему, заново заключенные торговые соглашения – это совсем не то, что волнует кровь наших сограждан. – Консул мрачно взглянул на приближенных и нарисовал на гладкой поверхности воды замысловатую фигуру. – Да, конечно, когда они жаловались на голод, я давал им хлеб. Но он заканчивался, а

серьезных изменений не происходило. Я давал деньги на проведение скачек и на ремонт храма. И вот теперь я спрашиваю себя, вспомнят ли наши граждане когда-нибудь этот год и мое консульство.

– Мы поддерживаем тебя, – произнес кто-то.

Красс кивнул, не скрывая горечи:

– Видите ли, я не выигрывал войн им во благо. А потому они поют хвалу Помпею, совсем забыв старика Красса.

Приближенные избегали смотреть друг другу в глаза, опасаясь увидеть в них подтверждение слов консула. Красс словно почувствовал неуверенность и заговорил намеренно твердым голосом:

– Я не хочу, чтобы год моего служения оказался забытым, а потому купил для них еще день скачек. Это лишь начало. Пусть те, кто пользуется моей рентой, выберут лучшие билеты и приведут с собой семьи. – Замолчав, консул поднял руку, прося стакан прохладной воды, и раб, прервав массаж, исполнил пожелание. Красс снисходительно улыбнулся юноше и продолжил: – Уже готовы новые сестерции, на которых изображен мой профиль. Мне потребуется ваша помощь в распространении денег, друзья. Они должны попасть в самые бедные дома, причем не больше чем по одному на каждого взрослого члена семьи. Вам придется нанять охрану и носить с собой только небольшое количество монет.

– Ты позволишь высказать предложение? – спросил один из приближенных заемщиков.

– Разумеется, Парей, – разрешил Красс, величественно вздымая бровь.

– Надо непременно нанять людей и привести в порядок улицы. Они утопают в грязи, так что жители города будут весьма тебе признательны.

Красс рассмеялся:

– Вопрос заключается в том, перестанут ли они пачкать тротуар после того, как я его вычищу. Как же, они будут продолжать пачкать, причем с новой энергией! Ведь старик Красс все равно наведет порядок... Нет, уважаемый! Если людям нужны чистые улицы, надо дать им в руки метлы, щетки и прочее и заставить сделать все самим. А если летом вонь окажется невыносимой, они будут просто вынуждены вычистить территорию вокруг своих домов, и это послужит хорошим уроком.

От взгляда Красса не ускользнуло разочарование инициативного клиента, и он решил похвалить его:

– Нельзя не восхищаться теми из нас, кто так хорошо думает о согражданах, однако, к сожалению, не многие из них способны поддерживать чистоту. А потому не имеет смысла заигрывать с ними. – Красс усмехнулся собственным словам и замолчал, задумавшись. – С другой стороны, если это принесет популярность... нет, чистить дерьмо – недостойное Красса дело. Я этим заниматься не буду.

– А как насчет уличных разбойников? – упрямо продолжал Парей. – В некоторых частях города они совсем не дают людям жить. Отряд в несколько сот человек сможет навести в городе больше порядка, чем...

– То есть ты предлагаешь создать еще одну банду, чтобы она боролась с теми, которые уже существуют? А кто будет держать в руках ее? Не придется ли тогда создавать следующий отряд, чтобы он управлял этим, и так далее? – Красс снисходительно усмехнулся: наивность упрямы казалась даже забавной.

– Одна из центурий... – растерялся Парей.

Красс прислонился спиной к мраморному бортику бассейна. Затем поднял руку, призывая к вниманию, и все вокруг замолчали.

– Разумеется, Парей, легионеры способны на многое, беда лишь в том, что они мне не подчиняются. Возьмешь ли ты на себя труд попросить у Помпея солдат, чтобы патрулировать бедные кварталы? Он требует, чтобы я оплатил охрану порядка во время скачек, а мне, честно говоря, уже надоело поддерживать его репутацию своими деньгами. – С этими словами Красс решительно взмахнул рукой, и стоящая на краю бассейна металлическая чаша со звоном покатила по мраморным плитам. – Ну что ж, пожалуй, на сегодня достаточно, друзья. Пока работы вам хватит, а завтра будет новый день, и он принесет новые дела. Оставьте меня.

Приближенные послушно, без единого слова, вылезли из бассейна и поспешили прочь от своего непредсказуемого господина.

Юлий и Октавиан ехали по дороге, направляясь в город. Оставить за спиной шум порта и погрузиться в тишину сельских просторов оказалось очень приятно. За легион волноваться не приходилось: Брут прекрасно справится и с разгрузкой, и с размещением людей. Каждого

из центурионов выбирали индивидуально, так что положиться на них можно было полностью. До тех пор пока первые из легионеров не получают разрешение на время покинуть лагерь, не произойдет ровным счетом ничего непредвиденного.

Цезарь взглянул на Октавиана и порадовался: как красиво и уверенно мальчик держится верхом! Упорные тренировки вместе с отборным отрядом сделали свое дело, и теперь можно было подумать, что он родился в седле. Никто не скажет, что этот уличный паренек впервые увидел лошадь в девять лет.

Всадники спокойно ехали по вымощенной стертymi от старости камнями дороге, время от времени обгоняя медленно тащившиеся тяжелые повозки. Нагруженные зерном и вином, драгоценностями, кожами, железными и бронзовыми изделиями, они двигались в Рим – город, который поглощал все, что ему предлагали. Возницы щелкали кнутами, подгоняя волов и ослов, и Юлий знал, что всем им предстоит проделать неблизкий путь к рынкам столицы.

Равномерное постукивание копыт усыпляло, однако Юлий никак не мог сбросить напряжение. Впереди ожидала встреча с семейным склепом, и ему не терпелось увидеть могилы близких.

Наконец, когда солнце поднялось почти в зенит, Юлий не выдержал и прищпорил мерина. Октавиан сделал то же самое, и всадники стремительно помчались к цели, провожаемые одобрительными возгласами торговцев и возниц.

Семейная усыпальница представляла собой скромный куб из темного мрамора, прилепившийся к краю дороги. До городских ворот отсюда было меньше мили. Разгоряченный быстрой ездой, Цезарь спешил и оставил коня пастись на буйно разросшейся вокруг склепа траве.

– Ну вот и приехали, – коротко заметил он.

Подойдя к стене, начал молча читать высеченные на мраморе знакомые имена. Увидев имя матери, смежил веки. Он заранее готовился к встрече, но все равно от мысли, что ее прах покоится именно здесь, на глаза навернулись слезы.

Имя отца было высечено уже десять лет назад, однако буквы все еще оставались резкими, ничуть не потеряв четкости. Почтительно склонив голову, Юлий провел пальцами по контуру надписи.

Третье родное имя оказалось таким же отчетливо-резким, как и та непреодолимая боль, которая сверлила сердце Цезаря. Корнелия. Она тоже здесь, скрыта и от солнечных лучей, и от его объятий. Он уже никогда не сможет ее увидеть.

– У тебя нет вина, Октавиан? – повернулся Юлий к юноше после долгого молчания.

Он пытался держаться прямо, но лежавшие на могильном камне руки почему-то отказывались подчиняться.

Октавиан порылся в сумках и вытащил небольшую глиняную амфору, которая стоила больше месячного жалованья легионера. Фалернское вино – самое дорогое, зато лучше его нет на свете, а значит, лишь оно достойно памяти самых дорогих сердцу людей. На верхней плите усыпальницы было вырезано небольшое углубление в виде чаши, на дне которого виднелось небольшое, величиной с монету, отверстие. Распечатывая амфору, Юлий спросил себя, водит ли старая Клодия сюда его дочку, и если да, то совершают ли они обряд кормления мертвых. Трудно представить, что старушка сможет когда-нибудь забыть Корнелию.

Темное густое вино наполнило чашу, а потом начало медленно капать внутрь склепа.

– Эта чаша – отцу; он дал мне силу. Эта – матери; она оберегала меня своей любовью. Эта, последняя, – Корнелии, любимой жене. – Юлий помолчал, глядя, как сочится сквозь мрамор вино. – Я любил ее при жизни и глубоко чту ее память сейчас, когда она ушла. – Цезарь повернулся, чтобы отдать амфору Октавиану; глаза были красны от слез, но он не стеснялся слабости. – Закупорь понадежнее, парень. По дороге домой, в поместье, нам предстоит навестить еще одну могилу, а Тубрук одной чашей не обойдется.

Сказав это, Юлий заставил себя улыбнуться и снова сел верхом. Печаль немного отступила, и копыта коня снова мерно застучали по дороге, оживляя повисшую над длинным рядом склепов тишину.

Подъезжать к имению оказалось неожиданно страшно. С этим красивым местом связано столько воспоминаний и столько боли!.. Внимательный взгляд сразу отметил сорняки, буйно разросшиеся среди поля злаков. Не укрылись от Юлия и признаки запустения и

разрухи: заросшая дорога, покосившийся забор. И тут послышался знакомый гул – пчелы! Его пчелы! Глаза Цезаря оживились.

Вид белых стен причинил боль. Краска кое-где облупилась, и Юлий ощутил острый укол совести. Этот дом стал частью того страдания, что переполняло сердце.

Вот ворота, возле которых он мальчиком ждал возвращавшегося из города отца. За ними конюшни, там он познал первый поцелуй. Еще немного дальше – площадка, на которой он много лет назад едва не погиб от руки Рения. Несмотря на ветхость, это его родной дом, то самое важное место в мире, где он вырос и стал человеком. Но если бы навстречу мог выйти, широко улыбаясь, Тубрук! Если бы его встретила Корнелия!

Юлий остановился перед запертыми воротами и прислушался к тишине, погрузившись в воспоминания и словно надеясь, что через минуту-другую они станут явью.

Над белой стеной неожиданно возникла голова незнакомого человека, и Юлий улыбнулся: интересно, значит, с внутренней стороны все еще сохранились невидимые отсюда ступеньки. Их он знает столько же, сколько помнит себя самого. Его ступеньки. Его родной дом.

– Что привело вас сюда? – поинтересовался человек равнодушно.

На всадниках были самые простые доспехи, однако манеры Цезаря явно внушили сторожу почтение.

– Я приехал навестить Клодию и свою дочь, – ответил Юлий.

Глаза человека широко раскрылись от удивления, и голова исчезла: сторож побежал докладывать о прибытии гостя.

Через некоторое время ворота медленно открылись, и Юлий проехал во двор. Октавиан не отставал ни на шаг. Было слышно, как вдалеке зовут Клодию, и Юлий снова погрузился в воспоминания.

Отец погиб, защищая вот эту самую белую стену. Тубрук принес его в дом на руках. Воспоминание вызвало озноб, несмотря на жаркое солнце. Поместье густо населено призраками. Интересно, удастся ли ему когда-нибудь снова почувствовать себя здесь спокойно и свободно? Или прошлое уже не захочет отпустить?

Клодия поспешно вышла на крыльцо и замерла, увидев, кто приехал. Как только Юлий спешился, она согнулась в низком поклоне. Время не пощадило старушку, и Юлий с нежностью обнял ее, легко

приподняв над землей. Она всегда была, да и сейчас еще оставалась быстрой, полной сил женщиной. Морщины отражали не только прошедшие годы, но и горькие переживания. Если бы Тубрук остался живых, она непременно вышла бы за него замуж, однако надежду на счастье отобрали те же ножи, которые отняли у него Корнелию.

Клодия подняла мокрое от слез лицо, и горе его собственной потери обострилось. Когда-то они страдали вместе, но годы прошли, и трудно было ожидать такого наплыва чувств сейчас, когда они стояли в этом дворе, а восстание рабов бушевало где-то на юге страны. Тогда, несколько лет назад, Клодия обещала остаться жить в его доме и вырастить его дочку. Веря в это обещание, Цезарь и уехал.

– Ты так давно не давал о себе знать, Юлий, – наконец заговорила служанка. – Я даже не знала, куда послать известие о смерти твоей матери.

Эти слова вызвали новый поток слез, и Цезарь снова сжал добрую женщину в объятиях.

– Я... я чувствовал, что это произойдет. Она мучилась?

Вытирая слезы, Клодия отрицательно покачала головой:

– Она постоянно говорила о тебе и очень радовалась Юлии. А боли не было совсем.

– Это утешает, – негромко произнес Юлий.

Он не видел мать так давно, что сейчас сам не переставал удивляться охватившей душу тоске: отчаянно хотелось присесть на край кровати и не спеша, подробно рассказать и об Испании, и о тех сражениях, в которых пришлось участвовать. Как он любил рассказывать матери о собственных свершениях! Даже после того, как болезнь унесла разум, она, казалось, все равно слышала сына и понимала все, что он говорит. А теперь поделиться не с кем. И никого рядом нет. Ни отца, к которому можно было бы подбежать, ни Тубрука, который так любил посмеяться над промахами мальчика. В мире не осталось ни единого человека, способного любить его просто так – за то, что он живет на свете. Какая пустота вокруг!

– А где же Юлия? – оглядываясь, поинтересовался отец.

Лицо Клодии моментально приобрело горделивое и одновременно нежное выражение.

– На верховой прогулке. Обожает своего пони и при любой возможности старается уехать в лес. Она очень похожа на Корнелию,

Юлий. Те же волосы, тот же смех. Иногда мне кажется, что тридцати лет как не бывало и моя девочка снова со мной.

Заметив в лице господина напряжение, служанка истолковала его по-своему:

– Не волнуйся, я не позволяю малышке кататься в одиночестве. Ее всегда сопровождают двое слуг – для безопасности.

– Она меня хоть немного помнит? – с внезапной неловкостью уточнил Цезарь. – Узнает, когда увидит?

Он взглянул в сторону ворот, словно упоминание о дочери могло ускорить ее появление. Он сам плохо помнил ту малышку, которую оставил на попечение верной служанки. Ярче всего сохранилось воспоминание о крохотных ручонках, крепко обвивших шею в тот момент, когда он пытался успокоить девочку после гибели матери. Как оказалось, это детское объятие обладало почти магической силой.

– Обязательно узнает, нечего и сомневаться. Она постоянно просит рассказать что-нибудь о папе, а я уж стараюсь изо всех сил.

Клодия посмотрела на Октавиана – юноша неподвижно стоял возле лошадей.

– Неужели это Октавиан? – недоверчиво спросила она, удивляясь произошедшей в юноше перемене. Но тут же подбежала и, крепко сжав его в объятиях, от всей души расцеловала.

Смущение парня не могло не вызвать улыбки.

– Послушай, Клодия, – пришел товарищу на выручку Цезарь, – у нас в горле пересохло от дорожной пыли. Ты собираешься держать нас во дворе весь день?

Клодия наконец-то выпустила Октавиана из объятий:

– Что ты! Что ты! Поручите лошадей кому-нибудь из мальчишек, а я займусь кухней. Сейчас в доме не много народу: я да несколько рабов. Если бы не бумаги на твое имя, никто из купцов не захотел бы даже разговаривать со мной. Без Тубрука здесь совсем...

Юлий вспыхнул, увидев, что добрая женщина готова снова расплакаться. Удивляясь собственной черствости, он вдруг осознал, что не выполнил свой долг по отношению к ней. Все эти годы Клодия несла тяжкий груз, а он, хотя и имел возможность его облегчить, не сделал этого. Конечно, перед отъездом следовало нанять кого-нибудь на место Тубрука и документально подтвердить право верной служанки распоряжаться финансами. Клодия явно волновалась, что

скажет хозяин о состоянии дома, который она считала своим, и Юлий решил успокоить ее волнения.

– О лучшем и мечтать нельзя, – заверил он, положив руку на плечо домоправительницы.

Напряжение сразу спало. Мальчишки-рабы увели лошадей в конюшню, где их предстояло вычистить и накормить, а Клодия бросилась на кухню. Мужчины последовали за ней, причем Цезарь едва переводил дух от волнения – ведь он входил в дом своего детства.

За окнами раздался высокий звонкий голосок, сопровождаемый стуком копыт, – вернулась с верховой прогулки Юлия. Не успев проглотить кусок намазанного медом хлеба, Цезарь вскочил из-за стола и поспешил во двор. Он собирался дождаться, когда девочка войдет в дом, и торжественно с ней поздороваться, но на ритуал попросту не хватило терпения.

Юлии исполнилось всего лишь десять лет, но она как две капли воды походила на покойную мать. Даже густые длинные темные волосы были заплетены в такую же толстую косу, как у Корнелии. Юлий не смог сдержать радостного смеха, глядя, как маленькая наездница ловко соскочила с пони и принялась любовно разглаживать ему гриву, выбирая колючки и травинки.

Девочка услышала звук и обернулась, недоумевая, кто это осмелился над ней смеяться, причем в ее же собственном доме. Встретившись глазами с мужчиной, с подозрением нахмурилась. Юлий же неотрывно смотрел, как юная красавица идет по дорожке, вопросительно склонив голову – именно так, как это делала Корнелия. Отец с удовольствием отметил в походке дочери достоинство: хозяйка дома шла навстречу ожидавшему ее посетителю. Одетая для верховой езды, в простую кремовую тунику и шаровары, с собранными на затылке волосами и без всякого намека на особенности женской фигуры, дочка вполне могла бы сойти за сына, впрочем один признак женственности все-таки нашелся: руку Юлии украшал серебряный браслет, в котором отец сразу узнал свой подарок Корнелии.

Клодия, выйдя на порог, с материнской гордостью наблюдала за встречей.

– Это твой отец, Юлия, – подсказала она.

Девочка, которая в эту минуту стряхивала с рукава пыль, застыла. Потом посмотрела на Цезаря с серьезным выражением.

– Я тебя помню, – наконец медленно проговорила она. – Ты останешься со мной жить?

– На некоторое время, – стараясь сохранить серьезность, ответил Юлий.

Девочка обдумала ответ и кивнула:

– А ты купишь мне лошадь? Я уже слишком большая, чтобы ездить на старичке Гиби. А Ресидий говорит, что мне подошел бы норовистый жеребец.

Юлий не мог оторвать от дочки восхищенного взгляда, – казалось, перед отцовской радостью отступило даже печальное прошлое.

– Я найду тебе самого красивого коня, – пообещал он и в ответ получил улыбку, от которой сердце едва не вырвалось из груди: это была улыбка любимой, но навсегда потерянной женщины.

Александрия стояла на почтительном расстоянии от жара плавильной печи и внимательно наблюдала, как Таббик достал чашу с расплавленным золотом, а потом укрепил ее над глиняной формой.

– Теперь главное, чтобы не дрогнула рука, – без всякой необходимости предупредила Александрия, и мастер начал сосредоточенно, плавно вращать деревянную ручку.

И хозяйка, и мастер относились к шипящему и булькающему металлу с должным почтением. Одна лишь раскаленная капля могла моментально прожечь плоть до самой кости. Поэтому каждый этап процесса требовал осмотрительности и осторожности. Александрия удовлетворенно кивнула: пар со свистом вырвался из вентиляционных отверстий, а низкий булькающий звук постепенно становился все выше. Значит, форма наполняется именно так, как необходимо. Едва золото остынет, глиняную форму надо будет с величайшей осторожностью снять, и тогда из-под нее покажется маска столь же совершенная, как и то женское лицо, которое она повторяет. По заказу сенатора Александрии пришлось решить достаточно неприятную задачу – снять маску с лица его жены, умершей всего несколько часов назад. Затем она сделала еще три глиняные маски меньшего размера, убрав следы болезни, исказившие прекрасное лицо. С величайшей осторожностью художница нарастила плоть там, где ее безжалостно съела жестокая болезнь, и в конце концов сенатор расплакался, увидев лицо, которое унесла от него смерть. Воплощенная в золоте, красавица

останется молодой навеки – даже через много лет после того, как муж ее сам превратится в прах.

Александрия осторожно дотронулась до глины, ощущая запертый внутри жар, и невольно спросила себя: сохранит ли муж любовь к той, чей образ отлил в золоте?

Глубоко задумавшись, художница не слышала, как в мастерскую ворвался Брут. Лишь неподвижность его тяжелого взгляда, неизъяснимая словами, заставила девушку обернуться.

– Открой бутылку лучшего вина и сбрось одежды! – провозгласил Брут. Устремив взгляд на ту, о которой мечтал, он даже не заметил стоящего неподалеку с разинутым ртом Таббика. – Я вернулся, девочка! Юлий Цезарь снова в Риме, и скоро этот город вздрогнет!

Глава 9

Брут и Александрия ехали по окутанной сумерками дороге в имение Цезаря. Весь день они провели в постели, и Брут чувствовал себя просто восхитительно. Если бы все его возвращения домой были столь же удачными! Он нежно похлопал подругу по руке.

Непривычная к верховой езде, Александрия крепко обняла мужчину за талию. Выбившийся на ветру локон щекотал шею, и ощущение показалось Бруту изысканно-волнующим. В его отсутствие девочка похорошела и расцвела, красивое тело излучало здоровье и силу. Лицо тоже слегка изменилось, а на лбу появился крохотный шрам от ожога каплей расплавленного золота, по форме напоминающий слезу.

Ветер взметнул черный плащ Александрии, и Брут крепко схватил его край, привлекая возлюбленную как можно ближе. Она же, обвив руками его грудь, глубоко вздохнула. Земля отдавала собранный за день солнечный свет, воздух казался теплым и напоенным самыми восхитительными ароматами. Бруту очень хотелось, чтобы кто-нибудь наблюдал, как красиво и стремительно они несутся через поле к поместью.

Он увидел дом издалека. Свет факелов сливался в яркое зарево, превращая стены в остров света, возвышающийся среди океана ночной тьмы. Натянув поводья, он немного замедлил бег коня и всмотрелся: на

мгновение почудилось, что у открытых настежь ворот встречает Тубрук.

Цезарь стоял молча, наблюдая за приближением пары и пытаясь прочесть мысли Брута. Он хорошо понимал, о чем думает друг. Место Тубрука было именно здесь, и молодые люди успели обменяться улыбкой сожаления – в тот самый момент, когда Брут повернулся в седле, чтобы помочь Александрии спуститься с коня, а потом легко спрыгнул вслед за ней.

Цезарь поцеловал гостью в щеку:

– Считаю за честь принимать тебя в своем доме. Слуги помогут расположиться, а мы с Брутом тем временем обсудим кое-какие дела.

Глаза красавицы блеснули, и Юлий спросил себя, вспомнила ли она тот единственный вечер, который в эту минуту пришел на память ему самому.

Как только гостя скрылась в доме, Юлий глубоко вздохнул и с дружеской нежностью потрепал Брута по плечу.

– До сих пор не могу поверить, что Тубрука больше нет, – со вздохом признался он и обвел взглядом поле.

Брут с минуту помолчал, а потом наклонился и набрал целую пригоршню дорожной пыли:

– Помнишь, как он заставлял тебя держать в руках пыль и песок?

Юлий кивнул и повторил действие друга. Брут не смог сдержать улыбку, наблюдая, как тот, слегка разжав пальцы, выпускает пыль по ветру.

– В ней – кровь тех, кто ушел до нас, – проговорил Цезарь.

– И наша кровь, – добавил Брут. – Тубрук был хорошим человеком. – Он разжал ладони и выпустил пыль, а потом энергичным хлопком отряхнул руки. – Теперь тебе придется искать еще кого-нибудь, кто будет содержать в порядке поля и растить хлеб. Давно я не видел такого запустения.

Юлий в ответ нахмурился:

– Хотел спросить тебя, куда ты запропастился, но теперь и сам вижу, что нашлось занятие куда более приятное, чем следить за обустройством лагеря в Остии.

Сердиться всерьез Цезарь сейчас не мог, однако ему хотелось как можно яснее выразить свое отношение к поступку друга.

– Там хорошо справляется Рений, – оправдался Брут. – А я сделал как раз то, что надо. Александрия сказала, что завтра на форуме состоится общий сход граждан города, и я решил, что необходимо как можно быстрее известить об этом тебя.

– Я уже и сам все знаю. Сервилия, как только услышала новость, сразу передала ее мне. Как бы то ни было, я рад твоему появлению. Даже если бы ты не нарушил моего приказа и остался в лагере, я все равно послал бы за тобой.

Брут взглянул на друга, стараясь понять, насколько глубоко тот рассержен. Следы испанской усталости и напряжения уже сгладились, и Цезарь выглядел моложе, крепче и веселее, чем в долгие месяцы изнурительных трудов.

Брут немного помолчал.

– Я прощен? – наконец поинтересовался он.

– Прощен, – ответил Юлий. – А теперь входи и познакомься с моей дочерью. Комната для тебя готова, ты нужен для обсуждения плана кампании.

Они прошли через освещенный колеблющимся светом факелов двор. Порыв ветра неожиданно стукнул створкой ворот, и Брут вздрогнул. Но Юлий уже открыл дверь в наполненную голосами и смехом комнату, и Брут с удовольствием погрузился в оживленную атмосферу, исполненную радостных предчувствий.

Осмотревшись, Брут начал приветствовать товарищей. Сервилия, Кабера, Домиций, Цирон, Октавиан – все собрались вокруг своего вождя. Единственным чужаком в этой дружной компании казался молодой испанец, который приехал вместе с Юлием в качестве писаря. Адан рассматривал приглашенных с таким же вниманием, как и Брут, и, встретившись с ним взглядом, старший из мужчин кивнул, зная, что Юлий потребует признания новичка.

Через мгновение Брут заметил, что Александрия стоит, растерянно оглядываясь и явно чувствуя неловкость собственного присутствия. Он почти инстинктивно сделал шаг в ее сторону. Юлий заметил движение и моментально понял его смысл.

– Без твоего совета, Александрия, нам никак не обойтись. Ведь из всех нас ты одна жила в городе все это время и знаешь ситуацию в подробностях.

Красавица очаровательно вспыхнула и успокоилась, а Брут не преминул незаметно ущипнуть ее за пухлую попку. Александрия шлепнула хулигана по руке, матушка грозно взглянула на шаловливого сыночка, а Брут лишь мило улыбнулся обеим и перевел взгляд на Цезаря:

– Так где твоя дочка?

Ему явно не терпелось увидеть девочку, о которой он столько слышал.

– Наверняка задержалась в конюшнях. Ездит верхом, как кентавр. Я позову ее перед сном.

Говоря о дочери, Юлий не мог скрыть счастливой отцовской гордости, и Брут понимающе улыбнулся. Наконец Цезарь приступил к делу:

– Помогите мне решить, что именно я должен делать завтра утром, когда выйду на форум и заявлю, что хочу занять пост консула.

Все заговорили одновременно и не сразу расслышали стук в дверь. Показалась Клодия, и выражение ее лица сразу заставило собравшихся замолчать.

– Там... я не могла его остановить, – начала домоправительница.

Юлий нетерпеливо схватил ее за руку:

– Кто?

Увидев возникшую у входа фигуру, он замер, позволив Клодии пошире распахнуть дверь.

Все увидели Красса. Белоснежная тога резко контрастировала со смуглой кожей. На плече сияла золотая пряжка, и Александрия слегка прищурилась, узнав свою собственную работу и решая, совпадение ли это, или Красс решил таким образом продемонстрировать понимание взаимоотношений между присутствующими в этой комнате.

– Добрый вечер, Цезарь, – приветствовал он. – Надеюсь, твое положение трибуна нисколько не пошатнулось. Можно мне называть тебя этим титулом? Тем более что ты оставил пост испанского наместника.

Юлий опустил лицо, пытаясь скрыть раздражение столь бесцеремонным вторжением. В голове теснилось множество разных мыслей и вопросов: может, дом уже оцеплен солдатами? Если так, то Красс горько пожалеет – выйти отсюда ему будет гораздо труднее, чем войти. Юлий выпустил из своей руки руку Клодии, и та, не

оглядываясь, почти бегом выскочила из комнаты. Она не виновата в том, что впустила Красса. Хотя добрая женщина и заправляла большим домом как хозяйка, все-таки много лет она была всего лишь рабыней и не могла не испугаться, увидев одного из самых могущественных людей в сенате. Перед римским консулом послушно распахивались все двери.

Красс заметил напряжение молодого человека и продолжил:

– Успокойся, Юлий. Я друг этому дому, так же как когда-то был другом Марию. Неужели ты предполагал, что сможешь высадить на моем побережье целый легион втайне от меня самого? Думаю, даже жалкие шпионы Помпея уже знают о твоём возвращении.

Красс увидел в комнате Сервилию и слегка склонил голову в знак приветствия.

– Добро пожаловать, – приветствовал незваного гостя Юлий, стараясь обрести обычное самообладание.

Он прекрасно понимал, что растерянность продолжалась слишком долго и Красс успел в полной мере насладиться произведенным впечатлением.

– Рад слышать, – ответил консул. – А если кто-нибудь принесет еще один стул, то, с вашего позволения, я присоединюсь к обществу. Если ты, Цезарь, действительно собираешься в следующем году облачиться в консульскую мантию, завтра утром тебе потребуется поистине мощная речь. Разумеется, Помпею вся эта затея совсем не понравится, но именно в этом и заключается пикантность ситуации.

– Так что же, от тебя ничто не может укрыться? – не без ехидства поинтересовался Юлий, начиная понемногу приходить в себя.

Красс в ответ улыбнулся:

– Ну вот, ты сам только что это сказал! Я просто решил, что иного повода оставить Испанию быть не может. Надеюсь, прежде чем отправиться в Рим, ты назначил наместника?

– Конечно, – подтвердил Цезарь.

К собственному удивлению, этот странный диалог казался ему интересным.

Красс уселся на предложенный Октавианом стул и длинными тонкими пальцами аккуратно расправил тогу. Напряжение в комнате постепенно спадало, все уже смирились с присутствием постороннего.

– Так как ты представляешь себе речь на форуме? – поинтересовался Красс. – Надеешься просто подняться на трибуну и сразу привлечь всеобщее внимание?

Юлий с удивлением взглянул на него:

– А почему бы, собственно, и нет? Сервилия сказала, что должен выступать Пранд. А я имею не меньше прав, чем любой другой.

Красс с улыбкой покачал головой:

– Да, на тебя это похоже. Но будет лучше, если ты выйдешь по моему приглашению. Учти, Помпей не станет просить тебя присоединиться к нам. Представляю выражение его лица после того, как он прочитает в списке твое имя. – Красс пригубил предложенный бокал вина и слегка поморщился. – А ты понимаешь, что Помпей может повернуть дело против тебя? Например, заявит, что, уехав из Испании до окончания срока полномочий, ты нарушил обязательства.

Словно стараясь быть лучше понятым, Красс даже подался вперед.

– Звание трибуна дает неприкосновенность. Значит, преследовать меня ему не удастся.

– Только в том случае, если трибун не совершил покушения на жизнь человека, мой друг. Впрочем, дезертирство с занимаемого поста в этом отношении вполне безопасно. Помпей, разумеется, знает о твоём иммунитете, но что скажет народ? Как ты будешь выглядеть в глазах людей? Начиная с сегодняшнего дня и до самых выборов ты не только должен совершать благие дела, но и совершать их как можно более заметно. В ином случае потерянные тобой голоса перейдут к кому-нибудь другому.

Красс внимательным взглядом обвел сидящих в комнате и, встретившись глазами с Александрией, улыбнулся. Погладил золотую пряжку на плече. Девушка поняла, что консул узнал ее, и испытала легкое возбуждение близкой опасности. Только сейчас она ясно поняла, что Цезарь успел приобрести не только множество друзей и последователей, но и немало врагов. Пока трудно определить, к какому именно лагерю относится Красс.

– Почему ты решил мне помогать? – неожиданно обратился к консулу Юлий. – Какая тебе от этого выгода?

– Ты командуешь легионом, который я создавал, когда он еще носил название Перворожденного. Почему-то необходимость

присутствия воинов в городе не вызвала у меня сомнения. Именно таких воинов, которых не сможет ни подкупить, ни переманить ни одна из банд.

– То есть ты клонишь к тому, что я перед тобой в долгу? – задал следующий вопрос Цезарь.

Красс бросил взгляд на Сервилию, та ответила ему понимающим взглядом, смысл которого Юлий не смог разгадать.

– Разумеется, нет. Я давно оставил в стороне все долги и не собираюсь даже упоминать о них. Я просто открыто обращаюсь к тебе за помощью, а в ответ на это мои люди постараются сделать твое имя известным и почитаемым в городе. Не забывай, мой друг, что в твоём распоряжении всего лишь сто дней. Даже с учетом моей помощи это очень короткий период.

Юлий продолжал колебаться, и Красс решил выложить следующий козырь:

– Тебе известно, как я дружил с твоим отцом и с Марием. Так неужели после этого мне не дано завоевать доверие сына?

Сервилия попыталась привлечь внимание Цезаря. Она знала Красса лучше, чем все остальные, сидящие в этой комнате, и опасалась, что Юлий необдуманно откажет этому опасному человеку. Глядя на любимого почти с болью, она ожидала его ответа.

– Благодарю, консул, – наконец официально произнес Юлий. – Я не забываю друзей.

Красс улыбнулся, даже не пытаясь скрыть удовольствия.

– С моим богатством... – начал он.

Юлий покачал головой:

– Спасибо, Красс, но средств у меня вполне достаточно.

Красс впервые взглянул на молодого полководца с истинным уважением. Да, он не ошибся в своих предположениях. С этим человеком можно иметь дело – тем более что это непременно приведет в неопишемую ярость Помпея.

– Ну так что же, поднимем бокалы за твой успех на выборах? – предложил Красс.

Юлий кивнул, и присутствующие подняли бокалы в несколько напряженном ожидании. На какое-то мгновение Цезарь пожалел, что вылил в могилу Тубрука чудесное фалернское вино. Добрый друг знал толк в радостях жизни и с удовольствием поднял бы сейчас кубок.

Юлия не хотела уходить из конюшни. Сидя в уголке, она наслаждалась тем теплом и уютом, которое всегда окружает лошадей. Потом встала и, заглянув в стойла, погладила каждого из своих любимцев, негромко с ними разговаривая. Остановилась рядом с огромным сильным меринком, на котором друг ее отца привез эту красивую молодую женщину. Как странно звучит: ее отец. Клодия много раз рассказывала о бесстрашном и благородном человеке, которого консул по какой-то прихоти отослал в чужие края – как можно дальше от родного Рима. Она любила представлять его, убеждая себя, что он связан службой, а потому не может к ней вернуться. Клодия не уставала повторять, что обязательно настанет час и отец вернется. И вот он наконец вернулся, и оказалось, что девочка очень боится этого человека. Стоило ему шагнуть во двор, как вся жизнь в доме моментально изменилась, подчиняясь новому хозяину.

Глядя мягкие ноздри мерина, девочка думала о том, что отец очень суров. Лошадь, словно сочувствуя и соглашаясь, кивала и переступала с ноги на ногу. Он был вовсе не старым. Юлия ожидала, что отец выглядит куда солиднее – с сединой на висках и спокойным достоинством в манерах, по которому сразу можно определить сенатора.

Из окна комнаты, в которой собрались люди, донесся шум. Как много народу сразу приехало в их дом! Наверное, столько здесь никогда и не собиралось. Когда они съезжались, девочка сидела на окружавшем поместье каменном заборе и с интересом рассматривала новых людей.

Все они казались совсем непохожими на тех гостей, которых приглашала Клодия. Особенно отличалась старуха с бриллиантами на шее. От острых глаз девочки не укрылось, что отец несколько раз поцеловал ее, думая, что никто не видит. Юлия сказала себе, что поцелуи чисто дружеские, однако в манере женщины сквозило что-то настолько нескромно-интимное, что невольная свидетельница даже покраснела. Кем бы ни была эта богатая особа, ее отношения с отцом явно не ограничивались дружбой.

Девочка задумалась, пытаясь представить, как поведет себя, если женщина постарается завоевать ее расположение. Нет уж, никакого расположения и быть не может! Она поведет себя очень холодно.

Конечно, грубости допускать нельзя, Клодия всегда повторяет, что грубость – признак слабости. Она лишь примет отстраненный вид – пусть женщина почувствует, что ей здесь совсем не рады.

На гвозде возле стойла мерина висел большой черный плащ, и Юлия вспомнила, что он укутывал ту пару, которая так красиво прискакала последней. Они ехали и смеялись – смех был слышен даже издалека. Мужчина очень красив. Конечно, не такой высокий и стройный, как отец. Но ходил он точно так же, как тот учитель верховой езды, которого наняла для нее Клодия, – казалось, сила бьет из него ключом и потому ему даже трудно остановиться.

А женщина, наверное, любит его – иначе не обнимала бы его так крепко и не прижималась к его спине. И потом, они постоянно касались друг друга, словно случайно.

Юлия долго расхаживала по конюшне, глядя по очереди всех лошадей и пытаясь решить, в чем же суть тех перемен, которые произошли после приезда отца. Она привыкла искать совета у лошадей во всех затруднениях. И если Клодия вдруг сердилась на что-то, то девочка сразу убегала в конюшню. Запахи животных, соломы, кожаной упряжи внушали ощущение спокойствия и защищенности. А в самом доме было полно комнат, которые по ночам оставались темными и холодными. Когда девочка пробиралась через них, чтобы в свете луны забраться на свое любимое место – каменный забор, – то всегда представляла, как по этим комнатам ходила, дрожа от страха, мама. Люди, убившие ее, казались почти реальными. Вот они, крадутся за спиной!.. Девочка, дрожа, оборачивалась и, натыкаясь на пустую тьму, в ужасе убегала.

Из окон дома донесся взрыв смеха, и Юлия подняла голову, прислушиваясь. Смех стих, – казалось, что дом погрузился в полную тишину. Но нет, эти люди там, в комнате с настежь раскрытыми окнами. Удивительно, их присутствие здесь, в поместье, приносит чувство безопасности. Все должно быть хорошо. Сегодня ночью она не будет бояться ни крадущихся убийц, ни призраков. Ночные кошмары отступят.

Юлия снова погладила мерина, а потом сняла с гвоздя черный плащ и бросила его на пол, прямо на солому. Красивый друг отца достоин лучшей спутницы, чем та, что приехала с ним вместе. Подумав об этом, девочка пошла прочь.

Заложив руки за спину, Помпей мерил шагами комнату. Тога из толстой белой ткани не закрывала рук, а потому было видно, как движутся мускулы, – консул нервно сжимал и разжимал кулаки. Лампы в доме уже начали меркнуть, но он не звал рабов, чтобы те долили масла. Полумрак вполне соответствовал настроению уважаемого римского патриция.

– Он мог оставить пост только ради выборов, Регул. Ничто другое не оправдывает риска.

Старший из центурионов стоял навытяжку перед своим полководцем. Прослужив под его началом уже двадцать лет, он, как никто другой, чувствовал перепады настроения начальника.

– Я полностью в твоём распоряжении, – заверил офицер, глядя прямо перед собой немигающим взглядом.

Помпей взглянул на подчиненного и, судя по всему, остался доволен:

– Ты поистине моя правая рука, Регул. В этом я не сомневаюсь. Однако, если я не хочу отдать город прямо в руки Цезаря, мне потребуется кое-что большее, чем простая покорность. Потребуется идеи. Так что говори открыто, ничего не опасаясь.

Услышав такую команду, Регул слегка расслабился и осмелел:

– Ты не думал о законе, который позволил бы снова претендовать на консульство? Если твоя кандидатура окажется альтернативной, Цезарь пост не получит.

Помпей нахмурился – он просто не считал подобный вариант возможным, в ином случае обязательно использовал бы его. И сенат, и даже простые граждане единодушно восстанут против возвращения к прежним временам. Ирония заключалась в том, что он сам активно способствовал введению тех ограничений, от которых теперь так страдал. Впрочем, подобные мысли ничуть не исправили ситуацию.

– Исключено, – прокрипел консул сквозь стиснутые зубы.

– В таком случае, мой господин, нам предстоит строить планы на будущее, – заключил Регул.

Помпей прекратил шагать и с надеждой взглянул на советника:

– Что у тебя на уме?

Тот глубоко вздохнул и, собравшись с духом, заговорил:

– Позволь мне вступить в его легион. Если вдруг настанет момент, когда этого человека придется срочно остановить, тебе понадобится неподалеку от него надежный меч.

Помпей глубоко задумался: предложение достаточно серьезное. Полная преданность в сочетании с отчаянностью и даже с яростью. Хотя в душе консул и осознавал нечистоплотность подобного шага, искушение получить на годы вперед такое оружие против соперника оказалось слишком велико. Кто знает, что принесет будущее каждому из них?

– Тебе придется войти в состав одной из центурий простым солдатом, – медленно проговорил Помпей.

Центурион перевел дух: ясно, что идея не отвергнута без рассмотрения.

– Это для меня не препятствие. Ведь я начинал рядовым воином, а продвижение по службе произошло благодаря твоей милости, без задержек.

– Но у тебя на лице слишком заметные шрамы, постепенно все поймут, кто ты такой.

– Что ж, скажу, что я наемник. И запросто сыграю роль. Позволь лишь приблизиться к этому человеку, мой господин. И тогда увидишь, чего стоит преданность старого солдата.

Помпей старательно взвешивал все «за» и «против».

– Дело может затянуться на годы, Регул. По тебе никто не будет скучать?

– Нет, мой господин, я совсем один в мире.

– В таком случае считай, что получил мой приказ. Ступай, и да благословят тебя боги.

От волнения Регул с трудом нашел нужные слова:

– Это... это большая честь, мой господин. Клянусь, при первом же твоём слове я буду в нужном месте в нужное время.

– Не сомневаюсь в тебе, Регул. И непременно вознагражу, когда...

– В этом нет ни малейшей необходимости, господин, – сам удивившись собственным словам, быстро ответил офицер.

Он отлично понимал, что нельзя прерывать речь консула, однако так хотелось показать, что доверие не напрасно.

Улыбка Помпея была наградой.

– Если бы таких, как ты, было побольше, Регул! Не многие способны так служить.

– Благодарю, господин, – вытянулся по струнке офицер.

Он знал, что впереди маячат годы суровой дисциплины и скромного солдатского жалованья, но это его нисколько не беспокоило.

Глава 10

Рим не затихал ни днем ни ночью, а с наступлением утра обширную площадь форума до отказа заполнили массы горожан. Толпа волновалась, двигалась, гудела. Отцы сажали детей на плечи, чтобы те могли хотя бы издали взглянуть на консулов. Когда вырастут, они будут рассказывать, что своими глазами видели людей, победивших армию Спартака и спасших город.

Юлию толпа казалась безликой и пугающей. Как вести себя на трибуне: смотреть в пространство или в упор уставиться на какого-нибудь одного несчастного горожанина? Да и вообще, услышат ли они его? Во время выступления Помпея люди молчали, однако нечего и сомневаться: консул нашпиговал площадь своими шпионами.

Цезарь снова и снова повторял в уме речь, молясь лишь о том, чтобы не запнуться и не забыть какой-нибудь логический переход. После выступления будут, наверное, вопросы – возможно, от находящихся на жалованье у консулов подставных лиц. Его могут попытаться унижить. Юлий незаметно прижал ладони к коленям, надеясь, что мягкая ткань тоги осушит холодный нервный пот.

Юлий сидел на подиуме рядом с Крассом и отцом Светония, но даже не смотрел на соседей. Те внимательно слушали речь Помпея. Вот он запустил в публику какую-то остроту и тут же поднял руки, пытаясь успокоить рассмеявшихся. Да, приходилось признать, что держится консул прекрасно, в его манерах не ощущалось ни малейшей неуверенности. Ораторское искусство непосредственно отражалось в реакции слушателей. Все лица были поднятыми, словно в поклонении. Выступить после такого успеха казалось не просто трудно, а страшно.

Помпей начал говорить о том, что ему удалось сделать за год консульства, и по площади прокатились аплодисменты. Военные успехи чередовались с обещаниями бесплатного хлеба и зрелищ, с посулами раздачи памятных монет. Услышав о последнем, Красс

внутренне замер. Интересно, где это Помпею удастся найти средства, чтобы отчеканить свой профиль в серебре? Однако тяжелее всего оказалось перенести то обстоятельство, что в подачках, в общем-то, никакой необходимости не было. Помпей держал толпу уверенной рукой, силой своей воли ввергая ее то в смех, то в задумчивость, то в негодование. Выступление было поистине мастерским. Закончив, оратор отступил в сторону и широким жестом пригласил на трибуну Цезаря.

Тот встал и с застывшей улыбкой поклонился консулу. Отеческое снисхождение показалось раздражающим и отвратительным, но приходилось терпеть.

Помпей негромко обратился к молодому сопернику:

– Неужели под тогой не скрыты новые щиты, Юлий? Я не сомневаюсь, что ты приготовил что-нибудь в этом роде.

Цезарь изобразил на лице улыбку, как бы говоря окружающим, что слова опытного мастера – всего лишь милая шутка, а вовсе не колкость. Помпей намекал на выигранный Юлием на этой самой площади суд: тогда толпе показывали щиты с изображенными на них сценами из жизни Мария.

Помпей, ничего больше не добавив, со спокойным и заинтересованным видом сел на свое место. Юлий же подошел к трибуне и на мгновение замер, оглядывая раскинувшееся внизу море лиц. Сколько человек оставили свои дома и пришли сюда, чтобы выслушать ежегодное обращение консулов к народу? Восемь тысяч? Или десять? Утро было ранним, солнце еще не вышло из-за крыш возвышавшихся по краям форума храмов, и поэтому свет казался серым и холодным. Юлий глубоко вздохнул, пытаясь успокоиться, чтобы голос с самого начала звучал твердо и сильно. Важно, чтобы граждане расслышали каждое слово.

– Меня зовут Гай Юлий Цезарь. Я племянник Мария, который семь раз становился римским консулом. И я тоже включил свое имя в сенатский список. Я хочу стать консулом в память об этом человеке и надеюсь продолжить начатое им дело. Хотите ли вы и от меня услышать обещания о раздаче бесплатного хлеба и монет? Разве здесь собрались дети, ожидающие игрушек в обмен на преданность? Кроме того, хороший отец не будет баловать ребенка лишними подарками.

Юлий на секунду замолчал. Все становилось на свои места, он уже не нервничал. Собравшиеся на площади люди не отводили от него внимательных глаз, и он вдруг ощутил первую протянувшуюся ниточку доверия.

– Я хорошо знаком с теми, кто не разгибая спины выращивает для вас хлеб. Кормить других – не слишком благодарное и вовсе не прибыльное занятие, но крестьяне гордятся своим трудом, и потому они настоящие люди. Знаю я и многих из тех, кто, не жалуясь, сражался за свободу этого города. Иногда мы встречаем этих искалеченных людей на улицах и отводим глаза, забывая, что можем смеяться и любить лишь потому, что воины отдали за нас здоровье, а порою и жизнь.

Наш город держится потом и кровью тех его жителей, которых уже нет среди нас, однако нам тоже надо многое сделать ради его блага. Вы слышали слова консула Красса о воинах, которым предстоит поддерживать порядок на улицах? Я без малейшего сожаления пошлю своих людей охранять вас, но ведь настанет время, когда я должен буду вести их в дальние края, чтобы завоевать для вас новые богатства и новые земли. Кто же тогда позаботится о безопасности города, кроме самих горожан?

Толпа беспокойно пошевелилась, и Юлий на мгновение замолк. Он ясно представлял то, что хочет сказать, но как выразить свою мысль доступно?

– Аристотель говорил, что государственный деятель стремится воспитать в гражданах определенные моральные устои, расположение к добродетели. Я ищу это расположение в ваших душах и вижу его готовым выплеснуться в мир. Именно вы защитили стены нашего города от восставших рабов. В тот момент вы не спрятались от исполнения своего долга. Надеюсь, что не спрячетесь и сейчас, когда я прошу об этом. – Цезарь продолжал громче и увереннее, чем прежде: – Обещаю создать специальный фонд и оплачивать труд тех, кто сейчас не имеет работы. Труд этот будет заключаться в уборке улиц и защите граждан от разбойных банд, которые терроризируют слабых. Где же былая слава Рима, если сейчас мы живем в постоянном страхе, опасаясь, едва стемнеет, выйти на улицу? До каких пор нам крепко-накрепко запирают двери и с опаской ждать, не сломает ли их грабитель или убийца?

Юлий заметил, что многие из слушателей согласно закивали, и понял, что задел живую струну. Он мысленно поблагодарил Александрию, ведь именно она рассказала об этой напасти.

– Консул Красс назначил меня эдилом, а значит, мне вы должны жаловаться в случае беспорядков или преступлений в городе. Приходите, если вас несправедливо обвиняют; я непременно выслушаю жалобу и, если не найду достойного представителя, сам буду вас защищать. Все свое время, все силы я отдаю вам – берите, если нуждаетесь в них. Мои подчиненные и помощники сделают улицы города безопасными, а я сам позабочусь о равенстве граждан перед законом. Если мне суждено занять место консула, то обещаю стать тем потоком, который наконец очистит Рим от многовековой грязи. В одиночку мне это сделать не удастся. Дать вам новый город я не смогу. Но сообща мы его улучшим.

Площадь поняла слова и ответила согласием. Голова Юлия слегка кружилась от радости, – наверное, благоволение богов проявляется именно так. Плечи оратора распрямились, голос свободно разносился над площадью, и собравшиеся на ней стремились хоть на мгновение встретиться взглядом с человеком на трибуне.

– Где те богатства, которые наши легионы завоевали для города? Думаю, что их недостаточно. Став консулом, я не стану прятаться от мелких задач. Дороги наши забиты повозками и экипажами, и от этого страдает торговля. Я заставлю возниц ездить и ночью, но при этом запрещу им во все горло орать на волов. Люди должны спать спокойно. – Слушатели засмеялись, и Юлий улыбнулся вместе с ними. Взаимопонимание достигнуто. – А может, вы считаете, что это недостойное занятие? Что, лучше построить еще одно роскошное, но бесполезное здание, которое будет пустовать?

Кто-то в толпе ответил: «Нет!» – и оратор посмотрел в сторону этого одинокого голоса, с удовольствием отмечая, что по толпе прокатилась новая волна смеха.

– Тому, кто мне только что ответил, я возражу: да! Да, мы должны строить возвышенные храмы, крепкие мосты и акведуки, по которым потечет чистая вода. Если вдруг к нам в Рим придет владыка иностранного государства, я хочу с гордостью показать ему прекрасный город. Я хочу, чтобы он с восторгом смотрел вверх – но при этом не вляпался бы во что-нибудь отвратительное под ногами.

Пришлось подождать, пока смолкнет смех. Цезарь знал, что его слушали уже хотя бы потому, что голос звучал уверенно и убежденно. Он сам верил в свои слова, и граждане ощущали в них правду.

– Мы все – и вы, и я – практичные люди. А потому нуждаемся в сточных канавах, безопасности, честной торговле и справедливых ценах. Но в то же самое время мы и мечтатели. Практичные мечтатели, готовые переделать мир таким образом, чтобы он существовал еще тысячу лет. Мы строим на века и считаем себя наследниками греков. Обладаем силой, но не только телесной. Готовы изобретать и совершенствовать до тех пор, пока в мире не останется ничего равного по красоте нашему городу. Если возникнет необходимость, мы будем перестраивать одну улицу за другой. – Юлий глубоко вздохнул, и глаза его увлажнились от признательности к заполнившим площадь людям. – Смотрю на вас, и душа переполняется гордостью. Я тоже пролил свою кровь за благоденствие Рима и сейчас, видя ваши глаза, понимаю, что жертва не напрасна. Это наша земля. И все же за ее пределами существует мир, которому еще предстоит узнать о наших достижениях. Успехи достаточно величественны, чтобы распространиться повсюду, принести другим народам власть закона, честь нашего города – действовать до тех пор, пока в любом уголке земли будет жить человек, с гордостью называющий себя римским гражданином и несущий славу Рима. Если мне суждено стать консулом, то все свои силы я отдам во имя приближения этого дня.

Цезарь закончил выступление, хотя слушатели не сразу это поняли. Площадь терпеливо ждала, надеясь, что оратор продолжит столь интересную речь, и Юлий едва не поддался на невольную провокацию. Но внутренний голос приказал просто поблагодарить людей за пристальное внимание и покинуть трибуну.

Молчание взорвалось криками восторга и одобрения; оратор даже слегка покраснел от возбуждения и радости. Он не видел реакции тех, кто сидел на подиуме за его спиной, зато упивался пониманием народа. Ощущение было пьянящим, словно крепкое, выдержанное вино.

Помпей склонился к Крассу и, аплодируя, прошептал:

– Ты и правда назначил его эдилком? Не забывай, Красс, что он тебе вовсе не друг.

Пытаясь сохранить видимость дружелюбия в глазах толпы, Красс в ответ улыбнулся, однако глаза его метали молнии гнева.

– Я прекрасно могу отличить друга от недруга, Помпей.

Помпей поднялся с места и, встав перед Цезарем, похлопал его по плечу. Толпа увидела, как они улыбаются друг другу, и снова разразилась приветствиями. Помпей приветственно воздел руку, словно желая этим жестом показать, что Юлий – всего лишь его ученик и хорошо затвердил преподанный наставником урок.

– Превосходная речь, Цезарь, – похвалил он. – Если добьешься успеха, твое появление в сенате будет подобно свежему ветру. Практичные мечтатели – это замечательный образ.

Юлий пожал протянутую руку, затем повернулся к Крассу, приглашая его присоединиться. Однако второй консул уже и сам встал и шел к ним, не желая упустить возможности покрасоваться.

Все трое стояли на подиуме рядом, принимая восторги толпы. Издалека их улыбки казались искренними. Сенатор Пранд тоже поднялся, но его никто не заметил.

Александрия повернулась к стоявшему рядом Тедию, словно желая посмотреть, как тот реагирует на восторг толпы.

– Ну, что ты о нем скажешь?

Старый солдат потер заросший щетиной подбородок. Он пришел сюда лишь по просьбе Александрии. Обещания правителей города его вовсе не интересовали, но он стеснялся признаться в этом, боясь обидеть хозяйку.

– Все путем. Хотя я что-то не слышал, чтобы он, как другие, пообещал отчеканить монету. Обещания – это, конечно, прекрасно, госпожа, но на серебряную монету можно купить немало хорошей еды, да и выпивку в придачу.

Александрия сначала нахмурилась, потом расстегнула висящий на поясе тяжелый кошелек и достала динарий. Протянула монету Тедию, и тот с немалым удивлением принял дар.

– К чему это? – вопросительно поднял он брови.

– Просто так, чтобы ты потратил на себя, – ответила девушка. – Когда деньги закончатся и ты снова проголодаешься, Цезарь все еще останется здесь.

Тедий кивнул, словно понял, что она имела в виду, и бережно засунул монету в потайной карман. Украдкой оглянулся, чтобы посмотреть, не заметил ли кто-нибудь, где именно он хранит деньги,

но все взгляды были устремлены на подиум. И все же осторожность в Риме – качество, далеко не лишнее.

Сервилия наблюдала, как Помпей снисходительно похлопывает по плечу ее возлюбленного. Консул улавливал, куда дует ветер, не хуже остальных сенаторов. Однако догадывается ли этот ловкий политик о том, что Юлий не потерпит ни малейшего давления или даже контроля над своими действиями, пусть даже со стороны бывших консулов?

В былое время красавица глубоко презирала занимавшие политиков пустые и ничтожные игры. Даже возможность выступить, которую они предоставили Цезарю и Пранду, тоже казалась частью этих игр. В сенатском списке числилось еще два кандидата на следующий консульский срок, а до окончания внесения кандидатур оставалось несколько дней. Однако никому из остальных кандидатов не позволили удешевлять речи почтенных консулов дешевыми посулами.

Толпа должна запомнить лишь троих, и один из них – Юлий Цезарь. Сервилия вздохнула с облегчением. В отличие от остальных, она не могла расслабиться и просто слушать, что говорят ораторы. Юлию предстояло с ними соперничать, и сердце его подруги стремительно билось от волнения и гордости. Ее возлюбленный, как всегда, оказался на высоте. Сейчас он уже совсем не походил на того потерянного человека, которого она встретила в Испании. Юлий обрел прежнюю силу и даже магию – Сервилия не могла не ответить всей душой на тот огненный взгляд, который то и дело настигал ее с трибуны. Он так молод! Видит ли это толпа? При всей опытности и изощренности Помпей и Красс сразу блекли в сравнении с пламенным темпераментом Цезаря. И этот удивительный человек любит ее, принадлежит только ей!..

Какой-то мужчина пробрался сквозь толпу и подошел к Сервилии почти вплотную. Она заметила суровое, жесткое, рассеченное глубоким шрамом лицо, влажное от пота. Но не успела римлянка пошевелиться и даже осознать опасность, как сильная рука железной хваткой сжала плечо незнакомца.

– Поосторожнее, – тихо, но с нескрываемой угрозой в голосе произнес Брут.

Человек резко дернулся, освободился от безжалостной хватки и скрылся в толпе, хотя и остановился на секунду, чтобы зло сплунуть. Сервилия же благодарно взглянула на сына, и тот спокойно улыбнулся. Все сразу встало на свои места.

– По-моему, матушка, ты сделала верную ставку, – глядя на Цезаря, произнес Брут. – Ты сама-то это понимаешь? Смотри, у него все получается словно само собой.

Энтузиазм сына рассмешил Сервилию. В гражданской одежде, без доспехов, Брут выглядел совсем мальчишкой, и она любовно взъерошила ему волосы.

– Беда в том, что одной лишь удачной речи недостаточно, чтобы стать консулом. Сегодня-то и начнется настоящая работа.

Сервилия проследила за взглядом Брута и увидела, что Юлий спустился с подиума и теперь с трудом пробирается сквозь толпу, улыбаясь, крепко пожимая протянутые руки и отвечая на восторженные приветствия граждан. Даже на расстоянии чувствовалась радость победителя.

– Хорошее начало, – негромко похвалила Сервилия.

Окруженный друзьями, Светоний шел с площади по пустым улицам. Жилые дома, лавки – все было закрыто; люди отправились слушать выступления политиков. До сих пор с форума доносился приглушенный шум толпы, а время от времени раздавались и отдельные выкрики.

Светоний расстроено молчал, да и на лице его отчетливо читалось разочарование. Каждый приветственный выкрик приносил ему острую боль – до тех пор, пока чаша терпения не переполнилась окончательно. Юлий, всегда и постоянно Юлий Цезарь! Что бы ни происходило, обстоятельства всегда поворачивались таким образом, что этому человеку везло больше, чем другим. Несколько удачных слов с трибуны – и вся площадь у его ног, а Пранд, отец Светония, унижен и забыт. Отвратительно наблюдать, с какой готовностью чернь клюет на дешевые ораторские уловки, не обращая внимания на достойного римского гражданина. Светоний так гордился, узнав, что отцу позволено претендовать на звание консула. Рим заслуживает, чтобы во главе его стоял почтенный человек, а не выскочка, подобный Цезарю, которому слава досталась совершенно случайно.

Светоний в бессильном отчаянии сжал кулаки. Друзья нервно переглянулись.

– Ведь он победит, правда? – уточнил Светоний, ни к кому конкретно не обращаясь.

Бибул, немного отставший от товарища, кивнул, однако спохватился, что жест его никак не мог быть замечен, а потому заговорил:

– Вероятно. Во всяком случае, и Помпей, и Красс думают именно так. Зато второй пост вполне может достаться твоему отцу.

Молодой человек спрашивал себя, не придется ли верным друзьям бежать за разгоряченным Светонием до самого поместья. Не хотелось бы – ведь поместье расположено за городской чертой. В противоположном направлении друзей ожидали хорошие лошади и удобные комнаты, но, ослепленный ненавистью, сын патриция и не думал останавливаться. Бибул ненавидел ходить пешком, когда можно было с комфортом ехать, причем желательно в экипаже. Верховую езду он тоже недолюбливал, но все-таки во время нее устаешь меньше, чем при ходьбе, да и потеешь не так сильно.

– Только представьте! Этот бессовестный человек самовольно покидает пост в Испании и без всякого приглашения является сюда, чтобы объявить о намерении занять пост консула! И все послушно принимают такой поступок! Интересно, какие взятки понадобились, чтобы подобное произошло? Он способен на подкуп, уж поверьте мне. Я хорошо его знаю. У этого человека чувство чести полностью отсутствует. Это известно еще со времени греческих событий и истории с кораблями. И вот теперь негодяй явился сюда, словно преследуя меня. Можно было предположить, что после смерти жены он оставит политику более достойным людям, так ведь? Урок мог бы пойти на пользу. Поверь мне, Катон, конечно, умел наживать врагов, но по сравнению с Цезарем он великий человек! Твой отец знал это, Бибул!

Товарищ нервно оглянулся, пытаясь определить, может ли кто-нибудь их услышать. Когда Светоний приходит в такое состояние, трудно предположить, куда его занесет и что он скажет. В уединении, вдали от посторонних ушей, гнев Светония, честно сказать, доставлял Бибулу удовольствие. Интересно было наблюдать за тем невероятным количеством злости, которое производил его приятель. На улице,

однако, такое поведение тревожило. Бибул ощущал полнейший дискомфорт: солнце уже отчаянно пекло, так что от жары и нервного напряжения молодой человек совсем взмок. Светоний же мчался вперед с такой скоростью, словно ни солнца, ни усталости не чувствовал. Светоний споткнулся о выбившийся из мостовой камень и выругался. Мысли о Цезаре не выходили из головы. Когда Юлий в городе, на семью Пранда начинают валиться неудачи. Светоний знал, что и в праве командовать легионом ему отказали из-за сплетен, которые распространял Юлий. Он ощущал косые взгляды, слышал за спиной ехидные смешки и прекрасно понимал причину этого.

Увидев, как к дому Юлия подбираются убийцы, сын патриция испытал истинную радость. Он ведь вполне мог поднять тревогу, послать гонцов, чтобы предупредить соседей. Мог остановить, предотвратить нападение, однако ничего не предпринял. И убийцы буквально разорвали жену Цезаря. Светоний хорошо помнил, как его развеселила новость, которую сообщил отец. Да, тогда он славно посмеялся. А еще смешнее история была оттого, что отец рассказывал ее с таким трагическим выражением лица. Веселье сына искренне изумило старика, и от этого молодой человек смеялся еще отчаяннее – до тех пор, пока на глаза не навернулись слезы.

Возможно, теперь, униженный Цезарем, отец смог бы лучше понять сына. Мысль показалась занятой. Стоит поговорить с Прандом серьезно – тема для обсуждения есть, причем достаточно веская. Светоний уже и не помнил, когда патриций достаивал сына большего, чем нескольких случайных, ничего не значащих слов. И в этом тоже была вина Цезаря. Отец ведь вернул ту землю, которую они сумели так ловко отхватить в отсутствие Юлия. А Светоний как раз собирался строить там собственный дом. И до сих пор помнил взгляд отца, когда тот услышал возражения. В этом взгляде не светилось ни капли любви – одно лишь холодное презрение.

Светоний поднял голову и разжал кулаки. Он обязательно навестит отца и выразит ему свое сочувствие. Тогда, возможно, при виде сына Пранд уже не будет морщиться, словно он отчаянно ему претит. Может, в выражении его лица уже не будет просвечивать столь острое разочарование.

Изменение в настроении и походке друга не ускользнуло от взгляда Бибула, и он тут же воспользовался возможностью:

– Становится совсем жарко, Светоний. Пора поворачивать к гостинице.

Светоний остановился, словно вдруг осознал присутствие товарища.

– Ты очень богат, Бибул? – неожиданно спросил он.

Бибул нервно потер руки, как делал всякий раз, когда поднимался вопрос о деньгах. Он унаследовал состояние, которое вполне обеспечивало безбедную жизнь и свободу от необходимости работать. Но упоминание об этом обстоятельстве всегда приводило молодого человека в смущение. Жаль, что Светония эта тема так откровенно привлекала.

– У меня достаточно средств. До Красса, конечно, далеко, но все равно вполне достаточно, – неохотно ответил он.

Интересно, к чему клонит спутник? Хочет снова попросить займы? Как неприятно. Почему-то Светоний считал, что отдавать долги он вовсе не обязан. Конечно, когда просил денег, то непременно обещал, что расплатится, однако, получив их, словно сразу забывал об обещании, да и вообще о том, что брал займы. Когда же набиралась солидная сумма и Бибул отваживался напомнить о долге, Светоний начинал сердиться, выходить из себя и бросать обвинения во всех смертных грехах. Дело всегда заканчивалось извинениями кредитора.

– Хватит на то, чтобы выставить свою кандидатуру на должность консула? Ведь сенат будет принимать заявления от претендентов еще день или два.

Идея привела товарища в ужас.

– Нет, Светоний, ни за что. Этого я делать не буду даже ради тебя. Меня вполне устраивает и собственная жизнь, и положение в сенате. А консульское звание вовсе не привлекает.

Услышав такой ответ, приятель подошел вплотную и, не скрывая презрения, схватил Бибула за мокрую от пота тогу:

– Так что же, может, тебе угодно, чтобы консулом стал Цезарь? Ты хоть помнишь гражданскую войну? Помнишь Мария и тот вред, который он нанес городу? Если ты выступишь, то сможешь расколоть электорат Юлия, и тогда кто-нибудь другой займет консульское кресло рядом с отцом. Если ты мне друг, то не смеешь ни минуты сомневаться.

– Я тебе друг, но этот номер не пройдет! – почти закричал Бибул, пытаясь вырвать тогу из цепкой хватки товарища. Мысль о том, что Светоний ощутит его пот, унижала, однако тот с силой тянул тогу, обнажая белую кожу на пухлой груди. – Неужели ты не понимаешь, что даже если я войду в число претендентов и наберу несколько жалких голосов, то голоса эти могут уйти не от Цезаря, а от твоего отца? Если тебе так уж необходимо, то выступи сам. Обещаю финансировать твою кампанию!

– Ты совсем потерял рассудок? Советуешь мне выступить против собственного отца? Нет уж, Бибул. Конечно, ты не бог вещь какая важная и яркая птица, но выхода попросту нет. Если мы ничего не предпримем, то Цезарь неизбежно победит. Я знаю, как он понравился толпе. Они его уже обожают. Кто из них почитит отца, когда рядом, словно разряженная шлюха, щеголяет Юлий? А ты родом из древней семьи и имеешь вполне достаточно денег для проведения избирательной кампании. – Глаза Светония загорелись алчной радостью, идея явно его вдохновляла. – Учти, что отец не покидал Рима, как Цезарь, а кроме того, он пользуется поддержкой богатых центурий, которые обычно голосуют первыми. Цезарь же уповает главным образом на бедноту. Но ведь в том случае, если большинство голосов будет набрано одним из кандидатов достаточно быстро, половину жителей Рима даже не позовут на голосование. Это все вполне можно устроить.

– Не думаю... – начал было Бибул.

– Ты должен, Бибул, должен ради меня. Всего лишь несколько первых центурий, и успех обеспечен. Тогда выскочке придется покинуть Рим. А если ты увидишь, что страдает электорат отца, то сможешь выйти из состава претендентов. Все очень просто, если ты, конечно, не предпочтешь без борьбы сдать консульское кресло Юлию.

Бибул не уступал:

– У меня не хватит денег, чтобы...

– Отец оставил тебе целое состояние. Ты думаешь, я об этом не знаю? Неужели ты считаешь, что я допущу в консулы старого врага Катона? Нет уж! Все эти мелкие суммы, которые ты мне ссужал, для тебя не больше чем кусок хлеба на пару дней. – Здесь Светоний, судя по всему, осознал, что не стоит держать друга за грудки так долго и с такой силой, даже пытаясь убедить. Он разжал кулак, а потом

несколькими быстрыми движениями разгладил тогу. – Так-то лучше. Ну, теперь ты готов сделать это для меня? Ты же знаешь, насколько все важно. Если уж на то пошло, консульство в паре с моим отцом тебе может даже понравиться. Но самое главное, Цезарю не удастся захватить в Риме власть.

– Нет! Ты что, не слышишь? Я отказываюсь! – почти закричал Бибул, и голос его зазвенел от страха.

Зло сощурившись, Светоний схватил Бибула за руку и потащил прочь от той компании, в которой они шли. Отойдя на почтительное расстояние, где никто не мог его услышать, он наклонился к самому уху испуганного, но несговорчивого товарища и зашептал:

– Ты не забыл, что сказал мне в прошлом году? Что я увидел, когда зашел к тебе без предупреждения? Ведь я прекрасно знаю, за что так презирал тебя твой отец, почему он отослал тебя подальше – в твой замечательный дом – и ушел в отставку, отказавшись заседать в сенате. Может быть, именно поэтому его сердце не выдержало и он так рано умер? Как ты думаешь, сколько еще ты протянешь, если твои пристрастия окажутся достоянием гласности?

– Это была случайность, та девочка... она...

– Посмотри на вещи трезво, Бибул! – нажимал Светоний, нависая над несчастным, загнанным в угол приятелем. – Я собственными глазами видел результат твоего... энтузиазма... ведь я и сам вполне мог выдвинуть против тебя обвинение. Уверю, наказание было бы жестоким, ничуть не мягче, чем ты того заслуживаешь. Сколько маленьких девочек и мальчиков прошло через твои руки за последние годы?

Бибул от отчаяния начал заикаться:

– Ты не смеешь мне угрожать! Мои рабы принадлежат только мне, и я вправе поступать с ними по собственному усмотрению. Никто не станет тебя слушать.

Светоний изобразил улыбку, однако она больше напоминала оскал. Триумф не украсил, а обезобразил его лицо.

– Помпей потерял дочь, Бибул! Он обязательно прислушается. Больше того, он непременно позаботится о том, чтобы ты расплатился за свои удовольствия. Разве я не прав? Уверен, стоит мне явиться к нему, он ни за что не отправит меня восвояси.

Бибул внезапно обмяк, на глаза его навернулись слезы.

– Пожалуйста, прошу...

Светоний снисходительно похлопал его по плечу:

– Забудем, Бибул. Друзья ведь не бросают друг друга в трудную минуту.

С этими словами он почти по-братски обнял истекающего потом и слезами римлянина.

– Сто дней, Сервилия, – проговорил Юлий, обнимая подругу. Они стояли на ступенях сената. – К работе должны подключиться юристы. Я выбрал лучших, которые не опозорят имя Цезаря. Народу же предстоит слушать. Боги, как много надо сделать! Нужно, чтобы ты непременно связалась со всеми, кто в долгу у нашей семьи. Ведь потребуется масса агитаторов, организаторов, просто крикунов – всех, кто способен хвалить меня на улицах с раннего утра и до позднего вечера. Бруту следует направить легионеров Десятого на наведение порядка в городе: никаких преступных банд и ночных разбойников больше не будет. Благодаря Крассу это теперь входит в мои прямые обязанности. Клянусь, старик просто гений. Один росчерк пера – и я получил ту власть, которая так необходима, чтобы сделать улицы города безопасными. Все произошло настолько быстро, что я почти не...

Пытаясь прервать поток торопливых слов, Сервилия прижала палец к губам друга. Однако ничего не получилось – Юлий никак не мог остановиться и продолжал невнятно бормотать, выкладывая идею за идеей. Смеясь, она накрыла его губы поцелуем, но он все равно говорил и говорил. Пришлось легонько шлепнуть непослушного мальчишку по щеке.

Юлий со смехом выпустил возлюбленную из объятий:

– Мне предстоит встреча с сенаторами, и опаздывать никак нельзя. Приступай к работе, Сервилия. Встретимся в полдень здесь же.

В вестибюле стоял Красс. Он явно нервничал – настолько, что его лицо покрылось каплями пота.

– Прежде чем ты откроешь дверь, Юлий, нам необходимо поговорить, – предупредил он. – Лучше сделать это здесь, внутри слишком много длинных ушей.

– Что случилось?

– Должен признаться, что я не был абсолютно честен с тобой, друг мой, – ответил Красс.

Они сидели на широких ступенях лицом к форуму. Из-за дверей доносились приглушенные голоса сенаторов.

Юлий недоверчиво и разочарованно покачивал головой:

– Ни за что не поверил бы, что ты способен на такое, Красс.

– Я действительно не способен! И именно поэтому сижу с тобой здесь и все рассказываю – пока не поздно, пока заговорщики не выступили против Помпея.

– Но ведь ты должен был остановить их, как только узнал сам. Надо было отправиться напрямик в сенат и осудить Катилину, прежде чем его идеи обрели плоть и кровь. А теперь ты сообщаешь, что он уже собрал целую армию! Немного поздновато рядиться в чистые одежды, уважаемый, как бы тебе этого ни хотелось.

– Отказ означал бы смертный приговор. А кроме того, предложение управлять Римом действительно показалось мне весьма заманчивым. Как бы то ни было, теперь я открыл тебе всю правду. Может, следует выдать их Помпею, чтобы публично отпраздновать еще одну его победу? После этого он уж непременно станет пожизненным диктатором, подобно Сулле. Да, Юлий, я поддался искушению и слишком долго молчал о том, что узнал, но, как видишь, теперь исправляю ошибку. Мне известны их планы и место дислокации. С помощью своего легиона ты уничтожишь армию мятежников почти мгновенно.

– Так ты для этого сделал меня эдилом? – с иронией в голосе поинтересовался Цезарь.

Красс пожал плечами:

– Разумеется. Так что теперь остановить злоумышленников – твоя прямая обязанность. Почтение к тебе в народе резко возрастет, как только чернь увидит, что и благородные люди получают такие же наказания за преступления, как и простые граждане. Ты сразу окажешься выше всех классовых и племенных предрассудков.

Во взоре Юлия мелькнула тень легкого презрения.

– А если бы я не вернулся из Испании? Как бы ты поступил?

– Нашел бы какой-нибудь иной способ разделаться с мятежниками.

– Правда? – В голосе Юлия прозвучали требовательные, настойчивые нотки.

Повернувшись, Красс в упор взглянул на молодого собеседника:

– Не сомневайся. Кроме того, ты ведь здесь. Я могу поименно перечислить тебе заговорщиков, а легионеры без труда прикончат всю мелочь, которую они собрали под свои знамена. Они представляли опасность лишь до тех пор, пока никто ничего не знал. Ты же с легкостью разгонишь всю шайку и получишь взамен консульство. Надеюсь, после этого ты не забудешь друзей.

Юлий стремительно вскочил на ноги и сверху вниз взглянул на консула. Услышал ли он теперь всю правду или только ту ее часть, которую пожелал раскрыть старый хитрец? Вполне возможно, что те самые люди, которых он с такой легкостью предал, виноваты лишь в несогласии с ним самим. Тем более недостойно посылать легионеров в дома могущественных граждан лишь по наговору Красса, и следует учесть, что сам он сможет запросто отказаться от своих слов. Сомневаться в том, что бесчестный человек способен на подобное, не приходилось.

– Я все обдумаю и решу, как поступить, Красс. Но учти: послушным мечом, которым ты сможешь поражать неугодных, я не стану ни при каких обстоятельствах.

Красс тоже поднялся, пытаясь погасить в глазах гневный огонь:

– Политика – дело кровавое, Юлий. Тебе лучше узнать это сейчас, пока еще не поздно. Я слишком долго ждал возможности расправиться с преступниками. Постарайся не повторить той же ошибки.

Они вошли в зал заседаний рядом, но не вместе.

Глава 11

Тот дом, который Сервилия подыскала для организации предвыборной кампании, оказался большим – в три этажа. Но сейчас люди заполнили его до отказа. Самое главное достоинство здания состояло в том, что оно находилось в оживленной, деловой части города, и это позволяло Цезарю активно общаться со всеми, кто искал с ним встречи. С раннего утра и до заката сквозь никогда не закрывающиеся двери бегали посыльные, выполняя поручения и приказы, которые сыпались на них, словно из рога изобилия.

Цезарь непосредственно приступил к обязанностям эдила. Воины Десятого легиона по ночам группами патрулировали город, и в результате трех яростных стычек с бандами разбойников одиннадцать улиц в беднейших кварталах уже были свободны от них. Легион продолжал действовать. Юлий прекрасно понимал, что лишь глупец может надеяться на то, что с бандитами покончено, однако они опасались проникать в те районы, где ощущалось присутствие нового хозяина города. Жители, в свою очередь, почувствовали, что их надежно охраняют, и начали ходить по улицам более уверенно.

Юлий взял на себя три судебных дела и первое уже выиграл. Следующее предстояло через три дня. Посмотреть на молодого оратора приходили толпы людей, с огромным энтузиазмом приветствуя его, несмотря на то что дело было относительно несложным, а преступление – далеко не самым страшным. Юлий же тешил себя тайной надеждой, что ему доверят дело об убийстве или иной серьезный вопрос. Тогда на площади, чтобы послушать его, соберутся тысячи.

Цезарь не видел Александрию несколько недель – с того самого дня, как девушка согласилась выполнить обширный заказ: одеть в доспехи участников большого боевого турнира, который должен был состояться в городском предместье. Нередко, устав от работы, он садился верхом и отправлялся посмотреть, как идет строительство предназначенной для поединков арены. Брут и Домиций отправили гонцов во все маленькие и большие города – иногда за пятьсот миль от Рима, призывая самых искусных воинов явиться в столицу и принять участие в турнире. Но даже при огромном числе соперников оба воина надеялись выйти в финал. Брут вообще настолько был уверен в собственной победе, что заключил пари почти на все годовое жалованье.

Отправляясь на форум и даже выезжая за город, на строительную площадку, Цезарь намеренно не брал с собой охранников. Тем самым он хотел показать гражданам, что верит им и не боится никого и ничего. Поначалу Брут пытался спорить, но вскоре как-то подозрительно легко уступил. Юлий подозревал, что центурион втайне от него отрядил людей, сопровождавших командира повсюду, словно тень. С этим он смирился. В данном случае видимость была гораздо важнее реальности.

Как и обещал, Цезарь провел в сенате закон, предписывающий торговым повозкам въезжать в Рим только по ночам. Это позволяло людям днем свободно передвигаться по городу. В темное время суток на каждом углу стояли солдаты, обеспечивающие тишину передвижения. После нескольких кратких стычек с беспокойными возницами порядок установился быстро. Теперь ответственность за порядок в городе целиком лежала на плечах молодого военачальника, а поддержка Красса обеспечивала почти безболезненное общение с сенаторами.

Подчиненные и солдаты трудились, не жалея сил. Предвыборная кампания продвигалась успешно, и, если бы не проблема, подкинутая Крассом, скоро можно было бы почивать на лаврах.

Каждый день консул требовал выступить против тех, кого называл предателями. Юлий не торопился, однако постоянно мучился тревожным ожиданием выступления мятежников. Тогда окажется, что он вполне мог его предотвратить, но не сделал этого. Правда, он не бездействовал: за каждым из названных Крассом заговорщиков днем и ночью следили шпионы. Ясно было одно: люди эти действительно собирались там, где их разговоры никто не смог бы услышать, – в банях, в частных домах и квартирах. И все-таки спешить с выводами не следовало. Глядя на спокойные улицы, трудно было представить себе таящийся где-то в их глубине заговор. Тем не менее гражданские войны в Риме случались, и этого было достаточно, чтобы отправить Брута на разведку туда, куда указал Красс.

Нельзя было не признать, что именно в этом и заключалась основная тяжесть ответственности, которую молодой эдил взвалил на свои плечи: хотя кто-то другой мог непосредственно рисковать карьерой и даже жизнью, все решения находились в его руках. Ставка была высока. Имея в распоряжении лишь несколько имен, нельзя обвинить сенаторов в измене, не положив на плаху собственную голову. Если вдруг не удастся убедительно и очевидно доказать собственную безупречную правоту, весь сенат, как один человек, повернется против отступника. Хуже того, многие испугаются возвращения к страшным дням Суллы, когда люди понятия не имели, кого именно уведут из дому следующим, обвинив в измене. Ошибка в данном случае могла привести к еще более страшным последствиям, чем бездействие, и эта мысль угнетала больше всего.

Оставшись на несколько минут в одиночестве, Юлий с такой силой стукнул кулаком по столу, что тот закачался. Как доверять Крассу после подобных откровений? Ведь этот человек – консул, а значит, должен был выдвинуть Катилине обвинения в заговоре в ту самую минуту, как тот вступил в сенат. Не сделав этого, он нарушил свой священный долг, а значит, предстал как самый презренный из всех граждан. Подобную слабость простить невозможно. Тем более что еще не остыла память о той страшной ночи, когда в город вошло войско Суллы. Юлий невольно вздрогнул. Он снова увидел поверженного людьми в черных плащах Мария – они облепили безоружного, словно жестокие африканские муравьи. Крассу не следовало верить Катилине и его приспешникам, чего бы те ни сулили.

Шум на первом этаже вывел Юлия из глубокой задумчивости. Рука сама потянулась к лежащему на столе мечу, но тут он услышал голос Брута и успокоился. Все Красс: опять вернулся страх, который не давал покоя в те времена, когда Катон угрожал не на шутку и каждый человек мог оказаться врагом. Красс умело манипулировал им, и эта нечистоплотность рождала в душе гнев. Но ведь, несмотря ни на что, Красс получит все, к чему стремится. Заговорщиков необходимо обезвредить до того, как они нанесут удар, – это несомненно. Интересно, можно ли их запугать? Послать по домам центурию под руководством лучших, самых опытных офицеров? Если конспираторы поймут, что планы их раскрыты, то заговор вполне может умереть, так и не реализовавшись.

Брут постучал и вошел. По выражению его лица Цезарь сразу понял, что друг принес дурные вести.

– Мои люди прочесали те деревни, о которых тебя предупреждал Красс. Судя по всему, он говорит чистую правду, – без всяких предисловий приступил к делу Брут.

Сейчас в его поведении не осталось и следа от обычной беспечности.

– Сколько мечей они имеют в своем распоряжении? – сразу уточнил Цезарь.

– Восемь тысяч, может, и больше, хотя и в разных местах. В каждом городке и в каждой деревне полно вооруженных людей. Никаких знамен, никаких опознавательных знаков. Просто огромное, устрашающее множество клинков, причем почти рядом с Римом.

Трудно не волноваться. Если бы мои ребята не знали точно, что искать, то могли бы и промахнуться. Боюсь, что опасность действительно серьезная, Юлий.

– Значит, пришла пора действовать, – встрепенулся Цезарь. – Дело зашло слишком далеко, так что предупреждать уже бесполезно. Веди своих солдат к тем домам, за которыми мы наблюдали. Сам отправляйся к дому Катилины. Арестуй заговорщиков и сегодня же доставь их на заседание сената. А там я возьму инициативу в свои руки и покажу нашим законодателям, как близко они подошли к краю пропасти. – Цезарь энергично пристегнул меч к поясу. – Будь осторожен, Брут. Не исключено, что в городе у них есть сторонники. Красс говорил, что они начнут наступление с самых бедных кварталов, а потому необходимо выставить на улицах легионеров, готовых в любую минуту отразить нападение. Кто знает, во что все это выльется?

– Если мы будем стремиться охватить весь город, одного лишь Десятого легиона окажется недостаточно, Юлий. А мне самому не удастся одновременно и командовать, и сражаться с наемниками.

– Я постараюсь убедить Помпея вывести на улицы своих людей. Он и сам поймет, что это необходимо. После того как доставишь заговорщиков в сенат, дай мне час, а потом действуй. Если я не встану во главе войска, выступай один.

Брут не спешил отвечать, прекрасно понимая, что его просят сделать.

– Но ведь если я вступлю в бой без сенатского приказа, мне тут же придет конец, независимо от того, на чьей стороне окажется победа, – наконец негромко произнес он. – Ты уверен, что Красс не предаст тебя?

Юлий явно колебался. Стоит Крассу отказаться повторить свои обвинения перед сенаторами, он окажется первым и самым страшным преступником. Старый консул настолько изощренно хитер, что может сострять самую сложную паутину просто для того, чтобы убрать с пути нескольких нежелательных конкурентов. Таким образом он избавится от неудобных, даже не запачкав рук.

Но есть ли выбор? Если существует хотя бы малейший шанс остановить восстание, это необходимо сделать немедленно.

– Я не могу доверять этому человеку и в то же время не могу допустить опасности, которая угрожает Риму. А потому арестуй всех

тех, кого он назвал, пока они не успели выступить. Всю ответственность я возьму на себя и, если смогу, приду тебе на помощь. Если же вдруг не появлюсь, принимай решения сам. Выжди, сколько сможешь, но ни в коем случае не опоздай.

Брут вместе с Домицием и двадцатью лучшими легионерами своей центурии отправился в особняк Катилины, чтобы арестовать заговорщика. Отряд немного замешкался в воротах, и эти минуты оказались роковыми: ворвавшись в кабинет, Брут с яростью увидел, как претор греет руки возле жаровни, в которой ярко горит целая кипа бумаг. Он выглядел совершенно спокойным и с достоинством приветствовал военных. Четко вылепленное лицо казалось почти скульптурным, а широкие плечи и сильные, мускулистые руки свидетельствовали о том, что этот человек держит себя в форме. В отличие от других сенаторов, он постоянно носил на поясе меч в украшенных чеканкой ножнах.

Реакция Брута была молниеносной: он выплеснул в огонь вино из стоявшего неподалеку кувшина. Огонь погас, и центурион бесстрашно сунул руку в жаровню, надеясь обнаружить какие-нибудь сохранившиеся документы. К сожалению, ничего не уцелело.

– Ваш командир превысил полномочия, солдаты, – обратился Катилина к легионерам.

В этот момент вперед выступил Домиций:

– Мне приказано доставить тебя в курию, сенатор, и там будет предъявлено обвинение в измене.

Катилина молча положил руку на рукоятку меча, и офицеры застыли в напряжении.

– Еще одно прикосновение к мечу, и ты умрешь прямо сейчас, – негромко предупредил Брут.

Глаза Катилины, до сих пор казавшиеся сонными, словно раскрылись – он наконец-то осознал грозящую опасность.

– Как тебя зовут?

– Марк Брут. Десятый легион.

– Так вот, Брут, консул Красс – мой добрый друг, и, как только я окажусь на свободе, мы непременно обсудим этот вопрос во всех деталях. А сейчас поступай так, как предписано. Веди меня в сенат.

Домиций протянул руку, пытаясь взять сенатора за плечо, но тот резко оттолкнул его. Сквозь показное спокойствие прорывалось истинное состояние души.

– Не смей прикасаться ко мне! Я римский сенатор! Не думай, что я забуду нанесенные оскорбления! Как только комедия закончится, вы оба жестоко поплатитесь! Даже хозяин не сможет защитить вас от закона!

Катилина стремительно выскочил из комнаты. Лицо его казалось поистине свирепым. Претора окружили обескураженные солдаты Десятого легиона. Домиций молча вывел пленника на улицу, в глубине души надеясь, что доказательства вины этого самолюбивого и резкого человека окажутся действительно весомыми; в ином случае трудно даже представить, к каким последствиям может привести сегодняшнее событие. Вполне возможно, что Юлий окажется виновен в крушении собственной политической карьеры.

На улице было множество народа – в этот утренний час все спешили по делам, – и Бруту пришлось расчищать путь зачехленным мечом. Однако далеко не все прохожие охотно уступали дорогу, а потому отряд продвигался медленно. Дойдя до первого поворота, Брут тяжело перевел дух и тихо выругался. Толпа вокруг заметно изменилась, он же обратил на это внимание слишком поздно.

Женщины и дети куда-то исчезли, а солдат Десятого легиона окружали мужчины весьма решительного вида.

Центурион бросил взгляд на Катилину. Сенатор явно торжествовал. Все ясно: засада. Похоже, Катилина подготовился к приходу легионеров.

– Защищайтесь! – скомандовал Брут подчиненным.

Тревога прозвучала как раз вовремя – из-под плащей прохожих показались обнаженные и готовые к бою мечи. Среди прохожих с самого начала сновали люди Катилины, ожидая удобного момента, чтобы освободить господина. Неожиданно улица наполнилась лязгом оружия и криками: первые из легионеров были застигнуты врасплох. Растерянность стоила им жизни.

Брут заметил, что приближенные освободили Катилину и теперь выводят его из толпы. Он тут же попытался схватить отчаянно сопротивляющегося претора. Увы, совершенно бесполезно. Стоило лишь вытянуть руку, как кто-нибудь налетал на него с оружием, и

приходилось защищаться. Окруженный со всех сторон врагами, центурион оказался на грани паники. Однако в этот миг он заметил, что Домицию удалось расшвырять врагов, и двинулся к нему.

Воины Десятого легиона не сдавались, убивая сторонников Катилины с холодной решительностью опытных солдат. Среди них не было ни трусов, ни слабаков, но каждому предстояло сражаться с двумя, а то и тремя противниками. Нападающие, конечно, не могли похвастаться ни выучкой, ни особой сноровкой, тем не менее дрались они яростно, с фанатичной энергией, и даже доспехи легионеров не всегда выдерживали силу наносимых ударов.

Брут сражался сильно, смело и красиво. Вот он левой рукой схватил одного из врагов за горло и, словно щит, швырнул его на двух других наступающих, одновременно нанося им точные и безжалостные удары мечом. В эту минуту он почувствовал себя немного увереннее и даже отважился посмотреть, что же происходит вокруг. Однако радоваться было рано: пришлось отразить занесенный над правой рукой меч, а потом, в ответ, нанести врагу смертельный удар в горло. Горло и пах – вот самые верные цели.

Кто-то ударил в спину, и Брут ощутил, что один из ремней, удерживающих доспехи, порван. Вес тяжелых лат сместился. Стремительно обернувшись, воин вонзил меч прямо в ключицу врага, и тот рухнул на залитую кровью мостовую.

Брут посмотрел вокруг. Катилина исчез.

– Очистить чертову улицу, Десятый, быстро! – не скрывая ярости, скомандовал центурион, и легионеры бросились в бой с удвоенной силой.

Острые, словно отточенная бритва, тяжелые мечи крошили направо и налево, напоминая в этот момент ножи в лавке мясника. Некоторые из защитников Катилины скрылись вместе со своим господином, и число неприятелей стремительно сокращалось. Легионеры яростно расправлялись с оставшимися, безжалостно сокрушая тела и расплачиваясь за вероломное нападение единственно достойной монетой.

Наконец все закончилось. Легионеры остановились, тяжело дыша и мрачно глядя по сторонам. С блестящих металлических доспехов медленно стекала, капая на землю, вражеская кровь. Один из них

прошел между поверженными защитниками Катилины, для полной уверенности нанося последний, смертельный удар.

Брут вытер о тело последнего из убитых меч и, тщательно осмотрев лезвие, уверенным движением засунул верное оружие в ножны. Да, в работе Кавальо изъязнов не найдешь.

Из двадцати легионеров осталось всего одиннадцать, причем двое из них тоже прощались с жизнью. Брут с сочувствием и пониманием смотрел, как товарищи, не дожидаясь приказа командира, подняли умирающих и, поддерживая, шептали слова последнего утешения.

Центурион попытался сосредоточиться и трезво оценить ситуацию. Люди Катилины оказались вооружены и готовы к бою с воинами Десятого легиона. Это означает, что претор собирался присоединиться к заговорщикам как раз сегодня. Или же, наоборот, они шли к его дому.

Надо принимать решение как можно скорее. Ведь люди молча ждут приказа.

– Домиций, поручи наших раненых заботам жителей ближних домов. А прежде чем догонишь нас, передай сообщение Юлию – в сенат. Скажи, что ждать его мы уже не можем. Все остальные – быстро за мной!

Не добавив больше ни слова, Брут бегом бросился вперед. Не обращая внимания на усталость, легионеры последовали за ним.

В сенате творилось нечто невероятное: триста сенаторов говорили одновременно, стараясь перекричать друг друга. Самые громкие протесты раздавались в середине зала: именно там стояли те закованные в цепи четыре человека, которых арестовал Цезарь. Арестованные требовали доказательства выдвинутых против них обвинений. Поначалу они вели себя сдержанно, но, как только поняли, что Катилина сумел освободиться, осмелели и обрели утраченную было уверенность.

Помпей тщетно дожидался тишины. В конце концов ему пришлось действовать теми же методами, что и всем вокруг, добавив собственный голос к общему шуму.

– Всем сесть и замолчать! – набрав в легкие побольше воздуха, закричал он, оглядывая собравшихся в зале людей.

Ближние отреагировали довольно быстро, а следовавшая волна создала видимость порядка.

Помпей ждал, пока шум стихнет; постепенно все перешли на шепот. Консул крепко уперся руками в край трибуны, собираясь обратиться к разбушевавшемуся и вышедшему из-под контроля сенату, но как раз в эту минуту один из четверых арестованных просительно воздел скованные руки:

– Консул, я требую немедленного освобождения! Нас вытащили из домов и...

– Замолчи немедленно, или я суну тебе в рот железный кляп! – оборвал Помпей. Говорил он негромко, и все же голос достигал самых дальних скамеек. – В должное время вам будет предоставлена возможность ответить на выдвинутые Цезарем обвинения! – Консул глубоко вздохнул. – Сенаторы! Эти люди обвиняются в заговоре и организации беспорядков в городе, которые должны были привести к полномасштабному восстанию и свержению власти сената. Но, самое главное, они планировали убийство ведущих политиков! Те из вас, кто так громко взывает к справедливости, вполне могут рассмотреть серьезность обвинений. А сейчас выслушайте Цезаря, который и предъявит обвинение!

Юлий шел к трибуне, ощущая, как по спине ползет холодный пот. Где же Катилина? Если у Брута все прошло, как запланировано, ему давно пора быть здесь, рядом с остальными обвиняемыми. Но случилось иначе, и сейчас Юлий ощущал каждый шаг, как приближение к пропасти. Он ведь не обладал никакими аргументами, кроме слов Красса. Разве этого достаточно для выдвижения обвинений?

Юлий поднялся на трибуну и обвел взглядом коллег: да, некоторые смотрят с открытым вызовом. Вот почти напротив него, рядом с Бибулом, сидит Светоний. Оба едва не лопаются от любопытства – как пройдет это скользкое дело? Цинна тоже здесь, кивает с непроницаемым выражением. После смерти дочери он так редко появляется в сенате! Дружбы между ними быть не может, но и врага в бывшем тесте Цезарь тоже не видит. Больше того, если бы можно было быть настолько же уверенным и в других сенаторах!..

Глубоко вздохнув, Юлий постарался привести мысли в порядок. Если он ошибся в расчетах, ситуация обернется против него самого. А

если вдруг окажется, что Красс попросту отдал молодого эдила на съедение волкам, то впереди маячат позор и, скорее всего, физическое уничтожение.

Юлий взглянул на Красса, почти ожидая увидеть в глазах старого консула выражение триумфа. Тот едва заметно приложил руку к груди. Человек на трибуне не подал виду, что заметил жест.

– Я обвиняю вот этих четырех людей и еще одного, по имени Луций Сергий Катилина, в измене против города и сената, – наконец заговорил оратор, и в зале повисла напряженная тишина. Юлий с трудом справлялся с волнением. Нет, путь к отступлению отрезан. – Я могу с уверенностью заявить, что к северу от Рима, в небольших городах собрана армия, насчитывающая в своих рядах от восьми до десяти тысяч человек. Эта армия готовилась выступить под предводительством уже названного Катилины. Сигналом к атаке должны были служить разложенные на вершинах холмов костры. Для этого в городе завербовали целый отряд сочувствующих.

Глаза присутствующих обратились к четырем закованным в цепи арестантам. Те стояли, прижавшись друг к другу, с дерзким и непокорным видом. Один из них покачал головой, словно показывая, что слова эдила несправедливы.

В эту минуту на трибуну поспешно поднялся посыльный в сенатской тунике, он молча передал оратору небольшую восковую табличку. Быстро прочитав записку, Цезарь нахмурился.

– Только что пришло сообщение, – продолжал он, – что предводитель мятежа сумел уйти от того отряда, который я послал, чтобы арестовать его и доставить сюда. А потому прошу немедленного согласия сенаторов на мое выдвижение во главе Десятого легиона на север, против войска Катилины. Промедление смерти подобно!

Один из сенаторов поднялся с места и задал тот вопрос, которого ожидали все:

– Какие доказательства ты можешь предложить нам, эдил?

– Свое собственное слово и слово консула Красса, – быстро ответил Юлий, пытаясь не дать воли сомнениям. – Природа заговора в том и заключается, коллега, чтобы не оставлять следов и доказательств. Катилине удалось уйти, убив девять моих лучших воинов. А ранее он обращался к консулу Крассу, предлагая убить консула Помпея и учредить в Риме новый правопорядок. Остальные

детали будут раскрыты позже, после того как я справлюсь с грозящей городу опасностью.

Поднялся Красс, и Юлий с тревогой взглянул на него, все еще сомневаясь, можно ли доверять этому человеку. Консул взглянул на четырех закованных в цепи пленников, и на лице его отразился пылающий в душе гнев.

– Я заявляю, что Катилина – предатель!

Услышав слова Красса, Юлий почувствовал, как с плеч спадает огромная тяжесть. Что бы ни делал старик, во всяком случае он не подвел и не отказался от данного слова. А это уже немало.

Красс встретился с молодым трибуном глазами, и тот спросил себя, уж не читает ли консул его мысли.

– Как консул, я даю свое согласие на выступление Гая Юлия Цезаря во главе Десятого легиона из Рима на север, с тем чтобы уничтожить армию заговорщиков. Что скажет Помпей?

Помпей поднялся, переводя взгляд с одного из выступавших на другого. Он чувствовал, что история вовсе не заканчивается на том, что ему только что рассказали, но все же, выдержав долгую паузу, кивнул в знак согласия:

– Следуй своим принципам. Верю, что необходимость выступления так велика, как я только что слышал. Мой собственный легион займется восстановлением порядка в городе. Однако те люди, которых ты называешь заговорщиками, не будут преданы суду вплоть до твоего возвращения. Я сам займусь допросом обвиняемых.

После этого заявления по залу прокатился шепот. В центре всеобщего внимания оказались трое – двое почтенных консулов и молодой военачальник, недавно назначенный эдилом. В облике каждого из них чувствовались недюжинная сила и решимость.

Первым прервал молчание Красс. Он вызвал писаря и приказал ему срочно написать приказ о выступлении. Приказ был тут же составлен, подписан и передан Цезарю.

– Исполняй долг, и фортуна не изменит тебе, – напутствовал молодого эдила Красс.

Юлий бросил на консула быстрый, но пристальный взгляд и поспешил прочь из зала заседаний.

Брут ехал со своей сотней отборных всадников во главе Десятого легиона. Центурия то вырывалась вперед, на разведку, то возвращалась к двигавшимся быстрым маршем легионерам. Сейчас войско находилось к северо-западу от Рима, основную часть легиона пришлось выводить из разбитого на побережье лагеря, а свою центурию Брут вел из старых казарм Перворожденного.

Когда обе части армии наконец соединились, нервозность, мучившая Брута, уступила место радости: ведь впервые в жизни он вел в бой легион! Конечно, он надеялся на то, что Юлий догонит свое войско, но где-то в глубине души оставалось стремление испытать силы в одиночку. Его конная центурия мчалась так, словно всадники служили вместе уже несколько десятилетий. Брут не мог насмотреться на красавцев и даже не допускал мысли о том, чтобы отдать их в чьи-то чужие руки.

На морском побережье во главе пяти центурий остался Рений; ему предстояло охранять вывезенное из Испании золото да и сам лагерь. Конечно, в необходимости этого сомневаться не приходилось, однако Бруту страшно было расстаться даже с десятком воинов, так как точная численность войска противника до сих пор оставалась загадкой. Окинув наметанным взглядом стройные ряды своих солдат, командир не мог не ощутить законной гордости за тех, кто беспрекословно ему подчинялся. Поначалу этих людей объединяли лишь золотой орел и память о Мэрии, но сейчас они вновь превратились в сильный легион, и этот легион подчинялся именно ему!

Взглянув на солнце, Брут вспомнил карты, которые нарисовали разведчики. Судя по их данным, армия Катилины находилась дальше чем в сутках пути от города, так что предстояло решить, разбивать ли на ночевку укрепленный лагерь или двигаться всю ночь. Конечно, воины Десятого сейчас в такой форме, о которой можно только мечтать, – в прибрежном лагере они отлично отдохнули от тяжелого морского плавания. Кроме того, в уме мелькнула предательская мысль: остановись он на ночь, Юлий сможет без труда догнать войско, и тогда уже командование точно перейдет в его руки. Конечно, ночные дороги опасны и коварны, но Брут все-таки принял решение двигаться до тех пор, пока не встретится с неприятелем.

Область Этрурия, в юго-восточной точке которой находился Рим, представляла собой испещренный возвышенностями и оврагами край: путь по ней не казался легкой прогулкой. Воинам Десятого пришлось перестроиться в более широкие колонны, чтобы увереннее чувствовать себя среди древних расщелин и долин. Центурион с удовольствием отметил слаженность и четкость перестройки.

Показался Октавиан, на всем скаку искусно развернув мерина.

– Еще далеко? – поинтересовался он, повысив голос, чтобы перекрыть шум войска на марше.

– До тех деревень, в которых мы проводили разведку, осталось миль тридцать, – улыбаясь, ответил Брут.

Он прекрасно видел, как отражается в юном лице Октавиана его собственное волнение. Мальчик еще не знал битвы, так что марш не связывался в его сознании ни с ранениями, ни со смертью. Бруту, конечно, не мешало бы воспринимать события менее восторженно, но его Десятый так ярко сиял на солнце, а мальчишеская душа с такой страстью рвалась командовать парадом!

– Возьми с собой отряд и проверь, что творится у нас в тылу, – распорядился Брут, стараясь не замечать явного разочарования Октавиана.

Приказ не слишком лестный, однако Брут не собирался подставлять неопытного мальчика под первый удар схватки с врагом.

Он внимательно наблюдал, как юноша уверенно собрал всадников, четко их построил и отправился в хвост колонны выполнять задание. К удовольствию от созерцания четких действий подчиненного примешалась немалая доля гордости за собственные тактические способности.

Брут вспомнил, как много лет назад отдал Перворожденный в руки Цезаря, и с трудом подавил чувство глубокого сожаления. Конечно, его нынешнее командное положение – всего лишь временная замена Юлия, однако счастливые дни надолго сохранятся в памяти.

В этот момент показался один из высланных вперед разведчиков. Лошадь порою заносило на неровной земле, и всаднику приходилось прикладывать немалые усилия, чтобы удержаться в седле. Лицо его побледнело от возбуждения.

– Враг уже близко, центурион! Армия движется в сторону Рима!

– Сколько их? – резко уточнил Брут, пытаясь унять стремительное биение сердца.

– Два легиона, нерегулярных. Двигутся открытыми каре. Кавалерии я не заметил.

За спиной раздались крики, и Брут повернулся в седле. Колонну догоняли два всадника. Не приходилось сомневаться, что Домиций выполнил свой долг и доставил Юлия в распоряжение Десятого легиона. Центурион едва справился с разочарованием и гневом.

Снова повернувшись к разведчику, он задумался. Дождаться Цезаря и передать ему командование войском? Нет уж, это невозможно. Приказ отдаст именно он. Брут глубоко вздохнул:

– Передай вдоль строя. Продвигаться вперед и атаковать противника. Разбиться на манипулы. Всадников – на фланги. Мы разобьем этих негодяев с первого захода!

Разведчик с готовностью отсалютовал и исчез, а Брут с горечью наблюдал за неумолимым приближением облака пыли, сулившего схватку, кровь и смерть. Пусть теперь Юлий берет командование на себя.

Заметив приближение Десятого легиона, ряды наемников заколебались и замедлили шаг. Колонна надвигалась на них, словно грозная серебристая змея, – с той лишь разницей, что движение змеи не отдается содроганием земли. На ветру реял целый сонм флагов, доносился негромкий пока звук горнов.

Четыре тысячи пришедших за золотом Катилины наемников явились из Галлии, и их предводитель положил на плечо римлянина тяжелую ладонь.

– Ты же сказал, что путь в город окажется открытым! – прорычал он.

Дернув плечом, Катилина сбросил руку:

– У нас вполне достаточно сил, Главис, чтобы справиться с ними. Ты же и сам прекрасно знал, что работа будет кровавой.

Галл кивнул, соглашаясь, и прищурился, чтобы лучше разглядеть римскую армию. Он вытащил из ножен тяжелый меч, и в густой бороде его хищным оскалом сверкнула улыбка. Его люди, как один, повторили движение, и строй мгновенно оцетинился панцирем сверкающих игл.

– Ну что ж, всего лишь небольшой легион, да еще один в городе. Мы проглотим их, – пообещал Главис и захохотал, от удовольствия откинув назад голову.

Галлы ответили воинственным кличем, и первые ряды быстро двинулись вперед, преодолевая неровности пути.

Катилина тоже вытащил меч и вытер застилавший глаза пот. Сердце его бешено и неровно колотилось от непривычного страха, и римлянин пытался понять, замечает ли его чувства галл. Покачивая головой, мысленно проклял Красса за ложь. Существовал шанс захватить город врасплох, посеять ужас и панику. И вот этот легион здесь, в поле.

– У нас достаточно сил, – повторил он, пытаясь этими словами вернуть уверенность.

Перед ним во вражеской армии происходило перестроение: впереди показалась конница. От топота копыт земля сотрясалась уже не на шутку, и Катилина внезапно понял, что настал его смертный час. Страх сразу куда-то улетучился, ноги обрели странную легкость, и почтенный римлянин побежал.

Цезарь без малейшего колебания принял командование и, нещадно подгоняя и без того взмыленного жеребца, поравнялся с Брутом. Показал подписанную консулами восковую табличку:

– Теперь уже все на законных основаниях. Ты отдал приказ об атаке?

– Отдал, – коротко ответил Брут.

Он пытался скрыть неприязнь и холод, но, к счастью, Юлий смотрел в сторону, пытаясь оценить расстояние до войска мятежников.

– Конница уже готова – на флангах, – добавил Брут. – Я могу присоединиться к ней.

Юлий кивнул:

– Надо как можно быстрее расправиться с наемниками. Собери всадников справа и по моему сигналу налетай. Два коротких звука горна. Слушай внимательно, не пропусти!

Брут отсалютовал и, не оглядываясь, поехал прочь. Всадники построились рядами. Увидев командира, они слегка расступились, пропуская его. Послышалось несколько радостных приветствий. Брут нахмурился, надеясь, что воины не слишком легкомысленно

воспринимают предстоящую схватку. Так же как и Октавиану, он хотел сказать им, что существует немалая разница между метанием копий в тренировочные щиты и убийством людей.

– Держите строй! – прорычал центурион, глядя поверх голов своих воинов, и те сразу притихли.

Люди замолчали, однако царящее в их рядах возбуждение давало себя знать. Лошади танцевали на месте, не в силах дожидаться движения, и всадникам приходилось держать их твердой рукой. Люди тоже заметно нервничали. Некоторые снова и снова проверяли копья, то и дело вытаскивая их из свисавших с седел кожаных петель.

Теперь уже враг был хорошо виден: плотная масса громко кричащих людей, на бегу размахивающих широкими мечами, быстро приближалась, чтобы нанести сокрушительный удар. Лезвия ослепительно сверкали в солнечных лучах.

Центурии Десятого легиона сплотили ряды. Каждый из воинов взял меч на изготовку, щитом прикрывая товарища слева. Колонна продвигалась вперед сплошной массой – без единого просвета. Горны пропели три коротких сигнала, и строй перешел на бег, до последнего момента храня полное молчание. И вот все, как один, издали боевой клич, одновременно метнув во вражеский строй копья.

Тяжелые железные пилумы с заостренными концами сбили с ног бегущих противников. Брут же в это самое время чуть придержал своих всадников, давая им возможность тщательно прицелиться. Получилось так, что еще до того, как два войска столкнулись, в рядах наемников уже недосчитались сотен бойцов, в то время как римляне не потеряли ни единого человека. Всадники напали с флангов, и Юлий видел, как, круша направо и налево, они красиво, почти автоматически прикрывали щитами спины. Битва казалась превосходной демонстрацией выучки и опыта, так что даже в боевых условиях невозможно было удержаться от восхищения.

Главис ощутил мощный удар, но он пришелся на щит, раскроив его пополам. Не успел галл прийти в себя и прочно стать на ноги, как вражеский меч пронзил живот. Воин сморщился, хотя боль еще не успела прийти, и снова поднял меч. В это мгновение римлянин с силой толкнул его щитом, и бородатый наемник упал, выпустив из онемевших пальцев верное оружие. Главис в ужасе смотрел на вздымающийся над ним лес ног и мечей. Они металась, топча его, и

уже через несколько секунд на галла снова посыпались удары. Кровь текла сплошным потоком, но он не обращал на нее внимания, лишь время от времени равнодушно сплевывая. Обязательно надо подняться на ноги, встать, но его без конца топтали и пинали.

Никто не заметил, когда умер предводитель галльских наемников Главис. А ему не довелось увидеть, как ряды его воинов дрогнули и распались, не в силах противостоять мощному боевому ритму, заданному римлянами.

Галлы потеряли боевой дух в тот самый миг, когда увидели, как упал Главис. Именно этого и ждал Юлий. Он подал знак горнисту, и тот сыграл две короткие призывные ноты.

Сигнал услышал Брут. Сердце его едва не выскочило из груди. Несмотря на численное преимущество, наемники не смогли выдержать натиска Десятого легиона. Некоторые уже бросали оружие и пытались спастись бегством. Брут усмехнулся и с силой рассек воздух сжатым кулаком. Сейчас, когда копий уже нет, всадники покажут свою истинную мощь. Центурия ответила на сигнал слаженно, словно один человек. Чуть отступив, конница, словно нож, вонзилась в ряды противника, пронзая их и разрезая на мелкие части. Каждый из воинов держал поводья одной левой рукой, правой крепко сжимая меч и снося головы всем, кто оказался на пути. Мощные кони сметали людей своим весом, никто не мог противостоять их бешеному натиску. Они все глубже и глубже прорывались сквозь вражеские ряды, безжалостно рассекая и уничтожая их.

Передовой отряд Десятого бесстрашно надвигался на врагов. Каждый из легионеров разил мечом врагов и защищал щитом товарища слева, в то же время не сомневаясь, что справа так же надежно защищают его самого. Остановить натиск было уже невозможно. Наемники падали как подкошенные ряд за рядом, а легионеры рвались вперед, и лишь тяжелое дыхание выдавало их усталость и напряжение.

Юлий подал команду к выступлению манипул, и центурионы тут же ввели их в бой.

Увидев свежих воинов, мятежники окончательно пали духом. Сотни наемников бросали оружие и разбегались в разные стороны, даже не слыша жалких криков командиров.

Тем, кто сдался слишком рано, надеяться на милость не приходилось. Римские легионеры никак не могли пропустить их сквозь наступающий строй, и они погибли вместе с остальными.

Вокруг мятежников вились всадники на хрипящих и фыркающих черных конях, забрызганных алой кровью. Зрелище они представляли поистине страшное, скорее похожее на ночной кошмар, но никак не на правду жизни. Конница и завершила бой: окружив потрепанную массу врагов, она вызвала такой ужас, что все, кто еще стоял на ногах, словно по команде, побросали на землю оружие и, задыхаясь и умоляя о пощаде, подняли руки.

Увидев капитуляцию, Цезарь растерялся. Если не отдать горнистам приказ об окончании атаки, легионеры Десятого будут продолжать рубить и крошить до тех пор, пока в живых не останется ни одного мятежника. В глубине души он этого и хотел. Ведь что делать с таким количеством пленников? И так уже в Риме их тысячи, причем им нельзя позволить вернуться на родину. Юлий выжидал, чувствуя сосредоточенные на себе взгляды центурионов. Те, в свою очередь, ждали сигнала к прекращению бойни. Действительно, легионеры уже начали превращаться в мясников, в то время как наемники в первых рядах снова потянулись к мечам – инстинкт самосохранения брал верх. Судя по всему, медлить было нельзя. Цезарь резко рассек рукой воздух. Горнисты поняли команду и сыграли нисходящий сигнал. Легионеры остановились как вкопанные. Все закончилось.

Оставшихся в живых наемников разоружили – настолько быстро, насколько легионеры смогли пройти сквозь их спутанные, сбившиеся ряды. Продвигались они маленькими группами по несколько человек, обыскивая каждого. Пока один из римлян забирал оружие, остальные молча, с суровыми лицами наблюдали, готовые моментально пресечь любое опасное движение пленника.

Офицерам наемной армии предстояло покинуть ряды и явиться к командиру победителей. Они стояли перед Цезарем странной, наводящей на печальные размышления группой – оборванные, грязные, в случайно найденных, разрозненных доспехах.

Солнце опускалось за горизонт, и на поле битвы поднялся прохладный ветер. Юлий оглядывал стоящих на коленях пленников,

собранных в отдаленное подобие рядов. И без того печальное зрелище становилось еще мрачнее от множества лежащих вокруг мертвых тел. Вскоре нашли и труп Катилины. Юлий мрачно смотрел на рассеченные кровавые останки, которые еще совсем недавно были живой плотью заносчивого сенатора. Теперь он уже не сможет ответить ни на один вопрос.

Хотя Цезарю и казалось, что он знает правду о так быстро закончившемся восстании, он подозревал, что Красс сумеет выйти сухим из воды, скрыв свою роль в его организации. Возможно, кое-какие секреты действительно лучше не раскрывать и хранить подальше от внимания широкой общественности. Тем более что никогда не помешает иметь своим должником одного из самых богатых людей Рима.

Здесь внимание командира привлек Октавиан – юноша еще пылал, не остыв от возбуждения и страха; словно стараясь успокоиться, он то и дело похлопывал по шее своего коня. Всадники тоже получили свою долю битвы. И лошади, и люди оказались забрызганы кровью, испачканы землей. Брут стоял среди подчиненных, негромко благодарил их за ратный труд. Он гадал, чем военачальник завершит разгром мятежников. Сам он не мог смириться с намерением перебить пленников, но ведь Рим не потерпит проявления гуманности и милосердия.

Юлий знаком потребовал подвести пленных офицеров поближе. Охранники с силой начали подталкивать их в спину дубинками; один из уставших и ослабленных людей не удержался на ногах и упал. В гневе он едва не набросился на обидчиков, но его удержали свои же. Юлий прислушался к языку, на котором говорили между собой пленные, однако он казался совершенно незнакомым.

– Кто из вас главный, командир? – наконец поинтересовался Цезарь.

Офицеры переглянулись, и после паузы один из них сделал шаг вперед.

– Теми из нас, кто пришел из Галлии, командовал Главис, – пояснил он, махнув рукой в сторону мертвых тел. – Теперь он где-то там.

Пленник смерил Юлия твердым, полным достоинства взглядом и отвернулся. Печально оглядев поле брани, снова обратился к

победителю:

– Все наше оружие в твоём распоряжении, римлянин. Тебе больше нечего бояться. Отпусти нас.

В ответ Юлий медленно покачал головой.

– Нам и раньше нечего было бояться, – ответил он, заметив блеснувшую в глазах смелого пленника искру. Потом заговорил громче – так, чтобы его слышали все вражеские офицеры: – Предоставляю вам выбор. Или вы умрете по моему слову... Или же, присягнув мне на верность, пополните ряды легионеров.

После этих слов все вокруг заговорили одновременно, причем волнение охватило не одних лишь наемников. Солдаты Десятого легиона от удивления и неожиданности едва не раскрыли рты.

– Платить вам будут регулярно, в первый день каждого месяца. Семьдесят пять серебряных монет каждому, хотя часть этих денег вам придется отдать обратно.

– Какую именно? – уточил кто-то.

– Столько, сколько потребуется, чтобы заплатить за соль, пищу, оружие, доспехи, а также налог в пользу сирот и вдов. В итоге у каждого из вас останется по сорок два динария. Их вы сможете тратить по своему собственному усмотрению.

Здесь Цезарь замолчал, задумавшись. На жалованье для такого количества людей потребуются тысячи серебряных монет. Содержать два легиона окажется совсем нелегко, и даже привезенное из Испании золото при эдаком размахе закончится быстро. Интересно, где же взял такое состояние Катилина? Однако сейчас не время предаваться размышлениям. Юлий заговорил снова:

– Командовать вами будут мои опытные офицеры; они научат вас сражаться так, как те воины, против которых вы сегодня выглядели малыми детьми. У вас будет настоящее, качественное оружие, надежные и красивые доспехи. Жалованье будет поступать регулярно. Так решайтесь же. Что вы принимаете, мое предложение или смерть? Сейчас идите к своим людям и передайте им мои слова. Не забудьте предупредить, впрочем, что если кто-нибудь попытается убежать, я поймаю дезертира и повешу. Все, кто предпочтет жизнь смерти, отправятся в Рим вместе с нами, но не в качестве пленников. Муштра не покажется легкой, особенно поначалу, но, думаю, выдержки и терпения солдатам не занимать. Со временем станет легче.

– А оружие ты нам вернешь? – раздался неуверенный голос.

– Что за нелепый вопрос! – возмутился Цезарь. – А теперь отправляйтесь! Так или иначе, но все должно закончиться еще до заката.

Глубоко растерянные, не в силах выдержать на себе огненный взгляд военачальника, пленные офицеры медленно повернулись и зашагали к своим стоящим на коленях в грязи собратьям. Изумленные легионеры пропустили врагов.

Пока тянулись минуты ожидания, Брут подошел к другу и стал рядом.

– Сенату это не понравится, Юлий. Неужели тебе все еще недостаточно врагов?

– На поле битвы сейчас я, а не сенаторы. Нравится им это или нет, но здесь я говорю от имени всего города. Я – Рим, и мне предстоит принимать решение.

– Но ведь нам приказано их уничтожить, – тихо, чтобы никто не услышал, возразил Брут.

Юлий пожал плечами:

– Вполне возможно, что это еще придется сделать. И все-таки тебе следует надеяться, что они примут присягу.

– С какой это стати? – недовольно, с подозрением, поинтересовался Брут.

Цезарь улыбнулся и положил руку на плечо товарища:

– Да хотя бы потому, что это будет твой легион.

Брут замолчал в полной растерянности.

– Но, Юлий! – наконец собрался он с мыслями. – Эти люди воевали против нас и показали, чего стоят. Сам Марс не сможет превратить этот сброд в войско.

– Марс Марсом, а вот тебе подобное уже однажды удалось, с Перворожденным. Так что наверняка удастся и еще раз. Скажи им, что они сумели выжить в схватке с лучшим легионом Рима, которым командовал благословенный богами военачальник. Дай им возможность уважать самих себя, Брут, и они пойдут за тобой.

– И что, этот легион будет принадлежать мне, и только мне? – задумчиво уточнил Брут.

Юлий пристально посмотрел на друга, словно пытаясь заглянуть ему в душу:

– Если ты и дальше останешься моей правой рукой и, более того, моим мечом, то, клянусь, я ни разу не вмешаюсь, хотя, когда нам придется сражаться вместе, общее командование возьму на себя. Во всем прочем, до тех пор пока ты мне верен, можешь поступать так, как считаешь нужным.

Постепенно, по одному, начали возвращаться офицеры наемной армии. Глядя друг на друга, они с заметным облегчением кивали. Юлий сразу понял, что люди выбрали жизнь, а вместе с ней приняли те условия, которые им предлагали.

– Другого выбора нет, – коротко отрапортовал один из офицеров.

– Сомневающихся не нашлось? – негромко уточнил Цезарь.

Галл решительно покачал головой.

– Хорошо. Как только каждый из этих людей произнесет слова присяги, мы зажжем факелы и в темноте вернемся в Рим. Там вас ждут казармы и горячая еда. – С этими словами Юлий повернулся к Бруту. – Отправь вперед самых свежих из всадников, пусть отвезут сообщение в сенат. Ведь в Риме не сразу поймут, свои мы или чужие. Мне вовсе не хочется начать тот самый мятеж, который только что удалось предотвратить.

– Но мы ведь приведем в город врагов, – сурово возразил Брут.

– Нет, они больше уже не враги. Никто не сделает и шагу до принятия присяги. А после этого они уже полностью будут принадлежать нам, даже сами того не сознавая.

Цезарь подъехал к городу в окружении охраны. Ворота оказались крепко-накрепко заперты. На горизонте маячил первый, еще неуверенный утренний свет. Голова кружилась, тело ломило от усталости и бессонницы. Однако, прежде чем можно будет наконец-то лечь спать, предстоит еще немало важных дел.

– Откройте ворота! – громко закричал победитель, подняв голову и с неприязнью оглядывая нависающую массу бревен и железа.

На стене показался легионер в доспехах Помпея. Он внимательно оглядел небольшую группу всадников, а потом перевел взгляд на дорогу, – к счастью, нападать на город, судя по всему, никто не собирался.

– Только после того, как рассветет, эдил, – ответил часовой, узнав доспехи Цезаря. – Приказ консула Помпея.

Юлий тихо выругался:

– Ну так спусти мне веревку! У меня к консулу важное дело. Ждать нельзя.

Солдат исчез, очевидно собираясь спросить у старшего по званию, что делать. Спутники Юлия заметно занервничали.

– Нам предписано сопровождать тебя вплоть до здания сената, Цезарь, – отважился заметить один из них.

Повернувшись в седле, Юлий взглянул на смельчака:

– Если Помпей запер городские ворота, его легион не сможет войти. Значит, мне ничто не угрожает.

– Слушаюсь, господин, – тут же подчинился легионер.

Дисциплина не позволяла продолжать возражения.

На стене тем временем появился офицер в полном облачении. Ночной ветер шевелил плюмаж на шлеме.

– Эдил Цезарь? Если дашь слово, что поднимешься в одиночку, я спущу веревку. Консулы не сделали никаких распоряжений относительно такого раннего возвращения.

– Даю слово, – быстро ответил Юлий.

Офицер подал знак, и к воротам опустилась толстая веревка. Снова взглянув вверх, эдил обратил внимание на лучников, наблюдавших за ним с надвратных башен, и кивнул, словно что-то отмечая про себя. Да, Помпей совсем не глуп.

Спешившись, Цезарь крепко сжал веревку и посмотрел на растерянных воинов:

– Возвращайтесь в старые казармы Перворожденного. До моего возвращения командовать будет Брут.

Не добавив больше ни слова, он принялся энергично и ловко карабкаться по веревке.

Глава 13

Юлий шел по пустому спящему городу. Накрапывал мелкий дождичек. Солнце уже встало, и улицы должны были бы наполниться движением и суетой – рабочие, слуги, рабы обычно как раз в это время отправляются выполнять бесконечные поручения. Чуть позже, как правило, разносятся крики торговцев, а вместе с ними появляются и те

разнообразные звуки, которые ежедневно переполняют утренний город.

Однако все вокруг казалось странно, призрачно-тихим.

Юлий ссутулился, словно пытаясь скрыться от дождя и прислушиваясь к собственным шагам: они эхом отдавались на пустынной мостовой. Из окон на него смотрели люди, но почему-то все они молчали. Так продолжалось всю дорогу, вплоть до форума.

На каждом углу стояли солдаты из легиона Помпея, готовые в любую минуту силой обеспечить соблюдение комендантского часа. Увидев одиноко шагающего человека, один из них схватился за меч. Юлий распахнул плащ, показав доспехи, и легионеры пропустили его. Город сжался от страха, и эдил с гневом подумал о той роли, которую в этом деле сыграл Красс.

Он стремительно шагал, выбирая самый короткий путь. По мощным широкими плоскими камнями улицам можно было без опаски передвигаться даже в дождь – они надежно защищали от грязи. Дождь немного очистил мостовую, однако, чтобы довести ее до приличного состояния, потребовался бы долгий и сильный ливень.

Просторная площадь форума никогда еще не представляла перед взором Цезаря настолько пустынной. Здесь свободно гулял ветер; широкий плащ Юлия тут же оказался в его власти. И у дверей храмов, и у входа в здание сената стояли группы военных, однако факелов нигде не было видно. Для пришедших помолиться жрецы зажигали тускло мерцающие свечи, но Юлию сейчас было не до молитв. Лишь проходя мимо храма Минервы, эдил мысленно обратился к богине мудрости с просьбой послать ему достаточно прозорливости и расчетливости, чтобы с достоинством выпутаться из паутины, которую сплел Красс. Стуча сандалиями по камням просторной площади, Цезарь стремительно приблизился к зданию сената. Здесь тоже несли вахту два легионера. Держа оружие на изготовку, они стояли на посту совершенно неподвижно, словно каменные изваяния. Даже докучливый дождь и довольно сильный ветер не могли заставить их сделать хотя бы незначительное движение. Едва подошедший человек шагнул на первую ступеньку лестницы, оба подняли мечи. Эдил нахмурился. Часовые были еще слишком молоды. Более опытные воины не поддались бы на провокацию с такой легкостью.

– Согласно приказу консула Помпея никто не смеет войти в здание до тех пор, пока сенат не соберется снова! – раздуваясь от сознания собственной важности, провозгласил один из стражей.

– Но в том-то и дело, что мне необходимо поговорить с консулами еще до начала заседания, – терпеливо принялся объяснять Цезарь. – Где они сейчас?

Часовые переглянулись, пытаясь решить, имеют ли они полномочия разглашать подобные сведения. Дождь тем временем продолжался, и промокший насквозь посетитель начинал терять терпение.

– Мне было приказано доложить об исполнении поручения сразу по возвращении в Рим. И вот я здесь. Где ваш начальник?

– В тюрьме, господин, – ответил один из часовых.

Он открыл было рот, чтобы продолжить объяснения, однако передумал и, опустив меч, занял прежнее положение у двери. Оба легионера снова превратились в мокнущие под дождем каменные изваяния.

Над Римом сгущались тучи, и ветер усиливался, с завыванием проносясь над пустынной площадью. Юлий подавил желание все бросить и поскорее укрыться от непогоды и вместо этого направился в примыкающее к сенату здание тюрьмы. Оно было совсем маленькое и вмещало всего лишь две камеры, устроенные в полуподвальном этаже. Сюда только на одну ночь привозили преступников, которым наутро предстояло проститься с жизнью. Других тюрем в городе не было – оперативные меры, в частности казни и ссылки, избавляли от необходимости их строить. Сам факт посещения тюрьмы Помпеем не оставлял сомнений в том, что там происходит, и Цезарь приготовился встретить события с твердым сердцем.

У входа в тюрьму тоже пришлось столкнуться с неподвижно стоящими на страже часовыми. Однако, едва заметив Юлия, они кивнули, словно ожидали его появления, и отодвинули тяжелые засовы.

Доспехи эдила несли на себе символ Десятого легиона, а потому он беспрепятственно дошел до ведущих вниз, непосредственно в камеры, ступеней. Здесь ему пришлось назвать себя, и трое загораживающих лестницу легионеров молча отступили. Четвертый, также не сказав ни слова, направился вниз. Юлий терпеливо дождался,

пока часовой доложил о его приходе. В ответ раздался резкий голос Помпея. Трое часовых наблюдали с усиленным вниманием, а потому, чтобы успокоить их нервозность, эдил, словно отдыхая, прислонился к стене и принялся сосредоточенно стряхивать с волос, плаща и доспехов капли дождя. Простая процедура помогла сосредоточиться, не обращать внимания на устремленные взгляды, так что, когда на лестнице вместе с четвертым часовым наконец-то появился Помпей, Юлий даже нашел в себе силы улыбнуться.

– Да, это действительно Цезарь, – подтвердил консул. Взгляд его казался суровым, и он не ответил улыбкой на улыбку. Услышав подтверждение начальника, трое часовых убрали руки с мечей и расступились, открывая путь в полуподвальное помещение. – Городу все еще угрожает опасность? – коротко спросил Помпей.

– Нет, все кончено, – решительно ответил Юлий. – Катилина погиб в бою.

Помпей что-то пробормотал про себя, потом взглянул на пришедшего:

– Это плохо. Но пойдём со мной вниз, Цезарь. Тебе необходимо принять участие в том, что там происходит.

Помпей вытер со лба пот, и Юлий заметил, что рука его испачкана в крови. Сердце тревожно забило в предчувствии чего-то ужасного.

В камере эдил увидел Красса. Соконсул был настолько бледен, что в тусклом свете лампы лицо его казалось вылепленным из воска. Он поднял глаза на Юлия, и в них промелькнула странная, нездоровая искра. В подвале было душно, воздух наполняли тяжелые испарения. Юлий старался не смотреть на четыре фигуры, прикованные цепями к скамьям, которые занимали всю среднюю часть небольшой комнаты. Именно от этих людей и исходил так хорошо знакомый опытному воину запах свежей крови.

– Где Катилина? Ты привел его? – торопливо, нервно поинтересовался Красс, дотрагиваясь до руки вошедшего.

– Он погиб в первой же атаке, консул, – ответил Юлий и посмотрел прямо в глаза изворотливого политика, пытаясь прочесть его мысли.

Как и следовало ожидать, взгляд его выразил облегчение. Катилина мертв, а вместе с ним ушли в небытие и его секреты.

Помпей снова недовольно заворчал, кивнув палачам, стоящим возле измученных пленников:

– Очень жаль. Заговорщики назвали его своим предводителем, однако им неизвестны те детали, которые я хочу выяснить. Иначе они уже давно раскрыли бы их нам.

Юлий взглянул на результат работы заплечных дел мастеров и вздрогнул: их усилия явно не пропали даром. Действительно, трудно было предположить, что при подобной тщательной обработке пленники могли хоть что-то утаить. Трое сидели совершенно неподвижно; четвертый при виде нового человека неожиданно дернул головой. Один глаз его был выколот, и из пустой уже глазницы по щеке текла струя блестящей жидкости. Но второй, до этого бесцельно обшаривающий камеру глаз остановился на Цезаре.

– Ты! Я обвиняю тебя! – выпалил несчастный, но тут же поперхнулся. На подбородке показалась кровь.

Юлий опустил голову, и ему едва не стало плохо: весь пол был усеян мелкими белыми осколками зубов.

– Он потерял разум, – тихо проговорил эдил.

К его немалому облегчению, Помпей согласно кивнул:

– Да, хотя и продержался дольше всех. Они протянут до публичной казни, и на этом все будет кончено. Благодарю вас обоих за то, что вовремя доложили о заговоре сенату. Это был благородный поступок, достойный государственных мужей. – Помпей прямо взглянул на человека, которому всего лишь через два месяца предстояло претендовать на пост консула. – Думаю, что, как только комендантский час закончится, граждане Рима с радостью встретят весть об избавлении от кровавого мятежа. И разумеется, непременно выберут именно тебя. Как же может быть иначе?

Однако взгляд консула вовсе не соответствовал легкому дружескому тону. Юлию не хотелось смотреть Помпею в глаза. Ему было стыдно за происходящее.

– Возможно, так оно и будет, – негромко подтвердил Красс. – И тогда мы будем работать на благо Рима втроем. Триумвират, разумеется, повлечет за собой новые проблемы. Наверное, нам нужно...

– Обсудим в другой раз, Красс, – оборвал бесцельную болтовню Помпей. – Не здесь, в этой вони, и не сейчас. Скоро должно начаться

заседание сената, а мне еще необходимо отправиться в баню, дабы очиститься от скверны.

– Солнце уже взошло, – предупредил Цезарь.

Помпей сердито выругался и торопливо начисто вытер руки тряпкой.

– В этой яме всегда ночь. Как хорошо, что все наконец закончилось!

Он коротко приказал палачам привести осужденных в возможно более приличный вид, а потом повернулся к Крассу. Юлий же печально наблюдал, как исполнители мочат в ведрах губки и смывают с лиц своих жертв кровь. Грязная вода стекала по желобам в каменном полу.

– Я назначу казнь на полдень, – сообщил Помпей, и трое государственных мужей направились вверх по лестнице, торопясь как можно быстрее выйти на свежий воздух.

Когда Юлий и Красс вышли из тюрьмы на форум, серый рассветный туман показался им красным от крови. Дождь уныло барабанил по камням мостовой, вздуваясь миллионами пляшущих в лужах крошечных пузырьков. Хотя эдил и окликнул консула, тот, словно ничего не слыша, торопливо направился прочь, прямо под дождь. Конечно, горячая ванна и свежая одежда помогут ему избавиться от болезненной бледности, подумал Юлий, спеша догнать коллегу.

– Пока я дрался с собранными под твоим знаменем мятежниками, мне в голову пришли кое-какие мысли, – громко произнес он в спину уходящему.

Голос отозвался на пустынной площади гулким эхом.

Консул остановился как вкопанный. Огляделся: на площади никого не было.

– Под моим знаменем, Юлий? Но ведь их вел Катилина, и ты сам прекрасно это знаешь. Разве не его люди убили на улице твоих легионеров?

– Возможно, его. Но дом, который ты мне показал, выглядел очень скромно. Где мог Катилина взять столько золота, чтобы оплатить услуги десяти тысяч наемников? Немногие в этом благословенном городе смогли бы найти средства на содержание такой армии. Разве не так? Интересно, что откроется, если поручить знающим людям

исследовать счета этого человека? Обнаружится ли в итоге, что предатель действительно обладал огромным состоянием, или придется продолжить поиски, и они наведут на след того, кто действительно платил за организацию смуты? – (Красс не знал о том, что Брут застал Катилину сжигающим бумаги, и та тревога, которая промелькнула в его взгляде, казалась достаточно красноречивой.) – Дело в том, что такая огромная наемная сила, поддержанная бунтами и пожарами в городе, вполне могла перевернуть Рим – ведь в городе оставался лишь легион Помпея. Разве ты не понимаешь, Красс, что предложение вовсе не было пустым? Город вполне мог бы стать твоим. Просто удивительно, что ты не поддался искушению. Стоя на куче трупов, консул Красс мог получить неограниченную власть и стать диктатором! – Красс попытался что-то ответить, но выражение лица эдила изменилось, а тон стал жестким и решительным. – И тут вдруг случилось так, что без всякого предупреждения из Испании вернулся еще один легион. И вот... да, внезапно ты оказался в очень сложной ситуации. Силы собраны, заговор детально разработан, но Рим теперь охраняется десятком тысяч воинов, и успех вовсе не гарантирован. Рисковать тебе вовсе не свойственно: ты не игрок по натуре и точно знаешь, когда игру надо прекращать. Интересно, когда именно родилась мысль о том, что куда выгоднее предать Катилину, чем пытаться довести дело до конца? В тот вечер, когда ты приехал ко мне домой, чтобы принять участие в планировании избирательной кампании?

Красс положил руку на плечо Цезаря:

– Когда-то я сказал, что я друг твоему дому, Юлий, а потому постараюсь не обращать внимания на нелепые и грубые слова. Ради твоего же блага. – Консул помолчал. – Заговорщики разбиты, и Рим в безопасности. По сути, результат просто прекрасный. Так постарайся же на нем остановиться. В этом вопросе нет ровным счетом ничего достойного мыслей серьезного человека. Отбрось лишнее.

Согнувшись под дождем, Красс не спеша пошел прочь, оставив Цезаря в полном одиночестве посреди пустынной площади.

Глава 14

Над толпой, собравшейся на Марсовом поле, нависали холодные серые тучи. Земля под ногами хлюпала от дождя, но тысячи людей покинули дома, оставили незаконченной работу – все для того, чтобы прийти на огромное поле и посмотреть, как будут казнить преступников. Легионеры Помпея ожидали начала действия, построившись безупречными сияющими рядами. Глядя на них, трудно было представить, что именно эти люди построили и эшафот, и целый ряд деревянных скамеек, на которых предстояло восседать сенаторам. Даже каменную мостовую устелили сухим тростником, и теперь он на каждый шаг отвечал тихим шуршанием.

Собравшиеся на площади горожане поднимали детей как можно выше, чтобы те смогли своими глазами увидеть на деревянном настиле четыре несчастные, разбитые фигуры, ожидающие казни. Все разговоры в толпе велись только шепотом, и это лишь подчеркивало торжественность момента.

С наступлением полудня сенаторы прекратили прения в курии и отправились на поле. Солдаты Десятого легиона пришли на помощь воинам Помпея: вместе они закрыли и запечатали городские ворота, а затем водрузили флаг на холме Яникул. До возвращения в город сенаторов он должен был находиться в состоянии вооруженной обороны, словно отражая осаду. Многие из сенаторов равнодушно смотрели на реющее на холме в западной части Рима полотнище. Оно будет оставаться там до тех пор, пока город в безопасности. А исчезновение его будет означать, что к городу приближается неприятель. В таком случае прервется даже смертная казнь: безопасность превыше всего.

Юлий стоял, покрепче завернувшись в свой лучший, самый теплый плащ. Несмотря на то что под ним были еще и туника, и тяжелая тога, молодого человека безжалостно била дрожь – было мучительно больно сознавать, что этих несчастных обреч на страшную смерть он сам.

Ничто не защищало приговоренных от пронизывающего ветра. Только двое из четырех преступников оказались в состоянии держаться на ногах, да и то лишь согнувшись от боли и прижимая закованные в цепи руки к полученным ночью ранам. Возможно, именно сознание неминуемой скорой смерти заставляло обреченных жадно вдыхать холодный воздух. Они словно пытались надышаться

напоследок, не обращая внимания ни на толпу, ни на собственные страшные увечья.

Один из двоих стоящих казался выше и сильнее своего товарища. Длинные темные волосы развевались на ветру, то и дело закрывая лицо. Распухшие глаза больше походили на узкие щелочки, и все-таки невозможно было не заметить в них того лихорадочного сияния, которое превращало человека в загнанного зверя.

Безумный, который набросился на Юлия в тюрьме, сейчас рыдал, закутав голову тряпкой. На ней ярко выделялось кровавое пятно – очевидно, на месте выколотого глаза. Воспоминание вновь заставило содрогнуться, и Цезарь еще плотнее запахнул плащ – с такой силой, что одна из купленных у Александрии золотых пряжек больно врезалась в шею. Он взглянул на Помпея и Красса – консулы стояли рядом на толстой подстилке из камыша. Они тихо беседовали между собой, в то время как толпа ждала казни, не в силах сдержать волнения и нетерпения.

Наконец правители пришли к какому-то соглашению. Помпей взглянул на городского судью, и тот поднялся на помост и обратился к моментально притихшим зрителям:

– Эти четверо признаны виновными в заговоре против римских граждан. По приказу консулов Помпея и Красса, поддержанному сенатом, они должны быть преданы казни. После этого тела предстоит расчленивать и скормить хищным птицам. Головы же будут водружены на городские ворота – по четырем сторонам света – в назидание тем, кто задумывает недоброе. Такова воля наших консулов, которые вещают от имени всех римлян.

Появился палач, по основной своей специальности мясник, – огромный, мощно сложенный малый с коротко стриженными седыми волосами. Одет он был в тогу из грубой коричневой шерсти. Чтобы удержать ее на расплывшейся талии, пришлось подпоясаться веревкой. Исполнитель страшного ритуала не спешил, явно получая удовольствие от сосредоточенных, напряженных взглядов множества зрителей. В глубине души человек этот был актером, а потому удовольствие покрасоваться перед публикой превышало все на свете; с этим ощущением не могла сравниться даже радость от полученных за работу серебряных монет.

Цезарь со странным чувством наблюдал, как палач картинно проверяет острие длинного ножа и, словно доводя до идеала, в последний раз проводит по лезвию точильным камнем. Орудие выглядело поистине страшным – узкий клинок длиной почти с руку хозяина, с рукояткой из прочного дерева и зазубринами шириной почти с палец. В толпе раздался нервный детский крик, но испуганного ребенка тотчас же успокоил женский голос. Длинноволосый заключенный начал молиться вслух, все так же оглядывая толпу лихорадочно горящими глазами. Возможно, именно молитвой он и привлек внимание палача. Тот подошел и плашмя положил нож на шею несчастного.

Осужденный вздрогнул, и молитва зазвучала громче, резче. Дыхание явно давалось человеку с трудом, каждый вдох и выдох сопровождался громким хрипом. Руки тряслись, а бледная кожа больше напоминала воск. Затаив дыхание, толпа наблюдала, как палач одной рукой схватил жертву за волосы и с силой потянул, обнажая светлую линию шеи.

Человек продолжал что-то говорить; голос звучал низко и хрипло.

– Нет... нет... – повторял он.

Толпа напряглась, пытаясь разобрать последние предсмертные слова.

Все произошло без фанфар и даже без предупреждения. Мясник еще сильнее потянул за волосы, одновременно медленно вонзая лезвие в шею. Брызнула кровь, обдав и жертву, и палача, и обреченный как-то совсем жалко поднял руки, пытаясь смахнуть безжалостное железо, распиливающее его плоть с устрашающей методичностью. Потом раздался негромкий звук – некрасивый, хриплый крик; он длился всего лишь одно мгновение. Ноги несчастного подогнулись, но палач крепко держал его, не давая упасть и в то же время не прекращая пилить – теперь уже кость. Еще пара движений, и дело сделано! Голова повисла в мощной руке, а тело мешком осело на деревянный помост. На щеках страшного трофея все еще ощущалось движение мышц, а глаза оставались открытыми в жуткой имитации жизни.

По толпе прошел приглушенный вздох; руки, как по команде, поднялись, чтобы прикрыть готовые закричать рты. Теперь вся площадь, словно зачарованная, наблюдала, как скользит с помоста на камышовую подстилку обезглавленный труп. Многие зрители даже

приподнялись на цыпочки, стараясь получше разглядеть все подробности происходящего на эшафоте. Из поднятой вверх головы текла кровь, заливая тогу палача, и ткань казалась уже не коричневой, а черной. От резкого движения челюсть отвалилась, открывая зубы и язык.

Одного из пока еще живых осужденных вырвало. Он пронзительно, душераздирающе закричал. Двое других тоже сразу потеряли контроль над собственными поступками и, крича и стона, принялись умолять о пощаде. Толпу это зрелище почему-то очень позабавило, зрители разразились громким, истерическим хохотом. Палач тем временем невозмутимо сунул безжизненную голову в большой полотняный мешок и повернулся к следующей жертве. Схватив отчаянно вопящего осужденного за ухо толстыми пальцами, он поднял его на ноги.

Юлий не мог больше смотреть на страшное, варварское зрелище. Он опустил голову и так и простоял до самого конца церемонии. Красс повернулся в его сторону, однако эдил сделал вид, что ничего не заметил. Толпа радостными криками встречала каждую из четырех голов, а Цезарь так и стоял, не в силах понять сограждан. Все увеселения, за которые так щедро платил Красс, не способны были захватить их так, как это дикое, кровавое зрелище.

Вот он, его народ: безумная толпа, заполнившая размокшее под дождем Марсово поле. Пресыщенный чужим ужасом улюлюкающий сброд, призванный считать себя властителем города. Как только казнь закончилась, лица просветлели, словно приподнялся какой-то темный занавес. Родственники радостно обращались друг к другу, шутили и улыбались. Сомневаться не приходилось: работать в день казни уже никто не собирается. Сейчас все войдут в огромные городские ворота и направятся напрямиком к винным лавкам и трактирам, по дороге шумно обсуждая зрелище. На несколько часов проблемы собственной жизни отступят в тень. Город соскользнет в вечернюю тьму без обычной суеты и спешки на улицах. Жители спокойно и крепко заснут, а проснутся свежими и отдохнувшими.

Легионеры Помпея расступились, чтобы пропустить сенаторов. Вместе с согражданами Юлий направился к воротам. Все внимательно наблюдали, как огромную печать сломали и между створками ворот возникла полоса света. Цезарю предстояло подготовить два судебных

разбирательства; кроме того, через несколько дней должен состояться боевой турнир. Мысль о предстоящей работе приносила странное спокойствие. В такой день не может быть ни спешки, ни суеты; свежий влажный воздух наполнял легкие и приносил умиротворение.

Вечером того же дня Цезарь стоял в штаб-квартире собственной избирательной кампании во главе длинного стола и пытался стуком привлечь внимание соратников. Шум стихал постепенно, насколько позволяло хорошее красное вино, и эдил терпеливо выжидал, пока успокоятся все те, кто разделил с ним тяготы борьбы за консульское кресло. Открытая поддержка молодого дерзкого кандидата сулила всем присутствующим серьезный риск. В случае неудачи каждый из них непременно каким-то образом пострадает. Александрия может моментально потерять всех клиентов – одно лишь слово Помпея, и дело ее развалится. Если же Юлию прикажут отправиться во главе Десятого легиона в какие-нибудь отдаленные земли, то все, кто разделит с ним тяготы дороги, окажутся забытыми, сгинувшими в неизвестности людьми, многим из которых вряд ли удастся увидеть Рим снова.

Наконец шум стих, и Юлий взглянул на Октавиана – единственного из сидящих за столом, кого связывали с трибуном родственные узы. Юноша явно преклонялся перед Цезарем, словно перед отмеченным богами героем, и это доставляло душевную боль: что, если после провала и изгнания бесконечной чередой потянутся беспросветно-серые, тоскливые годы? Не пожалеет ли тогда Октавиан о своем участии в нынешних событиях?

– Мы зашли уже достаточно далеко, – начал трибун. – Некоторые из вас поддерживают меня почти с самого начала пути. Сейчас даже трудно представить, что когда-то среди нас могло не быть Рения или Каберы. Мой отец мог бы только гордиться соратниками сына.

– Интересно, вспомнит ли он обо мне? – шепнул Брут сидящей рядом Александрии.

Юлий задумчиво улыбнулся. Поначалу он хотел провозгласить тост за тех, кто пожелал участвовать в воинском турнире, однако страшные события сегодняшнего дня окрасили сознание в мрачные тона.

– Как хотелось бы, чтобы сейчас вместе с нами за столом оказались и другие, – произнес он. – Например, Марий. Когда я оглядываюсь назад, то замечаю, как приятные воспоминания тонут в массе других, далеко не самых радужных. Но я действительно знал великих мужей. – Говоря это, Цезарь почувствовал, как стремительно бьется сердце. – Я никогда не шел по жизни прямой дорогой. Помню, как ехал по Риму вместе с Марием, швыряя в толпу серебряные монеты. Воздух наполняли лепестки роз и шумные приветствия, а Мария сопровождал раб, которому было поручено время от времени повторять на ухо господину: «Не забудь о том, что ты смертен». – Воспоминание о великом, ярком дне заставило Цезаря с сожалением вздохнуть. – Я уже побывал и на самом краю смерти, причем так близко к пропасти, что даже Кабера опустил руки. Терял друзей, терял надежду. Видел поверженных царей. Стал свидетелем страшного зрелища: Катон на форуме сам перерезал себе горло. Порою тоска обволакивала меня с такой силой, что казалось, никогда уже не придется ни смеяться, ни любить.

Все сидящие за уставленным яствами столом смотрели на говорящего почти с благоговением, но глаза Цезаря были устремлены вдаль – вверх голов. Он словно и не сознавал того впечатления, которое производили на присутствующих его слова.

– Мне пришлось стать свидетелем смерти Тубрука, – продолжал он, – а тело Корнелии казалось совершенно белым, почти призрачным. – Голос стих до шепота, и Брут бросил на мать быстрый незаметный взгляд. Слушая Юлия, Сервилия побледнела и прикрыла рот рукой. – Да, могу еще раз повторить, что никому из вас не желаю увидеть даже части всего того, что пришлось видеть мне, – уже едва слышно шептал Цезарь. Секунду помолчав, он начал постепенно возвращаться к происходящему вокруг и даже поежился от прохлады в комнате. – И все же я еще здесь. Отдаю почести умершим, но не собираюсь отказываться от отпущенного мне судьбой времени. Рим стал свидетелем всего лишь начала долгой и упорной борьбы. Познав глубочайшее отчаяние, я уже не боюсь его. Это мой город. Я посвятил ему юность и, если представится шанс, отдам еще много-много лет.

Встретившись взглядом с каждым из сидящих за столом, Цезарь приветственно поднял кубок.

– Когда вижу вас рядом, то просто не могу представить силу, способную остановить наше движение, – торжественно провозгласил он. – Так выпьем же за дружбу и любовь, ведь все остальное – просто шелуха.

Все медленно встали, подняли полные кроваво-красного вина кубки и залпом осушили их до дна.

Глава 15

Цезарь окинул взглядом до отказа заполненные трибуны, построенные специально для боевого турнира. Каждый день все двадцать тысяч мест неизменно оказывались заняты, а глиняные жетончики, по которым пропускали на соревнование лучших воинов, превратились в объект спекуляции. Заметив у всех четырех ворот цирка людей, предлагавших каждому входящему продать свой жетон, Юлий поначалу удивился. Во время первых боев такого не случалось.

В консульской ложе царила прохлада – натянутый между тонкими колоннами полотняный тент защищал от палящего солнца. Отсюда можно было наблюдать за каждым дюймо́м ринга, так что никто из приглашенных Юлием не отказался от почетного места. Все, как один, привели с собой семьи, и эдил с интересом наблюдал, как Светоний ссорится из-за удобного места с собственным отцом.

Утро выдалось жаркое. С каждым часом солнце припекало все сильнее, так что к полудню песок раскалился настолько, что обжигал босые ноги. Многие зрители прихватили с собой воду и вино, и все же Юлий не опасался, что те напитки и закуски, которыми торговали прямо в цирке, не принесут коммерческой выгоды. Продавались даже подушки, призванные смягчить жесткие скамьи. Стоили они всего несколько медных монет, а потому запасы этого необходимого средства комфорта стремительно истощались.

Помпей милостиво принял приглашение в ложу. Едва они с Крассом заняли предназначенные места, вся толпа зрителей поднялась, демонстрируя искреннее уважение к консулам. Вскоре раздался сигнал горна, и начались первые поединки.

На турнире присутствовал Рений, и Юлий предоставил в его распоряжение нескольких гонцов на случай, если в казармах начнутся беспорядки. Он вовсе не стремился указать старому гладиатору его

место, однако, поскольку Брут вместе с Октавианом и Домицием должны были выступить в последней группе, оставалось лишь надеяться на миролюбие и благонравие только что поступивших на службу наемных легионеров. Не забывая о присутствии в казармах галлов, Цезарь лишил возможности посмотреть состязание и свой собственный Десятый легион. Впрочем, он приказал как можно чаще менять караул, ведь в этом случае в цирк попало бы больше легионеров. Гордясь новой должностью, Брут назначил в охрану десятерых самых надежных и опытных наемников. Хотя Юлий и считал назначение несколько преждевременным, возражать он не стал, понимая всю значимость оказанного доверия. Непривычные к новой форме люди выглядели неловкими, но в то же время вполне осознавали важность задачи.

Как всегда, все вокруг заключали пари. Юлий знал, что римляне очень склонны к азартным играм; до начала финальных поединков вполне могли быть проиграны целые состояния. Даже Красс последовал предложению Цезаря и поставил горсть серебряных монет на Брута. Однако смелее всех поступил сам Брут: на собственную победу в финале он поставил все, что имел. Так что в случае успеха он оказался бы вполне независимым в финансовом отношении и смог бы самостоятельно содержать новый легион. Цезарь, разумеется, тоже не сомневался в исходе схватки, однако соперники подобрались исключительно сильные, а потому при малейшем невезении можно было стать полным банкротом.

Последние из соревнующихся вышли на раскаленный песок арены из арки непосредственно под консульской ложей. Серебряные доспехи ослепительно сияли, и толпа бурно приветствовала любимцев, восхищаясь красотой и показной доблестью. Доспехи с достойным тщанием изготовили в мастерской Александрии, и Юлий невольно поймал себя на мысли, что бесстрашию воинов во многом способствовало разрешение после схватки оставить доспехи себе. На каждый из комплектов вполне можно было купить небольшую ферму – и это лишь с учетом веса серебра. Если же принять во внимание славу, которую приносило участникам состязание, то цена вполне могла возрасти. Цезарь старался не думать о том, чего ему стоила организация турнира. Весь Рим неумолчно восхвалял щедрость эдила.

И действительно, в лучах яркого солнца воины выглядели великолепно.

Кое-кто из участников турнира мог похвастаться полученными в предыдущих схватках синяками и ссадинами. В целом же поединки проходили вполне цивилизованно, и погибло всего четыре человека – да и те по чистой случайности, в горячке битвы. Как правило, сражались до первой крови – других пределов, кроме полного истощения, просто не существовало. Самый длинный поединок из всех, проведенных до финального тура, продолжался почти час, и, когда наконец он закончился из-за едва заметной царапины на ноге одного из соперников, оба воина почти падали от изнеможения. Толпа была довольна, проигравшего приветствовали так же горячо, как и прошедшего в финал победителя.

Первый тур представлял собой праздник боевой удали и военного искусства: на арене одновременно сражались больше сотни пар. Созерцание такого количества сверкающих в воздухе мечей оказывалось не менее захватывающим, чем наблюдение за отдельными финальными поединками. Впрочем, истинные знатоки и ценители предпочитали индивидуальные схватки, в которых мастерство участников и стиль ведения боя проявлялись в значительно большей степени.

Общий уровень подготовки был настолько высоким, что Цезарь выбрал и запомнил воинов, которых считал необходимым пригласить в новый легион. Больше того, он почти сразу оплатил услуги трех хороших бойцов. Конечно, приходилось отбирать лишь тех, кто сражался в римском стиле, но как жаль было отказываться от остальных! Клич, брошенный Цезарем, разнесся гораздо дальше, чем смогли доскакать посыльные. В результате на праздник силы и доблести собрались воины из самых дальних римских провинций и даже из других стран. Темнокожие африканцы стояли рядом со смуглыми выходцами из Индии и Египта. Один боец, по имени Сун, смотрел на мир раскосыми глазами мифически далекой восточной страны. Когда экзотический красавец проходил по улицам города, прохожие старались дотронуться до него, словно до диковины, и эдиду даже пришлось выделить ему охрану. Одни лишь боги знали, что делает этот человек так далеко от родины, однако своим длинным тонким мечом он управлялся с таким искусством, что без малейшего

труда прошел в финал, победив в нескольких самых коротких поединках. Юлий внимательно наблюдал, как Сун вместе с остальными участниками состязания приветствует консулов, и твердо решил предложить бойцу вступить в легион, даже несмотря на то, что стиль его сражения коренным образом отличался от римского.

Лишь сейчас, перед началом финальных схваток, зрителям объявили имена участников. Под бурные овации и приветственные крики трибун каждый делал шаг вперед. Брут и Октавиан стояли рядом с Домицием. Доспехи их ярко сияли в солнечных лучах. Юлий не смог сдержать улыбки – лица друзей светились неподдельной радостью и предвкушением любимой забавы. Не важно, кто получит меч победителя. Радость участия в празднике останется с ними навсегда.

Трое римлян приветственно подняли клинки, обратившись сначала к зрителям, а потом к консулам. Толпа бушевала в восторге, и мощная стена звука казалась неумолимой и непреодолимой. Действо началось. Глашатай подошел к усиливающим голос медным трубам и изо всех сил прокричал имена первых бойцов.

Домицию предстояло сразиться с северянином, который участвовал в турнире с разрешения командира своего легиона. Это был мощный, крупный человек с большими сильными руками и удивительно тонкой талией. Когда соперники остались на арене вдвоем, он лениво наблюдал, как Домиций разминается перед схваткой. Сам Домиций тоже казался совершенно спокойным. Цезарь же внезапно ощутил, как возбужденно забилось сердце. Судя по всему, волнение его не укрылось от глаз сидящих в ложе аристократов. Помпей поднялся и похлопал Юлия по плечу:

– Ну что, как думаешь, имеет смысл делать ставку на твоего бойца? Пройдет он в следующий тур?

Обернувшись, эдил заметил в глазах консула искру возбуждения. На лбу Помпея выступили капли пота. Молодой человек коротко, но решительно кивнул:

– В искусстве владения мечом Домиций уступает лишь одному человеку. Позови рабов, которые собирают ставки, и мы выиграем на нем немалое состояние.

Оба заговорщицки, слово мальчишки, улыбнулись друг другу. Тот, кто увидел бы этих людей сейчас, ни за что не смог бы поверить, что

отношения между ними совсем не просты.

Раб явился на зов почти мгновенно. Красс отсчитал три серебряные монеты, и Помпей раздраженно поднял брови:

– Хотя бы раз! Хотя бы раз увидеть, Красс, как тыставишь приличную сумму! Что за радость в такой мелочности? Наверное, это унижительно!

Красс нахмурился, взглянул на Юлия и, густо покраснев, спрятал приготовленные деньги:

– Пожалуй, ты прав. Ну-ка, парень, дай мне таблицу!

Раб с готовностью протянул покрытую слоем воска деревянную табличку, и Красс приложил к ней свой перстень с печатью, а рядом написал несколько цифр, никому их не показав. Однако в тот момент, когда Красс отдавал свою ставку, Помпей успел бросить на нее быстрый взгляд и удивленно присвистнул:

– Ну и ну! Это ведь целое богатство! Выходит, ты способен удивлять, Красс. На целый золотой больше всех твоих самых крупных ставок!

Красс лишь поморщился и взглянул на арену, где бойцы уже заняли позиции и ожидали сигнал к началу схватки.

– Я, пожалуй, поставлю на твоего человека сто золотых, Юлий, – решил Помпей. – А что скажешь ты сам?

– Ставлю тысячу, – коротко отозвался Цезарь. – Я в нем не сомневаюсь.

Помпей не ожидал столь смелого вызова:

– Ну, тогда я поставлю столько же.

Оба написали на восковой табличке суммы и свои имена.

В этот момент подал голос Рений.

– Ставлю на Домиция пять золотых, – пророкотал он.

Единственный из всех он протянул монеты, а не написал сумму. Старый гладиатор проводил свои кровные долгим взглядом, внимательно наблюдая, как они исчезли в полотняном мешочке раба, а затем откинулся на спинку кресла. Судя по всему, ставка далась ему нелегко – лоб покрылся крупными каплями пота. Светоний хотел было сделать собственную ставку, однако, увидев, какими суммами распоряжаются другие, предпочел обратиться к отцу. Вдвоем они поставили десять золотых, и дощечка перекечевала дальше по кругу. Даже Бибул решился рискнуть несколькими серебряными монетами.

С богатой добычей раб поспешил к своему хозяину, а Юлий поднялся с места, чтобы подать знак горнистам. Увидев эдила, толпа тут же притихла, и Цезарь спросил себя, кто из этих людей на выборах вспомнит его имя. Чтобы подчеркнуть торжественность момента, он выждал несколько секунд, а потом махнул рукой. В тот же миг над ареной разнесся сигнал к началу праздника.

Домицию удалось посмотреть немало схваток; как только у него выдавалась свободная минута, он отправлялся наблюдать за боями других. Опытный воин отмечал всех, кто мог победить в следующем туре. В последней группе из тридцати двух участников он насчитал лишь шестнадцать потенциально опасных. Северянин, с которым ему предстояло сражаться сейчас, тоже вошел в их число, однако Домиций заметил, что, едва оказавшись под настоящим давлением, воин начинал паниковать. Значит, предстояло с первой же секунды схватки зажать его в тиски собственной воли.

Разминаясь, римлянин ощущал на себе взгляд будущего соперника, а потому старался сохранять безмятежное, невозмутимое выражение лица. Он обладал достаточным опытом, чтобы понимать: многие схватки выигрываются еще до того, как бойцы скрещивают оружие. Рений, старый учитель, имел обыкновение подолгу сидеть на песке перед неприятелем молча и неподвижно. Пока те прыгали и дергались, пытаясь разогреть мышцы, он попросту изображал из себя скалу. Ничто не могло в большей степени вывести противников из себя. Так что когда он вдруг стремительно поднимался и хватался за меч, битва оказывалась уже наполовину выигранной. Домиций был понятливым учеником, а потому не позволял собственной усталости отразиться хотя бы в одном движении. На самом деле поврежденное в предыдущей схватке правое колено болело и порою отказывалось работать, однако воин не позволял себе даже поморщиться и продолжал медленно и плавно выполнять гипнотизирующие своей ритмичностью упражнения. Методичность – великая сила. Постепенно в душе Домиция воцарился долгожданный покой, и он молча вознес благодарность и небесам, и наставнику.

Наконец, низко опустив и отведя в сторону меч, римлянин подошел к своей черте и замер. Противник же вел себя достаточно нервно: дергал плечами, не переставая крутил головой. Глаза бойцов встретились, и северянин выдержал взгляд, не желая отводить его

первым. Домиций стоял неподвижно, словно каменное изваяние; резко выделяющиеся бугристые мускулы на плечах и руках блестели от пота. Грудь обоих бойцов защищали серебряные латы, а римлянин, кроме того, прекрасно сознавал остроту собственной реакции, а значит, чувствовал себя вполне уверенно.

Наконец прозвучал сигнал «к бою», и Домиций в то же мгновение сделал выпад. Противник осознал начало поединка чуть позднее, но, к счастью для себя, он обладал удивительной подвижностью и сумел увернуться от удара. Домиций слышал, как он дышит, и в то время, как северянин пошел в атаку, постарался сконцентрироваться именно на этом звуке – ведь противник явно умело пользовался дыханием, чтобы с его помощью увеличить силу удара. Каждый его выпад сопровождался сопением и хрипом. Домиций постарался попасть в ритм и, отступив на несколько шагов, дожждаться спада энергии.

Последний шаг пришелся на правую ногу, и в то же мгновение колено пронзила острая боль, словно в него с силой воткнули острую иглу. Римлянин невольно покачнулся, а северянин, в тот же момент осознав слабость противника, начал стремительно наступать. Домиций постарался отвлечься от боли, однако доверять подведшей его ноге уже не решался. Мелкими, шаркающими шагами он пошел на северянина; тот отступал, пытаясь выиграть пространство, однако это никак не удавалось. Римлянин упорно преследовал и короткими выпадами не давал нанести серьезный удар. Наконец он подошел вплотную, и мечи скрестились.

Северянин увернулся, соперники снова разошлись и начали кружить, словно гипнотизируя друг друга. Домиций внимательно вслушивался в дыхание неприятеля, уже зная, что перед каждым выпадом тот резко, со свистом, втягивает воздух. Он не осмеливался бросить взгляд на собственное колено, однако каждый шаг отзывался резким приливом боли.

Соперник попытался измотать римлянина постоянством коротких ударов, однако тот блокировал атаку. Ему помогало умение читать дыхание и терпеливо дожидаться подходящего момента. Солнце уже поднялось высоко, и глаза бойцов заливал едкий пот. Северянин вдохнул, и Домиций тут же сделал выпад. Прежде чем удар достиг цели, он понял, что расчет оказался точным. Меч задел ухо соперника,

кусочек мочки полетел в песок, а из раны брызнула кровь. Северянин взревел и отступил на несколько шагов.

Домиций тоже хотел отойти, однако в этот самый миг колено пронзила такая боль, что не удалось сделать ни единого движения. Северянин тоже остановился, очевидно прислушиваясь к нарастающему жжению. Из раны всю текла кровь. Домиций пристально наблюдал за соперником, изо всех сил стараясь не обращать внимания на отказывающуюся работать ногу.

Раненый провел рукой по шее, потом внимательно посмотрел на окровавленные пальцы. На лице его отразилась угрюмая решимость. Он молча кивнул, и противники вновь направились к своим исходным позициям.

– Ты бы перевязал колено, приятель, – негромко посоветовал северянин. – Другие заметят.

С этими словами он кивнул в сторону навеса, из-под которого за поединком внимательно наблюдали остальные финалисты. Домиций пожал плечами и дотронулся до ноги, сморщившись от боли.

Все сразу поняв, северянин покачал головой. Согласно ритуалу бойцы подняли мечи, приветствуя трибуны и консулов. Римского воина внезапно охватил страх. Колено вело себя очень странно; оставалось лишь надеяться, что причина боли кроется в небольшом смещении, которое можно будет устранить. Все остальные варианты казались невозможными и непереносимыми: ведь ничего, кроме меча и Десятого легиона, в жизни молодого человека не было.

Воины направились по раскаленному песку к навесу. Домиций, сжав зубы, изо всех сил старался не хромать. На арену, сверкая серебряными доспехами, уже выходила следующая пара бойцов. Глядя на победителя, оба улыбались: они явно заметили, как ему плохо, и чувствовали себя вполне уверенно.

Цезарь проводил Домиция взглядом и сочувственно вздохнул:

– Извините, друзья. Мне необходимо спуститься и проследить, чтобы ранами доблестных воинов занялись лучшие лекари.

Помпей лишь молча хлопнул эдила по плечу. От волнения и крика в горле у него настолько пересохло, что ответить оказалось невозможно. Красс потребовал прохладительных напитков. В ложе царило прекрасное, приподнятое настроение; откинувшись в креслах,

все ожидали начала следующего боя. Еду принесли прямо в ложу, и каждый из ее обитателей целиком отдался переживанию азарта. Светоний демонстрировал отцу ложный выпад, и старик, не в силах сдержать улыбку, наблюдал за возбуждением сына.

Цезарь поднялся со своего места, последнего в ряду кресел, и Рений тоже встал. Они спустились вниз и направились по прохладному коридору под трибунами.

Там, ниже толпы, мир казался совсем другим. Рев трибун звучал глуше и доносился как будто издалека. Свет солнца пробивался сквозь щели между толстыми бревнами и ложился тонкими ровными полосами. Когда наверху, на трибунах, ходили люди, то тени их пересекали эти солнечные линии. Прохлада здесь поднималась и от земли; это была настоящая, мягкая и темная земля Марсова поля, не покрытая, подобно арене, слоем привезенного с побережья песка.

– Он сможет снова выступать? – поинтересовался Юлий.

Рений лишь пожал плечами:

– Кабера сделает все что можно. Этот старик способен творить чудеса.

Юлий промолчал. Сразу вспомнилось, как Кабера пытался помочь бессильно лежащему Тубруку. В том нападении на поместье, в котором погибла Корнелия, Тубрук получил множество страшных ранений. Доктор никогда не раскрывал секретов своего мастерства; лишь однажды он обмолвился, заметив, что смысл всех и всяческих лечений – в пути. Если жизненный путь человека пройден до конца, то сделать уже ничего нельзя. Однако бывают случаи – это произошло с Рением, – когда оказывается возможным отвоевать человека у смерти.

Юлий искоса взглянул на старого гладиатора. С годами энергия молодости постепенно иссякала, уступая грузу прожитых лет. Покрытое сетью глубоких морщин лицо не скрывало жизненных тягот, и Юлий спросил себя, каким же чудесным образом Кабера смог вернуть старика из тьмы. Впрочем, целитель верил, что боги наблюдают за людьми с ревнивой любовью, и этому убеждению можно было лишь позавидовать. Его собственные молитвы оставались без ответа, словно проваливались в бездну, и безразличие небес приводило в отчаяние.

Наверху, на трибунах, толпа поднялась, чтобы приветствовать какой-то особенно удачный выпад, и солнечные полосы на земле тут

же изменили форму. Юлий прошел между последними деревянными опорами и наконец оказался на воздухе. Впрочем, жара здесь стояла такая, что воздуха словно и не было, – Цезарь едва не задохнулся от духоты.

Прищурившись на солнце, он взглянул на арену, где в безумном танце двигались две фигуры. Мечи сверкали и звенели, а поглощенная зрелищем толпа стоя ногами отбивала ритм схватки. С трибун долетала пыль, и Цезарь инстинктивно отряхнул одежду. Взглянув вверх, он приложил руку к толстому деревянному столбу – оставалось лишь надеяться, что конструкция выдержит ритмичный топот тысяч и тысяч ног.

Впрочем, самого Юлия происходящее на арене сейчас не слишком интересовало. Кабера перевязывал колено Домиция, а Брут опустился рядом на траву. Здесь же сидел Октавиан и с сочувствием наблюдал за процедурой. Воины взглянули на эдила, а Домиций с жалобной улыбкой поднял руку.

– Они наблюдают за мной, словно волки за раненым зверем. Хищники, все до единого, – пожаловался он, скривившись, – очевидно, Кабера затянул повязку слишком туго.

– Насколько это серьезно? – участливо уточнил Юлий.

Домиций ничего не ответил, однако в глазах его стоял такой страх, что всем стало не по себе.

Кабера не выдержал гнетущего молчания.

– Ничего не могу сказать, – проворчал он, – в коленной чашечке наверняка трещина, так что совершенно непонятно, как он смог продержаться так долго. По идее, он давно должен был бы упасть. Сустав... впрочем, кто знает... сделаю все что смогу.

– Постарайся, пожалуйста, – взмолился Юлий. – Нога очень ему нужна.

Старый доктор недовольно фыркнул:

– Разве имеет какое-нибудь значение, проведет Домиций еще один бой или нет? Это вовсе не...

– Да нет же, дело совсем не в этом. Просто он один из нас. И перед ним лежит еще очень долгий путь.

Эти слова прозвучали уже куда более весомо. Если потребуется, Цезарь готов и уговаривать, и убеждать целителя.

Кабера правильно оценил тон и поднял голову:

– Ты сам не понимаешь, чего просишь, друг мой. Ту силу, которой я располагаю, нельзя расшвыривать направо и налево – на каждую сломанную кость. – Увидев выражение лица Юлия, он словно сник от утомления. – Нежели ты хочешь, чтобы я растратил ее по пустякам? Ведь транс – это... агония, а может быть, и что-то серьезнее. Больше того, ведь в каждом конкретном случае я даже не представляю, страдаю ли понапрасну, или... или моими силами движут боги.

Наступило молчание. Цезарь сверлил старика пронзительным взглядом, пытаясь все-таки заставить его испытать судьбу. В это время к группе приблизился один из участников соревнований. Он поздоровался, и, взглянув, Цезарь вспомнил, что это один из тех, чье боевое искусство он отметил особо. Человек был смугл, и кожа его напоминала старое тиковое дерево. Кроме того, он единственный отказался надеть доспехи, предпочитая безопасности легкость и свободу движений. Воин низко поклонился.

– Меня зовут Саломин, – представился он и помолчал, словно ожидая реакции. Никто не ответил, и он продолжил: – Ты храбро и красиво сражался. Сможешь ли выступить дальше?

Домиций через силу улыбнулся:

– Вот дам ноге немного отдохнуть, а там уже будет видно.

– Тебе нужно поискать что-нибудь холодное – самое холодное, что можно раздобыть на такой жаре. Это поможет снять опухоль и боль. Мне хочется, чтобы ты скорее пришел в форму, – вдруг нас с тобой вызовут вместе? Не слишком приятно соперничать с раненым.

– Постараюсь, – коротко пообещал Домиций.

Брут усмехнулся, и Саломин взглянул на него с недоумением, не понимая, в чем именно заключается шутка. Церемонно поклонившись, он отошел, а Домиций снова грустно уставился на перевязанную, негнущуюся ногу.

– Если не удастся вернуться в строй, жизнь моя кончена, – в отчаянии прошептал он.

Кабера с непроницаемым и суровым видом массировал сустав, пытаясь разогнать жидкость. Молчание его казалось гнетущим и бесконечным, лицо было сосредоточенным и угрюмым, а на лбу выступил пот. Одна крупная капля скатилась и повисла на кончике носа, но лекарь словно и не замечал неудобства.

Никто не слышал, как назвали имя Брута. Боец, которому предстояло сражаться с ним в паре, уже прошел на арену, даже не оглянувшись. Саломин подошел снова и окликнул центуриона. Тот удивленно оглянулся, словно очнувшись от глубокой задумчивости.

– Твоя очередь, – пояснил Саломин, глядя на римлянина огромными глазами, которые казались очень темными даже на его смуглом лице.

– Сейчас я быстро разберусь с ним, – ответил Брут, вытаскивая из ножен меч и бегом догоняя противника.

Саломин изумленно покачал головой и, прикрыв рукой глаза от слепящего солнца, направился к арене, чтобы посмотреть поединок.

Юлий понял, что Кабере мешать не стоит, лучше оставить его наедине с пациентом.

– Пойдем, Октавиан, – позвал он юношу, одновременно кивком приглашая за собой и Рения.

Октавиан все понял и поднялся. Он очень переживал: красивое молодое лицо посерьезнело. Юноша тоже козырьком приложил руку ко лбу и посмотрел туда, где Брут нетерпеливо переминался с ноги на ногу в ожидании звука горна.

Когда раздался сигнал, Юлий еще не успел выйти из-под трибуны. Он тут же бросился бегом. Но не успели они с Рением сделать нескольких шагов, как жизнерадостные вопли толпы неожиданно сменились жутким молчанием. Цезарь побежал еще быстрее и вскоре, тяжело переводя дух, уже оказался на своем месте в консульской ложе.

Там царило растерянное изумление. Брут уже неторопливо возвращался под трибуну, а на песке неподвижно лежал его соперник.

– Что случилось? – нетерпеливо потребовал ответа Цезарь.

Помпей удивленно покачал головой:

– Вот как быстро все закончилось. Я в жизни не видел ничего подобного.

Из всех присутствующих спокойным казался лишь Красс.

– Твой приятель стоял неподвижно и, не сходя с места, увернулся от нескольких неплохих ударов. Потом кулаком сбил соперника с ног, а когда тот упал, полоснул мечом по голени. Разве это победа? Такие методы нельзя считать честными.

Раздумывая о следующей крупной ставке на Брута, Помпей тоже заговорил:

– Но Брут же пустил первую кровь, пусть даже соперник к этому времени уже находился без сознания. А значит, все честно.

В этот момент на трибунах заговорили. Все зрители обсуждали один и тот же вопрос – правомерна ли одержанная Брутом победа. Многие повернулись в сторону консульской ложи, явно ожидая, что решение придет оттуда. Юлий послал к горнистам гонца, подтверждая, что все случившееся вполне законно.

Те, кто сделал ставки против молодого римлянина, разумеется, недовольно ворчали, но в целом трибуны приветствовали решение. Юлий видел, как зрители демонстрировали друг другу нанесенный Брутом стремительный удар и при этом весело смеялись. Два солдата Десятого легиона привели побежденного в чувство, похлопав его по щекам, а потом помогли уйти с арены. Собравшись с мыслями, тот начал вырываться, громко требуя продолжения боя. Однако крики никого не тронули, и бедолагу увели в темноту трибун.

Бои продолжались весь день. Октавиан выиграл свою схватку достаточно легко, выйдя из-под удара и одновременно поранив бедро противника. Толпа, забыв об изнуряющей жаре и затаив дыхание, следила за происходящим.

В результате тура победителями оказались шестнадцать бойцов. Под звуки фанфар их вывели на арену, чтобы торжественно провозгласить имена прошедших в финальный этап праздника. На отдых и восстановление сил воинам давалась всего лишь одна ночь. Они гордо подняли мечи в знак готовности к продолжению состязаний. На арену дождем летели монеты, а заготовленные с самого утра цветы несколько увядшим, но все еще ярким ковром устилали песок. Юлий напряженно следил за походкой Домиция: о чудо! Легионер шагал так же легко и ровно, как и раньше. Слова как-то не приходили, так что изо всех сил, до боли в суставах сжав перила ложи, и Цезарь, и Рений выразили наплыв чувств отчаянно громким радостным криком.

В последний день состязаний в ложу пожаловала сама Сервилия. Ей очень шла свободная, глубоко открывавшая шею шелковая туника. Юлия забавляло, как всех сидящих вокруг мужчин гипнотизировал вид этого декольте, особенно выразительного в минуты движения – красавица часто возбужденно вскакивала, чтобы поприветствовать победителей.

В последнем из шестнадцати боев Октавиан был ранен в щеку. Он проиграл Саломину. Смуглый красавец оказался в восьмерке вместе с Брутом, Домицием и еще пятью героями, неизвестными Юлию. Во время тех боев, в которых участвовали посторонние, а тем более совсем неизвестные ему воины, Цезарь шепотом диктовал Адану письма. Отрывался он от работы лишь в кульминационные моменты, когда молодой испанец никак не мог отвести взгляд от происходящего на арене. Зрелище покорило Адана, а количество собравшихся в одном месте людей поистине завораживало. Огромные, постоянно возрастающие суммы, которые ставили Помпей и Цезарь, заставляли юношу лишь изумленно покачивать головой, хотя он изо всех сил старался казаться таким же беззаботным и равнодушным, как и остальные обитатели ложи.

Первый тур дня тянулся медленно, а потому жара казалась просто нестерпимой. Каждый из боев продолжался достаточно долго. К последнему дню состязания пришли лишь самые искусные воины, а потому легких побед здесь быть просто не могло. Настроение толпы тоже изменилось. Все чаще среди зрителей слышались обсуждения отдельных приемов и тонкостей борьбы. Все пристально следили за каждой схваткой, радостно приветствуя любой красивый, точный удар.

Саломин упорно сражался, стремясь попасть в четверку лучших бойцов, которым вечером предстояло демонстрировать свое искусство. Во время его выступления Адан дважды терял нить диктовки, и Юлий решил сделать паузу, чтобы вместе со своим секретарем внимательно понаблюдать за происходящим на арене. Отсутствие серебряных доспехов сразу выделило смуглого красавца из общей массы и принесло ему всеобщую любовь публики. Стиль выступления подтвердил мудрость выбора. Невысокого роста, подвижный и ловкий, он скорее походил на акробата, чем на воина. Ни секунды не стоял на месте – постоянно прыгал, крутился, наклонялся и приседал. По сравнению с ним любой соперник выглядел бы неуклюжим увальнем.

Однако воин, с которым Саломину пришлось сражаться, вовсе не был новичком в своем деле, и напугать его непривычным стилем оказалось не так-то легко. Рений одобрительно кивал, глядя, как соперник со спокойным достоинством уходит от всех уловок. Саломину никак не удавалось обнаружить в его обороне хотя бы самую маленькую лазейку.

– Так этот Саломин недолго протянет, – с видом знатока заключил Красс.

Никто не ответил: все, кто сидел в ложе, полностью погрузились в переживание происходящих на арене событий. Бой проходил тем более напряженно, что меч иноземца был на несколько дюймов длиннее тех, которыми действовали остальные, а потому отличался значительно большим радиусом действия.

Именно длина меча и решила исход схватки. Произошло это, когда солнце уже преодолело зенит и день начал понемногу клониться к закату. Бойцы обливались потом, и Саломин сделал небольшой выпад и нанес прямой удар. К сожалению, от трибун он закрыл его собственным телом. Однако он немного не рассчитал дистанцию. Соперник не успел ничего ни сообразить, ни увидеть. Меч вонзился в горло, и он рухнул на песок, обливаясь кровью.

Ложа находилась недалеко от арены, и Юлий понимал, что Саломин вовсе не стремился нанести смертельный удар. Пораженный и расстроенный, с дрожащими руками, стоял он над поверженным партнером. Потом стал на колени и низко склонил голову.

Зрители повскакивали с мест, приветствуя победителя, но тот как будто ничего и не слышал. Лишь через несколько минут крики вывели его из глубокой задумчивости. Поднявшись, Саломин сердито взглянул на трибуны, а потом, все так же с опущенной головой, не поднимая меч в традиционном салюте, медленно побрел к трибуне.

– Совсем не наш человек, – с удивлением и любопытством заключил Помпей.

Он только что выиграл очередную солидную ставку, а потому ничто не могло поколебать его благодушия – даже то, что кое-кто на трибунах радостно закричал, поняв, что салюта консулам на сей раз не будет. Тело убитого быстро оттащили в сторону, а на арену вызвали очередную пару – зрителей надо было отвлечь.

– Он вошел в четверку, – заметил Цезарь.

Домицию очередной бой дался не слишком легко, однако и он победил и прошел в следующий тур. Оставалась лишь одна вакансия, и за нее предстояло бороться Бруту. К этому времени состязание продолжалось уже несколько дней, и весь Рим жил только теми событиями, которые происходили на арене специально построенного на Марсовом поле цирка. Все жители города пристально следили за успехами и неудачами воинов; тем, кто не смог попасть на трибуны, новости регулярно приносили специальные гонцы. До выборов консулов оставался еще почти целый месяц, однако к Цезарю относились так, словно он уже занял положенный ему по праву пост. Помпей открыто благоволил ему, но сам Юлий решительно отказывался встречаться с обоими консулами и обсуждать будущее. Ему не хотелось испытывать судьбу до тех пор, пока сограждане не проголосуют, хотя в редкие минуты покоя он мечтал обратиться к сенату как один из ведущих римских правителей.

В последний день состязаний в ложе появился Бибул, и Цезарь внимательно смотрел на молодого человека, пытаясь понять, что же именно заставило его вступить в предвыборную гонку. Многие из тех, кто поначалу собирался претендовать на почетную должность, уже сняли свои кандидатуры, однако Бибул, судя по всему, собирался дойти до самого конца. Впрочем, несмотря на подобное упрямство, выступать публично он совсем не умел – до такой степени, что попытка защитить человека, обвиненного в краже, закончилась фарсом. Как бы то ни было, агенты Бибула рыскали по городу, разнося имя своего кандидата, а для молодежи он даже стал неким подобием талисмана. Римские денежные мешки также вполне могли предпочесть Цезарю одного из своих, так что приуменьшать существующий риск не стоило.

Ожидая, пока Брута вызовут на поединок, Юлий размышлял о цене избирательной кампании. Каждое утро более тысячи человек получали плату за труд в большом доме у подножия холма. Какую пользу они могли принести в тайном голосовании, Юлий совсем не понимал, однако согласился со словами Сервилии о необходимости иметь сторонников. Впрочем, игра эта была опасной, поскольку обилие явных и шумных приверженцев могло создать у граждан впечатление, что кандидат не проиграет и без их голоса. Винить в этой ситуации приходилось систему, при которой свободные жители Рима

голосовали сотнями-центуриями. Несколько человек представляли всю группу и имели полное право голосовать от имени остальных. Подобное положение могло принести успех и Бибулу, и сенатору Пранду, на которого, судя по всему, работало не меньше народу, чем на самого Цезаря.

Однако при всех сложностях политической ситуации роль Юлия в разгроме Катилины была хорошо известна всем римлянам. Да и успех воинского турнира не могли отрицать даже враги. Приходилось также признать, что на крупных и весьма выгодных ставках Юлий заработал сумму, вполне достаточную для покрытия части расходов избирательной кампании. Адан старательно вел учет, и оказывалось, что с каждым днем запасы испанского золота неумолимо сокращаются, принуждая задумываться об экономии и даже брать кредиты. Порою суммы долга тревожили, однако в случае успеха все это уже не имело никакого значения.

– Мой сын! – вдруг воскликнула Сервилия.

И действительно, на арене появился красавец Брут, которому предстояло сразиться с Авлусом, стройным воином-южанином, приехавшим в Рим со склонов Везувия.

В сверкающих серебряных доспехах оба героя выглядели просто великолепно. Юлий не смог сдержать улыбку. Брут сначала отсалютовал консульской ложе, одновременно лукаво подмигнув матери, и лишь потом повернулся к зрителям, резким движением приветственно воздев меч. Трибуны ответили жизнерадостным ревом, и соперники легким шагом направились на исходные позиции в центре арены. Рений что-то негромко проворчал, и Цезарь, взглянув на старого гладиатора, не мог не заметить его волнения и напряжения.

Юлию хотелось верить, что возможное поражение Брут сможет перенести с таким же спокойствием, с каким он воспринимал все предыдущие победы. Войти в число восьми сильнейших бойцов воинского турнира и так уже чрезвычайно почетно – настолько, что славы хватит даже на рассказы внукам. Но Брут с самого начала заявил, что непременно окажется в финале. Клясться, правда, не решался даже он, однако в уверенности честолюбивого молодца сомневаться не приходилось.

– Ставь на него все что можешь, – взволнованно заверил Цезарь. – Я сам возьму твои ставки.

Помпей не стал сомневаться.

– Брокеры вполне разделяют твою уверенность, – согласился он. – Так что, если предложишь выгодные условия, я вполне могу взять тебя в долю.

– На Брута – пятьдесят монет на одну твою. И пять на одну – на Авлуса, – быстро ответил Юлий.

Помпей улыбнулся:

– Ты настолько уверен в победе Марка Брута? Таким ответом ты искушаешь меня ставить на этого Авлуса. Ведь при подобном раскладе получается, что твой человек тянет на все пять тысяч золотых. Что, берешь?

Юлий посмотрел на арену. Хорошее настроение куда-то сразу улетучилось. Это последний бой восьмерки. Саломин и Домиций уже прошли в полуфинал. Так неужели появится боец настолько искусный, что сможет одержать верх над его старым другом?

– Согласен, Помпей, – решил он. – Мое честное слово.

Цезарь почувствовал, как на лбу выступают капли пота. Адан явно пришел в ужас, и Юлий постарался не встречаться с испанцем взглядом. Сохраняя видимость спокойствия, он старался вспомнить, насколько сократились его резервы после того, как были заказаны новые доспехи для легионеров. Да и еженедельное жалованье агентов не делало запасы золота богаче. Если Брут вдруг проиграет, то мгновенная потеря двадцати пяти тысяч золотых принесет полное разорение. Впрочем, оставалась надежда на консульство – в этом случае кредит окажется практически неограниченным. Все денежные мешки за честь почтут ссудить его деньгами.

– А каков этот Авлус? Он сильный соперник? – поинтересовалась Сервилия, нарушив воцарившееся в ложе молчание.

Бибул подсел поближе к эффектной даме и заговорил с улыбкой, которую сам считал неотразимой:

– Здесь теперь уже все – сильные соперники. Каждый выиграл по семь боев. Впрочем, не приходится сомневаться в том, что твой сын превзойдет всех. Ведь он любимец толпы. Говорят, это вселяет колоссальную силу.

– Благодарю, – коротко ответила Сервилия, накрыв ладонью руку любезного молодого человека.

Бибул тут же покраснел и сжал пальцы, а не слишком восторженно наблюдавший за разговором Цезарь спросил себя, скрывает ли манера его оппонента острый ум, или он действительно такой безнадежный тупица, каким кажется.

Раздался сигнал горна, и с первым же звоном мечей все обитатели ложи, не разбирая чинов и званий, словно один человек, подались вперед, стараясь как можно лучше разглядеть все, что творилось на песчаном пяточке. Сервилия дышала быстро и прерывисто, и Цезарь, стремясь успокоить возлюбленную, взял ее руку в свою. Красавица даже не ощутила прикосновения.

На арене под непрерывный звон мечей двое воинов кружили, провоцируя друг друга и словно насмехаясь над изнуряющей жарой. Фигуры странного танца сменялись с поразительной быстротой, словно в калейдоскопе, а движения соперников казались настолько отточенными, что трудно было оторвать взгляд. Авлус выглядел таким же стройным и подтянутым, как и Брут, так что соперники подходили друг другу даже внешне. Адан смотрел словно замороженный, крепко сжав кулаки и почти подсознательно считая количество нанесенных ударов. Вся секретарская работа – и заметки, и письма – остановилась. Забытые восковые таблички лежали рядом на кресле.

Брут три раза подряд, почти без перерыва, наносил удары по доспехам соперника. Авлус позволял им проникнуть сквозь собственную оборону, поскольку это давало возможность немедленно контратаковать. Наступление его оказывалось настолько мощным, что Бруту требовалось немало ловкости, чтобы избежать разящего металла. Соперники обливались потом. Волосы намокли и прилипли ко лбу. Вот они разошлись в стороны, и Брут что-то произнес. Никто в ложе не смог расслышать конкретных слов, однако Цезарь понимал, что это какая-нибудь грубость, которой Брут хотел разозлить Авлуса.

Авлус лишь рассмеялся, и бойцы сошлись снова. Мечи звенели и стучали; клинки скрещивались так часто, что Адану уже не удавалось сосчитать количество ударов. Молодой испанец открыл от удивления рот – такого мастерства он еще не видел даже на этом турнире. Замолчали и трибуны. Зрители напряженно затаили дыхание, с волнением и страхом ожидая, когда же на песок брызнет первая кровь.

– Смотрите! – вдруг громко воскликнула Сервилия. – Видите? Смотрите все!

Она показывала на появившуюся на правом бедре Авлуса кровавую полосу.

Бешеная схватка продолжалась. Ни Брут, ни сам Авлус еще не осознали, что поединок подошел к концу. При таком накале борьбы они никак не могли остановиться и развести оружие. Воинственный танец продолжался в неукротимом, бешеном ритме.

По взмаху Цезаря горны сыграли сигнал к прекращению боя. Так резко нарушать сосредоточенность соперников было крайне опасно, однако оба воина проявили прекрасную реакцию и остановились мгновенно и синхронно. Дышали они с таким трудом, что хриплые, судорожные вздохи были слышны даже на трибунах. Авлус приложил ладонь к раненому бедру, а потом поднял ее вверх, демонстрируя Бруту кровь. Говорить соперники не могли. Брут уперся руками в колени и, склонившись, пытался выровнять дыхание и унять бешеное биение сердца. Он сплюнул, и еще раз, и еще – крайнее изнеможение давало о себе знать. Постепенно герои пришли в себя и начали воспринимать восторг трибун. Обнявшись, они подняли мечи, приветствуя зрителей.

Сервилия, не помня себя от радости, захлопала в ладоши:

– Брут попал в четверку, да? Мой дорогой мальчик! Он ведь дрался потрясающе, правда?

– Теперь центурион имеет все шансы победить и прославиться на весь Рим, – ответил Помпей, кисло взглянув на Юлия. – В двух парах полуфинала будут сражаться два римлянина. Лишь богам известно, откуда явились два других воина. Саломин темен, как ночь, а еще один – с раскосыми глазами – вообще невесть из каких краев. Будем же надеяться, что твой приз, Юлий, заслуженно достанется одному из наших воинов. Негоже отдавать его чужеземцу.

Цезарь пожал плечами:

– Все в руках богов.

Молодой человек ждал, пока консул отдаст причитающиеся ему огромные деньги – проигранное пари. Помпей отгадал мысли эдила и нахмурился.

– Я, пожалуй, пришлю к тебе человека – он принесет выигрыш. Не стоит стоять здесь, словно курица с золотым яйцом.

Юлий, тут же согласившись, кивнул. Несмотря на видимость дружелюбия, любой обмен репликами в ложе напоминал бескровную

дуэль: каждый старался унижить собеседника. Хорошо, что уже сегодня вечером все это закончится. Надоело!

– Конечно-конечно, консул. До вечернего тура я буду в доме у Яникула.

Помпей прищурился. Он не ожидал, что придется отдавать такую крупную сумму, да вдобавок так быстро. Но все сидящие в ложе смотрели на него с повышенным вниманием, а на губах Красса играла гадкая, ехидная усмешка. Помпей мысленно выругался. Теперь придется отдать выигранное в предыдущих турах – все пропало. Наверное, лишь Красс смог бы заплатить столько золота сразу. Хищник, конечно, тихо радуется той единственной монете, которую выиграл сам, сделав ставку на Брута.

– Отлично, – заключил Помпей, не желая конкретно договариваться о времени доставки денег. Даже со всеми выигрышами нужная сумма набиралась с большим трудом. Но у Красса он денег больше не попросит – скорее Рим сгорит дотла! – Ну, тогда до вечера, господа. Сервилия, мое почтение.

Помпей поклонился и, сделав знак телохранителям, скованным, но решительным шагом вышел из ложи.

Едва консул скрылся из виду, Цезарь расплылся в довольной улыбке. Пять тысяч! Всего лишь одно пари, и его избирательная кампания снова на плаву.

– Люблю этот город, – произнес он вслух.

Светоний встал и вслед за отцом направился к выходу. Вежливость заставила молодого человека пробормотать какую-то истертую любезность, однако лицо его выражало совершенно противоположные чувства. Бибул поднялся следом за другом и тоже пробормотал какие-то слова благодарности.

Сервилия встала со своего кресла. Глаза ее горели тем же возбуждением, которое она видела в лице Цезаря. Толпа покидала трибуны – наступило время обеда. Воины Десятого легиона стояли в проходах, поддерживая порядок. Однако присутствие множества людей вовсе не смутило красавицу – она жадно поцеловала Цезаря:

– Если бы твои люди, милый, завесили ложу и отошли чуть дальше, мы смогли бы насладиться уединением и предаться детским шалостям.

– Ты уже слишком стара, моя милая, чтобы предаваться детским шалостям, – шутливо ответил Юлий, раскрывая объятия.

Подруга гневно вспыхнула и отстранилась. Глаза ее внезапно стали ледяными, и неожиданная быстрая перемена даже испугала Цезаря.

– Прекрасно. Значит, в другой раз, – отрезала она, стремительно направляясь к выходу.

– Сервилия! – жалобно воззвал неудачливый любовник, однако возглас беспомощно повис в воздухе, а сам он так и остался в одиночестве в пустой ложе, досадуя на нелепую оплошность.

Глава 17

Вечер принес прохладу. Юлий нетерпеливо мерил шагами ложу, с нетерпением ожидая появления возлюбленной. Помпей прислал сундук с деньгами всего лишь за несколько минут до того, как Цезарь собирался отправиться на финальный тур, и эдилу пришлось задержаться, чтобы вызвать легионеров и поручить им охрану такого огромного состояния. Даже несмотря на все доверие, которое он питал к своим людям, оставлять несметные богатства без присмотра не стоило.

Наконец охрана денег была обеспечена, но в ложу Цезарь явился последним. Взбежав по ступеням, он сразу обратил внимание на ехидную улыбочку Помпея: от того, конечно, не укрылось взволнованное выражение лица молодого человека. Где же Сервилия? Обидчивая красавица не пришла в дом у холма. Неужели пропустит финальные бои собственного сына?.. От волнения Юлий никак не мог усидеть на месте и быстро, даже суетливо шагал вдоль края ложи.

Песчаную арену освещал мягкий свет факелов, а вечерний ветерок принес приятную прохладу, особенно освежающую после дневной жары. Зрители до отказа заполнили трибуны, да и сенат явился в полном составе. До окончания турнира вся работа в Риме остановилась, а напряжение достигло даже самых бедных улиц. Люди заполнили Марсово поле плотной бесформенной толпой. Скоро им предстоит так же дружно явиться на выборы.

Появление Сервилии точно совпало с сигналом горнов, вызывающим на арену четверку самых доблестных бойцов. Юлий

постарался поймать взгляд подруги, но та не пожелала даже посмотреть на него. Такой отстраненной и холодной Цезарь ее еще никогда не видел.

– Прости, – прошептал он, склоняясь к красавице.

Та сделала вид, что не слышит, и Юлий раздраженно откинулся на спинку кресла. Ну и ладно! Больше он и пытаться не будет!

Толпа стоя приветствовала своих героев, собиравшие ставки рабы бегали по рядам. Помпей не обращал на них никакого внимания, и Юлий злорадно отметил, насколько изменилось настроение заносчивого консула. Он перевел взгляд на Сервилию – интересно, заметила ли она то, что бросилось в глаза ему самому? Красавица продолжала сидеть с каменным видом. Молодой человек не выдержал и снова склонился к ней:

– Неужели я так мало значу для тебя?

Вопрос прозвучал слишком громко – Бибул и Адан одновременно посмотрели на парочку, но одернули себя, притворившись, что ничего не слышали. Сервилия опять не ответила, а Цезарь обиженно и сердито уставился на освещенную арену.

Участники полуфинала медленно вышли в центр и оказались в круге теплого, слегка дрожащего света факелов. Крики стоящей на трибунах толпы стали еще громче, превратившись в оглушительный рев, – двадцать тысяч человек, как один, вопили во всю мощь собственных легких. Брут подошел к Домицию и попытался что-то сказать, однако разговаривать в таком шуме было совсем не легко. Рядом стоял Саломин, а за ним – последний из бойцов, до сих пор остающийся загадкой для зрителей. Почему-то ни стиль, ни даже победы Суна не произвели на римлян серьезного впечатления. Да и он сам казался совершенно бесстрастным и лишь слегка махнул рукой в знак приветствия. Человек с Востока был значительно выше и массивнее Саломина, а плоское лицо и бритая голова придавали его внешности несколько угрожающий вид. Он шел за остальными участниками состязания, словно враждебно преследуя их. Меч Суна казался значительно длиннее мечей соперников. Конечно, это давало ему неоспоримое преимущество, хотя выбор оружия оставался исключительно приоритетом каждого из воинов. Юлий знал, что Брут всерьез размышлял об этом; некоторое время он даже тренировался с

длинными восточными клинками, однако в конце концов все-таки предпочел традиционный короткий и прямой римский меч.

Цезарь внимательно наблюдал за участниками состязания, пытаясь заранее отметить признаки слабости или проявление болезни, как у Домиция. Судя по всему, хуже всех чувствовал себя Саломин; он шел, низко опустив голову. За несколько дней состязаний все бойцы уже успели получить достаточное количество синяков и ссадин. Так что победа во многом зависела не столько от мастерства, сколько от выдержки и самообладания воинов. Пары еще не были определены, и Цезарю очень хотелось, чтобы в полуфинале Брут и Домиций оказались вместе, – ведь это означало, что в финал непременно выйдет римлянин. Окажись в последнем бою Саломин против Суна, толпа потеряет интерес к происходящему на арене, и последний, заключительный аккорд праздника будет смазан. Бурная неделя закончится неоправданно тихо и скучно. В этот миг прозвучал голос глашатая. Нет, не повезло: Бруту предстояло сражаться с Саломинем, а Домицию с Суном.

В какофонии криков и нервного смеха зрители снова начали делать ставки на любимых бойцов. Напряжение сразу возросло, и Юлий ощутил, как его неумолимо охватывает волнение. Почему-то вдруг стало жарко, не спасал даже прохладный вечерний ветерок.

Слуга подбросил в воздух монетку; воины напряженно следили, что покажет жребий. Сун кивнул, а Домиций что-то негромко сказал – слова утонули в шуме толпы. В общении финалистов ощущалось взаимное уважение и сдержанное восхищение мастерством коллег. Такое отношение, конечно, делало честь всем четверем. Каждый видел и понимал мастерство соперников и не питал иллюзий относительно легкости предстоящей победы.

Ободрив Домиция, Брут вместе с Саломинем направился обратно под навес. В движениях противника он заметил скованность, которой раньше не было. Неужели повреждена мышца? Такая травма могла оказаться решающей и определить, кто из соперников будет блистать в финале, а кто уйдет ни с чем. Римлянин присмотрелся, пытаясь понять, не подыгрывает ли чужеземец, чтобы усыпить бдительность партнера. Подобные маленькие хитрости нередко практиковались среди участников военных турниров. А на той вершине, куда удалось

забраться четырьмя финалистами, любое, даже крошечное преимущество могло решить исход состязания.

Толпа погрузилась в напряженное молчание; лишь раз его нарушил чей-то нервный смех. Горнисты стояли в полной готовности, подняв головы и ожидая команды Цезаря.

Юлий не спешил, он ждал, пока Домиций как следует разомнется. Суна разминка явно не интересовала. Чужеземец стоял неподвижно и пристально рассматривал зрителей. Наконец кое-кто на трибунах обратил внимание на пристальный интерес бойца; на него стали показывать пальцами, негромко комментируя и внешность, и поведение чужака. Напряжение последнего, заключительного вечера, конечно, давало себя знать. Интерес был настолько высок, что, несмотря на поздний час, многие привели с собой даже маленьких детей.

Домиций заканчивал разминку. Напоследок он решил испытать больное колено, и в темноте лицо воина озарилось довольной улыбкой: судя по всему, все было хорошо. Юлий возблагодарил богов за помощь Каберы, хотя и не мог освободиться от чувства вины – ведь это он просил старого доктора использовать высшее, данное небесами искусство. Целитель отдал пациенту все силы: он вернул Домицию здоровье, а сам бессильно упал на землю, бледный как полотно и совершенно больной. Юлий поклялся, что в награду даст самоотверженному доктору все, что тот ни попросит, – слишком страшно было бы остаться без него. Конечно, об этом не хотелось даже думать, но ведь никто точно не знает, сколько Кабере лет.

Эдил взмахнул рукой, и горнисты заиграли сигнал к началу боя. Немедленно стало ясно, что Сун собирается в полной мере использовать преимущество, которое давал длинный меч. Конечно, чтобы действовать им, постоянно отражая натиск короткого, но тяжелого оружия Домиция, необходимо было обладать недюжинной силой и железной хваткой. Крепко упершись ногами в песок, воин поднял клинок, не подпуская к себе соперника. За неделю состязаний каждый из бойцов уже успел в подробностях изучить стиль другого, а потому схватка обещала оказаться сложной и в то же время впечатляюще красивой. Домиций не осмеливался подступить близко к Суну, однако, когда тот атаковал, защищался стремительно и упорно, не оставляя ни малейшей бреши в обороне.

Вот Домиций сделал удачный выпад. Он заставил соперника слегка потерять равновесие и отступить, и Рений, оценив маневр, с энтузиазмом стукнул кулаком по перилам. Длинный клинок взметнулся вверх, и в этот самый миг Домиций ловко наклонился и сумел подойти к сопернику почти вплотную. Он нанес прекрасный удар, но Сун моментально отреагировал и немного отклонился в сторону, избежав опасности, и в то же мгновение ударил Домиция рукояткой по щеке.

Многие из зрителей даже зажмурились. Юлий восхищенно покачал головой: воины демонстрировали высшее мастерство. Самое удивительное, что неискушенному зрителю их бой вполне мог показаться жестокой и грубой схваткой. В этом поединке невозможно было различить безупречные атаки и контратаки, которые так четко просматривались в боях между мастерами и новичками в первых турах. Сейчас каждый замысел и тактический ход тут же разгадывался и предупреждался. В результате бой выглядел как бесконечная череда быстрых и сильных ударов. Но самое главное, что при этом ни один из соперников не пролил даже капли крови.

Домиций сделал паузу первым. Распухшая щека, очевидно, побаливала, и воин приложил к ней ладонь. Потом поднял руку, чтобы показать сопернику: ладонь чистая, крови нет. Сун терпеливо ждал, не опуская меч и явно готовясь снова ринуться в бой. Домиций опустил руку, и соперники скрестили оружие с еще большей яростью.

Тяжелые удары сердца напомнили Цезарю о необходимости дышать. Похоже, от волнения он давно сдерживал дыхание. Уже было ясно, что такого темпа соперники долго не выдержат, так что вскоре должна появиться первая кровь.

Воины снова разошлись и начали кружить почти бегом, в таком темпе, что зрители едва успевали следить за ними. Домицию дважды удавалось усыплять бдительность соперника и провоцировать его на фальшивые выпады. А однажды римлянин нанес такой опасный удар, который вполне смог бы оставить Суна без руки, не увернись тот в последний момент и не прими удар на доспехи.

Конечно, напряжение многодневной борьбы не могло не сказаться на каждом из воинов. Особенно заметно оно проявлялось в поведении Домиция. Римлянин уже начал тяжело дышать и все чаще останавливался, чтобы перевести дух. Цезарь прекрасно понимал, что

мастера высшего класса проводят поединок не только и не столько силой оружия, сколько силой мысли и воли. Поэтому трудно было определить, действительно ли легионер устал или лишь делает вид, чтобы ввести противника в заблуждение. Как бы то ни было, энергия его проявлялась отдельными всплесками, а скорость ударов время от времени падала – сказывалось утомление.

Сун тоже несколько утратил первоначальную уверенность в движениях, а дважды даже упустил возможность хорошего удара. Склонив голову, чужеземец на мгновение приостановился, словно для того, чтобы оценить ситуацию, а потом снова обрушил на соперника град мощных, ослепительных ударов.

Мастерская контратака едва не положила конец зрелищу: Домиций с силой стукнул левой рукой по мечу, изменив направление клинка настолько стремительно, что Суну пришлось упасть на спину, – только так он мог избежать ранения. Рений взволнованно вскрикнул. Мало кто из зрителей понял, что падение точно рассчитано. Оно было самым надежным способом уйти от удара. Толпа же восприняла происходящее на арене как победу своего любимца и ответила громкими воплями. Зрителей позабавило зрелище: Сун, словно краб, уползал от быстрых ударов римлянина. Но вдруг, совершенно неожиданно, он подпрыгнул и снова оказался на ногах.

Очевидно, Домиций тоже удивился и на какое-то мгновение ослабил внимание. В этот самый миг кончик длинного меча Суна неожиданно взметнулся и пронзил бедро римлянина чуть ниже края доспехов. Воины замерли, а те из зрителей, кто обладал самым острым зрением, взвыли от расстройств; остальные же изо всех сил вытягивали шеи, стремясь разглядеть, кто выиграл тур.

По ноге Домиция текла кровь, и Юлий не мог не заметить разочарования и расстройства легионера. Губы его шевелились, и, судя по всему, воин вовсе не признавался противнику в любви. Наконец он взял себя в руки и отошел на исходную позицию. Выражение лица Суна не изменилось; он лишь слегка поклонился сопернику – впервые за все время состязания. К удовольствию зрителей, их любимец нашел в себе силы широко улыбнуться и ответить на поклон поклоном. Бойцы встали рядом и приветственно подняли мечи.

Рений сияющими глазами взглянул на Цезаря:

– С твоего позволения, эдил. Если бы мне помогал Домиций, обучение новых воинов стало бы более успешным. Он думающий боец, и ученикам пришлось бы тянуться за ним.

Головы всех сидящих в ложе словно по команде повернулись к старому гладиатору – упоминание о новом легионе не могло пройти незамеченным.

– Если и Брут, и сам воин согласятся, я пришлю Домиция к тебе. Ведь я обещал помощь – и лучших центурионов, и лучших учителей.

– Нам также необходимы кузнецы и дубильщики, – продолжил было Рений, но Юлий покачал головой, и старый гладиатор замолчал.

На арену вышли Брут и Саломин, и Сервилия поднялась с места. Волнуясь за сына, красавица вздрогнула; руки сами собой сжались в кулаки. Освещенный факелами ринг почему-то казался зловецим.

Юлию хотелось успокоить возлюбленную, пусть даже просто взять за руку, однако он не позлил себе этого, хотя и ощущал возле плеча каждое ее движение, чувствовал разносящийся в вечернем воздухе запах тонких духов. Рядом – но не вместе! Гнев и растерянность не дали в полной мере насладиться торжественностью момента, когда эдил подкреплял печатью ставку в пять тысяч золотых – конечно на Брута. Помпей сидел с таким выражением на застывшем лице, что настроение Юлия поднялось, даже несмотря на упрямство Сервилии. Увидев ставку, Адан с трудом подавил возглас ужаса, и Цезарь дружески подмигнул секретарю. Только что они вместе проверили запасы, и выяснилось, что привезенного из Испании золота уже нет. В случае проигрыша пяти тысяч придется проводить избирательную кампанию в кредит. Конечно, Юлий не стал раскрывать молодому испанцу такие подробности своей частной жизни, как покупка черной жемчужины в подарок Сервилии. Сейчас драгоценность приятно оттягивала карман, и ощущение было настолько восхитительным, что Юлию захотелось преподнести подарок сейчас же, несмотря на дурное расположение духа красавицы. Конечно, если задумываться о цене вещицы и о том количестве оружия и доспехов, которые можно купить на эти деньги, то восторг заметно спадал. Впрочем, лучше не думать о неприятном! Да, жемчужина стоила немало – шестьдесят тысяч золотых. Наверное, он все-таки сошел с ума. Конечно, было бы слишком экстравагантно записать такую сумму на свой счет. Торговец поклялся именем матери, что

никому не откроет стоимость сделки, а это означало, что подробности станут известны всему Риму, гулякам каждой пивной и клиентам каждого притона не раньше чем через пару дней. После таких мыслей жемчужина словно тотчас потяжелела, и эдил почти бессознательно сжал в руке свидетельство собственного полного безрассудства.

Саломин внимательно наблюдал за всеми боями Брута, включая и тот, в котором он ударом лишил противника сознания, а потом едва заметно царапнул ему ногу мечом, чтобы добиться необходимой первой крови. Даже если бы сейчас он находился в своей лучшей форме, то все равно предпочел бы сразиться или с Домицием, или с Суном. Ведь молодой римлянин дрался без единой паузы; он не останавливался, чтобы задуматься о тактике действий, а потому казалось, что и мускулы, и тело его натренированы до такой степени, что действуют сами собой, без участия мозга. Глядя на Брута, Саломин нервно сглотнул и приказал себе успокоиться и сосредоточиться. Пошевелив плечом, он с отчаянием почувствовал, что затянувшаяся было рана на спине снова открылась. Обливаясь холодным потом, боец тревожно ждал сигнала к началу схватки.

Сегодня во время перерыва случилось непредвиденное. Пока Саломин обедал на своем скромном постоялом дворе возле городской стены, к нему подошли несколько солдат и, вытащив на улицу, начали нещадно избивать. Били до тех пор, пока не сломались палки. Сам воин так и не понял, чем провинился. Втер в раны гусиный жир и изо всех сил старался не терять присутствия духа. Однако надеяться уже было не на что, и лишь гордость заставила мастера выйти вечером на арену. Он негромко произнес молитву, и слова родного языка, казалось, принесли успокоение.

Прозвучали фанфары, и первое движение бойца оказалось инстинктивным: он попытался увернуться. В тот же миг спина раскололась от боли, а на глаза навернулись слезы; факелы тут же расплылись и превратились в звезды. Почти вслепую он взмахнул мечом, но Брут, конечно, ловко ускользнул. От боли и отчаяния Саломин громко вскрикнул: поврежденная мышца отказывалась повиноваться. Еще один удар – откровенный промах. Лицо бойца заливал пот, и он остановился, собираясь с силами.

Брут отступил на шаг и озадаченно нахмурился. Он смотрел на руку соперника. Саломин поначалу боялся взглянуть, потом ощутил легкое жжение и опустил глаза: ничего страшного, небольшая рана, из которой сочится кровь. Воин сдержанно кивнул.

– Сегодня это не самая страшная из моих ран, друг. Надеюсь, в других ты неповинен, – негромко произнес он.

Брут равнодушно поднял меч, выполняя приветственный ритуал, и в этот момент заметил, как скованно, неловко стоит этот обычно столь пластичный и ловкий человек. Лицо римлянина осветилось осознанием страшной истины.

– Кто же это сделал?

Саломин лишь недоуменно пожал плечами:

– Думаешь, легко отличить одного гражданина Рима от другого? Единственное, что могу сказать, – это сделали солдаты.

Брут гневно побледнел и с подозрением взглянул на радостно кричащего Цезаря. Потом медленно, словно не замечая приветствий в свой адрес, пошел прочь с арены.

До финального поединка оставалось два часа. Зрители, возбужденно переговариваясь, отправились перекусить, а тем временем служители начали тщательно разравнивать граблями песок на арене. Ложа быстро опустела, причем Юлий заметил, что сенатор Пранд ушел в одиночестве, без сына. Светоний же, едва кивнув отцу, вместе с Бибулом направился в толпу зрителей.

Эдил почувствовал приближение Брута раньше, чем успел его увидеть, – толпа с энтузиазмом приветствовала любимца. Несмотря на бушующее в душе негодование, воин не забыл, подходя к ложе, спрятать меч в ножны; иначе легионеры просто не пропустили бы его. Они обязаны были останавливать каждого вооруженного человека, пусть даже и любимого народного героя.

И Цезарь, и Сервилия поспешили навстречу. Эдил открыл было рот, чтобы поздравить друга, однако одного взгляда на его лицо оказалось вполне достаточно, чтобы слова застряли в горле. Брут в прямом смысле побелел от гнева.

– Это ты организовал избиение Саломина? – выпалил победитель, подойдя ближе. – Он же едва держится на ногах. Твоя работа?

– Я... – начал было ошеломленный Юлий, но тут же замолчал, поскольку в ложе появился Помпей и разговор явно привлек внимание

сопровождавших его легионеров.

Дрожь от волнения, Брут отсалютовал и встал навтыжку, в то время как Помпей не спеша оглядывал победителя.

– Приказ отдал я, – спокойно сообщил он. – Меня вовсе не волновало, пойдет это тебе на пользу или нет. Дело совсем в другом. Чужеземец, не считающий нужным даже приветствовать зрителей, не вправе рассчитывать на теплый прием. Больше того, он заслуживает и худшего наказания. Если бы ему не предстояло выступить в четверке мастеров, он уже давно раскачивался бы на ветру. – (Консул невозмутимо выдержал потрясенные взгляды собеседников.) – Помоему, вежливости можно научить даже чужеземца. А теперь, Брут, выкинь это из головы и хорошенько отдохни перед финальным боем.

Получив приказ, Брут вынужден был его исполнять, а потому лишь виновато взглянул на стоящих рядом друга и мать.

– Наверное, стоило подождать до окончания турнира, – заметил Юлий после того, как Брут ушел.

Змеиный взгляд Помпея заставил его тщательно выбирать слова. Этот человек был еще опаснее, чем казалось раньше.

– А может быть, и совсем забыть? – ответил Помпей. – Помни, Цезарь, что консул – это и есть Рим. С ним нельзя обращаться неуважительно. Над ним нельзя насмеяться. Возможно, со временем ты поймешь это и сам – конечно, в том случае, если граждане дадут тебе шанс занять мое место.

Цезарь хотел было поинтересоваться, делал ли Помпей ставку на Брута, но, к счастью, вовремя успел захлопнуть рот. Он и сам вспомнил, что Помпей не ставил на центуриона. Даже столь искаженное понятие о чести, каким обладал консул, не позволяло извлечь выгоду из наказания.

Юлий неожиданно почувствовал страшную усталость: интриги и безнаказанная жестокость казались неистребимыми. Он молча кивнул в знак понимания и отдернул занавес, пропуская Сервилию и Помпея. Возлюбленная не взглянула даже сейчас, и молодой человек, идя следом, грустно вздохнул. Он понимал, что капризная особа добивается, чтобы он пришел к ней и молил о прощении наедине. Не очень-то хотелось, но выхода не было. Рука снова сама собой потянулась к жемчужине.

Все еще тяжело дыша после быстрой скачки, Цезарь спешил и постучал. Хозяйка таверны подтвердила, что Сервилия поднялась к себе в комнату. Из-за двери доносился плеск воды, – судя по всему, красавица принимала ванну перед вечерним зрелищем. Даже несмотря на волнение, раздавшиеся шаги показались обещанием примирения и радости. Однако из-за двери послышался голос девушки-рабыни, в обязанности которой входило устройство ванн для жильцов.

– Юлий Цезарь, – коротко ответил он на вопрос о том, как доложить.

Возможно, перечисление титулов заставило бы служанку двигаться немного быстрее. Однако каждая из дверей небольшого коридора явно имела уши, а в стоянии на пороге в роли влюбленного мальчишки все-таки ощущалось нечто унижительное. Девушка ушла, и посетителю оставалось лишь терпеливо дожидаться. Хорошо хоть, что таверна находилась недалеко от городской стены, так что обратный путь казался недолгим. Лошадь отдыхала в небольшой конюшне, лениво пожевывая сено, а для того, чтобы подарить жемчужину, горячо обнять растроганную возлюбленную и насладиться поцелуем счастливого примирения, вполне достаточно пяти минут. Ну а потом можно, словно ветер, помчаться на Марсово поле, чтобы успеть к финалу: решающие бои должны начаться в полночь.

Наконец служанка отперла дверь и поклонилась. Впустив гостя, девушка выскользнула в коридор. В глазах ее мелькнуло неподдельное любопытство. Впрочем, едва увидев возлюбленную, Цезарь тут же забыл о девчонке.

Сервилия выглядела скромно и изысканно: в тонкой белой тунике, с собранными на затылке в тугий пучок волосами. Юлию некогда было обдумывать, когда красавица нашла время для косметики; он нетерпеливо бросился к избраннице и заговорил, пытаясь как можно скорее объясниться.

– Мне наплевать на разницу в возрасте, – почти требовательно заявил он. – Разве в Испании годы имели какое-нибудь значение?

Он попытался обнять Сервилию, но та с королевским величием подняла руку, словно останавливая порыв:

– Ты просто ничего не понимаешь, Юлий. В этом и заключена простая правда.

Эдил попытался что-то возразить, но Сервилия продолжала с напором, обжигая незадачливого друга огненным взглядом:

– Я и в Испании понимала невозможность нашей любви, однако там все было иначе. Трудно объяснить... наверное, дело в том, что под горячим солнцем Рим казался очень далеким, так что все сосредоточилось на тебе одном. А здесь я и сама остро ощущаю годы, даже десятилетия. Десятилетия между нами, милый. Вчера мне исполнилось сорок три. Когда тебе будет сорок, я совсем состарюсь и превращусь в древнюю, седую старуху. Да седина и сейчас уже пробивается, только я закрашиваю ее лучшей египетской хной. Давай расстанемся, Юлий. Общего будущего у нас нет.

– Сервилия! Я не хочу слушать твои доводы! – вспыхнул Цезарь. – Ты все еще красива...

Сервилия рассмеялась холодно и горько:

– Все еще красива, Юлий? Все еще? Действительно, можно удивляться моей внешности. Да вот только ты не знаешь, какими усилиями достигается восхитительная гладкость и нежность кожи.

На мгновение красавица поддалась слабости, глаза затуманились слезами. Потом взяла себя в руки. А когда заговорила снова, голос зазвучал устало, но с нотками спокойной решимости:

– Я не позволю тебе увидеть, как постепенно старею. Пусть кто угодно станет свидетелем увядания, только не ты. Так что отправляйся-ка к своим друзьям, а то мне придется позвать охранников. Они тотчас выставят тебя за дверь. Иди. Мне нужно закончить туалет.

Юлий молча разжал ладонь и показал лежащую на ней черную жемчужину. Он понимал, что делает это зря, но рука открылась сама собой – ведь он обдумывал этот жест всю дорогу от самого Марсова поля. Красавица недоверчиво покачала головой:

– И что же, теперь я должна броситься в твои объятия? Зарыдать, попросить прощения и сказать, что ошиблась, считая тебя мальчишкой?

Потеряв самообладание, Сервилия выхватила жемчужину из руки бывшего возлюбленного и с силой запустила ему в лоб. Цезарь непроизвольно зажмурился. Драгоценность упала и покатилась куда-то в угол. Звук, казалось, продолжался целую вечность.

Женщина произнесла медленно и тихо, словно пытаюсь договориться с глупцом:

– Убирайся!

Как только дверь закрылась, Сервилия сердито потерла виски и принялась шарить по углам в поисках так недостойно встреченного подарка. Наконец нашла и подняла к свету лампы. На мгновение лицо ее смягчилось. Несмотря на безупречную красоту, драгоценный камень казался холодным и жестким – именно такой пыталась выглядеть она сама.

Сервилия с нежностью погладила жемчужину, не переставая думать о любимом. Он не прожил на свете еще и тридцати лет. Пока мальчик не отдает себе отчета, но очень скоро ему будет нужна жена, способная родить сыновей. Женщина со слезами на глазах вспомнила о неполадках в собственном здоровье: уже три месяца никаких регулярных проявлений и в то же время никаких признаков зарождения новой жизни. Поначалу Сервилия еще осмеливалась надеяться на ребенка. Но вот прошел еще один период, и она ясно поняла, что молодость ушла. Она уже не в состоянии родить Цезарю сына, а потому лучше как можно быстрее отослать его, не дожидаясь, пока речь пойдет о детях, которых она не сможет подарить любимому. Как бы то ни было, так лучше, чем ждать, пока он сам отправит ее в отставку. Этот мужчина настолько силен и уверен в себе, что нечего и надеяться на то, что он когда-нибудь поймет ее истинные страхи.

Сервилия глубоко вздохнула, пытаясь успокоиться: ничего, он скоро придет в себя и все забудет. Молодые умеют забывать.

В полночь на арене появились Брут и Сун. Факелы обновили, и во мраке Марсова поля арена сияла ярким огненным кольцом. Ставки больше не принимались, и шнырявшие по рядам рабы куда-то мгновенно исчезли. Многие граждане Рима считали, что лучший способ подготовиться к финальному состязанию – это напиться допьяна, а потому Цезарь вызвал еще один отряд легионеров на случай беспорядков. Несмотря на отвратительное настроение, эдил не мог не ощущать гордости, глядя, как Брут приветственно поднимает меч работы Кавальо. Для всех посвященных жест этот заключал в себе особое, глубоко личное значение. Цезарь по привычке протянул руку, чтобы сжать ладонь Сервилии, но тут же одумался.

Впрочем, он почти не сомневался, что в случае победы любимого сына настроение капризной особы изменится.

Взошла луна – вернее, бледный месяц, который повис как раз над огненным кольцом. Несмотря на поздний час, новость о финалистах стремительно облетела город, и теперь весь Рим с нетерпением ожидал результатов схватки. В случае победы Брут, несомненно, прославится. Больше того, если бы он сейчас решил участвовать в выборах консула, то непременно занял бы почетное место.

Горнисты протрубили начало, и Сун атаковал без всякого предупреждения. Он явно рассчитывал на мгновенную победу. Стремительно нанося удар за ударом, китаец стремился поранить не защищенные доспехами ноги, но Бруту удавалось успешно отражать атаки. В контратаку он не спешил, очевидно ожидая, пока соперник утомится. Сун действительно на мгновение потерял равновесие. Однако узкие раскосые глаза остались совершенно невозмутимыми, а через секунду, слегка пожав плечами, воин снова пошел в наступление, описывая в воздухе причудливые фигуры своим длинным мечом.

Римлянин снова парировал удар, и звук металла о металл прозвучал над притихшей толпой, словно колокол. Зрители, затаив дыхание, внимательно следили за финальной битвой, так непохожей на все предыдущие.

От наметанного взгляда Цезаря не укрылся налет гнева, все еще заметный в лице Брута. Фальшивая победа над Саломинном явно не давала ему покоя. Чем закончится это переживание? Брут убьет противника или погибнет сам?

Атака повлекла за собой целую серию ударов и столкновений, но до сих пор римлянин ни на шаг не отступил с первоначально занятой позиции. Каждый раз, когда вздымался меч Суна, он тут же встречал надежный заслон короткого, но мощного римского клинка. Все фальшивые выпады Брут распознавал с самого начала и вовсе не спешил на них реагировать, хотя порою грозное оружие оказывалось настолько близко, что был отчетливо слышен свист рассекаемого воздуха. Дыхание Суна постепенно становилось все более напряженным. Толпа же начала встречать каждую из атак криком, на мгновение замолкая во время удара, а после него издавая насмешливый, по-змеиному шипящий звук. Зрителям казалось, что Брут преподает китайцу урок римского стиля.

Лишь Цезарь понимал, что пока его друг сражается с самим собой. Молодой римлянин отчаянно стремился к победе, однако сознание нечестной борьбы с Саломинем разъедало его душу, и он просто удерживал нынешнего соперника на расстоянии, в то же время совещаясь с собственной совестью. Юлий отдавал себе отчет в том, что видит выступление настоящего мастера. Удивительно, но мальчишка незаметно превратился в зрелого воина, посильнее Рения или любого из старших.

Впрочем, лучше всех эту истину понимал Сун. Пот уже нещадно застилал ему глаза, а Брут так и не сошел со своей позиции. Лицо китайца выражало откровенный гнев, смешанный с глубоким разочарованием. Каждый удар сопровождался странным ворчанием. Сам того не осознавая, боец теперь уже стремился не к первой крови, а к убийству.

Цезарь не мог больше наблюдать за подобным поединком. Он перегнулся через перила ложи и во весь голос закричал:

– Победи, Брут! Победи ради нас!

Услышав призыв эдила, трибуны взревели. Брут мечом блокировал оружие соперника, удерживая его в западне так долго, что за это время смог с силой ударить китайца в лицо локтем. На бледной коже азиата явственно проступила кровь, и он, пораженный, отступил. Юлий увидел, как Брут поднял руку и что-то произнес, однако соперник решительно покачал головой и снова бросился в атаку.

И в этот момент Брут внезапно ожил. Теперь его движения напоминали рывок кота, который долго выжидал, но наконец решил прыгнуть. Римлянин позволил вражескому мечу скользнуть по собственной груди: таким образом ему удалось проникнуть за линию обороны. После этого воин с отчаянной силой обрушил меч на шею противника. Этот удар вобрал в себя весь накопившийся гнев, все раздражение, всю обиду. Клинок мгновенно исчез под серебряными доспехами. Брут резко повернулся и не оглядываясь пошел прочь, к трибунам.

Сун смотрел вслед медленно уходящему победителю. Лицо исказила предсмертная гримаса.левой рукой раненый схватился за торчащий меч и попытался что-то крикнуть, однако ни легкие, ни горло больше не подчинялись, и в смертельной тишине цирка раздалось лишь хриплое подобие вороньего карканья.

Толпа разразилась громкими приветственными воплями, но Брут не радовался. Ему было стыдно за сограждан. Остановившись, центурион громко обратился к ним, призывая к тишине. Кто-то услышал призыв победителя, а кто-то замолчал и сам, ожидая, когда Сун наконец упадет.

Чужеземец плюнул в песок. Его лицо вдруг стало совершенно белым. Дышал он с таким трудом, что хрип доносился до самых верхних рядов трибун. Медленно, с чрезвычайной осторожностью, воин расстегнул доспехи, и они упали на песок. Одежда была пропитана кровью и в ярком свете факелов казалась почти черной. Раненый с удивлением разглядывал собственную грудь. Потом перевел взгляд на толпу молча наблюдавших римлян.

– Ну же, ублюдок, – с непонятно откуда взявшейся грубостью пробормотал Рений, – покажи им, как надо умирать.

С методичностью агонии Сун аккуратно спрятал в ножны длинный меч. Но в этот момент ноги подкосились, и он упал на колени. Однако, даже умирая, боец продолжал смотреть на ряды трибун; каждое дыхание вырывалось словно крик – все короче и короче. И вот он упал. Толпа, до этого следившая за происходящим затаив дыхание, наконец позволила себе вздохнуть. Но никто не двигался, словно трибуны были заполнены рядами богов-олимпийцев.

Помпей вытер платком лоб и задумчиво покачал головой:

– Ты должен поздравить своего человека, Цезарь. Более красивой победы я в жизни не видел.

Цезарь ответил холодным, непроницаемым взглядом, а консул кивнул, словно соглашаясь сам с собой, и скомандовал охранникам, чтобы те проводили его домой.

Глава 18

Бибул молча наблюдал, как Светоний меряет шагами длинную комнату, в которой он сам обычно принимал посетителей. Как и все в доме, комната эта была обставлена и украшена в полном соответствии со вкусом хозяина. Даже сейчас, провожая взглядом фигуру Светония, он успевал порадоваться светлым тонам подушек и штор, золоченым вензелям на колоннах. Чистота и порядок неизменно успокаивали Бибула, умиротворяя душу. Вернувшись к себе на виллу, он, как

правило, с первого взгляда замечал малейший беспорядок и неточность в убранстве. Пол из черного мрамора был начищен до зеркального блеска – настолько, что каждый шаг Светония сопровождался цветной тенью, словно гость ходил по воде. Кроме Бибула и Светония, в доме никого не было; хозяин выпроводил даже рабов. Огонь давно погас, и воздух уже остыл настолько, что вполне можно было замерзнуть. Бибул с удовольствием потребовал бы горячего вина и какой-нибудь вкусной еды, однако не решался прервать речь друга.

Вместо этого он начал считать повороты Светония. Тот шагал и шагал. Напряжение сквозило и в приподнятых плечах, и в крепко сжатых за спиной руках – приглядевшись, можно было заметить, как побелели костяшки пальцев. Бибул ненавидел ночные вторжения в собственный дом, однако Светоний обладал над ним какой-то странной властью, и он считал необходимым бесконечно слушать речи человека, которого уже начинал презирать.

Резкий, громкий голос Светония внезапно разорвал тишину, словно гнев уже невозможно было сдерживать:

– Клянусь, Бибул, если бы я смог заполучить его, то непременно убил бы! Клянусь головой Юпитера!

– Что ты, что ты, не смей так говорить! – испуганно взмолился Бибул.

Он чувствовал, что не все можно произносить вслух даже в собственном доме.

Светоний внезапно остановился, словно ему бросили серьезный вызов, и Бибул испуганно зарылся в гору подушек. В углах губ Светония скопилась слюна, и несчастный слушатель как замороженный смотрел на них, не в силах отвести взгляд.

– Ты просто его не знаешь, Бибул. Не видел, как он разыгрывает роль благородного римлянина – не хуже, чем когда-то его дядюшка! А ведь семья-то всего-навсего купеческая! Он просто умеет льстить тем, в ком нуждается, и манит их за собой, словно петух кур! Да уж, вот в чем ему действительно не откажешь! Большой мастер находить тех, кто сможет его полюбить! А ведь все построено на лжи, Бибул. Это я знаю точно.

Светоний взглянул на друга, словно ожидая возражений.

– Тщеславие его настолько откровенно, что невозможно понять, почему этого не замечают другие. Но в том-то и беда, что все смотрят с

восхищением и называют самозванца молодым римским львом!

Светоний презрительно сплюнул на полированный пол, и Бибул почти в отчаянии смотрел на оскверненную красоту. Друг, поглощенный собственными переживаниями, ничего не замечал. Он сморщился, и лицо тут же превратилось в комическую маску.

– Для них все это игра – для Помпея и Красса. Это стало понятно уже во время нашего возвращения из Греции. Город прозябал в бедности, рабы готовили крупнейшее в нашей истории восстание – и в этой обстановке они назначили Цезаря трибуном. Уже тогда следовало понять, что справедливости здесь добиться просто невозможно. В конце концов, чем он заслужил все эти почести? Ведь я был на войне с Митридатом, Бибул. И там Цезарь проявил себя не более великим вождем, чем я сам, хотя тщательно разыгрывал роль полководца. Митридат, можно сказать, просто отдал победу нам в руки. Я ни разу не видел, чтобы Юлий сражался. Я еще об этом не говорил? Да, действительно, он ни разу даже не вытащил меч из ножен, чтобы помочь нам в трудную минуту.

Бибул вздохнул. Он слышал все это уже много-много раз. Ну хорошо, можно было погневаться один раз. А у Светония Цезарь с каждым разом становился все более страшным злодеем.

– А Испания? О Бибул, насчет Испании я знаю буквально все! Он отправился туда с пустыми руками, а обратно привез столько золота, что хватило на консульскую избирательную кампанию. И что же, они вызвали его на следствие? Отдали под суд? Я сам написал письмо тому человеку, который занял его место, и уточнил цифры, которые он представил сенату. Я сделал за них их же собственную работу, Бибул, за этих старых болванов!

– И что же он ответил? – поинтересовался Бибул, поднимая голову.

Эта часть спектакля оказалась новой и вызвала некоторый интерес. Хозяин наблюдал, как гость подбирает подходящие слова, и очень опасался, что тот снова начнет плевать на пол.

– Да ничего! Я написал еще раз и еще, пока наконец не получил в ответ короткую записочку, в которой наместник требовал не вмешиваться в дела римского правительства. Там была даже угроза, Бибул! Да, гаденькая мелкая угроза. Тогда я понял, что этот человек – ставленник Цезаря. Нечего и сомневаться, что руки его так же грязны,

как и руки его предшественника. Да, Цезарь умеет неплохо замечать следы, но я все равно сумею поймать его!

Усталый и голодный, Бибул не смог удержаться от небольшой колкости:

– Если он станет консулом, Светоний, то сразу получит неприкосновенность, даже на случай серьезных преступлений. И тогда ты не сможешь его тронуть.

Светоний фыркнул, однако слегка призадумался. Он помнил, как наблюдал за теми темными личностями, которые проникли в поместье Цезаря и убили Корнелию и слуг. Иногда казалось, что лишь это воспоминание и удерживает его от полного сумасшествия. В тот день боги почему-то не оградили Юлия. Его самого отослали в Испанию – в очевидную ссылку, а красавицу-жену попросту зарезали. Тогда Светонию показалось, что он наконец-то сумел справиться с собственным гневом. Смерть Корнелии словно выпустила избыток пара из переполненной ненавистью души – вместе с паром улетучился и яд.

Светоний тяжело вдохнул: нет, этот хрупкий душевный мир уже потерян. Юлий дезертировал из Испании, да еще привез оттуда кучу золота. Его следовало забить камнями, а вместо этого самозванец выступает перед чернью, завлекая ее своими лживыми рассказами. И ведь все верят! А воинский турнир и вообще прославил имя организатора на весь Рим!

– Так стоит ли удивляться, Бибул, тому факту, что турнир выиграл не кто иной, как его лучший друг? А пустоголовая толпа знай восторженно вопит, хотя все прекрасно видели: этот парень Саломин едва дотащился до своего места на арене. Вот это организовал настоящий Цезарь – тот, которого я так хорошо знаю. Прямо, в открытую, перед глазами тысяч и тысяч людей, а они этого не замечают! Где же его драгоценное понятие о чести? – Светоний снова начал шагать из угла в угол, гулко отстукивая на мраморном полу каждый шаг. – Он просто не имеет права стать консулом, Бибул. Я сделаю все, что в моих силах, этого допустить нельзя. Надежды сосредоточены не только на тебе, друг мой. Возможно, конечно, что ты и наберешь достаточно представительских голосов, чтобы потеснить негодяя, но, если этого окажется мало, я сумею найти какой-нибудь другой способ.

– А если ты попадешься на чем-то подобном, то я... – начал было Бибул.

Светоний жестом оборвал его:

– Занимайся своей работой, Бибул, а я уж буду заниматься своей. Маши ручкой толпе, посещай суды, произноси речи.

– Ну а если все-таки этого окажется недостаточно? – поинтересовался Бибул, с опаской ожидая ответа.

– Не доставляй разочарований, друг мой! Тебе придется пройти весь путь до самого конца – если, конечно, твой отказ не поможет отцу. Неужели я прошу слишком многого? Это же суцкая безделица.

– Но если...

– Что-то ты утомил меня своими возражениями, приятель, – негромко произнес Светоний. – Если тебе угодно, я хоть сейчас могу отправиться прямиком к Помпею и рассказать ему во всех подробностях, почему ты не можешь претендовать на место римского консула. Хочешь этого, да? Хочешь, чтобы он узнал твои небольшие секреты?

– Перестань! – со слезами на глазах взмолился Бибул.

В такие минуты он не питал к этому человеку ничего, кроме ненависти. Проклятый ловкач умел все выставить в отвратительном, несносно-гадком свете.

Светоний подошел ближе и остановился рядом с диваном, бесцеремонно схватив друга за подбородок:

– Ведь даже маленькие собачки умеют кусаться, правда, Бибул? Я вот все думаю, предашь ты меня в конце концов или нет? Разумеется, если бы я дал тебе шанс, ты бы непременно сделал это. Но все дело в том, что ты упадешь вместе со мной, причем ударишься еще больнее. И это тебе известно, правда? – С этими словами Светоний сжал подбородок приятеля с такой силой, что тот вздрогнул от боли. – Ты действительно грязный ублюдок, Бибул. И все-таки ты мне нужен. Это связывает нас сильнее, чем узы дружбы, крепче, чем кровь. Не забывай об этом, Бибул! Ты не вынесешь пыток, а Помпей на них большой мастер! – (Бибул дернулся, освободил подбородок и принялся изо всех сил растирать лицо мягкими белыми руками.) – А теперь позови своих очаровательных детишек и прикажи развести огонь. Что-то здесь стало прохладно, – блестящими глазами глядя на несчастного приятеля, закончил свое бурное выступление гость.

В столовой дома у холма, откуда осуществлялось все руководство избирательной кампанией Цезаря, Брут стоял во главе длинного праздничного стола. Подняв кубок, он оглядывал собравшихся друзей. Все встали, чтобы поздравить победителя с огромным успехом. Среди единомышленников горечь несправедливой победы над Саломиним немного отступила в тень. Юлий встретился с ним глазами, и Брут улыбнулся, стыдясь того, что мог заподозрить друга в организации избиения.

– Так за что же пьем? – задал риторический вопрос победитель.

Александрия негромко откашлялась, и все головы повернулись в ее сторону.

– Нам, конечно, потребуется много тостов, но первый из них обязательно должен быть за Марка Брута, обладателя золотого римского меча.

Все с улыбкой начали повторять удачное выражение, и Брут ясно расслышал бас Рения. Сразу после победы в турнире старый гладиатор завел с учеником долгую беседу, а тот, разумеется, послушно внимал всем наставлениям.

Теперь же Брут встретился с учителем взглядом и поднял кубок, словно в знак особой благодарности. Рений в ответ широко улыбнулся, и на душе победителя стало светлее.

– А следующий тост должен непременно прозвучать в честь моего прекрасного золотых дел мастера, вернее, мастерицы, – смеясь, заявил он. – Той самой, которая любит обладателя первого меча в Риме.

Александрия вспыхнула довольным румянцем, и все радостно подхватили веселое славословие.

– Ты просто пьян, негодяй, – прошептала она на ухо другу, но глаза красавицы действительно светились любовью.

Юлий потребовал снова наполнить кубки:

– Выпьем за тех, кого мы любим, но кого сейчас с нами нет, – провозгласил он.

Что-то в тоне эдила заставило всех замолчать. Кабера сейчас лежал на втором этаже. Его пытались лечить все медицинские светила Рима, но пока без особого успеха. Во время турнира он исцелил Домиция, однако сам тут же рухнул без сил и до сих пор еще не поправился. Болезнь искусного целителя омрачала праздник.

Гости негромко повторили тост, и каждый вспомнил своих дорогих ушедших. Юлий подумал о Сервилиии. Место красавицы пустовало, она так и не пришла праздновать триумф сына. Цезарь задумчиво потер лоб в том самом месте, куда угодила тяжелая жемчужина.

– Мы сегодня всю ночь собираемся гулять? – поинтересовался Домиций. – Октавиану, например, уже давно пора спать.

– Мне обещали, что разрешат посидеть вместе со взрослыми подольше, если, конечно, я буду хорошо себя вести, – жизнерадостно парировал юноша и демонстративно осушил кубок до дна.

Все сели, и Цезарь нежно взглянул на родственника. Мальчик постепенно превращался в красивого и сильного мужчину; вот, правда, манеры немного грубоваты. Даже Брут как-то заметил, что парень стал частым гостем в заведении Сервилиии. Ходили слухи, что девушки считают его лучшим клиентом. Юлий с радостью смотрел, как Октавиан весело смеется какой-то шутке Рения; оставалось лишь надеяться, что удивительное жизнелюбие и уверенность в своих силах не покинут юношу слишком рано. И в то же время, если парня не поставит в суровые условия реальной жизни, не испытать как следует на прочность, он может остаться лишь красивой оболочкой, скрывающей пустоту. Самому Цезарю хотелось бы многое изменить в своем прошлом, но все-таки он сознавал, что без всех пройденных испытаний так и остался бы тем самоуверенным, вспыльчивым и гордым мальчишкой, которого Рению пришлось долго наставлять на путь истинный. Наверное, нельзя стать мужчиной, не испытав настоящей боли, хоть и горько это сознавать.

Закуски принесли на роскошном серебряном сервизе, сделанном в Испании специально по заказу Цезаря. Все проголодались, и некоторое время царила тишина, нарушаемая лишь негромкими звуками жующих ртов.

Наконец Брут откинулся на ложе и с довольным видом сложил руки на животе.

– Так что же, ты собираешься стать консулом, Юлий? – поинтересовался он.

– Если за меня проголосует достаточное количество народа, – спокойно ответил эдил.

– А Александрия уже делает тебе пряжку для консульской мантии, – продолжал друг. – Красивую!

Александрия лукаво взглянула на друга:

– Забыл, что это сюрприз, Брут? Я же тебя предупреждала. А ты, как всегда, все пропустил мимо ушей.

Брут нежно взял красавицу за руку:

– Прости, пожалуйста, забыл. Но она действительно очень хороша.

– Спасибо, Александрия, – вмешался в спор влюбленных Юлий. – Надеюсь, у меня появится шанс украсить этой пряжкой мантию. Вот только хотелось бы быть столь же уверенным в победе, как Брут.

– А почему бы и нет? На форуме ты проиграл лишь одно дело, но его не смог бы выиграть никто. А выиграл три, которые тоже никто другой не смог бы выиграть. Агенты агитируют за тебя по всему городу, и прогнозы очень неплохие.

Цезарь молча кивнул, вспомнив обо всех долгах и кредитах, в которые пришлось влезть ради успеха избирательной кампании. Золото, которое он выиграл у Помпея, растаяло буквально за несколько дней. Несмотря на уже приобретенную экстравагантную репутацию, он искренне сожалел о нескольких тратах, а особенно о дорогой черной жемчужине. Но труднее всего было вынести тон ростовщиков. Чем больше становилась сумма долга, тем настойчивее и фамильярнее они себя вели. Казалось, эти люди уже завладели какой-то частью его души, и оставалось лишь мечтать о том дне, когда можно будет освободиться от грязных, жадных рук.

Раскрасневшись от вина, Брут снова встал:

– Хочу предложить еще один тост. За победу, но победу честную!

Все торжественно подняли кубки. А Цезарь пожалел о том, что до этой минуты не дожил его отец.

Глава 19

За городские стены на выборы вышла огромная толпа. Торжественность события остро ощущалась во всем. Юлий с гордостью наблюдал, как граждане чинно разбились на сотни, а потом начали складывать в корзины восковые таблички, чтобы счетная комиссия могла определить результаты. Город маячил на горизонте, а

на западе, на высоком холме, реял флаг – знак защищенности и безопасности Рима во время выборов.

В ночь накануне события о сне не приходилось и думать. Юлий стоял у ворот и наблюдал, как авгуры готовятся освящать поле: точат ножи и выводят из города огромного белого вола. Эдил нервничал; голова странно кружилась, и все происходящее вокруг казалось затянутым дымкой нереальности. Через несколько минут туша уже лежала на земле. Цезарь же пытался определить настроение сограждан. Многие, опуская в плетеные корзины таблички, кивали и улыбались своему избраннику, однако его это не слишком радовало. В соответствии с принятой системой в зачет пойдут лишь голоса ответственных за каждые сто человек, по военной терминологии – центурионов. Первыми голосовали представители состоятельных слоев, а это означало, что Пранд уже заручился семью голосами против четырех, отданных за Бибула. Ни один из представителей первых одиннадцати центурий не объявил, что отдает голос за Цезаря. Эдил стоял, изо всех сил пытаясь скрыть разочарование и все сильнее ощущая жар уже не на шутку пригревающего солнца.

Он всегда сознавал, что сложнее всего завоевать голоса свободных граждан, и все-таки пережить реальность отданных другим предпочтений было очень нелегко. И действующие консулы, и кандидаты стояли тут же, неподалеку, торжественной группой, однако Помпей даже и не пытался скрыть оживление; протягивая рабу чашу, чтобы тот наполнил ее прохладным питьем, он весело болтал даже с ничтожным прислужником.

Цезарь изо всех сил старался сохранить спокойное, безразличное выражение. Даже несмотря на все его старания и приготовления, первые результаты могли отрицательно повлиять на те сотни, которым предстояло выбирать позже, и в результате распределения голосов он сам вполне мог оказаться за бортом политического корабля. Впервые после возвращения в Рим молодой аристократ спросил себя, что же все-таки он собирается делать дальше в случае провала.

Остаться в городе, руководство которым отойдет к Бибулу и Пранду, невозможно – при таком раскладе места для него не будет. Если Светоний и не придумает, как расправиться с противником, то уж Помпей точно найдет надежный способ. Чтобы пережить год вражеского правления, ему придется выпрашивать пост претора на

какой-нибудь захудалой окраине римской державы. Юлий слушал, как объявляли голоса, и непроизвольно качал головой: в мыслях рисовались все более и более мрачные картины. Сторонники Пранда и Бибула шумно ликовали при каждом положительном результате, и Цезарю приходилось через силу выдавливать из себя улыбку и поздравлять соперников с успехом. Вынести столь продолжительное лицемерие было очень нелегко.

Спокойствие пришло в тот момент, когда эдил нашел в себе силы признать, что исправить положение он не может, а потому должен попросту смириться. Для голосования граждане Рима заходили в небольшие деревянные кабины, где и помечали таблички. Класть табличку в корзину полагалось лицевой стороной вниз, чтобы никто не смог увидеть результаты голосования. В процессе голосования не могло произойти никаких подтасовок и махинаций. Не помогли бы ни взятки, ни хитрые уловки: ведь римляне по одному заходили в кабину и дважды продавливали пальцем воск напротив фамилии того кандидата, которого считали достойным. Но даже в таких условиях собравшаяся вокруг толпа слышала объявленные результаты. А это означало, что совсем скоро люди начнут голосовать по примеру тех, кто уже сделал выбор. Нередко бывало и так, что, если большинство голосов набиралось достаточно быстро, беднейшие слои населения просто лишались возможности высказать собственное мнение: людей отправляли по домам. Оставалось лишь просить заступничества богов, чтобы этого не случилось сегодня.

– ...Цезарь! – вдруг выкрикнул магистрат, и Юлий невольно поднял голову, настороженно прислушиваясь.

Сейчас в кабины заходили последние представители зажиточных слоев, так что ему достался голос из самых дальних рядов. Подошла очередь граждан, обладающих не столь обширной собственностью и более скромными средствами. Юлий улыбался, но в душе все равно царило волнение, хотя он и старался это скрыть. Его электорат состоял из бедных людей – тех, кто видел в эдилье одного из себе подобных, человека, трудом и доблестью добившегося высокого положения. И все же без определенной поддержки богачей сторонники не смогут даже получить возможность отдать свой голос. Результаты второй группы оказались более ровными, и теперь уже Цезарь чувствовал себя увереннее: его положение заметно окрепло. Сейчас Пранд имел

семнадцать голосов, Бибул – четырнадцать, а за Юлия было отдано пять, и это вселяло немалую надежду. Утешало и то, что переживания одолевали не только его. Отец Светония от напряжения даже побледнел, и Юлий понял, то Пранд стремится к консульской должности так же отчаянно, как и он сам. Бибул тоже нервничал, он то и дело бросал умоляющий взгляд на Светония, словно друг мог чем-то ему помочь.

За один лишь следующий час лидерство трижды переходило из рук в руки, и вот наконец отец Светония оказался уже третьим, причем отрыв в его результатах упорно увеличивался. Юлий заметил, как Светоний подошел к Бибулу. Толстяк хотел было скрыться в толпе, однако друг крепко схватил его за руку и решительно зашептал что-то на ухо. Впрочем, от гнева шепот был настолько громким, что все окружающие прекрасно расслышали, о чем идет речь. Бибул же покрылся пунцовым румянцем.

– Отказывайся, Бибул! Снимай свою кандидатуру! – вне себя рычал Светоний, не обращая ни малейшего внимания на взгляды Помпея.

Бибул судорожно кивнул, полностью лишенный собственной воли, однако в этот миг на его плечо легла тяжелая рука Помпея. Игнорируя присутствие Светония, консул заставил молодого римлянина сделать шаг в сторону.

– Надеюсь, ты не думаешь о том, чтобы выйти из списка претендентов, Бибул, – веско произнес Помпей. Бибул попытался издать в ответ какой-то звук, однако его не пожелали услышать. – Среди богатых жителей ты явно пользуешься популярностью, а дальнейшие результаты могут оказаться еще лучше, – убедительно произнес консул. – Дойди до самого конца, и – кто знает? – даже если ты не добьешься успеха, в сенате всегда найдется теплое местечко для представителя древнего и богатого рода.

Бибул изобразил жалкое подобие улыбки, а Помпей отечески похлопал толстяка по руке и отпустил с миром. В такой ситуации Светоний уже не осмелился нажимать и лишь холодно наблюдал, как Бибул получил еще три голоса.

К полудню настроение толпы настолько поднялось, что каждый новый результат сопровождался бурными изъятиями восторга. Разумеется, во многом этому способствовали шнырявшие в толпе

продавцы крепких напитков. Даже Юлий осушил чашу, однако вкуса вина почувствовать так и не смог. Время от времени он обменивался ничем не значащими фразами с Бибулом, но сенатор Пранд держался холодно и обособленно. Юлий поздравил его с успехом, тот лишь коротко кивнул в ответ. К сожалению, Светоний не унаследовал умение отца скрывать чувства, и Цезарь то и дело ощущал на себе его сверлящий, уничтожающий взгляд. Открытая враждебность действовала на нервы.

Солнце достигло зенита, и Помпей потребовал, чтобы принесли тенты, – он не собирался париться на жаре. Проголосовала уже сотня центурий, и Юлий теперь шел вторым, оторвавшись от Пранда на целых семнадцать голосов. При подобном раскладе консульские кресла должны были достаться Бибулу и Юлию. Толпа начала проявлять интерес еще более открыто и бурно. Люди толкались, чтобы подойти поближе к успешным кандидатам, и не скупилась на приветствия. Юлий заметил, как Светоний вытащил из кармана большой красный платок и нервно вытер со лба пот. Простое, обычное действие показалось настолько заметным и театральным, что Цезарь не смог сдержать угрюмой улыбки. Он взглянул на запад – на холме гордо реял римский флаг.

С Яникула открывался прекрасный вид на город и его окрестности. На вершине холма было установлено каменное основание, а от него поднималась огромная мачта. Часовые чувствовали себя вполне уверенно. Пост считался несложным, во многом он оставался данью традициям прошлого, когда Риму постоянно угрожали враждебные племена и даже армии. В нынешнем году восстание Катилины напомнило о необходимости бдительности, и те, кому пост достался по жребью, не дремали и смотрели в оба. Часовых было шестеро: четыре молодых солдата и два ветерана из легиона Помпея. Они подкреплялись и обсуждали кандидатуры претендентов на консульские кресла, вполне довольные тем, что удалось на время отвлечься от постоянных обязанностей. На закате они сложат полномочия, протрубив в длинный рог и торжественно спустив флаг.

Часовые заметили крадущихся вверх по склону людей, лишь когда из-под ноги одного из негодяев выскользнул камешек и с шумом покатился вниз. Юноши обернулись, чтобы взглянуть, что за зверек

нарушил спокойствие, и один из них в страхе вскрикнул: совсем близко пробирались вооруженные люди. Их было семеро – все крупные, испытанные в боях и покрытые шрамами вояки. Увидев, что часовых совсем мало, злоумышленники довольно засмеялись.

Легионеры Помпея торопливо вскочили, нервно раскидывая вокруг еду. Фляга с водой опрокинулась, и на пыльной земле образовалось большое темное пятно. Не успели они достать оружие, как оказались в окружении. Однако дело свое легионеры знали, и потому первый же из налетчиков, кто осмелился подойти слишком близко, тут же рухнул на землю. Остальные, тяжело дыша от быстрого подъема, поспешили на выручку товарищу, и тут раздался резкий окрик.

– Стой! – потребовал Брут. – Кто пошевелится, тотчас умрет!

Центурион бегом поднимался на вершину, а за ним следовали еще два десятка хорошо вооруженных воинов. Впрочем, вполне хватило бы и одного Брута. Все в Риме прекрасно знали и серебряные доспехи доблестного бойца, и тот меч с золотой рукояткой, который он получил в награду за победу в турнире.

Налетчики замерли. Они были ворами и убийцами, однако жизненный опыт совсем не подготовил их к встрече с солдатами регулярной армии. Разбойники мгновенно забыли о недавнем намерении захватить флаг и, словно блохи, посыпались с крутого холма в разные стороны. Кое-кто не удержался на ногах и покатился вниз, в панике бросив оружие. Брут же, слегка задыхаясь, подбежал к флагу; часовые радостно и благодарно его приветствовали. Впрочем, лица их заливала краска смущения.

– Было бы позором сорвать выборы из-за нескольких воров, так ведь? – небрежно бросил Брут и оглянулся на налетчиков: те улепетывали так, что только пятки сверкали.

– Уверен, что мы с Бринием смогли бы дать им достойный отпор, – возразил один из ветеранов. – Но конечно, двое или трое из этих мальчишек наверняка простились бы с жизнью. – Здесь часовой замолчал, осознав, что не слишком-то горячо благодарит спасителя. – Мы рады, что ты так вовремя подоспел, центурион. Но неужели вы позволите им уйти?

Легионер вместе с Брутом подошел поближе к склону. Оба посмотрели вниз, и центурион покачал головой:

– Внизу стоит небольшой отряд моих всадников. Так что до города налетчики не доберутся.

– Спасибо, – с угрюмой ухмылкой поблагодарил ветеран. – Они ведь того и не заслуживают.

– А ты не видишь, кто именно из кандидатов сейчас проигрывает? – поинтересовался Брут, вглядываясь в то, что происходило внизу, на поле.

Он заметил Юлия, а потом обратил внимание, как стоящий неподалеку человек взмахнул красной тряпкой, и удовлетворенно кивнул. Да, Юлий рассудил верно.

Солдат Помпея пожал плечами:

– Отсюда не слишком хорошо видно, центурион. А вот эта красная тряпка, уж не сигнал ли она?

Брут усмехнулся:

– Видишь ли, теперь мы уже не сможем этого доказать. Конечно, можно постараться подкупить этих бандитов и направить их против собственного хозяина. Наверное, так было бы приятнее, чем просто бросить их трупы здесь, верно?

Легионер неуверенно улыбнулся. Он прекрасно знал, что его патрон не дружит с этим человеком, но ярко сияющие серебряные доспехи сделали свое дело. Теперь он может рассказать детям, что познакомился с величайшим воином Рима, да еще и участвовал с ним вместе в операции по отражению бандитов.

– Куда как лучше, господин. Если, конечно, они пойдут на такое.

– О, думаю, что об этом можно не волноваться. Мои всадники хорошо умеют убеждать.

С этими словами Брут спокойно взглянул на развевающийся над головой флаг города Рима.

Светоний как можно незаметнее взглянул в сторону Яникула. Флаг на холме все еще развевался! Он раздраженно прикусил губу, раздумывая, не лучше ли будет еще раз вытащить из кармана красную тряпку – для надежности. Что они там, заснули? Или, что более вероятно, засели с его деньгами в каком-нибудь захудалом кабаке и напиваются до умопомрачения. Ему казалось, он видит даже, как на вершине холма движутся люди. Неужели они просто не заметили его сигнала? Светоний украдкой оглянулся и снова засунул руку в

глубокий карман и в этот момент заметил взгляд Юлия – заклятый враг с легкой улыбкой наблюдал за ним так, словно понимал и заранее предвидел каждую мысль. Рука Светония бессильно повисла, а сам он замер, болезненно ощущая, как и лицо, и шея неумолимо покрываются пунцовым румянцем.

Октавиан лежал в высокой траве рядом со своим конем. Мощная грудь умного животного тихо вздымалась, – казалось, жеребец намеренно старался дышать медленно и неслышно. Legionеры месяцами тренировали верховых лошадей, чтобы те умели долгое время находиться в неестественном для них состоянии засады; зато теперь достаточно было положить на морду животного руку, чтобы оно послушно затихло до следующей команды. Сейчас всадники внимательно наблюдали, как бандиты едва ли не кубарем катятся с Яникула, и Октавиан невольно улыбнулся, по достоинству оценивая прозорливость Цезаря. Он вычислил, что если кто-то останется недоволен результатом выборов, то, вполне вероятно, постарается опустить флаг Рима. Хотя уловка сама по себе весьма примитивна, последствия ее могли оказаться поистине катастрофическими. Граждане тут же устремились бы обратно в город, а результаты выборов пришлось бы объявить недействительными. Следующее голосование состоялось бы не раньше чем через месяц. Кто знает, что произойдет до тех пор?

Октавиан подпустил бегущих разбойников поближе, а потом вставил ногу в стремя и едва заметно свистнул. Конь поднялся. Весь отряд – двадцать человек – последовал его примеру; всадники вскочили в седла еще до того, как кони полностью поднялись.

Убегающим бандитам со страху померещилось, что на них из земли внезапно налетела полностью вооруженная кавалерия. Семеро отчаянно запаниковали: кто бросился ничком на землю, а кто моментально поднял руки, сдаваясь. Октавиан, не позволяя налетчикам отвлекаться, вытащил из ножен меч. Вожак с обреченным видом следил за его действиями, а потом отчаянно сплюнул.

– Ну давай, прикончи нас, – не удержался он.

Несмотря на внешний фатализм, разбойник прекрасно видел и понимал позицию всадников и, когда все пути к отступлению оказались отрезанными, почувствовал даже некое облегчение. Он

слышал, что на короткой дистанции человек иногда способен обогнать лошадь, однако, глядя на мощных лоснящихся коней отборного отряда, трудно было даже представить себе такое.

Как только у налетчиков отобрали оружие, Октавиан отстегнул от седла шлем и надел его. Плюмаж слегка развевался на ветру, делая юношу выше ростом и придавая ему внушительный и даже несколько устрашающий вид. Сам он очень гордился приобретением и считал, что не зря потратил на него почти половину месячного жалованья. Бандиты смотрели на своего победителя с немым ужасом, ожидая, когда он отдаст приказ зарезать всех до одного.

– Не думаю, что против вашего хозяина можно будет выдвинуть обоснованное обвинение, – заговорил Октавиан.

Вожак снова сплюнул.

– Не знаю никакого хозяина, солдат, кроме денег, – проворчал он, и лицо его неожиданно приобрело хитрое выражение: прощельяга явно почувствовал, что назревает нечто интересное.

– Но ведь позволить ему выйти сухим из воды даже без добротной взбучки было бы просто нечестно, разве не так?

Октавиан старался казаться невинным и в то же время всеведущим.

Налетчики кивнули. Даже самые тупые уже начали понимать, что убивать их никто не собирается.

– Если ты нас отпустишь, я смогу разыскать этого человека, – предложил вождь, изо всех сил стараясь не позволить себе надеяться на избавление.

Выросшему в городе человеку лошади казались чем-то ужасающим. Он ведь даже не представлял, насколько они огромны, и сейчас то и дело вздрагивал, стоило одной из них заржать или хотя бы фыркнуть.

Октавиан подбросил в воздух небольшой кошелек, и разбойник с готовностью поймал его, а потом, взвесив в руке, отправил в глубокий карман.

– Сделайте дело профессионально, – напутствовал Октавиан и отвел коня в сторону, открывая пленникам дорогу.

Проходя между всадниками, те даже попытались отсалютовать, а потом, боясь оглянуться, поспешно направились к городу.

Еще не проголосовали последние сотни избирателей, а Юлий уже знал, что и он сам, и Бибул получили должности консулов. Сенаторы тут же начали виться вокруг обоих, словно пчелы, а на толстой физиономии Бибула появилось настолько забавное озадаченное выражение, что трудно было сдержать улыбку.

Юлия то и дело кто-то хватал за плечо, кто-то постоянно пожимал ему руку – причем поздравляли совершенно неизвестные люди. Не успел он полностью осознать изменение собственного статуса, как со всех сторон посыпались просьбы, предложения и даже инвестиционные проекты. Такое преувеличенное внимание раздражало и стесняло. Где же были все эти улыбающиеся сторонники и помощники раньше, во время нелегкой избирательной кампании?

По сравнению с дешевой сердечностью сенаторов поздравления Помпея и Красса казались особенно ценными, особенно если учесть, что Помпею легче было съесть кусок стекла, чем произнести простые слова признания чужого успеха – а особенно успеха молодого Цезаря. Однако Юлий пожал протянутую руку просто и естественно, не выдавая удовольствия. Все мысли нового консула уже сосредоточились на будущем. Не важно, кого граждане Рима выбрали в качестве новых руководителей сената. Пока еще прежние консулы обладали в городе реальной силой, и лишь полный глупец мог в момент триумфа выказать в их адрес хоть малейшее презрение.

Магистрат поднялся на небольшой подиум, чтобы распустить последние из центурий. Люди, склонив головы, слушали слова благодарности, закончившиеся традиционным призывом:

– Расходитесь!

Граждане поступили так, как было приказано, и со смехом и шутками разошлись, направляясь к городу, ворота которого до сей поры оставались опечатанными.

Отец и сын – Пранд и Светоний – тоже подошли, чтобы поздравить победителя, и Юлий постарался разговаривать с ними как можно более дружелюбно, стремясь использовать шанс вновь навести те мосты, которые оказались сломанными и в далеком, и в совсем недавнем прошлом, во время избирательной кампании. Он мог позволить себе подобный жест, и Пранд, судя по всему, принял благие намерения и слегка поклонился вновь избранному римскому консулу.

Однако Светоний смотрел прямо перед собой: он так и не смог смириться с поражением.

Люди Помпея привели лошадей. Принимая поводья, Цезарь поднял голову: сидя в седле, сверху вниз на него пристально смотрел Помпей. Выражение лица экс-консула казалось непроницаемым.

– Пройдут еще долгие часы, Юлий, прежде чем сенаторы снова соберутся, чтобы утвердить новые назначения. Так что если ты поедешь с нами прямо сейчас, то курия окажется в нашем полном распоряжении.

Красс же склонился и произнес почти шепотом:

– Можешь довериться мне еще раз?

Юлий взглянул на консулов и сразу ощутил огромное напряжение, с которым оба ожидали его ответа. Без колебаний он взлетел в седло и поднял руку, приветствуя толпу. Избиратели ответили дружным приветственным возгласом, и тройка всадников помчалась по полю в сопровождении целой центурии кавалеристов Помпея. Скоро они стали едва заметными точками в пространстве поля.

Глава 20

Трое всадников ехали по улицам казавшегося странно пустым города: жители его еще не вернулись с выборов. Юлий невольно вспомнил дождливый рассвет, когда он в одиночестве шагал по городу, скованному комендантским часом, а затем попал в тот страшный подвал, где пытали сообщников Катилины. Спешившись возле здания сената, он взглянул на Красса, и консул вопросительно поднял брови, пытаясь отгадать причину пристального взгляда.

Юлий еще ни разу не бывал в пустом зале сената. Все трое прошли вперед и сели на скамейку перед трибуной. Каждый шаг отдавался гулким эхом. Дверь осталась открытой, и через нее заглядывало яркое солнце, озаряя своим золотым светом мраморные стены, сразу ставшие теплыми и уютными. Словно сбросив с плеч тяжкий груз, Юлий откинулся на деревянную спинку. Он только что начал осознавать собственную победу и не смог сдержать довольную улыбку.

– Мы с Крассом решили, что беседа без свидетелей, до того как сенаторы соберутся на заседание, пойдет нам всем на пользу, –

заговорил Помпей. Он поднялся и начал мерить шагами пространство. – Сбережем для публики цветистые фразы и признаем открыто, что отношения между нами трудно назвать дружескими. Надеюсь, можно говорить об уважении, но никак не о симпатии. – Консул замолчал, и Красс пожал плечами. Юлий сидел неподвижно. – Если мы не достигнем договоренности относительно грядущего года, – продолжил Помпей, – то, полагаю, он окажется потерянным для Рима. От вас, конечно, не укрылось то влияние, которое Светоний оказывает на Бибула. А сенату уже просто надоело из года в год выслушивать его жалобы на тебя, Цезарь. Так что вдвоем они умудрятся заблокировать любое из твоих начинаний – настолько, что нельзя будет предпринять ровным счетом ничего. Такое правление не пойдет городу во благо.

Юлий внимательно слушал Помпея и вспоминал первую встречу в этом самом зале. Консул, конечно, был прекрасным тактиком – и на поле брани, и в сенате, однако и ему самому, и Крассу предстояло пережить утрату столь дорогой сердцу власти. А потеря власти неизбежно повлечет за собой и потерю уважения. Именно это, а вовсе не забота о благополучии Рима побудило обоих привезти сюда нового консула. Что и говорить, сделка могла бы оказаться возможной – притом, что условия ее будут выгодными для всех.

– Я уже думал об этом, – наконец произнес Юлий.

Светоний оставил лошадь в небольшой конюшне той гостиницы, в которой снял комнату на день выборов. Отец не желал с ним разговаривать, а когда он выразил сочувствие по поводу поражения на выборах, тот едва кивнул в ответ. Сенатор Пранд быстро пообедал и отправился наверх, в свой номер, оставив сына в одиночестве – топить в дешевом вине горечь поражения.

Дверь в таверну открылась, и Светоний поднял голову, надеясь увидеть Бибула. Да нет, тот, скорее всего, уже в своем мраморном дворце в самом центре города – наслаждается обществом юных рабов и не думает ровным счетом ни о чем. Светоний еще не осознал в полной мере, что именно означает консульство Бибула. Первой в голову пришла паническая мысль: консульская неприкосновенность отнимет у него ту власть над толстяком, которой он так умело жонглировал. Однако подобные опасения интриган отмел без малейших колебаний. Неприкосновенность сама по себе, но Бибул все

равно будет бояться, что его пристрастия окажутся известны всему городу. Так что, возможно, новое положение толстяка имеет и свои плюсы. Конечно, это совсем не то, что он, Светоний, планировал, но иметь собственного, карманного консула – такое что-нибудь да значит. Молодой человек решил навестить друга и напомнить ему об обязательствах.

Вошедший в таверну человек оказался чужим, и Светоний не обратил на него никакого внимания. Выпил он уже немало, а потому даже не испугался, когда вошедший откашлялся и заговорил:

– Господин, мальчишка из конюшни просил передать, что с твоей лошастью что-то неладно. Кажется, она серьезно поранила ногу.

– Если это так, ему не поздоровится, – выпалил в ответ Светоний, чересчур поспешно вскакивая с места.

Он едва заметил, что ему положили руку на плечо и таким образом вывели из таверны в темный двор.

Свежий ночной воздух немного рассеял застилавший голову плотный винный туман, и, войдя в тесную конюшню, Светоний сбросил с плеча чужую руку. Народу во дворе собралось много – слишком много, чтобы ухаживать за лошадьми. И все они улыбались вошедшему. Светония охватил холодный страх.

– Что вам всем нужно? И кто вы такие? – попытался он взять инициативу в свои руки.

Предводитель бандитов выступил из тени, и выражение его лица повергло Светония в откровенный ужас.

– Для меня это всего лишь работа, хотя я и стараюсь выполнять ее с душой, – произнес он, направляясь к молодому римлянину.

Светония схватили за обе руки и крепко зажали ему рот. Невозможно было ни пошевелиться, ни закричать.

Вожак с угрожающим видом размял кулаки.

– Гаси свет, ребята. Для этого мне лампы не нужны, – коротко распорядился он, и в полной тьме раздались глухие частые удары.

Цезарь пожалел о том, что накануне провел бессонную ночь. Усталость давила тяжким бременем, а именно сейчас, при заключении сделки с консулами, требовалась вся острота ума.

– Вместе вы сможете получить в сенате поддержку, вполне достаточную для того, чтобы осуществить любой замысел, – заметил

он.

– Только в том случае, если замысел не наткнется на консульское вето, – парировал Помпей.

Юлий пожал плечами:

– Об этом не беспокойтесь. Как только придет время, я разберусь с Бибулом. – Помпей с удивлением уставился на молодого человека, а Цезарь продолжал: – Если не учитывать право вето, то ваша фракция в сенате окажется вполне действенной. Вопрос лишь в том, что я должен дать в обмен на поддержку с ее стороны.

– Не думаю... – неуверенно начал Красс, но Помпей тут же прервал его предостерегающим жестом:

– Пусть говорит, Красс. Мы с тобой уже достаточно долго обсуждали этот вопрос, однако так и не пришли к общему решению. Мне хочется услышать, что у него на уме.

Юлий усмехнулся: подобному энтузиазму можно лишь позавидовать.

– Крассу нужна возможность торговать. Мы вдвоем, Помпей, способны предоставить ему абсолютную монополию во всех римских землях. Скажем, лицензию на два года. Он зажмет в кулаке каждую монетку в доминионах, и все же я не сомневаюсь, что общее богатство при этом возрастет. Насколько я знаю Красса, при его активном содействии казна Рима меньше чем за год наполнится до отказа.

Красс улыбнулся комплименту, однако, судя по всему, слова его не слишком тронули. Юлий надеялся, что одной лишь лицензии окажется достаточно, чтобы заручиться поддержкой Красса, но на деле все оказалось иначе. Сделка должна была устраивать всех целиком и полностью, иначе она развалилась бы при первом же осложнении.

– Но, может быть, этого недостаточно? – уточнил он, внимательно глядя на собеседников.

Помпей казался заинтересованным, а Красс погрузился в глубокие размышления. Идея полного контроля над сферой торговли казалась ему поистине вдохновляющей – он куда лучше Юлия знал, чего сможет достичь, обладая подобной властью. Конкуренты будут сметены одним мановением руки, их дома и рабы пойдут с молотка. За короткое время он смог бы втрое увеличить свои земли и создать огромный торговый флот – самый большой в мире. Смог бы презреть грозные штормы и смело отправлять корабли в чудесные страны –

Египет и Индию – и даже в те земли, которым еще и не придумали названия. Впрочем, лицо консула оставалось совершенно бесстрастным. Больше того, он даже постарался слегка нахмуриться, чтобы молодой человек продолжил перечислять предложения и уговаривать. Но мысли консула в это время уже обратились к плану будущего флота.

– А как насчет твоих собственных условий, Юлий? – нетерпеливо уточнил Помпей.

– Мне необходимы шесть месяцев совместной с вами работы в сенате. Обещания жителям Рима не пусты. Необходимо выработать новые законы и уложения. Некоторые из них могут покоробить традиционно настроенных сенаторов, а потому мне необходимы ваши голоса, чтобы преодолеть возражения. Народ выбрал меня, так надо постараться, чтобы ни Бибул, ни беззубые старцы не мешали работать.

– Что-то не вижу, какие привилегии в данных условиях ожидают именно меня, – заметил Помпей.

Юлий удивленно поднял брови:

– Если не считать блага Рима, разумеется.

Помпей покраснел, и Цезарь улыбнулся, пытаясь смягчить колкость. Ведь одним неловким шагом можно было испортить все достигнутое.

– Твои собственные желания, друг мой, достаточно просты, – продолжил он. – Тебе необходима полная и абсолютная власть – власть диктатора. Впрочем, подобное название может и не понравиться. Мы с Крассом обязуемся поддерживать любое твоё выступление в сенате. Любое. Таким образом, втроем мы сможем надёжно держать сенаторов в своих руках.

– Это немало, – спокойно согласился Помпей.

Предложение Юлия полностью подрывало идею существования двух консулов как противовеса, однако политик не отважился упомянуть об этом.

Цезарь кивнул:

– Если бы я считал тебя мелким человеком, то не стал бы предлагать подобное. В прошлом между нами возникали разногласия, но мне никогда не приходило в голову ставить под сомнение твою любовь к Риму. А разве кто-нибудь знает консула Помпея лучше меня?

Вспомни, что мы вместе уничтожили Катона. Твоя деятельность принесет родному городу лишь благо.

Возможно, лесть оказалась слишком откровенной, хотя Юлий с удивлением понял, что и сам почти верит собственным словам. Помпей проявил себя надежным лидером и наверняка будет защищать интересы Рима убежденно и самоотверженно, даже если никогда не сумеет их расширить.

– Я тебе не доверяю, Цезарь, – сурово парировал Помпей. – Все эти обещания могут пойти прахом, если связь между нами не станет крепче. – Он негромко откашлялся. – Мне нужно подтверждение твоей доброй воли. Доказательство поддержки, которое окажется погуще воздуха.

– Тогда скажи, что именно может послужить таким доказательством, – пожал плечами Цезарь.

– Сколько лет твоей дочери? – спросил Помпей.

Он был совершенно серьезен, и Юлий тотчас понял, что именно имеет в виду консул.

– В этом году исполнилось десять, Помпей. Девочка слишком мала для тебя.

– Ей не всегда будет десять. Так вот, свяжи со мной свою кровь, и я приму твои обещания. Моя жена в могиле уже больше трех лет, а мужчине негоже оставаться в одиночестве. Как только дочке исполнится четырнадцать, пришли ее ко мне, и я тут же стану твоим зятем.

Цезарь устало потер глаза. Как много зависит от соглашения с этими старыми волками! Если бы дочь была одним из его легионеров, он отдал бы ее в жертву без малейшего сомнения!

– В шестнадцать, – наконец медленно, тяжело произнес он. – Она стает твоей невестой в шестнадцать лет.

Помпей просиял, вытянул руку для дружеского пожатия и кивнул. Юлий с холодным сердцем сжал ладонь союзника. Теперь оба консула принадлежат ему, осталось уладить лишь кое-какие мелкие детали. Однако мысль о Крассе все-таки беспокоила. В тишине курии Цезарь прислушивался к шагам легионеров Помпея, которые доносились с площади, и эти шаги подсказали решение проблемы.

– Легион в придачу, Красс, – быстро произнес он. – Новый орел на Марсовом поле, вознесшийся в твою честь. Мои лучшие офицеры в

течение полугода будут обучать и тренировать солдат. Наберем их в провинции – десять тысяч простых парней, которые в ином случае не получили бы возможности сражаться за Рим. Они будут принадлежать лично тебе, Красс, и, должен признаться, нет на свете большей радости, чем создать из этих ребят новый легион. Я все сделаю сам, а ты лишь наденешь плюмаж военачальника.

Красс пристально посмотрел на собеседников, явно оценивая предложение. Он мечтал о командовании со времени безуспешной схватки со Спартаксом, однако не переставал сомневаться в собственных возможностях: сумеет ли он руководить так, как Помпей или Цезарь? Юлий говорил настолько красиво, что все казалось возможным. И все же консул решил выразить свои сомнения.

Цезарь, успокаивая, накрыл ладонью руку Красса:

– Я набирал людей в Африке и Греции и создавал из них военные отряды. А с римлянами это гораздо легче. Катилина обнаружил в нашем городе слабое звено, и если мы стремимся к процветанию Рима и расширению торговли, то непременно должны его устранить. Разве я не прав? Кроме всего прочего, столице необходимы сильные люди, которые смогут надежно защитить ее стены.

Красс покраснел.

– Но... смогу ли я командовать людьми так, как требуется? – едва слышно пробормотал он сквозь сжатые зубы.

Юлий по достоинству оценил выдержку политика, он понимал, чего стоило это признание в присутствии Помпея, однако в ответ лишь слегка нахмурился.

– Я тоже не сразу всему научился, – ответил он. – Заслуга принадлежит Марию и Рению. Ну и конечно, Помпей сделал очень много – и личным примером, и тренировкой. Никто не рождается полководцем, Красс. На первых порах я буду следить и помогать, и Помпей наверняка не откажет в совете. Он тоже понимает, что для надежной защиты Риму просто необходим второй легион. И вряд ли согласится сотрудничать с кем-то иным, кроме тебя.

Оба взглянули на Помпея, и тот немедленно отозвался:

– Все что угодно, Красс. Юлий говорит дело. – Собеседники улыбнулись, а Помпей продолжал: – Ты нарисовал весьма привлекательную картину, Цезарь. Крассу торговля и легион, мне –

молодая невеста и любимый город. Но до сих пор ты не определил цену своей щедрости. Так не таи же ее, открой!

Красс вмешался:

– Я готов принять высказанные условия с двумя добавлениями: во-первых, лицензия не на два года, а на пять, а во-вторых, предоставление моему старшему сыну, Публию, офицерской должности в Десятом легионе. Он должен стать трибуном. Я уже далеко не молод, Юлий, и сын должен получить возможность командовать новым легионом после меня.

– Согласен, – коротко заключил Цезарь.

Помпей нетерпеливо откашлялся:

– Но все-таки чего же хочешь ты, Цезарь?

Юлий снова потер глаза, словно пытаясь скрыть собственные мысли. Он вовсе не планировал связать свою семью с родом Помпея, но этот брак позволит дочери попасть в круг высшей римской аристократии. Сделка, конечно, имеет смысл. Оба консула слишком опытные и старые политики, чтобы отвергать подобное предложение. Да и в любом случае оно гораздо выгоднее даже частичной потери их сотрудничества и поддержки. Юлий хорошо знал, как затягивает власть, как трудно от нее отказаться, испытав силу и неограниченные возможности. Ничто не может доставить такого удовлетворения, как лидерство. Он взглянул на собеседников открыто и ясно:

– Когда закончатся шесть месяцев моего правления, а те законы, которые я считаю необходимыми, будут приняты, ситуация станет значительно проще. Я считаю необходимым вывести два своих легиона в новые земли. Передам полномочия Помпею, но лишь с тем условием, что вы оба подпишете приказы, предоставляющие мне полную свободу вербовать солдат, заключать соглашения и издавать законы – все от имени Рима. Причем отвечать ни перед кем, кроме себя самого, я не собираюсь и никаких отчетов посылать не намерен.

– Но будет ли такое положение иметь законную силу? – уточнил Красс.

Помпей утвердительно кивнул.

– Если консульские полномочия будут переданы мне, все пройдет вполне законно, – ответил он. – Прецеденты существуют. – Потом консул нахмурился и уточнил: – Куда именно ты собираешься вести свои легионы, в какие земли?

Юлий улыбнулся, вдохновленный собственным энтузиазмом. Как он спорил с друзьями по поводу ценности той или другой страны! Но в конце концов путь оказался определен точно и бесповоротно. Александр проложил путь на восток, и вслед за великим полководцем по этой дороге пошли многие. Он же отправится на запад!

– Меня привлекают варварские страны, друзья, – наконец ответил он. – И больше всего манит Галлия.

В полном вооружении и доспехах, Юлий шагал к дому Бибула. Помпей и Красс считали, что ему хорошо известно, как приручить соконсула, однако на самом деле он до сих пор не представлял себе с полной ясностью, как не позволить Бибулу и Светонию смешать все его планы.

Молодой консул яростно сжал кулаки. Он отдал дочь, пообещал Помпею и Крассу время, деньги и власть. Взамен же надеялся получить свободу, которой не располагал еще ни один римский полководец за всю историю Вечного города. Сципион Африканский не обладал той властью, которую Юлий стремился обрести в Галлии. Даже Марий отчитывался перед сенатом. Цезарь же вовсе не собирался упускать из рук дарованную возможность из-за одного человека, чего бы это ему ни стоило.

При виде стремительно шагающего воина люди расступались. Некоторые из прохожих узнавали его и тут же замолкали, внимательно разглядывая. Выражение лица и походка нового консула полностью исключали всякую возможность обратиться к нему с приветствиями или поздравлением; больше того, многие недоумевали, какая новость так рассердила молодого политика в первый же день успеха.

Не обращая внимания на окружающих, Юлий стремительно подошел к великолепному особняку Бибула. Решительно поднял руку и постучал в дубовую дверь. Он не позволит остановить себя здесь, прямо на пороге.

Дверь открыл юноша-раб с таким накрашенным лицом, что выражение его казалось похотливым, даже несмотря на то, что мальчик сразу узнал посетителя и от удивления широко раскрыл глаза.

– Я римский консул. Ты знаком с законом?

Раб в ужасе кивнул.

– Тогда не смей преграждать путь. Едва осмелишься дотронуться до моего рукава, как сразу умрешь. Я пришел к твоему хозяину. Веди сейчас же.

– К-консул...

Раскрашенный юноша попытался упасть на колени, но Юлий поторопил:

– Быстро!

Других доводов не потребовалось. Раб повернулся и почти бегом бросился в глубину дома, оставив дверь открытой.

Юлий решительно направился следом, по комнатам, в которых заметил добрую дюжину таких же раскрашенных детей. При виде столь угрожающей личности все они замерли от ужаса. Кто-то изумленно вскрикнул, и Юлий внимательно осмотрелся. Судя по всему, взрослых слуг в этом доме не держали. Дети же были одеты так, что невольно приходило на ум заведение Сервилиии.

В задумчивости консул едва не отстал от своего проводника. Но тут же ускорил шаг, и раб еще быстрее побежал по коридорам и анфиладам комнат. Наконец оба достигли ярко освещенного зала.

– Господин! – воскликнул раб. – Пришел консул Цезарь! Он желает тебя видеть!

Юлий резко остановился, тяжело дыша от переполнявшего душу гнева. Бибул сидел на большом диване, а над ним, низко склонившись и шепча что-то в самое ухо, стоял Светоний. Вдоль стен выстроились несколько хорошеньких рабов и рабынь, а два обнаженных мальчика сидели у самых ног мужчин. Невозможно было не заметить, что лица детей покраснели от вина, а глаза кажутся значительно старше тела. Юлий невольно вздрогнул и перевел взгляд на Светония:

– Убирайся отсюда немедленно.

Заметив Юлия, Светоний выпрямился, словно в трансе. Лицо его обезобразила внутренняя борьба: консула невозможно ни задержать, ни обвинить. Если он оскорбит Цезаря, от кары не спасет даже звание сенатора.

Юлий, словно случайно, положил руку на рукоятку меча. Он прекрасно понимал, что без поддержки друга Бибул сразу потеряет уверенность в себе. Это было ясно даже тогда, когда Юлий еще не имел действенного рычага для борьбы с Бибулом. Сейчас же он совершенно неожиданно для себя самого обрел его.

В поисках поддержки Светоний взглянул на хозяина дома, но увидел в его глазах лишь откровенный ужас. Юлий уже шагал по зеркальному мраморному полу, однако Светоний все-таки не двигался, ожидая хотя бы единственного слова, которое позволит ему остаться.

Бибул, замерев, наблюдал, как Цезарь не спеша подошел к Светонию и склонился над ним.

– Убирайся, – тихо повторил консул, и Светония словно ветром сдуло.

Теперь Юлий повернулся к Бибулу, и тот обрел дар речи.

– Это мой дом, – запинаясь, пролепетал он.

Юлий рывкнул так, что соконсул забился в дальний угол огромного дивана:

– Мразь! Ты осмеливаешься разговаривать со мной, когда у твоих ног сидят эти дети! Если бы я убил тебя прямо сейчас, это стало бы благословением для Рима! Но лучше я отсеку то последнее, что еще делает тебя мужчиной! Немедленно!

Выхватив меч, Юлий сделал шаг к дивану, и Бибул с громким криком отпрянул. Обливаясь слезами, он словно замороженный смотрел на застывший у паха меч.

– Умоляю... – наконец пролепетал он.

Юлий дотронулся мечом до складок одежды несчастного. Бибул вжался в спинку дивана – дальше отступить было уже некуда.

– Пожалуйста, что угодно... – зарыдал Бибул, и его лицо искажилось неподдельным страданием.

Цезарь понимал, что судьба наделила его поистине безграничными возможностями. Парочка отборных угроз, и этот нелепый консул уже никогда не осмелится показаться в сенате. Как только Юлий заговорил, один из сидящих на полу детей пошевелился и невольно привлек к себе взгляд молодого консула. Мальчик смотрел не на гостя, а на своего господина; он даже вытянул шею, чтобы лучше разглядеть выражение его лица. Во внимательном взгляде сквозила ненависть, ужасная в столь юном возрасте. Мальчик был худ настолько, что можно было пересчитать ребра, а на шее красовался огромный лиловый синяк. Ребенок был примерно одного возраста с дочерью Цезаря. Юлий гневно взглянул на Бибула:

– Продай своих рабов. Немедленно. Продай тем людям, которые не будут над ними издеваться, и пришли мне адреса, чтобы я мог

проверить жизнь каждого. Тебе же придется существовать в одиночестве – если я вообще оставлю тебя в живых.

Не переставая дрожать, Бибул кивнул:

– Да, да, конечно! Я все сделаю – только... не режь меня.

Толстяк снова завыл, а Юлий, не сдержавшись, дважды наотмашь ударил его по лицу, отчего голова новоиспеченного соконсула запрокинулась. В уголке рта показалась тонкая струйка крови, и он задрожал еще сильнее.

– Клянусь всеми богами, что если замечу тебя в сенате, то не поможет никакая неприкосновенность. Уж я позабочусь, чтобы тебя отправили куда-нибудь подальше, где никто и никогда не увидит этой физиономии и не услышит нытья. А сам ты будешь умолять о смерти.

– Но я же консул! – пропищал Бибул.

Юлий снова пошевелил острием меча складки одежды:

– Это пустой звук. Я не потерплю в сенате рядом с собой человека подобного тебе. Никогда в жизни. Твоя песенка спета.

– А он еще будет меня обижать? – неожиданно поднял голос мальчик.

Юлий взглянул на него и увидел, что ребенок поднялся на ноги. Успокаивая, отрицательно покачал головой.

– Тогда дай мне нож. Я убью его, – решительно потребовал мальчик.

Юлий заглянул в глаза мальчика и увидел выражение нешуточной решимости.

– Если ты это сделаешь, тебя самого убьют, – негромко предупредил он.

Несчастный ребенок равнодушно пожал плечами:

– Ну и пусть. Все равно – дай мне нож, и я сделаю это.

Бибул открыл было рот, но Юлий тут же угрожающе повел мечом:

– Сиди тихо. Здесь разговаривают мужчины. А ты вовсе ни при чем. – Он снова взглянул на мальчика и заметил, что тот выпрямился, приняв уверенную позу. – Если ты настаиваешь, парень, то я не буду тебя останавливать, но, если честно, от живого будет больше толку, чем от мертвого. По крайней мере сейчас.

И действительно, труп означал бы еще одни выборы и нового соперника, который мог оказаться вовсе не таким слабым, как Бибул. И все-таки Юлий не отослал мальчика.

– Он нужен тебе живым? – уточнил ребенок.

Консул смерил его долгим внимательным взглядом, а потом кивнул.

– Ладно, пусть остается. Только тогда мне непременно нужно сегодня же уйти отсюда.

– Я постараюсь подыскать тебе новое место. Обещаю.

– И не мне одному. Нам всем. Мы не можем больше оставаться здесь ни единой ночи.

Юлий взглянул на ребенка с удивлением:

– Вы все?

– Да, все до единого, – ответил мальчик, глядя прямо в глаза взрослому, сильному человеку.

Юлий не выдержал и первым отвел взгляд:

– Ну что ж, пусть будет так. Соберитесь у входной двери и подождите меня. Я еще немного поговорю с вашим хозяином, а потом отправлюсь с вами.

– Спасибо, добрый господин, – с благодарностью поклонился мальчик.

Все дети выскочили из комнаты, и теперь тишину нарушало лишь затрудненное дыхание их господина.

– Как ты об этом узнал? – прошептал Бибул.

– Пока не увидел всю эту ватагу, я и понятия не имел, кто ты такой на самом деле. Но если бы и не узнал, ты все равно не стал бы чище! – прорычал в ответ Цезарь. – И учти, если ты только отважишься притащить в свой притон новых детей, я тотчас об этом узнаю. Едва мальчик или девочка перешагнет порог этого грязного дома, мне все моментально станет известно, и тогда прощения тебе уже не будет. Понимаешь, о чем я? Сенат теперь мой. Полностью.

Произнеся последнее слово, Юлий резко повел мечом, и Бибул вскрикнул, обмочившись от ужаса. Со стоном он схватился за расплывающееся по тоге пятно мочи, слегка окрашенное кровью. Юлий же, внезапно успокоившись, сунул меч в ножны, резко повернулся и направился к выходу, где его ждали больше тридцати маленьких рабов. Каждый из беглецов сжимал в ручонках небольшой сверток с одеждой. В свете ламп расширенные от страха глаза детей казались особенно жалобными.

– Решено, – обратился к ним Цезарь. – Сегодняшнюю ночь вы проведете в моем собственном доме. А скоро я найду каждому из вас семью, где будет тепло и уютно.

Глаза детей наполнились благодарностью и неподдельным счастьем, и Юлию неожиданно стало стыдно: ведь он пришел в этот дом вовсе не ради них.

Глава 21

Лето прошло чередой долгих, наполненных трудами и заботами дней, но до зимы было еще далеко. У городских ворот Юлий сел на коня и направился в сторону легионов, стоящих лагерем на Марсовом поле. Крепко сжав поводья, он оглянулся, стараясь унести с собой образ города. Кто знает, сколько месяцев и лет ему придется провести в далекой Галлии? Путешественники и купцы, которым довелось побывать в маленьком римском лагере у далекого подножия Альп, рассказывали, что это отчаянно неприятное место: холоднее они просто не встречали. Юлий исчерпал все свои кредиты, но постарался как можно лучше одеть и накормить все десять тысяч легионеров. Конечно, он понимал, что долги придется отдавать, но сейчас старался не думать об этом – не хотелось портить последние минуты прощания с родным городом неприятными мыслями.

Ворота были открыты, и за ними вдалеке виднелось Марсово поле. Стройные ряды солдат в серебристых доспехах терпеливо ждали своего полководца. Юлий не сомневался в силе и мастерстве собственного Десятого легиона, да и Брут постарался из недавно набранных воинов создать боеспособную часть. Никто из легионеров уже почти целый год не получал отпуск. Никто не терял времени понапрасну. Цезарь одобрил название, которое дал своему легиону Брут, – Третий галльский. Воины должны были закалиться на той самой земле, в честь которой и получили имя.

Брут и Октавиан тоже уже сидели верхом, а Домиций в последний раз проверял подпругу. Глядя на серебряные доспехи офицеров, Юлий не смог сдержать улыбки. Все трое боевой доблестью завоевали право носить столь заметное боевое украшение, однако в городе, пусть и у самых ворот, они представляли необычное зрелище – настолько любопытное, что вокруг уже собралась целая ватага мальчишек. И

неудивительно. Каждая, даже самая мелкая деталь лат ярко блестела, любовно начищенная, так что ехать рядом с красавцами было одно удовольствие.

Юлий снова пожалел о том, что в походе не принимает участие Саломин. Увы, ему так и не удалось убедить доблестного бойца отправиться в составе легионов в Галлию. Саломин пустился в долгие рассуждения относительно понятия чести у римлян, и Юлий терпеливо выслушал его. Позорный поступок Помпея возымел свое действие, и Цезарь, получив решительный отказ на первое свое предложение, не стал настаивать и упорствовать.

Месяцы работы в сенате оказались весьма успешными, даже более результативными, чем можно было ожидать. Идея триумvirата полностью себя оправдала. Красс быстро реализовал предоставленное право монопольной торговли, а его огромный флот уже уверенно соперничал с карфагенским. Лучшие офицеры Десятого легиона работали с его воинами, а после ухода в Галлию дело должен был взять в свои руки Помпей. За время совместной деятельности все трое прониклись друг к другу уважением и научились сотрудничать, учитывая особенности характера и поведения каждого. Заключение сделки даром не прошло.

После событий в собственном особняке Бибула не видели ни на одном из заседаний сената. По городу поползли слухи о продолжительной болезни соконсула, но Цезарь ни словом не обмолвился об истинном положении вещей. Он сдержал данное маленьким рабам обещание и отдал их на воспитание в надежные, любящие семьи. Чувство стыда за то, что страдания детей помогли добиться цели ему самому, побудило консула выкупить их на свободу, хотя эта операция заметно истощила его фонды. Удивительно, но этот простой поступок принес новому консулу более глубокое удовлетворение, чем все остальные начинания.

– Брут! – раздался вдруг звонкий женский голос.

Юлий развернул коня, а Брут с радостной улыбкой наблюдал, как сквозь плотную толпу зевак к воротам пробивается Александрия. Подойдя, она встала на цыпочки, чтобы поцеловать любимого, но Брут легко поднял красавицу и посадил в седло перед собой. Юлий отвел взгляд, делая вид, что ничего не заметил. Глядя на счастье друга, невозможно было не думать о Сервилии.

Когда Александрия наконец снова очутилась на земле, Цезарь заметил в ее руках сверток. Еще не остыв от жаркого поцелуя Брута, девушка смущенно протянула его консулу. Юлий принял подарок и бережно развернул ткань. Чудо! Перед ним предстал искусно выкованный шлем. Металл был тщательно отполирован маслом, но самым удивительным казалось то, что забрало было выполнено в форме человеческого лица и точно повторяло черты самого Цезаря.

Консул бережно поднял шлем над головой, а потом надел его, нажал на забрало и услышал негромкий щелчок. Шлем подходил безупречно – словно был сделан после множества примерок. Прорези для глаз оказались достаточно широкими и позволяли прекрасно видеть все, что происходило вокруг. Лица товарищей говорили именно о том эффекте, которого и добивалась художница.

– Выражение не слишком дружелюбное, – пробормотал Октавиан, не в силах отвести взгляд.

Брут согласно кивнул, а Александрия поставила ногу в стремя Юлия и поднялась, чтобы поговорить наедине:

– Надеюсь, он защитит тебя лучше, чем тот шлем, который ты носишь обычно. Наверху есть прорезь для плюмажа, если он тебе понадобится. Второго такого шлема нет больше ни у кого.

Цезарь взглянул на мастерицу сквозь железную маску и на какую-то долю секунды возмечтал, чтобы она могла принадлежать ему, а не другу.

– Спасибо, он просто безупречен, – искренне поблагодарил консул.

Нагнувшись, обнял красавицу, едва не утонув в терпком, густом аромате ее духов. Противиться порыву не было сил, и Юлий быстро снял шлем. Александрия стояла, покрасневшись не только от жары. В конце концов, легион сможет подождать и еще немного. А он сам все-таки попробует до отъезда встретиться с Сервилией.

– Александрия, прошу нас извинить. Друзья! У меня в городе есть срочное дело. Завершив его, мы сможем присоединиться к легионам!

Домиций тут же вскочил в седло, а двое других всадников развернули коней. Александрия послала любимому воздушный поцелуй. Цезарь прищипорил коня, и всадники стремительно поскакали по улице, заставив толпу броситься врассыпную.

Подъезжая к дому Сервилии, Брут казался уже не таким счастливым, как во время встречи с Александрией. Окончание любовной истории Цезаря и его собственной матери не могло не радовать. Но сейчас, при виде решительного выражения на лице друга, он едва не застонал. Оказывается, радоваться рано. Можно было предвидеть, что Юлий просто так не сдастся.

– Ты уверен, что это следует делать? – не удержался Брут, когда друзья спешили возле дома Сервилии и отдали поводья ее рабам.

– Уверен! – коротко отрезал консул, стремительно направляясь к двери.

Консулу Рима беспрепятственно открывались все двери в городе, но каждый из четверых мужчин был по-своему знаком обитательницам заведения, так что Октавиан и Домиций задержались в холле, чтобы попрощаться с собственными подружками. Брут же поудобнее устроился на длинном мягком диване и приготовился к терпеливому ожиданию. Он заходил в этот дом лишь для того, чтобы навестить мать. Однако даже в этом факте было нечто, туманно намекавшее на инцест, а потому молодой человек из всех сил игнорировал живой интерес, который проявляли к нему девушки. Ведь у него была Александрия.

Юлий уверенно направился по коридору в комнаты Сервилии. Что он скажет? Ведь они не общались уже несколько месяцев! Впрочем, расставание несло собственную магию, а невозможность продолжения отношений могла подарить хотя бы дружбу.

Увидев Сервилию, Цезарь восхищенно застыл. На красавице была темно-синяя туника, оставлявшая открытыми стройную шею и нежные плечи. Но самое главное, на груди в изящной золотой оправе темнела подаренная им жемчужина. Да, Александрия действительно заслужила ту репутацию, которой пользовалась.

– Я уезжаю, Сервилия, – произнес Цезарь, подходя ближе. – В Галлию. Подумал о тебе, когда был уже у городских ворот, и вот, как видишь, вернулся.

Ему почудилось, что на губах красавицы мелькнула едва заметная улыбка, и это придало сил. Любимая никогда еще не выглядела такой изысканной, как сегодня. Этот образ он будет вспоминать постоянно – каким бы долгим ни оказался путь. Юлий крепко сжал руки Сервилии и заглянул ей в глаза:

– Может быть, поедешь со мной? Я приготовлю для тебя лучший экипаж. На юге Галлии есть римское поселение, и мы сможем всегда быть рядом.

– Чтобы тебе не пришлось искать там шлюх, Юлий? – тихо, но достаточно резко уточнила Сервилия. – Забеспокоился, что вдали от дома без женщины будет не слишком уютно?

Цезарь смотрел на бывшую любовницу изумленно, видя лишь почти пугающий своей искренностью холод.

– Не понимаю, о чем ты, – наконец произнес он.

Красавица с такой силой выдернула руки, что воин даже пошатнулся. Он ощущал сладкий, сводящий с ума запах ее духов. Когда-то вся она, целиком, принадлежала ему, а теперь он не имеет права даже взять ее за руку. Гнев переполнял душу.

– А ты жестока, Сервилия, – прошептал он.

Женщина лишь рассмеялась:

– Знаешь ли ты, сколько отвергнутых любовников устраивали сцены в этом доме? Среди них были и консулы. Или ты считаешь, что эти люди слишком могущественны, чтоб устраивать такого рода представления? Чего бы ты ни хотел от меня – не получишь! Понимаешь?

Где-то в глубине дома раздался мужской голос. Он звал Сервилию.

– Красс? Он что, у тебя?

Сервилия шагнула вперед и прижала руку к груди бывшего любовника. Лицо ее неожиданно стало жестоким, а голос моментально утратил всю свою притягательную мягкость, которую Юлий так любил.

– Не твое дело, с кем я встречаюсь!

Стерпеть это оказалось невозможно. В бессильном гневе Цезарь сжал кулаки. В запале безумия он хотел было сорвать с шеи предательницы жемчужину. Женщина, словно ощутив угрозу, отступила на пару шагов.

– Ах, так теперь ты его шлюха? Ну что ж, по крайней мере, он ближе тебе по возрасту, – почти прошипел молодой консул.

Сервилия с размаху отвесила ему пощечину, а Юлий в мгновение ока – так, что хлопки послышались почти одновременно, – ответил

собственным сильным ударом, от которого голова женщины подалась назад.

Левой рукой Сервилия вцепилась в лицо непрошеного гостя, оставив на нем кровавые следы длинных ногтей. Юлий прорычал что-то нечленораздельное и едва не ответил очередным ударом. Но к счастью, гнев внезапно покинул его, оставив в душе лишь глубокую пустоту. Консул остановился, не в силах сдержать тяжелое прерывистое дыхание. С подбородка капала кровь. Он тупо смотрел на красные точки на полу.

– Так вот каков ты на самом деле, – неподвижно стоя перед Цезарем, медленно произнесла Сервилия.

Он видел, что губы ее уже начинают распухать, и испугался собственной слабости.

Женщина усмехнулась:

– Интересно, что тебе скажет мой сын, когда вы снова с ним встретитесь?

Глаза ее злобно сверкнули, и Цезарь грустно покачал головой.

– Я готов отдать тебе все, Сервилия. Все что пожелаешь, – едва слышно произнес он.

Но любимая повернулась и ушла, оставив его в полном одиночестве.

Когда Юлий вышел в холл, Брут тут же вскочил с дивана. Рядом стояли Октавиан и Домиций. По выражению лиц товарищей Юлий понял, что они все слышали. Брут казался мертвенно-бледным, глаза его словно провалились, и друг внезапно испугался.

– Ты ударил ее? – бесцветным голосом спросил Брут.

Юлий непроизвольно дотронулся до окровавленной щеки.

– Не собираюсь объясняться даже с тобой, – коротко бросил он, направляясь к выходу.

Брут опустил руку на золотую рукоятку выигранного на турнире меча, но в тот же миг Домиций и Октавиан тоже схватились за оружие и встали между друзьями.

– Не смей! – почти крикнул Домиций. – Сейчас же отойди!

Брут медленно перевел взгляд с Юлия на тех двоих, что стояли перед ним с таким угрожающим видом.

– Вы действительно думаете, что способны меня остановить? – спросил он.

Домиций смотрел на него не отрываясь:

– Если это необходимо. Неужели ты считаешь, что меч сможет что-нибудь изменить? Все, что происходит между этими двоими, касается тебя не больше, чем меня самого. Так что остынь.

Брут разжал руку. Открыл рот, чтобы что-то ответить, но передумал и стремительно направился к лошадям. Вскочил в седло и, пришпорив своего жеребца, галопом помчался обратно к воротам.

Домиций вытер со лба холодный пот. Взглянул на Октавиана и ясно увидел волнение юноши, внезапно оказавшегося меж двух сил, которым он не мог противостоять.

– Он скоро успокоится, Октавиан, не сомневайся, – заверил воин друга.

– Поход вытрясет из него лишнее, – поддержал его Юлий, глядя вслед.

Ему самому хотелось верить, что случится именно так. Снова дотронувшись до щеки, он сморщился от боли.

– Не самое лучшее напутствие, – пробормотал Юлий, словно разговаривая с самим собой. – В путь, ребята. Теперь уже я долго не соскучусь по этому городу. Как только выедем за ворота, сразу освободимся от всего лишнего.

– Хотелось бы верить, – вставил Домиций, однако Юлий замечания не услышал.

Когда трое подъехали к городским воротам, Брут уже стоял в их тени. Цезарь не мог не заметить, что глаза друга все еще полны ярости, а лицо не потеряло свирепого выражения. Собравшись с духом, он поравнялся с ним.

– Да, Брут, не надо было возвращаться. Я совершил ошибку, – произнес он, пристально следя за движениями товарища.

Он любил Брута больше всех на свете, но если тому вдруг вздумалось бы снова схватиться за меч, то он готов был послать коня вперед, чтобы отбить атаку. А потому каждый его мускул мог моментально прийти в движение.

– Легионы готовы к маршу. Пора выступать, – в свою очередь заметил Брут.

Глаза его смотрели холодно, и Юлий, не находя слов, лишь тихо вздохнул.

– Ну, так веди нас, – негромко предложил он.

Брут кивнул. Не произнеся больше ни слова и не оглядываясь, он выехал из ворот на Марсово поле. Юлий прищпорил коня и поехал следом.

– Консул! – вдруг окрикнул кто-то из толпы.

Юлий едва не застонал. Кончится ли все это когда-нибудь? Тень ворот казалась такой близкой, такой манящей! Всадник угрюмо смотрел, как к нему бегут несколько человек. В первом из них Цезарь узнал ростовщика Герминия и взглянул на ворота уже с настоящей тоской.

– Консул! Как я рад, что застал тебя! Ведь не может быть, чтобы ты покинул город, не расплатившись по кредитам? Правда? – задыхаясь от непривычно быстрого бега, заговорил ростовщик.

– Иди сюда, – позвал Юлий, махнув рукой.

Он вывел коня за ворота на Марсово поле, а Герминий, ничего не подозревая, покорно последовал за ним.

Цезарь взглянул на несчастного сверху вниз.

– Видишь эту линию, тень от ворот на камне? – поинтересовался он.

Герминий тупо кивнул, и Юлий улыбнулся:

– Вот и хорошо. Значит, я могу сказать тебе, что уже истратил все, что мог занять или выпросить – до последней монетки, – на обмундирование и питание своих галльских легионов. Вооружение, а вместе с ним волы и ослы, на которых его повезут, – одно лишь это стоит целого состояния. А кроме того, соль, кожа, железо, свиньи, золото для подкупа и взяток, лошади, копья, седла, палатки, инструменты – перечислять можно бесконечно!

Герминий начал кое-что соображать:

– Так ты хочешь сказать, что...

– Именно то, что, как только я вышел за городские ворота, все мои долги остались за ними – там, в Риме. Но слово Цезаря надежно, Герминий. Я расплачусь с тобой, когда вернусь, поверь. А сегодня, извини, ты не получишь от меня ни единой монетки.

Герминий замер в бессильной злобе. Взглянул на блестящие доспехи всадников, потом вздохнул и даже попытался улыбнуться:

– Ну что же, буду с нетерпением дожидаться твоего возвращения, консул!

– Конечно-конечно, Герминий! – ответил Юлий, склоняя голову в ироничном салюте.

Едва ростовщик скрылся из виду, Цезарь бросил последний взгляд в арку ворот. На какое-то время он удаляется от проблем родного города.

– Ну а теперь, – повернулся он к Домицию и Октавиану, – теперь мы отправимся на север.

Часть вторая. Галлия

Глава 22

– Так почему же ты остаешься с ним? – поинтересовался Кабера.

Стоящий рядом грозный воин в серебряных доспехах лишь отдаленно напоминал прежнего юношу, и мало кто в лагере осмелился бы задать Бруту этот вопрос.

Они наблюдали, как Юлий поднимается по дубовым ступеням возвышающегося на бастионе укрепления лучников. Брут стоял слишком далеко и не мог заметить всех деталей, хотя прекрасно видел, как блестит в нагрудной пластине солнце. С трудом оторвав взгляд от притягательного зрелища, он посмотрел на Каберу, словно только что вспомнил о присутствии целителя.

– А ты взгляни на этого человека, – ответил он. – Меньше двух лет назад Цезарь уехал из Испании почти с пустыми руками, и вот сейчас он консул и обладает мандатом сената. Кто еще отдал бы мне в полное распоряжение целый легион, чтобы я привел его сюда? За кем же еще мне следовать?

В голосе воина звучали горькие нотки, и Кабера забеспокоился: ведь и Юлия, и Брута он знал с самого детства. Во всех деталях знал историю разрыва Юлия с Сервилией, хотя сын красавицы не сказал об этом ни слова. А так хотелось спросить – чтобы представить возможные последствия драмы.

– Но ведь он твой самый давний друг, – заметил Кабера и тут же увидел, как поежился от этих слов Брут.

– Ну да, а я – его меч. Когда спокойно обдумываю все, что удалось сделать Цезарю, то просто не могу не поражаться. Неужели в Риме сидят глупцы, которые не замечают его амбиций? Юлий рассказал о той сделке, которую заключил, но я до сих пор не могу поверить, что дело действительно обстоит так. Помпей искренне считает, что получил солидную выгоду? Возможно, он и распоряжается городом, но живет словно арендатор, ожидающий приезда хозяина. И люди это знают. Ты и сам видел те толпы, которые пришли на Марсово поле

проводить нас. И если Помпей считает, что Юлий остановится на чем-то меньшем, чем корона, то он глубоко заблуждается!

Брут замолчал и интуитивно оглянулся, чтобы проверить, не слышал ли кто неосторожных слов. Они с Каберой стояли, прислонившись к стене укрепления, строительство которого заняло несколько месяцев. Двадцать миль земляного вала, а на нем – стена. Сооружение получилось внушительным – не ниже роста троих высоких мужчин. Оно возвышалось над рекой Роной и тянулось вдоль ее русла – по северной границе римской провинции. Заграждение казалось почти таким же надежным, как и возвышавшиеся на востоке Альпы.

Бастион выглядел настолько прочным, что без труда мог остановить любую армию, которая попыталась бы переправиться через реку. Легионы уверенно охраняли свои посты, хотя все в лагере прекрасно понимали, что оборона Юлия не удовлетворит, – не зря ведь он привез с собой специальный документ.

Цезарь показал бумагу претору приютившейся у подножия Альп крошечной римской провинции, и тот, едва прочитав ее, побледнел и благоговейно притронулся пальцем к печати сената. Он никогда еще не встречал настолько туманно изложенного приказа, а потому, представив все возможные последствия, лишь низко склонил голову. Помпей и Красс не вдавались в детали и не разменивались на мелочи. На самом же деле Юлий сам продиктовал документ своему секретарю Адану, а потом отправил его двум членам триумvirата, чтобы те представили бумагу на голосование сената. Приказ кратко формулировал основное положение: вся власть в Галлии отныне принадлежит Юлию Цезарю. Очень скоро это стало известно каждому легионеру.

Кабера потер дряблый подбородок, и Брут взглянул на старика с искренней симпатией. После того страшного напряжения, которого потребовало исцеление Домиция, старик страдал от слабости: половина лица выглядела безвольно обвисшей, а половина тела отказывалась служить. Никогда уже ему не ощутить в руках тетивы туго натянутого лука, да и во время марша легионеры несли целителя на носилках. Никто и никогда не слышал от Каберы ни единой жалобы, хотя Бруту и казалось, что жизнь в этом тщедушном теле теплится лишь за счет неугасимого любопытства. Вокруг постоянно

происходило множество увлекательных событий, да и сама Галлия казалась настолько дикой и странной, что умереть было просто стыдно.

– Болит? – поинтересовался Брут.

Кабера, как мог, пожал плечами и убрал руку от лица. Смотрел он теперь лишь одним глазом, так как второй был постоянно закрыт безвольно опущенным веком. А кроме того, приходилось постоянно вытирать левый угол рта, чтобы не капала скопившаяся слюна. Этот жест уже стал привычным.

– Еще никогда не чувствовал себя лучше, дорогой мой римский полководец, которого я знал еще сопливым мальчонкой. Никогда не чувствовал лучше, хотя подняться на бастион и полюбоваться окрестностями мне удастся лишь с посторонней помощью. От слабости теперь уже никуда не деться, а чтобы взобраться на холм, необходима пара сильных ног.

Брут выпрямился:

– Я и сам туда пойду – ведь на левом берегу собираются воины гелветов. Когда они услышат, что Юлий не пропустит их через территорию нашей маленькой провинции, может произойти довольно интересная сцена. Ну, вперед, старик! О, да ты легкий, словно пушинка!

Кабере пришлось потерпеть, пока молодой сильный воин взвалил его на спину и крепко обхватил ноги. Сам же старик держался лишь правой рукой – левая беспомощно повисла.

– Главное не вес, а качество груза. Запомни это, о юноша! – шуточно прошамкал целитель, и, хотя из-за нарушенной дикции слова прозвучали невнятно, Брут все понял и улыбнулся.

Юлий стоял на вершине бастиона и смотрел на стремительно бегущие воды Роны. Мощное весеннее течение бурлило, то и дело вздымая барашки пены. Противоположный берег заполнили люди: мужчины, женщины, дети. Некоторые просто сидели на берегу и болтали ногами в воде, как будто впереди их не ожидало ничего более серьезного, чем долгий приятный отдых. Одежда детей и стариков выглядела очень просто: грубая домотканая материя, веревочный пояс. Явно преобладал каштановый цвет волос, хотя встречались и золотые, и даже рыжие головы. Люди вели с собой быков и ослов, нагруженных

запасами продовольствия и всего, что необходимо такой армии на марше. Юлий прекрасно понимал все трудности, ведь ему самому приходилось кормить легионы, которыми он командовал. С таким количеством голодных ртов просто невозможно надолго задерживаться в одном месте, поскольку те земли, по которым проходило войско, оказывались поистине опустошенными, причем на полное восстановление хозяйства и запасов крестьянам потребовались бы долгие годы. Гельветы тоже оставляли за спиной бедность и разруху.

Их воины отчетливо выделялись темными кожаными доспехами. Они пробивались сквозь толпу, окликая тех, кто подошел к воде слишком близко. Юлий увидел, как один даже вытащил из ножен меч и, держа его плашмя, начал расчищать путь, чтобы товарищи могли протащить лодку. Зрелище казалось живым, ярким, но абсолютно хаотичным. В холодном воздухе даже разносился напев флейты, хотя самого музыканта разглядеть не удалось.

Ритмично скандируя, гельветы спустили лодку на воду и, придерживая ее на мелководье, дождались, пока гребцы займут свои места. У каждого борта сели по три человека, и все же Юлий прекрасно понимал, как трудно им будет грести против мощного, все сметающего на своем пути течения. Никому даже в голову не приходила мысль о возможности преследования, а потому наблюдающие со своего укрепления римляне сохраняли полное спокойствие.

Численность армии трудно было оценить даже приблизительно. Юлий слышал, что гельветы опустошили свои земли и двинулись на юг. Что ж, сомневаться не приходилось. Если эти люди не остановятся, путь их неизбежно должен пройти по той узкой полоске земли у подножия Альп, которая находится во власти римлян.

– Никогда еще не видел такого скопления людей, – едва слышно, почти про себя пробормотал Юлий.

Стоящий рядом претор взглянул на полководца. Он доброжелательно встретил римские легионы, а особенно ветеранов Десятого. Некоторых из постоянных обитателей торгового аванпоста возмущала та перемена власти и уклада, которую нес с собой Цезарь, однако другим нововведения казались глотком свежего воздуха. В разговорах ощущался радостный оптимизм и надежда на новые, выгодные и интересные сделки. Римским купцам больше не придется

терпеть откровенное презрение галльских торговцев и мириться с мыслью, что их с трудом выносят, но не принимают. Под защитой всего лишь одного легиона провинция вряд ли могла считаться полностью принадлежащей Риму, а если бы вдруг прервалась торговля вином, ее и вообще забросили бы. Те, кто все еще не оставил надежды на развитие и собственную карьеру, встречали войско Цезаря с распростертыми объятиями. Но больше всех, конечно, радовался командир форпоста Марк Антоний.

Едва Юлий показал ему приказы сената, лицо военачальника озарилось широкой улыбкой.

– Наконец-то у нас здесь затеплится жизнь, – заметил он. – Я написал уже целую кучу писем и начал терять всякую надежду.

Юлий готовился к иной встрече и даже опасался неповиновения. В поселение римлян он явился, словно громовержец, готовый карать и принуждать, однако такая встреча мгновенно растопила лед, и полководец радостно рассмеялся: искренняя радость Марка Антония была очень приятной. Да и сам претор оказался человеком чрезвычайно симпатичным. Юлий с живым интересом выслушал рассказ о жизни местного населения и о том шатком перемирии, которое римлянам удалось заключить с племенами. Марк Антоний не скрывал возникающих проблем; больше того, он говорил о них с таким глубоким проникновением в суть дела, что Юлий немедленно включил этого человека в число советников.

Если кому-то столь внезапный взлет новой личности и не понравился, внешне это никак не проявилось. Сам же Марк Антоний служил в провинции уже четыре года и вполне мог нарисовать детальную картину той паутины альянсов и противоречий, которая препятствовала выгодной торговле и связывала руки эффективному управлению.

– Это не столько переселение, сколько марш захватчиков. – Марк Антоний кивнул в сторону толпы на противоположном берегу. – Не столь многочисленное племя попросту потеряет и женщин, и продовольствие – практически все, что имеет.

Претор испытывал благоговейный ужас перед присланным самим Римом грозным человеком, однако он получил приказ говорить свободно и теперь наслаждался новым статусом, особенно заметным среди подчиненных.

– И что же, повернуть их никак нельзя? – внимательно взглядываясь в происходящее за рекой, уточнил Цезарь.

Марк Антоний посмотрел туда, где в полном боевом порядке строились легионы. В их стройности ощущалась такая сила, что по коже претора пробежал приятный холодок возбуждения. Десять тысяч человек привел Юлий, а еще три легиона подошли с севера Италии. Их появление как нельзя ярче показало всю власть, которой обладал Цезарь: стоило ему разослать гонцов с копиями приказа, как на его зов через Альпы тут же поспешили пятнадцать тысяч человек.

– Если заставить этих людей повернуть обратно, то зимой они умрут с голоду. Мои разведчики насчитали четыреста горящих деревень, причем сожжены не только дома, но и амбары с запасами. Гельветы понимают, что отступить некуда, а потому будут драться еще отчаяннее.

На площадке показался Брут. Он осторожно опустил на землю Каберу – так, чтобы здоровой рукой старик мог ухватиться за поручень деревянного заграждения и вместе со всеми наблюдать за событиями. Подойдя к Юлию, центурион отсалютовал по всем правилам, ведь перед новым человеком дисциплину требовалось соблюдать особенно строго. Марк Антоний не вызывал у Брута особого восхищения: казалось фальшивым полное согласие этого человека и с целями, и с амбициями Цезаря. Впрочем, собственное мнение центурион решил оставить при себе, опасаясь, что ничего, кроме ревности, окружающие в нем не обнаружат. И правда, глядя, как свободно, словно давние друзья, беседуют два почти незнакомых между собой воина, Брут ощутил внезапный укол разочарования и зависти. Вот Марк Антоний сказал что-то забавное насчет огромной толпы гельветов, и Юлий явно оценил шутку, ответив на нее собственной остротой.

Претор выглядел сильным, крупным, добродушным человеком. Такие Юлию встречались редко, но неизбежно привлекали внимание и вызвали живой интерес. Брут знал, что дороже всего на свете Цезарь ценил раскатистый смех и мужество людей, похожих на его дядю Мария. Марк Антоний точно подходил под этот тип, словно специально готовился к роли любимца. Он казался на целую голову выше консула, а характерный нос гордо заявлял всему миру, что человек этот принадлежит к благородному римскому роду. И этот прямой нос, и густые, всегда насупленные брови придавали лицу

серьезное, даже суровое выражение. Оно изменялось лишь в минуты смеха. При каждом удобном случае Марк Антоний принимался перечислять имена собственных предков, как будто верил, что одно лишь их количество подтверждает благородство родословной.

Конечно, Сулла не мог не полюбить такого человека, раздраженно подумал Брут. Голова претора казалась переполненной идеями, которые можно было осуществить именно сейчас, с появлением Цезаря, однако сам он почему-то не претворил в жизнь ни одной из них. Невольно Брут спросил себя, понимает ли этот благородный римлянин, как развернулся бы на его месте сам Цезарь, даже если бы в его распоряжении находился всего лишь один легион.

Отбросив провокационные мысли, Брут оперся на перила рядом с Каберой и начал наблюдать за лодкой. Вот она подошла к римскому берегу, гребцы выпрыгнули на мелководье и принялись вытаскивать суденышко на берег. Гельветы стояли в тени той самой стены, которую римляне возвели специально, чтобы их остановить. Даже несмотря на необычную многочисленность, эти люди вряд ли отважатся посягнуть на линию обороны.

– Они должны понимать, что любую лодку мы сможем потопить копьями и камнями еще до того, как она пристанет к берегу. Атаковать для них – значит обречь себя на верную смерть, – заметил Юлий.

– А если они идут с миром? – уточнил Марк Антоний, не отводя взгляда от стоящих чуть в стороне от гребцов посланников.

Цезарь пожал плечами:

– Ну, в таком случае я продемонстрирую им действенность римского правления. Так или иначе, я сумею утвердиться в этой стране.

И Брут, и Кабера одновременно повернулись, чтобы взглянуть на того, кого так хорошо знали. Юлий стоял на бастиионе, выпрямившись во весь рост и ожидая обращения гельветов. На лице его играла улыбка жестокого удовольствия.

С таким же выражением несколько месяцев назад полководец слушал выступление Марка Антония на первом военном совете.

– Я рад, что вы здесь, соотечественники, – заявил тогда претор. – Дело в том, что нам грозит вторжение.

Брут невольно подумал, что Юлий давным-давно мечтал о победе над этими дикими землями. Гельветы были лишь одним из племен,

населявших эти края, а ведь Юлий стремился подчинить Риму всю страну. Однако, несмотря на всю целеустремленность, сейчас рядом с ними, на этом бастионе, стоял совсем не тот человек, которого они знали в Испании. Это чувствовали все, а Кабера даже прикрыл глаза, позволив внутреннему взору обратиться в будущее.

Старик покачнулся и, не поймай его Брут, непременно упал бы. Все остальные стояли неподвижно, внимательно вслушиваясь в произносимые посланниками непонятные слова. Юлий повернулся к переводчику, который повторял все сказанное на плохой латыни. Отвернувшись от посланников, он улыбнулся, словно собственным мыслям, а потом, положив обе руки на перила, обратился к чужестранцам.

– Нет! – громко произнес он. – Вы не пройдете!

Потом взглянул на Марка Антония:

– Если они отправятся на запад, вдоль Роны, а потом резко свернут на юг, какие племена окажутся на их пути?

– Непосредственно к западу от нас живут эдуи, соответственно, они пострадают больше всех, хотя амбарры и аллоброги...

– Какое из них самое богатое? – быстро прервал Юлий.

Марк Антоний задумался:

– Говорят, что у эдуев огромные стада и...

– Привези ко мне их вождя – как можно быстрее. И обеспечь безопасность, – снова устремив взгляд вниз, распорядился Юлий.

Лодка уже отчалила и направилась к противоположному берегу, а сидящие в ней люди казались очень недовольными и рассерженными.

Прошли сутки, за ними вторые. Наступила третья ночь. Небольшой форт погрузился в тишину, хотя Юлий и слышал шаги сменявшихся на стене часовых. Для пришедших из Рима легионеров построили новые казармы, но три легиона с севера Италии все еще продолжали ночевать в палатках, в укрепленном лагере. Юлий не собирался строить для них более надежное жилище. Надеялся, что можно будет обойтись и без него.

Полководец нетерпеливо ждал, пока найденный Марком Антонием переводчик передаст его слова вождю племени эдуев. Тот говорил гораздо дольше, чем можно было бы ожидать, однако Цезарь

решил не сообщать о том, что Адан не только понимает язык, но и сам может говорить на нем. Надежнее казалось сохранить тайну. Впервые услышав речь галлов, секретарь-испанец поначалу сам поразился. Оказалось, что его собственный народ говорил на родственном языке, так что юноша без труда понимал значительную часть разговоров. Юлий решил, что давным-давно, когда Рим был всего лишь приютившейся среди семи холмов небольшой деревушкой, из каких-то далеких стран пришло одно кочевое племя и заселило земли Галлии и Испании.

Теперь Адан не пропускал ни одной встречи с местными жителями и внимательно вслушивался во все, что на них говорилось, делая при этом вид, что переписывает продиктованные Цезарем заметки и письма. Потом, оставшись с консулом наедине, секретарь посвящал его в малейшие детали сказанного, намеренно или невольно упущенные переводчиками. Память никогда не подводила его.

Пока переводчик подозрительно долго излагал вождю суть исходящей от гельветов опасности, Юлий украдкой бросил взгляд на усердного испанца. Местный предводитель казался типичным представителем своего народа: темноволосый, с худым, резко очерченным лицом, часть которого пряталась за блестящей от масла бородой. Эдуи утверждали, что царя у них нет, но этот человек, по имени Мхорбэйн, выступал в качестве главного магистрата, получившего должность не по наследству, а в результате выборов.

Наконец Мхорбэйн ответил на речь римского полководца, и Юлий с нетерпением ждал, пока переводчик соберется с мыслями и передаст сказанное.

– Эдуи хотят, чтобы ты помог им прогнать гельветов от границ их земель, – наконец произнес переводчик.

Юлий рассмеялся так резко, что Мхорбэйн от неожиданности даже вздрогнул.

– Хотят? – переспросил он с иронией в голосе. – Скажи этому человеку, что я готов спасти его народ от гибели, но только в том случае, если он заплатит за это зерном и мясом. Моих воинов надо хорошо кормить. А чтобы прокормить тридцать тысяч сильных мужчин, надо каждый день забивать не меньше двухсот голов коров и быков. Не меньше! Впрочем, в это количество мяса может войти и

дичь, и баранина. А еще мне необходимы зерно, хлеб, масло, рыба и специи. И пока я все это не получу, с места ни за что не тронусь.

Переговоры приняли серьезный оборот, хотя их и замедлял неуклюжий перевод. Цезарь едва сдерживался, чтобы не прогнать прочь бестолкового толмача и не поставить на его место быстрого и сообразительного Адана. Однако делать этого было нельзя, а потому час тянулся за часом, и вот уже за спиной, над горами, показалась ярко-оранжевая луна. Судя по всему, терпение Мхорбэйна тоже лопнуло, и, так и не дождавшись, пока переводчик справится с очередным предложением, вождь махнул рукой и сам заговорил на чистой латыни, да еще и с очевидным римским акцентом:

– Хватит с нас услуг этого глупца. Я прекрасно понимаю твои слова и без его помощи!

Открытие развеселило Юлия, и он от всей души расхохотался:

– Правда, он убивает мой язык. Но кто же научил тебя речи Рима?

Галл пожал плечами:

– Едва появившись в наших краях, Марк Антоний разослал своих людей во все племена. Мало кому из них довелось остаться в живых, но я не убил учителя. Вот этот несчастный постигал латынь у того же римлянина, да только плохо. Способностями к языкам он, конечно, похвастаться не может, но, кроме него, мне некого было предложить.

Теперь уже разговор пошел значительно быстрее, и Юлий не переставал удивляться попытке вождя скрыть свое прекрасное знание языка. Может быть, этот умный человек догадывается и о той роли, которую играет на переговорах Адан? Все возможно. Вождь, несомненно, отличался проницательностью, и Юлий постоянно ощущал на себе его оценивающий взгляд.

Когда наконец соглашение было достигнуто, Цезарь поднялся и положил руку на плечо Мхорбэйна. Под толстым шерстяным плащом ощущались твердые мышцы. Галл был в большей степени военным предводителем, а не магистратом, во всяком случае в понимании римского консула. Проводив гостя туда, где его ждали лошади, Юлий вернулся к Адану.

– Ну и что же? – поинтересовался он. – Много ценного я упустил, пока вождь не потерял терпение?

Адан улыбнулся любопытству полководца:

– Мхорбэйн спрашивал переводчика, хватит ли у тебя сил остановить гельветов, и тот ответил, что это вполне возможно. Все остальное ты и сам слышал. У галлов нет выбора: если мы им не поможем, все их стада окажутся съеденными этими захватчиками.

– Прекрасно. Я прямо на глазах превращаюсь из чужестранного завоевателя, не менее опасного, чем гельветы, в благородного римлянина, готового прийти на помощь дружественным племенам. Обязательно подчеркни это обстоятельство в эпистоле. Пусть мой народ знает о тех благих делах, которые мы здесь вершим.

– А это важно? – наивно поинтересовался Адан.

Юлий улыбнулся:

– Ты даже не представляешь, насколько важно. Гражданам вовсе не интересно знать, как именно завоевываются страны. Им приятнее думать, что враждебные армии падают ниц не перед нашей силой, а перед нашим нравственным превосходством. Приходится действовать осторожно, даже несмотря на мандат сената. Если власть в Риме вдруг покачнется, меня призовут обратно, и тогда уж непременно найдутся недоброжелатели, готовые любым способом очернить консула. Так что отошли доклад, а в придачу отправь столько денег, чтобы его читали на каждой улице и на форуме. Пусть люди знают, как мы здесь стараемся ради их блага.

Юлий замолчал, и лицо его неожиданно потемнело: уйти от проблем никак не удавалось.

– Дело за малым. Осталось всего лишь победить самую многочисленную армию из всех, которые мне доводилось видеть, и вот тогда уже действительно можно будет послать в Рим хорошие вести. Позови Брута, Марка Антония, Октавиана, Домиция – всех советников. И Рения тоже, он всегда дает здравые советы. Да, и скажи Бруту, чтобы немедленно выслал вперед разведчиков. Необходимо точно знать, где сейчас гельветы и как именно они организованы. Ну, быстрее, парень. Еще предстоит составить план боя, а на рассвете надо выступать.

Глава 23

Юлий лежал на животе и смотрел, как гельветы идут по равнине. Даже полная сосредоточенность не помешала ему заметить пышную, щедрую растительность галльской земли. По сравнению с ней земля

Рима выглядела бедной и сухой. Вместо родных голых южных гор, на склонах которых крестьянам с трудом удавалось заработать на жизнь, перед ним расстилались мягкие холмы плодородной почвы. Они манили, рождая в душе исконное стремление к земле и ее дарам. Да, Галлия действительно могла бы накормить всю римскую державу.

Начинало смеркаться, и в темнеющем воздухе ветер донес протяжные звуки горнов. Цезарь нетерпеливо сжал кулаки: он знал, что огромная колонна остановилась на ночлег. Подбежал один из разведчиков и, тяжело переводя дыхание, устроился в высокой траве рядом с полководцем.

– Судя по всему, это и есть все имеющиеся у них силы, – сбивчиво заговорил он. – Не удалось обнаружить ни резерва, ни арьергарда. Войско движется быстро, но сегодня ночью оно должно остановиться на отдых. В ином случае начнутся потери.

– Они уже останавливаются, – заметил Юлий. – Видишь, как воины устраиваются на ночлег вокруг ядра лагеря? Расположение немного напоминает греческую фалангу. Интересно, они сами придумали такое построение или их предки когда-нибудь проходили по греческим землям? Если представится возможность, надо будет спросить у кого-нибудь из знающих людей.

Цезарь внимательно оглядел расстилающуюся впереди долину, словно пытаясь просчитать все возможные варианты. В лесу, всего в одной миле отсюда, тридцать тысяч легионеров готовы в любую минуту обрушиться на гельветов. Сложность, правда, заключалась в том, что после тяжелого перехода продолжительностью почти в сорок миль люди очень устали; чтобы перехватить противника, идти приходилось быстро. Как жаль, что не удалось доставить сюда большие баллисты и луки-скорпионы – ведь они оказались таким грозным оружием! Использовать их на равнине очень удобно, но до тех пор, пока не появятся дороги, этим военным машинам придется оставаться на повозках в разобранном виде.

– В жизни не видел столько воинов сразу, – в благоговейном ужасе прошептал разведчик.

Конечно, гельветы не могли услышать ни единого слова, но масса их казалась настолько огромной и давящей, что Юлий невольно тоже заговорил шепотом.

– Тысяч восемьдесят, а с обозами, наверное, и того больше, – оценил он. Да, на такую махину нельзя посылать в атаку даже свежие легионы, не говоря уже об измученных долгим маршем. – Позови Брута, – приказал Цезарь.

Вскоре раздались торопливые шаги, и Брут опустился рядом на траву.

Гельветы двигались по ведущей в земли эдуев просторной равнине. Стремительно пройдя по берегу реки, они начали разбивать лагерь. Выдержке и организации этих людей можно было только удивляться. Если вдруг они пройдут вглубь земель эдуев, то окажутся в густом лесу, и тогда легионы сразу потеряют преимущество. Ведь леса в этих краях оказались совсем не такими, как в Риме, где они светлые и просторные. Заросли и густой подлесок не позволяли развернуться лошадям, а потому организованный бой был просто невозможным. Таким образом, ситуацию определяла численность войск, а гельветы давным-давно обладали колоссальной по масштабу армией, которая могла двигаться только вперед.

Войско сожгло первую же деревню на границе земель эдуев. Лазутчики сообщили, что никто из жителей не уцелел. Женщин забрали в обоз, туда же отправился и скот. Тех животных, которых не смогли увести с собой, забили на месте. Если не удастся остановить это полчище саранчи здесь, на равнине, оно сметет на своем пути все, что встретит, – деревню за деревней. Хорошо хоть, что племя не двигалось ночью, а останавливалось на отдых. Конечно, численность приводила гельветов к переоценке собственных сил, но, с другой стороны, победить такую массу даже силами хорошо подготовленных легионов действительно очень трудно.

Юлий повернулся к Бруту:

– Видишь вон тот холм, на западе? – Он показал на видневшийся вдали большой утес, местами покрытый зелеными островками травы. Брут молча кивнул. – Выгодная позиция. Возьми Десятый и Третий и к рассвету поднимись на вершину. Гельветы увидят опасность и не смогут оставить вас там. Пусть с тобой отправятся и лучники из Аримина, только не оставляй их без прикрытия. Там, наверху, они окажутся гораздо полезнее, чем внизу, на равнине. – Полководец невесело усмехнулся и положил руку на плечо товарища. – Этим варварским племенам никогда еще не приходилось воевать с

легионерами, Брут. А завтра на рассвете перед ними окажется десять тысяч отборных воинов. Так что ты преподашь хороший урок.

Брут взглянул на друга. Солнце уже садилось, и в его лучах взгляд Цезаря казался яростным и воинственным.

– Я не успею подняться на гору к рассвету, – произнес он.

В присутствии разведчиков воин мог выразить свои сомнения относительно приказа только таким способом.

Юлий, казалось, не заметил опасений и быстро продолжал:

– Поднимайся как можно осторожнее. Как только враг заметит тебя и пойдет в атаку, я нападу с тыла. Ну же, вперед!

Пригнувшись, Брут отступил, а оказавшись на безопасном расстоянии, выпрямился и бегом бросился к своим.

– Поднимайтесь, ребята! – скомандовал он, едва подойдя к первым рядам Десятого легиона. – Сегодня спать не придется.

Едва забрезжил рассвет, Юлий был на своем посту. Солнце вставало медленно, и, пока оно не поднялось над горами, долина тонула в сером сумрачном свете. Гельветы начали готовиться к маршу, и Юлий хорошо видел, как воины расталкивали тех, кто до сих пор лежал. Вожак легко было определить по мечам и копьям. Они не несли никакого груза, – очевидно, в их обязанности входили исключительно военные действия. Юлий ждал того момента, когда неприятель заметит обосновавшихся на горе легионеров, и время тянулось невыносимо медленно.

Неподалеку во главе своего собственного и еще трех легионов дожидался команды к действию Марк Антоний. Голодные и замерзшие воины не имели возможности даже развести огонь, чтобы обогреться. Конечно, силы римлян никак не могли сравниться с неприятельскими, но рассчитывать на подкрепление не приходилось.

Неожиданно откуда-то сзади показался всадник, и Цезарь тут же яростно замахал рукой, пытаясь остановить его, пока не заметили враги. Разведчик соскочил с седла, бледный от волнения и стремительной скачки, и, задыхаясь, заговорил:

– Они на западе, на холме! Очень много вооруженных людей!

В сумрачном утреннем свете Юлий взглянул на гельветов. Племя казалось готовым к маршу, и никаких признаков паники или беспорядка заметно не было. Неужели они заметили разведчиков и

заранее обеспечили позицию на фланге? Такой ход заслуживал уважения. Но где же Брут? Если бы произошло столкновение, звуки битвы далеко разнеслись бы в ночном воздухе. Может быть, центурион в темноте ошибся и поднялся не на тот холм? В отчаянии Юлий зло выругался. Связаться с пропавшими легионами невозможно, так что, пока они не объявятся, атаковать нельзя.

– Я разберусь, – пообещал полководец и повернулся к стоящим рядом людям. – Никаких горнов и сигналов. Немного отступите и передайте всем, чтоб строились возле реки.

Едва командиры разошлись, Юлий услышал звуки рога: это пришли в движение племена гельветов. Полное разочарование! Все планы нарушены, и схватка в густом лесу вовсе не сулит той скорой и окончательной победы, на которую рассчитывал римский полководец.

Брут ждал, пока солнце прогонит с горы черные мрачные тени. Он поставил Десятый легион перед своим Третьим галльским, рассчитывая, что опыт поможет воинам Юлия отразить любое нападение противника. Нельзя было не учитывать и того, что часть легиона составляли галлы. Цезарь считал, что боевой отряд можно воспитать меньше чем за год. Каждодневная совместная жизнь, работа и военные действия способны сплотить людей, как ничто другое. Но кто может предсказать, что произойдет в тот момент, когда этим людям прикажут выступить против своих же соотечественников? Когда Брут спросил галлов о гельветах, они лишь пожали плечами, словно не могло возникнуть никаких сложностей. Никто из воинов не принадлежал к этому племени. Более того, отправившись в Рим за золотом, они совсем не беспокоились о тех, кого оставили дома. Ведь не зря считается, что наемники живут только ради денег и довольствуются обществом себе подобных. Брут знал, что и жалованье, и продовольственное содержание новоиспеченных легионеров были прекрасными, но все-таки отразить первый натиск он поручил воинам Десятого.

Подъем оказался крайне тяжелым, и тем не менее невозможно было не признать, что Цезарь прекрасно видел и понимал лежащую перед ним местность. Брут пожалел, что оставил в лагере свою отборную центурию, – честно говоря, он побоялся слишком тяжелого восхождения на гору. Впрочем, все прошло достаточно удачно: жертвы

ограничились неудачными падениями в темноте и закончились несколькими вывихами и одной сломанной рукой. Да еще несколько человек потеряли по дороге мечи и теперь довольствовались лишь кинжалами. Несмотря на эти неприятности, на утес поднялись еще до зари и, не потеряв ни одного человека, прошли на его дальний склон. Сломанную руку накрепко перевязали, и воину теперь предстояло сражаться левой. Вернуться в лагерь он отказался: ткнув здоровой рукой в стоящего в первом ряду Десятого легиона Цирона, заявил, что великан запросто сможет метнуть копье и за него тоже.

В первых проблесках серого света Брут шепотом отдал приказ сомкнуть рассеянные по склону ряды. Даже испытанные бойцы Десятого с трудом ориентировались в темноте, а уж его собственный новый легион никак не мог обойтись без конкретных распоряжений. Каждый из воинов был вооружен четырьмя копьями, которые сейчас предстояло привести в боевое состояние. С таким арсеналом они вполне могли отразить любую атаку. Гельветы защищались овальными щитами, но они не могли спасти от тяжелых копий.

За горами встало солнце, и гельветы, ничего не подозревая, тронулись в путь. Брут с нетерпением ожидал той минуты, когда они увидят наблюдающие сверху Десятый и Третий галльский легионы. С улыбкой встречал он первые лучи солнца и, когда они наконец осветили окружающий мир, не удержался от откровенного радостного смеха. За несколько минут десять тысяч шлемов и лат превратились из тускло-серых в золотые, а сделанные из конского волоса желтые плюмажи центурионов ярко засияли. Колонна гельветов вмиг остановилась; люди показывали вверх, предупреждая друг друга о грозящей опасности.

Варварам почудилось, что легионы появились внезапно, словно возникнув в воздухе. Но люди не утратили мужества. Едва оправившись от изумления, они поняли, что имеют дело с реальным, живым неприятелем, и, сплотив ряды, издали громкий воинственный клич.

– Их, должно быть, не меньше полумиллиона, – почти с ужасом прошептал Брут. – Клянусь Марсом, не меньше!

Он увидел, как начали продвигаться вперед вооруженные копьями боевые фаланги. Обгоняя основную массу войска, они вставали перед ним. Первые ряды держали широкие щиты, которыми должны были

сдерживать натиск противника. Однако этому стройному порядку не суждено было выдержать испытание горным склоном. Воины, словно волки, бросились вперед по неровной, каменистой поверхности земли, и, глядя на их напор и невероятную массу, Брут лишь изумленно покачал головой.

– Лучники, проверьте цель! – скомандовал центурион, и тут же четыре стрелы отметили границу досягаемости.

Триста лучников пришли из Аримина в составе легионов северных римских земель, и мастерство их пока еще оставалось загадкой. Для незащищенных людей их атака была бы поистине разрушительной, однако гельветы могли без труда прикрыться широкими щитами.

– Копья к бою! – коротко скомандовал Брут.

Каждый из легионеров Десятого взял на изготовку свои четыре копья и в последний раз проверил наконечник. Воины не целились, а запускали тяжелые снаряды высоко в воздух, чтобы в момент атаки они упали на противника почти вертикально. Подобный способ требовал немало искусства, но бойцы Десятого легиона были настоящими мастерами своего дела.

– Проверить дальность! – скомандовал Брут и тут же увидел, как Цирон привязал к древку одного из своих копий красную тряпку и, воинственно крикнув, метнул оружие.

Сильнее великана в войске не было никого, а потому, воткнувшись в землю на крутом каменистом склоне, примерно на пятьдесят шагов ближе стрел, копье отметило самую дальнюю цель. Как только толпа гельветов пересечет эту границу, она окажется под градом железа. Не успеют сердца нападающих отсчитать десять ударов, как на их головы обрушится сорок тысяч копий.

С воинственными криками гельветы начали преодолевать склон, и их стремительное движение взметнуло в воздух целое облако пыли.

– Лучники! – отдал команду Брут, и стоящие в десятом ряду меткие стрелки начали методично опустошать свои колчаны.

Брут внимательно смотрел, как стрелы поражают кричащих врагов. Пока еще атакующие находились вне зоны досягаемости более опасного оружия – копий. Закрывшись щитами от дождя стрел, они продолжали наступать, оставив за собой лишь несколько убитых.

Итак, первая кровь пролилась. Брут надеялся, что Цезарь уже готов к действию.

Когда по долине разнесся крик гельветов, Юлий сидел в седле. Резким движением он повернул коня, отыскивая взглядом того из разведчиков, который сообщал о развитии событий.

– Где тот, кто сказал, что враг на холме? – выкрикнул он, ощущая неприятную, жутковатую пустоту в груди.

Призыв моментально облетел округу, и через минуту разведчик подъехал к полководцу. Он оказался совсем юным, и утренний холод окрасил его щеки ярким румянцем. Юлий приказал:

– Ты сообщал о неприятеле. Расскажи, что именно видел.

Не выдержав пристального взгляда полководца, юноша поежился и, заикаясь от страха, заговорил:

– Там, на горе, тысячи воинов. В темноте я не смог сосчитать, сколько именно, но очень много. Это засада.

Юлий на секунду прикрыл глаза.

– Немедленно арестуйте этого человека и накажите. Это наши легионы, глупец! – в ярости выкрикнул он.

Снова развернув коня, Цезарь обдумывал сложившуюся обстановку. Воины еще не успели отойти от долины дальше чем на несколько километров. Время есть. Полководец быстро отвязал от седла шлем, надел его и, опустив забрало, обратил к собравшимся грозный золотой лик:

– Десятый и Третий галльский остались без поддержки. Нам предстоит как можно стремительнее атаковать гельветов. Вперед, воины! За мной!

Брут дождался того момента, когда отмечающее дальность копьё скрылось в рядах атакующих. Если отдать приказ слишком рано, то копьё стоящего за его спиной Третьего легиона не долетят до врага. Если же опоздать, то разрушительной силы удар не достигнет цели, поскольку первые ряды атакующих уже прорвутся вперед.

– Копья! – наконец как можно громче крикнул центурион, отправляя в полет собственное оружие.

Десять тысяч рук моментально взметнулись в воздух, и тут же десять тысяч человек нагнулись, чтобы поднять следующее копьё.

Брут знал, что, пока приземлится первая волна, воины Десятого легиона запустят в воздух еще две. Третий действовал медленнее, но ненамного: его вдохновлял пример ветеранов и подстегивал нервный ритм атаки.

Все было точно рассчитано, и два легиона накрыли атакующих смертоносным ковром свистящего железа. Минута – и десять рядов превратились из энергично бегущих воинов в неподвижно лежащие тела. Первая волна поразила многие сотни людей, а те, кому удалось уцелеть, в ужасе увидели приближение второй черной тучи.

Избежать несущейся с воздуха смерти было невозможно. Копья падали беспорядочно – и рядом, и далеко друг от друга. Поэтому кого-то из нападающих могли сразить сразу несколько копий, а иным удавалось чудом уцелеть среди железного дождя. Гельветы пытались прикрыться щитами, однако тяжелые железные наконечники пробивали и дерево, и человеческое тело, буквально пришпиливали людей к мягкой земле. Брут видел, как многие из атакующих беспомощно бьются, пытаясь освободиться. Однако это удавалось редко, тем более что некоторые щиты оказались накрепко прибитыми друг к другу. Жизнь медленно покидала тела несчастных, вытекая вместе с кровью.

Атака сначала замедлилась, а потом и вовсе остановилась. Третья волна копий была не столь разрушительной, как две первые, и, повернувшись, нападавшие в страхе бросились прочь от холма. Увидев убегающих галлов, Десятый легион издал победный вопль, и Брут посмотрел на восток, разыскивая Цезаря. Если бы он двинул свои отряды именно в этот момент, паника непременно охватила бы все племя. Однако Юлия видно не было.

Отойдя за пределы досягаемости копий, гельветы перестроились и, переступая через тела погибших, снова пошли на приступ.

– Эти варвары еще не знают, что значит сражаться с римскими легионерами! – подбодрил Брут своих воинов.

Некоторые улыбнулись, но никто не мог оторвать взгляда от несметных полчищ, вновь покрывших склон холма. Некоторые из атакующих даже вытащили застрявшие в земле копья и метнули их в римлян, однако крутой склон оказался недосягаем.

– Мечи к бою! – скомандовал Брут, и оба легиона, словно один человек, обнажили мечи и подняли их, как будто пытаясь поймать

солнечные лучи.

Взглянув на свое войско, центурион гордо вскинул голову. Пусть лезут, подумал он.

Чем выше и ближе к римлянам поднимались гельветы, тем круче становился склон. Люди тяжело дышали, и фаланги начали распадаться. Десятый легион терпеливо ждал; каждый из его воинов стоял среди товарищей, которых знал уже много лет. Страха в рядах римлян не ощущалось. Они стояли в полном боевом порядке, готовые перестроиться, как только того потребует обстановка. Острые мечи вселяли уверенность в собственных силах, и на лицах людей ясно читалось предвкушение схватки. Некоторые из легионеров даже кивали наступающим, словно приглашая их подойти как можно ближе. Внезапно командир увидел свое войско таким, каким оно представало взгляду врагов: сплошная, без единого просвета, стена людей и щитов, грозно оцетинившаяся сверкающими на солнце мечами.

Наконец первые ряды гельветов вышли на вершину и тут же пали под яростными ударами легионеров. Острые клинки римских воинов вонзились во вражеский строй, направо и налево отсекая головы и руки. Длинные копья гельветов оказались не в силах пронзить прочные римские щиты. Брут торжествовал.

Он стоял на правом фланге, в первом ряду. С трудом оторвав взгляд от побоища, центурион оценил сложившуюся ситуацию. Гельветы, конечно, пытались взять численностью: все новые и новые воины спешили на помощь товарищам, а у подножия холма собирались свежие силы. Центуриону внезапно стало жарко. Он снова взглянул на восток в надежде увидеть Цезаря. Солнце слепило глаза, но, прищурившись, он продолжал пристально вглядываться в кромку леса.

– Ну же, быстрее! – сам того не замечая, поторопил он.

Конечно, чтобы окружить римлян, гельветам необходимо время. Однако, если им все-таки удастся зайти с противоположной стороны холма, римским воинам отступать будет некуда. На защиту женщин и детей варвары оставили совсем немного вооруженных мужчин – почти все пошли в бой. И если они действительно начнут атаку с тыла, среди легионеров может начаться паника.

Напор атаки уже начал сказываться, и в первых рядах Десятого легиона появились прорехи. Конечно, воины могут держаться

достаточно долго и способны сражаться без отдыха два часа подряд, но все-таки лучше обеспечить им замену и сохранить силы на случай возможного отступления. Если Юлий не появится с минуты на минуту, придется отводить легионеров обратно, на вершину холма, и при этом с боем преодолевать каждый метр. Хуже будет, если варвары внезапно нанесут удар в спину.

С тяжелым сердцем Брут посмотрел на своих воинов. Если ему удастся пережить этот бой, Юлий жестоко поплатится за промедление, которое может стоить Десятому легиону жизни. После нескольких лет, проведенных в Испании бок о бок, Брут знал почти каждого, и поэтому каждая смерть стала бы для него личной драмой.

И в этот самый миг вдалеке, в противоположном конце долины, показалась серебряная линия – легионы Цезаря! Брут не смог сдержать радостного возгласа. В рядах гельветов, предупреждая врагов и поддерживая боевой дух, заиграли горны, и в битву вступили новые фаланги. Такие же звуки раздались и на холме – варвары остановились и наблюдали за происходящим внизу, в долине. Уже через минуту началось обратное движение. Гельветы начали отступать с холма, и между двумя армиями образовался заметный промежуток. Значит, окружения уже можно не опасаться, ведь воины спешили спасти свои семьи и собственное добро.

– Десятый и Третий! – снова и снова выкрикивал Брут налево и направо. Наконец все были готовы слушать приказ, и центурион, подняв руку, резко взмахнул в сторону долины. – Сомкнуть строй! Лучникам собрать стрелы! Десятый, вперед! Третий, вперед!

Десять тысяч воинов, как один, повиновались приказу, и сердце Брута едва не расколосось на части от гордости.

В составе войска гельветов не было конницы, и, чтобы пресечь явно намечавшееся перестроение, Брут направил в самую гущу их рядов свой отборный отряд. Юлий и Марк Антоний увидели, как Октавиан во главе группы всадников промчался в сторону вражеских фаланг. На полном скаку каждый из воинов наклонился и достал из прикрепленного к седлу кожаного чехла легкий дротик. Потом по команде все метко отправили оружие в цель. Варвары взревели и попытались закрыться щитами, но Октавиан снова повторил команду, и на их головы обрушилась следующая волна железа. Октавиан

продолжал обстрел до последнего копья, так что, когда Юлий подошел к колонне с тыла, она была охвачена паникой, и расправиться с растерянными и потерявшими ориентацию врагами не составило никакого труда.

По приказу полководца горнисты сыграли команду удвоить скорость, и двадцать тысяч легионеров перешли на рысь, которая могла перенести их на много километров вперед, к передовым отрядам противника. Огромный обоз варваров молча, в ужасе наблюдал за стремительно, без единого звука проносящимися мимо всадниками. Никакой опасности эти люди не представляли, и Юлий пытался решить, как наиболее выгодно использовать сложившуюся позицию.

Те из варваров, которые еще недавно энергично атаковали холм, сейчас обратились в паническое бегство, стремясь как можно быстрее вернуться в колонну. Юлий увидел преследующие их сверкающие когорты Десятого и Третьего легионов и улыбнулся. Сплоченные ряды, словно одно длинное зеркало, отражали солнечные лучи. Весь холм уже оказался усеян телами погибших. Юлий видел, что гельветы полностью потеряли направление и забыли о фалангах. Страх парализовал их волю и способность к действию, а значит, надо сделать все, чтобы его усилить. Он решил было вернуть отборную конницу, чтобы окончательно разбить колонну, но в этот самый момент Октавиан подал сигнал к атаке, и масса лошадей обрушилась на бегущих воинов. Юлий дождался окончания натиска и, увидев, что конница повернула к своим, подал сигнал удержать позицию.

– Копья к бою! – скомандовал полководец.

Поднял свое копье и с удовольствием ощутил вес и приятную гладкость деревянного древка. Уже можно было разглядеть лица бегущих. Времени оставалось совсем мало – придется ограничиться лишь одним залпом.

– Копья! – крикнул он и с силой метнул то, которое сжимал в руке.

В ту же секунду небо над головой почернело от множества летящих снарядов, и передние ряды гельветов смешались. А прежде чем они пришли в себя, их настигли легионеры и начали крушить мечами.

Центурия за центурией постепенно вступали в схватку, и римляне все глубже проникали в ряды растерянного и уже почти окончательно побежденного племени. Гельветов было очень много! Легионеры

безжалостно крушили все, что вставало на пути, и продвигались настолько быстро, что Юлий даже забеспокоился, не задумал ли противник обманный маневр. Горнисты сыграли сигнал расширить строй, и за спиной полководца показались легионы из Аримина, которым предстояло окружить врагов. С ними вместе, ожидая сигнала к атаке, тронулась и отборная конница.

Неожиданно в лицо брызнула кровь, и Цезарь остановился, быстро сплюнул и вытер губы рукой. Тут же приказал десяти рядам метнуть вторую волну копий, хотя даже не представлял, где они упадут. Решение было опасным, поскольку, если бы оружие поразило своих, сражающихся в первых рядах, войско сразу утратило бы боевой дух. Тем не менее рисковать было необходимо: надо использовать любую возможность, чтобы как можно быстрее расправиться с неисчислимыми полчищами гельветов.

Племя сражалось с отчаянной яростью, пытаясь соединиться со своей основной колонной, – ведь она осталась в тылу римских легионов без всякой защиты. Те, кто не попал в первые ряды, словно пчелы, вились по краям, неумолимо расширяя охват битвы. Юлию приходилось постоянно перестраивать своих воинов до тех пор, пока четыре легиона не вытянулись настолько, что глубина ряда составляла лишь шесть человек. Теперь уже в поле битвы превратилась едва ли не вся долина.

Какое-то время Юлий почти не видел хода боя. Он сражался вместе со всеми, словно простой пехотинец, но в то же время в полной мере сознавал ответственность за сражение в целом. Конечно, его место – где-нибудь на возвышенности, откуда можно руководить событиями.

Брут построил Десятый и Третий легионы как можно шире, чтобы отрезать путь к отступлению, и воины, круша направо и налево, пробивались сквозь ряды противника. Солнце поднялось уже высоко и начало немилосердно припекать. Среди легионеров бегали юноши, подавая в кожаных флягах воду, ведь многие уже давно осушили те запасы, которые несли с собой, но все равно продолжали сражаться.

Юлий распорядился два последних копья метнуть вслепую, наугад. Местность была ровной, и противники вытащили те из них, которые воткнулись в землю, и послали их обратно. Однако мягкие железные наконечники погнулись от столкновения с землей, и снаряды

летели плохо, так и не набрав скорости. Юлий увидел, как всего в нескольких футах от него один из воинов поднял руку, чтобы отбить угрожающее копьё, но удар оказался слишком сильным, а человеческая кость – хрупкой. Теперь уже не приходилось сомневаться: гельветы готовы сражаться до последнего. Полководец вызвал к себе самого старшего из командиров Аримина.

Центурион Бериций выглядел вполне свежим, спокойным и уверенным в себе. Глядя на него, трудно было предположить, что это не учения, а настоящий, жестокий и кровавый бой.

– Возьми тысячу воинов и атакуй оставшуюся у нас в тылу колонну, – распорядился Цезарь.

Услышав такой приказ, Бериций заметно разволновался.

– Но, командир! – осмелился возразить он. – Я не вижу в этих людях никакой опасности! Это просто обоз, а в нем женщины и дети.

Юлий кивнул, соглашаясь, но спросил себя, не придется ли жалеть о том, что назначил на ответственный военный пост столь гуманного человека.

– Это приказ, центурион. Однако разрешаю двигаться на выполнение задания с максимальным шумом и громом.

Бериций не сразу понял суть последней фразы, однако через несколько мгновений лицо его озарила широкая улыбка.

– Будем орать как ненормальные, даю слово! – пообещал он и отсалютовал.

Цезарь посмотрел вслед уходящему римлянину и подозвал вестового.

– Передай Октавиану, что отборная конница может атаковать так, как сочтет нужным, – распорядился он.

Бериций подошел к своим легионерам, и Юлий заметил движение в рядах воинов – приказ передавали по цепи. Через несколько минут из сражения вышли две когорты, а поредевший строй тут же сомкнулся. Юлий услышал, как воины Аримина с нарочито громким криком развернулись и начали показное наступление на вражеский обоз. Бериций даже взял с собой горнистов, и те постоянно играли, производя такой шум, что скоро в долине не осталось ни единого человека, который не сознавал бы грозящую опасность.

Поначалу воины гельветов бросились в бой с удвоенной энергией, но отборная конница нанесла несколько хорошо рассчитанных ударов

по флангам, и дисциплина римлян быстро одержала верх над стихийным натиском племени. Вскоре варваров охватило отчаяние: они увидели, что легионеры направились к незащищенному обозу.

Вдали послышался победный клич, и Юлий вытянул шею, пытаясь разглядеть, что же происходит. Он приказал командирам перестроить ряды, выдвинув вперед свежие силы, и сам последовал за ними. Усталость давала о себе знать. Сколько времени они сражаются? Солнце словно застыло в небе.

Радостные крики на левом фланге становились все громче, и это вселяло надежду. Вдруг прямо перед лицом Цезаря возникли два вражеских воина; прикрываясь широкими щитами, они отчаянно сражались, прокладывая себе дорогу в рядах римлян. Полководец успел рассмотреть широко открытый рот и безумные глаза одного из нападавших и тут же с силой пронзил его мечом почти насквозь. Человек с криком упал, а Марк Антоний для верности полоснул его по горлу. Второго из нападавших сбил с ног стоящий рядом легионер и, став коленом на грудь врага, прикончил его. А уже через минуту варвары с громким звоном побросали оружие и, тяжело дыша и едва держась на ногах от усталости, подали знак, что прекращают битву. С мрачным удовольствием Юлий приказал своим воинам остановиться и оглянулся: вся долина была усеяна мертвыми телами. Погибших оказалось столько, что земля покраснела от крови. Все застыло в неподвижности, и лишь две римские когорты продолжали свой путь.

В обозе уже осознали поражение и ответили отчаянным плачем и причитаниями. В этот же момент снова раздались и радостные крики, и теперь уже Юлий безошибочно определил, что так приветствуют победу воины Десятого и Третьего легионов. Взяв у ближайшего из горнистов блестящий бронзовый рог, полководец сам сыграл нисходящий сигнал. Тем самым он предупредил Бериция об отмене атаки на безоружных людей. Едва заслышав звук, легионеры тут же остановились, сохраняя безупречность строя, и Цезарь не смог сдержать улыбку. Против него выдвигали множество самых разных обвинений, но в качестве дисциплины тех легионов, которыми он командовал, усомниться было невозможно.

Полководец остановился, снял шлем и с удовольствием подставил лицо прохладному ветерку. Отдал командирам приказ собрать воинов по подразделениям. Это необходимо было сделать как можно скорее,

чтобы сохранить состояние капитуляции. По военной традиции деньги за взятых в плен и ставших рабами вражеских воинов распределялись между легионами. Такая мера предотвращала убийства, но Юлий прекрасно знал, что в боевом запале многие из легионеров готовы перерезать горло невооруженному противнику, особенно если тот только что ранил его самого или товарища. Горнисты, не смолкая, играли сигнал к прекращению боя. Наконец разгоряченные и возбужденные воины начали постепенно приходиться в себя, а в рядах возникла видимость порядка.

Специальные отряды собирали брошенные на поле битвы копья и мечи, а уже вернувшаяся конница Октавиана встала на охрану оружия. Варваров поставили на колени, приказав сомкнуть за спиной руки. Те же мальчишки, которые совсем недавно обслуживали легионеров, теперь приносили воду тем из пленных, кого мучила жажда. Юлий же расхаживал среди легионеров, поздравляя воинов с победой.

Осознав собственное торжество и увидев огромные потери противника, римляне прониклись гордостью и даже выпрямились, словно и не устали в тяжелой схватке. Они прекрасно понимали свою силу, и сознание превосходства вселяло гуманность. Юлий с радостью смотрел, как один из воинов подзвал разносчика воды к связанному варвару и даже помог тому напиться.

Полководец ходил среди своих людей, желая как можно точнее оценить потери, и каждый римский воин старался встретиться с Цезарем взглядом. Если это удавалось, то взрослые, закаленные в кровавых схватках воины приветствовали своего военачальника так же уважительно, как малые дети приветствуют почтенного учителя.

Брут прискакал верхом на лошади, всадник которой погиб в бою.

– Какая прекрасная победа, Юлий! – восторженно воскликнул он, спрыгивая на землю.

Собравшиеся вокруг воины узнали серебряные доспехи центуриона и, перешептываясь, показывали на них друг другу. Почтительное выражение их лиц казалось таким наивным, что Цезарь улыбнулся. Он считал, что в бою серебряные доспехи просто опасны, потому что защищают гораздо хуже простого, скромного железа. Но Брут все-таки настоял на своем, заявив, что блеск доспехов вселяет в воинов уверенность и боевой дух. Что ни говори, а он по праву носит титул лучшего бойца своего поколения!

Вспомнив забавный разговор, Цезарь похлопал друга по плечу.

– Если бы ты знал, как я обрадовался, наконец-то увидев тебя в долине, – ответил на молчаливую благодарность Брут.

Юлий взглянул, ожидая вопроса. Потом с улыбкой приказал привести наказанного разведчика. Брут с искренним изумлением смотрел на несчастного римлянина, связанного так, как связывали только пленных. Незадачливому служивому пришлось идти маршем вместе с легионерами, причем стоило замешкаться хотя бы на мгновение, как он тут же получал тычок в спину. Юлий обрадовался тому, что парень все-таки выжил, а радость победы смягчила сердце грозного полководца. Потому заслуженную порку решено было отменить.

– Развяжи его, – велел Цезарь надсмотрщику, и тот одним быстрым движением перерезал веревку.

Едва не плача, горе-разведчик попытался вытянуться и перед полководцем, и перед победителем боевого турнира.

– Так вот, Брут, этот молодой воин доложил мне, что враг занял тот самый холм, на который я приказал подняться тебе. Видишь ли, в темноте он принял два отборных римских легиона за беспорядочную толпу варваров.

Брут весело расхохотался:

– И ты решил отступить? Ну, Юлий, это просто...

Он никак не мог сдержать смех, а Цезарь смерил горемыку шутливо-яростным взглядом.

– Понимаешь ли ты, как пострадала бы моя репутация военного гения, если бы все вокруг увидели, как я ухожу от собственных войск? – поинтересовался он.

– Прости, командир, я подумал, что там говорили на галльском наречии, – сбивчиво оправдывался разведчик. От смущения он стал красным как рак.

– Да уж, перепутать нетрудно, – жизнерадостно заметил Брут. – Вот для того-то, парень, и существуют пароли. Прежде чем убежать к своим, ты должен был крикнуть и проверить.

Разведчик уже немного успокоился и даже попытался улыбнуться, но лицо Брута вдруг стало серьезным.

– Если бы из-за твоей нерадивости наступление задержалось чуть дольше, последствия могли бы оказаться страшными и тогда

улыбаться не пришлось бы.

Жалкое подобие улыбки исчезло.

– Наказание следующее, – решил Юлий, – удержать жалованье за три месяца и лишить коня до тех пор, пока твой командир не решит, что тебе снова можно доверять.

Молодой человек с облегчением вздохнул и, боясь поднять глаза и встретиться взглядом с начальством, быстро отсалютовал и ушел. Цезарь повернулся к Бруту; оба улыбнулись.

– План оказался замечательным, – заметил центурион.

Юлий кивнул и велел подать коня. Садясь в седло, он окинул взглядом поле битвы и с удовлетворением заметил, что там воцаряется обычный для римлян порядок. Раненым оказывали помощь, а тела убитых уже собрали и готовили к погребальному огню. Тех, кто получил тяжелые раны и увечья, предстояло отвезти на лечение в римскую провинцию. Оружие и доспехи убитых через некоторое время передадут новым рекрутам. Вакансии, образовавшиеся в командном составе, заполнят, повысив в звании самых достойных легионеров. Приказ о продвижении по службе Цезарю предстояло подписать собственноручно. Мир возвращался к обычному порядку, и даже жара уже не действовала столь угнетающе.

Глава 24

Юлий сидел на складном стуле в огромном шатре царя племени гелветов и пил из золотой чаши пурпурное вино. Среди присутствующих царило легкое, даже радостное настроение. Особенно налегали на содержимое царских погребов командиры из Аримина, однако Юлий даже не пытался их остановить. Они честно заслужили отдых, тем более что работа впереди предстояла немалая. Полководец и сам не сразу понял, что одна лишь перепись трофеев займет изрядное количество времени, так что даже сейчас, ночью, воины продолжали носить, пересчитывать и учитывать имущество варваров. Публий Красс во главе четырех когорт отправился на поле битвы, чтобы забрать оставшиеся там копья, мечи и щиты. Поручение это нельзя было назвать почетным, однако сын бывшего консула показал себя хорошим организатором, достойным отца, и быстро, без шума и суеты, собрал своих людей.

К тому времени как на западе солнце начало опускаться за линию горизонта, Десятый и Третий галльский легионы уже получили оставленные на поле наконечники копий. Многие, конечно, были искорежены настолько, что в дело уже не годились. Красс погрузил собранные детали на трофейные повозки и отправил к военным кузнецам, чтобы те переплавили их на новые. По иронии судьбы одну из когорт возглавлял Герминий Катон, после службы в Испании получивший повышение. Юлий спросил себя, задумывались ли эти двое о той враждебности, которая неизменно стояла за вежливыми приветствиями их отцов.

– Запасов зерна и сушеного мяса вполне хватит на несколько месяцев, если, конечно, правильно хранить, – удовлетворенно заметил Домиций. – Одно лишь оружие стоит целого состояния, Юлий. Некоторые мечи выкованы из добротного железа, но даже бронзовые неплохи, а уж их рукояти и подавно стоит сохранить.

– А как насчет денег? – поинтересовался Цезарь, внимательно разглядывая чашу, из которой только что пил.

Рений открыл стоящий неподалеку мешок и вытащил несколько грубых монет.

– Вот так они здесь выглядят, – пояснил он. – Сплав серебра с медью. Вряд ли представляют какую-то ценность, хотя таких денег здесь целые сундуки.

Юлий взял одну из монет и поднес поближе к лампе. Кусочек потускневшего металла оказался выщербленным, причем изъян доходил почти до центра.

– Странно. Изображение напоминает птицу, однако из-за серьезного дефекта трудно сказать наверняка.

Полог шатра откинулся, и, впустив поток свежего ночного воздуха, вошли Брут и Марк Антоний.

– Ты собираешь совет, Цезарь? – уточнил Брут.

Полководец кивнул. Центурион тут же выглянул на улицу, чтобы позвать Цирона и Октавиана.

– Пленники под надежной охраной? – поинтересовался Рений.

– Связаны, – ответил Марк Антоний. – Однако если вдруг ночью им вздумается уйти, то сделать это будет совсем не трудно, так как часовых у нас катастрофически не хватает.

Здесь командир форта заметил мешок с деньгами и, взяв одну из монет, принялся внимательно ее разглядывать.

– Ручная работа? – уточнил Цезарь, заметив интерес.

Марк Антоний кивнул:

– Эти действительно отчеканены вручную, хотя большие города производят монеты ничуть не хуже римских. Здесь есть прекрасные кузнецы, и некоторые из их произведений очень красивы. – Воин положил монету в протянутую ладонь Рения. – Но конечно, эти монеты к ним не относятся. Грубо сработаны.

Юлий указал пришедшим на стулья. Те сели и приняли чаши, наполненные густым вином из запасов местного царя.

Марк Антоний осушил свой кубок быстро и с видимым удовольствием:

– А вот вино просто отличное. Ты уже решил, что будешь делать с толпами гелветов? Если хочешь, могу подкинуть пару идей.

Рений откашлялся:

– Хотим мы того или нет, но теперь отвечаем за этих людей. Ведь если мирные люди пойдут на юг без охраны воинов, эдуи их просто убьют.

– В том-то и проблема, – негромко заметил Юлий, потирая усталые глаза. – Вернее, проблема заключена вот здесь. – Полководец взял со стола кусок мелко исписанного пергамента и показал товарищам. – Адан говорит, что это список членов племени. Ему потребовалось несколько часов, чтобы просто пересчитать людей.

– И сколько же получилось? – нетерпеливо уточнил Марк Антоний.

Все внимательно смотрели на Юлия, ожидая ответа.

– Девяносто тысяч одних лишь воинов, да еще раза в три больше женщин, детей и стариков.

Цифры сразили всех. Октавиан заговорил первым, даже не пытаясь скрыть изумления:

– А сколько человек мы взяли в плен?

– Около двадцати тысяч, – ответил Юлий.

Он сохранил непроницаемое выражение лица, зато остальные прореагировали бурно и с удивленным смехом начали радостно хлопать друг друга по спине.

– Так что же, значит, мы убили семьдесят тысяч? – недоверчиво присвистнул Октавиан. – Целый город!

Слова отрезвили членов совета: ведь и правда, в долине и на холме остались лежать кучи мертвых тел.

– А каковы наши потери? – негромко уточнил Рений.

Юлий ответил сразу, без промедления:

– Восемьсот легионеров, причем среди них двадцать четыре командира. И примерно столько же раненых. Многие из них, как подлечатся, смогут воевать снова.

Рений изумленно покачал головой:

– Соотношение вовсе не плохое.

– Выпьем за то, чтобы и дальше было не хуже!

С этими словами Цезарь поднял царскую чашу. Остальные последовали примеру полководца.

– Но теперь у нас на руках тьма народу, – напомнил Марк Антоний. – Долина открыта со всех сторон, а эдуи не дремлют: того и гляди явятся грабить обоз. Не сомневайтесь, так оно и будет. Завтра к полудню сюда явится еще одна армия и потребует половину имущества гелветов.

– Теперь уже нашего имущества. Оно принадлежит нам по праву, так же как и сами варвары, – быстро заметил Рений. – Но, честно говоря, кроме этих чаш, я пока не заметил ничего стоящего.

– С эдуями придется поделиться, – задумчиво произнес Юлий. – Они ведь потеряли целую деревню, да и битва происходила на их земле. Кроме того, нам нужны союзники, а Мхорбэйн обладает колоссальным влиянием. – С этими словами полководец повернулся к Берицию, который еще не успел снять забрызганных кровью доспехов. – Пусть твои люди возьмут десятую часть трофеев и сохранят ее для эдуев, – распорядился он.

Бериций тут же поднялся. Как и все остальные, он был бледен от усталости, однако вышел из шатра твердым шагом, и скоро все услышали его бодрый командный голос. Приказ требовалось исполнить немедленно.

– Так что же ты намерен делать с пленными? – поинтересовался Брут.

– Риму нужны рабы, – коротко ответил Юлий, а потом пояснил: – Конечно, цена окажется не слишком высокой, но на эту кампанию нам

необходимы средства. Пока что единственное наше богатство – вот эти монеты. Нечем платить жалованье легионерам Десятого и Третьего галльского, а кроме того, ежедневно надо кормить целых шесть легионов. Наши воины прекрасно понимают, что деньги от продажи новых рабов достанутся им, и многие уже обсуждают свой доход.

Услышав эти слова, Марк Антоний заметно напрягся. Его собственный легион получал деньги непосредственно из Рима, и он считал, что с другими расплачиваются точно так же.

– Я не знал... – начал было он, но осекся. – Можно мне сказать?

Юлий кивнул. Марк Антоний протянул свою чашу Бруту, но тот словно не заметил жеста.

– Если ты отправишь варваров в Рим, то их земли останутся пустыми до самого Рейна. А там живут германские племена, и они с готовностью явятся сюда и займут брошенную территорию. Галлы уважают сильных воинов, но для этих чужаков из-за реки они добрых слов не находят. Так что вряд ли стоит допускать их на границы римской провинции.

– Мы могли бы и сами занять эту землю, – заметил Брут.

Марк Антоний покачал головой:

– Оставив здесь несколько легионов для охраны берегов Рейна, мы впустую потеряем половину войска. Сейчас эта земля – просто прах. Продовольствие придется завозить сюда до тех пор, пока поля не расчистят и не засеют. Кто будет их обрабатывать? Наши легионеры? Нет, самое разумное – отослать гельветов обратно, на их исконные земли. Пусть охраняют наши северные рубежи. В конце концов, им есть что терять.

– А эти жестокие племена, о которых ты говорил, не расправятся с ними? – уточнил Юлий.

– У племени осталось еще целых двадцать тысяч воинов. Это совсем не мало, учитывая, что они будут насмерть сражаться против любого нового захватчика. Эти люди уже видели, на что способны легионеры. Так что если они не смогут уйти на юг, то будут вынуждены остаться здесь и защищать свои поля и дома до последней капли крови. Еще вина, Брут!

Брут недовольно взглянул на Марка Антония, но тот, явно не обратив внимания на отказ, снова протянул чашу.

– Очень хорошо, – выслушав мнение, заключил Цезарь. – Хотя нашим воинам это и не понравится, мы оставим гельветам достаточно продовольствия, чтобы они смогли вернуться домой, а остальное заберем себе. Для защиты я вооружу каждого десятого из пленников. Все остальные трофеи должны отправиться в Рим, конечно за исключением той десятой доли, которая причитается эдуям. Благодарю тебя, Марк Антоний, за хороший совет. – Цезарь внимательно посмотрел на членов военного совета. – Я сообщу Риму о наших успехах. Сейчас, в то время как мы говорим, секретарь записывает доклады. Надеюсь, вы не слишком устали, потому что я хочу отправиться домой уже с первыми лучами солнца.

Последнюю фразу собравшиеся встретили тихим, но дружным стоном, и Цезарь улыбнулся:

– Мы задержимся лишь для того, чтобы отдать эдуям их долю, а потом стремительным маршем отправимся в собственную провинцию, чтобы прийти туда уже через день. – С этими словами полководец зевнул, и все вокруг тоже прикрыли рты руками. – Ну а после всего этого уже наконец-то выспимся. – Цезарь поднялся, и члены совета последовали его примеру. – За дело, летом ночи коротки!

Следующий день заставил Юлия проникнуться уважением к организаторским способностям гельветов. Даже собрать такое количество людей к дальнему переходу казалось задачей не из легких, а уж чтобы обеспечить их продовольствием на все время пути, потребовался не один час. Дело было поручено легионерам Десятого, и скоро его воины уже исправно обслуживали длинную очередь варваров с мешками, мисками и корзинками. Запасы выдавались каждому уцелевшему члену племени.

Гельветы до сих пор не могли поверить своей участи. Тех из эдуев, которых они взяли в плен, пришлось силой изолировать, поскольку рано утром произошли два убийства. Женщины этого племени с такой яростью мстили захватчикам, что удивлялись даже бывалые воины. Юлий велел повесить двух особенно отчаянных, и месть прекратилась.

Ближе к полудню из леса показалась армия эдуев. Цезарь уже давно поджидал их, но решил, что встречаться с гельветами им

незачем. А потому, заметив вдалеке союзников, выслал к ним гонца с одним-единственным словом: «Подождите!»

Полководец прекрасно понимал, какой хаос может начаться, если несколько тысяч рассерженных воинов увидят разбитую, потрепанную вражескую колонну. Чтобы поддержать дух и терпение союзников, за гонцом к лесу отправилось несколько волов, запряженных в повозки, до самого верха нагруженные оружием и конфискованным у гельветов добром. Те пленники, которых Цезарю удалось освободить, отправились вместе с трофеями. Юлий был рад возможности избавиться от них. Он щедро поделился с союзниками, хотя Марк Антоний и предупреждал, что те в любом случае решат, будто все лучшее римляне оставили себе. На самом же деле полководец не стал делиться с дружественными галлами лишь золотыми чашами. Их он раздал командирам легионов.

Солнце перевалило за полдень, а гельветы все еще оставались в долине. Юлий заметно нервничал – настолько, что лицо его покрылось красными пятнами. Племя никак не могло тронуться с места, главным образом потому, что в жестоком бою погибли почти все вожди и предводители. Люди бесцельно толпились, не в силах найти точку опоры. Юлию даже пришла в голову мысль использовать собственных надсмотрщиков, чтобы те отдали команду к движению.

Наконец двум тысячам воинов из тех двадцати, которых освободили из плена, отдали оружие. Ощувив в руках мечи, мужчины расправили плечи и начали чувствовать себя куда более уверенно. Теперь их уже не объединял тот жалкий вид, который отличает всех без исключения пленников и рабов. Именно эти вооруженные воины и организовали колонну, придав ей некое подобие строя. Прозвучал звук одинокого горна, и гельветы тронулись в обратный путь. Цезарь с облегчением вздохнул. Однако, как и предсказывал Марк Антоний, едва стало ясно, что варвары направляются на север, в долину с криками хлынули эдуи, стремясь перехватить неприятелей.

Юлий велел горнистам вызвать шесть легионов, которым предстояло преградить путь воинам Мхорбэйна. Однако трудно было сказать, остановятся ли те, или день придется завершить еще одним сражением. Сейчас он сам пребывал в таком настроении, что почти хотел этого.

Строй эдуев растянулся по длине на четверть мили. Воины миновали поле вчерашней битвы, над которым уже поднимался смрад тысяч так и не погребенных тел. Трудно было бы придумать лучший способ продемонстрировать силу римских легионов. Теперь слух о мощи победителей распространится по всей округе.

Цезарь наблюдал, как перед строем показался сам Мхорбэйн в сопровождении двух знаменосцев. Широкие полотнища развевались на ветру. Юлий наблюдал за происходящим спокойно, ведь гелветы отошли уже достаточно далеко. Однако многие римляне оглядывались с опаской, они были зажаты в узком пространстве между двумя крупными воинскими отрядами. Но сам Цезарь не ощущал ни малейшего волнения. Усталость принесла с собой опустошающее спокойствие, словно уходящая вдаль колонна унесла с собой все его чувства.

Мхорбэйн спешил и широко раскинул руки для братского объятия, однако Юлий даже не шагнул навстречу, и вождь рассмеялся, скрывая смущение:

– Еще ни разу не видел столько мертвых врагов, Цезарь. Это поразительно. Ты добр ко мне, а те дары, которые прислал, просто великолепны. Они особенно приятны, если учесть, где ты их взял. В знак благодарности я привел столько скота, что хватит на целый пир. Воины наедятся на много дней вперед. Преломишь ли ты со мной хлеб?

– Нет! – к явному изумлению вождя, резко ответил Юлий. – Не здесь. Оставленные на поле мертвые тела порождают болезни. Они на твоей земле, и необходимо как можно скорее их сжечь или похоронить. А мне предстоит вернуться в провинцию.

Отказ обидел и рассердил Мхорбэйна.

– Ты считаешь, что я обязан провести целый день, роя ямы для трупов гелветов? Нет уж, пусть гниют – в назидание. Ты здесь чужой и незнаком с древним обычаем пировать после победы. Земные боги должны видеть, что живые уважают мертвых. Необходимо проводить погибших в дальний путь, иначе они просто не смогут уйти.

Юлий устало потер глаза. Он уже забыл, когда в последний раз спал. Пожав плечами, попытался найти слова, чтобы успокоить союзника:

– Вместе с войском я возвращаюсь к подножию горы. Буду рад, если ты сможешь ко мне присоединиться. Там мы отпразднуем победу и поднимем чаши за погибших. – Полководец заметил, что Мхорбэйн задумчивым взглядом провожает удаляющуюся колонну, и продолжал уже более твердым голосом: – Но те из гельветов, которым довелось выжить в битве, до возвращения в родные земли останутся под моей защитой. Понимаешь?

Галл с сомнением взглянул на римлянина. Он решил, что всех этих людей угоняют в рабство. А тот факт, что их просто отпускают на свободу, никак не укладывался у него в голове.

– Под твоей защитой? – медленно повторил он.

– Именно. И каждый, кто посмеет напасть на эту колонну, сразу станет моим смертным врагом, – решительно ответил Юлий.

Мхорбэйн молча пожал плечами, а потом пригладил бороду:

– Что ж, хорошо, Цезарь. Я отправлюсь туда с охраной и встречу тебя, как победителя.

Юлий похлопал союзника по плечу и отвернулся, чтобы дать команду горнистам. Мхорбэйн с восхищением смотрел, как они играют сигнал к движению. Звуки разносились по долине, и шесть легионов, словно один человек, подчиняясь команде, мгновенно развернулись. Земля вздрогнула, а полководец удовлетворенно улыбнулся, наблюдая, как воины тронулись в путь безупречным строем, оставив за спиной Мхорбэйна и его воинов. Дойдя до края долины, Юлий подозвал Брута:

– Передай приказ. Идем без остановок всю ночь. Пировать будем, когда окажемся дома.

Полководец знал, что воины примут вызов, невзирая на крайнюю усталость, и отправил вперед Десятый легион, чтобы тот задавал темп марша.

На заре шесть легионов пересекли последний перевал и оказались в римском поселении у подножия Альп. Пришлось преодолеть больше сорока километров сложного пути, и Юлий смертельно устал. Всю дорогу он прошел пешком рядом со своими людьми, понимая, что личный пример полководца придаст им силы. В военном деле не бывает мелочей. И действительно, несмотря на крайнюю усталость и страшные мозоли на сбитых в кровь ногах, воины радостно

приветствовали показавшиеся вдали крыши домов и в последний раз прибавили шаг.

Юлий собрал вестовых:

– Передайте, что впереди восемь часов полного отдыха, а после этого – роскошный пир. Но если они так же голодны, как и я, то ждать, конечно, не захотят, а потому, как только войдем в лагерь, все получат холодное мясо и хлеб, чтобы немного подкрепиться.

Вестовые отправились в войско, а Цезарь горделиво спросил себя, можно ли сравнивать его людей со спартанцами или войском Александра Великого. По выносливости и скорости переходов, во всяком случае, они ничуть не хуже.

К тому времени как Мхорбэйн подошел к перевалу, солнце поднялось уже высоко и Цезарь крепко спал. Мхорбэйн подъехал к самому лагерю, удивляясь работе римлян. Построенная ими темная стена терялась вдали, решительно прорезая живописный пейзаж. Под ее защитой вырос целый город: здания, палатки, улицы и дороги. Не доходя нескольких миль до поселения, вождь уже видел тот путь, который протоптало римское войско, а потому мог представить его масштаб. Но реальность оказалась фантастической. Такое зрелище предугадать было невозможно. Мхорбэйн откинулся в седле и взглянул на своего главного охранника.

– Что же это за удивительные люди, Арторат? – изумленно воскликнул он.

Арторат не ответил, он пристально вглядывался в даль.

– Всадники, – коротко сообщил он. – Чужие.

Мхорбэйн развернул коня и взглянул на склон мягко спускающегося холма. Наконец, после долгого молчания, кивнул:

– Это вожди племен собираются, чтобы познакомиться с новым для наших мест человеком. Им не понравится, что он расправился с гельветами без их участия.

Скоро группы всадников стали уже ясно различимы. Все они несли мирные знамена. Казалось, каждое из племен огромной земли прислало к Цезарю, в римское поселение, своих предводителей.

Мхорбэйн снова внимательно посмотрел на обширный лагерь с прочными укреплениями и ровными, четко размеченными улицами.

– Если повести дело с умом, от этих римлян можно получить немалую выгоду, – начал он размышлять вслух. – Чего стоит одна

лишь торговля продовольствием! Одно плохо – армия эта не стоит на месте. А кроме того, насколько я понял, Цезарь совсем не прочь повоевать. Что же, в таком случае у нас найдутся для него и другие враги помимо гельветов.

– Твои интриги до добра не доведут, – ворчливо заметил Арторат.

Мхорбэйн удивленно взглянул на великана, под которым мощный жеребец выглядел миниатюрным пони. Вождь не видел никого сильнее и больше Артората, хотя иногда казалось, что ум его недотягивает до физической стати.

– Ты считаешь, что телохранители должны разговаривать со своими господами именно так? – высокомерно поинтересовался Мхорбэйн.

Арторат взглянул безмятежно-голубыми глазами:

– Мхор, я сказал не как охранник, а как брат. Только посмотри, что они сделали с гельветами. Легче оседлать медведя, чем справиться с этими чужестранцами. С медведя даже если и свалишься, то все равно можно встать на ноги.

– Иногда просто не могу поверить, что мы с тобой сыновья одного отца, – заметил в ответ Мхорбэйн.

Арторат беззлобно усмехнулся:

– Чтобы родить второго сына, он выбрал крупную женщину. А ради нее пришлось убить троих – отец сам рассказывал.

– И в результате получился такой вот бык. Но не вождь племени, запомни, братишка! Вождь должен уметь защитить своих людей не одними лишь огромными кулаками.

Арторат засмеялся, и Мхорбэйн продолжил:

– Эти люди нам очень нужны, Арторат. В союзе с ними эдуи найдут путь к процветанию. Это правда, нравится она тебе или нет.

– Если для ловли мышей завести змей, Мхорбэйн...

Вождь вздохнул.

– А ты вообще можешь обходиться без этой звериной мудрости? Умнее от этого ты вовсе не кажешься. Ребенок и тот говорит яснее.

Арторат сверкнул глазами, однако промолчал. А Мхорбэйн удовлетворенно кивнул:

– Спасибо, брат. Надеюсь, что весь сегодняшний день ты постараешься быть мне прежде всего телохранителем, а уже потом братом. Ну так что же, поедешь со мной?

Ожидая, пока Цезарь проснется, небольшой отряд расположился на отдых. Мхорбэйн отправил гонцов, чтобы те поторопили пастухов, ведущих скот для праздничного пира. Скоро стадо подошло, и уже в полдень коров и быков начали забивать, причем и сам вождь, и его брат приняли самое активное участие в приготовлении мяса.

Подходили царьки других племен, и Мхорбэйн приветствовал земляков, забавляясь их изумленным видом. Никто не ожидал увидеть этого серьезного человека расхаживающим среди туш и гор мяса с красными по локоть руками и отдающим распоряжения относительно пира на тридцать тысяч человек. Скоро устроили огромные очаги и накрыли их тяжелыми железными решетками. К небу начал подниматься аромат жареного мяса. Он выманил из палаток еще сонных легионеров, и те тоже начали помогать в грандиозных приготовлениях, с удовольствием облизывая пальцы.

Проснулся Марк Антоний. Не желая спешить, он потребовал принести из реки несколько ведер воды, чтобы как следует вымыться и тщательно побриться. Может быть, Юлий и собирается проспать самое крупное сборище племенных вождей в истории, но сам он не может в праздник показаться людям с двухдневной щетиной на щеках. Прошел час, и воинов пришлось будить. Из палаток доносились самые соленые проклятия – измученные битвой и долгим переходом, легионеры никак не хотели просыпаться. Однако обещание вкусной еды, а главное, аромат жареного мяса действовали на настроение самым удивительным образом. Многие последовали примеру Марка Антония и, прежде чем надеть парадную форму, принялись тщательно мыться и бриться.

В римской провинции было немало небольших деревушек, и Марк Антоний послал людей, чтобы те купили масло, соус, ароматные травы и фрукты. Боги позаботились о воинах, и деревья ломались от яблок и апельсинов, пусть пока еще и не совсем спелых. Из апельсинов выжимали сок, и легионерам, которым так долго приходилось пить одну лишь воду, он показался вкуснее вина.

Цезарь проснулся одним из последних. Жара угнетала. Он отдыхал не в палатке, а в доме, построенном коренными жителями поселения и лишь расширенном римлянами. Те, кто его строил, не меньше самих римлян любили чистоту, так что Юлий смог вымыться – пусть и холодной водой, но в специальной комнате, – а потом растерся

оливковым маслом. Процедура принесла ощущение чистоты, свежести и бодрости. Подставив лицо для бритья, полководец наконец почувствовал, что напряжение многих дней спадает, мышцы расслабляются, а впереди маячат несколько действительно приятных часов. Прежде чем одеться, Юлий тщательно оглядел собственное тело, считая синяки и ссадины. Особенно пострадал живот – Цезарь и сам не заметил, когда получил такой сильный удар. Горячка боя дала себя знать. Одевался полководец медленно, с удовольствием ощущая на коже прохладную свежесть чистого полотна, ведь так долго приходилось терпеть запах пота, пыли и грязи! Волосы запутались в гребне. Юлий потянул и расстроено заметил, что в руке у него осталась целая прядь. Зеркала в комнате не было, и он попытался вспомнить, когда в последний раз видел собственное отражение. Неужели он лысеет? Это же просто ужасно!

Пришли Брут, Домиций и Октавиан. Все трое блистали начищенными до солнечного сияния серебряными доспехами – теми самыми, в которых сражались во время боевого турнира.

– Встретиться с тобой хотят вожди многих местных племен, Юлий, – возбужденно заговорил Брут. – Неподалеку от лагеря расположились не меньше тридцати посольств. Все они пришли под мирными флагами и изо всех сил пытаются скрыть интерес к нашей численности, вооружению и силе.

– Прекрасно, – ответил Юлий, пытаясь подыграть энтузиазму товарища. – Поставьте для них столы в большом зале. Придется усадить всех, если, конечно, они не испугаются тесноты.

– Все давно готово, – вступил в разговор Домиций. – Все ждут только тебя. Правда, Марк Антоний в бешенстве. Говорит, что гости не сдвинутся с места до тех пор, пока ты сам их не пригласишь. Ну а мы не позволяли ему тебя будить.

Юлий улыбнулся:

– Ну что же, вперед! Пора приглашать дорогих гостей!

Глава 25

Юлий занял свое место во главе длинного стола. Воздух в зале был не просто теплым, а густым – гостей собралось очень много. Пиршество готовилось поспешно, и потому стол грубо склотили из

свежих досок, но под скатертями этого заметно не было. Еще утром, когда полководец вошел в дом, большая комната была пуста. Однако Марк Антоний и плотники сумели очень быстро приготовить все необходимое для пира.

Цезарь пригласил Мхорбэйна сесть по правую руку от него, и вождь с явным удовольствием занял почетное место. Человек этот казался умным и симпатичным, и Юлий невольно спросил себя, кто из сидящих за столом вождей со временем станет другом, а кто – неприятелем.

Гости выглядели весьма пестро, и все-таки во внешности проглядывали общие черты, словно предки у них были общими. Лица сухие и твердые, словно вырезанные из дерева. Многие не брили бороду, хотя какой-то общий стиль в растительности заметить было трудно. Юлий увидел и пышные усы, и наголо бритые головы, и даже длинные косы, окрашенные у корней в рыжий цвет. Единство отсутствовало и в одежде, и в доспехах. Некоторые щеголяли золотыми и серебряными пряжками, которые непременно восхитили бы даже искусную Александрию. Наряды других выглядели совершенно просто. Юлий увидел, как Брут внимательно рассматривает чеканный зажим на плаще Мхорбэйна, и решил выторговать его за несколько серебряных монет, а при встрече подарить мастерице. Вспомнив Александрию, он вздохнул: так хотелось оказаться дома, сесть за длинный стол с друзьями и услышать родной, прекрасный и понятный язык, а не гортанное воркование галлов.

Как только гости расселись и успокоились, Цезарь жестом подозвал Адана, встал и обратился к вождям с приветственной речью. Для столь важной встречи престарелый и не слишком знающий переводчик Мхорбэйна вовсе не годился.

– Добро пожаловать на мою землю, – приветствовал Цезарь и сделал паузу, ожидая, пока Адан произнесет эти же слова на галльском наречии. – Наверное, вам уже известно, что мне удалось помешать гельветам пройти по территории моей провинции и по землям племени эдуев. Я совершил это по просьбе Мхорбэйна и надеюсь, что вы воспримете успех как свидетельство искреннего и дружественного расположения.

Адан начал переводить длинное обращение, а Цезарь внимательно наблюдал за выражением лиц гостей. Языковой барьер неожиданно оказался преимуществом. Паузы давали возможность обдумать следующую фразу и в то же время проверить, как слушатели воспринимают уже сказанное, сосредоточенно внимая словам Адана.

– Гражданам Рима не приходится жить в постоянном страхе вражеского нападения, – продолжил Юлий. – Зато у них есть дороги, торговля, театры, бани, дешевая и вкусная еда. Они имеют в своем распоряжении и чистую воду, и законы, способные защитить их права и интересы.

По лицам гостей Цезарь понял, что ошибся: напрасно он начал так подробно описывать достоинства римской жизни. Этих людей вовсе не заботили блага и удобства, которые могли бы получить их соплеменники.

– Но еще более важно... – быстро изменил тему Юлий, – еще более важно то, что римские вожди могут похвастаться обширными землями и домами, во много раз превосходящими вот этот небольшой форт. У них есть рабы, готовые моментально исполнить любое приказание, а кроме того, лучшие в мире вина и лошади. – Такой поворот темы вызвал более живую реакцию. – Каждый из вас, кто захочет стать моим союзником, узнает все это и сам. Я собираюсь протянуть римские дороги сюда, в Галлию, и наладить торговлю с самыми далекими землями. Вы увидите дотоле неизвестные прекрасные вещи, а ваши товары узнает весь мир.

Некоторые из гостей заулыбались и закивали, но в этот момент поднялся молодой воин, и все взгляды устремились на него. Над столом повисла полная тишина. Юлий почувствовал, как рассердился сидящий слева от него Брут. В фигуре человека не было ничего необычного. Короткая борода, светлые волосы, собранные на затылке. Как и многие за столом, он был невысок, коренаст, явно очень силен и одет в шерсть и потертую, выдавшую виды кожу. Однако, несмотря на крайнюю молодость, галл окинул уважаемое собрание дерзким взглядом холодных голубых глаз; изборожденное глубокими шрамами лицо казалось насмешливым и злым.

– А если мы отвергнем твои пустые обещания? – громко спросил воин.

Адан начал переводить, а Мхорбэйн поднялся во весь рост рядом с Цезарем:

– Сядь, Цингето, и замолчи. Тебе хочется получить еще одного врага? Давно ли народ твоего отца живет в мире?

Мхорбэйн говорил на собственном наречии, а молодой галл отвечал так быстро и горячо, что Адану с трудом удавалось следить за его мыслями. Двое устроили за столом настоящую перепалку, и Цезарь дал себе слово как можно скорее выучить их язык. Он знал, что Брут уже занимается с учителем, и решил присоединиться к его ежедневным урокам.

Вдруг светловолосый воин в ярости выскочил из-за стола и, громко хлопнув дверью, покинул зал. Мхорбэйн, зло прищурившись, посмотрел ему вслед.

– Цингето считает, что люди должны воевать, а не есть, – заметил опытный вождь. – Арверны всегда были очень несговорчивы и воинственны, так что пусть это тебя не тревожит. К счастью, его старший брат Мадок куда спокойнее, а отцовскую корону унаследует именно он. – Подобный поворот дела явно взволновал Мхорбэйна, однако он постарался улыбнуться. – Не обращай внимания на грубость мальчишки. Далеко не все здесь думают так же, как он.

Юлий велел, чтобы внесли угощение, и на столах появились аппетитно дымящиеся большие блюда с говядиной и бараниной. Повара постарались: политое оливковым маслом мясо красиво блестело, а душистые травы разжигали и без того немалый аппетит. Вслед за мясом внесли корзины с ароматным хлебом, тарелки тонко нарезанных фруктов и блюда жареной дичи. Цезарь с трудом скрыл удивление – Марк Антоний оказался расторопнее, чем он предполагал.

Неловкость, неизбежная после бурной выходки Цингето, быстро потонула в звоне тарелок. Вожди с энтузиазмом приступили к щедрому угощению. Каждый достал собственный нож и начал срезать горячее мясо. Вино разбавляли водой из чаш для полоскания рук, так что удивленным слугам приходилось постоянно их наполнять. Юлий понимал, что вожди вовсе не хотят напиться допьяна и потерять контроль над ситуацией, а потому, недолго думая, налил воды и в свой кубок. Брут и Октавиан переглянулись и с усмешкой последовали примеру полководца.

Неожиданно за дверью раздался такой громкий стук, что некоторые из гостей подскочили. Цезарь тоже встал, однако Мхорбэйн остался сидеть и лишь нахмурился:

– Не иначе как балуется Арторат, мой телохранитель. Наверняка уже нашел с кем побороться.

Гром повторился, и Мхорбэйн вздохнул.

– Это тот самый великан, который приехал вместе с тобой? – с интересом уточнил Юлий.

Мхорбэйн кивнул:

– Ему слишком быстро становится скучно, но разве с родственником сладишь? Наш отец ради его матери затеял настоящую войну с арвернами, хотя был уже далеко не молод. Люди Цингето так и не простили нам этого похищения, хотя сами нередко добывают себе жен точно таким же способом.

– Наверное, женщинам такой обычай не слишком нравится, – задумчиво произнес Цезарь, пытаясь вникнуть в суть рассказа.

– Им не нравится, когда в темноте по ошибке забирают другую, – расхохотался Мхорбэйн. – Вот тогда уж действительно неприятностей не оберешься. Нет, Юлий, во время праздника в Белтане, куда племена собираются, чтобы торговать и обмениваться, сходится много пар. Тебе стоит когда-нибудь там побывать и посмотреть, как все это происходит. Интересно! Женщины вовсе не скрывают своих пристрастий и желаний и совсем не стесняются сказать молодому воину, что он мил сердцу. А уж украсть красотку из племени – это просто удивительное приключение! Помню, моя жена дралась со мной, словно волчица, но даже ни разу не пискнула и не позвала на помощь.

– Почему же? – удивился Юлий.

– А вдруг ее действительно спасли бы? Мне кажется, ей очень понравилась моя борода. Представляешь, пока я пытался взвалить ее на плечо, чтобы утащить к себе, она вырвала из нее целый клочок, и потом у меня на подбородке долго светилась проплешина.

Цезарь со смехом наполнил кубок гостя, а тот сразу разбавил вино водой.

– Никогда не видел, чтобы вот так использовали воду для полоскания рук, – заметил галл, – хотя идея вовсе не плоха, особенно когда вино такое крепкое.

Арторат неожиданно согнулся и хватил Домиция за пояс. Домиций потерял равновесие и почувствовал, что взлетает. Ощущение полета было пьянящим, но слишком кратким, и уже через пару секунд пришлось приземлиться. Удар вышел довольно ощутимым, и Домиций едва не задохнулся. Он лежал, стараясь стонать как можно жалобнее. Арторат стоял над поверженным соперником и посмеивался.

– А для такого щупленького парнишки ты очень силен, – одобрительно пророкотал он, хотя уже выяснил, что ни один из римлян не понимает его слов.

Большому галлу эти люди вовсе не казались очень понятливыми. Сначала, когда он продемонстрировал им монетку и попытался объяснить, что это ставка, они приняли его за сумасшедшего. Потом один из них подошел слишком близко, и Арторат, заворчав, шлепнул парня по заднице. Здесь до них наконец дошло, что к чему, и каждый вытащил собственную монетку и положил к остальным.

Домиций был уже пятым соперником силача за вечер. Арторат неизменно пробовал каждую выигранную монетку на зуб, чтобы проверить, действительно ли она серебряная. Пока Мхорбэйн сидит за столом, пытаясь очаровать римского предводителя, он вполне успеет заработать на новую лошадь.

Арторат заметил Цирона – тот стоял поодаль от остальных. Взгляды богатырей встретились лишь раз. Арторат сразу понял, что этот римлянин – то, что ему нужно. Предвкушая радость очередной схватки, он постарался опустить Домиция к ногам потенциального соперника.

– Ну, кто следующий? – прогремел Арторат, по очереди тыкая в каждого пальцем и выразительно шевеля бровями, словно разговаривая с малыми детьми.

Домиций уже успел встать и лукаво улыбался, подняв ладонь в красноречивом жесте.

– Подожди, слон! У меня есть для тебя достойный соперник! – медленно произнес он.

Арторат пожал плечами. Домиций скрылся в большом доме, а великан поманил пальцем Цирона, одновременно другой рукой подбросив в воздух монетку. К его удовольствию, тот тут же кивнул и снял доспехи, оставшись лишь в набедренной повязке и сандалиях.

Арторат взял палку и начертил на земле круг, а потом знаком пригласил Цирона переступить черту. Ему нравилось бороться с большими людьми. Коротышки уже привыкли смотреть на соперника снизу вверх, но даже воинам такого роста, как Цирон, не приходилось встречать подобных Арторату гигантов. Это давало огромное преимущество, которого ни зрители, ни сами соперники не осознавали.

Цирон начал разминаться, и Арторат отошел в сторону, чтобы заняться собственными упражнениями. После пяти поединков он, конечно, вовсе не нуждался в разминке, однако двигаться перед зрителями великан любил больше всего на свете, а к этому времени римские легионеры уже окружили небольшой пяточок плотной толпой. Так что Арторат с большим удовольствием крутился и прыгал.

– В ваших краях тоже считается, что большие люди неуклюжи и неповоротливы? Так, что ли, солдатики? – поинтересовался он, хотя и видел, что никто его не понимает.

Вечер принес прохладу, и галл наслаждался собственной силой.

Цирон вошел в круг, и зрители приготовились к захватывающему зрелищу. В этот момент на крыльце дома показались Домиций и Брут.

– Подожди, Цирон, – задыхаясь от быстрого бега, попросил Домиций. – Брут хочет сразиться, пока ты не расправился с этим буйволом.

Увидев соперника, Брут остановился как вкопанный. Человек оказался огромен, словно скала. А такой, как у него, мускулатуры не было, наверное, ни у кого в мире. Дело здесь не только в силе: голова Артората выглядела раза в полтора больше головы Цирона, а кости куда толще, чем у любого нормального человека.

– Шутишь? – обратился Брут к Домицию. – Смотри, какой он огромный! Нет, Цирон, борись ты, не жди меня!

– Но я боролся с ним. И один раз даже едва не опрокинул.

– Не может быть, – решительно возразил Брут. – Где же тогда твои синяки? Одного его удара окажется вполне достаточно, чтобы твой нос выскочил через затылок.

– Секрет в том, что он совсем не бьет. То, что он делает, очень похоже на греческую борьбу, если тебе доводилось ее видеть. Он, конечно, ловко работает ногами, чтобы поймать противника, однако

все остальное – это захваты и броски. Действует этот парень на редкость искусно, но я действительно едва его не одолел!

Цирон спокойно стоял, ожидая, чем закончится разговор, а Арторат переводил взгляд с одного римлянина на другого, совершенно не понимая, о чем идет речь.

– Я смогу его победить, – наконец произнес Цирон, дождавшись паузы.

Брут взглянул на галла с сомнением:

– Как ты это себе представляешь? Он же словно гора.

Цирон пожал плечами:

– Мой отец был таким же великаном. И показал мне несколько хороших приемов и бросков. На самом деле это не греческая борьба. Отец научился ей у египтянина. Давайте покажу.

– Показывай! – с явным облегчением пригласил Брут.

Арторат посмотрел на него, и Брут помахал рукой в сторону Цирона.

Цирон снова переступил линию круга, но на сей раз сделал это в молниеносном выпаде. Арторат в ту же секунду повторил движение, и соперники столкнулись с такой силой, что стоящие вокруг воины даже зажмурились. Не останавливаясь ни на мгновение, Цирон разорвал хват, которым галл хотел обездвижить его, и отскочил, уходя от подсечки, – противник сильным ударом по икре рассчитывал свалить римлянина... Цирону удалось ускользнуть. Он попытался отпрыгнуть в сторону, однако в последний момент Арторат резко повернулся и схватил соперника, не дав ему уйти.

Ноги борцов переплелись, каждый стремился перебросить другого через спину.

Арторат заломил сопернику руки и уже собирался перекинуть его через бедро, однако Цирон ловко присел, освободившись от захвата и пытаясь сбить галла с ног. Увы, тот был слишком тяжелым, а потому только покачнулся. Тут же, надавив на горло Цирона скрещенными предплечьями, соперник едва не опрокинул его.

Такой прием мог бы стать решающим. Однако Цирон сумел поставить подножку, и гигант повалился, словно огромное дерево. Цирон упал сверху. Не успели римляне понять, что произошло, как борцы схватились еще отчаяннее. Захват за хватом, бросок за броском – каждый из приемов казался опаснее предыдущего.

Арторат снова сжал горло Цирона мощными руками. Римлянин схватил противника за мизинец и с силой дернул. Галл тихо застонал от боли, однако хватку не ослабил. Побагровевший от удушья Цирон нащупал еще один палец и дернул сильнее. Только после этого великан отпустил противника и начал растирать поврежденную руку.

Цирон вскочил на ноги первым, хотя и слегка покачиваясь. Галл поднимался медленно, явно рассерженный и распаленный, словно раненый медведь.

– Может быть, уже хватит? – обеспокоенно спросил Домиций.

Никто не ответил.

Арторат попытался нанести сильный удар ногой, но Цирон ловко увернулся, и прием прошел впустую. Римлянин сделал шаг в сторону и схватил галла за пояс, пытаясь приподнять. Соперник был слишком тяжел, так что усилие оказалось совершенно напрасным. Арторат, в свою очередь, схватил римлянина за запястье, однако сломанные пальцы отказывались служить. Галл взревел, и в этот момент Цирон с силой стукнул его ногой по колену, опрокинув на спину. Пораженный и растерянный, тяжело дыша, великан так и остался лежать. Цирон сочувственно кивнул и протянул руку, помогая поверженному борцу встать.

Брут с интересом наблюдал, как великан развязал кошелек и протянул победителю одну из выигранных монет. Цирон, однако, лишь махнул рукой и похлопал достойного соперника по плечу.

– Ну что, Брут, попробуешь? – слегка насмешливо поинтересовался Домиций. – Пальцы у него уже сломаны, сам знаешь.

– Я бы, конечно, рискнул, но это уже будет нечестная схватка, – ответил Брут. – Лучше отведи его к Кабере, пусть старик займется рукой. Она парню еще пригодится.

Он знаками объяснил Арторату, что надо делать. Однако великан лишь небрежно пожал плечами – он знал куда более серьезные ранения. А кроме того, набитый серебряными монетами кошелек приятно оттягивал пояс и казался лучшим лекарством.

Выражение лиц собравшихся вокруг зрителей удивляло: на них читалось открытое дружелюбие и сочувствие. С симпатией смотрели даже те, кого он только что победил. Один из римлян принес амфору с вином и сам сломал восковую печать. Многие хлопали по плечу,

притрагивались к руке. Да, Мхорбэйн все-таки прав: это действительно странные люди.

На темном летнем небе звезды сияли особенно ярко. Венера уже скрылась, зато небольшой красный диск Марса был виден очень четко. Юлий приветствовал покровителя воинов, подняв кубок, а потом протянул его Мхорбэйну, чтобы тот подлил вина. Остальные галлы давно ушли. Пир прошел прекрасно. Вино, даже разбавленное, сделало свое дело, и к концу застолья гости заметно расслабились. Юлий разговаривал со многими: спрашивал имена, запоминал названия племен. Полководец чувствовал себя в долгу перед Мхорбэйном, ведь именно этот человек переводил беседу с латыни на галльское наречие и обратно. Сейчас, оставшись с галлом наедине, он испытывал к нему искреннюю симпатию, в немалой степени подогретую винными парами.

В лагере царил полная тишина. Неожиданно где-то неподалеку крикнула сова, и Юлий вздрогнул. Взглянул на кубок, пытаясь вспомнить, давно ли перестал разбавлять вино водой.

– У вас прекрасная страна, – произнес он.

Мхорбэйн пристально взглянул на римлянина. Он пил гораздо меньше остальных, однако с редким мастерством копировал замедленные, смазанные движения изрядно перебравшего человека.

– И поэтому ты хочешь забрать ее себе? – проговорил вождь и затаил дыхание, ожидая, что же ответит на неприкрытую колкость римлянин.

Казалось, Цезарь не заметил напряжения сидящего рядом, на влажной прохладной земле человека и просто поднял кубок к звездам, пролив при этом изрядное количество вина.

– А чего вообще хочет человек? Если бы ты обладал моими легионами, разве не мечтал бы о власти над этой щедрой землей?

Мхорбэйн кивнул. Да, ветер в Галлии переменился, и вождь вовсе не жалел о том, на что пошел ради спасения своего народа.

– Имей я твои легионы, непременно стал бы царем, – ответил он. – Взял бы имя Мхорикс или, может быть, Мхорбэйнрикс.

Юлий удивленно взглянул на собеседника:

– Рикс?

– Это означает «царь», – пояснил галл.

Юлий замолчал, задумавшись, а Мхорбэйн снова наполнил кубки и тут же осушил свой.

– Но дело в том, Цезарь, что даже царю необходимы сильные союзники. Твои люди хорошо сражаются в пешем строю, однако кавалерией ты не слишком богат. А мои воины родились в седле. Тебе необходима помощь эдуев, но как я могу доверять тебе? Где гарантии, что ты не пойдешь против нас?

Цезарь посмотрел собеседнику в глаза:

– Я человек слова, галл. А это значит, что если я назвал тебя своим другом, то буду считать другом до конца дней. Враги эдуев станут моими врагами, а их друзья превратятся в моих друзей.

– Да, врагов у нас немало, но есть один, который особенно угрожает моему народу.

Юлий вспыхнул – вино давало себя знать.

– Назови имя этого негодяя и можешь считать, что его уже нет в живых.

– Зовут его Ариовист, а правит он свевами и несколькими захваченными племенами. В жилах этих людей течет холодная германская кровь. Глаза их безжалостны, словно лед. Это жестокие всадники, которые живут лишь ради сражений. С каждым годом они совершают набеги все дальше на юг. Всех, кто пытается сопротивляться, не раздумывая убивают, а земли забирают себе – в качестве трофея. – Мхорбэйн наклонился ближе к Юлию и с жаром заговорил: – Но тебе же удалось поставить на колени гельветов, Цезарь. А если с тобой рядом помчатся мои всадники, то легионы без труда опрокинут этих заносчивых воинов. Тогда у твоих ног окажутся все племена Галлии.

Юлий долго молчал, глядя на сверкающие в темном небе звезды.

– Но ведь я могу оказаться пострашнее Ариовиста, друг мой, – наконец едва слышно произнес он.

Глядя во мрак ночи горящими темным огнем глазами, Мхорбэйн улыбнулся. Предсказания он считал делом друидов, но и в самом деле страх, вызванный приходом на родную землю чужестранцев, не покидал вождя. Потому он и предложил помощь кавалерии. Союз легионов с искусными галльскими всадниками защитит народ.

– Такое может случиться, но истину покажет лишь время. Если ты выступишь против Ариовиста, то сразиться необходимо до

наступления зимы. Год воинов заканчивается с первым снегом.

– Неужели здесь такие суровые зимы?

Мхорбэйн жестко улыбнулся:

– Никакие слова не дадут тебе полного представления, друг мой. Первую луну мы называем «думманиос», что означает «самые темные глубины». После нее становится все холоднее и холоднее. Когда это время настанет, ты сам все поймешь, особенно если отправишься на север. А чтобы разбить моих врагов, тебе непременно придется это сделать.

– И ты отдашь под мое командование кавалерию? – уточнил Цезарь.

Мхорбэйн взглянул собеседнику в глаза.

– Если мы станем союзниками, – тихо заключил он.

– Договорились.

К немалому изумлению Мхорбэйна, Юлий вытащил из-за пояса кинжал и полоснул себя по правой ладони. Потом протянул клинок собеседнику:

– Скрепим договор кровью, Мхорбэйн. Без этого он недействителен.

Мхорбэйн взял кинжал и тоже разрезал ладонь. Рукопожатие оказалось крепким: кровь римлянина слилась с кровью галла. Рана была болезненной, и Мхорбэйн невольно подумал, оправданна ли она. А Цезарь снова воздел кубок к стоящей в небе красной планете:

– Клянусь Марсом, что теперь эдуи – мои друзья и союзники. Даю слово консула и полководца.

Юлий выпустил руку вождя из своей и в очередной раз наполнил кубки из амфоры, которую держал на коленях.

– Итак, свершилось! – торжественно произнес он.

Мхорбэйн вздрогнул, пристально взглянул на римлянина и, с трудом глотая прохладную влагу, осушил кубок до дна.

Глава 26

Помпей стоял на белом мраморном балконе храма Юпитера и смотрел вниз, на расстилающуюся у его ног просторную площадь форума. С вершины Капитолийского холма сердце Рима открывалось взору, слово на ладони. Сейчас картина вовсе не радовала.

Красс тоже внимательно смотрел на собравшуюся на площади толпу, однако выглядел бесстрастным и спокойным. Он молча слушал сердитое бормотание Помпея, который то и дело тыкал пальцем в очередной возмутительный эпизод.

– Смотри же, Красс! Видишь? Негодяи! – Помпей уже не мог удержаться от крика.

Красс посмотрел туда, куда указывал дрожащий палец. Через площадь к зданию сената двигалась длинная цепочка людей в черных тогах. Время от времени странная процессия останавливалась, чтобы воскурить фимиам. Крассу почудилось даже, что ветер доносит звуки погребальной песни, которой идущие сопровождали свое печальное шествие. Помпей же, услышав пение, буквально застыл от возмущения. Красс едва не рассмеялся.

– Что они придумали?! – побагровев от гнева, завопил Помпей. – Кто дал им право так надо мной насмеяться? Весь город смотрит на эти траурные одежды. Конечно, чернь рвется к зрелищам! И каким же окажется результат? Увидишь, Красс, плебеи оправдают сегодняшний бунт актом неповиновения сената. Мне придется снова объявить комендантский час, и в очередной раз меня обвинят в единоличном правлении!

Красс негромко откашлялся, тщательно подбирая слова. Внизу по площади шествовала длинная вереница сенаторов. Почувствовав запах фимиама, они остановились.

– Ты же и сам предполагал, что они могут воспротивиться нашему соглашению, Помпей, – наконец заговорил он. – Ведь именно от тебя я услышал о начинающемся делении на фракции.

– Верно. Но такого открытого проявления несогласия я никак не ожидал, даже несмотря на все неприятности в курии. Конечно, частично вина лежит на плечах глупца Светония. Он носит с этим торговцем, Клодием, так, как будто тот важная птица, а вовсе не главарь банды. Надо было тебе жестче с ним разделаться, Красс. Ты бы видел, как они обсуждали и изучали мое законодательство. Можно было подумать, что они опытные сенаторы. Это нестерпимо! Порою действительно хочется взять в свои руки ту власть, в присвоении которой меня так упорно обвиняют. Вот тогда и увидим, что к чему. Если бы я стал диктатором хотя бы на полгода, то сумел бы искоренить раскол и ликвидировать все это... это... – Подходящее слово никак не

приходило, и Помпей просто махнул рукой в сторону раскинувшегося внизу форума.

Сенаторы приближались к зданию курии. Красс услышал громкие радостные крики – это толпа приветствовала их вызывающее поведение, обращенное против Помпея.

Красс в душе не испытывал к коллеге сочувствия. Помпею не доставало гибкости и тонкости в обращении с оппонентами; эти качества он заменял излишней резкостью, пытаясь насильно подчинить себе сенат. В душе Красс соглашался с теми, кто считал правление Помпея фактической диктатурой, испытывавшей терпение Вечного города.

Внизу, на форуме, процессия подошла к ступеням курии и остановилась. Те, кто ее придумал, явно играли с огнем, раздражая Помпея. Инсценировка похорон умершей республики задумывалась как предупреждение общественности. Но она же могла переполнить чашу терпения, и тогда даже самые слабые ростки демократии окажутся безжалостно затоптаны. Действительно, в случае бунта Помпей получит полное право сжать город твердой рукой. А от этого шага уже совсем недалеко до диктатуры. От нее же избавление только одно – гражданская война.

– Если бы ты смог хоть на минуту отвлечься от гнева, – негромко заговорил Красс, – то непременно понял бы, что они вовсе не хотят толкнуть тебя еще дальше. Неужели это слишком много – восстановить запрещенные тобой же выборы? Ведь в народных трибунах сейчас твои люди. Так почему нельзя разрешить выборы на следующий срок? Это сразу сняло бы накал направленных против тебя демонстраций и дало выигрыш во времени.

Помпей молчал. Он внимательно наблюдал, как сенаторы скрываются в здании курии. Тяжелые бронзовые двери захлопнулись, отгородив законодателей от народа. Заполнившая площадь возбужденная толпа продолжала волноваться и шуметь. Казалось, люди и не замечали тяжелых взглядов легионеров Помпея. Хотя похоронная процессия закончилась, молодые горожане настолько возбудились, что отказывались покидать площадь. Оставалось лишь надеяться, что центурионам хватит сдержанности, чтобы не разогнать толпу силой. Когда Рим в таком настроении, восстание может вспыхнуть от малейшей искры.

Помпей наконец заговорил. Голос его звучал разочарованно и печально:

– Они зажали со всех сторон, Красс. Даже когда сенат еще поддерживал меня, эти сукины дети, трибуны, вставали и накладывали вето на каждый из моих законов. Противостояли мне открыто. Именно потому я и решил поставить на эти должности собственных людей. Во всяком случае, сейчас мои труды не разрушают просто так – из-за глупой причуды.

Красс внимательно взглянул на коллегу. Да, Помпей очень изменился за год. Под глазами набрякли темные мешки, лицо осунулось. Времена наступили нелегкие. Граждане испытывали силу своих вождей, и Крассу было приятно оказаться в стороне от непрекращающейся борьбы. Огромная ответственность камнем легла на плечи Помпея. Красс даже задавался вопросом, не жалеет ли тот об опрометчиво заключенной сделке. Цезарь получил Галлию, Красс – флот и целый легион. Помпею же досталась отчаянная борьба: она началась с первого заседания сената, на котором бывшему консулу пришлось проводить законопроект от имени Юлия.

Поначалу сенат спокойно воспринял смену власти, но очень скоро стали формироваться фракции. А потом в состав законодательного органа вошли новые люди – такие, как торговцы Клодий и Милон. После этого игра стала опасной для всех. Разнесся слух о том, что Бибула то ли убили, то ли кастрировали, и сенаторы уже дважды требовали его присутствия в зале заседаний и подробных объяснений. Помпей разрешил отправить новому консулу письма, однако тот в точности выполнил распоряжение Юлия: явившиеся на виллу посыльные обнаружили ее темной, пустой и запертой на все засовы.

Два заседания едва не закончились потасовками, и после этого, несмотря на протесты законодателей, Помпей выставил в зале сената воинский караул из числа своих легионеров. Теперь уже недовольство приходилось высказывать перед зрителями, а все обсуждения оказались публичными. Хотя Красс и считал ярость Помпея забавной, последствия ее не могли не волновать.

– В одиночку Римом править невозможно, друг мой, – пробормотал он.

Помпей тут же бросил на товарища недовольный взгляд:

– Покажи, какие законы я нарушил! Мои трибуны назначены, а не избраны. Но ведь прежние завели работу сената в тупик, а нынешние такого себе не позволяют.

– Нарушилось равновесие в системе, Помпей. Те коррективы, которые ты ввел, вовсе не мелочь. Ведь трибуны выражали мнение толпы. Пытаясь изменить это положение, ты серьезно рискуешь. А если сенат сплотится против тебя, то пересилить его окажется вовсе не легко, – ответил Красс.

Плечи Помпея устало поникли, но Красс не ощущал сочувствия. Этот человек занимался политикой так, словно каждую проблему можно было решить сразу и запросто. Действительно, он был прекрасным военачальником, тем не менее оказался очень плохим хозяином в городе, причем сам никак не хотел признать эту истину. А то обстоятельство, что правитель сам попросил Красса о встрече наедине, лишь доказывало значительность проблем, даже если гордость и не позволяла Помпею открыто просить помощи.

– Но ведь роль трибунов и заключается в ограничении власти сената, Помпей. Возможно, им не стоило так открыто и решительно тебе противостоять, но замена не принесла ничего, кроме гнева граждан. – Помпей снова вспыхнул, и Красс продолжил торопливо, словно боясь не успеть высказать все, что считал нужным. – Если ты снова сделаешь должности трибунов выборными, то сразу вернешь утраченные позиции, – настойчиво советовал он. – Фракции решат, что одержали победу, и распадутся. Нельзя позволять им набирать силу. Клянусь Юпитером, это самая опасная ошибка! Свою позицию ты уже проявил вполне ясно. Так пусть же теперь все увидят, что традиции Рима тебе дороги так же, как и всем остальным. В конце концов, введенные тобой законы уже никуда не денутся.

– Так что же, ты предлагаешь дать возможность вернуться тем самым глумливым невежам, которые блокировали все мои законы? – резко возразил Помпей.

Красс пожал плечами:

– Тем самым или другим, которых изберут граждане. Если изберут тех же, то, конечно, жизнь не покажется тебе легкой. Так ведь никто и не говорит, что Римом править легко. Наши люди впитывают демократию с молоком матери. Порою мне даже кажется, что их ожидания слишком завышены. Во всяком случае, им совсем не

нравится, когда расправляются с законно выбранными представителями.

– Постараюсь все это обдумать, – неохотно пообещал Помпей и отвернулся от форума.

Красс сомневался, что собеседник в полной мере осознал опасность. Помпей продолжал считать, что сопротивление сената – преходящая трудность, а вовсе не ядро конфликта, из которого может вырасти восстание.

– Уверен, что ты сумеешь принять правильное решение, – заключил Красс.

Юлий устало потер лицо. Сколько он проспал? Час или больше? Он не мог вспомнить, когда именно заснул, но, кажется, небо уже начинало светлеть. Все цвета окружающего мира поблекли, а голос Марка Антония приобрел высокомерные интонации, которых раньше не было заметно. Половина личного состава легиона после ночного пира казалась помятой, бледной и немощной, но претор выглядел так, словно собрался на парад. Он явно ощущал собственное моральное превосходство над теми из товарищей, кто позволил себе лишнего. Слушая рассказ Юлия о соглашении с Мхорбэйном, Марк Антоний укоризненно покачал головой.

– Прежде чем обещать поддержку, непременно надо было посоветоваться со мной, – заявил он, даже не пытаясь скрыть раздражение.

– Но Мхорбэйн сказал, что этот Ариовист скоро начнет доставлять неприятности и нам. А потому лучше покончить с ним сейчас, пока он еще не пустил здесь корни. Чем дальше, тем труднее будет отбросить его войско обратно за Рейн. Нам необходимы союзники, Марк Антоний. Эдуи пообещали предоставить в мое полное распоряжение три тысячи всадников.

Марк Антоний попытался унять негодование:

– Да они готовы пообещать все что угодно. Но я не поверю, пока своими глазами не увижу обещанного. Я предупреждал тебя, что Мхорбэйн – очень умный и хитрый вождь. Похоже, и сейчас ему удалось столкнуть две самые сильные армии Галлии. Не сомневаюсь, что подобное соглашение ловкач заключил и с Ариовистом. Теперь же

эдуи будут преспокойно пожинать плоды войны, которая сломает шеи обоим противникам.

– Здесь, в Галлии, я не видел силы, способной нам противостоять, – равнодушно заметил Цезарь.

– Ты просто еще не знаешь германских племен. Они живут во имя войны, постоянно держат войско в боевой готовности и всеми силами его поддерживают. А кроме того, Ариовист... – Марк Антоний вздохнул. – Ариовиста трогать нельзя. Он друг Рима – носит этот титул на протяжении десяти лет. Так что если ты вздумаешь с ним воевать, сенат имеет право тут же аннулировать твое командование.

Юлий в ярости хватил претора за плечи.

– Почему же ты не сказал мне об этом раньше? – отчаянно воскликнул он.

Марк Антоний покраснел:

– Кто мог подумать, что тебе придет в голову заключить такое соглашение? Ты же едва знаешь Мхорбэйна! Разве можно было догадаться, что наши легионы вдруг окажутся нацелены на область, расположенную за триста миль отсюда, на другом конце страны?

Юлий разжал суровое объятие и на шаг отступил.

– Ариовист – жестокий завоеватель, Марк Антоний. А мой единственный союзник попросил помощи. Если честно, мне наплевать, мечтает ли Мхорбэйн увидеть, как мы ломаем друг другу шеи или нет. И меня вовсе не пугает сила противника. Как ты думаешь, зачем я привел легионы в Галлию? Ты видел эту землю? Здесь можно, не глядя, где угодно бросить в почву горсть семян. На завтра они уже взойдут, а послезавтра принесут урожай. Лесов здесь столько, что можно построить несколько флотов, а стада такие, что и не сосчитать. А что дальше, за самой Галлией? Мне хочется увидеть все своими глазами. Триста миль – лишь один шаг того пути, о котором я мечтаю. Мы пришли сюда не на одно лето, претор. Мы останемся здесь навсегда – дай только построить дороги, чтобы другим было легче шагать.

Марк Антоний изумленно слушал:

– Но ведь Ариовист – один из нас! Ты же не можешь просто...

Юлий кивнул и поднял руку. Претор замолчал.

– Чтобы построить дорогу отсюда до равнины, потребуется месяц. По ней смогут пройти баллисты. Я больше не собираюсь воевать без

орудий. Отправлю к этому Ариовисту посланца, чтобы договориться о встрече. Отнесусь к нему со всем уважением, которого заслуживает друг Рима. Это тебя удовлетворит?

Марк Антоний с облегчением вздохнул:

– Разумеется. Надеюсь, мои слова тебя не обидели. Я просто заволновался, как воспримут все происходящее там, дома.

– Понимаю. Можешь прислать ко мне посыльного, я отдам ему письмо, – с улыбкой ответил Юлий.

Коротко кивнув, Марк Антоний вышел из комнаты, а Цезарь повернулся к Адану. Испанец слушал разговор, открыв от изумления рот.

– Что ты застыл? – резко одернул секретаря полководец и тут же пожалел о сказанном.

В висках отчаянно стучало, в горле пересохло, а желудок казался пустым, словно его вывернули наизнанку. Туманные воспоминания подсказывали, что ночью не раз приходилось наведываться к сточной канаве: все содержимое желудка осталось именно там. Внутри ощущалась лишь желчь, но и она комками поднималась к горлу.

Адан заговорил, тщательно подбирая слова:

– Наверное, именно так было и в моей стране. Римляне решили нашу судьбу за нас, словно испанцы не в состоянии сделать это сами.

Юлий хотел было резко оборвать юношу, но передумал:

– Ты считаешь, воины Карфагена оплакивали собственные завоевания? А как твой народ решал судьбу тех людей, которые жили в Испании до его появления? Эти кельты пришли из какой-то далекой страны. Полагаешь, твоих предков волновала судьба коренных жителей? А ведь вполне возможно, что и они когда-то завоевали эту землю, только очень давно. Так что не считай свой народ лучше моего, Адан. – Юлий замолчал, с силой сжал переносицу и прикрыл глаза, пытаясь справиться с головной болью. – Имей я сейчас ясную голову, то объяснил бы сложившуюся ситуацию понятнее. Ведь дело не только в силе. Карфаген был на редкость могуч, но победа над ним изменила мир. Греция долго оставалась самой мощной страной, а потом потеряла свою силу. Тогда пришли мы и подчинили ее себе. О боги! Для такого раннего и серьезного разговора я слишком много выпил этой ночью!

Адан слушал, не прерывая. Он чувствовал, что Цезарь готов сказать что-то действительно весомое, а потому даже немного подался вперед, чтобы не пропустить ни слова. Юлий же заговорил совсем тихо, словно гипнотизируя собеседника:

– Страны не завоевывают без крови. Мужчин убивают, женщин насилюют. Все ужасы, какие только можно себе представить, происходят тысячи раз, но потом битвы заканчиваются, и победители устраиваются на новых землях. Они возделывают поля, строят города и принимают законы. И наступает процветание, Адан, хочешь ты того или нет. Приходит справедливость и власть закона. Тех, кто наживается за счет соседей, наказывают и изолируют от остальных. Это делать необходимо, потому что даже завоеватели стареют и начинают мечтать о мире. Потом пришельцы перемешиваются и сливаются с теми, кто жил на земле до них, и вот они уже не кельты, не карфагеняне и даже не римляне. Они... как вино и вода, неразделимы. Все начинается с битвы, но потом люди поднимаются, словно на гребне волны, Адан. Я покажу тебе дикие места, где теперь стоят города.

– И ты во все это веришь? – спросил Адан.

Юлий открыл глаза и твердо взглянул на юношу:

– Я не верю в одну лишь силу оружия, Адан, хотя, конечно, вижу ее. То, что я сейчас сказал, – правда. Рим – это больше чем острые мечи и сильные воины. Все это будет. Галлы пострадают от моей руки, но я сделаю их сильнее и богаче, чем они сами могут представить.

В эту минуту у двери появился присланный Марком Антонием посыльный и, чтобы привлечь внимание, негромко откашлялся. Собеседники удивленно оглянулись, словно вернувшись в реальный мир, а Юлий снова схватился за голову и застонал.

– Смочи полотенце в холодной воде и попроси у Каберы порошок от боли, – приказал он секретарю.

Юноша продолжал стоять с мрачным выражением лица.

– И все-таки эти идеи кажутся мне странными, Цезарь, – сдержанно заговорил он. – Я понимаю, почему ты говоришь о завоеваниях, – армия рвется в Галлию. Но что сможет утешить семьи, которые потеряют близких?

Юлий ответил с трудом, преодолевая боль:

– Тебе кажется, мальчик, что живущие на здешних землях племена дарят друг другу цветы? Уверяю, это совсем не так. Все они только и норовят, чтобы вцепиться друг другу в горло. Смотри, Мхорбэйну сорок лет, а он один из старейшин племени! Задумайся-ка об этом! Болезни и войны сводят людей в могилу еще до того, как они успеют поседеть. Да, они нас ненавидят, но друг друга ненавидят куда отчаяннее. Так что давай все-таки отложим разговор до более удобного случая. Сейчас я должен продиктовать письмо этому самому Ариовисту. Попрошу «друга Рима» тихо уйти с тех земель, которые он успел захватить, и оставить Галлию в покое.

– Ты считаешь, он подчинится? – с сомнением в голосе спросил Адан.

Цезарь не ответил. Жестом показав Адану, чтобы тот записывал, он начал диктовать письмо царю свевов.

Расчистка лесов для новой дороги на равнину потребовала больше времени, чем планировал Юлий. Легионы работали на жаре целыми днями, но каждый огромный дуб нужно было спилить, а потом убрать в сторону. Тащили и волы, и люди. Кабера выбрал нескольких самых толковых юношей и начал готовить из них помощников, обучая лечить переломы и прочие травмы, неизбежные в таком деле. Два месяца тяжелого труда тянулись мучительно долго, но вот наконец положили первый камень, а к концу четвертого месяца вымощенная плоскими, тщательно обтесанными плитами дорога протянулась на сорок километров. Она оказалась достаточно широкой и крепкой, чтобы без малейшего промедления пропустить катапульты и осадные машины. В горах нашли месторождение гранита, и мощные, отбрасывающие плотную тень столбы теперь отмеряли мили, отделяющие легионы от Рима.

Цезарь собрал военный совет в римском поселении, в большом зале своего дома. Верных союзников, Мхорбэйна и Артората, он усадил на самые почетные места. Окинув внимательным взглядом собравшихся, он дольше других смотрел на Адана. Молодой испанец переводил все письма, которыми обменивались римский полководец и германский вождь Ариовист, и из всех собравшихся он один знал, о чем собирается говорить Юлий. Цезарь же, глядя на него, невольно спросил себя, был ли он сам когда-нибудь так же наивен, как этот

юноша. Если такое и было, то слишком давно – настолько, что он и сам уже забыл.

Ариовист был почти неуловим. Два первых письма вернулись с весьма лаконичным ответом, решительно отвергающим всякий интерес и к самому римскому консулу, и к его легионам. Марк Антоний не уставал повторять, что разговаривать с царем надо осторожно, вежливо и сдержанно, однако письма вождя приводили Юлия в ярость неопределенностью и резкостью тона. В результате таких переговоров уже к концу первого месяца Цезарь с нетерпением ждал, пока закончится строительство дороги и можно будет выступить против германского вождя. Вопрос о его дружбе с Римом отпал сам собой. И все-таки необходимо было делать вид, что мирные переговоры продолжаются. Юлий прекрасно знал, что письма в Рим пишет не только Адан. Помпей держал своих шпионов повсюду, так что сенат, несомненно, в курсе реального положения дел. Оказаться врагом собственного государства Цезарю совсем не хотелось. А пока законодательный орган возглавляет Помпей, недружественного выпада можно ожидать в любую минуту. Несомненно, сенаторов уже успели настроить соответствующим образом, так что даже один лишний голос мгновенно лишит Юлия его полномочий.

Недели тянулись медленно. Приходилось ежедневно встречаться с вождями племен и обещать все, чего тем угодно было потребовать, в обмен на разрешение пройти по их землям и обещание поставок продовольствия. Брут делал огромные успехи в изучении языка галлов и скоро уже смог принять участие в переговорах, хотя его попытки объясниться вызывали у вождей приступы бурного веселья.

Цезарь улыбнулся Адану, и юноша смущенно отвел взгляд. Чем дольше он общался с полководцем, тем больше попадал под влияние этой сильной личности. Теперь уже его не удивляло, почему у консула столько сторонников и последователей. Бесчувственность и жестокость военачальников, которые, не задумываясь, решали судьбы народов, поражали молодого человека. Адан мучительно пытался решить, действительно ли Цезарь так же прямолинеен, как Рений и другие, или он искренне верит, что завоевание Галлии Римом откроет стране новые возможности, которые она не смогла бы получить самостоятельно. Ответ на этот вопрос казался юноше жизненно важным. Если Юлий искренне верил в справедливость миссии Рима и

необходимость той цивилизации, которую она несла, то уважение Адана к консулу было вполне оправданным. Но если все это игра, простое прикрытие алчного завоевания, то приходилось признать, что, оставив Испанию и отправившись по миру вслед за безрассудным и неразборчивым в средствах вождем, он совершил самую серьезную ошибку в своей недолгой жизни.

– Ариовист вновь пренебрег моими письмами и презрительно обошелся с посланцами, – мрачно сообщил Цезарь собравшимся. Те переглянулись. – Хотя Марк Антоний убеждает не забывать о статусе друга, который дарован царю Римом, я больше не в силах терпеть немыслимую дерзость. Разведчики сообщили, что на границах его государства снова собирается многочисленная армия. Явно готовится военный поход. Поэтому я обещал Мхорбэйну поставить легионы на защиту его земель.

С этими словами Юлий взглянул на Марка Антония. Командир форта упорно смотрел на поверхность стола.

– Кавалерия Мхорбэйна поддержит наших всадников, и за это я признателен вождю, – продолжал Юлий. Марк Антоний криво усмехнулся и склонил голову. – Поскольку в прошлом царь германцев оказывал Риму услуги, я не оставлю попыток договориться с ним мирно и буду посылать курьеров даже во время марша. Это даст ему возможность встретиться со мной и уладить все спорные вопросы. Я уже сообщил сенату о своем решении и теперь ожидаю ответа. Боюсь, правда, что не получу его вовремя, до того как настанет час отправляться в поход. – С этими словами Цезарь расстелил на столе большую карту, искусно нанесенную на тончайший пергамент, и придавил углы свинцовыми грузами. Члены совета встали и подошли ближе. – Разведчики отметили все холмы и возвышенности. Земля эта носит название Алсатия и находится в трехстах милях отсюда, в направлении на северо-запад.

– Она граничит с территорией гельветов, – заметил Брут, внимательно вглядываясь в карту, которую привез с собой Мхорбэйн.

Изображенные на ней земли различались лишь по цвету, никаких деталей представлено не было, однако римляне впервые видели страну галлов во всей ее целостности и были заинтригованы.

– Если нам не удастся оттеснить свевов на противоположный берег Рейна, следующее лето окажется для гельветов последним, –

предупредил Цезарь. – Ну а после этого германский вождь непременно двинется на юг, к нашей собственной провинции. Мы просто обязаны надежно утвердиться на этом берегу Рейна и превратить его в естественную границу Галлии. Ни в коем случае нельзя позволять пересекать ее – никому. Если потребуются, я готов даже построить мост и организовать карательные экспедиции вглубь германских земель. Ариовист чересчур дерзок и безрассуден. Сенат предоставил ему слишком много воли.

Произнеся эти неосторожные слова, Цезарь не заметил, как поморщился Марк Антоний.

– Ну а теперь пора собираться в поход. Не будем терять надежду на мир, но подготовимся к войне.

Глава 27

После битвы с гелльетами и нелегкого стремительного перехода назад, в римскую провинцию, спокойный марш по хорошей дороге показался legionарам настоящей прогулкой. Хотя дни все еще стояли жаркие, осень уже начала вступать в права, и деревья окрасились в самые причудливые оттенки желтого и красного цвета.

Марширующая колонна пугала гнездившихся на деревьях ворон, и большие темные птицы с громким карканьем носились в воздухе, омрачая пейзаж. Равнины выглядели совершенно пустыми, и воинам казалось, что они одни в этой стране.

Во главе колонны Цезарь поставил всадников, а за ними – Десятый легион. Конница Мхорбэйна поступила в распоряжение Домиция и Октавиана, и галлы постепенно начали привыкать к строгой дисциплине, царящей в римском войске. Цезарь поблагодарил вождя за помощь, однако сразу предупредил, что к его всадникам будут предъявлять те же требования, что и к legionарам. Больше всех хлопот досталось римским кавалеристам: им пришлось обучать союзников двигаться и воевать в общем строю и подчиняться командам.

За колонной следовали военные машины. Укрепленные и надежно привязанные, они не доставляли хлопот при транспортировке, но для безопасности каждую упряжку сопровождала группа специалистов. Каждая из баллист имела собственное имя, оно было вырезано на

буковом лафете. Более того, орудийные расчеты предпочитали стрелять всегда из одного и того же орудия, считая его своим. Воины думали, что именно их баллиста и сильнее, и точнее, и безопаснее. Огромные механические луки-скорпионы в разобранном состоянии выглядели просто погруженной на повозку кучей железа и дерева. После каждого выстрела троим воинам приходилось снова заряжать несовершенную конструкцию. Зато сила выстрела была огромной: мощная стрела поражала лошадь, проходила сквозь ее тело и убивала следующую. Эти орудия пользовались среди бойцов особым почтением, и, оказавшись рядом, легионеры стремились дотронуться до металла – считалось, что это приносит удачу.

Колонна из шести легионов растянулась по дороге на десять миль. Выйдя на открытую местность, Юлий приказал расширить ряды, и после этого строй стал короче. Земля эдуев была уже совсем близко. Нападения Цезарь не опасался, но все же прекрасно понимал, что тяжелая, нагруженная и оружием, и припасами колонна может стать легкой мишенью. С провинцией связи практически не было, так что в случае опасности приходилось рассчитывать лишь на собственные силы: умение перестроиться и способность быстро реагировать на малейшее изменение обстановки. В своих командирах и солдатах Юлий не сомневался, так что в случае неудачи вина падет на его плечи.

Мхорбэйн с трудом подавил желание присоединиться к римлянам в борьбе против общего врага. Позволить себе этого он не мог: за время долгого отсутствия непременно нашлись бы узурпаторы, готовые занять место вождя. На границе римской провинции он попрощался с готовым в любой момент вступить в бой блестящим строем легионеров и их бесстрашным полководцем.

Дисциплина римлян вызывала у вождя восхищение и даже зависть. Его собственные воины не смогли бы сохранить строй; в ожидании марша они непременно начали бы слоняться по окрестностям в поисках развлечений. По сравнению с ними римские легионеры вселяли и зависть, и страх. На прощание Мхорбэйн задал вопрос, который крутился на языке с тех самых пор, как он увидел собранную против Ариовиста несметную силу.

– Кто же будет охранять твою землю, когда почти все войско отправилось в поход? – поинтересовался он.

Юлий пристально взглянул галлу в глаза:

– Ты, Мхорбэйн. Но уверяю, охрана не потребуется.

Вождь искоса взглянул на сверкающего латами полководца:

– Поверь, друг, найдется немало племен, которые непременно захотят воспользоваться твоим отсутствием. Могут вернуться гельветы, а аллоброги, те и подавно готовы унести все, что смогут поднять.

Он внимательно наблюдал, как Цезарь надел шлем и опустил полностью закрывающее лицо забрало. Теперь римлянин напоминал ожившую статую. Начищенная до блеска нагрудная пластина ослепительно сияла, а сильные загорелые руки с белеющими на темной коже шрамами казались отлитыми из бронзы.

– Они же знают, что мы вернемся, Мхорбэйн, – улыбаясь под железной маской, закончил разговор Юлий.

Шлем пришлось снять уже после первой пройденной мили. Пот заливал глаза, жег и мешал смотреть. Александрия, конечно, искусная мастерица, но ей никогда не приходилось шагать сотни миль в доспехах, даже таких красивых.

Проходя по деревням и небольшим городкам, Цезарь непременно принимал в качестве дани зерно и мясо. Продовольствия постоянно не хватало, и полководец не скромничал. Продукты регулярно присылал и Мхорбэйн, так что для их охраны приходилось выделять специальных часовых. Путь вел все дальше на север. Лагерьям, которые легионеры разбивали на ночь, суждено было стать форпостами римского продвижения на север. Со временем постоянные дороги придут и сюда, и тогда римские купцы смогут продвигаться все дальше и дальше вглубь страны, привозя с собой все, что можно продать. Через два-три года вдоль дорог вырастут форты и охранные посты. Те, у кого нет земли в Риме, переселятся сюда, чтобы начать все заново. Они построят фермы, начнут выращивать скот, возделывать поля и разбогатеют, одновременно подарив процветание новой родине.

Радужная картина живо вставала перед глазами Цезаря. Однако во время этого первого похода против Ариовиста его легионеры едва не дошли до полного истощения сил. Приходилось бороться с голодом, и недоедание, конечно, отрицательно сказывалось и на силе, и на настроении воинов. Юлий с ужасом чувствовал, как устают люди. Он старался пошире раскинуть сеть, сотканную из отрядов легких

конников и пехотинцев-велитов, которым было велено прочесывать местность в поисках провианта и фуража. Галлия оказалась слишком обширной страной, а потому поддерживать связь с эдуюми было все труднее. Выход оставался лишь один: искать новых союзников, готовых снабжать римскую армию продовольствием.

Порой чудилось, что сама земля не хочет пропускать иноземное войско. Густая высокая трава, кочки, небольшие балки и овраги – все это мешало идти, замедляя движение колонны. День считался удачным, если от ночевки до ночевки, от одного временного лагеря до другого удавалось преодолеть двадцать миль.

Разведчики доложили, что за легионами следят всадники, и полководец тотчас отправился с ними, чтобы убедиться в этом. Пока что удалось увидеть лишь нескольких вооруженных верховых, однако легионеров известие вдохновило. Теперь они каждый вечер старательно начищали и смазывали маслом лезвия мечей, а количество записей в штрафном листе заметно сократилось. Цезарь направил на поиски скрывающегося противника небольшой отряд самых быстрых кавалеристов, однако те очень скоро заблудились в лесах и долинах. Хуже того, один из лучших меринов на всем скаку сломал ногу, и всадник, не удержавшись в седле, разбился.

Цезарь не сомневался, что встреченные верховые – разведчики Ариовиста, и все же он очень удивился, когда во время дневного привала перед легионами появился одинокий всадник. Он показался на крутом склоне холма, возле леса. Часовые сразу заметили незнакомца и встретили его сигналами и звуками рога. Воины конной разведки бросили еду и моментально взлетели в седла.

– Подождите! – остановил их полководец, поднимая руку. – Пусть подъедет поближе.

В угрожающем молчании легионы сомкнули ряды. Все взгляды сосредоточились на всаднике, который приближался, не выказывая страха.

Подъехав к первым рядам Десятого легиона, незнакомец спешил. Быстро оглянувшись, он заметил военачальника; его легко было узнать и по доспехам, и по развевавшимся вокруг знаменам, и по собравшейся вокруг группе людей. Чужеземец кивнул и приблизился, упорно сверля Цезаря взглядом. Взгляд этот казался пугающим, и Юлий силой воли подавил растущее беспокойство. Легионеры

взволнованно переговаривались, а многие даже отмахивались, словно от нечистой силы.

Человек был в грубой домотканой одежде и потертых кожаных доспехах. Ноги ниже колен вообще не прикрыты. На плечах блестели круглые металлические накладки, из-за которых фигура выглядела еще более массивной, чем была на самом деле. Незнакомец был очень высокий, хотя и ниже Цирона. С Арторатом же и вообще сравнивать не стоило. Но самыми странными в его внешности римлянам показались форма черепа и лицо.

Такой внешности Цезарю видеть еще не приходилось. Необычный выпуклый, словно нависающий лоб, из-за которого глаза человека смотрели как будто из тени. Голова была полностью обрита, и лишь на затылке осталась длинная, раскачивающаяся при ходьбе коса. В волосы были вплетены металлические украшения, и каждый шаг сопровождался негромким мелодичным звоном. Череп имел странную, если не сказать – уродливую форму и казался словно двухъярусным.

– Ты понимаешь меня? – обратился к чужеземцу Цезарь. – Как тебя зовут и из какого ты племени?

Воин молчал, продолжая пристально разглядывать римлянина, и Юлий мысленно встряхнулся, отгоняя наваждение. Совершенно очевидно, что человек знал силу собственного взгляда и умело ею пользовался. Потому-то Ариовист и поручил миссию именно ему.

– Меня зовут Редульф. И я из племени свевов, – наконец произнес человек. – А ваш язык я выучил тогда, когда мой царь и вождь сражался за вас и его называли другом Рима.

Странно было слышать внятную латинскую речь от чужестранца с такой демонической внешностью, но это давало возможность обойтись без присланных Мхорбэйном переводчиков.

– Так, значит, ты приехал от Ариовиста? – уточнил Цезарь.

– Я уже сказал, – ответил человек.

Юлий ощутил укол раздражения. Посланник был столь же дерзким, как и его господин.

– Ну так побыстрее говори все, что тебе велели передать, парень, – резко поторопил Цезарь. – Никаких проволочек я не потерплю.

Открытая насмешка явно достигла цели, и полководец заметил, как и лицо, и странный бритый череп непрошеного гостя начали

медленно заливаться краской. Сам собой вставал вопрос: появилась ли причудливая деформация в результате травмы или стала следствием какого-то странного ритуала, свойственного людям из-за Рейна? Юлий знаком подозвал посыльного и шепотом приказал тому срочно доставить Каберу. Посыльный бросился исполнять поручение, а воин заговорил, несколько возвысив голос:

– Вождь Ариовист встретится с тобой у скалы под названием Рука, на севере. Мне же велено передать, что он не потерпит рядом с тобой никого из пеших сопровождающих. Сам он приедет верхом и в окружении всадников. То же самое позволено сделать и тебе. Таковы условия моего повелителя.

– И где же эта скала? – поинтересовался Цезарь, задумчиво вглядываясь в даль.

– В трех днях пути отсюда, в направлении на север. Ее совсем не трудно заметить: вершину венчают каменные пальцы. Узнаешь сразу. Там он будет тебя ждать.

– А если я нарушу условия? – поинтересовался Цезарь.

Воин пожал плечами:

– В таком случае ты его не увидишь, а он сочтет себя преданным. Разгорится война – до победного конца.

Усмешка, с которой посланник взглянул на римских воинов, не оставляла сомнений в серьезности намерений. В это мгновение показался Кабера. Старик шел медленно, опираясь на палку. Посыльный бережно поддерживал его. Тяжелый путь утомил целителя, но при виде столь необычной формы черепа взгляд его заметно оживился.

– Передай господину, Редульф, что я встречу с ним в назначенном месте, – произнес Цезарь. – Из уважения к той дружбе, которую даровал ему мой город, мы встретимся мирно, у той скалы, которую ты назвал. Теперь же поспеши и передай все, что видел и слышал.

Редульфа подобное обращение обидело. Окинув ряды римских легионеров презрительным взглядом, он быстрым шагом направился к лошади. Юлий заметил, что Брут поставил всадников таким образом, что чужестранцу пришлось ехать вдоль их строя. Ни разу не оглянувшись и даже не посмотрев по сторонам, он быстро поскакал на север.

Подъехал Брут и, спешившись, подошел к другу.

– Клянусь Марсом, этот парень выглядит очень странно, – заговорил он.

Кое-кто из стоящих поблизости воинов Десятого легиона все еще держал пальцы сложенными против нечистой силы. Центурион нахмурился, заметив, что для самых суеверных встреча даром не прошла.

– Что скажешь, Кабера? – обратился Цезарь к целителю. – Ты его видел. Что это, родовая травма?

Кабера задумчиво посмотрел вслед удаляющемуся всаднику:

– Никогда еще не видел такой симметричной деформации, как будто ее создали искусственно. Не знаю, Цезарь. Возможно, при ближайшем рассмотрении я смог бы сказать что-нибудь более определенное. Но подумаю.

– Насколько можно понять, этот Ариовист не просит мира и не пытается избавиться нас от необходимости иметь дело с его уродливыми подданными? – поинтересовался Брут.

– Нет, пока об этом ничего не слышно. Правда, увидев, что мы приближаемся, он неожиданно передумал и решил встретиться со мной. Удивительно, как вид римских легионов способен влиять на настроение врагов, – с улыбкой ответил Юлий. Впрочем, улыбка исчезла, едва он вспомнил об условиях германского короля. – Он требует, чтобы на место встречи я приехал с одной лишь кавалерией, без пеших воинов.

– Что? Надеюсь, ты отказался выполнить это условие? Ни за что не оставлю тебя в руках союзников – галльских всадников. Никогда в жизни. Нельзя давать ему шанс поймать тебя в ловушку, даже если он и называется другом Рима. – Брут разволновался не на шутку.

Юлий нахмурился:

– На нас смотрит весь Рим, Брут. Придется оказать Ариовисту все возможное почтение.

– Мхорбэйн сказал, что его люди живут в седле, – заметил Брут. – Обратил внимание, как этот парень держится на лошади? Если у них все такие, то не стоит отправляться на встречу с горсткой наших всадников, даже с людьми Мхорбэйна в придачу.

– Если честно, я и не собираюсь этого делать, – с уверенной улыбкой возразил Цезарь. – Позови-ка сюда эдуев.

– Что ты задумал? – воскликнул Брут.

Неожиданное изменение в настроении полководца озадачило и взволновало его.

Юлий смерил товарища хитрым взглядом.

– Да вот, Брут, решил посадить на коней Десятый легион, – ответил он. – Три тысячи отборных воинов да кавалерия в придачу – думаю, этого окажется достаточно, чтобы подрезать крылышки германскому ястребу. Так ведь?

Помпей закончил обращение к сенату и попросил присутствующих высказать свое мнение. Среди трехсот членов курии ощущалось напряжение, однако только открытая дискуссия могла ликвидировать опасность непосредственного противостояния, а может быть, и насилия. Подумав об этом, Помпей взглянул туда, где сидел Клодий – огромный человек с бритой головой. Родился он в городских трущобах, а в сенат попал лишь благодаря собственной напористости и бесцеремонности. Никто из соперников просто не смог с ним справиться. После того как монополия на всю торговлю оказалась в руках Красса, Клодию следовало найти себе тихое местечко и спрятаться, но вместо этого он, подсчитав убытки, прорвался в сенат. Вглядевшись в грубые, с явным налетом жестокости черты, Помпей невольно вздрогнул, но попытался успокоиться, сказав себе, что многое из услышанного может быть сильным преувеличением. Если же слухи правдивы, то значит, что под видимым Римом прячется еще один город, тот, полноправным властителем которого можно назвать громадного опасного человека. Мощная фигура неизменно маячила на каждом собрании сената. Если же с выступлениями и требованиями Клодия не соглашались, то по всему городу, словно по команде, начинали рыскать банды разбойников. Причем, стоило только легионерам выйти на их след, они моментально растворялись в лабиринтах узких переулков. Клодий вел себя хитро: на заседаниях он с пеной у рта осуждал беспорядки, а когда ему указывали на то обстоятельство, что они находятся в прямой связи с укулами его честолюбия, лишь изумленно вздевал руки.

Возвращение должностей избираемых трибунов выбило из-под ног Клодия существенную опору. После позорной похоронной процессии, которая состоялась два месяца назад на форуме, Помпей последовал

совету Красса. Результат получился впечатляющим: лишь один из бывших обладателей мандата снова вернулся в сенат. Переменчивая в своих пристрастиях чернь второй пост отдала совершенно иному человеку. Недруги Помпея сразу же начали обхаживать избранника со всех сторон, однако он до сих пор никак не проявил собственных предпочтений.

Возможно, Клодий и не имел отношения к избранию, однако у Помпея на сей счет существовали серьезные сомнения. Великан не остановился бы даже перед угрозами целым семьям, чтобы повлиять на их выбор. Помпей и сам был свидетелем того, как приличные люди изменяли мнение без всяких видимых поводов. Стоя рядом с Клодием, они избегали взгляда Помпея, и при виде триумфа торговца римскому правителю едва удавалось сдержать гнев. В результате Рим беднел на глазах: бесплатная раздача хлеба составила уже пятую часть бюджета города, причем число нуждающихся постоянно возрастало. Помпей знал, что самых отчаянных сторонников Клодий находил среди безродных разбойников, которые толпами осаждали город. Доказать это было трудно, однако не приходилось сомневаться, что существенная доля зерна так и не попадала в самые бедные семьи, а вместо этого отправлялась в темные закоулки, где Клодий вместе с себе подобными покупал людские жизни с такой же легкостью, с какой продавал пшеницу.

Помпей знаком пригласил высказаться Светоний, а сам сел. Молодой сенатор поднялся со скамьи и слегка откашлялся. Помпей даже взглядом не позволил себе выразить истинного отношения к этому человеку, хотя давно презирал его за подлость и неразборчивость в средствах. Сейчас Клодий осыпал его похвалами и деньгами, а потому Светоний вел себя чрезвычайно уверенно. Говорил он достаточно гладко и ярко, так что без особого труда удерживал внимание сенаторов, а открытая поддержка Клодия позволяла ему ощущать собственную значимость.

– Сенаторы, трибуны, – начал Светоний, – многие из вас прекрасно знают, что меня вовсе нельзя назвать другом Цезаря. – По залу пробежал смешок, и оратор улыбнулся. – И в то же время все мы слышали о его прекрасной победе над гелльетами в Галлии. Это действительно великий подвиг, и чернь по праву повсюду восхваляет героя. И все же вопрос о его неоплаченных долгах никак нельзя

назвать мелким. Я имею на руках конкретные факты. – Светоний сделал вид, что читает, хотя и без того помнил все цифры. – Гермению он должен чуть меньше миллиона сестерциев. Еще несколькими ростовщикам – миллион двести тысяч. Суммы немаленькие, коллеги. Без этих денег поверившие и ссудившие их люди могут оказаться в пучине бедности. И они имеют полное право обращаться к нам – в том случае, если Цезарь не собирается возвратиться в Рим. Относительно долгов закон вполне однозначен, и нам не следует поддерживать полководца, который им пренебрегает. Настойчиво предлагаю сенату потребовать немедленного возвращения виновника и принудить его расплатиться со всеми гражданами, перед которыми он в долгу. Существует и еще один вариант: потребовать от Помпея ограничить срок пребывания нашего войска в Галлии. Это позволит тем, кто с нетерпением ожидает возврата денег, рассчитывать на определенное время. Но я отдаю свой голос за немедленное возвращение Цезаря.

Светоний сел, и Помпей хотел было вызвать следующего оратора. В этот момент поднялся вновь избранный трибун.

– Ты хочешь что-то добавить, Полоний? – с улыбкой обратился к нему Помпей.

– Только то, что это предложение напоминает большую палку, которой хотят высечь успешного полководца, – решительно ответил Полоний. – Насколько я понял, все долги относят на личный счет Цезаря, хотя деньги пошли на вооружение и обмундирование римских легионеров. Как только он вернется в город, кредиторы жадно вцепятся в него. А если расплатиться не удастся, немедленно последует суровое наказание. Честно говоря, не вижу никакого смысла намеренно отдавать героя на съедение ростовщикам, тем более решением сената.

В зале раздались одобрительные голоса, и Помпей едва заметно улыбнулся. Долги имели многие из сенаторов, так что Светонию предстояло проявить чудеса красноречия, чтобы заставить их проголосовать за удовлетворение требований алчных ростовщиков. Выступление Полония оказалось весьма кстати. Может быть, он все-таки не куплен Клодием? Встретившись с оратором взглядом, правитель Рима едва заметно кивнул, почти не слушая следующего оратора – кого-то из богатеньких сынков аристократов.

Помпей знал, что многие считали роспуск трибунов и назначение голосования всего лишь мастерской уловкой. С особым вниманием следили за его действиями опытные, пожилые сенаторы. Они искали руководства и поддержки в борьбе с новыми игроками. Многие стремились встретиться наедине, однако в сенате страх лишал их силы. Не каждый отважится навлечь на себя враждебность человека, подобного Клодию. Мысль о том, что этот бандит когда-нибудь доберется до консульского кресла, заставляла похолодеть даже такого независимого человека, как Помпей.

Пока молодой безликий сенатор в полусне произносил свою речь, взгляд правителя остановился еще на одном новом законодателе. Тит Милон. Подобно Клодию, он пришел в сенат после того, как потерял место в торговле. Возможно, именно благодаря общему прошлому эти двое отчаянно ненавидели друг друга. Милон был толст и красен от неумеренного пьянства, тогда как Клодий отличался атлетическим сложением. Оба умели ругаться, как самые последние подонки. Помпей иногда раздумывал, нельзя ли натравить их друг на друга. Такое решение проблемы оказалось бы очень кстати.

Голосование прошло быстро, и на сей раз сторонники Помпея не сомневались в своем решении. Клодий молчал, и Помпей понял, что, скорее всего, он каким-то образом приплатил Светонию, но при этом не обещал своей полной поддержки. Так что ночью можно спать спокойно: нападений и погромов не предвидится. Клодий поймал внимательный взгляд председательствующего и кивнул, как равный равному. Помпей кивнул в ответ скорее по привычке, механически, хотя сам в это время обдумывал один из самых отвратительных слухов. Говорили, что Клодий держал в штате телохранителей, которые в качестве средства убеждения использовали даже насилие. Это была лишь одна из историй, витавших вокруг бывшего торговца и нынешнего сенатора. Глаза Клодия хитро блеснули, и Помпей поймал себя на мысли, что завидует Цезарю. Тот сейчас в Галлии, и, невзирая на все трудности кампании, его битвы чище и проще, чем та борьба, которая предстоит самому Помпею.

Брут сердито покрикивал на воинов Десятого легиона. На низкорослых и лохматых галльских лошадах те неумело трусили к подножию похжей на человеческую руку горы, где их уже ожидала группа всадников. Желание Цезаря видеть рядом испытанных ветеранов казалось вполне оправданным и понятным, однако верхом они ездили, словно малые дети. Едва приходилось перейти на рысь, как лошади начинали сталкиваться и наткаться одна на другую, а красные от напряжения и стыда всадники нередко теряли равновесие и вываливались из седла. Поскольку колонна продолжала движение, им приходилось бежать рядом с лошадей, на ходу пытаясь снова подняться в седло.

Кроме этой, была и еще одна крупная неприятность. Брута очень обидело то обстоятельство, что командование оставшимися в лагере легионами Цезарь поручил Марку Антонию. Конечно, и самого Брута, и Октавиана, как опытных всадников, он хотел видеть рядом, во главе кавалерийского отряда. И все же Марк Антоний не заслужил права быть вторым после самого Цезаря. Такая несправедливость бесила Брута. В ярости он резко повернулся, чтобы навести порядок в рядах Десятого.

– Во имя Марса, держите крепче поводья, а не то я прикажу вас высечь! – крикнул он неумело скачущим легионерам.

В тяжелых доспехах они казались еще более неуклюжими и скорее походили на мешки, чем на всадников. Брут в бессильной ярости закатил глаза: вот еще один неумеха слишком сильно наклонился вперед и, потеряв равновесие, с грохотом свалился прямо под ноги лошади.

Конечно, приближение к месту возможного боя выглядело не слишком эффектно. Десятый легион привык к ритму пешего строя, так что красные, вспотевшие и раздраженные воины не имели ничего общего с теми уверенными в себе кавалеристами, которые обычно окружали центуриона.

Октавиан ехал следом и время от времени направлял своего мощного мерина на нестройную колонну, заставляя лохматых лошадок хоть немного держать ряд. Товарищи обменялись понимающими взглядами, и Октавиан широко улыбнулся. Его-то ситуация явно забавляла, однако Брут не видел в происходящем ничего забавного. В эту самую минуту прямо перед ним две лошади каким-то образом

сцепились упряжью. Всадники беспомощно дергали вожжи до тех пор, пока испуганные животные не бросились в разные стороны. К счастью, быстрым движением Бруту удалось остановить их. Он удерживал обеих лошадок до тех пор, пока всадники не пришли в себя и не восстановили равновесие. Конечно, от этих людей нельзя было требовать свободы обращения с лошадьми, которая достигалась тысячами часов тренировок, а потому Брут надеялся, что Цезарь остановится на почтительном расстоянии от места встречи и не позволит Ариовисту увидеть, что за всадники его сопровождают. Родившегося в седле не обманешь.

Перед отъездом Цезарь подошел к Бруту. Он заметил холодность друга, а потому хотел успокоить его.

– Тебе придется поехать со мной, – начал он. – Без нашей конной центурии никак не обойтись, а командовать ею можешь только ты. – Юлий подошел ближе и заговорил почти шепотом, чтобы никто не услышал: – И, кроме того, если придется принять сражение, лучше делать это без Марка Антония. Он слишком много мнит об этом Ариовисте и его дружбе с Римом.

Брут кивнул, хотя объяснение не слишком его утешило. Ощущение несправедливости осталось: высокий пост отдан другому.

Еще до полудня передовой отряд заметил похожую на человеческую руку скалу и тут же сообщил командованию. Приближаясь к месту встречи во главе своего неуклюжего отряда, Брут заметил впереди стройные ряды всадников – их было несколько тысяч. Очевидно, вождь германцев специально выбирал самое неудобное для кавалерии место – узкую долину с двух сторон зажимали крутые склоны. Та скала, которую называли Рукой, представляла собой самую высокую восточную точку, а западный склон зарос густым лесом. Брут невольно задумался, сколько вражеских воинов прячется за толстыми старыми дубами. Он почти не сомневался, что коварный варвар устроил засаду; оставалось лишь надеяться, что легионеры не угодят в ловушку. Если же вдруг придется отступать, то сделать это можно будет только пешком, бросив лошадей врагу. Иначе всем грозит неминуемая смерть.

Горнисты сыграли сигнал «спешиться» – всего лишь две ноты, о которых всех всадников предупредили еще в лагере. Брут вздохнул с

облегчением: оказавшись на земле, воины обрели обычную ловкость и легкость движений.

В седле остались только конные отряды – им предстояло охранять фланги. Легионеры Десятого в самом дурном расположении духа повели галльских лошадок под уздцы. Брут продолжал торопить их, не забывая в то же время напоминать центурионам о необходимости поддерживать порядок. Римский отряд все ближе подходил к горе и к ожидавшему у ее подножия вождю германского племени. Чем ближе оказывался враг, тем больше возрастало напряжение. И вот уже Брут смог разглядеть стоящих людей. Он впервые увидел самого Ариовиста: царь выехал навстречу войску в сопровождении трех приближенных, но на почтительном расстоянии остановился. Юлий взял с собой Октавиана и Домиция; оба молодых человека явно волновались.

Брут в последний раз взглянул на своих воинов.

– Боевая готовность! – предупредил он и поскакал догонять полководца.

За спиной остались нервное ржание лошадей, стук оружия и тихие разговоры легионеров. Впереди ожидали сияние начищенных доспехов товарищей и важная, чрезвычайно серьезная миссия – переговоры с опасным противником. Цезарь опустил забрало шлема, и лицо его мгновенно утратило человеческие черты, превратившись в железную маску.

– Ну, посмотрим, что приготовил нам этот грозный царь, – приглушенным железом голосом, с усмешкой произнес он.

Выстроившись в линию, четверка всадников легким галопом направилась к ожидающему их противнику.

Справа от Ариовиста Юлий сразу узнал Редульфа. Поразительно, но два других воина выглядели так же странно, как и посланник: черепа их тоже выглядели страшно деформированными. Один из спутников короля был обрит наголо, другого же украшала копна густых черных волос. Однако он вовсе не старался скрыть необычную форму головы, и со стороны казалось, что воин побывал в руках какого-то великана, который с силой сдавил его череп. Все германские всадники были бородаты и выглядели весьма угрожающе. Не приходилось сомневаться, что в охрану их назначили за недюжинную

силу. С ног до головы их украшали золото и серебро, так что Юлий с изрядной долей тщеславия отметил, что его почетная стража – чемпионы воинского турнира – тоже выглядит весьма впечатляюще. Серебряные латы сияли ярче германских, и римский консул не сомневался, что, дойди дело до схватки, его бойцы не ударят лицом в грязь.

Голова самого Ариовиста выглядела совершенно нормально, на его лбу не было заметно уродовавшего остальных выступа. Густые темные брови и нестриженная борода закрывали почти все лицо, чистыми оставались только лоб и верхняя часть щек. Кожа казалась чрезвычайно бледной, а из-под бровей сосредоточенно смотрели голубые, как у Каберы, глаза. Царь сидел на лошади совершенно неподвижно, словно памятник самому себе, и Юлий, приблизившись, остановился без всякого приветствия.

Вожди молча сверлили друг друга глазами, и никто не хотел заговаривать первым. Брут окинул внимательным взглядом плотную шеренгу всадников, а потом посмотрел вдаль – туда, где на берегу широкого, мощно несущего серые воды Рейна маячила огромная масса основного войска. Так германский вождь обозначил южную границу захваченных земель. Увидел Брут и два укрепленных лагеря, как две капли воды похожих на римские. Войско стояло не в боевом порядке, однако опытный воин сразу понял, что оно готово в любую минуту собраться и ринуться в схватку. На фоне неба ясно вырисовывались четкие очертания копий. Однако Брут не слишком испугался, ведь каждый закаленный в боях римский всадник прекрасно знал, что невозможно заставить лошадь наступать на плотную стену из щитов, точно так же как невозможно заставить атаковать дерево. Так что, пока легионы смогут держаться тесным строем, им нечего всерьез опасаться армии Ариовиста. И все же вид плотной массы бледных бородатых всадников вселял чувство тревоги.

Первым не выдержал взгляда противника Цезарь.

– Я пришел по твоему зову, друг моего города, – заговорил он. – Хотя это и не твоя земля, я ступил на нее, выполнив все условия. Но теперь позволь ответить тем же: я требую немедленно отвести войско за естественную границу – Рейн. Убери всадников немедленно, и тогда войны удастся избежать.

– Это и есть дружба на римский лад? – резко оборвал Ариовист. Низкий голос оглушал, словно колокол. – Десять лет назад я сражался с вашими врагами, но где же благодарность? Взамен от меня требуют немедленно освободить завоеванные в честном бою земли!

Вождь говорил, гневно сверкая светлыми глазами, а в лохматой бороде угрожающим, волчьим оскалом желтели зубы.

– Но ведь никто не давал права занимать чужие земли лишь потому, что они тебе понравились, – резко ответил Цезарь. – Твоя страна – за рекой, так и живи там, где суждено судьбой. Места вполне достаточно. Я же говорю еще раз: Рим не позволит захватить Галлию – ни целиком, ни какую-то ее часть.

– Рим далеко, храбрый воин. В этих краях лишь ты – его неотъемлемая часть, а тебе неведома ярость моих белых бойцов. Как смеешь ты разговаривать со мной таким тоном? Германское войско явилось в Галлию, когда ты был всего лишь малым ребенком! Все завоеванные земли принадлежат мне по праву силы, а этот закон куда старше тех, по которым живешь ты. Они мои и останутся моими до тех пор, пока чья-нибудь более мощная рука не вырвет их. Да, римлянин, это говорит великий царь германских племен!

Громоподобные раскаты голоса варвара испугали коня. Цезарь наклонился и, стараясь успокоить, похлопал его по шее. Сам же консул прекрасно владел собой.

– Я согласился прийти сюда только потому, что тебя называли другом Рима. Помни об этом, Ариовист! Полностью признавая твои заслуги перед Вечным городом, повторяю еще раз: лучше уйди за Рейн, покинь земли Рима и его союзников! Но если ты предпочитаешь жить по праву силы, в таком случае я тем же правом уничтожу твои армии!

Юлий почувствовал, как рядом беспокойно заерзал в седле Брут. Встреча покатила по опасному пути, однако сдержать резкие слова оказалось невозможно, слишком далеко зашла дерзость Ариовиста.

– А что делаешь ты сам, Цезарь? По какому праву забираешь у племен их земли? Неужели греческие боги позволяют тебе? – С этими словами царь картинно раскинул руки, словно обнимая раскинувшийся вокруг цветущий край. – Когда послы возвращались от меня с пустыми руками, это и было ответом на твои письма – разве ты не понял? – продолжал он. – От твоего города мне не нужно равным счетом

ничего. Иди своим путем и оставь меня в покое, в ином случае тебя ждет лишь смерть. Эта земля полита кровью – моей и моих соплеменников. А твоя заслуга состоит лишь в легкой победе над горсткой нищих гельветов. И ты считаешь, что этим заслужил право разговаривать со мной на равных? Я царь, римлянин, а царям не пристало иметь дело с такими, как ты. Своими легионами ты меня не испугаешь, тем более теми смешными всадниками, что топчутся у тебя за спиной. Они даже не в силах удержать на месте лошадей!

Цезарь подавил настойчивое желание оглянуться. Он видел перед собой безупречные ряды германских конников и прекрасно понимал, что такого спокойного порядка и уверенности неумелые римские легионеры добьются не скоро! Полководец густо покраснел от стыда и с облегчением подумал, что под железной маской этого никто не заметит.

– Я – Рим, – веско произнес он. – Разговаривая со мной, ты обращаешься к сенату и всем гражданам великого города. А грубостью своей оскорбляешь не только нас самих, но и все подвластные страны. Когда ты...

В этот миг что-то со свистом пролетело над головами полководцев. Ариовист оглянулся на свои ряды и, не в силах сдержать раздражение, зло выругался. Подняв голову, Юлий увидел не меньше дюжины копий – они летели в сторону солдат Десятого легиона. Консул в ярости повернулся к собеседнику.

– Так вот какова она, твоя дисциплина?! – гневно воскликнул он.

Царь выглядел таким же рассерженным и озадаченным, как и римлянин, так что не оставалось никаких сомнений – атака удивила и его самого. Оба войска заволновались, в воздухе просвистела одинокая стрела.

– Мои люди просто рвутся в бой, Цезарь, и не в силах дождаться его начала. Смысл их жизни состоит в том, чтобы купаться в крови, – прогрохотал германский вождь. Через плечо он взглянул на воинов.

– Так возвращайся же к ним, и начнем, – поставил точку консул.

Голос его осип от волнения и из-под маски звучал глухо, но решительно. Ариовист пристально смотрел на врага, и в глазах его стоял неподдельный, ничем не прикрытый страх. Такой реакции встречать еще не приходилось, и Юлий изо всех сил пытался понять, в чем же кроется ее причина.

Однако времени на раздумья не осталось. Прежде чем германский вождь успел что-нибудь ответить, над головами взвилась целая туча стрел. Цезарь резко развернулся и с гортанным криком галопом поскакал к своим легионерам. Брут, Домиций и Октавиан тут же последовали за ним. Ариовист тоже прищпорил коня. Германские воины встретили вождя громким торжествующим криком.

Поравнявшись с Десятым легионом, Юлий сразу начал отдавать команды. Самые быстрые из всадников галопом поскакали на юг, к Марку Антонию. Им предстояло передать приказ о немедленном выступлении на помощь основных сил. Нескольких разведчиков послали на запад, в лесные заросли, с поручением обнаружить скрывшихся там лучников или какой-то засадный отряд. Десятый легион наконец-то с радостью услышал долгожданную команду спешиться, а галльских лошадок повели обратно, чтобы вернуть хозяевам. Воины построились и сомкнули щиты, образовав таким образом прочный панцирь, надежно защищающий легионеров от кавалерийской атаки. Копья поднялись в боевой готовности, а луки натянулись, готовые по первой же команде выпустить безжалостно острые стрелы. Воины приготовились отразить натиск противника.

Однако его не последовало. К немалому удивлению Цезаря, Ариовист исчез в гуще всадников, и через несколько минут те внезапно начали отступать, ни на секунду не нарушая стройности рядов. Кое-кто из легионеров начал кричать и улюлюкать, однако Юлий не спешил отдать команду к наступлению: ведь разведчики еще не вернулись из покрывавшей западный склон лесной чащи и не рассказали, кто скрывается за зеленым занавесом.

Ариовист вывел войско из зоны досягаемости копий и стрел и лишь после этого остановился. Хотя среди германцев, несомненно, попадались молодые горячие головы, в целом всадники проявляли дисциплину даже в отступлении. Самые опытные отходили последними, прикрывая товарищей.

– Что он делает? – пробормотал Брут едва слышно. – Зачем тянет время, зная, что вслед за нами идут легионы?

– Может быть, просто хочет заманить поглубже в лес? Мне эти заросли совсем не нравятся, – ответил Юлий.

На римских позициях показался первый из разведчиков.

– Все чисто, командир, – доложил он, тяжело дыша и с шумом переводя дух. – Никаких следов старых костров и ни малейшего признака засады.

Цезарь кивнул, внезапно вспомнив тот последний случай, когда поверил докладу без проверки.

Из зарослей выехали еще двое всадников. Их показания полностью совпали с сообщением первого. Теперь уже Цезарь чувствовал себя увереннее, но в то же самое время не мог скрыть растерянности. Ариовист вел себя так, словно собирался начать безжалостную атаку, однако воины его держались с невозмутимым безразличием, словно обидные крики и вызывающие жесты легионеров Десятого не имели к ним никакого отношения.

Юлий нервно барабанил пальцами по луке седла. Может быть, враги наставили капканов и ловушек? Такое вряд ли возможно. Глубокие ямы с утыканным копьями дном оказались бы куда опаснее для германского войска, ведь численностью оно значительно превосходило один-единственный римский легион.

– Так что же, будем ждать Марка Антония? – уточнил Брут.

Юлий прикинул, сколько времени понадобится легионам, чтобы подойти к этой зажатой в тисках высоких крутых склонов долине, и разочарованно вздохнул. Подкрепления можно ожидать не ранее чем через несколько часов.

– Да, будем ждать. Но все-таки я ничего не понимаю. Силы врага многочисленны и превышают наши почти в два раза. Если Ариовист не пытался меня запугать, ему придется начать наступление. Скорее всего, он говорил именно то, что думал, так что я не стал бы рисковать жизнью лучших воинов, а дождался прихода основных сил.

Цезарь смотрел на вражеские позиции, а потому никак не мог заметить довольных взглядов, которыми обменялись внимательно слушающие разговор воины. Полководец, так бережно относившийся к простым воинам, заслуживал почета и уважения.

Всадники германского вождя молча стояли в какой-нибудь тысяче шагов от легионеров Десятого, и Цезарь снова пристально взглянул в их сторону.

– Спокойствие, – коротко распорядился он. – Пока нам предстоит лишь ожидание.

К тому времени как мощная колонна легионеров соединилась с передовым отрядом, германский царь тоже успел собрать основные силы. По оценке разведчиков, которые с риском для жизни подошли к врагу почти вплотную, теперь под его командой насчитывалось не меньше шестидесяти тысяч воинов. Каждый из всадников вел за собой пешего, вернее, бегущего воина. Держась за гривы лошадей, те двигались с невероятной для человека скоростью. Юлий вспомнил спартанцев, которые тоже не шли, а бежали в бой. Оставалось лишь надеяться, что в этой битве соперник окажется не столь грозным. С кривой улыбкой Брут заметил что-то насчет битвы при Фермопилах, о которой много лет назад слышал от учителей. Тогда, в прошлом, спартанскому царю удалось отстоять узкий горный перевал, а сейчас римскому войску грозила атака с фланга, а возможно, и окружение быстрой и мобильной силой. Так что в данном случае более удачным примером оказалась бы каннская битва, в которой римлян просто-напросто уничтожили.

Впрочем, центурион предпочел оставить подобные мысли при себе и промолчать.

В два часа пополудни на врагов нацелились шестнадцать тяжелых римских орудий. Они прекрасно служили в защите от вражеской атаки, однако обладали столь низкой маневренностью, что уже после первых выстрелов безнадежно отставали от атаки.

– Да, Брут, мне еще ни разу не приходилось видеть подобной битвы, однако германцы слишком долго выжидают. Пусть Октавиан во главе экстраординариев защищает фланги. Все остальное зависит только от нас.

Цезарь рукой описал в воздухе какую-то замысловатую фигуру, и горнисты тут же сыграли сигнал, не несущий никакого приказа. Смысл его состоял лишь в том, чтобы испугать врагов, и цель была достигнута. Цезарь заметил в германских рядах волну беспокойства. А через несколько мгновений выстрелили орудия, и огромные, длиной с человеческий рост, стрелы вонзились в массу всадников с такой скоростью, что отреагировать оказалось просто невозможно. В первых рядах началась паника. Лошади металась и вставали на дыбы, погибая под ударами невероятной силы. Пока орудийные команды лихорадочно занимались перезарядкой, Юлий подал команду к наступлению, и, с копьями на изготовку следуя за Десятым, легионы бегом бросились на

врага. Несмотря на скорость движения, никто из воинов не нарушил строя, так что в случае германской атаки они могли моментально прикрыться щитами, создав надежный защитный панцирь.

Подчиняясь строжайшей дисциплине, легионеры быстро преодолели расстояние между лесом и скалой. Брут повел свой Третий галльский легион на правый фланг, а Марк Антоний занял позицию на левом.

В зоне досягаемости лучников воины сомкнули щиты, однако в этот момент германские отряды снова бросились прочь, причем значительно быстрее, чем наступали римляне. Тысячи воинов удалились на расстояние примерно в полмили и вновь построились.

Маневр оказался не слишком затяжным, хотя Юлий и опасался быть втянутым на заросший высокой густой травой луг. Он заметил, что впереди первый из вражеских лагерей торопился накрепко закрыть и запереть ворота. Сотни возниц в панике спешили скрыться под защитой стен. Цезарь покачал головой: его удивило, что вождь мог бросить своих людей на произвол судьбы.

Бериций двинулся на запад, чтобы уничтожить укрепление, а место его пяти тысяч воинов заняли легионы из Аримина. Операция прошла вполне успешно, и Берицию удалось без шума и кровопролития занять лагерь врага. Проносясь мимо, Юлий заметил множество поднятых в панике рук. Однако войско германцев снова стройными рядами выступило вперед, с тем чтобы вскоре рассыпаться, а потом, через полмили, переформироваться.

Юлий отдал распоряжение остановиться, и легионеры, тяжело дыша, застыли как вкопанные. С правого фланга галопом скакал Брут.

– Позволь привести отборную кавалерию. Мы сможем задержать варваров до той минуты, когда ты приведешь остальных, – попросил он, взглядываясь в смыкающиеся вдали ряды германцев.

– Нет, рисковать своим единственным достойным конным отрядом я не могу, – возразил Юлий, искоса поглядывая на неряшливых, лохматых, но радостно вопящих галлов, довольных воссоединением с такими же лохматыми лошадками. – Мы слишком далеко зашли на вражескую территорию. Надо устроить здесь лагерь – возле стен, вокруг их форта. Нельзя мучить людей, гоняясь за этим зайцем по всей Галлии. К закату все наши воины должны собраться под надежной защитой стен и прочно запертых ворот. Приготовь

баллисты, как только они подъедут. И не забудь о горячей пище. Не знаю, как ты, а я отчаянно проголодался.

Цезарь замолчал и взглянул на темную массу германских воинов. Потом задумчиво покачал головой:

– Нет, этот Ариовист вовсе не дурак. А следовательно, для его трусости должна существовать какая-то причина. Как только лагерь будет готов, немедленно собери членов совета.

Глава 29

Воинам шести римских легионов еще ни разу не приходилось строить укрепленные лагеря под самым носом врага. Все воины, свободные от несения караула, рыли траншеи, выбрасывая тонны земли таким образом, что постепенно вокруг огороженного участка вырос вал высотой в три человеческих роста. На всем его протяжении патрулировали отборные конные отряды. В течение долгого, наполненного трудами и заботами дня им дважды приходилось отражать атаки небольших групп неприятеля. Германцы на всем скаку метали копья, а потом галопом возвращались к рядам своего войска. Это были всего лишь отчаянные молодые люди, гордо демонстрировавшие собственную смелость. Истинных же планов Ариовиста Цезарь до сих пор так и не смог понять. Его воины казались готовыми к бою, и все же основные силы держались в стороне, внимательно наблюдая, как римляне строят земляные укрепления и валят деревья. Ближе к вечеру ветерок принес аппетитные запахи пищи – это свевы готовили ужин. Юлий собирался последовать их примеру.

К закату мощные укрепления были закончены, и легионы вошли в крепкие, как и все в Галлии, ворота. Опытные плотники отличались завидной сноровкой, и в их умелых руках толстые стволы быстро превращались в отесанные бревна нужной величины. В результате на валу вырос крепкий частокол, способный отразить любую, даже самую отчаянную атаку. Цезарь ясно ощущал оптимизм собственных воинов. Зрелище отступающей вражеской армии не на шутку повысило боевой дух римлян. Оставалось лишь надеяться, что подобное настроение сохранится и в дальнейшем.

После ужина в новом лагере полководец собрал в своей палатке военный совет. Лохматые и низкорослые галльские лошадки не переставая жевали, угрожая оставить без корма римскую конницу. Однако враг стоял настолько близко, что ни о каком пастбище не приходилось и думать. Спускалась ночь. Все члены совета собрались и ждали лишь прихода Брута. Зажгли лампы. На валу появились первые часовые. Не взяв с собой щитов, они поднялись на высокий земляной вал по деревянным ступеням и теперь пристально вглядывались в темноту, готовые сообщить о любом вызывающем тревогу событии.

Спокойно и уверенно Цезарь оглядел членов совета. Октавиан заметно возмужал и набрался опыта, – пожалуй, теперь уже его можно было назвать настоящим командиром. Цирон тоже полностью оправдал назначение на пост центуриона. Публий Красс проявил себя как талантливый командир, и Цезарю было жаль отпускать его, когда придет пора возглавить легион отца. Рений продолжал регулярно тренировать воинов, обучая их гладиаторскому искусству, ведь умение владеть мечом считалось главной добродетелью римского воина. Отличившиеся в учебе немедленно получали повышение по службе. Если Рений считал, что человек способен командовать другими, значит так оно и было. Домиций руководил целым легионом, и воинам очень нравились сияющие серебряные доспехи, которые он теперь носил постоянно. Каждый из собравшихся в палатке казался человеком, полностью обретшим свое место и назначение в жизни. Полководцу оставалось только гордиться таким военным советом.

Наконец пришел и Брут. Кабера развернул глиняный шарик, который принес с собой в мокрой тряпке. Влажная глина блестела в свете ламп. Старый целитель изобразил на ней подобие лица: ногтями продавил глаза и рот, а потом вытянул нос.

– Если перевязать голову веревками вот так, можно без особого труда изменить форму черепа, – начал он рассказ.

Говоря это, обмотал шарик бечевкой, а концы ее закрепил на палочке, которую начал медленно вращать. Глиняный шар постепенно, прямо на глазах собравшихся, деформировался. Создав таким образом выступ над глазами, старик повторил процесс выше, там, где у людей лоб переходит в волосы. Скоро на изумленных членов совета смотрела копия странного воина из племени свевов.

– Но череп же не треснет, правда? – поморщившись от подобной мысли, уточнил Октавиан.

Кабера покачал головой:

– Конечно, если проделать такое со взрослым человеком, ничего хорошего не получится. Но череп новорожденного ребенка совсем мягкий, а потому операция пройдет безболезненно и приведет именно к таким последствиям, которые мы с вами наблюдали. Так что эти люди вовсе не демоны, что бы там ни говорили наши испуганные воины. Но народ, вне всякого сомнения, жестокий. Мне нигде и никогда не приходилось слышать о подобном обычае. Ни одно племя, кроме этого, не уродует собственных детей. Первый год жизни, а может быть, и два младенцы проводят в постоянной боли, ведь веревки давят не на шутку. Вполне возможно, что боль сопровождает этих людей всю жизнь. Вот таким диким способом с самого рождения отмечается принадлежность к воинской касте.

– Тебе стоило бы объяснить все это воинам, Кабера, чтобы успокоить их, – попросил Юлий, не в силах оторвать взгляд от деформированной головы. – Наши люди слишком суеверны, а свевам, с колоссальной численностью их войска, больше никакого преимущества и не требуется.

Внезапно за стенами палатки раздался шум, и все члены совета, как по команде, вскочили на ноги. Что-то резко крикнули часовые, затем послышался звук борьбы. Брут подошел к пологу и быстро откинул его.

На земле со скрученными за спиной руками лежали два раба-галла из лагеря свевов.

– Прости, командир, – заметив центуриона, быстро отсалютовал один из часовых. – Консул Цезарь велел не беспокоить, а эти двое не послушались предупреждения.

– Вы поступили правильно, – одобрил Брут, но тут же наклонился и помог одному из галлов подняться на ноги.

– Произошло что-то важное? – поинтересовался он.

Человек смерил часового злым взглядом, потом быстро заговорил, пытаясь что-то объяснить. Однако поток взволнованной речи оказался настолько стремительным и сбивчивым, что Брут не понял ни единого слова. Центурион вопросительно взглянул на охранника, тот ответил таким же удивленным взглядом.

– Думаю, он просто не понял твоего предупреждения, – заключил Брут. – Адан! – позвал он. – Ты нам не поможешь?

Увидев переводчика, раб заговорил еще быстрее. Поднялся на ноги и его товарищ. Теперь он стоял, угрюмо оглядываясь и потирая ушибленный живот.

Вышел Цезарь:

– Надеюсь, вы не собираетесь провести здесь всю ночь?

Полководец удивленно посмотрел на странную компанию.

– Тебе тоже стоит это послушать, – коротко ответил Адан.

– Теперь наконец понятно, почему нам так и не удалось вызвать их на бой, – сделал вывод Цезарь. – Если этот Ариовист настолько глуп и суеверен, что готов прислушиваться к словам жрецов, то нам это только на руку. Итак, до новой луны остается три дня. Если за это время он так и не примет сражение, нам удастся оттеснить все огромное войско обратно к Рейну и как следует прижать его.

Услышав рассказ галльских рабов, Цезарь заметно успокоился и повеселел. Всадники обрадовались, обретя родственные души, а кроме того, во многом прояснилось странное поведение германского царя.

Адан четко, толково переводил на латынь бурную сумятицу галльской речи, и Юлий внимательно слушал, боясь упустить хоть одно слово. Секрет постоянного бегства заключался в том, что Ариовисту предсказали смерть в сражении до новой луны. Таким образом, дерзкая речь и угрозы были своего рода спектаклем. Полководец тут же отдал приказ к боевому построению. Цезарь прекрасно помнил промелькнувшую в глазах вождя искру страха. Теперь наконец ее можно было логично объяснить. Сам Юлий считал, что военачальник не имеет права давать жрецам власть над армией. Греков погубила именно вера в оракулов. Даже римские полководцы порою откладывали сражения и теряли позиции – все из-за того, что внутренности выпотрошенной птицы или рыбы предвещали несчастье. Цезарь не допускал в свои войска ни прорицателей, ни жрецов. Он считал, что от подобного люда значительно больше вреда, чем пользы.

Как всегда, полководец разложил на столе карту местности и придавил углы свинцовыми грузами. Провел пальцем по черной извилистой линии на севере, милях в пятнадцати от лагеря. Рисунок на

карте изображал могучую реку Рейн. Преодолеть небольшое расстояние даже с тяжело нагруженными повозками казалось вовсе не трудно. Вполне можно было успеть до рождения новой луны. Цезарь мысленно возблагодарил богов за рассказ рабов-галлов.

– Выходим за час до восхода солнца, – объявил полководец. – Из орудий потребуются баллисты, онагры и луки-скорпионы – насколько позволит рельеф местности. Если машины вдруг отстанут, то придется медленно подтягивать их к решающей, финальной битве. Октавиан будет командовать конницей, а Марк Антоний – моим правым флангом. Бериций пойдет слева, а скорпионы при каждой остановке придется вывозить вперед. Десятый и Третий галльский легионы должны удерживать центр. Рано утром воинам предстоит плотно позавтракать и наполнить походные фляги водой из бочек. Разумеется, то, что мы узнали сегодня, необходимо рассказать всем. Это вдохновит людей. Да, и не забудьте проверить, в порядке ли копья и остальное оружие.

Цезарь замолчал. Чрезвычайно довольный назначением, Марк Антоний наполнил кубок. Претор уже слышал о том, как вызывающе вел себя на переговорах Ариовист, и решил, что дружба вождя с Римом изжила себя. Конечно, враги Цезаря не преминут раздуть в сенате громкий скандал, но это вопрос будущего.

Красс глубоко вздохнул. Рабыня Сервилии старательно разминала узловатые мышцы на его шее и плечах. Недавно съеденные замороженные фрукты приятно охлаждали, так что сенатор совершенно расслабился. Впереди ожидала роскошь горячего бассейна, из которого в ночное небо поднимался густой пар. Неподалеку, на мягкой кушетке, глядя на звезды, возлежала Сервилия. Луны не было, зато в чистом небе ярко сияли звезды, а над окружавшей внутренний дворик черепичной крышей стоял крошечный ярко-красный диск Марса. Бассейн с горячей водой поблескивал в свете факелов, и в огонь то и дело попадали ночные бабочки, тут же с треском сгорая.

– Да, местечко стоит каждой затраченной монетки, – пробормотал Красс и поморщился, так как девушка принялась массировать болезненный участок между лопатками.

– Я знала, что ты будешь доволен, – негромко ответила Сервилия. В ее улыбке сквозило искреннее удовольствие. – Немногие из гостей умеют по достоинству оценить красивые мелочи. Но как скучна без них жизнь!

Взгляд хозяйки упал на только что оштукатуренное и покрашенное новое крыло городского дома. Крассу понравился этот земельный участок, и Сервилия, не скупясь, заплатила за него реальную рыночную цену. Любой другой поступок означал бы изменение в их отношениях. Но ведь так приятно наблюдать, как старик нежится под сильными пальцами нубийской рабыни.

– Так что же, значит, ты не собираешься выуживать из меня информацию? – не открывая глаз, уточнил Красс. – И я уже не в состоянии принести никакой пользы?

Негромко рассмеявшись, Сервилия села.

– Ну, папочка, можешь молчать, сколько душе угодно. Мой дом в твоём полном распоряжении – до тех пор, пока тебе здесь приятно. И без всяких встречных обязательств.

– А, выбрала самый плохой из всех возможных вариантов, – ответил Красс, улыбаясь про себя. – Так что же именно ты хочешь узнать?

– Насчет новых людей в сенате. Клодий и еще один, как его? Ах да, Тит Милон, хозяин мясного рынка. Они опасны? – как бы между прочим спросила Сервилия.

Несмотря на легкость тона, Красс прекрасно понимал, что подруга внимательно слушает и с нетерпением ждет ответа.

– Даже очень, – ответил он. – Я стараюсь не ходить в сенат, когда там торчат эти двое.

Сервилия шутливо фыркнула:

– Не морочь мне голову неожиданной занятостью торговыми делами, старичок. Думаю, что до тебя непременно доходит каждое сказанное там слово.

Сервилия мило улыбнулась, а Красс открыл глаза и лукаво подмигнул, подставляя под руки девушки очередную порцию дородного тела. Красавица укоризненно покачала головой: опять эти игры.

– А как идет дело с новым легионом? – поинтересовалась она.

– Очень неплохо, моя милая. Когда из Галлии вернется сын Публий, ему как раз найдется полезное занятие. Если, конечно, мне удастся благополучно пережить нынешние беспорядки.

– А что, дело настолько плохо? – с тревогой уточнила Сервилия.

Красс приподнялся на локтях, сразу став серьезным:

– Именно. Эти новые люди разлагают римский плебс и с каждым днем привлекают в свои банды все больше народу. По улицам опасно ходить даже сенаторам. Хорошо еще, что Милон отнимает у Клодия столько внимания и времени. Если одному из них когда-нибудь удастся разделаться с противником, то победитель устроит в городе полный хаос. А сейчас, хвала богам, каждый занят борьбой с лютым врагом. Мне доводилось слышать, что они поделили город между собой, так что по некоторым улицам сторонникам Клодия невозможно пройти даже днем – непременно начинается драка. Мало кто в Риме замечает борьбу, и все же она не прекращается. Больше того, в Тибре я видел немало мертвых тел.

– А как же Помпей? Неужели он не понимает опасности?

Красс пожал плечами:

– Что он может сделать против этого заговора молчания? Бандиты боятся собственных хозяев куда больше, чем возможного наказания Помпея. Он, по крайней мере, в случае их смерти не станет издеваться над семьями. Ведь как только дело доходит до суда, свидетели или бесследно исчезают, или не могут ничего вспомнить. Все это поистине позорно, Сервилия. Такое чувство, что город внезапно одолела тяжкая болезнь. Не знаю, как с ней справиться. – Красс тяжело вздохнул. – Язва – в сенате, так что я действительно рад тому, что дела не оставляют времени для заседаний. Клодий и Милон ведут открытую схватку в зале, а их банды по ночам терроризируют весь город. Сенату просто не хватает воли, чтобы сдерживать бандитизм. Простой люд разделился на два лагеря, и в итоге Помпей обладает куда меньшей поддержкой, чем думает сам. Ему не дотянуться ни до подкупов, ни до угроз, которыми действуют эти двое. Иногда мне хочется, чтобы Цезарь как можно скорее вернулся. Он не позволит Риму окончательно погрузиться в пучину хаоса.

Пытаясь скрыть интерес, Сервилия сделала вид, что внимательно разглядывает звездное небо. А когда снова посмотрела на Красса,

оказалось, что тот пристально изучает ее реакцию. От этого старого лиса нельзя скрыть ровным счетом ничего.

– У тебя есть от него какие-нибудь известия? – наконец спросила Сервилия.

– Да. Он предложил мне торговую концессию на новые земли в Галлии, хотя, скорее всего, истина не столь красива, как ее изображает Цезарь, чтобы соблазнить меня. Но если хотя бы половина обещанного окажется правдой, надо быть круглым дураком, чтобы упустить такую возможность.

– Я видела расклеенные по городу объявления, – задумчиво заметила Сервилия. Образ Юлия стоял перед глазами. – Много ли найдется желающих?

– Если Клодий и Милон не прекратят борьбу, из-за которой жизнь в городе стала просто невыносимой, то, думаю, к весне через Альпы потянутся тысячи людей. Земля, которую можно просто брать. Разве кто-нибудь устоит против такого соблазна? Рабы и собственное дело каждому, кто найдет в себе достаточно сил и энергии, чтобы преодолеть горы. Будь я молод и беден, непременно воспользовался бы возможностью. Ну а сейчас, разумеется, готов снабдить всем необходимым каждого, кто захочет отправиться в сказочные новые провинции.

Сервилия рассмеялась:

– Торговец – всегда торговец?

– Царь торговцев, детка. Цезарь назвал меня так в одном из писем. Очень неплохо. – Красс знаком велел рабыне прекратить массаж и сел. – Наш консул приносит гораздо больше пользы, чем сознает сам. Когда город слишком замыкается в себе, то неизбежно появляются люди, подобные Клодию и Милону, то есть те, кому наплевать даже на самые значительные мировые события. Зато отчеты, которые присылает Цезарь, не жалея денег для того, чтобы их читали на каждой улице, способны поднять дух любого ремесленника и рыночного торговца. – Красс усмехнулся. – Помпей все прекрасно понимает, хотя едва выносит успехи консула. А потому считает необходимым отстаивать интересы Цезаря в сенате, когда Светоний начинает оспаривать даже малейшее отклонение от буквы закона. Конечно, пилюля достаточно горькая, но без Юлия и его завоеваний

Рим давно превратился бы в пруд с протухшей водой, в котором рыбы от отчаяния жрут друг друга.

– Ну а ты, Красс? Что готовит будущее тебе?

Не замечая собственной наготы, Красс подошел к бассейну и погрузился в теплую воду.

– Лично я считаю, что старость – лучшее средство от разрывающих душу амбиций. И поэтому все мои мечты касаются лишь сына.

Глаза сенатора блеснули в темноте, и Сервилия позволила себе не поверить его словам.

– Присоединишься ко мне? – спросил он.

Сервилия молча встала и расстегнула единственную пряжку, на которой держались ее одежды. Мягкая ткань сползла живописными складками, обнажив полное жизни тело. Красс улыбнулся.

– Как ты любишь представления, дорогая, – лукаво заключил он.

Строй римлян дрогнул, и Цезарь коротко выругался. После нескольких дней преследования ему удалось заставить свевов повернуться лицом всего в нескольких милях от Рейна. Атаку следовало предвидеть, но, когда она началась, столкновение оказалось настолько стремительным и неожиданным, что легионеры даже не успели приготовить копья.

Воины Ариовиста полностью оправдали жестокость собственной внешности. Они не уступали ни пяди земли. Конница вилась над полем сражения, словно дым, обрушивая атаку за атакой и не позволяя врагам расслабиться ни на секунду.

– Марк Антоний! Поддержи левый фланг! – прорычал полководец, заметив претора в плотной массе своих и чужих воинов.

Однако приказ потонул в грохоте битвы.

Сражение вышло из-под контроля и стремительно превращалось в хаос. Юлий впервые начал опасаться поражения. Как обычно, каждый всадник германского племени вел за собой пешего воина, который бежал, крепко держась за гриву лошади. Из-за этого сосчитать германских воинов было просто невозможно. Цезарь с ужасом смотрел на левый фланг: там из последних сил держались два легиона из Аримина, а помощь все не приходила. Марка Антония нигде не было видно, а Брут сам дрался не на жизнь, а на смерть, причем так далеко,

что помочь никак не мог. Юлий соскочил с коня, выхватил у одного из легионеров щит и бросился сквозь бушующую битву.

Чем ближе к левому флангу подбегал полководец, тем настойчивее раздавались звон оружия и крики раненых. Цезарь всей душой ощущал растущий страх легионеров и начал окликать их по именам. В сумятице атаки командная цепь нарушилась, и теперь военачальнику пришлось созвать центурионов и командиров отрядов, чтобы те поняли его приказ.

– Соедините Двенадцатый и Пятый! – коротко распорядился он. – Сомкните и удвойте строй!

Приказ достиг цели, и в расстроенных рядах начал постепенно восстанавливаться порядок. Конница держала фланги, не позволяя врагам окружить позицию римлян. Но где же Марк Антоний? Цезарь изо всех сил вытягивал шею, но претора нигде не было видно.

Под непрерывными командами военачальника два легиона сомкнулись, а затем начали сражаться плечом к плечу. Враги постоянно трепали шеренги, то здесь, то там ударами стрел и камней вырывая воинов из рядов, но все атаки германской конницы разбивались о плотную стену сомкнутых щитов. Как только всадники пытались развернуться, легионеры переходили в атаку, и в результате битва начала перерастать в резню.

Прижатые к Рейну, свевы не видели выхода. В панике они начали на всем скаку метать в римлян копья. Однако и здесь помогли надежные щиты: многие из поверженных наземь поднимались и с помощью товарищей возвращались в строй.

Легионы стремились вперед. В дело пошли тяжелые орудия, баллисты и онагры, и вражеская кровь полилась рекой. Цезарь встал в ряды Десятого, и воины, гордясь поддержкой полководца, с воинственным воплем неудержимо бросились в наступление.

Теперь уже и левый, и правый фланги держались достаточно крепко. Брут стоял справа, а слева все атаки германской кавалерии с дикой храбростью отражали римские и галльские всадники. Оставалось толкнуть вперед центр, и свевы отступят, не в силах противиться мощному натиску войска римлян.

Цезарь с гордостью отметил, что все командиры прекрасно знают свое дело и справляются с ситуацией даже без приказов. Когда вражеская пехота пошла в наступление, они тут же расширили линию,

тем самым введя в бой максимальное количество мечей. Когда же нападала кавалерия, они смыкали ряды, создавая прочный щитовой панцирь, и продолжали бой. Баллисты и онагры продолжали стрелять до тех пор, пока битва не ушла от них слишком далеко и не возникла опасность поразить собственные ряды.

Цезарь увидел, как Ариовист собрал вокруг себя телохранителей, тысячу лучших воинов. Каждый из них был на голову выше римлян, а кроме того, ужасал странной формой головы. Отряд атаковал Десятый легион в самом центре. Щиты сомкнулись на мгновение позже, чем следовало, и оборона оказалась уязвимой.

Поначалу легионеры дрогнули, но вскоре собрались с духом и начали сражаться с маниакальным упорством. Полководец помнил, как закалялись его лучшие воины, и с уверенностью усмехнулся. Нет, эти парни не отступят и не побегут. Они готовы сражаться до последней капли крови.

В окружении бойцов Юлий бросился вперед, на ходу призывая фланги сомкнуться, чтобы зажать врагов в тиски. Слева появились темные галльские лошади. Они отрезали часть вражеского войска от основных сил. Десятый, переступая через мертвые тела, стремился добраться до врага. Скорость атаки нарастала, а с ней вместе лилась кровь, окрашивая землю в алый цвет. Спасаясь от совместного натиска Десятого и Третьего легионов, Ариовисту пришлось в очередной раз отступить.

Поражение царя увидели все римские воины и, как один, воспарили духом, гордо подняв головы. Цезарь торжествовал. Рейн приближался – его блеск уже радовал взор. Полководец подозвал горнистов и отдал приказ сыграть сигнал «копья к бою». Плотная туча железа вонзилась в массу воинов противника, не давая перестроиться. Между армиями образовался просвет, и Юлий отчаянно гнал своих воинов вперед, выкрикивая имена всех, кого знал лично. Услышав свое имя, каждый из бойцов расправлял плечи, словно стряхивая усталость.

– Баллисты и скорпионы – вперед! – распорядился полководец.

Посланные им люди бросились на помощь орудийным командам.

Совершенно неожиданно, без всякого видимого сигнала, германское войско накатилось на римлян в новой сокрушительной атаке. Тут же выстрелили луки-скорпионы, сбив с седел многих

всадников и пронзив лошадей. Римляне понимали, что эта атака – последняя, и, не дожидаясь приказа, сомкнули ряды.

Длинные и широкие щиты сошлись, а скрывшиеся за ними воины приготовили к бою мечи. Устрашающий вид несущихся лошадей не вызвал паники. Атаку отбили, а массу всадников рассекли на отдельные группы.

Армия Ариовиста все ближе подходила к реке. Цезарь понимал, что без кавалерии – и своей, и галльской – противостоять вражеским атакам оказалось бы невозможно. Германцы продолжали непрерывные нападения на фланги, однако легионы упорно продвигались вперед, сметая на своем пути все преграды.

Скоро берега Рейна потемнели от фигур людей и лошадей – варвары пытались спастись от римских воинов, вступив в схватку с мощным течением. Однако широкая река не жалела никого, и те, кто не держался за гриву лошади, не могли с ней бороться и тонули. Юлий заметил несколько переполненных отчаявшимися варварами крошечных рыбачьих лодчонок. Вот одна перевернулась, и темные головы варваров быстро скрылись в стремительно несущейся воде.

На левом фланге отборный отряд сложил оружие и сдался легионам из Аримина, которые еще недавно атаковал сам. Десятый легион дошел до самого берега. Воины стояли у воды, глядя на тонущих врагов. Печальная картина растянулась от правого фланга до самого центра позиций. Те из легионеров, которые сумели сохранить копья, сейчас метали их в маячившие над водой головы, которые без малейшего звука скрывались из виду.

К противоположному берегу причалила лодка. Из нее выбрался сам царь Ариовист и упал на колени.

– Цирон! – позвал Цезарь.

Голос пронесся по рядам Десятого легиона, и через минуту подоспел еще не остывший от схватки мощный воин. Полководец подал ему копье и показал на скорчившуюся от ужаса фигуру врага:

– Сможешь его достать?

Цирон взвесил копье, словно прилаживаясь. Внимательно посмотрел на противоположный берег. Воины расступились в напряженном молчании.

– Быстрее, пока он не встал, – поторопил Юлий.

Цирон медленно отсчитал пять шагов назад, а потом разбежался и запустил копье в воздух. Десятый легион, застыв, наблюдал, как оружие взлетело над рекой и, описав дугу, устремилось вниз.

Ариовист поднялся, чтобы повернуться лицом к стоящим на противоположном берегу римлянам. Копья он не видел. Оно сбilo царя с ног, пронзив на груди кожаные доспехи. Ариовист упал как подкошенный, и немногие оставшиеся в живых телохранители схватили бездыханное тело и утащили его в заросли деревьев.

Наступило потрясенное молчание, а через мгновение легион восторженно взревел. Цирон с широкой улыбкой победно воздел руку. Цезарь растроганно похлопал воина по плечу:

– Поистине геройский удар, Цирон. Клянусь богами, никогда не видел подобного. Да лучше, наверное, не смог бы метнуть и сам Геркулес.

Полководец присоединился к восторженному крику легионеров. Радость победы охватила всех. Азарт и веселье разгоняли кровь, заставляли бешено биться сердце, наполняли уставшие мышцы свежей силой.

– Доблестный Десятый! – набрав в легкие побольше воздуха, воскликнул полководец. – Братья! Есть ли в подлунном мире что-нибудь, недоступное вашим силам? Белиний, я видел, как ты сразил троих врагов кряду. Регул, ты сумел собрать центурию после гибели бедного Децидия. Надев плюмаж центуриона, ты окажешься достойным преемником.

Вот так, по одному, Цезарь выкликал имена своих воинов, восхваляя храбрость, искусство и преданность каждого. Он не пропустил ни единой детали битвы, и достойная оценка высокопочитаемого военачальника вдохновляла воинов на новые подвиги. Подошли бойцы других легионов. Их гордость и радость победы согрели сердце консула. Он постарался возвысить голос, чтобы слышали все.

– Неужели после этого боя осталось хоть что-то, недоступное нашим силам? – вопрошал он. В ответ раздавался громкий и дружный крик. – Мы сыновья Рима. Клянусь, эта земля непременно станет нашей! Каждый из вас, моих воинов, получит землю, золото и рабов, которые будут обрабатывать наделы. Вы станете новой римской знатью и будете пить вино, от сладости которого заплачет даже самый

закаленный воин. Клянусь перед всеми и даю честное слово консула! Слово римлянина на земле Галлии! – Цезарь наклонился и поднял горсть пропитанной вражеской кровью земли. Протянул ее собравшимся легионерам. – Видите эту землю? Эту кровавую глину? Повторяю, она ваша! Она принадлежит гражданам моего города точно так же, как гонки на колесницах или рынки. Возьмите ее, подержите в руках. Чувствуете живое тепло?

С шутками и смехом легионеры наклонились и подняли по горсти земли, а полководец наблюдал за ними с высшим наслаждением, словно за любимыми детьми. Дети улыбнулись отцу, а он еще крепче сжал кулак, так что земля просочилась между пальцами тонкой струйкой.

– Я не хочу возвращаться домой, – шепотом, словно самому себе, признался Юлий Цезарь. – Это мое время. Это мой путь.

Глава 30

Плотно запахнув плащи, Таббик и Александрия подошли к запертой двери мастерской. В Риме стояли холода, и мостовые покрылись коркой грязного льда, отчего каждый шаг грозил опасностью. Александрия крепко держала Таббика под руку. Ей казалось, что так им обоим легче устоять на ногах. Охранники, как всегда, оглядывались по сторонам, а Таббик вставил ключ в замок и недовольно заворчал – замок тоже заледенел. Улицы заполнила обычная утренняя суэта. Ежась от холода, рабочий люд Рима спешил в свои мастерские и лавочки. Кое-кто кивал Александрии как доброй знакомой.

– Замок замерз, – теперь уже вслух произнес Таббик, вытащил ключ и в сердцах стукнул кулаком по чеканной накладке на двери.

Александрия молча ждала, зябко потирая руки. Она прекрасно знала, что с советами сейчас лучше не лезть. Таббик, конечно, очень раздражителен и не прочь побрюзжать, но замок он сделал своими руками, а значит, если кому и удастся его отпереть, то только старому опытному мастеру. Поэтому Александрия просто ждала и, пытаясь не обращать внимания на холод, внимательно наблюдала, как Таббик достал из ящичка с ювелирными инструментами длинную тонкую иглу и покрутил в замке, расчищая лед. Это не помогло. Тогда мастер

капнул на ключ немного масла и снова попытался его повернуть. Никакого результата. Оставалось одно – согреть механизм теплом собственных рук. Вот так, прижимая к холодной металлической поверхности то одну руку, то другую и дыша на замерзшие пальцы, он и добился успеха. Замок щелкнул и открылся.

– Ну вот, наконец-то, – удовлетворенно заключил мастер и распахнул дверь в темную мастерскую.

Александрия основательно замерзла. Зубы стучали, руки тряслись. Прежде чем заняться тонкой работой, придется как следует согреться. Почему все-таки Таббик не хочет купить раба, чтобы тот приходил пораньше и разводил огонь в кузнечном горне? Тогда к их приходу было бы уже тепло. Но мастер упорно отказывался даже обсуждать этот вопрос. Он никогда не имел рабов, а предложение Александрии вызывало у него лишь раздражение: уж кто-кто, а она должна понимать, насколько это безнравственно.

Кроме того, существовала возможность, что раба подсунет одна из банд. В таком случае все драгоценности, которых в мастерской немало, исчезнут в тайниках Клодия или Милона. Эти же соображения мешали нанять ночного сторожа, так что каждое утро, отправляясь на работу, Александрия готовилась к худшему. Увидев, что мастерская цела и невредима, благодарила богов. Хитрые замки и ловушки Таббика действовали исправно. Скоро ситуация изменится. Они купят просторную и светлую мастерскую в каком-нибудь спокойном и приличном районе, и тогда постоянный страх отступит. На это Таббик все-таки согласился; ведь крупные заказы, которых становилось все больше, требовали места.

Таббик поспешил к горну, чтобы поскорее развести огонь и погреться у живого тепла, а девушка плотно закрыла дверь и с трудом разжала окоченевшие пальцы.

– Мы пойдем, хозяйка, – попрощался Тедий.

Как всегда после утреннего маршрута от дома до мастерской, его больная нога отказывалась служить, и Александрия отрицательно покачала головой. Подобный ритуал повторялся ежедневно. Хотя девушка не выпускала охранников прежде, чем они смогут согреться, Тедий регулярно заявлял, что им пора идти.

– Сначала выпейте чего-нибудь горячего, – распорядилась хозяйка.

Тедий был хорошим человеком. Сын же его казался настолько вялым и равнодушным, что вполне мог бы не обладать даром речи. Особенно мрачное настроение одолевало его по утрам.

Таббик занялся огнем, и скоро в печи раздалось живое, согревающее душу потрескивание. Сухие щепки и тонкие поленья разгорелись быстро. Кузнечного горна вполне хватало, чтобы жарко натопить мастерскую. Александрия разбила корочку льда на наполненном накануне ведре и налила полный чайник. Его тоже когда-то смастерил сам Таббик, и долгие годы он служил верой и правдой.

Обычные утренние дела вселяли чувство покоя и уверенности, а огонь в печи делал свое дело. В мастерской становилось заметно теплее, а на сердце у людей – уютнее.

Неожиданно дверь с шумом распахнулась.

– Зайдите попозже, – окликнула Александрия, но, обернувшись, застыла в испуге.

В небольшую комнату, накрепко закрыв за собой дверь, вошли трое мужчин весьма угрожающего вида.

– Полагаю, в этом не будет необходимости, – угрюмо произнес тот, который появился первым.

Выглядел он как типичное порождение самых темных переулков Рима – слишком хитрый для службы в одном из легионов и слишком злобный для любой нормальной работы. Александрия отступила на несколько шагов назад: настолько неприятный запах исходил от этого человека. Очевидно, заметив невольное движение, непрощеный гость неприятно усмехнулся, обнажив при этом кривые и неопрятные желтые зубы и нездоровые десны. Совсем не трудно было понять, что ворвавшиеся в мастерскую люди – бандиты. Вот только чьи – Клодия или Милона? Знакомые ремесленники рассказывали жуткие истории об угрозах и насилии, так что оставалось лишь надеяться, что Тедий не спровоцирует кровопролития. Ситуация заставила взглянуть правде в глаза: охранник уже слишком стар для такой серьезной работы.

– Мастерская закрыта, – предупредил стоящий чуть поодаль Таббик.

Александрия уловила едва слышный звук, – очевидно, мастер вооружился каким-то инструментом. Девушка не осмелилась оглянуться, однако взгляды бандитов сосредоточились на нем. Вожак презрительно фыркнул:

– Только не для нас, дед. Если, конечно, ты не хочешь закрыться для всех остальных.

Сносить откровенную грубость казалось оскорбительным. Человек, ничего в своей жизни не сделавший и не построивший, почему-то считал себя вправе врывать в дома и мастерские честных тружеников и угрожать расправой.

– Что вам нужно? – прямо спросил Таббик.

Вожак с остервенением почесал в затылке, потом рассмотрел то, что осталось на пальцах, и с легким щелчком раздавил добычу.

– Хочу получить часть твоих доходов, старик, – наконец произнес он. – Этой улице не видать покоя и порядка до тех пор, пока ты не заплатишь положенную дань. Скажем, восемьдесят сестерциев в месяц. Тогда все будет прекрасно. Никого не избыют по дороге домой. Не загорится ни один дом. – Разбойник взглянул на Александрию и фамильярно подмигнул. – Никого не затащат в темный угол и не изнасилуют. Мы позаботимся о безопасности.

– Мразь! – вышел из себя Таббик. – Как ты осмеливаешься являться в мою мастерскую с грязными угрозами? Убирайся немедленно, или я позову легионеров! И своих дружков забирай! Нечего здесь ухмыляться!

Вспышка гнева лишь утомила бандитов.

– Ну же, старик, – произнес первый, слегка пошевелив массивными плечами. – Смотри, если не уберешь молоток, можешь плохо кончить. Или начать с мальчишки? Если хочешь, отделаем его прямо здесь, на твоих глазах. Решай сам. Без первого взноса мы все равно не уйдем. Клодий не слишком любит тех, кто причиняет неприятности, а эта улица теперь принадлежит ему. А потому лучше тихонько заплати и живи спокойно. – Человек усмехнулся так, что Александрия вздрогнула. – Постарайся не думать, что расстаешься со своими деньгами. Считай, что просто платишь еще один городской налог.

– Я и без вас исправно плачу все налоги! – снова вспылил Таббик.

Он замахнулся тяжелым молотом, и бандит невольно зажмурился. Двое других сделали шаг вперед, и Александрия заметила, как блестят за поясами ножи.

Одним быстрым движением Тедий выхватил короткий меч, и атмосфера в мастерской мгновенно изменилась. Бандиты вытащили

ножи, однако рука старого воина оказалась куда тверже раненой ноги, и меч даже не дрогнул. Александрия заметила на лице вожака неприкрытое раздражение. В этот момент сын Тедия тоже вытащил меч, однако на юношу никто не обратил ни малейшего внимания. Вожак не воспринимал его всерьез, полностью сосредоточившись на отце. Он знал, что придется или убить старого телохранителя, или с позором удалиться.

– Достаточно разговоров, сукин сын. Убирайся отсюда, – медленно произнес Тедий, твердо глядя вожаку в глаза.

Тот неожиданно резко, даже судорожно дернул головой, словно петух перед боем. Тедий совершил угрожающее ответное движение, но бандит лишь расхохотался, заполнив грубым смехом небольшую мастерскую.

– Слишком медленно реагируешь, да? Конечно, можно прикончить тебя прямо здесь, но к чему напрягаться, когда гораздо проще дождаться где-нибудь на темном перекрестке?

С этими словами бандит отвернулся от Тедия, словно забыв о нем, и перевел взгляд на Таббика, который все еще держал на плече кузнечный молот.

– Так вот. Восемьдесят сестерциев первого числа каждого месяца. А первый взнос – уже сегодня, к вечеру. Это всего лишь деловое соглашение, старый дурак. Сейчас будешь платить или нам зайти попозже, когда ты останешься здесь один?

Бандит снова подмигнул Александрии, и девушка с отвращением отступила еще на шаг.

– Нет, я заплачу прямо сейчас. А потом, когда ты уйдешь, позову легионеров и позабочусь, чтобы тебя прикончили.

Таббик засунул руку в карман плаща, и звон монет заставил бандитов улыбнуться. Вожак щелкнул языком.

– Нет, вот этого ты как раз и не сделаешь! – отрезал он. – Дело в том, что у меня есть друзья. Много друзей. Им не понравится, если меня вдруг потащат на Марсово поле и подставят под нож мясника. А если мои друзья рассердятся, то твои жена и дети переживут немало неприятных минут.

Говоря все это, вымогатель ловко, прямо на лету, поймал мешочек с монетами, быстро их пересчитал и засунул под грязную тунику как можно глубже. Взглянув на растерянные, потрясенные лица жертв,

довольно хмыкнул и демонстративно плюнул на выложенный плиткой пол.

– Ну вот, так-то оно лучше, старик. Надеюсь, наши отношения будут складываться успешно. Увидимся ровно через месяц.

Широко распахнув дверь и впустив в мастерскую порыв холодного ветра, троица вывалилась на улицу и с хохотом испарилась в неярком свете утра. Тедий подошел, аккуратно закрыл ее и задвинул тяжелый засов. Таббик отвернулся от Александрии, не в силах вынести ее взгляд. Сейчас он действительно выглядел стариком. Бледный, с трясущимися руками, неуверенно положил молоток на скамейку. Потом взял метлу и зачем-то начал короткими резкими движениями подметать и без того чистый пол.

– Что будем делать? – решительно спросила Александрия.

Таббик молчал так долго, что у девушки сдали нервы. Захотелось прокричать вопрос в ухо мастеру и хотя бы этим нарушить молчание.

– А что мы можем сделать? – наконец медленно произнес тот. – В любом случае рисковать благополучием семьи я не могу.

– Но ведь можно закрыть мастерскую до тех пор, пока не переедем на новое место. Это в другом конце города. Там гораздо спокойнее, и все пойдет иначе.

Таббик безнадежно, почти отчаянно покачал головой:

– Нет, ничего не получится. Этот негодяй не оговаривал никаких условий. Работает мастерская или нет – в любом случае придется ему платить. Даже если не удастся продать ни одного изделия.

– Ну, значит, придется потерпеть всего лишь месяц. До тех пор, пока не переедем, – заметила девушка в надежде увидеть в каменном лице мастера хоть искру жизни.

Таббик ненавидел воров. Отдавать деньги, заработанные долгим тяжелым трудом, казалось невыносимо больно. Руки его тряслись даже сейчас, когда он изо всех сил сжимал ручку метлы. Наконец, словно собравшись с силами, он взглянул на девушку:

– Ничего не поделаешь, малышка. Неужели ты не понимаешь? Можно удивляться лишь тому, что они не появились раньше. Помнишь маленького Герания?

Александрия кивнула. Таббик назвал имя ювелира, работавшего еще дольше, чем он сам, и создававшего прекрасные золотые украшения.

– Так вот, он отказался платить, и они изуродовали ему правую руку. Молотком. Представляешь? Работать он больше не может, но им на это, естественно, наплевать. Главное, чтобы о судьбе несчастного узнали другие, такие как я, и из страха безропотно отдавали заработанное тяжким трудом. – Таббик замолчал и с такой силой сжал метлу, что она громко хрустнула. – Так что доставай-ка лучше инструменты, девочка. Сегодня нам предстоит закончить три заказа.

Голос звучал тускло, безжизненно, а сам Таббик словно и не собирался готовить мастерскую к открытию.

– У меня есть друзья, – негромко произнесла Александрия. – Юлий и Брут сейчас далеко, но я знакома и с Крассом. Так что вполне можно надавить на бандитов. В любом случае это лучше, чем сидеть и молча сносить издевательства.

Лицо Таббика вовсе не утратило мрачного выражения.

– Попробуй. Хуже не будет, – равнодушно ответил он.

Тедий со вздохом спрятал меч в ножны.

– Мне очень жаль, что так получилось. Простите, – печально произнес он.

– Не извиняйся, – успокоил мастер. – Этому наглому петуху не понравился твой воинственный вид, как бы он ни хорохорился.

– Почему же ты все-таки решил ему заплатить? – не могла успокоиться Александрия.

Таббик фыркнул:

– Да потому, что вот этот твой верный страж непременно убил бы наглеца, но пришли бы другие и дотла сожгли нашу мастерскую. Они не имеют права позволить победить хотя бы одному из нас, девочка. Ведь в таком случае остальные тут же прекратят платить. – Мастер повернулся к Тедию и положил сильную руку на плечо ветерана, не обращая ни малейшего внимания на его смущение. – Ты держался прекрасно, хотя на твоём месте я непременно нашел бы замену сыну. В этом деле нужен человек, способный убивать, понимаешь? Сейчас выпейте горячего и перекусите, прежде чем выходить на холод, а вечером непременно приходи. Понятно?

– Я приду, – коротко заверил Тедий, взглянув на красного от стыда сына.

Таббик пожал охраннику руку и кивнул, довольный полученным ответом.

– Ты хороший человек, – заключил он. – Вот только одного мужества здесь маловато.

Брут внимательно посмотрел на треснувшее стекло водяных часов. Несмотря на меховые перчатки, пальцы его онемели от холода. Единственное, чего он сейчас хотел, – это вернуться в казарму, укутаться и залечь, словно медведь в берлоге. Но необходимо было продолжать обычную, рутинную работу, которой так много в жизни легиона. Хотя люди страдали от холода, как от самого лютого врага, часовые все равно должны были сменяться точно по часам, в которых тонкая струйка воды перетекала из одного стеклянного сосуда в другой ровно за три часа. Брут тихо выругался: от прикосновения разбитое стекло развалилось и упало на снег. Центурион озадаченно потер заросший подбородок. Юлий считал, что на холоде бриться не надо, но Бруту совсем не нравилось, что уже через час пребывания на морозе дыхание замерзало и щетина превращалась в сосульки.

– Укрытия не помогают. Придется разводить костры. Небольшие, только чтобы вода не замерзала. Разрешаю для этого взять из запасов несколько поленьев. Огонь могут поддерживать сами часовые. Они наверняка обрадуются даже такому теплу. Скажи кузнецам, чтобы сделали железный кожух: необходимо защитить стекло и дерево от огня, а то вода просто выкипит.

– Обязательно. Спасибо, – с готовностью согласился начальник караула, довольный тем, что избежал выговора.

Брут же подумал, что тот должен был сам найти выход, а не лишать легион единственного надежного способа измерять время дежурства часовых.

Римские воины на своем опыте поняли, почему галлы решительно отказывались воевать зимой. Первый снег был настолько обильным и тяжелым, что проломил крыши казарм и превратил уютные дома в хаотичное смешение льда, снега и ветра. На следующий день снега выпало еще больше, а через месяц Брут уже не мог вспомнить, что такое тепло. Хотя каждую ночь возле стен разводили огромные костры, нагретый воздух поднимался лишь на несколько футов, а потом его уносил в небытие бесконечный и безжалостный ветер. По Рейну плыли ледяные острова величиной с повозку, а иногда снегопады становились такими сильными, что от одного берега к другому

простиралась подвижная белая корка. Брут спрашивал себя, замерзнет ли река окончательно.

Казалось, что весь день проходит в темноте. Юлий заставлял людей работать как можно дольше, однако заоченевшие руки слабели, и нескончаемые травмы заставили полководца все-таки пойти на уступки зиме и отложить строительные работы.

Брут с трудом шел по лагерю. Ноги неуклюже и болезненно скользили на оставшихся от грузовых повозок заледеневших колеях. Волон пришлось заколоть, так как пасти их было негде. Холода имели свое достоинство, угрюмо подумал Брут, по крайней мере замерзшее мясо долго оставалось свежим. Взгляд его упал на припорошенную снегом кучу туш. Мясо казалось твердым, как камень. Впрочем, в этой стране все было таким.

Брут поднялся на земляной вал и посмотрел в серую даль. Нежные снежинки щекотали щеки и долго не таяли на холодной коже. Пейзаж не вселял бодрости: впереди расстилалось поле, покрытое множеством пней. Когда-то это были высокие раскидистые деревья, но римлянам пришлось срубить их на дрова.

Лес немного защищал от безжалостного, неутрахающего ветра. Теперь уже все понимали, что нельзя было рубить деревья возле лагеря, но такой злой зимы никто не ожидал. Она оказалась убийственно холодной.

Центурион знал, что многие из воинов не имели по-настоящему теплой одежды. Те, кому достались волоньи шкуры, ежедневно смазывали их жиром, и все-таки на морозе они все равно становились жесткими, словно железо. Пара меховых рукавиц стоила больше, чем легионер получал за месяц службы, причем цена постоянно росла, ведь в округе давно переловили и перебили всех зайцев и лис.

По крайней мере легионерам наконец-то выплатили жалованье. Цезарь забрал из сундуков Ариовиста столько серебра и золота, что смог отдать каждому из воинов долг за три месяца. В Риме эти деньги просочились бы сквозь пальцы, потраченные на девочек и вино. Но здесь, в снежной пустыне, единственным развлечением оставались азартные игры. Результат, правда, был таким же: уже через несколько дней после получения жалованья многие из игроков снова погрузились в глубокую бедность. Однако самые серьезные и положительные из

воинов смогли послать домой, родственникам, достаточно солидные суммы.

Брут завидовал счастливым, которых отправили через Альпы в Аримин до того, как закрылись перевалы. Решение об отправке обрадовало людей, хотя центурион прекрасно сознавал, что принято оно по необходимости. В такую суровую зиму главной задачей оказалось элементарное выживание. Поэтому на протяжении всех этих темных месяцев невозможно было охранять захваченных в плен германских воинов. Лучшим выходом казалось просто продать их в рабство в качестве гладиаторов, охранников и слуг. Для этого требовалось разъединить людей, а потом переучить. В Риме существовала традиция, по которой выручку от боевых выступлений рабов получали легионеры, их захватившие, так что пленные могли принести немало золотых монет тем, с кем совсем недавно сражались.

Ветер безжалостно дул вдоль стены, и Брут начал считать до пятисот, пытаясь заставить себя простоять хотя бы это время. Здесь, наверху, часовые давно впали в пучину черного отчаяния, и центуриону хотелось, чтобы они чувствовали его поддержку.

Он как можно плотнее запахнул на груди плащ. Каждый вздох причинял острую боль, и Брут жалел, что горло не онемело, как руки и ноги. Кабера предупреждал об опасности обморожения, и воин надел две пары шерстяных носков, однако никакого толку от них не было. С того дня, как пошел первый снег, уже восемнадцати легионерам пришлось отрезать пальцы на ногах и руках, а без искусства Каберы жертв было бы еще больше. Несчастья происходили главным образом в первые недели зимы, пока люди не прониклись должным почтением к холоду. За одной из страшных операций Бруту довелось наблюдать. Почерневшую ссохшуюся конечность отрезали кузнечными инструментами. Но больше всего в ту минуту поразило бесстрастное лицо пациента. Он не почувствовал боли, даже когда железные щипцы вонзились в кость.

Стоящий неподалеку часовой больше напоминал статую. Подойдя ближе, Брут увидел, что глаза легионера закрыты, а заросшее неровной щетиной лицо посинело. По правилам сон на посту карался немедленной смертью, но Брут сделал вид, что ничего не заметил, и дружески похлопал несчастного по плечу. Тот вздрогнул и открыл глаза. Впрочем, от ветра пришлось тут же зажмуриться.

– Где твои рукавицы, парень? – поинтересовался командир, глядя на скрюченные от холода пальцы воина.

Вытянувшись перед начальником, тот вытащил руки из складок плаща.

– Я их потерял, центурион, – последовал исчерпывающий ответ.

Брут понимающе кивнул: не приходилось сомневаться, что незадачливый часовой так же удачлив в игре, как и на посту.

– Так ты скоро и руки потеряешь, если не будешь держать в тепле. Возьми-ка мои. У меня есть пара в запасе.

Брут смотрел, как молодой воин пытается надеть рукавицы. Сделать это ему так и не удалось, и после упорной борьбы одна из них упала. Брут наклонился и, подняв рукавицу, надел ее на окоченевшие руки. Оставалось надеяться, что он не опоздал со своей помощью. Подчиняясь порыву, расстегнул пряжку на подбитом мехом плаще, снял его и накинул на плечи парня. Ледяной ветер пронзил до самых костей, несмотря на теплую одежду. Зубы принялись отбивать дробь, и пришлось их крепко сжать.

– Не надо, командир, я не могу взять твой плащ, – с тоской в голосе произнес часовой.

– Он просто поможет тебе закончить дежурство, парень, – успокоил Брут. – А потом передай его следующему, в твоей же казарме. Теперь он ваш, общий.

– Хорошо, командир. Обязательно.

Брут увидел, что лицо часового понемногу начало приобретать нормальный цвет. На душе стало немного легче. Вниз центурион шагал почти жизнерадостно. Скорее всего, причина заключалась в том, что обход лагеря подошел к концу. Горячее мясо и постель, согретая раскаленными кирпичами, несомненно, помогут пережить утрату единственного плаща и последней пары рукавиц. Сохранить бы оптимизм до завтра, когда придется совершать обход без них!

Цезарь вытащил из очага железную кочергу и опустил ее сначала в один кубок, а потом в другой. Вино вспенилось и выпустило струи ароматного пара. Юлий снова положил кочергу в огонь, а один из кубков протянул Мхорбэйну.

Оглядываясь вокруг, полководец почти верил в надежность и постоянство новых построек. Даже за то короткое время, которое

отпустила зима со своим первым снегом, легионерам удалось протянуть дорогу от южных римских провинций почти до самых новых лагерей. Осталось построить лишь пять километров. Поваленные деревья не пропадали даром, а использовались для строительства казарм. Успехи приносили радость до того дня, как внезапно настала зима и утром на стене нашли замерзшего насмерть часового. Все дорожные и строительные работы мгновенно остановились, а цель жизни изменилась. Теперь уже она состояла не в доступности связи с югом страны, а в элементарной борьбе за выживание.

Но даже в суровых зимних условиях Цезарь не терял времени даром. Галлы привыкли к холодам, и он посылал их в самые разные племена – во все, которые они знали. В итоге переговоров удалось вступить в союз с девятью вождями, а у трех, территории которых находились неподалеку от области, захваченной Ариовистом, пришлось потребовать земли обратно. Впрочем, какие из результатов доживут до весны, сказать было трудно. Если все обещания окажутся выполненными, то римская армия получит два новых легиона. Конечно, небольшие племена согласились на союз лишь для того, чтобы перенять опыт воинов, разбивших гельветов и свевов, однако Юлий планировал рассеять новобранцев среди надежных и опытных легионеров. Так он поступил когда-то с теми, кого Катон прислал, чтобы защитить сына. И даже наемников Катилины ему удалось поставить себе на службу. Хотели они того или нет, но галлам, пришедшим под римские знамена, предстояло стать такой же частью Вечного города, как Цирон или сам консул.

Серьезную тревогу вызывали те племена, которые не желали вступить в союз. Белги ослепили посланника, а потом вывели его коня на построенную римлянами дорогу и пустили самого отыскивать путь домой, к пище и теплу. Нервии вообще отказались встретиться, и их примеру последовали еще три племени.

Цезарь с нетерпением ждал весны. Восторг победы над Ариовистом прошел, однако сохранилось чувство уверенности, объяснить которое было трудно. Да, Галлия непременно будет принадлежать ему.

– Те племена, о которых ты говоришь, Юлий, никогда не сражались вместе. Представить, что они когда-нибудь смогут стать

братьями, просто невозможно.

С этими словами Мхорбэйн с удовольствием отхлебнул горячего вина и, отдыхая, вытянулся возле огня.

– Вполне возможно, – согласился Цезарь. – Но моих людей здесь еще очень плохо знают. До сих пор остаются племена, которые даже не слышали о нашем существовании. Так как же они могут принять правление тех, кого даже не видели?

– Ты не сможешь сразиться со всеми, Цезарь, – задумчиво возразил Мхорбэйн. – Такое не под силу даже твоим воинам.

Юлий хмыкнул:

– Напрасно ты так в этом уверен, друг мой. Окажись перед ними сам Александр Великий, они смогли бы победить и его. Однако эта зима совершенно сбила меня с толку. Куда вести войско? Дальше на север? А может быть, на запад? Или выбрать самые сильные из племен и разбить их по одному? Я почти мечтаю о том, чтобы они выступили вместе, Мхорбэйн. В случае если удастся разбить сильнейших, слабые сразу признают наше право на эту землю.

– Ты уже и без того удвоил территорию Рима, – напомнил Мхорбэйн.

Глядя в огонь, Юлий показал на дверь, едва сдерживающую невиданный холод.

– Я не имею права сидеть и ждать, пока они придут ко мне сами. В любой момент меня могут вызвать домой, в Рим. А на мое место назначить другого.

Слова вызвали у Мхорбэйна живой интерес, и Цезарь замолчал. Вино излишне развязало язык, даже если учесть, что Мхорбэйн – друг и союзник.

Последнее письмо от Красса, пришедшее перед самым закрытием альпийских перевалов, было очень тревожным. Помпей стремительно терял влияние в городе, а сенат поражал своей слабостью. Цезарь почти хотел, чтобы Помпей объявил себя диктатором, прекратил разгул преступности и остановил террор, организованный Клодием и Милоном. Самому Цезарю эти имена не говорили ровным счетом ничего, однако Красс казался по-настоящему испуганным. Он даже решил поделиться своими страхами. А ведь старик вовсе не из тех, кто шарахается от каждой тени. Порой Юлию думалось, что надо вернуться в Рим и поддержать в сенате Помпея, но суровая галльская

зима диктовала свои условия. Однако мысль о том, что, пока он завоевывает новые земли, родной город тонет в коррупции и насилии, мучила невыносимо. Можно было смириться с тем, что война окрашена в жестокие кровавые тона, но допустить подобное в родном городе казалось просто невыносимым.

– Впереди столько дел! – горячо воскликнул полководец, снова доставая из огня кочергу. – И единственное, что мне доступно, – это терзать себя планами и письмами, которые я даже не могу послать. Помнится, ты говорил, что скоро должна прийти весна. Так где же оттепель?

Мхорбэйн пожал плечами.

– Скоро будет, – уже в который раз коротко пообещал он.

Глава 31

Наконец весна все-таки пришла. Рим заметно опустел. Семь тысяч семей отправились на север. Покидая тесные, грязные и опасные улицы Рима, люди шли обживать обещанную Цезарем землю. Те, кто боялся банд Клодия и Милона, двигались к новой жизни, прочь от преступлений и продажности, по самым широким дорогам. Перед тем как покинуть насиженное место, обычно продавали все пожитки, кроме самых необходимых, а на вырученные деньги покупали сельскохозяйственные и строительные инструменты, волов и корм для них. Путешествие сулило лишения и невзгоды, ведь предстояло пройти почти четыреста километров до подножия Альп, а потом преодолеть горные перевалы, за которыми и лежала неизведанная страна.

Пришедшие из Аримина легионы взяли на себя патрулирование северных районов, и в результате влияние Рима распространилось на предгорья и сами горы. Подобная мера была просто необходима. Хотя придорожные постоянные дворы и форты могли постоять за себя, значительные расстояния между ними оставались во власти бандитов, которые безжалостно грабили путников, приводя их в полное отчаяние. Некоторых подбирали сердобольные сограждане, а кому-то оставалось лишь голодать и просить грошовую милостыню. Зажиточные римляне нанимали охрану. Минуя под холодным весенним дождем стоящих в слезах, с протянутой рукой несчастных

земляков, они лишь пониже опускали головы, стараясь не смотреть по сторонам.

Цезарь регулярно отсылал в Рим отчеты о своих победах, и на заседаниях сената Помпей зачитывал их. Роль эта казалась ему самому странной, ведь по иронии судьбы приходилось поддерживать Цезаря, чтобы не утратить контроля над новыми членами главного законодательного органа Рима. Красс постоянно напоминал коллеге и сопернику о том, что от полного развала город спасали лишь победы в Галлии. Если бы не успехи Цезаря, Клодий и Милон своими скрытыми, но кровавыми баталиями разорвали бы Рим на куски. Несмотря на сосредоточенную в их руках реальную власть и силовое влияние, они не сделали для города ровным счетом ничего хорошего, лишь высасывали из него последние соки. Ни Клодий, ни Милон не пропускали ни единого письма из Галлии. Оба родились в трущобах и выросли в самых темных переулках, однако, как и все остальные граждане, жадно ловили каждую деталь важных событий.

Поначалу Помпей собирался провозгласить себя диктатором и таким образом получить контроль над преступными бандами. Освободившись от оков строгого законодательства, он смог бы расправиться с главарями без суда и следствия. Однако все решил совет того же Красса. Опытный политик отговорил правителя от такого шага. После казни место Клодия и Милона неизбежно займут другие, более осторожные бандиты. И тогда уже выжить не удастся ни Помпею, ни, возможно, самому Риму. Гидра римских трущоб непременно отрастит новые головы, и уж те не будут разгуливать в открытую и даже заседать в сенате. Бывшие консулы обсуждали проблему несколько часов кряду, и Помпей согласился с доводами хитроумного коллеги. А потому вместо открытого противостояния выбрал политику лести и задабривания опасных врагов. Он поддержал кандидатуру Клодия на пост главного магистрата и задал в его честь пышный обед. После этого новые союзники вместе назначили претендентов на предстоящие консульские выборы. Ими стали серые, незаметные люди, неспособные нарушить хрупкое перемирие. Таким образом, Помпею удалось найти шаткое равновесие, на которое Клодий согласился во многом ради того, чтобы укрепить собственные позиции в непрекращающейся борьбе против Милона.

Стоя на подиуме и читая доклад Цезаря, Помпей ни на секунду не выпускал из виду соперников. Возвысив одного из них, он моментально превратился в злейшего врага второго, так что, встретившись взглядом с Милоном, увидел в его глазах лишь лютую ненависть. Зато Клодий теперь произносил имя правителя с глубоким почтением. В начале лета Помпей даже посетил особняк нового доброжелателя и получил свою порцию лести. Конечно, такая игра крайне опасна, и все же попытка стать диктатором и разнести все вокруг на мелкие куски закончилась бы куда трагичнее. В реальных условиях такая тактика неминуемо привела бы к гражданской войне, и неизвестно, кто вышел бы из нее победителем.

Откашлявшись, Помпей слегка склонил голову в сторону Клодия. Даже этот скромный знак уважения вызвал на лице самолюбивого сенатора довольную улыбку. Красс, как всегда, оказался прав. Новые сенаторы, конечно, дикие и темные люди, но они всей душой стремились к тому почету и уважению, которые давало участие в работе законодательного органа. Результаты не заставили себя ждать. С тех пор как Помпей ступил на новый путь, никто из его союзников не пострадал от рук бандитов Клодия. Больше того, стоило Помпею объявить о намерении реконструировать ипподром, Клодий тут же явился с предложением щедрой финансовой помощи. В знак благодарности Помпей заказал статую благодетеля и не уставал прославлять его великодушие в сенате.

Милон решил не отставать от соперника и предложил реконструировать Аппиеву дорогу. Помпей, конечно, ничем не выдал собственного восторга, уж слишком предсказуемым оказался новый сенатор. Он разрешил тому начертать свое имя на Капенских воротах, там, где в город с юга входила Аппиева дорога. После всех этих событий Помпей наконец почувствовал, что снова, впервые за последний год, крепко держит в руках бразды правления. А враги-бандиты перешли к тонким, скрытым методам борьбы. Признание и почести были для них куда дороже открытого и яростного противостояния. Новые консулы, в свою очередь, полностью сознавали шаткость собственного положения и ни шагу не ступали без совета наставников. Ситуация в сенате обрела характер патовой, и подковерная борьба продолжалась полным ходом.

Помпей громко зачитывал список племен, которые Цезарю удалось победить в первых весенних битвах. Сенаторы изумленно замерли, и оратор с удовольствием прислушивался к напряженной тишине. Число рабов, посланных через Альпы в Рим, вызвало благоговейный ужас. Племя ремов попало в вассальную зависимость. Нервиев уничтожили почти до единого человека. Белгам пришлось сложить оружие и сдаться. Адуатуков загнали в один укрепленный город, который потом взяли штурмом. Только из этого последнего племени на невольничьи рынки Рима отправились пятьдесят три тысячи рабов.

Помпей внимательно изучал доклады Цезаря, но даже он не смог увидеть скрытую за простыми строчками ожесточенную борьбу. Полководец вовсе не старался как можно красивее преподнести собственные победы, но от сухого, лаконичного тона отчета они казались еще более впечатляющими. Сенат услышал доклад целиком, вплоть до заключительных комментариев, в которых Цезарь адресовал послание римским законодателям и рассказывал о собранном на завоеванных землях годовом налоге. Последняя строчка прозвучала в особой, натянутой, словно струна, тишине: «Со всей ответственностью заявляю, что Галлия умиротворена и готова полностью подчиниться законному правлению Рима».

Не в силах скрыть восторга, сенаторы дружно вскочили с мест, аплодируя и крича до хрипоты. Чтобы хоть немного успокоить их, Помпей поднял руку.

Когда наконец удалось восстановить подобие тишины, правитель заговорил звучным, полным силы и энергии голосом:

– Боги даровали нам новые земли, сенаторы. Теперь же предстоит доказать, что мы достойны управлять ими. Наши легионы принесли мир в Испанию, и точно так же мир воцарится на новых диких землях. Римляне построят дороги и вырастят щедрый урожай, которого хватит, чтобы накормить города. Они научатся вести хозяйство и самостоятельно решать все проблемы. Рим придет в Галлию не силой собственных легионов, но силой права, справедливости и благосклонности богов.

– Умиротворена? Ты написал им, что галлы смирились? – недоверчиво переспросил Брут. – Но ведь в Галлии до сих пор

остались места, где о нас даже не слышали. Как ты мог такое написать?

Цезарь нахмурился:

– Тебе бы больше понравилось, напиши я «галлы все еще представляют серьезную опасность, но есть надежда на примирение»? Вряд ли такие слова вдохновили бы наших поселенцев на переход через Альпы.

– А я не стал бы говорить даже о надежде на примирение. Куда правдивее было бы сказать, что эти дикари приносят столько неприятностей, что невозможно и сосчитать. На протяжении долгих лет – да что там, многих поколений – они дрались между собой, пока не нашли в римской армии общего врага, против которого и объединили усилия. И вот теперь мы по локоть засунули руки в осиное гнездо, такое большое, каких мне еще не доводилось видеть. Вот это, по крайней мере, правда.

– Ладно, Брут. Все равно дело уже сделано и исправить ничего нельзя. Ситуацию я знаю не хуже тебя. Те из племен, которые никогда не слышали о римских легионерах, скоро увидят, как мы строим дороги по всей стране. Если сенат сможет воспринимать меня как завоевателя Галлии, то разговоров о моем возвращении в Рим, а тем более о долгах больше никто не осмелится завести. Там, дома, смогут сосчитать то золото, которое я послал им, и тех пленных-рабов, которые работают на их полях. Теперь я свободен и, если захочу, смогу отправиться за море. Это моя дорога, Брут. Разве ты не видишь, что я наконец-то обрел ее? Ради нее я и родился. Мне нужно всего несколько лет, может быть, пять, и тогда Галлия действительно будет усмирена. Говоришь, они о нас никогда не слышали? Так я завоюю те земли, которые и не представляют о существовании Рима! Над их городами, словно мраморная скала, вознесутся храмы в честь Юпитера. Я принесу с собой цивилизацию, науку, искусства и отдам их тем людям, которые живут в бедности и запустении. Приведу легионы туда, где земля встречается с морем, и даже дальше. Кому известно, что кроется вдали, какие берега? Ведь у нас даже нет карт тех стран, а есть лишь доставшиеся от греков легенды о затаившихся на самом краю земли туманных островах. Неужели все это не распаляет твое воображение?

Брут молча смотрел на друга, не зная, стоит ли вообще отвечать и нужен ли Цезарю ответ. Юлий и раньше приходил в подобное

восторженно-приподнятое настроение, и порою оно даже казалось трогательным. Сейчас, однако, центурион не на шутку встревожился. Судя по всему, Юлий и не думал об окончании военных походов и завоеваний. Даже ветераны сравнивали молодого полководца с Александром Великим, а Марк Антоний льстил без зазрения совести. Когда претор впервые высказался в подобном духе на военном совете, Брут ожидал, что Цезарь трезво оценит неприкрытое низкопоклонничество, но тот лишь довольно улыбнулся и положил руку на плечо Марка Антония, а потом наполнил кубки.

Всю долину гельветов поделили на отдельные земельные наделы, которые раздали переселенцам из Рима. Цезарь был чрезмерно щедр на обещания. Теперь же, чтобы их выполнить, ему приходилось то и дело брать в руки оружие. Одна лишь необходимость регулярно выплачивать легионерам жалованье серебром заставляла опустошать города и сражаться не ради доблести и славы, а лишь для того, чтобы наполнить казну и отослать необходимую часть добычи сенаторам. Конца подобным действиям видно не было, и Брут первым из членов совета начал сомневаться в истинности целей той войны, которую вели легионеры. Оставаясь до мозга костей гражданином Рима, он мог понять и принять разрушения во имя мира, однако разрушения ради удовлетворения тщеславных стремлений Цезаря не приносили ни радости, ни вдохновения.

Сомневаться Юлий просто не умел. Хотя весной коалиция племен белгов, собрав значительные силы, вероломно напала на римлян, легионерам все же передалась доля уверенности военачальника, и враги были безжалостно разбиты. Казалось, римские воины избраны богами и не могут потерпеть поражение. Время от времени сила характера друга действовала и на Брута. В такие моменты он вместе со всеми принимался восторженно приветствовать отважного полководца, и ему чудилось, что вокруг железного шлема Цезаря светится божественный нимб. Но ведь он знал скрывавшегося за забралом человека – знал слишком хорошо, чтобы ходить вокруг него на цыпочках, как это делали легионеры. Одерживая победы благодаря собственной отваге, силе и стремительности, воины искренне приписывали все заслуги Цезарю и отдавали ему все почести. Никто не сомневался, что пока он ведет войско за собой, оно непобедимо.

Брут вздохнул. Наверное, легионеры правы. Вся восточная Галлия лежала у их ног, а дороги протянулись уже на сотни километров. Риму становилось тесно на этой территории, и семя перемен посеял именно Цезарь. Брут взглянул на друга и увидел на его лице то выражение воинственной гордости, которое так хорошо знал. Кроме поредевших волос и глубоких шрамов, никаких изменений во внешности Юлия заметно не было. И все же легионеры упорно твердили, что их военачальник избран богами и несет на себе их благословение. Одно его присутствие на поле битвы стоило целой когорты; завидев Цезаря, бойцы бросались в битву с удвоенной энергией. В такие минуты Бруту становилось стыдно за собственную мелочность и раздражительность, которые он старался подавить.

Публию Крассу полководец доверил командование двумя легионами и приказал двигаться на север. Сын сенатора с честью выполнил задание и добился полной капитуляции тамошних племен. Теперь открывался путь к морю. Брут оспаривал эту идею, но прекрасно понимал, что ничто не сможет помешать Юлию довести своих отважных воинов до побережья. Он уже мнил себя вторым Александром Великим и мечтал добраться до края света.

Военный совет собрался в самом большом помещении укрепленного лагеря. Оглядев командиров, Брут заметил, как они изменились. За годы кампании Октавиан и Публий Красс утратили последние следы юности. Обоих теперь украшали шрамы, придававшие их облику мужества и силы. Цирон теперь командовал когортой и проявлял такую преданность полководцу, что нередко напоминал верного пса. Сам Брут порою обсуждал возникавшие сомнения и опасения с Домицием и Рением, однако Цирон покидал общество товарищей при первом же намеке на критику военачальника. Вообще Брут и Цирон заметно недолюбливали друг друга, однако из уважения к Цезарю упорно скрывали разногласия и неприязнь.

Как мы лицедействуем перед ним, думал о себе и своих товарищах Брут. В присутствии Цезаря подчиненные старательно разыгрывали роль близких друзей, почти братьев, на время забывая обо всех разногласиях. Казалось, члены совета до смерти боятся разочаровать полководца собственными спорами.

Ожидая, пока кубки наполнятся вином, Цезарь разложил на столе заметки. Он уже запомнил все доклады и отчеты, так что возвращаться

к ним смысла не было. Несмотря на весь свой скептицизм, под внимательным взглядом голубых глаз Брут невольно подтянулся и расправил плечи. Остальные реагировали так же, и центуриону пришло на ум сравнение со сворой верных гончих. Он потянулся к кубку.

– Твой договор с венетами распался, Красс, – обратился Цезарь к молодому римлянину. Сын сенатора недоверчиво и расстроено покачал головой, и полководец продолжил: – Собственно, я и не ожидал, что он окажется долговечным. Это племя слишком сильно своим флотом, чтобы подчиняться нашей воле, а цель договора заключалась в том, чтобы умиротворить их, пока мы не направимся на северо-запад. Чтобы иметь выход в море, я непременно должен получить власть над побережьем.

Глядя в одну точку, Цезарь задумался о будущем. Потом, словно опомнившись, встряхнулся.

– Они захватили пленных – из той когорты, которую ты оставил для обеспечения нашего влияния, а теперь взамен требуют освобождения своих заложников. Чтобы склонить это племя к переговорам, нам придется сначала победить их на море. Судя по всему, они считают, что римляне способны сражаться только на суше, однако кое-кто из нас твердо знает, что это не так.

Члены совета улыбнулись, а полководец встретился взглядом с Цироном:

– Я нанял корабельных плотников и строителей. Скоро у нас будет и порт, и корабли. Помпей поможет: найдет команды, способные пройти сквозь Геркулесовы столбы и обогнуть Испанию, чтобы встретить нас на севере. Это вполне совпадает с моими планами, так что нарушители клятвы будут примерно наказаны. Мхорбэйн говорит, что другие племена, словно ястребы, с нетерпением ждут нашей малейшей промашки и готовы наброситься в любой момент.

– Сколько времени уйдет на строительство кораблей? – поинтересовался Рений.

– Если удастся найти достаточно денег, к следующей весне они уже будут готовы. Я написал письмо в сенат с просьбой оплатить расходы новых легионов. Красс же пообещал, что если сенаторы не пойдут навстречу, то он сам даст нужную сумму. Но мне кажется, что законодатели довольны нашими успехами, а потому решат

раскошелиться. Если зима в этом году окажется не такой суровой, готовиться к выходу в море мы сможем и в темные месяцы. – Цезарь замолчал и начал задумчиво барабанить пальцами по столу. – У меня есть донесение от разведчика с Рейна. На нашем берегу высадились германские племена, так что необходимо немедленно их уничтожить. Я отправил туда пять галльских всадников, чтобы они проверили данные и оценили численность противника. Нельзя позволять ему проникнуть на нашу территорию. Больше того, победив, я планирую пересечь реку и отогнать варваров. Так нужно было поступить еще со свевами. Нельзя позволять диким племенам нападать на наши фланги всякий раз, как они почувствуют малейшую слабость. А потому я отвечу так, что помнит будут несколько поколений, и накрепко запру двери к Рейну.

Цезарь обвел взглядом членов совета, чтобы увидеть их реакцию на свои слова.

– Необходимо двигаться как можно быстрее и в зародыше уничтожать любое сопротивление. Еще немного, и наши владения протянутся от одного конца Галлии до другого. Десятый и Третий галльский легион, которым командует Брут, я поведу к Рейну. За нами пойдет один из новых созданных здесь галльских легионов. Думаю, что в походе против такого врага проблем с лояльностью союзников просто не возникнет. Мхорбэйн согласился еще раз предоставить мне свою конницу. Вам же предстоит действовать самостоятельно, но от моего имени.

Публий Красс, ты должен вернуться на северо-восток и уничтожить наземные силы венетов. А после этого сжечь вражеские корабли или, по крайней мере, заставить их отойти от берега и не позволять пополнять запасы продовольствия и воды. Ты, Домиций, возглавишь Четвертый галльский и поддержишь Публия. Марк Антоний вместе со своим легионом останется здесь. То же самое касается Двенадцатого и Пятнадцатого легионов, пришедших из Аримина. Вам предстоит защищать центр. Надеюсь, в мое отсутствие Рим не потеряет ничего из завоеванного ранее. Будьте осторожны, но при необходимости не колеблясь наносите удар.

Тебе, Бериций, самое легкое поручение. Твой легион нуждается в отдыхе, а мне срочно необходим надежный человек для наблюдения за пришедшими из-за гор переселенцами. Для управления новыми

провинциями сенат собирается прислать четырех новых преторов, и нужно будет во всех подробностях описать им нашу жизнь.

Бериций закатил глаза и притворно застонал, и все вокруг рассмеялись. Перспектива нянчить тысячи неопытных римских переселенцев казалась не слишком радужной, однако Бериций действительно знал толк в управлении. Легион же и в самом деле нуждался в отдыхе после долгого периода бесконечных битв.

Распределение обязанностей продолжалось долго. Наконец каждый из командиров точно определился с кругом задач и степенью ответственности. Полководца радовали живые, остроумные замечания и комментарии товарищей. Сам же он с полным знанием дела отвечал на многочисленные вопросы. Легионеры считали, что Юлий Цезарь знает по имени каждого из своих бойцов. Возможно, они преувеличивали, однако правда состояла в том, что он действительно конкретно знал каждый из аспектов жизни войска. Озадачить его, а тем более поставить в тупик было просто невозможно. На любой вопрос мгновенно находился точный ответ. Подобная уверенность, разумеется, передавалась воинам.

Брут окинул товарищей быстрым, но внимательным взглядом. Спокойные лица были решительны и серьезны. Люди понимали, что нелегкие задачи несут лишения, трудности, боль, а может, и смерть. Все слушали детальные разъяснения Цезаря и, казалось, полностью погрузились в вопросы снабжения, дислокации и вооружения. Бруту же никак не удавалось сосредоточиться. В голову лезли странные вопросы: кому из этих людей удастся снова увидеть Рим? Ответа не было. Цезарь продолжал объяснения, подробно показывая на карте направление движения каждого отряда. Останавливаться в середине пути он не собирался.

Глава 32

Уже четвертый год Цезарь проводил в Галлии. В первый день осени Помпей и Красс, погрузившись в беседу, шли по форуму. Огромная площадь в самом центре города оказалась до отказа заполнена народом. Здесь собрались и свободные граждане, и рабы. Ораторы обращались к тем, кто еще сохранил способность слушать и понимать. Их голоса разносились над головами собравшихся, а речи

касались самых разных тем. Повсюду сновали рабы из богатых домов, выполняя поручения хозяев. С некоторых пор в Риме стало модно одевать слуг в яркие одежды, так что многие выделялись в толпе яркосиними и даже золотыми туниками. Особенно эффектно они смотрелись на фоне более темных бордовых или коричневых одеяний ремесленников и торговцев. Здесь же гордо вышагивали вооруженные охранники. Каждая группа плотным кольцом окружала своего господина. Форум являлся настоящим сердцем Рима, и жизнь здесь была ключом, не успокаиваясь ни на минуту. Но сейчас настроение заполнявших площадь людей слегка изменилось. Впрочем, ни Помпей, ни Красс этого изменения не почувствовали.

Первым тревожным сигналом оказался резкий толчок. Одного из легионеров пихнули прямо на Помпея. Сенатор остановился. Вокруг сразу начала собираться толпа. Лица людей не выражали ничего, кроме враждебности и недоброжелательности. Красс пришел в себя первым и подтолкнул коллегу в сторону здания сената. Если уж суждено пережить еще один бунт, то лучше ретироваться как можно быстрее, а потом для восстановления порядка послать вооруженный отряд.

Все пространство вокруг заняли толкающиеся, кричащие люди. Кто-то бросил камень. Помпей увидел, как одного из ликторов сбили с ног, и не на шутку испугался, однако преодолел приступ паники, заставив себя собрать в кулак все мужество. Вытащил из-за пояса кинжал и опустил лезвием вниз, так чтобы при необходимости можно было и колоть, и резать. В эту минуту кто-то из толпы неожиданно оказался слишком близко, и сенатор, не задумываясь, одним движением располосовал злоумышленнику щеку. Тот громко взвыл и упал.

– Охрана, ко мне! – громко потребовал Помпей.

Толпа наступала. Вот уже трое крепких верзил повалили одного из легионеров и принялись нещадно колотить его. Неподалеку вскрикнула женщина, а потом крики ужаса и паники раздались и в людской массе. Без сомнения, беспорядки учинили люди Милона. После изоляции их предводителя в сенате этого следовало ожидать, однако Помпей пренебрег опасностью и взял с собой лишь нескольких легионеров и ликторов. Этого, конечно, было недостаточно. Он снова пустил в ход кинжал и увидел, что Красс тоже не растерялся:

невооруженный, он всюду размахивал кулаками и уже пустил кому-то кровь из носа.

Ликторы постоянно носили с собой церемониальный топор и розги для порки. Особенно серьезным оружием оказались топоры, с их помощью охрана прокладывала путь к курии. Однако многие в толпе были вооружены ножами, а потому кольцо безопасности вокруг сенаторов стремительно сужалось. Скоро двигаться стало практически невозможно.

Вдруг над форумом раздались громкие звуки горнов, и Помпей ощутил одновременно и надежду, и отчаяние. Легион шел на помощь своему командиру, однако было уже слишком поздно. Со всех сторон тянулись грубые грязные руки, кривые пальцы дергали за тогу, и приходилось отмахиваться кинжалом до тех пор, пока чернь с криком не отступала. В Красса попали камнем, и старик упал. Помпей быстро поднял товарища и поддерживал до тех пор, пока тот не пришел в себя. И голова, и лицо сенатора оказались в крови.

Шум постепенно стал изменять окраску. На площади появились новые люди и принялись оттеснять налетчиков. От общей массы начали отделяться самые яростные вояки. Вооруженные тесаками, крюками и камнями, они сражались не как легионеры, а как настоящие разбойники. Помпей видел, как одному из них до крови разбили лицо. Не в силах сопротивляться, человек упал.

Ступени сената совсем рядом, и все же добраться до них было очень трудно. Помпей размахивал кинжалом направо и налево, не отдавая себе отчета в том, что в инстинктивном страхе и гневе не перестает громко кричать.

Неожиданно нападающие отступили, и сенаторы увидели, как окровавленные ножи бандитов поднялись в своеобразном салюте. Вокруг лежали убитые, громко кричали и стонали раненые, однако атака внезапно прекратилась. Держа кинжал наготове, Помпей оглянулся. В холодной испарине он изумленно наблюдал, как люди расступились, освобождая путь к ступеням сената. Бросив взгляд на образовавшуюся улицу, римлянин прикинул, не удастся ли спастись бегством, но тут же передумал. Негоже подставлять черни спину.

В это мгновение он увидел в толпе мундиры своих легионеров, а рядом с ними мощную фигуру тяжело переводящего дух Клодия. Предводитель черни выглядел куда солиднее окружавших его людей.

Он не отличался высоким ростом, однако был необычайно силен, а потому толпа инстинктивно подчинялась проявлению этой силы и расступалась. Так волки обычно держатся на почтительном расстоянии от самого жестокого в стае. В утреннем солнце блестела бритая голова сенатора-бандита.

– Они разбежались, Помпей. Те, кого не убили, – пояснил Клодий. – Прикажи легионерам остановиться.

Правая рука спасителя была красна от крови, а от кинжала осталась одна рукоятка.

В этот самый миг один из воинов занес было над Клодием меч, собираясь расправиться с ним.

– Стойте! – воскликнул Помпей, наконец-то поняв ситуацию. – Остановитесь, это союзники!

Клодий кивнул, и Помпей услышал, как приказ несколько раз повторился в обступившей его плотной толпе легионеров, все еще продолжающей крушить направо и налево. Сенатора начали оттеснять, но Помпей крепко сжал его руку.

– Мне предстоит самому догадаться, кто стоит за этим нападением? – уточнил он.

Клодий пожал массивными плечами:

– Он уже в здании сената. Можно не сомневаться, что алиби себе обеспечил полностью. Милон достаточно хитер, чтобы позаботиться о чистоте собственных рук.

Словно наглядно подчеркивая сказанное, Клодий выбросил сломанный кинжал и, наклонившись, вытер окровавленные руки о край одежды.

– А ты всегда держишь своих людей наготове? – продолжил Помпей, сам себя ненавидя за вечную подозрительность, которая уже превратилась в черту характера.

Клодию предположение не понравилось.

– Нет. Просто я никогда не появляюсь на форуме без полусотни своих молодцов. И сегодня подоспел как раз вовремя. О готовящемся нападении даже понятия не имел.

– В таком случае твоей быстрой реакции мы оба обязаны жизнью, – ответил Помпей. Он услышал за спиной стон и обернулся. – Кто-то остался в живых? Значит, будет кого допросить с пристрастием.

Клодий смерил правителя тяжелым взглядом.

– Не сейчас. В таких делах имен не называют. Поверь, уж я-то знаю.

Помпей кивнул, в душе продолжая решать вопрос, не сам ли Клодий организовал весь этот спектакль. Мысль раздражала, но ведь теперь он оказался в долгу перед этим человеком. Расплатиться удастся очень не скоро. Многим в сенате подобный долг уже стоил жизней нескольких из слуг. Клодий славился жестокостью во всем, что касалось собственного честолюбия. Взглянув на Красса, Помпей понял, что старик придерживается того же мнения. Красс же, в свою очередь, едва заметно пожал плечами: действительно, понять, кто спас их обоих, практически невозможно.

Лишь сейчас Помпей осознал, что изо всех сил сжимает кинжал, и с трудом распрямил судорожно стиснутые пальцы. Бычья сила Клодия заставляла чувствовать себя маленьким, старым и слабым. В глубине души сенатор хотел лишь одного – уединиться в тихом и, главное, безопасном месте, чтобы отмыться от грязи и крови сегодняшнего дня. Однако он прекрасно сознавал, что от него ожидают совсем других действий. Вокруг стояли сотни людей, так что уже к вечеру страшный инцидент станет главной темой разговоров во всех лавках и тавернах города.

– Я опаздываю на заседание сената, римляне, – громко произнес Помпей, стараясь придать голосу силу и энергию. – К моему возвращению смойте с мостовой кровь. Налог на зерно отменен не будет.

Заявление казалось не слишком смешным, однако Клодий хмыкнул.

По образованному людьми Клодия коридору сенаторы Помпей и Красс гордо проследовали к ступеням здания. Многие из бандитов уважительно склонили голову.

Десятый легион панически бежал. Стройные ряды воинов смешались, превратившись в хаотичное месиво. Тысячи всадников племени сенонов преследовали воинов Десятого, отрезав элитное подразделение от основной битвы, которую стойко и организованно вели легионеры из Аримина.

До укрепленного лагеря оставалось меньше мили – рукой подать. Отступающий легион старался преодолеть это расстояние как можно

быстрее, и Цезарь бежал вместе со всеми. Конница защищала с тыла, уверенно отражая дикий натиск варваров, так что в ворота форта легион ворвался, не потеряв ни единого из своих воинов.

Сражаться с сенонами оказалось очень трудно. Они организовали в лесу коварную засаду, стоившую римлянам жизни многих легионеров Третьего галльского. Племя выбрало особую тактику и избегало открытых столкновений. Вместо этого оно нападало и сразу отходило, используя кавалерию, чтобы вносить смятение в ряды римлян, и не позволяло заманить себя в невыгодные и опасные условия.

Конница последней ворвалась в ворота форта, и они тут же накрепко закрылись. Положение, конечно, сложилось унижительное, но лагерь с его укреплениями строили именно для таких случаев. Кроме того, что он обеспечивал спокойную защищенную ночевку, крепкие стены также позволяли укрыться от погони неприятеля. Вот и сейчас всадникам сенонов оставалось лишь потрясать оружием и выкрикивать на своем гортанном языке непонятные угрозы, носясь вдоль высокого вала с крепким частоколом. Впрочем, они не забывали о необходимости держаться на безопасном расстоянии от стен. Цезарю уже дважды приходилось прятаться за надежными укреплениями, и сейчас сеноны ликовали, снова унизив противника.

Вождь племени не покидал войска. Его можно было сразу заметить по развевающимся знаменам, прикрепленным к седлу на длинных шестах. Стоя на стене, Юлий наблюдал, как он издевательски размахивает мечом, насмехаясь над укрывшимся в безопасности неприятелем. Лицо полководца осветилось зловещей улыбкой.

– Давай, Брут! – скомандовал он.

Сеноны не знали, что происходит за сплошным валом и стенами, а потому продолжали ликовать. За собственными криками и стуком копыт они не расслышали приближения отборной кавалерии римлян. Всадники собрались в дальнем конце лагеря и мощным галопом понеслись прямо на участок частокола, примыкавший к воротам.

Как только они оказались достаточно близко, легионеры длинными бревнами выбили несколько заранее подкопанных лесин из частокола, и, как и предполагал Цезарь, те упали, образовав брешь, через которую могли одновременно проехать пять лошадей.

Всадники вылетели, словно стрелы из лука, и понеслись к вождю варваров. Прежде чем соплеменники успели отреагировать, они окружили его и стащили с коня.

На глазах у врагов римляне развернулись и помчались обратно в лагерь, проскочив в ту же брешь в заборе, через которую только что выехали. Брут вез перекинутого через седло и отчаянно вопившего предводителя.

После этого Цезарь приказал распахнуть ворота, и legionеры Десятого торжественным маршем вышли из лагеря. От паники, которую они так талантливо изображали, не осталось и следа. С воинственным кличем бросились римляне на сенонов. Острыми мечами и тяжелыми копьями legionеры отгоняли галлов все дальше и дальше от укрепления и захваченного в плен вождя. Брешь в стене моментально закрыли специально оставленными для таких целей повозками, а сам полководец прыгнул в седло и помчался следом, время от времени оборачиваясь, чтобы убедиться в безопасности лагеря.

На строительство фальшивой стены потребовалась целая темная безлунная ночь, однако затраченные усилия оправдались в полной мере. Без вождя войско сенонов оказалось бессильно, ведь именно он командовал каждым его движением. Как только племя потеряло предводителя, оно полностью утратило способность не только нападать, но и достойно отражать атаки.

Юлий встал впереди легиона, и лица воинов засветились от радости и гордости. Отряды Аримина, выполняя распоряжение, твердо держали предписанные позиции, и теперь уже legionеры Десятого могли нанести удар в тыл неприятеля, зажав племя в тиски.

Еще не подъехав к неприятельскому войску, римский полководец заметил, как упал дух и пеших воинов, и всадников. Они полностью зависели от своего предводителя и без него лишились инициативы.

Поначалу варвары пытались отходить строем, как приказывал вождь, однако стержень дисциплины пропал. Галлы толкались, мешая друг другу и лишь затрудняя движение. Воины Десятого без труда сбрасывали всадников с лошадей и продолжали наступление. Испуганные, потерявшие седоков лошади с громким ржанием носились по полю. Сеноны больше не сопротивлялись. Многие, узнав, что вождь взят в плен, бросали оружие и сдавались без боя.

В трех милях от лагеря располагался главный город племени, и, едва воинов разоружили и связали так, как в Риме обычно связывали рабов, Цезарь направил туда Десятый легион. Город слыл богатым, так что мог заплатить за собственных жителей неплохую цену. Возможно, денег хватит на то, чтобы расплатиться с сенатом, пополнить флот и наконец-то пересечь угрюмый пролив, отделяющий Галлию от туманных островов. У венетов удалось конфисковать девять судов, однако для того, чтобы погрузить солидное войско, понадобится еще не меньше двадцати галер. На строительство уйдет год, и тогда уже Юлий наконец-то сможет показать своим храбрым воинам те земли, которых до сих пор не видел ни один римлянин.

Приближаясь во главе войска к твердыне сенонов, Цезарь едва сдерживал охвативший его восторг, до такой степени заманчивой и блестящей казалась перспектива. И в то же время он не переставал обдумывать тысячи деталей снабжения войска и множество самых разных тактических вопросов. За два дня ему предстояло принять делегации трех живущих на побережье племен, заключить с ними новый договор и получить положенную дань. После того как флот венетов был частично потоплен, а уцелевшие корабли перешли в собственность римлян, северные земли сдались. Теперь же, после разгрома сенонов, под контролем Цезаря оказалась большая часть Галлии. Уже не осталось племен, которые не слышали бы о приходе легионов. Галлия наполнилась слухами и пересудами о завоеваниях римлян, так что редкий день проходил без визитов вождей, желавших заключить соглашение с предводителем римского войска. На Адана свалилось столько работы, что секретарь был вынужден нанять в помощь троих писарей, чтобы справиться с бесконечными переводами и составлением документов.

Оставалось решить, что делать с пленным царьком. Если оставить его в живых, то через некоторое время он может организовать восстание. Подобная перспектива исключала милосердие, и Цезарь без сомнений и сожаления решил его судьбу.

Вскоре показался главный город племени, и полководец с удовольствием принялся разглядывать его стены, представляя, как могут выглядеть скрытые за ними храмы. Сеноны выражали любовь к богам многочисленными подношениями в виде монет и драгоценных украшений. Сокровищницы наполнялись годами и десятилетиями.

Кузнецы растопят драгоценный металл и отчеканят новые, римские монеты, а Юлий заберет все ценности, которые обнаружит в домах горожан и в общественных зданиях. Людей он не тронет, больше того, обеспечит им защиту легионеров. А вот их богатство необходимо для продолжения великой эпопеи.

По долине пронесся холодный ветер, и Юлий зябко поежился: приближалась еще одна холодная, тяжелая, полная трудов и лишений зима. Прищурившись, Цезарь взглянул на восток, туда, где за дальними далями скрывались Альпы. Это расстояние еще придется пройти. Нет, на нынешнюю зиму он в Галлии не останется. Вместо этого предстоит путь в Аримин, на встречу, которая должна будет решить будущее.

Цезарь задумался о письме Красса. Старик многое обещал, а цену этих обещаний можно будет определить лишь в беседе с глазу на глаз. Время для возвращения в Рим еще не настало, ведь впереди – вся Галлия. А острова, отделенные от нее проливом, снятся ночами. Находятся, правда, скептики, которые утверждают, что островов этих не существует вовсе, но это не так. Однажды, стоя в ясный день на прибрежной скале, Юлий сам видел, как они белеют вдалеке, отражая блеск свинцовых волн.

Главный город племени сенонов сдался сразу, даже не пытаясь оказывать сопротивление. Ворота распахнулись настежь. Цезарь гордо въехал в арку впереди собственного войска, однако мысли его уже унеслись далеко, в Аримин и неизведанное, манящее будущее.

Глава 33

Часовые на крепостной стене Аримина были хорошо защищены от холода. С приходом ночи они прямо на доспехи надевали тяжелые, подбитые мехом теплые плащи, а лица обматывали шарфами так, что оставались видны лишь глаза.

На верху каменного укрепления в жаровнях горел огонь, и легионерам разрешалось время от времени греться возле них. Большинство солдат были новичками из числа недавно набранных рекрутов; они пришли на смену тем опытным воинам, которые отправились с Цезарем в Галлию. Молодость проявлялась в нескончаемых остротах и перепалках, непрекращающихся дружеских

пинках и даже в попытках согреться несколькими глотками запрещенных на посту крепких напитков. Содержимое фляжек обжигало горло, легионеры кашляли и со смехом шлепали друг друга по спине.

Аримин был рабочим городом, и уставшие за день жители рано ложились спать. С наступлением темноты в редком окне зажегся свет. Зато по утрам, еще до восхода солнца, улицы наполнялись спешащими людьми и повозками с грузом для кораблей. Они выезжали через городские ворота, которые также строго охранялись легионерами.

Один из собравшихся вокруг огня часовых посмотрел вдаль, в темное пространство.

– Кажется, кто-то едет, – неуверенно произнес он и снова прислушался.

Покинув тепло жаровни, к нему подошли двое товарищей. Простояв некоторое время в напряженной тишине, они хотели было вернуться к остальным, но в этот момент вдалеке раздался едва различимый шум. В застывшем над мерзлой землей воздухе звук разносится быстрее.

Самый молодой из охранников прищурился и как можно дальше вытянул шею. Конечно, все вокруг тонуло во мраке, и все-таки он был готов поклясться, что там, в глубине темной пустыни, что-то происходит.

Постепенно неясные очертания начали обретать форму, и парень с волнением воскликнул:

– Вон там, смотрите! Всадники! Только не знаю сколько...

Однако у остальных зрение оказалось не таким острым, и они так ничего и не смогли увидеть.

– Интересно, это наши или нет? – пытаюсь скрыть страх, спросил кто-то.

Тревога передалась остальным. Все тут же представили, как городские стены осаждают дикие племена варваров, и поежились, словно от порыва холодного ветра.

– Трудно сказать. Может, доложить командиру?

Молодые воины задумались. Неизвестно, что могло обернуться более тяжелыми последствиями. Набег неприятеля – это, конечно,

серьезно, однако гнев разбуженного по ложной тревоге центуриона еще хуже.

Самого старшего из часовых звали Терас. Он поступил в легионеры после неудачной попытки организовать собственную торговлю, а потому воинского опыта у него было не больше, чем у всех остальных. Однако товарищи ждали совета именно от него, поскольку знали, что он разбирается во всем, начиная с финансовых вопросов и заканчивая отношениями с женщинами. На самом деле Терас не был специалистом и в этих делах, но умел напустить пыли в глаза, и впечатления вполне хватало, чтобы товарищи считали его мудрым и знающим.

Пока часовые сомневались и совещались, всадники подъехали ближе, а к металлическому звону упряжи прибавился глухой стук множества копыт. Ночной ветер трепал знамена, и они неприятно, жутковато хлопали. Темная неизведанная сила неумолимо приближалась к городским воротам.

– Да, наверное, надо срочно доложить, – нервно кусая губы, решил Терас.

– Открывайте ворота! – раздался снизу громкий голос.

Часовые вытянулись по стойке смирно, как и полагалось по уставу.

– Ворота заперты. Приходите утром! – ответил один из охранников, а товарищи засмеялись.

Терас расстроено подумал, что этих парней не мешало бы обыскивать перед дежурством и забирать фляги со спиртным. Тогда они относились бы к своим обязанностям более ответственно. Он едва сдержался, чтобы не дать шутнику подзатыльник. Да что толку? Сказанного не вернешь. Терас закрыл глаза. Внизу наступила зловещая тишина.

– Я выясню, кто из вас так шутит, и прикажу хорошенько выпороть его, – то ли сердито, то ли насмешливо отозвался тот же голос. – А теперь открывайте!

Терас взгляделся в темноту, пытаясь получше рассмотреть подошедший отряд. Иногда он жалел, что не остался торговцем, пусть даже и невезучим.

– Открывайте, – решительно распорядился он.

Стоявшие внизу, у ворот, часовые стали серьезными и тревожно подняли голову.

– Может быть, все-таки подождать...

– Нечего ждать, открывайте, и все. Холод собачий, а это явно римляне. Думаете, варвары стали бы дожидаться, пока мы здесь решим, что делать?

Требовательный голос всадника перешел в крик, ждать ему явно надоело. В эту минуту тяжелые засовы отодвинулись, и ворота медленно открылись.

Брут въехал первым и быстро соскочил с коня, нетерпеливо бросив поводья ближайшему из часовых.

– Так-то оно лучше. А где этот болтун, который предлагал подождать до утра?

Терас увидел, как в ворота въехал еще один всадник, укутанный под стать самим часовым. Несмотря на громоздкую одежду, он выглядел внушительно, а все, кто ехал рядом, почтительно пропускали его вперед. Командир. Их Терас узнавал за милю.

– На разборки нет времени, – твердо произнес незнакомец. – Мы уже и так опоздали.

Кивнув, Брут быстро сунул ногу в стремя и легко взлетел в седло. Командир не стал дожидаться, а прищпорил коня и поехал по темным улицам. Отряд молча направился следом.

К тому времени как на стене появился начальник охраны, отряд уже вошел в город. Терас насчитал целую центурию. Ворота снова закрыли и заперли на все засовы, а молодые часовые, смущенно опустив глаза, заняли положенные посты.

Центурион, возглавлявший охрану городской стены, был ветераном. А если верить рассказам, то получалось, что со времени взятия Карфагена он участвовал во всех крупных битвах. Несмотря на то что для этого ему требовалось бы прожить на земле несколько сотен лет, доблестный воин говорил об исторических событиях так, словно действительно принимал в них самое непосредственное участие. Больше того, из его слов всем сразу становилось ясно, что исключительно его усилия спасли Римскую республику от бесчисленных завоевателей, морального разложения, распада воинской дисциплины, а возможно, и от полного уничтожения. Как бы то ни было, воин был сед, покрыт шрамами, очень раздражителен и крайне

недоволен тем, что ему постоянно подсовывали зеленых новобранцев, требуя превратить их в подобие настоящих легионеров.

– Ты, ты и ты... – Последним начальник мрачно ткнул пальцем в Тераса. – Не знаю, что вы здесь делали этой ночью, но завтра точно будете чистить отхожие места.

Не произнеся больше ни слова, центурион тяжело затопал вниз по скользким ступеням. Едва не упав, цветисто выругался. Ветеран тоже не терял времени даром: от него отчаянно несло перегаром.

Терас пошел к костру, пытаясь согреть замерзшие руки. Препиравшийся с Брутом молодой легионер сделал несколько неуверенных шагов навстречу, открыв было рот, чтобы прокомментировать слова центуриона, однако Терас резко поднял руку.

– Лучше молчи, – коротко предупредил он. – А не то я сам тебя убью.

Цезарь без особого труда нашел место встречи. Не желая говорить прямо, Красс в своем письме просил его вспомнить, где они собирались разбить войско Спартака. В Аримине полководец не был уже целое десятилетие, но город не слишком велик. В районе порта свет горел лишь в одном окне – в том самом доме, где его ждали. Юлий, как мог, пытался скрыть свои намерения. Галлию он покинул внезапно, без всякого предупреждения, и, взяв с собой лишь одну центурию, как можно быстрее направился в Аримин, чтобы появиться там раньше, чем распространится слух о его отъезде. Первые шестьдесят миль воины преодолели всего лишь за двенадцать с небольшим часов, но никто из легионеров не жаловался и не требовал отдыха дольше самого необходимого, чтобы подкрепиться и напоить лошадей. Лишь убедившись, что даже самые быстрые из шпионов не смогут догнать отряд, полководец разрешил преодолеть перевал через Альпы спокойным шагом. И правда, отчаянный холод и разреженный высокогорный воздух не позволяли двигаться быстрее. Оказавшись наконец по другую сторону горного хребта, Юлий несколько не сомневался, что всем, кто шел за ним, придется остаться здесь до весны.

Брут вместе с центурией остался на улице, перекрыв дорогу, а Цезарь подъехал к двери, которую помнил еще с прошлой кампании.

Спешившись, постучал. Стоять на месте было страшно холодно, так что пришлось как можно плотнее запахнуть плащ.

На порог вышел незнакомый человек, очевидно хозяин дома.

– Да? – произнес он, равнодушно глядя на воина.

– Галлия, – коротко произнес Юлий, и человек тут же сделал шаг назад, пропуская его в дом.

Откуда-то из глубины здания слышалось потрескивание огня, – очевидно, в комнате горел очаг. Навстречу вышли Помпей и Красс. Горячо пожимая сенаторам руки, Цезарь ощутил прилив благодарности и едва ли не нежности. Судя по всему, они разделяли теплые чувства Юлия, и улыбки казались вполне искренними.

Красс заговорил первым:

– Давненько мы не виделись, друг мой. Ты привез моего сына?

– Конечно, ведь ты просил об этом. Привести его сюда?

Красс явно колебался, но наконец принял решение.

– Нет, не сейчас, – с явным сожалением ответил он. – Сначала необходимо поговорить. На столе еда, а возле очага горячее вино. Сядь поешь и как следует согрейся.

Юлий подумал об оставшихся на холодном ветру легионерах и ощутил укол совести. Красс просил, чтобы встреча прошла без свидетелей, но пристанище на ночь искать все равно придется. Интересно, сколько человек удастся разместить в этом просторном доме? Остальным придется ночевать в конюшнях.

– Давно вы в городе? – уточнил Цезарь.

Сенаторы отрицательно покачали головой.

– Всего лишь несколько дней, – ответил Красс. – Скоро предстоит возвращаться в Рим, так что хорошо, что ты приехал.

– Разве можно было не приехать после такого таинственного письма? Пароли, ночные марши – все это очень увлекательно. – Юлий улыбнулся. – Если честно, зимой здесь куда приятнее, чем в Галлии. Вы и представить не можете, насколько там сейчас холодно и тоскливо.

Бывшие консулы обменялись многозначительными взглядами, и Цезарь заметил, что со временем неприязнь между ними заметно сгладилась. Он терпеливо ждал, пока кто-нибудь объяснит, зачем же все-таки его сюда позвали, но, судя по всему, ни тот ни другой не

знали, с чего начать разговор. Юлий молча жевал кусок холодной баранины и ждал.

– Помнишь наш договор? – наконец заговорил Помпей.

Цезарь кивнул:

– Разумеется. Приятно, что все мы его выполнили.

Помпей кивнул, соглашаясь:

– Однако время идет. Необходимо пересмотреть условия.

– Я так и понял, – с готовностью ответил Юлий. – Консулы уже сменились, и потому вы пытаетесь решить, какую еще пользу можно от меня получить. Говорите прямо, чего хотите.

Красс сухо, сдержанно усмехнулся:

– Ты, как всегда, исключительно прямолинеен, Цезарь. Хорошо, будь по-твоему. За годы галльской эпопеи в сенате произошли значительные изменения.

– Знаю, – коротко ответил Юлий, и Красс понимающе улыбнулся:

– Да, конечно. У тебя, несомненно, есть собственные надежные источники. В таком случае ты наверняка знаешь о последних веяниях: тебя собираются отозвать из Галлии. Победы за Рейном не понравились сенаторам. Покорение германских племен не входило в круг твоих задач, так что Помпею пришлось изо всех сил тебя защищать.

Юлий лишь пожал плечами:

– Ну, в таком случае мне остается лишь поблагодарить. И все же считаю, что сделал именно то, что необходимо. Рейн – великая река и должен принадлежать нам.

Помпей наклонился к очагу, чтобы согреть руки.

– Ты же прекрасно знаешь, как быстро меняется настроение сенаторов. Сейчас они бурно тебя приветствуют, а через пару месяцев будут так же бурно требовать твоей головы. Это вечная история.

– А вы не сможете повлиять на решение?

Цезарь старался держаться как можно спокойнее, ничем не выдавая собственного волнения. От ответа на вопрос зависело слишком многое.

– Именно затем мы и приехали сюда. Тебе необходимо продлить время действий в Галлии, и я вполне могу предоставить такую возможность.

– Дело в том, что, когда я отправлялся в те края, ни о каких временных ограничениях не было и речи, – напомнил Цезарь.

Помпей нахмурился:

– Ситуация изменилась. Срок твоего консульства закончился. Никто из нас троих уже не может претендовать на этот пост. В сенате сейчас заседает слишком много новых людей, которые знают тебя исключительно как военачальника, который ведет дела где-то очень далеко от Рима. Твои постоянные доклады им попросту надоели, а потому они мечтают перекрыть этот бурный поток.

Цезарь молчал, внимательно глядя на сенатора.

Помпей на секунду задумался, а потом продолжил:

– Выведя легионы из Аримина, ты оставил север беззащитным. Этот шаг стоил тебе немало числа голосов в сенате, и вряд ли удастся вернуть их даже сейчас. Кредиторы обращаются за помощью к сенаторам. Поговаривают даже о том, чтобы отдать тебя под суд за убийство Ариовиста. Все это, вместе взятое, и привело к решению лишить тебя командования и вернуть в Рим.

– Так какой же будет цена за отмену этого решения? – негромко поинтересовался Цезарь. – Дочь я тебе уже обещал.

Помпей вымученно улыбнулся, с трудом скрывая усталость. Красс заговорил первым:

– Ты быстро и правильно все понимаешь, Цезарь, и это радует. Что касается меня, то в обмен на поддержку я прошу возвращения сына, Публия Красса. Его место во главе моего легиона. Помпей обещает выделить мне одну из провинций, и там мальчик продолжит образование – после того, как ты дал ему основы командования и руководства. В письмах он находит для тебя лишь самые лестные слова.

– В какую же именно провинцию ты собираешься его отправить? – оживился Юлий. Эта тема весьма его интересовала.

– На восток, в Парфию. Эта страна отказывается допускать мои корабли и не разрешает им торговать, а военачальник вполне может проникнуть туда, куда не удастся попасть торговцу.

– Царю торговцев, – поправил Цезарь.

Красс с улыбкой кивнул:

– Даже ему иногда необходим легион.

Цезарь взглянул на Помпея:

– Итак, Красс мечтает подчинить Риму Парфию. А потому я отпущу его сына Публия, чтобы тот возглавил легион. А что же собирается потребовать могущественный сенатор Помпей? Какие условия выдвинет он? Ходят слухи, что Клодий и Милон устраивают на улицах Рима беспорядки и даже резню. Тебе необходима моя помощь? Ты ее обязательно получишь. Если требуется мой голос за предоставление звания диктатора, я отдам его, а потом вернусь вместе с Десятым легионом и займусь бандитами. Даю честное слово, что сделаю это. У меня еще остались друзья в сенате, и, кроме того, за моей спиной немалая военная сила.

В ответ на этот страстный монолог Помпей натянуто улыбнулся:

– Да, Юлий, Риму не хватает твоей энергии. Это действительно так. Но мне уже удалось усмирить Клодия, а Милон растратил свои силы, так что твои сведения устарели. На самом деле мои потребности куда проще.

Сенатор снова бросил взгляд на Красса, и Цезарь удивился взаимопониманию между бывшими соперниками. Поразительно, до какой степени люди с годами меняются. Трудно было представить, что эти двое смогут стать чем-то бóльшим, чем осторожными союзниками, и вот они близки почти как братья. Узнал ли Помпей, что Красс был замешан в заговоре Катилины? Рим ведь всегда полон секретов.

– Мне нужно золото, – коротко ответил Помпей. – Красс рассказал, что в Галлии тебе удалось завоевать огромные богатства, каких город не получал никогда, даже собирая все налоги.

Юлий с интересом взглянул на Красса. Насколько точны их сведения о его добыче? Помпей продолжал объяснять свою позицию:

– Моих собственных доходов недостаточно для преобразования города. Беспорядки и разбой привели многие кварталы в полный упадок. Сенат средствами не располагает. Если ты поможешь, нам удастся закончить строительство уже начатых храмов и домов.

– Но дать деньги может и Красс, не так ли? – уточил Цезарь.

Помпей слегка покраснел.

– Я же предупреждал, – резко повернулся он к коллеге. – Неужели мне придется вымаливать, словно нищему...

Красс не дал договорить. Пытаясь успокоить товарища, он положил руку ему на плечо:

– Нет, Юлий, Помпей ведет речь не о ссуде, а о даре. – Сенатор криво усмехнулся. – Не понимаю, почему деньги постоянно вызывают такое замешательство и смущение. Все достаточно просто. Казначейство сената не настолько богато, чтобы выделить необходимые для строительства миллионы. Объем огромен: еще один акведук, храмы, новые улицы. Все это требует огромных денег. Так что Помпею просто не хочется влезать в новые долги, даже передо мной.

Юлий с печалью подумал о строящихся кораблях, за которые надо было платить. Судя по всему, Помпей не знал полного содержания письма Красса в Галлию, но письмо это во многом помогло ему подготовиться к разговору. Иногда прямота Красса оказывалась истинным спасением.

– Я готов дать деньги, – просто ответил Цезарь. – Однако взамен прошу, чтобы и Десятый легион, и Третий галльский были зачислены на финансирование сената. В данной ситуации я не смогу оплачивать службу воинов из собственного кармана.

Помпей кивнул, соглашаясь.

– Это... приемлемо, – на секунду задумавшись, заключил он.

Юлий взял с блюда еще один кусок холодного мяса и принялся задумчиво жевать.

– Мне, конечно, необходимо письменное подтверждение продления срока полномочий. Еще пять лет в Галлии, закрепленных документом настолько надежно, насколько это вообще возможно. Так, чтобы на будущий год мне не пришлось заново оговаривать условия. Красс, твой сын вполне готов командовать легионом. Мне, конечно, очень жаль терять такого достойного командира, но таковы условия соглашения, и я готов им подчиниться. Желаю успеха в новой провинции. Поверь, мне хорошо известно, как трудно прокладывать новые пути, по которым предстоит пойти Риму.

Помпей молчал, и потому Красс с улыбкой заговорил вместо него:

– Ну а как же насчет золота, Юлий?

– Подождите здесь, – решительно ответил полководец, вставая.

Он вышел из комнаты, но вскоре вернулся вместе с Публием и Брутом. Втроем они с трудом тащили большой, обитый железом сундук. Помпей и Красс поднялись с мест, а Красс с неподдельной радостью обнял сына. Цезарь поднял крышку, и взорам присутствующих открылось такое количество вождельных золотых

монет, что изумился даже весьма состоятельный Красс. Он отошел от сына и любовно провел рукой по несметному богатству.

– Я привез с собой еще три таких же сундука, – с плохо скрытой гордостью пояснил Цезарь. – По весу – больше миллиона сестерциев. Этого достаточно?

Помпей заворуженно смотрел на гору драгоценного, всесильного металла.

– Вполне, – словно во сне, прошептал он в ответ.

– Так что же, можно считать, что сделка состоялась? – уточнил Юлий, переводя взгляд с одного из собеседников на другого.

Сенаторы дружно кивнули.

– Прекрасно! А теперь мне необходимо разместить на ночь воинов, здесь или в какой-нибудь достойной таверне. Может быть, вы порекомендуете что-нибудь подходящее? Люди заслужили горячий ужин и ванну. Утром я вернусь, и мы обсудим все детали договора.

– Есть еще одно обстоятельство, Юлий, которое может заинтересовать тебя, – с многозначительной улыбкой заметил Красс. Он быстро взглянул на Брута и пожал плечами. – С нами из Рима приехал кое-кто еще, – добавил он. – Пойдем, я тебя провожу.

Цезарь удивленно поднял брови и взглянул на Помпея, ожидая разъяснений, однако и тот лишь загадочно улыбался.

– Ну, веди, – решительно заключил Цезарь и вышел вслед за Крассом в холодный коридор.

Помпей остался в комнате с Публием и Брутом и чувствовал себя не слишком уютно. Публий решил сгладить напряженность.

– С твоего позволения, консул, я принесу остальную часть золота, – предложил он.

– Благодарю, – ответил Помпей.

Прихватив плащ, сенатор вышел в ночной сумрак вслед за молодым воином.

Красс взял лампу и повел Юлия по длинному коридору в глубину дома.

– Кому принадлежит вся эта красота? – поинтересовался Цезарь, восхищенно разглядывая богатое убранство помещений.

– Мне, – просто ответил Красс. – Владелец погряз в финансовых проблемах, так что удалось приобрести дом по самой сходной цене.

Юлий понял, что разорившийся хозяин наверняка был одним из тех, кто пострадал от данной Крассу монополии на торговлю. Когда-то она стала одним из пунктов соглашения триумvirата. Оставалось лишь надеяться, что предложенная Помпеем провинция полностью завладеет вниманием сенатора и он не будет требовать продления привилегии. Кроме того, желательно, чтобы Красс все важные решения переложил на плечи сына. Несмотря на неоспоримые достоинства старого сенатора, он вовсе не проявил себя одаренным военачальником. Сын же, напротив, оказался талантливым полководцем.

– Сюда, Юлий, – позвал Красс, отдавая гостю лампу.

Лицо его сияло поистине детским восторгом. К чему бы это?

Недоумевая, Цезарь распахнул дверь.

Сервилия никогда еще не выглядела такой красивой. Увидев ее, молодой человек остолбенел и начал беспомощно шарить по стене в поисках крючка для лампы.

В комнате было тепло: в большом, почти в рост человека, камине ярко горел огонь. Беспощадная мрачная зима словно отступила, и Юлий полностью погрузился в молчаливое, отрешенное созерцание давно потерянной прекрасной возлюбленной. Сервилия ответила таким же внимательным взглядом. Она возлежала на просторной тахте, и темно-красное платье эффектно подчеркивало нежную белизну кожи. Утратив дар речи, Цезарь не отводил взгляда.

– Иди сюда, – наконец произнесла красавица и призывно простерла руку.

Послышался серебристый звон тонких браслетов. Юлий бросился к возлюбленной и заключил ее в страстные объятия. Долгий жадный поцелуй заменил все слова.

Помпей жалел, что сменил тепло богатого и уютного дома на зимний холод, однако любопытство пересилило и лень, и усталость. После того как все три сундука с золотом принесли в его комнату, он пошел вдоль молчаливого строя легионеров, мгновенно вернувшись к роли римского военачальника. Воины стояли навытяжку и, едва он приближался, били себя кулаком в грудь. Смотр казался естественным, почти ожидаемым.

Помпей и правда чувствовал ответственность за Десятый легион, ведь именно он предложил соединить Перворожденный с опозорившимся в проигранной битве неудачливым отрядом. Именно поэтому с особым, пристрастным интересом он читал все рапорты Цезаря сенату. Десятый легион превратился в любимое, самое надежное подразделение войска Цезаря, так что неудивительно, что именно его воины сопровождали командира на важную встречу.

Помпей попытался заговорить с несколькими легионерами, но они отвечали на вопросы нервно, глядя прямо перед собой. Кое-кто дрожал, но, как можно крепче сжав челюсти, пытался преодолеть слабость.

Помпей остановился перед центурионом и поблагодарил его за дисциплину и выучку подчиненных.

– Как твое имя? – поинтересовался он, хотя и сам знал, как зовут командира.

– Регул, – с готовностью ответил тот.

– Я имел возможность доложить сенату, как успешно Десятый легион действовал в Галлии. Это было очень трудно?

– Нисколько, сенатор, – бодро отрапортовал бравый вояка.

– Говорят, что самое трудное в войне – это ожидание, – продолжал провоцировать Помпей.

– Ничего сложного, – возразил Регул.

– Рад слышать. Тем более что, судя по рапортам полководца, ваши мечи не могли заржаветь от бездействия. А впереди, конечно, немало новых битв.

– Всегда готовы к ним, – отсалютовал Регул, и Помпей направился дальше, задавая вопросы то одному, то другому из воинов.

Красс вернулся в комнату переговоров. Там ждал сын, и старый сенатор с радостной улыбкой поспешил к нему:

– Если бы ты знал, как я тобой горжусь, мальчик! В рапортах сенату Цезарь дважды упоминал твое имя. В Галлии ты действовал прекрасно и полностью оправдал мои надежды. Готов ли ты возглавить легион отца?

– Конечно, сенатор, – коротко заверил Публий Красс.

Юлий проснулся задолго до рассвета и лежал, наслаждаясь теплом и нежной близостью возлюбленной. Ночью он покинул ее всего на несколько минут, чтобы попросить Красса позаботиться о теплом ночлеге и сытном питании для всех воинов. После этого Цезарь вернулся в комнату Сервилии, запер дверь и забыл обо всем на свете, предоставив старому сенатору самому разбираться с комнатами, одеялами и прочим.

И вот сейчас, в предрассветной мгле, полководец слышал богатырский храп легионеров, которые заняли каждый свободный угол большого дома. В кухнях, наверное, уже занимались стряпней, и Юлий чувствовал, что ему тоже пора вставать и начинать новый день. И все же теплый мрак обволакивал, и Юлий лениво потянулся, ощутив манящую близость шелковистой кожи Сервилии. Она пошевелилась и пробормотала что-то неразборчивое, и мужчина поднялся, опираясь на локоть, внимательно вглядываясь в дорогие черты.

Некоторые женщины кажутся особенно красивыми в ярком свете солнца, однако Сервилия лучше всего выглядела вечером, в свете луны. В лице ее не было и следа той отчаянной твердости и резкости, с которой полководец имел несчастье столкнуться когда-то. Воспоминание о неприкрытом презрении, которое она проявила по отношению к нему в последнюю встречу, казалось совсем свежим. Оставалось загадкой, как после столь отчаянного приступа ненависти непредсказуемая красавица могла попасть в эту постель, рядом с ним, нежась, словно пушистая сонная кошка. Ночью, после первых страстных объятий, он мог бы уйти, оставить Сервилию, но в глазах ее застыла странная печаль, а Цезарь никогда не мог устоять против слез красивой женщины. Они волновали душу живее, чем самые кокетливые и многозначительные улыбки.

Юлий зевнул, да так сладко, что хрустнула челюсть. Если бы жизнь была такой же простой, как в мечтах! Если бы он мог сейчас одеться и уйти, бросив прощальный взгляд на эту сонную прелесть, то в душе сохранились бы самые лучшие воспоминания о той, которую любил так долго. Причиненная ею боль уже не казалась бы настолько острой. Юлий увидел, как Сервилия улыбнулась во сне, и выражение его лица смягчилось. Он попытался отгадать, что снится возлюбленной, и вспомнил о собственных невероятно эротичных снах, терзавших его в первые месяцы пребывания в Галлии. Склонившись

над Сервилией, Юлий несколько раз шепнул собственное имя, словно стараясь навеять нежные сны.

Не просыпаясь, красавица провела рукой вдоль уха. Движение обнажило грудь, и Юлий замер при виде зрелища одновременно нежного и возбуждающего. Конечно, возраст не мог пройти даже мимо такой красавицы, однако сейчас, во мраке раннего утра, она выглядела поистине восхитительно. Бледная грудь сохранила точеную форму, а темный сосок распалял желание, настойчиво требуя прикосновения и ласки.

Цезарь со вздохом откинулся на подушки. Как только Сервилия проснется, жизнь снова предъявит свои права на них обоих. Хотя Красс способен сохранить любой секрет, от Брута не удастся скрыть присутствие здесь, на севере, его собственной матери. Представив, как друг прореагирует на известие о новой близости прежних любовников, Юлий невольно поморщился. Ведь после отмеченного взаимными пощечинами разрыва Брут даже не пытался скрыть облегчения и даже радости. Так что вряд ли стоит ожидать от него сочувствия. Придется принимать реакцию центуриона в том виде, в каком она последует.

О возвращении в Галлию до наступления весны не приходилось и мечтать, это знали все. После того как перевалы занесет снегом и затянет льдом, ничто живое не сможет преодолеть альпийские склоны. Можно было бы отправиться в Рим, но эту идею Цезарь отверг. Вряд ли удастся проделать путь неузнанным, а в ином случае, всего лишь с сотней легионеров, он будет слишком легкой добычей для врагов. А потому Рим был столь же недоступным, как и горные перевалы, и перспектива провести несколько месяцев в Аримине, сравнительно небольшом городке с тесными улочками, выглядела вполне реальной. Одна лишь мысль о подобном времяпрепровождении вызвала у Юлия острый приступ клаустрофобии.

Утешало лишь то, что можно писать письма. Спасением казался и порт, где полным ходом шло строительство кораблей. Однако до внесения полной суммы их все равно не отдадут, и здесь уж не помогут никакие обещания. А из-за этого придется отложить долгожданное морское путешествие к туманным островам – возможно, на целый год.

Цезарь вздохнул. В Галлии он постоянно был занят битвами. Случалось, что какое-нибудь племя два года исправно платило дань, а

на третий вдруг отказывалось повиноваться и объявляло войну. Если не проявить достаточной жесткости, восстания не утихнут никогда. Галлы – отчаянный народ.

Стоило полководцу вспомнить о непокорных племенах, как глаза его похолодели. Эти люди совсем не походили на соотечественников, которых он с детства привык видеть в Риме. Несмотря на трудную, короткую жизнь, они любили петь и смеяться. Юлий и сейчас помнил то изумление, с которым он впервые, вместе с Мхорбэйном и его воинами, слушал древние легенды. Конечно, Адан не мог перевести все точно, и какие-то детали неизбежно терялись, однако больше всего поражал искренний интерес испытанных бойцов к преданиям предков, а их откровенные, почти детские слезы трогали и умиляли.

– О чем ты думаешь? Почему у тебя такое жестокое лицо? – неожиданно спросила Сервилия.

Она проснулась и давно внимательно наблюдала за возлюбленным.

Юлий взглянул в темные глубокие глаза и грустно улыбнулся:

– О чем думаю? О галлах, об их песнях и легендах.

Красавица надула губки и приподнялась на подушках. Огонь давно погас, и в комнате стало прохладно, так что она поплотнее закуталась в одеяло и теперь выглядывала, словно из кокона.

– Ну вот! Я отважно еду за триста миль, а потом с полным безрассудством посвящаю ночь любовным утехам. И здесь выясняется, что тот, ради которого я все это совершила, думает лишь о грязных и неотесанных дикарях по другую сторону горного хребта!

Цезарь рассмеялся и прижал к груди укутавшуюся в одеяло любовницу.

– Да мне дела нет до того, зачем ты ехала. Просто я счастлив видеть тебя рядом.

Слова возымели действие, и Сервилия подняла голову, подставив губы для поцелуя. Склонившись, Юлий снова ощутил знакомый запах духов, принесший воспоминание о страсти и наслаждении, а с ним и притупившуюся боль.

– Мне тебя очень не хватало. Я тосковал и мечтал о встрече.

Душа Юлия разрывалась от противоречивых чувств. Обида все еще давала себя знать, так что хотелось сердиться и негодовать. Эта женщина принесла ему такую острую боль, что Цезарь почти уверился

в мысли, что ненавидит ее. Однако ночью, едва увидев любимую, он вмиг забыл о прошлом и, словно неопытный юноша, целиком отдался необузданной страсти.

– Может быть, сегодняшняя ночь для тебя лишь развлечение? – поинтересовался Юлий. – Когда в Риме я в последний раз покидал твой дом, ты, судя по всему, приняла окончательное решение.

– Сомнения оставались даже тогда. Если бы я тебя тогда не прогнала, тебе давно бы надоело делить ложе со старухой. Не прерывай, Юлий. Если я не выскажусь, то не смогу... – Задумчиво глядя в темное окно, Сервилия помолчала. Потом придвинулась ближе и продолжала: – Ты обязательно захочешь сына, а я уже не смогу тебе его подарить.

Юлий молчал, словно не зная, как ответить на это неожиданное признание.

– А вдруг ты ошибаешься?

Сервилия со вздохом подняла глаза:

– Я уверена, что не ошибаюсь. Уверена. Не сомневалась даже тогда, когда ты уезжал из Рима. Возможно, уже и сейчас ты думаешь о детях, а потому непременно бросишь меня ради какой-нибудь молодой особы с широкими бедрами.

– Но ведь у меня есть дочь, – напомнил Юлий.

– Сын! Тебе необходим сын! Разве ты не мечтаешь, чтобы похожий на тебя мальчик пошел по стопам отца? Как часто ты вспоминаешь собственного отца! Одной лишь дочери окажется недостаточно – ведь она никогда не сможет переступить порог сената и возглавить легионы.

– Так из-за этого ты и прогнала меня? – Юлий начинал понимать причину разрыва. – Но ведь для продолжения рода я могу взять жену из любого римского дома. А все, что есть между нами, останется неизменным.

Сервилия грустно покачала головой:

– Наши отношения изменятся. Ты будешь чувствовать себя виноватым за каждый час, проведенный наедине со мной. Разве я смогу это вынести?

Цезарь внезапно разозлился:

– В таком случае зачем же ты приехала? С какой стати начинаешь тревожить едва затянувшуюся рану? Что изменилось?

– Ничего не изменилось. Бывают дни, когда я совсем не вспоминаю о твоём существовании, а иногда постоянно думаю о тебе. Красс сказал, что собирается на эту встречу, и я решила отправиться с ним, вот и все. Наверное, зря. Если я останусь с тобой, меня ожидает ужасная будущность.

– Знаешь, тебя просто невозможно понять, – тихо проговорил Юлий и нежно поправил непокорную прядку волос. – Я вовсе не думаю о сыновьях, Сервилия. Если когда-нибудь они мне понадобятся, женюсь на дочери одного из сенаторов. Но если ты останешься со мной, любить буду одну лишь тебя.

Сервилия закрыла глаза, и в тусклом свете зари на щеках ее заблестели слезы.

– Зря я приехала, – прошептала она. – Следовало оставить тебя в покое.

– Я же сказал: без тебя мне было пусто и одиноко. А теперь ты наконец со мной, и все будет хорошо.

Зимнее солнце наконец встало, и Юлий вышел во двор. Там он застал Брута. Центурион обсуждал с Крассом, где и как лучше разместить лошадей. Легионеры пригнали из Галлии десять прекрасных верховых скакунов и на ночь стреножили их во дворе, вместо попон накрыв теплыми одеялами. Брут заново наполнил кормушки и разбил затянувшую ведро с водой тонкую корочку льда. Услышав шаги, обернулся.

– Пару слов наедине, – пригласил друга Цезарь.

Красс тут же все понял и ушел, чтобы не мешать разговору. Брут принялся поправлять сползавшие одеяла.

– Так что же? – поторопил он.

– Здесь твоя мать, – коротко произнес Цезарь.

Брут замер и пристально взглянул на него. Лицо застыло от внезапного сознания неприятной истины.

– К кому она приехала, к тебе или ко мне?

– К обоим, Брут.

– Итак, после того как ты поднял на нее руку, она решила вернуться к тебе и проникла в твою постель?

Цезарь гневно прервал его:

– Хоть бы раз ты подумал, прежде чем что-то сказать. Я больше не собираюсь терпеть оскорблений, учти. Еще одно слово в оскорбительном тоне, и я просто прикажу повесить тебя на площади. Больше того, сам затяну веревку.

Брут наконец повернулся, и Цезарь увидел, что при нем нет оружия. Это радовало. Брут заговорил медленно, будто щипцами вытягивал из себя слово за словом:

– Ты и сам знаешь, сколько я сделал для тебя и сколько битв мне удалось выиграть. Всю свою жизнь я служил тебе верным мечом и не давал повода усомниться в преданности и искренности. И после всего этого, едва ощутив укол гнева, ты угрожаешь мне виселицей? – Он подошел к Цезарю вплотную. – Забываешься, друг. Ведь я с тобой с самого начала. И каков же результат? Может быть, ты восхваляешь мое имя так же, как восхваляешь Марка Антония? Или за то, что я не однажды рисковал жизнью, доверяешь командование правым флангом? Нет, ничего подобного! Вместо этого просто являешься сюда и начинаешь разговаривать, словно с провинившейся собакой!

Юлий потрясенно наблюдал за неожиданной вспышкой гнева. Губы Брута скривились в ядовитой усмешке.

– Прекрасно. Пусть будет так. Твои отношения с моей матерью меня не касаются. Она сама уже не раз давала мне это понять. Но я не останусь здесь, если ты собираешься провести зиму... возобновив прежние отношения. Такая формулировка тебе больше нравится?

Цезарь молчал, не зная, что сказать. Хотелось сгладить острый разговор с другом, но после неосторожных угроз любые слова покажутся фальшивыми. В конце концов он так ничего и не ответил, продолжая стоять с холодным и непреклонным видом.

– Если решишь уехать, удерживать не буду, – наконец после долгого молчания процедил он сквозь зубы.

Брут покачал головой:

– Вам обоим мое присутствие будет неприятно, как будто я собираюсь за кем-то следить. А потому лучше до весны уехать в Рим. Тем более что здесь меня ничто не удерживает.

– Ну что ж, если таково твое желание... – задумчиво произнес Цезарь.

Брут ничего не ответил и снова повернулся к лошади. Юлий же стоял, понимая, что должен сказать нечто значительное, и не находя

подходящих слов. Брут поправлял упряжь, что-то шепча в самое ухо лошади. Потом быстро вскочил в седло и сверху вниз посмотрел на человека, которого уважал больше всех на свете:

– Чем история закончится на этот раз, как ты думаешь? Ты опять ее ударишь?

– Не твое дело, – резко оборвал Цезарь.

– Мне не слишком нравится наблюдать, как ты обращаешься с Сервилией, словно с очередной жертвой. Когда же наступит пресыщение? Даже Галлии тебе мало, потому ты и затеял строительство двадцати новых кораблей. Любая кампания должна когда-нибудь закончиться, об этом тебя никто не предупреждал? Да, войне приходит конец, и легионеры отправляются по домам, а вовсе не ищут все новых и новых приключений на свою голову.

– Поезжай в Рим, – ответил Цезарь, – отдохни до весны. Но не забудь: когда она наступит, ты снова мне понадобишься!

Брут накинул подбитый мехом плащ и укутался потеплее. Денег у него было достаточно, чтобы по дороге на юг хорошо питаться, а душа отчаянно рвалась прочь, подальше от этого места. Но, крепко сжав поводья и взглянув в расстроенное лицо друга, он понял, что не сможет уехать без слова примирения.

– Весной непременно вернусь, – лаконично произнес Брут и пришпорил коня.

На следующее утро Красс и Помпей отправились обратно в Рим, оставив дом в распоряжение Цезаря. Жизнь потекла спокойно, по ровному руслу: с утра полководец диктовал Адану письма и донесения, а весь оставшийся день проводил с Сервилией. Они вместе ездили на запад, к верфям, где строились суда, и недели пролетали за неделями незаметно, словно Цезарь проводил со своей любимой медовый месяц. Юлий не знал, как достойно возблагодарить судьбу за возвращение возлюбленной. После трудностей и лишений галльской кампании в римском городе все приносило радость: и посещение театров, и даже простая, но родная речь улиц и площадей. Так хотелось вновь увидеть Рим! Но осторожность приходилось соблюдать даже в Аримине. Ведь если ростовщики пронюхают, что он вернулся в страну, то потребуют уплаты долгов. А ему необходимо кормить легионеров всю суровую зиму.

Цезарь сознавал, что люди, подобные Гермению, куда больше жаждут возврата денег, чем его крови. Если его схватят и насильно вернут в город, они останутся с пустыми руками. И все-таки он велел воинам не снимать доспехов, лишь прикрывая их плащами. Сам же Юлий избегал появляться в тех домах, где его могли узнать.

Он упивался обществом Сервилии. Ее любовь дарила Цезаря свежестью зеленого оазиса, нечаянно встреченного уставшим путником в пустыне. Жажду любовных утех утолить никак не удавалось, и мысли постоянно возвращались к щедрой подательнице наслаждений. Однако зима подходила к концу, дни становились теплее, неумолимо удлиняясь и острой, почти физической болью напоминая о неизбежности разлуки. Временами Цезарь всерьез думал о том, чтобы взять любимую с собой или хотя бы обеспечить ей возможность навещать его в тех новых землях, которые он собирался присоединить к римским владениям. Тысячи поселенцев уже занимались обработкой девственной земли, так что можно было говорить о создании пусть и не роскошных, но вполне комфортных условий существования.

Все это были лишь мечты, и любовники прекрасно понимали их эфемерность, хотя иногда позволяли себе пофантазировать и рассуждали о том уютном домике, который они построят для Сервилии в провинции. Красавица была связана с Римом так же тесно, как и римские сенаторы. Он настолько прочно вошел в ее плоть и кровь, что иной жизни для нее просто не существовало.

Именно Сервилия рассказала Цезарю о том, как цепко завладели бедными районами Рима Клодий и Милон. Юлий считал, что позиции Помпея достаточно прочны, а потому написал ему письмо, в котором снова предлагал поддержку в получении титула и прав диктатора. С одной стороны, Цезарь понимал, что доверять этому человеку полностью нельзя. Но никто, кроме него, не обладал ни силой, ни возможностью держать в руках непокорный и полный противоречий город, а потому предложение поддержки шло от чистого сердца. Диктатура Помпея казалась панацеей от поглощающей город анархии.

За зиму Цезарь страшно устал от той бледной копии Рима, которую представлял собой Аримин. Он не мог дожидаться, когда же в горах сойдет снег, хотя окончание зимы несло с собой ощущение скрытой вины и чувство страха. Ведь каждый день приближал ответ на

вопрос: вернется ли самый близкий из друзей, или придется преодолеть горные перевалы без него?

Глава 35

Бруту оставалось проделать последний переезд в дальнем пути на юг, к Риму. Плащ он снял. Воздух все еще оставался холодным, однако в нем уже не ощущалось той резкости, которая так мучила в Галлии, а напряжение скачки согревало само по себе. Конь, на котором центурион выехал из Аримина, остался на Фламиниевой дороге, где располагался первый пост легионеров. Заплатив за щедрый корм и уход, Брут рассчитывал забрать его на обратном пути. Через каждые тридцать миль располагались посты, где можно было пересесть на свежую лошадь, а потому весь путь удалось преодолеть всего лишь за семь дней.

Радость встречи с родным городом быстро сменилась разочарованием и даже печалью. Рим во многом казался прежним, однако воинский инстинкт рождал в душе тревогу. Письма Александрии могли бы подготовить к переменам, однако девушка ничего не рассказывала о витавшем в воздухе города страхе. Не меньше половины мужчин, встречавшихся на улицах, были вооружены. Опытный глаз сразу отметил этот тревожный сигнал. Чаще всего оружие было спрятано, но походка человека все равно выдавала его присутствие, а потому Брута охватило напряжение, какого он еще никогда не испытывал на улицах родного города. Никто не стоял и не беседовал, как это бывало раньше; никто не прогуливался, празднично поглядывая по сторонам. Горожане вели себя так, словно Рим взят неприятелем в кольцо осады, и, невольно поддаваясь общему настроению, Брут поспешил к мастерской Александрии.

Перед запертой дверью центурион испугался по-настоящему. Он попытался окликнуть прохожего, чтобы выяснить, что произошло, однако никто из пешеходов не останавливался и даже не поднимал глаз. Куда-то пропали даже нищие. Брут застыл в глубоком раздумье. Сомневаться не приходилось: Рим казался испуганным, притаившимся. Так обычно ведут себя люди в ожидании войны.

Трудно было достучаться и до хозяев соседних мастерских. При виде военного люди или сейчас же прятались, или, парализованные

страхом, бормотали нечто невнятное, не в силах рассказать хоть что-нибудь о судьбе Таббика. Наконец дверь открыл мясник, на протяжении всего разговора не выпускавший из рук огромного тесака. Судя по всему, оружие придало человеку уверенности, и он посоветовал Бруту поискать ювелира совершенно в другом районе. Довольный результатом, центурион поспешил прочь, а мясник так и продолжал стоять, не выпуская из рук нож.

Стоило отправиться в путь, как чувство опасности вновь обострилось. Во время греческого похода ветераны говорили о «зуде», который безошибочно указывал на приближение опасности. Сейчас, идя по непривычно притихшим улицам родного города, воин испытывал именно это ощущение. А подойдя к нужному дому, уже твердо решил, что непременно должен увезти Александрию из Рима, пока эта огромная пороховая бочка не взорвалась. Что бы ни случилось, девушка не должна попасть в гущу грозных событий.

Новая мастерская была значительно крупнее прежней, она занимала два этажа очень аккуратного и ухоженного дома. Собираясь постучать, Брут обнаружил, что дверь не заперта. Подозрительно прищурившись, он осторожно вытащил меч. Лучше выглядеть перепуганным глупцом, чем безоружным нарваться на неприятность. Совершенно неизвестно, что ждет за дверью.

Помещение оказалось раз в пять больше той крошечной каморки, в которой Таббик работал раньше. Брут осторожно огляделся и в дальнем конце помещения заметил людей. Слава богам! Среди них были Александрия и Таббик. Но рядом с ними стояли еще двое. А напротив – четверо, очень похожие на тех, что шатаются по улицам. Никто не обратил на вошедшего ни малейшего внимания, и Брут как можно осторожнее пошел вперед, мимо огромной новой плавильной печи, от которой поднимался жар. Шум огня заглушал едва слышный звук шагов по каменному полу. Никем не замеченный, Брут подошел совсем близко, и в этот самый момент один из четверых с силой толкнул Александрию. Девушка упала.

С громким воплем Брут бросился вперед, и разбойники резко обернулись. Все были вооружены: двое держали ножи, а двое – такие же мечи, как у него. Однако центурион не замешкался ни на мгновение. Александрия закричала, и только ее отчаянное

предостережение остановило руку воина, не позволив нанести первый мощный удар.

– Нет, Брут, не надо! – воскликнула она.

Угрожавшие люди, несомненно, были профессиональными бандитами. Повернувшись лицом к опасности, они в то же время отодвинулись в сторону, чтобы не подставлять спины тем, кто оказался за ними. Брут опустил меч и спокойно вошел в круг, словно опасаться было нечего.

– Что здесь происходит? – потребовал он ответа у толкнувшего девушку верзилы.

– Ничего интересного, парень, – ответил тот и резко потрянул мечом, пытаясь испугать Брута. Однако центурион продолжал стоять спокойно, даже не шелохнувшись. – Ты явно понятия не имеешь, с кем разговариваешь, правда? – отвратительно скалясь, заявил бандит.

Он продолжал играть мечом, описывая в воздухе круги. Движение привлекло внимание остальных, но сам говорящий ни на секунду не отводил глаз от лица Брута, словно боялся взглянуть в сторону. Бесстрашие и уверенность незнакомца, совершенно спокойно стоявшего в окружении нескольких вооруженных противников, явно завораживало.

– Что это за люди, Александрия? – не глядя на подругу, спросил Брут.

– Люди Клодия, – поднимаясь, ответила девушка. – Собирают для него дань. И требуют больше, чем мы можем дать. Больше, чем мы зарабатываем. Но все равно не надо их убивать.

Брут нахмурился:

– Ну почему же не надо? Разве кто-нибудь будет по ним плакать?

Ответил один из бандитов:

– Потому, парень, что этой милой девочке совсем не понравится то, что с ней сделают наши товарищи. Так что убери свой меч...

Он не успел договорить. Брут одним движением перерезал подонку горло, и тело безвольно осело на пол. Остальные бандиты стояли неподвижно, хотя обидчик был совсем близко.

– Кто-нибудь еще собирается угрожать? – тихо поинтересовался Брут.

С пола доносились булькающие звуки, однако никто даже не взглянул на поверженного: все взгляды сосредоточились на лице

центуриона.

– О боги, нет! – едва слышно прошептала Александрия.

Брут не отвлекался, ведь в любой момент разбойники могли напасть; сдерживал их лишь его пристальный, исполненный силы взгляд. Ему приходилось наблюдать, как Рений парализовал волю противников взглядом, но сейчас враги оказались куда более сильными личностями. И тем не менее бандиты подались назад: шаркая ногами, они отступали до тех пор, пока не вышли из зоны досягаемости меча. Брут тут же сделал шаг вперед:

– Больше никаких шуток, ребятки. Ни криков, ни шума. Просто тихо уходите. Если вы мне понадобится, я вас сразу найду.

Бандиты переглянулись и, не произнеся ни слова, прошли мимо жарко пылавшего горна к двери. Тот, кто шел последним, плотно закрыл ее.

От страха и гнева Александрия смертельно побледнела.

– Что ты наделал! – воскликнула она. – Они же вернутся и приведут с собой целую толпу. Разорят мастерскую и сожгут дом. Ах, Брут, Брут! Неужели ты не слышал моих слов?

– Разумеется, слышал, но я приехал, чтобы остаться здесь, с тобой, – спокойно ответил воин, вытирая меч об уже начавший остывать труп.

– Неужели ты приехал навсегда? Не забывай, что нам придется жить в Риме и после того, как ты вернешься к своим легионам, разве это не ясно?

Брут почувствовал, как в душе закипает гнев. Ему вполне хватало замечаний Цезаря.

– Так что же, по-твоему, мне надо было стоять и смотреть? Очевидно, я не тот, за кого ты меня принимаешь, – я не могу спокойно наблюдать, как тебе угрожают.

– Он прав, Александрия, – вступил в разговор Таббик, поддерживая Брута красноречивым взглядом. – Что сделано, то сделано. Однако Клодий не забудет ни нас, ни тебя. Несколько ночей придется провести здесь, в мастерской. Ты останешься с нами?

Брут внимательно взглянул на Александрию. Что и говорить, по дороге на юг он мечтал об иной встрече. Что ж, ничего не поделаешь. Центурион пожал плечами:

– Конечно. Во всяком случае сэкономлю на гостинице. Но интересно, мне положен приветственный поцелуй или нет? Разумеется, не от тебя, Таббик.

– Сначала убери это. – Девушка кивнула в сторону трупa.

Она начинала дрожать, и Таббик поставил чашу с вином на огонь, чтобы напоить ее горячим и успокоить. Брут вздохнул, схватил убитого бандита за ноги и потащил к двери. Едва он оказался на улице, Тедий наклонился к хозяйке.

– Такого удара мне еще не приходилось видеть, – признался он.

Принимая из рук Таббика чашку с горячим вином, девушка взглянула на охранника:

– Он же выиграл турнир Цезаря, забыл?

Тедий понимающе присвистнул:

– Серебряные доспехи? Вполне можно поверить. Я и сам на него ставил и заработал совсем неплохо. Мне остаться на ночь? Ведь Клодий скоро узнает о том, что произошло...

– А ты можешь остаться? – уточнила девушка.

Старый солдат смущенно отвел взгляд.

– Разумеется, могу, – ворчливо заверил он. – А если разрешите, то приведу и сына. – Он откашлялся, пытаясь скрыть неловкость. – Если мы хотим отразить нападение, то непременно понадобится часовой на крыше. Там парень никому не помешает.

Таббик стоял в задумчивости. Наконец, словно приняв решение, кивнул:

– Жену и детей мне придется на несколько дней переселить к сестре. А потом нужно будет заглянуть на старую улицу и прихватить парочку ребят покрепче – пусть проведут с нами сегодняшнюю ночь. Вполне возможно, что гости не заставят себя ждать. А пока закройте за мной дверь.

Люди Клодия явились с наступлением темноты и принесли факелы, собираясь дотла сжечь мастерскую. Сын Тедия примчался по черной лестнице, возбужденно крича, и Брут не удержался от крепкого словца. Он успел забрать серебряные доспехи, которые оставил у городских ворот, и теперь застегивал пряжки, готовясь отразить атаку во всеоружии. Закончив, взглянул на собравшуюся возле плавильной печи живописную группу. Ювелир привел с прежней улицы четырех

дюжих парней. Все они держали в руках вполне достойные мечи, хотя Брут сомневался в воинском искусстве отряда поддержки. За то недолгое время, которое осталось до наступления ночи, центурион объяснил новичкам несколько эффективных приемов, а потом заставил тренироваться до тех пор, пока неловкие мышцы не согрелись. Сейчас, в свете лампы, глаза юнцов сияли от восторга, ведь перед ними стоял настоящий воин в серебряных доспехах.

– Раз они собираются поджечь дом, нам необходимо выйти навстречу. Здесь много дерева, а потому лучше приготовить ведра с водой – вдруг бандиты все-таки прорвутся? Если их будет много, дело может оказаться не слишком легким. Кто готов пойти со мной?

Четверо парней с готовностью схватились за мечи, и Таббик одобрительно кивнул. Тедий тоже поднял руку, но Брут покачал головой:

– Нет, ты останешься здесь. Думаю, на улице народу будет достаточно, а тебе лучше остаться здесь, с Александрией. Ее обязательно надо охранять. – Брут взглянул на девушку и неодобрительно нахмурился. Она отказалась уйти вместе с женой и детьми Таббика, и он беспокоился. – Если бандиты все-таки прорвутся, Тедий их задержит, а ты побежишь на черную лестницу, хорошо? Парень выведет тебя в переулки. Постарайся уйти как можно дальше. Ни в коем случае не оставайся здесь. Если они нагрянут толпой, ничего хорошего не получится. Я прекрасно представляю, что может произойти.

Такое предупреждение напугало девушку, и все-таки она упрямо подняла голову:

– Это моя мастерская, и убегать я не собираюсь.

Брут смотрел на подругу, теряясь между восхищением и гневом. Он бросил ей маленький кинжал и с удовольствием увидел, как хрупкая красавица ловко поймала оружие и проверила остроту лезвия. В полумраке кожа девушки казалась бледной, как молоко.

– Если им удастся прорваться сквозь наш заслон, тебе непременно придется это сделать. Не хочу даже думать, что может произойти, если останешься здесь.

Александрия не успела ответить ни слова. На улице раздались громкие крики. Брут тяжело вздохнул. Потом вытащил из ножен меч и покрутил головой, разминая мышцы:

– Ну что же, ребята, пора. Выходим. Делайте то, что я буду говорить, и обеспечите себя яркими впечатлениями на всю оставшуюся жизнь. А если запаникуете, мамочкам придется долго ходить в черном. Все понятно?

Таббик усмехнулся, а парни серьезно кивнули, с благоговением взирая на серебряного воина. Не добавив ни слова, Брут стремительно пробежал по отдающему эхом полу и распахнул дверь. В доспехах ярким сиянием отразилось красное пламя факелов.

Брут нервно поежился: в карательную экспедицию против непокорных ювелиров Клодий отправил целый отряд. Очевидно, расправа должна была стать примером для остальных. Однако стоило центуриону и пятерым его товарищам выйти и решительно преградить путь к дому, как толпа остановилась, словно не ожидая встретить противодействия. Одно дело в темных закоулках приводить в ужас торговцев и ремесленников, и совсем другое – сражаться с вооруженными и готовыми к бою противниками. Кроме того, серебряные доспехи Брута знал весь город, и разбойники тотчас поняли, с кем имеют дело. Крики и смех растаяли, словно дым, их сменила напряженная тишина. Сразу стало хорошо слышно потрескивание факелов, а оранжевые отблески огня отражались в глазах нападавших, отчего те сразу стали похожи на свору бездомных собак.

Рений учил: если сильный человек решительно возьмет инициативу в свои руки, то сможет справиться с целой толпой. Кроме того, старый гладиатор постоянно напоминал, что толпа всегда стремится прикрыться численностью. В окружении друзей никто не верит в реальность гибели, и эта уверенность в защите и безопасности может привести к полной бесшабашности и храбрости, на которые каждый из бандитов в отдельности просто не способен. Если же перед выходом употреблялось спиртное, тогда дело совсем плохо. Брут глубоко вздохнул, пытаясь обрести душевное равновесие.

– Ваше сборище незаконно, – как можно громче и решительнее заговорил он. – Я, командир Третьего галльского легиона, приказываю всем разойтись по домам. Вернитесь к своим семьям. На крыше этого дома ждет отряд лучников. Вы не имеете права пятнать свою честь нападением на женщин и стариков.

Брут вспомнил Цезаря. Как его сейчас не хватало! Он наверняка нашел бы необходимые слова и заставил злоумышленников отступить. Дело закончилось бы триумфальным шествием по улицам и вступлением мерзавцев в новый легион. Мысль показалась забавной, и центурион улыбнулся. Странно, но именно мимолетная улыбка поколебала решимость толпы. Кое-кто поднял голову, пытаясь разглядеть, что происходит на крыше, но яркий свет факелов лишь сгущал темноту, превращая ее в плотную завесу. Конечно, крыша была пуста. Будь у Брута в запасе хоть пара дней, он нашел бы нескольких метких стрелков и обязательно поставил их на крышу, но сейчас оттуда смотрел лишь сын Тедия, да и тот с пустыми руками.

Внезапно раздался громкий треск, бандиты импульсивно отшатнулись. Сам же Брут напрягся, ожидая немедленного нападения. Опомнившись, он увидел, как с крыши прямо в толпу летит черепица. Осколки не ранили никого, однако люди занервничали и начали возбужденно переговариваться. Брут пытался определить, специально ли парень сбросил несколько плиток или просто неуклюже поскользнулся и скоро здесь, внизу, следует ожидать и его самого.

– Убирайся-ка с дороги! – проревел голос из глубины толпы.

Остальные невнятно заворчали, поддерживая.

Брут насмешливо пожал плечами.

– Я римский воин, – прогремел он в ответ. – Не убегал в страхе от рабов Спартака, не убегал от галльских племен. Так чем же можешь испугать меня ты?

Толпе явно не хватало лидера, и Брут сразу это понял. Разбойники толкали и пихали друг друга, однако среди них не было никого, кто мог бы дать команду и заставить выступить против нескольких вооруженных людей, храбро стоящих на пороге мастерской.

– Я вот что скажу, ребята, – продолжал Брут. – Вам кажется, что кто-то вас защищает? Но как только из Галлии вернется Цезарь, он сразу найдет каждого, кто в его отсутствие осмелился угрожать честным труженикам, а тем более его друзьям. Так оно и будет, не сомневайтесь. Эти слова высечены в камне. Больше того, некоторые из вас смогут работать на него и получать деньги. Нужно будет составить список обидчиков, с указанием места жительства каждого. Это точно. Цезарь вонзится в вас, как раскаленный нож в масло.

В темноте трудно было судить наверняка, но центуриону показалось, что толпа начала редеть. Люди понемногу расходились. Кто-то бросил факел, кто-то другой его поднял. Возможно, Клодий обладал немалой силой и властью, но имя Юлия Цезаря годами произносилось на каждом углу и безошибочно действовало на тех, кто любил незамеченным проскользнуть по темным улицам.

Очень скоро перед Брутом осталось лишь человек пятнадцать. Это наверняка были те самые наемные бандиты, которых Клодий направил, чтобы сжечь мастерскую. Они не могли уйти, потому что уже на следующее утро поплатились бы сами. Негодяи нервно озирались, наблюдая, как стремительно тает еще совсем недавно многолюдный отряд.

Брут заговорил спокойно и тихо, понимая положение подневольных исполнителей чужих приказов:

– На вашем месте, ребята, я бы на некоторое время просто ушел из города. Аримин недалеко. Там тихо, спокойно и всегда есть работа в порту – для тех, кто не боится вспотеть.

Стоявшие спереди сердито и вместе с тем нерешительно переглянулись. Брут понимал, что бандитов оставалось еще слишком много, а потому в случае атаки о возможности победы нельзя было и мечтать. Люди Клодия были вооружены: пламя факелов отражалось на клинках. На лицах застыло выражение тупой, обреченной решимости. Посмотрев на товарищей, центурион не мог не заметить тревоги. Спокойным казался лишь Тедий.

– Ни слова, ребята, – едва слышно предупредил Брут. – Сейчас главное – не спровоцировать нападение.

Прошла минута-другая, и вот один из бандитов с отвращением бросил факел и пошел прочь. Его примеру последовали еще двое, а остальные молча переглядывались, как будто решая, что делать. И вот по двое – по трое начали расходиться и они. На месте осталось лишь несколько самых стойких.

– Если бы я был мстительным и коварным, то зарезал бы вас, как цыплят, здесь и сейчас, – обратился к ним Брут, – ведь все равно вы не сможете нам противостоять.

Один из бандитов скривился:

– Ты и сам знаешь, Клодий этого просто так не оставит. Уже утром он отомстит тебе сполна.

– Скорее всего, ты прав. Но всегда остается шанс, и он может оказаться разумным человеком. Тогда-то мы и потолкуем.

– Ты ведь с ним незнаком, а? – ухмыльнулся бандит.

Брут немного успокоился:

– Так что же, вы собираетесь расходиться по домам или нет? А то стоять здесь слишком холодно.

Человек взглянул на тех, кто еще оставался на улице, – их было всего лишь двое.

– Думаю, я поступлю именно так, – решил он. – То, что ты сказал, – правда?

– Что именно? – уточнил Брут, вспомнив о несуществующих лучниках.

– Что Цезарь – твой друг?

Брут решительно кивнул:

– Мы с ним как братья.

– Он сделал для Рима много хорошего. Некоторые из нас не стали бы возражать против его скорого возвращения. Я имею в виду тех, у кого семьи, дети.

– Галлия не сможет удерживать его вечно, – ответил Брут.

Человек понимающе кивнул и скрылся в темноте. Товарищи молча последовали за ним.

Глава 36

Целую неделю Брут спал в мастерской, прямо на полу. Сразу после неудавшегося нападения, следующей же ночью, он пошел в дом сенатора Клодия, расположенный в самом центре Рима, и убедился, что здание охраняется почти как настоящая, наспигованная вооруженными воинами крепость. Дни тянулись медленно, и тревога все усиливалась. Город будто притаился в ожидании кровавых событий.

Таббик последовал совету и увез семью подальше от места происшествия, однако Александрия категорически отказалась уходить. Впрочем, ночевки на холодном каменном полу не пошли ей на пользу, и с каждым днем девушка становилась все более раздражительной. В этом здании заключалось все ее богатство, начиная со стен и крыши и заканчивая огромной плавильной печью и слитками драгоценных

металлов. Она не могла бросить дело всей своей жизни на произвол судьбы. Брут же не имел права вернуться на север, пока возлюбленной грозила столь серьезная опасность.

Вооруженные молодые люди тоже остались. Таббик пытался было предложить им оплату за временную работу в качестве охранников, но парни лишь небрежно отмахнулись. Они с восхищением и восторгом смотрели на воина в серебряных доспехах, который не пренебрег их помощью. Брут же, в свою очередь, ежедневно по несколько часов кряду обучал их владению мечом.

Около полудня улицы города пустели, так как в это время все устраивали перерыв на обед. Именно в этот час Брут, прихватив с собой кого-нибудь из молодежи, покидал убежище, чтобы купить еду и узнать последние новости. Печка давала возможность хорошо питаться, однако с информацией дело обстояло хуже: городские сплетники словно проглотили язык. Удавалось услышать лишь обрывки разговоров, и Брут не раз жалел, что не может обратиться за помощью к матери, ведь та всегда все знала. В отсутствие Сервилиии подробности заседаний сената оставались неизвестными. В то же время с каждой ночью ощущение опасности возрастало, а с ним вместе все острее становились тревога и безысходность сложившегося положения.

Помпей вернулся в Рим, но даже его присутствие не гарантировало порядка, особенно с наступлением темноты. Практически каждую ночь обитатели мастерской в страхе просыпались, разбуженные звуками драк и вооруженных столкновений. С крыши хорошо были видны пожары, постоянно разгоравшиеся в лабиринте улочек и переулков бедных кварталов. К счастью, нападений на мастерскую больше не случалось, но Брут боялся, что их организаторы заняты более серьезными делами.

Когда вторая неделя осадного положения уже подходила к середине, на рынках заговорили о том, что бандиты Клодия напали на дом оратора Цицерона и пытались сжечь его вместе с хозяином. К счастью, Цицерону удалось спастись, однако никаких обвинений против Клодия не последовало. Это стало еще одним знаком полного бессилия закона. Брут все жарче спорил с Александрией, и девушка наконец согласилась с его доводами: самое разумное в сложившейся ситуации – покинуть на время Рим и переждать смутный период в

поместье Цезаря. С наступлением темноты город превращался в поле битвы, и даже мастерская не стоила жизнью ее защитников. Однако для бывшей рабыни и этот дом, и горн, и запасы золота и серебра, и инструменты заключали в себе смысл и благополучие жизни, а потому, расставаясь со своим достоянием, Александрия горько плакала.

По просьбе девушки Брут рискнул отправиться к ней домой, чтобы забрать кое-какие необходимые вещи. Вернулся он вместе с матерью Октавиана, Атией. Добрая женщина присоединилась к собравшейся в мастерской компании.

Для Брута дни тянулись мучительно долго; трудно было выбрать подходящее для переезда в поместье время. Будь он один, никаких проблем не возникло бы, так как можно было бы переселиться в казармы легиона Помпея. Но случилось так, что с каждым днем количество подопечных лишь увеличивалось. Сестра Таббика привела в мастерскую, под защиту вооруженных людей, мужа и детей. Здесь же оказались и три маленькие дочери самого мастера. К вооруженным молодым людям присоединились их семьи. В общей сложности в доме собралось двадцать семь человек. Брут с трудом представлял себе, как можно безопасно перевезти такую компанию даже днем. Но вот сенат объявил о введении с наступлением темноты комендантского часа, и Брут понял, что дальше медлить невозможно. Дело в том, что решению сенаторов подчинились лишь добропорядочные и законопослушные граждане. Для бандитов комендантский час был пустым звуком, и в первую же ночь его действия запылал пожар на соседней улице. Тьма наполнилась страшными криками и стенаниями, а прекратил их сам жестокий огонь.

На следующее же утро Брут вооружил свой отряд всем, что смог найти Таббик, от кинжалов и ножей до обычных железных прутьев.

– По городу придется идти не меньше часа, и наверняка найдутся люди, которые захотят нас остановить, – начал инструктировать Брут. Центурион прекрасно понимал, что люди смотрят на него как на спасителя, надежду и опору, а потому старался сохранять уверенность и даже оптимизм. – Что бы ни случилось, останавливаться ни в коем случае нельзя, понимаете? Если вдруг на нас нападут, придется отбиваться изо всех сил, но продолжать движение. Главное – выйти за городские ворота. От них до поместья всего несколько часов пути. Там мы окажемся в безопасности и сможем переждать беспорядки.

Слушатели ловили каждое слово, и в ответ на пристальный взгляд командира все дружно кивнули.

Центурион не снимал серебряных доспехов. Правда, сейчас, покрытые грязью и сажей, они выглядели далеко не так впечатляюще, как обычно.

– Через несколько дней, а может, через несколько недель опасность пройдет, поверьте. Мне приходилось видеть и более страшные ситуации.

Брут вспомнил рассказы Юлия о гражданской войне между Марием и Суллой и снова пожалел о том, что друга нет рядом. Конечно, бывали в жизни моменты, когда центурион ненавидел своего командира, но в такую тяжелую минуту его поддержки отчаянно не хватало. Заменить Юлия в подобной ситуации мог, наверное, только Рений.

– Ну что, все готовы? – уточнил Брут.

Открыв дверь, он выглянул на улицу, пытаясь оценить обстановку.

На заваленной грязью и мусором мостовой грызлись из-за куска хлеба тощие и одичавшие бездомные псы. В воздухе ощущался запах гари, а на углу с хозяйским видом стояла группа вооруженных людей.

– Все в порядке. Теперь быстро за мной, – скомандовал центурион. Его голос прозвучал напряженно, даже тревожно.

Компания вышла из дома, и Брут заметил, как вооруженные бандиты дружно обернулись. Пробраться незамеченными не удалось. Брут тихо выругался. Одна из малышек расплакалась, и мать взяла ее на руки, на ходу пытаясь успокоить.

– Интересно, пропустят они нас или нет? – едва слышно поинтересовался Таббик.

– Трудно сказать, – ответил Брут, не сводя глаз с бандитов.

Их было человек десять-двенадцать. Все выглядели насквозь прокопченными дымом пожаров и покрытыми вьевшейся сажей. Красные от бессонной ночи глаза казались дикими и безжалостными. Было совершенно ясно, что пощады от таких людей ждать не приходилось.

И действительно, бандиты вытащили ножи и направились через улицу, наперерез. Брут лихорадочно решал, что предпринять. Потом повернулся к мастеру:

– Таббик, если со мной вдруг что-нибудь случится, не останавливайтесь, идите к воротам. И само поместье, и дорогу к нему Александрия знает не хуже меня. Ее там обязательно примут.

Последние слова Брут договаривал, уже выхватив меч и резко полоснув им по воздуху. Его душил гнев. Как же можно допустить, чтобы честные, трудолюбивые люди в страхе убежали от подонков? Ведь это противоречит всем правилам и законам! За спиной в ужасе плакали дети, и от их слез ярость разгоралась все сильнее.

Брут налетел на негодяев, словно гроза. Одним движением он снес с плеч голову того, кто подвернулся первым, а потом убил еще двоих, настигнув их на бегу. Бандиты, отчаянно крича и моля о пощаде, бросились кто куда. Через несколько мгновений улица опустела. Брут не стал преследовать беглецов, а обернулся к спутникам. Александрия и Таббик быстро уводили всю группу прочь, стараясь, чтобы дети не заметили оставшиеся на дороге трупы.

– Шакалы! – зло выплеснул накопившуюся ненависть Брут.

Он подошел к Александрии и заметил, что дети смотрят на него с ужасом. Действительно, некогда блестящие серебром доспехи были залиты кровью. Одна из девочек громко закричала, показывая пальцем на страшного дядю.

– Быстро к воротам! – скомандовал Брут, внезапно разозлившись на ни в чем не повинных беженцев.

Его место рядом с легионерами, в Галлии, а не здесь, с этими испуганными, орущими детьми. Оглянувшись, центурион заметил, что разбежавшиеся было бандиты собрались снова. Они смотрели вслед удаляющимся людям, однако не пытались преследовать. Брут грубо, с отвращением сплюнул.

Дальше, до самых ворот, улицы оказались практически пустыми. Даже несмотря на то, что Брут старался идти по самым оживленным участкам города, его повсюду встречало запустение. Принадлежащий Милону огромный мясной рынок выглядел пустым и заброшенным. Ветер угрюмо швырял к ногам сухие листья. Беженцы миновали целую шеренгу выпотрошенных лавок и сожженных жилых домов, и опять над улицей разнесся детский плач: мрачная картина убийства и разрухи приводила малышей в ужас. То и дело попадались трупы, и тогда Александрия старалась отвлечь внимание детей, хотя и сама была на грани нервного срыва.

– Ну вот и ворота, – попытался подбодрить остальных Таббик, однако в этот момент из-за угла вывалилась толпа пьяных мужчин.

С громким смехом и криками они направились к группе женщин и детей, но заметили Брута и остановились как вкопанные. Как и первая банда, эта шайка тоже ночью занималась поджогами, а потому лица разбойников казались черными от дыма и копоти. Светлыми оставались лишь глаза и зубы. Руки сами собой потянулись к оружию.

– Дорогу! – яростно заорал Брут, снова испугав детей.

Бандиты и не подумали остановиться. Вполне мирный вид путников вовсе не внушил им страха. Больше того, они даже издевательски рассмеялись. Но смех скоро стих, так как Брут с бешеной яростью бросился прямо на разбойников, без разбору размахивая мечом направо и налево. Меч его выковал один из лучших испанских мастеров, а потому острый клинок безжалостно впивался в тела врагов, проливая реки крови. В воинственном запале Брут не слышал собственного крика и не чувствовал, как отскакивают от доспехов удары вражеских клинков.

Неожиданно сильный удар сбил центуриона на колени. Взревев, словно взбешенный зверь, Брут вскочил, одновременно нанося обидчику мощный удар снизу. Лезвие пронзило грудь бандита в тот самый момент, как сам Брут едва не упал от толчка. Враг целился топором в шею, но оружие скользнуло по доспехам, почти сбив с ног. Брут не чувствовал ран и едва понимал, что в схватку вступили и Таббик, и молодые ремесленники. С головой уйдя в ярость битвы, он даже не пытался защищаться. Если бы не доспехи, безумца давно настигла бы смерть. Неожиданно громкий голос мастера слегка отрезвил разгоряченного бойца, и Брут оглянулся, оценивая обстановку.

Зрелище оказалось ужасающим. Никто из бандитов не выжил. В лужах крови на мостовой валялись трупы и отдельные части тел.

– Успокойся, мальчик, все в порядке, – тихо произнес Таббик.

Голос доносился откуда-то издалека. Сильными пальцами мастер сжал шею раненого воина, пытаясь остановить кровотечение. Голова начала понемногу проясняться. Посмотрев вниз, Брут увидел, что доспехи сплошь залиты кровью. Кровь хлестала и из зияющей раны на бедре. Центурион отрешенно наблюдал за алой струей, удивляясь полному отсутствию боли.

Наконец, не произнеся ни слова, он указал мечом на ворота. После всех испытаний мысль даже о малейшем промедлении была нестерпимой. Александрия оторвала от юбки широкую полосу и начала перевязывать ногу. Брут, дыша, словно загнанная собака, пытался заставить людей как можно быстрее покинуть город.

Таббик подставил плечо:

– Обопрись-ка на меня, парень. Я тебе немного помогу. И меч дай – он сейчас слишком тяжел для тебя.

Едва дыша, Брут кивнул.

– Не останавливайтесь, – в который уже раз едва слышно повторил он и попытался сделать несколько шагов.

В это мгновение с другой стороны раненого подхватил один из молодых мастеровых и вместе с Таббиком вывел его из города. Словно по волшебству, на головы измученных людей начал падать легкий снег, а запах дыма и крови унесся вместе с ветром.

Клодий глубоко вдохнул ледяной воздух, наполнявший улицы Рима, и обвел взглядом форум. В последней попытке одержать верх над Милоном он сконцентрировал все свои силы. Бой захватил весь город и вот наконец вылился на центральную площадь.

Под первым снегом больше трех тысяч человек группами и один на один пытались убить друг друга. Ни о какой тактике и правилах битвы не было и речи – каждый сражался отчаянно, едва отличая друга от врага. Одержав победу на правом фланге, можно было в тот же момент получить смертельный удар слева или в спину.

Снегопад усилился. К телохранителям Клодия пробилась группа гладиаторов Милона, и под ногами образовалось грязно-бурое месиво. Самого сенатора оттеснили к ступеням храма. Он решил было укрыться внутри здания, хотя от врагов спасения не могло быть даже здесь.

Побеждали ли его люди? Определить это было невозможно. Все началось хорошо: легион Помпея отправился в восточную часть города, чтобы подавить фальсифицированный бунт и потушить пожары. Люди Милона рассеялись по Риму, и Клодию даже удалось напасть на дом врага и разрушить ворота. Однако хозяина дома не оказалось, а потому нападение прошло впустую. Клодий отчаянно

разыскивал Милона, чтобы положить конец страшной борьбе, которая могла разрешиться лишь смертью одного из соперников.

Никто не мог сказать, когда именно молчаливое противостояние перешло в открытый конфликт. С каждой ночью враги подбирались все ближе и ближе друг к другу, пока наконец не столкнулись здесь, на форуме, под медленно кружащимся снегом, перед помпезным зданием сената.

Клодий обернулся. С одной из боковых улиц на площадь выкатилась новая волна людей. К счастью, это были его собственные сторонники, и вел их один из лучших командиров.

В эту самую минуту, выскочив из переулка, на Клодия набросились сразу трое врагов. Каждый держал в руках смертоносное железо. Первого сенатор сразил мощным ударом меча, однако второй молниеносным движением вонзил ему в грудь кинжал. Ледяной металл вошел в плоть, обжигая внутренности. Убийца вырвал оружие и скрылся, а третий из нападавших быстро нанес серию точных безжалостных ударов.

Клодий осел на колени. Жизненная сила покидала его, а враг продолжал снова и снова вонзать нож в его тело. Друзья видели, что происходит, и изо всех сил пробивались на помощь. Наконец они схватили убийцу, но спасти Клодия было уже невозможно – мертвый сенатор беззвучно распластался на алом от крови снегу. Последним, что он видел и слышал, были мраморные ступени сената и звуки горнов подходившего легиона Помпея.

Легион с боем пробился на открытое пространство форума, и Милон отступал, отчаянно сопротивляясь. Всякий, кто замешкался или увлекся боем один на один, попадал в безжалостную мясорубку, и Милону оставалось лишь молиться, чтобы хоть кто-то из его людей остался в живых. Гибель Клодия привела соперника в восторг, но ему тут же пришлось забыть о преждевременной радости и позаботиться о собственной жизни и решении непосредственных тактических задач. Если удастся отразить атаку легиона, то уже никакая сила не встанет у него на пути. А сейчас Милон, спотыкаясь и скользя, вместе со всеми убежал от натиска легионеров, спасаясь, словно крыса от острого лезвия косы.

Многие из людей Клодия оказались в ловушке, и сейчас им тоже пришлось спасаться от той грозной силы, которая сметала на своем пути все без разбора. Форум опустел за несколько минут: банды разбегались во всех направлениях, по всем ведущим прочь от страшной площади улицам. Теперь они уже не делились на своих и чужих. Общий страшный враг гнал всех подряд. Раненые тоже бежали из последних сил, крича от боли. Тех же, кто упал, безжалостно добивали легионеры.

Еще немного, и на просторной площади остались лишь неподвижные, холодные трупы. Снег продолжал падать, закрывая мрачную картину белым саваном. Жалобно, заунывно выл ветер. Командиры легиона отдавали короткие, резкие приказы. Когорты разошлись на посты в разные части города. Помпей, надев перевязь с мечом, отправился на окраину, откуда начали поступать сообщения о беспорядках. Тысячу воинов он оставил в центре города для поддержания порядка, а три когорты командировал в северные районы, чтобы обеспечить там соблюдение комендантского часа.

– Очистите улицы, – распорядился он, – отправьте всех по домам до тех пор, пока банды не окажутся у нас под контролем.

Серое небо за спиной сенатора полыхало новыми пожарами. Шел снег.

Той ночью Рим взорвался. Тело Клодия внесли в храм Минервы, и тысячи обезумевших от горя и гнева людей штурмовали здание. Охранявших его легионеров едва не разорвали на части. Последователи Клодия охотились за Милоном и его сторонниками, по пути сжигая целые улицы. Восставшие отчаянно сопротивлялись воинам Помпея. Легионерам дважды пришлось отступать: зажатые в тиски нападавшими, они едва не потерялись в паутине переулков. Некоторые были заперты в зданиях и сгорели вместе с ними. Другие попали в лапы толпы, и их кровожадно растерзали. Город – не слишком подходящее место для действий легиона. Командиры Клодия поступали коварно: приманивали легионеров на женский крик, а потом набрасывались на них, безжалостно убивая. Те, кому удавалось вырваться из засады, бежали без оглядки.

Самого Помпея оттеснила к зданию сената группа вооруженных людей. С большим трудом, лишь с третьей попытки, он отбил

нападение, но опасность сохранялась. Похоже, буквально каждый римлянин нашел оружие и вышел на улицу, причем толпы все увеличивались. Помпей решил отойти к ступеням сената и из этого здания скоординировать действия еще оставшихся сил. Однако, вернувшись на открытое пространство форума, он с ужасом увидел, что здание окружено тысячами факелов.

Люди распахнули бронзовые двери и над головами внесли мертвого Клодия в полумрак каменных покоев. Помпей видел, как окровавленное тело сенатора колыхалось, словно на гребне волны; это оплакивающая своего предводителя чернь поднималась по ступеням.

Форум оказался заполненным вооруженными людьми. Не смолкая ни на минуту, они громко кричали. Помпей в нерешительности остановился. Еще ни разу в жизни он не унижался, спасаясь бегством, а открывшееся взору зрелище означало конец всего, чем был дорог ему Рим. И все же он не сомневался, что в битве на форуме легионеры будут окончательно разбиты. Ведь им придется вступить в схватку почти с половиной населения города.

Сквозь распахнутые двери сената в глубине здания виднелось пламя; оттуда тянулся дым. На покрытых снегом ступенях, размахивая оружием, толпились люди. Увидев все это, Помпей не смог сдержать слез.

– В мой театр! Отправляйтесь в мой театр! – крикнул сенатор своим людям.

Они отошли от обступившей курию толпы, а Помпей наконец заставил себя отвернуться от страшного и в то же время завораживающего зрелища горящего здания сената. В ярком свете огня были хорошо заметны фигуры убегающих легионеров. Зрелище воспринималось тяжелее, чем можно было представить. Темнота сулила спасение, но и она не могла притупить боль отступления из самого сердца города. Помпей знал, что конец мучениям придет лишь вместе с рассветом. Бандиты и чернь нарушили власть закона и упивались внезапно обретенной свободой. Однако к утру устанут даже они, и содеянное вызовет в душе отвращение. Вот тогда и придет время для наведения порядка, и он закрепит его железом и кровью.

Бледный утренний свет едва пробивался сквозь высокие окна театра Помпея, освещая плотную толпу людей, которых он собрал

сюда со всего города. Помимо членов сената, легионеры привели трибунов, магистратов, квесторов, преторов и всех остальных, кто имел хоть какое-то отношение к управлению Римом. На широких скамьях амфитеатра сидели не меньше тысячи человек. Все они смотрели вниз, на сцену, где стоял сам Помпей. Лица собравшихся казались серыми от усталости и страха. Некоторые из их родственников и друзей уже пали жертвами кровавого бунта, так что все прекрасно понимали серьезность ситуации.

Помпей негромко откашлялся и потер руки, безуспешно пытаясь справиться с разыгравшимися нервами. Было очень холодно. Театр не отапливался, и дыхание множества людей вырывалось легкими белыми облачками. В напряженном молчании собравшиеся ждали, что же скажет наделенный властью человек.

– Прошлой ночью мы подошли к самому краю пропасти. Еще шаг, и Риму придет конец, – начал он.

Люди сидели неподвижно и слушали с неподдельным вниманием. На лицах их читалась решимость. События ночи оставили в стороне копеечные распри и мелочное соперничество. Главное сейчас заключалось в восстановлении мира и порядка, и ради этой цели римляне были готовы на немалые лишения.

– Вы, конечно, слышали, что Клодий погиб в схватке, а тело его сожгли в курии. Само здание тоже сгорело дотла. Пожары полыхали по всему городу. Улицы завалены трупами. Повсюду царит хаос, многие жители не имеют ни пищи, ни воды. Уже к вечеру голод сделает свое дело, и беспорядки развернутся с новой силой. – Помпей сделал паузу, однако слушатели даже не шелохнулись. – На рассвете мои воины взяли в плен сенатора Милона – он пытался скрыться из города. Днем предстоит обыскать все укромные уголки и найти его непосредственных подчиненных, которые и командовали бойней. Однако, пока будет продолжаться суд, недоброжелатели смогут пополнить силы и вооружиться. Я не собираюсь давать им еще один шанс. – Помпей вдохнул, словно собирая в кулак волю. – Я собрал всех вас здесь, чтобы попросить проголосовать за предоставление диктаторских полномочий. Связанный рамками закона, я не смогу гарантировать порядка и спокойствия ни нынешней ночью, ни в будущем. А потому прошу выдать мне мандат диктатора.

Присутствующие дружно, словно один человек, поднялись с мест. Помпей внимательно оглядел ряды и, убедившись в полном единодушии, удовлетворенно кивнул и жестом попросил всех сесть.

– С этой минуты я стою перед вами уже в ранге диктатора. Вверенной мне властью провозглашаю в городе военное положение. По вечерам, с заходом солнца, начнется действие комендантского часа, и те граждане, которые окажутся на улице в неурочное время, будут немедленно казнены. Легионеры уничтожат вожаков разбойников, а пыточных дел мастера раскроют имена главарей уличных банд. Это здание останется местом действия правительства до тех пор, пока сенат не будет отстроен заново. По утрам на форуме и возле северных и южных ворот будет распределяться хлеб. Этот порядок устанавливается до снятия режима чрезвычайного положения.

Помпей обвел присутствующих взглядом и сдержанно улыбнулся. Сейчас придется говорить куда более неприятные слова.

– Каждому из вас предстоит выплатить сумму в размере ста тысяч сестерциев или десятой доли имеющегося в наличии состояния – в зависимости от того, какая сумма окажется больше. Сенатская казна была ограблена, а для наведения и поддержания порядка в городе крайне необходимы деньги. Когда финансовое положение выправится, долг вам вернут, но до тех пор придется раскошелиться, другого выхода нет.

Кое-где среди слушателей раздались недовольные голоса, но они оказались в абсолютном меньшинстве. Люди понимали хрупкость всего, что раньше представлялось твердым и надежным, а потому готовы были платить за собственную безопасность и безопасность семей. Помпей жалел, что среди собравшихся нет Красса. Из этого богача можно было бы вытрясти солидную сумму. Письменная просьба не возымеет такого же действия, как личное требование, однако действовать придется в соответствии с ситуацией.

Взглянув на записку с планом выступления, сенатор продолжал:

– Я отзову легион из Греции, но, пока он не придет, нам потребуется каждый человек, способный держать в руках меч. Тем, кто содержит охранников, необходимо сообщить секретарям сената их численность. Я должен точно знать, сколько вооруженных людей сможет встать в строй в случае новых беспорядков. Прошлой ночью мой легион понес серьезные потери, и если мы хотим справиться с

бандитами раньше, чем они снова наберут силу, то необходимо прежде всего пополнить его ряды. Всех приспешников Милона и Клодия я казню без церемоний и публичного разьяснения их вины. Сегодняшняя ночь будет особенно трудной, сограждане. Если удастся ее пережить, то порядок постепенно восстановится. Когда ситуация придет в норму, я буду вынужден обложить жителей Рима специальным налогом на восстановление города.

На лицах некоторых из слушателей все еще читался страх, однако в глазах большинства присутствующих уже затеплилась надежда. Помпей попросил задавать вопросы, и многие поднимались, чтобы уточнить различные аспекты новой системы управления. Диктатор, явно почувствовавший себя уверенней, отвечал на вопросы. Люди заметно успокоились и постепенно приходили в себя, ведь теперь шел неторопливый, деловой разговор по существу дела. А всякое серьезное дело полностью поглощает человека и рождает надежду на будущее.

Глава 37

Брут присел на широкий пенек, оставшийся от старого дуба, который они повалили когда-то вместе с Тубруком. Палку пристроил рядом. Здесь, под зелеными сводами леса, так естественно было бы увидеть старого гладиатора. Он любил Брута и всегда встречал его с радостью.

Поморщившись, Марк не спеша вытянул раненую ногу и почесал зудящий шрам, который тянулся от колена почти до паха. Такой же след от зашитой глубокой раны остался и на шее. Он особенно красноречиво напоминал о том, что смерть была совсем близко. Самое страшное, что обе раны оказались грязными и сразу воспалились, так что первую неделю, проведенную в поместье Цезаря, Брут даже не помнил. Клодия не уставала повторять, что центурион едва не лишился ноги, но в конце концов края зияющего пореза начали кое-как затягиваться, хотя шрам отчаянно зудел. На память приходили смутные образы, воспоминания о том, как его обтирают мокрыми полотенцами. Воин смущенно повел плечами. Юлия выросла и превратилась в прекрасную молодую девушку. Пожалуй, красотой она даже превзошла покойную мать. Очевидно, насчет ухода за раненым Александрии пришлось поговорить с девушкой наедине, поскольку

несколько дней Юлия не появлялась вовсе, а потом ее глаза горели тем же огнем, что и глаза Корнелии, когда она сердилась и обижалась. Однако с этого времени с тазом в комнате появлялась лишь Александрия.

Брут удрученно улыбнулся. Александрия обращалась с ним как с больным конем и начищала до такой степени, что кожа начинала лосниться. Так что, едва собравшись с силами, раненый первым делом отверг любую помощь и начал сам спускаться вниз, чтобы удовлетворить естественные потребности. Останься он в постели еще чуть-чуть, с него постепенно сняли бы всю кожу.

Здесь, в лесу, царил покой. В кронах деревьев пели птицы, а среди кустов виляла тропинка, по которой когда-то наперегонки бегали два мальчика, спешившие как можно быстрее стать взрослыми. В то время дружба была совсем простым делом, и они с Юлием воспринимали ее так же естественно, как лес, реку и поле. Брут вспомнил скрепленную кровью клятву верности. В то далекое светлое время казалось, что жизнь состоит из простых вещей и поступков. Сейчас, после стольких событий, возвращение в прошлое казалось странным. Бывали дни, когда он гордился собой, но выпадали и такие, когда Марк многое отдал бы за возвращение в детство и возможность снова сделать выбор. Ошибок было совершено немало, и многое хотелось бы изменить.

В те бесконечные летние дни юноши считали себя бессмертными. Твердо знали, что Тубрук всегда окажется рядом и защитит в трудную минуту, а будущее представлялось всего лишь совокупностью обстоятельств, которые проверят на прочность их отношения. Верили, что ничто, даже падение самого Рима, не сможет омрачить их союз, а тем более разлучить их.

Брут вытащил из-за пояса острый нож и осторожно подцепил первый из стягивающих рану стежков. Потом аккуратно и медленно потянул нитку, вытягивая ее из кожи, пока не дошел до самого последнего узелка. Работа была тяжелой и болезненной, и к концу процедуры лоб воина покрылся испариной. По ноге потекла тонкая струйка крови. Брут осторожно вытер ее пальцем.

Медленно поднявшись, он некоторое время постоял неподвижно. Голова кружилась, в глазах потемнело. Шов на шее тоже страшно зудел и мешал, но самому с ним не справиться.

– Я так и думала, что ты здесь, – раздался за спиной голос Юлии.

Брут обернулся и с улыбкой взглянул на девушку. Интересно, давно она за ним наблюдает? Не так давно ей исполнилось шестнадцать. Длинноногая, стройная, красивая. Александрии не понравится, что они разговаривают в лесу наедине, а потому лучше ничего и не рассказывать.

– Да вот решил, что пора начинать понемногу ходить. Нога уже почти не болит, хотя доверять ей пока еще рано.

– Как только поправишься, ты уедешь обратно, к моему отцу.

Фраза прозвучала не как вопрос, а как утверждение, но Брут кивнул:

– Думаю, через пару недель. В городе сейчас спокойно, ведь Помпей получил полномочия диктатора и навел порядок. Так что скоро мы наконец-то оставим тебя в покое и в доме опять станет тихо.

– Да мне никто не мешает, даже дети, – быстро ответила девушка. – Наоборот, в компании веселее.

Молодые люди обменялись красноречивыми взглядами, и Брут рассмеялся. Несмотря на все усилия Таббика и его сестры, уже через несколько дней после появления в поместье детвора пришла в себя и с громкими криками носилась по живописной округе, не в силах сдержать восторг свободы. Одного из мальчишек Клодия уже трижды вылавливала из пруда. Удивительно, насколько быстро дети пришли в себя после кошмарного бегства из города. Брут подумал, что, оглядываясь на этот трагический год своей жизни, они вряд ли вспомнят пожары и убийства. Если же картины и встанут перед их мысленным взором, они все равно окажутся бессильны затмить восторг первого катания верхом, когда Таббик поддерживал маленьких всадников в седле. Поистине, дети – странный народ.

Юлия, несомненно, унаследовала красоту и грацию матери. Прекрасные длинные волосы, связанные на затылке, спускались почти до пояса и придавали стройной фигурке некую таинственную величавость. Серьезное выражение лица становилось особенно сосредоточенным, когда девушка слушала собеседника. Казалось, она боится пропустить хотя бы слово. Интересно, как прошло ее детство здесь, в поместье? Отец редко навещал девочку, так что ей приходилось довольствоваться обществом учителей и Клодии. Не чувствовала ли она себя одинокой?

– Пожалуйста, расскажи об отце, – попросила Юлия, подходя ближе.

Брут простоял уже достаточно долго, и нога отозвалась резкой болью. Не желая рисковать, он оперся на палку и тяжело опустился на дубовый пенёк. Потом приоткрыл двери памяти, заглянул в потайную комнату и улыбнулся:

– В детстве мы очень любили лазать на это дерево. – Он постучал палкой по пню, на котором сидел. – Юлий считал, что может вскарабкаться куда угодно, и проводил долгие часы на нижних ветках, пытаясь забраться как можно выше. Если я оказывался рядом, можно было встать мне на плечи. Но даже тогда необходимо было прыгать. В случае неудачи подобные забавы были очень опасными, причем для нас обоих.

Брут замолчал, словно внимательно вглядываясь в картины прошлого.

Юлия подошла и опустилась на край широкого пня. От платья девушки исходил легкий аромат цветов. Брут не знал, каких именно, но запах живо напомнил о лете. Молодой человек глубоко вздохнул и на мгновение позволил себе представить, что целует нежную гибкую шею.

– Он падал? – уточнила она.

Брут насмешливо фыркнул:

– Неоднократно. Как-то раз свалился прямо на меня, и я растянул руку. А у него на щеке образовался огромный синяк, словно от пощечины. И все же мы попробовали еще раз, и он достал до заветной верхней ветки. – Брут вздохнул. – Не думаю, что он взбирался на этот дуб еще когда-нибудь. Повторять одно и то же ему было неинтересно.

– Как жаль, что я не знала вас молодыми, – вздохнула девушка.

Брут взглянул на нее и покачал головой:

– Не жалею. Мы были трудными ребятами, страшными хулиганами. Удивительно, как мы вообще не сломали шеи и умудрились дожить до зрелого возраста.

– Отцу повезло, ведь у него такой друг, как ты, – задумчиво призналась Юлия и слегка покраснела.

А Брут снова спросил себя, как отнесется к этой беседе Александрия, если вдруг окажется в лесу. Юная особа слишком хороша, а потому играть роль вернувшегося домой разудалого солдата

вряд ли стоило. А может быть, попросить ее поддержать бедного раненого и попутно украсть пару поцелуев? Запах цветов кружил голову, мысли витали в облаках.

– Наверное, пора возвращаться, Юлия. Ты замерзнешь.

Скользнув глазами по лицу девушки, Брут, словно потеряв контроль над собственными глазами, завороченно уставился на ее грудь. Он тут же понял, что девушка заметила нескромный взгляд, и отвернулся, осторожно поднимаясь.

– Из ноги снова идет кровь, – заметила она. – Ты слишком рано снял швы.

– Нет, все нормально. Я видел немало ран, так что могу решить, когда и что надо делать. С сегодняшнего дня буду ходить и ездить верхом, чтобы вернуться в нормальное состояние.

– Если ты не против, я могла бы составить тебе компанию, – удивительно просто предложила Юлия.

Брут смущенно кашлянул:

– Наверное, молодой и хорошенькой девушке... – Он остановился на полуслове. – Нет, спасибо, я должен все делать сам, один.

Брут повернулся и, собравшись с силами, как можно быстрее направился к дому, ругая себя за тупость и неловкость.

В холодном свете звезд Брут вел кобылу по двору, еще не отдышавшись от быстрой скачки. Он подумал об Александрии, которая давно спала в своей комнате, и нахмурился. Ничто в жизни не складывалось так просто, как хотелось бы, особенно с женщинами. Если бы ему требовались споры и напряженное молчание, он уже давно женился бы. Глядя на безмолвную луну, Брут улыбнулся. Они с Александрией проводили в поместье долгие пустые недели. Заняться было нечем, оставалось лишь выздоравливать и пытаться забыть страшные дни римских баталий. Ему хотелось скакать галопом, тренироваться, страстно любить. Рана приводила в бешенство: о какой любви можно говорить, если он не в состоянии даже встать на колени? Хуже слабости не может быть ничего.

Брут считал, что он любит Александрию. Однако выпадали дни, когда оба раздражались по пустякам и ссорились, обижаясь друг на друга. Тогда ему казалось, что любовь особенно крепка на расстоянии.

Несмотря на прохладу ночи и серебряный, почти звенящий свет звезд, в конюшне было тепло. В окно с любопытством заглядывала луна, озаряя своим бледным сиянием дубовые стойла. Все здесь было пропитано покоем и миром, согретым теплым дыханием лошадей.

Брут никак не мог прийти в себя после быстрой езды и, сморщившись, разочарованно думал о том, как далеко отбросила его болезнь от обычной физической формы.

Внезапно за спиной раздался шорох, и Брут замер, даже не убрав руку с лошадиной гривы. Неужели кто-то еще не спит?

Медленно обернувшись, молодой человек увидел Юлию. Освещенная бледным светом луны, девушка была особенно прекрасной и нежной.

– На этот раз ты далеко уехал? – тихо промурлыкала она.

Юное создание, казалось, явилось прямо из постели; растрепанные волосы привольно падали на плечи. Платья на девушке не было, его роль исполняло мягкое покрывало, которое она придерживала на груди. Брут не мог оторвать от прекрасной фигуры взгляда.

– Нет, сегодня всего лишь на несколько миль. Слишком холодно для старушки, – как можно проще ответил Брут.

Кобыла словно почувствовала, что говорят о ней, и негромко фыркнула, требуя продолжения чистки.

– Скоро ты уедешь. Я слышала, как Таббик говорил, что Помпей разгромил банды.

– Так оно и есть. Этот человек не бросает слов на ветер.

В голосе Юлии ощущалось напряжение, которого раньше не было. Тепло конюшни, запах кожи и соломы, близость прекрасной юной женщины... Брут внезапно ощутил острое желание. К счастью, темнота все скрыла. Не произнеся ни слова, воин резко отвернулся и снова принялся расчесывать гриву лошади.

– Отец обещал меня ему, ты слышал об этом? – звенящим голосом произнесла девушка.

Брут остановился и посмотрел на нее в упор:

– Нет, Цезарь ничего не говорил.

– Клодия считает, что я должна гордиться. Когда они договорились, Помпей даже не был консулом, а теперь я стану женой диктатора.

– Но для этого тебе придется покинуть родные места, – тихо заметил Брут.

– Ради чего? Чтобы рабыни каждый день одевали меня и раскрашивали, словно куклу? Чтобы больше никогда не пришлось ездить верхом? Мне доводилось видеть жен сенаторов. Стая ворон в красивых платьях. А главное, каждую ночь надо мной будет нависать старик. Отец жесток!

– Возможно, ты права, – уклончиво ответил Брут.

Ему хотелось рассказать девочке о бедности и страхе, задавивших Рим. Став женой Помпея, она никогда не познает ни того ни другого. Конечно, решение Цезаря можно осудить, но оно гарантировало дочери полное благополучие, а ему самому дало Галлию. А кроме того, эта свадьба объединит дома и, может быть, даже принесет Юлию наследника. Несмотря на всю симпатию к девушке, Брут понимал, что она выросла, совершенно не ориентируясь в реальной жизни.

– Когда ты должна отправиться к нему? – поинтересовался воин.

Девушка сердито поправила волосы.

– Это уже произошло бы, если бы отец не уехал. Для них обоих это всего лишь сговор, условность. Сделка уже совершилась, и от Помпея даже приезжал посыльный с подарками и любезностями. Серебра и золота столько, что непонятно, куда все это девать. За рабыню платят дорого.

– Нет, девочка, ты никогда не станешь рабыней, ведь не напрасно в твоих венах течет кровь Цезаря. Очень скоро ты сама будешь вить из него веревки. Вот увидишь.

Юлия подошла ближе, и снова в ноздри Брута хлынул аромат темных ночных цветов. Девушка подалась вперед, и он страстно сжал ее руки, уронив щетку на солому.

– Так что же ты придумала? – прошептал Брут, пряча лицо в густых душистых волосах.

Мир утратил реальность, и в бледном свете луны нежно звенела струна отчаянной девичьей решительности.

– Придумала, что ни за что на свете не пойду к нему девственницей, – едва слышным шепотом ответила Юлия, проводя губами по шее мужчины.

Брут чувствовал теплое дыхание, и в этот момент на нем сосредоточился весь мир.

– Нет, – наконец произнес он, – не пойдешь.

Выпустив руки девушки, Брут осторожно потянул покрывало. Оно медленно сползло, открыв плечи и грудь. В бледном свете луны красота Юлии казалась совершенной, а формы – изысканно-точеными. Мужчина осторожно провел рукой по нежной спине и ощутил под пальцами легкую дрожь.

Поцелуи становились все жарче, и Юлия отвечала на них пылко и искренне. Наконец Брут поднял девушку на руки и бережно положил на хранившуюся в углу свежую солому. В этот момент боль отпустила, и он забыл о ранах. Сдерживая дыхание и заставляя себя двигаться как можно медленнее, Брут нежно обнял юную красавицу. Коротко вскрикнув, она задышала чаще.

Та группа, которая собралась во дворе поместья, чтобы отправиться в Рим, лишь отдаленно напоминала измученных, испуганных и запыленных беженцев, которые постучались в ворота два месяца назад. Клодия пригласила детей приезжать в гости, как только захочется, но все равно потребовалось немало уговоров, чтобы они согласились отправиться в путь. Добрая нянюшка горячо привязалась к своим новым питомцам, и расставание сопровождалось обильными слезами.

Таббик тяжело переживал каждый проведенный вдали от города и мастерской день и едва дождался возвращения. После того как легион Помпея восстановил порядок, мастер несколько раз в одиночестве ездил в Рим. К счастью, мастерская уцелела и пережила бушевавшие в квартале страшные пожары. Конечно, дверь оказалась взломанной, но грабители не тронули сердце его детища – огромную плавильную печь. Таббик уже планировал поставить новую дверь, а вместо сломанного замка сделать какой-нибудь особенно хитрый. Мастер принес в поместье радостную весть об установлении в городе мира и порядка, и беженцы сразу начали собираться домой. Помпей безжалостно расправился с главарями банд, и Рим постепенно начал возвращаться к обычной размеренной трудовой жизни. Поговаривали, что Красс выделил сенату огромную сумму, и теперь сотни плотников ремонтировали и отстраивали разрушенное. Конечно, далеко не сразу граждане снова вспомнят о такой роскоши, как драгоценности и украшения, но Таббик хотел заранее подготовиться к этому моменту.

Его труд – часть общего дела, подарок родному городу, а потому так же важен, как труд других. Мелочей здесь быть не может: даже просто собрать разбросанные в беспорядке инструменты – значит сделать первый шаг в преодолении оцепенения и ужаса.

Бруту очень хотелось подлечить раненую ногу хотя бы еще немного, но в последнее время Александрия вела себя очень холодно. Вряд ли она могла узнать о событии в конюшне, но порою воин ловил на себе вопросительный взгляд, словно подруга пыталась понять истинную сущность мужчины. Поведение красавицы подсказывало Бруту, что если он не уедет сейчас вместе со всеми, а останется в поместье, то больше не увидит ее.

Сюда, на юг, весна пришла рано, и в лесу уже всюду цвели деревья. Цезарь, конечно, уже давно ждал в предгорьях, в Аримине, и Брут понимал, что пора трогаться в путь. Совсем скоро он снова окажется в компании грубоватых, неотесанных воинов. Странно, но перспектива уже не вселяла такого энтузиазма, как прежде. Брут подошел к скамейке, с которой все еще вынужден был садиться в седло, взял в руки вожжи и украдкой оглядел просторный двор. Юлии нигде не было видно, зато Александрия опять внимательно наблюдала за каждым его шагом.

Раб отпер тяжелые ворота и широко распахнул створки. Дорога из поместья вливалась в ту, которая вела в Рим.

– Вот и ты наконец-то! – воскликнула Клодия. – А я уже решила, что и попрощаться не успеешь!

Юлия вышла из дому и начала по очереди прощаться со всеми, принимая благодарности за гостеприимство, – ведь именно она считалась хозяйкой дома. Брут внимательно смотрел, как девушка разговаривает с Александрией. Обе улыбались, и ни малейшего напряжения между ними заметно не было. Потом Юлия совершенно естественно подошла к так притягивающему ее человеку. Они подружески обнялись и поцеловались. Однако на мгновение язык девушки своевольно коснулся губ мужчины, и тот замер от смущения. Ее дыхание несло вкус меда.

– Возвращайся, – шепнула она.

Брут быстро поднялся в седло, стараясь не встречаться взглядом с Александрией. Он знал, что подруга не сводит с него глаз, и, отчаянно покраснев, пытался сделать вид, что не произошло ничего

особенного. Дети замахали руками, прощаясь, и процессия тронулась в обратный путь. Клодия снабдила каждого мешочком с провизией, и кое-кто из маленьких путников уже с любопытством развязывал тесемки. Брут окинул поместье прощальным взглядом. Он знал эти места с детства и хотел сохранить их в памяти. Ведь даже в самое трудное время, когда все в жизни искажалось и катилось по наклонной, неизменным оставалось что-то незыблемое, что поддерживало дух и дарило покой.

Глава 38

Жрец поднял золотую корону арвернов так, чтобы видели все воины. Она таинственно мерцала в свете факелов. В другой руке старец держал тяжелый золотой посох.

Как предписывал ритуал, жрец покрыл собственное тело длинными полосами земли и крови и в полумраке храма казался всего лишь тенью. Он стоял с открытой грудью, а намазанная белой глиной борода напоминала длинную сосульку, вздрагивающую при каждом слове.

– Старый царь умер, арверны. Тело его будет предано огню, хотя дела и имя сохранятся в нашей памяти и на наших устах до конца дней. Он был большим человеком, арверны. Его стада были тучны, а рука до смертного часа твердо сжимала меч. Семя его дало жизнь многим сыновьям, а многочисленные жены в горе рвут на себе волосы. Увы, мы не увидим его больше.

Жрец обвел глазами заполнивших храм соплеменников. Ночь выдалась печальной и тяжелой. Царь был его другом, больше двадцати лет прислушивался к советам. А когда старость и слабость начали одолевать, именно к нему пришел он за помощью. Кто из сыновей обладает силой, чтобы провести народ через трудности и лишения? Самый младший, Брай, еще мальчик, а старший, Мадок, – пустой хвостун, слишком слабый, чтобы стать царем.

Жрец взглянул в глаза Цингето, который стоял рядом с братьями на темном мраморном полу. У этого воина достанет силы воли и решимости, чтобы возглавить племя, но его буйный нрав известен всем. Еще в юности он убил на поединках троих, и старый жрец

мечтал, чтобы прошло еще хотя бы несколько лет и молодой человек немного остепенился.

Однако слова должны были прозвучать, а потому старец вздохнул и заговорил снова:

– Кто из вас примет корону из моих рук? Кто заслужил право вести вперед племя арвернов?

Трое братьев переглянулись. Брай с улыбкой покачал головой.

– Это не для меня, – произнес он и отступил на шаг.

Цингето и Мадок сверлили друг друга тяжелым взглядом одинаковых голубых глаз. Тишина становилась давящей.

– Старший сын – я, – наконец произнес Мадок. Щеки его покрылись густым румянцем гнева и нетерпения.

– Это так, но ты не тот человек, который нам нужен сейчас, – тихо возразил Цингето. – Тот, кто наденет корону, должен готовиться к войне, в ином случае племя погибнет.

Мадок возмущенно покачал головой. Он был значительно выше брата и при каждом удобном случае подчеркивал это преимущество. Сейчас он навис над Цингето, пытаясь унижить его:

– Ты видишь на наших землях вражеские отряды? Так покажи их мне. Скажи, где именно они стоят.

Слова звучали резко и презрительно, но Цингето слышал их не впервые.

– Враги идут. Сейчас они на севере, но совсем скоро вернутся сюда. Я встречался с их вождем. Совершенно ясно, что он не даст нам спокойно жить так, как мы привыкли. Его сборщики податей уже ограбили племя сенонов и продали в рабство тысячи людей. Они не нашли достаточно сил, чтобы остановить его, и теперь женщины рыдают в пустых, бесплодных полях. Ему необходимо противостоять, а ты не тот человек, который способен на это.

Мадок презрительно сощурился:

– Это всего лишь сеноны, брат. А мы, арверны, совсем другие. Мы сильны и смелы, так что если придет враг, сумеем сразить его.

– Неужели ты не способен заглянуть дальше? – резко возразил Цингето. – Ты слеп так же, как были слепы сеноны. Лишь я способен превратить арвернов в факел и осветить соседним племенам путь в ночи. Я поведу свой народ против этих римлян и заставлю их покинуть Галлию. Мы не можем больше жить и сражаться поодиночке.

– Но ты слишком испуган, братишка, чтобы быть царем. – Улыбка Мадока напоминала звериный оскал.

Цингето размахнулся и дал брату такую пощечину, что тот невольно отшатнулся.

– Я не позволю погубить свой народ. Если ты не подчинишься, я силой захвачу корону.

Мадок провел языком по разбитым, окровавленным губам. Глаза стали ледяными.

– Твой выбор, братишка. И огонь, и боги – свидетели. Пусть они и решают...

Братья посмотрели на жреца, и тот кивнул:

– Принесите железо. Огонь разрешит спор.

Старец обратился к богам с молитвой, чтобы они дали мужество тому из братьев, кто действительно сможет повести арвернов через мрак грядущего.

Юлий тяжело дышал. Перевал оказался крут, а потому полководец вел коня в поводу. Высокогорный воздух не давал дышать полной грудью, а ледяной холод обжигал легкие даже самых закаленных и крепких воинов. А ведь внизу, в долинах, всюду цвела весна... Юлий поискал глазами Брута. Некогда полный сил центурион сейчас отстал; после тяжелых ран он поправлялся настолько медленно, что полководец даже хотел оставить его там, в долине, позволив присоединиться к Десятому легиону позже, когда позволит здоровье. Но упрямец наотрез отказался от поблажек и шел вместе со всеми, садясь верхом на каждом ровном участке пути.

Едва в Аримине показался покрытый дорожной пылью всадник, Цезарь обрадовался, надеясь услышать новости из Рима. Однако холодная формальность доклада Брута смутила и озадачила. Хотелось встряхнуть этого хромящего воина, который так отрешенно и бесстрастно рассказывал о пережитом. Слушая равнодушный голос, Юлий злился, хотя старался не выдавать собственных чувств. Сервилии рядом не было, и предстояло налаживать отношения самому.

Цезарь мог вспомнить тысячи случаев, когда всего лишь нескольких слов, удачного комплимента, взгляда или кивка оказывалось достаточно, чтобы повести за собой людей. Но пользоваться всей этой безобидной ложью в общении с давним другом

было досадно и горько. Одно дело хлопнуть воина по плечу и увидеть, как тот сразу горделиво выпрямился. Совсем иное – отбросить честность и искренность детской дружбы. Юлий ни разу еще не опускался до таких дешевых приемов. Так что после первого доклада товарищи долго не общались.

Цезарь подумал о Регуле, который терпеливо месил снег рядом. Именно такие, как он, и становятся ядром легиона. Некоторые в трудных условиях военной службы оказывались немногим лучше животных, однако люди, подобные Регулу, никогда не теряли человечности. Они могли помочь женщине, пожалеть и приласкать ребенка, а после этого броситься в битву и отдать жизнь за общее дело. Кое-кто из сенаторов видел в легионерах лишь орудие убийства, не замечая, что это люди, способные в полной мере понять значение Рима. Когда выпадала возможность, легионеры всегда с готовностью отправлялись на выборы, чтобы отдать голос за собственные убеждения. И в то же время они писали письма домой, ругались, мочились на снег. Юлий понимал, почему Марий так любил этих людей.

Вести их за собой было вовсе не легко. Легионеры ждали от своего полководца сытной пищи, теплого ночлега, порядка в жизни. Уважение среди них доставалось огромным трудом, а потерять его можно было за одну лишь минуту трусости или простой нерешительности. Цезарь понимал цену авторитета.

– Ну что, Регул, может быть, бегом? – с трудом переводя дыхание, обратился полководец к воину.

Центурион сдержанно улыбнулся. В Аримине к легионерам вернулась привычка бриться, и Юлий видел, как покраснело и обветрилось лицо товарища.

– Не стоит далеко отрываться от лошадей, командир, – поддержал шутку воин.

Цезарь похлопал достойного соратника по плечу и взглянул на горы. Царственная, величавая красота поражала. Снежные вершины ослепительно сияли на солнце. Юлий посмотрел вниз: там отчаянно боролся с подъемом Брут, стараясь не потерять из виду товарищей.

Регул заметил, что военачальник задумчиво наблюдает за другом:

– Может быть, мне вернуться и помочь? Он хромает сильнее, чем прежде.

– Хорошо, действуй. Скажи, что я вызываю его на состязание: кто быстрее придет в Галлию. Он поймет.

Длинные железные прутья докрасна раскалили на огне. Мадок и Цингето разделись по пояс и теперь стояли возле жаровни, обливаясь потом. Люди собрались в храме, чтобы своими глазами увидеть столь редкую церемонию. Никто не проявлял страха, и все спокойно смотрели, как жрец проводит рукой над железом, проверяя его готовность. Температура считалась достаточной лишь тогда, когда волосы на руке начинали сворачиваться от жара.

Наконец, решив, что все готово, старец повернулся к братьям. Грудь у обоих выглядела гораздо бледнее, чем руки и лица. Мадок унаследовал бычью стать отца. Цингето выглядел не таким огромным, однако силой природа не обделила и его.

Жрец обратился к соплеменникам:

– Царь должен обладать силой, но ему также надлежит быть решительным и смелым. Людям свойственно чувство страха, однако вождь должен уметь подавить его.

Жрец замолчал, позволяя словам ритуала проникнуть в сознание людей. Когда-то старый учитель наказывал за невыразительную речь длинной палкой. Тогда метод казался обидным, но теперь он и сам применял его к ученикам в храме. Ведь слова имели огромное значение.

– По праву крови эти люди выбрали испытание огнем. Один из них наденет царскую корону, а другой окажется изгнанным из страны арвернов. Таков закон – другого не дано. И все же тот, кто поведет всех нас вперед, должен обладать умом столь же острым, как и его меч. Должен быть не только храбр, но и умен. Боги говорят, что сегодня перед нами стоит такой человек.

Братья молча, неподвижно слушали слова мудреца, готовясь к тому, что должно было произойти. Жрец схватил первый из железных прутьев и вытащил его из огня. Даже темный конец оказался настолько горячим, что рука напряглась.

– Первый предназначен старшему, – произнес старец, сосредоточенно глядя на раскаленный конец прута.

Мадок протянул руку и сжал раскаленное железо. Он взглянул на брата горящими злобой глазами.

– Ну что же, посмотрим, кого из нас благословят боги, – прошептал он.

Цингето молчал, обливаясь потом. Мадок подносил раскаленный прут все ближе и ближе к груди брата. Вот уже загорелись волосы на груди, и по храму разнесся характерный острый запах. Старший брат коснулся железом кожи младшего, а потом с силой вдавил его в тело.

Цингето против воли с шумом выдохнул. Каждый мускул на его теле отчаянно напрягся, но он не издал ни звука. Мадок с жестоким удовольствием терзал брата до тех пор, пока железо не остыло и не потемнело. Цингето стерпел пытку, а лицо Мадока снова замкнулось. Он положил прут обратно в жаровню.

Цингето взглянул на страшный коричневый рубец, сочившийся бледной жидкостью. Глубоким вздохом он вернул себе самообладание. Так и не произнеся ни слова, вытащил из огня второй прут. Мадок задыхался чаще и громче.

Наконец огненный металл коснулся кожи старшего из братьев. Не выдержав, он в ярости выхватил из огня еще один кусок железа. Жрец укоризненно дотронулся до его руки, и Мадок отбросил прут. От напряжения и страха дыхание с громким свистом вырывалось из груди.

Испытание огнем только начиналось.

К концу второго дня пути через горный перевал неровная каменистая тропа начала спускаться в страну галлов. Цезарь остановился и прислонился к скале. Подняв голову, он взглянул на пройденный путь, не веря, что самое трудное осталось за спиной. Легионеры выбились из сил, все мысли сосредоточились на еде и сне. Юлий же удивлялся ясности собственного зрения. Ветер и крайнее изнеможение будто обострили восприятие. Впереди, у его ног, прекрасная Галлия расстилалась пышным ковром насыщенного зеленого цвета. Снизу поднимался густой, душистый, теплый воздух, и легкие работали, словно кузнечные мехи, стараясь восполнить недополученное на высоте. При виде такой красоты хотелось жить, дышать и кричать!

Бруту путь через горный перевал показался нескончаемым. Большая нога не выдерживала веса тела, и, если бы не верный конь, на которого центурион опирался, он давно бы упал. Легион отдыхал,

а Брут в сопровождении Регула пробирался к первым рядам колонны. Юлий слышал, как расслабившиеся воины приветствовали героя, поддерживая его шутками и напутствиями. Он с улыбкой повернулся, глядя, как отставшие отшучиваются, медленно, но верно пробираясь среди тех, кто уже успел расположиться на отдых. Военное братство и чувство локтя неизменно трогали полководца до слез. Вот и сейчас он почти с умилением наблюдал за всеобщим благодушием и дружеской атмосферой привала.

Цезарь снова взглянул на долгожданную Галлию. Отсюда, сверху, она выглядела обманчиво мирной и безмятежной, словно приглашая ступить на щедрую землю. Когда-нибудь путешественник, преодолевший перевал, увидит города столь же пышные и большие, как Рим. Вдали простиралось море, которое манило и обещало несметные богатства. Юлий видел флот, способный вместить и Десятый, и Третий легионы. Племена будут платить налоги золотом. Это золото поможет увидеть, что же все-таки скрывается за далекими, покрытыми туманом белыми скалами. Да, именно ему, Юлию Цезарю, предстоит раздвинуть границы Рима до самого края света, до тех далеких земель, куда не дошел даже Александр Великий.

Подошел Брут. Взглянув на друга, Юлий увидел, что под глазами у него залегли темные тени, – переход достался центуриону нелегко. Но настроение явно улучшилось. Холодность и отдаленность, с которыми он вернулся из Рима, исчезли, и Брут стал похож на самого себя. Взгляды воинов встретились, и Цезарь кивнул в сторону раскинувшейся внизу страны:

– Тебе приходилось видеть что-нибудь более прекрасное?

Брут взял из рук Регула флягу с водой и поднес к воспаленным, пересохшим губам.

– Так мы соревнуемся или нет? Ждать тебя я не собираюсь.

Прихрамывая, он начал спускаться по неровной извилистой тропе. Юлий следил за другом взглядом, не в силах скрыть искреннего восхищения его мужеством и стойкостью. Регул взглянул на командира, не зная, идти ли следом за центурионом или остаться на привале.

– Не оставляй его, иди, – посоветовал Цезарь. – Мы тоже скоро отправимся.

В храме стоял нестерпимый запах паленой плоти. Братья истекали кровью. На груди у обоих уже не осталось живого места, ведь они по очереди терзали друг друга раскаленными железными прутьями. Каждый уже вынес одиннадцать попыток. Цингето, не в силах совладать с собой, изо всех сил стиснул зубы и сжал кулаки, ожидая двенадцатой. Он неотрывно сверлил брата взглядом. Испытание касалось не только тел, но и душ. Закончиться оно могло лишь после того, как один из братьев отказался бы терзать второго раскаленным железом. Каждый новый ожог означал, что за ним непременно последует ответный. Братья понимали это, и сознание собственной жестокости давило обоих не меньше, чем отчаянная боль.

Мадок крепко сжал холодный конец прута, но остановился в нерешительности. Если он сейчас поднесет железо к груди младшего брата, то через несколько минут сам должен будет вынести эту муку. Силы покидали его, хотя стремление покорить Цингето не ослабло.

Испытание тянулось бесконечно. Единственным утешением оставалась мысль о неминуемых, равных по силе мучениях соперника. Решимость таяла, унося с собой и выдержку. Цингето видел сомнения брата, и в душе его зародился слабый лучик надежды. Что останавливает его – страх ответной боли или нечто иное?

– О боги, дайте мне силы, – шепотом взмолился Мадок, и Цингето едва удержался от крика, увидев раскаленный докрасна конец прута.

Мадок поднял страшное орудие, и брат, с ужасом ожидая неминуемую острую боль, зажмурился. Страшной была не только боль. После нее предстояло решать, продолжить испытание или отказаться от него. Исход схватки определяла сила воли, а не боль. В этот момент Цингето в полной мере понял смысл испытания.

Громкий стук разнесся под сводами храма, и Цингето изумленно открыл глаза. Мадок бросил раскаленный железный прут обратно в жаровню и теперь стоял перед соперником, опустив руки и сморщившись от боли.

– Достаточно, братишка, – прохрипел он и покачнулся.

Цингето протянул руку, чтобы поддержать старшего брата, и едва не вскрикнул от острой боли, ведь на груди уже не было живого места.

Соперники повернулись к жрецу, и старец ответил на напряженные взгляды улыбкой. Он уже обдумывал, что именно запишет в хронику племени – ту толстую рукописную книгу, которая

передавалась от одного служителя храма другому. Да, царевичи арвернов выдержали по одиннадцать раскаленных железных пруты! До этого дальше девяти не заходил еще никто, и даже великий Альпейн триста лет назад пришел к власти всего лишь после семи попыток. Знак казался добрым, и на душе жреца стало немного светлее.

– Одному из братьев предстоит стать царем, а второму придется уйти, – напомнил старец древнее правило.

Он подошел к Цингето, водрузил на голову нового вождя золотую корону, а в руку дал тяжелый золотой посох.

– Нет, – возразил Цингето. – После всего, что произошло сегодня, я не хочу потерять брата. согласишься ли ты остаться и сражаться с врагами рядом со мной? Мне очень нужна твоя помощь и поддержка.

Жрец в ужасе смотрел на царя.

– Но древний закон... – начал было он.

Цингето, преодолевая мучительную боль, которая едва не лишала сознания, поднял руку:

– Ты очень нужен мне, Мадок. Готов ли ты пойти за мной?

Брат с трудом выпрямился, не замечая текущей из ран свежей крови:

– Готов, брат. Располагай мной.

– В таком случае пришло время собирать племена.

Юлия подошла к ступеням сената и остановилась, с содроганием оглядываясь. Площадь представляла мрачное зрелище. В воздухе все еще стоял запах дыма, так что представить недавние события оказалось совсем не трудно. Разрушенное огнем здание сейчас отстраивали, и форум оглашали громкие крики рабочих и стук молотков.

Клодия нерешительно топталась рядом; при виде городской суеты добрая старушка явно нервничала:

– Детка, ходить по городу опасно даже сейчас. Ты же знала, что площадь разрушена, и все-таки настояла на своем.

Юлия взглянула на нянюшку с изрядной долей раздражения:

– Разве ты не видишь легионеров? Брут сказал, что Помпей твердо держит город в руках. Он полностью погрузился во встречи и выступления, а обо мне, судя по всему, и не вспоминает.

– Не говори чепуху, девочка. Не будет же он, словно мальчишка, торчать у тебя под окном. Положение обязывает.

– И все же если мужчина надеется уложить меня к себе в постель, то должен проявлять хоть какой-то интерес. Разве не так?

Клодия оглянулась, чтобы убедиться, что никто в толпе не подслушивает их разговор:

– Вовсе не подходящая тема для молодой девушки! Если бы твоя матушка услышала такие безрассудные слова, она пришла бы в ужас!

Нянюшка укоризненно схватила питомицу за руку.

Юлия сморщилась и вырвала руку, обрадовавшись поводу досадить опекунке:

– То есть, конечно, если он еще не слишком стар для подобных дел. Как ты думаешь, он сохранил силу?

– Сейчас же прекрати, негодница, а не то получишь по заслугам, – зашипела Клодия.

Юлия пожала плечами, вспомнив жаркие объятия Брута, его молодое сильное тело. Она, конечно, ни слова не сказала Клодии о ночи, проведенной в темноте и тепле конюшни. Девичий страх испарился быстро, вместе с негромким вскриком. Брут оказался нежен и сумел разбудить в юной красавице сладострастие, которое, несомненно, понравится Помпею, когда он сделает красивую юную женщину своей супругой.

Неожиданно за спиной послышался мужской голос, и Юлия виновато вздрогнула, словно кто-то мог услышать ее мысли.

– Вы, случайно, не заблудились? Здесь, возле старых ступеней, стоять неуютно.

Не успела Юлия ответить, как Клодия склонилась в почтительном реверансе. Подобной проворности нянюшки оказалось достаточно, чтобы девушка посмотрела на говорившего внимательнее. Богатая тога выдавала принадлежность к высшему классу, хотя одной лишь уверенной и благородной осанки оказалось бы вполне достаточно, чтобы это определить. Волосы мужчины были тщательно уложены и умащены. Он с благосклонной улыбкой смотрел на девушку, явно по достоинству оценив прелести ее фигуры.

– Мы задержались всего лишь на секунду, – быстро нашлась Клодия. – А вообще-то, торопимся на встречу с друзьями.

Юлия нахмурилась: нянюшка снова цепко схватила ее за руку.

– Какая жалость, – заметил моложавый мужчина, продолжая обшаривать глазами хорошенькую молодую особу. Юлия покраснела и почему-то пожалела, что оделась для поездки в город слишком просто. – Может быть, ваши друзья не откажутся подождать? У меня здесь неподалеку дом, где вы смогли бы освежиться, отдохнуть и подкрепиться. Если нет пристанища, прогулки по городу очень утомительны.

Говоря это, мужчина коснулся висящего на поясе толстого кошелька, и тот отозвался красноречивым звоном монет. Клодия снова потянула воспитанницу прочь, однако та сопротивлялась, не желая оставлять безнаказанной игривую наглость незнакомца.

– Но ты даже не представился, – заметила она и лучезарно улыбнулась.

Проявление интереса явно польстило незнакомцу.

– Светоний Пранд. Видишь ли, милочка, я сенатор, но, к счастью, не каждый день до отказа занят работой.

– Я... я, кажется, слышала это имя, – медленно произнесла Юлия, хотя оно не слишком многое ей говорило.

Светоний кивнул так, словно не сомневался в собственной известности. А увлеченная беседой девушка даже не заметила, как Клодия побледнела.

– Тебя будет ждать будущий муж, – подчеркнуто произнесла нянюшка.

Ей удалось увести подопечную на несколько шагов в сторону, однако Светоний шел рядом, явно не желая упускать добычу. Взяв Клодию под локоть, он заставил женщин остановиться.

– Но мы просто разговариваем. В этом нет никакого вреда.

Он снова зазвенел монетами, и от столь примитивного маневра Юлия едва не рассмеялась вслух.

– Так ты собираешься купить мое внимание и расположение, Светоний Пранд? – со скрытой иронией поинтересовалась она.

Прямота девушки огорошила повесу. Однако он принял игру и подмигнул.

– Может быть, твой муж не будет возражать? – приторным голосом уточнил он, подойдя почти вплотную.

Выражение холодных глаз мгновенно изменило настроение Юлии, и она нахмурилась:

– Помпей еще не стал моим мужем, Светоний. Возможно, он действительно не будет возражать, если я проведу несколько часов в твоём обществе. Что ты на это скажешь?

Светоний не сразу осознал смысл услышанного. Но как только понял, с кем имеет дело, сразу изменил тактику.

– Я хорошо знаком с твоим отцом, девочка, – едва слышно, почти про себя, пробормотал он.

Юлия тоже начала вспоминать, что подсказывало когда-то слышанное имя:

– Мне не случайно показалось, что я о тебе слышала. Это действительно так!

Неожиданно она разразилась звонким смехом, а Светоний покраснел от бессильного гнева, хотя и не осмелился произнести в ответ ни слова.

– Да-да, отец рассказывал о тебе самые удивительные истории. Тебе и самому следовало бы их услышать, правда! – Девушка повернулась к Клодии, словно не замечая умоляющих глаз доброй женщины. – Однажды он запихнул тебя в какую-то яму, правда ведь? Прекрасно помню, как отец сам говорил об этом с Клодией. Чрезвычайно забавно!

Светоний постарался улыбнуться, однако улыбка получилась жалкой, вымученной.

– В ту пору мы оба были очень молоды. До свидания.

– Как, уже уходишь? А я-то надеялась славно попить в твоём доме!

– Лучше в другой раз, – отрезал молодой сенатор.

Подойдя поближе, Юлия увидела в его глазах истинную злобу.

– Осторожнее на улицах, сенатор, – почти шепотом посоветовала она. – Воры могут слышать звон монет. Ведь я-то расслышала.

Девушка постаралась выглядеть как можно серьезнее, а Светоний сгорал от унижения и бессильной злобы.

– Как только увидишь свою матушку, передай ей от меня большой привет, – облизав нижнюю губу, многозначительно произнес молодой римлянин. Взгляд его был отвратительно тяжелым.

– Она умерла, – коротко ответила девушка, жалея, что вообще затеяла весь этот разговор.

– Ах да. Страшное несчастье, – подержал Светоний, но жестокая улыбка придала словам противоположный смысл.

Едва кивнув, он деревянной походкой пошел прочь, оставив наконец Юлию в покое.

Та взглянула на Клодию и с притворным удивлением подняла брови.

– По-моему, разговор не слишком ему понравился, – заметила она. Жизнерадостность постепенно брала свое.

– Ты сама ставишь себя в опасное положение, – резко отчитала воспитанницу Клодия. – Чем скорее станешь женой Помпея, тем лучше! Надеюсь, он быстро найдет способ держать тебя в руках! Может быть, не поскупится и на побои!

Юлия склонилась и заглянула нянюшке в глаза:

– Он не осмелится. Отец тут же сдерет с него шкуру.

Клодия вышла из себя и отвесила непослушной девчонке пощечину. Та от неожиданности схватилась за щеку. Старушка же нисколько не раскаялась:

– Жизнь куда жестче, чем тебе представляется, негодница! Скоро сама узнаешь!

Царь арвернов плотно закрыл дверь зала – дул сильный ветер, порывы его с отчаянным завыванием намели у порога целый сугроб.

В зале собрались старейшины самых древних галльских племен. Здесь были сеноны, карнеты, пиктоны, редоны и множество других. Некоторые уже стали вассалами Рима, прочие же сохранили лишь жалкую часть той силы, которой обладали прежде. Воины были давно проданы в рабство, а скот угнан легионерами и забит. Вождь эдуев Мхорбэйн отказался приехать на сбор, но все остальные ожидали помощи и поддержки в борьбе за свободу. В царя арвернов они видели лидера и защитника. Соединенными усилиями галльские племена вполне могли бы собрать армию, способную победить римлян и избавиться землю от их владычества. Решимость вождей определенно читалась на их лицах. Глядя на союзников, Цингето забыл о зимнем холоде.

– Примете ли вы мое командование? – негромко спросил он, хотя не сомневался в положительном ответе. Ведь иначе зачем они ехали сюда, преодолевая бездорожье и зимний холод?

Вожди по очереди, не спеша, торжественно поднимались и заявляли о своей поддержке, обещали и воинскую силу. Мало кто испытывал к царю арвернов симпатию, однако годы военных действий доказали его правоту. Поодиночке племенам не выжить, но в союзе, под руководством верховного царя, они вполне могли вышвырнуть завоевателей с родной земли. Цингето взял на себя роль лидера, и все остальные, не видя иного выхода, согласились подчиниться.

– Сейчас я приказываю вам выжидать и готовиться к жестокой схватке. Куйте мечи и доспехи. Готовьте для долгого хранения каждую тушу, которую забивают сородичи. Нельзя повторять ошибок прошлых лет и тратить силы на бесполезные битвы. Когда придет время выступать, мы выйдем единой силой. А произойдет это в минуту слабости римлян. Тогда они поймут, что отобрать Галлию у ее народов не удастся. Скажите своим воинам, что им предстоит встать под знамена верховного царя и объединиться, как они объединялись тысячу лет назад, когда ничто в мире не могло нам противостоять. История показывает, что некогда мы были одним могучим народом, непобедимыми всадниками гор. Общий язык – свидетельство былого братства и единства.

Царь возвышался среди подданных во всем величии и могуществе. Вожди не выдерживали его свирепого огненного взгляда и опускали глаза. Рядом с Цингето стоял Мадок. Не зря он отдал младшему брату корону отца. Слова царя затрагивали самые сокровенные струны в душах людей, и предводители племен с радостью думали о возможности воссоединения древних братских народов.

– С этого дня прекратятся все распри. Ни один из галлов не убьет больше ни соплеменника, ни соседа. Каждый меч, каждая стрела должны противостоять врагу, а не лишать жизни брата. При малейшем несогласии действуйте моим именем, – спокойно наставлял Цингето. – Говорите всем, что Верцингеторикс призывает к оружию.

Глава 39

Цезарь стоял у высокого борта галеры. Перед глазами все выше вырастали белые скалы. Они постепенно выступали из дымки, и сердце полководца нетерпеливо билось в предвкушении

неизведанного. Первая экспедиция закончилась катастрофой, и он постарался учесть все ее уроки и исправить ошибки. Флот, который сейчас вспенивал воды пролива, в сотни раз превосходил тот, первый, по количеству кораблей. Стоил он вовсе не дешево и потребовал всего захваченного в Галлии богатства. Чтобы прорваться сквозь морскую стихию, Цезарь пожертвовал всеми имевшимися в его распоряжении резервами, и белые скалы бриттов на этот раз не должны были устоять. Допустить второго провала он просто не мог.

Разве можно забыть, как покраснела от крови вода, когда корабли разбивались о неприступные, жестокие скалы? Потом налетели безжалостные воины с синими лицами. Не давая римлянам выйти на берег, они уничтожали тех, кому удалось уцелеть.

Юлий еще крепче сжал деревянный борт. Тяжело вспоминать, как доблестный Десятый легион пробивал себе путь сквозь ревуций, бушующий мрак. Сколько прекрасных воинов осталось плавать лицом вниз! Их терзали волны, спины клевали морские птицы. В те три страшные недели природа отвернулась от римлян. Каждый день сплошной стеной лил дождь, холод и ветер не позволяли ни обогреться, ни обсушиться. Те, кому удалось уцелеть во время кровавого знакомства с новой землей, оказались на грани отчаяния. Полководцу никогда еще не приходилось видеть воинов в столь бедственном положении. Тревога лишь усиливалась из-за того, что никто не знал, уцелел ли в жестоком шторме хоть один из кораблей. Цезарь скрывал собственные чувства, но в душе искренне приветствовал каждую выплывающую из тумана галеру.

Легионеры храбро сражались против населявших эти края варваров, однако Цезарь прекрасно понимал, что без поддержки флота, снабжающего армию всем необходимым, ему не обойтись. Полководец принял капитуляцию Коммия, главного вождя местных жителей, но мысли его уже сосредоточились на будущей весне.

Уроки, полученные на негостеприимном берегу, не могли пропасть даром. На каждом из судов раздавались крики помощников капитанов; они командовали гребцами. Нос галеры то поднимался, то вновь оседал в морскую пучину, обдавая полководца дождем брызг. Юлий слегка подался вперед, пытаясь разглядеть на берегу готовых к бою воинов. На этот раз отступление невозможно.

Корабли бороздили море и справа и слева. На сколько хватал глаз, они вспенивали волны холодного, туманного пролива. Сотни галер – купленных, построенных, нанятых, взятых взаймы – несли к острову пять вооруженных легионов. В сооруженных на палубах стойлах качались две тысячи лошадей; им предстояло смести сопротивление синелицых, ярко раскрашенных дикарей.

Даже предполагая, что предстоит увидеть, Цезарь не смог сдержать дрожи: на скалах появилась цепь вооруженных людей. Он взял себя в руки и окинул их презрительным взглядом. Пусть смотрят, как к берегу их острова подходит величайший и самый мощный в истории человечества флот. Пусть любуются.

На сей раз море оказалось милостиво к римлянам, и волны вовсе не плясали в бешеной ярости, как это было год назад. В самый разгар лета тяжелые галеры лишь слегка покачивались от ветра. Вскоре по всей линии послышался сигнал горнов. На воду спустили лодки, и Десятый легион пересел в них первым.

Юлий спрыгнул на песок, едва веря, что это тот же самый берег, который он видел в прошлом году. Воины втащили лодки как можно дальше на гальку, чтобы их не унесло во время шторма. Вокруг царили оживление и хорошо знакомая деловая суета. Звучали приказы, выгружалось оружие, росли горы мешков с припасами. Выгрузившись и заняв оборону, Десятый просигналил следующему легиону, передавая ему эстафету. Юлий внезапно ощутил неприятную сырость прилипшего к телу плаща. Море! Полководец подошел к самой воде и внимательно взглянул на бесчисленное множество приближающихся лодок. Наверное, коварные бритты сейчас тоже не отрывают глаз от картины вторжения.

Конечно, высадка огромной армии не могла пройти без ошибок и даже ран. Одна из лодок с такой силой накренилась, когда воины начали выпрыгивать и вылезать из нее без должного порядка, что бортом перебило ногу десятнику. В море попало немало тюков с припасами и даже копий, причем рассерженные командиры заставляли нерадивых солдат прыгать за ними в воду.

Однорукий Рений, перелезая через высокий борт лодки, поскользнулся и скрылся под водой. К счастью, товарищи дружно бросились ему на помощь. Крепкими руками они подхватили рычащего от досады на собственную неловкость любимого учителя.

Высадка на берег целой армии без единого несчастного случая сама по себе могла считаться подвигом. Дело продвигалось медленно, но, когда солнце скрылось за горизонтом, Десятый легион уже соорудил ограждение первого на новой земле римского лагеря. Хотя он и оставался уязвимым, тем не менее преградил врагам путь к берегу.

Однако никаких следов тех самых племен, которые всего лишь год назад так яростно защищали свою землю, заметно не было. Бритты наблюдали за высадкой завоевателей, но сами больше так и не показались. Юлий улыбнулся, представив царивший в деревнях ужас. Куда делся царь южных холмов, Коммий? Опытный полководец, Цезарь ясно представлял, какие чувства теснились в душе вождя, когда он впервые увидел вражеские легионы и отправил своих раскрашенных воинов на побережье, велел во что бы то ни стало остановить наступление. Юлий с содроганием вспомнил сражавшихся вместе с людьми огромных собак. Злые, преданные хозяевам, эти животные к тому же были на редкость живучими: даже получив дюжину ран, они все еще боролись. Но и боевые псы не смогли сломить дух ветеранов Галлии.

Коммий сдался после того, как легионеры с боем миновали дюны и поднялись к прибрежным лугам, по дороге безжалостно уничтожая врагов. Вождь сумел сохранить достоинство и явился в разбитый на берегу римский лагерь, чтобы отдать победителю свой меч. Часовые хотели было остановить его, однако Цезарь со стремительно бьющимся сердцем сам встретил достойного противника.

Он до сих пор помнил то трепетное чувство, с которым впервые в жизни разговаривал с людьми, известными в Риме лишь по легендам. Самое удивительное, что, несмотря на свой дикий вид и безумную воинственность, таинственные люди прекрасно понимали галльский язык, с таким трудом давшийся римскому полководцу.

– Там, за морем, рыбаки называют вас «претани», что означает «разрисованные голубой краской», – проговорил Цезарь, взвешивая в руке тяжелый царский меч. – А какое имя есть у вас для них?

Вождь, лицо которого тоже было выкрашено в голубой цвет, взглянул на своих спутников и пожал плечами.

– Мы редко о них думаем, – ответил он.

Воспоминание показалось Юлию забавным, и он усмехнулся. Оставалось лишь надеяться, что Коммий благополучно пережил год.

Захватив побережье, Цезарь выдвинул в поддержку Десятого легиона Третий галльский. Марк Антоний со своим войском также увеличил численность удерживающих позиции римлян. Каждая из когорт прикрывала следующую, и так войско постепенно продвигалось все дальше от берега. С наступлением ночи корабли отошли на глубину, опасаясь неприятных неожиданностей, а легионеры занялись строительством укреплений.

Проведя в Галлии несколько лет и набравшись опыта, воины выполняли знакомую работу спокойно и уверенно. Фланги позиций надежно охранялись конницей. В случае опасности опытные всадники были готовы поднять тревогу и защищать товарищей, давая им возможность вооружиться и построиться в боевом порядке. Скоро на берегу выросли земляные, укрепленные частоколом стены. Опыт и практика позволили возвести их очень быстро, так что, когда звезды и луна подошли к полуночи, римские воины уже могли спокойно отдыхать и готовиться к предстоящим подвигам, не опасаясь вражеских набегов.

Когда приготовили ужин и проголодавшиеся легионеры собрались вокруг костров, полководец созвал военный совет. Сам он с благодарностью принял полную миску жаркого с овощами и с удовольствием вдохнул ароматный пар. Легионеры внимательно наблюдали, как полководец отведал угощение, а потом и сами с удовольствием принялись за еду. Цезарь же неторопливо расхаживал между кострами, беседуя с боевыми товарищами.

Бериций остался в Галлии. На его плечи легла большая ответственность – защищать огромную территорию силами всего лишь одного легиона. Конечно, командир из Аримина обладал немалым боевым опытом и умел беречь воинов. Однако Брут выступал против такого решения: ему казалось, что для поддержания порядка в Галлии необходимы более значительные силы. Цезарь внимательно выслушал бурные протесты друга, однако не изменил планов. Во время первого наступления на остров Брут не участвовал в тяжелом сражении, так как шторм отбросил его галеру далеко от берега. Поэтому он не мог понять стремление Цезаря нанести решающий удар по страным и отважным варварам с голубыми лицами. Он не видел красной от крови воды и вместе с остальными не отступал в ужасе от жестоких врагов и их кровожадных псов.

Цезарь дал себе клятву, что в этом году бритты по доброй воле склонят перед ним голову или же будут разбиты. Теперь в его распоряжении большое войско и огромный флот. Он приобрел опыт, а воли, решимости и отваги ему не занимать. Сейчас, войдя в освещенную факелами командирскую палатку, полководец поставил миску с едой на стол, чтобы горячее жаркое остыло. Внутреннее напряжение напрочь лишало аппетита. Рим казался далеким, словно мечта, и иногда Юлий лишь удивленно качал головой, думая о том огромном расстоянии, которое отделяет его от родины. Как ему не хватало Мария и отца! Будь они рядом, никакие дальние края не испугали бы Цезаря... И в то же время Марий смог бы понять гордость полководца, ведь он сам далеко проникал вглубь Африки.

Члены военного совета не спеша, небольшими группами входили в палатку. Юлий приветствовал каждого серьезно и уважительно. Он велел принести всем ужин и спокойно ждал окончания трапезы. Заложив руки за спину, он стоял у входа в палатку и смотрел на темное звездное небо. После первого похода появились карты острова. Несмотря на неточность и примитивность, они надежно показывали направление, и теперь разведчикам предстояло с их помощью определить ту силу, которая противостояла легионам. Цезарь с нетерпением ждал рассвета.

Новость о появлении флота быстро облетела остров. Как только стало известно о численности войска противника и размахе планов римского полководца, Коммий отбросил все прежние планы защиты родного берега. Трудно было сомневаться в намерениях пришельцев, а противостоять им казалось невозможно. Сейчас они продвинулись уже на двенадцать миль вглубь острова, и Коммий разослал посыльных во все соседние племена. Он призвал ценоманов и анкалитов. Потребовал прихода сегонтиаков и биброков, и те из страха подчинились. Никому еще не приходилось противостоять такому грозному врагу, зато все бритты знали, сколько тринобантов погибло год назад в борьбе со значительно меньшими силами римлян.

Первая ночь прошла в жарких спорах: Коммий пытался спасти жизни соплеменников.

– Вы же не смогли противостоять год назад! – горячо убеждал он вождей. – Всего лишь несколько тысяч пришельцев разбили нас! А с

той армией, которую они собрали сейчас, у нас просто нет выбора. Мы должны терпеть завоевателей так же, как терпим суровые зимы. Это единственный способ выжить и сохранить жизнь соплеменников.

Лица собравшихся предводителей вспыхнули гневом. Первым поднялся вождь анкалитов Беран. Коммий заранее знал, что скажет этот упрямый и драчливый человек, а потому напрягся, словно пружина.

– Катувеллауны говорят, что будут сражаться. Каждого, кто придет к их царю с предложением помощи, они готовы принять как брата по оружию. Как бы то ни было, это гораздо лучше, чем лежать и ждать, пока всех перебьют поодиночке.

Коммий вздохнул. Он знал о предложении молодого царя Кассивеллауна, но его безрассудство вызывало лишь отвращение. Никто из присутствующих будто не понимал истинной опасности появившихся на острове завоевателей. Силы врагов казались бесчисленными, и Коммий сомневался, что сможет отбросить их обратно в море даже в том случае, если каждый из жителей острова возьмет в руки оружие. Царь племени катувеллаунов ослеплен собственным честолюбивым стремлением возглавить племена, но сам Коммий вовсе не разделяет этого безумства. Кассивеллаун поймет истину на собственном горьком опыте, так же как когда-то сам Коммий. В отношении остальных надежда на разумное решение все-таки оставалась.

– Пусть Кассивеллаун соберет племена под своими знаменами. Тогда вы и сами увидите, что силы наши крайне скудны. Вот ты, Беран, сколько сильных мужчин сможешь оторвать от пашни и от стада, чтобы отправить на войну?

Беран задумался, словно пытаясь сосчитать, и наконец пожал плечами:

– Скорее всего, около двенадцати сотен. Но ведь надо оставить людей для охраны женщин, стариков и детей. А это значит, что в войско пойдут не все.

Ежась под непреклонным, суровым взглядом Коммия, каждый из вождей назвал возможное число воинов.

– Так вот, все вместе мы наберем около восьми тысяч вооруженных бойцов. Кассивеллаун располагает тремя тысячами, а соседние с ним племена приведут еще тысяч шесть, если, конечно,

согласятся за ним последовать. Таким образом, наберется примерно семнадцать тысяч. Пришельцев же, по подсчетам моих разведчиков, не меньше двадцати пяти тысяч, если не считать нескольких тысяч всадников.

– Бывало и хуже, – с улыбкой заметил Беран.

Коммий смерил его яростным взглядом:

– Хуже некуда. В битвах на побережье и в полях я потерял три тысячи лучших воинов. Эти пришельцы – сильные и смелые люди, друзья мои, но они не могут править нами из-за моря. Никому еще не удавалось это сделать. А мы должны взять их измором: дождаться, пока зимние холода не прогонят все это войско обратно. К счастью, сейчас они уже хорошо знают, что способны сделать с кораблями бушующие морские волны.

– Уговорить моих людей сложить оружие будет нелегко, – возразил Беран. – Многие захотят присоединиться к катувеллаунам.

– Так пусть присоединяются! – воскликнул Коммий, теряя терпение. – Пусть каждый, кому не дорога жизнь, встает под знамена Кассивеллауна и отправляется в бой! Его войско будет разбито, нечего и сомневаться! – Вождь нервно и сердито потер лоб. – Моя задача – думать о тринобантах, а потому ваше решение не имеет никакого значения. Нас осталось мало, но даже если бы я располагал сильным войском, то все равно решил бы выждать и понаблюдать за ходом битвы. Если Кассивеллаун так стремится к военному лидерству, пусть докажет, что обладает достаточной силой.

Собравшиеся переглянулись, понимая чувства и мысли друг друга. Дух сотрудничества вовсе не был привычным для них, но ведь с тех пор, как рано утром на побережье высадились чужестранцы, вся жизнь пошла кувырком.

И снова заговорил Беран:

– Ты вовсе не трус, Коммий. Вот почему я внимательно слушал твои речи. И решил подождать и посмотреть, как безрассудный Кассивеллаун поведет себя в первых схватках. Если ему удастся оказать непрошеным гостям достойный прием, мои воины с готовностью присоединятся к нему и пройдут весь путь, до самого конца. Я же не хочу стоять в стороне со склоненной головой и смотреть, как убивают моих людей. Терпеть это просто невозможно.

– Но еще страшнее смотреть, как сжигают храмы вместе с людьми, – резко прервал Коммий. Потом задумался и покачал головой. – Ты, конечно, вправе поступать так, как считаешь нужным. Но без тринобантов.

С этими словами Коммий стремительно вышел из низкого, темного зала, оставив вождей в глубокой задумчивости.

Беран, нахмурившись, проводил царя взглядом.

– Он прав? – обратился анкалит к товарищам.

Каждый мысленно задал себе тот же самый вопрос, так что Беран угодил под перекрестный огонь задумчивых и в то же время требовательных взглядов.

– Пусть катувеллауны соберут силы и встретят врагов. Я же отправлю вперед разведчиков. Если они сообщат, что римлян можно разбить, я вступлю в игру.

– Биброки поддержат тебя, – веско пообещал вождь племени.

Его примеру последовали другие оставшиеся в зале вожди, и Беран улыбнулся. Он понимал стремление царя катувеллаунов собрать вокруг себя племена. Ведь присутствующие в зале вожди могли привести на поле боя почти восемь тысяч воинов. Зрелище поистине мощное и великолепное! Такое скопление вооруженных людей трудно даже представить.

Легионы Юлия подходили к построенным на холмах укреплениям тринобантов. Войско римлян продвинулось вглубь острова на двенадцать миль. Уже не было слышно шума волн, не ощущался соленый крепкий бриз. Легионеры с интересом смотрели по сторонам, ведь идти приходилось мимо ухоженных, тучных полей и даже с любовью возделанных виноградников, радовавших красивыми, хотя и кислыми, белыми гроздьями. Вокруг в изобилии росли дикие яблони. Сейчас, в последние дни лета, уже не возникало сомнений в ценности этой удивительной земли. Берег старательно прятал таившиеся в глубине острова богатства, они раскрывались неторопливо, постепенно. И все же глаз полководца скользил по округе в надежде заметить среди цветущего великолепия зияющие темные шрамы рудников. Рим ждал от бриттов олова и золота, и без этой добычи алчность сената осталась бы неудовлетворенной.

Легионы растянулись на многие мили. Между ними неторопливо двигались тяжело нагруженные обозы. Они везли запасы продовольствия на ближайший месяц, инструменты для строительства мостов и переправ, а также для возведения небольших городков. Отважившись на вторую попытку покорения страны белых скал, Цезарь не хотел оставлять шансов слепому случаю. Сейчас он скомандовал горнистам играть приказ к остановке и с гордостью наблюдал, как нескончаемая колонна тут же отреагировала, мгновенно перестроившись из походных рядов в более свободное построение. Полководец удовлетворенно кивнул. Да, Рим должен воевать именно так.

Занимающие вершины холмов укрепления вытянулись длинной полосой. Каждое представляло собой крепкое, надежное сооружение из толстых бревен и массивных камней. Внизу текла та самая река, которую обещали карты, и Цезарь отправил целый отряд водоносов выполнять ответственную задачу: им предстояло обеспечить армию надежным запасом воды. Острой нехватки пока не ощущалось, но опыт Галлии научил полководца заранее заботиться о потребностях людей и не упускать возможности запастись провизией и водой. Здесь, на этой реке, карты заканчивались. Больше того, говорили, что следующая встретится не раньше чем через пятьдесят миль. Ее называли Тамесис, «темная река». Но существовала ли она на самом деле?

Цезарь подозвал Брута и Октавиана. Во главе когорты отборных, самых опытных легионеров Десятого им предстояло подойти к фортам как можно ближе. Пока воины собирались в путь, сквозь расположение колонны пробрался Цирон. Юлий уже издали заметил на лице гиганта волнение и улыбнулся:

– Давай, Цирон, присоединяйся!

Ветеран с готовностью встал в строй. Преданность этого человека до сих пор трогала Юлия до глубины души. Он еще раз взглянул на блестящие доспехи отправляющегося в поход отряда и гордо поднял голову. Полчища бриттов могли появиться в любой момент, но доблестные римские воины всегда готовы отразить атаку. Легионы тоже стояли в боевой готовности, и на лицах воинов отражалась та же уверенность, которая светилась в глазах военачальника.

Наконец отряд начал подниматься по склону, к самому большому и мощному укреплению. Цезарь ехал верхом, любуясь окружающим пейзажем и с наслаждением вдыхая чистый, прозрачный воздух холмов. И в то же время он внимательно осматривал укрепления, пытаясь представить, как будет их штурмовать, если защитники не сдадутся без боя. Толстые стены были сложены на совесть, причем с таким расчетом, что каждый, кто появлялся возле ворот, оказывался легкой мишенью для обстрела сверху. Юлий представил, какие орудия потребуются, чтобы разрушить мощные накаты. Картина была не из приятных. Там, в вышине, появились темные головы защитников, и Цезарь выпрямился в седле, понимая, что за ним внимательно наблюдают и с пристрастием оценивают каждое движение.

Скоро из-за стен послышались крики и звуки рога. Юлий застыл от неожиданности: главные ворота начали медленно открываться. Шагавшие впереди легионеры без приказа приготовили к бою оружие, ведь в любой момент из форта мог вылететь отряд воинственных варваров. Во всяком случае, сам Юлий на их месте поступил бы именно так. Сейчас же ему оставалось лишь крепче сжать поводья и напряженно наблюдать, как все шире разверзается темная пасть укрепления.

Но атаки не последовало, и шумная толпа из ворот не выкатилась. Вместо нее в тени появилась маленькая группа людей. Один из них приветственно поднял руку. Юлий отдал приказ зачехлить мечи, и это сразу ослабило напряжение. Октавиан проехал вперед и повернулся к полководцу:

– Позволь отправиться на разведку. Я зайду внутрь с полусотней воинов. Если там засада, то она тут же раскроется.

Цезарь внимательно взглянул на молодого родственника и с гордостью заметил в его глазах лишь решимость и спокойную уверенность в собственных силах. Если защитники форта действительно планировали засаду, то вошедшие в него первыми подвергались страшной, смертельной опасности. Трезвая, разумная храбрость Октавиана заслуживала всяческого уважения.

– Действуй, – с улыбкой разрешил полководец. – Отправляйся и открой нам пошире ворота.

Командир отдал короткий приказ, и пять первых рядов легионеров бегом бросились вверх по крутому склону. Юлий внимательно

наблюдал за реакцией бриттов и разочарованно заметил, что те продолжали спокойно стоять, не проявив ни малейших признаков страха.

Октавиан прищиприл коня и проехал в арку ворот. Юлий заметил, как сверкнули доспехи храброго воина. Сделав круг по главному двору форта, он повернулся и выехал навстречу своим. К тому времени как подошел весь отряд, Октавиан уже спешил. Быстрого обмена взглядами было вполне достаточно. Цезарь улыбнулся. Предосторожность оказалась излишней, но Галлия преподносила собственные сюрпризы. Бывали случаи, когда не оставалось иного выхода, кроме как атаковать и надеяться на успех, однако такое происходило редко. Юлий обнаружил, что чем тщательнее он планировал операции, тем реже приходилось прибегать к силе и дисциплине собственных воинов.

В тени ворот полководец спешил. Стоявших здесь людей он видел впервые, но среди них был и Коммий. Юлий обнял давнего знакомого – жест, конечно, чисто формальный, рассчитанный на пристальные взгляды окружающих и тех, кто наверняка внимательно наблюдал за происходящим из каждого темного угла. Оба вождя прекрасно понимали, что залогом этой призрачной дружбы оставалась лишь мощь римской армии, но в данном случае это не имело никакого значения.

– Рад видеть тебя здесь, Коммий, – приветствовал Цезарь. – Мои разведчики предполагали, что мы все еще на земле тринобантов, хотя я и сомневался.

Римский полководец говорил на галльском наречии быстро и гладко. Коммий удивленно поднял брови. Юлий же лишь слегка улыбнулся, словно снисходя до собеседника, и продолжал:

– Кто эти люди?

Коммий по очереди представил племенных вождей. Цезарь приветствовал каждого, быстро запомнив все имена и лица. Удивление и растерянность варваров заметно развлекали его.

– Добро пожаловать на землю тринобантов, – наконец торжественно пригласил Коммий. – Если твои люди могут подождать, я прикажу принести еду и напитки. Может быть, пройдем в крепость?

Цезарь внимательно взглянул на гостеприимного хозяина, все еще опасаясь, что подозрения Октавиана могут оправдаться. Но в то же

время он понимал, что подвергается испытанию, и тут же отбросил сомнения.

– Октавиан, Брут... Цирон, за мной! Показывай дорогу, Коммий, но, если можешь, не запирай ворота. Сегодня слишком жарко, не хочется отгораживаться от свежего ветра.

Коммий холодно взглянул на гостя, и Цезарь улыбнулся. Потом обратился к стоящему среди воинов центуриону Регулу:

– Жди меня ровно одну смену караула. Если к концу ее не появлюсь – действуй так, как положено в таких случаях.

Регул угрюмо кивнул, а Цезарь заметил, что Коммий понял его слова, так как лицо вождя внезапно потемнело.

Внутри форт оказался еще больше, чем виделся снизу, от подножия холма. Коммий и остальные бритты провели четырех римлян по просторному двору. На стенах послышалось движение – это воины тринобантов подошли к краю, чтобы посмотреть на вошедших. Однако Цезарь силой воли подавил желание поднять голову и удостовериться в собственной безопасности. Нет, он не хотел даже показать, что заметил движение. Впрочем, Цирон все-таки бросил на стену мимолетный взгляд.

Коммий привел гостей в длинную низкую комнату. Стены ее были сложены из толстых бревен медового цвета. Увидев развешенные повсюду мечи, кинжалы и копья, полководец понял, что попал в зал военного совета. Всю его середину занимал окруженный скамьями стол, а в дальнем углу виднелся алтарь с высеченным в камне изображением. Перед ним вился тонкий серебристый дымок из курильницы.

Коммий сел во главе стола, а Юлий, не задумываясь, прошел к его дальнему концу. Казалось вполне естественным, что римляне и бритты сядут в противоположных углах зала. Наступила тишина. Юлий терпеливо ждал, когда заговорит хозяин. Чувство опасности исчезло. Как и все остальные, Коммий понимал, что, если Цезарь вдруг не выйдет к своим живым и невредимым, легионеры сотрут форт в порошок вместе со всеми его обитателями. Сам же полководец знал, что подобная угроза надежно защитит его от любых посягательств. Но если вдруг случится непредвиденное, у бриттов появится шанс узнать, какими жестокими могут быть римляне. Брут и Октавиан настолько превосходили своим боевым искусством обычных воинов, что их

бойцовские качества казались поистине невероятными. А единственный удар Цирона вполне мог стоить головы любому, кто возник бы на его пути.

Коммий кашлянул:

– Тринобанты не забыли о прошлогоднем соглашении. Ценоманы, анкалиты, биброки и сегонтиаки согласились признать этот договор. Сдержите ли вы свое слово?

– Сдержу, – ответил Цезарь. – Если все эти племена провозгласят себя моими союзниками, я не буду их излишне беспокоить: всего лишь возьму необходимое число заложников и назначу определенную дань. Другие племена тоже поймут, что если согласятся на предлагаемые условия, то бояться им будет нечего. Больше того, перед глазами у них окажется хороший пример.

Говоря это, Цезарь окинул внимательным взглядом всех сидящих за столом, однако бритты ничем не выдали своих чувств. Коммий выглядел спокойным, и Юлий тоже расслабился, откинувшись на спинку кресла и приготовившись к переговорам.

Когда наконец римский полководец снова показался во дворе форта, воины бриттов уже открыто, не таясь, стояли на стене, с интересом наблюдая и за ним самим, и за его свитой. Лица их заметно посветлели. Регул внимательно наблюдал, как Цезарь приветственно поднял руку. Подчиняясь команде, когорта развернулась на месте и направилась вниз по склону холма, к ожидающим легионам. Отсюда, с высоты, можно было в полной мере оценить истинную силу римлян, и Регул улыбнулся, предвкушая легкие победы.

Скоро когорта влилась в основную массу воинов, и Цезарь послал гонца за Марком Антонием. Командир появился лишь через час, и полководец, не желая ждать, отправился ему навстречу, минуя молчаливые, напряженно ожидающие воинские отряды.

– Я отправляюсь на север, но не могу оставить за спиной эти укрепления, – начал полководец, едва Марк Антоний спешился и отсалютовал. – А потому тебе предстоит остаться здесь вместе со своим легионом и принять тех заложников, которых они пришлют. Не провоцируй бриттов на битву, но если они вооружатся, то уничтожай не задумываясь. Приказ понятен?

Марк Антоний взглянул вдаль, на нависающие над римлянами укрепления тринобантов. Ветер заметно усилился, и претор вздрогнул.

Полководец задал нелегкую задачу, однако приказы не обсуждают, а потому воин поднял руку в салюте:

– Понимаю. Выполню.

Скоро римские легионы с громоподобным, сотрясающим землю шумом и стуком сдвинулись с места. Ветер становился все сильнее, с запада напозли темные мрачные облака. К тому времени, когда стены лагеря поднялись на достаточную высоту, ливень уже превратил землю в тяжелое глиняное месиво. Наблюдая, как воины ставят командирскую палатку, Марк Антоний невольно спросил себя, сколько еще ему придется сторожить скрывающихся за стенами сухих и теплых укреплений «союзников».

Той ночью на побережье налетел мощный летний шторм. Сорок римских галер потеряли весла и мачты, а потом и вообще были разбиты мощными ударами о скалы. Множество кораблей сорвались с якорей и безвольно, словно щепки, по воле волн, вылетели в море. Стихия безжалостно трепала и била римский флот. Для корабельных команд эта ночь превратилась в кошмар. Вооружившись шестами, моряки из последних сил толпились вдоль бортов, пытаясь оттолкнуться от налетающих судов. Столкновение грозило неминуемой смертью, и все же избежать их не удавалось: корабли налетали один на другой и разбивались. Сотни отважных моряков погибли и утонули. На заре, когда ветер стих, к усеянному галькой берегу робко подошел совсем другой, потрепанный и обессиленный флот. Глазам моряков предстала страшная картина: множество их товарищей погибло вместе со своими кораблями, выброшенными на берег разбушевавшейся стихией.

Наступило утро, и командиры начали восстанавливать порядок. Галеры связали вместе, а в качестве якорей приспособили тяжелые железные части метательных машин. Десятки лодок оказались смытыми за борт и разбились в щепки, но те, которым удалось уцелеть, все утро без устали шныряли между кораблями, снабжая их команды питьевой водой и инструментами для починки палуб. Темные трюмы трех галер заполнили раненые, и ветер далеко разносил их крики и стоны.

После сытного завтрака капитаны собрались на совет, чтобы обсудить сложившееся положение. Многие настаивали на

немедленном возвращении в Галлию. Те же, кто хорошо знал Цезаря, отказывались даже слушать об этом и решительно заявляли, что без конкретного приказа полководца даже весла в воду не опустят. Споры закончились тем, что далеко вглубь острова направили гонцов, которым предстояло привезти распоряжение. Флот затих в ожидании.

В расположении римских войск первым вестников встретил Марк Антоний. Здесь, в нескольких милях от берега, буря потеряла свою страшную силу, так что legionерам досталась лишь заурядная, хотя и мешавшая спать гроза. Претор с ужасом прочитал донесение о причиненных штормом потерях. Мысли разбегались, сосредоточиться никак не удавалось. Цезарь не ожидал еще одного грозного шторма, способного лишить римлян главного преимущества – флота. Но в нынешних условиях он наверняка отдал бы подобный приказ. Ведь никак нельзя было оставить галеры на произвол судьбы и позволить непогоде постепенно, один за другим, уничтожить корабли.

Марк Антоний открыл было рот, чтобы отдать приказ о возвращении в Галлию, но испугался возможного гнева полководца и остановился, задумавшись.

Постепенно оформилась идея.

– В моем распоряжении пять тысяч воинов, – наконец заговорил он. – При помощи системы блоков и прочных канатов мы смогли бы одну за другой втянуть галеры на берег и построить для них внутренний порт. Я здесь шторма даже не почувствовал, но так далеко от берега нам продвигаться и не придется. Расстояние от берега всего лишь в полмили и защитная стена вполне смогут сохранить флот до возвращения Цезаря.

Вестовым речь Антония показалась неубедительной.

– Но, командир, – возразил один из них, – у побережья стоят сотни кораблей. Даже если мы подключим к делу рабов-гребцов, работа займет многие месяцы.

Марк Антоний натянуто улыбнулся:

– Корабельные команды должны заниматься собственным делом. У нас вполне достаточно и канатов, и людей. Думаю, за две недели справиться вполне удастся, и тогда ветры могут дуть, сколько им заблагорассудится.

Претор вышел из палатки и вызвал командиров. Хотелось бы знать, случались ли в истории столь масштабные операции. Сам он

никогда о подобном не слышал, хотя в каждом порту одно-два судна всегда находились на суше. Так почему бы не увеличить масштаб задачи? Идея уничтожила последние сомнения, и Марк Антоний погрузился в вычисления. К тому времени как офицеры собрались, каждому из них он уже приготовил конкретное поручение.

Глава 40

Цезарь приказал своим легионам атаковать. Он поражался сходству местных жителей с галлами. Внутренние британские племена, в отличие от прибрежных, не раскрашивали лица в голубой цвет. Больше того, многие из них носили те древние названия, которые Цезарь впервые услышал в Галлии. Разведчики доложили, что на западе острова живет племя белгов, вполне возможно относящееся к той же ветви, которую римляне покорили еще до пересечения пролива.

Длинная цепь холмов образовала гряду, которую легионерам предстояло преодолеть под дождем стрел и копий. И здесь в который раз помогли широкие и прочные римские щиты – без них подъем был бы просто невозможным. Воинам пришлось изрядно попотеть, втаскивая на крутые склоны тяжелые баллисты, однако очень скоро, когда бритты пытались удержать плато, машины оказались незаменимы в военном противостоянии. Варварам нечего было противопоставить мощи гигантских луков-скорпионов, и с помощью этого чуда военной техники римляне без труда сломили сопротивление противника и заняли склоны. Юлий понимал, что значительная доля его преимущества заключается в скорости продвижения по открытой местности. На каждой из позиций варваров отбрасывали назад, и племена, принявшие руку Кассивеллауна, откатывались от наступавших легионов.

Несмотря на сопротивление местных жителей, Цезарь никак не мог избавиться от неприятного подозрения, что племена нарочно увлекают пришельцев, стремясь заманить их в какое-то им одним ведомое место. Единственное, что ему удавалось делать, так это диктовать скорость отступления, постоянно преследуя их. Конница под командованием Октавиана и Брута своими дерзкими налетами неумолимо гнала варваров все дальше и дальше вглубь острова. Земля, по которой ступали легионеры, была сплошь усеяна копьями и

стрелами, но мертвых тел почти не находили – и это притом, что преследование продолжалось много дней подряд.

На следующее утро фланг римлян атаковали затаившиеся в тылу отряды бриттов. Однако легионеры не растерялись и нанесли мощный ответный удар. Им помогла конница, словно буря налетевшая на безрассудных варваров.

С наступлением темноты Цезарь приказал горнистам играть сигнал к строительству лагеря. Повозки начали подвозить воинам воду и пищу. Однако отдохнуть так и не пришлось: ночью варвары устроили такой шум и гвалт, что заснуть было невозможно. Всадники посменно охраняли лагерь от набегов, и сейчас, в ночной тьме, они гибли от вражеских стрел чаще, чем в настоящей, серьезной битве. И все же обычная походная жизнь продолжалась даже в такой враждебной обстановке. Кузнецы чинили оружие и щиты, лекари старались помочь тем, кто получил ранения. Юлий с благодарностью принимал работу многочисленных учеников Каберы, хотя ему очень не хватало мудрых советов доброго, смелого и самоотверженного старика. Целителю так и не удалось восстановить запас жизненных резервов, растроченных на излечение ноги Домиция. Болезнь постепенно забирала не только физические, но и умственные силы некогда столь искусного лекаря. Конечно, пересечь пролив во второй раз старик не мог. Юлий молил богов, чтобы те позволили Кабере дожить до возвращения войска из Британии.

Поначалу Цезарь собирался разбить местные племена в сражении возле реки, как это случилось в борьбе со свевами возле Рейна. Однако царь катувеллаунов сжег все мосты еще до того, как легионеры успели к ним подойти, а потом вплотную занялся пополнением войска бойцами, собранными со всех соседних земель.

Под непрерывным дождем стрел с противоположного берега Цезарь направил разведчиков искать годное для перехода вброд место. Подходящим оказалось лишь одно, да и то при условии, что все тяжелые орудия останутся на месте. А ведь именно они помогли отразить первые атаки бриттов и внушить воинственным племенам страх перед силой римлян.

Юлий неохотно оставил баллисты, онагры и луки-скорпионы, поручив их командам прикрывать наступление. Теперь он ясно отдавал себе отчет в том, что сложный рельеф местности мог свести на нет

самые изощренные тактические идеи. Сейчас, готовясь к переправе через Тамесис, разведчики разметили берег, воткнув в рыхлую, больше напоминающую грязь землю яркие флаги. Ими они обозначили границы мелководья. Здесь были бессильны любые увертки и ухищрения. Все действия происходили просто. Залп баллист освобождал от врагов участок противоположного берега и позволял римским воинам перейти через реку колонной, ступив на участок суши шириной примерно в сотню футов. Но затем головные отряды попадали под удар бриттов. Враждебные племена при этом оказывались в преимущественном положении, а потому Цезарь понимал, что переправа станет поворотным моментом битвы. Если его люди застрянут на противоположном берегу, то остальные легионы просто не смогут переправиться. И тогда все усилия будут напрасными.

Казалось очень странным готовиться к столкновению со столь близко находившимся противником и в то же время не иметь возможности что-то предпринять. Юлий слышал приказы центурионов, отдающих команды к построению. А вдалеке, во вражеском стане, словно эхо, раздавались такие же крики. Полководец внимательно вглядывался в едва заметный во тьме противоположный берег Тамесиса. Опыт помог различить и особенности рельефа, и расположение войска бриттов. Придя к одному ему понятным выводам, Цезарь отправил гонцов к членам военного совета. В то же время варвары вели себя возмутительно развязно. Некоторые дошли до того, что, к общему восторгу товарищей, выставили римлянам голые задницы.

Самоуверенность врагов действовала даже на Цезаря, так что, отдавая приказы, он едва сдерживал нервную дрожь. Переправа через реку неминуемо сделает воинов легкой мишенью для стрел и копий, а это неизбежно приведет к большому количеству жертв. Полководец отправил разведчиков вверх и вниз по реке, поручив найти новые броды, чтобы защитить войско с флангов. Но те вернулись с плохими новостями: если переправы и существовали, то находились слишком далеко, чтобы ими можно было воспользоваться. Условия складывались так, что даже лучшим из командиров приходилось полагаться на выносливость, смекалку и мастерство простых воинов.

Цезарю предстояло пересечь реку далеко не первым. Октавиан вызвался испытать брод вместе с отрядом всадников. Следом должен был идти Десятый легион. Молодому римлянину выпало нелегкое испытание, которое вполне могло стоить ему жизни, однако Цезарь не стал возражать, зная, что юноша сам сделал выбор. Десятому легиону выпал жребий прорваться следом за кавалерией и обеспечить товарищам возможность пройти следом. Сам полководец собирался переправиться вместе с Третьим галльским легионом, которым командовал Брут. Домицию предстояло идти следом.

Цезарь надел подаренный Александрией шлем и опустил забрало. Лучи солнца отражались на холодной металлической личине. Подняв меч, полководец воинственно повернулся к врагам. Те заметили жест и в ответ тоже подняли оружие.

Предводитель римлян посмотрел на Октавиана. Молодой командир внимательно наблюдал, ожидая сигнала. Исполненные мрачной решимости, всадники с обнаженными мечами направились к воде. Едва оказавшись на противоположном берегу, они собирались тут же перейти в галоп, чтобы не дать неприятелю опомниться и тем самым получить преимущество в бою.

Полководец молча взмахнул рукой, и горнисты заиграли сигнал к выступлению. Октавиан отдал короткую команду, и всадники начали группами заходить в мелкую воду – сначала медленно, а потом все быстрее и быстрее. Лошади вспенивали воду, а всадники, пригнувшись и держа мечи над головами лошадей, готовились принять бой. Стрелы и копья безжалостно разили и людей, и лошадей, над рекой раздавались крики, то и дело то здесь, то там в красную от крови воду падали убитые. Бритты с ревом бросились в атаку.

Ситуация требовала точных действий, и каждый из членов оружийных расчетов приготовился выполнять приказания командиров. Едва бритты рванулись вперед, навстречу римским всадникам, Цезарь отдал команду, и над головами воинов во вражеский стан полетел град стрел и камней. Первые ряды бриттов смешались, раздавленные и сокрушенные тяжелыми снарядами.

В плотной массе варваров появились бреши, и Октавиан направил коня к одной из них. На твердой земле мерин слегка запнулся. Окоченевший в ледяной воде всадник тяжело, с трудом дышал. Но он

слышал за спиной голоса воинов Десятого легиона и не сомневался, что римские боги следят за сыновьями города даже на чужбине.

Скоротечность первой атаки не оставляла времени для раздумий. Октавиан и Брут выбирали всадников по умению владеть оружием и надежно сидеть в седле. Сейчас отборные воины без единого приказа, самостоятельно принимали необходимые решения, нанося удары противникам и с боем продвигаясь все дальше от берега.

Из-за близости кавалерии Десятый легион не мог в полной мере использовать стрелы. Однако в его рядах сражались ветераны галльских и германских походов, без промаха поражавшие каждого, кто осмеливался встать на пути. Мощная совместная атака конницы и пехоты смяла бриттов, их преимущество тут же исчезло. Десятый легион с легкостью расширил фронт, защищая идущие следом отряды. На флангах появились отряды кавалерии, и римская конница успешно отражала все атаки катувеллаунов.

Цезарь слышал, как над головами врагов раздались звуки горнов. Они послужили сигналом к перестроению. Бритты отступили в стороны, на фланги, образовав в середине свободное пространство. В нем появилось густое облако пыли, из которого с головокружительной скоростью вылетели запряженные лошадьми боевые колесницы. Римские горны протрубили сигнал к остановке, и воины сомкнули ряды, закрылись щитами и заняли на вражеской земле твердую оборонительную позицию.

Каждой из колесниц управляли двое воинов. Кроме них, на легких, неустойчивых повозках балансировало несколько человек, вооруженных копьями. На большой скорости они метали свое оружие, и Юлий видел, как падают сраженные меткими ударами легионеры. От мощной атаки не могли спасти даже широкие и прочные щиты.

Октавиан увидел, что дело плохо, и быстро принял решение. По его команде всадники отошли с флангов и бросились наперерез колесницам, прежде чем те успели атаковать и свернуть в сторону. Пешие воины бриттов тоже не остались в стороне, и скоро взгляду Цезаря открылась картина беспорядочной, кровавой давки, в которой смешались и кони, и люди. Десятый и Третий легионы рванулись вперед и закрыли центр, подавив отчаянное сопротивление седоков колесниц. Лишившиеся твердой руки, лошади бриттов в страхе

заметались, и пустые колесницы с беспорядочным грохотом начали носиться по полю. В этой сумятице полегло немало легионеров.

– Конница ушла! – прокричал в самое ухо полководца Брут.

Цезарь кивнул и приказал готовить к бою копья. Залп получился не слишком дружным – многие римские воины потеряли в бою оружие. И все же над головами бриттов нависло облако из нескольких тысяч темных копий. Варвары пытались преодолеть хаос и перестроиться.

Цезарь оглянулся и увидел, что два его легиона все еще остаются в ледяной воде. Плотная стена товарищей попросту не позволяла им выйти на берег. Полководец отдал приказ продвинуться вперед, и Десятый ответил со своей обычной выучкой и точностью. Сомкнув щиты, отважные воины пробили себе путь сквозь вражеские ряды.

Фронт римлян расширился, и коннице пришлось немного отступить, чтобы защитить фланги. Первая отчаянная атака заметно сократила ее численность, но Юлий с радостью отметил, что Октавиан, как и прежде, в седле. Юный родственник выглядел усталым, лицо его распухло и посинело от холода и ударов, однако он продолжал твердо отдавать приказ за приказом, а воины четко выполняли каждое указание достойного командира и мгновенно, четко перестраивались.

На ровной, открытой местности римские легионеры были несокрушимой силой. Все атаки катувеллаунов разбивались, словно наткнувшись на каменную стену. Юлию приходилось переступать через кучи мертвых тел, обозначавших каждую неудачную попытку противника. Еще дважды Десятому и Третьему легионам пришлось выдержать атаки грозных колесниц, и лишь после этого вражеские горны заиграли сигнал к отступлению. Катувеллауны начали отходить. Впервые после преодоления реки между армиями образовалось свободное пространство.

В римском строю тоже прозвучал приказ, и легионеры побежали, сохраняя боевой порядок. На бегу они добивали раненых и расправлялись с теми из врагов, кто из последних сил пытался сопротивляться. Цезарь видел, как варвары поддерживают друг друга, но ничто не могло спасти их от натиска римских легионеров, хотя мужество и отвага воинов вызывали уважение даже в душах врагов.

Солнце совершало свой обычный неторопливый путь по небосклону. Тяжело дыша, Цезарь бежал рядом с простыми воинами. Если царь катувеллаунов надеялся победить римское войско, то сегодняшняя схватка должна послужить ему хорошим уроком. Полководец видел в глазах своих воинов лишь непоколебимую решимость, и душа его наполнялась гордостью. Легионеры сметут любых врагов.

Даже на бегу Юлий оглядывал местность, опасаясь засады, хотя вероятность ее была очень мала. Царь Кассивеллаун из всех сил стремился остановить римлян у реки, а потом в этом первом столкновении задействовал все свои силы. Но римский полководец обладал настолько богатым опытом, что никакая военная хитрость, ни одна самая изощренная уловка не могли застать его врасплох. Всадники гнали бриттов все дальше и дальше от берега, в то время как небольшие отряды разведчиков изучали окружающую местность.

И вдруг раздался печальный, нисходящий тон вражеских горнов. Услышав его, Цезарь ощутил едва ли не разочарование. В значении его сомневаться не приходилось, и полководец все понял даже до того, как увидел, что первые из бриттов с отвращением бросают оружие. Скоро их примеру последовали и остальные.

Приказа принять капитуляцию не потребовалось. Римские воины имели богатый опыт, так что полководец едва взглянул, как легионеры Десятого ходят между вражескими бойцами, заставляя их опуститься на землю и в качестве гарантии мира забирая оружие. После сигнала капитуляции не пролилось ни единой капли крови, и этот факт рождал законную гордость.

Оглянувшись, Цезарь заметил неподалеку дома и хозяйственные постройки. Легионы подошли к одному из множества селений. Кассивеллаун сдался именно потому, что не хотел подвергать опасности мирных жителей и их жилища. Цезарь счел решение мудрым и достойным уважения, а потому, когда к нему привели царя, римский полководец приветствовал его почтительно, без оттенка враждебности.

Кассивеллаун оказался плотным темноволосым молодым человеком с мясистым лицом. Одет он был чрезвычайно скромно: простая длинная подпоясанная куртка, а поверх нее тяжелый плащ. И то и другое – из шерсти. В глазах вождя застыла печаль, однако он, как

и полагалось поверженному, опустился на одно колено и склонил голову в знак покорности.

Цезарь снял шлем, с наслаждением ощущая на коже свежий ветерок.

– Я, командующий римского войска, принимаю твою капитуляцию, – тоже исполняя формальность, произнес он. – Кровь больше не прольется. Твои люди будут считаться пленниками до тех пор, пока мы не заключим договор о заложниках и размерах дани. С этого момента ты можешь считать себя вассалом Рима.

Выслушав слова победителя, Кассивеллаун вопросительно посмотрел на говорившего. Потом перевел взгляд на римское войско и увидел, насколько крепка дисциплина легионеров. Несмотря на то что они с боем пробежали почти три километра, строй оставался поистине безупречным. У вождя не осталось сомнений в правильности принятого решения, хотя далось оно дорогой ценой. Глядя на римского полководца – усталого, в грязных доспехах, запачканных кровью сандалиях и с трехдневной щетиной на подбородке, Кассивеллаун лишь горестно покачал головой. Он потерял свою землю – землю, которую оставил ему отец.

Глава 41

Верцингеторикс воткнул копьё перед воротами Аварика, водрузив на его острие голову римлянина. Оставив безобразный трофей на всеобщее обозрение, он проехал в арку и направился туда, где уже ждали собравшиеся по его призыву вожди племен.

Обнесенный крепкой стеной город в самом сердце Галлии насчитывал сорок тысяч жителей. Сейчас почти все они высыпали на улицы, чтобы приветствовать верховного царя. Однако Верцингеторикс не смотрел по сторонам. Он вообще не обращал внимания на то, что происходит вокруг, полностью погрузившись в мысли о предстоящей кампании.

Во дворе величественного здания Верцингеторикс спешил и по темным коридорам прошел в главный зал. Едва завидев повелителя, собравшиеся встали, чтобы приветствовать его, но Верцингеторикс лишь коротко и холодно поклонился. Потом оглядел вождей и прошел в центр, жестом призывая к тишине.

– Между нами и нашей землей стоят всего пять тысяч вражеских воинов, – наконец заговорил он. – Цезарь отправился завоевывать разрисованных людей, так же как когда-то пришел в Галлию, чтобы завоевать нас. Настало то самое время, которого мы так долго ждали и на которое рассчитывали. – (По залу прокатилась волна радостных возгласов.) – К зиме, когда римляне соберутся обратно, мы сможем устроить им теплый прием. Это я вам обещаю. Возьмем обманом и перебьем небольшими группами – по дюжине, а может быть, и по сотне. А кроме того, наша кавалерия уничтожит их обоз, и после этого голод выгонит захватчиков с земель Галлии.

Как и ожидал верховный царь, мелкие владельцы радостным ревом приветствовали этот план. Однако глаза его все еще оставались холодными, ведь предстояло сообщить о цене блестящего замысла.

– Легионы имеют лишь одну слабость, друзья мои, и заключается она в снабжении войска продовольствием. Кто из присутствующих здесь не потерял в этой войне друзей и братьев? На открытой равнине мы способны сражаться не лучше, чем это делали много лет назад гельветы. Даже соединенными усилиями мы не осилим римское войско. – (В зале повисло тяжкое молчание. Вожди ждали продолжения речи.) – Однако истина заключается в том, что без продовольствия не сможет сражаться даже такая сильная армия. А для того чтобы лишить захватчиков всех источников продовольствия, придется сжечь все поля, весь выращенный урожай и каждую галльскую деревню. Нам предстоит выдернуть людей из той земли, по которой пойдет Цезарь, а ему оставить лишь дымящиеся развалины. Когда же римляне ослабнут от голода, я соберу свое войско в крепости, например такой, как Герговия. Вот тогда и посмотрим, сколько жизней они потеряют у ее стен.

Верховный царь обвел взглядом лучших мужей Галлии, ожидая встретить поддержку своего смелого плана.

– Мы можем победить. Можем сломить врагов именно таким способом, но это будет нелегко. Наш народ покинет родные края в страхе и отчаянии. Услышав стенания, напомните людям, что когда-то они прошли три тысячи миль лишь для того, чтобы поселиться в этой стране. Для тех, кто способен увидеть истину, мы все еще один народ. Земля Галлии должна вернуться к галлам. Кельтам предстоит

возродиться и вспомнить древнюю кровь, которая взывает к их доблести.

Вожди стояли плотной стеной и стучали мечами и кинжалами – лезвие о лезвие. Оглушительный шум наполнял просторный зал и, казалось, сотрясал саму землю. Призывая к тишине, Верцингеторикс поднял руки. Однако продолжить он смог не скоро. Люди верили ему, и на лицах их читалась решимость.

– Уже завтра вам предстоит повести свои племена далеко на юг, оставив лишь тех, кто стремится воевать с захватчиками. Возьмите с собой необходимый запас продовольствия и зерна – ведь мои люди сожгут все, что найдут и что может гореть. Скоро Галлия вновь станет нашей. Это я говорю не как один из арвернов, но как потомок древних царей. Они смотрят на нас и готовы помочь в борьбе за свободу.

Звон металла раздался снова – теперь почти оглушительный. Верцингеторикс вышел из зала и по сумрачным длинным коридорам направился во двор, чтобы снова сесть верхом и вернуться к своим воинам. Проехав по улицам и оказавшись у ворот Аварика, он в задумчивости склонил голову.

Вернувшись к всадникам, царь горделиво выпрямился в седле и почти нежно взглянул на парящие над строем знамена Галлии. Эти десять тысяч конных воинов представляли десятки различных племен, и всех их действительно объединяла древняя кровь.

– Сегодня хороший день для начала пути, – заметил верховный царь, обращаясь к брату Мадоку.

– Да, мой повелитель, – коротко ответил тот.

Пришпорив коней, они галопом поскакали по равнине.

Юлий сидел на холме. Земля была сырой и холодной, а потому он расстелил плащ. Шел небольшой дождь, и сквозь его завесу полководец наблюдал за огибающими мыс галерами. Они двигались вдоль побережья, чтобы найти ту его точку, где в море впадала темная река. Мелкая посадка позволила кораблям зайти в устье и подняться почти до самого брода. Неподалеку от него они и встали на якорь. Брут и Рений сидели тут же, неподалеку, и внимательно наблюдали за разгрузкой продовольствия. Этим важным делом занимались самые надежные легионы – Десятый и Третий галльский.

– Вам известно, что капитаны обнаружили удобную гавань? Совсем недалеко отсюда. – Юлий говорил громко, чтобы перекрыть шум работ на берегу. Потом помолчал и вздохнул. – Если бы я знал о существовании этой гавани раньше, то сохранил бы все погибшие во время штормов корабли. Гавань защищена скалами и глубока, а кроме того, у нее пологий берег, очень удобный для лодок. В будущем надо обязательно иметь в виду это прекрасное место.

Цезарь провел рукой по мокрым волосам и недовольно смахнул с кончика носа дождевую каплю.

– И вот это они называют летом? Солнце в последний раз выглядывало месяц назад!

– В такую погоду я сразу начинаю тосковать по Риму, – едва слышно отозвался Брут. – Представь, как зеленеют на солнце оливковые деревья... А храмы на форуме? Страшно подумать, как далеко от всего этого мы оказались...

– Помпею предстоит отстроить город заново. – взгляд Цезаря стал жестким. – Сенат, где я выступал вместе с Марием, теперь не больше чем воспоминание. Не забывай, Брут, что когда мы снова увидим Рим, он окажется совсем другим.

Друзья замолчали, и каждый задумался о своем. Юлий не видел Вечный город уже несколько лет, однако почему-то считал, что, вернувшись, найдет его точно таким же, каким оставил, отправляясь в дальний путь. По его мнению, весь мир должен был застыть, дожидаясь, пока хозяин вернется и снова запустит механизм жизни. Детские мечты!

– Так, значит, ты все-таки планируешь вернуться? – наконец заговорил Брут. – Честно говоря, я уже решил, что ты готов продержаться нас здесь до глубокой старости.

Рений молча улыбнулся.

– Конечно, Брут, – серьезно ответил Цезарь. – Я сделал все, ради чего пришел сюда, так что теперь для поддержания порядка и устрашения бриттов вполне хватит одного легиона. Возможно, гораздо позже, когда состарюсь, а Галлия станет такой же мирной страной, как Испания, я вернусь в эти края и продолжу путь на север.

Юлий неожиданно вздрогнул, – наверное, давал себя знать холод. Внизу, на берегу, суетились легионеры и корабельные команды, а здесь, на холме, царствовали ветер и дождь. Холмы на берегах

Тамесиса мягко, округло зеленели, и если бы не постоянный противный дождик, то большой мир выглядел бы отсюда далекой абстракцией, неспособной нарушить идиллическую красоту и вечное спокойствие. Этот край был словно создан для покоя.

– Бывают моменты, когда хочется как можно быстрее со всем покончить, – в порыве откровения признался Цезарь. – Я скучаю по Сервилии. Скучаю по своей дочери. Всю сознательную жизнь, насколько хватает памяти, мне пришлось воевать, а потому мысль о возвращении в собственное поместье, возможность увидеть родной лес, поле, услышать гудение пчел и просто погреться на итальянском солнышке оказывается непреодолимым искушением.

Рений усмехнулся.

– И все-таки каждый год ты это искушение успешно преодолеваешь, – иронично заметил он.

Цезарь недовольно взглянул на однорукого гладиатора:

– Я в расцвете молодости и сил, Рений, не забывай. Если мне больше ничего не удастся достичь в жизни, то Галлия навеки останется моим посланием миру.

Говоря это, Юлий, сам того не замечая, провел рукой по заметно поредевшим волосам. Да, война старит мужчину куда быстрее, чем неумолимо бегущие годы. Когда-то думалось, что старость и болезни предназначены другим, а его самого обойдут стороной. Но, увы, с каждым годом все сильнее ощущались изменения погоды, и по утрам все дольше приходилось разминать застывшие суставы.

Увидев, что Брут обратил внимание на жест, Цезарь недовольно нахмурился – гордость его оказалась уязвленной.

В разговор вступил обычно сдержанный и скупой на слова Рений.

– Я еще не говорил, как ценю возможность служить с вами обоими? – спросил он. – Даже не могу представить для себя иного жизненного пути.

Молодые люди внимательно посмотрели на доблестного израненного ветерана – как и они сами, он сидел на расстеленном плаще.

– Что-то ты к старости становишься сентиментальным, – с доброй улыбкой шутливо заметил Брут. – Наверное, сказывается недостаток солнечного света.

– Может быть, так оно и есть, – согласился Рений, растирая между пальцами мокрую от дождя травинку. – Всю жизнь, без остатка, я отдал сражениям за Рим. Как видите, он все еще стоит, и в этом есть моя лепта.

– Так тебе хочется вернуться домой? – Юлий внимательно посмотрел на гладиатора. – В таком случае, друг мой, достаточно всего лишь спуститься на берег, к кораблям. Они отвезут тебя в Рим. Я не стану чинить препятствий.

Рений посмотрел вниз, на копошащихся возле галер людей, и в глазах его появилась тоска. Пожав плечами, воин неуверенно улыбнулся.

– Ну, может быть, еще один, последний год, – едва слышно прошептал он.

В это мгновение вдалеке на склоне показалась крошечная фигура всадника.

– Посыльный, – громко произнес Брут, словно желая прервать грустные размышления товарищей.

Все трое внимательно посмотрели на приближающуюся точку.

– Боюсь, что он везет дурные новости, – с опаской заметил Юлий. – Иначе зачем было бы искать меня здесь?

Полководец поднялся. Словно унесенная порывом ветра, задумчивость моментально улетучилась, и перед товарищами снова стоял решительный, непреклонный военачальник.

Мокрые плащи неприятно оттягивали руки, и трое друзей снова остро ощутили тяжесть военной жизни. Почти со страхом ждали они приближения всадника.

– В чем дело? – резко потребовал ответа Цезарь, едва расстояние позволило разговаривать.

Гонец смутился, не выдержав напряженного взгляда воинов, но быстро соскочил с седла и поднял руку в приветственном салюте.

– Командир, я приехал из самой Галлии, – доложил он.

Сердце Цезаря тревожно забилося.

– От Беридия? Так каковы же твои вести?

– Племена подняли восстание, командир, – четко отрапортовал посыльный.

Юлий тихо выругался:

– Племена восстают каждый год. Сколько на этот раз?

Посыльный нервно переводил взгляд с одного из стоящих перед ним военных на другого:

– Кажется... Военачальник Бериций сказал, что все.

Юлий пристально посмотрел на воина, словно пытаясь понять, что значат его слова, и наконец спокойно кивнул:

– Значит, мне придется немедленно возвращаться. Отправляйся вниз, к кораблям, и скажи, чтобы без меня не отправлялись. И пусть Домиций пошлет всадников на побережье, к Марку Антонию. Необходимо до наступления зимних штормов доставить флот к морю и приготовить корабли к отправке в Галлию.

Всадник отправился вниз, к реке, а Юлий стоял, глядя ему вслед и словно не замечая дождя.

– Итак, значит, снова быть войне, – наконец проговорил он. – Хотелось бы знать, доведется ли мне когда-нибудь увидеть мирную Галлию?

Цезарь выглядел усталым и подавленным, и Бруту стало жаль друга.

– Ты обязательно разобьешь мятежников. Не сомневаюсь.

– Сейчас, когда на пороге зима? – горько возразил полководец. – Впереди несколько трудных месяцев, не забывай. Может быть, даже труднее, чем все предыдущие зимы.

Цезарь с огромным трудом взял себя в руки, но, когда он повернулся к друзьям, они увидели на его лице обычное спокойное и уверенное выражение.

– Кассивеллаун ничего не должен знать. Заложники уже на галерах, и среди них его сын. Веди легионы обратно на побережье, Брут. Я же спущусь вниз по реке и буду ждать с готовым к отправке флотом. – Полководец замолчал, пытаясь пересилить гнев. – Я не просто разобью племена галлов, Брут, – наконец решительно добавил он. – Я сотру их с лица земли.

Рений взглянул на ученика с сочувствием. Тому никак не удавалось ни отдохнуть, ни даже просто расслабиться. Каждый год войны забирал из души Юлия частицу доброты и человечности. Рений внимательно посмотрел на юг, туда, где в дымке скрывались не столь далекие берега Галлии. Ее обитатели непременно пожалеют о возвращении Цезаря.

Глава 42

В римских легионах во вспомогательных отрядах служили галлы, представлявшие почти все племена своей страны. Многие сражались в войске Цезаря по пять лет и даже дольше, а потому и думали, и действовали как истинные римляне. Жалованье воины получали серебряными сестерциями, а доспехи и мечи им ковали в тех же кузницах, что и регулярным частям.

Когда Бериций отправил три тысячи галльских воинов для охраны продовольственного груза, мало кто смог бы отличить их от остальных солдат Рима. Даже командиры представляли местные племена; они выдвигались на командные посты после долгой и честной службы. Правда, поначалу Цезарь старался чередовать галлов с лучшими из своих людей, однако военные действия и продвижение по служебной лестнице постепенно изменили структуру войска.

По приказу Бериция из Испании прибыли корабли с пшеницей. Теперь они двигались из северных портов на юг и нуждались в защите. Зерна было вполне достаточно, чтобы накормить все города и деревни, которые сохраняли верность Риму. Его хватило бы на всю зиму, даже несмотря на то, что Верцингеторикс сжег урожай, выращенный в самой Галлии.

Отряды галлов в безупречном порядке двигались на юг, шагая рядом с медленно едущими повозками, доверху нагруженными пшеницей. Разведчики рассеялись по округе на расстояние многих миль, готовые в любой момент предупредить об атаке противника. Каждый из воинов знал, что зерно способно стать поводом для нападения. Необходимость его охраны обостряла бдительность римлян даже в глубоком тылу, и редко кто из легионеров выпускал рукоять меча. Питались прямо на ходу, как правило, холодным мясом, а останавливались лишь с наступлением сумерек, чтобы наскоро разбить лагерь и переночевать.

И все же атака оказалась совершенно неожиданной. По широкой равнине внезапно с громopodobным криком пронеслась лавина всадников. Разведчики прискакали уже после того, как легионеры заняли оборонительную позицию, поставив тяжелые повозки полукругом, подобно небольшой крепости, и приготовив к бою копья и стрелы. Все в страхе смотрели на надвигающуюся черную тучу

вражеской конницы. По траве и грязи к повозкам мчались тысячи всадников. В лезвиях мечей отражалось тусклое холодное солнце, и многие из галлов, не удержавшись, начали молиться давно забытым богам.

Марвен служил Риму с тех самых пор, как четыре года назад сменил голодное существование на жалованье легионера. Едва увидев, какая сила несется на отряд, он понял, что выжить не удастся. Хуже всего, что погибнуть придется от рук своих же сородичей. Политика воина совсем не интересовала. Когда римляне пришли в деревню и начали вербовать молодых и сильных мужчин, Марвен взял деньги и отнес их жене и детям, а сам отправился сражаться за Рим. Все лучше, чем смотреть, как голодают близкие.

Повышение по службе показалось чудом. Марвен участвовал в битве против сенонов и вместе с Брутом умудрился выкрасть царя из самой гущи его соплеменников. Да, в тот день удача повернулась лицом.

Погрузившись в воспоминания, воин не сразу заметил, что подчиненные смотрят на него с надеждой, ожидая приказов. А когда заметил, то лишь пожал плечами.

– За это нам и платят жалованье, ребята, – коротко заметил он.

Всадники неумолимо надвигались, и от топота копыт сотрясалась земля. Легионеры твердо держали оборону, защищая повозки с зерном. В землю воткнули копья, чтобы помешать атаке. Оставалось лишь ждать первой крови. Марвен ненавидел ожидание и почти торопил страшные события в надежде, что они изгонят разъедавший душу страх.

Послышались звуки горнов, и кони тут же остановились там, где их не могли настичь ни копья, ни стрелы. Марвен нахмурился: один из всадников спешил и направился к неподвижно стоящим легионерам. Сомнений не было: подошедшего легко было узнать и по светлым, с рыжим оттенком, волосам, и по прекрасной золотой цепи на шее, которую он не снял даже в битве. Верцингеторикс.

Царь подходил все ближе, и Марвен следил за ним с удивлением и почтением.

– Не двигаться, – коротко приказал он своим людям, внезапно заволновавшись, что кто-нибудь из неопытных лучников занервничает и выстрелит.

Сердце бешено стучало, и с каждым шагом царя волнение усиливалось. Храбрость этого человека граничила с безрассудством, и воины восхищенно наблюдали за его приближением. Впрочем, восхищение нисколько не мешало совершить жестокое убийство.

Верцингеторикс подошел почти вплотную и, заметив плащ и шлем Марвена, посмотрел командиру прямо в глаза. Возможно, у того от волнения просто разыгралось воображение, но видение могущественного царя с огромным мечом на боку показалось ему поистине волшебным в своем величии.

– Говори свою цену, – обратился к нему Марвен.

Царь улыбнулся, и от этой улыбки голубые глаза вспыхнули ярким светом, а рыжеватая борода сама собой разделилась на две части. От глаз вождя не укрылось, что римский наемник крепче сжал меч.

– Ты готов убить своего царя? – поинтересовался Верцингеторикс.

Рука Марвена опустилась, словно по волшебству. Он взглянул в спокойные глаза человека, обладавшего невероятным мужеством, и вздрогнул.

– Нет, не готов, – тихо ответил воин.

– Тогда следуй за мной, – распорядился галл.

Марвен взглянул направо и налево, на своих товарищей и подчиненных. Все они молча кивали. Потом снова перевел взгляд на Верцингеторикса и, словно замороженный, опустился перед ним на колени, прямо в грязь. Царь положил руку ему на плечо:

– Как тебя зовут?

Марвен молчал. Он не смог произнести ни своего воинского звания, ни номера легиона.

– Марвен Риддерин, из племени нервиев, – наконец почти прошептал он.

– Нервии сражаются на моей стороне. Вся Галлия на моей стороне. Встань.

Марвен поднялся, чувствуя, как дрожат руки. Мысли смешались. Сквозь их сумятицу вновь раздался голос Верцингеторикса.

– А теперь сожги все зерно, которое вы везете, – распорядился царь.

– Но среди нас есть римляне. Здесь не только галлы, – неожиданно для самого себя возразил Марвен.

Светлые глаза верховного царя обратились к воину.

– И что же, ты готов оставить их в живых?

Лицо Марвена обрело решительное выражение.

– Это было бы справедливо, – твердо ответил он, выдержав тяжелый взгляд.

Верцингеторикс внезапно улыбнулся и похлопал воина по плечу:

– Ну так отпусти их, нервий. Забери оружие – и копья, и мечи, и щиты, а людям позволь уйти восвояси.

После этого бывшие наемники римской армии словно зачарованные отправились вслед за своим царем, и всадники Галлии встретили их восторженными приветствиями. Неподалеку горел целый обоз драгоценной пшеницы.

Корабли Цезаря пристали к побережью Галлии в надежной гавани Ития. На горизонте были хорошо заметны коричневые столбы дыма. Тревога и несчастье ощущались в самом воздухе, и полководец с гневом и ненавистью думал о необходимости противостоять еще одному вооруженному бунту.

Даже во время плавания он не терял времени даром, посвятив его разработке планов и приказов, которые предстояло внедрить еще до того, как горные перевалы окажутся под снегом. Кроме того, необходимо было сообщить в Рим о втором выступлении против бриттов. Несмотря на некоторую преждевременность рапорта, он мог значительно изменить перевес сил в пользу полководца. В этом году Цезарь не собирался платить обычную дань сенату, поскольку каждая свободная монета отправлялась на подавление сопротивления Верцингеторикса. Имя это не сходило с уст галльских рабов, а сам Юлий едва смог вспомнить дерзкого светловолосого парня, который восемь лет назад шумно покинул совет вождей всех племен Галлии. Да, за прошедшие годы оба они не помолодели. Цингето вырос в мощного, властного царя, и Цезарь понимал, что не должен оставлять его в живых. Каждый из воинов прошел долгий, наполненный испытаниями и трудностями путь; восемь минувших лет были наполнены битвами и пролитой кровью.

Едва ступив на берег, Цезарь прекратил диктовать стоящему рядом Адану и заговорил с Брутом. Самых быстрых всадников отправили за Берицием. Как только он появится, сразу начнется заседание военного совета и будет составлен план кампании. Одного

лишь взгляда на поднимающийся вдали коричневый дым оказалось достаточно, чтобы решимость полководца укрепилась. Это его земля, и он не отступится даже в том случае, если против власти Рима поднимутся все галлы, как один.

Возвращавшиеся легионы заняли порт и привычно приступили к строительству лагеря, хотя в их рядах ощущались напряжение и усталость. Как и сам Юлий, они воевали уже много лет, а потому перспектива провести в сражениях еще год, а может быть, и больше приводила в отчаяние. Даже самые выносливые задавались вопросом: когда же наступит конец мучениям и придет долгожданная пора пожинать обещанные лавры?

На третий день пребывания в Галлии Юлий собрал военный совет в построенной легионерами крепости, одной из тех, которые должны были образовать на морском берегу надежную цепь обороны.

Первым явился Домиций, в выигранных на турнире серебряных доспехах. Однако они уже не сияли, как прежде, да и сам центурион выглядел усталым. Под глазами залегли глубокие тени, а на щеках темнела давно не бритая щетина. Внешность доблестного воина красноречиво говорила о тяготах и лишениях военного времени. Домиций молча обнял Юлия и сел за стол.

Марк Антоний тоже дружески приветствовал давнего соратника. Он принес рапорт о финансовых поступлениях. Дела шли исключительно успешно, но в то же время поводы для раздумий оставались: в казне насчитывалось немало золота и серебра, однако поступления день ото дня сокращались, так как и города, и деревни Галлии ожидали исхода восстания. Особенно критическим выглядело положение с продовольственными запасами, и Цезарь искренне ценил труд Марка Антония, ведь он взял на себя заботу о питании легионеров. Прежде чем отправлять воинов в бой, нужно было досыта накормить и напоить их – и это притом, что Верцингеторикс делал все, чтобы лишить завоевателей поставок. Фермы и поля превратились в пепелища, а жители деревень покинули свои дома и скрылись. Несмотря на негодование, Юлий не мог не восхищаться отчаянной решимостью молодого царя. Верцингеторикс не только уничтожал все съедобное, но и безжалостно опустошал те селения, которые сохраняли верность римлянам. Тысячи его земляков уже погибли, расплачиваясь за недостаточный патриотизм, и, если бы не вмешались

легионеры, жертвы стали бы еще значительнее. Цена оказалась высокой, но голод мог уничтожить легионы не хуже вражеских атак.

Цезарь собрал военный совет в комнате, окна которой выходили на море, так что совсем близко, на серых скалах, с громкими криками кружили птицы. Полководец встречал каждого из входящих с искренней радостью. Берий в первом же столкновении с Верцингеториксом был ранен, а потому пришел с перевязанным плечом. Командир из Аримина выглядел усталым и больным, однако дружески приветствовал Юлия и с удовольствием принял заздравный кубок. Октавиан, Брут и Рений появились вместе, на ходу обсуждая тактические действия кавалерии. Все трое вызывали улыбку искренней заинтересованностью и уверенностью в собственной правоте. Сложности и проблемы, которые так тяготили полководца, их будто вовсе не занимали – воины полностью полагались на решительность и ответственность Цезаря. А ему приходилось рассчитывать лишь на самого себя.

Оказавшись в кругу боевых товарищей и невольно впитав долю их внутренней энергии, Юлий почувствовал прилив сил. Долгие годы войны не сломали воинов, и набирающее силу восстание они обсуждали с гневом и готовностью к борьбе, а вовсе не с позиций слабости. Каждый из собравшихся в зале отдал Галлии несколько лет жизни, а потому никто не хотел терять приобретенное. Ожидая начала совета, люди негромко, спокойно обсуждали события, постоянно поглядывая на военачальника и ожидая сигнала к всеобщему вниманию. Цезарь объединил всех, ради него собрались в этой комнате люди. Он придавал силы, побуждал к действию. В его присутствии общались и вместе работали те, кто ни в какой иной ситуации не смог бы терпеть друг друга. Никто из присутствующих не отдавал себе отчета в существовании подобной связи: люди привыкли к ней и воспринимали как нечто само собой разумеющееся. Внешне же сила личности полководца проявлялась всего лишь в большей активности и ответственности всех, кто собрался вокруг стола.

Последним появился Кабера. Его внесли двое легионеров Десятого, которые выполняли роль личных помощников старого и немощного целителя. Едва всеми почитаемого доктора устроили среди подушек, Юлий стремительно подошел и почтительно, но в то же время бережно сжал его руки. Он заговорил настолько тихо, что за

шумом ветра и гулом моря никто, кроме самого Каберы, слов не расслышал.

– Я зашел дальше, чем любой из римлян. На самый край света. Как давно мы с тобой не виделись!

Казалось, поначалу старик не услышал обращенных к нему слов, и Юлий огорченно подумал, что возраст и болезни неумолимо вершат свое жестокое дело. Больше того, полководца не отпускало чувство собственной вины. Ведь именно по настойчивой просьбе самого Цезаря тогда еще здоровый и полный сил целитель сверхъестественным усилием воли вернул подвижность разбитому колену Домиция. Этот подвиг потребовал концентрации всех данных природой и богами сил и закончился ударом, после которого старик так и не смог восстановиться. Силы постепенно покидали всеми любимого и уважаемого врача.

Наконец Кабера поднял на Цезаря тусклый взгляд.

– Ты сам выбрал свой путь, Гай, – тихо произнес он, едва шевеля сухими губами. Голос был очень слаб, и Юлий наклонился, чтобы лучше слышать. – Я еще никогда не видел тебя в этой холодной комнате, – загадочно продолжил старик. Он глубоко вздохнул, и мышцы на его шее напряглись даже от такого усилия. – Кстати, я говорил, что видел тебя убитым Суллой?

– Сулла давно мертв, Кабера, – возразил полководец.

Кабера кивнул:

– Знаю. Но все равно видел тебя убитым в этом доме, а еще видел на пиратском корабле. Я так часто вижу тебя падающим, что просто удивительно, что до сих пор ты так силен и полон жизни. Сам не понимаю собственных видений, Юлий. Они причиняют такую боль, которой я раньше даже не представлял.

Цезарь с сочувствием заметил в глазах старого целителя слезы. Кабера обратил внимание на выражение его лица и засмеялся – вернее, издал несколько сухих щелкающих звуков. Левая рука старика не действовала, однако правой он притянул Цезаря еще ближе:

– Я ничего не смогу изменить в том, что видел, понимаешь? Путь мой подходит к концу, и этот конец я жду без горечи, но с радостью, как облегчение. Знай, что никогда не жалел и не жалею ни о чем, что произошло с того самого дня, когда много лет назад я переступил порог твоего дома.

– А я без тебя просто не выжил бы, старина. Так что постарайся не покидать меня, – пробормотал Юлий, преданно глядя на доктора полными слез и воспоминаний глазами.

Кабера снова вздохнул и провел рукой по лицу.

– Увы, кое-что нам не дано решать, Гай Юлий. Есть тропы, с которых не свернешь. Ведь когда-нибудь и тебе придется перейти реку. Этот момент предстал передо мной столько раз, что и сказать невозможно.

– Так что же ты видел? – уточнил Юлий, сгорая от любопытства и в то же время холодея от страха.

Однако Кабера сидел неподвижно, словно и не слышал вопроса.

– Кто знает, куда заведет тебя судьба? – наконец снова заговорил он. – Но я ни разу не видел тебя старым, друг мой, а однажды с болью наблюдал, как в первые весенние дни ты гибнешь от ударов ножей и падаешь в темноту. Падаешь в Риме, в мартовские иды.

– Так, значит, эти дни я никогда больше не проведу в родном городе, – заключил Цезарь. – Клянусь, что выполню обещание, если сознание этого принесет мир в твою душу.

Кабера поднял голову и посмотрел в окно – туда, где над водой с громким криком носились чайки.

– Думаю, есть в жизни вещи, о которых лучше не знать. Я уже ничего не могу понять. Кстати, я говорил тебе о ножах?

Юлий бережно поправил подушки, чтобы старику удобнее было сидеть.

– Говорил, Кабера. И этим в очередной раз спас меня, – ответил он и с удивительной для этого сурового и решительного человека нежностью обнял больного.

– Хорошо. Я рад, – коротко заключил Кабера и закрыл глаза.

Юлий услышал долгий протяжный вздох, а потом наступила полная тишина. Кабера полулежал на подушках совершенно неподвижно. Юлий с горечью наблюдал, как жизнь покидает тело друга и соратника. Молчание продолжалось бесконечно долго.

– Прощай, добрый, верный товарищ, – наконец негромко произнес Цезарь.

За спиной раздались осторожные шаги, и рядом появились Рений и Брут. Лента времени увела вдаль, и Юлию почудилось, что два

мальчика стоят рядом с наставником и внимательно наблюдают, как сильный человек без малейшей дрожи в руках натягивает тетиву лука.

Постепенно остальные члены военного совета тоже поняли, что произошло, и поднялись со своих мест. Цезарь обратился к ним исполненный печали и боли взгляд:

– Присоединитесь ли вы к моим молитвам об ушедшем, воины? Ратные труды придется отложить еще на день.

Чайки с громкими криками носились над волнами, и холодная комната наполнилась их тревожными голосами. Юлий стоял, погруженный в собственные мысли, навеки прощаясь с тем, кто на протяжении всей жизни служил ему надежной опорой.

– Ну вот, меня снова покинул близкий человек, – произнес полководец так тихо, что расслышал лишь Брут.

Глава 43

В палатке царила полная тьма. Лишь на столе, за которым сидел Адан, горела сальная свеча. Молодой человек молча смотрел на Цезаря. Полководец лежал на скамейке, вытянув руку для перевязки. Кровь продолжала течь и уже пропитала первые слои бинта. Да и сам бинт трудно было назвать чистым, ведь его сняли с одного из умерших. Врач затянул повязку крепче и сделал узел, а потом с силой потянул, чтобы остановить кровь. Юлий тихо застонал от боли. На мгновение он открыл глаза, и Адан заметил, что они затуманились от изнеможения.

Врач сложил в мешок инструменты и вышел, энергично откинув полог и впустив в душную палатку порыв ветра, от которого тусклое пламя свечи заколыхалось, грозя погаснуть. Адан взглянул на записанные слова и подумал, что раненому необходимо заснуть. Этой зимой воины голодали, и полководцу пришлось так же трудно, как и всем остальным. Цезарь исхудал и осунулся. Кожа пожелтела и высохла, словно натянувшись на черепе, а под глазами залегли такие темные тени, что невольно приходила мысль о грядущей смерти.

Наконец Адану показалось, что больной провалился в лихорадочное забытие. Секретарь начал как можно тише собирать свитки и перья, чтобы бесшумно выскользнуть из комнаты, не потревожив раненого. Юлий неожиданно зашевелился и провел рукой

по лицу. Адан невольно покачал головой и подумал, что Галлия забрала гораздо больше, чем дала.

– Так на чем же я остановился? – не открывая глаз, спросил Цезарь.

Голос прозвучал словно с того света, и Адан невольно вздрогнул:

– На событиях в Аварике. Врач пришел как раз в тот момент, когда я писал о последнем дне.

– Ах да, конечно. Ты готов продолжать работу?

– Тебе решать. Может быть, стоит сделать перерыв, чтобы ты смог отдохнуть? – предложил Адан.

Юлий лишь поскреб небритый подбородок.

– Аварик появился на горизонте вскоре после гибели трех когорт, которыми командовал Бериций. Ты пишешь?

– Пишу, – шепотом ответил молодой испанец.

Почему-то на глаза навернулись слезы, и секретарь изо всех сил старался скрыть их.

– Мы насыпали склон высотой с крепостную стену и начали штурм. После того, что увидели воины, сдержать их было невозможно. Да я и не пытался. – Юлий сделал паузу, и Адан ясно услышал хриплое, тяжелое дыхание, за которым отступал даже привычный шум военного лагеря. – Наше нападение пережили восемьсот человек, Адан. Запиши правду, пусть ее узнают все. Из сорока тысяч мужчин, женщин и детей остались лишь восемьсот. Мы сожгли город и захватили то зерно, которое они так бережно хранили в своих амбарах. И все равно воины голодали. Все похудели настолько, что можно было ребра пересчитать. Верцингеторикс неотступно выполнял свой жестокий план: каждый город, в который мы входили, оказывался опустошенным и разрушенным. Он угонял скот и не оставлял нам ничего, кроме диких птиц и зайцев. Разве этим можно накормить сорокатысячную армию? Если бы не кладовые Аварика, римскому войску пришел бы конец.

Мы сражались всякий раз, как заставляли вражеское войско на открытом пространстве. Однако племена Галлии неизбежно были на его стороне, а с ними и огромное численное преимущество. На третий или четвертый – сейчас точно не помню – месяц этой кошмарной войны погиб Бериций. Его убили из засады собственные наемники-галлы. Мы даже тело не смогли разыскать.

Юлий погрузился в тяжкое молчание. Он с горечью вспоминал, как Бериций ни за что не хотел верить предупреждениям и возражал, что те воины, которых он сам выучил, смогут поднять на него руку. Сам он до конца оставался настолько достойным и честным человеком, что не мог поверить в коварство. За идеализм воин поплатился жизнью.

– Верцингеторикс направился на юг, к крепости Герговия и возведенным на окружающих ее холмах фортам. Мне так и не удалось разрушить эти стены.

Адан взглянул на военачальника и увидел, как лицо его исказилось гневом. Но глаза оставались закрытыми, а слабый сухой голос доносился словно издали.

– Герговия стоила нам жизнью восьми сотен воинов. С приходом весны я все чаще стал замечать, что легионеры едят совсем неспелое зерно – едят жадно, до тех пор, пока им не становится плохо. И все же нам удалось разбить так дерзко противостоявшие армии. Брут и Октавиан показали себя прекрасными командирами, но численность вражеских сил, Адан... против нас поднялось каждое племя, все, кого мы еще совсем недавно считали и называли друзьями. Иногда... Нет, вычеркни это – сомнения записывать незачем.

Осада Герговии результата не приносила, а наши воины начинали заметно слабеть. Пришлось отойти на запад в поисках продовольствия, но нашли мы лишь столько, чтобы не умереть с голоду. Больше того, Верцингеторикс вывел против нас войска, и нам пришлось всю ночь с боем пробивать себе путь. Да, Адан, за последний год мне пришлось пройти тысячу миль. И рядом со мной постоянно шла смерть.

– И все-таки сейчас, в Алезии, ты смог его осадить, – негромко подбодрил полководца молодой испанец.

Юлий с трудом поднялся и сел, опустив голову и положив руки на колени.

– Да, это самый большой из всех горных фортов, какие мне пришлось видеть в Галлии. Целый город, раскинувшийся на четырех холмах. Да, мне удалось поймать этого хитрого и коварного царя в ловушку. И вот теперь мы голодаем, осаждая крепость, а он тем временем ждет, пока мы все перемерем с голоду.

– С юга уже везут зерно и мясо. Самое страшное позади, – с надеждой произнес секретарь.

Цезарь едва заметно пожал плечами:

– Все возможно. Запиши-ка вот что: мы построили вокруг Алезии восемнадцать миль окопов и укреплений. Насыпали три массивных холма, настолько высоких, просторных и крепких, что смогли возвести на них сторожевые башни. Верцингеторикс не может выйти, пока мы здесь, рядом с городом. А мы не собираемся уходить. Те пленники, которых нам удалось захватить, говорят об этом храбром воине как о верховном царе всех галлов, так что, пока мы не убьем его или не возьмем в плен, они будут продолжать свое восстание. Мы уничтожаем варваров тысячами, и все же с наступлением весны на нас снова бросятся целые полчища – и так будет продолжаться постоянно, пока жив предводитель. Пусть в Риме это узнают, Адан. Пусть понимают, чем мы здесь занимаемся.

Полог откинулся, и в темном проеме возник Брут. Огонек свечи привлек его внимание, и командир внимательно посмотрел на Адана.

– Юлий? – наконец тихо, почти шепотом, позвал он.

– Я здесь, – тоже едва слышно отозвался полководец.

– Тебе придется снова выйти. Вернулись разведчики. Говорят, что на помощь городу движется целая армия галлов.

Юлий взглянул на друга ввалившимися красными глазами – скорее мертвыми, чем живыми. Покачиваясь от слабости, полководец поднялся, и Брут подошел, чтобы помочь надеть доспехи и алый плащ, – перед воинами нельзя проявлять малодушия.

– Значит, те, кто сумел вырваться из окружения, ведут подкрепление, – прокомментировал Цезарь, пока Брут привязывал нагрудную пластину к полоскам железа вокруг шеи.

Оба командира были отчаянно грязны и пропахли потом, а потому Адан с глубоким уважением смотрел, как Брут взял тряпку и тщательно протер доспехи, а потом подал другу лежащий поодаль меч. Молодой человек молча снял с крючка красный плащ и помог Бруту накинуть его на плечи раненого полководца. Казалось, доспехи и оружие помогли: Юлий выпрямился и силой воли стер с лица усталость.

– Собери членов военного совета, Брут, и приведи ко мне разведчиков. Если потребуется, будем сражаться против двух армий, лишь бы покончить с этим смутьяном.

– И тогда отправимся домой? – с надеждой в голосе уточнил Брут.

– Да, победив, отправимся домой. Конечно, в том случае, если останемся в живых.

Командиры римских легионов, собравшиеся в центральной палатке разбитого у подножия Алезии лагеря, несли на себе следы всех сражений, в которых довелось участвовать за долгие годы походов. Воды не хватало, так же как и пищи, а потому все давно не брились и не мылись, накопив грязь долгих военных будней. Усевшись на скамейки, люди молчали, словно слишком устали, чтобы разговаривать. Сожженная земля и месяцы боевых действий – со времени возвращения из Британии – лишили сил даже самых стойких. И вот новый удар, способный привести в отчаяние.

– Командиры, вы уже и сами слышали донесения разведчиков, так что мне добавить нечего, – обратился к собравшимся Цезарь. Он взял из рук охранника небольшую фляжку с драгоценной водой и принялся жадно пить, словно пытался набраться сил. – Воины наконец-то начали регулярно получать пищу, хотя запасы бедны и качество их оставляет желать лучшего. Но если бы не доброта и жертвенность наших поселенцев, мы не имели бы даже этого. Галлы собрали все свои племена и сплотились против нас. Даже кавалерия некогда преданных эдуев слилась с остальными. Мхорбэйн все-таки предал меня.

Прикрыв лицо рукой, Юлий помолчал.

– Если разведчики принесли точные сведения, то шансов выжить в грядущей битве у нас очень мало. Если вас интересует моя точка зрения, то я склоняюсь к тому, чтобы достойно сдаться и тем самым сохранить жизни наших легионеров. Верцингеторикс уже показал себя: он вовсе не дурак, а потому разрешит нам отойти к Альпам, на земли наших поселенцев. Подобная победа укрепит его в роли верховного царя, так что вполне возможно, что он примет такие условия. Согласны ли вы с подобным планом?

– Нет, – резко возразил Домиций. – Люди не примут такого приказа ни от нас, ни тем более от тебя. Пусть варвары наступают, Цезарь. Мы сможем снова разбить их.

– Согласен, – поддержал товарища Рений.

Члены совета дружно кивнули. Брут и Марк Антоний присоединились к мнению остальных, и Октавиан тоже. Несмотря на

усталость, на лицах собравшихся читалась решимость. При виде подобной самоотверженности Цезарь улыбнулся:

– Ну, в таком случае здесь, в Алезии, мы или одержим окончательную победу, или падем смертью храбрых. Я горжусь вами. Пусть случится так, как угодно богам. А мы будем сражаться до последнего. – Юлий потер заросший подбородок и печально улыбнулся. – Может быть, позволим себе истратить немного воды, чтобы завтра выглядеть как подобает римлянам? Принесите карты. Надо решить, каким образом утихомирить племена в очередной раз.

Верцингеторикс стоял на высокой стене крепости и внимательно смотрел на равнину. Как только часовые сообщили, что заметили внизу движение, он тут же отправился на открытую всем ветрам площадку и теперь пристально наблюдал за приближающейся во тьме колонной факелов.

– Это Мадок? – с надеждой в голосе спросил Брай.

Царь мельком взглянул на младшего брата и дружески положил руку ему на плечо:

– Кто же еще это может быть? Он привел армии Галлии, чтобы помочь нам расправиться с захватчиками. – Оглянувшись, чтобы убедиться, что никто не слышит, вождь с гордостью добавил: – Принцев из племени арвернов не так-то легко победить, правда?

Брай улыбнулся:

– А я уже начал было терять надежду. Ведь запасов продовольствия осталось не больше чем на месяц...

– Ну, значит, сегодня распорядись, чтобы люди ели как следует. Завтра окончательно разгромим римлян, а потом заберем себе их форты и крепости и вернем земли родной Галлии. Эти легионеры не скоро осмелятся снова к нам сунуться.

– И ты будешь царствовать? – спросил Брай.

Верцингеторикс рассмеялся:

– Я и так царствую, братишка. Я царь великого народа. Теперь, когда племена слышат зов крови, ничто на свете не сможет нас остановить. На рассвете все закончится, и мы снова обретем свободу.

Серое утро осветило протянувшийся почти на четыре мили лагерь галльских всадников. Проснувшись, легионеры услышали, как за

высокими стенами Алезии обитатели крепости радуются приходу многочисленного подкрепления.

Несмотря на приближение лета, утро выдалось холодное. Из прибывших с приальпийских территорий продуктов повара приготовили первый за много дней горячий завтрак и на оловянных тарелках раздали его воинам. Близость готовых к бою значительных сил галлов вовсе не радовала, а потому ели молча, деловито, быстро опустошая посуду. Многие, не стесняясь, даже вылизали ее, боясь потерять хоть крошку драгоценной еды.

Построенные римлянами укрепления вокруг Алезии были достаточно высоки, а потому галлы не спешили с атакой, обдумывая, как лучше ее начать. Стены достигали семи метров в высоту, а защищали их сорок тысяч лучших в мире пеших воинов. Так что даже с колоссальными силами Мадока задача оставалась нелегкой.

Мадок и сам не мог назвать точное количество пришедших с ним всадников; он еще ни разу не видел, чтобы в одном месте собирались такие силы. И все же предводитель соблюдал осторожность: ведь именно об этом предупреждал Верцингеторикс, отправляя брата собирать племена.

– Не забывай о гельветах, – предупредил царь.

Римлянам удавалось побеждать всех, кто выступал против них, даже если на стороне противника был значительный численный перевес. Галльские войны продолжались уже несколько лет, так что легионы состояли главным образом из ветеранов – испытанных и закаленных в боях опытных воинов. Сражаться с ними было невероятно трудно. Мадок надеялся, что брат возьмет руководство конницей на себя. Ответственность казалась слишком серьезной, а потому угнетала: защитники Алезии возлагали на подошедшие силы чересчур большие надежды. Теперь уже Мадок не сомневался в способностях младшего брата – сам он ни за что не смог бы стать таким сильным и мудрым правителем, каким был Верцингеторикс. А главное, ему удалось объединить племена, связав их крепче, чем когда-либо на протяжении тысячелетий. Давние распри забыли, и каждое из племен сочло необходимым послать на помощь верховному царю лучших воинов, чтобы сломать хребет римским захватчикам.

Теперь все зависело от его единственного слова, и с восходом солнца десятки тысяч людей ожидали приказа действовать.

Юлий поднялся на холм, чтобы обратиться к воинам, рядом с которыми сражался в Галлии вот уже девять лет. Сотни человек он знал по именам и сейчас, взобравшись на возвышение и остановившись у основания наблюдательной вышки, увидел на знакомых лицах выражение напряженного ожидания. Сознают ли они, как он устал? За плечами полководца бесконечные дороги и тяжкие битвы. Воины знали, что он работает куда больше, чем каждый из них, лишая себя отдыха, – вперед заставляет идти одна лишь железная воля.

– Я не стану призывать вас сражаться за Рим! – как можно громче, чтобы слышали все, провозгласил Цезарь. – Что знает Рим о нашей жизни и борьбе? Разве сенат способен понять наши устремления и трудности? Купцы, рабы, строители, шлюхи – разве они делили с нами тяготы боевой жизни? Когда я думаю о Риме, то с трудом представляю его граждан. Мои братья здесь, рядом. Это те, кого я вижу сейчас перед собой.

Перед лицом старых соратников слова лились свободно, послушно следуя за мыслями. Полководец знал всех и говорил с каждым, и очень скоро в рядах воинов началось оживление и раздались приветственные крики: фигура в красном плаще вдохновляла и вселяла уверенность в победе. Объяснить связь между воинами и полководцем было бы очень трудно, да никто и не собирался этого делать. Легионеры знали истинное лицо Цезаря. Они видели своего командира раненым, изможденным в битвах и дальних маршах. Каждый, кому довелось хоть раз поговорить с Цезарем, помнил о встрече и ценил его внимание больше, чем то жалованье, за которое служил.

– В этот последний раз я не буду предлагать вам сражаться за Рим. Я хочу попросить большего – отправиться в бой за меня, – признался Юлий, и воины выше подняли голову, чтобы лучше слышать и видеть. Приветственные возгласы становились все громче, решительно наполняя ряды. – Кто осмелится назвать себя Римом, пока мы живы? Без нас этот город – всего лишь мрамор и камень. Лишь мы – его кровь и жизнь. Мы – его смысл. – Юлий вытянул руку в направлении огромной армии галлов. – Какая огромная честь видеть, что против нас выступают такие полчища! Да, мои легионеры, враги прекрасно понимают нашу силу. Знают, что дух римского войска несокрушим и

могуч. Действительно, если бы мне довелось смотреть на наши ряды со стен вот этой крепости, я бы, наверное, и сам испугался. Больше того, пришел бы в ужас. Ведь они совсем не похожи на нас, они другие. Александр Великий гордился бы вами так же, как горжусь я. Он с радостью наблюдал бы, как вы воинственно потрясаете мечами.

Юлий замолчал и внимательно посмотрел на слушателей. Взгляд его упал на Рения. Старый гладиатор, забыв обо всем на свете, жадно впитывал слова ученика.

– Мы всегда идем вперед, – вдохновенный, снова заговорил Юлий. – Когда устают руки и сердца, мы не сдаемся и продолжаем путь. Когда желудки пусты, а губы пересохли от жажды, мы не останавливаемся. – Полководец снова сделал паузу и улыбнулся. – Война – наше дело; мы все – профессионалы. Так неужели не сможем одолеть вот этих жалких любителей? Неужели не хватит сил и сноровки, чтобы раскрошить их на куски?

Легионеры застучали мечами о щиты и закричали в знак согласия и одобрения.

– Вперед, на стены! Они идут! – закричал Брут, и легионеры бросились занимать свои места в линиях обороны.

Юлий обходил изготовившихся к тяжкому ратному труду воинов, с гордостью глядя на них, и солдаты распрямляли плечи и поднимали голову.

Мадок взглянул на раскинувшиеся вокруг Алезии позиции римлян и ощутил нешуточный страх. Всего месяц назад, когда ему с большим трудом удалось незамеченным выбраться из крепости, легионы лишь начинали копать в глинистой земле первые окопы. Сейчас же на высоких крепких стенах стояли вооруженные воины.

– Зажгите факелы! Мы должны сжечь их ворота и башни, – велел Мадок и тут же увидел, как осветилась вся колонна галлов.

Треск огня казался воинственным, и сердце галла ответило стремительными ударами. И все же тревога не покидала, ведь предстояло сразиться с сильной и умелой армией, с нетерпением ожидающей начала битвы. Перед такими укреплениями выносливость и резвость галльских лошадей теряла смысл. Больше того, если не удастся выманить римлян из их укрепления, за каждый шаг вперед придется платить большой кровью.

– Копья к бою! – отдал он приказ.

Под взглядами тысяч глаз Мадок вытащил длинный меч и направил острие в сторону римского войска. На правом фланге стояли соплеменники, арверны, готовые точно выполнить любой приказ. На преданность и самоотверженность остальных можно было лишь надеяться. Мадок опасался, что при первых признаках опасности, а тем более смертельной угрозы племени сразу потеряют дисциплину, которой он добился с немалым трудом.

Командир резко взмахнул крепко сжатым кулаком и пришпорил коня, стремительным галопом направляясь к укреплениям противника во главе своих воинов. За спиной раздался топот копыт, мгновенно заглушивший все остальные звуки. Галлы издали воинственный клич. Кони, как на крыльях, полетели к укрепленным стенам, а каждый из всадников в поднятой руке держал готовое к бою копьё.

– Баллисты к бою! Онагры, скорпионы! По сигналу горнов! – кричал Брут, поворачиваясь то направо, то налево.

Римские воины пожертвовали ночным отдыхом, и теперь каждая из находившихся в их распоряжении военных машин стояла, готовая разить превосходящего численностью противника. Стоящие на стенах легионеры внимательно следили за приближением полчищ варваров, и на лицах их читалось нетерпение и предвкушение битвы.

Огромные, пропитанные маслом бревна уже горели, испуская удушливый дым, – еще немного, и они обрушатся на головы врагов.

Брут прикинул расстояние и хлопнул по плечу ближайшего из горнистов. Тот набрал в легкие побольше воздуха и сыграл сигнал «к бою». Сработали метательные орудия, и на головы скачущих по равнине галльских всадников обрушился град железа и камней. Римляне посеяли смерть первыми.

Мадок увидел залп и, прикрыв глаза, начал молиться. Вокруг раздавались удары и треск, а вслед за ними летели отчаянные крики раненых. Когда же через некоторое время он открыл глаза, то поразился тому странному обстоятельству, что до сих пор жив, и закричал сам – просто от радости. В рядах всадников образовались заметные пустоты, однако галлы тут же сомкнулись. Медлить было

невозможно: расстояние до римских укреплений стремительно сокращалось, а горячка битвы неумолимо толкала людей вперед.

Галлы метнули свои копья со всей силой и энергией, на которую были способны люди, только что пережившие обстрел римских военных машин. Черное облако взлетело над рядами, а прежде чем оно успело достичь цели, Мадок уже оказался возле окружавшего укрепления широкого рва. Тридцать тысяч лучших галльских воинов вылетели из седел и бросились вниз, чтобы через пару минут начать упрямо взбираться по склону, вонзая мечи в рыхлую землю и перелезая через торчащие для устрашения деревянные колья.

Преодолевая вал, Мадок на мгновение поднял голову и заметил на стене легионеров. В этот миг земля осыпалась, и командир сполз на дно рва. Пришлось начинать весь путь заново. С воинственным кличем галл опять полез вверх, к стене. Раздался треск огня, и вдруг с неба обрушилось что-то смертельно тяжелое, горячее и удушающее. Мадок попытался увернуться, но страшная сила сбила его с ног и повергла в пучину тьмы и боли.

Стоя на стене форта, Юлий наблюдал за первой стремительной атакой противника. Он снова и снова отдавал приказы о залпах военных машин. Бревна и камни катились по полю, ломая ноги лошадям и сея увечья и панику среди всадников. Ворота форта загорелись, но это уже не имело значения. Полководец не собирался ждать, пока они упадут и откроют путь врагам.

По всей длине укреплений римские легионеры мечами и щитами отчаянно отражали нападение тех, кто смог взобраться на стену. У подножия стен росла гора трупов. Цезарь задумался. Он прекрасно сознавал, что воины ослаблены, а потому не смогут долго выдерживать такой темп боя. Судя по всему, галлы твердо решили атаковать непрерывно, без сожаления бросая жизни на железо римлян.

Всадники галлов не могли прорваться к укреплениям – мешали свои. Юлий боялся направлять легионеров за стены, так как они могли пропасть в разбушевавшейся на равнине буре. Решение давалось с трудом.

Наконец полководец быстро повернулся к Октавиану:

– Выходи с конницей. Мои Десятый и Третий не отстанут – так же, как мы выступали против бриттов.

На мгновение взгляды воинов пересеклись, и этого оказалось вполне достаточно. Октавиан поднял руку в салюте.

К воротам привязали толстые веревки и, отодвинув тяжелые железные засовы, потянули створки внутрь. Дерево уже горело вовсю, и, едва ворота упали, порыв воздуха взметнул пламя вверх. Однако это не остановило доблестных всадников, и они галопом направили коней на врагов. Копыта, словно град камней, застучали по лежащим на земле воротам, и отряд мгновенно скрылся за дымовой завесой. За ним последовали пешие воины Десятого и Третьего легионов.

Цезарь с гордостью заметил, что легионеры быстро сбили пламя, а ворота поставили на место, чтобы галлы не успели воспользоваться образовавшейся прорехой. Момент был опасным. Если всадникам не удастся оттеснить галлов, то готовым поддержать их легионерам просто не удастся выйти из ворот. Прищурившись, Юлий с трудом рассмотрел в дыму символ легиона – орла. Он раскачивался над бурлящей массой галльских воинов. Вот орел упал, но тут же воспарил вновь, подхваченный чьими-то сильными руками. К выходу на равнину готовился Двенадцатый легион из Аримина, и полководец думал о том, что ждет воинов на поле боя.

Он взглянул на крепостные стены Алезии, а потом на тех воинов, которых берег на случай атаки. Сколько человек необходимо оставить в резерве? Ведь если Верцингеторикс выйдет на равнину со своими силами, то легионы, зажатые в тиски, могут и не выдержать. Этого допустить нельзя.

Рядом появился Рений; единственной рукой он держал большой тяжелый щит, готовясь в момент опасности поднять его над головой полководца. Короткой улыбкой Юлий показал, что согласен с такой заботой, и разрешил гладиатору охранять себя. Рений выглядел старым и ослабевшим, однако глаза его зорко оглядывали поле битвы.

На залитой кровью земле образовалось усеянное мертвыми телами пространство. Среди убитых было заметно несколько римлян, но в основном потери принадлежали вражескому войску. В центральной части линии сражения образовалась дуга, это Десятый легион с боем пробивался вперед, шагая по трупам убитых и безжалостно прокладывая себе путь мечами и щитами. Еще мгновение – и на головы варваров обрушился последний залп копий. Удар оказался вполне своевременным.

– Двенадцатый и Восьмой, вперед! – скомандовал полководец. – Открыть ворота!

Веревки снова натянулись, и десять тысяч свежих легионеров бросились в бой, чтобы поддержать уставших и заменить убитых.

Метательные машины молчали, а римские воины бились с галлами. Плотные прямоугольники когорт терялись в массе варваров, а затем снова появлялись, словно камни в потоке, и опять погружались в пучину битвы.

На равнине сражались уже четыре легиона, но полководец направил им на помощь еще один, оставив лишь горстку для охраны форта и тыла. Горнисты стояли рядом, готовые исполнить любой приказ, и Цезарь смерил их твердым взглядом:

– По моему приказу играйте сигнал к возвращению!

Здоровой рукой он крепко сжал край красного плаща. Наблюдать за происходящим было тяжело, однако командиры продолжали решительно отдавать распоряжения, и вдоль всей стены галлы откатывались назад, навстречу той угрозе, которая ожидала их с неумолимостью судьбы. Силой воли Юлий не позволял себе торопиться.

– Трубите! Быстро! – наконец приказал он, внимательно оглядывая равнину.

Воздух огласился протяжными звуками. Легионы зашли далеко, сражаясь на обоих флангах, однако Юлий знал, что они не позволят себе отступить беспорядочно. Ряды воинов будут отходить в боевом порядке, продолжая уничтожать врагов.

Римские манипулы с боем отступали, а вокруг них в бурлящем водовороте смерти гибли отчаянно вопящие варвары. Вот снова над рядами взлетел легионный орел, и, не в силах сдержать чувства, полководец громко закричал. Он воздел дрожащую руку. Ворота открылись, и легионеры ворвались в укрепленный форт, сразу бросившись на стены, чтобы снова оказаться лицом к лицу с врагами.

Галлы рванулись вперед, и Цезарь с нетерпением посмотрел на орудейные команды. Момент был прекрасным, поскольку на равнину вышла вся армия галлов, однако полководец боялся отдавать команду, не удостоверившись, что легионеры успели надежно укрыться за стенами. Пытаясь решить множество проблем сразу, полководец не

заметил поднявшихся в воздух вражеских копий, зато их вовремя увидел Рений.

Цезарь даже не знал, что старый гладиатор поднял над его головой большой щит и тем самым спас от неминуемой гибели. Однако, защитив любимого ученика и полководца, ветеран не позаботился о себе. Услышав странное хрипение учителя, Юлий повернулся, но было поздно: копьё попало тому прямо в шею.

– Чисто! Все чисто! – кричал горнист, показывая, что все римские воины уже скрылись за стенами укрепления.

Однако Юлий, не отрываясь, смотрел на поверженного Рения.

– Командир, пора пустить в ход орудия! – напомнил горнист.

Полководец машинально взмахнул рукой, и огромные баллисты ответили залпами. Тонны камней и железа снова поразили галльских всадников, и в их плотной массе тут же образовались кровавые пустоты. Племена двигались слишком тесными рядами, а потому тысячи людей и лошадей упали, чтобы больше уже не подняться.

Волна варваров откатилась назад, и над равниной повисла зловещая тишина. Сквозь туман Юлий слышал, как радуются потерям врагов легионеры. Медленно склонился над погибшим, но спасшим его самого Рением и закрыл мертвые глаза. Сил горевать не было. Но руки почему-то отчаянно тряслись, а во рту появился металлический привкус.

Подъехавший верхом Октавиан секунду помедлил возле стоящего на коленях и дрожащего в холодном поту полководца.

– Может быть, еще разок? Мы готовы.

Юлий с трудом поднял голову. Нет, он не должен потерять сознание прямо здесь, на глазах у всех. Этого допустить нельзя. Из последних сил он пытался противостоять неизбежному. Уже много лет с ним не случалось припадков. Нет, он не позволит. Усилием воли Цезарь заставил себя встать и сконцентрировать сознание. Сняв шлем, постарался вздохнуть как можно глубже. Однако ничего не помогало. Голова раскалывалась от боли, перед глазами сверкали молнии. Увидев стеклянный взгляд Цезаря, Октавиан сморщился, словно от боли:

– Легионы построились, командир. Если прикажешь, они готовы снова сразиться с врагом.

Цезарь открыл рот, чтобы ответить, но не смог произнести ни слова. Он медленно осел на землю, и Октавиан быстро соскочил с

седла, чтобы поднять потерявшего сознание полководца. Он едва обратил внимание на мертвого Рения и крикнул горнисту, чтобы тот позвал Брута.

Брут прибежал со всех ног и, сразу все поняв, побледнел.

– Быстро унести, чтобы никто не увидел! – распорядился он. – Командирская палатка пуста. Бери за ноги и понесли, пока никто не заметил.

Вдвоем товарищи быстро подняли легкое от недоедания, судорожно дергающееся тело и отнесли в темную палатку полководца.

– Что делать? – спросил растерянный Октавиан.

Брут вынул из закованной руки Юлия шлем:

– Раздевай его. Слишком много народу видело, как мы тащили его сюда. Теперь же, как можно быстрее, они должны увидеть, как он выйдет.

Воины радостно закричали, увидев, как из палатки выходит Цезарь. На самом же деле к ним вышел Брут в шлеме, доспехах и плаще друга. А в палатке на скамейке лежал, судорожно дергаясь, раздетый Юлий. Октавиан держал между его зубами жгут из крепко скрученной туники.

Брут взбежал на стену, чтобы оценить положение дел, и увидел, что второй сокрушительный удар баллист смял ряды галлов и те еще не успели снова сомкнуть строй. В темноте палатки время тянулось гораздо медленнее, чем здесь, на поле боя. Центурион видел, что легионы смотрят на него, ожидая быстрых и точных распоряжений, и на мгновение поддавался панике. За все время галльских войн ему еще ни разу не приходилось принимать на себя всю тяжесть решений. Рядом всегда был Юлий.

Скрытый шлемом, Брут лихорадочно думал. На ум пришло самое простое из всех возможных решений. Открыть ворота и убить все, что движется. Цезарь, конечно, не сделал бы этого, но Брут не мог со стены наблюдать, как сражаются его люди.

– Коня! – коротко приказал он. – Резерва не оставляем! Идем в бой!

Ворота снова открылись, и Брут выехал, ведя за собой легионеров. Это был единственный известный ему способ ведения боевых

действий.

Галлы увидели выходящие в боевом порядке легионы и стройные ряды отборной римской конницы и предались панике, мгновенно смешавшись в хаотическом отступлении. Они опасались, что снова попадут в зону поражения метательных орудий. Командиры погибли во время первых сокрушительных ударов, а потому ряды варваров оказались расстроеными.

Брут видел, как многие всадники просто посильнее пришпоривают коней и покидают поле битвы.

– В погоню! – яростно крикнул он.

Всадники перешли в галоп и, подняв мечи, бросились вслед отступающему противнику. Легионы с грозным ревом быстро достигли массы пеших варваров и, врубившись в скопление врага, принялись неукротимо крушить направо и налево.

Глава 44

С наступлением темноты те из галлов, кому удалось уцелеть, покинули поле битвы и отправились домой, на земли своих племен. Им предстояло оповестить земляков о поражении. А римские легионеры большую часть ночи провели на равнине. Они снимали с убитых все ценное, а лошадей уводили к себе, за стены укреплений. Под покровом темноты воины разбились на когорты и отправились в обход Алезии. Они добивали раненых и забирали оружие и доспехи. Наступило утро, и пришлось вернуться за стены форта. Здесь царила тишина.

До заката Юлий так и не пришел в себя. Жестокий припадок так издергал и без того уставшее тело, что, как только он отступил, больной провалился в глубокий, почти на грани смерти, сон. Октавиан не выходил из командирской палатки, добросовестно исполняя обязанности сиделки.

Вернулся грязный, забрызганный кровью Брут и надолго застыл возле больного друга, не отрывая взгляда от бледного, измученного лица и исхудавшего обнаженного тела. Множество шрамов делали фигуру еще более уязвимой и беспомощной.

Брут опустил на колени возле ложа и снял шлем.

– Сегодня я был твоим мечом, друг, – прошептал он.

Товарищи одели Юлия и даже ухитрились водрузить на его тело доспехи, так что полководец обрел свой обычный боевой вид. Однако он так и не проснулся, хотя в тот момент, когда его подняли, глаза на секунду открылись и бессмысленно посмотрели вокруг.

Брут и Октавиан отошли на шаг от ложа и взглянули на результат своих стараний. Да, перед ними лежал хорошо знакомый им римский полководец, хотя очень бледный и с растрепанными волосами. Октавиан постарался пригладить торчащие во все стороны пряди.

– Когда же он придет в себя? – тревожным шепотом спросил молодой человек.

– Подожди, всему свое время, – ответил Брут. – А сейчас лучше оставить его в покое.

Он внимательно посмотрел на равномерно, хотя и слабо вздымающуюся грудь друга и, кажется, остался доволен.

– Я останусь сторожить, – решительно заявил Октавиан. – Наверняка найдется немало желающих посмотреть на него.

Брут понимающе взглянул и покачал головой:

– Нет, парень, ты уж оставь эту почетную обязанность мне. А сам отправляйся к своим подчиненным.

Октавиан ушел, а Брут, словно часовой, встал у входа в палатку. Его фигура слилась с окружающей тьмой.

Брут не отправил Верцингеториксу ультиматума с требованием капитулировать. Адана обмануть было невозможно, даже нарядившись в доспехи и шлем Цезаря. Кроме того, эта почетная обязанность принадлежала лишь ему одному. Поднялась луна, стало заметно светлее, и к палатке потянулись те, кто желал лично поздравить с победой. Однако Брут не впустил ни единого человека, объясняя всем, что командир устал и лег вздремнуть.

В темноте, стоя возле палатки в полном одиночестве, Брут горько оплакивал гибель Рения. Он видел старого гладиатора убитым, однако в суете вокруг больного друга не успел даже попрощаться. И все же сознание четко запечатлело образ, и вот теперь, когда все вокруг успокоилось, он представил его ясно, словно в свете дня.

Поверить в смерть Рения казалось просто невозможно. Ведь на протяжении всей жизни он заменял Бруту отца, и его смерть рождала в душе невозполнимую пустоту.

– Ну вот, хоть отдохнешь теперь, старый ворчун, – улыбаясь сквозь слезы, пробормотал Брут.

Столько прожить и вдруг погибнуть от удара копья – это выглядело просто неприлично. Однако Брут не сомневался, что Рений принял бы подобную смерть – так, как он принимал все посланные судьбой испытания. Октавиан рассказал, как Рений защитил от гибели Цезаря, в опасный момент подняв над головой полководца щит. Однако о собственной безопасности старый гладиатор не подумал. Брут знал, что сам Рений счел бы собственную смерть достойной платой за жизнь Гая Юлия Цезаря.

В палатке послышалось движение, – очевидно, Юлий проснулся. А через пару минут откинулся полог, и в проеме показался полководец собственной персоной.

– Брут? – позвал Юлий, вглядываясь в темноту ночи.

– Я здесь, – ответил Брут. – Прости, пришлось заняться маскарадом. Я надел твои доспехи, плащ и шлем и выступил во главе легионов. Все решили, что это ты.

На глазах Цезаря показались слезы; он благодарно положил руку на плечо друга.

– Нам удалось их разбить? – спросил полководец.

– Целиком и полностью. Воины ждут, чтобы ты отправил царю галлов ультиматум о капитуляции. Это последнее, что предстоит сделать, и тогда дело будет завершено.

– Рений погиб во время последней атаки. Поднял над моей головой щит, – печально произнес Юлий.

– Знаю. Я его видел.

Больше слов не требовалось. Друзья знали старого учителя с самого детства, так что горе было слишком глубоким, чтобы разменивать его на слова.

– Так ты водил легионеров в атаку?

Голос Юлия постепенно набирал силу, а мысли прояснились.

– Нет, Юлий. Они следовали за тобой.

На заре Цезарь отправил к Верцингеториксу гонца с ультиматумом. Теперь оставалось ждать ответа; смолчать царь просто не мог. Все жители Алезии, и мужчины и женщины, наверняка слышали об убийствах в Аварики. Мрачные, угрюмые воины,

внимательно разглядывающие крепость, должны были вызывать ужас и смутнение. Юлий обещал всем помилование, однако лишь на том условии, что Верцингеторикс сдастся уже к полудню. И вот солнце поднималось все выше, а ответа все не было.

Марк Антоний и Октавиан не отходили от военачальника. Делать было нечего, оставалось лишь ждать; так что постепенно все собрались вокруг Юлия. Погибших и умерших можно было лишь оплакивать: ушли в вечность Бериций, Кабера, Рений, а с ними множество простых легионеров. Не ощущая вкуса, Юлий проглотил вино, которое ему подали. Неужели Верцингеторикс так и не сдастся, а решит сражаться до конца, до последнего бойца?

После победы лагерь легионеров гудел, словно улей. У каждого из воинов имелся собственный круг друзей, с которыми можно было обсудить события боя. Да и действительно, истории о подвигах казались поистине бесконечными. А сколько героев сложили голову в кровавом сражении! Сейчас уже все тела принесли в форт, и они говорили о цене победы на своем языке – языке мертвых. Юлий слышал, как плачут закаленные в боях воины, прощаясь с погибшими товарищами. Единственным лекарством от горя в такие минуты было вино.

Смерть Рения потрясла всех. Те воины, которым довелось сражаться рядом со старым гладиатором, обвязали шею погибшего куском оторванной от туники ткани и положили его рядом с остальными. Меч остался при нем. Все, начиная с самого Юлия и заканчивая самым молодым и неопытным из легионеров, тренировались под руководством Рения и испытали на себе крутой нрав опытного мастера. Однако сейчас к телу выстроилась длинная очередь: каждый хотел проститься и хотя бы мысленно сказать слова признательности. Оставалось лишь молиться о душе воина.

Подняв взгляд от лежавших на земле тел, Юлий посмотрел на стены Алезии. Он всерьез обдумывал возможность сжечь жителей этого дерзкого города вместе с их неприступной крепостью. В конце концов, сидеть без дела рядом с гнездом галлов было невыносимо.

Больше восстаний не будет. Весть о поражении могущественного Верцингеторикса должна быстро распространиться по всей стране и прилететь в каждый город, в каждую, даже самую крошечную, деревушку.

– Вот он, – прервал мысли полководца Марк Антоний.

Все, словно по команде, встали, обратив взгляды туда, где с горы спускалась одинокая фигура верховного царя галлов, – Верцингеторикс ехал верхом без свиты и охраны.

Это был вовсе не тот горячий и сердитый юноша, которого когда-то давным-давно впервые увидел Юлий. Царь ехал на прекрасном гнедом коне, в ярко сияющих на холодном солнце доспехах. Юлий внезапно осознал, насколько грязен и неаккуратен сам, и машинально потянулся за плащом. Однако рука тут же опустилась: вовсе ни к чему оказывать этому человеку почести.

Светлые волосы Цингето были заплетены в косы и спускались до плеч. Длинная и широкая, умащенная маслами борода закрывала висящую на шее толстую золотую цепь. Царь ехал налегке. Оружие его составляли украшенный чеканкой щит и большой меч в пристегнутых к поясу ножнах. Легионеры молча следили за приближением человека, который причинил им столько боли и горя. Достоинство и величавое спокойствие вождя не позволяли римским воинам выразить накопившиеся в душе чувства – он заслужил уважительное отношение со стороны победителей.

Юлий вместе с Брутом и Марком Антонием направились навстречу царю. Сзади, на почтительном расстоянии, шли остальные командиры. Все хранили молчание.

Верцингеторикс внимательно, сверху вниз, посмотрел на римского полководца и поразился тому, насколько тот изменился со дня их единственной встречи, почти десять лет назад. Римлянин похоронил молодость в земле Галлии, и лишь твердый, холодный взгляд напоминал о прежнем Цезаре. В последний раз взглянув на укрепленные форты Алезии, Верцингеторикс спешил и поднял щит и меч. Потом бросил их к ногам Юлия и посмотрел в глаза римскому полководцу долгим пристальным взглядом.

– Ты помилуешь остальных? – наконец спросил он.

– Даю слово, – коротко ответил Юлий.

Сразу успокоившись, Верцингеторикс кивнул. Потом опустился на колени и склонил голову к рыхлой, пропитанной кровью земле.

– Принесите цепи, – распорядился Цезарь.

В этот момент тишина разорвалась победными криками, и легионеры принялись отчаянно стучать мечами о щиты. Этот стук

заглушил все остальные звуки.

Глава 45

Снова пришла зима, и Юлий опять повел четыре легиона через Альпы, чтобы разбить лагерь рядом с Аримином. В обозе ехали пятьсот сундуков с золотом – достаточно, чтобы заплатить сенату отступное хоть сотню раз. Легионеры гордо шагали с оттягивающими пояса, туго набитыми серебряными монетами кошельками. Отдых и обильная добротная еда быстро вернули им обычную бодрость, энергию и бравый вид. Галлия наконец-то смирилась, настало долгожданное спокойствие. От одного берега до другого протянулась сеть новых дорог. Верцингеторикс сжег тысячу римских ферм, но новые поселенцы продолжали прибывать, привлеченные плодородием земли и обещанием устойчивого мира.

Галльские войны удалось пережить всего лишь трем тысячам бойцов Десятого легиона. Каждого из этих героев Юлий награждал землей и рабами. Он дал людям золото и семена для посева и не сомневался в их преданности. Так его когда-то учил Марий. Воины сражались не за Рим и не за сенат – они сражались за своего полководца.

Юлий не позволил ни одному из легионеров зимовать в палатке, так что Аримин сразу наполнился жизнью и деньгами, ведь в каждом из домов квартировали два, а то и три воина. Цены в городе подскочили буквально за одну ночь, а уже через месяц закончились запасы вина – несмотря на то что Аримин стоял на побережье и мог похвастаться большим портом.

Брут явился в город во главе Третьего галльского легиона и первым делом отметил прибытие тем, что напился до бесчувствия. Смерть Рения не отпускала преданного ученика, и ночь за ночью он отчаянно заливал горе во всех городских кабаках по очереди. Юлию приходилось регулярно выслушивать жалобы трактирщиков и безропотно оплачивать счета за нанесенный их заведениям ущерб. Дело кончилось тем, что полководец отправил к Бруту Регула, поручив ему сдерживать буйство друга, однако начали поступать сообщения об усилении беспорядков: вдвоем воины причиняли еще больший ущерб.

Впервые со времени испанской кампании Цезарь не знал, что именно принесет ему грядущий год. Потери противника в галльских войнах составили миллион человек убитыми, еще миллион был продан в рабство в римские каменоломни и дальше, от Африки до Греции. Цезарь получил столько золота, сколько не видел за всю свою жизнь. Он осуществил давнюю мечту – пересек море и захватил земли бриттов. Оставалось лишь радоваться и гордиться, ведь он повторил успех Александра Великого и открыл новый мир, которого еще не знали географические карты. За десять лет Рим получил больше новых земель, чем за все предыдущее столетие. Если бы в юности Юлию удалось увидеть Верцингеторикса на коленях со склоненной головой, его радости и гордости не было бы предела. Он купался бы в собственных подвигах. Но разве можно было предположить тогда, сколь сильной окажется тоска по мертвым? Мечты рисовали статуи и славу в сенате. Сейчас, когда видения воплотились, они вызывали лишь презрение. Даже победа казалась пустой, потому что означала окончание борьбы.

Юлий поселился в самом центре Аримина, в доме Красса, и ночами ему чудилось, что в спальне еще сохранился запах духов Сервилиии. Полководец не послал за возлюбленной, хотя чувствовал себя страшно одиноким. Почему-то мысль об избавлении от депрессии с помощью любовных утех была невыносима. Юлий приветствовал темные короткие зимние дни, видя в них отражение тьмы собственной души, и с сочувствием принимал мрачное настроение старых друзей и соратников. Натягивать поводья собственной жизни и мчаться вперед не хотелось. В уюте и уединении дома Красса полководец мог проводить в одиночестве дни, часами глядя в темное небо и обдумывая пройденный путь.

Те рапорты и отчеты, которые он долгие годы регулярно посылал в родной город, приобрели особое значение. Каждое из воспоминаний, попав на бумагу, утрачивало какую-то долю истинности. Чернила не могли выразить ни боль, ни отчаяние, но это оказалось даже к лучшему. Записывая воспоминания о событиях в Галлии, Цезарь словно снимал с души камень. Он доверял бумаге то, что она могла принять, и отдавал записки Адану, чтобы тот переписал их начисто.

В конце первой недели в дом к Юлию переселился Марк Антоний. Он сразу принялся за работу: снимал с мебели чехлы и

следил за распорядком дня товарища, в частности за его питанием. Теперь Юлий по крайней мере раз в день ел нормальную, хорошо приготовленную горячую пищу. Полководец ценил заботу и милостиво позволял ухаживать за собой. Еще через несколько дней появились Цирон и Октавиан. Они принялись наводить настоящий римский порядок, подобный тому, что царил на галерах. Воины вытащили из центральных комнат ворох бумаг и внесли в дом оживление, которое нравилось Юлию все больше и больше. Конечно, поначалу одиночество радовало, но за долгие годы он уже привык к обществу товарищей по оружию, а потому лишь слегка поднял брови, когда Домиций объявил, что решил поселиться именно здесь. На следующее утро центурион принес на плече бесчувственного Брута. Теперь по всему дому горел свет, а когда Юлий спустился на кухню, то обнаружил там трех местных женщин. Они усердно месили тесто. Их присутствие также было принято без единого слова возражения.

Наконец из Галлии прибыли корабли с вином. Живительную влагу тут же расхватили измученные жаждой местные жители – Марку Антонию удалось отвоевать всего лишь одну бочку. Командиры собрались все в том же доме Красса и за ночь опустошили ее, падая по мере готовности там, где стояли и сидели. Утром Юлий впервые за долгое время хохотал громко и искренне: уж очень смешно было наблюдать за тем, как товарищи бродили, качаясь и натываясь на мебель.

Горные перевалы закрылись, и Галлия сразу стала почти такой же далекой, как луна. Зато теперь вспомнился Рим, и Цезарь начал писать письма. Странно было думать о тех, кого не видел уже долгие годы. В Риме Сервилия. Там уже построили новое здание сената – город стирал с лица болезненные шрамы смутного времени.

По утрам, когда дверь кабинета отгораживала от шума и суеты дома, Юлий сочинял длинные письма дочери. Он пытался проложить тропинку к уму и сердцу совершенно незнакомой молодой женщины. Два года назад он согласился, чтобы Юлия вышла замуж в его отсутствие, и с тех пор не получал никаких известий. Писать письма посоветовал Брут, и Цезарь делал это с огромным удовольствием, даже не зная, прочтает их дочь или нет.

Иногда хотелось взять несколько лошадей и отправиться в великий город, однако останавливала мысль о тех переменах, которые

могли произойти в его отсутствие. Без консульского права на неприкосновенность Цезарь уязвим для врагов. Даже если сенат оставит его в ранге трибуна, это все равно не спасет от обвинений в убийстве Ариовиста и превышении полномочий на Рейне. Сенат задолжал победителю куда больше чем один триумф, однако Цезарь сомневался, что Помпей обрадуется, видя, как приветствуют соперника горожане. Конечно, женитьба на дочери полководца должна смягчить нрав правителя, но доверять амбициозному и коварному человеку было опасно.

Зима тянулась в блаженном безделье. Минувшие битвы обсуждали редко, хотя, когда Брут напивался, он непременно начинал объяснять Цируну, что именно должны были предпринять гелветы, дабы достойно противостоять натиску римских легионов.

Наступил день зимнего солнцестояния, и легионеры праздновали его вместе с горожанами. Люди расхаживали по улицам с факелами, отмечая поворот года к весне. Аримин светился в темноте, словно драгоценность, и дома терпимости взимали с клиентов повышенную плату.

С этого знаменательного дня обстановка слегка изменилась. Донесения о шумных кутежах и буйствах все чаще ложились на стол Цезаря. В конце концов терпение военачальника лопнуло, и он начал всерьез подумывать о том, чтобы выселить дебоширов в лагерь – на холодную заснеженную равнину. С другой стороны, Юлию приходилось все больше и больше времени уделять вопросам продовольствия и жалованья, вернувшись к тем рутинным делам, которые наполняли всю его сознательную жизнь.

По Рению и Кабере полководец тосковал больше, чем мог предположить сам. Вдруг выяснилось, что Юлий старше всех, кто населял дом Красса. Некоторых из товарищей Юлий знал уже много лет, но для них он все равно оставался старшим по званию, и это накладывало отпечаток на взаимоотношения. В итоге переполненный народом дом не спасал от одиночества. К счастью, приход весны осветил и душу, и мысли. Вместе с Брутом и Октавианом Цезарь начал регулярно выезжать верхом, чтобы восстановить утраченную за зиму физическую форму. Цирон внимательно наблюдал за командиром и нередко радовался, заметив пусть короткие, но явные проблески прежней энергии и воли. Время исцеляло и явные и тайные раны. Дни

еще оставались темными и короткими, однако люди уже ясно чувствовали приближение весны.

Связка писем, которая пришла одним ясным солнечным утром, внешне ничем не отличалась от остальных. Юлий заплатил курьеру и бросил ее на стол, туда, где скопилась масса бумаг. На одном из посланий, адресованном Бруту, Юлий узнал почерк Сервилиии, а внизу связки обнаружил ее письмо самому себе. Настроившись на приятное чтение, Цезарь вышел в центральную комнату и зажег камин. В доме было прохладно.

Не выпуская из рук пергамента, Юлий встал с кресла, освещенный лучами поднимающегося над горизонтом солнца. Он прочитал послание Сервилиии три раза подряд и лишь тогда начал ему верить. Наконец, словно забывшись, полководец выронил письмо и медленно опустился в кресло.

Царь всех торговцев погиб.

Ни Красс, ни его сын не выжили в схватке с парфянами. Выученный Юлием легион сражался честно и преданно, но, заметив, что сын потерял коня, Красс пошел в неоправданно рискованную, бешеную атаку, и врагам удалось отрезать его от своих. Легионеры отбили у врагов тела и старшего и младшего Крассов, а Помпей объявил в Риме траур.

Юлий сидел и не отрываясь смотрел на солнце до тех пор, пока не заболели глаза. Старая гвардия ушла. Красс, невзирая на все свои недостатки, поддерживал Цезаря даже в самые мрачные дни. Между строчек аккуратного сдержанного письма Сервилиии отчетливо читалось ее собственное горе, но Юлий не мог думать о возлюбленной; все его мысли сосредоточились на Крассе. Он встал и принялся рассеянно ходить по комнате.

Помимо ощущения личной потери, Цезаря занимала мысль о том, как именно смерть Красса скажется на балансе власти в Риме. Выводы были неутешительными. Меньше всех пострадает Помпей. Как диктатор, он стоял над законом, а потому член триумvirата терял лишь богатство Красса. Юлий на секунду задумался, кто же унаследует огромное состояние Крассов теперь, после гибели Публия. Впрочем, этот вопрос не казался важным. Куда существеннее представлялось то обстоятельство, что Помпею вовсе не требовалось

иметь рядом с собой успешного военачальника. Больше того, такой человек мог быть опасен для него.

Чем глубже Юлий вникал в ситуацию, тем больше мрачнел. Останься Красс в живых, члены триумvirата пришли бы к новому компромиссу, однако надежда на такой исход погибла в Парфии. Самым логичным шагом Помпея стало бы уничтожение всякого, кто таил в себе угрозу. Как однажды мудро заметил Красс, политика – кровавое дело.

Юлий стремительно подошел к столу и, не отдавая себе отчета в том, что делает, открыл и остальные письма, читая лишь первые строчки. Вдруг он замер, на мгновение даже перестав дышать. К нему обращался сам Помпей, и его выпренные приказы вызвали лишь гнев. Имя Красса в письме даже не упоминалось.

Юлий брезгливо бросил листок на стол и снова принялся мерить шагами комнату. Конечно, ничего другого от диктатора нельзя и ожидать, но читать план собственного будущего все-таки было противно.

Дверь распахнулась, и в комнату ворвался Брут с собственной пачкой писем в руках.

– Ты уже знаешь? – быстро спросил он.

Юлий кивнул. В голове постепенно созревал план действий.

– Отправь людей с приказом собрать легионы. За зиму воины разленились и растолстели, а потому завтра в полдень им предстоит выйти из города и начать маневры.

Брут замер от изумления:

– Так что же, мы возвращаемся в Галлию? А как же Красс? Я думал...

– Ты слышал приказ? – Юлий почти кричал. – Половина нашего войска совсем раскисла от вина и девок. Скажи Марку Антонию, что мы выходим. Пусть начинает приготовления в доках.

Брут стоял неподвижно. В мозгу роились вопросы, однако дисциплина взяла свое, и центурион молча отдал честь. Повернувшись, он быстро вышел из комнаты, и уже через минуту голос его отчетливо звучал по всему дому.

Юлий снова задумался о письме Помпея и предательстве. В словах диктатора невозможно было обнаружить ни единого намека на долгие годы знакомства и политического сотрудничества. Письмо

содержало лишь официальный, сухой приказ вернуться в город – и все. Вернуться к тому единственному в мире человеку, который способен напугать Цезаря настолько, что его придется уничтожить.

Юлий обдумывал все возможные варианты до тех пор, пока не закружилась голова. У Помпея оставался лишь один соперник, и Юлий не верил ни единому слову обещания безопасности. И все же неподчинение означало бы начало борьбы не на жизнь, а на смерть. Такая схватка способна разрушить Рим и все, что древний город приобрел за долгие века.

Цезарь покачал головой, пытаясь привести мысли в порядок. Город душил его, он мечтал о воздухе равнин. Лишь там Юлий мог нормально думать и планировать свои действия. Да, он поступит именно так: соберет воинов на берегу реки Рубикон и обратится к богам с молитвой о единственно верном решении.

Регул стоял в одиночестве в тесном дворе дома Красса, растерянно сжимая в руке письмо. Слова на пергаменте начертала незнакомая рука, однако автором письма мог оказаться лишь один-единственный человек. Посреди пустой страницы, словно два паука, чернела пара коротких слов, и все же воин читал их снова и снова. «Убей его» – вот что было написано в письме.

Регул вспомнил последний разговор с Помпеем – здесь же, в Аримине. Тогда он ни в чем не сомневался. Но теперь воин побывал вместе с Цезарем в Британии; он видел, как полководец сражался в Аварике, Герговии, Алезии. Да, главное, конечно, это Алезия. Цезарь повел легионы туда, где любой другой полководец был бы бессильным. Именно тогда воин понял, что сражается рядом с великим человеком – личностью куда более значительной, чем Помпей. И вот пришел приказ. «Убей его».

Регул не сомневался, что сделать это совсем нетрудно. После многих лет, проведенных бок о бок, Юлий всецело доверял боевому товарищу. Наверное, их отношения можно было без натяжки назвать дружбой. Юлий подпустит его к себе совсем близко, вплотную, и тогда жизнь прославленного полководца просто окажется в ряду других, отнятых во имя интересов Рима. Стоит лишь в очередной раз подчиниться приказу – точно так же, как он подчинялся уже тысячи раз.

Дул холодный рассветный ветер, но центурион не замечал его. Он сосредоточенно рвал письмо: сначала пополам, потом еще пополам и еще... до тех пор, пока ветер не подхватил крошечные кусочки и не унес в неизвестность. Впервые в жизни центурион Регул послушался приказа, зато в душе его наконец воцарился мир.

Глава 46

Помпей прислонился к колонне храма Юпитера и окинул взглядом раскинувшийся под Капитолийским холмом великий город. Да, он – диктатор. Мысль радовала, и, скрытый ночной тьмой, Помпей гордо улыбнулся.

В Риме царили мир и спокойствие. Сейчас уже трудно было представить недавний безумный разгул насилия и разбоя. Диктатор перевел взгляд на новое, недавно отстроенное после пожара здание сената, живо вообразив смертельные языки пламени и отчаянные крики испуганных людей. Пройдет несколько лет, и о доставившей столько бед борьбе между Клодием и Милоном никто даже не вспомнит, а Вечный город, Рим, будет стоять как прежде. Сейчас этот город принадлежит ему, Помпею.

Сенат продлил полномочия диктатора без малейшего нажима. Так же будет и дальше, столько, сколько потребуется. Коллеги и сами ощущали необходимость сильной власти, способной прорваться сквозь все законы, которыми они себя связали. Иногда это действительно было необходимо просто для того, чтобы заставить город работать.

Помпей жалел о смерти Красса – пусть бы соперник увидел, что он сумел сделать с некогда царившим в Риме хаосом. Его самого удивляла острота горя при известии о гибели отца и сына Крассов. Почти тридцать лет сенаторы работали бок о бок, делили радости и трудности, мирное время и войну. Помпею не хватало этого сложного, противоречивого, но яркого и талантливого человека. Наверное, и к такой пустоте можно привыкнуть – так же, как ко всему остальному.

Жизнь преподносила одно испытание за другим. Иногда Помпей сам удивлялся, что выжил в такие трудные времена, которые унесли Мария и Суллу, Катона и Красса. А он жив и способен к действию. Впереди наверняка немало значительных событий. Что ж, порой

единственный путь к победе – остаться в живых там, где остальные гибнут. Эта дорога тоже требует немалой выдержки.

Подул прохладный ветер. Помпей поежился: пора идти домой отдыхать. Мысли перешли к Юлию и к тем письмам, которые он отправил на север. Исполнит ли Регул приказ? Остается только надеяться. Где-то в самой глубине души диктатор стыдился содеянного, но все-таки считал решение правильным. Он подумал о жене Юлии, дочери Цезаря, сейчас уже несущей в себе новую жизнь. Эта девочка крепка духом, иначе ни за что не выдержала бы роли супруги самого могущественного в Риме человека. И все же, разве он, Помпей, может поделиться собственными планами с той, в чьих венах течет кровь Цезаря? Да, молодая женщина достойно исполнила свой долг, осуществив давнее соглашение членов триумvirата. Больше от нее ничего и не требовалось.

Теперь Помпей понимал, что дележа власти быть не может. У Цезаря лишь два пути: или он умрет прямо там, на севере, или исполнит приказ и вернется в Рим, где его ожидает та же участь.

Помпей вздохнул и покачал головой. Мысль вызвала искреннее сожаление. Цезарь не имеет права оставаться в живых, ведь в таком случае он однажды вернется в сенат и снова начнутся годы кровавых распрей.

– Этого я не допущу, – шепнул Помпей.

И лишь ветер услышал его слова.

Юлий сидел на берегу Рубикона и смотрел на юг. Останься в живых Кабера или Рений, они непременно дали бы мудрый совет. Впрочем, решение все равно оставалось за ним, так же как и все прочие. Ночь скрыла расположившиеся на отдых легионы, тишину нарушали только мерные шаги часовых и слова пароля. Привычный ритуал гарантировал порядок и спокойствие.

В чистом весеннем небе ярко сияла луна, и в ее свете Юлий с улыбкой взглянул на тех, кто сейчас сидел рядом. Слева Цирон, справа – Брут и Марк Антоний. Товарищи неотрывно смотрели на серебристую ленту реки. Неподалеку стояли Октавиан и Регул, а Домиций лежал на спине и смотрел на звезды. Да, не хватает Рения и Каберы. В воображении Юлия они оставались живыми и полными сил; он так и не смог отдать этих дорогих сердцу людей болезни,

ранам и смерти. Ушли Публий Красс и его отец-сенатор. Погиб Бериций. Нет Корнелии, Тубрука, его собственного отца. Смерть преследовала близких и неумолимо, одного за другим, забирала дорогих сердцу людей в свое царство.

– Если я поведу легионы на юг, то вспыхнет гражданская война, – негромко произнес Цезарь. – И тогда израненный Рим вновь обгадится кровью. Сколько человек примут за меня смерть на этот раз?

Товарищи молчали, и Юлий понимал, что они с трудом представляют, как можно пойти войной на родной город. Он и сам боялся подумать о такой возможности. Так поступил в свое время Сулла, и память о нем исполнена презрения. Повторять ошибку нельзя.

– Ты говорил, что Помпей обещает безопасность, – наконец произнес Марк Антоний.

Брут возразил:

– Наш диктатор не знает, что такое честь, Юлий, не забывай. Во время воинского турнира он коварно, до полусмерти, избил Саломину. Как после этого доверять ему? Он недостойн ходить там, где ступала нога Мария. Если ты отправишься один, он никогда и ни за что не выпустит тебя из своих когтей. Едва увидев, он вонзит в твою грудь нож.

– Каков же выбор? – спросил Марк Антоний. – Начать гражданскую войну против собственного народа? Но пойдут ли за нами воины?

– Да, – пророкотал из темноты бас Цирона. – Мы готовы.

Никто из командиров не знал, что ответить на реплику великана, и сумрак наполнился напряженным молчанием. Сразу стало слышно, как шепчет река, рассказывая берегам свою вечную сказку, как негромко переговариваются часовые. Приближался рассвет, а Юлий так и не мог принять единственно верное решение.

– Я воюю столько, сколько себя помню, – тихо заговорил он. – И теперь задаю себе вопрос: какой смысл во всех победах, если сейчас остановиться? Ради чего я жертвовал жизнями людей, если сейчас сам покорно пойду на смерть?

– Смерти может и не быть! – горячо возразил Марк Антоний. – Ты говоришь, что хорошо знаешь Помпея, но ведь он обещал...

– Нет! – резко прервал Регул. Воин подошел ближе, и Марк Антоний смерил его удивленным взглядом. – Нет, Помпей ни за что не

оставит тебя в живых. Поверь, я точно знаю.

При свете луны Юлий заглянул в серьезные глаза центуриона и встал.

– Откуда тебе известно? – потребовал он ответа.

– Я был одним из его людей. Тебе не суждено было выйти живым даже отсюда, из Аримина. Я получил четкий и определенный приказ убить тебя.

Едва Регул произнес эти слова, все вскочили, а Брут мгновенно встал между центурионом и Юлием:

– Негодяй! Как только ты смеешь говорить такое?

Он схватился за рукоять меча.

Регул даже не обратил внимания на суету, лишь неотрывно смотрел на Цезаря.

– Я не смог выполнить приказ, – коротко добавил он.

Юлий кивнул:

– Да, друг мой, бывают приказы, которые лучше не исполнять. Я рад, что ты это понял. Сядь, Брут, и убери руку с меча. Если бы Регул собирался меня убить, разве он сказал бы нам об этом?

Все снова опустились на траву, хотя Брут продолжал сверлить центуриона недоверчивым взглядом.

– В распоряжении Помпея всего лишь один легион, – задумчиво произнес Домиций. Юлий взглянул на него вопросительно, и воин пожал плечами. – Я хочу сказать, что, если мы появимся стремительно и неожиданно, он не успеет найти подкрепления. Если поспешить, будем у стен Рима через неделю. В нашем распоряжении четыре опытных легиона – диктатор не продержится и дня.

Марк Антоний, потрясенный, вплотную подошел к говорившему. Увидев выражение лица товарища, Домиций усмехнулся. Уже начало светать, и воин ответил, подняв руки и глядя претору прямо в глаза:

– Я говорю, что это возможно, вот и все. Всего лишь простая игра, но ставка в ней – целый Рим.

– Ты считаешь, что можно пожертвовать легионерами? – сдержанно уточил Юлий.

Домиций потер лоб и отвел взгляд:

– До этого, надеюсь, не дойдет. Наши бойцы закалены галльскими войнами, и все мы прекрасно знаем, на что они способны. Вряд ли Помпей имеет в своем распоряжении таких солдат.

Брут взглянул на человека, за которым следовал с самого детства. При этом ему пришлось испытать столько горечи, что трудно даже поверить. Юлий, скорее всего, никогда не задумывался, что именно отдал ему Брут. Гордость, честь, молодость. Все что имел. Он знал Цезаря лучше, чем кто-нибудь другой из собравшихся товарищей. И вот сейчас в глазах полководца загорелся огонь битвы. Он обдумывает и предвкушает сражение. Кто из них останется в живых после очередной схватки во имя беспредельного честолюбия? Все, кто окружает Юлия, смотрят на него с верой и надеждой.

Брут закрыл глаза; его едва не стошнило. Самое страшное, что он сам готов подчиниться любому приказу этого удивительного человека.

Домиций кашлянул:

– Выбор за тобой, Цезарь. Если решишь вернуться в Галлию и затеряться на ее просторах, я с тобой. Богам известно, что существуют на свете такие места, где нас никто никогда не найдет. Мы видели эти удивительные страны. Но если предпочтешь вернуться в Рим и рискнуть в последний раз, я поддержу тебя!

– Последний бросок? – Юлий спрашивал, обращаясь ко всем вместе и к каждому в отдельности.

Собравшиеся медленно, по очереди кивнули. Лишь Брут стоял неподвижно. Цезарь удивленно поднял брови и улыбнулся:

– Ты прекрасно знаешь, что без тебя я не обойдусь.

– В таком случае – последний бросок, – тихо, медленно произнес Брут и отвернулся.

Встало солнце. Испытанные в боях галльские легионы перешли Рубикон и быстрым маршем направились на Рим.

Историческая справка

Мне кажется, что, как и в двух предыдущих романах, историческая справка может оказаться весьма полезной: ведь жизненная правда нередко куда более удивительна, чем реальность.

Я несколько раз упоминал имя Александра Великого и говорил, что в глазах Юлия Цезаря он выглядел героем и примером для подражания. Несомненно, жизнь греческого царя и полководца была хорошо известна каждому образованному римлянину и вполне отвечала всеобщему интересу к культуре Греции. Светоний описывает,

как Цезарь предавался унынию у поверженной статуи великого мужа, хотя дело происходило не в заброшенной испанской деревушке, а в Кадисе. Сам Юлий к тридцати годам еще вовсе не достиг успехов Александра. Он, конечно, не мог знать, что своих величайших побед добьется несколько позже, после того как пересечет рубеж тридцати одного года.

Помимо жен, Цезарь имел нескольких весьма известных любовниц. Светоний утверждает, что больше всех он любил мать Брута Сервилию. Именно ей он подарил жемчужину стоимостью в полтора миллиона денариев. Вполне возможно, что в Британию он отправился именно затем, чтобы найти драгоценности.

Цезарь служил в Испании квестором, а вернулся претором. Эти подробности карьеры героя мне пришлось опустить из соображений динамичности развития сюжета. Герой был настолько деятелен, что ни один автор не в силах описать все его начинания. Даже самое сжатое их изложение сразу превращает книги в пухлые тома.

Юлий Цезарь устроил роскошный гладиаторский турнир, призом которого служили золотой меч и доспехи из чистого серебра. Народное признание стоило ему серьезных долгов, так что, спасаясь от кредиторов, он действительно был вынужден покинуть город. Став консулом вместе с Бибулом, в результате разногласий Цезарь изгнал коллегу с форума. После этого в Риме появилась шутка о том, что документы подписывают двое – Юлий и Цезарь.

Можно отметить и следующий красноречивый факт: фалернское вино, которое Юлий вылил в семейный склеп, стоило настолько дорого, что одна лишь чаша равнялась недельному жалованью легионера. К сожалению, драгоценные лозы росли исключительно на склонах горы Везувий, возле города Помпеи, и после трагических событий 79 г. н. э. вкус напитка оказался навсегда утраченным.

Заговор Катилины имел такое же историческое значение, как и Пороховой заговор в Англии. Провалился он из-за того, что один из заговорщиков проговорился любовнице, а та понесла сплетню дальше. Имя Юлия – возможно, ошибочно – фигурировало среди заговорщиков, так же как и имя Красса. Однако обоим удалось выйти из перипетий событий с незапятнанной репутацией. Катилина покинул город, чтобы возглавить армию восставших, в то время как его товарищам предстояло посеять в городе хаос и беспорядки. В качестве

воинов они наняли одно из галльских племен. Его члены впоследствии стали римскими легионерами. Сам Катилина погиб в бою, а остальные заговорщики были подвергнуты публичной казни.

Большую часть второй части романа составляют завоевания Галлии и Британии. Я начал рассказ с основных событий в соответствии с хронологией, а именно с миграции гельветов и разгрома Ариовиста. Следует заметить, что в ряде случаев единственным пространственным источником деталей этой кампании служат записки самого Юлия Цезаря. Впрочем, он описывает собственные ошибки и поражения столь же честно и подробно, как и победы. Так, например, он искренне признается, что ошибочное донесение заставило его устремиться прочь от собственных отрядов, приняв их за вражеские. В своих записках полководец оценивает численность племени гельветов вместе с союзниками в 386 000 человек. Из них домой вернулись лишь 110 000. Против такой силы выступили шесть римских легионов – вместе с союзниками всего 35 000 человек.

Битвы Цезаря редко становились простым испытанием силы. Он заключал союз с небольшими племенами, а затем приходил им на помощь. Полководец сражался в любых условиях и любыми способами, которые считал необходимыми: воевал ночью, в любой местности, окружал, заходил с флангов, обманывал и подкупал противника. Когда же Ариовист потребовал, чтобы на переговоры Цезаря сопровождали лишь всадники, он посадил на коней пехотинцев Десятого легиона. Зрелище, должно быть, яркое и незабываемое.

Я волновался, что расстояния, которые приходилось преодолевать войскам Цезаря, могут быть преувеличены. Но однажды моя кузина вместе с мужем приняла участие в походе продолжительностью в шестьдесят миль. Путешественникам удалось пройти этот путь за двадцать четыре часа, однако солдаты полка гуркхов завершили его всего за девять часов и пятьдесят семь минут. Это равно двум и одной трети марафонских дистанций, причем без остановки. Конечно, в наше время, когда пенсионеры спускаются на лыжах с Эвереста, приходится быть сдержанным в оценках, но мне кажется, что галльские легионы вполне могли идти с подобной скоростью, а после перехода, подобно непальским воинам из подразделения гуркхов, еще и сражаться.

Предположение о том, что Адан мог знать язык галлов, не кажется чрезмерной натяжкой. Секретарь Цезаря вполне мог также понимать и диалект бриттов. Ведь кельты распространились по Европе из какого-то неизвестного центра. Возможно, их цивилизация возникла в горах Кавказа. Они расселились в Испании, во Франции, в Британии и Германии. Лишь значительно позже Англия превратилась в преимущественно римско-саксонскую страну. Разумеется, эту особенность она сохраняет и по сей день.

Трудно представить, каким Юлию виделся современный ему мир. Он много читал и должен был познакомиться с работами Страбона. Полководец знал, что Александр двигался на восток. Галлия лежала значительно ближе. О Британии он мог слышать от греков: ведь Пифей совершил туда путешествие на два с половиной века раньше. Возможно, именно он и стал первым настоящим туристом в истории человечества. Мы уже не читаем книг Пифея, но в то время они, скорее всего, были вполне доступны. Из Галлии Цезаря выманили рассказы о жемчуге, олове и золоте. С географической точки зрения он представлял, что Британия находится на востоке от Испании, а не севернее и между ними лежит Ирландия. После первого похода у Цезаря сложилось впечатление, что он попал на континент размером не меньше Африки.

Первая высадка Цезаря на Британские острова в 55 г. до н. э. оказалась катастрофической. Штормы разбили корабли, а яростное сопротивление раскрашенных голубой краской местных жителей в сопровождении боевых собак едва не свело его с ума. Десятый легион буквально пробивал себе дорогу. Через три недели мучений Цезарь покинул негостеприимный остров, но уже через год вернулся на восьмистах кораблях и на сей раз дошел до Темзы. Несмотря на громадный флот, поход и на этот раз был слишком тяжелым, так что следующей попытки полководец уже не совершил. Насколько известно, бритты так и не стали платить обещанной Риму дани.

Если бы царь Верцингеторикс сумел выиграть великую битву против Юлия Цезаря, он обеспечил бы себе славное место в истории – подобное тому, которое занимает король Артур. Он объединил племена и решил, что необходимо опустошить родную землю и уморить завоевателей голодом. Но даже его огромное войско потерпело

поражение от римских легионов. Верховный царь галлов был закован в цепи, отправлен в Рим и там казнен.

Подробности создания и существования триумvirата между Цезарем, Крассом и Помпеем неизвестны. Несомненно, что соглашение было выгодно всем троим. Цезарю оно обеспечило возможность оставаться в Галлии даже по окончании годичного консульского срока. Интересно, что к тому времени, как Помпей потребовал возвращения Цезаря в Рим, причем в одиночестве, необходимый по закону десятилетний перерыв между периодами консульства уже почти истек. Если бы Юлий добился повторного назначения на пост, он обрел бы неприкосновенность. Помпей, очевидно, очень этого боялся.

Клодий и Милон – реальные исторические персонажи. Оба стали виновниками хаоса, который едва не уничтожил Рим во время галльского похода Цезаря. Уличные банды, разбой и убийства стали вполне обычным явлением. Когда же Клодия наконец уничтожили, его сторонники действительно кремировали тело предводителя прямо в здании сената, предав последнее сожжению. Если вы сегодня отправитесь на римский форум, то увидите здание сената, которое отстроили после пожара. Помпей был избран единственным консулом и получил мандат единоличного правления. Но даже в этот период триумvirат мог бы существовать, если бы Красс вместе с сыном не погиб в битве с парфянами. После этой смерти лишь один человек мог вырвать из рук Помпея власть.

И последнее. В романе я позволил себе несколько деталей, которые могут вызвать раздражение историков. Не вполне ясно, знали римляне сталь или нет, хотя вполне возможен тот способ закалки железа, который я описал в первой части. В конце концов, сталь – это железо с несколько повышенным содержанием углерода. Думаю, что римляне могли ее изобрести или случайно обнаружить в процессе работы.

Меня беспокоило, что описание галла Артората таким высоким – ростом почти в семь футов – может показаться фантазией. Однако сэр Бевил Гренвил (1596–1643) имел телохранителя по имени Энтони Пейн, рост которого составлял семь футов и четыре дюйма. Арторат был бы ему по плечо.

Можно упомянуть и еще целый ряд подобных мелких фактов, но перечисление их займет слишком много места. Если автор романа и изменил историю, надеюсь, это произошло намеренно, а не по ошибке. Разумеется, я старался писать как можно точнее. Тем, кто хочет проникнуть дальше этих коротких заметок, рекомендую обратиться к потрясающей книге Стивена Дэндо-Коллинза под названием «Легион Цезаря», а также к работе Адриана Голсуорси «Полная история римской армии» или к другим работам этого же автора. «Двенадцать цезарей» Светония и подавно должна стать настольной книгой каждого школьника. Моя версия – это перевод, сделанный Робертом Грейвзом. Очевидно, что предпочтение, отданное читателем одному из двенадцати описанных императоров, многое скажет о его собственном характере. И наконец, те, кто хочет узнать как можно больше о самом Юлии, должны прочитать книгу Кристиана Майера «Цезарь».

Конн Иггульден

Благодарности

Часть удовольствия написать серию из четырех книг состоит в том, что, пока дойдешь до самого конца, получаешь возможность сказать спасибо всем, кого действительно необходимо поблагодарить. Один из этих людей – Сьюзан Уотт: великая женщина, чьи знания и энергия помогли необычайно.

Кроме того, хочу сказать спасибо Тони и Итало Д'Урсо, которые на протяжении многих лет без единого слова недовольства позволяли мне работать у себя в коридоре на стареньком компьютере «Амстрад». В конце концов, как воспитанный человек, я женился на их дочери. Я перед ними в долгу.

Перевод А. Коноплева

Боги войны

Моей жене

Великие личности необходимы для того, чтобы наша история время от времени избавлялась от устаревших жизненных устоев и пустых речей.

Якоб Буркхардт

Часть первая

Глава 1

Слова Помпея обрушивались на сенаторов, точно удары молота:

– Итак, Цезарь объявлен врагом Рима. Он лишается всех титулов и наград. Он лишается права командовать легионами. Он объявляется вне закона. Нас ждет война.

После бурной дискуссии в зале наступило затишье, тем не менее сенаторов не покидало напряжение. Цезарь перешел Рубикон, и сейчас галльская армия направляется к Риму. Гонцы – они загнали коней, чтобы доставить новость, – не смогли даже сообщить, с какой скоростью передвигаются легионы.

За последние два дня Помпей заметно постарел, однако спину по-прежнему держал прямо, ибо привык главенствовать в сенате. Он видел, как лица присутствующих постепенно теряют каменное выражение, как сенаторы обмениваются многозначительными взглядами. Многие из них считали Помпея виновным в том хаосе, который воцарился в Риме три года назад. Тогда легионам Помпея не удалось прекратить беспорядки, и в результате его же назначили диктатором. Теперь, не сомневаясь Помпей, найдется немало желающих сместить диктатора и снова выбрать консулов. Само здание сената, где до сих пор пахло побелкой, напоминало о тех ужасных событиях. Развалины старого помещения уже разобрали, но фундамент остался – безмолвный свидетель мятежа и разгрома.

В наступившей тишине Помпей соображал, кому из сенаторов стоит доверять, кто из них – та сила, на которую можно опереться в предстоящей борьбе. Иллюзий диктатор не строил. С севера идет Юлий, с ним четыре легиона ветеранов, а Риму нечего против них выставить. Через несколько дней галльский триумфатор постучит в ворота города. И некоторые из тех, что сидят сейчас перед Помпеем, потребуют его впустить.

– Выбора у нас нет, – продолжил диктатор.

Сенаторы пристально разглядывали Помпея, словно только и ждали, когда он проявит слабость. Один неверный шаг – и его

разорвут. Помпей не собирался допускать этого.

– В Греции у меня есть войска, которые не разделяют настроений римской черни. И хотя в столице могут быть изменники, в наших колониях еще слышен глас закона.

Помпей внимательно смотрел на сенаторов: не отводит ли кто взгляд, – но все глаза были устремлены на него.

– У нас нет иного пути, кроме как покинуть Рим и отправиться в Грецию, чтобы собрать там наши армии. Сейчас большая часть войска Цезаря находится в Галлии. Если она присоединится к нему – держава падет, прежде чем мы успеем собрать достаточные силы. Я не хочу тратить время, пытаясь собрать армию здесь. Лучше действовать наверняка и отправиться к войскам. Десять греческих легионов готовы выступить против предателя и ждут только приказа. Не будем их разочаровывать.

Если Цезарь останется в Риме, – продолжил Помпей, – мы вернемся и вышвырнем узурпатора так же, как Корнелий Сулла вышвырнул его дядю Мария. Борьба неизбежна. Цезарь дал это понять, когда проигнорировал приказы сената. Пока он жив, не видать нам ни мира, ни согласия. Рим не может иметь двух хозяев, и я не позволю норовистому полководцу разрушить все, что нам удалось построить.

Помпей наклонился вперед, и в ноздри ему ударил запах воска и масла от новой трибуны.

– А если мы проявим слабость и позволим ему восторжествовать, любой полководец, которого мы посылаем на войну, захочет сделать то же самое. Если Цезаря не сокрушить, городу никогда не жить в мире. Война затянется на многие поколения и уничтожит все, чем владеет Рим. И не останется ничего от нас – от народа, поклонявшегося богам и почитавшего закон. Я презираю того, кто хочет все у нас отнять. Я презираю его, и я увижу его мертвым.

Многие теперь слушали стоя; у некоторых заблестели глаза. Помпей едва смотрел на них – он презирал этих людишек, чья смелость была показной. В сенате всегда хватало ораторов, но ростра – трибуна для выступлений – до сих пор принадлежит Помпею.

– Да, мои легионы не слишком сильны, и лишь глупец станет отрицать, что битвы в Галлии закалили воинов Цезаря. Даже сняв охрану с дорожных застав, мы не наберем достаточно сил, чтобы быть

уверенными в победе. Мне нелегко говорить такое. Меня терзают боль и гнев, но я не желаю недооценивать противника и в результате потерять Рим.

Диктатор замолчал и небрежно махнул рукой в сторону тех, кто вскочил. Сенаторы, сконфуженные и недовольные, сели на свои места.

– Явившись сюда, мятежник найдет здание сената пустым, с выломанными дверями.

Помпей переждал, пока стихнет ропот сенаторов. Наконец-то они поняли: диктатор собирается покинуть Рим не один.

– Предположим, вы останетесь в городе. Кто из вас решится поднять голос против Цезаря, когда галльские легионеры начнут насиловать ваших жен и дочерей? Совсем другое дело, если он явится сюда, жаждая крови, и никого не найдет. Мы – правительство, мы – душа Рима. Рим – там, где мы. Без вас, без поддержки закона, Цезарь всего лишь грубый посягатель на порядок. И мы не должны оказывать ему эту поддержку.

– Но народ... – начал кто-то из последних рядов.

Помпей повысил голос, заглушая сенатора:

– Народ стерпит, как терпел всегда. Или вы предпочитаете оставаться здесь, пока я собираю свою армию? Сколько ты продержишься под пытками, Марселл? А остальные? Когда Цезарь приберет к рукам сенат, его уже ничто не остановит.

Краем глаза Помпей увидел поднимающегося с места Цицерона. Пришлось усмирить раздражение. Взгляды сенаторов устремились сначала на невысокую фигурку сенатора, затем на Помпея. Диктатор промедлил, и Цицерон начал говорить, прежде чем Помпей успел повелительным жестом остановить его.

– Ты почти ничего не сказал о послании, которое мы отправили Цезарю. Полагаю, стоит обсудить его предложение о перемирии.

Многие согласно закивали, и Помпей сдвинул брови. Сейчас он не может позволить себе резких высказываний.

– Его условия для нас неприемлемы, – заявил диктатор. – Как он, впрочем, и рассчитывал. Своими посулами Цезарь хочет внести между нами раздор. Неужели ты веришь, Цицерон, будто он и впрямь прекратит наступление только потому, что я оставил город? Вижу, ты плохо знаешь Цезаря.

Цицерон сложил руки на узкой груди и потер пальцем шею.

– Думаю, следует обсудить все именно сейчас. Не стоит делать из этого тайны, лучше поговорить открыто. Как ты ответил ему, Помпей? Помню, ты собирался ответить.

Взгляды их скрестились, и Помпей крепко вцепился в трибуну, изо всех сил стараясь сохранить самообладание. Цицерон – человек проницательный, и Помпею хотелось иметь его в союзниках.

– Все, что я собирался сделать, – я и сделал. Я послал ему от имени сената приказ вернуться в Галлию. Я не намерен вести переговоры, пока его легионы на расстоянии дневного перехода от города, и Цезарь это понимает. Все его обещания – уловка, способ выиграть время. Они ничего не значат.

Цицерон вскинул голову:

– Согласен, Помпей. Однако хотелось бы узнать подробности. – Намеренно не замечая изумления Помпея, Цицерон повернулся к сенаторам. – Хотелось бы знать, о ком тут идет речь – о римском военачальнике или о новом Ганнибале, который не успокоится, пока не вырвет у нас власть? Неужели Цезарь имеет право требовать, чтобы Помпей покинул город? Можно подумать, мы ведем переговоры с захватчиками! Мы – правительство Рима, и нам угрожает бешеный пес – причем его войско создали и обучили мы. Нельзя недооценивать опасность. Я согласен с Помпеем. Подобного унижения нам переносить еще не приходилось и тем не менее придется отступить и собрать в Греции силы для противостояния. Власть закона не должна зависеть от прихоти наших военачальников – или мы не более чем племя жалких дикарей.

Садясь, Цицерон увидел, как на лице Помпея промелькнуло радостное удивление. Это выступление привлекло на сторону диктатора тех, кто до сих пор сомневался, и он кивком поблагодарил оратора.

– Теперь не время для долгих споров, – сказал Помпей. – Завтрашний день не принесет ничего нового, разве что Цезарь подойдет еще ближе к городу. Предлагаю проголосовать и обсудить план действий.

Под суровым взглядом Помпея никто не решился протестовать. Сенаторы один за другим поднимались, демонстрируя согласие, и ни один не посмел даже воздержаться. Наконец Помпей удовлетворенно кивнул:

– Предупредите своих домочадцев и готовьтесь к отъезду. Я приказал вернуть в город всех солдат, находящихся на пути следования Цезаря. Они понадобятся, чтобы набрать флот и подготовить наш отъезд.

Юлий сидел на поваленном дереве посреди пшеничного поля, и солнце пригревало ему спину. Кругом, куда ни посмотри, среди золотистых колосьев темнели фигуры солдат. Они отдыхали, подкрепляясь холодным мясом и овощами. Разводить костры им запретили – войско шло долинами Этрурии. Пшеница созрела; достаточно одной искры, и по полям помчатся языки пламени.

Юлий едва не улыбнулся при виде мирного зрелища. Пятнадцать тысяч самых лучших в мире солдат смеются и распевают песни, словно дети. Непривычно было сидеть вот так, в открытом поле. Слушать птиц, словно мальчишка. Нагнувшись и взяв горсть прелой листвы, Юлий понял – он дома.

– Как здесь хорошо, – сказал он Октавиану. – Ты чувствуешь? Я уже и забыл, каково это – быть на родной земле, среди своего народа. Слышишь их песню? Выучи слова, парень. Легионеры сочтут за честь научить тебя.

Юлий потер листья в ладони, затем разжал пальцы. Голоса воинов Десятого слились в единый хор и летели далеко над полями.

– Эту песню пели когда-то солдаты Мария, – вспомнил Юлий. – Перед некоторыми вещами время бессильно.

Октавиан взглянул на своего командира и, поняв его настроение, склонил голову.

– Я чувствую то же самое, – признался он. – Мы вернулись домой.

Юлий улыбнулся:

– За последние десять лет я ни разу не подходил к родному городу так близко. Я чую Рим за горизонтом, клянусь тебе. – Полководец поднял руку и указал за холмы, покрытые густой пшеницей. – Рим там и ждет нас. И возможно, ждет в страхе, хоть Помпей и пытается угрожать.

При упоминании о Помпее взгляд Юлия стал жестким. Он хотел что-то добавить, но тут подъехал Брут – за конем в пшенице вился змеистый след. Юлий поднялся, и они пожали друг другу руки.

– По сведениям лазутчиков, там одиннадцать или двенадцать когорт, – сообщил Брут.

Юлий сердито поджал губы. Двигаясь на юг, он находил пустые форты и брошенные дорожные посты. Словно зрелые фрукты, падали к его ногам любые укрепления. Однако шесть тысяч воинов противника в тылу – слишком много, даже если они не отличаются умением воевать.

– Неприятель ждет в Корфинии, – продолжал Брут. – Городишко похож на растревоженное осиное гнездо. Либо они узнали о нашем приближении, либо готовятся выступить в Рим.

Юлий оглянулся вокруг – сидящие поблизости солдаты прислушивались.

Помпей умно поступил, сняв дорожные караулы. На стенах Рима от подобных солдат больше проку, чем на пути галльских ветеранов. Юлий знал: чтобы исполнить решение, принятое на берегах Рубикона, ему придется не жалеть крови.

Брут уже проявлял нетерпение, а Юлий продолжал молчать, уставившись в пространство. Воины в Корфинии совсем неопытны, галльские легионы их просто вырежут.

– Насколько точны сведения? – задумчиво спросил Юлий.

Брут пожал плечами:

– Более или менее. Я не позволил лазутчикам показываться противнику, а укрыться там негде. Засады там тоже нет. Думаю, это единственные силы, стоящие между нами и Римом. И мы легко справимся. Видят боги, брать города мы умеем.

Юлий взглянул на Домиция и Цирона, которые возникли из густой пшеницы вместе с Регулом. Почти следом за ними шел Марк Антоний, и Юлий понял – пора решать. Придется отдать приказ пролить римскую кровь на римской земле.

Как только оборвутся первые жизни, каждый, кто предан Риму, восстанет против Цезаря. Легионы поклянутся мстить ему до самой смерти. Гражданская война станет для Юлия испытанием на прочность и, скорее всего, целиком истощит его силы. Лоб Юлия покрывался испариной: полководец лихорадочно искал решение.

– Убив их, мы лишимся всякой надежды на мир, – медленно произнес он. Домиций и Брут переглянулись, а Юлий продолжал рассуждать вслух: – Чтобы победить собственный народ, мы должны

быть сильными... и хитрыми. Нам нужна преданность сограждан, а ее не добьешься, убивая людей, которые любят Рим так же, как и я.

– Войска не пропустят нас, Юлий. – Брут покраснел от возмущения. – Ты бы пропустил армию, идущую на твой город? Ты отлично знаешь – они станут сражаться хотя бы для того, чтобы задержать нас.

Юлий сердито нахмурился – гнев у него не заставлял себя долго ждать.

– Ведь это римляне, Брут. Разве можно взять и убить их? Я – не могу.

– Ты все решил, когда пересек реку и направился на юг, – ответил Брут, не опуская глаз. – Ты знал, чем придется платить. Или пойдешь один – сдаваться Помпею?

Те, кто услышал его слова, невольно вздрогнули. Цирон повел мощными плечами, всем своим видом показывая возмущение. Один Брут ничего не замечал; он не отводил взгляда от своего командира.

– Стоит тебе сейчас остановиться, мы все погибли. Помпей не забудет, что мы угрожали Риму. Тебе это известно. Диктатор погонит нас до самой Британии. – Брут посмотрел Юлию прямо в глаза, и его голос дрогнул. – Не разочаровывай меня. Я пошел за тобой, и мы должны идти до конца.

Во взгляде Юлия была немая просьба. Он положил руку Бруту на плечо:

– Я ведь на родной земле, Брут. Мне претит убивать своих сограждан, и мои колебания простительны.

– У тебя есть выбор? – спросил Брут в ответ.

Юлий зашагал взад-вперед по истоптанной пшенице.

– Если я возьму власть... – Он на мгновение замер, додумывая какую-то мысль, и быстро продолжил: – А может, объявить диктатуру Помпея незаконной? И я войду в Рим, чтобы восстановить республику! Именно так мы всё и подадим! Адан! Где ты? – крикнул Юлий через поле.

Секретарь-испанец уже спешил на зов.

– Вот и решение, Брут, – сияя, сказал Юлий. – Адан! Нужно написать письма всем римским офицерам. Прошло десять лет с тех пор, как я занимал пост консула. Ничто не мешает мне занять его

опять. Сообщи всем – я объявляю незаконной диктатуру Помпея, которой не видно конца!

Юлий нетерпеливо ждал, пока Адан возился со своими табличками.

– Сообщи, что я уважаю суд и сенат и что я враг одному только Помпею. Напиши, что я с радостью приму любого, кто вместе со мной захочет восстановить республику и порядок, как во времена Мария. Я везу галльское золото, с помощью которого Рим заново возродится. Напиши это, Адан, и пусть также знают: я не буду проливать римскую кровь, если меня не вынудят. Я буду чтить обычаи, которыми пренебрег Помпей. Он ведь допустил, чтобы сожгли сенат у него на глазах. Боги показали, что *не любят* его.

Цезарь громко рассмеялся, а все вокруг стояли словно оглушенные. Их изумление развеселило его еще больше.

– Им захочется поверить мне. Они начнут колебаться и задумаются: а вдруг я и вправду борец за старые свободы.

– А это действительно так? – тихо спросил Адан.

Юлий резко повернулся к нему:

– Почему бы и нет? Для начала я покажу себя в Корфинии. Когда тамошний гарнизон сдастся, я всех помилую хотя бы для того, чтобы солдаты раструбили об этом повсюду.

Его веселье было заразительно, и, вода стилем по мягкому воску, Адан не мог не улыбнуться, хотя внутренний голос говорил ему, что нельзя поддаваться обаянию этого человека.

– Они не сдадутся, – сказал Домиций. – Иначе Помпей казнит их как предателей. Ты помнишь, как он поступил с Десятым легионом?

Юлий сдвинул брови:

– Возможно. Но если диктатор так поступит, мне же лучше. За кем бы ты пошел, Домиций? За человеком, который отстаивает законы и власть консулов и освобождает сограждан, или за тем, кто их убивает? Кто лучше годится править Римом?

Домиций медленно кивнул, и Юлий улыбнулся:

– Вот видишь. Кто посмеет осудить меня, если я проявлю великодушие? Это расстроит планы неприятеля, Домиций. Помпей не будет знать, что делать. – Юлий повернулся к Бруту, и его лицо выражало обычную решимость. – Сначала мы захватим гарнизон

Корфиния, причем без кровопролития. Нужно нагнать на солдат панику, чтобы они утратили способность сражаться. Кто там главный?

Брут нахмурился. Он еще не пришел в себя – слишком быстро у друга изменилось настроение. Во время всего похода Юлия терзали горестные сомнения, а теперь он стал прежним, каким был в Галлии. Такая перемена настораживала.

– Лазутчики не видели знамен легиона, – сухо произнес Брут. – В любом случае это командир высокого ранга.

– И честолюбивый, надеюсь, – ответил Юлий. – Хорошо бы вытащить солдат из города. Пусть туда подойдет Десятый в качестве приманки, а там посмотрим. Перехватим их в поле – и дело сделано.

Все вокруг, кто слышал разговор, поднимались на ноги. Люди собирали снаряжение и готовились выйти в поход. После мирной передышки солдат снова ждали опасности войны, и к ним исподволь возвращалось привычное тревожное состояние.

– Брут, я поведу Десятый к городу, а ты команду остальных. Заморочим противника так, чтобы он никуда не годился. Посылай лазутчиков, и на этот раз пусть их заметят.

– Я бы и сам пошел, – сказал Брут.

Юлий на секунду опустил веки, потом покачал головой:

– Не сейчас. Будем поддерживать связь через экстраординариев. Если меня атакуют, ты мне срочно понадобишься.

– А если неприятель станет выжидать? – спросил Домиций, видя напряжение Брута.

Юлий пожал плечами:

– Тогда мы окружим его и выдвинем наши условия. Так или иначе – я начинаю поход за консульство и Рим. И пусть солдаты об этом знают. Они – римляне. Мы должны их уважать.

Глава 2

Агенобарб еще раз просмотрел распоряжения Помпея. Но сколько ни перечитывай – нет в них ничего такого, что позволило бы атаковать одичавших галлов. А между тем донесения лазутчиков ясно показывают: теперь самое время выступить и прославиться. Агенобарб разрывался между необходимостью подчиниться приказам и лихорадочной жадной деятельностью, какой он давно не испытывал.

Приведи он этого мятежника в цепях – и Помпей простит все прошлые грехи.

Солдаты, которых сняли с дорожных постов, застав и фортов, построились под стенами Корфиния и ожидали приказа идти обратно. Смятение пока не проникло в их ряды. Лазутчики не успели разгласить, что враг гораздо ближе, чем предполагалось, но подобные вести обычно расходятся моментально, и скоро все об этом узнают.

Агенобарб провел пальцами по костлявому подбородку, помассировал припухшие веки – сказывалось постоянное напряжение. Сил у него больше, чем у противника – если верить разведке, – однако в донесениях упоминается еще о четырех легионах, идущих с севера, да и другие, наверное, уже близко. Возможно и самое худшее – солдат Агенобарба ждет засада.

Глядя на то, как выстроилось его воинство, командующий не испытывал радости. Большинству этих солдат не приходилось сталкиваться с противником более серьезным, чем горстка пьяных землепашцев. Несколько лет мира, в течение которых Цезарь покорял Галлию, подпортили римских солдат. Не такого войска желал себе Агенобарб для обретения славы, но иногда приходится довольствоваться тем, что послали боги.

На секунду Агенобарб даже почувствовал искушение забыть о приказе и поступить так, как привык за двадцатилетнюю службу. До Рима всего три дня пути... правда, тогда он упустит последнюю возможность. И над ним станут насмехаться младшие офицеры, если узнают, что полководец отступил перед войском вдвое меньшим, чем его собственное. Остальные галльские легионы в милях отсюда, а Агенобарб к тому же дал присягу защищать город. Но и спрятаться за стенами города при виде противника – не так представлял себе Агенобарб военные действия, идя на службу.

– Шесть тысяч человек, – прошептал командующий, любуясь шеренгами готовых выступить солдат. – Мой легион. Наконец-то.

Этими мыслями он ни с кем не делился, но когда прибывающие солдаты входили в город и Агенобарб считал их, то от гордости становился словно чуть выше ростом. За долгую службу ему довелось командовать не более чем сотней, и вот, хоть на несколько дней, он почувствовал себя равным прочим римским военачальникам.

К радости Агенобарба примешивались вполне обоснованные опасения. Если он позволит загнать себя в ловушку, то потеряет все. Упусти он возможность уничтожить человека, которого боится сам Помпей, слух об этом разойдется повсюду и до конца жизни на Агенобарба будут указывать пальцем. Агенобарб не выносил, когда приходилось медлить, а теперь множество людей ждут от него приказа и видят его замешательство.

– Господин, нужно ли закрыть ворота? – подошел сзади заместитель.

Агенобарб посмотрел ему в лицо и вдруг почувствовал раздражение – столь юным и самоуверенным тот казался. Ходили слухи, что у Сенеки в Риме большие связи, и Агенобарб не мог не заметить, как роскошно он одевается. Глядя на Сенеку, командующий чувствовал себя стариком, даже суставы начинали ныть. В такой момент терпеть чужую заносчивость – это слишком. Молодой офицер, видимо, старался скрыть высокомерие, но за свою жизнь Агенобарб повидал немало подобных людей. Как бы они ни лебезили, их все равно выдают глаза, и становится ясно, что, если в деле замешаны личные интересы, таким лучше не доверять.

Агенобарб глубоко вздохнул. Конечно, особенно обольщаться не стоит, но так приятно самому принимать решения!

– Тебе приходилось сражаться, Сенека? – спросил он.

Лицо юноши побледнело, затем на нем вновь появилась привычная улыбка.

– Еще нет, господин, но, надеюсь, я пригожусь.

Агенобарб слегка оскалился:

– Я знал, что ты так скажешь. Не сомневался. Сегодня ты сможешь себя проявить.

Помпей стоял один в здании сената, прислушиваясь к воспоминаниям. По его приказу кузнецы выломали двери, которые теперь криво висели в проемах. С улиц древнего Рима пробивался сквозь завесу поднятой пыли тусклый свет. Помпей с кряхтением опустился на скамью.

– Шестьдесят пять лет, – пробормотал диктатор в пустой зал. – Я слишком стар, чтобы снова воевать.

У него случались минуты слабости и отчаяния, и тогда под гнетом прожитых лет все тело болело и молило об отдыхе. Видно, пришло время оставить Рим молодым волкам – таким, как Цезарь. В конце концов, этот наглец уже доказал, что обладает важнейшим качеством правителя Рима – умением выживать. Когда гнев не затуманивал мысли, Помпей почти восхищался Юлием. Было время – он не поставил бы и бронзовой монетки за его возвращение целым и невредимым.

Толпа любила Цезаря за военные успехи, а Помпей ненавидел – за любовь толпы. Даже самое незначительное событие – чуть ли не покупка нового коня! – давало Цезарю повод слать в Рим победные реляции, которые потом обсуждались на улицах. Простые горожане собирались и жадно внимали любым новостям, хоть бы и самым пустяковым. Любопытство их было ненасытным, и только люди, подобные Помпею, качали головой, удивляясь: неужели можно так унижаться? Цицерон и тот утрачивал свою дальновидность, когда речь заходила о сражениях в Галлии. Что же мог противопоставить сенат Цезарю, который писал о взятии городов и о чудесах, вроде меловых утесов где-то на краю земли?

Помпей сердито фыркнул, жалея, что не может разделить свои чувства с Крассом. Именно они вдвоем – какая горькая ирония! – взрастили в Цезаре столь непомерное честолюбие. Разве не сам Помпей согласился на триумvirат? Тогда все, казалось, выиграло, но теперь галльские легионы шли на Рим, и Помпей каялся, что в свое время не проявил дальновидности.

Он отправил Цезаря в Испанию – и тот вернулся и стал консулом. Он послал его покорять дикие галльские племена – могли ведь дикари соблюсти приличия и прислать Цезаря обратно изрубленным на куски? Нет. Юлий вернулся домой гордый, как лев, а римляне ничто не ценят так, как победу.

Черная злоба тенью легла на лицо Помпея, когда он подумал о сенаторах, которые его предали. Лишь две трети из них откликнулись на призыв отправиться в Грецию, а ведь все обещали и клялись прилюдно... Остальные затаились, предпочли не делить изгнание с правительством, а дожидаться армии изменника. Удар был тяжелый, просто сокрушительный. Сенаторы прекрасно знали, что у Помпея нет времени разыскивать их и вытаскивать из убежищ, и это злило его еще

больше. Промедление и без того оказалось опасно долгим – диктатор задержался в городе, поскольку хотел дождаться солдат, снятых с дорожных постов и застав. Если Агенобарб быстро их не пришлет, придется отправляться без них. Окажись Цезарь у ворот Рима раньше, чем Помпей покинет город, и все планы диктатора пойдут прахом.

Помпей откашлялся. Выплюнул темную массу на мраморные плиты, и этот символический плевок принес ему некоторое облегчение. Несомненно, горожане в своем безрассудстве будут приветствовать идущие по Форуму войска Цезаря. Помпей не переставал удивляться неблагодарности римлян. Почти четыре года заботился он о том, чтобы они могли зарабатывать на жизнь и кормить своих детей, не боясь убийств, насилия и грабежа. Мятежи Клодия и Милона остались в прошлом, и теперь город процветал – возможно, отчасти потому, что помнил, каков настоящий хаос. И все-таки горожане не перестанут восхвалять Цезаря, который победил врагов, а теперь несет Риму новые волнения. По сравнению с этим хлеб насущный и спокойствие ничего для них не значат.

Диктатор оперся на подлокотники и встал. Болел желудок. Без видимой причины Помпей чувствовал сильное утомление. Нелегко постоянно убеждать себя, что он не совершает ошибки, покидая город. Ведь бывают ситуации, когда любой полководец признает, что единственный выход – отступить, собрать силы и атаковать уже на своих условиях. И все равно – как тяжело!

Пусть Юлий двинется за Помпеем в Грецию. В конце концов, там знают, кто правит Римом. В Греции диктатор соберет армию и самых лучших в мире офицеров. Тогда Юлий поймет разницу между своими грязными дикарями и воинами Рима – и для этого есть только один способ.

Помпей никак не мог привыкнуть к мысли, что Юлий – не тот молодой человек, каким он его помнил. Интересно, стал ли Юлий тоже с возрастом сильнее чувствовать зимние холода, чаще ли его одолевают сомнения? Удивительно – Помпей знает своего врага лучше, чем кто бы то ни было в Риме. Когда-то они делили хлеб, вместе сражались за общие цели и интриговали против общих врагов. А теперь Юлий повернулся против него. Такое ужасное предательство – ведь Помпей, ко всему прочему, женат на дочери Цезаря. При этой мысли диктатор усмехнулся. Он догадывался, что жена его не любит,

но она хоть умеет понимать свой долг в отличие от беспутного папаши. Юлия родила ему сына, который, быть может, в один прекрасный день станет править миром.

Помпей задумался: а если Юлия желает возвращения отца? Отправляя жену на корабль, он и не подумал поинтересоваться. Пусть она дочь Цезаря, но принадлежит она не ему, а супругу. Ее молодое тело влекло Помпея, и, хотя Юлия переживала близость без восторга, муж считал, что ей нечего жаловаться на жизнь.

Если Помпей принесет жене голову ее отца – ужаснется ли она? Диктатор представил себе эту картину и слегка воспрянул духом.

Помпей вышел из сената к ожидавшим его воинам; их безупречный строй радовал глаз. Из-за Цезаря Помпею казалось, что в мире не осталось порядка и можно нарушить любые обычаи, стоит только пожелать. Теперь ему приятно было видеть, как толпа на Форуме почтительно теснится, спеша дать место его воинам.

– От Агенобарба есть новости? – спросил Помпей у своего писца.

– Пока нет, хозяин, – ответил тот.

Помпей нахмурился. Хорошо бы этот глупец Агенобарб устоял перед искушением и не сунулся к галльским легионам. Приказ у него четкий.

Колонна солдат двигалась по широкой пустой дороге. Увидев, как Сенека построил воинов, Агенобарб одобрительно хмыкнул. Конечно, боевого опыта у юнца нет, но почти всю сознательную жизнь он провел в легионах. Любые задачи Сенека решал с уверенностью – у знати это, по-видимому, врожденная черта. Сейчас заместитель командующего соединил центурии в манипулы и на правом фланге поставил наиболее опытных командиров.

Где-то раздобыли старые сигнальные горны – отдавать основные команды: «стой», «вперед», «назад». Трех сигналов, по мнению Сенеки, достаточно, а лишние могут затруднить запоминание. Он шагал, довольный результатами своих усилий. Воины хорошо вооружены, накормлены и принадлежат величайшей военной державе. Хороший легион – это хорошее обучение и хорошие командиры. Солдаты, которые раньше несли службу на дорогах, прозябая в глуши, всеми позабытые, понимали открывавшиеся перед ними возможности. Их воодушевляло, что они идут драться с мятежником и за ними стоит

Рим. У многих в Риме жили семьи, а сражаться за свою семью всегда легче, чем за высокие идеалы сенаторов.

Агенобарб ловил на себе взгляды воинов, и сладкое бремя власти, о котором он мечтал всю жизнь, словно придавало ему крылья. Даже просто идя со своими солдатами, командующий не мог скрыть радость. Большого требовать у богов нельзя, и Агенобарб поклялся пожертвовать им шестую часть своего состояния, если они еще и отдадут в его руки Цезаря.

Лазутчики обнаружили неприятельские силы в десяти милях к северу от Корфиния – такое расстояние солдаты пройдут меньше чем за три часа. Агенобарб хотел было ехать верхом, но здравый смысл одержал верх над тщеславием. Пусть солдаты видят командующего в своих рядах – когда придет время, он вместе с остальными вынет меч или метнет копьё.

Агенобарб не мог не признать – Сенека составил план атаки мастерски. Одно дело отдать приказ, и совсем иное – выстроить боевые порядки и обосновать тактику. Сенеку устраивало, что сражаться предстоит с римскими воинами. Неизвестны лишь условия местности, а остальное произойдет в соответствии с наставлениями по воинскому искусству, которые он прекрасно изучил.

Когда Сенека выстроил войско, первое неблагоприятное впечатление Агенобарба рассеялось. На глухих дорожных заставах несли службу отличные солдаты, и многие из них воевали в Греции и Испании, прежде чем попасть в караулы. Строй они держали отлично, и не хватало только барабанщиков, чтобы отбивать ритм.

Агенобарб не мог отвязаться от мысли о почестях, ожидающих того, кто схватит изменника, угрожающего городу. Самая малая награда – пост трибуна или магистрата. Агенобарбу в его возрасте больше не бывать военачальником, но теперь все равно. Как бы ни обернулось дело, он запомнит этот день. Откровенно говоря, водить легионы по пустынным горам, вдали от дома – занятие не из приятных. Гораздо лучше вести мирную жизнь, посещая суд и принимая взятки от сыновей сенаторов.

Вокруг лежали небольшие возделанные поля. На каждом пригодном для земледелия клочке шелестели пшеничные колосья – хлеб для бездонной утробы Рима. Дорога была свободной,

и Агенобарб не обращал внимания на путников, которые поспешно шарахались на обочину, давая дорогу легиону. Его легиону.

Когда лазутчики донесли, что Агенобарб вышел из Корфиния, Юлий тотчас отдал приказ выступать. Если противник не станет атаковать, то его ветераны, конечно же, легко догонят бывших стражников на дороге, прежде чем те достигнут Рима и окажутся в безопасности. Сомневаться в своем войске Цезарю не приходилось. Десятый неоднократно воевал против превосходящих сил, попадал в засады, отражал ночные атаки, усмирал мятежи бриттов. Юлий спокойно поведет их на любые силы, если нужно всего лишь уничтожить врага. Взять противника живьем гораздо труднее. Экстраординарии целое утро носились между отрядами Брута и Десятым легионом, передавая приказы.

Заставить неприятеля сдаться без боя – небывалая задача, тем более когда речь идет о таких же римских легионах. Люди постараются стоять до последнего, даже против превосходящего противника, но не оставят Рим без защиты. Чтобы они потеряли способность драться, нужно вселить в них настоящую панику.

Легионеры Десятого шли по нивам, вытаптывая пшеницу. И хотя ветераны шагали свободным строем, они оставляли за собой полосы, как будто по полям провели огромной бороной. И полосы эти одинаково ровно ложились по равнинам и холмам.

Экстраординарии неслись вперед, спеша увидеть противника. Воины Десятого, ожидая сигнала к атаке, положили руки на рукоятки мечей.

На горизонте темной полосой возникли легионы Юлия, и у Агенобарба забилось сердце. По приказу Сенеки затрубили горны, и их пронзительные звуки помогли солдатам расправить спины и укрепиться духом. Почти бессознательно они ускорили шаг.

– Стройся в каре! – проревел Сенека; колонна сразу распалась – центурии выступили в стороны.

И вот, словно на параде, строй стал расширяться, образуя подобие молота, рукоять которого была сзади по ходу движения. Она постепенно укорачивалась, и вскоре солдаты шагали единой плотной группой. Сжимая копья вспотевшими ладонями, люди готовились

вступить в бой. Некоторые молились на ходу, вверяя свою жизнь богам. Агенобарб же возносил благодарность за то, что в его жизни наступила наконец такая минута. Строй вошел в густую пшеницу и двинулся дальше, сминая и затаптывая колосья.

Агенобарб не мог оторвать взгляд от сверкающих доспехов галльских легионеров. С волнением и нарастающим страхом смотрел полководец на неприятеля. Он уже слышал их трубы и горны и видел, как по сигналу противник перестраивается в небольшие отряды, продолжая неумолимо приближаться.

– Приготовиться! – крикнул Агенобарб через головы своих спутников, щурясь от заливающего глаза пота.

И тут Десятый, ревом разорвав тишину дня, бросился вперед.

Юлий ехал верхом рядом с солдатами и придерживал поводья, стараясь не слишком вырваться вперед. Он наблюдал, как уменьшается расстояние между его войсками и неприятелем, и чувствовал во рту вкус пыли. Воины Десятого не приготовили свои копья, и военачальник надеялся, что они так и будут действовать по плану. Галльские легионеры бежали по земле наперерез солдатам Агенобарба; после первого своего крика они хранили зловещее молчание.

Юлий считал шаги, оставшиеся до противника, пытаясь определить разделяющее их расстояние. Разумеется, сброд, приведенный Агенобарбом, не способен метать копья на далекое расстояние, и все же, подходя близко, Юлий рискует своими воинами.

В последний момент Цезарь приказал легионерам остановиться, и Десятый резко затормозил. Еще пятьдесят шагов – и противник оказался бы на расстоянии броска копья, но Юлий даже не смотрел в ту сторону. Он ждал, когда вдалеке за клубится пыль, свидетельствующая о том, что его ветераны начали обходной маневр. Стражники оглушительно топали. Юлий приподнялся и оперся на седло коленом.

– Идут! – торжественно воскликнул он.

Под прикрытием холмов Брут, Домиций и Марк Антоний обошли силы Агенобарба и окружили его. Теперь Юлий мог легко разбить противника, но полководец поставил себе более хитрую цель – и более трудную. Агенобарб приблизился на расстояние полета копья, и Юлий

поднял руку и описал ею круг над головой. Десятый развернулся вправо и двинулся, держа неизменное расстояние между собой и Агенобарбом. Казалось, противники связаны длинной веревкой, и войску Агенобарба приходилось либо разворачиваться вместе с Десятым, либо открыть ему свои фланги.

Видя все это, Юлий довольно ухмыльнулся. Чтобы полностью развернуть каре на месте, противнику явно было недостаточно трех сигналов горна. Ряды стражников то растягивались, то сжимались, потому что передние старались не отстать от Десятого, а те, кто шагал сзади, теряли строй и злились.

Когда легионеры Десятого, продолжая перемещаться тем же порядком, прошли четверть круга, Брут подвел Третий легион, выкрикивающий противнику угрозы.

Четко, словно на параде, ветераны выстроили дугу; с волнением наблюдая за происходящим, Юлий радостно кивал головой. Противник полностью окружен, им владеют страх и растерянность. Ловушка сработала. Некоторые из солдат Агенобарба, видимо, еще собирались сражаться, но их окружали четыре легиона ветеранов, и большинство стражников поддались панике. Из расстроившихся рядов не вылетело ни одного копья.

Крутясь на месте, войска подняли тучи пыли, которая густо висела в воздухе, заставляя людей кашлять и чихать. Агенобарб не замечал приближения экстраординариев. Он впал в панику и теперь не знал, как поступить в столь неожиданно изменившейся ситуации. Вражеских солдат слишком много, и ему грозит неминуемая гибель.

Галльские легионеры замерли, держа копья на изготовку, а стражники, понимая, что их легко перебьют, теснились в середину круга.

Агенобарб проревел приказ не двигаться. Ряды его воинов смешались; теперь полководца окружала толпа перепуганных, сбитых с толку людей. Сенека молчал – он выглядел совершенно потерянным. В наставлениях по военному делу подобная ситуация не предусматривалась. Тяжело дыша, с перекошенным лицом, Агенобарб ожидал атаки. Несмотря на безнадежность положения, многие его воины подняли мечи, и он почувствовал за них гордость.

Агенобарб наблюдал, как приближаются всадники. Где-то в глубине души он не мог не оценить, что противник ему достался

весьма достойный. Агенобарб предпочел бы избежать унижения и не встречаться с ним лицом к лицу, однако и сразу умирать не хотелось. Сейчас он дорожил каждым прожитым мгновением.

Двое из всадников прикрывали третьего своими щитами, и Агенобарб понял – это и есть тот, кто покорил Галлию, а теперь угрожает самому Риму. Всадник ехал без шлема, в простых доспехах, подложив под себя темно-красный плащ, край которого развевался по ветру. На вид Юлий был ничем не примечателен, но после такого коварного маневра – сломить целое войско без единого удара меча – он показался Агенобарбу орудием рока, явившимся ему на погибель. На этом красном плаще не будет заметна римская кровь.

Агенобарб выпрямился:

– Парни, когда он приблизится, по моему сигналу бросаемся на него. И передайте приказ дальше. Пусть мы не одолеем негодяев, но если убьем командира, то хоть недаром пропадем.

Сенека смотрел на своего начальника во все глаза, но под пристальным взглядом Агенобарба отвернулся – юноша, видно, еще не осознал, что тут не тактические учения. Остальные, стоящие рядом, наклонили голову, показывая: они поняли приказ.

Жизнь – не самое дорогое, и есть вещи, ради которых стоит умереть, но иногда человек об этом забывает. Вот и Агенобарб среди всеобщего ужаса и хаоса почти смирился с поражением, а потом вдруг прозрел: Цезарь – враг, будь он хоть трижды римлянин.

К Агенобарбу вплотную подошел Сенека.

– Господин, мы не можем атаковать. Мы *должны* сдаться, – сказал заместитель прямо в ухо командующему.

Агенобарб взглянул на него: Сенека, похоже, испугался.

– Вернись, юноша, пусть все видят, что ты на месте. Подпустим Цезаря поближе и разделаемся с ним.

У Сенеки отвисла челюсть – он не понял, откуда в его начальнике такая свирепая решимость. Раньше за ним подобного не водилось, и Сенека в потрясенном молчании удалился. Агенобарб усмехнулся про себя. Он смотрел на ветеранов, окруживших его армию. Показав свое мастерство, легионеры просто стояли и ждали, и Агенобарб не мог не признать их превосходства. Как легко они обошли своего жалкого противника!

Всадникам, казалось, не терпится в бой. При виде грозных воинов, привыкших хладнокровно убивать, Агенобарб содрогнулся. Точно великаны, возвышались они над полем; каждый, кто читал донесения из Галлии, знал их способности. Им нет равных, и страшно даже представить, что случится, если ветераны набросятся на несчастных стражников.

– Кто ваш командир? – прогремело над полем. – Пусть выйдет вперед.

Все лица обратились на Агенобарба, который, угрюмо улыбаясь, шагнул к передней линии. Светило яркое солнце, и все предметы казались ему слишком резкими, словно края их заострились.

Он вышел из строя. На него смотрели тысячи глаз. Трое всадников приближались. Агенобарб осторожно вынул меч и глубоко вздохнул. Пусть приблизятся, тогда он им и ответит. Сердце его бешено колотилось, но, когда Юлий Цезарь глянул на него сверху вниз, командующий почувствовал странное безразличие.

– Ты понимаешь, что делаешь?! – проревел Юлий, багровея от гнева. – Как твое имя?

Агенобарб от удивления чуть отступил назад.

– Агенобарб, – ответил он, подавляя желание добавить «господин».

Он почувствовал, как солдаты за его спиной напряглись, и уже готовился отдать приказ атаковать.

– Как посмел ты, Агенобарб, обнажить против меня меч? Как ты посмел? Ты нарушил свой долг! Радуйся же, что никто из твоих и моих людей не погиб, или тебя повесили бы еще до рассвета.

Агенобарб смущенно моргнул:

– У меня приказ...

– Приказ от кого? От Помпея? А разве по закону он до сих пор остается диктатором? Перед тобой законопослушный римский полководец, а ты лепечешь о приказах Помпея! Хочешь смерти? Кто ты такой, чтобы подвергать опасности столько жизней? Сенатор? Ты проиграл, командующий. Тебе здесь нечего делать. – Юлий с отвращением отвернулся от Агенобарба и обратился к воинам, которые не сводили с него глаз: – Я возвращаюсь в Рим и снова займу должность консула. Это не противоречит законам. Вы мне не враги, и я не стану проливать кровь своего народа, если меня не вынудят.

Не обращая внимания на Агенобарба, Юлий направил коня вдоль строя; охранники не отставали. В какой-то миг Агенобарб колебался, не крикнуть ли все же сигнал к атаке, но тут один из всадников, словно прочитав его мысли, предостерегающе улыбнулся и покачал головой. Агенобарб вспомнил, что Цезарь назвал его командующим, и слова замерли у него на языке.

Издали доносился голос Цезаря:

– За ваши сегодняшние действия я вправе разоружить вас и продать в рабство. Вот и сейчас я вижу у вас обнаженные мечи и поднятые копья. Не толкайте меня на крайние меры. Я римский военачальник и предан Риму. Я веду галльские легионы, я представляю сенат и закон. Даже не думайте поднимать на меня оружие.

Слова Цезаря обрушивались на окруженных солдат, окончательно приводя их в смятение. Они медленно опускали копья и мечи. Юлий развернул коня и поехал обратно, продолжая говорить:

– Не для того я пришел сюда после десяти лет войны, чтобы сражаться против моего народа. Вас ввели в заблуждение. Даю вам слово: если вы сразу сложите оружие, никого из вас не убьют. – Он окинул взглядом воинов. – У вас есть выбор. Ведите себя благоразумно, и вас не лишат чести. Помните о своем положении. Я не обязан быть милосердным к предателям Рима, каковыми могу счесть вас.

Юлий опять поравнялся с Агенобарбом, и тому пришлось смотреть против солнца. Вместо Юлия он видел лишь темное пятно на фоне яркого света.

– Итак? Они оказались здесь из-за твоей глупости, – спокойно произнес Юлий. – Ты хочешь, чтобы люди погибли ни за что?

Агенобарб, онемев, покачал головой.

– Тогда распусти их и приведи ко мне офицеров. Нужно обсудить условия капитуляции.

– Но ты нарушил закон, пойдя на Рим, – упрямо проговорил Агенобарб.

Глаза Юлия сверкнули.

– Верно, а диктатура допускается лишь как временная мера. Знай, командующий: иногда нужно поступать не по закону, а по совести.

Агенобарб взглянул на своих воинов.

– Ты даешь слово никого не наказывать? – спросил он.

Юлий не медлил ни секунды:

– Я не стану проливать римскую кровь, пока меня не вынудят. Даю тебе слово.

Казалось бы, ничего особенного, если к тебе обращаются с уважением, но Агенобарб тут же позабыл о своем порыве – желание отдать жизнь куда-то улетучилось.

Он кивнул Цезарю:

– Хорошо, господин. Я согласен.

– Отдай мне меч, – потребовал Юлий.

На мгновение их взгляды встретились, затем Агенобарб протянул меч, и ладонь Юлия сомкнулась на ножнах. Этот знаменательный жест видели все.

– Ты поступил правильно, – сказал Цезарь и галопом поскакал к своим легионерам.

Глава 3

Помпей стоял на причале в Остии и смотрел в сторону Рима. В небольшом портовом городке царило спокойствие, словно местным жителям не было никакого дела до происходящего. За многие годы в сенате Помпей усвоил, что большинству людей совершенно безразлично, чем занимается правительство. Жизнь их протекает своим путем. И в самом деле, кто бы ни был консулом – хлеб все равно нужно печь и рыбу нужно ловить.

За спиной Помпея трещал в пламени последний корабль, и он обернулся, чтобы посмотреть на море. Теперь кое-кому не будет безразлично. Владельцы торговых судов разорены, ибо Помпей приказал сжечь все корабли. Цезарь не сможет пуститься за ним в погоню, пока диктатор не соберет войско.

Даже сюда долетал рев пламени. Достигнув парусов, огонь мгновенно пожрал просмоленную ткань. Помпей надеялся, что солдаты догадались собрать с судна все ценное, прежде чем его поджечь.

Три прочные триремы, покачиваясь на волнах, ждали оставшихся сенаторов и самого Помпея. Огромные весла очистили от водорослей, уключины смазали. Ветер дул в сторону моря. Помпей был доволен, что отплывает последним, и никак не мог решиться покинуть причал,

хотя время уже настало. Есть ли у него вообще выбор? До недавнего времени диктатор полагал, что перехитрил Цезаря, когда приказал ему возвращаться. Любой другой полководец вернулся бы с небольшой свитой, и на него легко нашлась бы управа.

До сих пор Помпей не понимал, почему Цезарь решил рискнуть всем, чего достиг, и двинулся на юг. Регул, вероятно, потерпел неудачу и погиб, выполняя приказ. А его безуспешная попытка наверняка помогла Цезарю понять истинные намерения диктатора.

Посылая Регула, Помпей полагал, что тот сможет выдержать пытки. Так глупо! Сломить можно кого угодно – достаточно подобрать ключ к душе человека, а это только вопрос времени. Хотя и теперь Помпей сомневался, что выкован тот ключ, которым можно открыть душу Регула.

Последняя лодка с корабля Помпея ткнулась в причал, и на берег выпрыгнул Светоний. Он поднимался по холму, раздуваясь от важности. Диктатор повернулся к Риму, который чувствовал даже на расстоянии. Агенобарб до сих не появился, и, возможно, его нет в живых. Жалко терять людей, но если Юлия хотя бы задержали – это того стоило. Помпей и подумать не мог, что окажется так трудно вытащить сенаторов из города. Он испытывал сильное искушение бросить бесчисленные ящики с их добром прямо на причале – пусть заберут матросы торговых судов. С домочадцами сенаторов тоже хватало хлопот; Помпей ограничил число рабов для каждой семьи и позволил взять с собой не больше трех человек. Сотням рабов пришлось возвращаться в Рим. Со всего побережья собрали множество кораблей – несколько судов негодились, и их сожгли.

Помпей натянуто улыбнулся. Сам Цезарь не в состоянии сотворить флот из ничего. У Помпея впереди целый год, чтобы собрать и обучить армию, и тогда – добро пожаловать, Юлий!

Подошел Светоний, и Помпей взглянул на его тщательно отполированные доспехи. За последние недели Светоний стал для диктатора незаменим. Кроме всего прочего, Помпей знал, как тот ненавидит Цезаря. Приятно иметь рядом человека, которому можно доверять, и уж кто-кто, а Светоний не станет ставить под сомнения приказы Помпея.

– Лодка для тебя готова, господин, – произнес Светоний.

Помпей сухо кивнул.

– Я прощался со своей страной, – объяснил он. – Теперь я не скоро сюда попаду.

– Но это обязательно случится, господин. А Греция для многих стала второй родиной. Мы с корнем вырвем измену.

– Конечно, – ответил Помпей.

Их окутал дым от догорающего корабля, и Помпей слегка вздрогнул. Иногда он боялся, что на горизонте покажутся легионы Юлия, а он не успеет покинуть город. Не желая терять ни одной лишней минуты, диктатор не сделал жертвоприношений в храмах, хотя следовало бы. Зато если неожиданно появится неприятель и поскачет прямо на него, Помпею достаточно ступить в лодку, и вскоре он будет на корабле, недостижим для врага. За последние две недели ему выдалась первая минута без спешки, и Помпей немного успокоился.

– Как думаешь, Светоний, Цезарь уже в городе?

– Возможно, господин. Но в любом случае он там не задержится.

Собеседники смотрели на восток, словно могли увидеть там родной город. Вспомнив молчаливые сборища на римских улицах, по которым уходили его легионеры, Помпей поморщился. Многие тысячи горожан вышли поглядеть на отъезд сенаторов. Никто не осмелился выкрикивать насмешки или угрозы, даже из самой гущи толпы, – слишком хорошо римляне знали Помпея. Однако лица людей выражали многое, и Помпей негодовал. По какому праву они так на него смотрят? Он отдал Риму свои лучшие годы. Он был сенатором, консулом, диктатором. Он подавил восстание Спартака, а потом мятежи многих мелких вождей и царьков – всех и не упомнить. Ему удалось разделаться с Титом Милоном. Помпей был настоящим отцом города, а теперь римляне хранят злое молчание – словно они ничем ему не обязаны.

Вокруг собеседников кружились хлопья пепла, возносимые воздушными потоками. Помпея лихорадило на ветру, он чувствовал себя стариком. Тем не менее будь у него возможность оставить политику, он все равно к этому не готов. Диктатор оказался тут по вине человека, равнодушного к судьбе Рима. Цезарь узнает цену власти – город покажет ему свои когти. Те самые люди, которые аплодируют тебе и кидают к твоим ногам цветы, через несколько недель могут забыть о твоём существовании.

– Я ничего не хотел бы изменить, Светоний, – заявил диктатор, – ни одного года. Будь у меня вторая жизнь, я бы прожил ее точно так же, даже зная, что окажусь вот здесь, собираясь бежать из Рима. – Увидев замешательство Светония, Помпей хмыкнул. – Но это еще не последнее наше слово. Поторопимся, нужно выйти в море, пока не кончился отлив.

Сервилия смотрела на свое отражение в бронзовом зеркале. Вокруг суетились три рабыни, укладывали ей прическу, подкрашивали веки – она начала приводить себя в порядок задолго до рассвета. Предстоял особенный день. Говорили, что сегодня в Рим явится Цезарь, и ей хотелось предстать перед ним в наилучшем виде.

Сервилия, обнаженная, поднялась перед зеркалом, расправив плечи, и рабыня стала подкрашивать ей соски. От легкого прикосновения кисточки они затвердели, и Сервилия улыбнулась, а затем вздохнула. Зеркало не обманешь. Она провела ладонью по животу. В отличие от многодетных римских матрон ей удалось сохранить плоский живот, но с возрастом кожа потеряла упругость, уподобилась помятой, плохо натянутой ткани.

Легкие одежды, которые раньше подчеркивали прекрасные линии, теперь должны скрывать недостатки фигуры. Сервилия сохранила стройность – занятия верховой ездой помогали ей поддерживать форму, но молодость дается только однажды, и ее молодость уже прошла. Неокрашенные волосы отливали серебром, и часто она мучила себя мыслью, что пора перестать скрывать свой возраст, пока все эти краски и румяна не стали его подчеркивать. Сервилии приходилось встречать женщин, которые не хотели признавать, что состарились, и она боялась стать таким же накрашенным пугалом в парике. Лучше быть седой, но достойной старухой, чем стать всеобщим посмешищем. Однако сегодня прибудет Цезарь, и она постарается выглядеть моложе.

Умощенная притираниями кожа казалась гладкой, но стоит пошевелиться – на ней появится сеть крошечных морщин, словно в насмешку сводя на нет все усилия. Какая трагедия, что у кожи столь короткая молодость, а потом нужны разные масла, краски...

– А Цезарь въедет в город, госпожа? – поинтересовалась одна из рабынь.

Сервилия взглянула на нее, понимая, чем вызван румянец девушки:

– Разумеется, Талия. Он придет во главе своей армии и проедет к Форуму выступить перед римлянами. Это будет настоящий триумф.

– Никогда не видела триумфа, – сказала Талия, потупив глаза.

Сервилия холодно улыбнулась – она почти ненавидела девушку за ее молодость.

– И сегодня не увидишь, дорогая моя. Нужно убирать дом к приходу Цезаря.

Девушка явно разочаровалась, но Сервилию это не беспокоило. Легионы Помпея ушли, и город, затаив дыхание, ждет Цезаря. Те, кто поддерживал диктатора, сидят в страхе, думая, что их арестуют и накажут. Улицы Рима, которые и в лучшие времена не отличались безопасностью, сегодня просто бурлят – разве можно молодой красивой рабыне бродить в такой день по городу, любуясь маршем галльских ветеранов? Сервилия не знала, приносят ли годы мудрость, но опыт они дают, и этого достаточно.

Она запрокинула голову и, не двигаясь, ждала, пока еще одна из рабынь опустит в сосуд с белладонной тонкую палочку слоновой кости и поднесет к глазам хозяйки. На конце палочки собралась темная капля и упала – почувствовав жжение, Сервилия опустила веки. Рабыня терпеливо ждала, когда у госпожи утихнет боль, потом закапала зелье в другой глаз.

В больших дозах белладонна – смертельный яд, но маленькая капля делает зрачки большими и темными, словно у молодой женщины в сумерках. На ярком свете зрение от этого ухудшается, однако чего не сделаешь ради красоты. Сервилия сняла с ресниц слезинки и вздохнула. Такая мелочь – но они могут скатиться на щеки и все испортить.

Самая юная из рабынь, держа в руках сосуд с краской для век, дожидалась, пока госпожа изучит в зеркале результаты их работы. Из-за расширившихся зрачков комната казалась хозяйке светлее, и она повеселела. Цезарь возвращается!

Выполняя приказ Цезаря, Агенобарб привел своих солдат в старые казармы Перворожденного, за стенами Рима. Последние десять

лет там никто не жил, и, пока Агенобарб отряхивал сандалии, Сенека уже обдумывал, как организовать ремонт и чистку здания.

Оставшись на несколько драгоценных минут один, Агенобарб вошел в помещение для командиров и присел, положив на пыльный стол мех с вином. С улицы доносились голоса солдат, судачивших о недавних событиях. Агенобарб покачал головой, не в силах поверить в случившееся. Со вздохом он открыл бронзовое горлышко, опрокинул мех, и в горло полилась обжигающая струя.

У Рима полно разведчиков в окрестностях, и в городе знают, что произошло с войском Агенобарба. Интересно, кто получает донесения теперь, когда Помпея нет? За много веков Рим впервые остался без власти; в памяти людей еще жили мятежи Милона и Клодия. Наверное, пока горожане ждут нового хозяина, страх не даст им высунуться на улицу.

Клацанье подкованных железом сапог заставило Агенобарба поднять голову. В дверях, озираясь, стоял Сенека.

– Входи, парень, хлебни. Ну и день выдался! – проворчал Агенобарб.

– Я не нашел... – начал Сенека.

– Сядь и выпей. Обойдутся без тебя пару минут.

– Конечно, господин.

Агенобарб вздохнул. Ему было показалось, что лед между ними растаял, но вблизи стен Рима Сенека вернулся мыслями к своей карьере – как любой молодой римлянин из теперешних. Болезнь века.

– Ты отправил гонцов к побережью? Надеюсь, Помпей не стал нас дожидаться.

– Нет! Я не подумал... – Сенека начал подниматься.

Агенобарб жестом велел ему сесть:

– С этим можно подождать. Не знаю, сможем ли мы теперь соединиться с ним. – (Сенека мигом насторожился и сделал удивленное лицо.) – Парень, ты вместе со мной присягнул Цезарю. Только не говори, что не понимаешь, как это важно.

Сейчас начнет изворачиваться, подумал Агенобарб, но юноша поднял голову и посмотрел ему в глаза:

– Нет, я понимаю. Однако раньше я присягал служить Риму. Если Помпей увез сенат в Грецию, я должен следовать за ним.

Прежде чем ответить, Агенобарб отхлебнул вина.

– Твоя жизнь принадлежит Цезарю. Он ведь все тебе объяснил. Станешь и дальше против него сражаться – пощады не жди.

– Я все равно обязан вернуться к Помпею, – ответил Сенека.

Агенобарб надул щеки и выпустил воздух.

– Твоя честь – это твое дело. Нарушишь клятву, данную Цезарю?

– Клятва, данная врагу, ни к чему меня не обязывает, господин.

– А меня обязывает. Тебе стоит хорошенько подумать, чью сторону принять. Выберешь Помпея – Цезарь тебе яйца оторвет.

Запылав от гнева, Сенека поднялся:

– Тебе, видно, уже оторвал!

Агенобарб обрушил на стол кулак, подняв тучу пыли:

– По-твоему, пусть бы нас поубивали? Помпей именно так бы и поступил. Цезарь сказал, что намерен восстановить закон и порядок. И он доказал это, когда отпустил всех, поверив нашей клятве. Я просто потрясен его поступком, и, если бы тебя заботила не только твоя карьера, ты бы понял почему.

– Я заметил, как ты потрясен. Ты даже позабыл о своем долге перед сенатом и Помпеем.

– Нечего поучать меня, мальчишка! – огрызнулся Агенобарб. – Оторвись от своего драгоценного чтения, посмотри на настоящую жизнь! С тех пор как Цезарь пошел на юг, все мы ходим по лезвию ножа. Думаешь, Помпею нужна твоя преданность? Да твой замечательный сенат разотрет тебя в муку – если ему захочется хлеба.

Несколько секунд мужчины напряженно молчали, глядя друг на друга и тяжело дыша.

– Я всегда удивлялся – почему человеку твоих лет не доверяют ничего большего, чем дорожная застава, – сухо молвил Сенека. – Теперь я понимаю. И я буду поучать каждого римского солдата, который не готов отдать жизнь в распоряжение командира. От своих подчиненных я буду требовать именно этого. И не собираюсь здесь отсиживаться. Подобное поведение – трусость!

Каждая черточка юного лица выражала презрение, и Агенобарб почувствовал сильнейшую усталость. Ему не хотелось продолжать.

– Я вылью немного вина на твою могилу – если найду ее. Больше ничего не могу для тебя сделать.

Не отдавая салюта, Сенека повернулся к собеседнику спиной и вышел из комнаты, оставляя следы на пыльном полу. Агенобарб

злобно фыркнул, поднес к губам мех и сильно сдавил его.

Вошедший вскоре в комнату человек увидел, как Агенобарб, погруженный в задумчивость, лениво водит пальцем по пыльному столу.

– Господин! Меня послали узнать, есть ли новости, – заявил незнакомец без всякого вступления.

Агенобарб поднял на него глаза:

– Разве в Риме остался кто-то, кто может слать гонцов? Я полагал, все сенаторы уехали с Помпеем.

Посетитель явно был не в своей тарелке. Он не назвал имени своего хозяина, сообразил Агенобарб.

– Некоторые сенаторы, господин, предпочли остаться. К ним относится и мой хозяин.

Агенобарб оскалился:

– Тогда беги скорее обратно и скажи ему, что Цезарь идет сюда. Он в двух, самое большее трех часах пути. Он несет нам республику, и я не собираюсь ему препятствовать.

Глава 4

Спешившись, экстраординарии навалились на огромные створки Квиринальских ворот, что в северной части Рима. Ворота оказались не заперты, охраны на стенах не было – никто не задержал галльских легионеров. Когда настал решающий час, в городе поднялась суэта, а улицы у ворот обезлюдели.

Тяжелая поступь легионов была подобна приглушенным раскатам грома. Экстраординарии чувствовали, как земля дрожит под ногами солдат; из щелей между камнями мостовой поднималась пыль. Пятнадцать тысяч воинов шагали к городу, который объявил их изменниками. Легионеры шли шеренгами по шесть человек, и конец колонны терялся где-то вдалеке.

Впереди ехал Цезарь на темном скакуне лучших испанских кровей. По бокам, отставая на шаг, двигались Марк Антоний и Брут, держа наготове щиты. Замыкали группу следующие в ряд Домиций, Цирон и Октавиан. Торжественность минуты заставляла всех трепетать. Для каждого Рим был и родным городом, и долгожданной мечтой. Однако вид опустевших стен и неохраняемых ворот вызывал

тревогу. Никто не шутил, не смеялся; солдаты тоже шагали в молчании. Город ждал.

Юлий въехал под арку ворот и, когда ее тень легла на лицо, улыбнулся. Цезарь видел города Греции, Испании, Галлии – но это лишь жалкие подобия Рима. Строгое расположение домов, прямые ряды камней на мощеных улицах – все такое родное и знакомое, Юлий даже расправил плечи. Натянул поводья и повернул коня направо, туда, где его ждал Форум. Несмотря на серьезность момента, Цезарь с трудом сохранял торжественный вид. Губы сами раздвигались в улыбку, хотелось кричать приветствия и людям, и родному городу, невиданному столько лет.

В городе улицы уже не пустовали. Любопытство заставило людей открыть окна и двери домов и лавок и впустить внутрь солнечный свет. Римляне во все глаза глядели на галльских легионеров, вспоминая удивительные истории об этих солдатах. Любой мужчина, любая женщина – все в Риме слушали донесения из Галлии. Как тут устоять и не посмотреть на легендарных воинов во плоти!

– Кидай монеты, Цирон, доставай скорее! – крикнул Юлий через плечо и усмехнулся напряжению гиганта.

Как и у Октавиана, у Цирона на седле висел большой мешок, и, запустив туда руку, он выгреб горсть монет. На каждой был изображен тот, кто ехал сейчас впереди. Серебро звенело по камням мостовой; из укромных уголков выскакивали мальчишки и хватали катящиеся монеты, не давая им остановиться. Юлий вспомнил, как давным-давно стоял за спиной Мария во время триумфа и толпа колыхалась, собирая монеты. И это не просто деньги – потратят их одни бедняки. Остальные сохраняют их на память или сделают подвески для жен или возлюбленных. На монетах – изображение человека, который прославился победами в Галлии, но которого близко почти никто не знает.

Возбуждение детей передалось и взрослым. Все больше и больше народу хватало монеты и радостно смеялись. Стало окончательно ясно: легионеры пришли в город не грабить и не разрушать – завоеватели так себя не ведут.

Цирон и Октавиан быстро опустошили мешки, и из задних рядов им тут же передали другие. Толпа разбухала, точно половина города только и дожидалась какого-то сигнала. Попадались хмурые, сердитые

лица: кое-кому не нравилось, что на улицах Рима так много вооруженных солдат. Однако по мере продвижения колонны недовольных становилось все меньше.

Проезжая мимо старого дома Мария, Юлий посмотрел сквозь решетку ворот во дворик, который впервые увидел мальчишкой. Оглянувшись, поискал взглядом Брута – тот наверняка тоже вспомнил о старых временах. За воротами царило запустение, но скоро дом возродится и снова заживет. Юлию понравилась эта мысль, и он решил украсить подобной метафорой свою речь на Форуме. Выступление должно прозвучать так, словно он говорит в порыве, однако каждая фраза давно продумана и записана Адамом еще в пшеничных полях Этрурии.

Казалось, это знак судьбы – Юлий двигался тем же путем, каким шел когда-то с Перворожденным легионом, тем, первым, который позже распустили враги Мария. Его дядя тогда явился прямо в сенат и потребовал заслуженного им триумфа. Вспоминая Мария, Юлий растроганно покачал головой – не человек был, а буйвол. Законы для него ничего не значили, а чернь просто благоговела перед дерзостью полководца. Мария выбирали консулом столько раз, сколько не выбирали никого за всю историю Рима. Отчаянное тогда было время, не то что сейчас, и мир тогда казался меньше.

Какой-то мальчишка бросился за монетой прямо на дорогу, и Юлий натянул поводья, боясь сбить малыша. Тот схватил свое сокровище и, довольный, крепко зажал в поднятой руке – но тут мать утащила счастливца с опасного места. Не успели приблизиться ехавшие следом, а Юлий пришпорил коня, гадая, как предсказатели истолкуют это небольшое происшествие. Жрецы в храмах, несомненно, уже роются по локоть во внутренностях жертвенных животных, пытаясь узнать будущее. Юлий вспомнил о Кабере. Жаль, старик не дожил до возвращения. Каберу похоронили в Галлии, на морском берегу.

Народу прибывало, праздничное возбуждение росло, словно радостная весть успела облететь каждую улицу. Галльских легионеров незачем бояться! Они пришли с миром, они раздают деньги и не обнажают оружия. С увеличением толпы улицы становились все шумнее. Юлий слышал даже крики торговцев, предлагающих свой

товар. Интересно, сколько розданных сегодня монет пойдет в уплату за прохладное питье или кусок мясного пирога?

К удовольствию Юлия, его солдаты были взволнованы не меньше, чем запрудившие улицы горожане. Те, у кого были родственники, искали их в толпе, и все лица расплывались в улыбках.

Дорога вела вниз, к Форуму, и Юлий почувствовал приближение к открытому пространству задолго до того, как подъехал. Образ этого места, в самом центре города, он пронес неизменным через долгие годы разлуки. Цезарь едва удерживался, чтобы не погнать коня вскачь. Минуя роскошные дворцы и храмы, Юлий не замечал их, он устремил взгляд вперед. Все сильнее и сильнее жгло солнце. Подъезжая к сердцу Рима, Цезарь чувствовал возбуждение, какого и сам от себя не ожидал.

На площади теснился народ – тысячи людей. Многие выкрикивали приветствия, но, несмотря на их веселье, Цезарь понимал, что от него ждут зрелища – такого, о котором можно будет с гордостью рассказывать детям и внукам.

Для него оставили проход к новому зданию сената, и Юлий повернулся туда, где раньше стояло старое, но тут же о нем позабыл. Рим – больше чем здания, больше чем история. Город обновляется с каждым новым поколением – ведь люди забывают о прошлом, – и Юлий тоже участвует в возрождении Рима.

Полководец смотрел прямо перед собой и улыбался горожанам, и они кричали все громче. Сзади маршировали легионеры, но Юлию казалось, что он едет совсем один под слепящим солнцем.

Не в силах больше двигаться шагом, Юлий пришпорил скакуна, и копыта быстрее застучали по камням. Почти рядом – ступени сената. Юлий послал коня вперед, в три скачка оказался на крыльце и повернулся к бескрайнему морю лиц. Он не был тут десять лет, в течение которых пережил страх, боль и потери. Но он вернулся, и Рим принадлежит ему.

Легионы текли на Форум, образуя в разноцветной толпе сверкающие квадратные островки. Граждане и рабы смешались, стремясь пробраться поближе и ничего не упустить. Многие бедняки, охрипнув от воплей, продирались к ступеням сената. Колонны солдат наконец-то остановились – командиры решили, что неразумно и опасно собирать всех в одном месте. Юлий радостно засмеялся.

– Я вернулся! – проревел он над головами людей.

В ответ донеслись приветственные крики, и Цезарь поднял руку, призывая к тишине. К крыльцу подъехали Брут и Марк Антоний – спокойные и веселые. Брут придвинулся к Марку Антонию, что-то сказал ему, и оба тихо засмеялись.

Понемногу волнение улеглось, и люди замерли в ожидании.

– Мой народ! – произнес Цезарь с каким-то удивлением. – Десять лет я думал о том, как встану здесь, перед вами.

Эхо его голоса, отраженного храмами, несло над площадью.

– Я показал нашу мощь в Галлии. Я низверг тамошних царей и привез сюда их золото.

Толпа восторженно заревела, и Юлий понял – он выбрал правильный тон. Более серьезные аргументы он приведет позже, когда этот, первый день останется позади.

– Я построил на новых землях дороги и выбрал земельные наделы для наших граждан. Вы мечтали иметь землю, вы ее получите – и вы, и ваши дети. Ради вас я пересек моря и создал новые карты.

Он переждал, пока утихнет шум.

– Сквозь годы я пронес Рим в своем сердце, и я не забыл мой город!

Слушатели опять разразились воплями, и Юлий снова поднял руки:

– Но этот радостный миг омрачен. Стоя здесь, перед вами, дыша родным воздухом, я знаю, что кое-кто мною недоволен.

Тон его стал суров, и в толпе воцарилась полная тишина.

– Я здесь и готов ответить на любые обвинения в мой адрес. Но где же те, кто обвиняет Цезаря? Выйдут ли они вперед, если я приглашу? Пусть выходят – мне нечего скрывать.

В ответ раздался чей-то крик – Цезарь не разобрал слов, – и в окружении крикуна засмеялись.

– Неужели правда, что Помпей оставил город? Что сенат, которому вы доверили защищать ваши жизни, покинул Рим? Их поступки говорят сами за себя. Рим заслуживает лучшего, чем они. Вы заслуживаете лучшего, чем правители, ускользающие под покровом ночи, как только открылся их обман. Но я не собираюсь угрожать и злобствовать. Я намерен выдвинуть свою кандидатуру на пост консула. Кто может отказать мне в этом праве? Кто из вас станет спорить со мной о римских законах?

Юлий окинул взглядом ходящую волнами площадь. Он любил римлян, неистовых в своей любви, и ненависти, и жадности. Любил за упрямство и непокорность, за радость, которую испытывал, играя на чувствах толпы. Это погубило уже многих политиков, но только ради этого стоило рисковать.

– Тем из вас, кто страшится грядущего, скажу: я достаточно навидался войны. Я постараюсь помириться с Помпеем и сенатом, а если они откажутся – я попытаюсь снова. Я не возьму в Риме ни одной жизни, если меня не принудят. Приношу в том клятву.

Где-то в толпе закричали. Дюжина солдат Десятого во главе с Регулом протискивались туда, торопясь выяснить, в чем дело. Народу набилось много, и люди едва могли пошевелиться. Юлий удивлялся тем, кто даже такой день считает удобным случаем для грабежа или воровства. Хорошо бы Регул поотрывал негодьям головы.

– Если мне придется прибегнуть к военным действиям, чтобы прекратить диктатуру Помпея, я поведу их вдали отсюда. Пока я жив, я буду защищать Рим. Клянусь вам перед лицом всех богов. Я стою за законные выборы, и, если вы сделаете меня консулом, я найду Помпея на краю земли и лишу его власти. Помпей не придет сюда, пока я жив.

Юлий перекинул ногу через седло и в следующую секунду, выпустив из рук поводья, преклонил колени на белом мраморе. Вытянув шею, люди подались вперед и смотрели, как он нагнулся и целует камни. Затем Юлий поднялся, и его доспехи вновь засверкали на солнце.

– Я – подданный Рима. Моя жизнь принадлежит вам!

Возможно, пример подали легионеры, но через минуту вся площадь ревела от восторга.

Из всех радостей ни одна не могла сравниться для Юлия с подобным беспримесным счастьем – слушать, как народ исступленно выкрикивает его имя.

Цезарь поднял поводья и погладил испуганного коня.

– Я завоевал для вас Галлию. Там богатые и плодородные земли – они станут вашими. С галльским золотом мы построим новый Рим, еще более великий и могущественный. Новый Форум, суды, арены, ипподромы, театры, бани. Все это – для вас. Взамен я лишь прошу поднять голову и увидеть, что вы ходите по улицам столицы мира. Все дороги ведут к нам. Все суды получают свои полномочия от нас.

Помните: Рим – первый из городов, и будьте всегда его достойны. Мы – тот светоч, на который держат путь Греция, Испания, Галлия, Британия. А самым бедным я хочу сказать: трудитесь, и на вашем столе будет пища. Боритесь за справедливость, и она восторжествует.

Между тем солдаты Регула поймали тех, кто вызвал на площади переполох. Цезарь увидел, как ведут троих связанных мужчин, и про себя пообещал – негодяи пожалеют, что прервали его речь.

Юлий окинул взглядом сломанные бронзовые двери сената, покосившиеся на петлях. Невольно он почувствовал печаль и, прежде чем снова заговорить, сделал глубокий вдох.

– Вы изберете новых сенаторов, у которых достанет мужества отвечать за свои действия. Те, кто убежал отсюда, – жалкие людишки, и я обязательно скажу им это, когда поймаю их. – По Форуму прошелестел смешок, и Юлий кивнул. – Если Помпей откажется от мира, который я предлагаю, я не брошу вас и не оставлю без защиты. Здесь находятся мои лучшие солдаты, так что порядок вам обеспечен. Рим нельзя бросать на произвол судьбы. Мой город нельзя подвергать риску.

Слушатели жадно ловили слова Юлия, и он вновь почувствовал подъем.

– Но все это в будущем. Сегодня и завтра моим воинам нужно доброе вино и общество красавиц. Я покупаю каждую амфору в Риме. Мы станем веселиться. Галлия – наша, и я дома!

Циرون и Октавиан стали бросать серебро в охрипшую от криков толпу. Юлий направился в пустующий зал заседаний и жестом пригласил офицеров следовать за ним.

В дверях Брут обернулся и посмотрел на Форум.

– А если бы Помпей не уехал? – спросил он.

Юлий пожал плечами и перестал улыбаться:

– Пришлось бы его убить. Рим мой и всегда был моим.

Он вошел в прохладный зал, а Брут помедлил на крыльце.

Гулкое здание сената почти не отличалось от старого, жившего в памяти Юлия. Стены тут облицованы кремовым мрамором, – видимо, строители пытались воссоздать старую курию. Но это не тот зал, который видел спор Мария и Суллы, который слышал голос Катона, страстно убеждающий слушателей. Цезарь никогда не считал, что

сожжение старого сената такая уж трагедия. Однако теперь у него щемило сердце, словно он лишился чего-то важного, последней опоры. Отныне какая-то часть его души вечно будет стремиться в прошлое.

Офицеры заняли места на скамьях, и Юлий попытался прогнать посторонние мысли. Марий отругал бы племянника за подобную слабость. Прошлое казалось безмятежным – потому что уже прошло и в нем не осталось неизвестности. А чтобы смотреть в завтрашний день, с его опасностями, нужна сила и смелость. Юлий сделал глубокий вдох – в новом зале пахло деревом, краской и свежей побелкой.

– Цирон, найди мне Адана. Нужно записать распоряжения.

Цирон быстро поднялся и вышел. Юлий с улыбкой взглянул на остальных. Октавиан, Марк Антоний, Брут, Домиций. Это люди, которым можно доверять. Люди, с которыми он построит державу. И пусть будущее вызывает сомнения и опасения – в нем есть место и мечтам. Юлий не решался загадывать, куда приведет выбранный им путь.

– Итак, друзья, мы не напрасно перешли Рубикон. Начало получилось хорошее.

Вошел секретарь, сел на скамью и приготовил письменные принадлежности. Испанец не мог удержаться от любопытства и жадно рассматривал все вокруг. Для него это поистине легендарное место. Глаза Адана блестели.

– Позаботьтесь найти казармы и жилье для наших людей, – начал Юлий, когда секретарь приготовился записывать. – Займись ты, Цирон. Домиций, пусть сегодня вечером все вино – до последней капли – наливают каждому без всякой платы. Скупи все вино в городе, дай любую цену, но к полуночи пусть Рим будет пьян. А люди должны почувствовать тяжесть нашего золота в своих кошельках. И еще я хочу, чтобы на каждой улице и в каждом состоятельном доме сегодня пировали и принимали любого гостя. Поставить факелы на перекрестках и дорогах. Закупите для них все масло, какое есть. Сегодня следить за спокойствием в городе будет Десятый, завтра – Третий. Должен же кто-то не пить и поддерживать порядок. Октавиан, отправь одну центурию экстраординариев в Остию, пусть проверят, отплыл ли Помпей. У меня нет причин не доверять разведчикам, однако Помпей – это еще та лиса.

Цезарь задумался; Марк Антоний кашлянул и спросил:

– Как быть с сенаторами, оставшимися в городе?

Юлий понимающе кивнул:

– Им нужно оказать почтение. Сенаторы – наша опора, они придадут выборам законность. Провозгласим их смельчаками, которые не покорились Помпею. Сделаем из них героев. Попросим участвовать в моем правительстве и пообещаем безопасность. Сенаторы нам пригодятся.

– А выборы? – продолжил Марк Антоний. – Хотелось бы устроить их побыстрее.

– Вот ты и займись. Нам нужны консулы, магистраты, квесторы, преторы для новых земель в Галлии. Начни послезавтра, когда у людей пройдет похмелье. Частности – на твое усмотрение, но должности следует распределить быстро. Нужны два консула, чтобы возглавить сенат. Я мельком видел, кто остался из знати. Если я в них не ошибся, они уже соображают, какие извлекут выгоды, примкнув к нам. – По лицу Юлия пробежала тень. – Только обойдемся без Бибула. Даже если Бибул в городе, мне он не нужен. Для него у меня нет должности.

Марк Антоний кивнул, и секретарь продолжал скрипеть стилосом, но Юлий тут же заметил:

– Сотри это, Адан. Не нужно каждый раз записывать личное мнение. Все слышали – и достаточно.

Он проследил, как молодой испанец проводит по воску большим пальцем, стирая написанное, и остался доволен.

– Мы начинаем долгий путь. На постройку флота уйдут месяцы, и я успею пересмотреть все римское законодательство. Когда мы уйдем, в городе будет больше порядка, чем когда мы пришли, – начнут действовать законы. Все увидят, что я держу слово. Я начну с судебной реформы. Не допущу больше ни взяток, ни протекций. Я дам городу возможность жить, как полагается. Как он жил при наших отцах.

Юлий замолчал, оглядывая гулкий зал и представляя его заполненным юристами и чиновниками.

– Нам придется управлять целой Галлией. Нужно продолжить строительство дорог и огораживание участков. Нужно собирать налоги и сборы для государственной казны. Это нелегко. Думаю, наши галльские легионы с радостью вернутся домой – в свое время, – представив масштаб предстоящей работы. – Юлий усмехнулся. – Я

построю флот, и все легионы, кроме одного, отправятся на юг. Галлия больше не восстанет, а если и восстанет, то очень не скоро.

– А у нас достаточно солдат, чтобы одолеть Помпея? – негромко поинтересовался Марк Антоний.

Юлий взглянул на него:

– Если на нас двинутся все греческие легионы, нас растопчут. Но мы ведь пощадили солдат в Корфинии, так ведь? Слух об этом дойдет даже до Греции. Сами солдаты Помпея охотно разнесут новость. Каждый задумается – на той ли он стороне? И еще многие присоединятся ко мне.

Юлий замолчал и посмотрел на своих соратников.

– Я настигну врага, – продолжил он, – и конец может быть только один. Помпей мне никогда не уступит. Я обещаю тем, кто сложит передо мной оружие, прощение и уважение. Я стану символом старого Рима – в противоположность новому; я напишу диктатору открытое письмо – и пусть его размножат! – и буду упрашивать Помпея предпочесть ссылку, дабы не проливать кровь сограждан. – Цезарь неожиданно рассмеялся. – Я сведу Помпея с ума.

– А кто останется управлять Римом во время твоего отсутствия? – спросил Марк Антоний.

Брут поднял глаза на Цезаря и крепко сжал пальцами подлокотники. Юлий не повернулся в его сторону:

– Ты уже показал себя, Марк Антоний. Пока я веду войну в Греции, никто не сможет управлять Римом лучше, чем ты. Выдвигай свою кандидатуру на пост второго консула, и станем править вместе. Я верю, что, когда вернусь, ты сохранишь мне верность.

Марк Антоний обнял своего командира; ноги у него подкашивались от волнения.

– Врата Рима всегда будут открыты для тебя, – сказал он.

Брут поднялся, совершенно бледный. Он как будто собирался заговорить, и Юлий бросил на него вопросительный взгляд. Но Брут поджал губы и покачал головой.

– Мне нужно проверить солдат, – выдавил наконец он и вышел из зала.

Марк Антоний расстроился. Совесть не позволила ему промолчать.

– А как же Брут, господин? Брут заслуживает того же, если не большего.

Цезарь криво улыбнулся:

– Ты, Марк Антоний, сохранишь в Риме порядок. Ты уважаешь закон и будешь с удовольствием решать повседневные дела. Однако не обижайся, ты не тот полководец, который сможет разбить Помпея. Твоя сила в другом, а Брут нужен мне именно в грядущих сражениях. Он прирожденный воин.

Марк Антоний вспыхнул – похвала ли это?

– Думаю, следует сказать об этом и ему, господин.

– Разумеется, скажу, – ответил Юлий. – А теперь к делу. Пусть Рим сегодня ликует. Во имя богов, мы же дома!

Брут вышел на крыльцо и чуть не ослеп от солнечного света. Он смотрел на текущую с Форума толпу и задыхался. Если люди его и видели – они ничем этого не показали, и у Брута возникло странное ощущение, что он невидим, точно некий призрак. Он едва не закричал – так хотелось услышать свой голос и развеять наваждение. Ему было холодно, как будто он стоял в тени, куда не проникают лучи солнца.

– Я заслужил чуть больше, – произнес Брут прерывающимся голосом.

Он с трудом разжал правую руку, – оказалось, рука пожелтела и ее свело судорогой – наверное, в тот момент, когда Цезарь отдал *все* Марку Антонию. Знай только Брут, что этот человек может стать его соперником, он еще в Галлии отвел бы товарища темной ночью в сторонку и перерезал ему горло. Брут представил это, и картина пришлась ему по вкусу. В нем поднималось праведное негодование. Там, на берегу Рубикона, казалось, что все полководцы идут на риск ради общего дела. А послушать Цезаря – он пришел с севера один.

Брут разглядывал спешащих мимо римлян и вдруг почувствовал, что их безразличие дает ему некую свободу, словно с него упали тяжелые оковы. Он даже пошатнулся от боли – и облегчения.

Найдя глазами мальчика, который держал его коня, Брут в оцепенении спустился по белым ступеням. Толпа вокруг двигалась и редела, подобно клубам дыма; через несколько минут Брут смешался с людьми.

Глава 5

Увидев Брута, вышедшего на крыльцо сената, Регул нахмурился. Фигура в серебряных доспехах, стоящая среди белых колонн, напоминала статую, и Регул ощутил непонятный трепет. Брут молча смотрел на окружающих, и в его неподвижности таилось что-то зловещее.

Издалека было видно, как он бледен. Регул быстро направился к нему, полагая, что случилась какая-то беда. Ему приходилось прокладывать себе дорогу, но он спешил, не сводя глаз с Брута и не обращая внимания на возмущенные оклики тех, кого толкал. Когда Брут, не сказав ни слова окружающим, взлетел в седло, Регула охватила тревога. Он окликнул товарища, но Брут только прищпорил коня и понесся вперед, сбив мальчишку, не успевшего увернуться из-под копыт.

Брут не остановился и не обернулся на крик. Он равнодушно продолжал путь, и лицо его оставалось бледным и суровым. Брут проскакал совсем рядом с Регулом, но не заметил руки, которая попыталась схватить поводья, не услышал окрика.

Гремя копытами, конь уносил Брута все дальше, и Регул тихонько выругался. Оглянулся на сенат и заколебался – отправить солдат вдогонку Бруту или сначала выяснить, что случилось? Регул и сам не мог объяснить, откуда появилось чувство опасности, отравившее ему праздничное настроение. Наконец, с большим усилием стряхнув с себя оцепенение, он поднялся по ступеням сената.

Уже на пороге Регул услышал спокойные голоса и в замешательстве потряс головой. Его воображение уже рисовало ужасные картины – а тут мирно сидит Адан со своими табличками и Циرون смотрит на вошедшего с удивлением.

– В чем дело? – спросил Цезарь.

Регул заколебался, не желая говорить о своих смешных переживаниях. Напрасно он позволил воображению так разгуляться.

– Я... увидел, как Брут уехал, и решил спросить – не нужно ли чего.

Возникла неловкая пауза, и Регул увидел, что на благородное лицо Марка Антония легла тень.

– Останься с нами, Регул, – пригласил Юлий. – Пусть твои солдаты охраняют порядок на Форуме. Ты знаешь Помпея не хуже нас, и хорошо бы тебе тоже принять участие в совете.

У Регула точно камень с души свалился. Он ошибся и правильно сделал, не сказав ничего о своем непонятном страхе. Тем не менее, усаживаясь на скамью, Регул припомнил дикие глаза Брута и решил непременно отыскать его до наступления вечера. Загадок он не любил и доверчивостью не отличался. Приняв решение, Регул мог спокойно обсуждать текущие дела, и мысли о случившемся больше его не волновали.

За прошедшие годы дом Сервилии почти не изменился. Трехэтажное здание было по-прежнему чистым и ухоженным, и один-единственный факел все так же горел над входом днем и ночью.

Брут кинул какому-то мальчишке монету, чтобы тот присмотрел за лошадью, и вошел в главный зал, на ходу снимая шлем и вытирая вспотевший лоб.

Лица бывших в зале людей казались ему пустыми, и, назвав себя слугам, Брут стоял, словно актер, который не вовремя вышел на сцену и не знает, куда повернуться. Ему казалось, что стук его сердца заглушил обращенные к нему слова раба.

Услышав имя сына, Сервилия, улыбаясь, выбежала навстречу; Брут неуклюже обнял ее и заметил, что она напряжена. Улыбка Сервилии потускнела.

– Ну как там? Идет бой? – спросила она.

Брут покачал головой, и тут – это было так неожиданно и унижительно! – у него потекли слезы.

– Нет. Город приветствует его на Форуме. Юлий сейчас в сенате.

– Тогда в чем дело? Отчего ты бледен? Пойдем, Брут, расскажешь мне все.

Провожаемый взглядами гостей, Брут поднялся за матерью по лестнице в ее покои и, уставившись в пустоту, опустился на мягкую кушетку. Сервилия села рядом и взяла руку сына в свои. Он увидел, как тщательно мать убрана и накрашена, и все ради Юлия. Уже из-за этого можно было уйти – если бы его держали ноги.

– Говори, – мягко сказала мать.

На ее ресницах повисли бусинки слез – необычное зрелище. Брут поднял руку, чтобы осторожно снять их, но тут же опустил: Сервилия отстранилась, испугавшись, что он размажет румяна.

– Я уезжаю, Сервилия, – сообщил Брут. – Я освободился от него.

Мать в замешательстве покачала головой, сжимая руку сына.

– Что ты говоришь? – переспросила она.

Брут поморщился:

– То, что ты слышала, мать. Мне больше нет дела до Юлия. А ему до меня.

– Ты объяснишь мне, что произошло?

– Он при мне назначил Марка Антония первым человеком в Риме – и мне все стало до боли ясно. Цезарь совсем не тот, кем я его считал. Совсем. Он просто играет с моей преданностью, как любой мерзавец-политик. А мы-то делаем для них все, отдаем жизни – за пустые обещания.

– Что за беда, если он отличил Марка Антония? Юлий ценит его способности – не более того. Риму служат десятки подобных людей. А ты *необходим* Юлию. Он сам мне говорил.

Брут с отвращением покачал головой:

– Для него нет необходимых. Есть лишь приближенные. И я был одним из них, большую часть жизни служил ему, словно преданный пес. Однако все кончается, кончилось и это.

Он закрыл глаза, терзаемый болезненным воспоминанием.

Сервилия погладила сына по щеке, но он грубо отстранился.

– А ты думал, чем теперь займешься? – холодно осведомилась она. – Как ты намерен жить? Неужели мой сын опустится до службы в наемниках или займется мелким воровством? Нужно же зарабатывать на жизнь.

– Не слишком ли я взрослый, чтобы менять свою жизнь, мама? Я римский полководец, и я умею обучать солдат. Таким, как я, всегда найдется дело. Поработаю, насколько хватит сил, а когда состарюсь – перестану. Начну создавать армии для кого-нибудь другого, и ноги моей не будет в Риме, пока здесь Юлий. Может, по-твоему, мне лучше остаться и всю оставшуюся жизнь лизать ему пятки, но я не желаю.

– Ты должен поговорить с Юлием, – взмолилась Сервилия. – Или нет, лучше я с ним поговорю. Задержишься здесь на час, а я встречу с ним. Он любит тебя, Брут, и я тоже.

Сын поднялся, встала и мать, не желая его отпустить.

– Рано или поздно Юлий и тебя заставит страдать, – тихо произнес Брут. – И даже не заметит этого.

Из глаз матери потекли слезы, оставляя на напудренном лице черные полосы, и Брут отвел взгляд. Он сделал шаг назад, но Сервилия протянула руки и с неожиданной силой притянула сына к себе. Она долго сжимала его в объятиях и молчала, а Брут чувствовал ее слезы у себя на груди.

– Ты мой единственный сын, – проговорила она наконец. – Ты знаешь, как я гордилась тобой, когда ты стоял на арене, а народ поднялся, приветствуя тебя. Я тебе рассказывала?

– Рассказывала, но я и так знал, – пробормотал Брут в ее волосы. – Ты тогда вся светилась.

– И мои слова ничего для тебя не значат? Ты не дашь мне хотя бы один час? Ведь это такая малость.

– Оставь это, мать, – попросил Брут, снова ожесточаясь. – И меня оставь.

– Нет, – ответила Сервилия. – Ты мне слишком дорог.

– Ну и глупцы мы с тобой, – заявил Брут. Он поднес руку к лицу матери, и теперь она не отстранилась, когда сын вытирал ей слезы. – Я писал тебе, как однажды во время боя надел его плащ и шлем?

Сервилия покачала головой, а Брут пожал плечами. Он обратился мыслями к прошлому.

– Легионеры думали, что идут за ним. Они устали и обессилели от ран, но шли, веря, что Цезарь сам ведет их в последнюю, решающую атаку. А Юлий был в лихорадке и совершенно беспомощен. И я повел их – ведь я любил этого человека больше всех на свете. Мы всю жизнь провели вместе и повидали такое, что и не расскажешь. Мы вместе завоевывали страны, и, во имя богов, стоило видеть, какие мы разбивали армии. Хватило бы два раза заселить Рим – а мы легко проходили сквозь них.

– Тогда в чем же дело?

– Я не желаю больше посвящать свою жизнь человеку, который этого даже не понимает. Он показал, насколько меня ценит, когда отдал Рим Марку Антонию. – При этом воспоминании у Брута сжались кулаки. – Я мог бы стать чем-то бóльшим, понимаешь? Если б он, например, погиб в Галлии – я бы оплакал друга, а потом занял его

место и пошел бы собственным путем. Я бы смог, Сервилия. У нас с ним есть нечто, чего нет ни у кого в нашем немощем городе. Каждый из нас мог бы подняться над всеми, не зная равных. И вот, я служу ему. Цезарь посылает – и я иду, останавливает – я стою. Ты можешь представить, каково мне переносить такое?

Говоря, Брут ласково гладил Сервилию по волосам, но глаза его были холодны.

– Среди сверстников мне нет равных. Я мог бы править. Просто мне не повезло – я родился в Риме, где есть Юлий. Я терпел много лет. Я отдал свою жизнь ему, а он и не заметил этого.

Сервилия отстранилась от сына и покачала головой:

– Ты слишком горд, Брут. Даже для моего сына. Ты еще молод. Ты можешь стать великим и сохранить верность Юлию.

Кровь бросилась Бруту в лицо.

– Я рожден для большего! Живи я в иное время, я стал бы первым, понимаешь? Беда в том, что я живу в одно время с ним. – Брут горько усмехнулся. – Тебе не понять. Я выигрывал битвы, когда Юлий уже готовился признать поражение. Я водил воинов в такие бои, что с любым другим командиром они бы отступили. Я обучал для него военачальников, Сервилия! В Галлии есть места, где мои серебряные доспехи стали легендой. Не говори, что я слишком горд. Тебя там не было.

Глаза Брута сверкали от еле сдерживаемого гнева.

– С какой стати мне отдавать ему свои лучшие годы, подобно многим другим? Рений погиб, спасая его. Кабера загубил свое здоровье, потому что это требовалось Юлию. Тубрук погиб, защищая его жену. Они были прекрасные люди, но я не собираюсь последовать за ними, во всяком случае ради Цезаря. Я завоевал для него Галлию, пора остановиться. Хватит с него.

Брут невесело засмеялся, и мать вздрогнула.

– Может, я даже перейду на сторону Помпея. Думаю, он меня не отвергнет.

– Ты не предашь Юлия. – Глаза Сервилии потемнели от ужаса. – Нельзя так далеко заходить в своей гордыне.

Ей показалось, что сын сейчас ее ударит.

– Моя гордыня? Вот как ты это называешь? Впрочем, почему бы и нет? Где-то же на свете нужны хорошие римские полководцы? Быть

может, я еще понадоблюсь Юлию, а тебе придется сказать ему, что я в Греции, в стане его врагов. И быть может, он поймет, чего лишился, когда лишился меня.

Брут оторвал от себя руки Сервилии и улыбнулся, увидев, какое разрушительное действие произвели слезы на накрашенное лицо. Такой возраст уже не скроешь. Возможно, он ее больше не увидит.

– Я твой сын, Сервилия, и я достаточно горд, чтобы не идти за ним.

Она заглянула ему в глаза и увидела там непреклонную решимость:

– Он убьет тебя, Брут!

– За кого ты меня принимаешь? Может, это я его убью.

Брут кивнул, показывая, что разговор окончен, поцеловал ее руку и вышел.

Оставшись одна, Сервилия медленно опустилась на кушетку. Руки дрожали, и, прежде чем позвонить в серебряный колокольчик, она крепко сжала кулаки. Влетела рабыня и пришла в полное смятение – утренние труды пошли прахом.

– Принеси масла и румяна, Талия. Нужно все исправить, пока он не пришел.

Брут ехал на своем испанском жеребце, стараясь держаться к западу, подальше от Форума. Ему не хотелось видеть тех, кого он собрался покинуть; когда сквозь охватившее его глухое отчаяние мелькнула мысль о подобной встрече, он заторопился.

Брут даже не замечал людей, которые едва успевали отскочить с дороги. Ему хотелось убраться подальше, доскакать до побережья, где можно купить рыбацкую лодку или любое другое судно.

Казалось, сам город, столь хорошо знакомый, насмехается над его желанием бежать. Каждая улица, каждый переулок вызвали прилив новых воспоминаний. Брут всегда был далек от простых горожан, но, оказывается, он помнил все – как кричат торговцы, как пахнут улицы и переулки, ведущие из центра города.

Суетливые горожане мельтешили взад-вперед по городу, двигаясь – пешие – с той же скоростью, что и Брут. Он плыл по течению толпы и, проезжая по торговым кварталам, ловил на себе взгляды уличных продавцов.

Он ехал и ехал знакомой дорогой и сам удивился, когда оказался у лавки Александрии.

Здесь тоже подстерегали скверные воспоминания. Шайки грабителей на улицах, бой с людьми Клодия, тяжелое ранение. Брут гордился тем, что ему выпало тогда защитить слабых, – думая об этом, полководец невольно расправил плечи.

Он уже собрался спешиться и тут увидел Александрию – она стояла на другой стороне улицы спиной к нему, но он узнал бы ее как угодно. Рука Брута вдруг словно примерзла к луке седла – к Александрии подошел мужчина и с ласковой небрежностью обнял ее за талию. Брут сжал губы и задумчиво покачал головой. Нет, он не сильно расстроился – его успела оглушить другая, более тяжелая потеря, – просто было немного больно: вот и еще что-то кончилось в его жизни. Александрия давно перестала писать, и все же Брут почему-то думал, что она его ждет; можно подумать – для нее не существует жизни без него. Из ближнего переулка на Брута пялился какой-то мальчишка.

– Иди-ка сюда, – позвал Брут, показывая серебряную монетку.

Оборванец тут же вышел – вперевалку, точно портовый грузчик, и Брут невольно вздрогнул – не человек, а скелет.

– Ты знаешь женщину, которая работает вон в той лавке? – спросил Брут.

Мальчишка быстро указал глазами на Александрию и ее спутника. Брут не стал смотреть в их сторону, а просто протянул ему монету:

– Она богатая?

Собеседник глянул презрительно на Брута, а затем жадно на монету. Его раздирали страх и желание ее схватить.

– Ее все знают. Только меня-то она в лавку не пустит.

– Еще бы – возьмешь да и стянешь брошку, – подмигнул Брут.

Мальчик пожал плечами:

– Может быть. А что ты хочешь за свою монету?

– Хочу узнать, есть ли у нее на пальце кольцо, – ответил Брут.

Его собеседник задумался, потирая нос и оставляя на нем грязные полосы.

– Кольцо рабыни?

Брут усмехнулся:

– Нет, парень, золотое обручальное кольцо на безымянном пальце.

Мальчик, казалось, колеблется, не в силах отвести взгляд от обещанной награды. Наконец он принял решение и потянулся за монетой.

– Видал я у нее кольцо. Говорят, у ней есть ребенок. А лавка – старого Таббика. Он как-то раз меня стукнул, – быстро протараторил сорванец.

Брут с усмешкой протянул обещанную монету. В непонятном порыве сунул руку в кошель и вынул золотой ауреус. Мгновенно лицо мальчика, только что спокойное, приобрело выражение злобного страха.

– Хочешь такую? – предложил Брут.

Мальчик со всех ног ринулся прочь, оставив Брута в полной растерянности. Ясное дело, ребенку не приходилось видеть подобные монеты, да и взять ее означает для него верную смерть. Брут вздохнул. Если уличные шакалы увидят у мальчика эдакое сокровище, ему точно не жить. Покачав головой, Брут убрал монету.

– Я так и знал, что это ты, полководец, – услышал он.

Брут повернулся и увидел Таббика – тот вышел на мостовую и гладил коня по шее. От кузничного жара его лысина пылала, на груди из-под фартука выбивались седые космы, но это был тот же самый невозмутимый Таббик.

– Кого я вижу! – Брут выдавил улыбку.

Почесывая лошадиную морду, ювелир искоса глянул вверх и увидел глаза Брута, красные от боли и гнева.

– Не хочешь ли зайти выпить со мной? – пригласил он. – А мой подмастерье постережет твоего славного скакуна. – Видя нерешительность Брута, Таббик добавил: – У меня есть горячее вино с пряностями, и мне одному все не выпить.

Говоря, ювелир смотрел в сторону, как будто чтобы показать: он не настаивает.

Должно быть, поэтому Брут кивнул и, спешиваясь, сказал:

– Если очень крепкое – одну чашу. Мне ночью далеко ехать.

Внутри мастерская почти не изменилась. Так же стояли кузнечные горны, угли в жаровне отбрасывали красные блики. Новые скамьи и полки для инструментов пахли краской, но Брут словно шагнул в свое прошлое.

Он втянул ноздрями воздух, посмеиваясь над своими переживаниями, и его немного отпустило.

Таббик, который вешал тяжелый железный котелок рядом с мехами, заметил в нем перемену:

– Вспоминаешь про беспорядки? Скверные были времена. Повезло нам, что спаслись. Не помню – я тебя поблагодарил за помощь?

– Поблагодарил.

– Давай поближе, парень, попробуй-ка. Я настаиваю и пью его зимой, но и летний вечер оно отлично скрашивает.

Медной чашей мастер черпнул огненной жидкости и, прежде чем подать Бруту, обтер дно полотенцем.

Брут осторожно принял чашу, вдыхая пар.

– Что ты туда кладешь? – любопытно спросил он.

Таббик развел руками:

– Всего понемногу. По правде сказать, что под руку попадет. Александрия говорит, каждый год оно другое.

Брут кивнул. Старик неспроста заговорил о девушке.

– Я ее видел, – заявил он.

– Вот и хорошо. А то за ней как раз приехал муж – забрать домой, – ответил Таббик. – Александрия нашла отличного парня.

Видя тревогу старика, Брут едва сдержал улыбку:

– Я не собираюсь беречь старые раны. Единственное, чего я хочу, – убраться подальше отсюда. Я ее не побеспокою.

Только теперь, когда Таббик расслабился, Брут понял, что старик страшно нервничал. Собеседники мирно помолчали, потом Брут отхлебнул вина и слегка поморщился.

– Кислятина, – пожаловался он.

Мастер пожал плечами:

– Стал бы я греть хорошее вино. Однако и это неплохо пробирает.

И вправду, горячее крепкое питье ослабило путы, стягивавшие Бруту грудь. В какой-то момент он даже попытался сопротивляться, не желая терять ни единой капли переполняющего его гнева. Чувством ярости он обычно наслаждался – оно рождало ощущение свободы. А когда ярость уходила, приходило сожаление и раскаяние. Брут вздохнул и протянул чашу хозяину, чтобы тот вновь ее наполнил.

– Не похож ты на человека, который только-только вернулся домой.

Таббик словно говорил сам с собой, а не с гостем.

Брут посмотрел на ювелира и понял, как сильно устал.

– А может, наоборот – похож.

Таббик высосал осадок из своей чаши и деликатно рыгнул в ладонь.

– Не припомню, чтобы ты был из тех, у кого случаются затруднения. Какая у тебя беда?

Брут досадливо проворчал:

– А тебе не приходит в голову, что я просто не хочу рассказывать?

Старик развел руками:

– Можешь допить и уйти, дело твое. Это ничего не изменит – я тебе всегда рад.

Он повернулся к Бруту спиной, поднял котелок и принялся опять наполнять чаши. Брут слушал, как булькает темная жидкость.

– Оно вроде крепче стало, – заметил Таббик, заглядывая в котелок. – Хороший розлив.

– А ты никогда ни о чем не жалел, старина? – спросил Брут.

Таббик хрюкнул.

– Я сразу понял: у тебя что-то стряслось... Если б я мог, я бы изменил кое-что. Например, постарался бы быть хорошим мужем. Если только человек не грудной младенец, непременно есть что-то, что он хочет сделать, да не может. Хотя оно и не плохо. Когда видишь, что не все делал правильно, торопишься уравновесить свои чаши добра и зла, пока не отправился в царство мертвых.

Брут смотрел куда-то вдаль. Морщась из-за боли в коленках, Таббик вытащил старую скамью.

– Мне всегда хотелось в жизни чего-то большего, – вымолвил Брут.

Таббик прихлебывал вино, ноздри его окутал пар. Немного помолчав, мастер усмехнулся:

– Знаешь, а я часто думал – в чем секрет счастья? Некоторые люди понимают, что такое добрая жена и дети, которые тебя не опозорят. Быть может, им пришлось туго в молодости. Знавал я людей, которым каждый день приходилось выбирать: покормить детей или самим поесть, и то они не жаловались.

Таббик поднял глаза на Брута, и человек в серебряных доспехах внутренне сжался.

– А у других людей от природы есть изъян, – мягко продолжал Таббик, – им все хочется чего-то и хочется, и они на части готовы разорваться. Не знаю, откуда в человеке берутся желания и как его от этого избавить – убить разве что.

Брут с усмешкой посмотрел на старика:

– Теперь ты посоветуешь мне найти хорошую женщину, так ведь?

Таббик покачал головой:

– Не случись у тебя беды – ты бы здесь не сидел и не спрашивал бы, не жалею ли, мол, я о чем-нибудь. Что бы ты там ни натворил, надеюсь, все поправимо. А если нет – тебе еще долго придется переживать.

– Налей еще, – попросил Брут, протягивая чашу. Его чувства словно притупились, но сейчас ему это нравилось. – Ох уж эти доморощенные философы. – Он пригубил вино. – Как вы не понимаете, что кто-то обязательно должен «хотеть и хотеть», иначе где бы мы были?

Полководец нахмурился, задумавшись о своих словах.

– Было бы гораздо лучше, – ответил Таббик. – Прокормить семью – дело нелегкое. Наши увешанные оружием полководцы о подобных вещах и не думают, а вот я – уважаю. Ну, про нас-то стихов не сложат...

На голодный желудок горячее пряное вино оказалось гораздо сильнее, чем думал Брут. Он понимал, что Таббик не прав, просто не мог найти верные слова. Наконец он произнес:

– Нужно и то и другое. Нужно мечтать, или зачем тогда все? Накормить своих детей могут и звери, ну и что? Понимаешь, Таббик, даже звери!

Ювелир насмешливо уставился на собеседника:

– Готов поклясться, не видал я таких слабаков пить. Надо же – «звери»!

– Только одна попытка, – продолжал Брут, подняв кверху палец. – Одна-единственная. От рождения до смерти делай что в твоих силах. Чтобы люди тебя помнили. Именно так.

Глядя на рдеющие в сумерках угли, он постепенно обмяк.

Собутыльники опустошили весь котелок до самого дна, где темнел густой осадок. Брут давно не мог ни двигаться, ни разговаривать, когда Таббик уволок его в заднюю комнатку и бросил, прямо в доспехах, на какую-то лежанку. В дверях мастер остановился и посмотрел на распростертое тело Брута, который уже всюду храпел.

– А меня-то мои дочери непременно будут помнить, – пробормотал ювелир. – Надеюсь, ты делаешь правильный выбор. Очень надеюсь.

Юлий выгацил застрявший в зубах кусочек мяса и улыбнулся, глядя на пьяных гостей. Чем ниже опускалась за горизонт луна, тем больше они расходились. Музыка играла неистово – музыкантам тоже перепадало вина. Барабаны и трубы гремели не в лад, кифареды дергали струны непослушными пальцами. За весь вечер Цезарь не услышал ни одной торжественной мелодии, ни одного старинного напева, но эта какофония прекрасно соответствовала его расположению духа. И угощение после солдатского пайка тоже поражало великолепием.

Сегодня Цезарь получил много приглашений, однако это пришло от сенатора Кассия, одного из тех, кто остался в Риме, и Юлий решил, что к нему стоит присмотреться. Первый час обеда прошел в разговорах – Юлий заново знакомился с римским обществом. По всему городу бесплатно угощали вином, и римляне, видно, сочли святым долгом повиноваться приказу Юлия. Они веселились до упаду, и чем ближе делалось утро, тем безудержней становилось веселье.

Юлий почти не слушал пьяного лепета какого-то торговца, который, выпив вина, избавился от благоговейного трепета перед полководцем. Пьянчуга легко перескакивал с одной темы на другую, и от собеседника ему было вполне достаточно редких кивков. Пока торговец сиял от радости и непрестанно бубнил, Юлий разглядывал молодых женщин. Как он и предполагал, они явились сюда именно с целью привлечь его внимание. Некоторые беззастенчиво демонстрировали себя, стараясь почаще попадаться ему на глаза. Юлий не отказался бы кое с кем – и не с одной – разделить сегодня ложе. Лица красавиц пылали от красного вина и вождения, и полководца возбуждало это зрелище. Слишком долго ему приходилось вести походную жизнь, и редкие встречи с женщинами не утоляли, а скорее, по выражению Брута, «растравляли похоть».

После лагерных девок красавицы Рима напоминали Юлию прекрасных птиц с ярким оперением, слетевшихся сюда для его удовольствия. Все вокруг, даже угощение, пропиталось ароматом их благовоний.

Цезарь заметил, что собеседник выжидающе молчит, и попытался вспомнить, о чем же тот говорил. Он и сам слегка опьянел, хоть и разбавлял вино водой. Впрочем, с момента, когда Юлий миновал Квиринальские ворота, он был как во хмелю от собственной удачи и от встречи с родным городом. Видно, дело не только в вине.

– Мои братья будут очень рады, ведь после Помпея город попал наконец в надежные руки, – продолжал торговец.

Юлий наблюдал за людьми и воспринимал голос собеседника как некий посторонний шум. Его подогривала мысль, что скоро он окажется наедине с какой-нибудь прекрасной римлянкой, но пришла пора задуматься и о чем-то более серьезном, чем подруга на одну ночь. Когда-то Юлию сказали, что ему нужен наследник, а он лишь посмеялся. Правда, тогда он был моложе и многие из друзей были еще живы.

Мысль о наследнике заставила Юлия внимательней приглядеться к молодым женщинам. Теперь его интересовали не просто стройные ножки или высокая грудь. Конечно, он предпочел бы красивую жену, но пора подумать и о выгоде, которую может дать женитьба. Брак – один из сильнейших рычагов закулисной политики, и хорошо обдуманный союз принесет ему столько же пользы, сколько опрометчивый принесет вреда.

Легким жестом Юлий подозвал Домиция, занятого каким-то разговором. Кассий увидел это движение и суетливо подбежал, очевидно желая предупредить любую прихоть гостя. Принимать прославленного полководца – великая честь, и внимание хозяина уже становилось навязчивым.

Худой, словно юнец, Кассий ловко сновал среди гостей. Юлий успел сказать ему несколько приятных слов и понял, что возвращение сенатора в правительство обеспечено. Если и остальные окажутся такими покладистыми, выборы пройдут гладко. В сенате окажутся многие его союзники.

Юлий хотел посудачить с Домицием о женщинах, но пришлось заговорить с Кассием. Юлий тщательно выбирал слова:

– Меня долго не было в Риме, Кассий, и я даже не знаю, кто из твоих гостей состоит в браке, а кто нет.

Увидев заинтересованность сенатора, Юлий пригубил вина, чтобы скрыть улыбку.

– Ты намерен заключить брачный союз, Цезарь? – спросил Кассий, в упор глядя на гостя.

Юлий почти не колебался. То ли радость возвращения, то ли похоть, витающая в воздухе, сделала свое дело, но он неожиданно решился.

– Человек не может быть один. А общество солдат годится не на все случаи жизни, – сказал он с усмешкой.

Кассий заулыбался:

– Я с удовольствием познакомлю тебя. Здесь, правда, мало девушек, зато большинство еще не просватаны.

– Мне нужна жена из хорошей семьи и плодовитая, – заявил Юлий.

Кассий прищурился, потом оживленно закивал. Его прямо-таки распирало от желания растрезвонить новость, и он явно придумывал, как бы поделикатней покинуть гостя.

Кассия выручил посыльный, который вошел в зал, огляделся и, быстро пробираясь между гостями, направился к Цезарю. Простая одежда, железное кольцо на пальце говорили о том, что это раб, однако Юлию он показался похожим скорее на телохранителя или воина, чем на простого посыльного. Юлий много времени провел с солдатами и не мог ошибиться. Домиций, привыкший вечно быть начеку, насторожился. Поняв их беспокойство, раб поднял руки, показывая, что не вооружен.

– Господин, меня прислала моя хозяйка. Она ждет снаружи.

– А имя? Кто твоя хозяйка? – спросил Юлий.

Таинственность раба удивила присутствующих, и Кассий уже не спешил ускользнуть к остальным гостям.

Посыльный немного смутился:

– Госпожа сказала: если ты забыл ее, то помнишь о жемчужине. Мне жаль, господин, но мне позволено передать только это.

Юлий благодарно наклонил голову: ему было приятно оставить Кассия заинтригованным. Его охватило чувство вины – так и не собрался навестить Сервилию в первый же день.

– Ты не понадобишься, Домиций, – сказал Юлий и повернулся к рабу. – Веди.

Они вышли из зала, спустились по главной лестнице. Выйдя в распахнутые двери, Юлий шагнул прямо в повозку, которая ждала у порога.

– Ты не пришел, – холодно произнесла Сервилия, когда Юлий улыбнулся. Она всегда была прекрасна при свете луны, и ему тотчас захотелось сжать ее в объятиях. – Хватит, Юлий, – охладила она его. – Тебе следовало прийти, ведь ты обещал. Нам нужно о многом поговорить.

Тем временем возничий щелкнул кнутом, и роскошная повозка покатила по мощеным улицам. А молодым нарумяненным красавицам не осталось ничего иного, как обсуждать матримониальные планы великого полководца.

Глава 6

Брут окунул голову в бочонок с водой, потом с кряхтеньем долго и яростно растирал лицо и шею, пока не покраснела кожа. Тогда он наконец почувствовал, что может соображать.

Ранний летний рассвет, холодный и пасмурный, застал его в городских конюшнях. Оставшись на ночь в городе, Брут сильно рисковал. Юлий, наверное, не терял времени даром и постарался прибрать Рим к рукам. Легионеры будут охранять ворота, и Бруту, скорее всего, не выбраться из города, если он не придумает какой-нибудь хитрости. Можно спрятать доспехи, но на коне стоит тавро легиона, и, конечно, конокрад скорее привлечет внимание легионеров, чем полководец, совершающий утреннюю верховую прогулку.

С посадочной подставки Брут вскочил в седло – лошадь слегка прянула, почувствовав вес седока, – и непослушными руками взял поводья. Разговор с Таббиком был словно бальзам на раны, и все же стоило еще вчера ехать к побережью.

Бросив монету мальчишке-сторожу, Брут с мрачным видом выехал на улицу. Ближайшие ворота – Квиринальские, однако он предпочел отправиться на восток города, к Эсквилинским воротам. Тут обычно ездили торговцы, и, несмотря на ранний час, наверняка будет полно

народу – купцы, ремесленники, земледельцы. Чуть-чуть благосклонности Фортуны – и ему удастся проехать незамеченным.

Брут рысью ехал по городу, сидя в седле как влитой. Вчерашнее похмелье постепенно выветривалось. С какими надеждами он въезжал в Рим вместе со своими товарищами! Даже одна мысль об этом разбудила успокоившийся недавно гнев. Взгляд Брута был зловецким и пронзительным, и встречные, видевшие его глаза, спешили отвернуться.

В целом мире он нужен только одному человеку – тому, о ком он вчера говорил с матерью. Но к чему взвешивать старую дружбу на весах своей жизни? Для Цезаря она ничего не значит. Теперь это выяснилось окончательно. Не наступит такой день, когда Цезарь обратится к своему другу и скажет: «Ты по-прежнему моя правая рука» – и даст ему страну, трон или что-то другое, достойное Брута.

Брут беспрепятственно проехал через Эсквилинские ворота, и ему стало смешно за свои недавние опасения. Юлий и не подумал предупредить стражу на его счет. Брут спокойно отсалютовал в ответ солдатам. Он отправится в Грецию. Он найдет Помпея, и тогда Цезарь увидит, чего лишился.

Рим остался позади. Брут несся сломя голову и не думая ни о чем, кроме крутой каменистой дороги. Он освободился от похмелья, вызванного пряным вином, он вырвался на свободу из многолетнего плена. Привычный быстрый темп экстраординария помог ему избавиться от ненужных мыслей, сознание его словно замерло. Покинув Цезаря, Брут не собирался мучить себя самокопанием, и, хотя на душе лежал камень, он мчался и мчался, подавшись в седле вперед, навстречу ветру и солнцу.

Появление вдали колонны солдат вывело разум Брута из спячки и вернуло в мир, где нужно принимать решения. Он резко натянул поводья, и передние копыта коня взметнулись вверх. Неужели Юлий уже послал людей перехватить его? Колонна двигалась змейкой по извилистой дороге; никаких знамен Брут не видел. Он в нерешительности развернул коня. На юге не могло быть вооруженных сил, которые оставались бы в стороне от грядущей войны. Легион Помпея покинул Рим вместе с ним, и считалось, что галльским легионам в Риме ничто не угрожает. Стало быть, это солдаты Юлия,

посланные схватить Брута. Напрасно он потерял целую ночь, выпивая с Таббиком.

В нем немедленно проснулись и гнев, и гордыня. Брут отказался от первоначальной мысли обогнуть колонну и стал неспешно приближаться к солдатам, готовый послать коня в галоп. Юлий не пошлет за ним пеших воинов. А здесь коней не было ни у солдат, ни у командиров, и у него отлегло от сердца. Брут сам учил экстраординариев, как поймать всадника-одиночку, и теперь бы ему не поздоровилось. Предателя они не пощадят, даже если когда-то он водил их в бой.

Думая об этом, Брут передернулся. Он до сих пор не задумывался о том, как случившееся расценят те, кого он оставил. Им не понять причины. Друзья, знавшие его много лет, будут потрясены. Домиций сперва вообще не поверит, с горечью думал Брут. Октавиана эта новость убьет. Интересно, поймет ли Регул? Ведь он тоже однажды предал своего начальника, Помпея. Но и тут, наверное, сочувствия не дождешься. Регул по-собачьи предан новому хозяину, так же как раньше Помпею. Настоящий фанатик. Ни в чем не признает середины. Стоит Юлию приказать – и Регул не успокоится, пока не поймают Брута.

Почему-то было больно думать о том, какое лицо будет у Юлия, когда ему сообщат новость. Он не поверит, пока не увидится с Сервилией. И вот тогда... При этой мысли Брут вцепился в поводья с такой силой, что побелели пальцы. Возможно, Юлий немного попечалится – со свойственным ему лицемерием. Покачает лысеющей головой и поймет, что по собственной глупости потерял лучшего полководца. И натравит на бывшего друга своих волков. Брут хорошо знал Юлия и не ждал от него прощения. Цезарь не позволит ему добраться до Помпея.

Брут оглянулся, вдруг испугавшись, что по пятам галопом скачут экстраординарии. Над полями стояла тишина, и он взял себя в руки. Колонна солдат – вот настоящая опасность. Полководец уже различал бледные пятна лиц, повернутые в его сторону, а вдалеке звучал сигнальный горн. Брут ослабил и положил руку на рукоять меча. Пусть эти ублюдки, кто бы они ни были, попробуют его взять. Он лучший боец своего времени, и он римский военачальник. Колонна приблизилась, и, увидев, как беспорядочен шаг солдат, Брут тут же

понял, кто перед ним. Цезарь приказал войску, взятому в плен под Корфинием, занять казармы Перворожденного, а это, по-видимому, упрямыцы, пожелавшие отправиться к своему прежнему военачальнику, которому до них и дела нет. И теперь, догадываются они или нет, они союзники Брута. Когда он вплотную подъехал к колонне, у него полностью созрел план дальнейших действий. Внутренний голос льстиво твердил, что чем дальше он от Юлия, тем быстрее и вернее находит решения.

Услышав тревожный сигнал горна, Сенека ударился в панику. Он ждал увидеть конницу Цезаря, которая явилась покарать изменников; в груди глухо стучало. Облегчение, испытанное Сенекой при виде одного-единственного всадника, было сродни исступленному восторгу, и он чуть не улыбнулся своему испугу. Разговоры Агенобарба о присяге, данной Цезарю, не прошли даром, и Сенека понимал, что солдаты тоже испытывают что-то вроде угрызений совести.

Всадник, не глядя по сторонам, подъехал к голове остановившейся колонны, и Сенека подозрительно прищурился. Он узнал серебряные доспехи одного из полководцев Цезаря, и следом в его душу немедля закрался страх, что их окружают. От того, кто однажды перехитрил их как глупых детей, заставил ходить по кругу, можно ожидать чего угодно.

Такая мысль пришла в голову не только ему. Многие солдаты взволнованно вытянули шеи, пытаясь увидеть, не клубится ли где-нибудь пыль. В эту жаркую летнюю пору земля была сухой, и даже несколько всадников не смогли бы приблизиться незаметно. Пыль не поднималась, но, помня урок, полученный у стен Корфиния, солдаты оставались начеку.

– Агенобарб! Ты где? – закричал Брут, осадив коня.

Темные глаза лишь скользнули по лицу Сенеки, и взгляд их устремился дальше.

Сенека покраснел и кашлянул. Он видел этого офицера, когда присутствовал на переговорах о сдаче. Тот почти все время насмешливо улыбался, но, похоже, повидал в жизни столько сражений и крови, сколько Сенеке и не снилось. Сейчас полководец, возвышающийся в седле испанского жеребца, казался очень грозным, и у юноши от страха пересохло во рту.

– Агенобарб! Покажись! – кричал Брут, теряя терпение.

– Агенобарба здесь нет, – произнес Сенека.

Услыхав, полководец повернулся к говорящему и ловким движением развернул коня. Под его взглядом Сенеку оставили последние остатки уверенности. Брут внимательно изучал юношу и, кажется, оценил невысоко. Молодой офицер окончательно утратил инициативу.

– Я тебя не припоминаю, – обратился к нему Брут так, что слышали окружающие. – Кто ты?

– Ливиний Сенека. Я не...

– Твое звание дает тебе право командовать двумя когортами?

Сенека молчал. Некоторые солдаты, заметил он краем глаза, повернули головы в ожидании его ответа. Юноша снова невольно порозовел.

– Я подчиняюсь Помпею, – начал он. – А сейчас...

– А сейчас, если Цезарь уже знает, что вы ушли, его легионы отстают от вас всего на несколько часов, – оборвал Брут Сенеку. – По праву римского военачальника я принимаю командование этими солдатами. Куда вы направлялись?

Сенека не выдержал.

– Ты не имеешь права здесь распоряжаться! – выкрикнул он. – Мы выполняем свой долг и не пойдем в Рим. Возвращайся в город. У меня нет времени пререкаться с тобой.

Брут удивленно поднял брови и слегка подался вперед, чтобы лучше рассмотреть собеседника.

– Я не собираюсь в Рим, – спокойно заявил он. – Я поведу вас в Грецию – сражаться за Помпея.

– Ты больше не проведешь меня, военачальник. Я видел тебя в шатре у Цезаря. Ты хочешь сказать, что за один день вдруг превратился в предателя? Я не верю.

Тут, к ужасу Сенеки, сверкающий серебром полководец неожиданно перекинул ногу через седло и легко соскочил на землю. Он сделал три шага и оказался рядом с Сенекой – тот даже почувствовал, как нагрелись на солнце серебряные доспехи, – и глаза его были ужасны.

– Ты назвал меня лжецом и предателем и надеешься остаться в живых, Сенека? У меня нет хозяина, я служу Риму. Мой меч пронзил

больше людей, чем я вижу здесь, а ты смеешь *мне* говорить подобные слова?

Его рука выразительно поглаживала рукоять меча, и Сенека поумерил пыл и немного отступил.

– Я сообщил тебе, куда направляюсь, – сурово продолжал Брут. – Я сообщил тебе, что иду к Помпею. Не задавай мне больше вопросов, мальчишка! Поберегись.

Последние слова Брут почти прошипел, затем лицо его разгладилось, взгляд стал не таким бешеным, и он уже спокойнее закончил:

– Сообщи, какую вы выбрали дорогу.

– К побережью, – ответил Сенека.

По щеке у него ползла большая капля пота, кожа зудела, но почесаться офицер не смел.

Брут покачал головой:

– С двумя-то когортами? Нам не хватит рыбацких лодок. Нужно двигаться в какой-нибудь порт и молиться богам, чтобы осталось хоть одно торговое судно, не сожженное Помпеем. В двухстах милях к юго-востоку находится Брундизий. Это достаточно крупный порт.

– Брундизий слишком далеко, – тут же сказал Сенека. – А Цезарь может выслать экстраординариев...

– Думаешь, спиной к морю ты в безопасности? Тогда ты глупец. Нам необходим корабль, а в порту наверняка найдется хоть один.

– Но если за нами пошлют конницу? – в отчаянии спросил Сенека.

Брут пожал плечами:

– Я их сам обучал. Если Цезарь вышлет против меня экстраординариев, мы им кишки выпустим.

Пока Сенека таращил на него глаза, Брут спокойно подошел к коню и вскочил в седло. Он глядел сверху на Сенеку, словно ждал возражений. Все молчали, и Брут удовлетворенно кивнул:

– Значит, в Брундизий. Надеюсь, твои люди – хорошие ходоки. Я намерен добраться до Брундизия не больше чем за десять дней.

Он развернул коня на юг и взмахом руки приказал следовать за ним. К тайной ярости Сенеки, колонна развернулась и двинулась за Брутом. Подстраивая шаг, Сенека понял, что ближайшую неделю ему придется любоваться лошадиным задом.

При тусклом утреннем свете Юлий мерил шагами большой зал в доме Мария и смотрел на своих полководцев. Лицо его было бледным и утомленным, как у человека, которого состарила неожиданная беда.

– Дело не в том, что из-за этой измены будет труднее договориться с оставшимися сенаторами, – говорил Юлий. – Можно заявить, что Брут отправился с особым заданием. Но ведь он знает все о наших силах и слабостях, даже о способах атаки. Брут помнит хитрости наших сражений в Галлии. Теперешние наши экстраординарии – практически его детище. Он знает секрет испанского железа. Боги, да если он передаст все это Помпею, мы проиграем, не начавши бой. Что тут, по-вашему, можно сделать?

– Убить, прежде чем он доберется до Помпея, – в полной тишине произнес Регул.

Юлий взглянул на него, однако ничего не ответил. Потрясенный Домиций утирал липкий пот. После вчерашней попойки в каком-то гостеприимном доме голова у него работала плохо. Впрочем, хоть каждый тут испускал запах винного перегара, на ногах все держались крепко.

Домиций потряс головой, пытаясь стряхнуть оцепенение. Он никак не мог поверить, что речь идет о Бруте. Быть того не может! Ведь они вместе проливали кровь, перевязывали друг другу раны, делились последним куском. Домицию еще казалось, что Брут скоро вернется и недоразумению придет конец – пропадает, к примеру, у какой-нибудь красотки... Октавиану Брут был как отец. Неужели он мог все бросить, пойти на поводу у дурацкого своего характера? Боги, только вчера утром они пришли в Рим, и уже один из них стал врагом.

Домиций потер шершавыми ладонями лицо и, пока тянулся невыносимый разговор, так и не поднял глаза.

Заговорил Марк Антоний, и Юлий опять начал вышагивать взад-вперед.

– Мы можем пустить слух, что Брут отправился с тайным заданием, и он лишится доверия Помпея. Диктатор и слушать его не станет. Достаточно небольшого сомнения, и он отвергнет помощь Брута.

– Но как? Как это сделать? – настойчиво вопрошал Юлий.

Марк Антоний задумался:

– Послать человека, и пусть его схватят на греческом побережье. Дай ему свое кольцо или еще что-нибудь в знак того, что он от тебя. Помпей начнет пытаться твоего посланного, тот «выдаст» Брута, и тогда Бруту грош цена.

Юлий сердито задумался:

– И кого мне послать на пытки, Марк Антоний? Речь идет не просто о битве. Помпей будет истязать несчастного часами, постарается вытянуть все. Мне однажды довелось видеть, как он обращается с предателями. Нашему человеку выжгут раскаленным железом глаза, а вместе с ними и надежду выжить. Помпей постарается на славу. Вы хоть это понимаете? От человека останется кровавое месиво!

Марк Антоний не ответил, и Юлий с отвращением фыркнул. Он шагал и шагал, стуча сандалиями по мраморному полу. В дальнем углу зала остановился и повернулся к собеседникам. Голова болела – Юлий даже не помнил, когда спал.

– Вы правы. Брута нужно обезвредить; Помпей ведь раструбит о нем направо и налево. Но если мы посеем недоверие, наш великий полководец уже не сможет послужить врагу. Солдаты знают о его отъезде?

– Некоторые узнают непременно, хотя, возможно, не догадаются, что Брут отправился к Помпею, – сказал Марк Антоний. – Мы-то с трудом этому верим. А им и в голову не придет.

– Стало быть, чтобы поступок Брута обернулся против него самого, верный нам человек должен пережить ужасные пытки. Вот и первый результат предательства. Главное – наш посланец не должен знать правды, иначе эту правду у него вырвут. Пусть считает Брута одним из нас и ведет опасную игру. Хорошо бы он случайно подслушал про Брута, тогда у него не возникнет подозрений. Кого вы можете послать?

Полководцы недовольно переглянулись. Посылать людей в битву им не привыкать, а тут совсем другое, грязное дело. Все окончательно возненавидели Брута.

Наконец Марк Антоний прокашлялся и заговорил:

– Я знаю подходящего. Он и раньше выполнял мои поручения. Достаточно неловок, чтобы попасться, если отправится один. Его зовут Цецилий.

– Семья, дети есть у него? – спросил Юлий и сжал челюсти.

– Не знаю, – ответил Марк Антоний.

– Если есть, возместим им потерю, когда он доберется до места, – сказал Юлий, понимая, что этого мало.

– Привести Цецилия сюда, господин? – предложил Марк Антоний.

Как обычно, за Юлием оставалось последнее слово и окончательное решение. К его неудовольствию, Марк Антоний и не подумал взять ответственность на себя, как это сделал бы Брут. Только Брута нет, он предатель. Быть может, лучше, чтобы тебя окружали те, кто слабее тебя.

– Да, пусть придет. Я сам отдам ему приказ, – распорядился Юлий.

– Для полной уверенности стоит послать еще кого-нибудь – убить Брута, – неожиданно произнес Октавиан. Все взгляды тотчас обратились на него. Однако он твердо смотрел на товарищей. – Так как? Регул сказал то, о чем думаем все мы. Неужели больше никто не скажет? Я тоже считал Брута другом, но разве можно оставлять предателя в живых? Даже если он ничего не скажет Помпею или наш посланец подорвет к нему доверие, его все равно нужно убить!

Юлий взял Октавиана за плечи, и молодой человек отвел взгляд.

– Нет. Я не стану посылать убийц, – объявил Цезарь. – А больше никто не имеет права принять подобное решение. Я не прикажу убить своего друга.

При этих словах глаза Октавиана вспыхнули яростью, и Юлий сжал его крепче:

– Наверное, я и сам виноват. Я не догадывался, что с ним происходит, хотя мог бы... а теперь уже поздно. Я оказался глупцом, но, так или иначе, измена Брута ничего для нас не меняет. Примет его Помпей или нет, мы отправимся в Грецию и продолжим войну. – Юлий подождал, пока Октавиан посмотрит на него. – Если Брут окажется там, я прикажу его не убивать. Пусть богам будет угодно послать ему смерть от стрелы или копья, но мои руки останутся чисты. И если он не погибнет в сражении, я его не убью, пока не поговорю с ним, – быть может, и потом не убью. Слишком многое нас связывает. Ты понимаешь?

– Нет, – ответил Октавиан. – Совершенно не понимаю.

Юлий не обратил внимания на гнев родственника – он и сам разволновался.

– Надеюсь, поймешь со временем. У нас с Брутом одна кровь и одна жизнь на двоих – так давно, что я и не помню. Его не убьют по моему приказу. Ни теперь, ни потом. Мы с ним братья, и не важно, помнит он об этом или нет.

Глава 7

Странно было видеть такой большой южный порт, как Брундизий, без привычно снующих торговых судов и военных галер. Когда Брут, ведя когорты совершенно обессилевших стражников, поднялся на последний холм, его постигло разочарование – самым крупным судном оказалась привязанная у причала рыбацкая лодка. Брут попытался вспомнить, знаком ли он с квестором порта, и тут же про себя усмехнулся. Разве сможет им помешать какой-то жалкий местный гарнизон? К югу от Рима вообще некого опасаться.

Воины шагали вслед за Брутом к пристани, стараясь не обращать внимания на портовых работяг, которые глазели на них и показывали пальцами. Большинство солдат явно были не в своей тарелке, а Брут, привыкший действовать на вражеских землях, чувствовал себя словно в Галлии, сам того не осознавая.

Совсем недавно присутствие войск означало спокойствие и безопасность, но теперь, когда началась гражданская война, их боялись не меньше, чем каких-нибудь грабителей. Лица людей, расступавшихся перед колонной, выражали открытую неприязнь и страх. Даже такой бывалый воин, как Брут, не мог не признаться себе, что испытывает некоторую неловкость, и, ведя когорты мимо складов, начинал злиться. У здания порта он спешил и вошел, оставив своих воинов снаружи.

Писарь квестора стоял у стола и спорил с двумя мужчинами, по виду портовыми грузчиками. Все трое повернулись к Бруту, и тот, догадавшись, что речь шла о нем, небрежно отсалютовал и с ходу заявил:

– Моим людям нужны вода и пища. Об этом необходимо позаботиться в первую очередь. И не волнуйтесь, надолго мы не задержимся. Я намерен найти корабль и отплыть в Грецию.

Услышав о корабле, писарь невольно скопился на свиток, лежащий на столе, и тут же поспешно отвел взгляд. Брут это заметил и, улыбаясь, пересек комнату. Двое мужчин попытались обойти полководца с боков, и он, как бы случайно, опустил руку на эфес меча.

– У вас и оружия-то нет. Или все-таки хотите попытаться?

Один из мужчин нервно облизал губы и собрался что-то сказать, но другой толкнул его в бок, и они тихонько отошли в сторону.

– Вот и хорошо, – произнес Брут, убирая руку. – Итак, вода, пища и... корабль.

Он подошел к столу и отнял от пергаментов костлявую руку писаря. Затем взял свитки и стал читать, отбрасывая прочитанные, пока не просмотрел половину пергаментов. Тут он увидел запись о военной галере, которая приставала в порту днем ранее, чтобы пополнить запасы пресной воды. Подробностей было мало. Галера шла с севера и отчалила, простояв в порту Брундизия лишь несколько часов.

– Куда они направились? – требовательно спросил Брут.

Писарь уже открыл рот, но мигом закрыл и покачал головой.

Брут усмехнулся:

– В порту тысяча моих воинов. Все, что нам нужно, – побыстрее уехать отсюда, а терпение мое кончается. Я могу приказать, чтобы это здание сожгли, – или чем там тебя можно пронять? Поэтому лучше просто скажи мне, где галера.

Писарь рванулся в заднюю комнату, и Брут услышал, как тот бежит вверх по лестнице, стуча сандалиями. Он молча ждал продолжения, не обращая внимания на грузчиков.

Вскоре беглец вернулся, следом вошел мужчина в белой тоге, знававшей лучшие времена.

Увидев квестора, Брут вздохнул и пробормотал:

– Провинция...

Мужчина услышал и сердито выпучил глаза:

– Где письма, подтверждающие твои полномочия?

Его, видимо, оторвали от обеда – на тоге красовалось пятно, которое Брут стал демонстративно разглядывать. Квестор покраснел и обозлился:

– Нечего нам тут угрожать! Мы законопослушные подданные.

– Правда? Чьи именно? – поинтересовался Брут. Мужчина растерялся, и Брут, насладившись его замешательством, продолжил: – Я веду в Грецию две когорты – чтобы присоединиться к Помпею и сенату. Это и есть мои полномочия. У твоего помощника хватило ума показать мне портовые записи. Вчера тут причалила галера. Куда она направилась?

Прежде чем ответить, квестор одарил злосчастного писаря ядовитым взглядом.

– Я разговаривал с капитаном, – неохотно признал он. – Это дозорное судно. Они шли от Аримина и получили приказ зайти в порт. Направлялись в Остию... – Квестор заколебался.

– Но ты говорил капитану, что Помпей уже отплыл, – подсказал Брут. – И он, насколько я понимаю, захотел присоединиться к флоту, обойдя южное побережье. Об этом шла речь?

Квестор смутился:

– У меня не было для него новых приказов. Думаю, капитан мог уйти в море, чтобы корабль не достался... мятежникам.

– Умный человек, – одобрил Брут. – Но мы верны Помпею, и нам нужна галера. Столь предусмотрительный капитан, несомненно, сообщил тебе, в какой порт зайдет, – на тот случай, если галера понадобится не мятежнику. Где-нибудь на юге – так?

Тут Брут взглянул на писаря, и тот поспешно отвел глаза. Квестор, который соображал быстрее своего подчиненного, все понял. По его щекам заходили желваки – решение давалось нелегко.

– Откуда мне знать, что ты не с Цезарем? – спросил он.

Вопрос произвел на собеседника совершенно неожиданное действие. Брут расправил плечи и словно стал выше ростом. Комната сразу сделалась маленькой и очень душной. Пальцы его правой руки забарабанили по серебряному нагруднику, в наступившей тишине стук казался громким и устрашающим.

– Ты полагаешь, я должен назвать вам пароль? – рявкнул Брут. – Какой-то особый знак в доказательство того, что я не мятежник? Времена сейчас весьма непростые. Больше ничего не могу тебе сказать. Если вы не поможете, я сожгу дотла и порт, и вас вместе с ним. Мои солдаты забьют окна и будут слушать, как вы воете, пытаюсь вырваться наружу. Это тебе подходит?

Брут смотрел на квестора, всем видом показывая, что не шутит.

– Тарент. Он собирался зайти в Тарент, – поспешил вмешаться писарь и вздрогнул – квестор замахнулся на него кулаком, хотя в душе обрадовался: незадачливый помощник избавил его от необходимости самому принимать решение.

Брут подумал и решил, что они не лгут. Он стал соображать. До Тарента несколько часов быстрой езды через перешеек, который галере нужно обойти.

– Спасибо, господа. Ваша преданность не останется без награды, – произнес он, и эти слова повергли собеседников в растерянность и страх.

Похоже, вскоре так будет во всех римских владениях – сегодня люди не знают, кто придет к власти завтра. Подозрительность и недоверие, порожденные войной, уже начали разъедать основы державы.

Выйдя во двор, Брут увидел своих солдат – они быстро, но без суеты наполняли из колодца мехи с водой. В приступе злобы полководец хотел приказать им сжечь порт, как грозился. Ведь порт может пригодиться Юлию, когда тот станет снаряжать флот в Грецию. Но передумал – столб дыма могут увидеть издали. И потом, ему даже хотелось, чтобы бывший друг поскорее добрался до Греции. Брут очень скоро займет у Помпея подходящее место, для этого хватит пары месяцев, а там – добро пожаловать, Юлий.

– Сенека, сейчас в Тарент направляется военная галера. Я поскачу туда. Запаситесь провизией и следуйте за мной.

Сенека посмотрел на солдат и сжал губы в тонкую черточку.

– Нам нечем платить за еду, – сообщил он.

Брут фыркнул:

– Этот порт без судов. Думаю, склады тут забиты всякой всячиной. Берите, что нужно, и как можно быстрее отправляйтесь за мной. Понятно?

– Да, я надеюсь...

– «Да, господин», – поправил Брут. – А теперь покажи, что ты все понял, и – вперед.

– Да, господин. – Сенека резко отсалютовал.

Брут повел коня к колодцу, и юноша с завистью наблюдал, как непринужденно он проходит среди солдат: сам Сенека так не умел. Брут сказал им несколько слов; они рассмеялись. Для людей, долгие

годы несших службу в гарнизонах и на дорожных постах Рима, этот полководец был настоящим героем. Сенека тоже чувствовал нечто сродни восхищению и надеялся, что еще покажет себя.

Брут вскочил в седло и зарысил по дороге, ведущей на юг. Сенека снова стал командиром – от него опять ждали приказов. Ему повезло: мало кому из его ровесников довелось поучиться у великого галльского полководца. Стараясь подражать Бруту, молодой офицер подошел к легионерам. Обычно Сенека держался в стороне от солдат, и теперь они недоуменно переглядывались. Один из них протянул ему мех с водой, и Сенека напился.

– Как ты думаешь, господин, он найдет для нас галеру? – спросил солдат.

Сенека вытер губы.

– Не найдет – отправится вплавь, а нас будет толкать перед собой, – ответил он и улыбнулся, видя их оживление.

Такое пустячное дело, и все же Сенека почувствовал в себе уверенность, какой не могли дать самые лучшие военные учения.

Брут галопом неся по чахлой траве южных холмов, не сводя глаз с горизонта, – вот-вот должно появиться море. Он устал, проголодался, кожа под доспехами зудела, но ему приходилось терпеть – галера зайдет в Тарент ненадолго. Брут даже не задумывался, что предпримет, если судно уже ушло. Разумеется, чем дольше он остается на суше, тем для него опаснее, но какой прок беспокоиться заранее? Годы, проведенные в Галлии, научили не думать о том, что от него не зависит, и беречь силы для решения посильных задач. И сейчас он прогнал ненужные мысли и быстро неся по неровной земле.

К своему удивлению, Брут чувствовал ответственность за стражников. Он лучше Сенеки понимал, что случится, если их схватят. Солдаты дали торжественное обещание не сражаться за Помпея, и Юлий просто вынужден будет поступить с ними соответственно – в назидание прочим. Отдавая приказ, он, конечно же, сокрушенно покачает головой. Однако кто-кто, а Брут знает – Юлий прежде всего полководец, а потом уж человек, да и то если это выгодно. Гарнизонные солдаты и дорожные стражники понятия не имеют, что такое борьба за власть. Жернова гражданской войны, еще толком не

начавшейся, размелют их в кровавую кашу. Нет, галера обязательно должна быть на месте.

Брут напрямик скакал через холмы, поля и долины и раздумывал о будущем. Если он явится к Помпею с двумя когортами солдат, диктатору придется с ним считаться. Приди он один – неизвестно, когда Помпею заблагорассудится дать ему легионеров. Перспектива не из приятных. Помпей побоится ему довериться, и Брут вполне может оказаться на передовой в качестве простого солдата. Легионеры Десятого непременно заметят его серебряные доспехи, и бывший полководец погибнет в первом же бою. Значит, эти стражники нужны Бруту гораздо больше, чем он им.

Земли, лежащие к югу от Рима, сильно отличались от покрытых буйной растительностью северных равнин. Здешние земледельцы кое-как выращивали оливки и тонкокожие лимоны; едва живые – не деревья, а какие-то мощи, – чахнули они под жарким южным солнцем. Стоило коню замедлить шаг – вокруг начинали пронзительно лаять тощие собаки. В горло Бруту набилась пыль. На конский топот из редких домишек выходили люди и провожали всадника подозрительными взглядами. Крестьяне были черные и пыльные, как земля, что их кормит. По крови это не римляне, а скорее греки – осколки великой державы. Никто ни разу не окликнул Брута; тут, наверное, и не помнили об огромном городе, лежащем к северу от их земель. Здесь был другой мир.

Брут остановился у маленького колодца и привязал поводья к хилому деревцу. Поискал, чем бы зачерпнуть воды, и тут увидел невдалеке домишко из белого камня. В тени дома на грубо стесанной скамье сидел человек и наблюдал за Брутом. У его ног, высунув язык, лежал небольшой пес – в такую жару он ленился даже лаять.

Брут нетерпеливо взглянул на солнце.

– Вода! – крикнул он и изобразил, что пьет, поднеся ко рту сложенные ладони.

Мужчина внимательно изучал Брута, его одежду и доспехи.

– Заплатить можешь? – произнес он с сильным акцентом, но Брут понял.

– Там, откуда я приехал, не требуют плату за несколько глотков воды.

Крестьянин пожал плечами, поднялся и направился к двери.

Брут смотрел ему в спину.

– Сколько? – спросил он, доставая кошель.

Хозяин похрустел пальцами, что-то прикидывая.

– Сестерций, – сообщил он наконец.

Цена была немислимой, однако Брут сдержал ярость и только кивнул, засовывая руку в кошель. Вынув одну монету, протянул ее незнакомцу. Тот долго ее разглядывал – как будто нарочно тянул время. Потом исчез в доме и вернулся, неся веревку и кожаное ведро.

Брут потянулся за ведром, но крестьянин проворно отскочил:

– Я сам, – и двинулся к грязному колодцу вслед за Брутом.

Пес встал и побрел за хозяином, скаля на Брута желтые клыки. Интересно, подумал Брут, коснулась ли война этих людей? Вряд ли. Они тут вечно живут, выцарапывая из скудной почвы пропитание, и если однажды мимо проехал воин – что им за дело до того?

Земледелец все с той же невыносимой медлительностью зачерпнул воды и дал напиться коню. Затем настала очередь Брута, и он начал пить, жадно глотая. Холодная вода стекала струйками по груди, когда он переводил дыхание. Хозяин безразлично смотрел, как Брут отвязывает от седла мех для воды.

– Наполни его, – велел Брут.

– Сестерций, – ответил крестьянин, протягивая руку.

Брут даже растерялся. Не подавится ли честный земледелец?

– Наполни мне мех, или твоя собака полетит в колодец, – заявил он, показывая на еле бредущего пса.

Пес лишь лениво приподнял губу, показывая зубы. Бруту хотелось вынуть меч, но это было бы смешно. Крестьянин, как и его собака, не выказал никакого страха, и Брут заподозрил, что в душе тот над ним потешается. Глядя на настойчиво протянутую руку, Брут выругался и вытащил вторую монету. Хозяин так же неспешно наполнил мех, и Брут молча, боясь не сдержаться, привязал мех к седлу.

Уже сидя в седле, он повернулся к земледельцу, собираясь сказать какую-то резкость. К его негодованию, тот уже шагал к дому, старательно сматывая веревку. Брут хотел окликнуть его, но, пока искал слова, хозяин успел скрыться в доме, и дворик опять опустел. Брут прищпорил коня и продолжил свой путь; теперь у него за спиной в мехе плескалась и булькала вода.

Выехав из долины, Брут почувствовал долгожданный соленый запах моря, который, однако, тут же исчез. И только через час быстрой скачки перед ним открылся широкий голубой простор. Как всегда, вид моря приободрил Брута, но он безуспешно искал на бескрайней глади маленькую точку – галеры не было. А ведь следом идет Сенека со своими когортами – обидно их разочаровывать.

Берег оказался каменистый; на крутой тропинке пришлось спешиться и вести коня за поводья, чтобы тот не оступился. В этой пустынной местности Брут рискнул снять доспехи. Свежий приятный ветерок мигом осушил потное тело; Брут преодолел последний спуск и посмотрел на лежащий внизу городок.

Галера не ушла, она покачивалась у самого конца длинного причала, который выглядел ветхим, как, впрочем, и все в порту. Брут вознес хвалу всем богам, каких смог вспомнить, и ласково похлопал коня по шее. Потом долго пил из меха. Казалось, Брут совсем высох под жарким солнцем, но его это не беспокоило. С радостным криком взлетел он в седло и пустился рысью по склону. Помпей оценит качества нового полководца, непременно. В легионы полетят письма о военачальнике Цезаря, который предпочел честно служить сенату. О его прошлом им будет известно только то, что он сам расскажет, а у него хватит разума не хвастаться своими ошибками. Он начнет жизнь заново, а когда-нибудь придется сражаться против старого друга. При этой мысли у Брута даже потемнело в глазах, но он тут же отогнал сомнения. Решение принято.

Когда две когорты во главе с Сенекой дошагали до Тарента, солнце опускалось за горизонт. На галере царил суэта – команда и солдаты готовились к отплытию. С облегчением Сенека увидел Брута – тот говорил с капитаном на деревянном причале. Юноша уже понял, скольким обязан этому человеку.

Сенека остановил своих солдат и направился на причал. Матросы сматывали канаты, поднимали на борт и укладывали в трюм последние бочонки с пресной водой. Они с болезненным для Сенеки любопытством изучали молодого офицера; на сей раз он отсалютовал абсолютно безукоризненно.

Капитан и Брут повернулись к нему.

– Когорты прибыли, господин, – доложил Сенека.

Брут кивнул. Он казался рассерженным, и, посмотрев на капитана, Сенека понял, что тут о чем-то спорили.

– Капитан Гадитик, это мой заместитель Ливиний Сенека, – официально произнес Брут.

Капитан не удостоил Сенеку взглядом, чем слегка подпортил тому радость от неожиданного повышения.

– Здесь нет никакого противоречия, капитан, – продолжил разговор Брут. – Вы направлялись в Остию, чтобы забирать по дороге солдат – таких, как мы. Почему не отправиться в Грецию прямо отсюда?

Гадитик почесал подбородок, и Сенека заметил, что капитан не брит и очень утомлен.

– Мне не сообщали, что Цезарь вошел в Рим. Я должен дождаться приказа из города, прежде чем...

– У тебя есть приказ присоединиться к сенату и Помпею, – перебил его Брут. – Не мне объяснять тебе твои обязанности. Помпей приказал этим солдатам добраться до Остии. Нам пришлось пересечь весь полуостров, а то мы бы уже присоединились к нему. Диктатору не понравится, если из-за тебя мы еще задержимся.

Капитан посмотрел на него:

– Не хвались своими связями, полководец. Я тридцать лет служу Риму и знал Цезаря, когда он был совсем молодым командиром. У меня тоже есть влиятельные друзья.

– Не припомню, чтобы Юлий упоминал о тебе, когда мы сражались в Галлии.

Гадитик прищурился. Он понял, что проиграл.

– Следовало догадаться по твоим доспехам, – медленно произнес капитан, глядя на Брута другими глазами. – А почему ты собираешься воевать за Помпея?

– Я выполняю свой долг. Выполни и ты свой, – сказал Брут, теряя терпение.

Сегодняшний нескончаемый день строит ему различные препятствия с поистине завидным постоянством. Но с него хватит. Брут смотрел на галеру, которую ласково покачивали волны, и ему смертельно не хотелось уезжать.

Гадитик окинул взглядом колонну воинов, ожидающих посадки. Всю жизнь капитан выполнял приказы, и, хотя ему многое казалось

подозрительным, выбора не было. Цепляясь за последнюю возможность, он возразил:

– Слишком много народу. Один шторм – и мы пойдем на дно.

Брут выдавил улыбку.

– Управимся как-нибудь. – Затем, повернувшись к Сенеке: – Начинай посадку.

Сенека еще раз отсалютовал и вернулся к солдатам. Колонна двинулась к галере, и хлипкий причал задрожал под ногами. Вскоре первая шеренга очутилась на широкой палубе.

– А почему же ты идешь против Цезаря? Ты мне не сказал, – негромко поинтересовался Гадитик.

Брут тяжело глянул на собеседника.

– Да так, давняя история, – ответил он почти честно.

Гадитик задумчиво кивнул:

– Не хотел бы я с ним столкнуться. Цезарь, кажется, не проиграл ни одного сражения.

В ответ, как капитан и рассчитывал, Брут вспыхнул:

– Молва обычно приукрашивает.

– Надеюсь, – отозвался Гадитик.

Это была маленькая месть за то, что его вынудили подчиниться, – он с удовольствием наблюдал, как Брут изменился в лице. Капитан вспомнил свое предыдущее плавание в Грецию – тогда молодой еще Цезарь атаковал лагерь Митридата. Если бы Брут это видел, он бы дважды подумал, прежде чем уйти к Помпею. Придет час, надеялся Гадитик, и заносчивый полководец в серебряных доспехах получит хороший урок.

Когда последний солдат поднялся на борт, капитан последовал за ним, оставив Брута на причале. На западе садилось солнце, и Брут не мог смотреть в сторону Рима. Полководец расправил плечи, глубоко вздохнул и шагнул на палубу галеры, которая мягко покачивалась на волнах. Все, все осталось позади. На Брута вновь нахлынули воспоминания, и некоторое время он даже не мог говорить.

Канаты уложили в бухты, и судно направилось в море. Звенящие на гребцах цепи убаюкивали Брута, словно тихая музыка.

Глава 8

В день голосования город закрыли и ворота опечатали. Толпа на Марсовом поле веселилась до хрипоты, словно выборы консула – это народное празднество, а не просто отречение от Помпея и его сената. Солнце нещадно палило; нашлись предприимчивые люди, предлагавшие уступить небольшую порцию тени от своих навесов в обмен на бронзовую монету. Запах жареного мяса, болтовня, смех, крики торговцев – все смешалось в шумный хаос, который и есть и родной дом, и сама жизнь.

Юлий и Марк Антоний поднялись на сооруженный легионерами помост. Они стояли рядом, оба в белых тогах с пурпуровой каймой. У Юлия на голове возлежал лавровый венок полководца – золотая проволока с прикрепленными к ней зелеными листьями. Он редко появлялся на людях без венка, и кое-кто подозревал, что этот почетный атрибут нужен в какой-то степени и для того, чтобы прикрыть лысеющую макушку.

Новоявленных консулов охранял Десятый легион, сверкающий начищенными доспехами. В руках воины держали копья и щиты, готовые стуком потребовать тишины, но Юлию пока хотелось просто стоять и смотреть на волнующуюся внизу толпу.

– В прошлый раз, когда меня избрали консулом, впереди ждала Галлия, – сказал он Марку Антонию. – Помпей, Красс и я были союзниками. С тех пор как будто прошла целая жизнь.

– Ты не терял времени, – ответил Марк Антоний, и, одновременно вспомнив о пройденных вместе дорогах, оба улыбнулись.

Марк Антоний неизменно выглядел безупречно, словно его изваяли из лучшего римского мрамора. Иногда Цезаря это даже задевало – Марк Антоний единственный из всех, кого он знал, выглядел именно так, как должен выглядеть консул. Мужественное лицо, крепкое телосложение, благородная осанка и врожденное достоинство. Говорят, любая римлянка при виде Марка Антония розовеет и трепещет.

Глядя на товарища снизу вверх, Юлий радовался, что не ошибся в выборе главы сената. Марк Антоний предан ему, но он не таков, как, например, Регул. Тот готов за одно неосторожное слово покарать немедленной смертью. А Марк Антоний чтит республику и сохранит ее, пока Цезарь воюет в Греции. Марк Антоний презирает деньги, как может презирать лишь тот, кто родился в богатстве.

За вверенный Марку Антонию город можно не беспокоиться, и это очень важно. Кому-кому, а Юлию известно, что порядок – вещь хрупкая, он прекрасно усвоил уроки Милона и Клодия, хотя и был тогда в Галлии.

Чтобы процветать, Риму нужны мир и сильный правитель. Помпей не способен дать это своему городу.

Тут Юлий криво улыбнулся, вспомнив, что и сам он – не тот человек, который смог бы управлять мирным городом. Слишком сильно любит он свои походы, чтобы провести остаток жизни в вялых политических интригах. Занятия политикой хороши, когда нужно подогнать под себя законы, но однообразное существование правителя для Цезаря – медленная смерть. И Юлия, и Помпея хлебом не корми, им бы открывать новые земли, начинать новые войны. Возможно, даже хорошо, что два римских льва наконец столкнутся. И не будь Помпея, Юлий все равно нашел бы причину оставить Рим на Марка Антония, хотя бы ненадолго. Отправился бы завоевывать Африку или пошел бы по стопам Александра, в неведомые земли на востоке.

– Выступим перед нашим народом, консул? – спросил он, одновременно давая знак центуриону.

Солдаты, стоявшие вокруг помоста, трижды стукнули копьями о щиты, и воцарилась такая тишина, что люди слышали легкий шелест ветерка над Марсовым полем. Толпа почтительно молчала, затем некоторые начали выкрикивать приветствия, и не успел Юлий заговорить, как к ним присоединились остальные. Над раскаленным полем неслась тысячеголосый вопль.

К своему удивлению, Юлий вдруг увидел слезы на глазах Марка Антония. Сам он не испытывал столь сильных чувств, возможно, оттого, что был мыслями с предстоящим походом, или потому, что его уже однажды выбирали консулом. Юлий не разделял волнения товарища и завидовал ему.

– Хочешь выступить первым? – негромко предложил он.

Марк Антоний благодарно наклонил голову:

– После тебя. Они хотят слышать тебя.

Юлий оперся на деревянные перила – плотники легиона подгадали точно ему по росту. Глубоко вздохнул и заговорил:

– Итак, сегодня центурии проголосовали, и их выбор выражает чаяния наших отцов. Марк Антоний и я стоим сейчас перед вами как

консулы, и ваши голоса слышны даже Помпею в Греции. Пусть он знает – место его беглого сената уже занято. Так решили мы! Ни один человек не может значить больше, чем Рим, чем люди, стоящие передо мной!

Толпа зааплодировала и затопала в знак одобрения.

– Мы доказали, что Рим прекрасно обойдется без тех, кому нет до него дела. Мы доказали, что закон может быть честным. Выполнил ли я свои обещания?

Толпа ответила нестройным ревом, который можно было истолковать как согласие.

– Выполнил, – твердо произнес Юлий. – Суды подверглись чистке, и взяточников наказали. Те, кто правит в моем городе, не станут действовать тайно. Каждый день на закате будут публиковаться отчеты сената. Вы избрали меня – вы доверили мне власть. Не для того, чтобы притеснять вас, а для того, чтобы защищать ваши интересы. Я не забыл об этом, в отличие от некоторых. Я всегда о вас помню, и отзвук ваших голосов пусть дойдет до самой Греции, до наших солдат, несущих там службу.

Чем ближе к помосту, тем плотнее стояли люди, потому что задние ряды напирали вперед. Сегодня на Марсово поле пришло великое множество народу. Многие, чтобы проголосовать, явились сюда еще на рассвете. Они наверняка устали и проголодались, их жалкие монеты давно перекочевали в карманы торговцев. Юлий решил говорить покороче:

– Когда весть дойдет до греческих легионов, воины задумаются: почему они сейчас с человеком, которому вы не доверяете, – ведь нет более важного мерила, чем ваше мнение. Не может быть власти, помимо избранной вами. Некоторые из вас сегодня выбраны магистратами и квесторами, а кое-кто – и консулами!

Юлий, улыбаясь, дождался, пока стихнет смех.

– За последние несколько месяцев мы сделали очень много. Достаточно сказать, что, покидая Рим, я знаю – мой город в надежных руках. Я передам вашу волю Помпею, я скажу ему, что народ, некогда его избравший, ныне отверг его. Я продолжу верно служить Риму, а Марк Антоний будет в сенате вашими глазами и ушами, вашей душой.

Люди захлопали, и Юлий подтолкнул вперед Марка Антония:

– Твоя очередь.

Не оборачиваясь на слушателей, он сошел с помоста, оставив Марка Антония наедине с толпой. Пусть новоявленный консул привыкает действовать самостоятельно. Юлий направился прямо к своему коню, принял у легионера поводья, перекинул ногу через седло и выпрямился, переводя дыхание.

Марк Антоний заговорил, и Юлий восхищенно покачал головой. У этого человека даже голос прекрасный. Он легко лился над Форумом; не знай Юлий, что минувшей ночью вся речь была обдумана до последнего слова, он бы и не догадался.

– Братья, для того чтобы стоять перед вами под стенами Рима, живу я на свете, – донес ветер до Юлия часть фразы.

Окруженный экстраординарными, полководец галопом несся к воротам города. Здесь двое самых сильных воинов спешили и подошли к пластинам из бронзы и воска, которыми были запечатаны ворота. Солдаты несли тяжелые молоты, и, когда они их подняли, издали долетел людской гул, словно шум отдаленного прибоя. С громким треском разлетелись пластины, и ворота открылись – теперь Юлий мог вернуться к повседневной работе. Выборы узаконили его власть, но ему все равно предстоит вести легионы за море, в Грецию, чтобы покончить с Помпеем. Там придется сражаться и с Брутом, вспомнил Юлий, и в нем что-то оборвалось. Подобные причиняющие боль мысли он обычно старался гнать. Если боги пожелают – пошлют еще одну встречу со старым другом. Впереди Юлия ждет либо триумфальное шествие, либо смерть. А сейчас нельзя расслабляться и думать о лишнем. Нужно сделать следующий шаг, думал он, въезжая в ворота.

Сервилия уже ждала в старом доме Мария. По сравнению с Юлием, запыленным и вспотевшим от скачки по жаре, она казалась свежей, но при ярком свете солнца заметнее проступали морщины. Впрочем, Сервилия всегда была женщиной вечерней поры.

Чтобы протянуть время и собраться с мыслями, Юлий повозился с упряжью – не хотелось сразу же пускаться в новый спор. Проще управляться с толпой римлян, чем с одной Сервилией.

Раб принес чашу яблочного сока со снегом, и по дороге в комнату, где ждала Сервилия, Юлий осушил ее. Покои располагались так, что

из внутреннего двора в них доносилось журчание фонтана и запах цветов. Красивый дом, но теперь голос Мария звучал здесь для Юлия все реже.

– Я снова консул, – сообщил он Сервилиии.

Юлий по-детски гордился победой, и Сервилия даже немного растрогалась. С той ночи, как уехал Брут, в ней появилась какая-то необъяснимая кротость. Юлий, не понимавший, в чем тут дело, думал, что она чувствует себя виноватой из-за предательства сына.

– Твоя жена обрадуется, – сказала Сервилия.

Юлий увидел, как вспыхнули ее глаза, и вздохнул. Подойдя к Сервилиии, он взял ее за руки:

– Ведь я же обещал прийти и пришел. Помпея сейчас в поместье, и от нее мне нужен только наследник. Вот и все. Тебе не кажется, что мы достаточно об этом говорили? Кто больше, чем внучка Корнелия Суллы, подходит для того, чтобы родить моего сына? В нем будет течь кровь двух благородных родов. Когда-нибудь он унаследует у меня Рим.

Сервилия пожала плечами, и Юлий понял: она так и не смирилась с его браком.

– Именно ты первой заговорила о том, что мне нужен сын, – напомнил он.

Сервилия грустно усмехнулась:

– Я знаю, но еще я знаю, каким местом думают мужчины. Ты же не просто племенной бык, Юлий, хотя я слышала, как пьяные солдаты обсуждают твою мужскую силу. Такое удовольствие – знать, сколько раз за ночь ты ее оседлал!

Юлий разразился смехом.

– Я не отвечаю за болтовню своих солдат, – выговорил он. – Надо же додуматься – слушать их! – Растроганный, он взял возлюбленную за плечи. – Я здесь, разве это ни о чем тебе не говорит? Помпея будет матерью моих детей – и только. Не стану утверждать, что сам процесс мне неприятен. Девица *великолепно* сложена...

Сервилия оттолкнула его.

– Я видела, – заявила она. – Помпея прекрасна. И совершенно безмозгла. Но этого, подозреваю, ты не заметил, поскольку тебя занимали только ее телеса.

– Я искал сильную и здоровую женщину, дорогая. А разум дети унаследуют от отца – племенного быка.

– Племенного козла, скорее, – отозвалась Сервилия, и Юлий опять рассмеялся:

– Козла, который второй раз избран консулом. Который станет править Римом!

Его веселье было так заразительно, что Сервилия не могла устоять. Она нежно потрепала Юлия по щеке:

– Мужчина всегда глупее женщины. Если ты надолго оставишь ее в поместье без присмотра – жди беды.

– Глупости, жена меня обожает. Проведя ночь с Цезарем, любая женщина...

Сервилия снова шлепнула его, но уже сильнее.

– Ты хотел красавицу и наследников – так приглядывай за ней. Помпея слишком хороша, чтобы надолго оставлять ее одну.

– Разумеется, я постараюсь держать ее подальше от молодых римлян. И хватит уже, Сервилия. Сейчас, как римский консул, я требую себе лучшей пищи и лучшего вина. Мне еще нужно съездить в Остию, посмотреть новые суда, а завтра вставать на рассвете – мы с Марком Антонием собираемся послушать предсказания. Год предстоит удачный, я чувствую. Завтра непременно ударит молния – а это отличное знамение.

– А если не ударит? – спросила Сервилия.

– Тогда придет Домиций и скажет, что видел молнию. Раньше это помогало. Жрецы возражать не станут. Так или иначе, нас ждет хороший год.

Юлий отошел, и Сервилии до боли захотелось, чтобы он опять прижал ее к себе. Консул хоть и посмеивался над супругой, но уже несколько недель не делил ложа с Сервилией. А последняя близость была, казалось, прощальной. Юлий не испытывал вожделения – во всяком случае к Сервилии. В его присутствии она прятала самолюбие, хотя женитьба Юлия жестоко ее ранила. Да, Юлий сейчас действительно с ней, а жена в поместье, в обществе рабов, но Сервилия понимала: прежняя страсть ее возлюбленного переходит в дружбу. Ей пришлось пережить нечто подобное с Крассом. И все же каждый поцелуй Юлия, его малейшее прикосновение будили в памяти ту давнюю верховую прогулку в Испании, когда они сидели у

подножия статуи Александра Великого и наслаждались счастьем, переживая начало новой любви. Как это больно!

Вошел раб и, прежде чем заговорить, поклонился Юлию:

– Господин, к тебе пришли.

– Отлично. – Юлий повернулся к Сервилиии. – Я просил Домиция, Октавиана и Цирона принести списки офицеров. – Он посерьезнел и явно испытывал неловкость. – Брут уехал, и нам пришлось сделать кое-какие новые назначения. Ты посидишь с нами?

– Мне незачем там быть, – ответила Сервилия, поднимая подбородок.

Неужели ее пригласили для того, чтобы оставить одну? Хоть Юлий и правитель Рима, но, видно, понятия не имеет о простых приличиях. Он, похоже, считает, что, поговорив с ней несколько минут, уделит достаточно внимания. Сервилия медленно обхватила себя за плечи, и Юлий догадался, о чем она думает. Его глаза тут же утратили отсутствующее выражение, и Сервилия на минуту ощутила, что любимый по-прежнему с ней.

– Лучше бы я провел вечер с тобой, – сказал он, беря ее руки в свои. – Хочешь, я их прогоню? Отправимся куда-нибудь верхом или посидим на берегу Тибра, погреемся на солнышке. Могу научить тебя плавать.

Как трудно устоять против этого человека! Несмотря на все, что между ними произошло, Сервилия чувствовала исходящее от него мощное обаяние.

– Я умею плавать, Юлий. Нет уж, иди к своим, а потом отправляйся в Остию. Может, успеешь заехать к молодой жене.

Юлий поморщился, но по плитам уже стучали шаги его офицеров. Для Сервилиии времени не оставалось.

– Если бы даже меня было двое, мы бы не успели сделать все, что я должен.

– Если бы вас было двое – вы бы друг друга поубивали, – отпарировала Сервилия, и в комнату вошел Домиций.

Как обычно, увидев Сервилию, он засиял, и она, прежде чем попрощаться, ответила ему сердечной улыбкой. Через секунду в комнате остался только аромат ее благовоний, а Юлий занялся приемом гостей и требовал еды и вина.

У себя дома Сервилия немного успокоилась. Тихие шаги слуг почти не прерывали ее мыслей.

– Госпожа! Пришел человек, которого ты звала, – объявила рабыня.

Сервилия поднялась с кушетки, в тишине нежно зазвенели ее золотые браслеты. Рабыня немедленно исчезла, и Сервилия с интересом разглядывала своего гостя. Одежда на нем небогатая, но, если нужно, он может изобразить из себя самого состоятельного римлянина.

– У меня есть для тебя поручение, Белас, – начала она.

Гость поклонился, показывая лысину на макушке. Сервилия помнила времена, когда этот человек носил золотые кудри до плеч. Время никого не щадит – так обидно!

– Мне еще три дня играть Диониса, – сразу сообщил он. – Те, кто понимает в театре, считают мою игру совершенной. А потом я к твоим услугам.

Сервилия улыбнулась и, к своему удовольствию, поняла, что Белас по-прежнему к ней равнодушен. Быть может, он смотрит на нее глазами памяти и видит ту, прежнюю. Он всегда ее обожал.

– Дело нетрудное, Белас, но придется ненадолго уехать из города.

– Уехать? Не люблю деревню. Разве тамошний грубый народ в состоянии оценить прекрасные пьесы Еврипида? Почти двадцать лет я не покидал Рима, да и с какой стати? Здесь весь мир, и здесь живут люди, приходящие на каждое представление, где у Беласа есть роль – пусть даже самая маленькая.

Сервилию не сместило его тщеславие. Этот непризнанный гений был человеком находчивым и добросовестным и до сих пор ее не подводил.

– Это и не деревня, Белас. Я прошу тебя понаблюдать за одним помещьем. Точнее – за женщиной, которая там живет.

Гость резко потянул ноздрями воздух.

– А таверна там есть поблизости? Ты же не потребуешь, чтобы я валялся где-нибудь в вонючей канаве? Дионис не может пасть так низко.

– Таверны там нет, хитрый ты лис. Думаю, ты догадался, куда я тебя посылаю. И, насколько я помню пьесу, Дионис за несколько золотых монет может валяться где угодно.

Белас пожал плечами, выражение лица у него изменилось, и актер взял доверительный тон:

– Речь, конечно, идет о жене Цезаря. О ней судачит весь город. Ну и свадьба – ни ухаживания, ни стихов на заказ. Похоже, Цезарь просто пересчитал ее на вес золота, если судить по поместью, которое ее папаша собирается купить.

Белас пристально смотрел на Сервилию и не мог сдержать самодовольной улыбки, видя, как точно его слова попадают в цель.

– Свадьбу сыграли на скорую руку, а вот уж месяц прошел, и не слышать, чтобы она забрюхатела, – продолжал актер. – Или он ее до свадьбы не опробовал? Вообще-то, у Помпеи в роду все плодovitые, и я жду не дожусь, когда же объявят радостную весть и будут угощать даровым вином – зависть нашу заливать. Юлий хоть и прячет под лаврами лысину, но детей делать умеет – дочка-то у него есть. Может, это Помпея бесплодна?

– Я тебе не говорила, что ты мелкий злой сплетник? – поинтересовалась Сервилия. – Цезарь вовсе не лысый, и не всегда боги даруют зачатие в первую же ночь.

– Он, я слышал, старается изо всех сил. Говорят, племенные жеребцы своих кобыл не...

– Хватит, Белас, – холодно оборвала Сервилия. – По ауреусу в неделю, пока войско не отправится в Грецию. Или ты в театре больше зарабатываешь?

– Дело не в зароботке, а вот публика может меня забыть. Потом я не получу работы. Любовь зрителей – дело ненадежное. Да и цены теперь поднялись – Цезарь столько золота понавез из Галлии. Две монеты в неделю, и старине Беласу хватит на прокорм, пока он ищет новую работу – когда станет тебе не нужен.

– Согласна, пусть две, только не своди глаз с этого дома. Чтобы после не пришлось передо мной извиняться или рассказывать, как тебя насильно втянули играть на деньги.

– Мое слово верное, Сервилия. Ты сама знаешь. – Белас говорил серьезно, и она поверила. – Но ты мне не сказала, что я там должен увидеть, – продолжал он.

– Помпея совсем молода, а в молодости мы бываем глупцами почти так же часто, как в старости. Боюсь, увлечется еще каким-нибудь смазливym юнцом.

– А при чем тут ты, моя прекрасная царица? Неужели надеешься, что ее кто-нибудь совратит? Я мог бы устроить ей западню. Подобные вещи делаются легко.

Сервилия поджала губы и задумалась, но тут же покачала головой:

– Нет, даже если она настолько глупа, я в этом участвовать не желаю.

– А меня любопытство разбирает – зачем тебе тратить золото на чью-то жену? – спросил Белас, испытующе глядя на нее исподлобья.

К его изумлению, на щеках Сервилии выступили красные пятна.

– Я... я хочу ему помочь. Если я гожусь только для этого – пусть будет так.

Лицо Беласа смягчилось, он приблизился к Сервилии и обнял ее:

– Мне тоже приходилось бывать в таком положении. Любовь превращает нас в глупцов.

Сервилия высвободилась и дотронулась до глаз.

– Значит, ты мне поможешь?

– Конечно, моя царица. Вот только уберу в сундук маску великолепного Диониса, дав публике в последний раз насладиться моим голосом. Хочешь послушать кульминацию? Это нечто особенное.

Сервилия с благодарностью взглянула на гостя. Своей болтовней он немного развеял ее грусть.

– Давай я созову девушек. Ты неотразим, когда выступаешь перед красивыми женщинами.

Обсудив дела, Сервилия успокоилась.

– Да, на мою беду, – признался актер. – Красотки меня вдохновляют. А можно мне потом выбрать кого-нибудь? Такой актер, как я, достоин награды.

– Только одну, Белас.

– А двух? Я так хочу любви, Сервилия, я изжаждался.

– Тогда одну девушку для любви и одну чашу вина – жажду утолить.

Холодная морская вода заплескивала в утлое суденышко, и Цецилий все время дрожал. Ночь была безлунная, и если бы не плеск и шорох волн, казалось бы, что лодка движется в пустоте. Двое

гребцов молча работали веслами. Звезды, которые иногда появлялись в разрывах облаков, помогали им держать курс к берегам Греции. Парус сложили, и Цецилий хоть и не моряк, но догадался, что это неспроста.

– Итак, что у меня хорошего? – бормотал он. – Два ножа, горстка греческих монет – правда, неизвестно, что там на них можно купить...

Один из гребцов шикнул на него, налегая на весло, и Цецилий продолжил рассуждать о своих делах про себя. Он давно заметил, что в трудную минуту нужно сосредоточиться, разложить все по полочкам – и это поможет выбрать правильный путь.

«Золотой перстень Цезаря надежно пришит к кожаному поясу, – перечислял в уме Цецилий. – Есть пара прочных сандалий и шерстяные носки^[1] – можно не бояться мозолей. Едой я запасся; если потребуется где-нибудь затаиться, не придется голодать, даже соль и оливковое масло взял – будет чем сдобрить кушанье. Плащ у меня отличный, не промокает... почти. Маловато, однако, чтоб заняться ремеслом лазутчика».

Цецилий приуныл, но тут в него плеснула очередная струя холодной воды, и он немного воспрянул духом. «Смекалки мне не занимать; умею говорить по-гречески – за крестьянина сойду. На зрение не жалуюсь. Человек я бывалый».

Перечисляя преимущества, он почувствовал себя бодрее и слегка выпрямился. В конце концов, не зря же Марк Антоний выбрал именно его, да и Цезарь не послал бы глупца. Задача простая – сосчитать легионы в Греции и узнать, сколько у Помпея галер. Зная греческий язык, Цецилий уж как-нибудь найдет работу в военных лагерях, а раз в месяц ему нужно добраться до побережья и передать собранные сведения. И в один прекрасный день тот, кому он их передаст, скажет, что задание выполнено, можно садиться в лодку и плыть домой.

– Может, вас за мной и пошлют, – шепнул Цецилий ближайшему гребцу, а тот, не дав ему договорить, сердито зашипел:

– Держи рот на замке, тут кругом галеры, а по воде слышно далеко.

Цецилий отвернулся – вот и поговорили. Он старался не обращать внимания на волны, которые весело переплескивали через борта и, казалось, радовались ему, словно старому другу. Как бы он ни отворачивался и ни кутался, брызги непременно проникали в самые неподходящие места.

«С другой стороны, – рассуждал Цецилий, – правая коленка болит, стоит только на ногу ступить. И два пальца у меня ноют всякий раз, когда идет дождь. И вообще, лучше бы быть отсюда подальше. Неизвестно, что меня ждет. Того и гляди схватят, начнут пытать и убьют. Да еще двое этих угрюмцев, которым и дела нет до меня».

Тут его спутники, будто почуяв что-то, вдруг перестали грести и застыли. Он собрался спросить, в чем дело, но один из гребцов зажал ему рот ладонью.

Цецилий замер и, напрягая слух, стал всматриваться в темноту. Где-то невдалеке волны шуршали по гравию, и он решил, что гребцы остановились из-за этого. Однако раздался какой-то скрип, а затем плеск – словно поблизости играла крупная рыба. Цецилий таращил глаза, но ничего не видел, пока перед лодкой не возникла какая-то огромная масса, а внизу не вспенилась вода. Лодка закачалась на волнах, и Цецилий с трудом сглотнул – вражеская галера! Огромные весла поднимались и погружались в воду; слышался приглушенный бой барабана. Сейчас, решил Цецилий, галера разнесет их лодку в щепки. Судно двигалось прямо на них, и он понял, что не в состоянии сидеть и дожидаться, пока зеленое скользкое ребро кия распорет лодку и проедет по нему, превращая в закуску для акул.

В панике Цецилий поднялся на ноги, но гребец схватил его за локоть – рука у гребца, как и полагается, была сильная. Последовала короткая молчаливая борьба, и Цецилий уступил. Галера возвышалась над ними темной горой, на палубе тускло светили фонари.

Спутники Цецилия с бесконечной осторожностью опустили весла в воду и, стараясь подгадать в лад с веслами галеры, в три мощных гребка вывели лодку из-под нависающего кия. Цецилий мог поклясться, что огромное весло задело его волосы. Сейчас оно упрется в лодку, думал он, охваченный неподдельным ужасом. Но гребцы знали свое дело, и галера спокойно прошла мимо.

Цецилий, который от страха перестал дышать, расслабился и сделал жадный вдох. Молчаливые спутники невозмутимо поднимали и опускали весла. Он подумал, что они, должно быть, презирают его, и, пытаясь успокоиться, стал опять перечислять свои «за» и «против».

Казалось, прошла целая вечность, когда гребцы подняли весла, и один выпрыгнул в пену прибоя, чтобы придержать лодку руками. Цецилий взглянул на черную воду и начал вылезать – с

преувеличенной осторожностью, заставляя спутников ругаться про себя. Наконец он почувствовал, что стоит на холодном песке и небольшие волны достают ему до пояса.

– Удачи тебе, – прошептал кто-то из гребцов и слегка подтолкнул лазутчика к берегу.

Тот обернулся, но его спутники уже исчезли, и лишь на секунду ему послышался плеск их весел. Они уплыли, а Цецилий остался один.

Глава 9

Сидя в седле, Помпей наслаждался приятным теплом, шедшим от нагретых на солнце доспехов. Конь под ним тихонько ржал.

Легионный плац в Диррахии построили после прибытия Помпея в Грецию. Обширный двор, покрытый твердой красной глиной, окружали стены, к которым примыкало здание. Дующий с моря ветер поднимал кроваво-красные пыльные смерчки, в небе уныло перекликались морские птицы.

Вдаль уходили сверкающие шеренги легионеров, выстроившихся для смотра. Результат учений вполне удовлетворил Помпея. Жаль только, Цезарь не может полюбоваться воинами, которым предстоит отместить его притязания на власть над Римом.

Все утро диктатор наблюдал учения, и за приятным занятием время пролетело незаметно. Особенно ему понравились конные части. У Цезаря, радовался Помпей, не наберется даже четверти той конницы, что есть у него. Он прямо-таки трепетал от гордости, когда всадники ровным строем проскакали через огромный двор, по сигналу развернулись и послали в мишени смертоносный град копий. Эти солдаты смогут отвоевать Рим у узурпатора. Для них Цезарь означает – предатель. Помпея тронуло то, с какой искренностью и убеждением офицеры приносили ему присягу.

Чтобы присоединиться к сенату, десять греческих легионов прошагали всю страну до западного побережья. Перед Помпеем предстали хорошо обученные и дисциплинированные воины с высоким боевым духом.

Легионеров возмущало, что диктатора вынудили покинуть Рим, и их возмущение согревало Помпею душу. В греческих легионах нет места слабости или неповиновению: диктатор отдал приказ, и войска

пришли. Им не терпится встретиться с противником. Помпей с радостью видел, что донесения из Галлии не оставили равнодушными искусных воинов. Они только и мечтают нанести удар тщеславию галльских ветеранов, чья совершенно неоправданная спесь переходит все границы. С такими солдатами Помпею будет легко воевать.

Отличные качества греческих легионов помогли ослабить постоянное недовольство сенаторов и их семей. Помпей не раз пожалел о том, что привез их сюда, хоть они и придавали ему политический вес. Они постоянно жаловались – на здешнюю воду, дескать, она слабит, на жару, на неудобное жилье в Диррахии и еще на тысячу других вещей. На войне от сенаторов никакой пользы, но мало кто из них это понимал.

Вместо того чтобы предоставить Помпею свободу, сенаторы постоянно пытались воздействовать на его решения, старались сохранить свое влияние там, где от них не было никакого проку. Диктатор мечтал погрузить их на корабль и отправить на самый дальний из греческих островов. Останавливала его только боязнь лишиться поддержки закона.

Сейчас все глаза были обращены на Помпея. Он послал в галоп своего испанского скакуна и понесся к мишени. В ушах свистел теплый воздух Греции, топот копыт сливался в сплошной рокочущий гул, помогая ему сосредоточиться.

Помпей приближался к соломенной фигуре; вот-вот можно будет разглядеть даже бечевки, которыми обвязана мишень. Все солдаты и офицеры смотрят на него, промахнуться нельзя – и диктатор не промахнулся. В момент броска Помпей уже знал: он поразит цель.

Легионеры неотрывно следили за полетом копья, и опыт подсказал им, что оно направлено верно, еще до того, как дернулась от удара соломенная фигура. Солдаты взревели, и Помпей, тяжело дыша, поднял руку, салютуя. По лбу у него струился пот, правое плечо страшно болело, и где-то внизу живота тоже разливалась боль. Мышцы, казалось, вот-вот лопнут, но это пустяки. Римляне уважают силу, так пусть гордятся своим командующим.

Помпей развернул коня и поехал вдоль шеренги солдат, любуясь суровыми лицами и отличной выправкой. Их командир, Лабиен, отсалютовал, глядя Помпею в глаза.

– Я доволен твоими людьми, Лабиен, – похвалил диктатор во всеуслышание. – Отпусти солдат поесть, но не перекармливай. Пусть будут поджарыми и свирепыми. – Он понизил голос. – Следуй за мной в храм. Нам многое нужно обсудить.

– Слушаюсь, господин, – ответил Лабиен.

Своим острым глазом он увидел, что диктатор бережет правую руку, однако счел за лучшее промолчать – командующий явно не желает показывать слабость. Лабиену нравилось, что на покрасневшем лице Помпея нет признаков недомогания. Диктатор – человек выносливый и гордый и даже в таком возрасте прекрасно держится в седле.

– Они всегда свирепы, господин, – добавил Лабиен. – Они вас не разочаруют.

– Не сомневаюсь, – напыщенно произнес Помпей. – Наши воины разнесут шакалов Цезаря в пух и прах.

Лабиен в ответ наклонил голову и опустил глаза. Такому человеку, как Помпей, приятно оказывать почет. То, как вел себя диктатор, явившись в Грецию, произвело на Лабиена сильное впечатление. Помпей нес бремя власти с простотой и достоинством, а солдаты это ценят. У легионеров высокий боевой дух, они с радостью пойдут сражаться против предателя. Греция долго жила без войны, слишком долго для тех, кто мечтает о быстром продвижении. Как известно, во время войны выслужиться гораздо проще. Самый последний копьеносец теперь мечтает прославиться, воюя против Цезаря, стать центурионом и считаться равным среди офицеров.

Помпей подождал, пока Лабиен сядет в седло, и, к своему удовольствию, увидел, что тот проделал это с безупречной легкостью. Внешне командир был ничем не примечателен – коротко остриженные волосы, темные глаза, резкие черты лица. Но послужной список у Лабиена превосходный, и Помпей без всяких сомнений включил его в свой совет. Ему нравилась в полководце прямота, которая контрастировала с хитрыми происками сенаторов. Командиров, подобных Лабиену, можно встретить в любом городе или порту, находящемся под властью Рима. Они не берут подношений, они непоколебимы в своей верности. Их железная дисциплина годами держит посты на дорогах, а когда они идут на войну, на поле битвы им

нет равных. Это прочный костяк Рима. Помпей благосклонно кивнул Лабиему, стараясь выказать расположение.

Под одобрительным взглядом диктатора Лабием отдал легионерам приказ разойтись, и стройные шеренги рассыпались – солдаты заспешили в казармы.

В воздухе уже распространялся запах горячей еды, и Помпей вспомнил, что Лабием голоден, как и все в это долгое утро. Диктатор решил угостить Лабиема лучшим, что у него найдется, и не нужно будет никаких слов – тот поймет и оценит любезность.

Когда они ехали к замку, в котором разместился Помпей, Лабием кашлянул. Такой офицер не заговорит, пока его не спросят. Отличный пример для воинов.

– Говори, Лабием, – потребовал Помпей. – Я тебя слушаю.

– С твоего разрешения, господин, я хотел бы послать галеру – понаблюдать за Остией. Будем знать, что Цезарь отплыл, – лучше подготовимся к встрече. Наш флот потопит вражеские корабли, стоит им только показаться у греческого побережья.

– Так ты, наверное, пожалеешь об этом, Лабием? Мы оба лишимся возможности лично разделаться с Цезарем, – сказал Помпей.

Лабием слегка пожал плечами:

– Немного пожалею, господин. И все же я бы не стал упускать случай опередить неприятеля.

– Что ж, я поставлю на приказ свою печать, но предупреди капитана – пусть держится подальше от берегов. У меня в Остии есть свой человек, и он сообщит мне, когда Цезарь соберет свои легионы. Противник не застанет нас врасплох.

– Я так и думал, господин, – сообщил Лабием, и мужчины понимающе улыбнулись друг другу.

Храм Юпитера в Диррахии не мог соперничать роскошью с римскими храмами. Его построили гораздо раньше, для греческих богов. Помпей остановился здесь не по религиозным причинам, а из-за удобного расположения и вместительности храма. Однако оказалось нелишним, что глава пантеона присматривает за ходом дел, – как заметил Помпей, и офицеры, и слуги испытывают под этими сводами какой-то благоговейный трепет. Никто не сквернословил, да и вообще все говорили вполголоса. Помпей сделал жрецам крупное пожертвование, и те, разумеется, одобрили решение диктатора

остановиться в храме. В конце концов, Юпитер Победитель покровительствует именно воинам.

Оставив лошадей на попечение конюхов, Помпей и Лабиен прошли мимо высоких белых колонн. На пороге Помпей помедлил, желая проверить, не бездельничают ли подчиненные, пока его нет.

Как и утром, когда он уезжал, здесь царила деловая суета. Управление делами новых легионов требовало немалых усилий, и сейчас в храме трудилось не менее двухсот человек – офицеры, писари, рабы. Щелканье подкованных сандалий эхом разносилось по всему помещению.

Помпей приказал поставить здесь несколько больших столов, и теперь старшие командиры, склонясь над картами, делали на них пометки и обсуждали позиции войск. Увидев диктатора, они выпрямились и отсалютовали, и в зале воцарилась тишина. Командующий ответил на приветствие, и все тут же вернулись к своим делам.

Лабиен отдал рабу шлем и меч, а Помпей приказал, чтобы принесли обед, и они двинулись по главному проходу. На стене висела самая большая карта, и Помпей подошел к ней, думая о задачах предстоящей кампании. Карту эту, высотой и шириной в рост человека, нарисовали на тщательно выделанной телячьей коже. Италия и Греция были выписаны в цвете и в мельчайших подробностях.

Помпей проверил, нет ли у него на руках пыли, и показал главные порты на западном побережье Греции:

– Мне важно знать твое мнение, Лабиен. Если наш флот не остановит Цезаря, в его распоряжении окажутся сотни миль побережья – к югу и северу. Если собрать наши силы в одном месте, он просто обойдет нас и раскинет лагерь там, где ему ничего не грозит. Но, даже имея пятьдесят тысяч воинов, я не могу защищать каждую милю побережья.

Лабиен изучал карту. Лицо у полководца было суровое, словно у жреца, совершающего богослужение.

– Допустим, семь легионов неприятеля уцелеют в схватке с нашими кораблями, – начал он. – Это маловероятно, но следует предусмотреть все. Тогда им понадобится огромное количество провианта, и у Цезаря не будет времени дожидаться, пока мы придем,

иначе его воины начнут голодать. Я убедился, что вода и пища так же нужны для победы, как и сила оружия.

– Я все учел, – ответил Помпей. – Наш главный склад – Диррахий. Город набит зерном.

Командующий ожидал одобрения, однако Лабием нахмурился:

– Быть может, не стоит сосредоточивать припасы в одном городе. Вряд ли такое возможно, но если нас отрежут от Диррахия? Для одиннадцати легионов еды нужно гораздо больше, чем для семи.

Помпей позвал писаря и продиктовал приказ. За месяцы, прошедшие с их первой с Лабием встречи, Помпей понял, что тот не упускает из виду никаких мелочей и способен предусмотреть все трудности затяжной кампании. Даже просто прокормить собранные в одном месте одиннадцать легионов и то нелегко, требуются огромные усилия. Лабием сумел организовать доставку продуктов из греческих городов и крестьянских хозяйств на запад страны – именно тогда Помпей обратил на него внимание. Насколько он знал, ни один солдат не испытывал недостатка в провизии. Это большая заслуга.

– Чтобы избежать встречи с нашим флотом и высадиться на востоке, – задумчиво рассуждал Лабием, – им придется пробыть в море более месяца – их запасы воды подойдут к концу. Потом им предстоит пройти сотни миль, добираясь до нас. Если бы не склонность Цезаря к неожиданным маневрам, о которой ты, господин, говорил, я бы вообще исключил такую возможность. Ему гораздо удобнее направиться в какой-нибудь большой западный порт, пусть даже кишаций нашими судами. Я думаю, в Диррахий на севере, или в Аполлонию, или в Орик. Несомненно, он выберет один из них или высадится где-то между. Цезарь постарается не задерживаться в море, где можно встретить наши галеры.

– А какой из портов выбрал бы ты? – уточнил Помпей.

Лабием вдруг засмеялся – звук, похожий на скрип пилы, прекратился так же неожиданно, как и возник.

– Трудно сказать, господин. На его месте, зная, что наши легионы сосредоточены к северу, где разбросаны основные порты, я бы выбрал Орик. Тогда мне хотя бы не пришлось сражаться на два фронта.

Их прервал громкий стук шагов, и Помпей обернулся к выходу. Хорошее настроение диктатора тут же улетучилось: пришел Брут.

Казалось бы, следует радоваться – к нему перешел один из самых близких Цезарю людей. Когда когорты Брута ступили на греческий берег, местных легионеров охватило волнение: Брут спас верных сенату воинов от гнева Цезаря! Молодые солдаты благоговели перед галльским ветераном. Брут от многого отказался, Брут рисковал жизнью, переходя на сторону Помпея. Но... не все так просто.

Помпей холодно наблюдал, как полководец в натертых до блеска доспехах шагает по главному проходу. Меч он, согласно приказу, оставил у входа. Диктатор глубоко вздохнул. Он тщетно старался скрыть свои чувства от Лабиена.

Брут поднял руку в салюте:

– Я к твоим услугам, господин.

Помпей нахмурился – он никак не мог вспомнить, вызывал ли Брута, и ему не хотелось, чтобы это поняли окружающие. Раньше память у него была не хуже, чем у других, но время ослабило ее остроту, равно как и телесную силу. Будто нарочно напоминая ему об этом, еще сильнее заболело плечо. Когда диктатор заговорил, в его голосе слышалось легкое раздражение:

– Я решил не давать тебе Пятый легион, Брут. В него войдут твои когорты, а ты прими командование у легата Селатиса. Я не спущу с тебя глаз, и если ты справишься... сохранишь верность – будешь тотчас вознагражден. Можешь идти.

Лицо Брута не отразило даже следа разочарования, словно он только этого и ждал.

– Благодарю тебя, господин.

Он отсалютовал и развернулся на каблуках.

Помпей увидел, что все присутствующие провожают серебряного полководца взглядами, и усмехнулся про себя. Брут просто заноза в боку, и все же он – живая легенда.

– А как бы ты поступил на моем месте, Лабиен? Поверил бы ему?

Лабиен колебался. Ему проще рассуждать о тактических приемах или снабжении войск, чем о качествах других командиров. Но Помпей ждал ответа, и он заговорил:

– Не более, чем ты, господин. Однако был бы готов отдать Бруту легион, как только он докажет свою преданность. Он... незаурядный полководец. Во владении мечом ему нет равных. Легионеры, похоже, перед ним преклоняются, и опыт у него немалый. Думаю, Брут

отлично повоюет под твоим командованием. Если он, как утверждает, поссорился с Цезарем, то изо всех сил постарается оправдать твое доверие.

– Это и есть главная трудность, Лабиен. А вдруг измена Цезарю – хитрая уловка? Ведь он навредит нам не меньше, чем целый вражеский легион. Не окажет поддержки в нужное время, или просто отступит в критический момент, или развернет свои силы так, чтобы заблокировать наш резерв. Любое подобное действие – и мы проиграем войну... Если б я мог ему доверять. Я бы первый оказал ему уважение и всюду выставлял бы его напоказ. Прославленный полководец в серебряных доспехах! Разве мог я подумать, что у меня под командованием окажется военачальник Цезаря? Брут мог бы принести большую пользу, но... я боюсь полагаться на его сведения. Лучше уж я не поверю, чем позволю себя разгромить.

– Осторожность всегда лучше, господин. Когда Брут убьет первых воинов противника, он докажет нам свою искренность. Или я прикажу его схватить.

Полководцы посмотрели друг другу в глаза, и диктатор согласно кивнул.

Принесли на серебряных блюдах еду, и Помпей следил, чтобы Лабиену доставались лучшие куски. Они ели, стоя у карты и обсуждая предстоящую кампанию. И еще долго после того, как унесли тарелки, полководцы продолжали разговор – пока на горизонте не село солнце и Помпею пришла пора опять идти к брюзгливым старикам-сенаторам.

Выйдя во двор, Брут пристегнул меч. Пусть старый дурень и Лабиен сами состряпают план войны. Вот уж два сапога пара. В Лабиене если и была когда-то искра жизни, то она давно перегорела в этом греческом пекле. А Помпей вместе с молодостью утратил и свою отвагу.

Брут оглянулся и хмыкнул, заметив двоих солдат, приставленных к нему Лабиеном для слежки. Поначалу он терпел их присутствие, говоря себе, что сам поступил бы так же. Кто поверит галльскому полководцу, который много лет считался правой рукой Цезаря? Но шли месяцы, Помпей не становился благосклоннее, и незаслуженное недоверие мучило Брута все сильнее. Брут знает неприятеля лучше,

чем кто-либо другой, и отлично мог бы стать орудием его уничтожения. А помощники Помпея встречают любое предложение Брута оскорбительным высокомерием. Наверное, большая часть предложений до диктатора даже не доходит, с горькой иронией думал Брут. Солдаты, молчаливо трусящие позади, стали раздражать его гораздо сильнее.

Брут поморщился. Может, стоит заставить их побегать, чтобы отработали свою плату? Проведя в казармах Диррахия три месяца, Брут отлично изучил городишко. Голос разума убеждал потерпеть, пока ему станут доверять, но сейчас Брут не желал подчиняться разуму. Сегодня ему все надоело; завернув за угол, он бросился бежать, набирая скорость. Какой-то возница и его быки удивленно тарасились вослед. Брут резко свернул в переулок и добежал, не оглядываясь, до самого конца. Этому научил его Рений во время последнего пребывания в Греции. Когда убегаешь, не нужно сразу оглядываться назад – это замедляет бег. А преследователи и так никуда не денутся.

Не замедляя скорости, Брут еще пару раз свернул. От быстрого бега он приятно разгорячился. Полководец был натренирован не хуже любого солдата и мог бегать хоть целый день. Перед ним возникла заманчиво открытая дверь, и он вбежал напрямик в незнакомый дом и выбежал с другой стороны на неизвестную улицу. Ни разу не оглянувшись на преследователей, беглец отсчитал с полмили по извилистым улочкам и наконец решил, что они отстали.

Солдаты непременно донесут о его поступке своему каменному начальнику, хоть им и не миновать кары. Лабиен, конечно, не зверь, однако требует точного выполнения приказов, и Брут не завидовал этой парочке. Помпею тоже непременно сообщат, и подозрения диктатора укрепятся. Того и гляди пошлют дозорных прочесать все улицы. Брут перевел дух и задумался о своем положении. У него в запасе не больше часа. Лабиен свое дело знает, и ему не потребуются много времени, чтобы обложить беглеца. Брут ухмыльнулся – было только одно место, ради посещения которого стоило рискнуть оставшимся временем. Он мигом сориентировался, рванулся вперед и, взяв подходящий темп – он мог пробежать в нем несколько миль, – быстро застучал сандалиями по красной пыли.

Однажды Бруту послышался вдалеке топот легионеров – он ускорил бег и после ничего не слышал.

Когда полководец добежал до дома с садом в центре города, волосы у него намокли от пота, но дыхание оставалось ровным. Здесь жила дочь Цезаря – прекрасная птичка в золотой клетке.

За долгие месяцы ожидания Цезаря Юлия, как, впрочем, и члены сената, не принимала никакого участия в происходящих событиях. В первые недели пребывания в Греции Брут иногда встречал ее вместе с мужем, затем у Помпея прибавилось дел, и он предоставил супругу самой себе.

Брут испытал странное чувство, когда они встретились при всех в рабочем кабинете Помпея – так далеко от поместья Цезарей! Они обменялись лишь несколькими пустыми фразами; Юлия вела себя церемонно, но глаза ее подозрительно блеснули. Давно, еще девочкой, она огорчалась, что, став супругой Помпея, будет вынуждена распрощаться с вольным образом жизни. Так и произошло – перед полководцем предстала нарумяненная, увешанная драгоценностями знатная римлянка.

На Брута сочетание ее холодности и густого аромата духов подействовало возбуждающе: словно ему бросали вызов и одновременно предостерегали.

Когда Брут еще раньше увидел сад, где Юлия проводила самые жаркие часы, он почти машинально отметил для себя все входы и выходы.

Каждый день Помпей до вечера остается в храме, а потом отправляется к сенаторам – толочь воду в ступе. Если не считать нескольких рабынь, Юлия обычно остается одна.

Брут допускал, что Помпей мог приставить к дому охрану, однако, заглянув во внутренний двор, никого не увидел. Ощущение опасности заставляло сердце стучать быстрее. Диктатор, разумеется, знал об их знакомстве – ведь Брут дружил с отцом Юлии. С Помпея вполне станет заподозрить, что одним знакомством дело не ограничилось.

Командующий не допускал Брута к делам, не дал командовать легионом, унижал недоверием, и теперь, несмотря на рискованность предприятия, оно доставило немало удовольствия беглому полководцу – он сумел-таки насолить диктатору.

– Как поживаешь, Юлия? – окликнул Брут через узорную решетку.

На мгновение Юлия замерла, а потом обернулась – точная копия Корнелии, первой жены Цезаря.

Юлия была настоящей красавицей, и на Брута с неожиданной силой нахлынули воспоминания об их ночи в поместье Цезарей. Одна-единственная ночь, но – первая для Юлии, и, быть может, она запомнила ее навсегда...

С пылающим лицом Юлия приблизилась к воротам.

– Что ты здесь делаешь? – сердито спросила она. – Мой муж...

– Обсуждает с Лабием свои скучные планы – ты и сама это знаешь. Не могу понять, как Помпей может пренебрегать такой женщиной.

Во внутреннем дворе детский голосок фальшиво выводил какую-то песенку.

– Твой сын? А кто еще тут с тобой?

– Тебе нельзя приходить сюда, Брут, – сказала Юлия, нервно озираясь. – Тут неподалеку стражники и полно рабов. Мы у всех на виду.

Из дома выбежал маленький мальчик. Брут заговорщицки ему подмигнул, и малыш заулыбался.

– Да он у тебя красавец. Смотри, какие у него руки – прямо созданы держать меч.

Страх Юлии немного рассеялся, и она повернулась к сыну:

– Иди в дом. Сейчас я приду, и поиграем вместе.

Малыш серьезно кивнул и отправился через сад к дому.

– Ты меня пригласишь? – поинтересовался Брут.

Юлия решительно покачала головой:

– Никогда. Не желаю, чтобы нас видели вместе, да и тебе не доверяю.

– А мне вспомнилась одна ночь в конюшне, – признался Брут, и, к его удовольствию, Юлия покраснела. – Или с Помпеем тебе лучше?

– Он мой муж, – произнесла она уже без твердости в голосе.

Незаметно для себя Юлия оказалась совсем близко к решетке. В другом месте Брут схватил бы ее в объятия и поцеловал, а здесь – стоит ему попытаться, и красавица мигом ускользнет.

Вдруг Юлия спросила:

– Почему ты ушел от моего отца? Такого я от тебя не ожидала. И отлично знаю, что это не ради меня.

Брут ответил моментально, и она не успела заметить, как взгляд его метнулся в сторону. Слова сами пришли к нему на ум:

– Твой отец, Юлия, лучше всех на свете. Помпей, конечно, уверен в себе, но ему страшно повезет, если он сможет победить Цезаря.

– Так почему же ты ушел? – повторила она, опять вспыхивая.

Юлии, наверное, нелегко – ее муж готовится к войне с ее отцом.

Она смотрела на Брута, и у него в голове возник план. Блестящий, но – видят боги! – какой рискованный! Насколько можно доверять этим прекрасным глазам? Не выдаст ли она его?

– Поклянись не рассказывать Помпею, – прошептал Брут.

– Клянусь жизнью моего сына, – сказала Юлия, придвигаясь к нему.

– Я не ушел от Цезаря, – произнес он. – Я здесь по просьбе твоего отца.

Алые губы красавицы удивленно раскрылись – до нее дошел смысл этих слов. Брут жаждал поцелуя, и его рука сама собой потянулась к ее волосам. Юлия мгновенно отпрянула.

– Никто не должен знать, – продолжал Брут. – Я рассказал тебе одной – не вынесу, если ты станешь видеть во мне предателя.

Она явно хотела ему верить, и Брут изо всех сил старался не расхохотаться.

– Твой муж мне не доверяет, – продолжил он, – и не хочет давать мне в подчинение много людей. Думаю, Помпей намерен отправить меня на передовую, чтобы в первой же стычке меня убили.

Брут старался говорить как можно убедительней. Ему хотелось чуть припугнуть Юлию – пусть она тревожится за него; правда, выдержать верный тон было нелегко.

Юлия молчала. Ее терзала необходимость выбирать между дочерней преданностью и верностью мужу.

Расчет Брута строился на ее сильной любви к отцу – Юлия скорее допустит, чтобы погиб муж, но планов Цезаря не выдаст. Если же перевесит верность Помпею, то часы Брута сочтены.

Юлия продолжала молчать, и Брут осознал, как сильно рискует. Полководец все отдал бы, лишь бы забрать свои слова обратно.

– Моему отцу нужно, чтобы тебе дали легион? – тихо спросила она.

Брут подавил смешок – он выиграл, Юлия ему поверила!

– Нужно, – просто ответил он.

– Тогда я уговорю мужа.

Брут изобразил удивление, словно такое ему и в голову не приходило.

– А ты сможешь? Помпей не любит, чтобы ему подсказывали.

Брут заметил, что Юлия побледнела. Но когда дело было сделано, он спохватился: время бежит! Его могут застать здесь, а этого допустить нельзя, в особенности теперь.

– Я хорошо знаю мужа, – говорила Юлия. – Я придумаю способ.

Повинуясь порыву, она прижалась к решетке и крепко поцеловала Брута в губы.

– Передай отцу, что я о нем думаю.

– Обязательно, девочка моя, а сейчас мне пора.

Бруту опять послышался отдаленный топот подкованных железом сандалий. Хорошо бы его отыскали подальше отсюда, например в таверне, в объятиях какой-нибудь подружки. В противном случае будет трудно убедительно объяснить, где он пропадал, но должно же ему повезти!

– Я тебя еще увижу? – спросила Юлия.

– Через два дня в это же время отпусти всех рабов. Если только смогу, приду, – торжествуя в душе, пообещал Брут.

Убегая от солдат Лабиена, он не думал ни о чем серьезном. Он рассчитывал на приятное развлечение – покувыркаться с женой Помпея, а теперь ставки многократно возросли.

Юлия заметила его волнение:

– Уходи скорее!

Брут кивнул и наконец побежал, одним рывком достигнув поворота. Юлия смотрела ему вслед, а когда минуту спустя мимо протопали солдаты ее мужа, она вышла к ним. Красавица не сомневалась, что сумеет их провести. Впервые за все время пребывания в Греции Юлия почувствовала, как сильно может биться ее сердце.

Глава 10

Каждый год в разгар ночного праздника *Vona Dea* – Доброй Богини – на улицах Рима полно женщин.

Вечером римляне пораньше запирают двери и укладываются спать, а свободные римлянки пьют вино, поют и танцуют. Самые отчаянные, пока их семьи сидят дома, бегают по городу с голой грудью, упиваясь свободой.

Некоторые мужчины в надежде полюбоваться праздничными шествиями залезают на крыши домов. Но попадись они женщинам на глаза – храбрецам тут же придется спасаться от града камней. А очутиться на улице одному в такую ночь – еще хуже. Каждый год рассказывают страшные истории о молодых людях, которые, задержавшись ночью на улице, жестоко поплатились за свое любопытство. Кое-кого из них находят наутро раздетыми и связанными – и несчастные даже не в силах рассказать, что с ними сделали.

Белас наблюдал за домом Мария из окна напротив и мечтал подобраться поближе. Сверху он видел, как Цезарь, смеясь, пожелал супруге спокойной ночи и вместе со своими приближенными отправился на ночной совет. Консул слишком промедлил с отъездом, и, пока процессия спускалась по склону Квиринала к Форуму, вслед его людям гикали и смеялись – во время ночного праздника Доброй Богини в Риме не чтят никого, кроме нее. Беласа развеселило, что Юлию, похоже, не по себе. И правильно – нечего пренебрегать женским праздником, будь ты даже консул.

Из своего укрытия Белас замороженно любовался толпой весталок, которые с криками поднимались на холм под возбуждающий бой барабанов и пение флейт. В свете факелов сверкали натертые маслом стройные ножки. Впереди шли две обнаженные до пояса девушки – груди их так маняще колыхались! Высунуться из окна Белас не смел – вдруг они посмотрят вверх и увидят его. Сегодня весталки особенно опасны и способны на все, если заметят мужчину. За одно только прикосновение к ним грозит смертная казнь, и приговор непременно исполняется. Белас то и дело напоминал себе, что запер нижнюю дверь, когда снял комнату на вечер.

Дом Мария, между тем, наполнялся гостями, которых пригласила Помпея. Выйдя замуж за консула, она сразу стала важной особой и теперь явно наслаждалась своим новым положением. Белас наблюдал, как со всего Рима съезжаются самые знатные женщины, и в досаде барабанил пальцами по подоконнику – очень уж хотелось видеть, чем

они занимаются там, внутри. Большинство римлян охотно повторяли рассказы о том, что творится в эту ночь, но Белас понимал: все это неправда – знать они ничего не могут. Тайны Доброй Богини хранятся надежно.

В какой-то момент двор опустел, и Белас высунулся из окна, стараясь заглянуть через ворота. Дом был большой, но, казалось, весь уже битком набит знатными римлянками. Женщины до хрипоты пели, хохотали, возносили хвалу богине, прекрасно зная, что мужчины их услышат и станут гадать, каким оргиям они там предаются.

Беласу не хотелось тут торчать, и актер прямо заявил Сервилии: если, мол, Помпея попытается опозорить имя Цезаря, сегодня у нее вряд ли получится. Но Сервилия оставалась непреклонна, и ему пришлось занять свой пост и разглядывать улицы, находя единственное утешение в куске хлеба с сыром. Ночь тянулась мучительно долго.

Взошла луна. В ее свете дразняще мелькали на улице обнаженные тела – сегодня нет места приличиям и запретам. Проходил час за часом. Белас беспокойно ерзал, терзаемый собственным воображением. Где-то совсем близко похрапывала женщина: она, видимо, уснула прямо на улице, прислонившись к его дверям. Белас почувствовал, что покрывается потом. Он щурился от яркого света факелов, стараясь не думать о соблазнительной картине: женщины, обливающие друг друга вином, – багрянец на золоте.

Погрузившись в сладкие грезы, Белас поначалу почти не обратил внимания на женщину, которая, шатаясь, поднималась по холму. Длинные волосы были собраны на затылке в узел. Ветер играл ее плащом, открывая черную как ночь столу. Женщина несла винный мех, обвисший, словно мошонка старика. Шаги ее прошлепали по камням и затихли у самого дома Мария.

Тут Белас не удержался и опять высунулся из окна. Сердце отчаянно заколотилось. Вцепившись руками в подоконник, актер чуть не выругался. То, что он увидел, потрясло его. Незнакомка подняла голову, и в свете факелов стала отчетливо видна ее шея.

Это была не женщина! Лицо умело накрашено, даже походка, хоть и явно нетрезвая, похожа на женскую. Но Беласу приходилось играть женские роли, и его не провести. Сидя в темной комнате, он мысленно аплодировал отваге смельчака и гадал, как скоро того разоблачат.

Пощады ему не видать. Время – за полночь, теперь мужчинам запрещено выходить на улицы. Попадись хитрец весталкам, и беднягу запросто могут оскопить. Белас содрогнулся и задумался – не предложить ли незнакомцу убежище до утра.

Он уже собрался окликнуть пришельца, однако тот вдруг перестал шататься и стал внимательно вглядываться в сад.

Да он только притворяется пьяным, осенило Беласа. Это не просто молодой повеса, затеявший потеху, желая выхвалиться перед дружками, здесь дело куда серьезнее. А вдруг он – наемный убийца? Белас клял себя – нужно было предусмотреть возможность как-то связаться с Сервилией! Сам-то он ни в каком случае не осмелится покинуть свое укрытие.

Мужчина на улице внимательно прислушивался к доносящимся из дома звукам. Затем, снова пошатываясь, вошел в ворота и скрылся в благоухающем саду.

Белас остался в одиночестве, снедаемый любопытством. Сам он даже в дни разгульной юности не отваживался на подобное. Вот-вот раздадутся негодующие вопли, означающие, что вторжение замечено.

Ничего не происходило, и соглядатай продолжал нетерпеливо переминаться с ноги на ногу. Потом сообразил: добровольно ли, нет ли – мужчина не скоро покинет дом. Белас был так заинтригован и напуган, что, когда заподозрил, в чем дело, чуть не подскочил от возмущения. Разве можно обмануть сразу столько женщин? Стало быть, гостя тут дожидались! Сидя в потемках, Белас пытался рассуждать. Быть может, это мужчина из тех, что торгуют собой, и его наняли на ночь? Предполагать такое гораздо спокойнее, чем думать, что он – циничный негодяй, который, возможно, сейчас укладывает Помпею на мягкое ложе.

Белас начал тихонько напевать от волнения – по старой привычке. Придется идти в дом.

В полной темноте актер преодолел два лестничных пролета и наконец уперся вытянутой рукой в деревянную дверь, ведущую на улицу. Осторожно приоткрыв ее, высунул голову. Пьяная женщина, лишившись опоры, сползла прямо на ноги Беласа, и он замер. Подхватил ее под мышки и уложил на бок – не проснулась. Рассматривая спящую, актер взволновался, но нет – за сегодняшнюю ночь он достоин лучшей платы.

Вознося молитвы всем богам-мужчинам, чтобы не дали ему пропасть, Белас кинулся через улицу, оставив дверь слегка приоткрытой. Одолеваемый самыми разнообразными страхами, он осторожно заглянул через ворота бывшего дома Мария.

Во дворе, прямо у ворот, в обнимку с пустым винным мехом лежала обнаженная женщина. Несмотря на страх, Белас разглядел, что она красива, однако это не Помпея.

Внезапный взрыв смеха в доме заставил его отпрянуть и обернуться – вдруг кто-то пройдет по улице и увидит его? То-то они обрадуются, содрогаясь, подумал актер. Он едва успел нырнуть в густую листву – мимо, почти вплотную, чудом не задев Беласа, прошли две женщины. Страх был так силен, что он почувствовал резкий запах собственного пота.

Белас хотел уже вернуться, но снова увидел незнакомца. Никакие ухищрения теперь не скрыли бы, что это мужчина, – он вышел из дома, неся на руках обнаженную женщину. Женщина болтала ногами и мурлыкала, словно котенок. Белас только головой покачал, удивляясь дерзости гостя. Тот, видимо, искал местечко поукромнее. На нем по-прежнему была стола, но мускулы обнаженных рук сразу выдавали мужчину. Женщина, хоть ее одолевала икота, пыталась петь. Она повернула голову, и Белас узнал жену Цезаря. Оторопев, он смотрел, как красавица, обвив рукой шею мужчины, притянула его голову к своим губам. Такой Помпея была необыкновенно соблазнительна: она страстно целовала незнакомца, темные кудри рассыпались по плечам, щеки пылали от вина и вожделения. Актер страстно завидовал храбрецу, который столь сильно рисковал ради свидания.

Белас понимал, что если потихоньку уйти и никому ничего не сказать – никакого ущерба не будет. В глубине души он мечтал именно так и поступить. Но Сервилия ему заплатила, и это все меняло.

Стараясь, чтобы парочка его услышала, Белас произнес:

– Стоит ли она твоей жизни?

Незнакомец чуть не выронил Помпею и быстро обернулся, однако Белас уже со всех ног несся прочь. Прежде чем кто-либо успел поднять тревогу, актер перебежал на другую сторону улицы. Он и долг свой исполнил, и незнакомца предупредил.

Из своего окна Белас, вздыхая, наблюдал за поднявшейся суматохой. Незнакомец исчез – наверное, убежал в сад и перелез через

стену. А хозяйка подняла на ноги остальных женщин, и они с угрозами и проклятиями начали обыскивать все вокруг. Одна из них даже стукнула кулаком в дверь Беласа, но тот успел запереться и теперь радовался своей предусмотрительности. Актер надеялся, что неведомый храбрец успел-таки вкусить любовных утех. Заслужил же он награду за свою смелость. А уж с утра начнется расплата.

Юлий, зевая, жевал оставшуюся с вечера холодную баранину с луком. Когда слабые лучи утреннего солнца коснулись Форума и высказывания участников совета утратили ясность, консул понял, что пора заканчивать. Адан отчаянно зевал – он провел всю ночь, записывая вместе с двумя другими секретарями приказы и проверяя каждую букву.

Непривычным казалось находиться в курии, где на скамье нет ни единого сенатора. Все места занимали командиры легионов, и здесь царила атмосфера военного суда. Юлий жалел, что сенаторы не могут видеть, как быстро и четко тут решались вопросы. Никто не произносил бесполезных пышных речей – слишком много работы предстояло сделать в эти долгие темные часы.

В городе шло веселье, но их ночное бдение ничем не нарушалось – шум сюда почти не долетал. В нарушение обычаев Юлий приказал поставить на ступенях сената часовых на случай, если явятся какие-нибудь подвыпившие искательницы приключений. Со стражниками заседающие были в безопасности, и все же рассвет вызвал на некоторых лицах улыбки: праздник окончен, и теперь можно спокойно добраться до дому.

Юлий с гордостью оглядывал людей, собравшихся по его приказу. Кроме семи военачальников, он пригласил также самых старших центурионов и военных трибунов – нужно, чтобы они слышали последние распоряжения, связанные с подготовкой к походу. Всего на скамьях теснилось более трехсот человек; иногда обсуждение становилось бурным и даже раздавались насмешки – как на заседаниях сената.

Несмотря на сильную усталость, Юлий был доволен результатами подготовки к войне. Корабли уже ждали в Остии, людей для флота хватало – с севера подошли три легиона и стали лагерем на Марсовом поле. Марк Антоний утвердился в роли консула; каждый солдат знает

если не день окончания кампании, то хотя бы план действий на первые несколько дней после высадки.

– Еще месяц, – прошептал Юлий Домицию, – и мы снова сможем отправиться на войну.

– Еще один бросок в этой игре, – ответил Домиций, припоминая разговор на берегу Рубикона месяц назад.

Юлий в ответ рассмеялся:

– Почему-то каждый раз, когда игра вроде бы близится к концу, выясняется, что доска гораздо больше, чем я думал. Я отправил в Грецию Цецилия, прямо в лапы врага, а он каждый месяц шлет подробные сообщения – и они для нас на вес золота. Этот человек хитер, словно лиса; видно, боги любят пошутить.

Домиций кивнул, он испытывал ту же радость, которую выражало сейчас лицо Цезаря. Сообщения от Цецилия оказались чрезвычайно важны для подготовки кампании, и те, кто знал, что беднягу послали на погибель, втайне радовались провалу его настоящей миссии – по крайней мере до сих пор.

Даже теперь, в преддверии войны, подготовка к ней – только половина дела. Юлия занимало, как обеспечить безопасность Рима, и последние месяцы все усердно трудились, чтобы можно было оставить город на Марка Антония.

Новые магистраты всерьез отнеслись к единственному приказу, полученному от Юлия, – работать побыстрее и не принимать взятки. Подгоняемые священным трепетом, который внушал им консул, они наконец приступили к разборке огромной кипы нерассмотренных дел, накопившейся еще до отъезда Помпея. Мало кто из должностных лиц опять принялся брать взятки, а те, кто брал, зависели от милости своих жертв – жалобы теперь тщательно разбирались.

Несмотря на все перипетии, город по-прежнему жил и трудился. Правительству требовалось доверие народа, и оно его получило. Когда легионы уйдут из Рима, Марку Антонию будет нетрудно править. Юлий сдержал данное на Форуме обещание и оставил целых десять когорт, чтобы обеспечить Риму безопасность. Для этого отлично подошел гарнизон Корфиния, слегка сдобренный опытными командирами Цезаря. Юлий с радостью утвердил Агенобарба в должности военачальника.

Вспомнив о нем, Юлий поднял чашу и кивнул Агенобарбу, приветствуя его. Он не раскаивался, что оставил полководца в живых. Благодаря полному отсутствию воображения Агенобарб идеально подходит для важной задачи – поддерживать в Риме порядок. Отвечая на приветствие Юлия, полководец раздулся от гордости.

В помещение вошел солдат – один из тех, что стояли на страже у бронзовых дверей сената. Юлий неохотно поднялся – за солдатом шла Сервилия. С громким лязгом его примеру последовали остальные, и наступила тишина, нарушаемая лишь дребезжанием тарелки, упавшей на мраморный пол, пока кто-то не догадался прижать ее ногой.

Сервилия поздоровалась без улыбки, и Юлий смотрел на нее с растущим беспокойством.

– Что тебя сюда привело? – спросил консул.

Сервилия обвела взглядом ряды офицеров, и Цезарь понял, что она не хочет говорить здесь.

– Поедем ко мне домой, на Квиринал, – предложил он. – Я сейчас отпущу людей.

– Только не туда, консул, – в замешательстве проговорила Сервилия.

Не вытерпев, Юлий взял ее за локоть, и они спустились по ступеням, выходящим на Форум. Чистый воздух помог Юлию, целую ночь дышавшему дымом факелов, собраться с мыслями.

– Мне неприятно это говорить, – начала Сервилия. – Я наняла человека наблюдать за твоим домом.

Юлий уставился на нее, и в голове у него тотчас зароились подозрения.

– Мы позже обсудим, по какому праву ты так поступила. Говори, что он видел.

Сервилия рассказывала подробности, переданные Беласом, и Цезарь менялся в лице. Потом он долгое время молчал, разглядывая раскинувшийся перед ним Форум. Всего несколько минут назад ему хотелось только спать, но слова Сервилии напрочь прогнали приятную усталость.

Он бессознательно сжал кулаки, затем пересилил себя и проговорил:

– Я добьюсь от нее правды.

Когда Цезарь ворвался в дом, глаза Помпеи были красными от слез. Солдаты остались на улице – зачем ему свидетели его семейных дел. Хватило одного взгляда на виноватое лицо жены, чтобы убедиться – да, он опозорен.

– Прости меня, – выговорила Помпея, увидев мужа, и не успел Юлий ничего сказать, как она разрыдалась, словно дитя.

Вопрос жег огнем, и все же спросить пришлось:

– Так, значит, это правда?

Помпея не могла заставить себя поднять голову и молча кивнула в ответ, пряча лицо в мокрое от слез покрывало. Цезарь стоял перед ней, ожидая ответа, и кулаки его сжимались и разжимались.

– Это случилось сегодня? Он взял тебя силой? – произнес он наконец, понимая, что такого быть не могло.

Попытка изнасиловать женщину в праздник Доброй Богини равносильна самоубийству. От потрясения Юлий точно поглупел, но понимал: когда придет настоящий гнев, начнется страшное.

– Нет, не... Я не могу... я была пьяна.

Слезы Помпеи разбивались о его тупое спокойствие. В голове Юлия проносились искушающие картины самых ужасных казней. Солдаты не посмеют войти – даже если он станет ее душить. Руки опять конвульсивно сжались, однако он не сделал ни шагу.

Взволнованные голоса на улице заставили Юлия обернуться, и он испытал некоторое облегчение – можно хоть ненадолго отвлечься. Кричал кто-то незнакомый, и при взгляде на жену Юлий увидел, что она побелела, как молоко.

– О нет, – прошептала она, – не причиняй ему... Он глуп еще.

Помпея поднялась и подошла к Юлию.

Он шарахнулся, словно от змеи, и его лицо исказилось от ярости.

– Он здесь? Он посмел вернуться в мой дом?

Юлий метнулся к воротам, где солдаты прижали к мостовой кричащего человека. Из рта у него текла кровь, но он вырывался точно безумный. Увидев его, Помпея закричала от ужаса. Юлий удивленно потряс головой. Незнакомец, которого видел Белас, оказался юнцом лет восемнадцати, не старше. Волосы длинные, до плеч, мрачно отметил Юлий. Глядя на юношу, консул ощутил себя стариком, и к ярости прибавилось чувство горечи.

Солдаты увидели, что пришел командир, и продолжали молча держать пришельца. Одному из них в схватке досталось по губам, и теперь он стоял красный и злой.

– Пустите-ка его, – распорядился Цезарь и, сам того не замечая, положил руку на эфес меча.

Помпея снова завопила в истерике, и Цезарь, повернувшись к жене, отвесил ей пощечину. Помпея потрясенно замолчала, и глаза ее опять наполнились слезами. Юноша поднялся на ноги. Он тяжело дышал и тыльной стороной ладони вытирал с лица кровь.

– Наказывай меня, – потребовал он. – А ее отпусти.

– Идемте в дом! – рявкнул Цезарь. – Не желаю, чтобы на это любовался весь Рим.

Солдаты, положив руки на плечи юноши, втолкнули его в сад и закрыли ворота. Из солнечного дворика они вошли в прохладный зал, Помпея брела вслед за ними, напуганная и несчастная.

Солдаты швырнули пленника на мраморный пол, и он упал с громким стуком. Юноша застонал от боли, но, шатаясь, поднялся на ноги. На Юлия он глядел с осуждением.

– Ну? – сказал Юлий. – Как тебя зовут, сопляк? Мне интересно – на что ты рассчитывал, идя сюда?

– Меня зовут Публий. Я боялся, что ты ее убьешь, – ответил юноша.

Он держался с достоинством, и Юлий на мгновение вышел из себя и изо всех сил ударил его кулаком в челюсть. По лицу Публия медленно текла кровь, но смотрел он по-прежнему дерзко.

– Речь идет о моей жене. Тебя это не касается, – медленно произнес Юлий.

– Я ее люблю. И полюбил раньше, чем она стала твоей женой.

Юлий едва удерживался, чтобы не прибить наглеца на месте. На смену опустошенности наконец пришел и наполнил его силой гнев; Юлию смертельно хотелось растоптать заносчивого глупца.

– Не говори мне, что ты и впрямь надеялся спасти ее, щенок. Думаешь, я отдам ее тебе и пожелаю вам счастья? Чего ты ждал?

Стоило Публию начать говорить, как Цезарь снова ударил его и сбил с ног. Тяжело дыша, Публий поднялся; руки у него дрожали. Юлий увидел на мраморном полу брызги крови и попытался взять

себя в руки. Помпея опять зарыдала, но он не повернулся в ее сторону, боясь не сдержаться.

– Не пройдет и месяца, и я покину Рим. Мне предстоит сражаться с армией, вдвое большей, чем моя. Быть может, ты надеялся, что я уеду, а вы двое останетесь? Или что я вообще не вернусь? – Он злобно выругался. – Давным-давно и я был таким же молодым, как ты, Публий. Молодым, но не глупцом. Отнюдь. Ты рискнул жизнью ради красивого жеста. Подобный риск хорош только в великих трагедиях и поэмах. А рисковать жизнью по-настоящему – совсем другое дело. Мои люди отведут тебя в укромное местечко и станут бить, пока от твоего лица ничего не останется. Представил? Способен ли ты будешь тогда на красивые жесты?

– Прошу тебя, не нужно, – взмолилась Помпея. – Пожалуйста, отпусти его из Рима. Ты больше никогда его не увидишь. А я сделаю все, что ты скажешь.

Юлий обратил на нее ледяной взор:

– И ты станешь примерной женой? Слишком поздно. Мой наследник должен быть *моим* сыном. Мне не нужны никакие сплетни, никакие сомнения. Всего-то от тебя и требовалось... – Он скривился, словно больше не мог на нее смотреть. – Здесь, в присутствии свидетелей, я заявляю трижды: я даю тебе развод. Я даю тебе развод. Я даю тебе развод. Убирайся из моего дома.

Помпея отступила назад, не в силах вымолвить ни слова. Черные тени вокруг глаз были похожи на синяки. Она и Публий обменялись безнадежными взглядами.

– Не думаю, что твою пустую утробу можно наполнить, но если в мое отсутствие там появятся признаки жизни – это дитя будут считать ублюдком, – заявил Юлий.

Он жаждал причинить ей боль и с удовлетворением заметил, как Помпея передернулась.

Затем Юлий вновь повернулся к Публию. Увидев надежду на лице юноши, насмешливо фыркнул:

– Ты, надеюсь, не думаешь так легко отделаться? Не настолько ты глуп, чтобы не понимать, что тебя ждет.

– Ты отпустил Помпею, и с меня достаточно, – ответил Публий.

Юноша смотрел спокойно, с явным сознанием собственной правоты, и Юлию опять захотелось его ударить. Вместо этого он

кивнул воинам:

– Заберите ее отсюда и выставьте на улицу. В моем доме у нее ничего нет.

Воины сгребли завизжавшую Помпею и вытащили за ворота – ее вопли продолжались и с улицы.

– Теперь ты меня убьешь? – спросил Публий, все так же прямо держа голову.

Юлий уже собрался отдать приказ, но его остановила необычайная смелость юноши. Готовясь к смерти, Публий оставался совершенно спокойным и хладнокровно ждал неизбежного конца.

Юлий негромко произнес:

– Не будь тебя, эта потаскуха затащила бы в постель кого-нибудь другого.

Публий шатнулся вперед, и солдаты обрушили на него град сильных ударов. Он упал, и Юлий нагнулся над ним.

– Нет, я не стану тебя убивать, – сообщил консул. – Армии нужны смелые люди. Я прослежу, чтобы тебя отправили на передовую. Поучись солдатскому ремеслу. Поедешь в Грецию, мальчик.

Глава 11

Далеко, на палубе первой галеры мелькал в темноте фонарь, напоминая пляшущего на волнах светлячка.

– Скажи капитану, что нужно подойти поближе, – приказал Юлий Адану.

Раздались поспешные шаги – молодой испанец побежал передать распоряжение, и его сразу поглотила тьма. Юлий улыбнулся про себя. Именно ради темноты он выбрал эту безлунную ночь, и вдобавок боги послали на небо тучи, скрывающие даже слабый свет зимних звезд.

Теснясь на палубе, да и не только на палубе, солдаты Десятого легиона дремали или смазывали маслом доспехи, чтобы их не испортили соленые брызги. Только сильнейшая усталость могла бы притупить их волнение и позволить задремать. У Цезаря будет единственная возможность застать греческие порты врасплох. Если не повезет и до рассвета они не доберутся до побережья, галеры Помпея всех потопят.

– Рассвета не видно еще? – неожиданно спросил Октавиан, выдавая свое волнение.

Юлий улыбнулся в темноте:

– Еще нет. Пока идем под покровом ночи.

Он ежился от ледяного ветра и старался поплотнее закутаться в плащ. Ветер дул порывистый, и, после того как флот отплыл из Брундизия, гребцы отдыхали всего три раза. При таком напряжении они скоро выбьются из сил, однако изменить уже ничего нельзя. Если рассвет захватит их в море, прикованным к веслам рабам тоже не миновать гибели.

Один-единственный фонарь, да и тот с опущенными заслонками, горел на передней галере, показывая направление остальным. Казалось, в море нет больше ни одного судна. Но галеру Цезаря окружали тридцать других, построенных лучшими мастерами Остии. Эти корабли несли фортуна Цезаря, его воинов и его жизнь. Он с горечью подумал о том, что если в Греции ему суждено погибнуть, то у него не останется наследника. Короткий брак с Помпеей стал в Риме предметом сплетен, и Юлий до сих пор страдал от унижения.

После развода он нашел себе новую жену, молодую женщину по имени Кальпурния, и поспешил сыграть свадьбу. О Цезаре распевали шуточные песенки, в которых высмеивалось отчаянное желание консула произвести на свет сына.

По красоте Кальпурнии было далеко до Помпеи. Ее отец дал согласие на брак, ни секунды не колеблясь, словно ему не терпелось избавиться от дочери. Юлий думал о ней без особой нежности – даже разлука не могла сгладить в памяти коровьи черты новой жены. Страсти к супруге он не испытывал, но она происходила из благородного, хоть и обедневшего рода. Высокое происхождение и непривлекательная внешность – Юлий считал, что ей не грозят соблазны, перед которыми не устояла его вторая жена.

Вспомнив, как во время прощания супруга со слезами повисла у него на шее, Юлий поморщился. Из его женщин она плакала больше всех, особенно если учесть, сколько они пробыли вместе. Кальпурния могла плакать от радости, от умиления, она плакала, думая о предстоящей разлуке с мужем. Ежемесячное кровотечение началось у нее за день до отъезда Юлия – и жена опять плакала.

Если Юлий проиграет Помпею, некому будет продолжить его род. Это последний бросок жребия. Игра на жизнь и смерть.

Юлий глубоко вздохнул, наполняя грудь холодным морским воздухом. Он устал и понимал, что ему нужно поспать. Где-то рядом раздавался тихий храп, и Юлий усмехнулся. Легионерам Десятого нипочем семидесятимильная прогулка по ночному морю.

Последние три дня всем дались нелегко. Когда Цезарь приказал отправляться, семь легионов быстрым изматывающим маршем двинулись из Рима в Брундизий. Перед этим он отправил две быстроходные галеры на перехват разведывательного судна, посланного Помпеем. Выйдя в море, флот Юлия обогнул выступающую часть материка, чтобы забрать легионы. Даже в самый последний момент Юлий испытывал искушение отложить кампанию до тех пор, пока построит флот не меньше, чем у Помпея. Но каждый день, каждый час задержки давал Помпею отсрочку, время для укрепления сил. Если боги даруют удачу, Помпей будет ожидать Юлия не раньше весны.

Юлий молча молился богам, чтобы так и случилось. Разведчики Помпея могут достичь греческого побережья раньше Цезаря, и тогда следующий рассвет окажется последним и для него, и для его армии. Ставки игры высоки – это одновременно и пугало, и подстегивало, но, так или иначе, сделанного не воротишь. В ту минуту, когда галеры с легионами вышли из Брундизия, путь назад Юлию был закрыт.

Спящий солдат вывел громкую замысловатую трель, и сосед, негромко выругавшись, разбудил его. Юлий приказал соблюдать полную тишину, но, казалось, разговаривала сама ночь – шепотом волн, скрипом дерева, шуршанием канатов. Юлий вспомнил другие свои поездки по морю – в какой-то иной жизни – и воспрянул духом. Он завидовал себе молодому, свободному от всего. В те времена все виделось простым – Юлий покачал головой, представив, каким наивным он, должно быть, представлялся людям вроде Мария или Суллы.

Из темноты возник Адан; подходя, он слегка пошатнулся – галера слетела с гребня волны.

– Три склянки, господин. До рассвета уже недолго, – сообщил испанец.

– Хорошо, по крайней мере узнаем, встречают нас или нет, – заметил Юлий.

Вначале ночь казалась бесконечной, но вот она почти пролетела. На соседних галерах с нетерпением ждали рассвета командиры семи легионов. На каждом судне – дозорный, который с верхушки мачты следит за горизонтом, чтобы увидеть первый серый рассветный луч, и смотрит, не появились ли в море вражеские суда.

При мысли о том, как мало теперь зависит от него, Юлий почувствовал странное облегчение. Это краткое затишье среди непрерывных трудов и забот доставило ему удовольствие. Он вспомнил Рения – жаль, что тот не может видеть его сейчас. Старик непременно одобрил бы рискованную игру – бывший гладиатор смог бы ее оценить. Юлий устремил взор вперед, словно мог силой своего желания приблизить берега Греции. За спиной так много призраков прошлого, а где-то впереди ждет Брут.

После успешного внедрения Цецилия в войско Помпея Юлий отправил в разные греческие города еще пять человек. Месяц за месяцем Цецилий сообщал о казни очередного из них – и скоро он опять остался единственным лазутчиком в армии Помпея. Полагаться полностью на одного человека – безрассудство, и Юлий постоянно опасался, что Цецилий перешел на сторону Помпея.

Теперь можно ни о чем не беспокоиться – все равно уже ничего не изменишь. Если сообщения Цецилия верны, Помпей на севере, неподалеку от Диррахия. Он распределил свои легионы по западному побережью, но о том, где именно высадится неприятель, диктатор узнает лишь после того, как это произойдет. Если, конечно, не узнал заранее.

Юлий усмехнулся над собой: его временное спокойствие – настоящий самообман. Он не в силах не думать о будущем – как не в силах остановить ледяной ветер, от которого дрожат солдаты.

Тяжелое шлепанье босых ног заставило Юлия обернуться.

– Господин, начинается рассвет, – доложил матрос, указывая на восток.

Юлий тщетно всматривался в абсолютную тьму. Он собирался сказать, что ничего не видит, но тут различил темную полосу горизонта, отделяющую небо от воды, и расплывающееся над ней серое пятно. Юлию приходилось встречать над морем рассвет, и все

равно у него перехватило дыхание, когда между небом и водой зародилась тонкая золотая полоска – она медленно расширялась, и вот уже засветились нежными красками подкладки облаков.

– Вражеское судно! – сообщил сверху дозорный, разрушая очарование.

Юлий сжал пальцами борт – скорее бы рассвело! Еще немного, и на одной из вражеских галер увидят возникающий из темноты неприятельский флот, и капитаны Помпея начнут в панике выкрикивать команды. Юлий не хотел менять курс. Он отчаянно мечтал уловить в дыхании моря запах близкой земли.

Постепенно рассвет набирал силу, и вскоре вокруг проступили очертания остальных тридцати галер. На палубах кипела работа. Юлий ждал, когда дозорный крикнет: «Земля!» – и сердце его колотилось так, что делалось больно.

Теперь стали видны три галеры Помпея – вокруг ближайшей можно было даже разглядеть белые буруны от весел.

И тут раздался крик:

– Земля!

Юлий поднял к небу сжатые кулаки, и у него вырвался торжествующий вопль.

Его солдаты ответили радостными криками, которые понеслись далеко над водой, – теперь все увидели впереди коричневую полосу. Значит, неприятель уже не нападет на них в море!

Молчавшие всю ночь барабаны внезапно ожили и застучали – все быстрее и неистовей. До суши остался последний рывок – барабаны бешено отбивали ритм, корабли стрелами неслись по волнам.

Через некоторое время Юлий смог различить дома – город начинал просыпаться. словно жужжание пчел, слышались вдалеке тревожные сигналы: горнисты призывали воинов Помпея на защиту города. Какой это может быть город? Орик? Юлий не знал – с тех пор как он в последний раз отплыл из Орика, минуло почти двадцать лет.

Барабанная дробь заставляла кровь быстрее струиться по жилам – порт совсем близко. Стоящие у причалов три галеры ожили: по палубам бегали и кричали люди. Их испуг развеселил Юлия. Стоит ему ступить на сушу, и все убедятся, что в Риме не перевелись хорошие полководцы.

Проснувшись, Брут поднялся с жесткой подстилки и занялся гимнастикой – так он встречал каждый рассвет. Основным движениям его научил еще Рений, потом кое-что добавилось от Каберы, и теперь Брут с помощью упражнений развивал не только силу мышц, но и гибкость.

Через полчаса, когда вдали над Диррахием вошло солнце, тело Брута лоснилось от пота. Он взял меч и принялся отрабатывать приемы, которые освоил вместе с Юлием много лет назад. Простые жесты постепенно сменялись сложными, почти танцевальными движениями. Брут выполнял их автоматически, и они не мешали ему размышлять. Полководец обдумывал свое положение у Помпея.

После того как Брут ускользнул от слежки, Лабиен определенно стал опасен. Доверчивее он точно не сделался, и с Брута не спускали глаз ни днем ни ночью.

При известном старании Брут мог бы убежать и от этих шпионов, но тогда отношения с заместителем командующего испортятся окончательно. Брут развлекался тем, что, ведя за собой преследователей, являлся к Лабиену, указывал ему на них и изображал оскорбленное негодование преданного властям полководца. Лабиену приходилось извиняться – произошла, мол, ошибка. На следующий день он приставлял для слежки других людей.

Улыбаясь своим мыслям, Брут медленно провел выпад и на несколько мгновений замер, вытянув вперед руку с мечом. Визиты к Юлии опасны и потому вдвойне желанны. Если просто уйти от слежки, шпионы поднимут всех на ноги, а значит, лучше действовать прямо. После той первой встречи в саду Брут еще два раза улучил время для свидания с Юлией, весело приказав солдатам Сенеки задержать преследователей. Все равно Лабиен не станет ему доверять, пока Брут не покажет себя в битве против Цезаря.

Брут легко подпрыгнул и перекувырнулся; этот прием он перенял у воинов одного племени, сражавшихся бронзовым оружием. Рений не одобрял никаких движений, которые прерывали контакт с землей, но прыжок впечатлял противника и позволял на секунду скрыть движение клинка. Два раза это спасло Бруту жизнь.

Приземлившись босыми ногами на деревянный пол казармы, Брут почувствовал, что полон сил. Он – лучший среди римлян в искусстве боя на мечах, он – галльский полководец! Пусть Лабиен пытается

вынюхивать, пусть следит за ним; скоро он получит за все сполна. Разве кто-нибудь из людей Помпея способен понять, чего Бруту стоило оставить Юлия? На военных советах его предложения принимаются в штыки. Брут мог понять недоверие, и все же оно его бесило.

Закончив наконец упражнения, Брут замер, удерживая меч в первой позиции^[2]. Странную роль ему приходится играть! Он всегда сражался под командованием Цезаря и теперь обнаружил, что диктатор – сведущий военачальник, не более того. Конечно, Помпей – серьезный полководец, однако ему не хватает некой искры, воображения, которое часто спасало Юлия в самых безнадежных случаях. Бруту приходилось видеть, как Юлий заканчивал почти проигранный бой – стрелы уже вонзались в землю рядом с ним! – полной победой. И хотя его гордость не могла с этим смириться, Брут понимал: у Юлия он научился гораздо большему, чем когда-либо сможет научиться у Помпея.

Ночная тишина постепенно сменилась утренней суетой – проснувшиеся солдаты умывались и одевались. Они сердито проклинали ледяную воду – поблизости протекал горный поток, бравший начало среди вечных снегов. Брут сунул руку под одежду и яростно заскреб в паху. В лагере имелось помещение для мытья – там можно и воды нагреть, но солдаты гордились тем, что их командиры тоже моются холодной водой. Вспомнив, как с его помощью преобразились бывшие стражники, Брут улыбнулся. Он даже удостоился неуклюжей похвалы Лабиена. После месяцев тренировок когорты Сенеки стали просто неузнаваемы. Брут сам занимался их обучением и отнесся к делу со всей серьезностью, понимая, что, когда явится Юлий, от мастерства солдат, возможно, будет зависеть и его собственная жизнь.

Свои серебряные доспехи Брут оставил в казарме, предпочтя надеть обычный кожаный панцирь с железными пластинами и длинные шерстяные штаны, чтобы не мерзли ноги. Он приказал рабу нести одежду и вышел из казармы навстречу бледному солнцу.

Далекий Диррахий был окутан дымкой, к западу от него поблескивало серое море. Брут вспомнил о Лабиене и отвесил в сторону города насмешливый поклон. Это Лабиен отправил его сюда – заниматься обучением солдат.

Чтобы разрешить свои затруднения, хитрый полководец выбрал простейший способ – удалить человека, который их вызвал.

Брут неспешно дошел до высокого берега реки и увидел Сенеку. Тот проснулся раньше своего командира и сейчас, раздетый, стоял у воды и энергично растирался, пытаясь согреться. Увидев Брута, Сенека радостно ухмыльнулся, но тут оба замерли, вглядываясь в даль: из города выходила колонна солдат.

«Кого, интересно, к нам несет?» – подумал Брут.

На таком большом расстоянии нельзя было различить, чей это отряд. Брут понял, что успеет лишь быстро сполоснуться – нужно приготовиться к встрече.

Сенека тем временем натягивал одежду и поспешно завязывал ремешки. Брут, у которого перехватило дыхание, молча вошел в ледяную воду, и тут в лагере раздался сигнал тревоги. Деревянные казармы загремели железом – воины собирали оружие.

Брут нырнул и несколько мгновений не мог пошевеливаться. Едва дыша, вышел из воды, взял протянутое ему одеяло и стал растираться.

– В ближайшие три дня мне не нужно являться с докладом, – сказал он Сенеке и стал натягивать теплые шерстяные штаны. В таких ему никакой холод не страшен.

Быть может – но Брут не стал говорить вслух, – Помпею стало известно о его связи с Юлией? Она-то не проговорится, а вот Лабиев вполне мог приставить людей следить за ней – кого-нибудь, кого Брут не знает. Все равно незачем посылать за ним целую колонну, ведь он сам приходит к Помпею с докладами.

Обменявшись растерянными взглядами, Брут и Сенека смотрели на приближающихся солдат и пытались сообразить, нет ли за ними какой провинности.

Тем временем их собственные воины выстроились в безупречную шеренгу, и Брут почувствовал гордость. Давно прошло время, когда стражники только и умели, что выполнять несколько сигналов горна. Теперь дисциплина и выдержка не оставляли желать лучшего.

Во главе колонны Брут различил Лабиева верхом на черном коне. При виде заместителя Помпея, который пожаловал к нему собственной персоной, Брута передернуло. Визит не предвещал ничего хорошего, и полководец пожалел, что оставил свои серебряные доспехи в казарме.

В нескольких шагах от Брута и Сенеки Лабиен натянул поводья. По приказу центурионов колонна остановилась. Лабиен спешил безупречно четким движением, и опять, в который раз, Брут задумался о том, как сильно этот человек отличается от него самого. Каждая победа Лабиена – истинный триумф дисциплины и точного расчета. Он никогда не губит людей понапрасну, а его послужной список – один из лучших в Греции. Брут терпеть не мог холодную сдержанность Лабиена в отношениях с людьми, и все же нельзя не признать: заместитель Помпея – отличный тактик.

– Господин военачальник. – Гость наклонил голову в знак приветствия.

Брут и вправду считался военачальником, но Лабиен бросил такой насмешливый взгляд на его малочисленное воинство, что он не ответил. Молчание затянулось. Гость уже почувствовал себя неловко, и только тогда Брут поздоровался, также обращаясь к Лабиену по званию. Напряжение немного рассеялось.

– Помпей передал этих солдат под твое командование, – сообщил Лабиен.

Брут постарался скрыть радость:

– По твоему совету, не сомневаюсь. Благодарю тебя.

Лабиен слегка покраснел. Он говорил, как всегда, осторожно: стоит проявить раздражение, и начнется очередной словесный поединок, в котором Брут наверняка одержит верх.

– Ты отлично знаешь, что я тут ни при чем. У Помпея есть и другие советники. Кто-то напомнил ему об успехах твоих экстраординариев в Галлии. После первого сражения ты примешь командование – у тебя будет подвижный отряд для прикрытия наших слабых мест во время боя.

– После первого сражения? – переспросил Брут, не зная, чего ждать дальше.

Лабиен извлек из-под плаща свиток, скрепленный печатью Помпея. Протянул его Бруту и не без удовольствия продолжил:

– При первом столкновении с частями противника твой отряд должен находиться на передней линии. Так приказал Помпей. – Лабиен не спешил и очень тщательно выбирал слова. – Помпей приказал передать тебе: он надеется, что ты уцелеешь в первой битве,

и тогда в дальнейшем ходе войны командующий сможет воспользоваться твоим опытом.

– Уверен, что он именно так и сказал, – холодно ответил Брут.

Ясное дело – Помпей решил «воспользоваться его опытом» по совету Юлии. Она обещала употребить свое влияние на мужа; а больше никто не мог поддержать Брута. Помпей разрывался между желанием использовать опытного полководца и боязнью поверить вражескому лазутчику. Совет Юлии – та малая крупица, которая перевесила нужную чашу весов.

Лабием наблюдал за Брутом со смешанными чувствами. Этот галльский ветеран – непростой человек. Обучая в Греции солдат, он проявил непревзойденное понимание и местности, и людей. И в то же время он высокомерен, а порой до наглости заносчив. Как и Помпей, Лабием не желал потерять полководца, чей боевой опыт больше, чем у любых троих советников Помпея, вместе взятых. Подобный человек не оценим для противостояния Цезарю. При условии, что ему можно доверять.

– Заходить мне недосуг, – заявил Лабием, которого никто и не приглашал, – укрепления еще не достроены.

При упоминании об укреплениях Брут страдальчески поднял глаза. Тут он ничего не мог поделать. По приказу Помпея начали строительство стен и фортов – на целые мили вокруг Диррахия. Быть может, старику казалось, что так надежнее, но Бруту претила сама мысль об этом. Приказ как нельзя лучше показывал, что Помпей слишком уж высокого мнения о талантах Цезаря. А готовить оборону задолго до высадки противника – скверный способ поднять боевой дух своих воинов. И очень плохо, думал Брут, когда солдаты могут отступить и укрыться в безопасном месте, – это не прибавляет им отваги.

– Будем надеяться, Лабием, что укрепления и не понадобятся, – проговорил он более резко, чем сам того хотел. – Быть может, нам удастся разбить Цезаря – тогда и прятаться не придется.

Холодный взгляд Лабиема стал совсем колючим – полководец понял намек и не мог решить, отвечать на оскорбление или нет. В конце концов, безразлично пожав плечами, он произнес:

– Будем надеяться.

Затем Лабиен дал знак своей охране выйти из строя и следовать за ним в город. Остальные солдаты неподвижно стояли над рекой, замерзая на ледяном ветру.

Брут был в хорошем настроении и не стал продолжать перепалку. Он отсалютовал Лабиену, и тот с облегчением отсалютовал в ответ.

– Передай командующему, что я выполняю его приказ и очень благодарен за пополнение, – сказал Брут.

Лабиен кивнул. Он вскочил в седло, и взгляды полководцев встретились. Заместитель командующего смотрел так пристально, словно надеялся проникнуть в мысли Брута и понять – с кем он. Потом развернул коня и неспешно двинулся к Диррахию.

Как только галеры достигли причала, загрохотали остроносые «вороны»^[3], и по ним на стоящие в порту суда побежали солдаты Юлия. Корабли Помпея оказались между галерами Цезаря словно в тисках. Многие легионеры перескакивали на вражеские суда, а уже с них на землю. Солдаты быстро заполонили весь берег; они безжалостно расправлялись с командами противника и двигались вперед.

Когда дошли до Орика, там образовалась настоящая свалка. В этом портовом городе находилась тысяча легионеров Помпея – их следовало сокрушить в первую очередь. Некоторые успели зажечь сигнальные огни из сырых веток, и клубы дыма поднимались вверх, оповещая о случившемся все близлежащие земли. Юлий велел своим воинам не щадить противника, пока не добьются явного перевеса, и скоро улицы Орика увидели, как первую тысячу солдат Помпея изрубили на куски.

Три галеры, команды которых заметили флот Цезаря, даже не пытались пристать – они повернули к северу, неся Помпею весть о вторжении. Юлий понимал, что следует извлечь как можно больше выгоды из внезапного нападения. Если бы к нему шло подкрепление, он мог бы удерживать земли вокруг порта, но все его силы уже здесь. Нужно идти дальше, и консула раздражал каждый миг задержки: из галер еще выгружали тяжелые орудия. С моря никакая опасность не грозила – галеры перегородили весь порт. Сразу после выгрузки последнего орудия Юлий велел потопить суда, и порт оказался полностью закупорен.

Солнце не достигло зенита, а ветераны уже приготовились к маршу. Они стояли, выстроившись в колонны, а вокруг, отравляя воздух, поднимались клубы дыма. Юлий с гордостью смотрел на своих воинов. Потом махнул рукой, и горнисты затрубили сигнал.

Улицы сменились проселками, затем полями, прежде чем вдали появились боевые части Помпея. Галльские ветераны издали громкий клич. Разве можно предвидеть, что почувствуют люди, когда им придется сражаться против своих соплеменников? Сейчас воины Цезаря рвутся в бой. Братья-волки могут порвать друг друга в клочья, хоть они и одной крови.

Неизвестно, кто командовал этими пятью тысячами воинов, но командир не пожелал вести своих людей на верную гибель. Юлий заметил, что колонна изменила направление и взяла к северу. Он расхохотался, представив себе их испуг. Его тут не ждали, а теперь поздно! Консул в волнении поглаживал шею коня и смотрел на землю, которой не видел так много лет.

В зимнее время тут все голо – хилые деревца без листвы, земля, прикрытая лишь кое-где чахлой травой. Над каменистой почвой клубилась пыль, и Юлий вспомнил о сражении с Митридатом много лет назад. Казалось, воздух здесь пахнет иначе, чем в Риме или Галлии. Этот суровый край, где едва теплится жизнь, – самое подходящее место для войны. Глядя на стройные ряды своих воинов, Юлий подумал о том, что тут когда-то шел Александр, и гордо расправил плечи.

На гарцующем коне командующий двинулся вдоль строя, чтобы поприветствовать полководцев. Некоторых – Октавиана, Домиция, Цирона, Регула – он знал много лет. Другие проявили себя не так давно, в Галлии, и заняли высокие посты уже после бегства Брута. На них можно было положиться, и уверенность Юлия в победе росла. Неужели это не сон? Перед ним наконец расстилаются просторы Греции. Он снова в своей стихии, здесь нет места политическим интригам и козням – они остались в Риме.

На сильном ветру бились и трепетали знамена. Но даже зимний холод не мог остудить радость Юлия – радость первой встречи с противником. У Помпея почти в два раза больше солдат, Помпей будет драться на земле, которую успел изучить, Помпей долго готовился. Пусть идут, подумал Юлий. Посмотрим, чья возьмет.

Глава 12

Сцепив за спиной руки, Помпей вышагивал по главному залу храма, который теперь был его штабом. Кругом стояла тишина, и только стук сандалий, подкованных железом, четким эхом отдавался от стен – словно по следам диктатора шел невидимый враг.

– Итак, он здесь, – произнес Помпей. – Несмотря на хвастливые заверения моих капитанов, Цезарь спокойно миновал наши галеры и захватил Орик. Он продвигается вглубь страны и встречает с нашей стороны лишь символическое сопротивление. Объясните же мне, как такое могло произойти?!

Сделав еще шаг, Помпей очутился лицом к лицу с Лабиеном, который стоял у дверей. Взгляд полководца был, как всегда, непроницаемым, но ему явно хотелось смягчить гнев своего начальника.

– Не было никаких причин ждать Цезаря зимой, господин. Он воспользовался тем, что ночи сейчас длинные, однако здесь ему придется туго – земля совсем голая.

Лабиен замолк, и Помпей, во взоре которого мелькнул интерес, жестом велел продолжать.

Военачальник прокашлялся:

– Ради того, чтобы высадиться в Греции, Цезарь пошел на большой риск. Травы почти нет; пока не созреет новый урожай, его воины, не говоря о вьючном скоте, могут питаться лишь собственным продовольствием. В лучшем случае у них есть двухнедельный запас сухого пайка и вяленого мяса. Потом еда кончится, и силы их ослабнут. Цезарь поступил безрассудно и обязательно об этом пожалеет.

Гнев охватил Помпея с новой силой, и у него потемнели глаза.

– Сколько раз я слышал, что Цезарь зарвался и вот-вот проиграет? Послушать моих советников – так он чуть ли не погиб, а он двигается и двигается вперед. Его везение просто поразительно.

– Господин, все когда-то кончается. Я приказал флоту перекрыть подходы к побережью. Теперь Цезарю не смогут доставлять продовольствие морем. Где ему взять зерна для стольких солдатских желудков? Даже самый удачливый полководец не сотворит еду из воздуха. Если бы Цезарь мог действовать беспрепятственно – он

награбил бы продовольствия в городах, но мы-то не позволим. Скоро ему придется командовать семью легионами голодающих.

– Я отправляюсь туда, Лабиен. Собери легионы – пусть готовятся выступить. Не желаю, чтобы Цезарь прогуливался по Греции, словно это уже его земли.

– Хорошо, господин, – быстро сказал Лабиен.

Целый час он слушал разгневанного Помпея и был рад получить наконец приказ. Отсалютовав, Лабиен повернулся к выходу, однако Помпей остановил заместителя.

– И позаботься, чтобы Брут сражался на виду у противника, – натянуто добавил он. – Пусть докажет свою преданность или погибнет.

Лабиен кивнул:

– Мой легион будет поблизости, господин. В случае чего у меня найдутся надежные люди. – Он хотел было идти, но не утерпел и заговорил о том, что его беспокоило: – Было бы лучше, господин, если бы Брут командовал только своими двумя когортами. Вдруг он перейдет на сторону Цезаря вместе с солдатами?

Помпей избегал холодного испытующего взгляда своего помощника.

– А если Брут верен мне, они смогут решить исход битвы. Тогда выходит, я настолько глуп, что вставляю палки в колеса командиру, который лучше кого бы то ни было знает тактику Цезаря. Мое решение окончательное, Лабиен.

И Лабиен ушел, недоумевая, кто мог так сильно повлиять на мнение Помпея? Быть может, кто-то из сенаторов? Командующему приходится проводить с ними много времени. Порой Лабиен даже корил себя за крамольные мысли, но он не испытывал никакого почтения к сварливым старцам, которых Помпей притащил за собою из Рима. Полководец утешался тем, что уважает их высокий сан независимо от личного к ним нерасположения.

Семь из одиннадцати легионов диктатора стояли лагерем вокруг Диррахия. Остальные – большая часть армии – примкнули к ним по дороге навстречу противнику. Лабиен с удовольствием взирал на многочисленное войско и не сомневался, что дал Помпею правильный совет. Пятьдесят тысяч воинов – большей армии ему видеть не приходилось. По донесениям разведки, у Цезаря от силы двадцать две тысячи. Диктатор напрасно всерьез принимает выскочку, который

узурпировал Рим. Спору нет – галльские легионы состоят сплошь из ветеранов, но ветерана не труднее проткнуть копьем, чем любого человека.

Неподалеку раздавался рев белого жертвенного быка. Скоро его забьют, и жрецы станут изучать внутренности. Лабиен узнает о результатах гадания раньше Помпея и при необходимости слегка их подправит. Полководец стоял на улице и нервно потирал большим пальцем рукоять меча – благодаря этой привычке она была гладко отполирована. Он и представить не мог, что Помпея так потрясет известие о захвате Цезарем Орика. Однако больше ничего подобного не произойдет.

К Лабиену приблизились курьеры, чтобы отвезти дальним легионам приказы.

– Выступаем, – отрывисто бросил он; его мысли уже занимал предстоящий поход. – Приказываю сниматься с лагеря. Брут ведет головной отряд, за ним – мой Четвертый легион.

Курьеры рассыпались по дорогам, стараясь опередить друг друга с важной новостью. Лабиен глубоко вздохнул – доведется ли ему увидеть человека, который напугал самого Помпея? Впрочем, это не важно. Цезарь раскается, что явился в Грецию со своими амбициями. Здесь правит Закон.

Юлия играла с сыном. Мальчик сидел на коленях у матери, когда домой пришел Помпей. Мирная тишина дня была тут же нарушена его зычными распоряжениями прислуге. Юлия вздрогнула от резкого тона. Мальчик засмеялся, видя испуг матери, и попытался ее передразнить. Сын, похоже, унаследовал крупные черты отца, и Юлия гадала – не унаследует ли он и образ мыслей Помпея? По громкому клацанью подкованных сандалий – словно тарелки падали на пол – Юлия поняла, что муж проходит через главный зал и направляется к ней. Помпей громогласно требовал принести его лучшие доспехи и меч. Значит, Цезарь в Греции! Юлия вскочила на ноги; сердце ее сильно забилося.

– Ну, здравствуй, – сказал Помпей, входя в садик. Он поцеловал супругу в лоб, и Юлия ответила натянутой улыбкой. Сын протянул к отцу руки, но Помпею было не до мальчика. – Пора, Юлия. Мне нужно отправляться, а тебе следует переехать в более безопасное место.

– Он здесь? – спросила Юлия.

Помпей нахмурился и поглядел ей в глаза:

– Да. Твой отец проскользнул мимо моего флота.

– Ты победишь.

Юлия вдруг крепко поцеловала мужа в губы. Помпей порозовел от удовольствия.

– Конечно, – улыбнулся он.

Воистину – невозможно понять женское сердце, но, во всяком случае, супруга приняла свое новое положение без жалоб и споров. Как раз такая мать нужна его сыну.

– А Брут? Ты возьмешь его?

– Когда я буду в нем уверен, отправлю его сеять панику в рядах противника. Ты оказалась права насчет экстраординариев. Любой человек добьется большего, если предоставить ему свободу действий. Я дал ему еще две когорты.

Юлия поставила сына на землю и слегка подтолкнула. Затем шагнула вплотную к мужу и заключила в страстные объятия. Рука ее спустилась к низу его живота, и Помпей вздрогнул и рассмеялся.

– О боги, у меня нет ни минуты, – пожаловался он, поднося ее руку к губам. – В Греции ты просто расцвела, жenuшка. Это все здешний воздух.

– Это все ты, – возразила Юлия.

Теперь, несмотря на неприятности, Помпей выглядел довольным.

– Прикажи рабам собрать вещи, которые могут понадобиться.

Ее улыбка увяла.

– А разве здесь я в опасности? Мне не хотелось бы сейчас куда-то ехать.

Помпей недоуменно поморгал; он начал раздражаться:

– О чем ты?

Юлия опять заставила себя прижаться к мужу и взяла его за руку:

– Ты снова будешь отцом, Помпей. Я не могу рисковать ребенком.

По мере того как смысл ее слов доходил до Помпея, лицо его менялось.

– Ничего не видно, – сказал он, разглядывая фигуру жены.

– Пока нет, но когда ты вернешься – ведь это может быть не скоро, – тогда увидишь.

Помпей кивнул – он принял решение:

– Хорошо. Сражения будут далеко отсюда. Мне хотелось бы только уговорить сенат остаться здесь. Они непременно желают быть там, где легионы.

Юлия увидела, что радость мужа от приятного известия потускнела: Помпей вспомнил о необходимости согласовывать любой приказ с сенатом.

– Тебе нужна их поддержка, по крайней мере сейчас, – напомнила она.

Диктатор гневно поднял глаза:

– Она мне дорого обходится, Юлия, можешь поверить. Твоего отца вновь избрали консулом, и я вынужден опираться на этих глупцов. Беда в том, что сенаторы понимают: без них мне не обойтись. Во всяком случае, – вздохнул он, – здесь останутся их семьи. Я дам вам еще одну центурию. Обещай мне в случае опасности немедленно уехать. Я слишком тобой дорожу и не могу рисковать.

Юлия опять поцеловала его:

– Обещаю.

Помпей нежно взъерошил волосы сына.

Вернувшись в дом, он продолжил отдавать приказы охранникам и подчиненным – голос диктатора вновь зазвучал сурово и резко. Через некоторое время Помпей ушел, и дом погрузился в обычную мирную дрему.

– А у тебя будет малыш? – спросил сын своим нежным голоском и потянулся к матери, просясь на руки.

Юлия улыбнулась, представив, что скажет Брут, когда узнает.

– Да, милый.

Глаза ее были холодны. Юлии пришлось сделать выбор. Тайна Брута оказалась тяжелой ношей – ведь он собирается предать ее мужа. Сознание собственного предательства тоже заставляло Юлию страдать, но в сердце, которое она разделила между отцом и возлюбленным, не осталось места Помпею.

– Времени у нас совсем мало, – сказал Светоний.

Цицерон, стоявший рядом с ним на балконе зала заседаний, проследил за его взглядом и поджал губы.

– Если ты не желаешь, чтобы я притащил сюда за шиворот этот цвет Рима, тебе остается только ждать, – ответил он.

За последний час спокойная уверенность Светония перешла в злобное негодование. Дело нисколько не сдвинулось. Вот опять в зал вошли несколько рабов. Невероятно – сколько корзин и тюков нужно сенаторам для переезда. Можно представить, каково сейчас Помпею.

А внизу шел очередной спор.

– Пожалуй, мне стоит спуститься, – неохотно предложил Светоний.

Цицерон задумался. Ему хотелось отдохнуть от собеседника. Он недолюбливал Светония. Похоже, зрелость не принесла ему мудрости, думал Цицерон, глядя на сенатора. Но Светоний связан с военными делами Помпея – придется с ним нянчиться, если сенат хочет иметь хоть какое-то влияние на ход военных действий. Видят боги, не нужно пренебрегать ничем, что можно использовать.

– Им сейчас не до приказов, Светоний. Они и Помпея не стали бы слушать. Лучше подожди.

Сенаторы снова смотрели с балкона в надежде увидеть признаки прекращения этого хаоса. Сотни рабов таскали документы, свитки пергаментов, и не было их веренице ни конца ни края. Не в силах скрыть раздражение, Светоний сжимал руками перила.

– Может быть, ты, господин, сумеешь втолковать им, что наши дела не терпят промедления? – наконец вымолвил он.

Цицерон расхохотался:

– Не терпят промедления? Помпей вполне ясно дал понять, что мы для него просто багаж, – так какое ему дело, если у багажа много багажа?

Будучи в полном расстройстве, Светоний утратил свою обычную осторожность и не выбирал слова:

– А не лучше ли оставить их? Какой от них прок на поле боя?

Цицерон холодно молчал, и Светоний стал озираться: не сболтнул ли он лишнего? Оратор заговорил, резко и со значением:

– Правительство, даже в изгнании, не может оставаться в стороне от важных решений. Один Помпей не имеет права вести войну от имени Рима. Без нас его действия законны не более, а то и менее, чем действия Цезаря.

Цицерон подался вперед и сердито поглядел из-под кустистых бровей:

– Более года, Светоний, мы мирились со скверными условиями жизни и непочтительным отношением. Наши семьи жалуются, они хотят вернуться в Рим, но мы требуем, чтобы они терпели, пока в Риме не восстановится законная власть. И ты думаешь, теперь нам нужно держаться подальше от событий? – Цицерон кивнул в сторону шумного зала. – Здесь есть люди, которые разбираются в тонкостях науки и культуры, в том, что так легко может погибнуть под солдатскими сапогами. Среди них правоведы и математики, способнейшие люди самых знатных семейств Рима. Разве помешает иметь умные головы, когда у тебя противник, подобный Цезарю?

Спорить Светонию не хотелось, хотя будь его воля – ушел бы от сенаторов и не оглянулся. Он глубоко вздохнул, робея перед гневом Цицерона:

– Пусть это лучше решает диктатор, господин. Помпей искусный полководец.

Цицерон рассмеялся лающим смехом, и Светоний вздрогнул.

– Все не так просто. Ведь Цезарь ведет *римские* легионы. Его уполномочил новый сенат. Война – не только сражения, победы и знамена. Рано или поздно непременно придется решать политические вопросы, попомни мои слова. Помпею обязательно понадобятся советники – пусть он сейчас этого и не понимает.

– Возможно, возможно, – кивнул Светоний в надежде унять собеседника.

Но от Цицерона было нелегко отделаться.

– Ты настолько всех презираешь, что даже не желаешь спорить? – приставал он. – Что, по-твоему, произойдет, если победит Цезарь? Кто тогда будет править?

Светоний надулся и покачал головой:

– Он не победит. У нас...

Тут Цицерон громко фыркнул, и Светоний замолк.

– Мои дочери и те умнее тебя, честное слово. На войне ничего нельзя предвидеть. Ставки слишком высоки – нельзя просто столкнуть армии, чтобы они сражались, пока не перебьют друг друга. Рим тогда останется беззащитным, и его враги смогут прийти и спокойно разгуливать по Форуму. Ты понимаешь? Когда придет конец произволу и борьбе амбиций, нужно, чтобы уцелела хоть одна армия.

Лицо Светония ничего не выражало, и Цицерон вздохнул:

– Что нас ждет в этом году? Или в следующем? Если мы одержим победу, Цезаря не станет – кто тогда сможет ограничить власть Помпея? Вздумай он стать царем или императором и отвергнуть республику наших отцов или отправиться завоевывать Африку – не найдется никого, кто посмел бы остановить диктатора. В случае победы Цезаря случится то же самое. Независимо от исхода войны, итог получается скверный. Поэтому, когда один из них победит, а другой проиграет, нужно как-то поддерживать равновесие. Тогда мы и пригодимся.

Светоний продолжал молчать. В словах Цицерона ему слышался страх, но опасения старика его только сместили. Ведь если победит Помпей, Светонию тогда благодать – ему и империя не страшна.

Армия Цезаря малочисленна, ей грозит голод. Предположение, что Помпея могут разбить, просто оскорбительно. Светоний не сдержался и уколел:

– Может быть, для твоих замыслов, господин, нужны люди помоложе?

Старый сенатор смотрел твердо:

– Если время мудрости для нас миновало – да помогут нам боги!

Брут и Сенека ехали рядом во главе легионов, растянувшихся на многие мили по полям Греции. Сенека молчал – видимо, размышлял о приказах, привезенных Лабиеном. Казалось бы, вести такую многочисленную армию – большая честь, но оба понимали, что это лишь испытание на верность, пройдя которое они, скорее всего, останутся на поле боя навсегда.

– Зато нам не придется шагать по дерьму, как остальным, – сказал Брут, оборачиваясь к Сенеке.

Сенека выдавил улыбку. За каждым легионом шли тысячи голов вьючного скота. Воинам, идущим в хвосте колонны, действительно придется несладко.

Где-то впереди ждут войска, которые высадились в Орике; их ведет военачальник, чье имя стало для армии символом победы, а почти каждый солдат – галльский ветеран. Несмотря на их малочисленность, лишь немногие из сторонников Помпея не понимали, что сражения предстоят долгие и кровопролитные.

– Думаю, Помпей хочет нашей гибели. – Сенека говорил совсем тихо, и Брут едва слышал. Встретившись взглядом с командиром, юноша пожал плечами. – Когда я вспоминаю, сколько всего случилось после Корфиния... Не хотелось бы, чтобы ради проверки твоей честности нас убили в первую же минуту.

Брут отвел глаза. Он уже много об этом думал и никак не мог прийти к решению. За ним почти по пятам двигается Четвертый легион Лабиена. Приказ Бруту дан недвусмысленный. Допусти он какую-нибудь вольность – и его уничтожит собственный тыл. Лабием колебаться не станет, даже если сорвет тем самым атаку Помпея. Бруту очень хотелось обернуться и посмотреть – наблюдает ли за ним Лабием? Так же как и в Диррахии, Брут чувствовал на себе чей-то пристальный взгляд, и это начинало действовать ему на нервы.

– Вряд ли наш любимый командующий сразу отдаст приказ идти в наступление, – произнес наконец Брут. – Ведь он понимает, что у Юлия припасена какая-нибудь хитрость. Помпей слишком высоко ставит таланты неприятеля, чтобы бездумно броситься в атаку. А Юлий... – Брут замолчал и сердито потряс головой. – А Цезарь обязательно приготовит нам западню – наделает разных ловушек, накопает ям и расставит свои резервные силы везде, где их можно спрятать. Помпей не захочет попасть впросак. А западни будут повсюду, непременно.

– И кто-то должен в них попасть и погибнуть, чтобы спаслись остальные, – сурово добавил Сенека.

Брут хмыкнул.

– Иногда я совсем забываю, что у тебя нет боевого опыта... Это, считай, похвала. Итак, Помпей расположится неподалеку от противника и отправит вперед лазутчиков – разведать местность. С таким советчиком, как Лабием, Помпей нас в разведку не пошлет – мы пойдем тогда и туда, где можно отлично загреметь в преисподнюю. Лабием об этом уже позаботился, я жизнь готов поставить.

Сенека немного воспрянул, и Брут рассмеялся:

– Со времен Ганнибала и его проклятых слонов наши legionеры не бросаются в бой очертя голову. Мы учимся на ошибках, а каждый новый враг не знает, чего от нас ждать.

Улыбка Сенеки угасла.

– Только не Цезарь. Он отлично знает и Помпея, и нас.

– Цезарь не знает меня, – жестко сказал Брут. – И никогда не знал. И мы, Сенека, разобьем его.

Сенека сжал поводья так, что пальцы побелели, и Брут подумал, уж не трусит ли? Будь с ними Рений, он нашел бы чем подбодрить молодого офицера, но Брут не мог отыскать нужных слов. Он вздохнул:

– Если хочешь, перед первой атакой я тебя отошлю. Ничего постыдного тут нет. Отвезешь от меня Помпею послание. – Идея позабавила Брута, и он продолжал: – К примеру: «Видишь, что ты натворил, старый дурень!» Как тебе?

Но Сенека глядел на своего спутника серьезно:

– Нет. Это мои солдаты. Я буду с ними.

Брут протянул руку и похлопал его по плечу:

– Сенека, с тобой служить – одно удовольствие. И не волнуйся. Мы победим.

Глава 13

Несмотря на теплый зимний плащ, способный защитить от любого холода, Помпей замерзал в своих доспехах. И только изнутри его обжигала горькая отрыжка, отнимавшая последние силы.

Лежащие под паром поля были сплошь покрыты комьями мерзлой земли, и войска продвигались нестерпимо медленно. В молодости Помпей легко переносил самые неприятные тяготы военных походов. Теперь же его хватало лишь на то, чтобы покрепче сжать челюсти и не стучать громко зубами. Из ноздрей коня выходили струйки пара; Помпей рассеянно вытянул руку и потрепал животное по холке. Он думал о войске, которое виднелось вдали.

Лучшей позиции диктатор и пожелать не мог. Легионы Цезаря расположились в сорока милях к востоку от Орика, на дальнем краю окруженной лесами равнины. Лазутчики обнаружили подозрительный холм и немедленно донесли об этом Помпею, не сообщив ни слова Бруту и Сенеке. Помпей выехал вперед, желая проверить все лично, и подозрительно вглядывался в поля.

Ледяной воздух наконец очистился от тумана. Диктатор считал, что до неприятеля еще две мили, но войска Юлия – вот они, на чахлой траве равнины. Издалека эта армия казалась не представляющей

никакой угрозы – маленькая блестящая булавка на обширной тоге полей. Легионы стояли так же неподвижно, как островки леса, покрывающие окрестные холмы. Помпей нахмурился.

– Чем они там занимаются? – пробормотал он сквозь зубы.

С одной стороны, диктатор радовался, что противник уже поблизости. И в то же время давала себя знать природная осторожность Помпея. Юлий никогда не допустит, чтобы его судьба зависела только от смелости солдат. Очень уж хороши условия для атаки на этой равнине – конница Помпея легко сокрушит немногочисленных экстраординариев неприятеля. Помпей покачал головой: слишком соблазнительно.

– Сколько ты насчитал легионов, Лабиен? – поинтересовался он.

– Шесть, господин, – тотчас ответил Лабиен.

По кислому лицу спутника Помпей понял, что у него те же подозрения.

– Где же тогда седьмой? И чем он занимается, пока мы тут пересчитываем остальные? Разошли повсюду лазутчиков. Пусть проверят местность, прежде чем мы двинемся дальше.

Лабиен отдал соответствующий приказ, и во все стороны понеслись самые быстрые всадники.

– Неприятель нас видел? – спросил Помпей.

Вместо ответа Лабиен указал на длинный ряд деревьев, пересекающий равнину, – вдоль них рысью неся одинокий всадник. На скаку он достал флаг и стал посылать легионам Цезаря какие-то сигналы.

– Не нравится мне здесь, – произнес Помпей. – В лесах что угодно можно спрятать. Похоже на западню – а возможно, Цезарь просто хочет, чтобы мы пришли к такому выводу.

– У тебя хватает людей, господин. С твоего позволения, я отправлю вперед, например, когорты под командованием Брута.

– Нет. Этого недостаточно – ловушка не работает, а неприятель подпустит их поближе и уничтожит. Мы понапрасну потеряем солдат. А посылать больше людей я тоже не хочу, пока не узнаю все получше. Прикажи легионам ждать возвращения лазутчиков. Пусть поедят горячего и будут наготове.

День шел на убыль, ветер усиливался. Диррахий остался далеко позади, солдаты устали. Наверное, лучше разбить на ночь лагерь, а

утром двинуться дальше. Кажется, Лабиен не воспринял всерьез предостережение начальника, но Помпей не забыл, как Цезарь остановил бегущий из боя легион Лепида, принял под свое командование – и сделал из него прославленный Десятый! Даже те, кто ненавидит Цезаря, признают его умение добиваться успеха вопреки любым препятствиям. Об этом же говорят военные донесения. Юлий – один из тех командиров, которые могут чувствовать ход всего сражения, находясь хоть в самой гуще боя. Ни Галлия, ни британское побережье не сдались бы просто так. Воины Цезаря верны в первую очередь ему, а потом уже сенату и Риму. Если командующий просит солдат отдать жизнь, они отдают, потому что попросил он. Благодаря вере в Цезаря его солдаты привыкли считать себя непобедимыми. Лабиен вообще не знает Юлия, а Помпей знает отлично и вовсе не хочет быть следующим в списке его побед.

Внезапно диктатор ощутил резкую боль и неловко скрючился в седле. Тут он заметил, что неприятель движется на восток, и к нему мигом подлетел один из разведчиков:

– Господин, они идут к востоку!

Почти сразу издали долетел слабый, уносимый ветром в стороны звук горнов. Неприятель уходил.

– Что скажешь, Лабиен? – пробормотал Помпей.

– Хотят нас заманить, – неуверенно предположил Лабиен.

– И я так думаю, – отозвался Помпей. – Пусть лазутчики идут широкой цепью. И каждый должен видеть соседей.

Лабиен с тревогой посмотрел на разбросанные вокруг клочки леса. Даже зимой голые ветки густо переплетались, образуя местами непроходимую чащу. Тут мудрено не потерять друг друга из виду.

– Через несколько часов станет совсем темно, – начал Лабиен.

– Тогда воспользуемся оставшимся временем в полной мере, – оборвал его Помпей. – Пусть все время чувствуют затылком наше дыхание. Пусть они боятся, что мы что-то предпримем, пока им нас не видно. А разделаться с ними успеем и завтра.

Лабиен отсалютовал и поскакал передавать приказ войскам. Центурионы вновь подняли легионеров, которые уже собрались заняться приготовлением пищи. Лабиен намеренно не заметил пробежавшего по шеренгам ропота. Солдаты любят пожаловаться на тяготы военной жизни, но тут были опытные воины, и ворчали они

скорее по привычке. Зимняя кампания – проверка выносливости и силы духа. Лабием не сомневался, что ее выдержат все.

Когда огромная колонна двинулась вперед, Брут развернулся и поехал вдоль шеренги разведчиков; сверкание серебряных доспехов привлекло взгляды остальных командиров. Полководца явно обуревали какие-то сильные чувства; конем он правил с небрежной ловкостью.

Помпей следил за приближением Брута, и лицо диктатора окаменело, а губы превратились в тонкую бледную линию.

Брут подъехал к Помпею и быстро отсалютовал:

– Господин, мои люди готовы идти в атаку. С твоего позволения, я их отправлю.

– Возвращайся на свое место, командир, – ответил ему Помпей, морщась от боли в желудке. – Я не хочу атаковать на той местности, где враг успел подготовиться.

Брут словно не слышал приказа:

– Это ошибка, господин, ведь Цезарь не стоит на месте. Он не успел бы наставить засад по всем полям.

Лицо Помпея оставалось непроницаемым, и Брут начал проявлять нетерпение:

– Господин, он знает нас обоих. Ему только и нужно, чтобы вместо наступления мы начали гадать о его планах. Если двинемся прямо сейчас, еще до темноты нанесем им серьезный урон. К тому времени как мы будем вынуждены отступить, наши солдаты обретут уверенность в своих силах, а у Цезаря поубавится самонадеянности.

Когда Брут кончил говорить, Помпей нетерпеливо дернул рукой, что лежала на поводьях. Лабием увидел, понял и подъехал к Бруту:

– Господин военачальник, у тебя есть приказ.

Брут молча поднял глаза, и, встретив его взгляд, Лабием на секунду застыл. Брут снова отсалютовал и поскакал к себе в передние ряды.

Помпей забарабанил пальцами по высокой луке седла – разговор, видно, подействовал ему на нервы.

Лабием ехал рядом, не нарушая молчания, и Помпей погрузился в собственные мысли.

Иногда противник скрывался из виду, но лазутчики присылали донесения каждый час. Помпей с растущим нетерпением дожидался,

когда неприятель встанет на привал.

– Если они вскоре не останутся, то так и проходят всю ночь, – пробрюзжал диктатор. – Половина из них попросту замерзнет.

Он пытался проникнуть взглядом сквозь темную массу деревьев, однако ничего не видел. Противник растворился во мраке. Самые отдаленные конные разведчики продолжали тем не менее сообщать о его продвижении.

И вновь Помпей, сжимая от холода челюсти, гадал – не ловушка ли это. Быть может, Юлий надеется оторваться от них или хочет вконец измотать бесконечным маршем по полям Греции.

– Возможно, они разбили лагерь заранее, – предположил Лабиен. Его губы совсем онемели.

Помпею придется дать солдатам отдых, или люди начнут валиться с ног. Лабиен изо всех сил старался погасить раздражение, а Помпей все ехал и ехал вперед, словно не подозревая о состоянии окружающих. Лабиен не собирался учить начальника, но пришла пора остановиться на ночлег – без отдыха они легко потеряют преимущество.

Топот копыт вывел обоих из раздумья.

– Неприятель остановился, господин! – доложил всадник. – И к нам скачет малый отряд.

Помпей поднял голову, как собака, учуявшая дичь.

– Сколько? – спросил он.

Даже в темных сумерках было видно, что разведчик едва держится в седле, – до того он замерз. Лабиен подъехал и взял поводья из окоченевших пальцев.

– Командующий хочет знать, сколько в этом отряде человек, – пояснил он.

Разведчик поморгал, пытаясь собраться с мыслями:

– Трое, господин, и у них мирный флаг.

– Разбивайте лагерь, Лабиен, – отдал Помпей долгожданный приказ. – К тому времени как явятся посланцы – чтобы были стены. Разумеется, они все до мельчайших подробностей доложат Цезарю. Так пусть они ничего не увидят. – Командующий помолчал и выпрямился, стараясь скрыть плохое самочувствие. – Пришлите моего лекаря. Мне нужно немного лекарства, успокоить желудок.

Лабием разослал приказ остановиться на привал. Для пятидесяти тысяч солдат, даже усталых и замерзших, не нужно много времени, чтобы возвести стены лагеря. Многочисленные походы сделали свое дело – Лабием с удовольствием наблюдал, как один за другим выстраиваются кварталы. Стук топоров по дереву для римского военачальника привычен не меньше, чем шум битвы. Лабием постепенно расслабился. Помпей слишком поздно приказал остановиться, и часть работы придется доделывать в полной темноте. Могут быть несчастные случаи. И все же Лабием гораздо сильнее беспокоили трое, посланные Цезарем для переговоров. Что можно обсуждать, когда дело зашло так далеко? А о капитуляции говорить рано: не брошено еще ни одного копья. Лабием наморщил лоб – не выслать ли навстречу несколько конных воинов? Пусть трое всадников просто исчезнут. Если тела хорошенько спрятать, никаких последствий не будет. Помпей решит, что это очередная уловка Цезаря, попытка затянуть время. У Лабием есть верные люди, на которых можно положиться. Под покровом темноты его солдаты перебьют малочисленный отряд, а потом никто и не вспомнит об исчезновении посланцев Цезаря. А попади они в лагерь – кончится тем, что Помпей станет еще сильнее бояться врага. Уверенность командующего в себе, столь привлекавшая Лабием при их первых встречах, пропала начисто, стоило Цезарю захватить Орик. Помпей болен, он часто прижимает к животу ладонь. Вдруг хворь окажется сильнее его? Командующий сильно сдал, а Лабием, как заместитель, в случае чего должен занять его место. Так далеко Лабием не заходил даже в мечтах.

Лабием уже собирался позвать своих верных людей, но тут появился один из разведчиков. Посланцы, сообщил он, находятся от лагеря на расстоянии мили, и теперь их провожают сюда. Лабием раздраженно махнул рукой – пока он раздумывал, время оказалось упущено. Быть может, в том и заключается тайна пресловутой гениальности Цезаря – поступать таким образом, чтобы все из кожи вон лезли, стараясь разгадать его планы? Эта мысль вызвала на лице полководца кривую ухмылку. «Неужели, – думал он, – я окажусь не лучше Помпея?» Но, глядя на кварталы строящегося лагеря – римляне возят с собой города! – Лабием отогнал сомнения прочь. Какую бы смекалку ни проявлял Цезарь в сражениях – ему не приходилось

драться с римскими легионами. Война в Галлии не могла подготовить узурпатора к встрече со столь сильным противником.

К тому времени как из темноты появились трое вражеских всадников, лагерь был почти готов. Легионеры прокопали рвы, возвели насыпи высотой в два человеческих роста. На мили вокруг не осталось ни одного дерева – их вырубали, обтесали, распилили и воткнули в частокол. Земляные валы, покрытые дерном, служили защитой от огня и вражеских метательных снарядов. За несколько часов почти из ничего возникла крепость – островок цивилизации в дикой глуши. Кругом стояли факелы в железных подпорках, окрашивая ночь в мерцающе-желтый цвет.

До Лабиена донесся запах жареного мяса; в пустом желудке громко заурчало. Но сейчас у него не оставалось времени заниматься собой, и он заставил себя позабыть о голоде.

Посланцы Цезаря двигались сквозь строй конных разведчиков; Лабиен разглядел доспехи центурионов с эмблемами Десятого. Цезарь прислал к Помпею не простых солдат. Им приказали ехать через оцепление медленным шагом, причем каждому к спине приставили острие меча. Лабиен, прищурившись, изучал гостей. По его приказу их спешили и окружили, и он, неспешно шагая по мерзлой земле, направился к ним.

Посланцы обменялись взглядами, и тот, что раньше ехал впереди, заговорил.

– Мы пришли по приказу Гая Юлия Цезаря, консула Рима, – заявил центурион.

Он стоял спокойно, словно вокруг не было людей, готовых изрубить его в куски за любое резкое движение.

– Дипломат из тебя никудышный, – отозвался Лабиен. – Ладно, говори, что ты должен передать. У меня ужин стынет.

Центурион покачал головой:

– Мы пришли не к тебе, Лабиен. Послание предназначено для Помпея.

Лабиен рассматривал воина, ничем не показывая своего раздражения. Гостям известно его имя, отметил он себе. Должно быть, у Цезаря в Греции немало лазутчиков. Определенно, этих троих следовало убить до того, как они попадут в лагерь, с досадой подумал Лабиен.

– Вас не пустят к командующему с оружием, – сказал он.

Посланцы кивнули, сняли мечи и кинжалы и бросили оружие к своим ногам. Ударил сильный порыв ветра, и огни факелов бешено заметались.

– Снимите одежду, вам принесут что-нибудь надеть.

Центурионам это явно не понравилось, однако спорить они не стали и вскоре стояли совсем раздетые. Их кожу покрывала паутина шрамов, свидетельствующая о том, что они сражаются долгие годы. Самый впечатляющий узор был у того, кто разговаривал с Лабием. Должно быть, у Цезаря отличные лекари, если его воины выживают после таких ран. Центурионы стояли совершенно неподвижно и даже не поеживались на сильном холоде – Лабием невольно оценил их выдержку. Видя спокойную уверенность пленников, он хотел приказать, чтобы их тщательно осмотрели, но передумал. Помпей, наверное, ждет.

Рабы принесли грубые шерстяные рубахи, и посланцы, которые уже посинели от холода, быстро оделись.

Лабием на всякий случай лично проверил сандалии гостей – нет ли чего подозрительного – и швырнул обратно.

– Отведите их в главный лагерь, к шатру командующего.

Он пристально глядел в лица центурионов, однако те оставались бесстрастными – как и лица окружающих солдат. Стало ясно, что ужину придется подождать, – слишком любопытно, для чего Цезарю понадобилось рисковать отличными воинами.

Главный лагерь вмещал одиннадцать тысяч солдат и основные звенья командной цепи. Его окружали четыре других лагеря такой же протяженности – сверху это было похоже на неумелый рисунок цветка. В центре лагеря сходились три дороги; центурионов вели к шатру Помпея по Via Principalis – Главной улице лагеря. Они внимательно смотрели по сторонам. Конечно, потом обо всем доложат Цезарю. Лабием опять задумался о том, как бы с ними покончить. Не желая снова упустить возможность, полководец приотстал от конвоя и быстро отдал распоряжения трибуну своего Четвертого легиона. Трибун так же поспешно отсалютовал и кинулся собирать людей, чтобы выполнить приказ. Лабием с облегчением поспешил вдогонку центурионам Цезаря.

Шатер командующего – огромное, крытое кожей сооружение – стоял у северных ворот лагеря. Укрепленный балками и перетянутый канатами, он не боялся ни бури, ни дождя. Масляные факелы, прикрытые железной сеткой, ярко освещали все вокруг. Их пламя плясало по ветру, и тени причудливо извивались. Лабиен догнал конвой у самого шатра и велел ждать снаружи. Он назвал охранникам сегодняшней пароль и нырнул под полог.

Помпей обсуждал что-то с трибунами. Убранство шатра отличалось простотой – длинный стол и резное дубовое кресло для хозяина, скамьи вдоль стен. Лабиену нравилась эта спартанская обстановка. Здесь было очень тепло. На утоптанном земляном полу мягко светились жаровни с углями, воздух казался густым и застоявшимся. Вошедший с холода Лабиен сразу вспотел.

– Ты привел их сюда? – удивился Помпей. Говоря, он держался рукой за живот.

– Я раздел их и обыскал, господин. С твоего позволения, их сейчас приведут.

Помпей указал рукой в сторону карт, лежащих на столе, и один из офицеров быстро и аккуратно их свернул. Когда на виду не осталось ничего важного, Помпей осторожно уселся в кресло и тщательно расправил на коленях складки тоги.

В присутствии Помпея трое центурионов держались так же спокойно. Несмотря на убогое платье, по коротко остриженным волосам и многочисленным шрамам было видно, что это за люди. Конвойные, оставив посланцев Цезаря стоять перед командующим, отошли к стенам и держали оружие наготове. Лабиен тяжело дышал; он даже позабыл, что не успел поесть.

– Итак, ради какого такого важного сообщения Цезарь готов рисковать вашими жизнями? – спросил Помпей.

В шатре было тихо, только угли потрескивали в жаровнях.

Центурион, который говорил раньше, сделал шаг вперед, и стражники, замершие у стен, все как один изготовились броситься на гостей. В глазах центуриона промелькнула насмешка, словно происходящее его забавляло.

– Мое имя Децим, господин. Центурион Десятого легиона. Мы с тобой встречались в Аримине.

– Я помню тебя, – подтвердил Помпей. – Совецание у Красса. Ты был там, когда Цезарь привез галльское золото.

– Да, господин. Консул Цезарь намеренно послал известного человека, чтобы показать свою искренность.

Несмотря на спокойный голос центуриона, Помпей моментально покраснел от гнева:

– Не именуй его при мне этим незаконным титулом, Децим. Твой начальник не имеет права называться консулом.

– Он избран голосованием, господин, в соответствии с нашими древними обычаями. Гай Юлий Цезарь заявляет свои права и полномочия, дарованные ему гражданами Рима.

Лабиден нахмурился. Непонятно, чего желает добиться Децим, перечисляя Помпею с самого начала разговора. Нельзя не заподозрить, что слова центуриона адресованы в первую очередь присутствующим офицерам, которые непременно передадут их другим. Помпей, казалось, разделял его подозрение: он поглядывал на окружающих, недовольно прищурившись.

– Мне, как диктатору, подчинены даже самозванные консулы. Но я думаю, Децим, ты явился не затем, чтобы поспорить об этом.

– Верно, господин. У меня приказ – потребовать, чтобы все верные Риму солдаты оставили твой лагерь и либо сложили оружие, либо присоединились к легионам Цезаря.

Слушатели возмущенно задвигались. Помпей поднялся, и по знаку диктатора охранники толкнули центурионов на колени. Ни один из троих не издал ни звука. Помпей сдерживался с большим трудом.

– Здесь нет предателей. А твой хозяин – наглец.

Удар по затылку оглушил Децима. Он хотел поднять руку – потереть ушибленное место, но передумал. Стражникам явно не терпелось наброситься на него.

– В таком случае, господин, – продолжил центурион, – я уполномочен предложить мир. Вы должны выслушать – ради блага римского народа.

Помпей не сразу вспомнил, что следует блюсти достоинство. Он поднял руку, собираясь отдать приказ убить центурионов. Децим заметил это движение, и в свете факелов глаза пленника ярко сверкнули.

– Предупреждаю тебя, Децим, – проговорил наконец Помпей, – я не потерплю никаких оскорблений. Выбирай слова осторожно – или тебя убьют.

Децим кивнул:

– Цезарь желает, чтобы знали все: благо Рима для него превыше собственных амбиций и даже безопасности. Он не хочет, чтобы наши армии разбили друг друга и город на долгие годы остался без защиты. Цезарь предлагает мир – на определенных условиях.

Помпей поднял сжатый кулак, и один из спутников Децима слегка вздрогнул, ожидая в любой момент ощутить в затылке холод клинка. Децим никак не отреагировал.

Снаружи у шатра раздались голоса, и вошел Цицерон, а с ним два других сенатора. Плащи у них были в снегу, лица побелели от холода, но Цицерон сразу разобрался в происходящем. Он поклонился Помпею:

– Командующий, я пришел представлять сенат на этом совете.

Помпей сердито посмотрел на старого сенатора, понимая, что, пока центурионы здесь, от старика ему не отделаться.

– Добро пожаловать, Цицерон. Лабиен, подвинь для сенаторов скамью. Пусть сами убедятся в дерзости Цезаря.

Сенаторы сели, и Децим вопросительно поднял брови:

– Сказать еще раз, господин командующий?

Для человека в подобном положении его спокойствие казалось противоестественным. Лабиен гадал: не наелся ли Децим особых кореньев, которые, как говорят, способны притупить страх.

Диктатор опустил в кресло и забегал длинными пальцами по складкам тоги.

– Цезарь предлагает мир, – сообщил он Цицерону. – Я считаю это очередной попыткой посеять среди нас разногласия.

Децим на секунду опустил голову и глубоко вздохнул:

– Мой господин обладает правами, предоставленными ему народом Рима в результате законных выборов. Вместе с правами он принял на себя и обязанность – предотвратить, если возможно, войну. Он опасается, что в результате вашего с ним столкновения Греция останется опустошенной, а Рим беззащитным. В первую очередь Цезарь озабочен интересами государства.

Цицерон, подавшийся вперед, напоминал старого ястреба:

– Так в чем же подвох? Разве Цезарь пересек море, рискуя встретиться с нашим флотом, с единственной целью – отказаться здесь от своих честолюбивых замыслов?

Децим улыбнулся:

– Нет, сенатор. Цезарь предлагает решить все миром, поскольку не хочет ослаблять Рим.

– И что он предлагает? – осведомился Цицерон.

Помпей покраснел – ему не нравилось, что сенатор вмешивается в разговор. Однако командующий счел ниже своего достоинства показывать гнев в присутствии офицеров. Словно прочитав его мысли, Децим отвернулся от Цицерона и обратился к Помпею:

– Цезарь предлагает перемирие. Ни один ваш воин не будет наказан, ибо солдаты не отвечают за действия своих командиров.

Децим опять перевел дыхание, и Лабиен почувствовал, как тот напряжен.

– Он просит Помпея покинуть Грецию в сопровождении почетного конвоя – например, в какое-нибудь мирное союзное государство. Армия вернется в Рим; солдат не накажут за то, что они подняли руку на законно избранного консула Рима.

Помпей вновь поднялся. Возвышаясь над коленопреклоненными воинами, диктатор заговорил, и его голос дрожал от негодования:

– Неужели ваш начальник полагает, что я приму мир на таких условиях? Я предпочту умереть, чем сдаться на милость узурпатора.

Лабиен оглянулся на остальных командиров. Он не переставал клясть себя, что не уничтожил посланцев Цезаря, пока они не попали к Помпею. Невозможно даже представить, что начнется, когда о предложении Цезаря узнают рядовые легионеры.

– Я передам ему твой ответ, господин, – пообещал Децим.

Помпей, потемнев, покачал головой.

– Нет, не передашь, – произнес он. – Убейте их!

Цицерон в ужасе поднялся. Децим, услышав приговор, тоже выпрямился. К нему приблизился легионер, и центурион с усмешкой раскрыл объятия навстречу клинку.

– Ты не годишься править Римом, – сказал он Помпею и поперхнулся, потому что ему в грудь вонзился меч.

Лицо пленника исказилось от боли. Глядя Помпею в глаза, Децим схватился обеими руками за рукоять меча. С яростным звериным

воплем центурион потянул меч к себе, вонзая его еще глубже. Он упал рядом с товарищами, которым уже перерезали глотки, и шатер наполнился тяжелым запахом крови. Некоторые из присутствующих делали руками особые жесты, чтобы уберечься от злых духов. Сам Помпей был потрясен таким невероятным мужеством. Он, казалось, съежился в кресле, не в силах оторвать взгляд от трех тел у него под ногами.

Лабиему пришлось отдавать приказ унести убитых. Он никак не мог поверить увиденному. Неслыханное презрение к смерти! Ничего не скажешь, Цезарь поступил мудро, послав такого человека. До наступления рассвета каждый солдат в армии Помпея узнает о поступке центуриона и о том, что тот говорил. А отвагу легионеры ставят превыше всего. Сморщив лоб, Лабием размышлял, как пресечь распространение слухов. Быть может, нужно попытаться хотя бы ослабить впечатление, пустив слухи противоположные? Вряд ли получится – слишком много народу тут находилось. Лабием хорошо знал своих солдат. Некоторые из них обязательно задумаются, за тем ли вождем они идут.

Лабием вышел навстречу ревящему ветру и поплотнее запахнулся в плащ. Полководец не мог не признать, что три жизни – невысокая цена за подобный результат. Враг силен – но тем приятнее будет его уничтожить.

Оценивая ситуацию, Лабием задумался о своем начальнике. Многие люди живут годами, имея грыжу или язву. Один знакомый Лабиена любил показывать всем лоснящуюся опухоль, которая торчала у него из живота, – даже плату брал с желающих затолкать ее пальцем на место. Оставалось надеяться, что дух Помпея ослаб не из-за болезни, – иначе нужно ждать еще худшего.

Глава 14

Никогда в жизни Юлий так не мерз. Зная, что отправляться в Грецию придется зимой, он приказал воинам запастись лучшими плащами и шерстяными обмотками для рук и ног. Долгий ночной марш Юлий проделал, подкрепившись лишь небольшим куском жесткого мяса; мысли ползли еле-еле, словно голову сковали ледяные оковы.

Ночь прошла спокойно; его легионы обошли лагерь Помпея, описав по полям большой круг. Месяц шел к полнолунию, было достаточно светло. Ветераны шагали и шагали, не жалуясь на усталость.

В десяти милях к западу от лагеря Помпея Цезарь соединился с легионом Домиция. На два часа они задержались – нагружали вьючный скот. Животных укрыли одеялами от холода, а кормили их даже лучше, чем солдат.

Только на рассвете Цезарь смог определить, насколько далеко он продвинулся на север. Помпей направит войско туда, где Цезарь остановился на ночь, и сразу обнаружит отсутствие неприятеля. И тогда за ними погонятся люди, которые хорошо выспались и поели. Помпею не составит труда догадаться, куда направилась армия Цезаря, – след, оставляемый семью легионами, трудно не заметить. Подкованные сандалии легионеров протоптали широкую дорогу – ее и ребенок увидит.

– Н-не припомню в Греции т-таких холодов, – с трудом выговорил Юлий, обращаясь к закутанному Октавиану.

На молодом человеке было намотано немало одежды, и лишь тонкая струйка пара от его дыхания выдавала присутствие в этом коконе кого-то живого.

– Ты же говорил, дух легионера должен быть сильнее плоти, – слабо улыбаясь, заметил Октавиан.

Юлий смотрел на него, довольный, – оказывается, младший родственник помнит все их разговоры.

– Давным-давно так говаривал Рений, – подтвердил он. – Рений рассказывал, как уже умирающие люди шагали целый день, а потом падали замертво. Чем меньше ты жалеешь свое тело, тем ты сильнее – так он считал. По духу был истинный спартанец, только пил много.

Юлий оглянулся на колонну легионеров, шагающих в мрачном молчании.

– Надеюсь, от погони мы уйдем.

Октавиан повернулся к Юлию – глаза молодого полководца едва виднелись из-под надвинутого капюшона.

– Люди всё понимают, – сказал он. – Они тебя не подведут.

Юлий почувствовал комок в горле – но не от холода.

– Я знаю, парень, – мягко произнес он. – Я знаю.

И они ехали дальше, а ветер свирепо бросался на них, словно хотел о чем-то предостеречь. Юлий растрогался и не мог говорить. Заслуживает ли он столь безграничной веры со стороны своих воинов? Он один отвечает за их жизнь и хорошо знает, что значит для него их вера.

– Помпей сейчас в нашем лагере, – проговорил вдруг Октавиан, глядя на солнечные лучи, пробивающиеся над холмами на востоке. – Когда он увидит, что мы ушли, медлить не станет.

– Загоняем его до упаду, – ответил Юлий, сам не очень-то надеясь.

Перед тем как покинуть Рим, Юлий просчитал все, кроме того, чем ему кормить своих солдат. По сообщениям Цецилия, основные запасы сосредоточены в Диррахии, и консул гнал туда обессиленные легионы. Имелись и другие причины идти в Диррахий, но без пищи кампания быстро придет к бесславному концу, и тогда пропали все их завоевания.

Теперь Юлий опасался погони. Хотя солдаты и отдохнули перед походом, в таких условиях они долго не продержатся. Что бы там Рений ни говорил о духе легионера, телесная сила имеет свои пределы. Оглядываясь назад, Юлий испытывал почти первобытный страх – если покажется армия Помпея, придется вдвое ускорить шаг. Легионеры станут буквально валиться с ног, а до Диррахия еще идти и идти на север.

Каждый маневр в кампании, казалось, был шагом по лезвию меча. Наверное, захватив Диррахий с его запасами продовольствия, Юлий сможет вздохнуть спокойно. И Помпей уже не будет наступать ему на пятки. Юлий мог воспользоваться лишь одним преимуществом, а именно – он отлично изучил Помпея. Диктатор не захочет атаковать, пока целый легион противника находится неизвестно где. Домиций приготовился в случае необходимости штурмовать Диррахий с одним своим легионом. Юлий тем временем отвлекал армию противника к востоку. Помпей повел себя именно так, как от него и ожидали. Следует быть осторожнее, постоянно напоминал себе Юлий. И все же консул не мог отделаться от подозрения, что Помпей разучился воевать. Если это правда, следует сделать все возможное, чтобы держать неприятеля в постоянном страхе.

Юлий посмотрел на солнце – приходилось смириться с неизбежным.

– Прикажи остановиться здесь, и пусть люди поедят и поспят. Отдыхаем четыре часа.

Горны затрубили сигнал к привалу. Цезарь с трудом выбрался из седла – бока и колени болели. Legionеры усаживались прямо на землю и доставали свои скудные пайки. Вяленое мясо было жестким, как камень; Юлий получил свою долю и с сомнением поглядел на нее. Долго же придется это жевать. Дрожа, словно немощный старик, он засунул в рот кусочек мяса и сделал глоток воды, чтобы размочить его. Достал из мешка маленький пучок сушеной травы, помогающей, как говорят, от облысения, и украдкой сунул за щеку. Юлий усердно работал челюстями, и ему живо представлялись свежее испеченные хлебы и фрукты, которые ждут в Диррахии.

Помпей находится на расстоянии десяти часов ходьбы или даже ближе, и он не остановится, пока не кончится короткий зимний день.

Юлий отдал поводья ближайшему солдату и лег на твердую землю. Спустя секунду командующий спал. Октавиан сочувственно улыбнулся, глядя на усталое и бледное лицо командующего. Потом взял с седла свое запасное одеяло и, стараясь не разбудить Цезаря, бережно его укрыл.

Помпей положил руку на золу потухшего костра и нахмурился: угли еще сохраняли тепло. Со вчерашнего полудня при мысли о еде желудок начинал бунтовать, и Помпей так ничего и не ел. Он сглотнул горькую отрыжку и поморщился, когда она обожгла горло.

– Лазутчики вернулись? – спросил он хриплым от боли и злости голосом.

– Да, господин, – ответил Лабиен. – Следы ведут на юг, затем на запад и сворачивают на север, в сторону Диррахия.

Заместитель командующего стоял на ветру, не обращая внимания на холод, и внутри у него все кипело. Солдаты непременно поймут, что из-за своей чрезмерной осторожности Помпей ухитрился упустить двадцать тысяч воинов противника – после того, как их почти догнали! Бодрости это никому не прибавит. Солдаты проснулись в том особом состоянии духа, которое бывает перед боем, а противника и след простыл.

– Я так и знал! – рявкнул рассвирепевший Помпей. – Я сразу понял – как только мне доложили, что они ушли! Теперь нам нужно

срезать путь и выиграть хотя бы час.

Он сжал кулак и стукнул себя по ноге:

– Если неприятель двинулся в Диррахий, значит у нас в армии есть его шпионы.

Лабием устремил взгляд куда-то за горизонт.

– Как же им удалось обойти нас – и ни один дозорный не заметил? Как такое возможно, Лабием?! – бушевал Помпей.

Впрочем, оба отлично понимали: раз уж это случилось, стало быть – возможно. Легионы Цезаря описали широкий круг и прошли от них на расстоянии не менее двух миль. Но Помпей, похоже, не ждал ответа.

– Придется догонять, – сердито продолжал он. – У противника в запасе была вся ночь. Сможем ли мы их настичь?

Лабием машинально посмотрел на солнце, стараясь определить, сколько часов они потеряли. Вывод напрашивался неутешительный – догнать Цезаря вряд ли удастся. Но, видя состояние Помпея, Лабием не решился произнести это вслух. Он сказал:

– При самом быстром марше, подкрепляясь на ходу, не останавливаясь для отдыха, мы сможем ударить Цезарю в тыл, прежде чем он войдет в город. Стены, которые ты построил, тоже задержат неприятеля. – Лабием говорил совершенно спокойно, стараясь не растревать Помпея еще больше. – Даже если они достигнут города, для пополнения запасов нужно немало времени. Мы им помешаем.

Лабием очень старался, чтобы в его речи не прозвучал упрек, хотя сам пребывал в полном смятении от того, как обернулось дело. Диррахий – важнейший порт на побережье, и там по-прежнему хранятся основные запасы армейского продовольствия. Ни в коем случае нельзя было подпускать туда Цезаря. Конечно, тут была и вина Лабиема, но что проку горевать о прошлых ошибках? Еще не все потеряно.

Помпей посмотрел по сторонам:

– Уходим из этого злополучного места. Берем с собою только еду и воду. Остальной обоз пусть догоняет нас, и как можно быстрее. И сенат тоже – они не выдержат нашего темпа.

Лабием отсалютовал, и Помпей взобрался в седло. Руки и ноги не хотели слушаться, так он разгневался. Семья командующего и семьи сенаторов остались в Диррахии. Если Цезарь захватит их в качестве

заложников, его положение значительно упрочится. Помпей потряс головой, словно пытаясь стряхнуть ненависть и страх. Стоило ему принять решение, и желудок немного успокоился. Хорошо бы молоко с мелом укротило боль до вечера.

Легионы двинулись в путь, но их многочисленность теперь не казалась большим преимуществом.

Юлий прикинул пройденное расстояние и пожалел, что перед ним нет карты. Легионы шли двенадцать часов, люди едва волочили ноги по пыли. Хотя они сносили это терпеливо, некоторые уже шатались. Командующий отдал приказ – опереться на плечо идущего впереди. Так солдаты были похожи на уставших бродяг или нищих, а не на римских легионеров, но каждая пройденная миля отдаляла их от неприятеля.

– Почему Диррахия до сих пор не видно? – спросил Октавиан.

Юлий в упор поглядел на младшего товарища, и тот сглотнул и отвернулся. Юлий и сам украдкой посматривал вдаль – не покажется ли наконец город. На западе серебрилось море, и Юлий надеялся, что Диррахий близко. У него устали и болели глаза. Сидя в седле, он мог бы иногда их закрывать, однако не хотел выказывать слабость.

Юлий вспомнил, как давным-давно догонял армию Спартака. Насколько же, оказывается, легче быть охотником, чем дичью! Тот, кто убегает, чувствует себя совсем иначе, словно что-то лишает его воли. Многие солдаты начали посматривать назад, и Юлий хотел отдать приказ не оглядываться, но его опередил Домиций. Он уже скакал взад-вперед по рядам, выкрикивая команды.

Повсюду на дороге оставались влажные пятна. Оправляться на ходу нелегко, но легионеров учат и этому. Тем, кто шел в хвосте, приходилось все время бежать по сырой земле. Даже когда останавливались для передышки, обходились без выгребных ям, да и подтираться приходилось чем попало – листьями, травой. Многие солдаты носили при себе влажные тряпицы, которые быстро стали склизкими и зловонными. Долгий марш – работа утомительная и грязная, а холод пожирает гораздо больше сил, чем летний зной.

День, казалось, никогда не кончится. Юлий, хоть ему и не понравился вопрос Октавиана, тоже считал, что им давно пора достичь

города. Солнце уже клонилось к горизонту; скоро придется дать людям передышку – хотя бы четыре часа.

С хвоста колонны раздался предупреждающий сигнал, и Юлий повернулся в седле посмотреть, в чем дело. Вдалеке, в низких тучах пыли, двигалось что-то блестящее. Он в отчаянии потряс головой. Только он собрался объявить привал, как на горизонте появляется Помпей! И теперь – то ли горевать, что ловушка захлопнулась, то ли радоваться, что не успел остановить еле живых солдат в неподходящее время. Эти измученные, спотыкающиеся на каждом шагу люди должны идти дальше.

Два экстраординария с дальних флангов галопом подскакали к Юлию и, не спешиваясь, отсалютовали.

– Есть новости? – спросил он, злясь, что в такой момент его отвлекают.

– Виден город, господин. В трех милях.

Юлий посмотрел на солнце, потом на свою армию. Пока они дойдут до города, наступит ночь, но все же хорошее известие придаст людям сил.

– Господин, перед городом стоит стена длиной приблизительно в две мили. И она, по-видимому, охраняется.

Юлий выругался. Помпей не терял времени. Штурмовать после тяжелого марша, да еще когда сзади вот-вот навалится противник – об этом и думать не хотелось.

– Поедем вперед вместе, – быстро сказал он. – Я сам должен видеть.

Он натянул поводья и обернулся к Октавиану:

– Пусть люди держат ровный строй. Не хочу позориться перед неприятелем. И ускорьте шаг на последних милях.

Октавиан как будто колебался, однако не решился протестовать.

– Солдаты не подведут, – подбодрил его Цезарь. – Впереди пойдет мой Десятый.

Когда в слабом свете тающего дня в виду Диррахия выросла армия Цезаря, солдат, охранявших недостроенную стену, охватил страх. Высота ее составляла двенадцать футов, и две-три тысячи воинов могли бы задержать галльские легионы, будь стена достроена.

Но еще оставались проходы, где успели положить только перекладыны, – этого, конечно, было недостаточно.

Офицеры Помпея кричали гарнизону команды, строители-греки, побросав инструменты, кинулись в город, надеясь укрыться там.

Солдаты, которых оставили защищать Диррахий, спешили занять позиции, доставая на ходу мечи и обмениваясь последними словами. Они стояли лицом к ветру, но не отворачивались, хотя и дрожали от холода.

– Стоять, пока вас не сменят! – ревел старший центурион.

Приказ подхватили и передали дальше; солдаты подняли щиты, готовясь защищаться. Люди отлично знали, что помощи ждать неоткуда, и все же слова центуриона, как ни странно, вселяли некоторую надежду.

Легионеры Цезаря подходили ближе, и скоро даже в сумерках стало возможно различить их лица. Галльские легионы достигли последней преграды, отделяющей их от Диррахия, и бросились в атаку – с обеих сторон раздался яростный рев. Солдаты Цезаря ломились через проемы, и вскоре защитников опрокинули и растоптали. Десятый легион миновал стену, почти не задержавшись, и устремился к беззащитному городу.

Глава 15

Юлий ехал по темному городу, из последних сил борясь с усталостью. Дорогу показывал местный житель, подгоняемый обнаженным мечом. В лабиринте незнакомых улиц консул чувствовал себя неуютно.

Внутри Диррахия допустили один Десятый легион. На долю остальных выпало стоять и охранять стены города. Юлий не собирался давать солдатам волю на вражеской территории. Командующий до сих пор содрогался, вспоминая, как в одном галльском городе потерял управление над своими войсками. С тех пор всякий раз, когда грохот атаки или хлопанье знамен на ветру заставляли колотиться его сердце, полководец вспоминал улицы Аварика. Больше он такого не допустит.

Если бы греческие легионы вел кто-то другой, Юлий ждал бы наступления в эту же ночь. Офицеры Помпея хорошо знают город, и, возможно, тут есть ворота, о которых неизвестно Юлию. Угроза

достаточная, чтобы держать солдат на стенах Диррахия, но диктатор, считал Юлий, рисковать не станет. Он дорожит жизнями тех, кто остался в городе. И для Юлия, и для Помпея давно миновала пора безрассудных решений.

Провожатый забормотал по-гречески и указал на широкие ворота в стене. Над ними на цепи висела горящая лампа, и Юлию пришла причудливая мысль, что это ради него. По знаку командующего вперед шагнули двое солдат с тяжелыми молотами – сломать запоры. Грохот понесся по тихим улицам, словно звон колокола. Юлий ловил на себе взгляды обитателей окрестных домов. В голове его роились мысли о том, как могут повернуться события. Он глубоко вдыхал свежий ночной воздух и думал о неприятеле, который находится где-то за стенами города. Цезарю нравилось вести войну с помощью хитрости, воздействовать на разум противника! Юлий взвесил сильные и слабые стороны врага, учел абсолютно все, что могло иметь значение. Он послал своих людей в неприятельский лагерь, послал на смерть, стараясь подорвать авторитет Помпея.

Эта война – бедствие для Греции, но Юлий зашел слишком далеко и теперь не мог остановиться и потерять все.

Мрачные мысли перебил грохот упавших на мостовую ворот. Внутри дома давно проснулись, и везде горел свет; обитатели дома позажигали светильники, пытаясь справиться со страхом.

После первых же ударов молота за стеной послышался топот множества ног, и, стоило воротам упасть, образовавшийся проем заняли солдаты, преграждая путь незванным гостям. Юлий заговорил не сразу, он с интересом наблюдал, как умело воины сомкнули щиты.

– Вы опоздали, – заявил он, спешиваясь. – Я давно бы вошел, если бы не дожидался вас.

В пронизывающе-холодном воздухе повисло напряжение. По узкой улице цепью вытянулись пятьсот солдат Десятого легиона. Стоит Юлию сказать слово – и защитников изрубят. Он смотрел в глаза центуриона, охраняющего дом, и, к своему удивлению, не видел в них никаких признаков страха. Центурион не стал утруждать себя ответом, он просто молча глядел на Юлия. Помпей разбирается в людях.

– Я – римский консул, – заявил Юлий, делая шаг вперед. – Не смейте загроживать мне дорогу.

Охранники тревожно задвигались – эти слова вызвали в памяти вещи, которым их учили с самого детства. Центурион понял и положил руку на плечо одного из солдат, призывая к спокойствию.

– Я подчиняюсь Помпею, консул, – сказал центурион. – Ты сюда не войдешь.

Юлий задумался. Убивать людей, чья вина лишь в том, что они честно выполняют свой долг, – скверная политика. Получается, он в тупике.

– Тогдапусти меня одного. Я пойду без оружия, – предложил консул, шагнув навстречу обнаженным мечам.

Центурион сощурился. Юлий слышал, как за спиной тяжело дышат его легионеры. Людям не понравится, если их командир подвергнет себя опасности, но другого выхода нет.

Из дома донеслось:

– Дайте мне пройти!

Юлий узнал голос и улыбнулся. В ответ послышалось невнятное бормотание.

– Человек, которому вы не даете войти, – мой отец. Мне нет дела до ваших приказов, вы пропустите меня к нему немедленно!

Солдаты у ворот опять затоптались – уже в полной растерянности. Юлию стало смешно.

– Неужели вы не пропустите ее? Осмелитесь дотронуться до жены Помпея? Не думаю. Моя дочь может пройти где угодно и когда угодно.

Юлий обращался ко всем, но смотрел на центуриона – решение оставалось за ним. Наконец тот произнес короткую фразу, и щиты раздвинулись.

Позади солдат стояла Юлия с мальчиком на руках. Юлий сделал глубокий вдох и только теперь почувствовал свежий запах сада – словно это она принесла с собой его аромат.

– Ты позволишь мне войти, Юлия? – улыбнулся он.

Его дочь до сих пор стояла в принужденной позе, с негодованием глядя на солдат. Лицо ее пылало, и сейчас, освещаемая лишь одной тусклой лампой, она казалась, как никогда, прекрасной.

– Ты свободен, центурион, – сказала Юлия. – Мой отец устал и голоден. Иди на кухню и прикажи, чтобы принесли поесть.

Центурион открыл было рот, но хозяйка продолжила, не дав ему возразить:

– Самые лучшие колбасы, свежий хлеб, сыр, фрукты. И пусть возьмут вина из погребов моего мужа и подогреют.

Воин в растерянности смотрел поочередно на отца и дочь. Затем гордой поступью удалился.

– Мой дом – это твой дом, консул, – произнесла Юлия. По блеску в ее глазах отец понял, что она довольна своей маленькой победой. – Твой визит – большая честь.

– Ты слишком добра, дочь моя, – ответил Юлий, поддерживая игру. – Скажи мне: семьи сенаторов все еще в городе?

– Да.

Юлий повернулся к своим воинам и увидел съежившуюся фигурку грека, который показывал им дорогу. Под взглядом Юлия проводник затрясся от страха.

– Покажешь моим людям дома сенаторов, – приказал ему Юлий. – Им не причинят вреда, даю слово.

Грек нагнул голову, и Юлий обратился к своим солдатам:

– Соберите их... – Он замолчал и повернулся к дочери. – Я не знаю города. Здесь есть здание сената или просто большой зал?

– Храм Юпитера – его все знают.

– Подойдет, – отозвался Юлий. – Легионеры, помните, что семьи сенаторов под моей защитой. Хоть один синяк – и виновник будет повешен. Вы поняли?

– Да, господин, – ответил его центурион.

– Пошлите кого-нибудь к Домицию. Нужно начинать погрузку продовольствия. Я хочу, чтобы утром мы могли двинуться отсюда.

Солдаты Десятого развернулись и пошагали прочь; их топот постепенно растворялся среди гулких улиц.

– Значит, это мой внук, – сказал Юлий.

Мальчик засыпал и не пошевелился, когда Юлий ласково положил руку ему на голову.

– Ты и вправду рада мне, Юлия? – тихо спросил Цезарь.

– Разве я могу быть не рада отцу? – вопросом ответила она.

– Ведь я воюю с твоим мужем, и ты, наверное,рываешься надвое.

Юлия приблизилась к отцу. Пока дочь не выросла, он редко бывал с ней, а когда выросла – не бывал совсем. В отличие от других детей Юлии не приходилось видеть, как отец, например, бьет собаку, или напивается допьяна, или бранится. Для нее он был прославленным полководцем, консулом Рима. Конечно, когда отец отдал ее в жены Помпею, Юлия ненавидела его со всей страстью молодой девушки, но привычка восхищаться оказалась сильнее ненависти. Когда Брут посвятил ее в свои «тайные планы», Юлия ликовала: она может помочь Цезарю! Не умея облечь чувства в слова, Юлия привела самый сильный довод.

– Если бы в моих жилах не текла твоя кровь, я бы просто выдала Брута, – прошептала дочь отцу на ухо.

В этот миг время замерло для Юлии, а мысли безудержно понеслись. Он едва сохранял спокойствие:

– Что тебе сообщил Брут?

Юлия порозовела, и отец не мог не заподозрить, что разговорами дело не ограничилось.

– Он сообщил, что его бегство – часть вашего с ним плана. – Ее отец на секунду прикрыл глаза, но Юлия не поняла, в чем дело. – Я никому не говорила! Я даже помогла – убедила мужа дать ему еще две когорты.

Она с трогательной гордостью вздернула подбородок, и Юлию стало больно. Он почувствовал опустошение – словно вся усталость после дальнего пути свалилась на него именно теперь. Консул покачнулся и оперся рукой на стену.

– Вот и хорошо, – безразлично пробормотал он. – Я просто не ожидал, что Брут тебе доверится.

– Он мне доверился, – сказала Юлия. – А я доверяю тебе. Сохрани жизнь моему мужу, если он окажется в твоей власти. Я сделала выбор, отец. Ведь если победишь ты – вы оба останетесь жить.

Юлия с мольбой глядела на отца, а у него не было сил сказать ей, что Брут – предатель. Это ее убьет.

– У нас несколько месяцев обсуждали, как великодушно ты поступил под Корфинием. Ты ведь можешь отнестись так же и к моему мужу.

С бесконечной нежностью Юлий взял дочь за руку:

– Хорошо. Если это будет зависеть от меня, Помпей останется жить.

В храме Юпитера было не теплей, чем на улице. Когда Юлий вошел, у него изо рта клубился пар. Его воины деловито топали по храму и вставали вдоль стен.

Юлий шагал по центральному проходу к огромной белой статуе Юпитера; стук подкованных сандалий разносился по всему залу, и шум постепенно стих.

Жены и дети сенаторов щурились от яркого света факелов. Спешно приведенные сюда под вооруженной охраной, они походили на толпу беженцев. Те, кому не хватило места на скамьях, сидели на холодном мраморном полу. При виде полководца, по милости которого они сюда попали, всех охватил новый приступ страха.

Юлий не обращал ни малейшего внимания на их пристальные взгляды. Перед статуей Юпитера он остановился и опустил на одно колено, склоняя голову. Консул пытался сосредоточиться и прогнать беспокойство, вызванное рассказом дочери. Брут – опытный соблазнитель; совершенно очевидно, что Юлия полностью в его власти. Какое бессердечие – впутывать ее в подобные дела! Правда, Юлий отдал ее в жены Помпею, не испытывая угрызений совести. Но он ее отец и имел право распоряжаться дочерью.

А теперь, как полководец, Юлий обдумывал полученные сведения. Брут рисковать не любит, и, возможно, этим удастся воспользоваться. Впрочем, и как отец, и как полководец Юлий так злился, что едва мог рассуждать спокойно. От горьких мыслей его отвлек чей-то хриплый голос:

– Теперь ты прикажешь закрыть двери и поубивать нас?

Юлий вскинул голову и поднялся на ноги. Он узнал Теренцию, супругу Цицерона. Вся укутанная в черное, с острыми чертами лица и пронзительным взглядом, женщина напоминала ворону.

Услышав ее слова, некоторые дети от страха закричали, и у Юлия заложило уши, но он сумел выдавить вежливую улыбку.

– Госпожа, я римский консул и не воюю с женщинами и детьми, – холодно произнес он. – Вы находитесь под моей защитой.

– Значит, мы заложники? – продолжала Теренция.

Голос у нее был пронзительный. Цезарь даже удивился – что в ней привлекло Цицерона?

– Только на одну ночь. Мои люди постараются устроить вас по возможности удобно.

– Что ты собираешься делать, Цезарь? – Теренция прищурилась. – Помпей никогда тебе этого не простит, разве ты не понимаешь? Диктатор не успокоится, пока не перебьет всех твоих солдат.

В Юлии начал закипать гнев.

– Замолчи! – резко оборвал он женщину. – Ты ничего не понимаешь в наших делах. – Юлий почти кричал. – Оставь угрозы для своих товаров. Мои солдаты сражаются потому, что любят Рим и любят меня. Не смей говорить о них!

Юлий увидел испуганные лица детей и женщин, и ему стало стыдно. Он позволил слабости одержать над собой верх. Огромным усилием воли, сжимая за спиной дрожащие руки, Юлий овладел собой.

Теренция упрямо задрала подбородок.

– Так вот ты каков, Цезарь! – презрительно бросила она. – Пронзая врага мечом, ты считаешь, что поступаешь прекрасно. Мясник, наверное, тоже может слагать песни о свиньях, которых закалывает.

Какая-то женщина пыталась ее успокоить, но Теренция стряхнула ее руку.

– Не забывай, Цезарь, – ты здесь потому, что сам захотел. Ты мог вернуться в Галлию вместе со своей армией, которая тебя «любит». Если бы ты дорожил своими солдатами, то постарался бы сберечь их жизни!

Все вокруг замерли. В воздухе повис страх. По бледному от гнева лицу Цезаря Теренция поняла, что зашла слишком далеко. Она молча кусала губы, глядя куда-то вбок. После долгой паузы Юлий заговорил с яростной убежденностью:

– Солдаты всегда гибли и будут гибнуть! Однако они отдают свои жизни, потому что понимают гораздо больше, чем ты, женщина, в состоянии понять. Мы творим будущее, именно так! Мы не хотим царей. И мы здесь для того, чтобы восстановить республику – ради тебя, ради наших граждан в Испании, Греции, Галлии. Это достойная задача. Подумай, что отличает нас от диких племен Галлии или греков? Мы тоже едим, спим, мы занимаемся торговлей. И все же есть и нечто

иное, более важное, чем красивые вещи или золото. Более важное, чем семья, которую нужно содержать. Ты смеешься – видно, не понимаешь: рано или поздно человек должен поднять голову и сказать: «С меня хватит!»

Теренция, вероятно, ответила бы, но окружающие ее женщины сердито зашикали. Она умолкла и больше не поднимала на Юлия глаз.

– Если у вас есть разум, – продолжил он, – передайте сенату, что в Греции у меня только один враг, и я предпочел бы отправить его в ссылку, а не вести войну. Диктатор отверг мое предложение. Я могу быть великодушным – в Корфинии я это доказал. Пусть сенаторы не забывают, что я стал консулом по воле тех же людей, которые избрали их. Рим – на моей стороне!

Юлий посмотрел на недоверчивые лица и уже спокойнее продолжил:

– Солдаты доставят вам необходимое, в разумных пределах разумеется. Я буду на стенах города и сообщу вашим мужьям и отцам, что вы в безопасности. Я все сказал.

Не говоря больше ни слова, консул повернулся и стремительно зашагал к центральным дверям храма. От усталости у него болели глаза; Юлий испытывал страстное желание повалиться на мягкую постель. Некоторое время он продержится, а потом измученная плоть просто откажется повиноваться. Не хватало еще свалиться в припадке в такое ответственное время. Юлий идет по лезвию меча, и один неверный шаг может принести поражение.

Цезарь поравнялся со своими охранниками, и его центурион, поймав взгляд командира, быстро кивнул – он все слышал и все понял. Юлий натянуто улыбнулся в ответ и вышел в холодную тьму. До рассвета много времени, и город в страхе затаился: по улицам ходят захватчики!

Глядя на стены города, Помпей был благодарен темноте, что может скрыть свои чувства: командуящим владело отчаяние. Он почти выгнал Лабиена, едва удерживаясь в рамках приличия. Их армия не успела достигнуть Диррахия и помешать Цезарю войти в город, и диктатор пребывал в ярости.

Желудок терзала такая боль, точно Помпея кто-то поедал изнутри. Растворенный в молоке мел, который раньше помогал, теперь почти не

приносил облегчения. Помпей прижал к животу кулак и тихонько застонал. Прежде чем выйти, он вытер салфеткой кровь с губ и с ужасом и отвращением разглядывал пятна, алеющие на белой ткани. Собственное тело отказывается ему служить. Помпей сжал пальцами живот, как будто хотел силой выдернуть болезнь. Сейчас нельзя позволить себе хворать. С каждым днем ему все хуже, а требования сенаторов все суровее – словно они учуяли слабость диктатора и готовы разорвать его на части.

Только благодаря надежной охране Помпею удавалось спастись в своем шатре от Цицерона и прочих сенаторов. Какой толк в новых спорах и пререканиях? Помпея раздражала сама мысль о том, что нужно быть любезным с этими перепуганными людишками, которые беспрестанно ноют об оставленных женах, рабах...

Неизвестно еще, что сделает Цезарь с захваченным городом. Одно ясно: припасы отправятся в ненасытные утробы его солдат. Когда неприятель взял Диррахий, Лабиен бесстрастно доложил Помпею об их собственных запасах продовольствия. Диктатор возблагодарил богов за то, что проявил предусмотрительность и перевез значительную часть съестных припасов еще до начала войны. По крайней мере, воины Помпея не будут голодать, пока галльские легионеры лакомятся солониной и патокой.

Раздался топот копыт, и из темноты появилась расплывчатая фигура Лабиена. Помпей с трудом выпрямился ему навстречу, опуская руку. Боль в животе усилилась, но Лабиен ничего не должен заметить.

– Что там? – отрывисто спросил Помпей, когда Лабиен спешил.

– Посланный от Цезаря, господин. Он принес мирный флаг, – сообщил Лабиен.

Оба вспомнили о трех центурионах, которых послал Юлий. Возможно, и этот тоже попытается сесть в лагере раздор.

– Приведи его в мой шатер, Лабиен. И если дорожишь своим званием, никому о том не сообщай.

Живот у Помпея буквально скрутило, но он изо всех сил старался сохранить бесстрастное выражение лица. Не дожидаясь ответа, диктатор прошел мимо охранников в шатер и уселся, готовый выслушать очередные требования Цезаря. Едва он опустился в кресло, как Лабиен ввел посланца. Несмотря на холод, по щекам Помпея катился пот, и он утирался, забыв о кровавых пятнах на салфетке.

Посланец Цезаря был высокий худой солдат с коротко остриженными волосами и темными глазами. Глаза эти, казалось, замечали малейшую подробность в облике собеседника. Помпей понимал, что про его болезнь непременно доложат Цезарю, и собрал все силы, чтобы не показать, каково ему. Цезарь не должен ничего знать.

– Ну? – нетерпеливо бросил Помпей.

– Господин, мой начальник сообщает тебе, что семьи сенаторов в безопасности. На рассвете их отпустят. К полудню Диррахий будет ваш. Цезарь не позволил разграбить город.

Лабием удивленно моргнул. Неслыханное дело – полководец добровольно отказывается от завоеванного.

– Чего он хочет? – подозрительно осведомился Помпей.

– Три дня, господин. Цезарь возвращает город, семьи сенаторов и предлагает трехдневное перемирие. Он просит тебя принять эти условия.

– Лабием, – сказал Помпей, – выведи его, мне нужно подумать.

Оставшись на несколько драгоценных мгновений в одиночестве, Помпей позволил себе согнуться и сморщиться от боли. К тому времени как вернулся Лабием, командующий выпрямился, но лицо у него блестело от испарины.

– Ты болен, господин? – немедля спросил Лабием.

– Уже проходит. Итак, что ты думаешь об условиях Цезаря?

Разум Помпея затуманился от боли, и он был не в силах строить планы. Словно понимая это, Лабием быстро заговорил:

– Великодушно, ничего не скажешь. И главное, Цезарь опять предстанет в роли государственного деятеля. Солдаты узнают, что он отпустил семьи сенаторов, а три дня перемирия означают для него очередную победу – ведь мы пошли у него на поводу. – Лабием помолчал и продолжил: – Ставки слишком высоки, иначе я предложил бы атаковать его на рассвете, когда он откроет ворота, чтобы выпустить заложников.

– Но заложники могут погибнуть, – отрывисто произнес Помпей.

Лабием кивнул:

– Риск, вероятно, есть, хотя – не думаю. Не упустит же Цезарь случай снова показать нам свое благородство. А у нас в армии и так упала дисциплина – еще трое пытались дезертировать.

– А мне не сообщили, – сердито заметил Помпей.

Лабием посмотрел ему в глаза:

– Я не успел, господин.

Помпей вспомнил, как утром выставил заместителя, и покраснел.

– Оповестить всех, что дезертиров казнят перед строем. Пусть кровь этих людей напомнит остальным, что нужно выполнять долг.

– Думаю, господин, их следовало бы прежде допросить и...

– Нет. Казнить на рассвете, в назидание прочим. – Помпей поколебался, в нем боролись ярость и необходимость отослать Лабиена, чтобы тот не видел его мучений. – Я согласен на перемирие, Лабием. Выбора у меня нет, ведь нужно возобновить мое диктаторство. Жизни заложников нельзя подвергать риску.

– А город, господин? Если мы отпустим отсюда Цезаря, он увезет припасов на целых три месяца. Нам следует дожждаться, пока семьи сенаторов окажутся вне опасности, и сразу атаковать.

– И очень скоро каждый солдат будет знать, что я нарушил слово. Разве он оставил мне выбор?

– Зато у нас есть возможность покончить с войной, – тихо ответил Лабием.

Помпей смотрел на собеседника, думая только об одном: когда же тот уйдет. Глаза Помпея остановились на ступке, в которой оставалось немного снадобья. Командующий больше не мог выносить присутствие своего заместителя. Почему-то ему припомнилось, как Лабием давал присягу.

– Ступай. Цезарь предложил хорошие условия в обмен на перемирие. А потом мы опять сможем начать военные действия. Но не сейчас.

Лабием холодно отсалютовал:

– Я сообщу посланному о твоём решении, господин.

Оставшись наконец один, Помпей кликнул своего лекаря и от всепоглощающей боли закрыл глаза.

Глава 16

Закончив ужин, Юлий удовлетворенно вздохнул. Повозки в обозе буквально ломались от съестных припасов, вывезенных из Диррахия. Впервые за время пребывания в Греции его солдаты смогли поесть

вдоволь. Теперь они маршировали со свежими силами, и даже холод как будто стал менее жестоким.

Собравшиеся в шатре Цезаря полководцы были в отменном настроении – они с радостью поедали мясо и хлеб, испеченный из греческой муки, и запивали отличным греческим вином. Все казалось еще вкуснее оттого, что взято из припасов Помпея.

Юлий смотрел на семерых, собравшихся в шатре. Своими полководцами он гордился. Впереди тяжелые дни – так почему же теперь друзьям не пошутить и не посмеяться? Они обвели Помпея вокруг пальца и к тому же вынудили согласиться на перемирие в обмен на Диррахий. Командиры радовались этому удачному ходу гораздо больше, чем легионеры, которых лишили удовольствия разграбить город. Но солдаты по-прежнему благоговели перед своим командующим, и недовольный ропот быстро стих. Все ликовали – главного сражения до сих пор не было, а противник уже посрамлен.

– Позвольте мне отвлечь вас от чревоугодия. – Юлий побарабанил пальцами по столу, чтобы привлечь внимание пирующих. – Наши лазутчики принесли новость.

Он икнул, прикрывая рукой рот, и улыбнулся, вспомнив долгий и трудный марш к Диррахию. Боги опять милостивы. Юлий часто ругал себя за излишнюю самонадеянность, но последние события лишь доказали то, чему он всегда верил: боги любят его!

Дождавшись, пока взгляды обратятся на него, Юлий продолжил:

– Армия Помпея по-прежнему в Диррахии. Командующий направил все усилия на достройку своей стены – и это после того, как мы доказали, что проку от нее никакого.

Октавиан восторженно шлепнул Домиция по спине, и Юлий улыбнулся воодушевлению друзей.

– В самом городе у нас всего один человек, а Цецилий не смог до нас добраться. У нас есть только донесения лазутчиков. Наверное, прежде чем снова начать боевые действия, Помпей хочет сделать город совершенно неприступным. А может, он просто разучился воевать. Диктатор уже не тот. Когда я вспоминаю его сражения против Спартака, вижу, что Помпей совершенно переменялся.

– Состарился, – вставил Регул.

Юлий обменялся с ним взглядами – Регул знал диктатора лучше, чем любой из них.

– Ему нет еще и шестидесяти, и я не знаю, с какой стати он занят исключительно обороной. Людей у Помпея в два раза больше, чем у меня, а он притаился в Диррахии и ничего не предпринимает – только строит стену, чтобы не пустить нас к себе.

– Бойтся нас, наверное, – заявил Октавиан, усердно расправляясь с солониной. – И правильно, недаром мы поводили его за нос через всю Грецию. И потом, благодаря твоему великодушию сенаторы получили своих жен и детей целыми и невредимыми. А ведь ты мог и сжечь этот Диррахий.

Юлий задумчиво кивнул:

– Я надеялся, что некоторые из легионов Помпея захотят перейти к нам. Я все для этого сделал, разве что не поехал туда сам, чтобы попросить их. И все же таких, кто готов отречься от Помпея и сената, пока совсем мало. На стенах города, сообщают лазутчики, выставлено восемьдесят голов – столько достойных воинов захотело перейти к нам, однако их поймали. Тем не менее кое-кому удалось добраться до нашего лагеря.

– Не помогут ему казни, – заметил Домиций. – Чем больше народу диктатор казнит за дезертирство, тем меньше будут его уважать. Мы-то вернули им Диррахий – ни один волосок не упал с головы жителей. Убивая своих, он льет воду на нашу мельницу.

– Надеюсь, что так. До сих пор к нам перешли очень немногие, – сказал Юлий. – Подобная преданность диктатору – весьма серьезное препятствие. – Он поднялся и начал мерить шагами шатер. – Численность противника не уменьшается, и, стало быть, мы ничего не добились, кроме небольшой передышки. Надолго ли нам хватит мяса и зерна? Помпею могут подвозить запасы морем, а нам приходится тащить их на себе. – Юлий покачал головой. – Хватит нам проявлять великодушие. Я пытался обойтись без кровопролития, но, видно, пришло время пойти на риск.

Юлий поднял пергамент с донесением лазутчиков и перечитал еще раз.

– Ради строительства стены Помпею пришлось разбросать легионы по округе. В самом дальнем месте укреплений стоят всего шесть когорт. Если я возьму хотя бы один легион, оставив здесь тяжелые орудия, я отрежу эти когорты от основных сил и таким образом ослаблю противника. И, что более важно, для привлечения его

солдат на нашу сторону нам нужна серьезная победа. И тут мы сможем ее одержать.

Когда гости поняли, что дни выжидания и бездействия позади, настроение в шатре сразу изменилось. Яства были позабыты, полководцы смотрели на своего командующего, и от привычного возбуждения по спинам пробежал холодок.

– Я не собираюсь втягиваться в большое сражение, господа. Один быстрый удар – и тут же назад. Помнишь, Цирон, как мы бились с Митридатом на этой земле? Сделаем то же самое снова. Уничтожим противника и отступим, пока Помпей не успел бросить на нас основные силы.

Цезарь остановился, глядя на своих верных товарищей:

– Домиций, ты поведешь четыре когорты и атакуешь неприятеля с одной стороны, а я атакую с другой. На нашей стороне темнота и внезапность, так что все продлится недолго.

– Хорошо, господин, – сказал Домиций. – А хватит ли четырех когорт?

– Вместе с четырьмя моими – вполне. Чем меньше отряд, тем легче ему проскочить незаметно. А если нас будет больше, Помпей может узнать и успеет подготовиться. Тут важна скорость. Быстро доберемся туда под покровом темноты, сокрушим их и быстро исчезнем.

Юлий задумчиво потер лоб:

– Надеюсь, мы вынудим Помпея приступить к действиям. В таком случае нужно переместить все легионы к югу, туда, где лучше условия для обороны.

– А если он не двинется? – спросил Цирон.

– Значит, он совсем утратил мужество. Думаю, сенаторы попытаются найти ему замену среди греческих офицеров. Я снова начну переговоры. Любые действия, которые противник предпримет без Помпея, можно объявить незаконными. И тогда к нам захочет перейти гораздо больше народу.

Юлий поднял чашу с вином, приветствуя соратников.

– Ночь сегодня безлунная. Раз они не хотят идти, мы сами пойдем и сразимся с ними.

Строительству стены не было конца. Работы не прекращались даже темной зимней ночью: люди трудились посменно при дрожащем свете факелов. Лабиен слушал с вершины холма, как командиры отдают распоряжения, как перекликаются строители. Его легионеры пристраивали укрепления к стене вокруг Диррахия.

– Это безумие, – пробормотал он сквозь зубы.

И хотя Лабиен стоял на холме совершенно один, он оглянулся – не слышал ли кто. Когда Помпей получил Диррахий обратно, Лабиен обнаружил, что тот почти утратил боевой дух. День за днем ему приходится наблюдать, как Помпей упускает возможность закончить войну. Столько сил тратится на строительство укреплений вокруг города, который уже не имеет никакого стратегического значения! В порт, правда, доставили кое-какие припасы, однако терять время на защиту небольшого клочка земли, пока Юлий бороздит Грецию вдоль и поперек, – все в Лабиене восставало против подобного безобразия. Даже себе он признавался с трудом, что Помпей боится. Болезнь ли тому причиной, столь тщательно, но тщетно скрываемая Помпеем, или просто ему изменило мужество? Лабиен не знал и не хотел знать. Так или иначе, величайшая армия, какую видела Греция за последние годы, развращалась от безделья или строила ненужные укрепления.

Преданные раньше сенату легионеры становились угрюмыми и настороженными. Лабиен приходил в ярость. Сегодня утром по приказу Помпея казнили четверых солдат. В официальных записях значится, что солдаты наказаны за дерзость, хотя дерзить они начали после того, как их осудил Помпей. Началось с другого – легионеров высекли за игру в кости во время дежурства. У троих хватило глупости выказать недовольство.

Лабиен судорожно сжал кулак. Полководец хорошо знал одного из солдат, но не успел за него заступиться и теперь переживал. Он хотел просить Помпея о помиловании, а тот отказался принять заместителя, пока не свершится казнь.

Наверное, думал Лабиен, страх заставляет видеть врагов даже в собственном окружении. Помпей вымещает свой проигрыш на легионерах, и хуже всего то, что они отлично всё понимают и презирают командующего. Лабиен чувствовал их беспокойство и растущую злобу. Рано или поздно при таком обращении взбунтуются самые преданные солдаты.

В атмосфере недоверия Лабиему постоянно приходилось рисковать, и его это бесило. Когда заместитель командующего пытался посоветоваться с Помпеем, его попросту выставляли. Тем не менее приказы продолжали спускаться по инстанциям. Лабием не мог допустить, чтобы подчиненные видели слабость командующего. Каждое утро полководец отдавал строгие приказы и распоряжения, как если бы они шли от Помпея. Лабием надеялся, что диктатор придет в себя. Заместитель смертельно рисковал, а Помпея по-прежнему интересовало только строительство стен, торчащих на равнине, точно какие-то уродливые наросты. Командующий подгонял и подгонял, и люди буквально гибли на строительстве, а дух легионеров падал с каждым днем. Солдаты, в отличие от Помпея, понимали, что их силы расходуются понапрасну.

Сегодня утром Лабиему пришлось – вот до чего дошло! – отослать прочь трибунов, которые явились к нему, желая обсудить вопрос о снятии Помпея с должности командующего. Офицеры словно не соображали, что Лабием не может допустить никаких колебаний. Он должен демонстрировать безоговорочную верность Помпею, иначе развалится вся цепь инстанций. Лабиема поразила глупость трибунов – разве можно даже предлагать такое?! Кроме того, если старшие командиры осмелились высказать подобную мысль, значит разложение наверняка проникло и в самые низшие слои армии – совсем скверно.

Лабиема, видимо, не услали подальше от города просто по случайности. Помпей, похоже, сомневается в нем. Он вообще стал слишком подозрителен. В последний раз командующий соизволил принять Лабиема, когда в лагере обнаружили одно из посланий Цезаря. Помпей в бешенстве кричал, что окружен предателями, и грозил всем страшной карой. За распространение писем грозила смертная казнь, однако они продолжали появляться. Помпей прочитал письмо вслух; при этом в уголках его рта скапливалась белая от мела слюна. На следующий день он нагрянул с проверкой в легионы, стоящие вокруг города, и безжалостно наказывал за любую ничтожную провинность.

То, о чем нельзя говорить вслух, Лабием и прошептал сейчас, стоя на холме. Если Помпей не оправится – от болезни или трусости, – он погубит всех. Думать об этом было тягостно, но Лабием понимал: настанет час, когда ему, возможно, придется принять командование. Сенаторы его поддержат – если найдут в себе отвагу противостоять

влиянию Помпея. Срок диктатуры, которую сенат должен подтверждать раз в год, истекает на днях. И теперь либо диктатуру продлят, либо Помпею придет конец. Если он попытается командовать легионами без мандата, Лабиему придется воспрепятствовать. Начнется настоящий хаос. Одни легионы пойдут за Помпеем, а другие дезертируют к Цезарю – и таких, наверное, будет больше. Лабием содрогнулся, стараясь уверить себя, что это от холода.

Юлий расprostерся на твердой земле, и в него постепенно просачивался ледяной холод. Подлесок был совсем редкий, но темнота скрывала Юлия и его легионеров; вот уже час наблюдал он за строительством стены, подмечая каждую подробность. Солдаты, перенося бревна и камни, не расстаются с оружием. Однако если бы неприятель ждал нападения, то расставил бы дозорных не только у самой стены, а на несколько миль вокруг. Юлий нервно кусал губы. Вероятно, отсутствие часовых означает, что поблизости есть и более крупные силы, готовые прийти на помощь по сигналу горна. Проверить это можно, лишь перейдя линию укреплений, а между тем все готово для атаки. Домиций с двумя тысячами воинов из Третьего заходит с севера. По сигналу Юлия они одновременно ударят в лагерь с двух сторон. Если боги даруют удачу, все кончится очень быстро.

Юлию пришло в голову, что Брут, который теперь среди врагов, тоже раздумывает, как бы провести ночную атаку. В Галлии они вместе ходили на ночные вылазки – предупредил ли Брут Помпея о такой возможности? Юлий сердито дернул головой, раздраженный неуместными мыслями. Подобные раздумья до добра не доводят. Ему приходилось видеть, как излишняя предусмотрительность оборачивается промедлением. Юлий сжал челюсти, чтобы не дрожать от холода, и заставил себя думать о предстоящем сражении.

Часовые вышагивали по периметру лагеря, отмеченному рядами горящих ламп. Стоило воину отойти от лампы, он полностью исчезал в темноте. На стене тоже горели огни – длинная мигающая цепочка тянулась в направлении Диррахия.

Юлий посмотрел на небо – Венера уже высоко. Значит, Домицию должно было хватить времени, чтобы добраться до места. Юлий осторожно вынул меч, и вокруг тут же послышался легкий шорох. Это

воины Третьего последовали его примеру. Ни словом, ни шепотом, ни лязгом не потревожили они ночную тишину. Третьим раньше командовал Брут, отчасти поэтому Юлий взял именно его. Люди Третьего рвались в бой сильнее всех прочих. После бегства командира легионеры страдали от унижения и насмешек; солдаты до сих пор переживали свой позор. Сегодняшняя ночь поможет им вернуть прежнюю гордость.

– Передайте лучникам, чтобы приготовились, – прошептал Юлий, пригибаясь так низко, что чувствовал запах земли.

Лучников была целая сотня, они должны подать сигнал – выпустить горящие стрелы – и, кроме того, смогут нанести врагу немалый урон.

Цезарь невольно вздрогнул, увидев, как из кремней полетели искры. Лучники старались заслонить их своими телами – вдруг какой-нибудь зоркий стражник увидит и раньше времени поднимет тревогу? Но вот огонь загорелся, побежал, и запылала вся сотня стрел; Юлий облегченно вздохнул.

– Сигнал! – скомандовал он, и огненные полосы прорезали небо.

Домиций увидит огни и придет, и вместе они сметут неприятеля.

С криком «за мной!» Юлий встал и понесся вниз по склону холма. Остальные последовали за ним.

Домиций двигался ползком и останавливался только затем, чтобы определить по звездам путь. Он приближался к солдатам Помпея с обратной стороны недостроенной стены и ориентировался на их же огни.

Караулов тут не оказалось, и четыре когорты Домиция пока оставались незамеченными. Командир молил богов, чтобы так было и дальше, – Юлий не сможет атаковать лагерь в одиночку.

Домиций гордился доверием Цезаря, хотя под грузом ответственности испытывал сильнейшее напряжение. Ползти в темноте было нелегко, глаза щипало от пота, но, когда Цезарь даст сигнал, Домиций непременно будет на месте.

Он оглянулся на своих людей. Солдаты вымазали лица углем и превратились в невидимок. Когда легионеры поднимутся на ноги и побегут в атаку, противнику покажется, что они возникли из пустоты.

Домиций недовольно буркнул – в ребро воткнулся острый камешек. Хотелось пить, но воды в эту стремительную вылазку не взяли. Немыслимо тащить ползком мех с водой или даже щит. Единственная ноша – мечи, и даже они затрудняли продвижение, цепляясь за траву и корни.

Вернулись двое разведчиков – их посылали разведать путь. Ползком приблизившись к Домицию, они неожиданно появились из темноты, и командир вздрогнул.

– Господин, впереди река, – прошептал тот, который лежал ближе.

Домиций перестал ползти.

– Глубокая?

– Похоже, да. Она прямо у нас на пути.

Командир поморщился. Медлить нельзя, однако пришлось приказать всем остановиться. Венера входила в зенит, и Юлий скоро пойдет в атаку, уверенный, что Домиций уже на месте и готов его поддержать.

Домиций поднялся и, согнувшись, пробежал сотню шагов. Услышал плеск воды и увидел подвижную темную массу. Полководца охватила тревога.

– Широкая?

– Не знаю, господин, – ответил солдат. – Я зашел по грудь и вернулся, чтобы предупредить. Течение тут страшное. Не знаю, сможем ли мы переправиться.

Домиций схватил легионера за плечи и едва не столкнул в воду:

– Должны! Для чего тебя послали вперед?! Бери конец веревки и плыви, а я вернусь за остальными.

Разведчик вошел в воду и двинулся вброд, а Домиций побежал к замершим в ожидании легионерам. Через несколько мгновений солдаты были на берегу и ждали возвращения разведчиков.

Бежали минуты, ничего не происходило, и Домиций в нетерпении сжимал кулаки. Время от времени он трогал веревку, привязанную к упавшему дереву. Она постоянно подергивалась, и Домиций проклинал задержку. Конечно же, следовало договориться, чтобы разведчик дал какой-нибудь сигнал, когда достигнет берега. В спешке о такой мелочи нетрудно забыть, а потом приходится терзаться в ожидании. То ли пловец утонул, то ли именно в это время с трудом

двигается обратно. Домиций еще раз дотронулся до веревки и тихо выругался. Она болталась свободно и больше не подергивалась.

На другом берегу виднелся вражеский лагерь. По периметру горели лампы, словно золотые монетки, рассыпанные в темноте. Домиция трясло от волнения и холода.

– Двое – в воду, к тому берегу! – приказал командир. – По десять человек вверх и вниз – искать брод. Нам нужно переправиться.

Еще не договорив, Домиций увидел в небе за лагерем красные полосы, прочерченные сигнальными стрелами.

– О боги, только не это! – прошептал он.

Размышления Лабиена были прерваны громкими воплями. Увидев, как на освещенном пятачке появляются темные фигуры и бросаются на его легионеров, полководец растерялся лишь на миг.

– Горнисты! – заревел он. – Нас атакуют! Трубите тревогу!

Под скрипучие звуки горнов заместитель командующего начал бегом спускаться с холма, чтобы побыстрее овладеть ситуацией, но вдруг резко остановился и посмотрел на другой конец лагеря. Там все было тихо и спокойно. Лабиен внезапно понял, что ведет себя именно так, как ждет от него Цезарь.

– Первая когорта – прикрыть западную сторону!

Убедившись, что легионеры слышали и побежали в нужном направлении, он кинулся к своему коню и вскочил в седло. Солдаты в его легионе служили опытные и даже на бегу сохраняли строй. Центурионы начали выстраивать линию обороны, и, когда они закончили, Лабиен довольно оскалился.

– Прикрыть восточный конец! – ревел он. – Щиты сомкнуть, копья на изготовку!

Пришпорив коня, Лабиен галопом понесся через лагерь, навстречу звону мечей и смерти.

Глава 17

Юлий понял: случилась беда. Вражеский легион немедля выстроился в оборону и повел контратаку. Солдаты быстро занимали свои позиции. Тот, кто ими командует, наверняка знает свое дело. Легионеры Юлия слегка дрогнули и замедлили атаку.

– Третий, вперед! – приказал он.

Первоначальный план – моментально разгромить противника и отойти – потерпел полный крах. Нельзя отступить и оставить когорты Домиция на верную гибель. Преимущество неожиданности не сработало, однако, если продержаться подольше, Домиций успеет нагнать на них страху, и все можно будет исправить. Нужно отбросить защитников, чтобы хоть отступить достойно, однако противник держался крепко. Юлию приходилось смотреть, как его солдат сбивают с ног и как в схватку втягиваются новые и новые вражеские силы. Получилась настоящая бойня.

Лишь три ряда солдат отделяло Юлия от самой гущи боя. Легионеры, которых оставалось все меньше, оглядывались на него, явно дожидаясь приказа к отступлению. Кругом лежали раненые и убитые солдаты с черными от сажи лицами. На холоде от их ран поднимался заметный пар, на землю ручьями лилась кровь.

Юлий ждал, приходя в отчаяние. Или Домиций вот-вот появится, или всему конец.

– Лучники! – проревел командующий. – Еще сигнал!

Но мало кто из лучников оставался в живых.

Услышав крик Юлия, его воины немного воспрянули. Однако без щитов нападающие были легкоуязвимы. Солдаты Помпея этим пользовались – они щитами разбивали лица врагов и ломали им ступни. Юлий морщился от криков; даже когда пылающие стрелы устремились ввысь, он чувствовал, что его люди дрогнули. Самое начало командующий пропустил; минуту назад солдаты старались держаться и вдруг повернулись и бросились бежать.

Юлий стоял, ошеломленный, не веря своим глазам: воины, которых он сам учил воевать, мчались мимо него с поля боя. Центурионы бешено вопили приказы, но люди были совершенно сломлены – легионерами Третьего овладел страх.

Впереди раздался топот конницы, и у Юлия упало сердце. Его солдаты бегут, а Помпей наступают. Юлий выхватил знамя у бегущего знаменосца Третьего и стал яростно им размахивать.

– Третий, ко мне! – рычал он.

Толпа обезумевших людей продолжала нестись мимо. Юлий увидел, как плотной тенью приближается конница, и понял, что ему недолго ждать смерти. В диком хаосе всеобщего бегства Юлием

овладело мрачное безразличие. Легионеров Третьего не остановить, скоро командующий останется здесь совсем один. У него заболели руки, и он опять вспомнил про Брута. Интересно, как тот примет новость о гибели бывшего друга? Да, Юлию есть о чем пожалеть.

Земля дрожала – неслись галопом сквозь тьму тысячи экстраординариев Помпея.

Несколько бойцов Третьего опомнились и сплотились вокруг своего командующего.

Новый сигнал горна разорвал ночной воздух, и вражеские конники вдруг резко остановились, вздыбив коней. Впрочем, это ничего не меняло. От них все равно не уйти. Ожидая конца, Юлий удивлялся собственному безразличию. Все произошло очень быстро, и трудно было поверить, что удача от него отвернулась. У Помпея в Риме больше нет соперников. С Марком Антонием диктатор разделается без труда – отправит в изгнание или попросту убьет.

Тяжело дыша, Юлий оперся на древко знамени. С воинами, стоящими рядом с ним в темноте, он говорить не хотел – он презирал их. Слишком давно Юлий в последний раз испытывал страх, так давно, что уже не помнил. Неизвестно почему – сыграл тут роль пример Юлия-старшего, уроки Рения или мужество Тубрука, – но отвага никогда не покидала Юлия. Ведь если человеком управляет страх, его постигнет неудача, как бы он ни старался. А боязнь боли нужно просто преодолеть. В конце концов, что такое боль? Рану можно вылечить, и даже неизлечимая рана лучше, чем позор на всю жизнь. Юлий знает калек, которым есть чем гордиться. Они носят свои увечья и шрамы с тем же мужеством, что и получали.

Юлий поднял голову и спокойно ждал неприятельского сигнала к атаке. Он не закричит и не побежит.

Помпей ехал во главе конного отряда. Каждый толчок отдавался резкой болью в животе, от которой темнело в глазах. Он услышал сигналы тревоги и прервал проверку, чтобы выяснить, в чем дело. Увидев бегущих легионеров Цезаря, командующий озадаченно прищурился. К нему галопом подлетел Лабиден. Ответив на приветствие, Помпей спросил:

– В чем дело?

– Ночная атака, господин. Мы ее отбили, и сейчас наша конница их растопчет.

Оба смотрели, как бегут, растворяясь в темноте, легионеры Цезаря. Помпей обратил внимание на смутную фигуру, ожесточенно размахивающую знаменем. Потом воин воткнул древко в землю, и полотнище забилось на ветру. Воин стоял почему-то совершенно спокойно, повернувшись к врагу: светлым пятном белело лицо. Помпей, заподозрив подвох, нахмурился.

– Это победа, господин, – нетерпеливо сказал Лабиен. – Позволь мне взять экстраординариев и прикончить их.

– Это ловушка, – заявил Помпей, – я уверен. Слыханное ли дело, чтобы солдаты Цезаря вот так бежали с поля боя? Противник только и добивается, чтобы мы погнались за ними в темноте. Нет! Всем оставаться на позициях до рассвета.

Лабиен сделал глубокий вдох – он едва сдерживался.

– Господин, не может быть. Неприятель потерял сотни воинов.

– Вспомни, Лабиен, как Цезарь послал в наш лагерь троих центурионов на смерть – лишь для того, чтобы поколебать верность моих воинов. Это многое о нем говорит. Он хитрец, но меня ему не обмануть. Мой приказ ты слышал.

Лабиену стало ясно – Помпей скорее умрет, чем передумает. Выбора у заместителя не было.

– Да, господин. – Лабиен наклонил голову. – Я остановлю солдат.

Он старался не выдать своих чувств, однако Помпей все понял. Страдая от приступов мучительной боли, он заставил себя продолжить:

– Ты отлично себя проявил. Я не забуду твоей преданности.

Посмотрев в сторону лагеря, Помпей увидел, что знаменосца уже поглотила тьма. А знамя осталось трепетать тусклым пятном. Взглянув еще раз на Лабиена, командующий прищипорил коня и ускакал, сопровождаемый своей конницей.

Солдаты, как и Лабиен, испытывали досаду и разочарование. Никакая это не западня. Лабиен видел достаточно сражений, чтобы уловить момент, когда враг пошатнулся. Иногда такое случается из-за одного труса, бросившего оружие, а иногда и вовсе от каких-то неведомых причин. Мужество вдруг покидает людей, которые час назад даже и помыслить о таком не могли.

Лабием вглядывался в ночь, яростно сжимая кулаки. К нему подъехал помощник и замер. Лабием не нашел слов, которые мог бы произнести вслух.

Стараясь за суровостью скрыть досаду, он жестко приказал:

– Пусть солдаты построют здесь укрепленный лагерь. Это нас задержит, но что поделать.

Словно опасаясь сказать лишнее, Лабием сжал губы, и заместитель, отсалютовав, направился передать приказ. Лабием ловил на себе взгляды солдат и гадал – понятно ли им, что произошло.

– Вы отлично справились сегодня, – похвалил он, повинувшись порыву. – По крайней мере Цезарь получил хороший урок.

От похвалы солдаты ожили, и вскоре все пошло своим чередом. Вернулась когорта, которую посылали на западный конец, – по сравнению с теми, кто принял бой, ее солдаты были полны сил. В битве им не пришлось участвовать, но Лабием сказал legionерам что-то ободряющее, а потом отправился в свой шатер – писать официальный отчет. Там, при свете единственной лампы, он долго сидел, уставившись в пространство.

Юлий в оцепенении шагал сквозь тьму. От усталости и потрясения он стал каким-то неповоротливым; каждый куст и каждая колючка, казалось, хотят его задержать. Рядом шли несколько солдат Третьего, но только богам известно, куда разбежались остальные. Подобного поражения у него не бывало, и Юлий впал в апатию. Полководец никак не мог понять, почему остался жив. Вражеская конница не стала атаковать, и он решился бросить знамя и показать Помпею спину. Но и тогда не сомневался, что противник последует за ним. Юлий узнал диктатора издалека – красный плащ развевался на ветру. Нетрудно представить злобную радость Помпея при виде погибшего врага. В какую-то минуту Помпей – Юлий это почувствовал – смотрел прямо на него. И все же консулу позволили ускользнуть и укрыться среди своих воинов.

Юлий услышал невдалеке топот множества ног и вынул меч, уверенный, что его настигают солдаты Помпея. Увидев Домиция, он ничего не сказал – у него не было сил. Legionеры Третьего опозорили себя и теперь шли, пристыженно опустив голову. Строй солдаты не держали и шагали не в ногу, напоминая скорее шайку грабителей, чем

отряд воинов. Никакие приказы не отдавались. Казалось, поражение лишило их права называться римскими легионерами. Юлий впервые видел солдат в столь жалком состоянии, тем не менее жалости к ним не испытывал.

Уже светало, когда они добрались до главного лагеря. Только тогда Юлий окончательно понял, что Помпей и вправду разучился воевать. Иначе нельзя объяснить поведение диктатора. Домиций хотел заговорить, но Юлий остановил его взглядом. Часовые пропустили их, не требуя пароля и ни о чем не спрашивая. По жалким лицам солдат они поняли все.

Юлий вошел в свой шатер; прежде чем сесть за стол, где лежала карта, командующий снял шлем и меч и с грохотом отшвырнул. Подперев голову руками, он задумался о событиях минувшей ночи. Ему было страшно, когда Помпей смотрел на него, но бояться – не позорно, позорно бежать. Солдаты должны стоять, истекая потом от страха. Должны выносить боль и усталость. Должны побороть в себе слабость и держаться насмерть. В этом сила Рима – и солдаты это понимают не хуже Юлия. И все же Третий побежал.

Услышав шаги, Юлий выпрямился и глубоко вздохнул. Первым в шатер вошел Цирон, за ним – Регул, Октавиан и Домиций. Без всякого выражения уставился Юлий на замершего перед ним Домиция. Неужели его полководец тоже сегодня струсил?

Домиций был в грязи и выглядел изможденным. Он вынул меч и положил на стол перед Юлием:

– Господин, прошу освободить меня от командования.

Юлий не ответил. Домиций нервно сглотнул и продолжил:

– Я... не смог вовремя добраться до места, господин. Мне нет прощения. Я подаю в отставку и возвращаюсь в Рим.

– Если бы неприятелем командовал человек, умеющий побеждать, меня бы уже не было, – тихо проговорил Юлий.

Домиций молча смотрел перед собой.

– Расскажи, что произошло, – потребовал командующий.

У Домиция вырвался глубокий вздох.

– У нас на пути оказалась река, слишком глубокая, чтобы переправиться. Я видел твой сигнал, но мы еще стояли на другом берегу. Пока мы отыскивали брод, время ушло – горнисты Помпея

протрубили тревогу. Я принял решение не вступать в бой. Мы переправились обратно и вернулись в лагерь.

Домиций не сказал, что для него было бы самоубийственно атаковать легионы Помпея. Он вообще не имел полномочий принимать решения.

Юлий барабанил пальцами по столу:

– Тебе неизвестно, почему Помпей прекратил наступление?

– Я видел его с офицерами, но только издалека.

Домицию, казалось, было стыдно даже за то, что он не может объяснить поведение Помпея.

– Я еще не решил, Домиций, как с тобой поступить. Иди и собери Третий легион перед моим шатром. Пусть их отконвоируют воины Десятого.

Дрожащей рукой Домиций отсалютовал. Полководец вышел, и Юлий продолжил:

– Никогда я не думал увидеть один из моих легионов бегущим из боя. – Он посмотрел на соратников, и они отвели глаза. – Я поднял знамя легиона, но это никого не остановило. Солдаты бежали мимо.

Юлий покачал головой, вспоминая их бегство:

– Я не стал забирать знамя. Там осталась честь моих легионеров, пусть и знамя останется там.

Снаружи слышались крики и топот – подошли Третий и Десятый легионы. Юлий сидел, уставившись в пустоту, а офицеры молча ждали. Поражение словно сразу состарило их командира, и, когда он встал и поднял голову, его покрасневшие глаза ничего не выражали.

– Займите ваши места. День уже начался, – потребовал Юлий, указывая на выход.

Не говоря ни слова, все покинули шатер. Вслед за ними вышел на тусклый утренний свет и командующий.

Безмолвно стояли на мерзлой земле шеренги Третьего легиона. Одни солдаты стерли сажу, которой намазались перед вылазкой, а другие так и стояли с черными лицами. Солдат не разоружили, и все же они выглядели как люди, ожидающие казни, – в глазах каждого светился страх.

За спинами солдат Третьего стоял Десятый. Воины Десятого были старше и суровее. Юлий помнил, как некоторые из них бежали во

время битвы со Спартаком. Вспоминают ли они тот кровавый день, когда Помпей приказал произвести в их легионе децимацию? Каждого десятого солдата забили насмерть голыми руками его же товарищи. Тогда Юлий не мог представить зрелища ужаснее. Но из оставшихся воинов молодой полководец создал новый легион и назвал этот легион Десятым, чтобы децимация не изгладилась из памяти солдат.

Холодный ветерок овеивал шеренги Третьего; солдаты молча ждали, пока Юлий заговорит. Наконец он подошел к коню и взобрался в седло:

– Вы бились вместе со мной в Галлии. Нужно ли перечислять племена, сражения? Гельветы, свевы, белги, нервии, кто там еще? Мы дрались в Герговии, Алезии – против Верцингеторикса, дрались в Британии. Вы были со мной, когда я пощадил защитников Корфиния. Мы вместе брали Диррахий.

Юлий остановился и в отвращении прикрыл глаза:

– Убежав, вы оставили свою честь на поле боя. Все, что вы совершили раньше, сегодня ночью обратилось в прах. Вы унизили и опозорили меня, а я от вас такого не ожидал. Дольше вас со мной воюет только мой Десятый легион.

Сидя в седле, Юлий смотрел на выстроившихся перед ним легионеров. Солдаты уставились прямо перед собой, не смея встретиться глазами со своим полководцем. Многие из них явно страдали от унижения, словно провинившиеся сыновья, которых отчитывает суровый отец. Юлий потрянул головой и устремил взгляд в пространство. С большим усилием он заставил себя продолжить.

– Ваша жизнь – вот расплата, – хрипло произнес он. – Иной расплаты за трусость быть не может.

Октавиан сел на коня и рысью погнал его к Юлию вдоль замерших шеренг. Приблизившись к начальнику, Октавиан нагнулся и заговорил тихо, чтобы не слышали окружающие:

– Господин, в Десятом не хватает людей. Пусть возьмут лучших из Третьего.

Юлий поднял на своего родственника воспаленные глаза и, немного подумав, кивнул. Затем снова обратился к воинам Третьего:

– У меня нет сыновей. И я никогда не думал об этом, потому что у меня были вы. Теперь все кончено. Вы зашли слишком далеко.

Юлий прокашлялся и продолжил, стараясь говорить как можно громче:

– В Десятом легионе не хватает людей. Его воины пройдут среди вас и выберут тех, кто пополнит ряды Десятого. После проведем децимацию. Оставшиеся займут места погибших солдат в преданных мне легионах. Больше вы мне не нужны.

По рядам Третьего пронесся шепот – людьми овладели страх и отчаяние. Никто не пошевелился, но лицо каждого выражало отчаянную мольбу. Юлий старался сохранять твердость:

– Воины Десятого! Выйти вперед и выбрать лучших! Затем я хочу, чтобы вы остались и всё видели.

Центурионы Десятого двинулись вперед. Юлий обессилел, его переполняло отчаяние. Отступая, Третий потерял сотни воинов убитыми и пленными. Однако в легионе оставалось более трех тысяч ветеранов. Распустить легион так далеко от Рима нельзя. Чтобы выжить, солдатам придется грабить греческие города и села. Для подданных Рима это будет настоящее бедствие, и самому же Юлию останется преследовать и убивать мародеров. Выбора нет – он должен отметить этот день кровью солдат, которые бежали с поля боя.

Командиры Десятого отбирали людей, дотрагиваясь до плеча. Каждый, кого выбрали, слегка обмякал, словно не в силах поверить в избавление. Они выходили из строя и шагали вслед за центурионами, оставляя в шеренгах пустые места. Спасенные испытывали одновременно радость и унижение.

Время шло; Юлий вопросительно посмотрел на Октавиана и наткнулся на его внимательный взгляд. Молодой человек, казалось, окаменел от напряжения, а когда Юлий открыл рот, чтобы остановить центурионов, Октавиан умоляюще покачал головой. Юлий повернулся к шеренгам легионеров и ничего не сказал.

Солдаты, отобранные из Третьего, выходили и строились отдельно, рядом с Десятым легионом; скоро Юлий понял, что легионеры обратили приказ себе на пользу. Неизвестно, была ли это идея Октавиана; так или иначе, Юлию оставалось стоять и смотреть, как каждый воин Третьего, которого хлопнули по плечу, выходит из строя и занимает место позади Десятого легиона. В рядах Третьего оставалось все меньше солдат; люди поняли, что происходит, и лица

их просветлели. Юлий по-прежнему чувствовал взгляд Октавиана. Он кивком подозвал его к себе, наклонился и тихо спросил:

– Ты чего добиваешься?

– Их жизни теперь принадлежат Десятому, – ответил Октавиан. – Прошу тебя, пусть будет так.

– Ты обманул меня, – упрекнул Юлий. – Хочешь отпустить виновных без наказания?

– Третьего легиона больше нет, господин. Здесь стоят просто твои солдаты. Если ты простишь их, люди этого никогда не забудут.

Юлий опять подумал, что Октавиан уже совсем не тот мальчик, которого он знал раньше. Перед ним стоял воин и полководец. Юлий понимал, что обманут, но одновременно испытывал странную гордость – обманут не кем-нибудь, а своим Октавианом.

– Ладно, бери их, – разрешил Юлий. – А Домиций поведет Десятый.

Октавиан вздрогнул.

– Ты достаиваешь его, господин? – не поверил он.

Юлий кивнул:

– Кажется, я не разучился удивлять тебя. Пусть ведет. Воины «нового» легиона пойдут за тобой куда угодно – ведь ты их спас. Если Домицию не дать легион, он будет унижен, а полководцу это не на пользу. Я хочу показать, что не считаю Домиция виновным в поражении.

Юлий задумался, потом продолжил:

– Да, Домиций не виноват. Мне следовало предусмотреть все – и возможные препятствия, и дополнительные сигналы. Поздно говорить. Ответственность целиком на мне.

Октавиан, поняв, что его замысел спасти Третий удался, вздохнул свободнее. У Юлия был выбор – погубить Третий и унижить Октавиана или же проявить мудрость. Цезарь больше, чем любой другой римский военачальник, умеет внимать голосу разума.

– Как ты их назовешь? – поинтересовался Юлий.

Не придумал ли Октавиан заранее? Пожалуй, придумал – молодой полководец ответил сразу:

– Четвертый греческий легион.

– Такой уже есть, – холодно заметил Юлий. – Мы сражались с ним сегодня ночью. Им командует Лабиев.

– Знаю, – отозвался Октавиан. – Тем яростнее станут наши люди драться с противником – чтобы отвоевать право на это название.

По давней привычке Октавиан ждал, одобрит ли решение Юлий, и тот в ответ протянул руку и хлопнул родственника по плечу:

– Отлично. Но если они снова побегут, я прикажу распять каждого. И эта же участь постигнет и тебя. Все еще хочешь вести их?

– Хочу, господин, – без колебаний ответил Октавиан, салютуя.

Он поднял поводья и рысью тронулся вдоль шеренг, оставив Юлия одного.

– Легионеры Десятого избавили вас от бесчестия, – обратился Юлий к солдатам, и голос его зазвенел. – Они сочли, что вы того стоите, и я не откажусь от своего слова. Третьего легиона больше нет, и, когда мы вернемся, это название вычеркнут из списков сената. Я не в силах вернуть вашу славу. Я могу предложить вам только новое начало и новое имя. Теперь вы – Четвертый греческий легион. Так называется легион, с которым вы сражались сегодня ночью. Когда встретим его в бою, вы отнимете у них это имя и вместе с ним вернете свою честь.

Солдаты, только что избежавшие казни, стояли, опустив голову. Многие дрожали – таким сильным было чувство облегчения. Юлий понял: он сделал правильный выбор.

– С военачальника Домиция сняты все обвинения. В знак своего доверия я передаю ему командование Десятым легионом. Новым Четвертым легионом пожелал командовать Октавиан, и я согласился. Помните: своими жизнями вы обязаны моему Десятому. Не уроните же своей чести. Не опозорьте их.

Цезарь окинул взглядом тысячи стоящих перед ним солдат; кажется, позор минувшей ночи удалось частично смыть. И теперь точно известно – Помпей утратил отвагу. Его можно победить.

Лабие застыл на плацу Диррахия. Перед ним на красной глине стояли на коленях, со связанными за спиной руками, двести с лишним легионеров Цезаря. Гуляющий по плацу ветер осыпал пленников пылью, она попадала в глаза, и им постоянно приходилось опускать голову и моргать.

Лабие все еще был взбешен, а виновник этого спокойно наблюдал за происходящим со спины отличного испанского жеребца.

Несмотря на всю свою ярость, Лабиен помнил о долге и готовился в любой момент отдать приказ к началу казни.

Несколько пленных офицеров сидели под стражей в казармах: их станут пытаться, чтобы получить сведения. Простых воинов казнят – для назидания.

Лабиен смотрел на Помпея, ожидая кивка. Полководец не мог отделаться от мысли, что они совершают ошибку. Вряд ли трем легионам, собравшимся здесь по приказу Помпея, нужно любоваться, как льется римская кровь. Солдаты и без того слишком много повидали, им не к чему подобные наставления. Просто Помпею так захотелось. Где-то в глубине души старик понимает, какого сваял дурака, остановив наступление экстраординариев. На рассвете Лабиен послал своих лазутчиков, и они не нашли никаких признаков пребывания большого войска. Новость эта быстро разойдется по лагерю, и люди совсем падут духом.

Помпей посмотрел на Лабиена, и тот понял, что все это время не отрывал взгляда от командующего. Чтобы скрыть смущение, он отсалютовал Помпею. Того, казалось, вот-вот сдует ветром – так диктатор усох и пожелтел. Наверное, скоро умрет, подумал Лабиен. Но пока сенат не лишил его диктаторства, Помпей правит жизнью и смертью других.

Командующий коротко кивнул, и Лабиен повернулся к пятерке солдат, отобранных для исполнения казни. Легионеры явно не испытывали удовольствия, хотя Лабиен выбрал самых безжалостных.

– Начинайте, – приказал он.

Четверо шагнули вперед, держа наготове ножи, а пятый заколебался:

– Господин, эти люди – римляне. Так нехорошо.

– Молчать! – рявкнул Лабиен. – Центурион! Ко мне!

При приближении центуриона солдат испуганно затряс головой:

– Господин, я не... я только хотел...

Лабиен не слушал. Он увидел, что подошедший центурион побледнел и покрылся испариной.

– Этот легионер отказался выполнить мой приказ. Отвести его к пленным.

Солдат открыл было рот, но центурион ударил его кулаком, не дав закричать и окончательно опозорить свой легион. Два других

сокрушительных удара – и ошеломленный солдат стоял на коленях. Лабием бесстрастно наблюдал, как несчастного обезоружили, связали и поставили в шеренгу. Остальные пленники на него не смотрели.

Помпей предпочел сделать вид, что ничего не произошло. Лабием медленно выдохнул, пытаясь унять сердцебиение. Он изо всех сил старался не выказать своих чувств. В другое время нарушителя просто высекли бы за непослушание, но сейчас от Помпея можно ожидать чего угодно – еще прикажет из-за одного глупца казнить всю центурию. Лабиему удалось это предотвратить, и он молился, чтобы ему хватило терпения выносить Помпея и дальше.

Четверо солдат, назначенные в палачи, деловито принялись за работу. Они проходили за спинами пленников и быстро перерезали им глотки. Одно резкое движение ножом, затем толчок – мертвый легионер падает лицом вниз. Шаг к следующему пленнику – и все то же самое. Пыль потемнела от крови, и скоро глина перестала впитывать влагу. Красные струйки разбежались в разные стороны, словно кто-то рисовал на земле ветвистое дерево.

Помпей дождался, пока не упал, подергиваясь в предсмертных судорогах, последний пленник, и подозвал к себе Лабиена:

– Сенаторы требуют меня к себе. Странно, что я понадобился им сразу же после ночных событий, не правда ли? Вот я и думаю: неужели кто-то из моего окружения сообщает им новости?

Лабием смотрел на диктатора, не смея моргнуть. Он думал о письме, которое оставил неподписанным, но лицо его не выражало ни вины, ни смущения. Дело сделано, жалеть не о чем.

– Не думаю, господин. Со времени нашего возвращения я с них глаз не спускал.

Помпей пожал плечами и проворчал:

– Значит, просто собираются продлить диктатуру. Время и впрямь подоспело, пусть это пустая формальность. Прикажи своим людям возобновить строительство стены. Когда сожгут тела казненных.

Лабием смотрел, как командующий покидает плац, и жалел, что не попадет на заседание сената. А от этого заседания, подозревал он, зависит очень и очень многое.

– Мое здоровье здесь не обсуждается! – выкрикнул красный от ярости Помпей. – Вы смеете намекать, что я непригоден для ведения войны?

Глядя на сенаторов, Помпей вцепился в трибуну с такой силой, что жилы на его руках вздулись веревками. Зал заседаний был набит людьми, многие стояли, желая высказаться. Настоящий хаос, не имеющий ничего общего с упорядоченными дебатами, которые проводились в курии.

Помпея уже дважды перебивали. В висках у него стучала кровь, и ему хотелось уйти подальше отсюда, куда угодно. Он так бы и поступил, не будь необходимости продлевать срок диктаторства. А сенаторы отлично понимали, что Помпей зависит от них, и хотели воспользоваться этим как можно полнее.

Цицерон опустил глаза на свиток, который держал в руках. Помпей многое бы отдал, чтобы узнать, кто его написал. Сенатор поднял голову, и все замолчали – Помпею подобного внимания не оказывали.

– Твое здоровье будет обсуждаться, поскольку хворь мешает тебе защищать интересы Рима, – произнес Цицерон, начиная сердиться. Он снова посмотрел в свиток. – Тебе следует оставить пост до полного выздоровления. Ты предложил бы то же, если бы речь шла не о тебе.

Помпей сверлил оратора взглядом, понимая, что долго не продержится. Боль в животе стала всепоглощающей, и диктатору требовалось все самообладание, чтобы не показать, до чего ему скверно.

– Когда горел Рим, вы не были столь заносчивы, – проговорил он. – Вы предоставили мне права диктатора, и я восстановил порядок; никто другой с этим бы не справился. Я разбил Спартака, которого вы так испугались, – вы не забыли? И теперь смеете говорить, что я не гожусь продолжать войну? К чему намеки, не лучше ли, Цицерон, прочитать вслух свой свиток? Я не боюсь ничьей критики. Мои дела говорят сами за себя.

К радости Помпея, по рядам сенаторов пробежал одобрительный шепот, – оказывается, Цицерона поддерживают не все. Наверняка многих ужаснет перспектива отменить диктатуру при сложившемся положении. Находишь они в Риме, такой вопрос не стали бы даже обсуждать. Однако ход кампании оставляет желать лучшего. Многие

сенаторы в военных делах ничего не смыслят да еще страдают без привычного комфорта и всеобщего почитания, которыми пользовались в Риме. Чтобы их убедить, придется хорошенько постараться.

– По делам тебе нет равных, – признал Цицерон, – но ты же сильно мучаешься, Помпей, ты весь в испарине. Оставь дела на месяц, лечись, а мы найдем для тебя лучших врачей. Когда поправишься, опять поведешь войну.

– А если не поправлюсь? Говори уж обо всем, Цицерон, пусть сенаторы слышат, какую измену ты замыслил, – жестко сказал Помпей, подаваясь вперед.

Сенаторы вновь зашептались, и Цицерону явно стало не по себе.

– Срок твоей диктатуры, Помпей, истекает через два дня. Лучше будет приостановить ее – до тех пор, пока ты выздоровеешь.

Цицерон глядел уверенно, и все же Помпей знал – сенатор не посмеет прямо сказать, что болезнь лишила командующего мужества. Помпей догадывался, какие слухи ходят у него за спиной, и относился к ним с презрением. Диктатор собрался отвечать Цицерону, но тут поднялся Светоний, и Помпей жестом позволил ему говорить – он нуждался в поддержке. Цицерон и Помпей сели – последний в отчаянной надежде, что ему удастся выиграть.

Светоний прокашлялся и заговорил:

– Подобный вопрос не следовало поднимать.

Цицерон немедленно встал, однако Светоний пригвоздил его взглядом.

– Слово дали мне, – напомнил он. – В любой военной кампании случаются отступления. Те, у кого есть хоть какой-то опыт, не станут мне возражать. Греческие легионы собрал Помпей. Он же вынудил Цезаря покинуть безопасный для него Рим и принять наши условия войны. Именно это и требовалось и получилось благодаря Помпею. Кто еще догадался бы перенести военные действия в Грецию? А Помпей принял трудное решение от нашего имени. Его диктатура понадобилась, чтобы предотвратить опасность, против которой бессильны обычные законы. Диктатор выполнил все свои обязательства, и попытка лишить Помпея власти в теперешних условиях – настоящее безумие.

Светоний сделал паузу, сверля глазами сенаторов.

– Я не знаю другого полководца, способного побить Цезаря. И я знаю, что Помпей способен на это и даже на большее. Я проголосую за продление диктатуры. Другого достойного пути у нас нет.

Под шумное одобрение зала Светоний сел, и Помпей немного приободрился. У него скрутило живот, и, прежде чем встать, он помедлил, вытирая губы чистой салфеткой. Затем, не смея взглянуть на нее, сунул в складки тоги.

Цицерон тоже поднялся не сразу. Болезнь Помпея серьезнее, чем тот пытается показать. Если диктатор продолжит командовать, победа вполне может достаться Цезарю... а может, оно и к лучшему? Поставить командовать Лабиена... обе армии разобьют друг друга – какова тогда будет участь Рима? И в то же время, если Помпея отстранить, с Цезарем можно как-нибудь договориться. Мысли Цицерона беспорядочно метались. Главное, как убедить сенат? Нелегко выбрать верную стратегию. Многие требуют от Помпея беспощадной войны. В конце концов, именно для того они явились в Грецию. Слепцы, покачал Цицерон головой. Какая разница, что станется с Помпеем или Цезарем? Судьба Рима – вот о чем нужно заботиться.

Сенаторы заметили колебания Цицерона, и, спохватившись, сенатор быстро заговорил:

– Я забочусь лишь о благе Рима, разве не так, Помпей? От тебя ждали победы, но ты не смог даже сойтись с противником. Это не «отступления», как тут говорил Светоний. Ты казнил за измену больше римлян, чем убил у нас Цезарь. Наши воины совсем упали духом. К тому же, остановив Лабиена, ты упустил единственную возможность атаковать врага. – Оратор перевел дыхание, понимая, что идет по лезвию меча. – Сколько ты еще собираешься увиливать?

– Теперь понимаю! – сказал Помпей. Он сморщился и опустил взгляд.

Цицерон с надеждой ждал: сейчас Помпей выдаст свою боль – пошатнется или вскрикнет, и тогда для него все кончено.

Но Помпей медленно поднял голову и сверкнул глазами:

– Ты посмел намекнуть, что я боюсь? Вот что означают твои нападки! Да, я строю стену, я хочу защитить город, уже побывавший в руках у Цезаря. Да, я гонялся за ним по полям, а он ускользнул.

Сильная боль не дала Помпею продолжить, ему пришлось переждать приступ.

– У тебя вдвое больше солдат, чем у него, а конницы – вчетверо, – прервал Цицерон. – В лучшие времена ты бы шутя разгромил его. И только твоя болезнь...

– Моя, как ты говоришь, болезнь – не более чем легкое желудочное недомогание, которое я почти вылечил молоком с мелом! – почти кричал Помпей. – Я не собираюсь здесь стоять и выслушивать твои дурацкие вопросы!

– Твое диктаторство... – опять начал Цицерон.

– Хватит! – заревел Помпей. – Хорошо! Если вам нужна война, вы получите войну! Я выступлю и стану воевать до конца. Вы довольны? Я разобью Цезаря и принесу вам его голову или умру. Даю вам слово. Продлите вы мою диктатуру или нет, мне безразлично. К тому времени я буду сражаться.

Большинство сенаторов зааплодировали, и Цицерон побледнел. Он никоим образом не намеревался задеть Помпея так сильно. Меньше всего сейчас нужно открытое противостояние.

– Ради блага римского народа... – начал он, но никто уже не слушал.

Сенаторы повставали с мест. Помпей, упиваясь победой, послал Цицерону последний уничтожающий взгляд, вышел из-за трибуны и направился вон. За ним последовали Светоний и еще несколько сенаторов. Цицерон медленно опустился на скамью, уставившись в пустоту.

Брут стоял, вытянув руки, и медленно, глубоко дышал. Полководец вымылся, побрился, натерся маслом и теперь сиял чистотой и здоровьем. Думая о предстоящей битве, Брут почти не замечал молчаливо суесящихся рабов. Они тем временем надели ему через голову тунику и расправили складки выреза. Доспехи висели тут же в палатке на столбе, и Брут придирчиво разглядывал их, проверяя, нет ли вмятин или царапин. Серебряный панцирь до сих пор не утратил своего великолепия. Серебро не такое твердое, как железо, зато в бою доспехи видно издалека. Юлий непременно их заметит, когда начнется сражение.

Брут по-прежнему не двигался, а рабы застегнули на нем широкий кожаный ремень, расправили складки туники. Прежде чем они продолжили, Брут пошевелил плечами, проверяя, удобно ли ему. Привычный безмолвный ритуал действовал успокаивающе.

Вся одежда была ношеной. И туника, и шерстяные штаны – часть его обмундирования еще со времен галльских походов. От многочисленных стирок краски вылиняли, ткань была мягкой – не сравнить с новыми, жесткими вещами. Рабы обмотали ему шею мягким платком, чтобы не натирал шлем. Брут покрутил головой – слишком туго, нужно ослабить.

Глядя в пространство, он задумался о предстоящей встрече с Цезарем.

После заседания сената Помпей наконец-то встряхнулся. Теперь, пока не покончено с врагом, отдыха не будет. Именно этого Брут и хотел с самого начала. Он знал, что его четыре когорты поставят на передний край. По спине пробежал холодок. Как долго он ни тренировал своих солдат, нелегко им придется, если они столкнутся с Десятым. Воинов Десятого Брут отлично помнил: такие скорее умрут, чем отступят. Это ветераны бесчисленных боев, а у греческих легионеров подобного опыта и в помине нет.

– Зато нас больше, – пробормотал он. Рабы замерли, вопросительно глядя на хозяина. – Продолжайте, – приказал Брут.

Один из рабов встал на колени, чтобы завязать ему сандалии. Брут расставил ноги пошире. Раб старательно обматывал ремешки вокруг лодыжек, натягивая поплотнее, так что они вдавливались в мягкие шерстяные носки. Затем Брут развел руки в стороны, и на него надели короткую кожаную юбку, защищавшую низ живота. Рабы повернулись за доспехами, и Брут почувствовал знакомое предвкушение битвы.

Потом на него нахлынули воспоминания – и сладкие и горькие – о той, что сделала ему доспехи. Александрия любила его и вложила эту любовь в свой труд. Красивый панцирь с рельефом мышц, а поверх рельефа – фигуры Марса и Юпитера, соединяющие руки под горловиной.

Перед тем как рабы застегнули пряжки, соединяющие нагрудник и заднюю часть, Брут набрал в грудь побольше воздуха. Так панцирь не будет жать. Он покрутил головой – ничто не мешает? Как всегда, надевая доспехи, Брут испытывал особое волнение. Рабы застегнули

наплечные пластины, и Брут опять подвигался, проверяя, удобно ли. Отставил вперед левую ногу и, пока рабы прикрепляли серебряный наголенник^[4], опустил на голову шлем. Шлем тоже был произведением искусства и сверкал даже в полутемной палатке. Да, противник заметит его сразу.

Брут опустил забрало на лицо, проверяя, держит ли замок.

Когда в палатку вошел Сенека, Брут проверял узлы и застёжки. Сенека хотел уйти, чтобы не мешать, но Брут улыбнулся ему:

– Ты готов?

– Да, только я по другому поводу. Из города пришел какой-то человек, хочет поговорить с тобой.

– Отошли его, – распорядился Брут. – Что бы там ни случилось – может подождать. На рассвете выступаем.

– Я и сам хотел, но он дал мне вот это.

И Сенека достал кольцо, которое Брут тут же узнал. Беря в руки золотой перстень-печатку, полководец слегка вздрогнул.

– Ты не знаешь, что это такое? – спросил он у Сенеки.

Сенека покачал головой, и Брут потер пальцем изображение трех скрещенных стрел – эмблемы Мария. Перстень, казалось, раскалился в руке, и Брут благодарил богов, что Сенека ничего не понял. Если бы перстень попался на глаза Помпею или кому-то еще из старшего поколения, для Брута это означало бы смертный приговор.

– Приведи его сюда, – потребовал он, отпуская рабов.

Сенека с любопытством поглядел на своего командира, однако ни о чем не спросил и, отсалютовав, вышел.

Брут мгновенно вспотел. Подумав, подошел к столу, где лежало оружие, и взял гладий, который выиграл на большом римском турнире. Меч был так же хорош, как и доспехи, отличнойковки, из лучшего в мире железа. Брут хотел вынуть его из ножен и проверить клинок, как проверял уже тысячи раз, но тут вошел Сенека, ведя за собой незнакомца.

– Оставь нас, Сенека, – попросил Брут, рассматривая гостя.

Внешность обычная: так выглядит любой местный крестьянин, явившийся в город на заработки. Брут подумал, что тот просто нашел кольцо и хочет получить за него вознаграждение. Почему тогда из всех людей он принес его именно Бруту?

– Откуда у тебя это? – спросил он, показывая кольцо.

Человек явно волновался – прежде чем заговорить, он вытер со лба пот:

– Мне его дали, господин. Он сам.

– Назови имя, – прошептал Брут.

– Цезарь, – ответил Цецилий. – Я пришел от него.

От ощущения нависшей опасности Брут на мгновение прикрыл глаза. Что это – очередная проверка Лабиена? Заместитель Помпея достаточно коварен, чтобы придумать такое. И ждет, наверное, у палатки с целой центурией, готовый забрать Брута для допроса. Не было ли в поведении Сенеки чего-нибудь необычного, подозрительного?

– Зачем ты принес его мне? – осведомился Брут.

Он опустил руку на эфес – скорее для себя, чем для устрашения незнакомца. Цецилий заметил этот жест и вздрогнул:

– Меня послали в Грецию, господин, чтобы я отправлял донесения об армии Помпея. Когда я уезжал, случайно узнал, что ты вовсе не предатель. Я много раз видел тебя в городе, но не подходил, не желая подвергать тебя опасности.

– А зачем сейчас пришел? – спросил Брут.

Вот так игры, подумал он. Если этот человек – шпион Цезаря, зачем Цезарь обманул его? Бессмыслица.

– Я ухожу из Диррахия, господин. Кто-то должен сообщить Цезарю новости, а я подозреваю, что только я и остался в живых из его людей. Сюда я, скорее всего, не вернусь и пришел узнать – не хочешь ли ты что-нибудь сообщить ему.

– Подожди здесь, – перебил Брут, шагнув к выходу и поднимая полог.

Стоя на пороге, посмотрел вокруг. Все было как обычно. Кругом суетились солдаты, готовясь к походу. Центурионы выкрикивали приказы; ни Помпея, ни Лабиена Брут не увидел. Ничего подозрительного. Он в замешательстве потряс головой и опустил полог.

Если этот коротышка – подосланный убийца, у Юлия, видно, совсем плохо с людьми. Не говоря ни слова, Брут сгреб Цецилия и быстро, но тщательно обыскал. Мелькнула соблазнительная мысль, что Помпею бы понравилось, если бы ему привели пойманного шпиона, однако Брут подавил ее в зародыше. Посланец, по-видимому,

играет двойную роль. Не годится вести его к Помпею перед самым выступлением. При малейшем подозрении диктатор может и не взять Брута в поход.

Наверное, Брут изменился в лице, потому что Цецилий, глядя на него, передернулся:

– Господин, раз тебе нечего передать, я пойду. У меня очень мало времени, я уже почти опаздываю.

Брут внимательно изучал коротышку. Похоже, он ведет себя искренне. Юлий намеренно ввел его в заблуждение, и тут-то и заключается самое главное. Предполагалось, что Помпей схватит шпиона и под пытками тот во всем признается. Тогда Бруту конец.

Найдя разгадку, Брут усмехнулся и, подойдя к столу, вынул из ножен кинжал с серебряной рукояткой.

Цецилий с растущим беспокойством наблюдал за ним:

– Господин, мне пора. Я должен предупредить Цезаря.

Брут кивнул ему, медленно приближаясь.

– Понимаю, – произнес он.

Неожиданно схватив Цецилия за волосы, Брут резко провел кинжалом ему по шее и толкнул на пол. Маленький разведчик в агонии схватился за горло.

– Мне не нужно, чтобы ты предупредил Цезаря, – сказал Брут, вытирая пальцами кинжал.

Он выругался – на доспехах повисли капельки крови. Придется снова чистить.

Глава 19

В десяти милях к югу от Диррахия Юлий остановил коня и встал ногами на седло, чтобы разглядеть идущую вдалеке колонну солдат. Плащ забился на ветру, сердито дергая застежку, словно какое-то живое существо. Октавиан стоял рядом, одной рукой придерживая поводья, другой – ногу Юлия. После целого дня в походе оба были грязные, голодные и уставшие.

– Помпей идет прямо на нас, – сообщил Юлий. – От Цецилия так ничего и не слышно?

– Нет. Цецилий слишком далеко, если вообще не попался, – ответил Октавиан. От нетерпения он переминался с ноги на ногу. – Что

ты видишь?

С такого большого расстояния колонна Помпея казалась темным пятнышком. Различить можно было только верховых – маленьких букашек, ползущих по полю.

– Не могу понять – вся армия тут или нет, – сказал Юлий. – Боги, сколько же их! Наверное, наш любимый диктатор потерял, наконец, терпение – как думаешь?

– В темноте можно попробовать от него оторваться, – предложил Октавиан.

Юлий взглянул на полководца, который поддерживал его за ногу:

– Не для того я плыл в Грецию, парень. Не желаю, чтобы мои легионы бегали от Помпея, особенно после позора, устроенного теми, кто сейчас у тебя под началом. У нас теперь достаточно и припасов, и сил. Будь противник хоть вдвое сильнее теперешнего, я не побоюсь бросить на него свои легионы и не усомнюсь в победе.

Юлий замолчал и смотрел на собирающуюся против него рать. Он всегда знал, что рано или поздно Помпей покинет свое убежище в Диррахии. Однако что-то заставило диктатора выйти раньше, чем окончилось возведение стен, и вот опять две армии готовы столкнуться в бою.

Командующий выказывал уверенность, которой на самом деле не испытывал. Он действительно сделал все возможное, чтобы ослабить дисциплину греческих легионов. Все и каждый слышали, что консул предложил Помпею, и за теми, кто пытался дезертировать, вскоре последуют другие. Диррахий возвращен Помпею целый и невредимый, как и семьи сенаторов. Это тоже должно убедить греческих легионеров, простых честных людей, живущих вдали от интриг власти и происков политиков. Если бы Юлий мог выступить перед ними – ему хватило бы часа! До сих пор удалось лишь посеять сомнения в сердцах воинов, и Цезарь сильно надеялся, что беспощадность Помпея ему же и повредит.

Вид бесчисленного воинства напугал бы любого, но в Юлии только разгорелась ярость. Помпей, обладая такими силами, кажется, уверен в победе, однако те, кого он ведет, не принадлежат ему. Это солдаты Рима, которые выполняют свой долг, как они его понимают. А галльские ветераны – солдаты Цезаря и идут за ним.

Юлий посмотрел на своих солдат, шагающих к югу. Догнать их верхом ничего не стоит, и он задержался, желая получше разглядеть неприятеля. Такая многочисленная армия не могла не внушать некоторый трепет. Противник потихоньку приближался – виднелись трепещущие знамена, в лучах закатного солнца сверкали бронзовые орлы. Можно залюбоваться, не будь это неприятель. Несмотря на военный опыт, Юлию не доводилось видеть столь огромное римское войско, и теперь он волновался. Правда, армия гельветов была гораздо больше, но здесь шагали римские легионеры – люди одной с ним крови, в таких же, как на нем, доспехах. Повторяется старая история.

Убивать римлян – все равно что убивать родных братьев, и еще долгие годы после окончания войны Юлию придется вспоминать о ней с горечью. Легионеры Десятого не пощадят неприятеля.

– Мы справимся, – заявил Юлий. Октавиан поднял глаза на своего начальника – тот улыбнулся уголками рта. – Солдаты Помпея знают, что их командующий проворонил Диррахий. Они видели, как оплошал диктатор, когда остановил атаку Лабиена. Они не пойдут на смерть за таким полководцем. Поэтому, Октавиан, неприятель слабей нас.

Колонна подползала ближе. Пора уезжать, скоро сюда доберутся вражеские лазутчики.

– Я жду тебя, Помпей, – сказал Юлий так тихо, что Октавиан едва расслышал.

До них уже долетали пронзительные звуки горнов.

– Нужно ехать, – напомнил Октавиан.

Юлий не пошевелился, и Октавиан с тревогой наблюдал, как всадники пришпорили коней и устремились прямо к ним.

– Господин, нам пора.

– Их слишком много, Октавиан, – посетовал Юлий. – Чтобы выстроить такой же фронт, как у них, нам пришлось бы растянуться тонкой цепочкой. Но мы пришли сражаться. Для этого мы пересекли когда-то Рубикон. Больше нам идти некуда. Найди мне место, где мы можем закрепиться, и мы их обязательно разобьем!

К облегчению Октавиана, Юлий сел в седло и взял поводья. Октавиан вскочил на своего коня, и они галопом помчались от приближающихся вражеских всадников; рядом с ними неслись их длинные тени. Несколько всадников скакали за ними с милю, потом

повернули назад, трубя в горны. Резкие звуки, казалось, выражали угрюмое разочарование.

В воздухе разорвалось громкое «стой!», и Брут резко дернул поводья. Далеко впереди двигались легионы Цезаря. Каждую милю, не пройденную сегодня, завтра придется наверстывать. Забавно: до чего же хорошо Брут знает солдат, которые шагают там, впереди. Много лет он сражался вместе с ними. Помнит их обычную походную болтовню и в глубине души даже скучает без бывших товарищей. Но это позади. Где-то там – Юлий, и, когда все кончится, Брут увидит его мертвым.

Брут жаждал битвы. Он нервно всматривался в холмы, и солдаты старались держаться подальше.

К тому времени как возвели стены и выкопали рвы, на землю опустилась ночь, пришлось зажечь лампы. Помпей приказал возвести один большой лагерь, и вот, будто по волшебству, в диких полях вырос настоящий город.

Греческие легионеры натачивали поострее клинки и молча ужинали, сидя вокруг костров. Многие решали, как распорядиться своим имуществом; грамотные за несколько монет записывали завещания товарищей.

Никто этой ночью не смеялся, и Бруту стало немного не по себе. Их много больше, чем врагов, они должны бы уже охрипнуть от бахвальства. Никто не кричал, не пел, словно всех охватило уныние.

Стремительным шагом Брут подошел к Сенеке, который, уставившись в огонь, задумчиво дожевывал кусок мяса. Легионеры, теснившиеся у огня, раздвинулись, и Брут со вздохом сел и огляделся. Повисло неловкое молчание. Брут гадал, о чем тут говорили до его прихода.

– Веселая компания, ничего не скажешь, – обратился он к Сенеке. – Я-то думал, кто-нибудь хоть песню споет.

Сенека улыбнулся, однако ничего не сказал, и Брут удивленно поднял брови:

– Я для вас немало постарался. Раздобыл для вас галеру. Доставил в Грецию. Потратил столько времени и сил, стараясь вас обучить. И что же? Может быть, кто-то из вас почистил, например, мне доспехи? Или поделился, просто из благодарности, небольшой частью жалованья? Никто. Или хоть раз предложил мне выпить с вами вина?

Глядя на полководца в серебряных доспехах, Сенека глупо хихикнул:

– Не хочешь ли выпить с нами, господин?

Он потянулся к лежащей позади него амфоре.

– Нет. Совершенно, – ответил Брут, забирая чашу с вином из руки своего соседа. Легионер в удивлении захлопал глазами. – Ведь вы понимаете, что мы победим, – произнес Брут, поднимая чашу и чокаясь с Сенекой. Сенека молча выпил. – Куда Цезарю деваться, если на него нападет наша кавалерия? Он побежит скорее, чем течет пролитое молоко. Слышали, как они удирали от Лабиена? А если мы будем наступать всей армией?

Сенека неохотно кивнул, однако немного оживился.

Когда Брут узнал о бегстве своего бывшего легиона, то не сомневался: это тщательно спланированная ловушка. С первыми лучами солнца он выехал из лагеря проверить следы и не нашел и намека на то, что ночью здесь прятались крупные силы противника. Брут едва поверил своим глазам и даже немного обрадовался – ведь под его командованием Третий ни разу не бежал. Видно, Юлий разучился водить солдат в бой.

Допивая вино, Брут сунул руку под нагрудник и достал мешочек с игральными костями. Не глядя, взял две штуки и бросил в пустую чашу. От стука, словно по волшебству, люди оживились, лица их потеплели.

– Ага, зашевелились! – добродушно говорил Брут. – Сыграем немного, а потом на боковую, а? Думаю купить себе нового коня, а денег маловато.

Когда часом позже Лабиен проходил мимо, Брут уже стал душой компании. На крики и смех собрались любопытные; у соседних костров тоже началась игра. Увидев, как Брут, откровенно радуясь удаче, сгребает столбик монет, Лабиен ухмыльнулся. Постояв немного, он отправился дальше вдоль всего лагеря, конец которого терялся во тьме.

Поднявшись на рассвете с постели, диктатор послал за лекарем. Живот у него затвердел и вздулся, до кожи было больно дотронуться. Стиснув зубы, Помпей заставил себя негнущимися пальцами ощупать опухоль, но едва не задохнулся от боли. Позволить лекарям

прооперировать? По ночам выдавались минуты, когда Помпей в полном отчаянии хотел сам воткнуть в себя нож. Выпустить острым лезвием весь гной и смрадный воздух, от которого вздувается живот. А утром приходилось вставать, заставляя себя одеваться, стягивать живот полотном, чтобы никто ничего не заметил.

Помпей провел рукой по лицу – после ночных мучений оно покрылось испариной. Глаза болели и слипались, и Помпей яростно тер их, ненавидя собственное тело за то, что оно отказывается ему служить. Командующий сидел на краю походной койки, согнувшись от боли. Вошел лекарь и, увидев его бледность, нахмурился. В мрачном молчании положил сумку и подошел к пациенту. Опустив прохладную ладонь ему на лоб, лекарь покачал головой:

– У тебя лихорадка, господин. Ты не замечал крови в своих испражнениях?

– Делай лекарство и убирайся, – оборвал Помпей, не открывая глаз.

У лекаря хватило ума промолчать. Он отвернулся и выставил на стол ступку с пестиком и целый ряд закрытых пробками баночек.

Помпей открыл глаза и стал наблюдать, как лекарь смешивает и толчет снадобья. Видя интерес пациента, тот наклонил котелок и показал пациенту вязкую белую массу, оседающую на стенках.

– На это лекарство я возлагаю большие надежды. Я тут смешал оливковое масло, воду, молоко и кору – я купил ее в Диррахии. Торговец клялся, что она помогает от любых желудочных болезней.

– Похоже на семя, – сквозь зубы выдавил Помпей.

Лекарь вспыхнул, но Помпей, который от него уже устал, раздраженно махнул рукой и потребовал:

– Давай сюда.

Он взял горшочек и стал глотать лекарство, черпая его сложенными пальцами. Смесь была безвкусной; немного погодя Помпею слегка полегчало.

– Приготовь еще. Я не могу каждый раз, как прихватит, бегать к тебе за лекарством.

– Помогло, господин? – спросил лекарь. – Если бы ты только позволил избавить тебя от той отравы, что носишь в себе...

– Приготовь и запечатай воском еще один сосуд – я возьму с собой! – отрезал Помпей. – Две порции этого и одну – твоей обычной

дряни.

Вспомнив, сколько желудочных хворей и ранений довелось ему повидать, Помпей содрогнулся. В детстве он однажды убил кролика и вспорол ему живот, пытаясь снять шкурку. Помпей тогда перепачкал вонючими потрохами и руки, и мясо кролика. Кролика пришлось выкинуть, а зловония Помпей не забыл до сих пор. Позже ему приходилось видеть, как в результате ранения копьем в живот наружу вытекает содержимое желудка. Такие раненые всегда погибали.

– Хорошо, господин, – обиженно сказал лекарь. – У меня в палатке есть еще кора, и я пришлю тебе лекарство.

Помпей не ответил. Оставшись один, он заставил себя подняться на ноги. Войска готовы выступить. Сквозь полог шатра брезжит свет, значит легионеры уже выстроились и ждут появления командующего. Прежде чем звать рабов и начать одеваться, нужно перетянуть живот. Только лекарь мог видеть жестоко вздувшуюся опухоль, которую Помпей утягивал полосками чистого полотна. Но и лекарь не знал о том, что по ночам диктатор кашляет кровью. Находясь на людях, Помпей проглатывал противную склизкую массу, и каждый раз это давалось ему все труднее.

У диктатора закружилась голова, и он тихонько выругался: придется ждать, пока пройдет приступ. Капли едкого пота катились по лицу, даже волосы у Помпея взмокли.

– Всего несколько дней, мне нужно лишь несколько дней, – шептал он, сам не зная, кого умоляет – богов или терзающую его боль.

Помпей дотянулся до бинтов, лежащих в ногах койки, и стал обматываться, резкими движениями заталкивая опухоль вглубь и вздрагивая от боли. Завязав неловкими пальцами узлы, он наконец смог выпрямиться и перевести дыхание. Подошел к ведру с водой, ополоснулся, затем накинул тунику. Едва дыша, кликнул рабов; те вошли, не поднимая глаз, и стали надевать на хозяина доспехи. Знают ли они, почему их господин так задержался? Впрочем, не важно. Боги даруют ему время, чтобы он успел уничтожить своего последнего врага. Когда Юлий будет мертв, тогда пусть и его, Помпея, забирают, а до тех пор ему нужно держаться – каждый день, каждый час. Новое снадобье все же уменьшило остроту боли, с облегчением отметил диктатор.

Отпустив рабов, Помпей положил руку на эфес гладия и вышел из шатра к своим легионам. У порога он помедлил и сделал глубокий вдох. Помогло ли новое лекарство, или дело было в том, что решение уже принято, но Помпей впервые за многие месяцы не чувствовал страха перед неприятелем.

На третье утро похода к Цезарю вернулись посланные вперед разведчики. Лица их пылали от быстрой скачки – каждый спешил первым сообщить новости. Через несколько миль, в окрестностях Фарсала, начинается обширная голая равнина.

Мало кому из легионеров это название о чем-то говорило, но у тех, кто бывал в Греции, по спинам пробежал холодок. Вот оно – место, подходящее для большого сражения.

Было ясно, что на такой местности битву поведут по старым правилам, так, как воевали прежние полководцы Рима. На пустынной плоской равнине негде спрятаться, никаких ловушек тут не устроить. Только с южной стороны протекает грязная мутная речушка. Если бой состоится здесь, всё решат скорость, тактика и сила. Армии встретятся в чистом поле и станут драться, пока одна из них не отвоюет право вернуться в Рим. Сципион Африканский одобрил бы подобный выбор. Юлий решил сразу. Он даст сражение у Фарсала.

Галльские легионы подошли к равнине через два часа, однако не остановились. Место казалось совсем пустынным. Несмотря на возвышающиеся вокруг горы, это был суровый край ветров – гладкая черная земля с разбросанными осколками валунов, словно их накидали сюда какие-то гиганты. Люди с удовольствием ощущали под ногами твердую ровную почву, хотя она была настолько сухой, что по ней то и дело со скрипом проносились клубы пыли и песка. Легионеры прятали от ветра лица, щурили глаза, а песчинки шуршали по железным доспехам.

Город Фарсал лежал вдалеке за той самой рекой. Юлия он не интересовал. Никакого отношения к сражению город не имеет, разве что придется отступить и искать защиты за его стенами. Обдумывая возможность переправы, Юлий покачал головой. Отступления не будет.

– Идите до конца равнины! – приказал он Домицию, силясь перекричать ветер. – Лагерь лучше строить у подножия гор!

Кругом скакали экстраординарии – теперь им не нужно было охранять фланги: враг остался позади. Всадники пускали коней в галоп и с громкими криками неслись по открытой равнине. Юлий, зараженный их воодушевлением, крепко сжал поводья.

– Мы остановим противника здесь! – крикнул он Октавиану, и бывшие поблизости солдаты, услышав его, свирепо оскалились.

У Цезаря остался один-единственный враг – Помпей. Когда с ним покончат, все смогут отдохнуть. Легионеры, состарившиеся на военной службе, словно обрели второе дыхание и, несмотря на сильную усталость, шагали, выпрямив спины. Никто уже не обращал внимания на ноющие суставы. Всех охватило чувство полной уверенности: воины, покорившие Галлию, непобедимы.

Только легионеры Четвертого, которых вел Октавиан, оставались молчаливо-угрюмыми. Им еще предстояло доказать свое право шагать под знаменами Цезаря.

Глава 20

Над равниной у Фарсала разливался рассвет – в небе нарисовались очертания облаков. Обе римские армии проснулись затемно. При свете факелов готовились они к наступлению дня. Снаряжение было уложено с обычным тщанием; шатры и палатки туго свернуты и перевязаны. Воины поели дымящегося тушеного мяса и свежего хлеба – его испекли в глиняных печах. Это укрепило их силы для предстоящей битвы.

Торговцы, рабы и прочая обслуга – все стояли, склонив голову. Замерли, в страхе прижавшись друг к другу, обозные девки. Легионы выходили на равнину. С обоих ее концов трубили горны, топот ног сотрясал землю подобно биению огромного сердца.

Галльские ветераны жаждали боя. Они рвались вперед, точно горячие кони, от нетерпения едва сохраняя строй. Опционам и центурионам приходилось изрядно попотеть, заставляя солдат держать шаг, но люди продолжали добродушно переругиваться на ходу. Многие легионеры прослужили вместе столько лет, что и не сочтешь. Когда впереди выросла армия Помпея, смех и шутки стали тише и наконец совсем смолкли. Люди шагали в зловещем молчании, готовясь к предстоящему бою.

Войска сходились; пешие и конные отряды постоянно менялись местами. Юлий сначала поставил Десятый легион по центру, затем передумал и решил усилить им правый фланг. Помпей увидел это и стал делать перестановки в своих рядах, стараясь расположить солдат повыгоднее, – словно густая блестящая жидкость потекла с места на место. В надежде обмануть друг друга командующие обеих армий передвигали с места на место боевые части, будто фигурки при игре в латрункули^[5].

Увидев, что легионы Цезаря наконец-то загнаны в угол и вынуждены оборотиться лицом к противнику, Помпей испытал одновременно и страх, и радостное возбуждение. Потрясающая самоуверенность со стороны Юлия – выбрать для сражения открытую равнину. Другой постарался бы найти пересеченную местность и применить какую-нибудь военную хитрость. Цезарь, конечно, желает показать солдатам противника, что нисколько не боится их. Возможно, именно это заставило Помпея развернуть свои легионы тремя широкими линиями, каждая по десять шеренг в глубину. Его армия растянулась по равнине больше чем на милю. Правый фланг защищала река, поэтому левый можно было использовать для нанесения основного удара.

Увидев такое построение, Юлий окончательно убедился в слабости Помпея. Когда полководец сомневается в отваге своих солдат, он выстраивает их большими плотными группами, которые словно служат друг другу заградительными отрядами. Легионеры Помпея непременно поймут, что командующий в них не уверен, и окончательно падут духом. Учтя передвижения в армии Помпея, Юлий отдал несколько дополнительных приказов. Армии сближались.

Юлий ехал шагом на своем лучшем испанском жеребце. Командующего окружали посыльные, готовые передавать его приказы отдельным частям, но фронт сильно растянулся, и приказы все равно поступали с сильным опозданием. Оставалось положиться на полководцев. Это, впрочем, Юлий мог себе позволить – он знал их много лет и успел изучить их сильные и слабые стороны. Хотя тут у него преимущество перед Помпеем.

Диктатор сконцентрировал конные войска на левом фланге. Численный перевес противника тут был огромен, и Юлий приказал выстроить дополнительную подвижную линию из тысячи солдат. Если

столь многочисленный неприятель зайдет с флангов, галльских легионеров ничто не спасет. Сам командующий встал на правом фланге вместе с Десятым – прямо напротив Помпея. Держась за рукоять меча, Юлий вновь и вновь пересчитывал ряды воинов и пытался понять – не упустил ли он чего. Ему достаточно приходилось биться, и он помнил, что время перед битвой утекает как вода сквозь пальцы. Порой даже опытные командиры затягивают с приказами, и в результате их силы не успевают занять лучшие позиции. Юлий подобных ошибок не допускал, предпочитая действовать на опережение.

Армии неумолимо сближались. Ветер ослаб; последние пыльные смерчи погибали под ногами солдат. Юлий продолжал изучать построение неприятеля. Будь у Юлия еще тысяча экстраординариев, он послал бы их рассеять конницу Помпея. Недаром же Помпей собрал ее в одном месте. За всадниками плотными рядами, так, что не видно земли, шли лучники, которые служили прикрытием самому диктатору. Все начнется именно здесь.

– Передай мой приказ военачальнику Октавиану, – велел Юлий ближайшему всаднику. – Четвертый легион вернуть в центр. Когда начнется сражение, пусть изо всех сил прорывается вперед.

Он огляделся и приказал другому, почти мальчику:

– Экстраординариям – не заходить с флангов, держать позиции.

Всадники тотчас умчались, а Юлия не оставляла тревога. Консул даже вспотел, несмотря на ветер. Обо всем ли он позаботился?

Вдоль всего фронта легионеры с криками тащили на быках катапульты.

Помпей тоже приготовил катапульты. Юлий содрогнулся при мысли о том, какой урон они могут нанести. У неприятеля тяжелых орудий гораздо больше, чем смог доставить в Грецию Цезарь, и они способны сыграть в битве решающую роль.

Сойдясь на расстояние чуть больше трех стадиев, и Юлий, и Помпей прекратили делать перестановки. Войска построены, и их ждет величайшее испытание военного искусства и мужества. Мелкие предыдущие столкновения не в счет. Такие огромные войска – римские легионы против римских легионов – будут биться впервые. И неизвестно, кто победит.

Юлий продолжал отдавать приказы, не сомневаясь, что Помпей занят тем же. Цезаря захватило величественное и страшное зрелище сходящихся армий, которое напоминало какой-то ритуальный танец, исполняемый несметным числом танцоров. Он не знал, станет ли Помпей выжидать с атакой, пока армии не приблизятся на расстояние, указанное в руководствах по военному делу. В ушах Юлия зазвучал сухой размеренный голос наставника, повторяющий, что наилучшее расстояние для начала атаки – шестьсот футов. Если больше – люди не добегут, остановятся. Если меньше – их может опередить с атакой противник. Юлий опустил забрало. Оно защелкнулось, и свист ветра превратился в монотонное пение, а голове сразу стало жарко.

До передовой линии противника оставалось около тысячи футов; двигаясь верхом рядом с легионерами, Юлий видел, как подобрались воины. Конь под ним храпел и вскидывал голову, дергая туго натянутые поводья.

Люди и лошади накормлены, водоносы шагают вслед за солдатами. Точильные камни всю ночь были нарасхват – солдаты готовили оружие. Юлий сделал для укрепления своих позиций все, что только мог. Но вдруг этого мало? Командующий ощутил первые признаки волнения – обычного волнения перед боем. Внизу живота появилась тяжесть, хотя он опорожнил мочевой пузырь, прежде чем сесть в седло. Во рту пересохло от повисшей в холодном воздухе пыли. Глаза стали зорче, все чувства, казалось, обострились. Юлий знал, что может погибнуть на этой равнине, но не боялся. Его дважды избирали консулом, он покорял Галлию и Британию. Он покорил Рим. Он написал для своей страны законы. Его долго будут помнить.

Сейчас Юлий искал в рядах противника серебряные доспехи. Брут где-то там, и Юлий отлично представлял себе настроение, мысли и даже выражение лица бывшего друга. Боль, вызванная изменой, не уходила, и Юлий жаждал увидеть Брута, пусть на расстоянии клинка.

Вдалеке командующий увидел Октавиана. Он жалел, что у него нет сыновей, которые могли бы продолжить его дело, но, если Юлий погибнет, род не прервется. Говорил ли он Октавиану, как гордится им? Наверное, говорил.

– Пусть, если меня убьют, он останется жив! – прошептал Юлий в забрало шлема. – Великий Марс, пусть оба останутся живы.

Помпей смотрел на легионы неприятеля, и у него не было сил взывать к богам. В голову острыми жалами вонзались мысли о победоносных походах Цезаря. Цезарь разбил несметные орды гельветов! Помпей ощутил внутри тянущую пустоту, и в эту пустоту канула вся его смелость. И в Риме, и в Греции многие утверждают, что Цезарь – лучший полководец своего времени, а теперь Помпей должен его одолеть. Как бы сейчас пригодились мужество и храбрость, которыми он обладал в молодости!

Помпей замерз, ему было неудобно в седле. Диктатор злился на свою болезнь, и от злости у него темнело в глазах. Он обливался холодным потом, туника под доспехами промокла и натирала кожу.

Диктатор посмотрел влево, туда, где замер в седле взбешенный Лабиен. Лабиен возражал против такого глубокого построения, но командующий поступил по-своему. Он наблюдал за людьми и видел, что те не рвутся в битву. О боевом настрое нечего и говорить. Его солдаты попросту боятся галльских легионеров. Их страх пройдет, стоит коннице растоптать правый фланг Цезаря, но пока диктатор предпочел не рисковать.

Легионы Цезаря приближались; среди воинов Помпея росла тревога. Они построились согласно приказу, но опытный глаз полководца заметил смятение солдат.

– Позвать ко мне Лабиена, – бросил Помпей посыльным. Один галопом помчался вдоль рядов и вернулся вместе с Лабиеном. – Лабиен, когда до неприятеля останется шестьсот футов, мы остановимся и подождем атаки.

Несколько секунд ошеломленный Лабиен не мог вымолвить ни слова.

– Господин?..

Помпей жестом велел заместителю приблизиться.

– Если мы не опередим их, они сломаются в первой же атаке. У меня глубокий строй, и я этим воспользуюсь. Пусть люди будут готовы остановиться. По крайней мере, лучше прицелятся копьями.

Помпей сделал паузу; глаза диктатора блеснули.

– Если мои экстраординарии разобьют фланг Цезаря так быстро, как я надеюсь, легионерам вообще не придется ничего делать.

– Но, господин, не следует...

Помпей резко отшатнулся:

– Выполняй приказ!

Лабием – сработал инстинкт самосохранения – отсалютовал и поскакал к легионам, передавая по рядам новый приказ.

Диктатор продолжал смотреть вперед, сохраняя каменное выражение лица, хотя чувствовал на себе удивленные взгляды солдат.

Будь у них другой настрой, командующий послал бы их в атаку на ветеранов. А так – пусть служат ему щитом от легионов Цезаря.

Между армиями осталось меньше тысячи футов. Легионеры шагали по равнине и ощущали, как земля сотрясается от их топота, будто от раскатов грома. С обеих сторон реяли сотни знамен, сверкали на солнце гордо поднятые кверху бронзовые орлы.

На расстоянии в восемьсот футов обе армии взяли копья на изготовку. Солдаты, оказавшись напротив метательных орудий неприятеля, ощутили мягкое прикосновение ужаса.

Шестьсот футов. Помпей увидел, как ряды галльских легионеров всколыхнулись, словно в ожидании его атаки. Но диктатор воздел меч, а затем опустил, останавливая свое пятидесятитысячное войско. Приказ «стоять!» эхом пробежал по рядам легионеров; орудийные расчеты торопились остановить свои огромные машины. У Помпея участилось дыхание. Он уже мог разглядеть лица вражеских солдат.

С обеих сторон начали действовать катапульты – стрелы длиной в человеческий рост вылетали с такой силой, что люди замечали только несущиеся черные тени. Они насквозь пробивали строй, оставляя на своем пути куски человеческих тел.

Двести футов. Когда конница Помпея стала набирать скорость, Цезарь отдал приказ атаковать, и его солдаты бросились вперед, тяжело топая по сухой земле.

Двадцать тысяч копий разом поднялись с обеих сторон, отбрасывая дрожащую тень на узкую полосу земли, разделяющую войска. Крики, если они и были, утонули в лязге столкновения. На протяжении целой мили тысячи вооруженных людей загрохотали мечами и щитами.

Римляне забыли, что сражаются с римлянами. Легионеры убивали друг друга с дикой свирепостью – в кровавой бойне у Фарсала никто не давал и не ждал пощады. Армии словно спаялись воедино, и люди бились насмерть.

Экстраординарии Помпея галопом неслись вперед – уничтожить меньшую числом конницу противника. Помпей вытягивался в седле, стараясь их разглядеть, и утирал липкий пот. Когда его всадники начали теснить фланг неприятеля, диктатора стала сотрясать дрожь. Он не мог отвести от них глаз, ведь именно там решался исход битвы. Экстраординарии врубились в конницу Цезаря, и конница дрогнула под таким натиском: на одного всадника Цезаря приходилось два или три неприятельских.

– Круши их! Круши! Раздавите его! – кричал Помпей, но встречный ветер заглушал крик.

Десятый двинулся в контратаку. Он растянулся широкой линией, конец которой достал до самого края фланга, и Помпей вдруг увидел, как его любимую конницу останавливают и буквально вырезают солдаты Десятого. Легионеры шли прямо на диктатора, и он невольно вскрикнул. Метнув быстрый взгляд на защищающие его центурии, командующий уверился, что прямой опасности нет. Кроме личной охраны, тут находились лучники; они истыкают стрелами всех и каждого, кто попытается приблизиться к Помпею. Ему ничто не грозит.

Мечи Десятого не остановили атаки Помпея. Всадники двигались слишком быстро, чтобы их можно было окружить, и скоро линия сражения переместилась к востоку, а остатки конницы Цезаря тщетно пытались удержаться на месте.

Через головы дерущихся солдат Помпей видел вдалеке стройную фигуру Цезаря, который, сидя в седле, спокойными жестами пояснял свои приказы. Диктатор перевел взгляд на своих солдат – посмотреть, как они держатся, – и опять повернулся к флангу, где атаковала конница. К радости Помпея, всадники Цезаря галопом мчались с поля боя, показывая спины врагу. Забыв о своей боли, Помпей победно поднял руки.

Люди и кони падали на землю и скользили в липком кровавом месиве. Один из командиров Помпея отправил в погоню за бегущим неприятелем две сотни всадников. Диктатор одобрительно кивнул. Лицо его стало жестким. Все получилось так, как он хотел, и он благодарен богам. Курьеры ждали новых приказов, однако в них уже не было необходимости.

Шум над полем боя стоял ужасный; в воздухе густо повисла пыль, и в ее облаках виднелись лишь смутные очертания людей. Конница Помпея вырвалась вперед и сейчас на полном скаку легко прорубится сквозь ряды ветеранов. Даже Десятый не сможет отразить такой натиск. Легенде о непобедимости Цезаря придет конец.

Навстречу атаке сплотились четыре когорты Десятого легиона. Помпей выругался – клубы пыли скрывали почти все происходящее. Это было ядро Десятого; диктатор страстно жаждал их посрамить – равно как их командира. Юлий наверняка среди них, но разглядеть его Помпей не мог.

– Вперед, скорее! Раздавите их! – умолял он срывающимся голосом. – Наступайте!..

Брут – он дрался по центру фронта – оттолкнул умирающего врага и поднял сверху щит, закрываясь от очередного удара. Коня под ним убили, и Брут чудом успел соскочить с седла, прежде чем животное упало. Он не знал, нарочно ли Юлий выставил против него его бывший легион. Наверное, ждал, что у Брута дрогнет рука против своих. Но рука не дрогнула. Хотя Брут сам обучал этих людей и когда-то считал братьями, он убивал их без колебаний. Его и вправду сразу узнали по доспехам и ломались к нему, сбивая строй и думая только о том, как бы до него добраться.

– Бойтесь своего бывшего командира? – кричал он им со смехом. – Неужели никто не отважится со мной сразиться? Давайте, давайте, смелее ко мне!

В ответ легионеры налетели на него с такой яростью, что Брут чуть не порезался собственным мечом. Полководец получил сильнейший удар по голове; завязки шлема порвались, он почти не держался. Брут упал, выругался, рывком вскочил и, прежде чем враги опомнились, успел убить двоих.

Другие набросились на него, щит, который он пытался поднять, выдернули из рук, едва не оторвав вместе с ним пальцы. Брут закричал от боли, нырнул под чей-то меч, одновременно вонзая собственный кому-то в пах, и споткнулся о чью-то голову. Это оказался Сенека – его открытые глаза были засыпаны густой пылью.

Брут долго сражался, не думая ни о чем, поражая все, до чего мог дотянуться, и выкрикивая оскорбления вражеским солдатам. Он

увидел, как впереди мелькнули серебряные доспехи – такие же, как у него, – и закричал, вызывая их владельца на бой. Услышав крик, Октавиан вскинул голову и стал озираться. Брут ждал. Он устал, да еще теснота была такая, что невозможно дышать. В молодости он вообще не уставал, но все изменилось – Брут и сам не заметил когда.

Позади Лабиев вел в атаку свой Четвертый легион. От крика Лабиев бывшие воины Брута пришли в исступление и бросались в бой со страшным ревом, не обращая внимания на раны. Октавиан пытался добраться до Брута, и Брут устало помахал ему рукой. Он весь был забрызган кровью и еле дышал. Ему очень хотелось найти Юлия, а тот все не появлялся.

Его меч бессильно уперся в чей-то щит. Брут не почувствовал ни первого удара, который бросил его на колени, ни второго, опрокинувшего на спину.

– Где ты?! – звал он бывшего друга, глядя в небо.

Сокрушительный удар вышиб из легких воздух, а потом Брут услышал, как треснула его правая рука. Больше он ничего не помнил.

Двести всадников Помпея неслись по равнине, оставляя за собой кровь и смерть и слыша лишь ритмичную дробь копыт и хрип лошадей. Со свирепой радостью преследовали они бегущего противника, держа высоко над головами длинные мечи и ревя от возбуждения. Каситас дослужился до декуриона, но за годы, проведенные в Греции, не видел ни одного боя. Он и думать не думал, что это так захватывает, и теперь, несясь по равнине, громко хохотал. Ему казалось, что он летит по воздуху.

Неожиданно впереди прозвучал сигнал горна, и тотчас все изменилось. Экстраординарии Цезаря прекратили бегство, образовали ровный, словно на плацу, строй, все как один развернулись и поскакали на неприятеля.

Каситас едва верил глазам. Вместе со страхом к нему пришло понимание происходящего: лучшая часть двухтысячной конницы Цезаря безупречным строем скачет прямо на него. Декурион обернулся – можно ли отрезать этих всадников от основных сил противника? С первого взгляда понял: не получится.

– Возвращаемся обратно! Там мы их изрубим! – закричал Каситас, разворачивая коня.

Следуя за ним, его воины в смятении оглядывались, и сам он с трудом сдерживал желание обернуться. Скоро все кончится. Позади раздавался топот вражеских коней.

Большая часть конницы Помпея потонула в густом пыльном облаке, поглотившем всю массу дерущихся людей. Каситас тщетно кричал против ветра, надеясь предупредить своих, – его никто не услышал.

Юлий выкрикивал приказы, почти не различая своих солдат, окутанных клубами пыли. Десятый сражался, сохраняя безупречные ряды, – на место убитых сразу вставали новые люди. Юлий страдал, видя их в такой мясорубке, но не мог же он бросить все свои силы против отрядов, защищающих Помпея. На флангах конные части собирались для атаки – до Юлия долетало ржание лошадей. Каждый его нерв, каждый мускул был в сильнейшем напряжении. Если противник обойдет и ударит сзади – бой проигран. Цезарь лихорадочно соображал, как отразить атаку, но ничего не мог придумать. Воины Десятого продолжали гибнуть, сражаясь, как всегда, насмерть. Вдруг Юлий сообразил, что в пыли коням неприятеля ничего не видно и они с размаху вклинятся в легионеров. Такого не выдержит никакой заслон из щитов. Юлий покачал головой. Десятый даже не сможет выстроить заслон – ведь им нужно еще держать оборону. Его люди погибнут.

– На востоке!.. – прокричал один из посыльных.

Сам из экстраординариев, он, возможно, поэтому постоянно посматривал в их сторону. Юлий повернулся в седле, и сердце у него подпрыгнуло. Конники Помпея скакали обратно, а за ними галопом неслись его собственные экстраординарии.

Юлий наблюдал, как всадники неприятеля пытаются занять прежнее место в строю; во рту у него пересохло от волнения. Они не успели сбавить скорость, и в результате в рядах Помпея образовался настоящий хаос. Всадники натолкнулись на атаку собственных солдат, а сзади наседали экстраординарии Цезаря.

Конница Помпея была разбита. Кони пробивали бреши в рядах своих же воинов, и за ними прорывались экстраординарии Цезаря, окончательно рассеивая неприятеля. Кони от страха становились на дыбы, а потом их поглощала пыль, повисшая над сражением густой

завесой. Кое-где мелькали окровавленные всадники Помпея. Убитые падали на землю, живые тщетно пытались остановить понесших коней.

Увидев разгром неприятельской конницы, Десятый с новыми силами ринулся вперед. Юлий закричал. Он направлял коня в самую свалку, не отводя глаз от одинокой фигуры диктатора, но из-за густой пыли то и дело терял его из виду. Тогда командующий выругался и присоединился к своим легионерам.

Фланг Помпея изогнулся, словно провисая под тяжестью неприятеля, и воины Цезаря почти уперлись в лучников диктатора. Юлий хотел отдать приказ закрыться щитами, но лучники неожиданно дрогнули и показали врагу спины. Началось настоящее избиение бегущих.

Пыль немного рассеялась, и Цезарь увидел, что часть конницы Помпея уцелела. Экстраординарии, обезумев от удачи, даже не преследовали врага. Они врывались в тыл неприятеля и кромсали его ряды в мелкие клочья.

Юлий искал глазами Помпея, однако тот уже исчез. Конь перешагивал через тела лучников, которых добивали копьями легионеры. Из-под копыт летели куски кровавой каши, падали на ноги Юлию и медленно сползали, оставляя грязные дорожки, а он ничего не чувствовал.

Где-то далеко затрубили горны, и Юлий резко обернулся. Это играли сигнал капитуляции, и командующий испугался, что, пока он занимался правым флангом, его ветеранов разбили. За сигналом последовал лязг брошенного наземь оружия. Юлий не знал – победил он или побежден.

К Цезарю, тяжело дыша, подъехал Октавиан. На доспехах и теле не было живого места, наголенник болтался на шнурке, один глаз заплыл и не открывался – но какое это имело значение? Он жив, и у Юлия от радости подпрыгнуло сердце.

– Неприятель сдался, господин, – сказал Октавиан, салютуя, – стоило Помпею оставить поле боя. Все кончено.

Октавиан дрожал: после возбуждения битвы пришел упадок сил.

Юлий обмяк в седле и расслабил шею. Посидев так некоторое время, он снова выпрямился и повернулся к северу. Нельзя допустить, чтобы Помпей ускользнул. И в то же время нельзя бросать легионы –

сражение может опять вспыхнуть в любой момент. Командующий должен остаться здесь и навести порядок, а не охотиться за побежденным. Так думал Юлий, но ему страстно хотелось позвать своих экстраординариев и броситься в погоню. Он потряс головой, словно желая стряхнуть боевой пыл.

– Всех разоружить, и начинайте переносить раненых в лагерь Помпея, – приказал Юлий. – Полководцев неприятеля – ко мне. Обращаться с ними почтительно. Они сдались, хотя решиться на это не просто. Объясните, что им ничто не грозит. Они нам не враги и заслуживают уважения.

– Да, господин, – ответил Октавиан. Голос у него слегка дрожал.

Юлий криво улыбнулся, такое преклонение читалось во взгляде молодого полководца.

– Пусть присягнут мне как консулу Рима. Скажи им: война окончена.

Юлию с трудом верилось, что все позади, – пройдет несколько часов, а то и дней, пока он привыкнет. Консул сражался, почти сколько помнил себя, и вот судьба завела его сюда, на равнину близ города Фарсала, в сердце Греции. С него довольно.

– Господин, я видел, где упал Брут, – сообщил Октавиан.

Юлий встрепенулся.

– Где? – вскинулся он, готовый мчаться туда.

– В самой середине. Там, где дрался Лабиен.

– Проводи меня, – потребовал Юлий, пуская коня рысью.

Им овладел настоящий страх. Руки дрожали – то ли от пережитого волнения, то ли от этого известия.

Оба всадника ехали по полю сражения, где кипела привычная работа: солдаты складывали захваченное оружие, мальчишки-водоносы торопливо разносили воду – легионеры не пили много часов. Солдаты радостно приветствовали командующего. К ним присоединялись другие, и скоро крики тысяч глоток слились в едином восторженном вопле.

Юлий почти не слышал легионеров. Он не мог отвести взгляд от обмякшей фигуры в серебряных доспехах, лежащей немного в стороне от большой кучи мертвых тел. Когда Юлий спешил, в глазах у него щипало от слез, говорить он не мог. Воины нового Четвертого легиона

почтительно посторонились. Юлий опустился на колени и смотрел на бледное лицо друга детства.

Все вокруг было покрыто кровью, и на этом фоне кожа Брута казалась мраморно-белой. Юлий вынул из-за пояса кусок полотна и стал осторожно вытирать запекшуюся кровь, смешанную с грязью.

Брут открыл глаза. Вместе с сознанием к нему вернулась боль, и он застонал. Скула и губы у него распухли, из уха сочилась кровь. Устремленный на Юлия отсутствующий взгляд постепенно становился осмысленным. Брут попытался подняться. Сломанная рука не слушалась; раненый упал на спину и слабо вскрикнул. Губы его зашевелились, открывая окровавленные зубы, и Юлий нагнулся ниже.

– Теперь убьешь меня? – прошептал Брут.

– Нет, – ответил Юлий.

Брут прерывисто вздохнул:

– Значит, я уже умираю?

Юлий смотрел на него:

– Возможно. Ты заслужил.

– А Помпей?

– Убежал. Я его все равно найду.

Брут попытался улыбнуться и надрывно закашлялся. Юлий молчал; взор его был суров, как смерть.

– Выходит, нас разбили, – слабо произнес раненый. Он попытался выплюнуть кровь, но ему не хватило сил. – Я боялся, что тебя не увижу... думал, со мной покончено.

Юлий печально покачал головой.

– И как мне с тобой поступить? – пробормотал он. – С чего ты взял, что я тебя не ценю? Я не оставил тебя в Риме, потому что ты мне нужен рядом. Я едва поверил, когда Сервилия мне рассказала. Я твердил: «Брут меня не предаст, кто угодно, но не он». Мне было очень больно. И теперь больно.

Глаза Брута наполнились слезами боли и унижения.

– Иногда мне просто хотелось что-то делать и не думать, что великий Цезарь сделал бы это лучше. Даже когда мы были мальчишками. – Брут сжал челюсти, переживая приступ боли. – Все, чего я добился, я добился сам. Мне многое приходилось преодолевать... Какой-нибудь слабак на моем месте давно бы загнулся. Я буквально истязал себя, а тебе все удавалось само собой. У тебя все

получалось легко... Только рядом с тобой я чувствую, что ничего не добился в жизни.

Юлий смотрел на распростертое тело человека, которого помнил столько, сколько себя.

– Почему ты не мог радоваться вместе со мной? – Голос Юлия прервался. – Почему предал меня?

– Я устал быть вторым, – ответил Брут, показывая окровавленные зубы. Он пошевелился и задохнулся от приступа боли. – Не думал я, что Помпей такой глупец. – Брут видел холодный взгляд Юлия и понимал, что сейчас, пока он лежит беспомощный, решается его судьба. – Ты сможешь меня простить? – прошептал он, поднимая голову. – Это моя последняя просьба.

Юлий не отвечал так долго, что Брут откинулся назад и закрыл глаза.

– Если ты останешься жить, – произнес наконец Юлий, – о прошлом забудем. Ты понял, Брут? Ты мне нужен.

Неизвестно, слышал ли Брут. Опухшее лицо сделалось еще бледнее, и лишь биение жилки на шее показывало, что он жив. С бесконечной осторожностью Юлий вытер лицо друга от крови и, прежде чем встать, приложил тряпицу к его сломанной руке.

Поднявшись, Юлий увидел рядом Октавиана, которого увиденное потрясло.

– Октавиан, пусть за этим воином присмотрят. Он серьезно ранен.

Октавиан медленно закрыл рот.

– Господин, я прошу...

– Пойдем, парень. Мы слишком долго были вместе, чтобы я мог поступить иначе.

После некоторого колебания Октавиан склонил голову:

– Слушаюсь, господин.

Глава 21

Лагерь Помпея стоял на макушке холма, возвышающегося над равниной. Через зеленые лишайники местами просвечивал голый серый камень – ни дать ни взять череп. Единственный звук в этих местах – шум ветра. Ветер и завывал, и стонал, и свистел – на такой высоте ему было раздолье.

Юлий поднимался к воротам лагеря. Внутри рабы зажгли большие факелы. Над равниной плыли полосы черного дыма.

Командующий остановился и окинул взглядом поле боя. Солдаты под руководством офицеров наводили порядок. Там, где произошло столкновение двух армий, по земле длинным извилистым шрамом тянулась линия трупов. Они лежали там, где погибли. Отсюда, с высоты, это казалось частью пейзажа – пересекающее равнину небольшое возвышение.

Юлий закутался в плащ и получше застегнул пряжку.

Помпей выбрал для своей цитадели хорошее место. Верхушка холма пологая, а проход наверх узкий и заросший, словно даже дикие козы старались избегать такой крутизны. Конь с большой осторожностью переступал ногами, и всадник его не торопил. Юлий еще не осознал последних событий: бег мыслей, обычно неудержимый, замедлился под тяжким грузом воспоминаний. Всю жизнь он сражался с врагами. Всегда противопоставлял себя кому-то – он не Сулла, он не Катон, не Помпей. А теперь Юлий живет в мире, где их нет, и оказалось – свобода от врагов несет в себе страх.

Юлию очень хотелось, чтобы был жив Кабера, чтобы он мог привести старика сюда, на вершину холма. Лекарь понял бы, почему в этот момент Юлий не может радоваться. Здесь так легко – быть может, действовал разреженный воздух высоты? – представлялись призраки тех, кого уже нет. Что есть смерть? И Рений, и Тубрук так же лежат в могилах, как Катон или Сулла. Не важно, кто ты; рано или поздно твоя плоть обратится в прах.

Позже Юлий принесет богам благодарственные жертвы, но сейчас он поднимался по холму в странном оцепенении. Совсем недавно он сразился с огромной армией, и победа была такой недавней, что казалась ненастоящей.

Юлий приблизился к вершине, и над ним навис огромный форт, выстроенный Помпеем. Каждое бревно, каждый камень доставили на вершину холма снизу – очередное свидетельство силы и изобретательности римлян. Юлий собирался сжечь лагерь, но теперь, стоя на плоской площадке, решил: пусть стоит в память о тех, кто погиб. Нужно же оставить что-нибудь и для них в этом пустынном месте, где смешанную с кровью землю ветер скоро осушит и развеет без следа. Через несколько дней, когда легионы уйдут, лагерь станет

прибежищем диких зверей – до тех пор, пока время не превратит его в руины.

Юлий подъехал к раскрытым воротам. За командующим поднималась тысяча легионеров Десятого, и он слышал их дыхание у себя за спиной. Пройдя через ворота, Юлий остановился. В последнем лагере Помпея царил порядок. Везде виднелись костровые ямы и палатки. Лагерь пустовал, и Юлий думал о том, сколько солдат из тех, что ушли отсюда утром, лежат на холодной земле равнины. Наверное, они заранее не сомневались в своем поражении, но чувство долга заставляло их держаться, пока не сбежал Помпей.

Сенаторы собрались на главной улице лагеря и стояли, молча склонив головы. Юлий на них даже не посмотрел. Его глаза устремились на шатер, в котором сегодня утром проснулся Помпей. Перед шатром Юлий спешил и начал отвязывать полог. Легионеры подошли на помощь – двое подняли тяжелую кожаную занавеску, пропустив Юлия в сумрак шатра, и тщательно подвязали ее.

Внутри Юлию стало вдруг неуютно, будто он незваный гость, явившийся в отсутствие хозяев. Солдаты зажгли лампы и жаровни, и внутренность шатра оживило золотое мерцание. Однако холод тут был жуткий, и Юлий дрожал.

– Подождите снаружи, – бросил командующий, и через секунду в шатре никого не осталось.

Он откинул полог и увидел, что постель Помпея тщательно взбита к его возвращению. Во всей обстановке чувствовалась заботливая рука, – видно, после выхода войска тут постарались рабы. Юлий взял со стола глиняный сосуд, на краях которого застыла какая-то белая смесь, и понюхал. Открыл сундук, быстро проверил содержимое. Почему-то Юлий нервничал, словно в любой момент в дверях мог появиться хозяин и спросить, чем он тут занят.

Просмотрев вещи Помпея, Юлий покачал головой. Вопреки здравому смыслу, он надеялся, что диктатор оставил здесь кольцо с печатью, но кольца не было. Не было и причин задерживаться.

Шагая по утопанному земляному полу, Юлий приблизился к столу, на котором лежали свитки. Повинуясь импульсу, потянулся к перетягивающей их красной шелковой ленточке. Все это нужно прочитать. Дневник и письма помогут ему понять человека, с которым они сражались чуть ли не по всей Греции. Цезарь сможет разобраться

в тайных мыслях Помпея, в его ошибках – и своих собственных. Где-то среди свитков есть записи про Брута, какие-то подробности, столь важные для Юлия.

Треск углей в жаровне прервал блуждание мыслей. Прежде чем осознать, что делает, консул поднял всю связку пергаментов и бросил в огонь. Почти сразу пожалел и протянул к свиткам руку, но тут же пересилил себя. Юлий стоял и глядел, как пламя охватило красную ленту, и она сначала потемнела, а потом начала скручиваться.

Дым был не очень густой, однако у Юлия защипало в глазах, и он вышел из шатра на серенький свет. Его легионеры успели построиться, и командующий почувствовал гордость – вот это выправка! Они ждут, когда консул поведет их назад, в Диррахий, чтобы там, а не на поле битвы договариваться с сенатом. Придется довести все до конца. Нужно сделать тысячи дел. Заплатить легионерам. Юлий даже вздрогнул, сообразив, что ответственность за греческие легионы с сегодняшнего дня также лежит на нем. Им тоже полагается вовремя выдавать плату, да еще потребуются продовольствие, снаряжение, казармы... А теперь нужно сложить погребальные костры для погибших.

Юлий подошел к краю площадки и стоял, глядя вдаль. Враг разбит, гнаться за ним нет смысла. Да, диктатор увез печать, но можно разослать из Рима письма, аннулирующие его полномочия. Помпею придется убраться с римской земли вместе с остатками своей конницы. Юлий сделал долгий выдох. Уже который год воюют легионы. Солдатам пора на отдых – он обещал им землю, золото и серебро, чтобы построить хорошие дома в колониях. Часть заработанного в Галлии солдаты получили, но Юлий остался им должен. Ведь они отдали ему все.

По крутой тропинке верхом поднимался Октавиан. Еле живой от усталости, он бодрился под испытующим взглядом Юлия. По лицу, размазывая пыль, струился свежий пот.

– Приказы будут, господин? – спросил Октавиан, салютуя.

Юлий смотрел на горизонт. Вид отсюда открывался на много миль, и никогда Греция не казалась ему такой безбрежной и пустынной, как сейчас, с вершины этого холма.

– Сегодня я останусь, пока не сожгут погибших. – Юлий в полном изнеможении вздохнул. – Завтра отправлюсь за Помпеем. Мне

понадобятся экстраординарии, Десятый и Четвертый. А остальные – я перед ними выступлю, и пусть отправляются домой.

Прежде чем ответить, Октавиан проследил за взглядом своего командира:

– Они не захотят вернуться, господин.

Юлий повернулся к нему:

– Я напишу письмо Марку Антонию. Им заплатят, а те, кто захочет, получат обещанную землю. Я выполню все свои обещания.

– Нет, дело не в этом. Люди не захотят вернуться, раз ты продолжаешь воевать. Я слышал их разговоры. Цирон уже просил, чтобы я замолвил за него слово. Они хотят вместе с тобой довести дело до конца.

Юлий вспомнил про обещание, данное дочери. А вдруг, если он убьет Помпея, Юлия его возненавидит? Он представил, как снимает перстень с печатью сената с мертвой руки Помпея. Настанет ли тогда мир? Кто знает. Но пока Юлий не доберется до диктатора, противостоянию не будет конца. Здесь, в Греции, Сулла когда-то пощадил Митридата, и платить за это пришлось кровью римлян.

Юлий потер щеку. Ему хотелось вымыться, переодеться и поесть. Плоть слаба.

– Я поговорю с ними. Их преданность... – Юлий замолчал, не в силах подобрать слова. – Нужно думать о спокойствии Рима, а мы оставили его беззащитным. Я возьму только Десятый, Четвертый и экстраординариев. Передай Цирону – пусть назначит вместо себя старшего трибуна, а сам идет со мной. Думаю, нужно, чтобы те, кто переходил со мною Рубикон, шли вместе до конца.

Юлий улыбнулся, а Октавиан застыл:

– И Брут – тоже, господин? Что прикажешь делать с Брутом?

Улыбка Юлия погасла.

– Возьмем с собой. Положим в повозку. По дороге поправится.

– Господин... – начал Октавиан, но под взглядом Юлия умолк.

– Брут был со мной с самого начала, – произнес Юлий так тихо, что ветер почти заглушил его. – Пусть едет.

Луна заливала равнину слабым призрачным светом; он почти не проникал в палатки, где лежали раненные.

Брут закрыл глаза, мечтая опять провалиться в сон. Руку ему вправили, стянули бинтами ребра, которые сломались, когда на него упал убитый. Если он пытался пошевелиться, боль становилась сильнее. Когда Брут захотел оправиться и попытался сесть, ему пришлось изо всех сил стиснуть зубы, чтобы не кричать. Горшок под кроватью был полон и смердел. Из-за полученных ударов кружилась голова, и Брут весьма смутно помнил, как разговаривал с Юлием после сражения, лежа в грязи, смешанной с кровью. Душа его страдала гораздо сильнее тела.

Рядом кто-то завопил во сне, и Брут вздрогнул. Отчаянно хотелось выйти из душной зловонной палатки на ночной воздух. Он постоянно потел и в минуты просветления понимал, что у него лихорадка. Больной хрипло просил пить, но никто не подходил. Наконец он погрузился в спасительную темноту забытья; прикосновение чьей-то шершавой руки вытащило его из глубокого омута, и Брут застонал.

Вокруг стояли люди, и его сердце сжалось от страха. Брут узнал их. Он воевал вместе с ними в Испании и Галлии и считал своими братьями. Теперь на их лицах была ненависть.

Кто-то нагнулся к Бруту и вложил ему в левую руку маленький холодный нож:

– Если у тебя осталась хоть какая-то честь, ты перережешь себе глотку. – Слова прозвучали как плевков.

Брут ненадолго потерял сознание, а когда очнулся, они по-прежнему стояли рядом и нож по-прежнему лежал между рукой и забинтованными ребрами. Неужели прошло лишь несколько секунд? Ему казалось, миновали часы, хотя гости стояли в тех же позах.

– Не захочет сам – поможем, – хрипло проворчал один из воинов.

Другой кивнул и потянулся за ножом. Брут выругался и попытался отодвинуться от шарящих пальцев – ему не хватило сил. Им овладел страх: он не хотел умереть вот так, в вонючей палатке, и попытался кричать, но во рту пересохло. Брут понял, что нож забрали, и ждал смерти.

– Сначала вложи ему в руку, – услышал он и ощутил, как кто-то раздвигает его ослабшие пальцы.

Среди этого ужаса раздался чей-то новый голос:

– Чем вы тут заняты?

Голос был незнакомый, но посетители сразу отпрянули от постели, а вошедший продолжал сердито кричать, пока они выскакивали мимо него наружу. Брут лежал на спине и прерывисто дышал, не чувствуя ножа в руке. Послышались чьи-то шаги, и он увидел лицо склонившегося над ним центуриона.

– Мне нужен охранник, – прошептал Брут.

– У меня нет лишних людей, – холодно заявил центурион.

Ночь на равнине запылала множеством погребальных костров. Тьма в палатке немного рассеялась, и взгляд центуриона упал на горшок с похлебкой, стоящий на деревянном табурете. Он взял его в руки и сморщился – там плавали какие-то вонючие склизкие ошметки.

– Я скажу, чтобы тебе принесли поесть и чистый ночной горшок, – с отвращением произнес воин. – Это я, так и быть, сделаю.

– Спасибо, – сказал Брут, от боли опуская веки.

– Я твоей благодарности не желаю, – сердито отрезал центурион.

Брут, не открывая глаз, поднял нож:

– Они позабыли здесь вот это.

Центурион хмыкнул:

– Оставь себе. Я слышал, что они говорили. Может, они и правы. Только не их руками и не в мою стражу. Вдруг ты подумаешь, да и сам решишься. Так-то приличнее.

Огромным усилием Брут отшвырнул нож и услышал, как тот упал на земляной пол где-то недалеко. Центурион больше ничего не говорил и вскоре ушел.

Костры трещали несколько часов, солдаты возносили молитвы богам, а потом Брут опять провалился в сон.

На рассвете крики раненых в палатке стали громче. Врачи зашивали, промывали, бинтовали – старались как могли. Потом большинству раненых все равно станет хуже.

Легкий сон Брута прервался от неожиданно наступившей тишины. Он поднял голову и увидел, что в палатке стоит Юлий. Перед консулом стонать не пристало – тех, кто кричал во сне, быстро растолкали.

С огромными усилиями Брут приподнялся. На него без стеснения таращились другие раненые. Чувствуя их неприязнь, Брут решил, что

никому не покажет своих страданий. Изю всех сил он сжал челюсти: сломанная рука страшно болела.

Юлий тем временем подходил к каждому раненому, говорил им какие-то слова. Солдаты оставались сидеть гордые и довольные, словно консулу удалось облегчить их муки.

Показалось ли Бруту, или на самом деле, когда Юлий приблизился к нему, все вокруг насторожились. Консул Рима подвинул к ложу Брута табурет и тяжело сел.

Глаза Юлия покраснели от дыма, но доспехи на нем сверкали, и рядом с ранеными командующий выглядел свежим и отдохнувшим.

– За тобой тут ухаживают? – спросил Юлий, глядя на бинты, которыми было обмотано израненное тело его друга.

– Цветы и фрукты – каждое утро, – ответил Брут.

Он открыл рот, собираясь что-то добавить, но не смог.

В темных глазах, пристально смотревших на Брута, светилось искреннее участие. Поверить в такое трудно, но, видимо, Юлий и вправду простил. У Брута заколотилось сердце, в глазах потемнело. Лихорадка еще не прошла, очень хотелось опять провалиться во тьму. Брут не нашел в себе сил ответить на взгляд Юлия и смотрел куда-то в сторону.

– Почему не убил меня? – прошептал он.

– Ты мой старый друг, – сказал Цезарь, придвигаясь ближе. – Сколько раз ты спасал мою жизнь. Разве я могу отнять твою? Нет.

Брут потряс головой, не в силах постичь друга. Ночью он думал, что умрет от стыда, и жалел, что выкинул нож.

– А все думают – меня нужно убить, – сообщил он, вспоминая о ночных гостях и испорченной еде.

– Они просто не понимают, – отозвался Юлий, и Брут возненавидел его за милосердие.

Каждый римлянин отныне будет знать, как Цезарь пощадил своего друга-предателя. Брут представил, как поэты начнут кропать душещипательные вирши, и ему захотелось плюнуть. Однако, глядя на Цезаря, Брут ничем не выдал своих мыслей. После случившегося придется считать, что под Фарсалом он заново родился. Может быть, удастся сбросить старую кожу и начать жизнь с чистого листа. Стать опять Цезарю другом, но не стремиться быть ему равным. Нет, это невозможно после того, как Юлий простил его, проявив поистине

тошнотворное великодушие. Юлий даровал Бруту жизнь, и теперь он не знал, как с этим жить.

Против воли Брут стиснул зубы и простонал, раздираемый противоречивыми чувствами. Словно на расстоянии, он ощущал на лбу руку Цезаря.

– Ты поосторожнее, – попросил Юлий, – ты еще совсем слабый.

Глаза Брута наполнились слезами – он пытался бороться с охватившим его отчаянием. Хотелось вернуть последние два года – или же со всем смириться. Он понимал, что больше не выдержит. Просто не выдержит.

Брут закрыл глаза, чтобы не видеть сидящего рядом с ним человека. Когда через некоторое время он открыл их, Юлий уже ушел. Под осуждающими взглядами раненых солдат Брут не мог позволить себе заплакать от испытываемой им ненависти и любви.

Глава 22

За много дней похода легионеры Десятого и Четвертого сильно устали и изголодались. Припасы кончались, а до нового урожая было далеко – из земли торчали только небольшие зеленые ростки. Запасы воды протухли, солдаты постоянно недоедали. Даже у коней из-под толстого слоя пыли на боках выдавались ребра, но шли они пока твердо.

Каждый раз, когда Юлий думал, что цель близка, в очередном поселении сообщали новые известия о Помпее и его коннице, и приходилось идти все дальше и дальше – на восток. Они почти догнали Помпея, но тут беглец совершил резкий рывок и добрался до побережья.

Стоя на причале, Юлий тер усталые глаза и смотрел на бесконечные серые волны, на которых качались шесть галер. Их стремительные тонкие силуэты напоминали хищных птиц. Они несли дозор в морях между Грецией и Малой Азией и дожидались Юлия.

Помпей добрался до побережья вчерашней ночью. Юлий надеялся перехватить его и вынудить сразиться, но диктатора, оказывается, ждали корабли. Так же быстро, как он пронесся по равнинам Греции, Помпей оставил ее берега.

– Забраться в такую даль... – вслух подумал Юлий.

Вокруг, озираясь, стояли солдаты. Если бы путь был свободен – Юлий бы не колебался. У восточного побережья Греции полно торговых судов, и за кораблями дело не станет. Прищурившись, Юлий наблюдал за галерами Помпея, которые, вспенивая воду, рассекали волны. Вряд ли там достаточно людей, ведь лучших солдат Помпей наверняка взял с собой; однако это ничего не меняет. В открытом море галеры легко смогут потопить торговые суда. Плыть ночью нет смысла – все равно неприятель уже их видел. Преимущество неожиданности утеряно, враг будет готов к бою и беспощаден.

С чувством безысходности Юлий гадал, сколько еще вражеских галер прячется среди прибрежных скал. Эту преграду из дерева и железа ему не сокрушить.

Солдаты терпеливо ждали. Хотя Помпей забрал из порта почти все, тут оставалось достаточно воды, чтобы попить, ополоснуться и наполнить бочки и мехи. Солдаты, сидя небольшими кучками, играли в кости и делили те жалкие куски еды, которые смогли раздобыть в порту. Как переправиться через море – не их забота. Они свое дело сделали.

Юлий прислонился к толстому деревянному столбу и задумчиво постукивал по нему кулаком. Повернуться и уйти, оставить Помпея он не мог. Слишком долго Юлий за ним гнался, слишком далеко зашел. Взгляд его упал на рыбацкую лодку – хозяева сматывали канаты и поднимали парус.

– Остановить их! – крикнул Юлий, и трое солдат Десятого мигом подбежали и ухватились за борта лодочки – рыбаки и опомниться не успели.

Парус громко хлопал на ветру; Юлий торопливо шел по каменному причалу.

– Отвезите меня к тем кораблям, – потребовал он на ломаном греческом.

Рыбаки непонимающе таращились на Юлия, и он велел позвать Адана.

– Скажи им, что я заплачу, пусть перевезут меня на галеры, – велел Юлий, когда подошел секретарь.

Адан вынул две серебряные монеты и бросил в лодку. Выразительными жестами, показывая то на Юлия, то на корабли, он втолковывал рыбакам, чего от них хотят, пока их хмурые лица не

разгладились. Юлий недоверчиво смотрел на своего секретаря и переводчика:

– Ты же говорил, что учишь греческий?

– Это очень трудный язык, – смущенно ответил Адан.

Подошел Октавиан и заглянул в крохотную лодчонку.

– Ты ведь не думаешь отправиться в одиночку? – сказал он. – Тебя убьют.

– Разве есть выбор? Если мы выйдем в море, галеры нас потопят. А меня, быть может, послушают.

Октавиан отдал свой меч солдату и стал снимать доспехи.

– Что ты делаешь?

– Поеду с тобой. Не хочу отправиться на дно, если лодка перевернется.

Октавиан многозначительно покосился на панцирь своего начальника, но Юлий не обратил на это внимания.

– Ну так поехали, – согласился он, указывая на утлое суденышко. – Человеком больше, человеком меньше.

Он дождался, пока Октавиан, морщась от запаха рыбы, уселся на мокрых скользких сетях. Затем сам полез в лодку и чуть не перевернул ее.

– Поднимите парус, – велел он рыбакам. Вдохнул, видя их недоумение, указал рукой на парус, а потом вверх.

Через несколько минут лодка скользила от причала в море. Юлий оглянулся на берег – солдаты с тревогой смотрели им вслед; он заулыбался от удовольствия – так приятно плыть по волнам.

– Октавиан, у тебя бывает морская болезнь? – любопытствовал Юлий.

– Никогда. Желудок у меня из железа, – беззаботно солгал Октавиан.

Лодка шла вперед, и скоро оба римлянина неожиданно ощутили душевный подъем. Суденышко вышло из спокойной бухты и заплясало на волнах; Юлий дышал полной грудью и наслаждался волнением моря.

– Они нас заметили, – сообщил он. – Направляются сюда.

Навстречу маленькой лодке, бросившей вызов бурному морю, двигались две галеры. Вскоре суда приблизились, и Юлий услышал крики дозорных. До рыбаков никому, конечно, нет дела, а на двух

воинов сразу обратили внимание. На самой высокой мачте подняли сигнальные флаги, и другие галеры тоже стали разворачиваться.

Приподнятое настроение покинуло Цезаря так же быстро, как и пришло. Замерев, он смотрел, как скользят к нему галеры, как его рыбаки убирают парус. Кроме свиста ветра, никакого шума, только мощные римские глотки выкрикивают приказы. Юлий почувствовал тоску по тому времени, когда и сам плавал на быстрых военных судах – у другого побережья.

Галеры были уже рядом, с бортов свешивались любопытные солдаты, и Юлий пожалел, что в этой лодчонке нельзя встать. Ему стало немного страшно, однако решение принято, и он доведет все до конца. Теперь от них в любом случае не уйти. Галера догонит такую лодку одним ударом весла. Юлий заставил себя успокоиться.

Судя по зеленым скользким днищам, пока Юлий воевал с Помпеем, галеры находились в плавании.

Весла подняли кверху; Юлию в лицо полетели холодные брызги, и он поежился. Среди солдат появился воин в форме центуриона.

– Кто вы такие? – осведомился он.

– Консул Гай Юлий Цезарь, – ответил Юлий. – Спустите мне канат.

Юлий старался смотреть собеседнику прямо в глаза – но из-за качки не получалось. Центуриону не позавидуешь. Наверняка Помпей отдал строгий приказ сжигать и топить вражеские суда.

Юлий без улыбки ждал, пока длинный канат, болтаясь, спустился по борту галеры и конец его ушел под воду. С трудом, рискуя перевернуть лодку и не обращая внимания на предостерегающие крики рыбаков, Юлий дотянулся до каната.

Он поднимался очень осторожно. Мешали взгляды солдат – лодку уже окружило несколько галер. Мешала мысль, что стоит сорваться, и тяжелые доспехи сразу потянут ко дну. Когда, забравшись наверх, Юлий взялся за услужливо протянутую капитаном руку, он успел запыхаться. Канат тут же заскрипел под весом Октавиана.

– Как твое имя, капитан? – спросил Юлий, ступив на палубу.

Капитан молча стоял, похлопывая рукой по руке.

– Тогда повторю, кто я. Я – Юлий Цезарь. Я – консул Рима и представляю власть, которой ты присягал служить. Все приказы

Помпея объявляю недействительными. С этого момента ты подчиняешься мне.

Капитан хотел что-то вставить, но Юлий не собирался упускать инициативу. Он говорил таким тоном, словно не допускал и мысли о возможности неповиновения.

– Передай приказ капитанам других галер явиться сюда за моими распоряжениями. У меня в порту шесть тысяч воинов. Вы доставите меня в Малую Азию.

Юлий неспешно подошел к борту и помог перелезть Октавиану. Затем вновь повернулся к капитану, выказывая первые признаки гнева:

– Ты понял приказ, капитан? Как консул, я представляю здесь сенат. Мои распоряжения имеют преимущество перед любыми другими, полученными тобой ранее. Подтверди получение приказа, или же я тебя смецую.

Капитан колебался. Положение у него – не позавидуешь. Речь шла о выборе между двумя правителями. Лицо капитана медленно наливалось кровью.

– Я жду! – рявкнул Юлий, делая шаг вперед.

Капитан в ужасе заморгал:

– Да, господин. Твой приказ принят. Я подчиняюсь тебе и сейчас же дам сигнал другим галерам.

От волнения капитан вспотел. Юлий кивнул, и матросы побежали поднимать сигнальные флаги, чтобы собрать всех капитанов.

Юлий знал, что Октавиан смотрит на него во все глаза, но улыбнуться не рискнул.

– Возвращайся в порт, и начинайте готовиться, – приказал он. – Мы отплываем.

Брут стоял на каменном причале, глядя на галеры и почесывая под повязкой подсохшую рану. Рука и ребра уже заживали, хотя передвижение в тряской повозке едва не свело его с ума. Перелом был чистый, но Брут повидал немало ранений и понимал, что мало срастись костям, нужно, чтобы восстановились мышцы. Он по-прежнему носил меч – тот самый, которым дрался под Фарсалом. Правда, вынимать его мог только левой рукой и чувствовал себя беспомощным, как малое дитя. Брут ненавидел свою слабость. Легионеры Десятого и Четвертого одолели полководца постоянными

насмешками и оскорблениями – знали, что гордость не позволит ему пожаловаться Юлию. Будь он здоров, они бы не посмели так с ним обращаться. Брута бесило их поведение, но приходилось скрывать свою к ним ненависть и ждать.

Рядом с Брутом стояли Домиций, Октавиан, Регул и Цирон. С нескрываемым волнением они вглядывались в темнеющее море. Октавиан вернулся и сообщил новости, а потом все вместе наблюдали, как капитаны галер переправляются на корабль, где находится враг их командующего. Никто с тех пор не сказал ни слова, целый час офицеры не находили себе места.

– А вдруг они его схватили? – неожиданно спросил Домиций. – Мы ведь не узнаем.

– Если и так, что мы можем сделать? – ответил Октавиан. – Отправимся сражаться на этих неповоротливых торговых посудилах? Сам знаешь, нас потопят раньше, чем доплывем. – Он не отводил глаз от качающихся на волнах хищных силуэтов галер. – Юлий захотел рискнуть.

Цирон посмотрел на заходящее солнце и нахмурился:

– Если командующий до темноты не вернется, нужно плыть за ним. Пойдем на одном корабле – туда уместится достаточно людей, чтобы взять на бордаж галеру. А захватив одну, захватим и остальные.

Брут с удивлением воззрелся на Цирона. Годы все же немного изменили старого товарища. Цирон привык командовать, стал увереннее в себе. Брут сказал, почти не задумываясь:

– Если они схватили Юлия, то теперь ждут, что мы явимся на выручку. Бросят якорь как можно дальше от берега и встанут вплотную друг к другу. Или вообще отправятся в Малую Азию, чтобы доставить пленника Помпею.

Лицо Октавиана сделалось каменным. Он грубо возразил:

– Заткнись. Ты здесь не командуешь. Мой командир не пожелал тебя казнить, и только потому ты здесь. Тебе нечего нам сказать.

Брут уставился на него, но под пристальными взглядами остальных опустил глаза. Хотя он старался не обращать внимания, ненависть бывших друзей больно ранила – Брут и сам не понимал отчего.

И почему-то в отсутствие Юлия все смотрят в рот Октавиану. Видно, что-то такое есть у обоих... семейное.

Брут злобно выдохнул и сжал руку под повязкой в кулак; он с трудом восстановил самообладание.

– Не думаю... – начал он.

Октавиан не выдержал:

– Будь моя воля, я бы распял тебя прямо здесь. Как полагаешь – многие станут возражать?

Бруту не пришлось долго думать – он знал ответ.

– Нет, все бы обрадовались. Но ты-то им не позволишь, правда? Ты выполняешь все приказы Юлия, даже те, которые тебе поперек горла.

– Собираешься оправдать свое предательство? – спросил Октавиан. – Для этого и слов-то не найдешь. Не знаю, зачем командующий взял тебя с собой, но послушай меня. Юлию хочется думать, что ты по-прежнему один из нас, только я-то – не Юлий. Если попробуешь мне приказывать – глотку тебе перережу.

Брут, сощурившись, подался вперед:

– Ты, я вижу, осмелел. Однако я скоро поправлюсь, и тогда...

– Да я не стану ждать!

Октавиан окончательно вышел из себя. Он рванулся к Бруту, но Регул и Цирон одновременно ухватились за руку, которой он поднял меч. Брут отшатнулся.

– И как ты объяснишь Юлию мое убийство? – поинтересовался он. Глазами, полными ненависти, Брут смотрел на Октавиана, пытающегося до него дотянуться. – Цезарь ведь тоже способен на жестокость. Поэтому, наверное, и не убил меня.

Цирону удалось вырвать у Октавиана меч, и тот наконец сдался.

– Надеешься поправиться, Брут? – спросил он. – Не сказать ли мне моим людям, чтобы отвели тебя в укромное место и хорошенько с тобой поработали? Солдаты так тебя отделают, что ты никогда не сможешь держать меч.

На лице Брута отразился страх, и Октавиан улыбнулся:

– Не нравится? Не сможешь ни верхом ездить, ни имя свое написать. Может, хоть тогда у тебя поубавится спеси.

– Ты *благородный* человек, Октавиан, – произнес Брут. – Мне бы твои принципы.

Кое-как сдерживаясь, Октавиан сказал:

– Еще одно слово, и я так и сделаю. Никто меня не остановит, никто за тебя не заступится. Все знают, что ты это заслужил. Ну давай же, полководец. Скажи хоть одно слово.

Брут долгое время молча его рассматривал, затем с отвращением покачал головой, повернулся и побрел прочь. Октавиан кивнул, дрожа от гнева. Он даже не чувствовал руки Домиция на своем плече.

– Нужно владеть собой, – мягко упрекнул Домиций, глядя вслед человеку, перед которым когда-то благоговел.

– Не могу, – прохрипел Октавиан. – Сделал такое и ведет себя как ни в чем не бывало. Не понимаю, чего ради Юлий взял его сюда.

– Я тоже не понимаю, – ответил Домиций. – Пусть сами разбираются.

Регул присвистнул, и все разом повернулись к морю. В последних лучах заходящего солнца были видны плывущие галеры. Каждый взмах огромных весел приближал их к берегу.

Октавиан посмотрел на остальных:

– Пока мы не убедимся, что все в порядке, пусть люди будут наготове. Копья держать под рукой. Домиций, экстраординариев поставь в резерв. Здесь они в любом случае не понадобятся.

И полководцы Цезаря немедля отправились отдавать приказы, не задумываясь, по какому праву ими командует Октавиан. А он остался один и наблюдал, как приближаются галеры.

В маленьком порту их не могло поместиться сразу шесть, поэтому сначала вошли только два корабля. С каждой стороны работал лишь один ряд весел – галеры причаливали. В темных сумерках едва можно было разглядеть брошенные наземь трапы. Побежали матросы с канатами, и скоро показался Юлий. Октавиан облегченно вздохнул.

Юлий поднял руку в салюте:

– Солдаты готовы грузиться на корабли?

– Готовы, господин, – с улыбкой ответил Октавиан.

Он даже растрогался: Юлий не переставал его удивлять.

– Тогда начинайте. Времени мало. Помпея перевезли всего два дня назад – мы чуть-чуть опоздали. – Юлий ощутил знакомый азарт преследования. – Сообщите людям, что на галерах хорошие запасы провианта, это их подбодрит.

Октавиан отсалютовал и пошел к подчиненным. Юлий заметил и боевое построение, и поднятые кверху копья, но не стал ничего

говорить в присутствии матросов. Отдавая центурионам команду грузиться, Октавиан не мог удержаться от улыбки. Пусть им опять предстоит нелегкий поход – они вновь обрели уверенность, что Помпей не уйдет.

Неторопливый рассвет обрисовал побережье Малой Азии – серозеленые горы, окунающиеся в море. В небе кричали гуси, над волнами кружили пеликаны, высматривая серебристые рыбы косяки. В воздухе висел запах весны, и утро обещало, что день будет прекрасным.

Для всех это была новая, неизвестная страна. Она лежала гораздо дальше от Рима, чем Британия, только не к западу, а к востоку. Из Малой Азии в Рим привозили древесину кедра, из которой строили галеры. Римские торговые суда набивали трюмы инжиром, абрикосами, орехами. Это золотая земля, древняя, и где-то на ее севере лежат руины Трои. Юлий припомнил, как надоедал своим наставникам, требуя, чтобы они еще и еще рассказывали о Малой Азии. Здесь побывал когда-то Александр и принес жертву у гробницы Ахилла. Юлию не терпелось ощутить под ногами землю царей древности. Гребцы направили судно в маленький порт, а консул стоял на носу корабля и вдыхал водяную пыль.

– Когда покончу с делами, – сказал Юлий Домицию, – я вернусь в Рим, повидав самые дальние края нашей державы – восточный и западный. Как не гордиться тем, что так далеко от дома я слышу римскую речь? И здесь – римские воины, римские законы, римские корабли. Разве это не прекрасно?

Домиций улыбнулся воодушевлению Юлия, которое вполне разделял. Преследовать противника в Греции было тяжело, но сейчас войсками овладевало совсем иное настроение. Быть может, после победы при Фарсале люди почувствовали, что годы сражений подходят к концу? Один вид Юлия, командующего галерами Помпея, вселял такую надежду. Война догорела. Остается затоптать последние угли гаснущего костра. Легионеры, прошедшие с Юлием Испанию и Галлию, понимали это лучше прочих солдат. Теснясь у бортов, они непринужденно смеялись и болтали.

Домиций посмотрел на Адана, сидящего на мачте. Испанец громко распевал какую-то песню времен своей юности, и его пение слышали даже на палубе.

Квестор крошечной гавани говорил на отличной латыни, хотя вырос в местных казармах. Увидев Юлия, невысокий смуглый человечек низко склонился и не разогнулся, пока ему не позволили.

– Приветствую тебя, консул, – торжественно произнес он.

– Как давно отсюда ушел Помпей со своими войсками? – нетерпеливо спросил Юлий.

Коротышка совершенно не волновался, и Юлий сообразил, что Помпей никак не распорядился на тот случай, если явятся преследователи. Он, видимо, не ожидал, что Юлий сможет пересечь море, охраняемое его галерами. А значит, Помпей не спешит.

– Диктатор уехал прошлой ночью, консул. У тебя срочное дело? Я могу отправить к нему посыльного, если пожелаешь.

Юлий удивленно заморгал:

– Нет. Он бежит от меня, и я не желаю, чтобы его предупредили.

Квестор сконфузился. За последние два дня чиновник видел больше солдат, чем за всю жизнь. То-то будет о чем рассказывать детям – ему довелось говорить с правителем Рима, да не с одним, а с двумя.

– Тогда... желаю тебе удачи, консул, – проговорил он.

Глава 23

На пятый день утомительного похода легионы Цезаря догнали Помпея. Все время легионеры шли и шли на юг, и, когда лазутчики принесли новость, солдаты разразились ликующими криками. Люди проделали долгий путь и устали, но вот горны запели сигнал, и они быстро построились для атаки, готовые окончательно сокрушить врага.

Воины Помпея тоже слышали сигнал, и Юлий представил их испуг. Это были те самые экстраординарии, которые бежали в последнем сражении. Страшный удар – находясь уже в другой стране, вдруг обнаружить за собой погоню. Однажды их разбили, и Юлий не сомневался, что разобьет снова. Приятно иметь двойной численный перевес, как диктатор при Фарсале. Пусть теперь его люди поймут, каково это – воевать против столь многочисленного врага.

Вдалеке появилась конница диктатора – экстраординарии решили повернуться к опасности лицом. Отчаянный жест, и все же такая храбрость достойна уважения. Видимо, хотят смыть позор тогдашнего бегства. Всадники прищпоривали лошадей и ровной рысью приближались к Десятому. Юлий, скалясь в предвкушении битвы, высматривал красный плащ Помпея.

Выстроившиеся для боя легионеры Десятого и Четвертого приготовили копья. Когда к ним приблизился грохот копыт, они подняли головы и в свирепой радости потрясли оружием.

– Господин, мы можем задержать их, а ты скачи! – крикнул Помпею декурион Каситас.

Но диктатор сидел в седле, словно оглушенный. С того страшного момента, как прозвучал римский военный горн, Помпей не произнес ни слова. А он-то думал, что отныне не услышит этого звука.

Глядя на легионы, разбившие его под Фарсалом, Помпей тер потемневшие губы и размышлял, не броситься ли ему в атаку вместе с остатком своей конницы? Величественный жест! Поэты, которые будут слагать о нем песни, прославят этот поступок.

Жестокий приступ боли притупил зрение диктатора. Он уже не носил доспехи – опухоль просто не умещалась под ними. Она постоянно увеличивалась и давила на легкие, мешая нормально дышать. Иногда Помпей все готов был отдать, лишь бы погрузиться в спасительную тьму. Он мечтал, чтобы его муки прекратились, и сейчас, поглаживая шею коня, диктатор собирался понестись галопом в последний раз.

– Господин! Ты еще можешь уйти! До моря несколько миль! – ревел Каситас, пытаясь привести своего командующего в чувство.

Помпей моргал, медленно приходя в себя. Легионы Цезаря перестали расплываться у него перед глазами. Диктатор повернулся к декуриону; тот взглядом отчаянно упрашивал командующего бежать.

– Делайте, что можете, – молвил наконец Помпей, и Каситас, несмотря на вопли и топот, услышал и обрадованно кивнул.

Он стал выкрикивать приказы окружающим его солдатам:

– Квинт, сюда! Возьми Луция, и следуйте за консулом. Мы задержим легионеров, насколько сможем.

Названные воины выдвинулись из строя в сторону Помпея. Диктатор смотрел на солдат, не захотевших бросить своего командира. Нерешительность, которая с усилением болезни подавляла его разум, казалось, дала ему небольшую передышку.

– Вы служили мне верно! – сказал он. Затем развернул коня и поскакал прочь.

Удаляясь, Помпей слышал приказ начать наступление. Его люди шли в свою последнюю, безнадежную атаку против Цезаря.

Море недалеко, и там есть корабли, которые увезут Помпея с римской земли. Он затеряется в странах, где у Рима нет власти, и Юлий никогда его не отыщет.

Помпей похлопал по кожаной сумке, прикрепленной к седлу, – золото приятно позвякивало. В Египте ему не придется бедствовать. Там есть искусные лекари, и они помогут ему избавиться от мучений.

Когда до неприятеля оставалось меньше тридцати футов, легионеры Четвертого и Десятого метнули пилумы. Тяжелое оружие поразило первый ряд коней, и идущие следом остановились – путь оказался закрыт. Ветераны бросились вперед, всаживая легкие копья в топчущихся на месте коней и сдергивая на землю всадников. В Галлии им приходилось сражаться против конницы, и они не боялись встающих на дыбы лошадей.

Солдаты Помпея не дрогнули, и Юлия удивило столь отчаянное упорство. Их положение было безнадежно, но люди дрались с мрачной решимостью. Консул не мог поверить, что это те самые воины, чье поспешное бегство он наблюдал в битве при Фарсале.

Над полем неслись гортанные крики, железо с хрустом пронзало плоть. Конница Юлия обошла противника с флангов и теперь добивала его со всех сторон. Кони топтали какие-то фиолетовые цветы, кругом летели кровавые брызги; люди отупели от пролития крови.

Когда конников Помпея осталось меньше тысячи, Юлий приказал трубить отбой. Легионеры отступили от груды истерзанных тел, и в наступившем затишьи Юлий обратился к солдатам Помпея.

– Для чего вы непременно хотите биться до последнего? – крикнул он.

Подъехал воин в доспехах декуриона и отсалютовал, мрачно глядя на Юлия.

– Нам не привыкать класть головы, – сказал Каситас. – Главное – восстановить нашу честь.

– В вашей чести не может быть сомнений, декурион. Я дарю вам помилование. Скажи своим людям, что я прошу всех остановиться.

Каситас с улыбкой покачал головой.

– От тебя ли я это слышу! – сказал он, поворачивая коня.

Юлий дождался, пока декурион доедет до своих, и только потом вновь двинул людей в атаку. Понадобилось немало времени, чтобы перебить неприятеля. Когда на окровавленном лугу осталось несколько едва живых всадников, Юлий опять предложил им сдаться и опять получил отказ. Последний солдат Помпея, уже потеряв коня, сбитый с ног, пытался поднять меч.

Легионеры не радовались победе. Они стояли, покрытые кровью, и задыхались от усталости. На поле боя царила тишина, и многие воины шепотом возносили молитвы за тех, с кем сейчас сражались.

Юлий покачал головой, переживая увиденное. Тем временем солдаты начали искать тело Помпея. Однако его так и не нашли и сообщили об этом командующему. Юлий в задумчивости устремил взгляд на юг.

– Он не заслужил такой преданности... Найдите подходящее место для лагеря. Завтра отправимся дальше, после того как предадим погребению солдат. Различий не делать. Все они – римляне.

Юлий отправился в Александрию на трех торговых кораблях, взяв с собой две тысячи солдат – столько осталось людей в его любимом Десятом легионе. Своих экстраординариев и Четвертый легион он оставил на побережье Малой Азии – дожидаться подходящих кораблей. Неизвестно, удастся ли в Александрии найти Помпея. Египет никогда не подчинялся Риму, и Юлий знал о нем только то, что учил в детстве. Александрия – место упокоения царя, которого Юлий почитал как никого другого. Деяния этого царя будут помнить многие века. Даже правящая династия египетских фараонов происходит от одного из полководцев Александра – Птолемея.

Если бы Помпей не бежал через море, Юлий все равно нашел бы время приехать сюда, чтобы увидеть места великой славы, о которых слышал еще мальчишкой. Он вспомнил, как стоял однажды перед разбитой статуей Александра, мечтая прожить жизнь так же достойно.

А вскоре он ступит на землю Египта правителем величайшей державы мира. Ему не нужно преклонять голову перед памятью великих царей.

Эти мысли вызвали у Юлия тоску по родному дому. Консул представил себе весенний Рим и Форум. Перед толпами римлян выступают ораторы, обсуждают философские вопросы и за скромную плату объясняют законы. Юлий успел состариться, служа Риму, однако за свою жизнь он прожил в родном городе лишь несколько месяцев. Свою молодость полководец оставил в дальних странах и потерял гораздо больше, чем дал ему Рим.

А что получил Юлий взамен жизнью тех, кого считал друзьями? Удивительно, до чего беспечно тратил он свои годы! Цезарь имеет право называться первым человеком в Риме, но какая от этого радость? Может, просто Юлий сам изменился, но ему казалось, что он ждал от жизни большего.

Проход в александрийскую гавань представлял собой глубокий и узкий пролив среди рифов, который вызывал трепет даже у бывалых мореходов. Скалы стояли очень близко, и перегородить проход не составило бы труда; Юлий не мог отделаться от чувства, что идет в ловушку.

Наконец корабли заскользили на парусах к причалу. Стало совсем жарко, и Юлий вытирал со лба пот. Солдаты на палубе в изумлении указывали руками на огромную беломраморную колонну у входа в гавань. По высоте с ней не могло сравниться ни одно здание в Риме. Юлий опять ощутил тоску по тем дням, когда для него не было ничего страшнее розог его наставников. Фаросский маяк представлялся легендарным и недостижимым. Юлий в жизни не думал, что увидит это чудо так близко, и теперь, замороженный, как и остальные, не мог оторвать от него взгляд. А где-то в городе находится величайшая в мире библиотека, в которой хранятся все труды по философии и математике, какие только есть на свете. Казалось непристойным везти сюда, в город науки и роскоши, грубую солдатню. Но скоро Юлий доведет до конца свое мщение и сможет спокойно любоваться волшебной землей Египта.

Вокруг двигалось огромное множество торговых кораблей, собравшихся чуть ли не со всего мира. Капитанам судов, везших легионеров, пришлось потрудиться, чтобы избежать столкновения, на

подходе к длинной косе. Здесь была отличная природная гавань, которая и привлекла в свое время Александра.

Юлий оторвался от маяка, повернулся к городу и нахмурился. Далекие фигурки людей на пристани оказались вооруженными солдатами – он увидел луки и копья. Стоящие в передних рядах держали длинные щиты, но доспехов на них не было, из одежды – только набедренные повязки и сандалии. Сразу видно, что это не римляне. Они совсем другие.

Впереди стоял высокий человек в пышных, сверкающих на солнце одеждах. Сила его взгляда ощущалась даже на таком расстоянии, и у Юлия пересохло во рту. Для чего здесь солдаты? Приветствовать гостей или воспрепятствовать высадке? Первые уколы тревоги Юлий испытал, когда заметил у них блестящие, как золото, бронзовые мечи.

– Позволь, я пойду первым, господин, – прошептал сзади Октавиан.

Легионеры, увидев выстроившихся на пристани египтян, замолчали и внимательно слушали.

– Нет, – сказал Юлий, не поворачивая головы.

Он не должен показывать чужакам, что боится. Римский консул может пойти, куда ему угодно.

Солдаты бросили на причал мостки, и Юлий стал спускаться. Октавиан шел следом. Сзади раздался стук железных подков: на берег двинулись легионеры. Юлий неспешно, с достоинством приблизился к поджидавшему его высокому человеку.

– Мое имя – Порфирис, я приближенный фараона Птолемея Тринадцатого, – произнес египтянин со странным пришепетыванием. – Птолемея, сын солнца, владыка Верхнего и Нижнего Египта...

– Я ищу здесь своего соотечественника, римлянина, – перебил Юлий, повышая голос и не обращая внимания на гневное удивление Порфириса. – Он здесь, и я хочу, чтобы его доставили ко мне.

Порфирис наклонил голову, подавив раздражение:

– Нас уже известили о твоих целях, консул. Да будет тебе известно – Египет желает дружбы с Римом. Мой повелитель удручен мыслью о том, что твои войска могут разрушить наши прекрасные города, и он приготовил для тебя подарок.

Юлий прищурился, а вооруженные воины расступились, и вперед размеренной поступью вышел крепкий раб. В вытянутых руках он нес глиняный сосуд. Юлий увидел на сосуде искусно вырезанные фигурки редкостной красоты.

Положив сосуд к ногам Цезаря, раб отступил и опустился на колени. Консул смотрел царскому посланцу в глаза и не двигался. Ему не ответили, и он рассердился. Чего они добиваются?

– Где Помпей? – нетерпеливо спросил Юлий.

– Прощу тебя, открой, – сказал Порфирис.

Резким движением Юлий открыл сосуд. Вскрикнул от ужаса, и крышка, выскользнув из его руки, упала на камни и разбилась вдребезги.

Из сосуда, полного благовонных масел, на него смотрело бледное лицо Помпея. На щеке лежало, блестя, кольцо с печатью. Юлий медленно протянул руку и вынул кольцо, прикоснувшись к холодной коже.

Впервые они с Помпеем встретились в старом здании сената, когда Юлий был почти мальчишкой. Он припомнил свой благоговейный трепет перед такими прославленными людьми, как Марий, Цицерон, Сулла и молодой полководец по имени Гней Помпей. Всего за сорок дней Помпей очистил внутренние воды от пиратов. Он подавил восстание Спартака. Юлий связал свою карьеру и свою семью с Помпеем и вступил в триумvirат, чтобы править Римом. А потом они стали врагами.

Теперь имя диктатора в списке мертвых. А список и так слишком длинный. Гней Помпей был гордым человеком. Он заслужил участь более достойную, чем смерть от руки чужаков, вдали от родины.

И Юлий плакал перед стоящими на пристани людьми.

Часть вторая

Глава 24

Двери зала бесшумно открылись, и от того, что увидел Юлий, у него перехватило дыхание. Он ожидал небольшого приема, но в огромном зале теснились сотни человек; только в середине оставался проход к трону. Собравшиеся обернулись к дверям, и консула поразило зрелище пестрого людского водоворота. Настоящий царский двор – все и вся раскрашено и усыпано драгоценностями.

Сверху свисали лампы на толстых цепях; от легкого сквозняка огни колебались. Юлий перешагнул порог, стараясь не выказывать волнения. Это давалось с трудом. Везде, куда падал взгляд, над головами придворных возвышались черные базальтовые статуи египетских богов. Были тут и греческие божества, и, узнав у одной из статуй черты Александра Великого, Юлий изумленно покачал головой.

Во всем сказывалось греческое влияние – в зодчестве, украшениях, одежде смешались обычаи Греции и Египта, создавая неповторимый александрийский стиль.

Густой запах ладана одурманивал, и Юлию пришлось сделать усилие, чтобы собраться с мыслями. Римлянин надел свои лучшие доспехи и плащ, однако среди пышно разряженных придворных казался себе неряшливым простолюдином.

Сотни устремленных на Юлия взоров действовали на нервы. Консул сердито вздернул подбородок. Он побывал на самом краю света, и его не смутить обилием золота и гранита.

Трон фараона находился у противоположной стены – туда и направился Юлий. Подкованные сандалии гремели на весь зал; замирающие при его приближении придворные напоминали каких-то разноцветных насекомых. Он скосил глаза на Порфириса – тот совершенно бесшумно шагал рядом. Юлию приходилось слышать, что царям Востока прислуживают евнухи, – быть может, Порфирис из них?

Долгий путь, казалось, никогда не кончится. Трон стоял на каменном возвышении. Досадно, но придется смотреть на царя снизу

вверх, словно Юлий явился к нему просителем. Двое стражников скрестили перед консулом золотые, богато изукрашенные жезлы, и он остановился, недовольный. Наверное, сейчас Птолемей разглядывает гостя с любопытством – на фараоне был золотой убор и маска, позволяющая видеть одни глаза. Сверкали затканые золотом одежды. Трудно даже представить, подумал Юлий, каково сидеть в подобном одеянии в душном зале.

Порфирис шагнул вперед.

– Здесь Гай Юлий Цезарь, – произнес он, и его голос подхватило эхо, – консул Рима, Италии, Греции, Кипра и Крита, Сардинии и Сицилии, Галлии, Испании и африканских провинций.

– Приветствую тебя, – ответил Птолемей, и Юлий изумился.

Так странно сочетался высокий мальчишеский голос с богатым нарядом могущественного властелина и с тем, что рассказывали о красоте и разуме царицы. Юлий растерялся. В горле у него першило от дыма благовоний.

– Прими мою благодарность, великий фараон, за дворец, который ты мне предоставил, – ответил консул после короткой паузы.

Рядом с золотой фигурой фараона стоял какой-то человек. Он нагнулся и зашептал на ухо повелителю. У придворного было хитрое лисье лицо настоящего египтянина. Веки накрашены блестящей зеленой краской – это придавало ему некое зловещее женственное очарование. В нем наверняка нет греческой крови, подумал Юлий.

– Я буду говорить от имени фараона, – сообщил египтянин, глядя Юлию в глаза. – Мы почитаем великий Рим и торгуем с ним много поколений. Мы видели, как земля пастухов превращалась в великую державу.

Юлий опять был раздосадован. Он боялся нарушить здешние обычаи – говорить ли ему с накрашенным человеком или обратиться прямо к Птолемею? Глаза фараона смотрели с любопытством, но ничего не подсказывали.

– Если ты обращаешься ко мне, назови прежде свое имя, – велел Юлий придворному.

По залу пробежал изумленный шепот, а фараон, явно заинтересованный, слегка подался вперед:

– Мое имя Панек, консул. Я – голос фараона.

– Тогда молчи, Панек. Я здесь не затем, чтобы говорить с голосом.

За спиной Юлия раздался шорох, потом шумный вдох Порфириса. Юлий не стал оборачиваться и продолжил, обращаясь к Птолемею.

– Мой народ действительно совсем юн – так же, как юн был народ Александра, когда он пришел на вашу землю, – начал Юлий.

К его удивлению, при этом имени все присутствующие низко склонили головы.

Снова вмешался Панек:

– Мы глубоко чтим бога, основавшего наш великий город. Мы гордимся тем, что смертная оболочка нашего любимого бога покоится здесь.

Юлий молча смотрел на Панека. Придворный ответил безмятежным взглядом, лишенным всякого выражения. Он словно уже позабыл слова римлянина.

Юлий потряс головой – дым благовоний действовал на нервы. Римлянин с трудом собрался с мыслями. Александр – бог?

– Незадолго до меня сюда прибыл другой консул Рима, – сказал он. – По какому праву вы лишили его жизни?

Ответом была тишина, и золотая фигура фараона оставалась такой же неподвижной, как и статуи. Взор Панека внезапно стал пронзительным, и Юлий подумал, что наконец-то задел придворного.

– Мелкие склоки римлян не касаются нашего народа. Таково решение фараона, – проговорил Панек, возвышая голос. – В Александрии не место вашим войнам и вашим войскам. Голова твоего врага – подарок от фараона.

Юлий тяжело уставился на фараона, и тот моргнул. Волнуется? Под золотой маской ничего нельзя понять. Гнев Юлия прорвался наружу:

– Ты смеешь называть подарком голову римского консула, Панек? Повелитель, ты ответишь или за тебя будет говорить эта раскрашенная кукла?!

Птолемею шевельнулся, и царедворец предостерегающе положил руку ему на плечо. На лице Панека не осталось и следа благожелательности. Он говорил так, словно слова жгли ему уста:

– Повелитель оказывает тебе гостеприимство, консул, сроком на семь дней. Затем вы должны погрузиться на суда и покинуть Александрию.

Юлий, не обращая внимания на Панека, в упор смотрел на золотую маску. Птолемей молчал и больше не двигался, и через некоторое время Юлий в бешенстве отвернулся. Он видел, что стражники готовы схватить его по первому знаку, но консула это даже не заботило.

– Мне нечего больше сказать. Благодарю тебя за оказанную честь, повелитель.

Юлий резко повернулся и быстро пошел прочь. Порфирис, не успевший прийти в себя, догнал гостя почти у выхода.

Когда двери за ними закрылись, Порфирис преградил Юлию путь.

– Консул, у тебя талант наживать себе врагов, – заявил он.

Юлий не отвечал, и Порфирис обмяк под его взглядом.

– Если фараон сочтет себя оскорбленным, всех твоих людей убьют, – продолжил Порфирис. – А тебя разорвут на части.

Юлий спокойно смотрел в темные глаза вельможи:

– Порфирис, скажи, ты – евнух? Мне просто любопытно.

Порфирис воздел руки:

– О чем ты говоришь?! Ты не понял, что я сказал?

– Понял. Мне приходилось слышать подобные угрозы от многих царей. Одним больше, одним меньше.

Придворный в изумлении замер:

– Но Птолемей не только царь, он – бог. Если Птолемей приговорит тебя к смерти, ничто на свете тебя не спасет.

Юлий, казалось, призадумался:

– Хорошо, я запомню. А пока отведи меня во дворец, в котором поселил нас твой бог. Очень уж тут пахнет благовониями.

Растерянный Порфирис поклонился.

– Хорошо, консул, – произнес он и пошел вперед, показывая дорогу.

Наступила ночь; Юлий, погруженный в раздумья, расхаживал по мраморному полу. Ему отвели целый дворец, огромный и просторный, – в таких консулу Рима жить не доводилось. Зал, где Юлий обедал, был лишь одним из многих роскошных помещений. Порфирис прислал рабов, однако консул, вернувшись с приема, отправил их обратно. Он предпочитал общество своих легионеров и не хотел иметь в доме шпионов, а возможно, и убийц.

Юлий замер у открытого окна, глядя на александрийскую гавань. Прохладный ветер слегка охладил его негодование. Кроме негаснущего пламени Фаросского маяка, в ночи горели тысячи огней – окна городских домов, лавок. В порту было полно кораблей и товаров – жизнь там продолжалась и ночью. При другом настроении Юлий залюбовался бы таким зрелищем, но сейчас он нервно держался за подоконник, не замечая искуснейшей резьбы. Вначале Юлия поразила красота Александрии. Дворец, где поселили консула, не составлял исключения – все облицовано голубой плиткой с золотыми листьями. Через некоторое время эта роскошь приелась. Может, потому, что Юлий слишком долго воевал и отвык, а может, ему, как истинному римлянину, была чужда подобная вычурность. Юлий перестал расхаживать взад-вперед, словно его шаги могли потревожить стоящие повсюду изысканные скульптуры. Да пусть они рассыплются в прах!

– Октавиан, меня попросту выставили! – сообщил Юлий, заложив руки за спину. – Ты и представить не можешь, до чего заносчивы эти раскрашенные царедворцы. Стая попугаев. Мозгов у них даже на одного римлянина не наберется.

– А что сказал царь про Помпея? – спросил Октавиан.

Он сел на устланную подушками скамью, которая, кажется, была вырезана из цельного куска черного гранита. Октавиан тоже успел почувствовать египетское гостеприимство – полуголые стражники не давали легионерам толком осмотреть город. Домицию удалось на час ускользнуть, но его привели обратно, как нашкодившего ребенка, при этом стражники осуждающе качали головами.

– Фараон, можно подумать, немой, – продолжил Юлий. – Изволил сказать всего пару слов – судя по голосу, он совсем ребенок. А прославленную царицу мне не довелось увидеть. Скажу больше! Придворные фараона – вот кто правит в городе, и они выгнали нас, словно явившихся некстати торговцев. Невыносимо! Подумать только – тот самый город Александра, который я наконец смог увидеть! Я провел бы несколько дней в великой библиотеке, а потом отправился внутрь страны, полюбоваться Нилом. Рим подождет бы еще немного...

– Ты получил то, за чем явился сюда, – голову Помпея и кольцо...

– Да! Жалкие останки великого мужа. Кто они такие, чтобы отнимать у него жизнь, Октавиан? Во имя богов, я просто вне себя, когда представляю, как диктатора убивали эти позолоченные евнухи.

Юлий вспомнил о данном дочери обещании – не лишать жизни ее мужа. Что она подумает, узнав новость? Помпей погиб не от руки Юлия, но смерть его была ужасной – вдали от дома, от Рима, от соотечественников. Юлий гневно скрипнул зубами:

– Они повели себя так, словно в погоне за Помпеем мы собирались разграбить город. Можно подумать, мы варвары, и, чтобы нас усмирить, нам выслали какие-то побрякушки и плошки! Помпей мой враг, тем не менее он не заслужил смерти от руки подобных людей. Он римский консул. Неужели я оставлю все как есть?

– Думаю, придется, – хмуро ответил Октавиан.

Юлий наверняка способен объявить войну в отместку за убийство Помпея. Ни придворные, ни фараон не знают, что в любой момент сюда могут прибыть четыре тысячи воинов и коней. А если Юлий пошлет в Грецию приказ, то явится хоть дюжина легионов. Чтобы вспыхнула война, достаточно искры, и тогда Октавиану еще много лет не видать Рима.

– Когда они преподнесли тебе голову, то были уверены, что выполняют твоё желание, – заметил Октавиан. – По их меркам, египтяне встретили нас учтиво. Разве получить дворец – это так обидно?

Октавиан не стал упоминать, как стражники дворца досаждают легионерам Десятого. Для Юлия его возлюбленный Десятый дороже собственной жизни. Стоит ему услышать, что с легионерами плохо обращались, – горны затрубят войну, прежде чем начнется новый день.

Юлий молча постукивал пальцами у себя за спиной.

– Семь дней! – бросил Юлий. – И что ж мне – задрать хвост и побежать выполнять распоряжения златолицего мальчишки? Если это вообще желание фараона, а не каприз советников. Да Александр бы в ужас пришел, увидев, как со мной обращаются в его городе... Знаешь, они считают Александра богом.

– Ты говорил, – кивнул Октавиан, но Юлий, казалось, не слышал.

Консул молчал, уставившись в одну точку, словно охваченный новой мыслью.

– Его статуи стоят в храмах, ему воскуряют фимиам и приносят жертвы. Удивительно. Порфирис говорил, что и Птолемей тоже бог. Вот странный народ! А для чего оскоплять людей? Не станут же они сильнее или умнее? Какой в том прок? Там, у фараона, я видел

несколько таких – то ли мужчины, то ли женщины. Может, это как раз и есть евнухи? Мне много чего странного довелось повидать – помнишь головы у некоторых свевов? Невероятно!

Октавиан внимательно наблюдал за своим командиром. Похоже, тот все высказал. Не стоит, пожалуй, оставлять консула одного в подобном настроении, но Октавиан уже зевал – ночь была на исходе. Скоро, наверное, рассветет.

Высокие бронзовые двери растворились, и вошел Домиций. Увидев встревоженное лицо товарища, Октавиан поднялся.

– Юлий, – сказал Домиций, – ты должен это видеть.

– Что именно? – уточнил Юлий.

– Не знаю точно, – ухмыльнулся Домиций, – там у ворот человек... вроде нашего Цирона. Он принес ковер.

Юлий непонимающе смотрел на собеседника:

– Продает ковер?

– Нет, говорит, что это подарок от царицы Египта.

Юлий переглянулся с Октавианом.

– Хотят заглазить свою грубость, – пожал плечами Октавиан.

– Пропустите, – распорядился Юлий.

Домиций тут же исчез и вернулся, сопровождаемый огромным египтянином. Юлий и Октавиан слышали тяжелые шаги задолго до того, как тот вошел в двери. Домиций не преувеличивал. Гость был высок и бородат; в мощных руках он держал объемистый золотой сверток.

– Честь и слава тебе, консул, – произнес великан на безупречной латыни. – Я принес тебе дар от Клеопатры – дочери Исиды, царицы Египта, благородной супруги Птолемея.

Говоря, он с величайшей осторожностью опустил свою ношу на пол. Внутри свертка что-то шевельнулось, и Октавиан выдернул из ножен меч.

Пришелец вздрогнул и поднял вверх руки.

– Прошу тебя, господин, тебе ничто не угрожает, – сказал он.

Октавиан шагнул к свертку, держа перед собой меч, а египтянин быстро опустился на колени и стал поспешно разматывать ковер.

Из свертка выкатилась молодая женщина и грациозно, как кошка, уперлась в пол руками и коленями – потрясенный Юлий открыл рот. Небольшой лоскут желтого шелка прикрывал ее грудь, еще один

охватывал бедра, оставляя открытыми стройные ноги. Кожа у нее была темно-золотистая, волосы растрепались, пока ее несли в ковре. Густые кудри падали на лицо, которое раздурманилось от жары и пребывания в неудобной позе. Юлию показалось даже, что она тихонько выругалась.

Пока римляне стояли, застыв от изумления, женщина непринужденно сдунула со лба непослушную прядь. Взгляд ее остановился на Юлии; она постаралась принять более величавую позу и медленно поднялась.

– Я – Клеопатра, – сказала гостя. – Я желаю говорить с тобой, Цезарь, наедине.

Юлий был околдован. Тело танцовщицы, тяжелые веки, полные чувственные губы. В полутьме сверкали золотые серьги, шею обвивало гранатовое ожерелье – словно капли крови на смуглой коже. Молва не лгала – царица действительно красива.

– Оставьте нас, – приказал Юлий, не сводя с нее глаз.

Октавиан колебался, но, перехватив взгляд Юлия, последовал за Домицием и бородатым египтянином.

Юлий пересек комнату, подошел к столу и, выгадывая время, чтобы прийти в себя, налил в серебряный кубок красного вина. Царица тоже подошла и приняла кубок обеими руками.

– Что заставило тебя явиться ко мне таким образом? – спросил Юлий.

Прежде чем ответить, Клеопатра жадно отпила вина. Нелегко, должно быть, пробыть так долго в толстом свернутом ковре, подумал Юлий.

– Если бы я прибыла открыто, меня бы схватили приближенные фараона. В столице я отнюдь не желанный гость, во всяком случае теперь.

Она смотрела Юлию в глаза, и ему сделалось неловко от ее прямоты. Жестом он пригласил гостью сесть вместе с ним на скамью. Клеопатра не спеша села, поджав под себя ноги.

– Почему царица не может приехать в собственный город? – поинтересовался Юлий.

– Потому что я веду войну, Цезарь. Мои войска стоят на границе Сирии и не могут войти в Египет. Явись я сюда открыто – и моя жизнь кончена.

– Не понимаю, – признался Юлий.

Она придвинулась ближе, и Юлий почувствовал густой аромат благовоний, поднимающийся от ее кожи. Он был взволнован присутствием молодой полураздетой женщины, но старался этого не показать.

– Моему брату Птолемею тринадцать лет, – сообщила царица, – и его слово ничего не значит. Все решает Панек.

– Твоему брату? – переспросил Цезарь.

Она кивнула:

– Он мне и брат, и муж. – Клеопатра заметила его удивление и засмеялась волнующим грудным смехом. – По нашим законам, консул, так полагается – чтобы не нарушить чистоту крови. Мы правили вместе с ним, как правил мой отец со своей сестрой – моей матерью. Когда Птолемей войдет в возраст, я рожу нам детей, и они будут править после нас.

Юлия это открытие озадачило. Воцарилось молчание, и консул лихорадочно думал, что сказать.

– Ты хорошо говоришь на моем языке, – нашелся он наконец.

Она опять засмеялась и окончательно покорила Юлия:

– Меня обучил мой отец; нужно сказать, в нашем роду я первая, кто знает язык Египта. Может, ты желаешь говорить по-гречески? Греческий – мой родной язык.

– Мне приятно это слышать, – серьезно ответил Юлий. – Всю жизнь я восхищаюсь Александром. И теперь счастлив беседовать с той, что принадлежит к роду его славного полководца.

– Египет зовет меня, Цезарь, и этот зов воспламеняет мою грудь, – произнесла Клеопатра.

Эту гладкую золотистую кожу, думал тем временем Юлий, каждый день умащают душистыми маслами. Прикоснуться к царице было бы великим наслаждением.

– Но трон ты не можешь занять, потому что боишься, – мягко проговорил он.

Клеопатра презрительно выдохнула:

– Только не моих подданных. Народ чтит богиню, которую я воплощаю на земле.

Услышав от юной царицы такое заявление, Юлий нахмурился:

– Я не верю в подобные вещи.

Клеопатра смотрела на римлянина с любопытством, и Юлий почувствовал, что у него учащается пульс.

– Плоть, которую ты видишь, – ничто, Цезарь. Мое божественное Ка внутри меня, оно со мной, пока я жива. Его нельзя увидеть.

– Твое Ка?

– Мой... дух. Душа. Это как пламя, горящее в лампе.

Юлий покачал головой. Он вдыхал аромат ее тела – так близко она вдруг оказалась. Царица не двигалась с места, и все же расстояние между ними сократилось; Юлию стало жарко.

– Ты не рассказала, зачем пришла ко мне, – напомнил он.

– Разве ты не догадался? Я много слышала о тебе, Цезарь. Я молилась Исиде, чтобы моя ссылка кончилась, и богиня послала мне тебя. У тебя есть армия, и с ее помощью мы сможем восстановить равновесие сил. – Теперь царица смотрела с мольбой.

– А твои солдаты? – спросил Юлий.

– Их слишком мало, и в лагере так и кишат шпионы. Чтобы увидеть тебя, Цезарь, я рисковала жизнью. Я совсем одна. – Клеопатра придвинулась и прикоснулась прохладными пальцами к щеке Юлия. – Мне нужен надежный человек. Очень нужен. Ты можешь не верить, но сами боги привели тебя сюда, чтобы ты мне помог.

Юлий покачал головой:

– Я попал в Египет, преследуя Помпея, которого убили здесь, прямо в гавани.

Клеопатра заглянула ему в глаза:

– А почему он высадился именно здесь, в городе Александра? Ведь портовых городов много. Если не желаешь верить – просто помоги мне отомстить за позор! Приказ убить Помпея был отдан от имени царя. Панек пользуется государственной печатью как своей собственной. Ты поможешь мне, римлянин?

Юлий неловко поднялся со скамьи. Эта женщина его заворожила. И мысль поставить на колени заносчивых царедворцев показалась весьма привлекательной. Из Малой Азии плывут легионеры и экстраординарии. Успеют ли они добраться за семь дней?

– А сколько у них солдат? – спросил он.

Царица улыбнулась и медленно опустила ноги со скамьи на пол.

Домиций и Октавиан смотрели на своего командующего, а Юлий, оживленный, опять выхаживал взад-вперед. Он не спал и не побрился, хотя над Александрией уже взошло солнце и в окна дворца врывается шум проснувшегося города.

– Это не наша война, Юлий, – настаивал расстроенный и обеспокоенный Октавиан.

Из-за Клеопатры возвращение в Рим отодвигалось на неопределенный срок, и он испытывал к царице неприязнь.

– Наша, раз я так сказал, – заявил Юлий. – Моего слова вполне достаточно.

Юлию очень хотелось, чтобы Октавиан понял.

– Если наши войска войдут в город, возможно, когда-нибудь он станет римской землей, а вместе с ним и весь Египет. Вы только представьте! Города, которые древнее греческих. К тому же нам откроется путь на восток.

Глаза его сверкали, и Октавиан понял, что не скоро попадет домой.

– Значит, ее красота здесь ни при чем, – заметил он.

Юлий гневно вздернул голову, но потом пожал плечами и объяснил:

– Конечно, я не каменный. Однако тут есть возможность послужить интересам Рима. Нужно всего лишь разрубить хитрый узел здешних интриг. Боги на нашей стороне, и это боги Рима! Я предвкушаю новую победу, Октавиан!

– А Рим предвкушает твое возвращение, – резко бросил Октавиан, удивляя Юлия и себя. – Ты уже выиграл все сражения. Пора заняться наградами, разве не так? Люди ждут, когда ты заговоришь о возвращении.

Юлий потер подбородок. Он вдруг сник, словно сильно устал.

– Если я сейчас вернусь в Рим, боюсь, я больше не смогу его покинуть. Я слишком стар, чтобы начинать новый поход. Но не настолько стар, чтобы отказаться совершить должное. Я всю жизнь говорил, что несу другим народам цивилизацию, – так как же я могу повернуть назад? Если станем думать только о внутренних делах, мы быстро утратим свое влияние на завоеванных землях.

Юлий остановился перед Октавианом и сжал ему плечо:

– Наши победы дали нам огромное преимущество, и нужно этим пользоваться. Мне бы хотелось, чтобы ты был со мной, однако можешь возвращаться. Решай сам.

– Без тебя? – спросил Октавиан, хотя знал ответ.

Юлий кивнул, и Октавиан со вздохом проговорил:

– Мое место рядом с тобой, ведь я – твоя правая рука. Раз ты считаешь, что нам нужно остаться, я с тобой, как всегда.

– Ты надежный человек, Октавиан. Если боги не пошлют мне сыновей, я буду горд видеть тебя преемником. – Юлий тихо засмеялся. – Здесь ты научишься всему. В Александрии ты узнаешь об искусстве политики больше, чем за десять лет заседаний в сенате. Подумай о завтрашнем дне, Октавиан. Чем ты займешься, когда меня не станет? Это город Александра, и для Рима он бесценная добыча. Кому, как не нам, быть наследниками великого царя?

Октавиан медленно кивнул, и Юлий похлопал его по руке.

– Так каков числом неприятель? – вмешался Домиций, который ждал, пока Юлий и Октавиан закончат важный для них разговор.

– Их много, одному Десятому не справиться, – ответил Цезарь. – Придется дожидаться прибытия Четвертого. И даже тогда нам понадобится войско Клеопатры. А там полно шпионов – стоит им сдвинуться с места, и при дворе тотчас все узнают. Нужно с самого начала получить серьезное преимущество. Пусть они думают, что мы собираемся мирно отплыть. Захватим египтян врасплох. Когда здесь будет Четвертый в полном составе, мы нанесем неожиданный удар.

Юлий довольно ухмыльнулся, и Октавиан, несмотря на свои опасения, не мог не улыбнуться в ответ.

– И каков же твой план? – спросил он.

– Сделаем ход, как в игре латрункули, – отозвался консул. – Мы должны заполучить царя.

Глава 25

Дворец, в котором поселили Цезаря, был буквально набит солдатами.

Юлий лично встречал в гавани воинов Четвертого. Они готовились отправиться вглубь континента, гнаться за Помпеем, а

вместо этого их втянули в заговор для похищения малолетнего фараона.

То ли из-за того, что ночи стали теплыми, то ли из-за того, что Помпей погиб и сражаться больше не нужно, солдатами овладел какой-то мальчишеский задор. В темноте legionеры подталкивали друг друга локтями и посмеивались. Цезарь опять одержит победу, а они явились вовремя, чтобы все увидеть.

Юлий стоял у тяжелых дверей и, глядя на луну, ждал. Одна из лошадей фыркнула, и он обернулся, но увидел лишь движущиеся тени. Лошадей досыта кормили зерном – такого корма животные не видали уже несколько недель. Дворец ломился от съестных припасов – из Греции, с Кипра и из Сицилии доставлялось самое лучшее. Римское золото имеет хождение и в александрийском порту.

Несмотря на сильное напряжение, Юлий получал от происходящего немалое удовольствие и не пытался это скрыть. В Египет прибыли Цирон, Брут и Регул, и консул взбодрился. Наконец-то его полководцы с ним.

Брут, стоящий сейчас рядом с Юлием, ничего подобного не испытывал. Во время плавания рука зажила окончательно, однако мышцы еще недостаточно окрепли, чтобы он мог участвовать в предприятии. Брут рвался в Египет, надеясь, что там все будет как прежде. Иногда он забывал о прошлом, и ему представлялось, что дело происходит в Галлии или Испании и узы дружбы ничем не омрачены. Но неприязненные лица окружающих беспрестанно напоминали о действительном положении вещей. Бывшие товарищи не давали повода усомниться в том, что он изгой. Брут постоянно ловил на себе злобные взгляды Октавиана и, пытаясь успокоиться, молча смотрел в пустоту. Когда он наберется сил, все изменится. Он этого добьется. А пока его задача – оставаться здесь и удерживать дворец до возвращения командующего.

В темноте Юлий не сразу увидел Клеопатру. Царица вошла в переполненный зал, не предупредив о своем приходе, и тихонько пробиралась между изумленными солдатами. Один из них даже слегка присвистнул, и по залу прокатился смешок. Клеопатра улыбнулась в ответ, и тут Юлий ее заметил. Сегодняшний наряд – непонятно, как царице это удалось, – закрывал ее еще меньше, чем тот, в котором она прибыла во дворец. Движения Клеопатры были по-девичьи гибкими, и

только глаза казались глазами взрослой женщины. Волосы она собрала сзади и перевила золотым шнуром; стройные ноги и обнаженный живот притягивали взгляды легионеров.

Царица приблизилась к Юлию, и он почувствовал, что краснеет. Солдаты непременно станут судачить о внезапном интересе командующего к делам Египта. И конечно же, они истолкуют все по-своему. Полководцы Юлия уже видели Клеопатру раньше и теперь стояли как вкопанные, слушая ее речь, обращенную к солдатам.

– Я и раньше слышала о храбрости римлян, – произнесла царица своим мелодичным голосом. – А в вашем благородстве я убедилась сама, когда вы согласились прийти ко мне на помощь. Вернув свой трон, я покажу вам, что царица Египта умеет быть благодарной.

Клеопатра склонила перед легионерами голову, и отныне эти привыкшие убивать волки были готовы идти за ней куда угодно. Они понимали, что сейчас неуместно возносить хвалу красавице, стоящей перед ними столь смиренно, и все же по залу пронесся одобрителный шепот или, скорее, ворчание.

– Пора, – сказал Юлий, продолжая рассматривать царицу.

Клеопатра повернулась к нему. Ее глаза светились, гладкая кожа поблескивала в полумраке. Не дав Юлию опомниться, она шагнула вперед и слегка поцеловала его в губы. Юлий опять покраснел, но поделаться ничего не мог. Царица моложе его в два с лишним раза, и он знал, что легионеры сейчас насмешливо переглядываются у него за спиной.

Он кашлянул, пытаясь сохранить достоинство:

– Приказ вы получили. Помните, что вы не должны вступать в бой без крайней необходимости. Нам нужно найти царя и вернуться сюда, прежде чем противник соберет достаточно сил, чтобы нас задержать. Как только Птолемея схватят, я дам сигнал горна. Немедля отступайте. Если вы разделитесь, встретимся здесь. Всем ясно?

Ему ответил негромкий хор многих голосов, и Юлий открыл дверь в залитый луной сад.

– Тогда – за мной! – приказал он.

Легионеры повскакали на ноги и стали выходить в сад. Прежде чем дворцовые покои покинул последний воин, прошло немало времени. Внутри осталась одна когорта. Когда Брут затворил двери, в зале стало еще темнее. Он повернулся к солдатам, однако заговорил не

сразу. Его смущало присутствие царицы, которая стояла точно неподвижная благоухающая статуя и молча смотрела на него.

– Заградить окна и двери, – приказал Брут. В гулкой тишине его голос прозвучал излишне резко. – Возьмите мешки с зерном и вообще все, что можно, – чем тяжелее, тем лучше.

Легионеры действовали быстро: шесть центурионов деловито отдавали приказы, никого не оставив без дела. Большой зал опустел, и Брут остался один на один с царицей Египта. Из темноты раздался ее голос:

– Полководец в доспехах из серебра...

Слабый лунный свет едва обрисовывал плечи царицы; Брут почему-то почувствовал легкий озноб.

– Слушаю тебя, госпожа. Или мне следует называть тебя божественной?

Бруту казалось, что ее взгляд давит на него, словно какая-то тяжесть.

– Ты можешь называть меня царицей, хотя я и вправду являюсь земным воплощением богини. Это задевает тебя, римлянин?

Брут пожал плечами:

– Я многое повидал в чужих странах. Мне приходилось встречать людей, которые красили кожу в голубой цвет. Удивить меня нелегко.

– Наверное, ты с Цезарем уже много лет, – сказала Клеопатра.

Брут отвел глаза – неожиданно для себя он растерялся. Говорил ли Юлий о нем этой женщине?

– Дольше, чем ты можешь представить.

– А где тебя так ранили? В сражении?

Брут усмехнулся про себя – ее вопросы начинали надоедать.

– Меня ранили в сражении, царица. Думаю, ты уже слышала об этом.

Брут поднял перевязанную руку, словно собираясь показать ее Клеопатре. Царица приблизилась, и от прикосновения ее прохладной руки Брут опять невольно почувствовал озноб. На ее пальце был массивный золотой перстень-печать с рубином. Камень казался темным, как ночное небо.

– Ты тот, кто предал его, – задумчиво произнесла Клеопатра. – Почему, скажи, Цезарь оставил тебя в живых?

Брут, удивленный ее упрямством, только заморгал. Эта женщина привыкла, что окружающие отвечают на каждый ее вопрос, выполняют любой ее каприз. Она даже не видит, какую боль ему причиняет.

– Ему не найти другого такого полководца. В бою мне нет равных – я ведь не всегда такой, как теперь.

Брут начал говорить с сардонической усмешкой, но Клеопатра не отвечала, и он постепенно сменил тон. Выражение лица стало безучастным.

– Мы вместе росли, – объяснил он. – Я совершил ошибку, а Юлий меня простил.

Брут сам удивлялся своей откровенности. Лгать про свою незаменимость было не так больно.

– А я бы тебя казнила, – пробормотала царица, покусывая нижнюю губу.

Брут смотрел молча, понимая, что она говорит серьезно. Царица с юных лет привыкла к всеобщему повиновению. Эта женщина смертельно опасна, как черная нильская гадюка.

– Я не умею прощать предателей. Твой Цезарь или великий муж, или просто глупец. А ты как думаешь?

– По-моему, вы с ним похожи. Однако я не собираюсь ни отвечать тебе, ни изливать перед тобой душу.

– Сегодня Цезарь собирается похитить Птолемея, моего мужа, брата и повелителя. Он видел только малую часть войска, которое может собрать Египет. Быть может, консул погибнет, а может, случайная стрела пронзит моего брата. Таковы ставки в этой великой игре. Послушай же меня, полководец. Он оставил тебя жить, потому что слеп и не видит, что творится в твоём сердце.

Клеопатра коснулась ладонью его шеи и слегка нажала. Брут подумал, что царица, должно быть, купается в масле лотоса. Он ощутил слабый укол, как будто от тонкого шипа. Римлянин едва сдерживался, чтобы не рвануться от нее, страстно мечтая о глотке свежего воздуха. Царица говорила, и голос ее звучал приглушенно, словно голову Брута закутали в толстое полотно.

– Я знаю тебя, полководец. Я знаю все твои мелкие грехи и знаю твой большой грех. Я читаю в твоём сердце так, как никогда не сможет читать Цезарь. Я вижу ненависть. Я вижу ревность. Я вижу все.

Ее рука скользнула прочь, и Брут пошатнулся. Он все еще чувствовал ее ногти на своей коже.

– Храни ему верность, полководец. А если предашь, то знай: твои минуты сочтены. Отныне судьба Цезаря связана с этой страной и со мной. А у меня длинные руки. Я не потерплю измены и даже просто подозрения.

Брут оторопело смотрел на царицу, ошеломленный ее натиском.

– Египетская змея, – с трудом вымолвил он, – что такое ты со мной сделала?

– Спасла твою жизнь, римлянин, – ответила Клеопатра.

Она растянула губы в улыбке, но глаза ее были внимательны и холодны. Не говоря больше ни слова, царица вышла из зала, а Брут привалился к колонне, и голова у него дрожала, точно у раненого зверя.

Канопская дорога проходила через самое сердце Александрии. По ней на восток спешили два легиона во главе с Юлием. Грохот подкованных сандалий нарушал мирную тишину ночи. Зловещей была в темноте главная улица города. Вокруг возвышались храмы неведомых богов, статуи по обеим сторонам дороги, казалось, вот-вот оживут и заговорят. В мерцающем свете ламп от суровых воинов, бегущих с обнаженными мечами к дворцу фараона, падали на дорогу смутные тени.

Юлий бежал в ногу со всеми, стараясь дышать размеренно. Ноги уже начали уставать. Волнение не исчезло, наоборот, Юлий так взбодрился, что сейчас, отсчитывая перекрестки, чувствовал себя совсем молодым. На пятом он махнул рукой в правую сторону, и вереница солдат потянулась по направлению к дворцу фараона. Этим же путем три дня назад Юлий шел в сопровождении Порфириса.

Дворец представлял собой не отдельное здание, а целую группу построек, окруженных роскошным ухоженным парком. У наружных ворот стояли крепкие стражники; солдат не мог не встревожить топот тысяч ног. Легионеры Десятого подбежали к воротам и несколькими ударами тяжелых молотов сбили их с петель.

Первой кровью, пролившейся в этот вечер, была кровь стражников, которые едва успели поднять оружие. Легионеры, врываясь в ворота, буквально затоптали солдат.

Главное здание, где Птолемей принимал консула, было целиком освещено и сверкало в темноте. Юлию даже не пришлось показывать легионерам дорогу. Тут тоже стояли стражники, и они храбро приняли смерть. Десятый выстроился обычным боевым порядком, и остановить его могла только целая армия.

Египтян охватила паника, они сопротивлялись, но совершенно беспорядочно. Словно тут никогда не допускали и мысли о возможном нападении. Наружные ворота были скорее декоративными и не могли служить для обороны. Охранники без толку бегали взад-вперед и отчаянно вопили.

Где-то поблизости, видимо, находились казармы – оттуда начали выскакивать вооруженные солдаты и тщетно пытались построиться, прежде чем к ним приблизятся легионеры. Этим римляне перерезали, точно стадо скота, и кровь струилась по ступеням. Бронзовые двери, распахнутые при его прошлом посещении, теперь успели закрыть, и, подбегая, Юлий услышал, как с той стороны поспешно опустили засов. Он крикнул, чтобы несли молоты, а сам, возблагодарив богов за предусмотрительность Клеопатры, перепрыгнул через каменный парапет и свернул в боковой проход, о котором узнал от нее.

Звенящие удары разносились по всему дворцу. Словно в ответ, где-то неподалеку начали громко бить тревогу, и Юлий, чтобы прекратить это, отправил туда целую центурию.

Боковая дверь тоже не сразу поддалась, и Юлию пришлось усмирить нетерпение. Он посмотрел на клинок меча – его еще предстояло испачкать кровью. Скоро удары зазвучали по-другому, и дверь упала. Легионеры Десятого взревели и бросились в проем; во внутренних покоях раздались вопли. Юлий не отставал от солдат, он указывал дорогу. Дворец выглядел совсем не так, как в день приема, и ему требовалось время, чтобы сориентироваться.

– Десятый, ко мне! – кричал Юлий, пробегая через какой-то зал.

Октавиан и Домиций дышали ему в спину, и он чуть-чуть замедлил шаги. Не бежать же ему, в самом деле, прямо на мечи стражников. Сначала пусть ему расчистят дорогу.

Как Юлий и ожидал, в темном коридоре их встретило множество стражников. Октавиан и Домиций, подняв мечи, бросились на них. Лампа – единственный источник света – висела далеко впереди, и схватка с почти невидимым противником была короткой и жестокой.

Бронзовые мечи стражников оказались бессильны против доспехов римлян, и спустя несколько минут легионеры, перескочив через поверженных врагов, неслись дальше.

– Куда? – спросил Октавиан, вытирая разбитую в кровь губу.

При слабом свете Юлий сумел различить белое пятно: мраморную лестницу, по которой недавно поднимался – целую жизнь назад.

– Туда, наверх!

Дыхание его стало хриплым, клинок уже не блестел, испачканный кровью какого-то стражника. Юлий бежал по лестнице вместе с остальными. Клеопатра рассказала ему, как найти покои ее брата, и из тронного зала консул повернул в коридор, освещенный лучше, чем остальные. Октавиан и Домиций проскочили вперед, и Юлий крикнул им, чтобы остановились. Римляне миновали дверь, которая на вид была из чистого золота. Юлий оглянулся в поисках легионеров с молотами.

– Это здесь! Сюда! – позвал он. – Молоты сюда! – И всем телом навалился на дверь; она даже не дрогнула.

– Посторонись, господин, – подошел мощный легионер Десятого.

Юлий отступил, а солдат поднял молот и начал ритмично отбивать удары. К нему тут же присоединились еще двое. В этом коридоре сосредоточились основные силы римлян. Они заняли в обоих концах оборонительные позиции и ждали, когда рухнет последнее препятствие.

Тяжелая золотая дверь прогнулась под ударами, и скоро одна створка повисла на сломанной петле. В открывшийся проем вылетела стрела и, скользнув по молоту, пронзила легионеру щеку. Солдат с проклятием схватился за стрелу, а его товарищи применили варварский, но действенный способ. Придерживая раненого, они сломали древко и выдернули из щеки.

Наконец упала вторая створка, и легионеры подняли щиты. Из проема со свистом вылетели еще две стрелы и ударились о них, не причинив легионерам ни малейшего вреда. Солдаты вломились в комнату.

В покоях фараона горели лампы, и Юлий, к своему удивлению, увидел двух обнаженных девушек, целящихся из луков. Они закричали от ужаса. Без всякого опасения легионеры подошли и выхватили у них

оружие. Отчаянно сопротивляющихся девушек оттащили от двери, которую они пытались защищать.

В спальне фараона царила темнота, и Юлий понимал, что силуэты входящих будут отлично видны изнутри. Солдаты, однако, не стали колебаться, полагаясь на быстроту. Они ворвались в темноту, вертя головами по сторонам, готовые убивать на ощупь.

– Он здесь! – раздался крик. – Фараон здесь один!

Проходя через первую комнату, Юлий обратил внимание на развешенное по мраморным стенам оружие – видимо, увлечение Птолемея. В двух местах на гладком мраморе остались светлые следы, – похоже, отсюда девушки и сняли луки. Значит, красавицы здесь не для охраны. Это наложницы малолетнего фараона. Несомненно, подумал Юлий, к его услугам самые красивые женщины Александрии.

В спальне в первую очередь в глаза бросалась кровать – огромное пышное сооружение. Полуодетый мальчик стоял сбоку, и только помятые простыни показывали, где он спал. После той официальной встречи было удивительно видеть в полутьме лицо фараона без маски. Юлий оценил отвагу ребенка: хрупкая, обнаженная выше пояса фигурка сжимала в кулачке нож.

– Убери! – велел Юлий. – Тебе не причинят вреда.

Мальчик узнал его и шумно вздохнул. Солдаты подошли к фараону, и он, не сводя глаз с Юлия, рывком приставил нож себе к горлу. Один из легионеров резким движением схватил фараона за запястье, и тот вскрикнул от возмущения и боли. Нож со звоном упал. Птолемей начал звать на помощь, но легионер, державший фараона за руку, примерился и нанес ему удар в подбородок. Мальчик пошатнулся, и солдат взвалил его на плечо.

– Трубите сигнал, – приказал Юлий, поворачиваясь к выходу. – Фараон у нас.

– Их уже, наверное, много собралось – поджидают нас, – сказал Домиций, глядя на обмякшее тело Птолемея: голова фараона свесилась, руки болтались.

Когда легионеры стали прорываться из дворца, бой вспыхнул с новой силой и ожесточенностью. Вид неподвижного фараона подвигнул ревущих египтян на новые попытки остановить легионеров, и троих солдат Четвертого ранили – это еще замедлило отступление. И

все же стражники, более привыкшие к церемониям во дворце, чем сражениям, не могли сравниться с закаленными в боях римлянами. Легионеры продвигались через парк, оставляя за собой полосу вражеских трупов.

Ночь встретила солдат прохладой; ветерок осушил потные лица.

Во дворце чей-то голос выкрикивал непонятные Юлию слова. Когда легионеры достигли сломанных ворот, в них откуда-то полетели копья. Одно копье сбilo запыхавшегося опциона. Двое солдат тотчас подняли его на ноги и разрубили древко – опцион вскрикнул от боли; теперь у него из спины торчал окровавленный обрубок. Офицера подхватили под руки и понесли вслед за фараоном.

Паника во дворце разбудила горожан, и на улицах Александрии собирался народ. Юлий поторопил своих воинов. Если египтяне увидят, что их фараона несут как мешок с зерном, они могут наброситься на римлян. С каждой минутой волнение Юлия возрастало.

Легионеры бежали по Канопской дороге. Они мчались на полной скорости, дыхание разрывало им грудь, во рту пересохло. Дорога словно стала длинней с тех пор, как они бежали к дворцу фараона, но солдаты не сбавляли хода, и толпа перед ними расступалась.

Казалось, прошли часы, прежде чем Юлий очутился перед знакомыми воротами и вбежал в них, с облегчением переводя дух. Дворец вновь стал наполняться легионерами, и теперь соблюдать тишину было ни к чему. Радостные крики не прекращались, даже когда солдаты передавали над головами раненых. Тут их дожидались лекари с бинтами и нитками – зашивать раны.

Никто из римлян не погиб этой ночью, и только опцион, раненный копьем, похоже, не будет ходить. Юлий успел сказать ему несколько ободряющих слов.

Когда снаружи никого не осталось, двери закрыли и задвинули засов. Зажгли все лампы, которые смогли найти, и Юлий увидел, что окна заложены тяжелыми мешками и камнями. Дворец превратился в неприступную крепость, и консул с приятным чувством думал о скором рассвете.

– Пусть беснуются сколько угодно, – сказал он своим приближенным. – Фараон у нас!

Все засмеялись, а Юлий отдал приказ открыть кухни и приготовить поесть. Центурионы уже выставили часовых, и у него

наконец выдалась свободная минута.

– Где Клеопатра? – спросил Юлий.

Брут внимательно посмотрел на друга.

– Отправилась в верхние покои, – сообщил он со странным выражением лица. – Ждет тебя.

Юлий улыбнулся в ответ; он был полон своей победой.

– Поговорю с ней, а потом все тебе расскажу. Найди для нашего гостя подходящее помещение и поставь стражу. – Юлий перевел дух. – Все получилось очень просто, Брут.

– Они станут драться, – сказал Брут, желая подпортить торжество Юлия. – По словам царицы, это лишь малая часть египетского войска.

У Брута болела голова, словно после сильного похмелья. Он помнил о разговоре с царицей, но подробности совершенно ускользнули из памяти. Юлий не заметил его состояния.

– Как же им драться с нами, когда у нас их повелитель? – ответил Юлий. – Я мигом утихомирю тех, кто помыкал фараоном, пусть только явятся.

Он рассмеялся и отправился к царице.

В покоях, где разместились Клеопатра, все осталось в целости и сохранности. Прочие помещения во дворце пустовали – легионеры использовали для заграждений все, что могли вынести из комнат. А здесь царили покой и уют, везде лежали и висели циновки и ковры. В каждом углу стояли курильницы, и в них мирно потрескивало пламя. Но Юлий ничего не замечал. Он не мог отвести глаз от силуэта царицы. Стройная тень двигалась за легким пологом, висевшим над кроватью столь же величественной, как и ложе в спальне фараона. Юлий узнавал прекрасные линии тела, которые очаровали его при первой встрече, и не мог понять, почему царица молчит.

Он прикрыл за собой дверь и пересек комнату; сердце у него сильно колотилось. В тишине громко отдавались его шаги. В воздухе витал аромат благовоний, а из соседней комнаты клубился слабый пар. Юлий понял, что царица принимала ванну. Представив это, он пришел в волнение. У нее, правда, нет рабынь – носить и греть воду, но тут, наверное, постарались солдаты.

Клеопатра по-прежнему молчала; Юлий приблизился к кровати и провел загрубевшей ладонью по занавеске. Легкая ткань зашелестела.

– Фараон у нас, Клеопатра, – тихо сообщил Юлий и почувствовал, что царица замерла. Говоря, он одновременно отодвинул полог.

Клеопатра лежала на спине, как Юлий и думал, обнаженная. Тела царицы ничто не скрывало – только легкие тени. Кожа ее казалась золотой, а глаза совсем темными.

– Он не ранен? – спросила Клеопатра.

Юлий покачал головой, не в состоянии произнести ни слова. Взгляд его скользил по телу царицы, и Юлий вдруг обнаружил, что ему трудно дышать.

В следующий миг она поднялась и прижалась губами к губам Юлия. Он ощутил вкус меда и гвоздики, а ее аромат обволакивал и опьянял. Тонкие пальцы теребили застежки доспехов, и ему пришлось помочь. Нагрудная пластина упала на пол с грохотом, от которого оба вздрогнули. Еще несколько прикосновений нежных прохладных рук, и Юлий был раздет. Царица обняла его, привлекая к себе. Он простонал и опустил веки. Его руки скользнули к ее груди; он слегка отстранился и бросился на кровать, и занавеси балдахина вновь сомкнулись.

– Это и есть награда? – хрипло спросил он.

Царица медленно улыбнулась, водя ладонями по его телу, лаская шрамы. Глядя Юлию в глаза, Клеопатра грациозно перекатилась на живот и, когда он придвинулся к ней, жадно протянула руки к его пылающей плоти.

– Это только начало, – ответила она.

Глава 26

Перед самым рассветом Юлий прошел по нижнему коридору, кивком приветствуя стражников. Царя Египта заперли в кладовке, где раньше хранились сосуды с маслом. Окон там нет, двери прочные, и, стало быть, у Птолемея нет соблазна попробовать бежать.

– Как он себя ведет? – спросил Юлий.

Прежде чем легионер успел ответить, на них обрушился громкий поток ругательств – толстая дверь почти не заглушала пронзительный детский голос.

– И так уже несколько часов, господин, – сообщил легионер.

Юлий поморщился:

– Открой дверь. Я с ним поговорю.

Войдя, он увидел, что из этой комнаты тоже все вынесли. Тут не было даже кровати, ничего, кроме маленькой скамейки и ведра. На стене висела одна-единственная лампа, и в ее тусклом свете Юлий разглядел, что царь Египта весь перепачкан белой пылью.

Птолемей сложил руки на узенькой груди и с достоинством смотрел на своего похитителя. Ребра у него просвечивали. На щеках темнели пыльные разводы, – видно, фараон утирал слезы.

– Доброго тебе утра, – поздоровался Цезарь, усаживаясь на скамью. – Когда принесут завтрак, я прикажу найти для тебя одежду и постель. Ни к чему тебе испытывать неудобства.

Птолемей молча продолжал смотреть на Юлия. При свете дня мальчик оказался еще моложе. Лицо с изящными чертами, такое бледное, словно его никогда не касались солнечные лучи, искажала угрюмая ненависть. Темные, с длинными ресницами глаза – в точности как у Клеопатры. При мысли об их супружестве Юлий едва не передернулся от отвращения.

Цезарь помолчал, потом поднялся и произнес:

– Если тебе ничего не нужно, я вернусь к своим делам.

Он отвернулся, собираясь уйти, но Птолемей бросил ему в спину:

– Ты должен немедленно меня отпустить! – Латынь фараона была безупречной.

Юлий повернулся к нему, не в силах сдержать улыбку:

– Не могу, повелитель. Ты мне еще нужен.

– Чего ты хочешь? Золота? – Губы Птолемея презрительно искривились.

– Я хочу, чтобы Клеопатра вернулась на трон, – ответил Юлий, пристально глядя на мальчика.

Однако, сказав, он сразу усомнился, что и вправду этого желает. До ночного свидания с Клеопатрой ему все представлялось ясным. А теперь мысль вернуть царицу в объятия брата уже не казалась привлекательной.

– Я так и знал – тут не обошлось без нее! – взорвался Птолемей. – Я так и думал! И ты думаешь, я соглашусь? Она обращалась со мной как с ребенком.

– Ты и есть ребенок! – отрезал Юлий и тут же пожалел о своих словах. Он вздохнул и снова сел на скамью. – Наверное,

приближенные выполняют любое твоё желание?

Птолемей помедлил:

– Да – если оно не противоречит обычаям. – Фараон избегал взгляда Юлия. – Пусть я молод, но придворные почитают мой сан и происхождение. – Птолемей опять вспылil. – Твои люди вторглись в мои покои, ударили меня! Тебя жестоко казнят, когда...

– Как я заметил, Панек с тобой не очень-то считается, – пробормотал Юлий.

Птолемей сверкнул глазами:

– Ты ничего не знаешь о моей жизни, римлянин! Я юн, но я фараон! Я – воплощение бога. А Панек...

Он смешался, и Юлий, видя, что нашел слабое место, быстро заговорил:

– А Панек управляет страной. Думаешь, ты вырастешь, и советник уступит тебе власть? Напрасно. Произойдет несчастный случай: ты неудачно упадешь или заболеешь, и следующие несколько лет, пока подрастает другой фараон, будет править Панек. Я знаю, что такое жажда власти, мой мальчик. Можешь мне поверить.

Птолемей задумался над этими словами, а Юлий удивился самообладанию мальчика. Он ждал жалоб, слез, но пленник обращался с ним как с равным, а то и низшим. Фараон, конечно, еще ребенок, однако ум у него острый – Птолемей явно уже принял для себя решение.

– Панек разъярится, когда узнает о моем похищении, – задумчиво произнес фараон.

Юлий видел, что мысль эта приятна мальчику, и ждал продолжения.

– Тебе придется доказать ему, что мне не причинили вреда, или мой советник сровняет дворец с землей.

– Докажу, – согласился Юлий, – если тебе угодно.

Птолемей вопросительно посмотрел на него, и он продолжил:

– Быть может, ты и сам больше не захочешь иметь Панека при себе. Подумай. Я могу потребовать, чтобы твои приближенные отправились в изгнание, и ты будешь править вместе с Клеопатрой.

Темные глаза мальчика казались непроницаемыми. Юлий слишком мало знал Птолемея и не понял – убедил он его или нет.

– Для чего тебе это? – спросил Птолемей. – Ты увлекся моей сестрой? Или, быть может, возжелал моего тела?

Юлий едва сдержался.

– Будь ты моим сыном, я бы тебя отшлепал, – сказал он. – Впрочем, и теперь могу.

– Ты не посмеешь, – возразил Птолемей с такой спокойной уверенностью, что Юлий растерялся.

Он хотел приказать, чтобы принесли прутьев, но остался сидеть, положив руки на колени.

– Ты был очень дерзок с Панеком, – упрекнул Птолемей. Фараон вспоминал об этом с удовольствием. – Он потом долго отлеживался, пил холодное питье, а рабы растирали его, пока его гнев не угас. Видно, римляне – грубый народ.

– Такой стервятник кого угодно выведет из себя, – пробормотал Юлий.

Напряжение мальчика немного ослабло, и Юлий понял: он на верном пути.

– Покажи мне свой меч, – неожиданно попросил Птолемей.

Не говоря ни слова, Юлий вынул гладий и протянул пленнику. Не ожидавший такого фараон удивился и, взяв меч, тут же направил клинок на сидящего консула.

– Не боишься, что я тебя убью? – поинтересовался он.

Юлий медленно покачал головой, внимательно следя за пленником:

– Не боюсь. Оружие само по себе ничего не значит. Важен человек, который его держит. Ты и оглянуться не успеешь, как я отниму меч.

Птолемей посмотрел ему в глаза и увидел, что Юлий говорит правду. Он попытался замахнуться, однако гладий был слишком тяжел для детской руки.

– Хочешь научиться? – спросил Юлий.

Лицо фараона просветлело, но через миг приняло выражение угрюмого недоверия. Он неловко вывернул гладий, отдавая его Юлию рукоятью вперед.

– Не прикидывайся другом, римлянин. Я для тебя всего лишь ценная вещь, которую можно обменять на что-то нужное. Ты мой враг, и я этого не забуду. – Птолемей на секунду остановился и сжал один

кулак. – Когда я стану мужчиной, я припомню тебе, римлянин, как ты держал меня в заточении. Я приду за тобой, и мое войско будет числом словно саранча. Твои кости раздробят молотом, а кожу снимут и сожгут. Тогда узнаешь меня!

Юлия забавлял свирепый взгляд мальчика.

– Только сначала подрасти.

Он поднялся на ноги. Казалось, пленник вот-вот бросится на него, но фараон в бессильной ярости повернулся спиной. Юлий легким шагом вышел навстречу дню.

Панек прибыл на рассвете с целой толпой придворных. Они приблизились к стражникам, стоящим в саду, и их подвергли тщательному обыску. Затем троих самых главных пропустили во дворец.

Юлий принял их стоя. Холодные глаза Панека по-прежнему излучали сильнейшую неприязнь. Но теперь фараон в руках римлян, и Юлия это не волновало.

Он указал гостям на каменную подставку, а сам сел на удобную кушетку, наслаждаясь их замешательством. В комнате находилось пять воинов Десятого, а за спинами придворных стоял Октавиан, и вельможи нервничали.

Кожа Панека блестела то ли от пота, то ли от благовонных масел. Сегодня он не накрашил веки, и это говорило о многом. С ненакрашенным лицом советник смотрелся куда приличнее.

– Совершив такое преступление, ты не останешься в живых, – заявил Панек, выдавливая фразы, будто не мог вынести мысли о том, что нужно говорить вежливо. – Если жители города узнают о похищении фараона, я не смогу их остановить. Ты меня понимаешь? У тебя осталось несколько часов, а когда новость разлетится, они придут и истребят тебя.

– Такие вояки мне не страшны, – ответил Цезарь как бы между прочим.

Он приказал подать себе вина и стал потихоньку его потягивать.

Глаза Панека сузились от гнева.

– Тогда скажи, чего ты хочешь за фараона? Ведь ты чего-то хочешь?

Придворный даже не скрывал своего гнева. Дипломат из него был скверный. Если бы речь действительно шла о золоте, Юлий потребовал бы как можно больше – за то, что с ним говорят в таком тоне.

– Для начала – свободного передвижения по городу, – объявил он. – И не на семь дней, а на сколько я пожелаю. Я намерен посмотреть библиотеку и усыпальницу Александра. И дай когонибудь, кто покажет город моим офицерам.

Панек растерянно захлопал ресницами:

– Тебя растерзает толпа, консул. Стоит тебе покинуть эти стены.

– Прискорбно, – хмуро ответил Юлий. – Второе условие: пусть покинут страну все советники фараона. Корабли у меня есть, они доставят вас на Кипр или Сардинию – подальше от здешних волнений. Вам пора на отдых, и я готов дать вам немного золота, чтобы вы могли устроиться получше.

Все три египтянина окаменели. У Панека во взоре появился недобрый блеск.

– Ты потешаешься надо мной, консул, в моем собственном городе. Неужели думаешь, я все стерплю? Войско уже собрано. Город полон солдат, которые в бешенстве от того, что ты совершил. Если не вернешь фараона, они утопят в крови твое жалкое воинство. Поверь мне, я не лгу.

– Во время штурма дворца мальчик может погибнуть, – предостерег Юлий. – Подняв меч, вы убьете фараона. Надеюсь, вы сделаете все, чтобы не допустить столкновения.

– Ты не сможешь вечно удерживать Птолемея, – возразил Панек. – На сколько тебе хватит припасов? А воды?

– У нас достаточно припасов, – сказал Юлий, пожимая плечами. – Возможно, ты и прав. Не нужно нам угрожать друг другу. Лучше скажи мне, дорого ли ты ценишь его жизнь. Что ты готов отдать мне за фараона?

Гости посоветались друг с другом на своем языке, и через несколько мгновений Панек, стараясь сдерживать злобу, заговорил снова:

– Мы можем заключить договор о торговле. Я устрою так, что ваши торговцы первыми будут получать наши самые лучшие товары.

– Хорошо, – похвалил Юлий, дав знак, чтобы гостям принесли вина. – Продолжим.

Чтобы достичь окончательного соглашения, потребовалось тридцать дней переговоров и ожесточенных дискуссий. Ни Юлий, ни Панек не посещали этих собраний, предоставив своим подчиненным выдвигать предложения и возражения. Без Клеопатры ничего бы не получилось. Она отлично знала, когда придворным можно уступить, а когда нужно стоять на своем.

Она тоже не присутствовала на переговорах, проводя почти все время с братом, которому позволили передвигаться по дворцу. Удивительно было видеть эту пару, гуляющую по залам и увлеченную какой-нибудь беседой. Еще больше удивляли Юлия их отношения. Клеопатра – старшая сестра этого мальчика и одновременно супруга – взрослая женщина, привыкшая к дворцовым интригам. Фараон прислушивался к ней, как ни к кому другому, и вспышки ярости у него больше не повторялись.

По ночам царица рассказывала Юлию о своем брате. Фараон ненавидит жизнь в душном дворце. Любое приказание фараона должен непременно одобрить Панек. Птолемея не скрывал своей ненависти к советнику. В каком-то смысле до похищения мальчик пользовался гораздо меньшей свободой. Панек был голосом фараона, и войско повиновалось любому слову вельможи.

– Но во имя богов, ведь твой брат – царь! – воскликнул однажды Юлий, когда Клеопатра рассказывала ему о брате. – Почему бы ему просто не приказать, чтобы Панека взяли и отстегали?

– Птолемея еще ребенок и совсем не знает жизни. Панек его запугал, – сказала она. – Я-то не боюсь этого человека. Правда, я проглядела, как советник рвется к власти. – Клеопатра впиалась пальцами в постель. – Год назад он явился ко мне и принес приказ фараона – удалиться от двора. Я знала, что это идет не от моего брата, но мне не дали с ним увидеться. Те, кто остался мне верен, последовали за мной. Женщины рвали на себе волосы и посыпали грудь пеплом. Поверь мне, Цезарь, Панек слишком умен, одинокому ребенку не по силам ему противостоять.

На тридцатый день Юлию принесли свиток с договором, и он послал за Птолемеем, чтобы тот поставил свою подпись. Клеопатра

тоже пришла, и Панек, увидав ее, даже зашатался.

– Моя повелительница, – едва выговорил советник, падая на колени и касаясь головой пола.

Остальные придворные последовали его примеру, и царица улыбнулась:

– Поднимись, Панек, и доведи до конца то, что начал. Благодаря тебе Египет и Рим связаны теперь золотыми узами. Именно этого я и хотела, и твой повелитель тобой доволен.

Панек метнул взгляд в сторону Птолемея, молча смотревшего на них. Фараон медленно кивнул.

– Мой брат и я приняли решение, – нежно ворковала Клеопатра. – Твоя служба кончена, Панек. Мы вернемся к управлению Верхним и Нижним Египтами. Но твой труд не останется без вознаграждения.

Птолемей протянул сестре перо, и царица вывела на свитке резолюцию: «Да будет так». На листах папируса был записан торговый договор. Он весьма тормозил развитие Египта, не говоря уже о десятой доле государственного дохода, которую ежегодно придется отсылать в Рим. Со своей стороны Юлий сделал ошеломляющий жест – вернул Египту Кипр, принадлежавший ему три столетия назад. Такое великодушие со стороны римлянина глубоко озадачило Панека; советник не знал, что эта мысль принадлежала Клеопатре. Кипр потеряли после смерти Александра; несколько недель унижения фараона – не слишком высокая цена за возвращение острова.

Панек понял, что за переговорами стояла царица. Это из-за нее даром пропали все его хитрости и сорвались планы. Вельможа стоял, словно пришибленный, и низко кланялся божественной чете.

– Я с нетерпением жду твоего возвращения, повелитель, – обратился он к Птолемею.

– Фараон вернется завтра на рассвете, – пообещал Юлий, прерывая их обмен взглядами.

Панек взял свой свиток с договором и вышел, за ним последовали помощники и рабы. Напряжение сразу спало, и Клеопатра повернулась к брату и обняла его:

– Теперь ты настоящий фараон, Птолемей. Отец был бы рад. Я прикажу убить Панека, а мое войско защитит тебя.

Мальчик в ответ обнял сестру, глядя через ее плечо на Цезаря.

– Странный ты человек, римлянин, – произнес он. – Моя сестра тебе доверяет. Но я не знаю, достаточно ли этого.

– Тебе нечего меня бояться, – заверил Юлий.

Птолемей кивнул:

– На рассвете я выйду и покажусь людям – пусть видят, что со мной ничего не случилось. Отныне все изменится. Я больше не позволю разлучить меня с супругой.

Он смотрел уверенно, и Юлий гадал, знает ли Птолемей о его истинных отношениях с Клеопатрой. Их брак представлялся Юлию смехотворным, и он даже не считал, что встал между мужем и женой. Да и неизвестно, был ли Птолемей настоящим мужем царице. Несмотря на их близость, Клеопатра оставалась для Юлия загадкой. С нее вполне станет вежливо дать отставку римлянину после того, как он помог ей вернуть трон.

– У меня есть для тебя подарок, – сообщил Юлий Птоlemeю и сделал знак стоящему неподалеку оружейнику Десятого легиона.

Вперед вышел крупный солдат и протянул сверток, из которого консул извлек маленький гладий – точно по руке Птолемея. Фараон взял оружие, и глаза его загорелись от радости. По приказу Юлия Домиций учил мальчика кое-каким простейшим приемам, но обычный гладий был для ребенка слишком тяжел. Новый клинок оказался в самый раз, и на лице консула засияла такая же мальчишеская улыбка, как и у фараона.

– Он великолепен, – признал Птолемей, глядя большим пальцем рукоять, покрытую кожей и обвитую медной проволокой.

Юлий кивнул:

– Надеюсь, у тебя найдется время продолжить занятия.

– Я постараюсь. Благодарю тебя за подарок, римлянин, – официально произнес Птолемей, и Юлий усмехнулся, вспомнив взбешенного мальчика, с которым разговаривал ранним утром четыре недели назад.

– Значит, увидимся завтра, – сказал он.

Начался рассвет, и войско Птолемея собралось на улицах Александрии, чтобы приветствовать вернувшегося фараона. Юлий посмотрел в щель между мешками, закрывавшими окно, и тихонько присвистнул. Эти тысячи солдат были явной демонстрацией силы.

Горожане тоже покинули дома; всем хотелось поскорее увидеть Птолемея. После разговора с Панеком никакие толпы разъяренных горожан не угрожали римлянам – царедворец, скорее всего, просто пугал. Хотя, возможно, Клеопатра недооценила влияние советника в городе.

Гулко шагая по мраморному полу, Птолемей приблизился к наружной двери и повернулся к Юлию. Фараон держался хорошо; к удовольствию Юлия, у него на бедре висел маленький гладий.

Юлий приоткрыл дверь, чтобы Птолемей посмотрел, сколько народу собралось приветствовать своего повелителя.

– Ты готов? – спросил он у мальчика.

Птолемей не ответил, и Юлий, к своему удивлению, увидел в его глазах слезы.

– Я не верю Панеку, – громко прошептал фараон, глядя на стоящих снаружи солдат.

– Тебе нужно идти, – сказал Юлий. – Пусть твое войско видит, что ты жив. Мы должны честно выполнить соглашение и отпустить тебя. Панек не глупец. Сестра с тобой заодно, и советник не решится тебя удерживать. Посмей он только – и я его убью. Ему это отлично известно.

Юлий мягко положил руку Птолемею на плечо и повел к выходу. Юный фараон резко схватил консула за руку:

– Ему нельзя доверять! Соглашение для него ничего не значит, я уверен. Если ты меня отошлешь, я опять стану беспомощен. Позволь мне остаться, и мы придумаем что-нибудь другое.

Юлий осторожно отвел руку мальчика:

– У нас кончаются припасы, и, кроме того, я дал слово тебя отпустить. Переговоры окончены. – Его голос стал суровым. – Выполни свою часть договора, и сегодня же я увижу тебя на троне. А для начала ты должен показаться своему народу.

Слезы покатались по лицу Птолемея, и он опять отчаянно ухватился за руку Цезаря:

– Ты не понимаешь! Там, за стенами этого дворца, я снова буду фараоном. Я боюсь!

Сконфуженный Юлий старался не смотреть на рыдающего Птолемея. Где же Клеопатра? Она бы сумела найти нужные слова и

успокоить младшего брата. Юлий уже хотел послать за ней, но Птолемею сердито вытер слезы и отпустил руку Цезаря.

– Я пойду, – сказал он.

В глазах мальчика светился ужас, и Юлий не понимал, в чем дело. Что бы там ни задумал Панек, в ближайшие несколько часов Птолемею ничто не угрожает. Он вернется в свой дворец, а затем, в сопровождении легионеров, туда прибудет Клеопатра.

– Мужайся, мой мальчик, – тихо проговорил Юлий, легонько подталкивая Птолемея.

Фараон сделал глубочайший вдох и расправил плечи. Рука его легла на рукоять меча – мальчик не раз замечал этот жест у римлян. Он коротко кивнул и вышел.

Увидев на крыльце хрупкую фигурку фараона, египтяне восторженно взревели. Они одновременно подняли руки, и Юлий подумал, что, пожалуй, эти солдаты получше тех, которые дежурили во дворце фараона в ночь похищения. С порога была видна только часть улицы, и консул не знал, сколько же тут собралось воинов.

Подошел Брут и встал рядом с Октавианом, причем оба старательно не замечали друг друга. Птолемею спустился по ступеням и приближался к переднему ряду воинов. Римляне молча провожали его взглядами. Панек стоял внизу и ждал своего повелителя, опустив голову.

Когда фараон поравнялся с воинами, в воздухе раздался пронзительный вой труб. Римляне в изумлении наблюдали, как перестраиваются шеренги солдат.

– Что происходит? – спросил Октавиан.

Юлий в ответ молча покачал головой.

У них на глазах фараону поднесли золотое одеяние, в котором Юлий его впервые увидел, и опустили Птолемею на плечи. Римлянам пришлось прищуриться – облитый лучами восходящего солнца, Птолемею, казалось, запылал.

Панек поднял головной убор фараона, и стало слышно, как он нараспев возносит хвалу богам. Птолемею молча ждал, глядя на золотую маску, опускающуюся на его лицо. Долгое время фараон стоял неподвижно, потом повернул голову в маске в сторону римлян, стоящих в дверях и окнах верхних этажей. Маска скрывала юные

черты и казалась такой зловещей, что Юлий нахмурился. Время словно остановилось. Двор наполнялся жаром от горящих печей.

– Неужели он... – недоверчиво начал Брут, но сверкающая фигура медленно подняла руку, а затем резко опустила.

Воины издали боевой клич и бросились к дому.

Юлий отпрянул назад, не веря глазам. Обдумывать случившееся было некогда.

– Запереть двери и готовиться к бою! – крикнул он. – С копьями и луками – на крышу! Нас атакуют!

Глава 27

Египтяне убивали лошадей экстраординариев, и осажденные римляне слышали, как кричат животные.

Больше сотни легионеров забралось на черепичную крышу – они пускали в орды египтян, рвущиеся во дворец, зажженные стрелы. По такой густой толпе промахнуться невозможно.

В первые же минуты атаки снизу вверх полетели наугад веревки с крюками. Римляне поспешно обрезали их, чтобы осаждающие не могли забраться наверх, однако у египтян тоже были лучники, и пораженные стрелами легионеры падали то тут, то там. Атака началась яростно и стремительно, но дворец нелегко быстро взять приступом. Брут оставил открытыми только самые верхние окна, а остальные приказал плотно заложить. Те, кому удавалось добраться до окон, все равно не могли в них проникнуть. Пока они карабкались, из щелей, оставленных в заграждениях, их разили мечи, и смельчаки падали на головы своих товарищей.

Вскоре раздались гулкие удары – солдаты Птолемея били в главную дверь деревянным брусом. Сверху на осаждающих сыпались стрелы, но места упавших солдат тотчас же занимали другие. Между тем во дворце солдаты поспешно выносили вещи из покоев Клеопатры и Юлия и заваливали главную дверь. У командующего не было времени продумывать ход сражения. Он понимал: долго ему не продержаться – и жалел, что сказал мальчишке-фараону о том, как мало у них осталось еды. Даже при половинном рации припасов не хватит и на неделю, и легионеры начнут голодать.

Птолемей был недостижим для копий, и Юлий послал на крышу Цирона, чтобы тот попытался его достать. Римляне не могли постичь неожиданную перемену в поведении фараона. А вот Клеопатра, казалось, поняла, когда Юлий сообщил ей о золотом уборе, который надели на Птолемея. Юлий припомнил слова мальчика о том, что, покинув дворец, он снова станет фараоном.

Первый приступ окончился безрезультатно: египтяне, ломавшие двери, отступили под градом тяжелых кусков черепицы, летевших с крыши. Осаждающие отошли, но они, конечно, приведут еще солдат, чтобы те прикрывали их щитами. Юлий поступил бы именно так.

Пытаясь перекрыть шум, Юлий крикнул в сторону, где стояли его офицеры:

– Брут, иди к Клеопатре и скажи, что мне нужен выход из дворца! Мы не можем сидеть здесь, пока египтяне не разнесут стены. Если нас подожгут, нам придется атаковать.

В зал вошла Клеопатра.

– Они не посмеют поджечь, ведь здесь я, – заявила царица.

Юлий тоже хотел в это верить, но рисковать не мог.

– Мы окружены. Нет ли здесь тайной двери или подземного хода? – спросил он, морщась от возобновившегося грохота ударов.

Теперь египтяне, конечно, защитились получше.

Клеопатра покачала головой:

– Нет, иначе я бы и сама им воспользовалась.

Юлий выдохнул проклятие и стал через щели смотреть на неприятельских воинов. Дворец казался ему темницей: его мучило вынужденное бездействие. В отличие от тех, кто находился на крыше, Юлий не мог даже стрелять. Он мог только отдать приказ идти в наступление, послать людей на смерть. А это для него равноценно самоубийству.

– У них есть тяжелые орудия? Катапульти? – крикнул он, перекрывая шум.

Если противник применит катапульти, от дворца камня на камне не останется. Юлий вдруг испугался, что египтяне так и поступят.

– Есть, но не в городе, – сообщила Клеопатра. Царица провела языком по губам, покрытым пылью, и сдвинула брови. – Проводи меня на крышу, и я тебе кое-что покажу.

Юлий медлил – ему не хотелось оставлять своих людей.

Вперед Домиция и Октавиана выступил Брут.

– Иди, господин, – сказал он. – Мы немного задержим их.

Юлий облегченно кивнул и поспешил вслед за царицей. Не замедляя шагов, они поднимались на верхний этаж. Когда подъем закончился и оба вышли на крышу, Юлий запыхался.

В Александрии уже наступило лето, и на крыше на них обрушилась страшная жара. Вниз во все стороны летела черепица. Юлий остановил взгляд на солдатах – он послал на крышу самых отчаянных. Неподалеку стоял Цирон. Он тщательно прицелился и пустил вниз копье. Поразив цель, гигант ухмыльнулся, а окружающие в восторге хлопали его по плечам. На легионеров посыпалось множество стрел, и они отпрянули от края. Увидев командующего, солдаты стали салютовать, а он жестом показал им, чтобы не обращали на него внимания.

При виде раскинувшегося под ногами города и моря у Юлия захватило дух. Гавань отсюда была словно на ладони. Где-то на горизонте лазурь волн сливалась с коричневым пятном земли. Вот оно – сердце Египта!

Клеопатра стояла рядом, под порывами ветра ее волосы хлестали по щекам.

– Вон там, на востоке, – показала царица в подернутую дымкой даль, – Канопские казармы. Это два дня пути отсюда. Там есть и катапульты, и корабли.

Юлий рассматривал вход в гавань. Вдалеке виднелись крошечные сторожевые галеры. По волнам двигались торговые корабли – и парусные, и гребные. Десятки судов стояли на якоре, недоступные ветрам и штормам. Александр знал, где ему строить свой город.

– Сегодня ночью мне нужно как-то вывести людей, – сказал Юлий. – Можно перегородить вход в порт, если потопить там корабли. Что тогда будут делать наши противники?

Клеопатра развела руками:

– Берега здесь везде скалистые и опасные. Где бы они ни причалили, это займет не один день.

– А они смогут выгрузить орудия? – спросил Цезарь.

– Рано или поздно смогут. Мы, египтяне, народ изобретательный.

Юлий изучал побережье, быстро переводя взгляд с одного места на другое.

– Мои люди могут спуститься из окон по веревкам, – придумал он наконец.

Он подошел к внутреннему краю крыши, посмотрел вниз и досадливо поморщился – высота большая, и его солдатам придется нелегко. Чья-то стрела ударила Юлия на излете, но он даже не обратил внимания.

Клеопатра подошла к нему и встала, глядя вниз, на войско брата.

– Чтобы передать послание моим солдатам, хватит и одного человека, – сказала она. – Я отправлю своего раба Ахмоса. Мои войска придут и сравняют наши силы. Ты сможешь снять осаду.

– Этого недостаточно, – возразил Юлий. – Если хочешь – посылай его, однако я не могу сидеть здесь, не зная, добрался он или погиб. У нас припасов всего на несколько дней.

Юлий расхаживал по краю крыши и смотрел вниз, на небольшие здания, окружающие дворец. Дойдя до поворота, ему пришлось шагнуть на наклонный участок, и он порадовался, что черепица сухая и прочная. За дворцом тянулись невысокие строения, где, видимо, жили слуги и рабы. Юлий улыбнулся.

– Видишь? – спросил он.

Клеопатра взглянула туда, куда он указал. Внизу наклонная линия черепицы, казалось, подходила ближе к главной стене. Юлий опустил на колени, затем лег на живот. Рядом, достаточно близко, чтобы допрыгнуть или переправиться по веревке, была другая крыша. Дальше тянулся целый ряд разнообразных построек, уходящий далеко от дворца.

– Здесь, – сказал Юлий. – Мои люди попробуют спуститься на эту крышу и переберутся дальше прямо над головами солдат Птолемея. А те и не догадаются. Есть там окно на такой же высоте?

Клеопатра легла ничком на край крыши и вытянула шею, глядя вниз. Она утвердительно кивнула, и оба одновременно ощутили близость тел. Юлий знал, что солдаты все видят, но продолжал зачарованно смотреть на царицу. Потом потряс головой:

– Мне нужно спуститься и найти помещение, которое выходит сюда окнами.

– Исида благоволит к тебе, Юлий, это она помогла найти выход.

Юлий сдвинул брови:

– Я и сам способен додуматься.

В ответ Клеопатра рассмеялась и с юной легкостью вскочила на ноги. По сравнению с ней Юлий чувствовал себя стариком. Когда царица поцеловала его, он ощутил на губах привкус пыли.

Цирон и Домиций осторожно высунули головы из заднего окна, посмотрели вниз и сразу отпрянули назад. Египтяне – превосходные лучники, и, хоть они и далеко, рисковать лишний раз не хотелось.

– Вниз около двадцати футов, а поперек около шести, – прикинул Домиций. – Мы справимся, только бы неприятель нас не заметил. А что потом? Мы ведь не узнаем, как далеко ведут эти крыши, пока не доберемся до конца. Может, уйдем совсем недалеко.

– Другого способа все равно нет, – возразил Юлий. Грохот бревна, которым ломали главные двери, не прекращался. – Они привезут катапульты, и нам конец – если припасы и вода не кончатся раньше. А так хоть отвлечем часть противника от осады.

– Позволь пойти мне, господин, – сказал Домиций. – Возьму когорту самых молодых и попробую захватить корабли.

Юлий повернулся к нему:

– Цирон, иди с ними. Пусть твои люди к закату будут готовы.

Брут, подошедший узнать, чем занят его начальник, занервничал.

– Я бы тоже хотел пойти, – попросил он.

Юлий нахмурился:

– Твоя рука едва зажила. Как ты спустишься по веревке с такой высоты?

Не получив прямого отказа, Брут испытал некоторое облегчение.

– Когда первые закрепят веревку, остальным можно просто скользить вниз. Это я смогу.

Брут поднял руку и сжал и разжал кулак.

Юлий покачал головой:

– Не сейчас, Брут. Одним богам известно, насколько трудным окажется спуск. А если твоя рука откажет и ты упадешь, наш замысел мигом раскроют.

Брут сделал глубокий вдох.

– Как прикажешь, господин, – произнес он, и на его лице отразилось сильнейшее разочарование.

Неожиданно Домиций предложил:

– Можно связать ему руки и пропустить веревку. Тогда, если рука и откажет, он не упадет.

Брут в изумлении повернулся к Домицию, и только тут Юлий понял, как сильно старый друг рвется в бой.

– Когда вы потопите корабли, возвращаться, наверное, придется вплавь. Отличная возможность утонуть – ты не находишь?

Брут кивнул, и у него в глазах появился знакомый воинственный блеск.

– Разреши мне идти. Прошу тебя.

– Так и быть. Если рука не выдержит – оставайся на крыше до тех пор, пока все не кончится.

– Слушаюсь, господин! – сказал Брут, и лицо его сразу посуровело.

Дождавшись, когда Юлий отвернется, он хлопнул Домиция по плечу, и тот ответил ему кивком.

Внизу не прекращались гулкие удары.

Солнце село, но вокруг дворца было светло – кругом горели костры. На крышу и в верхние окна время от времени летели стрелы. Египтяне либо решили взять римлян измором, либо просто ждали, пока привезут катапульты. Юлий смотрел вниз из окна верхнего этажа, тщательно укрывшись от лучников. Консул страдал, сидя в этой западне, и даже думать не хотел, что единственная его надежда – солдаты, которые сейчас спускаются по веревкам из задних окон.

Рано или поздно Юлию придется послать своих людей против египетской армии. Конечно, для решающего удара он выберет наиболее подходящий момент, хотя при таком громадном перевесе у противника атака в любом случае равносильна самоубийству. Клеопатра рассказала очень много о силах и тактике египтян, но в Десятом и Четвертом катастрофически не хватает людей. Порой Юлий в глубине души жалел, что не оставил Александрию, когда истекло отведенное ему время. Потом злился сам на себя. Не бежать же ему от толпы чужеземных солдат. А если и придется, то он добудет провиант и потребует подкрепления из Испании и Греции. Тогда египтяне поймут, что значит угрожать жизни человека, который правит Римом.

В это время с другой стороны дворца Домиций надежно связал руки Брута куском вощенной ткани – чтобы тот мог соскользнуть по веревке к ожидающим его солдатам. Бесшумно выбраться из дворца с пятью сотнями солдат – задача не из легких; впрочем, пока никто не нарушил тишины, и все шло по плану.

Домиций затянул узел и почувствовал в темноте взгляд Брута.

– Мы ведь были друзьями, – напомнил Брут.

Домиций тихонько фыркнул:

– Может, и будем еще, старина. Все тебя со временем примут, вот только Октавиан...

– Я рад, что ты высказался, – ответил Брут.

Домиций сжал ему плечо:

– Из-за своего норова и дурацкой спеси ты мог нас убить. Иногда мне прямо хотелось воткнуть в тебя нож.

– Если бы я мог изменить прошлое – я бы изменил, – признался Брут.

Домиций кивнул, помогая ему перелезть подоконник.

– Мы вместе стояли на белых утесах Британии, – сказал он. – Ты прикончил того здоровенного синего ублюдка с топором, когда я лежал на спине и готовился умереть. Это чего-то стоит.

Домиций говорил медленно, серьезным тихим голосом.

– После твоей выходки я не назову тебя братом. Но надеюсь, мы сможем как-то ладить и не плевать друг другу в похлебку.

Брут медленно кивнул, не поднимая глаз.

– Вот и отлично, – заключил Домиций и подтолкнул товарища вперед.

Брут начал скользить вниз, но веревка провисла под его тяжестью, и он остановился. Повиснув над темной пустотой на полпути к крыше, он стал вращаться, и повязка больно врезалась в руки. Ослабевшие мышцы не слушались, и Брут яростно задергал ногами. Титаническим усилием он развернул тело в обратную сторону и заскользил дальше. Рука болела гораздо сильнее, чем он мог ожидать, и Брут изо всех сил стиснул зубы. Вскоре он очутился на крыше, в руках подхвативших его легионеров. Солдаты развязали ему руки – в полном молчании – и отдали меч, которым Брут сразу опоясался. Легионеры отправились в ночную вылазку без доспехов и щитов. Лица солдат, распростершихся на крыше, были вымазаны сажей, и их присутствие выдавали лишь

белки глаз и зубы. Раб Клеопатры, Ахмос, тоже шел с ними – его массивная фигура усердно карабкалась по крыше.

Не успел Брут отойти, как ему в спину воткнулись ноги Домиция, и он упал на четвереньки.

– Все спустились, – прошептал Домиций, увлекая Брута вперед.

Под ногами потрескивала черепица, и римлянам оставалось надеяться, что внизу за ними не следуют лучники, готовые стрелять, как только легионеры спустятся. Следующая постройка стояла вплотную, но третья оказалась значительно дальше.

– Мне нужен солдат, который сможет допрыгнуть до той крыши, – сказал Домиций.

В лунном свете проход между домами казался гораздо шире, чем ему следовало быть. Вперед шагнул молодой легионер Четвертого и отстегнул меч. Едва кивнув командирам, солдат чуть-чуть разбежался и прыгнул вперед. Он приземлился со стуком, заставившим всех замереть, однако ничего не произошло. Дворец уже остался далеко позади. Легионеру бросили веревку, и остальные по одному начали переправляться. Брут на этот раз пошел первым, перебирая веревку руками. В мышцах стреляло, но кость выдержала, и он благополучно достиг другой стороны, взмокший от волнения, но довольный.

Таким же образом легионеры миновали еще четыре крыши, перед ними появился слишком большой промежуток. Шедшие первыми легли ничком и осторожно посмотрели вниз. Улицы казались совсем пустынными. Пригибаясь, они вернулись к остальным и сообщили, что путь свободен, и на землю тут же полетели веревки.

Теперь Брут не решился спускаться, работая руками, – он просто соскользнул и ободрал веревкой кожу на ладонях. С неприятным чувством сообразил: этим путем возвращаться не придется – уж ему-то точно. Рядом бесшумно приземлился Ахмос. С улыбкой помахал римлянам рукой и скрылся в темноте. Брут мысленно пожелал ему удачи. Даже если им повезет запереть гавань, Юлию все равно нужно подкрепление.

Когорта неслась по улице почти беззвучно. Чтобы не скользить по крыше, они обвязали сандалии тряпками, и им удалось добежать до порта, не подняв в городе тревоги.

Порт не спал – тут было светло илюдно. Домиций остановил людей на темной дороге и передал приказ быть наготове. Их могут

обнаружить в любую минуту, и тогда им нужно рвануться к пристани и успеть захватить корабли, пока не подоспеют войска.

Раздался чей-то вопль, и Домиций увидел, что двое портовых рабочих указывают в их сторону.

– Ну вот и все. Вперед! – приказал он, выбегая из темноты.

В порту обычно стояло не меньше дюжины торговых судов – одни принимали товар, другие выгружали. Пять сотен римлян бежали к кораблям, не обращая внимания на панические крики грузчиков. Добежав до пристани, легионеры разделились на четыре отряда и устремились по сходням на ближайшие корабли.

Матросов перепугало неожиданное нападение, и команды трех кораблей сразу же сдались. На четвертом двое, потеряв рассудок, пытались сопротивляться; они набросились на римлян, едва те ступили на борт. Моряков тотчас зарубили, и их тела полетели за борт, в грязную воду. Остальные, не оказав никакого сопротивления, сошли на берег, как им велели. Корабли остались в распоряжении римлян.

Почти без промедления римляне подняли паруса и обрубали швартовы. Все четыре судна стали отдаляться от пристани, а оставшиеся на берегу матросы в отчаянии вопили.

Кое-кто устремился по темным улицам – поднять тревогу в войсках. Когда римляне закончат свое дело, в порту будет полно солдат. Впрочем, оно и к лучшему – по крайней мере Юлий получит передышку.

Брут не жалел, что пошел, – впервые за много месяцев он почувствовал себя живым. Вот затрепетали паруса, корабли направились к общей цели – выходу из гавани, и полководец окончательно развеселился.

– Двоих – навверх, вести наблюдение, – распорядился Брут и улыбнулся – в памяти всплыли времена, когда и он вот так же карабкался по мачтам.

Сейчас Брут не смог бы забраться так высоко, но его согревало воспоминание о том, как они плыли с Рением через всю Грецию. Тогда казалось, весь мир принадлежит ему.

Не успел Брут произнести последние слова, один из легионеров – тот самый, который первым перепрыгнул на другую крышу, – уже поднимался навверх. Брут был недоволен собой – он не догадался спросить имя смельчака. Да и вообще он полностью отдалился от

солдат. Хорошо хоть немного побыть на прежнем месте, пусть даже его ждет смерть. Долго, очень долго Брут оставался не у дел и многого не знает.

Вдали от освещенного огнями порта к ним присоединилась луна и плыла вслед за римлянами над темными недвижными водами.

Скалы, защищавшие Александрию от бурь, пропускали в гавань лишь слабый бриз, и корабли шли невыносимо медленно. Это никак не устраивало людей на борту. Они молча смотрели на огромный огонь Фаросского маяка, видный в море на многие мили. Яркий отблеск падал на их лица, а на палубу ложились длинные тени.

– Портовый дозор! – раздался крик сверху.

В ярком свете маяка Брут увидел три четких силуэта галер. Корабли двигались ему наперерез, легко идя на веслах против ветра. Брут гадал, сколько там людей. Галеры ему пригодятся, а не появившись они, римлянам пришлось бы добираться до берега вплавь.

В поле зрения Брута медленно входила длинная скалистая коса – за ней гавань кончалась. На ней днем и ночью горели огни, указывая судам ее местонахождение. Брут приказал править точно на них, видя, что два из его кораблей дойдут туда раньше. Купеческие суда еле ползли, и преследователи постепенно настигали римлян. Брут ждал. Когда галеры приблизились, он задумчиво покачал головой. Юлий приказал прорубить у судов днища или поджечь, но прорубать загруженные трюмы слишком долго. Значит – огонь.

– Найдите лампу или кремень, – потребовал он.

Лампу раздобыли без промедления и тут же зажгли. Брут начал раздувать огонь, вытянув фитиль. Купеческие суда построены из старых деревьев и гореть будут ярче, чем маяк.

Два корабля, захваченные римлянами, уже добрались до места. Легионеры начали связывать их вместе. Тут слабый бриз и обвисшие паруса были кстати – при сильном ветре трудно связать два судна.

Вскоре к косе подошел корабль Брута, и солдаты бросили концы. Веревки натянулись, судно, прижавшись к скале, застонало и заскрипело. В воду с плеском полетели якоря. Портовые галеры приближались. Жаль, на торговом корабле нет «ворона», чтобы перекинуть на галеру, когда она подойдет вплотную. Брут тотчас нашел выход и отдал приказ: отодрать доски обшивки и сделать из них подобие мостков.

– Поджечь корабли! – проревел Брут, стараясь, чтобы услышали солдаты на других судах.

Он выплеснул на палубу масло из лампы, и повсюду побежали языки пламени, моментально взбираясь на просмоленные канаты. Огонь разбежался невероятно быстро, и Брут подумал – не слишком ли он поспешил?

С галер послышались яростные крики. Через секунду корабль Брута протаранили, и его сильно трянуло. При мысли о том, во что превратилось днище, Брут радостно засмеялся. Портовый дозор сделал за них всю работу.

Корабль дал крен, и Брут приказал солдатам поднять сделанные ими мостки и перебросить на борт галеры. Мостки держались плохо, двигались от качки и в любую минуту могли упасть. На галере подняли весла, чтобы дать задний ход. Не думая об опасности, легионеры ринулись на палубу вражеского судна навстречу перепуганным матросам.

Началась резня. Как и надеялся Брут, на галерах находилось лишь по несколько дюжин матросов да прикованные к веслам рабы, которые не могли сражаться. Через минуту темная палуба окрасилась кровью, а все легионеры оказались на галере, позволив ненужным теперь мосткам упасть в море.

Позади них бесновалось пламя; на тонущем судне был настоящий ад. Корабль стал опускаться, и Брут вдруг испугался, что судно ляжет глубоко и корабли египтян смогут над ним пройти. С замирающим сердцем он ждал конца, и, к его облегчению, треть корабля так и осталась торчать над водой. Клеопатра сказала правду. Гавань не чистили и не углубляли добрую сотню лет, и даже плоскодонным судам, чтобы выйти в море, приходилось ждать полного прилива.

Брут, сияя от радости, вернулся к своим делам. После того что случилось с первой галерой, остальные подходить не спешили. Пламя охватило все корабли римлян, и Брут не стал медлить. Он приказал гребцам поскорее взяться за весла и, не переставая усмехаться, смотрел, как галера разворачивается против ветра. Римлянам не придется добираться до берега вплавь.

Легкий ветер усилился, неся с горящих кораблей искры пламени. Когда Брут взял на свой корабль последнего легионера, стало жарко, словно в печи. Дожидаясь, пока их подберут, многие солдаты получили

ожоги. Густая сажа и угольки с шипением падали на воду, оседали на снастях. Брут смеялся, видя, как горят корабли. А легионеры усердно черпали морскую воду и поливали снасти на своей галере.

Ветер доносил искры до самого берега, и они падали на сухие крыши домов, вспыхивали и превращались в языки пламени.

Юлий заметил, что у неприятеля что-то происходит. Со стороны порта бежали люди, и он понял: это его легионеры вызвали суматоху. Солдаты злобно поглядывали в сторону дворца, и Юлий, невидимый для своих врагов, довольно улыбался.

Освещаемый факелами египтян Панек, которого, видно, подняли с постели, в бешенстве выкрикивал приказы, тыча рукой в сторону гавани. Сотни воинов строились и отправлялись на восток, в сторону моря. Лучшего случая, понял Юлий, не будет. Вот-вот начнется рассвет.

– Всем приготовиться! – крикнул он Регулу и Октавиану. – Мы выступаем!

Глава 28

Воины Александрии недаром не носили доспехов и шлемов. Под неистовым солнцем Египта металл сильно нагревался и обжигал кожу. Немыслимо пройти даже небольшое расстояние в раскаленных доспехах.

Юлий выбрал для боя наиболее прохладное время суток. Над горизонтом едва расплывалось смутное пятно, и у римских легионов было преимущество – их доспехи. Двери дворца открыли, и легионеры Десятого и Четвертого выскочили наружу, держа кверху щиты.

Римляне вырвались в сад, и экстраординарии, увидев облепленные мухами трупы коней, взревели от бешенства. Зрелища самых породистых лошадей, валяющихся на земле с высунутыми почерневшими языками, хватило, чтобы людьми овладели настоящее омерзение и дикая ненависть к противнику.

Опционам и центурионам приходилось сдерживать рвущихся вперед людей. Передние ряды, кряхтя от усилия, уже протыкали копьями египтян, тщетно пытающихся отразить неожиданную атаку.

Затем римляне выстроили заслон из щитов и врезались в противника, круша его и справа и слева.

И тут доспехи римлян сыграли решающую роль. Куда бы ни били воины Птолемея, раздавался только лязг металла. А легионеры таранили египтян шлемами, перебивали им ноги наголенниками, отсекали мечами руки. Раньше, когда египтяне метали по ним снаряды, они были беспомощны, но теперь настал час расплаты.

– Регул! Развернуть линию! – прокричал Юлий.

Четвертый легион замедлил свое стремительное наступление, и атака пошла вширь. На поле боя сверкало все больше клинков. Юлий оглянулся на дворец – оттуда еще выбегали легионеры. Он шагнул вслед за своими солдатами, и, когда неприятель начал контратаку, командующий закрылся от стрел щитом и сам повел свои легионы.

Рядом с Регулом упал воин со стрелой в бедре и тут же, пошатываясь, поднялся. Раненый пытался идти, но из бедра хлестала кровь, и Юлий увидел, как командир схватил его и отшвырнул назад.

Взошло солнце, и горячие лучи словно нарочно выискивали доспехи римлян. Легионеры начали потеть и задыхаться. Они наконец прорвались сквозь дворцовый парк и оказались перед разбегающимися узкими улочками. Солдаты продолжали бить, резать, идти по трупам.

К великому удивлению Юлия, с рассветом из домов вышли горожане. Тысячи египтян, вопя и причитая, заполнили все улицы вблизи сражающихся армий. У многих было оружие, и Юлий начал подумывать о возвращении во дворец. Его солдаты крушили воинов Птолемея, но численный перевес у противника по-прежнему оставался огромным.

Вдруг справа, со стороны гавани, до Юлия донеслись звуки горнов. К нему подбежал экстраординарий, настолько забрызганный кровью, что зубы казались неестественно белыми.

– Господин, наша когорта вернулась из гавани.

Юлий утер заливающий глаза пот.

– А египтяне – те, которые туда отправились?

– Их не видно, господин.

Юлий мог только гадать, что случилось с египетскими солдатами, посланными в гавань. Знай Панек, кто командует римлянами, захватившими корабли, он отправил бы туда гораздо больше людей.

– Когда доберешься до них, скажи Бруту, чтобы ударил с фланга, – приказал Юлий. – Если увидят Птолемея, пусть убьют его.

Экстраординарий отсалютовал и растворился в гуще битвы.

Юлию стало трудно дышать. Сколько времени прошло с той минуты, как они вышли из дворца и врубались в осадившее их войско? Солнце уже полностью поднялось над горизонтом. Шаг за шагом легионеры продвигались вперед, и на земле, среди бронзовых тел египтян, оставались и люди, которых он знал и с которыми сражался бок о бок много лет. Юлий стиснул зубы и зашагал вперед.

Брут спешил по улицам вместе со своей прокопченной до черноты когортой и клял больную руку. Он слышал шум битвы, и впервые в жизни эти звуки не наполняли полководца радостным нетерпением, с каким он всегда ходил в бой. Ночная вылазка в порт показала Бруту, насколько он еще слаб. Его солдаты сокрушили противника, что называется, играючи. Легионеры обрушились на египтян, ждавших в темных улочках, словно волки на ягнят, и изрубили в куски.

Брут неуклюже держал тяжелый гладиус, который оттягивал его больное плечо. Вскоре до римлян донесся шум сражения; Домиций внимательно посмотрел на Брута. Тот выглядел совершенно несчастным, и Домиций понял, в чем дело.

– Возьми! – крикнул он, протягивая кинжал.

Брут подхватил оружие левой рукой. Он предпочел бы щит или свои серебряные доспехи, но с кинжалом по крайней мере можно драться. Первый же удар, нанесенный им в порту египетскому воину, чуть не вывихнул ему руку, а солдат отделался небольшим порезом на голой груди. Тут бы Бруту и конец, если бы не Цирон, который вовремя отсек египтянину кисть.

Когда римляне приблизились к армии неприятеля, они выстроились в шесть рядов, поставив в центре Цирона. Египтяне, стоящие на фланге, развернулись к ним, и каждый легионер первой шестерки наметил себе противника и сообщил об этом остальным.

Не сбавляя бега, римляне буквально врезались в поднятые щиты египтян. Цирон сшиб своего противника с ног, но другие держались. Римлянам не удалось прорваться. Впрочем, Цирон проложил путь и своим товарищам. Он размахивал гладиусом, словно железной палкой, а кулаком другой руки просто сбивал египтян с ног. Возвышаясь над

врагами, Цирон бил и разил насмерть – со всей своей невероятной силой. Брут следовал за ним, нанося удары кинжалом и отражая мечом. И все равно каждый удар отдавался болью, и он боялся, что кость долго не выдержит.

Брут споткнулся о чей-то щит и решил его взять, с болью в сердце бросив клинок, выигранный когда-то в состязании. Он двигался справа от Цирона, прикрывая товарища. А справа от Брута появился Домиций с другим щитом, и вся линия двинулась дальше, в самую гущу битвы.

Здесь было совсем не так, как на открытой равнине у Фарсала. Люди карабкались на ворота и статуи, кромсая мечами тех, кто пытался их стащить. Наугад летели стрелы, низкими устрашающими голосами завывали египтяне на своем странном наречии. Однако эти причитания им не помогали. Без доспехов несчастных безжалостно громили, и вернувшаяся из гавани когорта внесла в их ряды окончательное смятение. Причитания перешли в испуганный гул, а затем в горестные вопли, которые вскоре подхватили самые последние ряды египтян. Брут видел, как двое экстраординариев защищались изо всех сил, пока оба не упали под ударами булавы и кинжалов. В него метнули копье, и, отбив его щитом, он едва не свалился с ног. Неподалеку раздался топот. Брут в отчаянии застонал: Юлий уже ввел в сражение все свои части, значит – это египтяне!

– К неприятелю идет подкрепление! – крикнул он Домицию.

Сразу в подтверждение его слов заревели трубы египтян, и Брут сжал щит такой мертвой хваткой, что вскрикнул от боли в руке. В памяти вспыхнули последние минуты битвы при Фарсале, и он яростно заработал кинжалом, словно каждый удар помогал ему излечиться от дикого гнева.

– Вон там мальчишка! – закричал Домиций, указывая рукой.

Все увидели окруженного свитой Птолемея. Сидящая в седле тонкая фигурка сверкала в лучах утреннего солнца. Приближенные фараона наблюдали за ходом сражения со странным безразличием, которое еще больше бесило римлян. Солдаты Брута, позабыв свою усталость, опять бросались вперед, стараясь пробиться к тому, кто так предательски их обманул. Вряд ли нашелся бы хоть один легионер, с кем фараон за целый месяц своего заключения не перемолвился хоть одним словом. И вот, после того как они почти подружились,

Птолемей вдруг пошел на них, на Цезаря, – и теперь легионеры рвались к нему, будто одержимые.

Фараону тяжело было смотреть на избиение своих солдат – золотая маска судорожно подергивалась. Панек стоял рядом и отдавал приказы, не обнаруживая ни малейших признаков страха. Посыльные кланялись ему и убегали туда, где трубили трубы. Если у египтян большое подкрепление, это утро, возможно, станет последним для римлян.

Цирон все время поглядывал вниз и наконец подобрал римское копье, покрытое кровью, смешанной с землей. Он высмотрел Птолемея и, метя как можно выше и дальше, с рыком послал копье в фараона. В свалке боя Брут не видел, куда оно попало, но, когда обзор освободился, фараон оставался на месте. Зато исчез Панек; было непонятно, жив ли он. Щит сотрясся от нового удара, и Брут вскрикнул от боли. Поднять щит он больше не мог, и Домиций еще три раза заслонял его от бронзового клинка.

Цирон продолжал подбирать и метать копья. Толпа придворных отодвинулась подальше. Легионеры кричали от досады. И тут уставшая и измученная когорта Брута соединилась с флангом Юлия. Им удалось прорубиться к своим, и все римляне словно обрели новые силы. Четвертый легион на другом фланге сдерживал наступление новых частей противника, значит у Десятого появилась возможность добраться до фараона.

Египтяне начали метать в неприятеля камни, куски черепицы и даже комья навоза. Навоз не приносил серьезного вреда, но камни и черепица представляли большую опасность: оглушенные легионеры не могли отражать удары неприятеля и погибали.

Брут, тяжело дыша, пробирался к Юлию среди дерущихся. На него почти не обращали внимания.

Увидев Брута, Юлий улыбнулся, такой у его друга был потрепанный вид.

– Им нас не остановить! – прокричал он сквозь крики и лязг. – Думаю, с фараоном покончено.

– А подкрепление? – спросил Брут, тоже стараясь кричать изо всех сил.

В эту минуту оба почувствовали: на поле боя что-то изменилось – и, повернувшись, увидели, как противник теснит солдат Четвертого.

Легионеры не бежали. Они помнили, как после позорного бегства великодушные воины Десятого спасло им жизнь. Теперь они ни за что не побегут, но по их прогнувшимся рядам Юлий понял, что подкрепление у противника очень велико.

– Десятый! Первые четыре когорты! Вперед, на помощь Четвертому! Первые четыре когорты!

Юлий кричал до тех пор, пока легионеры не услышали его и не начали двигаться. Левый фланг римлян смяли, и Юлий досадливо покачал головой.

– Как бы пригодился сейчас конь, – с горечью проговорил командующий, – если бы эти ублюдки не поубивали всех... А так я толком не вижу, что происходит.

Поворачиваясь к Бруту, Юлий краешком глаза заметил нечто, от чего остолбенел.

– Это еще что такое? – в отчаянии прошептал он.

Брут рывком обернулся и тоже замер: позади легионеров стояла Клеопатра. Теперь оба с изумлением наблюдали, как она, ловко подтягиваясь, взбирается на пьедестал статуи Исиды. Встав у ног богини, царица посмотрела вниз, на сражающиеся войска.

– Убрать ее оттуда, пока лучники не увидели! – крикнул Юлий, махнув рукой в сторону царицы.

В руке у нее оказался горн, и, прежде чем Юлий успел сообразить, что она намерена делать, Клеопатра поднесла его к губам и затрубила.

Низкий глубокий звук длился, пока царице хватило дыхания. К этому моменту все уже повернулись к ней. Сейчас в нее полетят копья и стрелы!

– Остановитесь! – прокричала она. – Слушайте Клеопатру, вашу царицу. Я вернулась к вам и приказываю прекратить сражение!

Римляне тянули руки, чтобы ссадить ее вниз, но царица даже не обратила на них внимания и заговорила снова. Эффект был таков, словно египетских солдат окатили холодной водой. Они указывали на царицу, тараща в благоговейном страхе глаза. Египтяне еще не знали, что Клеопатра в городе. Их мечи опустились, и легионеры Десятого ринулись вперед, разя всех подряд.

– Труби отбой, – приказал Юлий своему горнисту. – Мигом!

Эхо римских горнов донеслось до Клеопатры. На залитых кровью улицах воцарилась зловещая тишина.

– Я вернулась к своему народу. Римляне – мои союзники. Немедленно прекратите убивать.

Теперь, не заглушаемый звоном оружия, голос ее летел гораздо дальше. Солдаты Птолемея ошеломленно замерли, а Юлий тем временем гадал – выбрала ли она статую Исиды с умыслом, или просто та стояла ближе других. Юлия окружали задыхающиеся, окровавленные солдаты; он вдруг понял, что ничего не сообщает.

– Интересно знать... – начал консул, но тут египтяне стали приходить в себя и опускаться на колени.

Юлий растерянно смотрел, как солдаты Птолемея тычутся лбом в землю. Римские легионеры тоже застыли, ожидая дальнейших приказов своего командующего.

– Десятый и Четвертый, на колени! – проревел Юлий почти машинально.

Солдаты, недовольно переглядываясь, выполнили приказ, держа, однако, оружие наготове. Цирон, Регул и Домиций опустили на одно колено. Брут, когда Юлий повернулся к нему, последовал их примеру. На ногах остались только сам Юлий и Октавиан.

– Даже не проси! – тихо сказал Октавиан.

Юлий смотрел ему в глаза, не говоря ни слова. Передернувшись, Октавиан подчинился.

С другой стороны линии сражения, чуть в стороне от тысяч коленопреклоненных солдат, стояла небольшая кучка людей. Приближенные фараона держались прямо, хотя взирали на происходящее с глубоким ужасом. Один вельможа ударил стоящего поблизости солдата, явно требуя продолжить бой. Тот вздрогнул, однако не поднялся. Царедворцы напоминали Юлию стаю хищных птиц. Страх, написанный на их лоснящихся лицах, доставил ему немалое удовольствие.

– Где мой брат Птолемей? Где мой повелитель? – крикнула им Клеопатра.

Она легко скользнула вниз и стала уверенным шагом пробираться среди искромсанных трупов и коленопреклоненных воинов. Походка ее была полна достоинства. Поравнявшись с Цезарем, царица кивком пригласила следовать за ней.

– Где мой брат? – вновь спросила она.

Появление царицы повергло придворных в ужас, они как-то сникли, словно не в силах вынести этот удар. Когда Клеопатра приблизилась, вельможи покорно расступились, давая ей дорогу. Юлий шел следом, всем видом показывая, что только и ждет, чтобы они попробовали поднять руку на царицу.

Бледный и неподвижный Птолемей лежал на испачканном золотом одеянии. Фараона уложили подобающим образом – правая рука покоилась на груди, едва закрывая зияющую рану. Помятая золотая маска валялась в пыли у его ног. Клеопатра подошла и встала на колени. Рядом с фараоном лежал маленький гладий, и, глядя в детское лицо Птолемея, Юлий внезапно испытал острую жалость. Клеопатра нагнулась, поцеловала брата в губы и села рядом. Глаза ее были полны боли, но совершенно сухие.

Пока царица молча сидела над телом фараона, Юлий искал Панека, зная, что тот где-то неподалеку. Увидев знакомое темное одеяние, римлянин сощурился. Панек сидел в пыли, медленно и тяжело дыша. Гнев Юлия вспыхнул с новой силой, и он шагнул к советнику, но тот взглянул на него мутным невидящим взором. Из страшной раны на груди Панека лилась кровь. Этот человек умирал, и Юлий не стал ничего говорить.

Тем временем Клеопатра поднялась на ноги. Толпа стояла совершенно беззвучно, было слышно малейшее дуновение ветра.

– Фараон мертв, – сказала царица, и голос ее звонко летел над улицами. – Несите моего брата в его дворец. И будьте почтительны, помните, что вы прикасаетесь к богу.

Голос ее надломился, и царица замолчала. Она не почувствовала, как Юлий прикоснулся к ее плечу.

– Я, та, кого называют Исидой, вернулась к своему народу. В этот день пролилась царственная кровь, но виной тому не люди Рима, а предательство моих приближенных. Встаньте же, мои подданные, и скорбите. Рвите одежды и посыпайте грудь пеплом. Отдайте последние почести вашему повелителю.

Люди осторожно подняли маленькое тело Птолемея; золотое одеяние свисало до земли.

Клеопатра долго не могла оторвать глаз от мертвого фараона. Наконец царица повернулась к придворным.

– Разве не вы должны были беречь моего брата? – прошептала она, протянув пальцы к шее ближайшего вельможи.

Тот с трудом удерживался, чтобы не отпрянуть от прикосновения острых покрашенных ногтей. Мягким, почти ласкающим движением царица провела ладонью по его подбородку.

– Цезарь, пусть этих людей схватят. Они будут служить моему брату в царстве мертвых.

Вельможи наконец-то распростерлись на земле, охваченные горем и ужасом. По знаку Юлия Домиций послал за веревками, и вскоре приближенных Птолемея связали. Откуда-то вдруг донесся легкий запах дыма. Почувяв его, Клеопатра резко вскинула голову. В неожиданной ярости она повернулась к Юлию:

– Что ты сделал с моим городом?

Вместо Юлия заговорил Брут:

– Мы ведь подожгли корабли в порту. Наверное, пламя долетело до построек на берегу.

– И вы допустили, чтобы начался пожар? – бросила царица, повернувшись к нему.

Брут ответил спокойным взглядом.

– На нас напали, – пояснил он, пожав плечами.

Клеопатра на минуту потеряла дар речи. Она холодно смотрела на Юлия:

– Твои люди должны немедленно все потушить.

Ее повелительный тон задел Юлия; царица сразу это почувствовала и заговорила уже мягче:

– Прошу тебя, Юлий.

Юлий кивнул и жестом подозвал к себе своих полководцев.

– Я постараюсь, – сказал он, обеспокоенный резкой переменой в ее настроении.

Однако Юлий понимал, что царица потеряла брата и обрела трон – и все в один день. Сегодня ей многое можно простить.

Клеопатра отбыла только после того, как за ней прислали крытые носилки. Когда носильщики отправились в обратный путь, на их лицах была гордость: они несли свою повелительницу к ней во дворец.

– Октавиан, распорядись насчет погребальных костров, – приказал Юлий, наблюдая за ее отъездом. – Пока не появился запах. А Четвертый пусть отправляется в гавань и тушит пожар.

Юлий говорил и смотрел, как ветер играет пеплом и рассыпает его по земле. Он никак не мог стряхнуть оцепенение. Фараон, мальчик, который утром цеплялся за руку консула, мертв. Сражение выиграно. Удалось бы победить без вмешательства Клеопатры? Ветераны уже не молоды и не смогли бы долго драться на такой жаре. Быть может, раб царицы привел бы подкрепление, а возможно, жизнь Юлия окончилась бы здесь, на земле Египта.

Царица удалилась, и в Юлии все заныло. Он ощущал ее аромат даже в горьком запахе дыма. С самого начала он видел в Клеопатре прежде всего женщину, но, когда целая толпа солдат и горожан распростерлась перед ней в пыли, все изменилось. Ее новое положение вызывало у Юлия тревогу и одновременно возбуждало. Глядя вслед процессии, направляющейся к дворцу, консул думал о том, как бы встретили царицу римляне, если бы он привез ее с собой.

– Теперь можно отправляться, – сказал Октавиан. – Пора в Рим, Юлий.

Юлий смотрел на него с улыбкой. Он и представить не мог, как расстанется с Клеопатрой.

– Я сражаюсь столько лет, что и не счесть, – ответил консул. – Рим немного подождет.

Глава 29

Когда взошло солнце, огромная библиотека Александрии вся пылала. Тысячи горящих свитков раскалили здание, словно огромную печь; римляне не могли даже приблизиться. Мраморные колонны, воздвигнутые еще Александром, трескались и рушились от жара. Гибли в огне миллионы чьих-то слов и мыслей.

Легионеры Четвертого построились цепочками и, изнемогая от жары и усталости, передавали друг другу ведра с водой. Люди еле двигались, их тела были покрыты ожогами и черны от копоти. Соседние здания облили водой, все из них вынесли, но библиотеку спасти не удалось.

Юлий стоял рядом с Брутом – оба сильно устали и были перепачканы сажей. Обгоревшие балки, похожие на ребра гигантского скелета, рушились, погребая под собой останки того, что создавалось трудом многих поколений. Кругом раздавались приказы, солдаты

бросались тушить новые языки пламени, взад-вперед сновали люди с ведрами.

– Ужасное зрелище, – пробормотал Юлий, ошеломленный происходящим.

Брут, глядя на друга, думал – не сочтет ли Цезарь его виновным в пожаре. Корабли, везущие катапульты из Канопы, не смогли войти в гавань, и Брута раздосадовало, что это не сыграло роли в исходе сражения. Его усилия пропали впустую.

– Некоторые свитки привез еще сам Александр, – сказал Юлий, вытирая лоб. – Платон, Аристотель, Сократ, сотни других. Ученые приезжали сюда за тысячи миль. Говорят, что здесь величайшее в мире собрание.

«А мы взяли и сожгли», – злорадно подумал Брут, не отваживаясь произнести такое вслух.

– Наверное, их труды сохранились в других местах, – выдавил он.

Юлий покачал головой:

– Не в таком количестве. Подобных собраний больше не существует.

Брут не понимал переживаний друга. Сам он наблюдал этот апофеоз уничтожения с благоговейным трепетом. Зрелище так его увлекло, что Брут целое утро просто стоял и глядел, как беснуется пламя. Полководец не замечал убитых лиц горожан.

– Все равно ничего теперь не сделаешь.

Юлий недовольно кивнул и пошел сквозь молчаливую толпу, собравшуюся посмотреть на катастрофу. Люди стояли в зловещем молчании, а те, из-за кого случилось такое бедствие, прошли мимо них неузнанные.

Усыпальница Александра стояла в центре города – храм с белыми колоннами, посвященный богу, основавшему Александрию. Юлий остановился на пороге храма. Суровый вид римских легионеров отпугивал досужих горожан, и ему никто не мешал.

Когда Юлий увидел саркофаг из стекла и золота, сердце у него забилось сильнее. Саркофаг стоял на постаменте выше человеческого роста, и с двух сторон к нему вели ступени, чтобы почитатели бога могли подойти поближе. Глядя на покоящуюся внутри фигуру, Юлий нервно сглотнул. В детстве он рисовал эту усыпальницу со слов своего

наставника. Он целовал Сервилию у подножия статуи Александра. Он читал описания всех сражений царя и боготворил его.

Затаив дыхание, Юлий поднялся к саркофагу. В воздухе пахло ладаном, и этот запах казался естественным здесь, где плоть царя лежит нетленной и в смерти. Консул положил руки на стекло, изумляясь искусству мастеров, создавших удивительную оправу из филигранной сетки. Наконец Юлий решился посмотреть вниз.

И тело Александра, и доспехи были покрыты золотой фольгой. Солнце выглянуло из-за облака – на золото полились лучи и упала тень Юлия. Юлий трепетал и торжествовал.

– Моя тень лежит на твоей гробнице, Александр, – прошептал он.

Внимательно изучая черты царя, Юлий старался запомнить каждую подробность. Впалые глазницы и переносица. Гладкие золотые щеки – лицо не старого еще человека. Можно только гадать, как великий грек выглядел при жизни. Раньше Юлий считал неправильным чествовать Александра как одного из египетских богов. Однако здесь, в храме, это представлялось вполне естественным.

Юлий огляделся. Он был один в усыпальнице – крепкие спины легионеров загородили все входы.

– Интересно, что бы ты сказал? – тихо проговорил он по-гречески. – Понравилось бы тебе, что по твоему городу расхаживает дерзкий римлянин?

Юлий вспомнил о детях Александра. Ни один из них не дожил до зрелости. Старшего сына задушили в возрасте четырнадцати лет. Думая о бренности жизни, Юлий покачал головой. В подобном месте нельзя не вспомнить и о собственной смерти. Быть может, триста лет спустя кто-то вот так же встанет и над телом Юлия. Лучше уж превратиться в пепел.

Чего стоят все победы Юлия, если у него нет сыновей? Не будет же дочь управлять сенатом. А ее сыну, как и сыну Александра, могут просто не дать вырасти. Юлий сердито нахмурился. Он объявил наследником Октавиана, вот только хватит ли тому ловкости противостоять предателям Рима? По правде сказать, Юлий не знал никого, кто смог бы продолжить его начинания. Он достиг очень многого, но если он не успеет продолжить свой род – какой в этом прок?

Шум города сюда почти не долетал. Здесь, в тишине храма, прожитые годы давили на Юлия особенно сильно.

Птолемей лежал в золотой комнате, со стен которой смотрели изображения Гора и Осириса. Фараон уже начал путь в царство мертвых. Его холодное тело обмыли и совершили над ним обряд очищения. В левом боку сделали надрез и извлекли органы. Фараона, в отличие от простых смертных, не ждет суд богов. Когда закончатся все ритуалы, он, как равный, займет среди них свое место.

Юлию, пришедшему проститься с Птолемеем, воздух в комнате показался душным и тяжелым. В огромных курильницах краснели угли; неспешно поднимались вверх струйки дыма. Бальзамирщики вымочили тело фараона в растворе натриевой соли, и от ее резкого запаха, смешанного с ароматами благовоний, у Юлия закружилась голова. В усыпальнице Александра было намного холоднее, и она гораздо лучше подходила для обители смерти.

Клеопатра стояла на коленях рядом с телом брата и молилась. Юлий молча смотрел на фараона, понимая, что не заставит себя склониться перед врагом. По вине этого мальчика погибло много отличных легионеров.

Веки покойного были зашиты, кожа блестела от ароматных масел. Вокруг ложа стояло четыре сосуда; Юлий хотел пошутить – он знал, что в них находится, – но вовремя спохватился. Римлянин не понимал ни сложных ритуалов, ни благоговения, которое выказывала Клеопатра. Ей тоже угрожало войско брата, однако царица старательно выполняла положенные обряды – это продлится еще два месяца, и только потом тело поместят в гробницу.

Клеопатра молилась, ритмично повторяя какие-то фразы на языке своей страны. Глаза ее оставались сухими. Юлий ни разу не видел царицу плачущей по Птолемее и не мог понять, что она чувствует.

Ее войско вернулось из Сирии и расположилось вокруг дворца фараона. Между римлянами и этими суровыми воинами пустынь уже произошло несколько стычек. Юлию пришлось приговорить к наказанию розгами троих легионеров, затеявших в городе пьяную ссору, в которой погибло два человека. Двоих других римлян тоже ждало наказание: они играли в кости с солдатами Клеопатры и

с помощью хитроумно утяжеленных костей оставили бедняг без оружия, а их кошельки без серебра.

Юлий устал ждать, пока закончатся погребальные церемонии. Он вообще думал, что фараона сразу предадут земле, ведь летний жар не пощадит даже царскую плоть. Но подготовительным обрядам не было конца; дни шли тягуче медленно. Юлий и остальные римляне начали ощущать тревогу.

Октавиан не скрывал своего настроения. Его тянуло в Рим, к давно заслуженным наградам. Юлию тоже казалось, что город зовет, зовет через моря и земли. Он хотел еще раз проехать в знакомые ворота и побывать на Форуме. Он достиг всего, о чем мечтал в юности, а враги его повержены в прах. И все же он чего-то ждал.

Юлий смотрел на царицу, которая зажгла с помощью свечки ладан в глиняных горшочках, – начался очередной ритуал. Здесь, в Александрии, жизнь и смерть шагают бок о бок. Люди готовятся к смерти с самого рождения и не сомневаются, что продолжат существование в загробном мире. Они верят в фатум, и их вера чужда Юлию, как и вся здешняя жизнь. Юлий не мог ее разделить.

Клеопатра встала и склонила голову перед мумией Птолемея. Затем сделала два шага назад, снова преклонила колени и только тогда встала и обратилась к Юлию:

– Ты очень терпелив, Юлий. Я знаю, в твоей стране подобные вещи делаются гораздо быстрее.

– Вы намного больше уважаете смерть, – ответил Юлий, тщательно подбирая слова.

Клеопатра удивленно подняла брови.

– И очень чуткий, – добавила она. – Хочешь погулять со мной в парке? Этот дым меня одурманил, мне нужно подышать свежим воздухом.

Юлий с радостью взял ее руку, и оба вышли из комнаты. Клеопатра совершенно не замечала рабов, падающих ниц при ее появлении и не смеющих поднять глаза на царицу, скорбящую по брату.

В парке было жарко, но свежий воздух прояснил мысли Юлия. Он старался дышать как можно глубже, и скоро его дурное настроение, вызванное видом покойного фараона, рассеялось. Аромат растений прогнал ощущение тяжести. Однако удовольствие длилось недолго –

Юлий вспомнил, что совсем недавно спешил по этой же аллее во дворец, чтобы захватить Птолемея. Тогда происходящее казалось увлекательным приключением и о последствиях не думалось. А последствия Юлий видел и в золотой комнате, и среди руин порта и библиотеки...

– Твои солдаты рассказывают о тебе много интересного, – сказала Клеопатра.

Юлий бросил на нее быстрый взгляд.

– Если все, что они говорят о твоих сражениях, правда, ты настоящий любимец богов.

Юлий не отвечал. Стоя на дорожке из гладкого камня, он поглаживал пальцем алеющий среди зелени цветок.

– Солдаты считают тебя богом войны – тебе известно?

– Приходилось слышать, – смущенно ответил Юлий. – Они просто любят прихвастнуть своим полководцем.

– Значит, ты не покорил в Галлии более миллиона человек?

Царица потянулась к тому же цветку и стала поглаживать лепестки.

– На это ушло целых десять лет.

Отщипнув острыми ноготками цветок, Клеопатра поднесла его к губам и вдохнула душистый запах. А Юлий опять задумался о том, как бы приняли ее в Риме. Горожане будут в восторге, а вот сенату ее притязания на божественное происхождение придутся не по вкусу. В Риме и так много богов. Привези он Клеопатру в качестве наложницы – возражать не посмеют, но если Юлий захочет взять ее в жены, все лучшие семейства Рима встанут на дыбы. Да и вообще – неизвестно, захочет ли Клеопатра с ним поехать.

– Ты простил своему полководцу Бруту измену, – вновь заговорила она. – Великим правителям негоже прощать предателей. И все равно тебя уважают. Более того, перед тобой преклоняются. Люди идут за тобой куда угодно, и не из-за твоего высокого происхождения, а потому что ты – это ты.

У себя за спиной Юлий постукивал пальцами одной руки по запястью другой, думая, что ответить.

– Не знаю, с кем из солдат ты говорила, только язык у него, видно, без костей, – произнес он после некоторой паузы.

Царица рассмеялась и бросила цветок на дорожку, позади себя.

– Ты удивительный человек, Юлий. Ведь я видела тебя с ними, помнишь? Ты можешь быть величественным, словно какой-нибудь царь, таким же величественным, как я. Мы отлично друг другу подходим, хотя ты вряд ли стал бы мириться с медленным темпом здешней жизни. Над моей страной прошло пять тысячелетий. Пять тысяч лет жизни и смерти. Наше солнце слишком жаркое. Мы устали и состарились. Твой народ молод по сравнению с моим и полон сил. Твоим людям ничего не стоит пронестись через разные страны подобно летней грозе. Моей вечно дремлющей Александрии не угнаться за вами... но я все равно ее люблю.

Она повернулась к Юлию; его опьяняла близость царицы. Ни о чем не думая, он обвил руками стройную талию.

– Мои приближенные каждый день твердят мне, что ты опасен и тебе нельзя оставаться в Египте, – сказала Клеопатра. – В твоих людях они видят силу и необузданность, и только. Мои советники говорят, что ты сжег мою прекрасную библиотеку, а твои воины смеялись и играли в кости на ее пепелище.

– Они простые солдаты, – ответил Юлий. – Нельзя ждать...

Смех царицы заставил Юлия замолкнуть, и его щеки и шею стала заливать краска.

– Как ты их защищаешь, – смеялась Клеопатра.

Она потянулась к нему, поцеловала в уголок губ и прильнула головой к его груди.

– Но правят-то не мои советники, – заявила она. – И когда я им напоминаю, что ты вернул нам Кипр, им нечего возразить. Завоеватели так не поступают. Народ Египта принял твой поступок как знак возрождения нашей былой славы, и люди на твоей стороне. Они смотрят на нас и ждут, что мы предпримем теперь.

Юлию не хотелось нарушать ее настроение, однако пришлось сказать:

– Настанет время, и я вернусь в родной город. Я подожду до конца погребальных церемоний, но я должен вернуться.

Клеопатра подняла голову и тревожно посмотрела на Юлия. Он почувствовал, как царица сразу напряглась и отдалилась.

– А сам ты этого желаешь? – Голос Клеопатры не выдавал ее волнения.

Юлий покачал головой:

– Нет. Я хотел бы остаться здесь и позабыть о годах сражений. И потом, мне нужна ты.

Отчуждения как не бывало. Царица привлекла голову Юлия к своим благоуханным губам.

Когда они отстранились друг от друга, лицо Клеопатры тоже пылало, глаза сверкали.

– Еще немного, и я смогу располагать собой – сказала она. – Если ты не уедешь, я покажу тебе наш великий Нил. Представь себе: каждый вечер мы скользим по водам реки, для нас играют музыканты... Прекраснейшие девы Египта подносят тебе виноград и фрукты. Каждую ночь я буду принадлежать тебе, каждый мой час будет твоим. Останешься?

– Не нужны мне прекраснейшие девы Египта. А от музыки у меня уши болят. Но если ты будешь со мной и будешь моей – я останусь, а Рим пусть пока перебьется. В конце концов, до сих пор он обходился без меня.

Юлий говорил правду и сам себе удивлялся. Он так мечтал вернуться в родной город с триумфом, вернуться за наградами и почестями, которые заслужил за долгие годы. И вот одно *ее* слово – и все стало ненужным. Возможно, хотя бы ненадолго ему удастся освободиться от забот, составляющих его жизнь. Быть может, получится сбросить с себя тяжкую ношу и просто наслаждаться свободой вместе с красивой женщиной, которая к тому же царица Египта.

– Я для тебя слишком стар, – тихо закончил Юлий, надеясь, что она будет спорить.

Клеопатра засмеялась и снова его поцеловала.

– Ты ведь доказал, что нет, – ответила она, и ее рука скользнула ему на бедро и там осталась.

Юлий ощущал кожей тепло ее ладони, и, как всегда, это вызвало в нем прилив страсти.

– Если бы у нас родился ребенок, – продолжала Клеопатра, – он владел бы Египтом и Римом. Он был бы вторым Александром.

Юлий уставился вдаль, охваченный давней мечтой.

– Я бы все за это отдал. Ведь у меня нет сыновей, – с улыбкой признался он.

Рука Клеопатры двигалась по бедру Юлия, и у него перехватило дыхание.

– Тогда молись своим богам, чтобы тот, кого я ношу, оказался мальчиком, – серьезно проговорила царица.

Юлий протянул руки, но Клеопатра ускользнула.

– Когда окончатся дни траура, ты узришь тайны Египта – во мне, – бросила она через плечо.

Юлий, пораженный ее словами, молча смотрел ей вслед. Он хотел и не мог поверить и собрался окликнуть царицу, но она уже легко взбежала по ступеням и скрылась во дворце.

Погребальная церемония была такой шумной, что у римлян отнимался слух и звенело в голове. На каждой улице выли трубы, бренчали цимбалы. Горожане шумно ликовали, провожая своего фараона к богам. Вспоминая о последних ритуалах, свидетелем которых он был, Юлий не переставал удивляться. Клеопатра не настаивала на присутствии Юлия, и все же он пришел, понимая, что вряд ли представится другой случай увидеть таинства, связанные с погребением.

Жрецы приблизились к усохшей мумии фараона. С помощью железного тесла Птолемею раздвинули губы. Не будь у Юлия переводчика, все ему объяснявшего, римлянина потрясло бы такое надругательство над покойным. Юлия долго потом пробирал озноб, когда он вспоминал свистящий шепот египтянина.

– Осирис, восстань! – произнес жрец. – О царь, я открываю рот твой для тебя железом богов. Врата земного бога открыты. Ты можешь вознестись на небо и жить, равный, среди других богов.

Дым благовоний окутал маленькую фигурку, и, завершив последние ритуалы, жрецы вышли из гробницы и поспешили сообщить новость городу. Выход запечатали золотом, бронзой и медью.

И тут затрубили трубы, тысячи труб. Шум постепенно усиливался; в городе зажгли каждую лампу, каждый светильник. Александрия сверкала огнями – чтобы боги видели свет и знали: один из них готов подняться на небо.

Юлий смотрел на праздник смерти из окна царского дворца. Рядом стоял Брут. Октавиан и другие офицеры ушли в город –

насладиться вином и женскими ласками. Сегодня всем все дозволено, и Юлию оставалось только надеяться, что в пьяном разгуле легионеры не учинят крупных беспорядков. Надежда невелика, но, впрочем, теперь это не его забота. Барка Клеопатры уже покачивалась на волнах, готовая плыть вдоль побережья. Людям Цезаря придется пока обойтись без него. Новость, сообщенная Клеопатрой, отодвинула остальное на задний план.

Глядя на город, в котором было светло как днем, Брут, оказывается, тоже думал об этой поездке. Он заметил необычайное волнение Цезаря, хотя и не догадывался, чем оно вызвано.

– Когда ты собираешься вернуться?

– До конца года, – ответил Юлий. – У легионеров есть где жить, и они заслужили отдых. Я отправил письмо Марку Антонию. Через месяц или около того он пришлет денег. Пусть, пока я плаваю, легионеры живут тут, пусть отъедаются и отсыплются.

– Можно подумать, ты их не знаешь, – сказал Брут. – Нам пришлось наказать еще двоих – за попытку разграбить храм. Через несколько недель нужно будет отправиться в пустыню, а то они приберут все, что плохо лежит. Во всяком случае, после нашего возвращения заморские диковинки в Риме точно подешевеют.

Юлий усмехнулся, и Брут заулыбался. Самое плохое, казалось, забыто; силы возвращались к Бруту. Каждый день до восхода солнца они с Домицием целый час тренировались на тяжелых мечах. Преподобней скорости, делавшей Брута непобедимым, у него уже не было, но руки опять стали сильными. Вчера один центурион нагрубил ему, и Брут отвел его на тренировочную площадку и там избил до полусмерти. Юлию он об этом не рассказывал, но, скорее всего, Юлий и так знает.

– Октавиан бесится, что я снова в строю, – сообщил Брут. – А может, это из-за твоего плавания по Нилу. Не могу сказать, от чего он больше злится.

Юлий сердито покачал головой:

– Октавиан хочет, чтобы остаток жизни я продремал в сенате. Тем, кто помоложе, мы, наверное, кажемся стариками. – Юлий презрительно фыркнул. – И годимся мы только хлопнуть друг друга по спине да приговаривать: «А помнишь?..»

Брут смотрел на своего командира – такого подвижного и стремительного, загорелого почти дочерна. За месяцы, проведенные в

Египте, Юлий стал значительно бодрее, однако своим воодушевлением он обязан вовсе не перспективе мирной жизни. И Юлий, и Брут десятилетиями терпели походы и лишения. А награда за это – всего лишь возможность отдохнуть. Ведь если бы Помпей не погиб или Риму угрожал бы Сулла, Юлий не стал бы и думать о поездке по Нилу.

Брут не мог любить по-прежнему человека, который простил его после битвы при Фарсале. И все же в Александрии он временами испытывал ничем не омраченную радость – Юлий, как и раньше, доверял ему командовать!

Полководец вздохнул про себя. Рим далеко, но нужно подумать о завтрашнем дне. Впереди еще много времени – постепенно люди забудут о его позоре, о его бегстве к Помпею. Юлий доверил ему командовать, а для легионеров это важнее всего. Пора заново начинать карьеру. В конце концов, Рим тоже выстроили побежденные, а не победители.

Брут не отводил взгляда от Юлия. Ему недоставало их прежней дружбы. Случались мгновения, когда казалось, что они понимают друг друга, как никто другой. А иногда его мучили прежние приступы болезненной ревности и гордыни. Со временем, вероятно, все станет проще.

– Египет – древняя земля, – неожиданно сказал Юлий, прерывая раздумья друга. – Здесь может быть второй Рим, другая столица империи. Я пока не совсем стар, и мне не поздно об этом думать. Впереди много дел, но на некоторое время я хочу обо всем позабыть и любоваться Нилом вместе с моей царицей.

Брут опустил голову, не зная, что сказать.

– Ты намерен взять ее в Рим? – спросил он.

– Думаю, да, – ответил Юлий, задумчиво улыбаясь. – С ней я заново родился. Если она будет рядом, я построю державу под стать империи самого Александра. И его город станет вторым сердцем моей державы.

Брут похолодел:

– Ты собираешься стать царем? Как Птолемей?

Юлий повернулся к другу, пронзая взглядом темных глаз:

– А как мне, по-твоему, называться? Я правлю Римом. А Рим правит всем миром.

– А что же с моей матерью? Бросишь ее так же, как Помпею? А Кальпурния? Разведешься с ней?

Юлий помедлил, не замечая, как нарастает гнев Брута.

– Об этом еще рано говорить. Когда вернусь – все улажу. Кальпурния, я уверен, не станет возражать.

– Зато сенат станет. Сенат не одобрит твоих планов, – тихо проговорил Брут.

Юлий рассмеялся:

– Они не посмеют спорить, друг. Они будут почитать и меня, и царицу. Я дам начало династии, которая возродит империю.

– Ты говоришь о своей дочери? – спросил Брут.

Юлий держался за каменный подоконник и сияющими глазами смотрел на город – так, словно был его хозяином.

– Не могу скрывать новость, Брут. Это выше моих сил. Я говорю о своем сыне – он скоро родится. Царица ждет ребенка, и ее предсказатели говорят, что она родит мальчика. – Юлий громко и радостно рассмеялся. – Это непременно будет мальчик. Должны же боги быть милосердны.

Брут слегка отступил. Терпение у него лопнуло. Никакая дружба не выдержит подобной гордыни. Даже здесь, в Египте, Юлий не насытил свое честолюбие. Теперь он явится в Рим, обуянный мечтами, которые и не снились его поверженным врагам. Ни Сулла, ни Катон, ни сам Помпей не заходили так далеко.

– А республика... – запинаясь, начал Брут.

Юлий покачал головой:

– Была хороша – в свое время. Я отношусь к ней с уважением, но свою службу она уже сослужила. Когда я вернусь в Рим, мы начнем создавать империю.

Глава 30

Нил нес барку царицы на юг, через орошаемые своими водами земли. Вспархивали в небо тысячи вспугнутых птиц, в воздухе висел громкий щебет. Шли на вечерний водопой стада, и между животными смело прохаживались белые цапли. Здесь, на Ниле, Юлию удалось сбросить с плеч груз многолетних забот. Много месяцев у него не

случалось приступов, и он чувствовал себя здоровым и сильным. О далеком Риме консул не думал; мысли Юлия занимала Клеопатра.

Они занимались любовью, когда им приходила охота, днем ли, ночью ли. Вначале Юлию было трудно не обращать внимания на рабов, от которых их отделял лишь легкий шелковый полог. Клеопатра, с рождения привыкшая к присутствию слуг, подшучивала над смущением римлянина и поддразнивала его. Он не выдерживал, срывал с нее одежду и начинал покрывать тело поцелуями, и тогда смех царицы переходил в прерывистое дыхание страсти.

Шестнадцать весел – по восемь с каждой стороны – несли барку по водам Нила. Разрезая воду, их посеребренные лопасти играли словно брошенные в воду монетки.

Нил извивался по долинам и низменностям Египта, и не было конца этой реке. Временами Юлию казалось, что и плавание никогда не окончится.

Вечерами Юлий разговаривал с астрологом царицы – греком Созигеном, предсказавшим рождение мальчика. Первое время грека смущало внимание римского консула, но время шло, и они привыкли вести длинные беседы. Юлий жаждал получить от Созигена подтверждение того, что предсказания верны.

Вначале консул сомневался в правдивости предсказателей вообще, и все же его надежда постепенно перерастала в уверенность. Грек отличался острым умом, и Юлий беседовал с ним о многом – о движении планет, о сменах времен года, даже о календаре.

Созиген старался не показать, какого он невысокого мнения о системе римлян, и утверждал, что и египетский способ счисления дней в году имеет свои изъяны. По подсчету астролога, наиболее точное число – 365, а каждую четвертую весну следует добавлять еще один день. Юлий потребовал доказательств, и Созиген принял вызов. Он выкладывал на палубу перед собеседником исчерканные углем листы папируса до тех пор, пока от описаний движения планет у консула не зарябило в глазах.

В Риме было принято каждый год добавлять или отнимать дни – это решал верховный жрец, и простая и ясная система Созигена произвела на Юлия сильное впечатление. Консул сразу задумался о том, как бы принял сенат попытку ввести такой календарь в Риме.

Беременность Клеопатры становилась заметнее – она стала хуже переносить жару и в полуденные часы дремала в тени навеса. Юлию в это время оставалось только любоваться зловещими силуэтами крокодилов, затаившихся среди зарослей камыша в ожидании ибиса или теленка. Их молниеносные броски на добычу – единственное, что нарушало томный покой Нила. Поднимались и опускались серебряные весла, замирая лишь тогда, когда пурпурный парус наполнялся ветром. Когда жара была терпимой, Созиген развлекал Цезаря, рассказывая ему легенды. Удивительные истории овладевали воображением Юлия, и ему начинало казаться, что он тоже принадлежит этому проплывающему мимо краю, принадлежит его будущему.

Пользуясь предрассветной прохладой, Клеопатра искупалась; теперь рабыни одевали госпожу и покрывали ей черной краской веки, рисуя приподнятые уголки глаз. Юлий, обнаженный, лежал неподалеку и любовался привычным ритуалом. Присутствие рабынь римлянина уже не смущало, хотя он и отверг предложение Клеопатры насладиться их ласками. Правда, девушки, думал Юлий, не стали бы возражать. Рабыня, которая одевала царицу, не скрывала своего интереса к гостю, когда во время его купания омывала Юлия куском мягкой ткани. На ее высокую грудь лилось гораздо больше воды, чем на плечи Юлия, и она дразняще хохотала, видя, что римлянин не остался к ней равнодушен.

Было ли дело в жаре или в постоянном присутствии полураздетых женщин, но здесь, на Ниле, Юлий испытывал некий любовный подъем. Там, где вода была почище, он плавал, чтобы освежиться, а потом ловкие руки рабынь натирали его тело маслами. Кормили его словно племенного быка. Проводя рукой по животу, Юлий чувствовал свои окрепшие мышцы. После долгих лет войны тихое полусонное существование было для него как свежая вода для пересохшего горла. Хотя и здесь, любуясь восходом, он помнил, что не может отдыхать бесконечно. Где-то в глубине души по-прежнему жила лихорадочная жажда действовать. Рим ждет, и не думать о нем консулу с каждым днем становилось все труднее.

Юлий зачарованно смотрел на растущее чрево царицы, в котором был его сын. Наконец Клеопатру окутали тончайшим полотном, сквозь

которое просвечивали ее ноги. Она подошла к возлюбленному и подняла брови, увидев его счастливую улыбку. Ласково спросила:

– Ты так и будешь ходить раздетый?

Юлий хмыкнул:

– Я любовался тобой и боялся, что вдруг проснусь в своем военном шатре от воя боевых труб и криков центурионов.

Клеопатра не улыбнулась в ответ. Ей часто приходилось слышать, как Юлий кричит во сне, и, просыпаясь, она видела искаженное от боли и гнева лицо. Сам он своих снов не помнил или не придавал им значения. Царица скользнула взглядом по многочисленным шрамам и сказала:

– Одевайся, Цезарь, и пойдем. Я хочу кое-что тебе показать.

Юлий хотел о чем-то спросить, но Клеопатра прикрыла ему ладонью рот и ушла. Расторопные рабыни тотчас бросились его одевать. Он, вздохнув, подчинился и знаком велел подать самые легкие одежды.

Выйдя на палубу, Юлий увидел, что барка направляется к берегу. Почти к воде спускался небольшой городок, похожий на все небольшие города в этой стране. О деревянную пристань плескалась темная вода. С криками пронеслась стая диких гусей. Дорожку, ведущую от реки, устилал свежесрезанный тростник. На берегу стояло множество людей в разноцветных праздничных одеждах, и Юлию казалось, что все глаза устремлены на него. Он в растерянности повернулся к царице. Гребцы тем временем подвели судно к причалу, и вскоре на борт опустили сходни – такие широкие, что по ним мог бы пройти строй легионеров.

Появилась Клеопатра и стала спускаться с барки. Люди на берегу опустились на колени, касаясь головами земли. Громко застучали барабаны. Царица взглянула на Юлия, и он узнал холодные черты повелительницы, которая остановила сражающиеся армии. За последние недели консул отвык носить меч, и теперь его рука хватала пустоту. Юлий последовал за царицей; под ногами громко затрещал тростник. Когда он поравнялся с Клеопатрой, она повернула к нему голову и улыбнулась:

– Мне хотелось, чтобы ты это видел.

Сзади заняли свои места десять телохранителей царицы. Она вместе с Юлием шла мимо коленопреклоненных мужчин и женщин, и

он увидел, что толпа тянется через весь город.

– Откуда они узнали о твоём приезде? – озадаченно пробормотал Юлий.

– Сегодня годовщина моего восхождения на трон, – ответила Клеопатра. – Поэтому люди знали, что я приеду.

Город был чистым и ухоженным, но опустевшим – ведь почти все жители стояли на дороге, приветствуя царицу. Иногда она протягивала руку и прикасалась к тому или иному человеку, в глазах у людей стояли слезы восторга и благодарности.

Дорожка, выложенная тростником, уперлась в небольшую, чисто выметенную площадку. Телохранители пошли вперед – проверить здание из розового мрамора, светившееся под лучами утреннего солнца. Здесь царила сверхъестественная тишина, и Юлий вспомнил заброшенную испанскую деревушку, куда однажды заехал с Сервилией. Там стоял он перед статуей Александра, и теперь, на земле великого царя, это воспоминание застигло Юлия врасплох. Мысленно он вернулся к тому, чего с тех пор лишился. В Галлии и Греции он утратил последние остатки своей молодой наивности. Быть может, проливая слезы над головой убитого Помпея, Юлий оплакивал себя? Он вспомнил юношу, которым был когда-то и который казался чужим и далеким, как покойный отец, как Марий, как Тубрук и прочие бледные тени из прошлого. Сколько воспоминаний о трагических событиях спрятано в самых глубинах сознания! Однажды в детстве Юлий выкопал для часто избивавшего его Светония волчью ловушку, а потом позволил ему выбраться. Если бы эта история случилась сейчас, Юлий без колебаний убил бы врага.

Отчего же тяжесть на душе? От гнета прожитых лет или от вечной необходимости принимать трудные решения? Юлию приходилось отступать, чтобы спасти войско ценой жизни отдельных воинов. Он приказывал лекарям лечить только тех из солдат, кто не безнадежен. Он послал в лагерь Помпея отличных, храбрых солдат, хотя и знал, что они не останутся в живых, передав диктатору его слова. От таких поступков остывает душа, и победы уже не приносят радости. Душу Цезаря не могло согреть даже жаркое солнце Египта. Зато смогла Клеопатра. У Юлия почему-то защипало глаза.

Телохранители вернулись, и Юлий с Клеопатрой медленно вошли в прохладный сумрак здания. Под высокими сводами их шаги

отдавались гулким эхом. Это был, видимо, какой-то храм, и Юлий не понимал, зачем его сюда привели. Стены украшали рельефы из звездчатых агатов, и темные прожилки в камне напоминали кровеносные сосуды. Неожиданно Юлий, к своему удивлению, услышал кошачье мяуканье. Он стал озираться, не понимая, откуда этот звук, и тут же появилось не меньше десятка кошек, которые направились к царице.

Шепча что-то на своем языке, Клеопатра наклонилась и протянула к ним руки. Кошки тут же принялись о них тереться.

– Разве они не прекрасны? – спросила царица, опускаясь на колени.

Юлий кивнул, думая о бедняге, которому приходится за ними убирать. Клеопатра увидела его лицо, и смех ее разлетелся по залу.

– Они охраняют храм, Юлий. Видишь, какие у них когти? Кто посмеет войти сюда, если здесь такая грозная стража?

Кошки умывались, терлись, довольно мурлыкали. Когда Клеопатра медленно встала и пошла дальше, они последовали за ней, лениво помахивая задранными хвостами.

В дальнем конце храма, в нише, стояла статуя. Подняв глаза, Юлий чуть не споткнулся. Статуя была высокой, голова царицы едва доставала ей до колен. Из желтого мрамора на Юлия смотрело лицо Клеопатры. Мраморная женщина держала на руках маленького мальчика, и его гордый взор тоже показался Юлию знакомым.

Клеопатра проследила за взглядом спутника и улыбнулась:

– Это Исида, Цезарь. Мать бога Гора – он у нее на руках.

– У нее твое лицо, – в изумлении выговорил Цезарь.

– Храм построили за тысячу лет до того, как на нашу землю пришел Александр. Исида живет во мне.

Юлий смотрел на царицу и на кошек, трущихся о ее ноги.

– И мой сын тоже будет богом – твой сын, Юлий. Теперь ты понял?

Юлий продолжал внимательно изучать статую и увидел, что есть некоторая разница. Он не сказал этого вслух, но мраморная женщина выглядела немного старше его возлюбленной, и линия подбородка отличалась. И тем не менее сходство потрясало. Клеопатра кивнула, довольная его реакцией.

– Помолишься ей вместе со мной? – предложила она.

Юлий нахмурился:

– Как же ты можешь ей молиться, ведь ты – ее воплощение?

Клеопатра показала в улыбке белые зубы:

– Ах ты, грубый римлянин! Чего от тебя ждать! Конечно, тебе понять трудно. Исида – здесь, но в моем теле горит ее божественный огонь. Когда я пойду дорогой мертвых, я вернусь на небо. Пойми это, и ты поймешь мою сущность. Мне будет приятно, если ты помолишься со мной. Богиня дарует удачу нашему сыну и защитит его.

Юлий не смог устоять перед ее взглядом. Он опустил на колени и нагнул голову, утешаясь тем, что никто, кроме царицы, этого не видит.

Среди дворцовых построек целый квартал – почти небольшой городок – занимали писцы. Тут жили и трудились тысячи ученых мужей. После того как сгорела библиотека, в квартале днем и ночью горел свет, потому что со всех концов Египта и Греции сюда везли рукописи и писцы с величайшим старанием их переписывали.

Здесь же одно крыло большой пристройки заняло командование римской армии, и Брут взял себе лучшие помещения. Он приказал легионерам вынести все золото, украшения и статуи, упаковать и приготовить для отправки в Рим. Эти покои отделали резными панелями светлого дуба и устроили здесь святилище для римских богов.

После нескольких случаев мародерства для солдат Десятого и Четвертого выстроили отдельные казармы. Вначале Брут решил дать легионерам волю, но через несколько недель дисциплина стала падать, и пришлось их как следует приструнить. Некоторым это оказалось не по нраву, кое-кто даже писал прошения – таких глупцов в тот же день отправляли на отдаленные дорожные посты. В целом же в городе было спокойно, и в отсутствие Юлия Брут наслаждался полной свободой.

Те, кто раньше поддразнивал Брута, теперь чистили на жаре отхожие места, пока не сваливались от усталости. Он постарался запомнить каждого и с удовольствием поручал им наиболее грязную работу – а в местном климате самые ничтожные порезы и царапины быстро воспалялись. Брут взял за правило непременно, как любой добросовестный командир, навещать захворавших. Еще к

возвращению Юлия он намеревался достроить в Александрии канализацию.

На собрании командиров Брут внимательно смотрел на Октавиана, наслаждаясь его старанием не выказывать ненависть.

– ...и эту задачу я возлагаю на тебя, командир, – говорил он. – Юлий призвал в Египет новые легионы, их нужно кормить, платить им жалованье и найти для них жилье. Если ты не в состоянии выполнить свои обязанности, мне придется...

– Он ничего мне не говорил, – прервал Октавиан, и Брут сдвинул брови.

Со времени отъезда Юлия напряженность между ними ничуть не ослабла. Брут поначалу не сомневался, что Октавиан вообще откажется ему подчиняться, несмотря на распоряжение Юлия. Брут не забыл, как Октавиан угрожал ему в греческом порту. В глубине души Бруту даже хотелось, чтобы молодой полководец опять вышел из себя, – ведь теперь к Бруту вернулась прежняя сила. Прямого столкновения не происходило, но противостояние двух полководцев не осталось незамеченным среди старших командиров. Октавиан, казалось, избрал путь по лезвию меча – его почтительное повинование было на грани дерзости. Брут не возражал и собирался продолжать эту игру до тех пор, пока выдержит Октавиан. Терпения Бруту хватало.

– Насколько я знаю Юлия, – беспечно заметил он, – наш военачальник не привык обсуждать свои решения с подчиненными. Он приказал перевести часть войска из Греции в Египет. Все равно, с какой целью – для почетного караула или покорения страны. До возвращения Юлия ты за них в ответе.

Во взгляде Октавиана мелькнула злоба. Брут спокойно уселся в кресло, довольный, что вывел собеседника из равновесия. Как бы он хотел, чтобы Октавиана с позором отправили домой! Независимо от причин, сенат не пожалеет человека, оказавшего неповиновение своему командиру. Стоит Октавиану обнажить меч или замахнуться кулаком, и с ним покончено.

Понимая, чего от него добиваются, Октавиан поначалу старался сдерживаться. Он уже собрался отсалютовать, но тут его прорвало:

– Ты просто не хочешь смотреть в глаза солдатам, против которых сражался, когда нас предал! Поэтому и не желаешь сам ими заняться!

Брут победоносно улыбнулся:

– Разве можно так говорить со старшим по званию? А? Сегодня ты хватил через край. Думаю, мне следует потребовать извинений, а то вдруг Юлий обо всем узнает.

Октавиан был достаточно умен и не забывал о разнице в звании и возрасте. Он принял решение и взял себя в руки.

– Ты не годишься для своей должности, – сказал он Бруту. – Юлию следовало хорошенько подумать, прежде чем снова тебе довериться.

Бесконечно довольный, Брут поднялся из кресла. Целый месяц полководец тешился тем, что раззадоривал ненависть Октавиана, и вот его час настал.

– Можно позвать Домиция и соблюсти формальности, а можно пойти вдвоем в какое-нибудь тихое место – и я поучу тебя хорошим манерам. Как поступим?

Октавиан зашел слишком далеко, чтобы отступить перед угрозой. В ответ он только побарабанил пальцами по рукояти меча. Брут радостно осклабился – утро выдалось удачное.

– Я запишу, что мы провели тренировочный бой, – сообщил он, указывая на дверь. – Иди вперед, а уж я не отстану.

Стражники машинально салютовали проходящим командирам. Брут спустился за Октавианом по лестнице, затем они миновали коридор, опустевший от усердия легионеров в погоне за трофеями. Брут поводил плечами, напрягая и расслабляя мышцы.

На площадке для тренировок, как всегда по утрам, толклось полно народу. Загорелые дочерна римляне в одних набедренных повязках и сандалиях упражнялись с тяжелыми кожаными мячами и железными гирями. Некоторые дрались на легких мечах, и после дворцовой тишины звон оружия казался особенно громким.

– Займитесь чем-нибудь другим, – сказал им Брут, не сводя глаз с Октавиана.

Он терпеливо дожидался, пока люди сложат оружие и оставят их одних. Легионеров явно снедало любопытство, но для урока, который собирался дать Брут, зрители были ни к чему. Он хотел чувствовать себя непринужденно.

Когда ушел последний солдат, Октавиан повернулся к сопернику и плавным движением вынул меч, вставая одновременно в круг,

нарисованный на песке площадки. Брут надеялся, что Октавиан совершит какой-нибудь промах, – иначе придется нелегко; ведь Октавиан тоже выиграл серебряные доспехи на том памятном турнире. Соперник Брута был моложе и проворнее, зато Брут держал меч так, словно он рос у него из руки. Ему удалось отыскать свой меч после боя у дворца, прежде чем его нашли солдаты, собиравшие оружие. Полководец тренировался, невзирая на боль, – он хотел восстановить прежнюю ловкость именно ради этого поединка.

Брут встал напротив Октавиана и поднял меч в первую позицию.

– Помню, ты грозился снова сломать мне руку, – пробормотал он, начиная обходить соперника. – Желаешь попробовать?

Октавиан не слушал; он действовал стремительно и чуть не застал Брута врасплох. Первый же выпад стал серьезным испытанием его силы: Октавиан бил со всей своей мощью. Однако Брут умело отразил удар, только железо лязгнуло.

– Не нужно сильно напрягать торс, мой мальчик. Это ограничивает подвижность.

Некоторое время бились в молчании. Октавиан провел несколько выпадов, и ему удалось уколоть соперника в колено. Брут отвел меч в сторону.

– Неплохо, – одобрил он. – Вижу, Домиций с тобой хорошо поработал. Домиций любит такие выпады.

И Брут стремительно бросился на Октавиана. Тот успел отразить удар, но меч соперника все же коснулся его щеки. Тогда он провел ладонью по лицу и поднял руку, показывая, что на ней нет крови.

– Ты, мальчишка, собрался драться до первой крови? – удивился Брут. – Ты наивен, как Юлий. За это он тебя и любит, наверное.

Говоря, Брут начал наносить удары – все быстрее и быстрее. Противники столкнулись, и Октавиан локтем отшиб назад голову Брута.

– Стареешь, – заметил он, обходя соперника.

Брут смотрел на Октавиана и понимал, что это правда. Брут не мог двигаться молниеносно, как в юности. Однако опыта у него хватит, чтобы разделаться с нахальным щенком.

– Послушай, а Юлий говорил тебе о своих планах на будущее? – поинтересовался он.

Оба соперника взмокли от пота. Октавиан сощурился, и Брут продолжил, не прекращая наступления:

– Этот город станет второй столицей его империи, Юлий тебе не говорил? И не подумал. Ты ведь вечно первый на очереди лизать ему пятки. Какая тебе разница – полководцу или императору?

То и дело раздавался лязг оружия – Октавиан быстро парировал удары. Дыхание уже с трудом вырывалось из груди Брута, но оборону он держал надежно. Пусть Октавиан хоть целый день тычет в него мечом – все равно не достанет.

Октавиан чувствовал уверенность противника и не торопился наступать.

– Болтун ты старый, – заявил он, – лжец, предатель и трус!

У него даже заблестели глаза – Октавиан ждал немедленной атаки, а Брут только смеялся, еще больше выводя противника из себя.

– Спроси сам, когда Юлий вернется. Спроси, что он думает о твоей прекрасной республике. Мне он сказал...

Тут они вновь сошлись, и Брут ловким выпадом срезал у Октавиана с ноги лоскут кожи. Из раны хлынула кровь, а Брут, видя, что Октавиан вот-вот начнет выдыхаться, добродушно продолжал:

– Мне Юлий сказал, что дни сената сочтены... Но тебе, скорее всего, совет – пощадит твою болезненную гордость...

Они кружили все медленнее. Впрочем, Брут и не спешил.

– Ты, видно, уверен, что мы сражались во благо республики? – насмешливо вопрошал он. – Когда-то давно, наверное, так и было. А теперь у него есть царица, она собирается родить ему сына.

– Лжец! – заревел его враг, бросаясь вперед.

Нога болела, словно ее жгло огнем, но Октавиан понимал: Брут ждет, чтобы он ослаб. Неудачный выпад противника дал Бруту возможность глубоко ранить ему кисть, прежде чем тот успел ее отдернуть. Октавиан машинально сжал пальцы; меж костяшек бежала кровь.

– И вообще, думаю, при Фарсале я сражался на верной стороне, – заявил Брут, резко увеличивая темп, так что Октавиан даже споткнулся.

Он пришел в какое-то оцепенение, но Брут не знал – виноваты в том полученные раны или то, что он ему говорил.

– Не прикидывайся умирающим. Эту уловку я видел сотни раз, – съязвил Брут.

Октавиан немного выпрямился и направил меч безупречно рассчитанным движением, которое Брут не успел отразить. Удар пришелся в наплечную пластину, меч скользнул и рассек завязки. Брут выругался, свободной рукой сдернул наплечник и отшвырнул в сторону.

– Да, красавица ждет ребенка. Правда, тебе-то что за дело. – Брут сменил темп. – Или ты сам надеялся все унаследовать? Хотя почему бы и нет? Он по сравнению с тобой и лысый, и старый. Почему бы в один прекрасный день не занять его место? О боги, каково ж тебе узнать, что этого не случится! Когда у Юлия родится собственный сын – зачем ему будет нужен дальний родственник?

Брут злобно рассмеялся, а Октавиан вопреки рассудку очертя голову бросился в атаку. Брут качнулся вперед и нанес противнику удар – опять по той же щеке и рассек ее.

– Отличный способ разделки, правда? – сказал он. – А ты теряешь подвижность, мальчик.

Впрочем, выдохлись уже оба, и теперь каждый пытался нанести смертельный удар. Брут толкнул Октавиана коленом в пах, но тому удалось ранить Брута в ногу. Брут вскрикнул.

– Что, больно? – прохрипел Октавиан.

– Пощипывает, – ответил Брут, принимая твердую стойку.

Мечи снова поднялись и слились в звенящем мелькании. Враги сражались не на жизнь, а на смерть. В пылу боя они почти не замечали ударов, на серебряных доспехах было полно вмятин. Наконец Брут, проткнув панцирь, поразил Октавиана, и тот схватился за бок. По телу у него струилась кровь, от яркого солнца потемнело в глазах. Он упал на колени, готовый почувствовать в горле железо клинка.

Брут отшвырнул меч Октавиана в сторону и стоял, глядя на противника сверху вниз.

– Ничего, все это можно заштопать, – утешил он, опершись руками на колени. – А я вот думаю: сломать, что ли, тебе руку?

Рана на бедре сильно болела, но Брут о ней не думал. Бывало и похуже.

Октавиан поднял глаза.

– Если ему нужна империя, – выговорил он, – пусть получает!

Брут, вне себя, размахнулся и ударил Октавиана кулаком, опрокидывая на спину.

– Ты неслыханный глупец! – сказал он поверженному врагу.

Глава 31

В один из последних дней лета в Александрии загремели трубы – к городу приближалась барка царицы. Брут выслал навстречу дюжину римских галер. Из портовых запасов выдали достаточно провизии для устройства празднеств. Пурпурный парус увидели издалека, и сотни лодок присоединялись к процессии, окружая царскую барку, словно стайка пестрых птичек.

Дни становились короче, но воздух оставался тяжелым и жарким. Царица вышла на палубу и смотрела, как приближается флот, а рабы обмахивали ее опахалами. Безмятежным дням на Ниле пришел конец – у Клеопатры близились роды. Ей было скверно и все быстро надоедало. Если у царицы разыгрывались нервы, Юлий буквально ходил по струнке. Увидев римские галеры, она вспыхнула от гнева и, сощурившись, спросила:

– Ты вызвал сюда все войско?

– Лишь самую малую часть, – ответил Юлий. – Нельзя же оставить Александрию без защиты, когда ты уедешь в Рим.

– Моя армия обычно с этим справлялась, – с негодованием заметила царица.

Тщательно взвешивая слова, Юлий произнес:

– Не хочу рисковать даже в малой степени. Эти галеры здесь для того, чтобы защищать наследство нашего сына. Доверься мне. Ведь я дал клятву.

Клеопатра почувствовала, как шевельнулся ребенок. Она невольно содрогнулась: быть может, этот римлянин уже отобрал у нее трон? Египту пять тысяч лет, Египет устал, а враги выжидают удобного момента. Юная сила Рима отпугнет от ее страны хищников, как факел, брошенный в морду зверя. Клеопатру воодушевляли разговоры Юлия о державе с двумя столицами, но, видя в порту столько легионеров, царица начинала бояться. Юлий великодушный человек, отличный любовник, однако он еще и полководец, чья мощь подобна буре. И этому полководцу приглянулся ее город.

Юлий заметил, что Клеопатра дрожит, и, взяв у рабыни платок, ласково укрыл ее плечи. Его нежность исторгла слезы из глаз царицы.

– Верь мне, – мягко попросил он. – Ведь все только начинается.

На пристани барку встречали римские центурии – построение было безупречным. Юлий и Клеопатра ступили на берег, и legionеры громко приветствовали возвращение своего консула. Царице подали паланкин; под его пологом она укрылась от взглядов толпы, и дюжие рабы подняли носилки на плечи.

Юлий стоял рядом и примечал, что изменилось в городе, пока он плывал.

В порту теперь царил порядок. Кое-где виднелись дозорные legionеры. Римляне выстроили новые здания для таможни и реквизировали несколько старых, чтобы следить за доходом от торговли. Брут не терял времени.

Процессия двинулась через Александрию, и по мере приближения к царскому дворцу присутствие в городе римлян становилось заметнее. На каждом углу Юлий видел салютующих legionеров. Плотные ряды солдат оттесняли горожан, стремящихся пробиться к своей царице. Римляне перекрыли все прилегающие дороги, и только ведущая к дворцу улица оставалась свободной.

При мысли о том, что может подумать Клеопатра, Юлий поморщился. Он сам отправил в Грецию приказ, однако зрелище такого количества legionеров встревожит кого угодно. Когда он прибыл в Египет, это была совершенно чужая страна, а его люди постарались превратить ее в римскую провинцию.

Во дворце вокруг царицы взволнованно засуетились рабыни. Хотя Клеопатра устала и у нее болели ноги, прежде чем удалиться в прохладу внутренних покоев, она задержалась на крыльце и повернулась к Юлию:

– Так я могу тебе доверять?

– Ты носишь моего сына, Клеопатра. Но и без этого ты для меня дороже всего. Я хочу защитить тебя.

Царица собралась что-то ответить, однако передумала и лишь недовольно поджала губы.

Юлий вздохнул. На них смотрели тысячи legionеров.

– Что ж, моя повелительница, пусть видят...

И, не произнося более ни слова, он опустился перед ней на колени.

Клеопатра взглянула на покрасневшего Юлия и просветлела. Уголки ее рта тронула улыбка.

– Никогда не видела, чтобы люди преклоняли колени с таким надменным лицом, – прошептала царица Юлию в ухо, и ему стало смешно.

Пообедав и искупавшись, Юлий собрал своих галльских полководцев. Командирам из Греции придется подождать. Юлий выбрал то самое помещение в квартале писцов, в котором обосновался Брут, и, ожидая своих подчиненных, с любопытством осматривался.

Первыми появились Брут и Домиций; отсалютовав, они сели. Следом вошел Регул, его обычно сумрачное лицо благодаря возвращению Юлия немного оживилось. Пока Домиций разливал вино, вошли Октавиан и Цирон.

Прежде чем выпить, каждый поднимал кубок, приветствуя Юлия. Все здоровые и загорелые, особенно Цирон. Он вполне мог сойти за египтянина. У Октавиана на щеке красовался свежий шрам, и вел он себя гораздо сдержаннее других. Юлий соскучился по друзьям, по их многолетнему братству. Консул плывал почти шесть месяцев, и ему казалось, что друзья от него отделились.

– Друзья, выслушаем ваши доклады, – спросил он, – или будем пить и болтать до самого заката?

Регул улыбнулся, но прочие были немного насторожены. Наконец Октавиан нарушил молчание:

– Я рад тебя видеть, господин.

Брут поглядывал на Октавиана с каким-то вежливым интересом, и Юлий заподозрил, что между ними что-то произошло. Однако сейчас ему не хотелось слушать пререкания и видеть недовольные лица. После плавания по Нилу подобные склоки представлялись ничтожными.

– В городе спокойно, – сообщил Брут. – Да другого и ожидать нельзя, когда здесь находятся тысячи отборных легионеров. Были случаи грабежа – не много, и кое-кого отправили на исправительные работы в отдаленные гарнизоны. Словом, ничего важного. Еще мы тут

построили приличную канализацию и навели порядок в порту. Ну и некоторые неплохо развлеклись. А как чувствует себя царица?

Юлий, довольный, что все в порядке, кивнул.

– Роды через несколько недель или даже раньше, – сказал он, и взгляд его потеплел.

– Значит, сын и наследник, – заключил Брут, незаметно для Юлия посматривая на Октавиана. – Придется тебе объясняться с Кальпурнией.

Юлий опять кивнул, понемногу потягивая вино. Напоминание о слезливой супруге не доставило ему удовольствия.

– Я ведь не знал, что так случится, когда на ней женился, – задумчиво проговорил он. – С тех пор как я отплыл в Грецию, столько всего произошло...

– А когда родится ребенок, мы вернемся в Рим? – неожиданно спросил Октавиан.

Юлий видел, что тот чем-то смущен, но не мог понять, в чем дело.

– Вернемся. Я оставлю здесь два легиона – следить за порядком. Напишу Марку Антонию, чтобы выделил несколько галер – возить сюда жалованье солдатам и приказы. Во имя богов – как мне хочется его видеть! Я соскучился по родным местам. Стоит упомянуть о Риме, и я начинаю рваться туда всей душой.

Глядя на серьезные лица окружающих, Юлий собрался с мыслями:

– Отвезем в Рим останки диктатора и там похороним. Я намерен воздвигнуть статую – быть может, в театре Помпея. То, как он погиб, до сих пор не дает мне покоя. Я написал о нем дочери. Хотя бы ради нее я должен оказать ему последние почести.

Юлий замер, уставившись в пространство. Больше года прошло со дня сражения при Фарсале, а переход Рубикона казался невыносимо далеким. Юлий понял, что месяцы, проведенные на сонной реке, сделали его другим. Друзья по-прежнему напоминают поджарых волков, привыкших драться, а сам он уже не такой.

– Удивительно – после стольких лет распрей восстановится республика, – пробормотал Октавиан, уставившись на кубок с вином. – Город примет тебя как спасителя наших старинных законов.

Он заставил себя поднять глаза и встретил внимательный взгляд Цезаря.

– Наверное, – сказал Юлий. – Вернусь, тогда увидим.

В лице Октавиана мелькнул проблеск надежды, но Юлий, который начал наполнять кубок из серебряного кувшина, ничего не заметил.

– Много изменилось, – продолжил он. – На этой медленной реке так хорошо думается... Мне дарована возможность поднять Рим на небывалую высоту, и я не должен ее упускать.

Чувствуя на себе взгляд Октавиана, Юлий приветственно поднял кубок:

– Здесь, на земле Александра, для меня возродились мечты великого царя. Тут я словно прозрел. Мы понесем свет Рима всем землям. Мы – как маяк Фароса. – И Юлий улыбнулся, не замечая мук Октавиана. – Мы можем создать империю!

– Это царица придумала? – тихо поинтересовался Октавиан.

Юлий смотрел на него озадаченно:

– Ее кровь соединилась с моей. Египет и я теперь одно целое. И Рим пойдет за мной.

Рукой с кубком Юлий сделал широкий жест. Вино согрело его мысли.

– Впереди у нас золотой век, Октавиан. Я уверен.

– И сбудется твоя старая мечта! – вставил Брут.

Юлий шагал по дворцовому залу, вздрагивая от каждого крика Клеопатры. Его сын уже начал проситься в мир, и Юлий никогда в жизни так не волновался. Консула разбудили посланные за ним придворные, и он, наскоро набросив тогу и надев сандалии, позвал Брута.

Оба пришли в тронный зал, и тут им сказали, что царицу сейчас беспокоить нельзя. К раздражению Юлия, покои Клеопатры охранялись ее личной стражей, и ему оставалось только гневно мерить шагами пол, да еще на пустой желудок.

Проходили часы. Вбегали и выбегали слуги – они носили теплую воду, стопки белых простыней. Из покоев царицы слышались женские голоса, иногда Клеопатра кричала от боли. Юлий бессильно сжимал кулаки и не сразу заметил, что Брут сует ему в руки ковш с теплым ячменным отваром.

На рассвете вышел Созиген и приказал рабам принести новых простыней. Астролог был красен от волнения и озабочен, но, увидев лицо Юлия, задержался:

– Твой сын вот-вот родится, Цезарь. И то, что он появится на свет с первыми лучами солнца, – великое знамение.

Юлий схватил его за руку:

– Как там царица? Все идет правильно?

Созиген улыбнулся и кивнул:

– Тебе нужно успокоиться, консул. Тебя вскоре позовут. Царица молода и здорова – и ее мать тоже отличалась здоровьем. Успокойся.

Астролог высвободил руку из крепких пальцев Юлия и прошел мимо стражников. Из покоев царицы раздался вопль, от которого Юлий зарычал:

– Боги, я не вынесу этого!

– А когда родилась Юлия, ты тоже так волновался? – любопытствовал Брут.

Юлий покачал головой:

– Не помню. Наверное, нет. Но теперь я старше. Если ребенок умрет – будет ли у меня еще возможность иметь наследника?

– И как ты собираешься назвать своего сына? – спросил Брут, чтобы отвлечь Юлию от странных песнопений, доносящихся из комнат царицы.

Там совершались таинственные, непонятные ритуалы, а Юлий, пожалуй, ничего этого и не замечал – в таком он был смятении.

Вопрос, казалось, заставил его немного прийти в себя.

– Птолемей Цезарион, – с гордостью произнес Юлий. – В нем соединятся два великих рода.

– И ты покажешь сына на Форуме, – напомнил Брут.

Юлий просиял:

– Непременно. Он чуть-чуть подрастет, и мы поедем в Рим. Сирийский царь пригласил меня в гости, и я отправлюсь вместе с Клеопатрой. Потом на Крит или, быть может, на Кипр, затем в Грецию и, наконец, домой. В Риме будет лето, я приду на Форум и подниму мальчика, чтобы показать его римлянам.

– Если ты намерен основать династию, тебе предстоит серьезная борьба, – пробормотал Брут.

Юлий покачал головой:

– Не теперь. Разве ты не видишь – легионы мне послушны, а в сенат наберем подходящих людей. Понимают это римляне или нет, но империя уже существует. В конце концов, кто может мне противостоять? Помпей был последним.

Брут кивнул; глаза у него потемнели.

Спустя час выбежал Созиген, такой взволнованный, что даже стражники удивились. Он просто сиял – словно в том, что происходило, имелась его личная заслуга.

– У тебя сын, Цезарь, как я и предсказывал. Ты хочешь войти?

Юлий хлопнул старика по плечу, и астролог пошатнулся.

– Покажи мне его!

Брут не пошел за ними, он остался, дабы сообщить радостную весть легионам, собравшимся к рассвету у ворот царского дворца.

Полог у постели подняли, чтобы Клеопатре не было душно. Побледневшая царица выглядела изможденной и как будто удивленной, под глазами легли тени. Молодая рабыня осторожно вытирала испарину с ее лба. Юлий бросился к возлюбленной, не обращая внимания на многочисленных слуг, суесящихся в спальне.

Клеопатра кормила лежащего рядом с ней младенца – мальчика, которого Юлий ждал так долго; упругая грудь почти полностью закрыла крошечное личико.

Юлий присел на ложе и нагнулся к ним, не замечая рабыни, поспешившей исчезнуть. Царица открыла глаза.

– Моя прекрасная повелительница, – ласково шепнул Юлий, улыбаясь ей, – Созиген сказал, что это мальчик.

– Старик совсем загордился, – ответила Клеопатра и слегка вздрогнула – ребенок сильно сжал десны. – У тебя сын, Юлий.

Он осторожно протянул руку и убрал с ее лба прядь волос.

– Я ждал тебя всю жизнь.

Ее глаза наполнились слезами, и царица рассмеялась над собой.

– Я готова плакать от всякой малости, – призналась она и сморщилась, потому что младенец опять сдавил сосок.

На секунду малыш его выпустил, но тотчас же жадный ротик снова поймал грудь матери и принялся усердно сосать.

Юлий смотрел на маленькое тельце, укутанное в пеленки. Только что вышедший из материнской утробы младенец был сморщенный и

красный. На черных, как у матери, волосах осталось пятнышко крови.

– Он очень сильный, – сказала Клеопатра.

– Если он останется таким безобразным, хорошо хоть будет сильным, – рассмеялся Юлий.

Клеопатра шлепнула его свободной рукой.

– Он красавец, – возразила она, – и это наш сын. Созиген обещает, что он станет великим царем. Более великим, чем ты или я.

Он нежно поцеловал ее, и Клеопатра откинулась назад, опустив веки. Юлий почувствовал, что за спиной кто-то стоит, и, обернувшись, встретил суровый взгляд царской повитухи.

– Что? – спросил он.

Клеопатра вздохнула.

– Они ведь не говорят на твоём языке, Юлий, – не открывая глаз, напомнила она.

Женщина рукой указала Юлию на двери, что-то тихонько бормоча.

– Понятно, – пробормотал он. – Я приду, когда ты отдохнешь.

Он тихонько пожал ей руку и встал. Глядя на свою семью, Юлий мысленно благодарил богов, что дожил до этого дня.

Часть третья

Глава 32

Рим не спал. Посыльные неслись галопом, спеша сообщить новость: Цезарь высадился на побережье и едет домой. Последние недели Марк Антоний трудился не покладая рук и успел закончить все приготовления. Население миллионного города зажигало на стенах лампы, готовясь к праздничному пиру. Улицы вымели и вычистили, так что Рим блестел как новый. Горожанам раздавали зерно, хлеб, мясо. День возвращения Цезаря был объявлен государственным праздником. Во всех храмах ящики для пожертвований ломались от денег: люди благодарили богов за то, что они сохранили Цезаря. Труженики, уставшие от дневных забот, не ложились спать, а вместе с домочадцами ждали, когда трубы возвестят о прибытии Цезаря.

Брут, не спеша, ехал рядом с Юлием и поглядывал на светящийся вдали город. Рим раскинулся так широко, что Александрия по сравнению с ним могла показаться провинциальным городком. Рим лежал под ночными небесами яркий и сияющий – горожане постарались для Цезаря. Можно ли сделать больше, даже ради царя? Бруту было противно благоговение, с которым Октавиан взирал на сверкающий россыпью алмазов Рим. Все прочие, похоже, испытывали то же, что Октавиан, – от солдат до самого Юлия. Они возвращаются победителями, и поступь их горда. Брут не разделял ни их торжества, ни надежды. Что ему до этих стен? Он лишь человек, которому Юлий простил предательство. Люди будут указывать пальцами ему вслед и шептаться у него за спиной. Наверное, он опять встретится с матерью. Быть может, когда Сервилия увидит Клеопатру, она наконец поймет, что отвратило ее сына от старого друга. У Брута защипало в глазах, и полководец, устыдившись своей слабости, сделал глубокий вдох. Ему доводилось въезжать во многие города, и Рим – всего лишь один из них. Он вытерпел многое, вытерпит и сейчас.

Бруту казалось, что путешествие длится целую вечность. Юлий посетил сирийского царя, и тот принял его как равный равного и преподнес ему в дар оружие и драгоценные камни.

Клеопатра, опекаемая Цезарем, наслаждалась – она увидела, каким уважением пользуется консул среди подобных мелких царьков. Не скрывая гордости и восхищения, царица демонстрировала Птолемея Цезариона, бессмысленно пускающего пузыри. У повелителя Сирии было много детей, но он тоже почтил гостей знакомством со своим наследником – Иродом – и заставил сына поклониться римскому консулу. Юный царевич сильно волновался.

Брут оглянулся на повозку, в которой ехала царица. Повозка, запряженная быками, напоминала скорее роскошную спальню на колесах. Там же ехал и сын Клеопатры, оглашая ночь пронзительными недовольными криками.

Возвращение в Рим походило на своего рода грандиозный триумф. Претор Крита поцеловал Юлию руку и уступил ему на время пребывания на острове собственный дом. Солдаты ели и пили в покоях претора до отвала, но, правда, обошлось без скандалов и драк. Легионеры понимали важность своего положения; они – почетная стража, сопровождающая Цезаря и его сына. Бруту делалось тошно от их благоговения перед консулом.

Первое время он вообще поражался, что многие могущественные люди преклоняют колени перед Юлием, которого Брут помнил мальчишкой. Он помнил, как Юлий ссорился с Рением, препирался, точно сварливая старуха, с Каберой, как он ругался, плевался от злости или отчаяния. Всеобщее раболепие перед этим человеком просто непристойно. Ведь они его совсем не знают! Люди видят только консульскую мантию и покорные легионы. И никому не известно, что спрятано под этой личиной великого полководца. Юлий принимал почести с большим удовольствием, а Брута точил изнутри ядовитый червь.

Правда, в Греции, где Брута все хорошо знали, ему приходилось еще хуже. За год, проведенный в Александрии, Брут отвык принимать суровую правду. Он позабыл, как больно, когда отворачиваются друзья, когда люди презрительно усмеваются вслед, видя его рядом с Юлием. Там, в Греции, был и Лабиен – при нем Брут вернулся под крылышко бывшего командира. В темных глазах Лабиена читалась тайная насмешка.

Если бы победил Помпей, Брут, несомненно, был бы вознагражден сполна. Он предложил бы себя в консулы, и горожане

проголосовали бы за него – за человека, который поставил Рим выше личной дружбы и спас город от тирана. Не будь одного-единственного поражения – при Фарсале! – жизнь Брута пошла бы по иному пути. Именно это мучило его сильнее всего. Не великодушного прощения, а возможности самому подняться на вершину – вот чего он хотел! И когда-то верил, что у него получится.

Между тем дорога на Рим не пустовала. Марк Антоний выстроил на их пути, насколько хватило солдат, почетные караулы, и воины встречали и провожали Юлия, замерев с поднятыми в салюте руками. Брут не мог не признать, что эти люди тоже выполнили свой долг. В то время как Юлий отсутствовал, они охраняли безопасность Рима.

Вообще-то, было бы только справедливо, если бы, пока Юлий прохладился на Ниле, на Рим кто-нибудь напал. Но боги пожелали даровать Риму мир и покой – наверное, тоже решили передохнуть, пока Юлий не возьмет опять бразды правления.

Греки, правда, подняли мятеж, выбрав самое неудачное для себя время – когда Юлий прибыл в Грецию. Брут почти жалел бедняг, дерзнувших подняться против своих хозяев-римлян. Юлию захотелось вмешаться, хотя с ними вполне мог управиться Лабиен. Солдаты решили, что в командующем говорит чувство долга: он первый в Риме и отвечает за порядок в завоеванных землях. Но Брут сильно подозревал, что Юлию просто хотелось покрасоваться перед Клеопатрой.

По сравнению с другими сражениями это оказалось пустяковым делом. Юлий прискакал к месту боя со своими полководцами и Клеопатрой. Брут вспомнил, как греки с воплями карабкались по склону горы, на которой расположились силы римлян. Добравшись до вершины, они, разумеется, уже выдохлись. Мятеж был подавлен всего за четыре часа – жалкая помеха на победоносном пути римлян.

Наконец флот причалил в Остии. Юлий опустился на колени и целовал землю. Легионы оглашали берег приветственными криками; волна радостного возбуждения, захлестнувшая Рим, покатила дальше на запад через города и села. Люди, одетые в свои лучшие наряды, суетясь и толкаясь, рвались поглядеть на Цезаря. Женщины уложили волосы с таким тщанием, будто готовились к празднику Доброй Богини. Родители поднимали кверху детей – скоро и Юлий так же поднимет своего сына, придя на Форум.

Кони, чувствуя всеобщее волнение, вскидывали головы и храпели. Чем ближе подходили к Риму легионы, тем громче приветствовали их толпы римлян. Тяжелые ворота города были открыты. На стенах стояли горожане, кричали и махали руками, но легионеры шагали ровным строем, не отвечая на эти знаки внимания. Однако у солдат прибавилось сил, и они улыбались, глядя на стены с факелами, словно увидели этот город впервые.

Брут заметил в воротах белые тоги сенаторов. Интересно, как бы они отнеслись к планам Цезаря? Понимают ли сенаторы, кого встречают и так доверчиво приветствуют? Если сенаторы надеются, что годы притушили его пыл и амбиции, их ждет сильное разочарование. Юлий, напротив, помолодел – по волшебству Клеопатры, подарившей ему сына. Весь город, наверное, боготворит Юлия, но Цицерон – тот не настолько глуп. Впрочем, как бы то ни было, сейчас никто в целом мире не поднимет предупреждающий голос. Иногда безопаснее переждать бурю, а после собрать обломки.

Сначала у ворот, потом по всему городу затрубили трубы – ни одна труба, ни один горн в Риме не остались без дела. Юлий слегка прищпорил коня, чтобы поравняться с первыми рядами Десятого. Проезжая под аркой, он высоко держал голову и махал рукой толпившимся с обеих сторон людям. Он вернулся домой!

Цезарь стоял на ступенях сената лицом к собравшимся на Форуме горожанам. Он поднял руку, требуя тишины, однако люди не умолкали. По знаку Юлия двое легионеров громко затрубили, но и тогда народ успокоился не сразу. Юлий повернулся к Марку Антонию, и оба улыбнулись.

Наконец все замолкли. Юлий наслаждался тем, что просто стоит и смотрит на Рим. Консул упивался этим чувством. Его окружали люди, которых он знал десятки лет. Яркое солнце уходящего лета лило свет на дворцы и храмы.

– Ничто в мире не сравнится с нашим родным городом, – проговорил Юлий, глядя на обращенные к нему лица. Голос его эхом несся над Форумом. – Я видел Галлию. Я видел Малую Азию. Я видел Грецию, Испанию и Британию. Я был в городах Александра и видел множество сокровищ и богов. В самых далеких землях слышна римская речь: даже там мы возделываем земли, торгуем, строим жизнь

по своим обычаям. Нас и наши законы чтят в таких далеких странах, что трудно представить. Этот город – колыбель цивилизации.

Толпа разразилась аплодисментами, и Юлий ждал, нагнув голову. Но аплодисменты не затихали, и по его приказу солдаты стукнули по каменной мостовой древками копий.

– С великой скорбью вез я домой останки Помпея. Он погиб не от моей руки, и его смерть – настоящее бедствие для Рима. Убийцы великого мужа понесли наказание, боги не дадут им забыть, какова цена жизни консула. Пусть до конца своих дней оплакивают тот день, когда подняли руку на гражданина Рима. Наш ответ запомнят на долгие годы. Каждый римлянин, отправляющийся путешествовать или торговать, находится под защитой родного города. Если на вас нападут враги, только скажите им, что вы – гражданин Рима, и пусть они трепещут перед той карой, которая последует, пролей они хоть каплю вашей крови. Порукой в этом – мое слово.

Прежде чем собравшиеся снова зааплодировали, Юлий нетерпеливо вскинул руку, желая продолжить. Тот мир, который он создаст вместе с Клеопатрой, представлялся ему таким прекрасным, что любые слова бессильны это выразить.

– Я даровал прощение тем, кто в гражданской войне поднял на меня оружие. Так же как солдат Корфиния и Греции, я простил каждого, кто понял свой долг и последовал ему. Мы – братья и сестры, мы одной крови. С сегодняшнего дня мы начнем все заново, а прошлое пусть останется в прошлом. Я не Сулла, которому всюду мерещились враги. Я хочу для Рима иной участи.

Сенаторы насторожились, стараясь не пропустить ни слова, и Юлий сделал паузу, затем продолжил:

– Боги благословили мой род, даровав мне сына; в нем течет кровь египетских царей. Я принес его сюда, чтобы вы поприветствовали его так же, как приветствовали меня.

Одна из нянек Птолемея Цезариона вышла вперед с младенцем, и Юлий взял сына на руки. Мальчик начал кричать – на удивление отчаянно, и эхо разносило крик по Форуму. От этого крика разрывалось сердце Кальпурнии – она видела, как горд ее супруг, которого она обожала и которого потеряла окончательно. Кальпурния отвернулась.

Толпа ревела от восторга, а Юлий поворачивался в разные стороны, показывая собравшимся сына. Он всегда умел управлять настроениями черни и знал, что римляне больше всего любят подобные представления. Юлий смеялся, радуясь их восторгу, но мальчика пришлось отдать недовольной няньке. Рев толпы напугал малыша еще больше, и, спеша унести ребенка, женщина тщетно пыталась его успокоить.

– Я мечтаю о мире, в котором правили бы римские законы, – от дальних уголков Африки до ледяных земель севера. Вы будете рассказывать детям о том, что были свидетелями возвращения Цезаря. Вы расскажете им, что в этот день родился новый мир. Именно мы с вами создадим его – и он станет более великим, чем прежний.

Юлий вытянул вперед ладони:

– За это придется заплатить, и немало. Заплатить трудом. Для того чтобы наши дети и внуки жили в золотом веке, придется пролить немало доброго римского пота и даже крови. Я не боюсь такой цены. Я не боюсь работы. Не боюсь, ведь я – гражданин Рима, величайшего в мире города!

На Юлия обрушилась лавина аплодисментов, и он, радостно сияя, направился в зал сената. А у сенаторов, стоявших за его спиной, улыбки погасли. С каждым словом Юлия, которое летело над Форумом, зажигая сердца римлян, глаза сенаторов становились все холодней. Самые старшие задумались – существует ли что-то, что способно остановить Цезаря?

Высокопарные речи и аплодисменты остались позади, наступил вечер, и здание сената, казалось, наполнилось призраками.

Празднества продлятся несколько дней. Цицерон сидел в пустом зале и слышал на Форуме приглушенный смех и старые песни. В ближайшие дни не бывать тут миру и покою – пока не иссякнут запасы вина. Немало детей будет зачато в эти дни, и многих из них назовут именем человека, которого сегодня славит Рим.

Сенатор вздохнул. У его ног лежала запечатанная амфора отличного красного вина. Он собирался выпить за здоровье Цезаря одним из первых, но после такого оборота событий позабыл. Республика все-таки погибла, и трагедия заключается в том, что этого никто не заметил. То, чего не смогли добиться Помпей или Сулла с

помощью оружия и запугивания, Цезарь добыл без труда, легко отменяя обычаи предков.

Сначала, когда Цезарь обратился с речью к представителям нобилитета, Цицерон еще надеялся. Юлий не запятнал себя убийством Помпея, и, казалось, старые обязательства консула перед согражданами не утратили силы. Но эта слабая надежда угасла весьма быстро. Законы Рима созданы для ограничения власти, и ни один человек не мог подняться слишком высоко над другими. В самые тяжелые времена законы обладали достаточной силой, чтобы обуздать Мария или Суллу. Однако там, вдали от Рима, Цезарю удалось забраться очень высоко. Он разговаривал с сенаторами точно с какими-то просителями, а толпа снаружи выкрикивала его имя.

Цицерон, вообще-то, не чувствовал в себе особой любви к согражданам, но гордился тем, что в основе республики лежит голосование. Сенат не захватывает власть, а получает ее из рук народа. И вот в конце концов этот народ нашел для себя нового героя. Теперь Цезаря не остановить – хотя кто знает, можно ли было остановить его раньше.

Цицерон покачал головой, вспоминая, как Юлий слушал избитые фразы, произносимые сенаторами. Цезарь не мешал им говорить, но, когда он поднялся и заговорил сам, республика уже лежала в пыли, словно сброшенная старая кожа. К концу речи у писцов заболели головы, а сенаторы, которые вначале приветствовали Юлия с такой радостью, сидели будто оглушенные.

Сенатор медленно поднялся и поморщился – у него скрипнули колени. Здание сената потонуло в городском шуме, и Цицерон содрогнулся при мысли о том, что ему придется протискиваться сквозь пьяную толпу. Горожане еще не слышали речи Цезаря в сенате! Он обещал построить Рим заново – новый Форум, храмы и дороги. Обещал отчеканить монеты из галльского золота. Сторонники Цезаря займут все места в сенате, его легионеры получат лучшие земли и разбогатеют. На ближайшие месяцы консул запланировал четыре триумфа – столько не было ни у одного римского полководца! Боги, этому не видно конца! Среди многих обещаний Цицерону очень хотелось услышать хотя бы намек на то, какую роль Юлий отведет сенату. Хотя бы слово, чтобы спасти их достоинство, – но нет. Юлий

говорил о будущем и, сам того не замечая, каждым словом отталкивал от себя слушателей.

А ведь они ждали совсем другого, вспоминал Цицерон. Марк Антоний читал письма Цезаря из Египта, и все говорили о том, как им лучше принять и чествовать величайшего полководца Рима. Тем не менее в душе люди спрашивали себя: согласится ли теперь Юлий признавать власть сената? Цицерон проголосовал вместе с другими за диктатуру сроком на десять лет – дело, до тех пор неслыханное. И точно сбалансированные весы республики дали перекося. Вот и все, чего смогли достичь сенаторы.

Услыхав новость, Юлий просто кивнул, словно только того и ждал. Цицерон пришел в отчаяние. Он прекрасно понял, для чего Юлий показывал на Форуме своего сына. По положению этому человеку нет равных, некому его по-дружески предостеречь. Интересно, будет ли во время триумфов у Цезаря за спиной стоять раб и шептать ему в ухо: «Помни, что ты смертен»?

Бронзовые двери скрипнули, и Цицерон оглянулся – кто дерзнул нарушить покой зала заседаний? Разве снаружи нет стражников? Впрочем, Цицерон не удивился бы, если бы стражники валялись пьяные, а возбужденные толпы рвались внутрь, чтобы загадить зал, где заседает их правительство.

– Кто здесь? – спросил сенатор и устыдился своего дрожащего голоса. Голос нервного старика, с горечью подумал он.

– Это я, Светоний. Я заходил к тебе домой, но тебя не застал. Теренция уже волнуется.

Цицерон громко вздохнул – он испытал одновременно облегчение и раздражение.

– Неужели в этом городе человека никогда не могут оставить в покое? – сказал он с вызовом.

– Незачем сидеть в потемках, – ответил Светоний, подходя к собеседнику.

Он не сразу решился посмотреть в глаза Цицерону, и вид у него был как у потерпевшего поражение. Светоний тоже сидел в сенате, тоже слышал выступление Цезаря.

Снаружи кто-то затянул старинную песню о несчастной любви, и остальные на Форуме стали подтягивать. Пели не в лад, но с большим чувством. Цицерону даже захотелось выйти и присоединить к общему

хору свой дребезжащий тенор – хотя бы для того, чтобы побыть частью толпы в последний раз, пока новый день не вернет его к неприятной действительности.

Светоний слушал, наклонив голову.

– Они еще не раскусили Цезаря, – прошептал он.

Цицерон, отвлеченный от своих мыслей, поднял на него взгляд. В полумраке глаза Светония казались темными ямами.

– И теперь мы просто его слуги? – вопрошал Светоний. – Это все, чего мы добились?

Цицерон покачал головой, отвечая скорее себе, чем собеседнику:

– Придется поупражняться в терпении, сенатор. Наш город будет долго стоять и после нас.

Светоний с отвращением фыркнул:

– Какое мне до того дело?! Ты ведь слышал его речь, Цицерон! Ты кивал вместе со всеми, и никто из вас не посмел высказаться.

– Ты тоже промолчал, – напомнил Цицерон.

– А что проку от меня одного? – бросил Светоний.

– Видимо, все рассуждали, как ты.

– Но мы же нужны ему, чтобы править, – продолжал Светоний. – Или Цезарь думает, колонии сами собой управляют? Он хоть одним словом поблагодарил нас за ту работу, которую мы проделали, пока его не было? Я не слышал, а ты?

Оратор начал злиться: Светоний расхныкался, словно ребенок.

– Мы ему не нужны! – резко возразил Цицерон. – Неужели не понятно? Войска преданы ему лично, ему принадлежит полная власть. А мы – только воспоминание о старом Риме, мы – гаснущие угли, поддерживающие друг друга собственным дыханием. Все великие мужи ныне мертвы.

Тем временем снаружи донеслись последние, самые трогательные слова песни, тут же сменившиеся радостными воплями.

– И что нам делать? – поинтересовался Светоний.

Голос у него был жалобный, и Цицерон поморщился. Он долго не отвечал.

– Мы придумаем, как привлечь к нам Цезаря, – промолвил он наконец. – Сегодня народ его любит, завтра тоже, а потом? Люди потратят деньги, которые он роздал, а одними красивыми обещаниями брюхо не набьешь. Быть может, тогда римляне вспомнят о нас.

Цицерон говорил и водил подошвой по натертому полу. Сенатора злила явная слабость собеседника, и мысль заработала быстрее.

– Кто же будет принимать для него законы, воздавать ему почести? Уметь кричать на Форуме – еще не все. Цезарь вот так запросто отшвырнул то, что накоплено веками. А ведь обратный процесс может ударить по нему, и с немалой силой.

– Значит, таково твое решение? – спросил Светоний. Насмешка в его тоне привела Цицерона в ярость, однако Светоний продолжил: – Собираешься противостоять Цезарю, принимая нужные ему законы? Вознося хвалу?

Цицерон с усилием взял себя в руки. У него совсем мало союзников, нельзя пренебрегать даже таким, как Светоний.

– Если мы станем ему перечить, он и нас отшвырнет. И через несколько часов в зал заседаний войдут другие сенаторы, более покладистые. Чего мы так добьемся? – Цицерон вытер с лица пот. – Цезарь может обойтись без нас, однако мы ни в коем случае не должны позволить ему это понять. Сейчас ему в голову не приходит мысль, что можно взять и распустить сенат, но скоро он задумается... Так не станем же форсировать события. Мы идем по опасному пути, и все же, пока мы едины, есть надежда.

– Ты просто его боишься, – сказал Светоний.

– И тебе не помешало бы, – посоветовал Цицерон.

Глава 33

Юлий сидел у фонтана в саду, принадлежавшем когда-то Марию, и потирал пальцами большую золотую монету. Брут, наслаждаясь тишиной и покоем, поедал куриную ножку. Уже возобновились ежедневные заседания сената, но никаких срочных дел не было. В Риме стояла жара не по сезону – лето давно кончилось. Через месяц начнется весна, а сейчас короткие дни должны быть сырыми и холодными. Однако город задыхался от жары и спертого воздуха, даже Тибр пересох. Пока солнце поджаривало Рим, Юлий и Брут ели и отсыпались. Вечерняя прохлада прогонит истому, а днем им хотелось просто посидеть на солнышке, погрузившись в собственные мысли.

Брут протянул руку за монетой, которую изучал Юлий, и, получив ее, иронически хмыкнул.

– Ты тут более худощавый, – заметил он, разглядывая ауреус на солнце, – и волос, я смотрю, побольше.

Юлий невольно прикоснулся к макушке, а Брут бросил ему монету.

– Удивительно, – сказал Юлий, – этот ауреус пройдет тысячи миль и руки неведомых людей. Может быть, когда меня давным-давно не будет в живых, кто-то отдаст мое изображение в обмен на седло или плуг.

Брут поднял бровь:

– Вся ценность, конечно, в твоём изображении, а не в золоте.

Юлий улыбнулся:

– Я понимаю, но мне забавно думать, что мужчины и женщины, которых я никогда не узнаю – и которые в жизни не видели Рима, – носят в кошельках мое лицо. Надеюсь, они хотя бы на него посмотрят, прежде чем купить что-то на эти монеты.

– Слишком много ты хочешь от людей. Да и всегда хотел, – серьезно заявил Брут. – Они примут от тебя и деньги, и земли, а через год непременно потребуют еще.

Юлий прикрыл рукой уставшие глаза.

– Ты опять о колониях? Я уже слышал от Светония такие речи. Послушать его, мы развращаем римскую бедноту, раздавая людям клочки земли и понемногу денег, чтобы они продержались до первого урожая. Интересно, каким же образом? Восемьдесят тысяч человек получили возможность начать новую жизнь – я использовал свои собственные денежные запасы. И никто не протестовал, кроме моих капризных сенаторов. – Юлий возмущенно фыркнул. – Прошел целый год, Брут, – разве переселенцы вернулись? Ходят и попрошайничают на Форуме? Что-то я не видел.

Юлий сурово нахмурился, словно ждал возражений.

Брут пожал плечами и бросил за спину куриную косточку, угодив прямо в фонтан.

– Лично меня, – заявил он, – никогда не заботили какие-то там крестьяне – пусть хоть перемерут. Кто-то будет голодать, кто-то проиграет все деньги. Других ограбят. Ну, пусть тысяча человек кое-как протянет, занимаясь непривычным им трудом. Так или иначе, в Риме стало меньше нищих, и то хорошо. Тут я с тобой спорить не стану.

– Светоний заявил, что решение «смелое, но безрассудное», – можно подумать, речь шла о ребяческой затее.

– Останавливать тебя никто не стал, – заметил Брут.

– Еще бы они посмели! – бросил Юлий. – В нашем сенате умные головы можно счесть по пальцам на руке. Остальные – лишь угодливые недоумки; их тщеславие заслоняет им все остальное.

Брут пристально рассматривал человека, которого знал так много лет.

– А чего ты ждал? Ведь именно такой сенат тебе и нужен. Они понаставили по городу твоих статуй и все время выдумывают для тебя новые почести, лишь бы удостоиться твоего благодарного кивка. Ты ждешь от этих людей бурных дебатов, а меж тем достаточно сенатору сказать одно неверное слово, и твои стражники выставят его за дверь. Ты сам сделал их такими, Юлий.

Брут опять протянул руку, взял монету и прочел надпись на ней:

– «Пожизненный диктатор» – вот кем они тебя выбрали, а теперь придумывают новые слова, всячески прославляя твое имя. Тебе это не надоело?

Юлий вздохнул и на миг опустил веки.

– Но я заслужил все, что они делают и говорят, – просто сказал он.

Когда Юлий открыл глаза, Брут не смог вынести его холодного взгляда.

– А разве нет? – настойчиво продолжал Юлий. – Скажи мне, в чем я просчитался с тех пор, как вернулся? Разве я не выполнил свои обещания? Спроси у легионеров Десятого или Четвертого, которым раньше командовал, – солдаты в моих поступках не видят ничего дурного.

Брут почувствовал поднимающийся в собеседнике гнев и погасил собственный. Юлий хоть и позволяет ему больше, чем кому бы то ни было, даже Марку Антонию, но ровней себе не считает.

– Обещания ты выполнил, – примирительно отозвался Брут.

Юлий прищурился, как будто искал в словах собеседника скрытый смысл; затем его лицо прояснилось, и Брут от облегчения весь покрылся потом.

– Удачный был год, – сказал Юлий, кивая самому себе, – мой сын подрастает, а со временем, думаю, народ примет и Клеопатру.

Брут заставил себя промолчать, понимая, что это деликатная тема. Горожанам понравился новый храм Венеры. В день открытия они стекались огромными толпами, восхищались постройкой и приносили пожертвования. Внутри храма перед ними предстала статуя Венеры с лицом египетской царицы. К негодованию Цезаря, кто-то осквернил статую, подрисовав ей золотой краской соски. Пришлось выставить в храме постоянную стражу и объявить награду за сведения о виновнике. Однако донести никто не спешил.

Брут не смотрел Юлию в глаза, боясь рассмеяться над его суровым видом. Терпению Цезаря есть предел, и Брут, даже если начинал поддразнивать друга, этот предел отлично знал. Посмеиваться над тщеславием Юлия – удовольствие опасное, диктатор сносит насмешки только в те дни, когда ему приедаются празднества и триумфы.

Потихоньку от Юлия Брут сжал руку в кулак и просунул большой палец между средним и указательным. Неужели горожане не соскучились по плавному течению повседневной жизни? Рим не знает покоя – диктатор то объявит новые большие игры, то вдруг решит, что очередной триумф состоится на следующей неделе. Горожане постоянно навеселе – им выдают вино, – но Бруту, с его постоянной досадой, их веселость уже казалась неестественной.

Он получил немалое удовольствие, наблюдая за Галльским триумфом, когда грязного и обросшего Верцингеторикса волокли в цепях на казнь. На представлении с волками и кабанами Бруту досталось одно из лучших мест. На Тибре сделали запруду, чтобы устроить морское сражение, и вода там покраснела от крови. Чудеса следовали одно за другим; сенаторы пришли в экстаз и называли Цезаря не иначе как «император» и «диктатор». Надпись на его очередной статуе была простая: «Непобедимый бог». Увидев ее, Брут два дня беспробудно пил.

Часто ему хотелось просто сесть на коня и уехать из города. Юлий отсыпал ему достаточно денег, хватит на покупку дома и на безбедную жизнь. Когда становилось совсем уж невыносимо, Брут мечтал взять корабль и уплыть подальше, куда-нибудь, где нет Юлия и где можно обрести покой. Хотя кто знает – есть ли вообще такие места на свете? Как неразумный ребенок расчесывает подсохшую ранку, так и Брут

неизменно возвращался к Юлию, словно зачарованный, и все больше и больше погружался в пучину своей тоски.

– Ты собираешься в сенат? – спросил он, чтобы нарушить молчание.

Юлий фыркнул:

– В это сборище торговцев речами, где можно за бронзовую монетку купить тысячу слов? Нет уж, мне нужно написать письмо парфянскому царю. Я не забыл, по чьей милости погибли Красс и его сын. Долг старый, но я должен рассчитаться за тех, кого нет в живых.

– Я уж решил, что тебя окончательно опьянили наслаждения Рима, – мягко произнес Брут. – Значит, ты почувствовал запах весны?

Юлий улыбнулся этому замечанию:

– Может быть. Я – старый боевой конь, дружище, а империю не построишь, сидя в сенате. Я должен быть везде.

– Легионеры Десятого уже не молоды, – ответил Брут. – Трудно поверить, но они очень охотно отправились на свои новые земли.

Юлий усмехнулся:

– Убивать всегда найдутся желающие. Наберем новые легионы, которые никогда не слышали боевых труб, никогда не шагали до полного изнеможения, как доводилось нам с тобой. Чем прикажешь мне заняться после моего последнего триумфа? Сидеть и улыбаться, дожидаясь, пока вырастет сын? Я не создан для спокойной жизни. – Он улыбнулся. – Впереди Египетский триумф. Чтобы его подготовить, в город съехалась целая уйма художников и зодчих. – Юлий смотрел в пространство, думая о том, как опять поразит Рим. – Это будет величайший триумф в истории города, я обещаю.

– Неужели такое возможно после того, что мы видели в прошлый раз? Народ все еще судачит о морском сражении на Марсовом поле, – сказал Брут, стараясь не выдать отвращения.

Во время этого представления пленные солдаты дрались на маленьких галерах с преступниками, приговоренными к смертной казни. Большой водоем, в котором устроили морское сражение, был неглубоким, и трупы участников, лежавшие на дне, напоминали заросли темных кораллов. После боя светлая вода стала похожа на густую красную похлебку, а когда запруды разрушили и вода потекла в Тибр, река тоже покраснела. И не один день над Римом витал запах гниющей плоти.

Юлий похлопал друга по плечу и, потягиваясь, встал:

– Для последнего триумфа я припас кое-что новое. – Он, казалось, собирался открыть свой план, но только хитро ухмыльнулся. – Я позабочусь, чтобы тебе досталось лучшее место на Форуме. Обязательно приведи свою новую подругу.

Брут кивнул, хотя этого делать не собирался. Он вспомнил о своей матери – захочет ли Сервилия видеть, как Цезарь демонстрирует свою царицу и свое непомерно раздутое чванство?

– Жду с нетерпением, – сказал он.

Когда окончилось заседание сената, Марк Антоний отправился с Форума домой к Юлию. За его спиной шли шесть вооруженных ликторов, но он едва о них помнил и не замечал расступающейся толпы прохожих.

Марк Антоний ожидал, что в отсутствие Юлия дебаты пойдут более оживленно. Плохо же он знал сенаторов! Эти люди боятся пустого кресла Юлия больше, чем самого диктатора. Ясное дело – ведь ему сообщают обо всех выступлениях. Писцы Юлия записывали каждую речь, вплоть до самых ничтожных, и даже люди вроде Цицерона раздражались от непрерывного скрипа.

Порой предмет обсуждения заставлял всех биться без оглядки, с былой страстью. Юлий упразднил налоговую систему римских колоний. В нескольких странах право сбора денег передавалось местным жителям. Греки слишком умны, чтобы после неудачного мятежа уменьшить сборы, но вот претор Испании приехал в Рим и жаловался на случаи подкупа. До гражданской войны сенаторы – хлебом не корми – любили обсуждать подобные вопросы. Вот и теперь, когда они пустились в споры, стали предлагать каждый свое, натянутость чуть-чуть ослабла.

Марку Антонию запомнился один поучительный момент. Кассий в своей речи намекнул, что корень зла – в самой системе, и тут его взгляд упал на писца, который все добросовестно записывал. Худое лицо сенатора слегка побледнело, а пальцы нервно постукивали по кафедре. Дебаты как-то сразу увяли, и претор Испании отправился домой, не дождавшись решения по своей жалобе.

Не о таком мечтал Марк Антоний несколько лет назад, получив от Цезаря управление Италией. Гражданская война подходила к концу,

в Риме уже было спокойно. Больших изменений Марк Антоний не добился, но он навел в Риме порядок, и город процветал. Люди, просившие разрешения на торговлю, знали, что их просьбы разберут и примут решение по справедливости. Сенат передавал наиболее сложные вопросы на рассмотрение судам и выносил решения независимо от того, нравились ли они сенаторам. Марк Антоний работал не покладая рук, и порядок в городе доставлял ему радость.

С возвращением Юлия все изменилось. Суды работали по-прежнему, но какой же глупец принесет в суд жалобу на кого-то из приближенных Цезаря? Пошатнулась сама основа закона, и Марк Антоний испытывал досаду. Он провел много вечеров в разговорах с Цицероном, причем собеседники никогда не забывали отсылать слуг. У Юлия в городе полно шпионов, и тот, кто хоть немного дорожит жизнью, не станет высказываться против диктатора, пусть даже в узком кругу.

Марк Антоний поднимался по холму, погруженный в раздумья. Этот год был очень длинным, длиннее, чем любой другой год в истории Рима. Согласно декрету Юлия, он продлится 445 дней. Новый календарь вверг Рим в пучину хаоса. Казалось, лето, наступившее не ко времени, – еще одно следствие неразберихи, словно сами времена года забыли, где чей черед.

Марк Антоний с улыбкой припомнил жалобы Цицерона, что звезды с планетами должны, видите ли, подчиняться приказу Цезаря.

В старые времена в Рим пригласили бы астрономов со всех концов земли, и они изучили бы записи, привезенные Юлием из Египта. А теперь сенаторы, стараясь угодить диктатору, наперебой спешили одобрить новый календарь.

Дойдя до ворот бывшего дома Мария, Марк Антоний вздохнул. Полководец, которого он помнил по сражениям в Галлии, от души посмеялся бы над хворью, поразившей благородный сенат. *Тот* Юлий позволил бы им сохранить достоинство, хотя бы из уважения к обычаям.

Марк Антоний сделал глубокий вдох и помассировал пальцами переносицу. Он все еще ждал, что вернется прежний Юлий. Конечно, Цезарь заходит слишком далеко, но сейчас он опьянен победой в гражданской войне и рождением сына. После суровой военной жизни диктатор погрузился в сплошные празднества Рима, где его чествуют

как бога, и это вскружило ему голову. Марк Антоний помнил, как Юлий вел себя в Галлии, когда там кипела война, и надеялся, что скоро все станет на свои места.

Юлий ждал в доме, и Марк Антоний прошел через сад. Ликторов он оставил на улице – не вести же вооруженных людей к диктатору Рима.

Цезарь заключил гостя в объятия и, несмотря на его протесты, потребовал принести угощение и прохладные напитки. Марк Антоний заметил, что хозяин возбужден: рука, которой он поднял чашу с вином, слегка дрожала.

– Для моего последнего триумфа почти все готово, – сказал Юлий, усадив друга. – У меня к тебе просьба.

Брут лежал на животе и постанывал, а сильные руки разминали его мышцы и старые рубцы. Вечер был тихий и прохладный; в доме Сервилии по-прежнему трудились самые лучшие девушки. Брут привык приходить и уходить, когда ему вздумается, и красавицы хорошо изучили его настроения. Девушка, которая растирала ему спину, с той минуты как Брут разделся и вытянулся, свесив руки, на длинной скамье, не произнесла ни одного слова. В неторопливом скольжении пальцев Брут почувствовал некий намек, но не спешил отозваться. Он пребывал в таком гневе и отчаянии, что заученные ласки девушки не принесли бы ему облегчения.

Услышав в комнате легкие шаги, Брут открыл глаза. Это пришла Сервилия. При виде обнаженного сына она насмешливо улыбнулась и распорядилась:

– Спасибо, Талия, можешь идти.

Брут недовольно нахмурился. Девушка упорхнула, а он поднялся и сел на скамье, не испытывая никакого смущения. Мать ждала, пока за Талией закроется дверь, и Брут удивленно поднял брови. Сервилия не хуже других могла угадывать настроение сына и, когда он у нее появлялся, лишней раз не беспокоила. Ее неожиданный приход предвещал что-то особенное.

Теперь Сервилия перестала краситься, и волосы у нее стали белыми как снег. Она уже не распускала их, а стягивала в простой тугой узел. Осанка, привлекавшая во времена молодости мужские взоры, не изменилась, но годы иссушили плоть, и Сервилия стала

сухой и костлявой. Брут все же любил мать – за ее гордость и умение сохранить независимость в этом городе.

Сервилия была на Форуме, когда Юлий показывал римлянам сына. Но вечером перед собственным сыном вела себя с достойным восхищения спокойным равнодушием. И Брут поверил бы, что ее безразличие не напускное, но при упоминании о Цезаре глаза матери вспыхивали и она прикасалась к огромной жемчужине, которую всегда носила на шее. Взор Сервилии в такие моменты устремлялся в неведомые Бруту дали.

– Оденься, сын. Тебя ждут люди, – сказала Сервилия. Мать подняла смятую тогу и протянула ему. – Ты носишь ее на голое тело? – поинтересовалась она, не давая ему открыть рот.

Брут пожал плечами:

– Если очень жарко. О каких людях ты говорила? Никто не знает, что я здесь.

– Никаких имен, Брут. – Сервилия помогла ему расправить тогу. – Я пригласила их сюда.

Брут с раздражением посмотрел на мать. Затем бросил взгляд на кинжал, лежащий на скамье.

– Я никому не сообщаю, куда я хожу, Сервилия. Эти люди вооружены?

Его мать продолжала поправлять и расправлять складки, пока не привела тогу в полный порядок.

– Тебе не грозит опасность. Я пообещала им, что ты их выслушаешь. Потом они уйдут, и Талия закончит начатое, или же можешь поужинать вместе со мной.

– В чем дело, мать? – спросил Брут, начиная сердиться. – Я не люблю всякие секреты и игры в таинственность.

– Прими их. Выслушай, – сказала она, пропуская его слова мимо ушей. – Вот и все.

Сервилия молча смотрела, как сын прячет кинжал в складках тоги, и затем, отступив на шаг, окинула его пристальным взглядом:

– Ты кажешься сильным, Брут. Возраст принес тебе не только шрамы. Я позову их.

Она вышла, и минуту спустя дверь открылась, чтобы впустить двух сенаторов. Брут их сразу узнал и подозрительно прищурился.

Светоний и Кассий тоже выглядели настороженно. Закрыв дверь, они приблизились к Бруту.

– И что за важное дело привело вас в дом моей матери? – осведомился Брут.

Он скрестил на груди руки, и его правая рука оказалась рядом с припрятанным кинжалом.

Первым заговорил Кассий:

– А где еще в Риме можно найти уединение?

На шее сенатора вздулись жилы. Он сильнейшим образом волновался, и Бруту было неприятно стоять рядом.

– Я готов вас выслушать, – медленно произнес Брут.

Он указал на скамью и внимательно смотрел, как гости усаживаются. Сам же предпочел остаться на ногах, чтобы в случае чего действовать быстро. Инстинктивно Брут чувствовал, что следует быть осторожным, но виду не подал. Прикосновение к рукояти кинжала немного успокаивало.

– Забудь о наших именах, – сказал Кассий. – На улице темно, и нас никто не видел. Мы вообще сюда не приходили. – Его нервное лицо растянулось в неприятной улыбке.

– Продолжайте, – потребовал Брут, начиная раздражаться. – Я обещал матери уделить вам две минуты. Если больше нечего сказать – уходите.

Сенаторы обменялись взглядами, и Кассий нервно сглотнул. Светоний прокашлялся.

– Кое-кто в городе еще не забыл о республике, – вымолвил он. – Кое-кому не нравится, когда с сенаторами обращаются словно со слугами.

Брут резко вдохнул; он начинал понимать.

– Продолжайте, – подбодрил он гостей.

– Тех, кому дорог Рим, не устраивает, что в руках одного человека сосредоточено так много власти, – продолжил Светоний. По щеке сенатора пробиралась крупная капля пота. – И они не желают, чтобы у нас возникла династия царей, берущая начало от вырождающегося чужеземного рода.

Слова Светония повисли в воздухе. Брут молча смотрел на гостей, а мысли его понеслись вихрем. Много ли известно матери об их

намерениях? Если хоть одна из ее девушек подслушает этот разговор, жизни всех троих в опасности.

– Ждите здесь, – распорядился он, шагнув к дверям.

Его резкое движение едва не повергло Светония и Кассия в панику. Брут распахнул дверь и увидел Сервилию сидящей в другом конце коридора. Мать поднялась и направилась к нему.

– Ты тоже с ними? – тихо спросил Брут.

Глаза Сервилии блеснули.

– Я привела их к тебе. Остальное – твое дело.

Брут посмотрел на мать и понял, что ее спокойствие – всего лишь маска.

– Выслушай их, – повторила она, заметив колебания сына.

– Мы здесь одни?

Сервилия кивнула:

– Никому не известно, что сенаторы говорят с тобой, что они вообще здесь. Это мой дом, кому же знать, как не мне.

Брут поморщился:

– Ты можешь нас погубить.

Мать насмешливо улыбнулась:

– Так поговори с ними, и побыстрее.

Брут закрыл двери и повернулся к сенаторам. Он уже все понял, но не мог ответить сразу.

– Продолжай, – снова бросил он Светонию.

– Я говорю ради блага римского народа, – произнес Светоний старинную формулу. – Ты нам нужен.

– Для чего именно? Говорите всё или уходите.

Светоний глубоко вздохнул:

– Мы хотим смерти одного человека. Мы хотим, чтобы ты помог нам восстановить власть сената. Там немало слабых людей, которые могут проголосовать за нового царя, если их не остановить.

От сильного ужаса Брут похолодел. Он был не в силах спросить об имени. Боялся не выдержать.

– Сколько вас?

Светоний и Кассий обменялись настороженными взглядами.

– Тебе лучше пока не знать, – ответил Кассий. – Мы еще не слышали твоего ответа.

Брут молчал, и Кассий потемнел лицом:

– Ты должен ответить. Мы сообщили тебе слишком много и не можем уйти просто так.

Глядя на своих гостей, Брут понимал, что, если откажется, ему не позволят остаться в живых. Снаружи уже, наверное, ждут лучники и убьют его, как только он выйдет. На месте этих двоих Брут именно так бы и поступил. Впрочем, бояться нечего. Ответ он знал с самого начала.

– Я – тот, кто вам нужен, – прошептал он.

Напряжение сенаторов понемногу стало спадать.

Брут продолжил:

– Ответственность очень велика. Я не хочу вовлекать Сервилию. Я сниму другой дом.

– Я думал... – начал было Светоний.

Брут прервал его движением руки:

– Нет. Я – тот, кто вам нужен, чтобы *возглавить* заговор. Я не намерен доверять жизнь каким-нибудь глупцам. Если берешься за дело, нужно делать его как следует. – Брут остановился и перевел дыхание. – И раз уж мы готовы рисковать нашими жизнями ради Рима, то следует успеть до весны. Он собирается воевать с Парфией, а на это вполне могут потребоваться многие годы.

Кассий победоносно улыбался. Он поднялся и протянул руку.

– Республика стоит того, чтобы отдать за нее жизнь, – произнес сенатор, когда Брут сжал его тонкие пальцы.

Глава 34

С самых высоких крыш на улицы плавно падали лепестки красных роз, осыпая триумфальную процессию диктатора. Римляне, очарованные зрелищем, словно дети, тянули к ним руки.

Уже несколько недель жители всей округи собирались в город, привлеченные пышными празднествами и необычайными зрелищами. Цены на жилье сильно подскочили, но Юлий приказал выдать каждому семейству кошель с золотыми монетами, зерна и оливкового масла. На рассвете город наполнился аппетитным запахом хлеба – сегодня горожане проснулись пораньше, чтобы увидеть, как Юлий приносит в жертву Юпитеру белого быка. Предсказания были благоприятными – он, впрочем, в этом и не сомневался.

Сотни человек помогали готовить триумфальные празднества – от бесстрашных бывших легионеров, отправившихся в Африку ловить диких зверей, до каменотесов, возводивших в Риме некое подобие Александрии. Вдоль пути процессии установили статуи египетских богов. К полудню эти статуи были облеплены детьми, которые лазали вверх-вниз, смеялись и кричали от восторга.

На улицы древнего города пришел праздник. По всему Риму радостно трепетали флаги – целые гирлянды их висели на каждом перекрестке. Позже многие девушки будут благодарны Юлию за отличное полотно для свадебного наряда, а пока в Риме царило буйство красок и оглушительный шум.

Колонна шествия, продвигающаяся по главным улицам под приветственные крики горожан, растянулась больше чем на милю. Для участия в триумфе вызвали солдат Десятого и Четвертого легионов. Они шли как герои – римляне, знавшие об их подвигах, всячески выказывали свою радость при виде воинов, покоривших Галлию и в битве при Фарсале разгромивших Помпея.

На гладиаторах были уборы в виде голов ястребов и шакалов; закованные в цепи леопарды, к восхищению зрителей, фыркали и пытались драться.

В самом центре процессии двигалась огромная повозка высотой больше двадцати футов. Восемьдесят белых коней, тряся гривами и изгибая шеи, тянули это сооружение. Спереди и сзади на нем красовались сфинксы. В середине, на помосте, огороженном перилами, сидели раздумавшиеся Юлий и Клеопатра. Кроваво-красное одеяние Клеопатры открывало взорам толпы живот, который после родов уже обрел прежнюю стройность. Глаза у нее были густо подведены черной краской, волосы перевиты золотыми нитями. В мочках ушей и на груди горели рубины, надетые по случаю официального торжества.

Над ними кружились и падали лепестки роз. Триумфатор был в своей стихии – пока процессия ползла через Рим, Юлий с удовольствием показывал Клеопатре чудеса родного города. Его новые ауреусы дождем сыпались в протянутые руки римлян, а дарового угощения и вина хватит каждому до отвала.

Клеопатра лично – тут она не пожелала довериться людям Цезаря – посылала в Египет за лучшими храмовыми танцовщицами. Сотни

красавиц сегодня кружились и подпрыгивали под странную музыку своей родины. Мелькающие босые ножки вызывали у зрителей одобрительные улыбки. Танцовщицы держали в руках ароматические палочки, и за каждым их движением вились струйки дыма, наполнявшие улицы пряными запахами. Зрелище было необычное и волнующее; Клеопатра громко смеялась от удовольствия. Она не ошиблась, остановив свой выбор на Цезаре. Его народ умеет так шумно восхищаться! В нем столько сил и бодрости! Жизнь Рима казалась ей замечательной. Эти люди, которые сейчас радостно машут руками, умеют строить мосты и галеры, на сотни миль прокладывают водопроводы. Им нипочем океаны, нипочем вершины и пропасти. Они торгуют по всему миру. Их женщины рожают поистине железных солдат, для которых война – обычная работа.

С таким народом сыну Клеопатры некого опасаться. И Египту некого опасаться.

Процессия двигалась по городу уже не один час, но толпы горожан ничуть не устали от чужеземной музыки и диковин. В большой клетке везли самца гориллы – невиданных на Ниле размеров. Горожане зачарованно разглядывали зверя, отшатывались, когда горилла рыкала на них, и смеялись, когда она била могучими лапами по толстым прутьям решетки. Юлий собирался устроить бой – горилла против вооруженных мечами воинов. Ярость зверя привлечет людей на это зрелище. Римляне любят все новое, и для их увеселения Юлий приказал доставить самых удивительных зверей Африки.

Процессия вновь приблизилась к Форуму, и Клеопатра укрылась под пологом – златотканый шелк легонько покачивался в такт движению повозки. Тут ждали рабыни, готовые подать прохладительные напитки или еду. Сын спокойно спал в бывшем доме Мария.

Пара быстрых жестов – и царица освободилась от одеяния и встала, обнаженная, подняв руки, чтобы рабыни надели на нее другой наряд, еще более роскошный. Рубины отправились в ларец, а на запястьях и лодыжках Клеопатры засверкали оправленные в серебро огромные изумруды. Крошечные бубенчики звенели, пока рабыни одевали госпожу и подводили ей заново глаза. Пусть римляне любят царицей, которую привез для себя Юлий, думала Клеопатра. Пусть завидуют.

Музыка внизу стала громче. Клеопатра исполнила несколько танцевальных движений – она их заучила ребенком, – притопывая по полу твердой маленькой ступней. Царица услышала смех Юлия, вошедшего вслед за ней, и покружилась еще, желая доставить ему удовольствие.

– Когда все закончится, я выпью за твое здоровье лучшего в Риме вина. – Он нежно посмотрел на нее. – Ты покажись им, а я спущусь и выступлю на Форуме.

Клеопатра склонила голову:

– Повинуюсь, мой господин.

Улыбаясь ее притворному смирению, Юлий вышел наружу. Коней уже остановили, и легионеры Десятого, гордые своей миссией, проложили ему в толпе проход к высокому помосту, на котором стояло кресло. Перед тем как спуститься с повозки, Юлий немного помедлил, с удовольствием посматривая на Форум сверху вниз.

Выход Клеопатры вызвал всеобщее оживление – пораженные ее нарядом горожане восторженно кричали и хлопали. Юлий опять взглянул на возлюбленную, и ему пришло в голову, что завтра многие римские матроны потребуют от своих портных такой же наряд.

Как только Юлий ступил на землю, воины Десятого запели старую песню легионеров, унылую песню, которой Юлий не слышал много лет. Струны египтян замолкли, и над Форумом полетели низкие голоса, напоминая Цезарю о старых битвах и днях юности. Легионеры запели по собственному почину, и, проходя мимо поднятых копий, Юлий почувствовал, как у него защипало глаза: эти люди знают его лучше всех на свете.

Он шел, и толпа смыкалась за ним; те, кто знал слова песни, подтягивали воинам. Громкий шум Форума потонул в песне, исполняемой тысячами голосов. Диктатор был глубоко тронут.

Марк Антоний ждал на помосте, и Юлий внутренне подобрался – сейчас ему предстоит выступить. Взойдя на помост, он усилием воли заставил себя улыбнуться гражданам Рима, пришедшим показать ему свою любовь и признательность.

Трижды прозвучала последняя строка песни, и наступившую тишину тотчас разорвал многоголосый рев.

Юлий многозначительно посмотрел на Марка Антония и поднял руки, словно желая успокоить людей. Марк Антоний шагнул вперед.

Юлий стоял неподвижно, сердце у него бешено стучало, голова кружилась.

В руках Марк Антоний держал царский венец – тонкую золотую диадему. Он поднял диадему и возложил на голову Юлия, а тот внимательно вглядывался и вслушивался в толпу, стараясь уловить ее реакцию.

Как только люди осознали, что происходит, аплодисменты стали затихать. Перемена их настроения болезненно отозвалась в Юлии, но он медлил, сколько мог. Затем, криво улыбаясь, заставил себя снять корону, прежде чем люди окончательно замолчат. Побледнев от напряжения, диктатор протянул ее Марку Антонию.

Зрители среагировали мгновенно – шум был таким громким, что его, казалось, можно ощутить кожей. Юлий сразу все понял, и в нем начала закипать ярость.

В стороне, на ступенях сената, стояли несколько человек. Когда Марк Антоний поднял корону, они со значением переглянулись. Светоний недовольно поморщился, а Кассий сжал плечо соседа. Наблюдая за происходящим холодными глазами, сенаторы не аплодировали и не кричали. Это был тихий островок посреди бурного Форума.

Марк Антоний, похоже, не заметил реакции толпы – он снова шагнул вперед, опуская диадему на голову Юлия. Юлий поднял руку, понимая – народ ждет, чтобы он снова отказался от короны. Все надежды перечеркнуты единым махом, но представление нужно продолжать.

Юлий сунул корону в руки Марка Антония.

– Хватит, – пробормотал диктатор сквозь зубы, хотя в толпе услышать не могли.

Не услышал и Марк Антоний. Когда Юлий просил его возложить на него во время триумфа корону, Марк Антоний опасался гораздо худшего. А тут он видел всего лишь проявление республиканских амбиций. Общей настрой передался Марку Антонию, и в сильном волнении он едва понимал, что делает. Смеясь, он в третий раз возложил на Юлия корону, и тот окончательно потерял терпение.

– Еще раз положишь *это* мне на голову – никогда больше не увидишь Рима! – в бешенстве бросил Цезарь, и растерявшийся Марк Антоний отпрянул.

Лицо Юлия исказилось от гнева. Одни боги знают, какие слова он теперь может сказать. Его речь должна была последовать за возложением венца. Диктатор никак не мог понять, где именно допустил промах, но отныне он уже не сможет принять золотую диадему. Иначе теперешний отказ сочтут жалким лицемерием. Юлий повернулся в сторону Клеопатры, и царица ответила ему разочарованным взглядом. Она знала о его устремлениях, а сейчас все рухнет у нее на глазах. Этого Юлий не мог вынести.

Наконец бессмысленная толпа – люди не видят дальше своего носа! – умолкла. Люди смотрели на диктатора. А он оцепенел и не мог найти ни слова.

– Однажды придет время, и Рим вновь примет царя, – с трудом вымолвил Цезарь. – Однако оно еще не настало.

Горожане ответили громким шумом, и Юлий подавил гнев и разочарование. Больше он ничего не стал говорить – боялся не сдержаться. Диктатор спустился с помоста и собрался ждать, пока легионеры расчистят ему дорогу, но люди расступались сами, пораженные случившимся.

Медленно проходя через толпу, Юлий сторал от унижения. А триумф нужно продолжать. Кони, клетки, повозки, танцовщицы – все будет двигаться дальше, к его новому Форуму, а кончится процессия у храма Венеры. Юлий мысленно поклялся, что, если и там римляне не проявят должного почтения, сегодня неминуемо прольется кровь. Шествие двинулось дальше.

К белым тогам на крыльце сената приблизился человек в серебряных доспехах. Брут гораздо лучше других понял смысл происходящего, и это укрепило его решимость и придало силы. Рим пора очистить от грязи. А потом Брут пойдет своим путем, который отныне перестанет заслонять столь надоевшая тень Цезаря.

Весной Юлий покинет столицу. Поэтому все нужно сделать побыстрее.

Сервилия лежала в темноте и не могла уснуть. Дни стали прохладнее, кончился месяц февруарий, и начавшийся год – уже по новому календарю – принес дождь в опаленный жарой город. Сервилия слушала, как по черепице стучат капли воды. Вода стекала по водостокам, смывая пыль и сор.

В доме стояла тишина; последние посетители ушли несколько часов назад. Казалось бы, так легко уснуть, но у Сервилии ныли суставы, а роящиеся в голове мысли не давали забыться.

Сервилия не желала думать о нем, хотя незваные воспоминания были единственным ярким пятном в ее старческой жизни. Даже при свете солнца она постоянно возвращалась мыслями к прошлому, а уж ночью ничто не могло остановить поток воспоминаний, врывающихся в ее бессонные грезы.

Она любила Юлия у ног статуи Александра, и он принадлежал ей телом и душой. А она принадлежала ему. Юлий сгорал от любви – а после суровая жизнь остудила его.

Сервилия горестно вздохнула, кутая в одеяло худые ноги. Сегодня она не надеялась уснуть. Быть может, так и правильно – провести сегодняшнюю ночь, думая о нем. Сервилия не могла забыть лицо Юлия, когда он поднял над Форумом сына, о котором всегда мечтал. Если бы Юлий заметил ее в толпе – не узнал бы Сервилию в седовласой старухе. В миг его величайшего торжества она ненавидела бывшего возлюбленного со всей силой былой страсти. Юлий не способен на глубокую любовь, и Брут понял это давно. Сервилия с горечью вспомнила, как однажды, напуганная предательством сына, она умоляла его изменить решение. Брут утверждал, что Юлий никогда не любил ее так же сильно, как она, а Сервилия и слушать не хотела.

Сервилию не интересовали высокопарные слова Светония или Кассия. Она отлично знала: эти люди просто завидуют Юлию. Они слишком ничтожны, чтобы и вправду думать о республике, они и понять-то не способны ее значение для Рима. Гораздо честнее было бы признаться в своей ненависти к Юлию, который их не замечает. Кинжалами заговорщиков движут гордыня и тщеславие. Сервилия всегда видела мужчин насквозь. Они могут играть в заговоры, придумывать пароли, встречаться по ночам, но правды, в отличие от нее, не признают. А ее ненависть – настоящая ненависть, и не нужно искать высоких причин.

Сервилия коснулась лица и удивилась, почувствовав слезы на морщинистой коже. Вот так незаметно приходят и уходят годы, подумалось ей. С годами уходят радости, остаются боль, и горечь, и слезы, рожденные пустотой.

Сколько женщин брал Юлий в надежде дать жизнь своему семени? Ни разу не попросил он об этом ее, бывшую для него не более чем содержанкой, шлюхой. Ни разу, даже когда ее тело было молодым и здоровым, когда ее лоно могло породить новую жизнь. Юлий пользовался ею, ее умом и осведомленностью, чтобы победить своих врагов. Столько раз Сервилия спасала его, и вот теперь – забыта! Вспоминая, с какой гордостью Юлий показывал сына, она в отчаянии сжимала пальцами одеяло. Он за все заплатит!

Дождь над городом усилился, и Сервилия снова разрыдалась. В мартовские иды город будет чист. Прошлое больше не потревожит ее сна.

Глава 35

Юлий в одиночестве шагал через просыпающийся город, направляясь к сенату. Его сын ночью плакал и не дал ему выспаться. С красными глазами поднимался Юлий на холм, а вокруг торговцы и ремесленники уже готовились к дневным трудам.

Юлию нравился Рим в такой час – воздух после дождя чист и пахнет свежестью, а впереди целый длинный день. Ветер, правда, дул холодный, но Юлий надел под тогу теплую тунику и наслаждался, глубоко вдыхая ледяной воздух.

Тишину утра не нарушал топот охранников. Юлий не желал, чтобы горожане опускали глаза под суровыми взглядами ликторов, и потому ходил без сопровождения. Пусть римляне не захотели, чтобы он принял у Марка Антония царский венец, но персона Юлия все равно неприкосновенна. Диктатор не боится своих сограждан в отличие от Суллы и Помпея, которые обращались с римлянами как с отбившимися от рук детьми. Они боялись народа – силы, поднявшей их на вершину власти. Юлию защита не нужна. Погруженный в свои мысли, он тихонько вздохнул.

Если бы не Клеопатра, Юлий оставил бы Рим много месяцев назад. Находясь вдали от родного города, Юлий любил Рим сильнее. В чужих странах он говорил о нем так же, как об Александрии, Карфагене, Афинах – столицах великих империй прошлого и настоящего. Издали этот человеческий муравейник казался гораздо лучше. Находясь за тысячу миль к востоку от Рима, Юлий с гордостью

вспоминал о достижениях римлян в науке, строительстве, торговле. А здесь он задыхался среди мелких интриг и сенатской спеси, и подобные мысли как-то не приходили в голову. Между ним и Римом вставала пропасть, родной город поворачивался к Юлию своим вторым, худшим лицом. На грязных улицах бурлит жизнь, за несколько монет можно купить женщину, мужчину или, если угодно, ребенка. В жару город смердит, словно сточная канава, а в холод тысячи людей мерзнут и голодают до полусмерти. Думая об этом, Юлий порой задыхался от гнева. Мечты разбивались об ужасную действительность, и было нелегко осознавать, что все остается по-прежнему.

Добиться власти, чтобы многое изменить, – это ли не прекрасно? Чего он только теперь не сделает, радовался вначале Юлий. Но, как и многое другое, радость оказалась недолгой. Диктатор сам не знал, чего хочет, и, когда его полководцы явились с известием о волнениях в Парфии, диктатор не отослал их прочь. Римом может управлять Марк Антоний или Октавиан. Октавиан заслужил право оставить свой след в истории города, а сын Юлия, пока он не подрос, должен иметь сильных защитников. Пожалуй, Октавиан, решил Юлий, заранее представив, какое у того будет лицо от радости.

За городом собирали легионы новобранцев для похода на Парфию. Эта молодая надежда Рима давала Юлию уверенность в будущем. Они не выросли циниками и несут миру нечто большее, чем римские мечи и щиты. Они несут с собой мировоззрение Рима, квинтэссенцию его духа. Дух Рима поможет молодым воинам пройти через боль и усталость. Этот дух укрепит их, когда они поймут, что смерть не всегда проходит мимо. Отдавая свои силы и жизнь, каждый станет выше ценить то, за что их отдает. Они уже умеют говорить: «За это можно отдать жизнь» – и поступать соответственно. Город ничего не стоит без молодых, без тех, кто собрался сейчас на Марсовом поле.

Юлий улыбнулся, вспомнив вопрос Брута: не действует ли на него весна? И действительно, диктатора не оставляли мысли о новом походе. В Риме он получил все, что хотел. О его триумфах будут говорить несколько поколений. Сенат чествовал Цезаря, как никого другого за всю историю города. Сам Сципион отдал бы свою правую руку за те титулы, которыми сенат наградил Юлия. Марий был бы в восхищении.

Дойдя почти до вершины холма, Юлий увидел впереди одинокую фигуру в тоге – белой, словно первый снег. Фигура направилась к Юлию, и он нахмурился. Неужели сенаторам нечем заняться до прихода диктатора? Из-за какого важного и срочного дела ему не дали спокойно поразмышлять по дороге? Еще и день не начался. Когда сенатор приблизился и поклонился, Юлий узнал Кассия.

– Цезарь, сенат сегодня заседает в театре Помпея. Я решил предупредить тебя.

– А почему вдруг? – поинтересовался Юлий, чье спокойствие сразу улетучилось.

– На мартовские иды приходится годовщина избрания Помпея консулом, господин, – объяснил Кассий. – Было решено почтить таким образом его семью. Решение приняли в твое отсутствие. Я беспокоился, что тебе не сообщат, и решил...

– Ясно, достаточно, – прервал Юлий. – У меня нет времени выслушивать все от начала до конца.

Кассий молча наклонил голову, и Юлий подавил раздражение, вызванное непрошеным собеседником. Они зашагали рядом по каменной мостовой, затем свернули направо, в сторону Капитолийского холма. Внезапно Юлий замедлил шаги.

– Что такое, господин? – спросил его спутник.

– Ничего. Я просто вспомнил одного человека, старика, которого знал когда-то давным-давно.

– Понятно, господин, – машинально ответил Кассий.

– Ты вспотел, – заметил Юлий. – Следует побольше ходить пешком.

– Это от холода, – отозвался сенатор, глядя куда-то в пространство.

Театр Помпея часто использовался для заседаний. Он мог вместить даже теперешний непомерно раздутый сенат – после возвращения в Рим Юлий ввел туда очень много своих людей. Ему казалось занятным вести дебаты у подножия статуи бывшего диктатора. Статуя возвышалась над залом, и мрамор точно передавал черты Помпея, находящегося в поре своего рассвета.

Солнце уже взошло, и Юлий удивился, увидев у главного входа лишь нескольких сенаторов. При его приближении двое поспешно

вошли внутрь. Вспомнив, сколько предстоит работы, диктатор слегка нахмурился.

Давно, в юности, он слушал сенатские дискуссии с почти благоговейным трепетом. Он видел великих мужей, которые, возвышаясь над всеми согражданами, меняли Рим силой своей мысли и слова. Как его тогда увлекали и вдохновляли их речи!

В том и состоит трагедия жизненного опыта: блеск героев со временем тускнеет. А люди, возведенные Юлием в сословие аристократов, – ходят ли они теперь в сенате на цыпочках? Может быть, именно в те времена решались важнейшие задачи эпохи? Возможно, Юлию довелось видеть последних великих мужей Рима. Он встречался с людьми достаточно сильными, чтобы бросить вызов республике, он учился у них. Но независимо от того, носит Юлий царский венец или нет, те битвы уже в прошлом.

В серых утренних сумерках Юлий прошел к дверям, едва кивнув сенаторам. Уселся на скамью недалеко от подмостков. Сегодня диктатор выступит. Он снова и снова постарается убедить сенаторов, что необходимо расширять римские владения. Юлий должен говорить, даже если они будут глухи и слепы к его словам и мыслям. Рим не может останавливаться на достигнутом. Сколько раз небольшие мятежи перерастали в огромные бунты по всей стране, сколько раз сенат проверялся на прочность. Сплошь и рядом, от крепости Митилены до Сирии, хищные шакалы с нетерпением ждут, чтобы Рим задремал.

Тысячи мелких царьков, покорившихся Риму, выжидают, когда он проявит слабость. Только глупец повернется к ним спиной. Если полководцы Рима однажды остановятся и скажут: «Дальше идти незачем», – это будет началом конца. Миллионы жизней окажутся отданными понапрасну. Это будет удар, который разрушит все, завоеванное ранее.

Юлий погрузился в свои мысли и не заметил, как, обходя закругленные ряды скамей, к нему приближается Туллий Кимвр. Когда молодой человек схватил его за тогу и дернул, Юлию показалось, что тот просто споткнулся и машинально пытается удержаться. Но Туллий продолжал тянуть за одежду, и диктатор рассердился. Обеими руками он пытался отцепить от себя пальцы Туллия, а тот, покраснев от напряжения, крепко держал тогу.

– Как ты смеешь? – закричал Юлий наглецу, пытаясь встать.

Краем глаза он заметил, что сенаторы повернулись в их сторону и некоторые спешат к нему на помощь. Сейчас Кимвра оттащат в сторону – за покушение на консула ему полагается смертная казнь, и Юлий не станет проявлять милосердие.

В отличие от молодого и сильного Кимвра, Юлий, переживший столько походов и сражений, был словно старый дуб, источенный засухами и непогодами. От усилия его руки дрожали, но он не мог оторвать пальцы, вцепившиеся ему в шею. Вокруг них столпились кричащие люди. Юлий увидел, как Светоний с радостным нетерпением достает кинжал, и у него сжалось сердце – он понял, что здесь происходит! Это отразилось на его лице, и Туллий улыбнулся и усилил хватку, стараясь подставить Цезаря под кинжал Светония.

Юлий в отчаянии озирался, ища, кого бы позвать на помощь. Где же Цирон? Где Брут, Марк Антоний, Октавиан? Светоний ткнул кинжалом, оставив у диктатора на плече кровавую полосу, и Юлий зарычал. Кимвра оттолкнули другие заговорщики; Юлий боролся изо всех сил и звал на помощь. Он только мычал от боли, когда в его тело погружали клинок и тут же выдергивали, чтобы снова вонзить.

В сутолоке один из нападавших упал прямо на Юлия и загородил собой от остальных. Юлий смог на секунду приподняться и рукой пытался отразить кинжал, направленный ему в горло. Кинжал рассек руку, и Юлий закричал, падая на скамью, увлекаемый своими рычащими убийцами.

Повсюду была кровь, она запятнала белые тоги и забрызгала лица сенаторов. Юлий вспомнил о сыне и с ужасом думал о том, какая его ждет участь. Продолжая бороться, он оттолкнул одного из убийц. В Юлия вонзилось несколько кинжалов, заставив судорожно дернуться. Диктатор не переставал звать на помощь, зная, что сможет выжить, несмотря на все раны. Если бы его услышал Октавиан, он разогнал бы этих суесящихся и визжащих от ярости шакалов.

Двое держали диктатора за скользкие от крови плечи. Вместе с горячей соленой жидкостью, вытекавшей из уголка рта, Юлия покидали последние силы. В отчаянии он смотрел на склонившиеся над ним лица, чувствуя дыхание своих убийц.

– Подождите! – крикнул кто-то.

Окровавленные руки толкнули Юлия на спину, и он с умирающей надеждой пытался разглядеть того, кто остановил заговорщиков.

По центральному проходу театра, скрестив за спиной руки, шел Брут. Юлий, который едва не поверил в свое спасение, увидел, что его старый друг тоже достает кинжал, и бессильно обмяк. Из ран струилась кровь; зрение обострилось, словно все чувства боролись за жизнь. Юлия отпустили, но он уже не мог ни драться, ни просто двигаться.

– И ты, Брут?.. – спросил он.

Брут приблизился к скамье и поднес кинжал к лицу Юлия. В его глазах была великая печаль и одновременно удовлетворение – Юлий не мог этого вынести.

– Да, – сказал Брут.

– Тогда убейте меня побыстрее. Теперь я сам не хочу жить, – произнес Юлий, переходя на шепот.

Заговорщики отступили назад, в ужасе глядя на пролитую ими кровь. Юлий не смотрел на них. Не отводя глаз от Брута, диктатор взял край своей тоги и потянул кверху. Брут молча наблюдал. Не удостаивая больше никого взглядом, Юлий прикрыл голову краем тоги и спрятал под одеждой дрожащие руки. Потом сел неподвижно и стал ждать смерти.

Оскалив зубы, Брут вонзил в тогу кинжал, стараясь попасть в сердце. Другие тоже бросились колоть жертву своими клинками; они наносили в недвижимую фигуру удар за ударом, пока мертвое тело не свалилось на бок.

Казалось, весь мир замер: тишину нарушало только хриплое дыхание убийц. Брут обвел глазами гулкое здание театра. Остальные заговорщики не могли отвести взгляд от лежащего между скамьями окровавленного тела. Темная кровь забрызгала им лица и руки; красные капли висели даже на волосах.

– Наконец-то мертв, – пробормотал Светоний. Все его неистовство куда-то улетучилось, и он дрожал от упадка сил. – Что теперь?

И люди, которые выполнили свой замысел, выжидающе смотрели на Брута.

– Теперь мы уйдем, – сказал Брут. Голос у него дрогнул. – Мы уйдем. Мы отправимся в сенат и расскажем всем, что мы сделали. Мы избавили Рим от тирана, и нам нечего стыдиться.

Светоний пытался оттереть клинок, но Брут жестом остановил:

– Не нужно. Его кровь – знак отличия для тех, у кого хватило смелости восстать против тирана. Мы спасли республику. Пусть это видят все. Теперь, когда его нет, Рим начнет исцеляться.

Брут взглянул на тело человека, которого знал и любил всю жизнь, и глаза у него заблестели.

– Похороним его с почестями. – Он сказал это очень тихо, и почти никто не слышал.

Те, кто стоял ближе к дверям, начали выходить, и Брут последовал за ними. Вышли и остальные, оглядываясь почему-то на сцену, словно хотели убедиться, что это не представление.

Окровавленные, шли они по древним улицам Рима, и шли с гордостью.

Историческая справка

Гай Юлий Цезарь известен отнюдь не только как талантливый полководец. Действительно, лишь несколько военачальников могут сравниться с ним стратегическим дарованием и умением вести за собой людей, но это всего одна сторона легендарной личности. Республиканский Рим мог превратиться в империю и без участия Цезаря, а мог и просто рухнуть. Даже рядом с самыми великими личностями Юлий смог стать выдающимся человеком, окончательно сокрушив Помпея в битве при Фарсале. Его жизнь – мост между двумя историческими эпохами, катализатор империи.

В течение всей карьеры Цезарь демонстрировал отличное понимание политических процессов и власти, а также умение обращаться с людьми. Не стану утверждать, что именно он изобрел искусство пропаганды, но Цезарь, несомненно, один из первых и величайших его мастеров.

Расшатать авторитет Помпея, проявляя снисходительность и великодушие, – тщательно продуманный прием. В одном из писем Юлий писал: «Пусть это будет новый способ побеждать – укрепляться состраданием и великодушием».

Помпей был не в состоянии понять такую политику, хотя Цицерон частично ее разгадал. Сенатор называл ее «коварной мягкостью» и говорил о Цезаре, что «от какого бы он зла ни удержался, это будет так же приятно, как если бы он помешал совершить это другому».

Помпей проиграл с самого начала – когда потребовал, чтобы галльский военачальник вернулся в Рим один, без своих легионов. Цезарь провел на Рубиконе целую ночь, пытаясь решить: стоит ли его благополучие тех бедствий, которые принесет гражданская война? Со свойственной ему самоуверенностью он ответил на этот вопрос утвердительно и начал молниеносный поход на юг. Цезарь передвигался очень быстро, и Помпей был захвачен врасплох. Диктатор не сумел защитить Рим и в спешке даже позабыл вывезти казну. Впрочем, это не имело значения – огромные суммы, привезенные Цезарем из Галлии, обесценили римский ауреус на целых тридцать процентов.

Случай во время праздника Доброй Богини действительно имел место – так, как описано в книге, включая и переодевание Публия в женское платье. Суд не признал Публия виновным в прелюбодеянии, но Цезарь все же развелся с женой, заявив, что «супруги Цезаря не должно касаться даже подозрение». Юлий жаждал иметь законного наследника и считал недопустимыми любые сомнения в происхождении своих детей.

По соображениям объема произведения и развития сюжета я опустил описание сражений в Испании и Африке, во время которых Юлий и его полководцы разгромили верные Помпею легионы. Когда Цезарь собрался отправиться в Грецию на поиски Помпея, управление Италией он передал Марку Антонию, и в результате Марк Брут совершил первое предательство, перейдя на сторону диктатора. Юлий тогда отдал приказ по возможности не убивать Брута, и это, на мой взгляд, один из самых удивительных эпизодов в истории. Прощение подобного предательства лучше, чем что-либо другое, показывает нам величие Цезаря.

Юлий высадился в Орике, на западном побережье Греции. Я не описывал его возвращение в Италию – Юлию понадобилось собрать там дополнительные силы – на небольшом судне. Лодка попала в бурю, и, согласно легенде, Цезарь сказал матросам: «Вы везете Цезаря и его удачу». Он непоколебимо верил в свою судьбу и пронес эту веру через всю жизнь. Ему удалось отобрать у Помпея Диррахий после изнурительного ночного похода.

Центурион Децим – фигура вымышленная, но один из офицеров Цезаря, попав в плен, покончил с собой, говоря, что привык давать пощаду, а не получать. Невероятное пренебрежение к смерти!

Еще одно отступление: во время гражданской войны жена Цицерона Теренция на самом деле оставалась в Риме.

Поражение Помпея в какой-то степени результат его болезни, о которой до нас дошли свидетельства, а также результат того, что бороться ему пришлось с римским полководцем, превосходившим любого другого военачальника. Кроме того, присутствие сената могло мешать ему гораздо больше, чем принято думать. Так или иначе, Помпей имел в два раза больше пехоты, чем Цезарь, и в четыре раза больше конницы. У него не было необходимости строить укрепления и вести оборонительную войну.

Однажды, впрочем, Помпей одержал победу. Цезарь сделал попытку окружить армию неприятеля. С одного фланга его атаку отбили и обратили когорты в бегство. Цезарь схватил знамя и пытался остановить солдат, но они пробегали мимо, оставляя своего полководца на поле боя. Помпей не сомневался, что это ловушка, и не стал преследовать бегущих. Что и дало Юлию повод сказать: «Сегодня победа осталась бы за противниками, если бы у них было кому побеждать». При отступлении Цезарь потерял 960 человек. Те, кто попал в плен, были казнены Лабиеном. Помпей упустил отличный шанс победить. Сенаторы весьма отрицательно относились к его пассивности. Они ждали, чтобы он поскорее покончил с врагом, и требовали решительных действий. Диктатор в конечном итоге уступил.

В битве при Фарсале под командованием Помпея действовали войска из Испании, Галлии, Германии, Сирии и Македонии, а также римские легионеры. По утверждению Цезаря, Помпей имел семь тысяч конницы, но это, вероятно, преувеличение.

Вполне достоверен тот факт, что Помпей придерживал свой фронт, однако в разных источниках говорится о разных причинах. Думаю, такое поведение вызвано низким боевым духом его солдат, чего он не мог не заметить. Подобное решение – беспрецедентное по своей неудачности для выдающегося полководца, который разгромил Спартака и за сорок дней очистил Средиземное море от пиратов. Нам не дано узнать ход рассуждений Помпея. Его личные записи Юлий сжег после битвы при Фарсале, не читая.

Основные события сражения я описал так, как они нам известны. Помпей послал конницу атаковать правый фланг Цезаря. Конникам потребовалось некоторое время, чтобы перестроиться, и меньшие силы Цезаря развернулись и атаковали их; бегущая конница Помпея внесла смятение в ряды своих же воинов. Затем налетели экстраординарии Цезаря и смяли лучников Помпея и атаковали неприятеля с фланга и тыла. Войска диктатора побежали.

Казалось, Цезарь неминуемо проиграет сражение. Все преимущества – на стороне Помпея, но почему-то его солдаты дрогнули перед ветеранами. Юлий, следует помнить, был законно избранным консулом, который успел продемонстрировать небывалое великодушие. События у Корфиния – не единственный пример того, как Юлий простил тех, кто сражался на вражеской стороне. Он

направил большие усилия на то, чтобы подорвать дух противника, и, похоже, это ему удалось. Думаю, победа при Фарсале – в не меньшей степени результат успешной пропаганды и проницательности, чем воинского искусства.

В порту Александрии Цезарю вручили сосуд с головой Помпея. Египтяне не хотели, чтобы римляне развязали войну на их землях. Правда, попытка помешать этому не удалась. Юлий, как утверждают историки, оплакивал смерть Помпея, но о причинах мы можем только догадываться.

Александрии, в том виде, в каком она предстала перед Цезарем, ныне не существует. Уже нет Фаросского маяка – одного из семи древних чудес света. Большинство упоминаемых в книге зданий скрыты под водой. Археологи продолжают находить статуи, изображающие Клеопатру и Птолемея Цезариона – ее с Цезарем сына.

Наверное, нет ничего удивительного в том, что римский консул, большую часть сознательной жизни проведенный в походах, позабыл обо всем, повстречав Клеопатру, которой был тогда двадцать один год. История о том, как слуга-грек доставил Клеопатру к Цезарю, достоверна, правда, согласно отдельным источникам, ее несли не в ковре, а в большом мешке.

Клеопатра в самом деле принадлежала к династии Птолемеев, одного из полководцев Александра Великого. Она говорила на пяти языках и первая в своем роду знала египетский. В те времена в Александрии смешались многие культуры, там можно было увидеть греческие дворцы с колоннадами, египетские статуи прямо на улицах, как, например, на Канопской дороге.

Евнуха, игравшего столь важную роль при дворе Птолемея, в действительности звали Пофин. Я назвал его Панек, поскольку имя Пофин созвучно имени, которое мне нравилось больше, – другого персонажа, Порфириса. К тому же Панек означает «змея», что очень символично.

Цезарь вернул египтянам Кипр – это входило в договор, подписанный после пленения фараона. Сцена, когда юный Птолемей плачет, не желая покидать осажденный дворец, – правда. Правда также и то, что, вернувшись к своему войску и облачившись в царское одеяние, тринадцатилетний мальчик приказал немедленно начать наступление. Птолемей погиб в борьбе за власть над Египтом.

Настоящее местонахождение тела Александра Великого неизвестно, но во времена Цезаря оно покоилось в стеклянном гробу, как описано в книге. Поскольку Александр считался богом и царем, после смерти его тело набальзамировали и обернули золотой фольгой.

Я лишь вскользь упомянул о женитьбе Цезаря на Кальпурнии в 59 г. до н. э. Клеопатра тоже состояла в браке – с другим младшим братом, – когда прибыла в Рим. Оба союза несомненно были чисто формальными и не имели отношения к подлинным чувствам.

Цезарь не встречался с сыном сирийского царя. Речь идет о том самом Ироде, который впоследствии приказал умертвить первенца в каждом семействе, чтобы не исполнилось пророчество, связанное с рождением Христа.

Известную фразу «Veni, vidi, vici» – «Пришел, увидел, победил» – Юлий произнес после четырехчасового сражения против сына Митридата в Греции. Оно ничем не примечательно и о нем давно забыли бы, если бы не знаменитое изречение.

Марк Антоний три раза пытался возложить на голову Цезаря диадему, но не во время Египетского триумфа, а на празднике Луперкалий, в феврале. По словам историков, Цезарь в конце концов рассердился – причиной тому могла быть неодобрительная реакция зрителей.

Однако и без короны Цезарю доставались от сената неслыханные почести. «Пожизненный диктатор», «Император», «Отец отечества» – помимо присвоения Юлию этих титулов, его возвели в ранг божества. В честь Цезаря воздвигли статую с надписью «Непобедимому богу». Ему также даровали право носить регалии царей древности.

Трудно сказать, в чем причины такого стремления возвысить Цезаря. Вероятно, люди вроде Цицерона рассчитывали, что Юлий зайдет слишком далеко и тогда любящие горожане от него отвернутся. Кроме того, только вознося Цезарю непрерывную хвалу, сенат мог оставаться ему полезным. Кассий, утверждая некоторые, вовлекая Брута в заговор, сообщил ему о намерениях сената объявить Юлия царем. Возможно, так оно и было.

Убийство Цезаря произошло в иды (пятнадцатый день) марта 44 г. до н. э. Сенат собрался в театре Помпея, но неизвестно в точности, сколько присутствовало человек. После долгих размышлений я решил не упоминать в книге факт, что Юлий получил записку с

предупреждением о заговоре. Вручивший ее человек раньше служил Бруту, и за предупреждением вполне мог стоять сам Брут, бывший, как и Цезарь, весьма непростым человеком. Записку Цезарь так и не читал, и я счел эту подробность несущественной.

Туллий Кимвр держал Цезаря, а Каска нанес первый удар. Всего Цезарь получил двадцать три удара, из которых смертельным оказался один, – убийцы действовали беспорядочно. Цезарь сопротивлялся, но, увидев среди убийц Брута, он прикрыл голову краем тоги и сидел неподвижно, пока с ним не расправились окончательно. О подобном мужестве нельзя не упомянуть.

За ночь до страшного события Цезарь, по словам очевидцев, говорил, что предпочитает быструю смерть долгой мучительной болезни или немощи. Скорее всего, Юлий просто имел в виду свою эпилепсию – мог ли человек, собирающийся идти завоевывать Парфию, всерьез думать о скорой смерти? И был ли он готов умереть без всякой борьбы, когда у него наконец-то появился долгожданный наследник? По словам Светония, Цезарю исполнилось пятьдесят пять лет, хотя точный его возраст нам неизвестен, так как неизвестна дата рождения Юлия.

В своем завещании Юлий назначил наследником Октавиана, и умерщвление Октавианом малолетнего Птолемея Цезариона – одно из самых трагических событий. Когда Цезаря убили, Клеопатра поспешила вернуться в Египет, но это не помогло ни ей, ни ее сыну. Наверное, и вправду те, кто наделен властью, не могут позволить будущим врагам остаться в живых, но все равно подобный поступок – большая жестокость.

Истории известно множество людей, прорывавшихся к вершинам власти – только для того, чтобы после их смерти созданные ими державы тут же распались. Цезарь прошел такой путь, какого больше никто не проходил. Пользуясь своей властью, он ввел новый календарь, дал римское гражданство всем лекарям и учителям, расселил восемьдесят тысяч беднейших граждан на новых землях в колониях. Он выдал каждому римлянину по триста сестерциев, раздавал им зерно и оливковое масло. Юлий отличался щедростью к своим легионерам – например, центурионы получили по десять тысяч серебряных монет. Его триумфы не знали равных – особенно впечатляет огромная запруда, устроенная на Марсовом поле для

жестокого «морского сражения». На пирах у него бывало по несколько тысяч гостей. Возможно, самой большой удачей Цезаря было то, что его преемником стал Октавиан, взявший в честь Юлия имя Гай Юлий Цезарь, – называться Августом он стал позже. Именно крепкая рука Октавиана смогла создать империю, которая существовала дольше, чем какая-либо другая. Август стал первым императором, но трон для него приготовил Юлий Цезарь.

Мне никогда не верилось, что Брут принял участие в заговоре против Цезаря, желая восстановить республику. Разумеется, он объяснял свой поступок именно так и впоследствии чеканил монеты с надписью «Иды марта». Думаю, сыграли роль и отношения Цезаря с Сервилией, и рождение у него наследника.

Сервилия пережила не только Юлия, но и Брута, и после сражения у Филипп ей привезли прах ее сына.

Еще одно отступление от исторических событий связано с мотивами Брута. Дочь Цезаря, Юлия, была вначале обещана в жены Бруту, и такой союз ввел бы его в верхушку римского общества. Однако, будучи человеком прагматичным, Юлий расторг помолвку и выдал дочь за Помпея. Вот вполне естественная причина для вражды, но гораздо важнее их личные отношения, омраченные постоянной завистью со стороны Брута.

Когда Юлий простил ему предательство, это оказалось последней каплей. Думаю, такого Брут просто не смог вынести.

В заключение хочу сказать: я назвал серию «Император», потому что хотел показать, как эпоха людей, подобных Марию, Катону, Сулле и Юлию, вылилась позже в империю. Титул императора присваивали самым лучшим полководцам. Хотя Юлия не короновали, именно он принес в мир империю, какой мы ее понимаем.

В последующие годы я, быть может, напишу о том, что происходило после убийства. Ни один из тех, кто в тот день замарал руки кровью Цезаря, не умер своей смертью. Эта история не менее замечательна, чем прочие, но время рассказать ее еще не настало.

Конн Иггульден

Благодарности

Этим книгам посвятили свои силы и время многие люди. Не могу перечислить всех, но хотелось бы отдельно поблагодарить за тяжкий труд Фиону и Ингрид. Спасибо также тем, кто писал мне письма. Меня тронули ваши отклики на мои книги. Наконец, хочу упомянуть Узкий Круг Лиц и еще – Дженис из Глазго, благодаря которой я целый вечер улыбался.

Перевод Е. Савосиной

notes

Примечания

По мнению некоторых исследователей, древние римляне носили нечто среднее между носками и гетрами, чтобы обувь не натирала ноги. – *Примеч. перев.*

2

То есть горизонтально, на уровне плеч, острием в сторону противника.

Ворон – абордажный трап с острым крюком, похожим на клюв ворона, на конце. Устанавливался на носу корабля в вертикальном положении и привязывался к мачте. При приближении к вражескому судну его отвязывали, он падал и впивался крюком в палубу вражеского корабля.

4

Наголенники, или поножи, иногда надевались только на одну ногу – ту, которую не закрывал щит.

Латрункули – игра, напоминающая шашки.